

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1901.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 г.

ИЛЛ. К. БРОУЭ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СЫВ., 12 ДЕКАБРЯ 1900. Г.

ТИШ. ГОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“. Б. ПОДЪЯЧ, 39

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1901.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1901.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

ЯНВАРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Руссий философъ Д. М. Велланскій. Акад. К. С. Веселовскаго.	6—19	XIII. Меттернихъ и его внѣшняя политика. А. П. Рѣдкина.	217—236
II. Опекань надъ произведеніями Пушкина. В. А. Бильбасова.	21—25	XIV. Судьба Θεодосія, архіепископа новгородскаго. Н. И. Соловьева.	237—243
III. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.). Н. К. Шилдера.	27—46	XV. Изъ писемъ И. И. Теребенева къ А. Х. Востонову. Сообщ. В. И. Срезневскій.	245—256
IV. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Перев. В. В. Тимошукъ.	47—77	XVI. Записная книжка „Русской Старини“: Взглядъ имп. Николая I на отпускъ государствен. средствъ на образование. Сообщ. проф. Д. М. Двѣтаевъ (стр. 20).—Зависка велик. кн. Константина Павловича—ген.-майору Потапову о раскольникахъ и сумскихъ гусарахъ. 4-го янв. 1815 г. (26).—Высочайшее повелѣніе министру финансовъ о невзысканіи съ гр. Милорадовича процентовъ и пенн. 8-го июля 1820 г. (78).—Журналъ комитета министровъ о гербѣ ген.-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. 16-го января 1817 г. (102).—Наводненіе въ Тобольскѣ въ 1784 г. (132).—Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной. Сообщ. С. В. Якимова (146).—Къ біографіи В. Н. Каразина. Собственноручное прошеніе статск. совѣтн. Василія Каразина въ Сиб. цензуру. 29-го окт. 1819 г. (244).	
V. М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь. (1832—1852 гг.). А. И. Кирпичникова.	79—96	XVII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ. (Матеріалы для его біографіи). Сообщ. Н. Д.	97—101		
VII. Записки генерала В. И. Левенштерна.	103—128		
VIII. Мало извѣстное изданіе на русск. языкѣ 1782 г. Привѣтствіе въ Пармѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Θεодоровны. Ив. Щукина.	129—131		
IX. Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг. Ив. Кубасова.	133—145		
X. Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 годахъ. М. Н. Галкина-Враскаго.	147—196		
XI. Изъ смутнаго времени. (Мало или вовсе неизвѣстные источники) П. Пирлинга.	197—208		
XII. Владиміръ Алексѣевъ Корниловъ. (Переписка его съ О. П. и А. А. Корниловыми). Сообщ. И. П. Корниловъ.	209—216		
- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Владиміра Ивановича Левенштерна. Грав. П. И. Хелмицкій.
2) Факсимиле Александра Ефимовича Измайлова. Грав. П. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.

1901.

1-я книжка „Русской Старини“ вышла 1-го января 1901 г.

Библиотека „Руниверс“

Библиографическій листокъ.

Труды Я. К. Грота. Ш. Очерки изъ истории русской литературы. (1848 — 1893). Биографіи, характеристики и критико - библиографическія замѣтки. Изданы подъ редакціею проф. К. Я. Грота. Спб. 1901.

Въ третій томъ „Трудовъ Я. К. Грота“ вошли извлеченные изъ журналовъ и академическихъ изданій изслѣдованія, очерки и замѣтки его по истории русской литературы, за исключеніемъ самыхъ большихъ и капитальныхъ работъ его въ этой области—по изданію и объясненію Державина, составляющихъ совершенно особое цѣлое.

Такимъ образомъ въ этомъ томѣ читатель найдетъ статьи покойнаго академика о Ломоносовѣ, Фонвизинѣ, Хемницерѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ, Плетневѣ, кн. П. А. Вяземскомъ, Востоковѣ, Д. Н. Блаудовѣ, Козловѣ, Вѣлискомъ, Гоголѣ, Никитинѣ, Далѣ, Пекарскомъ, И. И. Срезневскомъ, Самборскомъ и др.

Кромѣ того, проф. К. Я. Гротъ помѣстилъ здѣсь и статьи своего отца объ Академіи Наукъ и Второмъ ея отдѣленіи, въ виду той тѣсной и живой связи, какая существовала между Академіею Наукъ, ея жизнью и исторіею и судьбами русскаго просвѣщенія и русской литературы.

Особый большой отдѣлъ, съ отдѣльной пагинаціею, составляютъ статьи покойнаго Я. К. Грота объ А. С. Пушкинѣ, которыя онъ, еще при жизни, объединилъ подъ заглавіемъ: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“.

Уже по этому перечню можно судить, насколько богатъ содержаніемъ третій томъ „Трудовъ Я. К. Грота“, въ которомъ всякій интересующійся исторіею русской литературы найдетъ множество въ высшей степени цѣнныхъ указаній по данному вопросу.

Можно смѣло сказать, что и третій томъ, подобно двумъ первымъ, будетъ имѣть самое широкое распространеніе среди интересующихся судьбами нашей литературы.

Н. И-ш-ъ.

Открытие Китая и другія статьи академика В. П. Васильева. Съ портретомъ автора. Изданіе журнала „Вѣстникъ всемірной исторіи“. Спб., 1900 г.

„Китайскій вопросъ неожиданно выдвинулся на очередь и, облекшись въ плоть и кровь,

волнуется не однихъ присяжныхъ дипломатовъ, но даже и людей, ничего общаго съ виѣшней политикою не имѣющихъ“, говорится въ предисловіи къ разсматриваемому нами сборнику.

Громадный спросъ на „китайскую“ литературу удовлетворится либо скудными запасами залежавшагося въ книжныхъ складахъ матеріала, либо откровенно смѣлыми статьями нашихъ экзотическихъ публицистовъ, рисующихъ заманчивую „картину нашего кореннаго единства и послѣдовательнаго слиянія съ Востокомъ“ и произвольно предрѣшающихъ исторію желтой расы, ея будущность и ту роль, которая ей готовится въ общемъ ходѣ чело-вѣческой культуры. Эти попытки двинуть насъ въ Азію на поиски истинныхъ, отъ вѣка уготованныхъ задачъ, эти тенденціозныя, насильственные параллели русскаго съ китайскимъ вносятъ еще болѣшую путаницу въ безъ того неясныя представленія наши о восточныхъ дѣлахъ.

Дѣйствительно, мы такъ мало знакомы съ тѣмъ народомъ, который внезапно сталъ центромъ общаго вниманія, съ его вѣрованіями, государственнымъ строемъ, съ его духомъ, стремленіями и завѣтами, что внутренній смыслъ совершающихся на нашихъ глазахъ событій, затемняемый къ тому же ложными тенденціями, окончательно ускользаетъ отъ читателя, и онъ по-прежнему не знаетъ ничего или очень мало о Китаѣ и по-прежнему повторяетъ съ чужаго голоса общія мѣста о китайской отсталости, схоластикѣ и варварствѣ, и безъ руководящихъ указаній не можетъ разобраться въ перипетіяхъ смуты, царящей на Дальнемъ Востокаѣ.

Спеціально по Китаю мы не богаты популярными трудами, отвѣчающими всѣмъ запросамъ современнаго читателя, но среди тѣхъ, которые имѣются на лицо,—работы покойнаго академика В. П. Васильева, извѣстнаго синолога, вошедшія въ разсматриваемый нами сборникъ, занимають, безусловно, первенствующее мѣсто.

Въ разсматриваемую нами книгу вошли слѣдующія статьи В. П. Васильева: Открытіе Китая. Воспоминанія о Китаѣ, Русско-китайскіе трактаты, Магометанство въ Китаѣ и Китайскій прогрессъ; имъ предпослана статья „Памяти Василія Павловича Васильева“, въ которой сообщаются свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности, съ подробнымъ перечисленіемъ его трудовъ. Статьи эти въ разное время, отъ 1859 по 1883 г., были уже напечатаны въ

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВЕНШТЕРНЪ.
1777—1858.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редація «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редація не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

И С Т О Р І Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ф. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна **9** рублей. Съ требованіями обращаться въ Товарищество

«**Общественная Польза**», Большая Подъяческая, № 39.

Пересылка по стоимости.

Русскій философъ Д. М. Велланекій.

Замѣчательнымъ явленіемъ въ умственной жизни Германіи, въ концѣ XVIII столѣтія, было необыкновенное увлеченіе Шеллингомъ и его натуръ-философіей, которая, благодаря вліянію Гете, получила тогда распространеніе почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ и въ печати, и несмотря на оппозицію со стороны неувлекавшихся ею мыслителей, удерживала свое господство въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Германіи въ теченіе почти четверти столѣтія. Въ эту именно пору судьба привела сюда одного очень даровитаго русскаго человѣка, жаждавшаго напиться у обильнаго источника современной науки, но пришедшаго, къ сожалѣнію, безъ предварительнаго приготовленія къ тому серьезнымъ ученіемъ, которое могло бы предохранить его отъ увлеченія призрачными видѣніями. Я говорю о русскомъ натуръ-философѣ Даниилѣ Михайловичѣ Велланскомъ. Природная даровитость этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка доказывается всею его жизнью, такъ симпатично очерченною въ воспоминаніяхъ его друга, Николая Розанова ¹⁾.

Родомъ малороссъ, сынъ бѣднаго борзенскаго ремесленника, кожевника Михаила Ковунника,—Данило Ковунникъ, прославившійся въ послѣдствіи подъ именемъ Велланскаго, рано познакомился съ нуждой ²⁾. Преждевременная смерть его отца оставила его еще въ нѣжномъ

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1867 г., ноябрь, стр. 99—137.

²⁾ Онъ родился 11-го декабря 1774 года, какъ свидѣтельствуетъ г. Розановъ, на основаніи собственноручной, видѣнной имъ, записки самого Велланскаго.

отроческомъ возрастѣ на попеченіи матери, бѣдной женщины, скудно содержавшей себя и своихъ дѣтей тѣмъ, что пекла бублики и продавала на базарѣ. Данило чувствовалъ всю тягость жизни матери и искалъ средствъ какъ бы самому зарабатывать что-нибудь и помогать семейству. Научившись кое-какъ грамотѣ у дьячка, онъ попытался получить мѣсто фельдшера при борзненскомъ уѣздномъ лѣкарѣ, но къ своему крайнему огорченію узналъ, что для этой должности требуется знаніе латыни, для того, чтобы разбирать рецепты. Добрый лѣкарь сжалился надъ бѣднымъ мальчикомъ и помогъ ему въ этомъ случаѣ,—по его рекомендаціи онъ получилъ возможность учиться латинскому языку у студента, занимавшагося обученіемъ дѣтей у сосѣдняго помѣщика. Не долге, какъ черезъ годъ, Данило явился къ лѣкарю съ прошеніемъ на латинскомъ языкѣ—о принятіи его фельдшеромъ. Такая быстрота успѣховъ возбудила подозрѣніе врача, но когда Данило доказалъ ему, что самъ сочинилъ и написалъ прошеніе, то Костенецкій, такъ звали врача, видя въ этомъ знакъ особой даровитости хлопца, сказалъ ему, что онъ со временемъ можетъ быть и лучше фельдшера, и посоветовалъ ему ѣхать учиться въ Кіевской Духовной Академіи. Советъ понравился. Добравшись кое-какъ до Кіева, Ковунникъ на пятнадцатомъ году поступилъ въ Академію и жадно усвоилъ себѣ все, что удовлетворяло его любознательность въ лекціяхъ профессоровъ и въ чтеніи книгъ, которыхъ онъ къ восемнадцати годамъ своей жизни успѣлъ перечитать всѣ, какія только можно было тогда имѣть въ Академіи. Ученіе просвѣтило его мысли, и прозвище «Ковунникъ», служившее предметомъ насмѣшекъ его товарищей, уже было ему не по нраву, такъ что онъ собственною властію вмѣсто него принялъ вымышленную фамилію Велланскаго. Отнынѣ это новый человекъ—*homo novus*; къ нему вдвойнѣ приложимо сохраненное историками изреченіе Тиверія объ одномъ римскомъ консулѣ, скрывавшемъ свое плебейское происхождение: «*Curtius Rufus videtur mihi ex se natus*» ¹⁾).

Жажда любознательности, разъ пробудившаяся, повела Велланскаго и далѣе. Когда въ послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II, по требованію правительства, отправлялись въ Петербургъ изъ Кіевской Духовной Академіи пять лучшихъ, кончившихъ въ ней курсъ академистовъ для послышки за границу, съ цѣлью изученія медицины, то въ числѣ ихъ, по собственному желанію, былъ отправленъ Велланскій. По вступленіи на престолъ императора Павла I, послышка за границу была отложена, и Велланскій поступилъ въ 1796 г. въ Медицинскую школу при второмъ сухопутномъ госпиталѣ, которая потомъ была преобразована въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію.

¹⁾ Tac. Ann. XI, 21. — «Курцій Руфъ мнѣ кажется самъ себя родилъ».

Здѣсь онъ получилъ степень кандидата хирургіи въ 1801 г. и оставленъ репетиторомъ патологии при Академіи, а въ 1802 г. назначенъ лѣкаремъ и наконецъ отправленъ за границу. Въ чужихъ краяхъ онъ, по обязанности, занимался медицинскими и естественными науками, но подъ вліяніемъ направленія, какое приняли его мысли въ Кіевской Академіи, съ особою любовью предался философіи. Шеллингъ, стоявшій въ то время въ апогеѣ своей славы и увлекавшій нѣмцевъ своею системою н а т у р ѣ - ф и л о с о ф і и, всецѣло завладѣлъ умомъ Велланскаго, онъ его совершенно загипнотизировалъ: на всю вселенную, на всѣ явленія природы Велланскій сталъ смотрѣть сквозь призму шеллингизма. До чего дошло его заповлненіе идеями нѣмецкаго философа, видно изъ первой же книги, изданной имъ въ 1805 г., тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы: «Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ»; въ ней онъ, негодуя на непризнающихъ новой философіи, слѣдующимъ образомъ громить ихъ: «Уже довольно протекло времени, какъ Шеллингово огненное перо начало жечь бранныя селенія дряхлой учености, и въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара. Прибѣгающіе сюда иноплеменники, съ обгорѣлыми остатками своихъ пожитковъ, стараются, какъ можно, утвердить здѣсь свою безопасность. Они разсѣиваютъ нелѣпые слухи о новой счастливой реформѣ, и принятые для просвѣщенія, проповѣдуютъ блаженное незнаніе».

Какъ увлеченіе Шеллингомъ отразилось на занятіяхъ Велланскаго за границею по изученію медицины и естественныхъ наукъ, такъ отразилось оно потомъ и на службѣ его въ Медицинской Академіи. По возвращеніи его въ 1805 году изъ чужихъ краевъ, ему надлежало занять въ Академіи каеэдру. «Онъ пожелалъ»,—сообщаетъ г. Розановъ,—получить для профессуры каеэдру философіи. Но такой каеэдры нѣтъ въ Академіи, и его назначили адъюнктомъ по каеэдрѣ ботаники и фармакологіи къ профессору Рудольфу ¹⁾. Написалъ онъ, какъ водится, докторскую диссертацию, по-латыни: «О реформѣ медицинской и физической теоріи». Диссертация напечатана, оглашена; назначено время диспута въ конференціи Академіи. Наступаетъ день, профессеры собираются, но возражать на диссертацию, никто не явился. Назначаютъ вторично срокъ для диспута, и онъ прошелъ, какъ первый; оспаривать диспутанта никто не выступалъ. Въ третій разъ назначенъ диспутъ, и тоже не нашлось желающихъ оппонировать! Конференція представила обо всемъ этомъ начальству. Велланскій отъ себя вошелъ

¹⁾ Рудольфъ (Иоганнъ-Фридрихъ) былъ съ 15-го февраля 1804 г. ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по ботаникѣ и умеръ 19-го августа 1809 г.

съ прошеніемъ, ходатайствуя о предоставленіи ему каедръ въ Академіи. Такъ какъ диссертация прошла безъ возраженій, то конференція получила разрѣшеніе допустить Велланскаго къ чтенію лекцій и вмѣстѣ съ тѣмъ ему дана (1807 г.) степень доктора медицины и хирургіи».

Послѣ такой курьезной, необыкновенной докторской промоціи, становятся понятны дальнѣйшія перипетіи въ ученой карьерѣ Велланскаго. Когда вскорѣ затѣмъ, въ 1809 г., умеръ профессоръ Рудольфъ, по каедрѣ котораго онъ былъ адъюнктомъ и слѣдовательно долженъ былъ бызанять его профессорское мѣсто, это мѣсто было предоставлено другому— Язону Васильевичу Петрову, бывшему дотолѣ адъюнктомъ анатоміи и фізіологіи, а Велланскій назначенъ адъюнктомъ къ профессору П. А. Загорскому, по каедрѣ анатоміи и фізіологіи, что очень огорчило Велланскаго, который анатоміи не любилъ и никогда ею практически не занимался, а фізіологію при Загорскомъ его обятали читать не по своему вкусу, а по учебнику вѣнскаго профессора Прохаска.

По свидѣтельству современниковъ лекціи Велланскаго производили на умы его молодыхъ слушателей сильное впечатлѣніе. Г. Розановъ, слушавшій его въ 1828 и 1829 годахъ, находилъ преподаваніе его особенно интереснымъ и увлекательнымъ. Профессоръ Я. А. Чистовичъ ¹⁾ говоритъ, что ученики «смотрѣли на лекціи Велланскаго, какъ на какое-то откровеніе, и восхищались ими до самозабвенія. Курсъ его былъ, можно сказать, непрерывнымъ экстазомъ, о которомъ бывшіе ученики его не могли вспомнить безъ восторга даже черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ изъ Академіи».

Въ этомъ случаѣ главную роль конечно играла самая личность лектора, который, по выраженію Розанова, былъ «весь огонь и пламень». Живая рѣчь, дѣйствующая всегда сильнѣе, чѣмъ чтеніе, соединилась у Велланскаго съ замѣчательнымъ даромъ слова и служила вдохновеннымъ выраженіемъ его глубокаго убѣжденія, его, можно сказать, горячѣй вѣры въ высокое значеніе шеллингова ученія о природѣ. Дѣйствіе такой рѣчи на умы молодые, еще не окрѣпшіе въ самостоятельномъ мышленіи, еще недостаточно вусившіе отъ древа положительной науки, понятно. Но совершенно иное дѣйствіе должно было оказывать ученіе Велланскаго на ученыхъ, посѣдѣлыхъ въ трудной работѣ выпытыванія тайнъ природы не путемъ метафизическихъ построеній, а терпѣливыхъ изслѣдованій, при помощи положительныхъ опытовъ и наблюденій. И Велланскій самъ подалъ поводъ такимъ ученымъ высказаться о его твореніяхъ, задумавъ сдѣлаться членомъ Академіи наукъ. Въ апрѣлѣ 1812 года, онъ, будучи экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи и

¹⁾ „Русская Старина“ 1876 г., февраль, стр. 295.

физиологiи въ Медико-Хирургической Академіи, подалъ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому прошеніе о назначеніи его экстраординарнымъ академикомъ Академіи наукъ по тѣмъ же предметамъ, съ оставленіемъ его при занимаемой имъ въ Медицинской Академіи должности, указывая при этомъ на то, что познанія его въ преподаваемыхъ имъ наукахъ доказываются между прочимъ изданнымъ имъ «біологическимъ изслѣдованіемъ природы въ творящемъ и творимомъ ея качествахъ» ¹⁾.

Здѣсь неизлишне пояснить, что это пришлось въ то время, въ которое Академія, съ 1810 по 1818 годъ, была безъ президента и находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія ²⁾.

Разумовскій сообщилъ прошеніе Велланскаго Академіи на обсужденіе, предложивъ ей придержаться при этомъ постановленій ея регламента.

На это конференція донесла министру 6-го мая того же года, что «въ силу § 72 регламента празднаго мѣста для экстраординарнаго академика никогда не бываетъ, такъ какъ эта средняя степень между адъюнктомъ и академикомъ установлена только какъ награда адъюнкту, заслужившему похвалу отъ Академіи и содѣлавшемуся достойнымъ этой степени по одобренію академикомъ; поэтому конференція въ число своихъ членовъ никогда не принимала ученыхъ съ званіемъ экстраординарнаго академика, но всегда предоставляла эту степень адъюнктамъ, отличившимся познаніями, ревностью, какимъ-нибудь полезнымъ открытіемъ или важною заслугою. Итакъ не можетъ она принять г. Велланскаго экстраординарнымъ академикомъ, но можетъ принять только адъюнктомъ по анатоміи и физиологiи, на имѣющееся въ Академіи праздное мѣсто по этой части. Но для надлежащаго занятія этого мѣста слѣдовало бы, на основаніи регламента, открыть конкурсъ, пригласивъ желающихъ получить его—представить въ Академію свои сочиненія, по разсмотрѣніи которыхъ она большинствомъ голосовъ рѣшить выборъ

¹⁾ Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествахъ, содержащее основныя начертанія общей физиологiи. Спб. 1812 г. 8°, стр. XVI, 464.

²⁾ А именно, бывшій послѣ барона Николаи, съ 1803 г. президентомъ графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, предложеніемъ 14-го января 1810 года объявилъ Академіи, что даннымъ Правительствующему Сенату 30-го декабря 1809 года именованнымъ высочайшимъ указомъ оный всемилощивѣйше уволенъ, по прошенію, отъ дѣлъ, и посему предложилъ Академіи отнынѣ относиться по дѣламъ прямо къ министру народнаго просвѣщенія, впредь до дальнѣйшаго отъ кого слѣдуетъ предписанія. Такой порядокъ существовалъ до назначенія въ 1818 г. президентомъ графа С. С. Уварова; точно также не было въ Академіи и вице-президента въ теченіе 27-лѣтъ, съ 1803 по 1830 годъ.

того изъ кандидатовъ, сочиненія котораго окажутся лучшими. Желавшіе получить это мѣсто могутъ прислать также и печатныя свои сочиненія; но Академія отъ г. Велланскаго, еслибы онъ пожелалъ занять мѣсто адъюнкта, лучше приняла бы какое-нибудь рукописное его сочиненіе, содержащее въ себѣ новыя наблюденія по практической анатоміи, нежели судить о немъ по упомянутому въ предложеніи г. министра сочиненію, которое слишкомъ наполнено новою, такъ называемою, натуральною философіею, заразившею нѣкоторые германскіе университеты, ко вреду основательнаго ученія и къ великому соблазну истинно ученыхъ».

Слѣдствіемъ такого отзыва Академіи было то, что къ концу того же года Велланскій выступилъ кандидатомъ для занятія мѣста адъюнкта по анатоміи и физиологіи, и представилъ для этого министру рукописную свою анатомико-физиологическую диссертацию о глазахъ и зрѣніи человѣческомъ.

Передавая ее 4-го октября 1812 г. на разсмотрѣніе конференціи Академіи, гр. Разумовскій предложилъ ей о послѣдствіи его увѣдомить.

Такъ какъ конференціи предстояло высказать, по требованію министра, свое сужденіе о трудѣ ученаго, уже имѣвшаго степень доктора медицины и хирургіи, бывшаго уже экстраординарнымъ профессоромъ Медицинской Академіи, то она сочла нужнымъ приложить къ этому дѣлу особенное вниманіе и разсмотрѣть диссертацию Велланскаго съ крайнею тщательностью, при участіи всѣхъ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ спеціальныя ихъ труды давали право быть въ этомъ случаѣ вполне компетентными судьями. Такимъ образомъ для разсмотрѣнія означенной диссертациі былъ составленъ, 7-го октября, комитетъ изъ академика по анатоміи и физиологіи Загорскаго, изъ академиковъ по естественной исторіи Озерецковскаго и Севастьянова, изъ академика по химіи Шерера и изъ академика по математикѣ Гурьева.

По прочтеніи рукописи Велланскаго, каждый изъ членовъ представилъ конференціи письменно свое болѣе или менѣе обширное донесеніе о диссертациі Велланскаго (за исключеніемъ Севастьянова, который въ то время былъ занятъ другою спѣшною работою). По выслушаніи и обсужденіи ихъ отзывовъ конференція представила гр. Разумовскому, 12-го декабря 1812 г., слѣдующее донесеніе:

«По разсмотрѣніи диссертациі доктора Велланскаго всѣми членами комитета, по сему предмету назначеннаго, исключая г. академика Севастьянова, который не могъ участвовать въ разсматриваніи оной по причинѣ, что былъ занятъ въ сіе время изданіемъ карманнаго календаря на 1813 годъ, конференція слушала донесенія четырехъ членовъ помянутаго комитета, и изъ существа оныхъ оказалось, что г. Велланскій, вмѣсто того, чтобы избрать предметомъ пробной своей диссертациі какое-

нибудь новое наблюденіе по практической анатоміи, какъ то академію именно опредѣлено было, представилъ диссертацию изъ умозрительной анатоміи, въ первой части коей содержится описаніе орудія зрѣнія, каковое находится во всѣхъ элементарныхъ книгахъ анатоміи, а во второй части, разсуждающей о дѣйствіи глаза, заключаются смѣлыя, ни мало недоказанныя предположенія объ электрическомъ процессѣ, которому онъ приписываетъ явленія, относящіяся къ зрѣнію, и самое это понятіе не есть собственное г-на Велланскаго, но взятое даже съ самымъ эпиграфомъ и ссылками, изъ сочиненія доктора Трокслера (*Präliminarien zur physiologischen Optik*), изданнаго еще въ 1804 году, но не принятаго въ теченіе столькихъ лѣтъ и понынѣ ни однимъ извѣстнымъ физиологомъ. Изъ вышеупомянутыхъ донесеній видно, что г. Велланскій, въ отношеніи слога и способа изъясненія, употреблялъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, языкъ новой философіи, то-есть то самое пустословіе, которымъ Шеллингъ и его послѣдователи старались обыкновенныя и прстонародныя понятія содѣлать оригинальными и глубокомысленными, а взгроможденію смѣлыхъ, несвязныхъ и часто ложныхъ предположеній придать видъ системы. Посему конференція заключаетъ: 1) Что касается образа сочиненія, г. Велланскій такъ напнтанъ Шеллинговою философіей, что не можетъ иначе писать, какъ по способу этого философическаго ученія, которое заставляетъ его иногда писать странныя нелѣпости; 2) Что его сочиненіе въ сущности не содержитъ ничего новаго относительно той матеріи, которая составляетъ главный его предметъ, да и то, что другіе о томъ же писали, расположено неудовлетворительнымъ образомъ. Итакъ конференція не можетъ принять г. Велланскаго на вакантное мѣсто адъюнкта по анатоміи и физиологіи, такъ какъ изъ сочиненій, писанныхъ подобно разсмотрѣнному ею, она не можетъ дѣлать никакого употребленія.

«Доныя объ этомъ вашему сіятельству, конференція имѣетъ честь приложить копию съ донесеній членовъ означеннаго комитета; диссертацию же г. Велланскаго положено хранить въ архивѣ, какъ документъ, служащій оправданіемъ сужденія о ней академіи».

Такая неудача, испытанная Велланскимъ въ 1812 году въ Академіи наукъ, не отбила однако у него охоты отдать себя опять на судъ той же Академіи.—Въ томъ самомъ 1831 году, въ которомъ онъ напечаталъ свою «Опытную наблюдательную и умозрительную физику»—какъ первую половину задуманной имъ «Энциклопедіи физическихъ познаній»,—были учреждены при Академіи знаменитыя Демидовскія награды. Это и подало ему мысль—попробовать снова счастья съ этой стороны, хотя и безъ увѣренности въ успѣхѣ. Сообщая другу своему Н. Розанову въ Москву 14-го января 1832 г., что онъ подалъ свое сочиненіе въ Академію наукъ для полученія преміи, учрежденной

за оригинальныя русскія сочиненія Демидовымъ, онъ прибавлялъ, что сомнѣвается, чтобы трудъ его былъ оцѣненъ по достоинству. «Хотя,— писалъ онъ,— члены Академіи всѣ почти вѣмцы, но ни одинъ не понимаетъ ни Шеллинга, ни Стефенса; а потому физика моя для нихъ не по вкусу».

Теперь Академія имѣла передъ собою многолѣтній трудъ человѣка, стоявшаго на верхнихъ ступеняхъ ученой іерархіи. Велланскій былъ въ это время уже докторомъ анатоміи и фізіологіи, и съ 1814 года былъ, за выслугу лѣтъ, ординарнымъ профессоромъ этихъ наукъ; поэтому она сочла своимъ долгомъ къ разсмотрѣнію представленнаго имъ конкурснаго сочиненія приложить всевозможное вниманіе и безпристрастіе. Это и выразилось въ назначеніи для его оцѣнки большой комиссіи, составленной изъ представителей всѣхъ наукъ, до которыхъ болѣе или менѣе оно относилось. Въ составъ комиссіи вошли академики: физикъ А. Я. Купферъ, астрономы В. К. Вишневскій и П. В. Тархановъ, и химики Г. Г. Гессъ и Я. Д. Захаровъ.

Въ засѣданіи конференціи 28-го марта 1832 г. были читаны два доклада: одинъ, подписанный четырьмя первыми названными академиками, и другой, въ видѣ особаго мнѣнія, послѣдненазваннымъ, Я. Д. Захаровымъ. Въ первомъ академики доносили конференціи слѣдующее:

«По словамъ автора, природа познается въ духѣ, а духъ образуется въ природѣ: и первая представляетъ видимую форму, а второй изъявляетъ невидимую сущность одного и того же начала міра, являющагося въ беспредѣльной своей возможности и деальнымъ духомъ, а въ опредѣлительной дѣйствительности — реальнымъ тѣломъ. Теорія физики, при столь ясномъ ея свѣтѣ, сіяющемъ уже болѣе 30 лѣтъ на горизонтѣ Германскаго ученаго свѣта, для большого числа занимающихся ею остается невидима! Однихъ она ослѣпляетъ своею яркостью, а другимъ кажется сверкающею только въ превыспренной, чуждой для нихъ сферѣ! весьма немногіе пользуются свѣтомъ нынѣшней натуральной філософіи превосходнѣйшихъ германцевъ; и обыкновенный кругъ физическихъ наукъ остается теперь въ такой же темнотѣ, въ какой находился за триста лѣтъ времени! Ученіе господствующей нынѣ физики въ теоретической ея части не токмо слабо и недостаточно, но и вовсе ничтожно!

«Посему авторъ предлагаетъ въ своей книгѣ опредѣлительное изложеніе неорганической природы, выведенное изъ такихъ основаній, которыя для поверхностной критики неприступны.—Книга имѣетъ четыре отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ содержатся теоретическія положенія о возможной сущности природы, служащія основаніемъ познанію дѣйствительныхъ ея формъ;—во второмъ—стихологія, излагающая основныя вещества или стихіи міра; въ третьемъ—космологія, по-

казывающая солнечную систему, основанную на тяжести, представляющей безпредѣльную сущность природы въ ограниченныхъ формахъ мірозданія, и въ четвертомъ—геологія, излагающая вещественныя качества и дѣятельныя свойства земной планеты.

«Слѣдующія краткія извлеченія изъ книги Велланскаго послужатъ къ очертанію господствующаго духа и употребленной методы.

«Отдѣленіе первое. Цѣлая вселенная, въ ограниченныхъ и преходящихъ видахъ, равна безпредѣльному и вѣчному ея началу, являющемуся оною въ полномъ знаменованіи своемъ (стр. 3).—Всѣ вещества и существа природы, по единственному началу ихъ бытія, суть одиноки и различаются только по способу образованія возможной идеи въ дѣйствительныя вещи. Кромѣ единственнаго, всесущественнаго зиждителя природы нѣтъ ничего по себѣ существующаго. Видимый міръ, будучи образованіемъ безпредѣльной его сущности въ опредѣленныхъ видахъ, имѣетъ только значеніе свое по образуемому имъ началу, которое, составляя возможность дѣйствительныхъ существъ, не ограничивается оными, и въ безпредѣльности своей содержится ко всему ограниченному и преходящему, какъ существенное къ ничтожному. Удивительный порядокъ, ненарушимая стройность и точная соответственность видимой цѣли въ мірозданіи показываютъ планъ зиждущей премудрости, который для человѣческаго ума долженъ быть явственъ и понятенъ; ибо созерцательный умъ есть совершенный обликъ творческой идеи, и составляетъ послѣднюю цѣль міротворенія, гдѣ зиждущая премудрость зрѣтъ себя въ образѣ своемъ (стр. 4).

«Ариѳметическій нуль, не имѣя по себѣ опредѣленнаго значенія, составляетъ начальное положеніе всѣхъ чиселъ, которыя не что иное суть, какъ извѣстные знаки нуля, представленнаго изъ его неопредѣлительности опредѣленною величиною, показываемою алгебраическимъ знакомъ $+$ $-$. Всякое число, означающее какую-либо величину, показываетъ собственно $+$ или $-$, кои для краткости токмо замѣняются цифрами, и представляютъ опредѣленнымъ образомъ нуль; ибо $+$ $-$ $=$ 0. Посему всѣ числа произошли отъ нуля, и суть только опредѣлительныя виды онаго. Нуль составляетъ идеальную сущность ариѳметики, которая занимается исчисленіемъ, умноженіемъ, раздѣленіемъ и уравненіемъ одного $+$ и $-$, означаемыхъ числами, какъ начертательными формами оной (стр. 6).

«Нуль въ собственномъ его значеніи есть вѣчность, а числа составляютъ время, знаменующее вѣчность безпрестаннымъ положеніемъ и отрицаніемъ оной, какъ 0 $+$ $-$. Вещи въ природѣ, по происхожденію и состоянію оныхъ, суть то же самое, что числа въ ариѳметикѣ; и исчисленіе послѣднихъ равно прехожденію первыхъ: оба совершаются дви-

женіемъ, содѣлывающимъ время, которое состоитъ въ прохожденіи вещей—*tempus est successio rerum* (стр. 7).

«Пространство есть покоящееся время, которое имѣетъ одно значеніе съ движимымъ пространствомъ, происходящимъ отъ времени какъ полагаемое отъ полагающаго. Ежели время состоитъ въ дѣятельномъ положеніи и отрицаніи вѣчности, какъ $0 \rightarrow -$, то пространство есть то же самое время, но въ бездѣйственномъ его состояніи, изъясляющее вѣчность не въ дѣятельномъ продолженіи, а въ страдательномъ растяженіи, какъ $\rightarrow 0 -$, гдѣ вѣчность представляется безпредѣльностью, которой форма есть точка, содержащаяся къ геометрическимъ фигурамъ такъ, какъ нуль къ арифметическимъ числамъ. Точка есть идеальная форма безпредѣльности, состоящая изъ центра и периферіи, какъ положительнаго и отрицательнаго ея вида, заключающихъ все содержаніе пространства. Точка вещественнѣ нуля, представляемаго въ ней дѣйствительнымъ образованіемъ времени въ пространствѣ, какъ движенія въ покоѣ; а посему временныя происшествія и мѣстныя очертанія вещественнаго міра начались отъ точки, какъ стеченіе времени съ пространствомъ (стр. 9).

«Видимое пространство кажется сферическимъ потому, что вселенная есть безпредѣльная сфера; и небесныя или общемірныя тѣла, заключающія въ себѣ полное содержаніе вещественнаго міра, суть шарообразны. Въ небесномъ тѣлѣ, какъ общемірной сферѣ, содержится время и пространство подъ видомъ линіи, поверхности и толщи, которыя произошли отъ точки центра периферическимъ движеніемъ, составляющимъ жизненную дѣятельность небеснаго тѣла, по которой оно находится въ всегдашнемъ кругообращеніи какъ самъ въ себѣ, такъ и около центральной сферы или солнца; и общее первенствующее движеніе въ мірѣ есть круговое, представляющее дѣйствительнымъ образомъ существенное единство времени съ пространствомъ (стр. 11).

«Вѣчность и безпредѣльность, оказывающіяся временемъ и пространствомъ, какъ идеальными формами безъ матеріальнаго содержанія, являются небесными тѣлами въ вещественныхъ видахъ: гдѣ время образуется линіею, пространство—сферою, а жизнь, какъ общее содержаніе обоихъ, круговымъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ. По значенію арифметическаго нуля и геометрической точки небесныя тѣла, какъ общемірныя сферы, должны быть безконечны въ ихъ количествахъ, и безпредѣльны въ ихъ качествахъ (стр. 12).

«Вещественные предметы зиждутся идеальными силами, происходящими въ самопознаніи все существенной идеи, которая, представляясь сама себѣ, какъ разсматриваемый объектъ взирающему субъекту, оказывается зиждущимъ могуществомъ и творимымъ произведеніемъ: міротвореніе есть процессъ самосвѣдѣнія единственной

сущности, и различные предметы вещественнаго міра суть разные способности и степени самопознательнаго ея образованія (стр. 14).

«Солнечная система есть всемірной макрокосмической организмъ, подобный животному микрокосмическому, состоящему изъ разнокачественныхъ членовъ и органовъ. Посему солнце имѣетъ значеніе головы; а планеты съ ихъ спутниками составляютъ туловище всемірнаго организма (стр. 29).

«Отдѣленіе второе. Натуральная философія, изслѣдывающая идеальныя начала вещей, показала, что идея свѣта есть собственный предметъ умозрѣнія — и Шеллингъ, въ философическихъ своихъ сочиненіяхъ, представилъ первый существенное значеніе свѣта, которое Окенъ изложилъ потомъ сообразно видимымъ формамъ его явленій (стр. 93).

«Солнечный свѣтъ производится жизненнымъ содержаніемъ солнца съ планетами и спутниками, гдѣ солнце содержится въ качествѣ взирающаго субъекта, а планеты въ свойствѣ разсматриваемаго объекта. Самопознавательное дѣйствіе абсолютной жизни, происходящее въ солнечной системѣ, какъ всемірномъ макрокосмическомъ организмѣ, есть солнечный свѣтъ, которымъ общемірныя сферы системы произведены и удерживаютъ въ себѣ положеніе. — Настоящее время состоитъ въ степеніи наступающаго мгновенія съ преходящимъ, или въ положеніи будущаго съ отрицаніемъ прошедшаго, кои составляютъ настоящее мгновеніе времени, изъявляющаго вѣчность такимъ образомъ: $+$ — $= 0 =$ $+$ — $= 0 \infty$. Сія вообразительная схема представленія вѣчности во времени находится дѣйствительною въ природѣ подѣ видомъ: свѣта, тьмы и повсюднаго совмѣстія оныхъ (стр. 109).

«Свѣтъ солнца противоположенъ тьмѣ планеты, какъ положительное $+$ отрицательному $-$, которыя по силѣ изъявляемаго ими 0 должны находиться совмѣстно и современно. Свѣтъ не произошелъ изъ тьмы, равно какъ и тьма не родилась отъ свѣта, но обѣ дѣйствительныя формы времени начались отъ возможной идеи вѣчности, которая въ качествѣ свѣта образуется солнцемъ, а въ свойствѣ тьмы представляется планетою (стр. 110).

«Вещественный міръ состоитъ изъ соединенія свѣта съ тяжестью, кои суть формы одной сущности, являющейся оными, какъ преходящее въ безконечномъ, и безпредѣльное въ ограниченномъ (стр. 141).

«Отдѣленіе третье. Если человѣческой организмъ равнозначителенъ солнечной системѣ, то солнце сообразно его головѣ, а планеты и спутники соотвѣтствуютъ частямъ туловища (стр. 159).

«Если безразличное существо представить знакомъ $A=A$ или A^2 , а форму, какъ различный видъ одного и того же существа, означить $A=B$, то начальная ихъ одинакость будетъ A^3 . Образованіе существа въ

формѣ, по которому небесное тѣло пребываетъ само въ себѣ, производитъ центрафугальную его силу, отдаляющую оное тѣло отъ центра системы, представляющаго единство существа съ формою.— Но образованіе формы въ существѣ составляетъ центральную силу небеснаго тѣла, по которой оно, оставаясь въ периферической отдѣльности, пребываетъ также и въ центрѣ, какъ абсолютной его сущности. Центрофугальная сила планеты, какъ образованіе A^3 въ $A=B$ —или безпредѣльнаго въ ограниченномъ опредѣляетъ пространство отдѣленія оной отъ солнца; а центральная сила, которую $A=B$ образуется въ B^2 —или конечное въ безконечномъ — полагаетъ время движенія планеты вокругъ солнца. Въ центрофугальномъ и центропетальномъ происшествіи время соединено съ пространствомъ, а пространство съ временемъ, и оба содержатся къ абсолютному ихъ единству $=A^3$, какъ корни квадрата къ своему кубу. Но поелику время представляетъ конечное въ безконечномъ, какъ форму въ существѣ, а пространство проявляетъ безпредѣльное въ ограниченномъ, какъ существо въ формѣ, кои содержатся между собою какъ A^2 къ $A=B$, то время круговаго теченія небесныхъ периферическихъ тѣлъ равно квадратному корню, извлеченному изъ кубическаго содержанія ихъ отдѣленій отъ центральнаго тѣла, что и составляетъ основаніе перваго Кеплерова закона (стр. 306).

«Нижнія планеты, по преимуществу въ нихъ свѣта, сообразны животнымъ, а верхнія по преобладанію тяжести соотвѣтственны растеніямъ, и солнечная система, въ цѣломъ, равна общему организму земной сферы, состоящему изъ животныхъ и растеній (стр. 311).

«Основаніемъ астрологическаго познанія солнечной системы можетъ токмо служить физиологическое понятіе совершеннѣйшаго животнаго организма, представляющаго животную и растительную жизнь, по собственному значенію идеальнаго дѣйствія и реальнаго бытія, образующихся организмомъ въ существенной одинакости оныхъ. Въ общей системѣ міра солнце равнозначительно головѣ, а планеты сообразны прочимъ частямъ тѣла, и какъ туловище содержится къ головѣ, такъ планеты относятся къ солнцу. Верхняя область планетъ имѣетъ явное сходство съ плодотворною системою животнаго организма, по произведенію оными тѣлъ своего рода: гдѣ спутники происходятъ отъ планетъ подобно какъ организмы рождаются одни отъ другихъ» (стр. 312).

Послѣ такого обозрѣнія сочиненій Велланскаго, комиссія переходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Изъ такого содержанія разсмотрѣнной Физики явствуетъ очевидно, что на горизонтѣ російскаго просвѣщенія сіяетъ уже германская натуральная философія во всемъ ея блескѣ.

«Сколько сія философія опасна быть должна для всѣхъ вообще наукъ,

судить можно и потому, что почтенный авторъ сей книги и даже послѣ 35-ти лѣтняго занятія физическими науками все еще рѣшительно считаетъ оную единственнымъ источникомъ всей премудрости и посвящаетъ оную благомыслящимъ, правдолюбивымъ, великодушнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, кои ясное философическое знаніе и положительную истину умозрителей критики предпочитаютъ мрачному невѣдѣнію горделиваго профанизма и пышному ничтожеству кичливаго скептицизма!

«Плоды этого ученаго романа природы извѣстны уже въ Германіи; должно ли ихъ желать и въ Россіи? Можно ли допустить, чтобы російское юношество отвлекаемо было отъ истиннаго просвѣщенія, приобретаемаго только долговременнымъ и неуспыннымъ прилежаніемъ къ наукамъ и опытнымъ и строгамъ изслѣдованіемъ природы? Можно ли равнодушно взирать на отверженіе здравой логики и всѣхъ точныхъ и опытныхъ наукъ, и на рѣшеніе всего только а priori, по понятію всесущественнаго зиждителя природы, излагаемому въ сей философіи? Поелику сего сдѣлать нельзя, то комиссія, отдавая впрочемъ всю должную справедливость благонамѣренію почтеннаго автора, не можетъ одобрить его Физики, и представляя сіе на благоумотрѣніе конференціи, обращается къ ней съ изъясненіемъ вопроса: не признаетъ ли конференція полезнымъ, чтобы распространенію такого ученія положены были справедливые предѣлы, для огражденія учащагося юношества отъ вредныхъ послѣдствій».

Съ этимъ послѣднимъ пунктомъ заключенія комиссіи не согласился старикъ Захаровъ и потому подалъ свое особое мнѣніе, болѣе снисходительное и уклончивое; въ немъ онъ писалъ:

«Разсмотрѣвъ сочиненіе г. Велланскаго подъ заглавіемъ: «Опытная, наблюдательная и умозрительная физика», нахожу, что оно по своему содержанію и способу изложенія есть новое и что доселѣ никто еще не писалъ на російскомъ языкѣ о физическихъ предметахъ подобнымъ образомъ. Его физика касается до всей вселенной, основанія ея суть метафизическія, выведенныя изъ понятій отвлеченныхъ; посему теоретическія изъясненія въ оной вовсе противны мнѣнію прежнихъ и тѣхъ нынѣшнихъ естествоиспытателей, кои слѣдуютъ атомической системѣ; ибо онъ, стараясь утвердить динамическую, на однѣхъ силахъ основанную, составилъ свою, почитаетъ теплоту и свѣтъ за существа невещественныя, и соединяя другъ съ другомъ идеальныя существа, производитъ изъ оныхъ тѣла вещественныя. Я не могу быть при семъ случаѣ ни скептикомъ, ни защитникомъ метафизическихъ его положеній, не изучившись въ полной мѣрѣ трудной системѣ, имъ предложенной, и не занимавшись никогда метафизикою, а приучивъ себя вѣрить грубымъ опытамъ, не могу судить мужа ученостію извѣстнаго, упражняющагося уже 30 лѣтъ въ сихъ метафизическихъ изыска-

ніяхъ и издавшаго многія подобныя философическія въ свѣтъ книги, а скажу только, что положенія его суть одни идеалы, кои съ нынѣшними нашими физическими понятіями, требующими въ доказательство опыты, несогласны. Впрочемъ, сочиненіе сіе заслуживаетъ вниманія ученой публики нашего отечества, и можетъ быть, что современемъ будетъ уважено тѣми, кто въ таковыхъ метафизическихъ разбирательствахъ упражняется. Безвредно философствовать никому не возбраняется, и всякою безвредною философіею можетъ принести если не нынѣ, то современемъ какую-либо пользу. Посему и предоставляю сужденіе объ оной физикѣ мужамъ болѣе нежели я постигающимъ и болѣе провинцательнымъ. Языкъ его чистъ и, кто захочетъ въ него вникнуть, вразумителенъ».

Отказъ въ присужденіи ему Демидовской награды не былъ для Велланскаго неожиданностью, какъ не могъ онъ считать его и обиднымъ для своей ученой чести, будучи въ счастливомъ убѣжденіи, что единственною причиною отказа было то, что академики не понимали натуръ-философіи и не въ состояніи были оцѣнить великости реформы, произведенной Шеллингомъ въ наукахъ ¹⁾. Взаимно и академики не могли считать для себя обиднымъ такое о нихъ мнѣніе Велланскаго, такъ какъ по довольно наивнымъ завѣреніямъ самого же Велланскаго, его въ Россіи никто не понималъ. Онъ не разъ говаривалъ своему другу Розанову, что въ Россіи изъ врачей понимаетъ его одинъ только Дядьковскій, Устинъ Евдокимовичъ, профессоръ терапіи Московскаго университета, а въ письмѣ отъ 15-го декабря 1833 года изъ Москвы къ тому же Розанову писалъ: «Московскіе ученые чувствуютъ всю важность философскаго естествознанія, хотя ни одинъ изъ нихъ не понялъ моей физики».

Когда «Опытная наблюдательная и умозрительная физика» Велланскаго, о которой выше была рѣчь, вышла въ свѣтъ, то баронъ Бранбеусъ (О. И. Сенковскій) встрѣтилъ ее злою насмѣшкою въ своемъ фантастическомъ разсказѣ: «Большой выходъ у Сатаны», въ Смирдинскомъ «Новосельи» (1833). Это такъ задѣло за живое нашего философа, что онъ вызывалъ черезъ газеты желающихъ на публичное съ нимъ состязаніе, обязуясь уплатить 5.000 руб. асс. тому, кто опровергнетъ хоть одно изъ положеній въ его Физикѣ. И опять охотниковъ препираться съ нимъ на этомъ поприщѣ не явилось, точно также какъ двадцать лѣтъ ранѣе не нашлось въ Медицинской Академіи оппонентовъ для его докторской диссертациі.

¹⁾ Вышеприведенный отзывъ академической комиссіи о физикѣ Велланскаго, какъ неодобрительный, по издавна существующему и всегда соблюдаемому обычаю, никому не былъ сообщаемъ внѣ Академіи и потому оставался неизвѣстнымъ автору физики.

По вопросу о томъ, полезны ли были лекціи Велланскаго для студентовъ Медицинской Академіи, г. Розановъ приводитъ, что одни изъ профессоровъ находили, что фізіологія, какъ онъ ее преподавалъ, была слишкомъ отвлеченна и потому не вполне полезна для медиковъ-практиковъ; другіе же—что она была даже вредна тѣмъ, что завлекала слушателей въ область гипотезъ, не подтверждаемыхъ явленіями.

Велланскій печально кончилъ свою жизнь. Въ 1837 году, на 63-мъ году, онъ ослѣпъ и въ теченіе остальныхъ десяти лѣтъ поддерживалъ въ себѣ бодрость духа одною лишь надеждою, что удачная операція снятія катаракта возвратитъ ему опять зрѣніе. Онъ умеръ 15-го марта 1847 года, оставивъ по себѣ добрую память, какъ человекъ, который, несмотря на свое крайнее увлеченіе натуръ-філософіей, по своему уму, даровитости и благородному характеру заслуживалъ глубокаго уваженія.

К. Веселовскій.

Взглядъ императора Николая I на отпускъ государственныхъ средствъ на образованіе.

Съ цѣлью лучшаго упорядоченія въ царствѣ Польскомъ финансоваго положенія, по повелѣнію императора Николая I, было поручено особой комиссіи въ Варшавѣ заняться тщательнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ расходовъ и составленіемъ нормальныхъ штатовъ каждаго изъ управленій или вѣдомствъ въ царствѣ. Предвидя, что дѣятельность комиссіи, всѣ сбереженія или остатки отъ штатныхъ суммъ обращающей, согласно мѣстнымъ положеніямъ, къ общимъ доходамъ казны царства, можетъ повести къ сокращенію средствъ, отпускаемыхъ на учебное дѣло въ царствѣ Польскомъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ вошелъ (15-го января 1847 г.) съ соотвѣтственнымъ представленіемъ къ государю. По обычаю того времени, представленіе это было сдѣлано чрезъ министра статсъ-секретаря царства.

Министръ статсъ-секретарь Туркулъ вскорѣ отвѣтилъ (5-го [17-го] февраля того же 1847 г.) гр. Уварову:

«Содержаніе отношенія вашего сіятельства ко мнѣ, отъ 15-го января № 358, я имѣлъ счастье доводить до высочайшаго свѣдѣнія.

«Государь императоръ повелѣтъ мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что намѣренія его величества не клонились и не клонятся къ уменьшенію предоставленныхъ Варшавскому учебному округу средствъ: ибо образованіе юношества принадлежитъ къ числу тѣхъ важныхъ предметовъ, для преуспѣянія которыхъ никакія пожертвованія не могутъ почитаться преувеличенными¹⁾».

Сужденіе—замѣчательнѣйшее, исполнѣ достойное, чтобы вырѣзать его золотыми буквами и всегда помнить при обсужденіи вопроса о просвѣщеніи въ нашемъ отечествѣ.

Сообщ. профессоръ Дм. Цвѣтаевъ.

¹⁾ Архивъ старыхъ дѣлъ при канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора. III, 3. № 127-й: Akta Rady Administracyjnej królestwa Polskiego.

Опека надъ произведеніями Пушкина.

«Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина», какъ явленіе частное, даже семейное, мало интересовало современниковъ, которые не оставили намъ почти никакихъ о немъ свѣдѣній. Оно имѣетъ, однако, извѣстное для насъ значеніе, такъ какъ «Опекунство надъ дѣтьми и имуществомъ» весьма скоро обратилось въ опеку надъ произведеніями Пушкина. Въ нашемъ архивѣ хранятся два документа, живо обрисовывающіе характеръ этой опеки.

Въ числѣ нѣсколькихъ рукописныхъ матеріаловъ ¹⁾, сообщенныхъ нами Л. Н. Майкову, редактору академическаго изданія сочиненій Пушкина, эти документа были доставлены ему лишь въ мартѣ прошлаго года. Онъ возвратилъ ихъ при слѣдующей краткой запискѣ:

«Съ искреннѣйшею благодарностью возвращаю тебѣ присланные документа; они очень интересны и характерны, и съ твоего разрѣшенія я списалъ ихъ для своего свѣдѣнія. Желалъ бы возвратить ихъ тебѣ лично, но по цѣлымъ недѣлямъ принужденъ сидѣть дома: здоровье очень плохо».

Записка помѣчена 11-мъ марта; черезъ мѣсяцъ Майкова не стало. Съ его смертью не прекратилось, конечно, академическое изданіе сочиненій Пушкина; но выпускомъ 1-го тома Л. Н. Майковъ далъ Академіи Наукъ такой высокій образецъ для всего изданія, что продолженіе его, вѣроятно, значительно замедлится. Такого глубокаго знатока, точнаго

¹⁾ 1) Программа праздника на Ольгиномъ островѣ въ 1836 г., въ которой рукою Жуковскаго отмѣчены авторы куплетовъ; 2) Разсказъ вн. Трубецкаго о Пушкинѣ и Дантесѣ, записанный въ 1887 году; 3) Переписка гр. Строгонова съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», и 4) составленное нами изслѣдованіе «Пушкинъ и Наказъ Екатерины II».

изслѣдователя и вѣрнаго цѣнителя произведеній Пушкина, какимъ былъ Майковъ, не легко замѣстить и для Академіи Наукъ.

Въ «Русской Старинѣ» помѣщено нѣсколько весьма цѣнныхъ матеріаловъ для всесторонняго освѣщенія Пушкина и отношеній къ нему русскаго общества; присоединяемъ къ нимъ и наши документы, заслужившіе вышеприведенное напутствіе Майкова.

В. Бильбасовъ.

1.

ОПЕКУНСТВО

учрежденное надъ дѣтьми

и имуществомъ.

А. С. Пушкина.

31-го декабря 1841 г.

№ 43.

Господину редактору «Отечественныхъ Записокъ».

Опекунство сіе слушало прошеніе с.-петербургскихъ книгопродавцевъ Глазунова, Заикина и Кушинникова отъ 6-го минувшаго ноября, въ коемъ они излагаютъ, что въ вышедшемъ 11-мъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» на сей годъ, издаваемыхъ вами, напечатано на стр. 25, къ подрыву ихъ изданія посмертныхъ сочиненій А. С. Пушкина, слѣдующее объявленіе: «Стихотворенія Пушкина, не вошедшія почему-либо въ полное собраніе его сочиненій, дѣятельно собираются редакціею «Отечественныхъ Записокъ» и будутъ по возможности всѣ напечатаны въ этомъ журналѣ въ слѣдующемъ году, чтобъ, какъ мы сказали въ 9-й книжкѣ, будущій издатель зналъ гдѣ взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вмѣстѣ собранное». Почему книгопродавцы тѣ и просятъ воспретить вамъ печатать сочиненія А. С. Пушкина.

Опекунство сіе, усматривая, что упомянутое объявленіе дѣйствительно напечатано въ 11-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», что въ слѣдствіе сего объявленія здѣшніе книгопродавцы Глазуновъ, Заикинъ и Кушинниковъ требуютъ защиты онаго, на томъ основаніи, что пунктомъ V контракта, заключеннаго ими 1-го декабря 1840 года съ Опекунствомъ симъ, предоставлено только имъ однимъ на извѣстныхъ условіяхъ собирать и печатать всѣ посмертныя сочиненія А. С. Пушкина, и что подобное объявленіе, повидимому, клонясь къ униженію достоинства произведеннаго ими нынѣ изданія, можетъ заставить полагать, что Опекунство предпріяло новое изданіе, прежде условленнаго съ тѣми книгопродавцами времени, чего оно по силѣ заключеннаго съ

ними контракта не могло сдѣлать. Почему Опекунство, принявъ въ уваженіе, что какъ единственное почти достояніе дѣтей покойнаго А. С. Пушкина заключается въ сочиненіяхъ его, что исключительно на Опекунство сіе возложена обязанность заботиться о размѣщеніи прежнихъ и производствѣ новыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, что литературная собственность положительно охраняется нашими законами, что Опекунство, усердно преслѣдуя предметъ учрежденія своего, запрдало упомянутымъ книгопродавцамъ право на собраніе и печатаніе въ теченіе трехъ лѣтъ посмертныхъ сочиненій А. С. Пушкина, что книгопродавцы тѣ имѣютъ право на защиту со стороны Опекунства, что вамъ, какъ издателю «Отечественныхъ Записокъ», никогда и ни подъ какимъ видомъ не предоставлено было Опекунствомъ присвоиваемаго вами себѣ права; напротивъ, что таковое дѣйствіе поставило бы Опекунство въ необходимость преслѣдовать васъ, еслибъ оно не приписало такового поступка незнанію. Почему Опекунство положило между прочимъ:

1) Предложить вамъ напечатать въ своемъ журналѣ объяснительное объявленіе, въ которомъ бы вы изложили, что упомянутою выше статьею вы не разумѣли новаго изданія Пушкина.

2) Предоставить вышеупомянутымъ книгопродавцамъ сдѣлать и отъ себя въ публику подобнаго же рода объявленіе, разумѣя, что оба сіи объявленія, какъ ваше, такъ и книгопродавцевъ, должны быть представлены на предварительное разсмотрѣніе Опекунства.

Сообщая вамъ, Милостивый Государь, таковое заключеніе Опекунства, учрежденнаго надъ имуществомъ дѣтей А. С. Пушкина, я приглашаю симъ васъ сдѣлать упомянутое объяснительное объявленіе.

Опекунъ графъ Григорій Строгановъ.

2.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ

Въ Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина.

«Отечеств. Записокъ».

14-го января 1842 г.

Спб.

На полученное мною 6-го января 1842 года отношеніе Опекунства отъ 31 декабря 1841 г. за № 45-мъ, симъ честь имѣю отвѣтствовать:

1) Напечатанное мною въ XI-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года объявленіе о намѣреніи помѣстить въ этомъ журналѣ всѣ стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій и уже напе-

чтаннныя прежде въ другихъ изданіяхъ—не только не могло служить къ подрыву изданія гг. Глазунова, Заикина и Кушинникова, но должно было бы помочь распродажѣ его, ибо симъ пополнилось бы это неполное изданіе, на которое всякій охотнѣе сталъ бы подписываться, зная, гдѣ онъ можетъ списать всѣ недостающія ему пьесы, о которыхъ и помину нѣтъ въ полномъ собраніи.

2) Цензурнымъ Уставомъ дозволяется перепечатывать не болѣе печатнаго листа какого-либо сочиненія какъ при жизни автора, такъ и по смерти его; а какъ въ извѣстныхъ мнѣ напечатанныхъ стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, которыя я хотѣлъ собрать въ «Отечественныя Записки», не заключается и полулиста, то на перепечатываніе ихъ я имѣлъ неотъемлемое право, не спрашивая на то дозволенія Опекунства.

3) Изъ объявленія моего никакъ нельзя было сдѣлать вывода, что будто бы Опекунство предприняло новое изданіе сочиненій Пушкина, потому что въ этомъ объявленіи нѣтъ ни слова о новомъ изданіи, а сказано очень опредѣленно, что пьесы, не вошедшія въ полное собраніе сочиненій Пушкина, будутъ напечатаны именно въ «Отечественныхъ Запискахъ», а не гдѣ-либо особо.

4) Условія, заключеннаго Опекунствомъ съ гг. Глазуновымъ, Заикнымъ и Кушинниковымъ, я не могъ знать, потому что оно не приведено во всеобщую извѣстность. Да еслибъ я и зналъ о немъ, то и тогда объявленіе мое нисколько не противорѣчило бы ему, ибо я никогда не объявлялъ о новомъ изданіи сочиненій Пушкина.

5) Подрывать же изданіе гг. Глазунова, Заикина и Кушинникова я не имѣлъ и не способенъ былъ имѣть ни малѣйшаго намѣренія, и не знаю, на чемъ Опекунство основываетъ право свое подозрѣвать меня въ подобномъ умыслѣ. Цѣль моя была поправить ошибку, неизвѣстно кѣмъ сдѣланную, доставить русской публикѣ дополненіе къ собранію сочиненій Пушкина, съ тѣмъ, чтобъ русскіе читатели не обязаны были перерывать сотни книгъ и журналовъ, отыскивая пропущенныя въ полномъ собраніи пьесы, а имѣли бы ихъ въ одной изъ книжекъ моего журнала, изъ которой легко могли бы списать себѣ. Творенія Пушкина—наша народная слава; каждая строка его драгоценна для русской литературы, и если издатели-книгопродавцы, имѣя въ виду только коммерческую цѣль, не умѣли оцѣнить свое сокровище, то на русскихъ литераторахъ лежитъ обязанность поправить эту ошибку, въ которой могло бы упрекнуть насъ потомство. Благоговѣя передъ драгоценною для всѣхъ насъ памятью Пушкина, я съ самаго выхода послѣднихъ томовъ его сочиненій, пересмотрѣлъ множество журналовъ, газетъ и альманаховъ, отыскивая тамъ пьесы, не вошедшія въ полное собраніе и можетъ быть вовсе неизвѣстныя издателямъ. Въ этомъ довольно утомительномъ трудѣ имѣлъ я цѣль чисто безкорыстную,

чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ издателей, г. Кушинниковъ, зная, что я тружусь надъ отыскиваніемъ сочиненій Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе, пріѣхалъ ко мнѣ въ концѣ ноября (слѣдственно, по выходѣ XI книжки моего журнала) и просилъ, чтобы я подарилъ издателямъ все мною собранное, обѣщаясь за себя и за товарищей своихъ напечатать эти пьесы отдѣльно, въ видѣ прибавленія къ полному собранію и разослать подписавшимся на полное собраніе сочиненій Пушкина — безденежно. Я тотчасъ же согласился на это предложеніе и обѣщалъ ему, пересмотрѣвъ дотолѣ непересмотрѣнные мною журналы и альманахи, сообщить издателямъ все, что найду, безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія. Г. Кушинниковъ недавно доставилъ мнѣ значительное количество старыхъ журналовъ и альманаховъ, и теперь я занимаюсь разсмотрѣніемъ ихъ. Какъ скоро найду все, что надо, и удостовѣрюсь, что негдѣ болѣе искать стихотвореній Пушкина, пропущенныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, тотчасъ все это отдамъ издателямъ для напечатанія согласно ихъ обѣщанію. Я буду награжденъ уже тѣмъ, что русская литература будетъ имѣть всего Пушкина въ одномъ дѣйствительно полномъ собраніи его сочиненій. Объ этомъ я и объявилъ уже прежде полученія мною отношенія Опекунства — въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года, вышедшей 1-го января (Критика, стр. 44).

Позволяю себѣ думать, что этотъ отвѣтъ мой достаточно убѣдитъ Опекунство въ чистотѣ и безкорыстїи моихъ намѣреній, и избавитъ меня отъ тѣхъ незаслуженныхъ подозрѣній, къ которымъ я во все время своей литературной жизни не подавалъ ни малѣйшаго повода.

Андрей Краевскій.

Записка великаго князя Константина Павловича — генерал-майору Потапову о раскольникахъ и сумскихъ гусарахъ.

4-го января 1815 г.

Его императорское высочество всеуниженнѣйше просить его превосходительство Алексѣя Николаевича имѣть хотя маленькое сожалѣніе объ старорусскихъ раскольникахъ, и ради Бога пощадить бороды и спины ихъ отъ подвиговъ гусарской службы, сѣраго кафтана и красныхъ чекчиръ; докладывая его превосходительству, что старинная громогласная слава сумцевъ во всемъ ея нынѣ блескъ ознаменовывается, о которой и воспѣто въ отданномъ сего числа приказѣ. О чемъ его императорское высочество всепокорнѣйше имѣетъ честь донести его превосходительству и просить о полученіи увѣдомить.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

VIII ¹).

27-го іюля (8-го августа) князь Волконскій изъ оконъ хутора Рено, занимаемаго императрицею Александрою Ѳеодоровною близъ Одессы, услышала салютъ фрегата, бросившаго якорь противъ этой дачи. Смотри въ подзорную трубу, князь узналъ на палубѣ государя. Вскорѣ къ берегу причалилъ катеръ, въ которомъ находился Николай Павловичъ; на встрѣчу ему выбѣжала императрица и великая княжна Марія Николаевна ²).

«Государь съ обычною своею дѣятельностью»,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осматривалъ резервные батальоны и городскія заведенія, и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ, желая взглянуть на морскія учрежденія въ Николаевѣ, онъ отправился туда, вмѣстѣ съ императрицею, на корветъ, который былъ буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія (13-го августа) пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ, пролетѣвшимъ между его ногъ ³). Надо было тотчасъ озаботиться его замѣще-

¹) См. „Русскую Старину“ декабрь 1900 г.

²) Письмо князя Волконскаго къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 27-го іюля 1828 года изъ Одессы.

³) Въ дневникѣ князя Меншикова, 9-го августа 1828 года записано:

„Послѣ обѣда вылазка. Непріятель прогнанъ, отбито у него два знамя. Послѣдній выстрѣлъ изъ крѣпости ранилъ меня ядромъ, коимъ вырвана вну-
*
*
*“

ніемъ. Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ Варнекимъ отрядомъ графу Михаилу Семеновичу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибытіемъ его туда моремъ. Воронцовъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ» ¹⁾).

Государь выѣхалъ обратно изъ Николаева 15-го августа и прибылъ въ Одессу, послѣ сильной качки, къ утру 17-го числа. Пока императоръ Николай находился въ Одессѣ, онъ получилъ крайне неблагоприятныя извѣстія о ходѣ нашихъ дѣлъ подъ Шумлою.

Хотя послѣ отъѣзда государя изъ-подъ Шумлы, въ главной квартирѣ должны были, наконецъ, признать критическое положеніе, въ которомъ находилась армія, благодаря избранному плану дѣйствія, но случилось обратное: поставивъ себя разъ въ ложное положеніе, направивъ главныя силы къ Шумлѣ, стали предаваться надеждѣ достигнуть лучшаго результата дальнѣйшимъ еще развитіемъ принятой разъ ошибочной системы. Рассчитывали на нравственное превосходство собственныхъ войскъ и на неспособность непріятельскихъ полководцевъ. Последнее соображеніе дѣйствительно не было лишено основанія, но только до извѣстнаго предѣла. Безспорно, что Гуссейнъ-паша бездѣйствовалъ, но за то, пользуясь выгодами своего положенія, онъ спокойно смотрѣлъ съ своихъ тѣнистыхъ лѣсистыхъ высотъ, какъ русскіе среди безводной, безлѣсной равнины, подъ палящимъ зноемъ солнца, старались, цѣною невѣроятныхъ лишеній и усилій, лишить турокъ источниковъ ихъ изобилія и безопасности. Съ 17-го (29-го) августа мы осуждены были быть пассивными зрителями торжества нашего противника; видно было, какъ длинныя ряды верблюдовъ, навьюченные продовольственными припасами, входили въ Шумлу по освободившейся дорогѣ, черезъ Эски-Стамбуль и Кюстешъ.

тренность обѣихъ лядвей. На правой ногѣ рана въ 6 вершковъ, а на лѣвой въ 4. Я могъ еще пройти нѣсколько шаговъ, потомъ упирался на адъютантѣ моемъ Д. и П. Бурмейстерѣ. Встрѣтившійся лѣкарь Олейниковъ наложилъ первую перевязку. Пока несли меня въ лагерь, я могъ еще распорядиться войсками“.

„10-го августа. Отправленъ въ Одессу флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ съ извѣстіемъ къ государю о моей ранѣ. Хорошо переносу и съ веселымъ духомъ свое положеніе. Докторъ Павловскій говоритъ по-латыни своимъ товарищамъ, что нечего много хлопотать обо мнѣ, ибо не переживу. Приказаніе по отряду отдаетъ моимъ именемъ начальникъ штаба генералъ-маіоръ Перовскій“.

¹⁾ 16-го (28-го) августа графъ Воронцовъ принялъ уже подъ Варною начальство надъ отрядомъ князя Меншикова.

Графъ Дибичъ заболѣлъ, а состояніе духа фельдмаршала также не вселяло къ себѣ довѣрія. Киселевъ писалъ 2-го (14-го) августа князю Меншикову: «Le vieux est affaïssé par l'âge, la chaleur et les conseils de toutes nos vieilles ganaches».

За всѣхъ бодрствовалъ генераль-адъютантъ Киселевъ; онъ составилъ 25-го іюля (6-го августа) записку объ измѣненіи образа дѣйствій противъ Шумлы.

Мнѣніе его существенно заключалось въ томъ, что для возможно полного стѣсненія Шумлы слѣдуетъ занять долину Буюкъ-Камчика и стать твердою ногой на главномъ сообщеніи турокъ съ Константинополемъ черезъ Эски-Стамбуль. Киселевъ полагалъ, что постояннымъ наблюденіемъ и изысканіемъ удобопроходимыхъ дорогъ на высоты въ тылъ Шумлы, представится, наконецъ, возможность утвердиться на хребтѣ горъ и тѣмъ еще болѣе стѣснить укрѣпленный турецкій лагерь, «а можетъ быть съ помощью Божіею и занять оный» ¹⁾.

Главнoкомандующій рѣшился выполнить этотъ планъ, насколько позволяли ограниченныя средства, находившіяся въ его распоряженіи. Донося государю о своихъ распоряженіяхъ 29-го іюля (9-го августа), графъ Витгенштейнъ присовокупилъ, что «мѣра сія, вынужденная обстоятельствами и желаніемъ дать хотя нѣкоторой части арміи наступательное дѣйствіе, не завѣряетъ однакожъ въ успѣхъ главной цѣли, которая можетъ быть достигнута только усиленіемъ войскъ подъ Шумлою».

Обезпoкоенный наступательными намѣреніями русскихъ войскъ и непробытіемъ транспортовъ, Гуссейнъ-паша, наконецъ, встрепенулса и рѣшился положить предѣлъ осуществленію нашихъ намѣреній; онъ атаковалъ 14-го (26-го) августа оба фланга нашего расположенія, что привело къ бою при Стражѣ Марашѣ, едва не сопровождавшемуся гибелью отрядовъ принца Евгенія Виртенбергскаго. Казалось, что турки

¹⁾ Записка начальника главнаго штаба арміи, генераль-адъютанта Киселева отъ 25-го іюля 1828 года (Военно-Ученый Архивъ, отд. 2, № 2704). Одна изъ побудительныхъ причинъ, склонившихъ Киселева къ наступательнымъ дѣйствіямъ, заключалась въ томъ, «что фуражирное довольствіе становилось съ каждымъ днемъ скуднѣе и что фуражиры наши должны уже отъѣзжать на 20 и болѣе верстъ отъ лагеря, дабы имѣть нѣсколько сноповъ соломы для прокормленія лошадей». Къ тому же, по запискѣ сенатора Абакумова (отъ 23-го іюля), оказывалось, что продовольствіе арміи подъ Шумлою, съ отрядамъ при Праводахъ можетъ безостановочно производиться (кромя фуража) до порчи дорогъ отъ дождей, ожидаемой въ концѣ августа. Генераль-адъютантъ Киселевъ придавалъ взятію Шумлы рѣшающее значеніе для исхода кампаніи, что не свидѣтельствуетъ о вѣрности его военнаго взгляда. Въ одномъ изъ писемъ его отъ 28-го іюля 1828 года, онъ пишетъ: „J'ai toujours pensé que а prise de Choumla déciderait de la campagne et peut être de la guerre“.

появлялись, наконецъ, затруднительность положенія русской арміи, но затѣмъ Гуссейнъ-паша впалъ въ прежнее бездѣйствіе, опасаясь, повидимому, что малѣйшее неосторожное движеніе сорветъ лавры съ его чела, которыми увѣнчали полководца собственное бездѣйствіе и счастье. Что же касается графа Витгенштейна, то ему оставалось только обратиться къ спасительной мѣрѣ постепенно очищать позиціи, занятыя имъ въ тылу турокъ, и бросать одно укрѣпленіе за другимъ, сосредоточиваясь передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря.

По мѣрѣ ухудшенія положенія дѣлъ подъ Шумлою, становилось все важнѣе рѣшеніе относительно направленія, которое дано будетъ приближавшейся къ Дунаю гвардіи. Повидимому, императоръ Николай не сразу пришелъ къ рѣшенію двинуть гвардію къ Варнѣ. Шумла продолжала по-прежнему привлекать вниманіе его; не разъ являлась мысль двинуть гвардію къ этому роковому пункту, «*roug ne pas laisser une veigie rareille à notre dos*», какъ выражается государь въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу ¹⁾.

Извѣстіе о дѣлѣ 14-го августа подъ Шумлою рѣшило вопросъ о будущемъ назначеніи гвардіи; донесеніе застало еще государя въ Одессѣ и вызвало съ его стороны противъ фельдмаршала сильнѣйшій гнѣвъ, который выразился полностью въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября):

«Ивеличъ только-что прибылъ,—пишетъ императоръ Николай,—я не знаю, что сказать вамъ, любезный другъ, именно больше ли я возмущаюсь или опечаленъ тѣмъ, что у васъ произошло. Мнѣ кажется, что со времени моего отъѣзда и вашей болѣзни все заснуло и идетъ наперекоръ здравому смыслу. Дѣло 14-го августа не знаю какъ и называть, и вы можете сказать отъ меня фельдмаршалу, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ, командуя русскою арміею, допустилъ турокъ у себя подъ носомъ занимать русскій редутъ цѣлые 12 часовъ. Потеря орудій еще болѣе похвальна; вотъ уже восемь въ рукахъ турокъ, и что же сдѣлано съ того времени, какъ стоять подъ Шумлою? Такъ ли должно исполнять мои положительные приказанія? Узнавъ изъ вашего послѣдняго донесенія, что турки разрушили деревню Стражу, я тотчасъ сталъ опасаться, что они намѣрены построить тамъ новую батарею, или редутъ, либо атаковать насъ въ этомъ пунктѣ; какимъ образомъ никто у васъ не догадался о томъ? Очищеніе Эски-Стамбула также прекрасное дѣло! Ну, что же дѣлаетъ вся собранная у васъ несмѣтная артиллерія; развѣ она существуетъ для того, чтобы переморить съ голода лошадей, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла? Наконецъ, что же думаетъ фельдмар-

¹⁾ Письма императора Николая цесаревичу отъ 13-го (25-го) августа и 20-го августа (1-го сентября) 1828 г.

паль если онъ думаетъ! Все это плачевно и скверно. Меня всего болѣе озабочиваетъ рапортъ Абакумова, все можетъ поправиться, но ежели намъ нечѣмъ кормить армію, то что же остается дѣлать, какъ не удалиться какъ можно скорѣе; прекрасный результатъ послѣ столькихъ жертвованій.

«Уполномочиваю васъ исполнить предложенный вамъ планъ дѣйствій. Приказываю однако, чтобы фельдмаршалъ остался съ своимъ штабомъ при корпусѣ, который расположенъ будетъ у Енибазара. Я обойдусь безъ него въ Варнѣ; вамъ слѣдуетъ присоединиться ко мнѣ съ остальною частью 3-го корпуса и 20-мъ егерскимъ полкомъ, оставя Конно-егерскую дивизію въ Козлуджѣ, ввидѣ общаго резерва, для прикрытія нашихъ сообщений, равно какъ для поддержанія фельдмаршала или же Мадатова, еслибы его отгѣснили, либо же насъ, если въ томъ окажется надобность. Я отправляюсь сегодня послѣ обѣда. Батальоны, назначенные на укомплектованіе 3-го корпуса, должны уже подойти къ вамъ по маршруту, присланному ко мнѣ Виттомъ... Я двину гвардію, чтобы она прибыла къ Варнѣ 29-го августа. Постарайтесь эвакуировать больныхъ и раненыхъ на Варну или Коварну; надѣюсь также, что вы подумали обезпечить артиллерію, которую вы отсылаете. Необходимо обезпечить также дорогу на Силистрію и во всякомъ случаѣ предупредить Рота, чтобы онъ былъ остороженъ... Все это для меня крайне прискорбно и, право, не знаю, какъ намъ удастся выйти изъ такого положенія. Сдѣлайте гласнымъ, что я очень недоволенъ начальниками, и что ихъ однихъ виню во всемъ... Я подписалъ манифестъ о наборѣ четырехъ—съ 500... Вы пишете мнѣ, что вы приступите къ дѣйствию не прежде, какъ въ то время, когда я, по прибытіи въ Варну, найду это нужнымъ; но я предпочитаю развязать вамъ руки, чтобы вы могли предупредить событія и не оставить васъ въ неизвѣстности о томъ, что вамъ слѣдуетъ предпринимать. Итакъ, если по прибытіи графа Воронцова онъ признаетъ, что, по присоединеніи гвардіи, можно совершенно обложить крѣпость и надѣяться овладѣть ею вскорѣ, а вы не признаете опаснымъ стоять подъ Шумлою и будете имѣть продовольствіе, то оставайтесь тамъ. Въ противномъ же случаѣ, дѣйствуйте по предложенному плану, но ради Бога спасайте больныхъ и раненыхъ, а также артиллерію. Если вы останетесь подъ Шумлою, то необходимо поднять духъ войска какимъ-нибудь блистательнымъ подвигомъ. Не разъ предполагали овладѣть редутомъ близъ Мараша, нельзя ли будетъ предпринять это дѣло? Если вы отойдете отъ Шумлы, то, по всей вѣроятности, васъ будутъ преслѣдовать; можетъ даже случиться, что сдѣлаютъ это неосторожно и представится возможнымъ воспользоваться подобнымъ обстоятельствомъ. Какъ только мы будемъ находиться въ открытомъ полѣ, то, располагая многочисленною артиллеріею и прекрасною нашею пѣхотою,

окажется возможнымъ его разбить. Подумайте о томъ хорошенько и да поможетъ вамъ Богъ».

По полученіи графомъ Дибичемъ приведеннаго здѣсь письма, фельдмаршалъ былъ сильно огорченъ, узнавъ, что онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе и гнѣвъ государя за дѣло 14-го августа подъ Шумлою. Стараясь оправдать себя въ письмѣ отъ 27-го августа (8-го сентября) къ императору Николаю, главнокомандующій, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ ни одного шагу не предпринималъ безъ совѣщанія съ графомъ Дибичемъ, и въ заключеніе сказалъ: «объяснивъ истину сего дѣла, я долженъ откровенно признаться предъ вами, государь, что на важномъ посту, мною занимаемомъ, должно имѣть неусыпную дѣятельность, которая, чувствую, къ несчастью, во мнѣ чрезвычайно ослабилась какъ отъ старости, такъ и отъ нѣсколькихъ рецидивовъ здѣшней лихорадки, которая произвела во мнѣ чрезвычайную слабость, а для того осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить ваше императорское величество, дабы не подвергнуть себя чрезъ какое-либо упущеніе гнѣву вашего императорскаго величества, за что долженъ бы былъ дѣлать себѣ упреки до конца жизни моей, уволить меня отъ столь важнаго дѣла» ¹⁾).

Въ отвѣтъ на это заявленіе главнокомандующаго, государь выразилъ желаніе, чтобы фельдмаршалъ остался на своемъ посту до конца кампаніи.

Хотя извѣстія, полученныя изъ-подъ Шумлы, были несомнѣнно прискорбнаго свойства, но неудачи 14-го августа благоприятно повліяли на послѣдующія рѣшенія. Отнынѣ рѣшено было обратитъ главныя усилія противъ Варны и двинуть туда, для поддержанія осаждавшихъ ея войскъ, гвардію. Шумлинскій кошмаръ, наконецъ, кончился! ²⁾).

21-го августа (2-го сентября) послѣ обѣда, императоръ Николай отправился изъ Одессы на фрегатѣ «Флора» въ Варну ³⁾. Сначала благоприятный вѣтеръ позволялъ разсчитывать на благополучный исходъ плаванія; но къ утру, вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, перешелъ въ

¹⁾ 16-го (28-го) августа графъ Дибичъ писалъ по поводу здоровья графа Витгенштейна, еще до полученія имъ высочайшаго выговора: „Le marechal est au désespoir sur ces événements et a été attaqué par une forte dyssanterie le 15, mais aujourd'hui cela va beaucoup mieux“. (Военно-Ученый Архивъ, отд. 2, № 5322).

²⁾ Даже графъ Дибичъ опомнился во-время и писалъ императору Николаю, 16-го августа 1828 года: „J'aime à me persuader que Votre Majesté sera aussi le Pavis que la prise Warna est, sinon plus importante, au moins plus nécessaire pour nous que celle de Choumla“. (Военно-Ученый Архивъ, отд. 2, № 2757^(а)).

³⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ уже ранѣе на встрѣчу гвардіи, 5-го (17-го) августа, въ Кюстенджъ.

бурю. «Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ»,—пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ,—«насъ относило назадъ, и никакое лавированіе не приносило пользы. Капитанъ предсказывалъ, что такой же вѣтеръ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, и предлагалъ, въ избѣжаніе несчастія, воротиться въ Одессу. Государь, нетерпѣливо желавшій поскорѣе быть въ Варнѣ, принялъ рѣшеніе ѣхать туда сухимъ путемъ и повелѣлъ повернуть назадъ къ Одессѣ. Вѣтеръ стремительно несъ насъ къ городу, такъ что не было почти возможности держаться на всѣхъ парусахъ. Еще очень далеко отъ цѣли, насъ застигла страшная темъ буря все болѣе и болѣе разыгрывалась; къ ней присоединилась гроза и только при блескѣ молніи мы иногда могли видѣть берегъ. Маякъ, на который мы должны были держать курсъ, по непростительной небрежности не горѣлъ; мы нашлись вынужденными дѣлать ночные сигналы брандвахтѣ, которая вскорѣ стала намъ на нихъ отвѣчать. Одесскіе огни и дома, освѣщенные молніею, служили намъ дальнѣйшимъ указаніемъ, и около полуночи фрегатъ бросилъ якорь.

«Государь сошелъ въ шлюпку и насъ повезли къ берегу. Погода была самая ужасная; мы высадились въ совершенной темнотѣ, не встрѣчая ни души, побрели по липкой грязи, къ дому графа Воронцова. У входа туда, я разстался съ государемъ и пошелъ на квартиру князя Волконскаго, который страшно перепугался, увидѣвъ меня вдругъ у своей кровати, когда считалъ насъ въ морѣ и ближе къ Варнѣ, чѣмъ къ Одессѣ. Императрица и весь городъ не меньше были удивлены этому неожиданному возвращенію».

«Я немедленно занялся всѣми распоряженіями къ сухопутной поѣздкѣ и послѣ обѣда 23-го августа (4-го сентября) уже мчался съ государемъ въ коляскѣ ⁴⁾. Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ, для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся государева свита. Прочіе остались на фрегатѣ, которому велѣно было снова идти къ Варнѣ, какъ только позволитъ вѣтеръ.

«24-го августа (5-го сентября) мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ длинную плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся, при первой нашей переправѣ, громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубочайшее безмолвіе. По ту сторону Дуная намъ пришлось довольно долго ждать лошадей. Дороги были совершенно испорчены; большой лѣсъ, которымъ должно было проѣзжать, славился разбойничьимъ притономъ: насъ конвоировали всего четыре

⁴⁾ Императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Нико-лаевна выѣхали изъ Одессы 9-го (21-го) сентября и прибыли въ Петербургъ 3-го (15-го) октября 1828 года.

казака на дрянныхъ лошаденкахъ. Выѣхавъ оттуда въ открытое мѣсто, мы встрѣтили множество болгаръ, которые, спасаясь отъ хищничества турокъ, блуждали по краю съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имуществомъ. Подобно имъ, могли тутъ шататься и турецкія партіи; самые эти болгары и особенно некрасовцы, воры по ремеслу, могли напасть на нашу коляску. Государь, незнакомый со страхомъ, спокойно въ ней спалъ, или велъ со мною живую бесѣду, какъ бы на переѣздѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. Мнѣ же было вовсе не до сна и до разговоровъ ¹⁾. Въ Бабадагѣ государь подробно осмотрѣлъ находившійся тамъ небольшой госпиталь; почти всѣ врачи лежали больные; смертность уже причиняла такія опустошенія, отъ которыхъ отцовское его сердце обливалось кровію.

«Отсюда на клячахъ и съ ничтожнымъ конвоемъ отправились въ Кюстенджи. На пути къ этой крѣпости насъ застигла ночь. По скверной и почти не проложенной дорогѣ, надо было волочиться чуть-чуть не шагомъ. Мѣстами огни просвѣчивали сквозь мракъ, но чьи, свои или непріятельскіе? Наконецъ, по правильному ихъ расположенію, мы догадались, что тутъ стоятъ наши войска, и вскорѣ признали палатки и оклики нашихъ. Мы очутились среди лагеря гвардейской легкой кавалерійской дивизіи. Государя узнали по голосу, и въ минуту всѣ генералы, офицеры и солдаты высыпали къ палаткѣ дивизионнаго командира генераль-адъютанта Чичерина, у которой остановилась наша коляска. Восторгъ увидѣть такъ неожиданно государя былъ неописуемъ и еще возросъ при извѣстіи, что онъ проѣхалъ, почти одинъ, около 200 верстъ по непріятельской землѣ. Необходимо было поѣсть и отдохнуть. Намъ подали хорошіи супъ и постлали хорошія постели.

«Рано утромъ государь-сдѣлалъ смотръ полкамъ Драгунскому, Гусарскому и Уланскому, съ принадлежащими къ нимъ конными батареями. Конно-Егерскій по усиленной моей просьбѣ былъ посланъ къ Мангаліи, для занятія эшелонами нашей дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ превосходнымъ сбереженіемъ всѣхъ этихъ полковъ, и, дѣйствительно, люди и лошади, казалось, только-что выступили въ походъ. Поблагодаривъ всѣхъ и взглянувъ на госпиталь и магазины въ Кюстенджи, государь поѣхалъ далѣе.

«Въ Мангаліи, небольшомъ городкѣ на берегу моря, онъ навѣстилъ больныхъ, которые, за недостаткомъ одного просторнаго помѣщенія,

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ Бенкендорфъ пишетъ: «Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія, дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ по непріятельской землѣ съ русскимъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ!»

Отсюда можно вывести заключеніе, что генераль-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году.

размѣшались въ пятьдесятъ домахъ. На обходъ ихъ по смертельной духотѣ потребовалось слишкомъ два часа. Для всѣхъ этихъ маленькихъ госпиталей оставалось всего лишь два медика, и изъ нихъ уже одинъ лежалъ въ горячкѣ; всѣ прочіе пали жертвами утомленія и климата. Такой же недостатокъ былъ и во всей госпитальной прислугѣ, въ людяхъ, на кухняхъ и пр. Государя сильно разстроило это печальное положеніе. Къ вечеру (25-го августа) мы пріѣхали въ Коварну, гдѣ находился главный царскій обозъ. Государь и тутъ пошелъ осматривать больныхъ, а я занялся отправленіемъ обоза къ Варнѣ, куда за два дня передъ тѣмъ выступила гвардія ¹⁾.

«Между тѣмъ и фрегатъ, везшій свиту изъ Одессы, прибылъ въ Коварну. Графъ Потоцкій сошелъ на берегъ для нужныхъ распоряженій, а въ слѣдъ затѣмъ государь, подъ вечеръ (26-го августа) сѣлъ въ шлюпку, которая, при очень сильномъ вѣтрѣ, привезла насъ на фрегатъ «Флору».

«На другое утро, 27-го августа, фрегатъ бросилъ якорь посреди флота противъ Варны. Видъ на нее во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли тутъ въ первый разъ. Греческія церкви и магометанскія мечети, возвышавшіяся надъ прочими строеніями, были дѣйствіемъ нашихъ бомбъ и ядеръ или разрушены или обезображены. Отрядъ, которымъ командовалъ прежде князь Меншиковъ и который мы оставили на высотахъ, далеко вѣ пушечныхъ выстрѣловъ, спустился внизъ и, посредствомъ параллелей и траншей, пододвинулся къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Демонтиръ-батареи дѣйствовали съ промежутками, день и ночь, каждый изъ линейныхъ кораблей выходилъ по очереди на роль-выстрѣла отъ города и громилъ его изъ своихъ орудій. Графъ Воронцовъ сталъ лагеремъ въ виноградникахъ и садахъ, которые давали все удобство прикрывать осадныя работы; часть экипажей съ судовъ была обращена въ прислугу на батареи; наконецъ, гвардейская пѣхота занимала гребень горы. Все это вмѣстѣ представляло картину очень разнообразную и живую. Государь и часть его свиты помѣстились на кораблѣ «Парижъ», а остальные—въ палаткахъ возлѣ гвардейскаго лагеря, гдѣ расположился и обозъ.

¹⁾ Въ то время въ Коварнѣ, въ одной изъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной, лежало тѣло брата Александра Христофоровича Бенкендорфа, генераль-адъютанта Константина Христофоровича, въ ожиданіи перевозки въ Одессу. Онъ занемогъ отъ трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ этой войной, находясь съ отрядомъ въ Праводахъ, гдѣ не было ни лѣкаря, ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной помощи.

„Государь въ благодушій своемъ“,—пишетъ А. Х. Бенкендорфъ—„желая, чтобы я не видѣлъ этотъ дорогой гробъ, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло моего брата еще въ Коварнѣ, а самого меня, во время осмотра имъ города, усадъ въ лагерь“.

*

«Государь сошелъ на берегъ (въ день прибытія къ флоту 27-го августа) для свиданія съ княземъ Меншиковымъ, очень страдавшимъ отъ своей раны, а также для осмотра разныхъ лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ ⁴⁾. Число тѣхъ и другихъ возрастало ежедневно, и государь, съ истинно отеческою заботливостью, не пропускалъ ни одного дни, чтобы ихъ не навѣстить».

Императоръ Николай проводилъ ежедневно утро въ осадномъ лагерѣ, гдѣ велѣлъ раскинуть для себя палатку, и только къ закату солнца возвращался на «Парижъ», нерѣдко при сильномъ вѣтрѣ; спускъ на берегъ или входъ на корабль сопряжены были съ крайнею опасностью. 9-го (21-го) сентября государь вызвалъ къ себѣ графа Дибича, повелѣвъ однако фельдмаршалу оставаться по-прежнему подъ Шумлою.

Несмотря на постепенное усиленіе средствъ атаки, турки съ необыкновеннымъ упорствомъ и свойственнымъ имъ искусствомъ, отстаивали шагъ за шагомъ осажденную крѣпость. Наступила половина сентября, а между тѣмъ нельзя было еще предвидѣть конца осады; взятіе же Варны являлось необходимымъ заключительнымъ дѣломъ оканчивающейся неудачной кампаніи 1828 года и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія на Балканскомъ полуостровѣ.

Всѣ усилія атакующаго, съ самаго открытія постепенной атаки, ошибочно направлены были противъ перваго (приморскаго) бастиона Варны и не обѣщали рѣшительнаго результата. Хотя къ 12-му (24-му) сентября открыты были уже въ крѣпости двѣ бреши, одна въ первомъ бастионѣ, а другая въ куртінѣ, примыкавшей къ второму бастиону, но существованіе ихъ нисколько не подвигало насъ къ завѣтной цѣли всѣхъ стремленій. Правда, брешь въ приморскомъ бастионѣ была доступна для штурмующихъ колоннъ, но не подлежало сомнѣнію, что занятіе бастиона было бы сопряжено съ значительными потерями, а недавній примѣръ Браилова былъ еще у всѣхъ на свѣжей памяти. Что же касается бреши въ куртінѣ возлѣ втораго бастиона, то она независимо отъ своей неудобовосходимости еще прикрыта была находившейся во рву глубокой рывтиной, размѣры которой невозможно было изслѣдовать. Занятіе же бреши одного перваго бастиона, по мѣстнымъ особенностямъ этой части крѣпостныхъ верковъ, было бы недостаточно для овладѣнія Варною.

Въ такомъ незавидномъ положеніи находились осадныя работы, когда 12-го (24-го) сентября, къ Варѣ прибылъ командующій л.-гв. сапернымъ баталіономъ полковникъ Шильдеръ, оставшійся по бо-

⁴⁾ При посѣщеніи князя Меншикова, государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго. 31-го августа раненаго князя перенесли на фрегатъ „Флору“, здѣсь его вторично посѣтилъ государь. На этомъ фрегатѣ князь Меншиковъ былъ перевезенъ въ Николаевъ.

лѣзни въ Коварнѣ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Шильдеръ предложилъ новый планъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью вѣроятное овладѣніе крѣпостью безъ штурма. 15-го (27-го) сентября онъ имѣлъ счастье лично представить свои соображенія императору Николаю, и государь повелѣлъ немедленно приступить къ выполненію вновь предложенныхъ осадныхъ работъ.

Планъ полковника Шильдера состоялъ въ томъ, чтобы перенести атаку на середину куртны, между первымъ и вторымъ бастионами, и устроивъ въ куртнѣ пространный ложементъ, дѣйствовать изъ него по городу, принудивъ крѣпость къ сдачѣ безъ штурма. Но для исполненія новыхъ работъ, при значительномъ ихъ количествѣ, недоставало рабочихъ, а потому было рѣшено и государемъ одобрено обратитъ главную атаку не на куртину, какъ предполагалъ Шильдеръ, а на второй бастионъ, обрушивъ его минами. Къ работамъ приступлено было 15-го (27-го) сентября. Находчивость и изобрѣтательность полковника Шильдера преодолѣли всѣ усилія храбрыхъ защитниковъ, и 22-го сентября (4-го октября) второй бастионъ взлетѣлъ на воздухъ и при томъ такъ, что онъ всталъ вверхъ дномъ, обратившись фронтомъ къ неприятелю; открылась здѣсь пологая брешь и выброшенной землей засыпалась часть воднаго ровика, находившагося въ глубинѣ рывины.

Какъ только государь получилъ донесеніе объ удачномъ взрывѣ втораго бастиона, онъ послалъ полковнику Шильдеру, чрезъ флигель-адъютанта князя Суворова, орденъ св. Георгія 4-ой степени.

Продолжая преслѣдовать намѣченную имъ цѣль, овладѣть крѣпостью безъ штурма, Шильдеръ съ разсвѣтомъ 23-го сентября (5-го октября) приступилъ къ веденію подступовъ по скату воронки, чтобы безъ большихъ потерь приблизиться къ ея гребню, обращенному къ неприятелю, и утвердиться на немъ.

Между тѣмъ почему-то рѣшено было 25-го сентября штурмовать брешь перваго бастиона, образованную въ немъ взрывомъ, произведеннымъ еще 21-го сентября. Безцѣльный штурмъ стоилъ намъ до 200 человекъ убитыми и ранеными и не привелъ къ цѣли. Послѣ этой неудачи возвратились снова къ дальнѣйшему исполненію работъ, предложенныхъ по первоначальному плану полковника Шильдера, и приступили къ заложению минъ въ куртнѣ для образованія въ ней бреша.

Въ это время турки пришли наконецъ къ убѣжденію въ бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія и приступили къ переговорамъ. 28-го сентября (10-го октября) повелѣно было прекратить осадныя работы.

Но передъ описаніемъ самой сдачи Варны, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ нашихъ на южной сторонѣ осажденной крѣпости.

По недостатку числительной силы осадныхъ войскъ, турки долгое время сохраняли свободу своихъ сообщеній въ южной части города. Только съ приходомъ гвардіи оказалось возможнымъ подумать о довершеніи обложенія и приступить къ нѣкоторымъ мѣрамъ, клонившимся къ пресѣченію неудобствъ, сопряженныхъ съ подобною обстановкою. Турки, пользуясь нашею малочисленностью, двинули войска для выручки осаженнаго города, и съ южной стороны Варны появился Омеръ-Вріоне съ 30.000 человекъ. Съ нашей стороны одною изъ первыхъ мѣръ для наблюденія за сообщеніями непріятели на этой мѣстности, было расположеніе слабаго отряда генераль-адъютанта Головина на полуостровѣ Галата, тыломъ къ мысу Галата-Бурну; занятую здѣсь позицію укрѣпили редуками.

Операціи, предпринятыя нами затѣмъ на южной сторонѣ Варны, среди лѣсистой, гористой и сильно пересѣченной мѣстности, ознаменованы были двумя неудачами: въ Гассанъ-Ларѣ и при Куртепѣ.

Первое дѣло происходило 10-го (22-го) сентября, въ которомъ польскою арміею флигель-адъютантъ, графъ Залускій безцѣльно погубилъ, по собственной неосторожности, л.-гв. Егерскій полкъ. Послѣ Гассанъ-Ларскаго дѣла войска генераль-адъютанта Головина были усилены до 8.000 человекъ, начальство надъ которыми принялъ генераль-адъютантъ Бистромъ. 16-го (28-го) сентября турки атаковали занятую нами позицію, но были отбиты, послѣ чего Омеръ-Вріоне отошелъ къ Куртепѣ (Волчья гора), гдѣ приступилъ къ устройству укрѣпленнаго лагеря. Въ это время со стороны Шумлы придвинулся принцъ Евгенийъ Виртембергскій. Силы, которыми онъ располагалъ, были весьма слабы и въ общей сложности не превосходили 8.000 человекъ. Императоръ Николай повелѣлъ принцу рѣшительно атаковать позицію Омеръ-Вріоне и соединиться съ отрядомъ генераль-адъютанта Бистрома ⁴⁾. 18-го (30-го) сентября произошелъ въ Куртепѣ кровопролитный бой, стоившій намъ до 1.400 человекъ. Турки удержались на своей позиціи. Атака, произведенная противъ нихъ въ тотъ же день отрядомъ генераль-адъютанта Бистрома, также была отбита съ потерей 500 человекъ.

⁴⁾ Принцъ Евгенийъ исполнилъ полученное приказаніе, признавая однако предписанную ему атаку: „*entreprise trop téméraire*“.

До и послѣ боя 18-го сентября происходили большія несогласія между генераль-адъютантомъ Сухозанетомъ и принцемъ Евгениемъ, весьма невыгодно повліявшія на происходившія здѣсь операціи. Дошло до того, что послѣ боя принцъ написалъ графу Дибичу: поведеніе Сухозанета превосходить предѣлы возможнаго снисхожденія. Интриговалъ также и графъ Дибичъ. Впослѣдствіи императоръ Николай сказалъ принцу Евгению: „Если тутъ кто виноватъ, то это я одинъ, такъ какъ я далъ повелѣніе къ нападенію; но бѣда учить разуму.“

«Атака на Куртенэ»,—пишетъ графъ Мольтке,—«является однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ похода 1828 года; хотя предположенное нападеніе и не увѣчалось успѣхомъ, но храбрость русскихъ войскъ произвела на турокъ столь сильное впечатлѣніе, что послѣдствія этого боя существеннымъ образомъ повліяли на исходъ кампаніи. Примѣръ этотъ служить новымъ доказательствомъ, насколько строгое повиновеніе, даже среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, представляетъ одну изъ первѣйшихъ военныхъ добродѣтелей. Вынужденный противъ своей воли руководить предпріятіемъ, успѣхъ котораго казался ему сомнительнымъ, принцъ Евгенийъ выполнилъ полученныя приказанія съ полною рѣшимостью и слѣпымъ повиновеніемъ. Только два баталіона оставлены были имъ въ резервѣ; всѣ прочія части выдержали кровопролитный бой, при чемъ пѣхота, почти совершенно лишенная содѣйствія кавалеріи и артиллеріи, дѣйствуя какъ бы ощупью, сражалась съ истинною львиною храбростью»¹⁾. Послѣ боя 18-го (30-го) сентября положеніе Омеръ-Вріоне было блистательное. Насталъ самый рѣшительный моментъ всей кампаніи. Освобожденіе Варны было во власти Омера и могло сопровождаться для насъ самыми плачевными послѣдствіями, даже обратнымъ движеніемъ за Дунай. Но, къ счастью, ничего подобнаго не случилось. Омеръ-Вріоне пробылъ одиннадцать дней въ бездѣйствіи въ лѣсу; слышалъ, какъ взрывали въ Варнѣ одну мину за другою, и остался безучастнымъ свидѣтелемъ успѣховъ осаждающаго. Когда же русскія знамена взвились на развалинахъ крѣпости, онъ совершилъ поспѣшное отступленіе за Камчикъ, какъ бы пораженный событіемъ, подготовленнымъ собственнымъ бездѣйствіемъ.

3-го (15-го) октября турки пытались перейти снова Камчикъ, но были отброшены съ большимъ урономъ²⁾. Послѣ этого неудачнаго наступленія, турки удалились въ Балканы, оставивъ противъ насъ небольшую партію.

«Конечно»,—справедливо заключаетъ графъ Мольтке,—«отношенія, существующія между албанскимъ пашей и оттоманскою Портою, не могутъ быть сравниваемы съ отношеніями европейскаго полководца къ своему державному вождю и отечеству. Дѣйствіями Омеръ-Вріоне руководили, вѣроятно, не стратегическія, но совершенно иного рода соображенія».

Между тѣмъ какъ эти событія происходили на южной сторонѣ

¹⁾ Moltke, Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829.

²⁾ Въ дѣлѣ 3-го октября 1828 года принцъ Евгенийъ Виртембергскій въ послѣдній разъ распоряжался русскими войсками. Въ слѣдъ затѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе императора Николая отправиться въ Петербургъ; здѣсь онъ присутствовалъ при похоровахъ императрицы Маріи Феодоровны послѣ чего удалился за границу.

крѣпости Варны, Юсуфъ-паша, 28-го сентября (10-го октября) вышелъ изъ крѣпости и предалъ себя подъ покровительство императора со своими сторонниками. «Вскорѣ вокругъ насъ»,—замѣчаетъ Бенкендорфъ,—«толпилось гораздо болѣе турокъ, чѣмъ русскихъ». Калуданъ-паша Изеть-Мегметъ сначала не хотѣлъ присоединиться къ капитуляціи. Онъ удалился въ цитадель внутри города и тамъ грозилъ взорвать себя на воздухъ съ остатками вѣрныхъ защитниковъ крѣпости. Начатый тогда, по совѣту Юсуфа-паши, сильный огонь съ флота и съ батарей побудилъ, однако, остатокъ гарнизона и многихъ жителей со своими семействами выйти изъ города, а затѣмъ 29-го сентября (11-го октября), когда Калуданъ-паша съ вооруженнымъ конвоемъ въ нѣсколько сотъ человекъ общанъ былъ свободный выходъ изъ города, крѣпость покорилась императору Николаю. Остальной гарнизонъ до 6.000 человекъ сдался военно-плѣннымъ.

Государь, прибывъ утромъ въ лагерь, видѣлъ уже турецкій гарнизонъ, выходившій изъ крѣпости ¹⁾, и затѣмъ отправился осматривать осадныя работы. Спустившись въ ровъ, изъ котораго ведены были минныя работы, и осмотрѣвъ тщательно все сдѣланное нашими саперами, Николай Павловичъ поднялся на варнскія твердыни, увѣчанныя турами атакующаго. Турки, по свидѣтельству Бенкендорфа, спокойно сидѣли за трубками и равнодушно глядѣли на побѣдителей.

Прославившимся въ эту войну своими подвигами 13-му и 14-му Егерскимъ полкамъ предоставлено было первымъ вступить въ сдавшуюся крѣпость; за ними слѣдовалъ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, а за нимъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, почестъ—оказанная войскамъ, наиболѣе отличившимся при осадѣ Варны.

30-го сентября (12-го октября) свободнымъ войскамъ осаднаго корпуса повелѣно было собраться въ лагерь для принесенія благодарственнаго молебствія. По прибытіи императора Николая, началось богослуженіе. Громъ орудій полевой артиллеріи и съ кораблей возвѣстилъ славное окончаніе кровавой борьбы подъ Варною. Послѣ молебствія государь объѣзжалъ войска и милостиво привѣтствовалъ каждый полкъ. Когда потомъ его величество подошелъ къ гвардейскимъ саперамъ, августѣйшій шефъ самъ привязалъ къ знамени георгіевскій крестъ, говоря: «вы это заслужили; мнѣ пріятно, что не забыли вы словъ покойнаго государя, когда дано было вамъ это знамя, что при первомъ случаѣ промѣняете его на георгіевское,—осада Варны оправдала мои ожиданія». Завязавъ ленту, государь поцѣловалъ крестъ. На глазахъ многихъ навернулись слезы и самъ императоръ прослезился. Осмотрѣвъ всѣ другія

¹⁾ Письмо императора Николая, цесаревичу Константину Павловичу 1-го (13-го) октября 1828 г. съ корабля „Нарпжъ.“

войска, снова приблизился онъ къ лейбъ-гвардіи Саперному баталіону и сказалъ: «Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ. Вы мнѣ, старому своему товарищу, дали этотъ прекрасный праздникъ»⁴⁾).

Командующій баталіономъ полковникъ Шильдеръ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и утвержденъ командиромъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Съ этого времени, во все продолженіе своей службы, генераль Шильдеръ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ и высокимъ расположеніемъ императора Николая.

Императоръ Николай щедро наградилъ всѣхъ участниковъ славной осады Варны. Графъ Воронцовъ получилъ шпагу съ алмазами съ надписью: «за взятіе Варны», а графъ Дибичъ—орденъ св. Андрея Первозваннаго. Государь не позабылъ также въ эти радостныя минуты раненаго Меншикова и пожаловалъ ему турецкую пушку.

Графу Воронцову повелѣно было возвратиться къ мѣсту своего прежняго служенія. Въ то же время онъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Михаилъ Семеновичъ! Воздавъ жертву должной хвалы и благодаренія Богу, поборающему правдѣ и увѣнчавшему оружіе россійское новымъ блистательнымъ успѣхомъ, я желаю почтить память моего предшественника, утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подъ стѣнами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ, ратуя подъ знаменемъ христовымъ, мужественный сынъ Ягайлы, Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія не знаемъ, но да будетъ ему воздвигнуть въ самой столицѣ Польши памятникъ, его достойный. Назначивъ для сего ей въ даръ 12 турецкихъ пушекъ изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ по распоряженію его императорскаго высочества цесаревича, въ честь героя и въ честь храбрымъ россійскимъ войскамъ, отмстившимъ побѣдою за его паденіе. Возлагая на васъ исполненіе моей воли, пребываю вамъ всегда благосклонный».

Цесаревичу Константину Павловичу государь писалъ: «я жалую Варшавѣ 12 орудій, какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія, что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ, чтобы отомстить смерть другаго польскаго короля. Да сблизятся поляки и русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій моего разума. Быть можетъ, подаренныя пушки докажутъ то, что я высказываю вамъ здѣсь этими словами». вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай въ письмѣ къ

⁴⁾ А. Волькенштейнъ: „Исторія лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона 1812—1852“. С.-Петербургъ 1852 г. Исторія баталіона была прочитана императоромъ Николаемъ въ рукописи и собственноручно имъ исправлена.

брату отозвался съ величайшей похвалою о польскихъ офицерахъ, прикомандированныхъ къ арміи; находившагося при немъ полковника Гауке назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ.

Торжественный въѣздъ императора Николая въ Варну въ сопровожденіи всего штаба и иностранныхъ дипломатовъ состоялся 1-го (13-го) октября. «Смерть Владислава отомщена»,—сказалъ государь, въѣзжая въ крѣпость ¹⁾.

«Насъ обдало,—пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ,—такимъ невыносимымъ смрадомъ, отъ безчисленнаго множества падали всякаго рода и человѣческихъ тѣлъ, такъ дурно похороненныхъ, что у иныхъ торчали ноги, а другія едва прикрыты были нѣсколькими лопатками земли. Страшная неопрятность еще болѣе заражала воздухъ. Невозможно описать положеніе, въ которое приведенъ былъ городъ бомбардированіемъ. Вездѣ встрѣчались полуразрушенныя мечети; дома, провиантныя ядрами, или обрушившіеся отъ разрыва бомбъ; цѣлыя кварталы, обращенныя въ груды развалинъ, безъ всякаго почти слѣда бывшихъ тутъ прежде зданій. Какимъ-то чудомъ только уцѣлѣла греческая церковь, хотя именно та часть города, въ которой она находилась, наиболѣе пострадала отъ огня нашего флота и сухопутныхъ батарей. Государь остановился передъ этою церковью, очень маленькою, мрачною и построенною во дворѣ, велѣлъ отслужить въ ней благодарственное молебствіе. Это священнослуженіе, посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ, угнетенномъ полудуниемъ храмѣ имѣло что-то неопишимо поразительное».

По волѣ императора Николая подвигъ гвардейскихъ саперъ подъ Варною увѣковѣченъ былъ въ послѣдствіи прекрасной картиной профессора Зауервейда, помѣщенной въ одной изъ залъ Зимняго дворца. Она изображаетъ переходъ черезъ ровъ и рывину, противъ втораго бастиона, и моментъ вѣнчанія воронки, произведенной въ немъ взрывомъ; кисть художника сумѣла воспроизвести съ поразительною вѣрностью всѣ подробности осадныхъ работъ ²⁾.

¹⁾ Владиславъ III, король польскій и венгерскій, погибъ подъ стѣнами Варны, въ битвѣ съ султаномъ Амуратомъ, 10-го ноября 1444 года.

²⁾ Профессоръ Зауервейде пользовался при выполненіи своей картины указаніями генерала Шильдера, который, самъ умѣя отлично рисовать, руководилъ художника своими совѣтами, основанными на личныхъ воспоминаніяхъ и на ближайшемъ знакомствѣ со всѣми подробностями дѣла. Лица нижнихъ чиновъ, изображенныхъ на первомъ планѣ картины, по большей части портреты дѣйствительныхъ участниковъ осадныхъ работъ подъ Варною.

П. Н. Глѣбовъ въ статьѣ объ осадѣ Варны, напечатанной въ 1843 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, пишетъ по поводу картины Зауервейда: „Въ этой картинѣ такъ много ума, воображенія, истины и умѣнія разнообразить однообразіе, а главное, такъ вѣрно схвачены всѣ подробности сапныхъ ра-

Утромъ 2-го (14-го) октября императоръ Николай прибылъ на южную сторону крѣпости Варны къ отряду генераль-адъютанта Бистрома. Онъ благодарилъ войска, обнялъ предводителя ихъ и самъ повелъ находившіеся здѣсь полки гвардейскаго корпуса, съ распущенными знаменами, черезъ крѣпость на сѣверную сторону, гдѣ они расположились лагеремъ ¹⁾.

Въ виду предстоящаго отъѣзда изъ арміи, по случаю окончанія кампаніи 1828 года, императоръ Николай лично распорядился относительно размѣщенія арміи по зимнимъ квартирамъ, устройства госпиталей и магазиновъ, а также исправленія варнскихъ укрѣпленій. Гвардію рѣшено было немедленно отправить на зимнія квартиры въ Подольскую губернію, въ Тульчинъ ²⁾.

Въ особомъ рескриптѣ отъ 2-го (14-го) октября, на имя главнокомандующаго, императоръ Николай ввѣрилъ ему ближайшее исполненіе всѣхъ распоряженій, связанныхъ съ зимнимъ расквартированіемъ войскъ; графъ Дибичъ долженъ былъ оставаться при фельдмаршалѣ еще нѣкоторое время до полного устройства дѣлъ и окончанія похода. Намѣреніе государя было возвратиться въ Россію сухимъ путемъ, но адмиралъ Грейгъ и генераль-адъютантъ Бенкендорфъ склонили его отправиться моремъ; онъ пересѣлъ на корабль «Императрица Марія», который 2-го (14-го) октября поднялъ паруса при столь попутномъ вѣтрѣ, что можно было надѣяться черезъ три дня прибыть въ Одессу. Корабль сопровождали яхта «Утѣха» и пароходъ «Метеоръ».

Въ тотъ же день отплылъ и фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ помѣщены были иностранные дипломаты, находившіеся при государѣ въ арміи ³⁾.

Императора Николая сопровождали: графъ Воронцовъ, графъ Нессельроде, генераль-адъютанты Бенкендорфъ, графъ Орловъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій и прусскій генераль Ностицъ. Кораблемъ «Императрица Марія» командовалъ капитанъ Папа-Христо.

По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го (15-го) октября, довелъ суда благополучно до высоты георгіевъ-

ботъ, что, взглянувъ въ нее, невольно переносишься на самое мѣсто славнаго подвига полковника Шильдера. Словомъ, картина г. Зауервейда лучше всякихъ описаній знакомитъ съ окончательнымъ актомъ осады Варны⁴⁾.

¹⁾ Н. Лукьяновичъ: „Біографія генераль-адъютанта Бистрома“. С.-Петербургъ 1841, стр. 42.

²⁾ Гвардія перешла Дунай въ Сатуновъ (въ августѣ) въ составѣ 25.518 человекъ нижнихъ чиновъ. При обратномъ переходѣ черезъ Дунай, возвращаясь въ предѣлы Россіи, въ строю находилось 19.474 человекъ.

³⁾ Плѣнный Юсуфъ-паша позже отвезенъ былъ въ Одессу на фрегатѣ „Рафаилъ“. — Это былъ тотъ самый фрегатъ, который въ слѣдующемъ 1829 году сдѣлался добычею турокъ.

скихъ дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до десятаго часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный вѣтеръ (NO) мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го (16-го) октября обратился въ сильный штормъ; дождь лилъ какъ изъ ведра. Штормъ свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду и началъ стихать только 5-го (17-го) октября, по полуночи въ шестомъ часу. Наконецъ корабль «Императрица Марія», пробывъ въ морѣ семь дней, бросилъ якорь на Одесскомъ рейдѣ ночью на 8-е (20-е) октября¹⁾.

По поводу этого страшнаго пріѣзда, очевидецъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, пишетъ:

«Мы были уже на половинѣ дороги къ Одессѣ, какъ вдругъ началась буря, превратившаяся вскорѣ въ совершенный штормъ. Въ нѣсколько минутъ у насъ совсѣмъ сломало бизань-мачту, повредило и другія, и

¹⁾ Въ донесеніи отъ 8-го (20-го) октября 1828 года генераль-адъютанта Адлерберга графу Дибичу о) плаваніи императора Николая отъ Варны до Одессы, написанномъ на кораблѣ по прибытіи его на рейдъ, событіе это изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го числа, довелъ корабль „Императрица Марія“ благополучно до высоты Георгіевскихъ Дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до 10-го часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный NO вѣтеръ 4-го числа сдѣлался сильнымъ штормомъ, который свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду, началъ угнать только 5-го числа по полуночи въ шестомъ часу.

„Въ продолженіе сей бури, корабль потерялъ на фокъ-мачтѣ стеньгу и брамстенгу и на бушпертѣ углегеръ и бамулегеръ съ парусами, и былъ увлеченъ отъ настоящаго курса своего назадъ, почти до высоты крѣпости Кюстенджи, а отъ берега слишкомъ на 70 миль. Качка была столь велика, что по всѣмъ палубамъ и на шканцахъ были протянуты веревки, дабы матросамъ можно было за онія держаться. Государь императоръ много страдалъ отъ морской болѣзни, и изъ всѣхъ сопровождавшихъ его величество не было никого здороваго. Его величество при семъ случаѣ сожалѣлъ весьма, что не предпринялъ обратную дорогу сухимъ путемъ. По окончаніи бури вѣтеръ продолжалъ дуть противный и только въ ночь съ 5-го на 6-е число сдѣлался попутнымъ, въ полдень же 6-го числа вновь сдѣлался противнымъ, что и принудило лавировать и лишь 8-го числа во второмъ часу утра корабль „Императрица Марія“ бросилъ якорь въ Одесскомъ рейдѣ и государь императоръ съѣхалъ на берегъ, гдѣ ожидающъ его величество дорожные экипажи“.

Копія съ этого донесенія была послана цесаревичу Константину Павловичу и великому князю Михаилу Павловичу.

Императоръ Николай писалъ цесаревичу уже по пріѣздѣ въ Петербургъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года:

„Nous avons eu en mer la nuit du 3 au 4 et jusqu'à celle du 5 une tempête horrible qui a failli nous faire le voyage de Constantinople au lieu d'ici; vous ni avouerez que l'erreur eut été un peu forte; enfin, grâce au bon Dieu, c'est passé et n'y pensons plus“.

порвало снасти. Волненіе сдѣлалось такъ сильно, что невозможно было ни предупредить, ни исправлять поврежденій; оставалось закрѣпить руль и отдаться на произволъ волнамъ. Всѣ особы свиты легли по койкамъ; большая часть прислуги и даже экипажа страдала морскою болѣзнію. Только государь, графъ Погоцкій и я были здоровы и на ногахъ, цѣпляясь за все встрѣчное, когда хотѣли передвинуться съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ такъ ревѣлъ, что нельзя было слышать другъ друга иначе, какъ крича на ухо, а въ прибавокъ ко всему этому и воздухъ охладился до нестерпимости. Насъ неудержимо гнало къ враждебнымъ берегамъ Босфора. Въ продолженіе двадцати часовъ корабль уже уклонялся въ этомъ направленіи отъ настоящаго курса, слишкомъ на 60 миль, и не было никакого средства бороться противъ этой новой опасности. Еще сутки такой же бури, и русскаго монарха выбросило бы на турецкую землю! Государь, остававшійся неизмѣнно твердымъ и снисходительнымъ, упрекнулъ меня въ данномъ мною совѣтѣ плыть моремъ лишь словами, что ему непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Петербургъ къ 1-му октября, т. е. къ рожденію его матушки, но теперь эта задержка, вѣроятно, тому воспрепятствуетъ. Наконецъ, послѣ 26-ти часовой бури, вѣтеръ, перемѣнивъ отчасти направление, сталъ нѣсколько ослабѣвать и позволилъ намъ, по крайней мѣрѣ, не пятиться назадъ. Люди принялись за работу со всемъ жаромъ, который имъ внушало присутствіе государя, главнѣйшія поврежденія были по возможности исправлены, и корабль сталъ слушаться рули. Къ послѣобѣденной порѣ вѣтеръ стихъ и принялъ попутное намъ направленіе; но на морѣ была еще такая зыбь, что огромный нашъ линейный корабль качало какъ бы легкій яликъ. Къ Одессѣ мы подошли только съ наступленіемъ ночи (8-го октября). Надо было обратиться къ помощи ночныхъ сигналовъ и бросить якорь довольно далеко отъ города, чтобы избѣжать несчастья, если бы мы слишкомъ приблизились къ рейду. Погода была ужасная. Несмотря на холодный пронзительный вѣтеръ, государь сѣлъ въ шляпку, которая отвезла его къ Одесской пристани ¹⁾).

«Онъ явился въ домъ графа Воронцова къ восхищенію жителей всего города, страшившихся за дни своего монарха. Вѣсть объ отправленіи его, въ такую бурю моремъ, и слѣдственно, о грозившей ему опасности привезъ за нѣсколько часовъ до того адъютантъ Михаила Павловича, посланный великимъ княземъ изъ Варнскаго лагеря, за извѣстіемъ о государѣ сухимъ путемъ. Буря перепугала и армию и

¹⁾ Фрегатъ „Пантелеймонъ“, на которомъ находились дипломаты, испыталъ одинаковую участь съ кораблемъ „Императрица Марія“. Гибель его казалась неизбежною, и онъ спасся какимъ-то чудомъ. Буря привела фрегатъ въ Севастополь.

флотъ; послѣдній, при всей удобности своей стоянки, довольно пострадалъ, а въ лагерѣ сорвало и разнесло палатки.

«На дорожныя наши приготовленія потребовалось немного времени, и въ четыре часа утра я уже сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ государемъ. Онъ остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались подъ церковными сводами. Въ соборѣ находился только одинъ священникъ, и нѣсколько свѣчей, зажженныхъ у иконъ, освѣщали царствовавшую въ немъ глубокую темноту. Этотъ отъѣздъ былъ печаленъ и хотя мы только-что освободились отъ смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастье».

Императора Николая тяготило въ то время предчувствіе близости великаго несчастія, не отдавая себѣ отчета, какое именно горе готово поразить его. Государь признался въ этихъ чувствахъ цесаревичу, по приѣздѣ въ Петербургъ, и писалъ: «*Quelque chose dirrisistible me pous-sait vers ici*».

Мрачное предчувствіе государя, которое сообщилось и генералъ-адъютанту Бенкендорфу, въ минуту отъѣзда изъ Одессы, вскорѣ объяснилось: Николая Павловича ожидало въ столицѣ великое семейное горе.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Д. П. Рунича ¹⁾.

I.

Воспитаніе при императрицѣ Екатеринѣ II.—М. Н. Карамзинъ.—Его заслуги и вліяніе на литературу того времени.—Московское общество въ концѣ царствованія Екатерины II.—Арестованіе Н. И. Новикова.

Упомянувъ о Новиковѣ, составившемъ эпоху въ русской литературѣ, я прежде, нежели перейти къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II, назову еще одну личность, выступившую на литературномъ поприщѣ одновременно съ нимъ и не менѣе его прославленную; это былъ Карамзинъ.

Древняя столица Имперіи была бѣдна учебными заведеніями. Университетъ существовалъ конечно не для дѣтей и юношества. Главное народное училище посѣщалось исключительно дѣтьми среднего сословія. Существовало, правда, два или три пансіона для дѣтей дворянъ и высшаго купечества; но знатное дворянство воспитывало своихъ дѣтей дома. Учители или гувернеры иностранцы получали

¹⁾ Извѣстный Александровскій дѣятель, Дмитрій Павловичъ Руничъ, оставилъ на французскомъ языкѣ записки двоякаго содержанія. Изъ нихъ печатаемая нынѣ въ русскомъ переводѣ записки касаются политическихъ событій его времени, а другія, которыя также появятся на страницахъ „Русской Старины“, болѣе касаются событій его жизни. Къ сожалѣнію, нѣкоторые листы записокъ Рунича утрачены и, кажется, утрачена всякая надежда восполнить этотъ пробѣлъ. Вотъ почему нынѣ печатаемая записки начинаются со словъ: „упомянувъ о Новиковѣ“. Предшествовавшія страницы не могли быть найдены.

въ знатныхъ домахъ отъ 500 до 2.000 рублей жалованія, что составляетъ по нынѣшнему курсу отъ 1.750 до 7.000 руб.; разумѣется, не всякій могъ расходовать подобную сумму. Профессоры университета давали уроки у себя на дому, но не преподавали въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, можно было начать латынь въ приготовительныхъ классахъ университета, но надобно было имѣть извѣстную подготовку для того, чтобы слушать лекціи профессоровъ.

Карамзинъ, изъ небогатыхъ дворянъ Симбирской губерніи, учился въ университетѣ. Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ уже окончилъ въ немъ курсъ. Онъ зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій настолько, что могъ читать классическія произведенія, написанныя на этихъ языкахъ, но его французское произношеніе изобличало иностранца, ибо всѣ тѣ, кои не принадлежали къ самымъ знатымъ семьямъ, съ колыбели имѣвшимъ при дѣтяхъ французовъ или француженокъ, сохраняли на всю жизнь акцентъ, безобразящій благозвучный французскій языкъ; но Карамзинъ все же говорилъ по-французски и по-нѣмецки вполне правильно. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ числу московскихъ масоновъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ состоялъ со многими изъ нихъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ и благодаря этому былъ принятъ въ домъ одного изъ членовъ братства—Плещеева, человѣка богатаго, происходившаго изъ стариннаго дворянскаго рода. Мое семейство было связано дружбою съ семействомъ Плещеевыхъ, и у нихъ въ домѣ, еще ребенкомъ, я видѣлъ Карамзина до его поѣздки за границу. Плещеевы оказывали ему столь дружеское расположеніе, что онъ былъ принятъ у нихъ въ домѣ какъ родной. Жизнь ему ничего не стоила. Всѣ его надобности и желанія предупреждались. Хотя расходы, сопряженные съ путешествіемъ по Европѣ, были въ то время гораздо менѣе значительны, нежели теперь, однако при самой большой аккуратности все же надобно было имѣть нѣкоторыя средства, чтобы посѣтить страны, которыя Карамзинъ объѣхалъ въ два или три года, хотя онъ и путешествовалъ одинъ, то съ котомкою за плечами, то въ дилижансѣ или почтовой телѣгѣ, то верхомъ или пѣшкомъ. Карамзинъ посѣтилъ славившіеся своею ученостью города Германіи и Швейцаріи, былъ въ Парижѣ и Лондонѣ; въ то время еще не было пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Онъ выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи слуги Плещеевыхъ, извѣстнаго по письмамъ русскаго путешественника подъ названіемъ добродушнаго Ильи, который возвратился изъ Риги или съ границы въ то время, когда Карамзинъ переступилъ предѣлы отечества. Карамзинъ возвратился въ Москву, не помню хорошенько незадолго до взятія Бастиліи или вскорѣ послѣ этого событія; въ это именно время я видѣлъ его часто до самой кончины императрицы Екатерины II.

Карамзину было въ то время 26—30 лѣтъ. Онъ былъ красивъ собою и весьма любезенъ; по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, онъ напускалъ на себя нѣмецкій педантизмъ, много курилъ, говорилъ обо всемъ, любилъ засиживаться далеко за полночь, бесѣдовать, слушать рассказы, хорошо поѣсть и власть попить чаю. Крошечную комнату, которую онъ занималъ въ одномъ изъ деревянныхъ флигелей дома Плещеевыхъ, онъ превратилъ въ кабинетъ ученаго. Груды книгъ на полкахъ, на окнахъ, диванахъ, столахъ, на полу, свидѣтельствовали о чловѣкѣ трудящемся, главнымъ занятіемъ котораго была литература.

Нѣсколько времени спустя онъ предпринялъ изданіе перваго русскаго журнала, названнаго имъ «Московскій журналъ», въ коемъ печатались по преимуществу его «Письма русскаго путешественника» и отдѣльныя статьи въ стихахъ и прозѣ, а также критическій разборъ новыхъ книгъ, выходившихъ на русскомъ или на иностранныхъ языкахъ. До него всякая печатная книга почиталась хорошею; всякое сочиненіе—ученымъ, всякій слогъ—правильнымъ! Его слогу стали подражать наши извѣстнѣйшіе писатели. Русскій языкъ, на которомъ говорятъ прекрасно воспитанные и образованные люди нашего времени—есть языкъ Карамзина!

Занятый изданіемъ журнала, онъ дѣлалъ въ то же время отличные переводы съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, о чемъ свидѣлствуютъ переведенные имъ нравственные рассказы Мармонтеля. Такъ какъ въ то время самымъ правильнымъ и изящнымъ слогомъ, заслуживающимъ подражанія, считался слогъ Хераскова, то новый Карамзинскій слогъ произвелъ большой переворотъ и вызвалъ сильную оппозицію! Поклонники стариннаго русскаго языка, поклонники Ломоносова и Хераскова, возстали противъ Карамзина, увидавъ, что онъ не преклоняется передъ стариною. Его обороты рѣчи, введенные имъ галлицизмы и французскія слова, которыя онъ употреблялъ, стараясь обрусить ихъ, возстановили противъ него ученыхъ и простыхъ читателей, знакомыхъ только съ обрусѣлымъ славянскимъ языкомъ. Несмотря на это, Карамзинъ твердо и неуклонно продолжалъ трудиться надъ обновленіемъ языка и слога.

Его эротическія стихотворенія и сказки, его поверхностная философія и въ особенности его критика возстановили противъ него глупцовъ и педантовъ, ученыхъ и невѣждъ! Въ него кидали камнемъ съ одной стороны, тогда какъ съ другой его превозносили до небесъ! Одни добивались его похвалы, старались подражать ему, а другіе осмѣивали и порицали его, называли онѣмеченнымъ русакомъ, искажителемъ русскаго языка! Я былъ въ то время еще совершенно юный, но счелъ возможнымъ подражать ему и издалъ въ 1795 г. жалкій переводъ на русскій языкъ путешествія мплэди Кравентъ, а позднѣе эпизодъ изъ

«les Fatalistes» Дидро; у меня до сихъ поръ хранится рукопись этого перевода, пересмотрѣнная и исправленная собственноручно Карамзинымъ. Эта любезность заставила меня возмечтать въ 17 лѣтъ, что и я принадлежалъ къ школѣ нашего перваго писателя. При появленіи въ его журналѣ «Вѣдной Лизы» я перевелъ ее немедленно на французскій языкъ. Я считалъ для себя весьма лестнымъ печатать свои литературные труды рядомъ съ трудами Карамзина!

Отдавъ полную справедливость этому человѣку, котораго я смѣло назову отцомъ современной русской литературы, я скажу, что философія этого знаменитаго писателя и его нравственные взгляды имѣли, къ величайшему сожалѣнію, чрезвычайно вредное вліяніе на нравы той эпохи.

Хотя у насъ и до Карамзина читали французскіе романы и сочиненія Руссо и Вольтера, но проповѣдуемые ими нравственные принципы не проникли въ общество и въ семью.

О Новой Элоизѣ или объ Элоизѣ и Абеяръ не рѣшались упоминать въ присутствіи женщинъ. Говоря объ опасныхъ связяхъ или о Фобластѣ, легко было прослыть въ обществѣ человѣкомъ безнравственнымъ; однимъ словомъ: люди были не добродѣтелище, чѣмъ теперь, но они считали нужнымъ быть добродѣтельными хотя для вида; извѣстная стыдливость сдерживала въ должныхъ границахъ разнузданность и даже развратъ.

Москва была всегда средоточіемъ недовольныхъ всевозможныхъ отѣнковъ; они жаловались на любимцевъ Екатерины, на злоупотребленія начальствующихъ и чиновныхъ лицъ, но объ этомъ не говорили во всеуслышаніе! Присутствіе Шешковского и даже одно его имя постоянно напоминало болтунамъ поговорку: говорить правду, потерять дружбу. Даже о французской революціи говорили не иначе, какъ при закрытыхъ дверяхъ! Разсужденія и сочиненія Карамзина развязали всѣмъ языкъ!

Въ обществѣ стали говорить свободнѣе; начитавшись о Швейцаріи, въ письмахъ Карамзина стали превозносить счастливую жизнь въ этой странѣ. Взятіе и разрушеніе Бастиліи, арестованіе короля, отчетъ, представленный Неккеромъ въ собраніе нотаблей, убіеніе Людовика XVI и его жены, монтаньяры, фельянтинцы ⁴⁾, Мирабо, терроръ со всѣми его ужасами—таковы были темы, о которыхъ разсуждали съ видомъ знатковъ и коими интересовались.

Карамзинъ слишкомъ рано сталъ восхвалять во всеуслышаніе свободу, коей пользуется народъ подѣ небомъ Швейцаріи, которая, какъ онъ писалъ въ своихъ письмахъ объ этой странѣ, заставила его пасть ницѣ

⁴⁾ Члены политическаго клуба, собиравшіеся въ Парижѣ въ бывшемъ монастырѣ фельянтинцевъ. В. Т.

на эту благодатную землю и возблагодарить небо за то, что онъ понялъ впервые, что значитъ достоинство человѣка! Этому нельзя было подражать въ Россіи, гдѣ при 10 и 20 градусномъ морозѣ земля бываетъ покрыта въ теченіе полугода снѣгомъ глубиною болѣе чѣмъ на футъ. Въ своихъ повѣстяхъ, сказкахъ и эротическихъ стихотвореніяхъ онъ говорилъ слишкомъ восторженно объ оттоманкахъ, составляющихъ наслажденіе женъ и отчаяніе мужей, и говорилъ это въ странѣ, гдѣ грѣхопаденіе считается до сихъ поръ величайшимъ преступленіемъ, посягающимъ на семейное счастье и на благо общества! Онъ перевозносилъ въ своихъ стихахъ наслажденія, доставляемыя Вакхомъ и Венерою, въ слишкомъ восторженныхъ краскахъ для молодежи, которая уже стремилась свергнуть иго строгаго религіознаго воспитанія.

Начиная издавать журналъ, Карамзинъ имѣлъ въ виду единственно приобрести средства и независимость, которыя могло доставить ему это занятіе. Онъ писалъ о томъ, чего никто не говорилъ до него. Новизна и увлекательность его слога доставили ему многочисленныхъ читателей. Молодежь, всегда пылкая и увлекающаяся, стала подъ его эротическое, вакхическое и либеральное знамя; его первая цѣль была этимъ достигнута. Когда онъ приобрѣлъ независимое положеніе, то его второю цѣлью сдѣлалось стремленіе къ извѣстности. Онъ достигъ и ея. Онъ сдѣлался извѣстенъ императору своими сочиненіями, въ особенности исторической запискою о Москвѣ. Во время коронаціи Александръ осыпалъ его милостіями; онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ св. Владимира 3-й степени; впоследствии получилъ званіе русскаго исторіографа. По окончаніи «Исторіи государства Россійскаго» онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ Анненскую ленту. Его Исторія была напечатана на счетъ правительства въ его пользу. За первымъ изданіемъ послѣдовало нѣсколько другихъ, которыя принесли ему огромное состояніе. Вліяніе, коимъ онъ пользовался при дворѣ, доставило его женѣ и дѣтямъ такое видное положеніе, какимъ они никогда не могли бы пользоваться по праву рожденія. Въ обществѣ Карамзина очень уважали, и онъ имѣлъ свободный доступъ къ царской фамиліи.

Карамзинъ скончался 60 съ небольшимъ лѣтъ отъ рода. Менѣе нежели черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ взялъ впервые въ руки перо, отставной прапорщикъ и журналистъ сдѣлался оракуломъ русской литературы и исторіи. Послѣ его смерти, его женѣ и дѣтямъ была пожалована огромная пенсія въ 100 тысячъ рублей. Такъ-то все идетъ на этомъ свѣтѣ! Изъ его школы вышли Жуковскій, Пушкинъ, Марлинскій и прочіе лучшіе наши писатели. Литература и исторія Россіи одному ему обязаны своимъ блескомъ. Человѣкъ гениальный и хотя бы даже

*

интриганъ, не обладающій геніемъ, достигнуть всегда благопріятныхъ результатовъ, если они появятся на свѣтъ своевременно.

Новиковъ умеръ въ нищетѣ,—Карамзинъ жилъ въ роскоши. Въ то время, когда Новиковъ ставилъ на карту сотни тысячъ рублей, Карамзину нечего было ѣсть. Они были оба люди геніальные, но ихъ карьера была весьма различна, и они достигли самыхъ противоположныхъ результатовъ. Исторія гигантовъ представляетъ съ точки зрѣнія логики не мало любопытнаго.

Я говорилъ, что высшее московское дворянство было совершенно офранцужено. Въ то время были въ модѣ любительскіе спектакли. Мариво и Детуша играли въ совершенствѣ. Старикъ князь Бѣлосельскій, бывшій посланникомъ въ Туринѣ, Плещеевъ сынъ, Апухтинъ и Пушкинъ могли бы соперничать съ лучшими парижскими актерами. Въ салонахъ избраннаго общества были въ модѣ игры, чтенія, все то, что было принято во Франціи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ салонахъ царствовала французская вѣжливость, любезность и деликатность!

Молодежь хорошаго общества воспитывалась гувернерами французами или швейцарцами. Къ этимъ гувернерамъ относились не такъ, какъ къ слугамъ, какъ это было во Франціи до революціи, а какъ къ друзьямъ дома. Они же держали себя такъ, какъ будто они находились среди дикарей, кои должны почитать за счастье, что они живутъ у нихъ и могутъ научить ихъ сдѣлаться людьми. Всѣ ихъ требованія исполнялись; въ праздничные дни въ ихъ распоряженіе предоставлялся экипажъ съ парой лошадей и лакеемъ. Само собою разумѣется, что эти господа, насмѣхаясь надъ русскими обычаями, религіей, надъ варварствомъ Россіи, внушали эти чувства и своимъ воспитанникамъ, коихъ они пріучали еще болѣе, нежели ихъ отцовъ и матерей, считать, что все русское стоитъ гораздо ниже французскаго. Дворянская семья, у которой не было гувернера или гувернантки французенки, считала себя несчастной. Нѣмцевъ не любили; англичанокъ въ Россіи было мало. Изъ англичанъ въ Москвѣ были только одни барышники, торговавшіе лошадьми, и лакеи. Изъ италіанцевъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ учителей пѣнія, всѣ остальные были бродяги, разношники эстамповъ, зонтиковъ, пудры, помады и духовъ.

Высшее общество раздѣлялось на англомановъ и галломановъ, которые отличались по костюму; но нравы и обычаи у всѣхъ были французскіе. Англоманія выражалась исключительно въ любви къ лошадямъ англійской породы и къ скачкамъ, которыя ввелъ въ моду графъ Алексѣй Орловъ, жившій въ Москвѣ и владѣвшій великолѣпнѣйшими въ Россіи конскими заводами. Эти скачки ничѣмъ не отличались отъ ристалищъ, происходившихъ въ Англіи, и привлекали весь городъ. Я уже замѣтилъ, что во вкусахъ обѣихъ націй было много общаго: народъ

толпою устремлялся на эти зрѣлища. Красота лошадей, нарядъ жокеевъ, множество экипажей, туалеты дамъ, всадники и пѣшеходы—все вмѣстѣ представляло собою великолѣпное зрѣлище. Русскимъ, бывшимъ въ Парижѣ въ моментъ революціи, вѣдно было возвратиться на родину или выѣхать изъ столицы Франціи. Послѣ казни короля и королевы сочли нужнымъ прервать всякое сношеніе съ этой страной, не налагая однако запрещенія на все то, что могло появиться изъ Франціи.

Даже республиканскія моды не подверглись гоненію. Въ обществѣ, подъ звуки клавесина распѣвали марсельезу и называли другъ друга *citoyen* (гражданинъ); однимъ словомъ, не преслѣдовали всѣхъ этихъ смѣшныхъ, вышнихъ проявленій (революціоннаго духа); впрочемъ, люди избраннаго общества, не придавая особеннаго значенія большимъ жабо, сучковатымъ палкамъ и тысячѣ другихъ глупостей, все же находили ихъ смѣшными. Страсть къ подражанію всему французскому доходила до того, что семейство Г.¹⁾, принадлежавшее къ числу знатнѣйшихъ въ Россіи, проведя долгое время въ Парижѣ, не отказалось, по возвращеніи въ Россію, отъ своего пристрастія ко всему французскому, несмотря на то, что санкюлоты истребляли аристократію. Въ этомъ семействѣ, игнорировавшемъ русскій языкъ, говорили только по-французски. Однажды, въ обществѣ, въ которомъ находились Г., зашла рѣчь о родствѣ, и одна изъ дамъ этой семьи, услыжавъ слово тетка, наивно спросила, что значитъ тетка?

Съ другой стороны, французы, жившіе въ Россіи и въ особенности въ Москвѣ, держали себя спокойно, вѣкоторые изъ нихъ даже приняли русское подданство и объявили себя врагами революціи; преподаватель Марать, воспитывавшій сына Салтыкова, челоуѣка богатаго и знатнаго, желая выказать публично отвращеніе, которое внушала ему фамилія его брата, гнуснаго Марата, просилъ какъ милости позволенія перемѣнить свою фамилію на Дюбудри—название деревни, въ которой родились онъ и его братъ, наводившій ужасъ на Парижъ. Кто бы могъ думать, что братъ Марата, оставившаго по себѣ столь печальную память, бывший бѣднымъ учителемъ въ Москвѣ въ то время, когда его братъ обгадрялъ Францію кровью, не желая носить одну фамилію съ нимъ, обратится къ монарху всея Россіи съ просьбою перемѣнить фамилію на название своего роднаго села Будри и что впоследствии незаконный сынъ того же самаго современнаго гальскаго проконсула, извѣстный подъ именемъ Іоакима Мюрата, короля Неаполитанскаго, также перемѣнитъ фамилію Марата на Мюрата! Правда, перемѣна была не велика; онъ измѣнилъ въ фамиліи всего одну букву. Обманъ былъ невеликъ.

Екатерина, арестовавъ Новикова, полагала, что ей болѣе нечего опа-

¹⁾ Въ оригиналѣ фамилія не названа.

саться французской революціи. Я забылъ сказать, что когда Новиковъ былъ арестованъ ночью, то карету, въ которой его отвезли въ Шлиссельбургъ, конвоировалъ сильный отрядъ кавалеріи. Московскій генераль-губернаторъ, князь Прозоровскій, желая придать особое значеніе отмѣнной услугѣ, оказанной имъ монархинѣ, сдѣлалъ видъ, будто онъ опасается, чтобы въ пользу столь важнаго преступника не было произведено волненія въ народѣ. Предполагали, какъ я уже сказалъ выше, что съ арестомъ Новикова все пойдетъ какъ слѣдуетъ, что всюду водворится порядокъ, и что масоны разсѣются или будутъ разсѣяны. Поэтому оставили въ покоѣ священника Десницкаго, московскихъ щеголей, революцію, Робеспьера и Марата.

Эта терпимость продолжалась до кончины Екатерины. По всей вѣроятности, Шешковскій не оставался въ это время безъ дѣла, но всеобщее равнодушіе парализовало недовѣріе.

О революціи, еще не прекратившейся, говорили въ томъ же тонѣ, какъ о чумѣ, свирѣпствующей на Востокѣ. Декларация Марата о правахъ человѣка не произвела въ Россіи никакого впечатлѣнія и ознаменовалась только появленіемъ новыхъ палокъ. Нѣсколько богатыхъ молодыхъ помѣщиковъ, возвратившихся изъ Парижа, предавались разврату болѣе откровенно, чѣмъ прежде; но ихъ примѣръ встрѣтилъ подражателей только въ высшемъ кругу, да и число этихъ подражателей было не велико.

II.

Воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Н. И. Салтыковъ.—П. А. Зубовъ.—Генераль-прокуроръ Самойловъ.—Князь Потемкинъ-Тавричскій.—Злоупотребленія въ администраціи.—Взяточничество.—Кончина Екатерины II.

Несмотря на политическія тревоженія и на свою старость, Екатерина занималась воспитаніемъ своихъ двухъ внуковъ Александра и Константина.

По выходѣ изъ дѣтскаго возраста они были отданы на попеченіе генерала Николая Салтыкова, получившаго позднѣе, уже въ царствованіе Александра, званіе графа и впоследствии князя съ титуломъ свѣтлости. Екатерина руководила воспитаніемъ внуковъ лично, и желая показать, что она сама во все вникаетъ, написала собственноручно инструкцію генералу Салтыкову, для руководства въ должности, коей она его облекла. Это былъ наборъ общихъ мѣстъ относительно физическаго и нравственнаго воспитанія въ философскомъ

духъ, изложенный на плохомъ русскомъ языкѣ. Слишкомъ извѣстному Лагарпу было поручено руководить научными занятіями обоихъ великихъ князей. Къ нимъ были приставлены въ качествѣ помощниковъ воспитателя дядьки въ званіи кавалеровъ.

Екатерина не могла сдѣлать худшаго выбора.

Салтыковъ не былъ способенъ руководить воспитаніемъ монарха, предназначеннаго судьбою царствовать со временемъ надъ обширнѣйшею въ мірѣ имперіей, которая отличается отъ прочихъ государствъ Европы своими правами, религіей, своимъ положеніемъ и разнородными элементами, которые ее составляютъ. Бывшій военный, Салтыковъ хотя и принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Россіи, но самъ не получилъ такого воспитанія, которое могло бы развить въ немъ способность руководить умомъ и сердцемъ будущаго императора всероссійскаго. Хитрый и ловкій царедворецъ, онъ былъ даже опасенъ на вѣрномъ ему посту. Для того чтобы удержать вліяніе при дворѣ, личные интересы повелѣвали ему лавировать, а онъ ставилъ свои личные интересы выше всѣхъ общественныхъ и легко подлаживался къ обстоятельствамъ. Непримѣняя опредѣленныхъ правилъ, конми онъ руководствовался бы въ своей общественной дѣятельности, онъ былъ только отголоскомъ взглядовъ своего монарха и его любимцевъ. Этою отличительною чертою была отмѣчена вся его общественная карьера, продолжавшаяся свыше 40 лѣтъ.

Лагарпъ былъ еще менѣе способенъ руководить занятіями русскихъ великихъ князей. Его философскіе взгляды и политическіе принципы слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы распространяться о томъ, какъ неприлично было подчинять дѣтей русскаго царственнаго дома вліянію философа XVIII вѣка, швейцарца, челоуѣка совершенно чуждаго Россіи и по всей вѣроятности относившагося втайнѣ недоброжелательно къ ея политическому строю и къ религіи, исповѣдуемой въ Россіи, которую католическая и протестантская Европа считаетъ ересью, а энциклопедисты и философы всѣхъ отгѣнковъ считаютъ смѣшной и идолопоклоннической; между тѣмъ какъ эта религія была единственнымъ цементомъ, связующимъ общественное зданіе и придавшимъ монархической власти ту сверхъестественную силу, которая свергла татарское иго, власть поляковъ и самого Наполеона.

Россіи нечего опасаться политическихъ переворотовъ. Нашествіе французовъ въ 1812 году вполне доказало это. Она можетъ быть взволнована внутренними смутами, но политической цѣли при этомъ не можетъ быть. Огромное протяженіе страны, невѣжество большинства ея жителей, варварство полудикарей, именуемыхъ татарами, вотяками, сибирскими инородцами, самоѣдами, камчадалами, различіе вѣ-

роисповѣданій и степени образованія финовъ, лифляндцевъ, курляндцевъ, поляковъ, армянъ, великоруссовъ, малоруссовъ и черноморскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ,—всѣ эти разнородные элементы не допускаютъ мысли, чтобы въ Россіи могло существовать единство взглядовъ, цѣлей и образа дѣйствія. Для Россіи политика существуетъ только въ отношеніи къ ея границамъ. Россіи, обезпеченной отъ нападенія извнѣ крѣпостями, нечего опасаться внутри кромѣ отдѣльныхъ вспышекъ, которыя могутъ мигомъ быть усмирены картечью. При твердомъ правительствѣ, опирающемся на религію, нравственность и справедливость, въ Россіи еще двѣсти или триста лѣтъ не можетъ быть политическаго переворота. Екатерина знала это, но философія ея вѣка заставила ее слишкомъ пренебрегать религіей и общественной нравственностью.

Она философствовала съ европейскими философами, которые были тогда въ модѣ; сочиняла сказки для своего любимаго внука Александра, наслаждалась прелестями Эрмитажа и Царскаго Села со своимъ фаворитомъ Зубовымъ, въ обществѣ посланника Кобенцеля, француза, котораго революція выбросила въ Россію, и знатныхъ путешественниковъ, коихъ влекло въ Россію любопытство. Въ дѣлахъ же внутренняго управленія она полагалась на своего генераль-прокурора, на сенатъ и на генераль-губернаторовъ.

Ея послѣдній фаворитъ, князь Зубовъ, былъ всемогущъ точно такъ же, какъ и ея послѣдній генераль-прокуроръ Самойловъ. Эти два лица играли въ то время слишкомъ выдающуюся роль въ дѣлахъ внутренняго управленія точно такъ же, какъ князь Потемкинъ, командовавшій молдавской арміей.

Екатеринѣ было уже за 60 лѣтъ въ то время, когда эти три лица находились въ апогеѣ своего величія и власти. Говоря объ Екатеринѣ, въ обществѣ восхваляли только ея умъ или осуждали недостатки ея царствованія. Когда заходила рѣчь о власти, руководившей дѣлами государства, и отъ которой зависѣлъ ходъ внутренняго управленія Имперіи, то имѣли въ виду только Зубова, Самойлова и Потемкина. Непосредственное вліяніе на дѣла имѣлъ также канцлеръ Безбородко, коего поддерживали Потемкинъ и Зубовъ.

Зубовъ, дворянинъ по происхожденію, былъ незначительнымъ поручикомъ гвардіи въ то время, когда благоволеніе императрицы выдвинуло его изъ среды его товарищей. Получивъ болѣе тщательное воспитаніе, нежели всѣ его предшественники, онъ соединялъ съ пріятной наружностью познанія и ловкость обхожденія, упрочившія къ нему благоволеніе. Екатерина такъ привязалась къ Зубову, что Потемкинъ видѣлъ въ немъ соперника, который могъ уронить его во мнѣніи императрицы. Зубовъ былъ всемогущъ. Его вліяніе распространялось на дѣла внѣш-

ня и внутренія. Въ качествѣ главнаго начальника артиллеріи, онъ имѣлъ вліяніе на всю армію; какъ человѣкъ, близкій къ престолу, онъ властвовалъ въ кабинетѣ и государственномъ совѣтѣ. Его канцелярія была государственной канцеляріей; ея директоры были всемогущи и могли оказывать покровительство или преслѣдовать тѣхъ, къ коимъ они благоволили или къ кому относились недоброжелательно въ своихъ собственныхъ видахъ.

Камеръ-фрау Екатерины, г-жа Перекусихина, имѣла доступъ къ фавориту, что давало ей вѣсь въ глазахъ всѣхъ лицъ, стоявшихъ у власти. Ея близость къ государынѣ, которая уже сильно чувствовала свою старость, сохранила ея вліяніе у того, кто былъ вторымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Самойловъ, дворянинъ незнатнаго происхожденія, но племянникъ Потемкина, достигъ, подобно своимъ родственникамъ, двумъ братьямъ Потемкинымъ, Энгельгадту и Высоцкому, высшихъ чиновъ въ арміи и былъ назначенъ генераль-прокуроромъ, — должность, соединявшую въ себѣ обязанности всѣхъ нынѣшнихъ министровъ; онъ былъ облеченъ такою же неограниченной властью, какою пользуется монархъ, и не подлежалъ никакому контролю и отвѣтственности. Высшая администрація, распределенная между коллегіями, сосредоточивалась въ особѣ генераль-прокурора, а этимъ прокуроромъ былъ Самойловъ, человѣкъ недалекаго ума, невѣжественный, какъ всѣ его сверстники, дворяне того времени. Не обладая умомъ, съ распущенной нравственностью, онъ подписывалъ все, что приказывалъ ему фаворитъ или его дядя, любовница и директоръ его канцеляріи или секретарь. Послѣднимъ, при кончинѣ Екатерины, былъ Ермоловъ, отецъ извѣстнаго генерала; онъ управлялъ канцеляріей генераль-прокурора Самойлова и самимъ Самойловымъ; тотъ, къ кому не благоволилъ Ермоловъ, не могъ ничего добиться. Во время кончины Екатерины Самойловъ былъ графъ, Андреевскій кавалеръ и человѣкъ всемогущій.

Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь, владѣлъ колоссальнымъ состояніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ принадлежавшіе ему вѣкогда Аничковскій и Таврическій дворцы. Генераль-губернаторъ Новороссійскаго края, фельдмаршалъ и главнокомандующій Молдавской арміей, онъ былъ облеченъ неограниченными полномочіями. Предъ нимъ все преклонялось. Екатерина не царствовала болѣе. Она только подписывала все то, что хотѣли Зубовъ и Потемкинъ. Верховная власть находилась фактически въ ихъ рукахъ.

Потемкинъ былъ нравственный гигантъ. Онъ увеличилъ блескъ царствованія Екатерины II своими побѣдами и территоріальными пріобрѣтеніями, сдѣланными имъ для расширенія Россіи. Назначенный главнокомандующимъ арміей, онъ далъ войску мундиръ, болѣе подходящий,

нежели тотъ, какой оно носило со времени организаціи на прусскій ладь или по образцу регулярныхъ европейскихъ войскъ.

Въ Яссахъ, въ Молдавіи, гдѣ проживалъ обыкновенно Потемкинъ, или въ главной квартирѣ арміи, коей онъ командовалъ, онъ жилъ, какъ монархъ, окруженный многочисленной свитой, греческими, грузинскими или армянскими епископами или монахами, молдавскими боярами, иностранцами и всякаго рода людьми, коихъ онъ привлекалъ къ себѣ или которые сами стремились къ нему съ различными предложеніями, планами и проектами. Изъ Яссъ онъ управлялъ Новороссійскимъ краемъ и всѣмъ, что было подчинено его власти. Онъ былъ окруженъ изящнѣйшими женщинами, женами его генераловъ и его племянницами, ухаживалъ за однѣми, прикидывался влюбленнымъ въ другихъ, исполнялъ всѣ ихъ прихоти, а также и свои собственныя; посылалъ въ Парижъ курьеровъ за послѣдними модами, въ Варшаву—за башмаками, которые онъ преподносилъ имъ вмѣстѣ съ драгоценными бездѣлками въ подарокъ на праздники; въ его галлерейхъ эти дамы качались на качеляхъ, подвѣшанныхъ на шелковыхъ Андреевскихъ лентахъ. Играя въ карты въ азартныя игры, онъ расплачивался вмѣсто денегъ неоправленными брилліантами. Онъ не зналъ, что значитъ слово невозможно. Всякое слово, вышедшее изъ его устъ, считалось безапелляціоннымъ приказаніемъ и немедленно приводилось въ исполненіе. Однажды въ Яссахъ въ его присутствіи говорили объ удивительной способности одного московскаго дворянина, который зналъ наизусть весь календарь и всегда могъ безошибочно назвать святаго, празднуемаго церковью въ извѣстный день. «Пошлите за нимъ»,—сказалъ Потемкинъ, и въ Москву тотчасъ полетѣлъ курьеръ за Спичинскимъ; это былъ дворянинъ, челоѣкъ со средствами, состоявшій въ родствѣ со многими знатнѣйшими фамиліями Россіи. Пока курьеръ ѣздилъ назадъ и впередъ, баловень судьбы позабылъ уже о календарѣ. По приѣздѣ Спичинскаго въ Яссы, о немъ доложили и представили его князю, который потребовалъ календарь. «Какъ зовутъ святаго, память котораго празднуется тогда-то и тогда-то?» Отвѣтъ оказался вѣрный. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ въ этомъ родѣ, Потемкинъ сказалъ: «довольно».

Дворянинъ, не знавшій, зачѣмъ его привезли въ Яссы, былъ отправленъ обратно въ Москву ¹⁾.

Эти странности могли бы быть названы тиранствомъ со стороны фаворита, который не имѣлъ бы иныхъ правъ (на уваженіе) кромѣ благоволенія, коимъ онъ пользовался. Потемкинъ пользовался этимъ

¹⁾ Наполеонъ посылалъ ночью за актрисою Жоржъ, которую онъ отсылалъ обратно, не выдавъ ее. Гевій и сумасшедшій не могутъ подавить въ себѣ желаній, хотя бы и безрасудныхъ.

правомъ, чтобы показать, что онъ не придавалъ особеннаго значенія тѣмъ личностямъ, единственная заслуга которыхъ состояла въ независимомъ состоянiи и знатномъ родствѣ. Вообще, онъ давалъ жестокіе уроки гордецамъ и низкопоклонникамъ. Если бы Потемкинъ родился лѣтъ пятьдесятъ позднѣе, то его геній не возвысился бы быть можетъ, до той высоты, до которой онъ достигъ. Онъ былъ бы самымъ обыкновеннымъ генераломъ или администраторомъ. Въ свое время онъ былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній короны Екатерины. Его странности забыты, его дѣла не исчезнуть. У полумѣсяца остался всего одинъ только рогъ! Таврическій полуостровъ принадлежитъ Россіи. Одесса соперничаетъ съ первѣйшими портами Европы.

Раздѣливъ Россію на губерніи и организовавъ ихъ администрацію, Екатерина не могла избѣгнуть злоупотребленій власти и недоброжелательства. Къ концу ея царствованія правосудіе продавалось тому, кто больше за него предлагалъ. Губернаторы обогащались на счетъ казны и народа. Ихъ примѣръ былъ заразителенъ. Мелкіе чиновники поступали на службу только для того, чтобы поскорѣе разбогатѣть. Подобнаго рода злоупотребленія проникли также въ армію. Полковые командиры заставляли солдатъ работать въ имѣніяхъ, которыя они пріобрѣтали по близости отъ мѣста расположенія полка, заставляли ихъ копать пруды, осушать болота, вырубать дѣса и исполнять бесплатно множество иныхъ работъ. На жалобы и сѣтованія никто не обращалъ вниманія. Всѣ отрасли администраціи приходили въ упадокъ въ рукахъ шестидесятилѣтней Екатерины. Сила воли оставляла ее. Власть Зубова тяготѣла надъ вельможами, и Москва, во всемъ несогласная съ Петербургомъ, говорила, что императрица старѣется.

Послѣ казни Людовика XVI Петербургскій кабинетъ встрепенулся. О коалиціи между Россіей, Австріей и Пруссіей и о посылкѣ войскъ во Францію говорили не въ однѣхъ столицахъ; объ этомъ проектѣ писали даже въ газетахъ, но онъ не былъ осуществленъ. Хотя дипломатія считала еще въ то время возможнымъ потушить пожаръ чернилами и заставить революцію смолкнуть подъ ударами перьевъ, не прибѣгая къ штыкамъ, но упомянутый проектъ не осуществился. Екатерина не хотѣла вмѣшиваться въ дѣла Западной Европы. На войны, веденныя Людовикомъ XIV, смотрѣли какъ на турниры или карусели, которые устраивались для забавы короля, чтобы онъ могъ воображать, что онъ воинъ и побѣдитель. Вообще, почти всѣ великія державы континента были не высокаго мнѣнія о доблести французскаго оружія. Екатерина, императоръ священной Римской имперіи и Фридрихъ Великій не были Давидами пророками, чтобы предвидѣть, что 25 лѣтъ спустя корсикаонецъ положитъ конецъ всей ветоши, именуемой публичнымъ правомъ Европы, основаннымъ на трактатахъ; что римскій императоръ сдѣлается

императоромъ австрійскимъ, король прусскій будетъ обязанъ сохраненію короны (Александру); что французскія войска вторгнутся на русскую землю и что какой-то Наполеонъ взорветъ на воздухъ часть Кремлевскихъ стѣнъ. Могло ли вооруженное вмѣшательство великихъ державъ Европы предупредить переворотъ во Франціи, убійство короля, словомъ, все то, что принято называть французской революціей, которая обошла въ теченіе пятидесяти лѣтъ всю Европу, могло ли оно остановить ея развитіе и подавить ее въ самомъ зародышѣ.

Д'Аржансонъ говорилъ передъ революціей: «Новая философія вызоветъ страшную революцію, если ее не сумѣютъ обуздать». Писательница г-жа де-Жанлисъ утверждала, что «самая ужасная революція та, при которой мы переходимъ отъ невинности къ преступленію». На народъ надобно смотрѣть, какъ на отдѣльныя личности. Все различіе заключается въ численности или массѣ. Народъ или огромное его большинство можетъ быть развращенъ, деморализованъ точно такъ же, какъ и отдѣльная личность. Послѣдствія, вызванныя развратомъ и деморализаціей личности, бываютъ субъективны и ограничены, послѣдствія же, вызываемыя порчей и деморализаціей цѣлаго народа, цѣлой націи, — всеобъемлющи, безграничны.

Нравственный строй государства подчиняется тѣмъ же законамъ, какіе существуютъ для физическихъ тѣлъ. Перевороты въ физическомъ и нравственномъ отношеніи суть не что иное, какъ выраженіе протекшаго времени, извѣстной продолжительности какой-либо эпохи соціальной или физической жизни.

Человѣкъ не можетъ помѣшать этой эволюціи; онъ можетъ только предупредить ее, ослабить ея развитіе и предвидѣть, чѣмъ она кончится. Если тѣло катится по наклонной плоскости, то человѣкъ можетъ только употребить усиліе, чтобы помѣшать ему двигаться съ тою быстротою, какую сообщили ему его вѣсъ и объемъ, и заставить его покатиться обратно и тѣмъ отдалить моментъ, когда тѣло достигнетъ края этой плоскости, и будетъ увлечено въ своемъ паденіи. Болѣе этого не можетъ предусмотрѣть и слѣдовательно предотвратить самое мудрое, осмотрительное и энергичное правительство. При внимательномъ лѣченіи, больной, одержимый хроническимъ недугомъ, можетъ прожить до ста лѣтъ. Мы видимъ тому не мало примѣровъ. Острая же болѣзнь можетъ въ одну минуту унести въ могилу Геркулеса.

Французская революція зародилась въ Версалѣ и въ такъ называемомъ *Parc aux cerfs* ¹⁾; при Людовикѣ XV; развивалась во время

¹⁾ Такъ назывался принадлежавшій Людовику XV небольшой домикъ, въ Версальскомъ паркѣ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ находился некогда Олений паркъ, и съ которымъ связано одно изъ самыхъ скандальныхъ вос-

управленія регента, сдѣлалась популярною, благодаря Мирабо, и національною, благодаря національному собранію. Это напоминаетъ развитіе въ организмѣ гангрены. Отнявъ частицу зараженнаго мизинца, можно спасти все тѣло. Дѣйствуя на болѣзнетворное начало рака, можно уменьшить до извѣстной степени страданія больного и продолжить его жизнь, но нельзя спасти его.

Что бы ни говорили люди, стремящіеся уравнять сословія, революція деморализуетъ всѣхъ и не научаетъ никого. Когда человѣкомъ руководитъ личный интересъ, то общественныхъ интересовъ для него не существуетъ. Обо всѣхъ вообще можетъ заботиться только одинъ Богъ.

Екатерина предчувствовала вѣроятно свою кончину, ибо, ѣдучи однажды на балъ, данный въ ея честь генераль-прокуроромъ Самойловымъ въ его прекрасномъ дворцѣ, на Адмиралтейской площади, гдѣ помѣщаются нынѣ присутственныя мѣста, и увидавъ, выходя изъ кареты, падучую звѣзду, которая, промелькнувъ надъ дворцомъ, скрылась за крѣпостью, — она сказала окружающимъ, что это дурное предзнаменованіе.

Смерть постигла ее въ гардеробной 6-го ноября 1796 г. Такъ окончила свое существованіе эта монархиня, заслужившая, какъ человѣкъ, по справедливости данное ей названіе Великой. Екатерина оставила своему преемнику великій трудъ, начатый Петромъ I и продолженный ею. Чтобы довершить его, понадобится не менѣе вѣка. Эра Петра съ нею не окончилась; новая эра началась для Россіи лишь съ воцареніемъ Александра.

III.

Вступленіе на престолъ императора Павла I. — Преобразование войскъ. — Перемѣны формы одежды. — Строгость службы. — Новая монета. — Гатчинскій дворъ и приближенные великаго князя: Графъ Ростопчинъ. — Плещеевъ. — Аракчеевъ. — Кушелевъ. — Обольяниновъ. — Князь Кутайкинъ. — Лопухинъ. — Коронаваніе императора. — Отношеніе Павла I къ старообрядцамъ. — Командированіе отца Рунича на Ирғизъ. — Назначеніе автора записокъ секретаремъ и переводчикомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ.

Императору было 42 года въ то время, когда онъ взялъ въ руки бразды правленія. Быть можетъ, онъ полагалъ, что ему не прожить

поминаній французской монархіи. Это былъ родъ гарема, куда не проникъ ни одинъ смертный кромѣ короля и лицъ, заботившихся объ его развлеченіяхъ. Ни одинъ политическій фактъ не сдѣлалъ имя Людовика столь ненавистнымъ странѣ, какъ этотъ тайный гаремъ, пополнявшійся самыми молодыми дѣвушками низкаго происхожденія, которыя не могли имѣть вначе
В. Т.

еще столько же лѣтъ, или онъ страстно желалъ царствовать, не игравъ до тѣхъ поръ абсолютно никакой роли въ государственныхъ дѣлахъ, коими онъ могъ бы управлять лѣтъ 20. И потому онъ счелъ долгомъ дѣйствовать безъ устали, чтобы преобразовать все, что было по его мнѣнію испорчено или на что не было обращено вниманія. Онъ началъ съ гвардіи и арміи.

Тяжелый опытъ не научилъ его ничему. Онъ только ожесточилъ его, сдѣлалъ характеръ его необузданнымъ, хотя онъ обладалъ отъ природы наилучшими качествами ума и сердца, какими только можетъ обладать неограниченный монархъ. Это доказываетъ, что опытъ проходитъ безслѣдно для человѣка, который считаетъ себя независимымъ и стоящимъ выше обстоятельствъ. Въ жизни нерѣдко повторяется одно и то же: человѣкъ, живущій только настоящимъ, думаетъ, что «завтра» для него не существуетъ. Въ вѣчности не существуетъ прошлаго, настоящаго и будущаго. Время для нея не что иное, какъ одно изъ дѣлений часоваго циферблата.

Какъ только императрица скончалась, капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка немедленно былъ посланъ въ Гатчино, загородный дворецъ и обычное мѣстопробываніе великаго князя, чтобы извѣстить наследника о вступленіи на престолъ ⁴⁾.

Павель I тотчасъ пожаловалъ прибывшему Голштинскій орденъ св. Анны 2 ст. Будучи гротмейстеромъ этого ордена, онъ раздѣлилъ его на 3 степени и раздавалъ его своимъ приближеннымъ. При большомъ дворѣ нѣкоторые лица имѣли только Анну I ст.

Орденъ этотъ былъ учрежденъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, въ честь своей супруги дочери Петра I, великой княгини Анны Петровны. Девизомъ его было *A mantileus Justitiam Pietatem e Firdem*. Начальныя буквы этого девиза означали также *Anna Imperatoris Pietro Figlia*. Эти инициалы были изображены также на обратной сторонѣ креста. Наслѣдникъ русскаго престола былъ гротмейстеромъ этого ордена съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ Петръ III сдѣлался русскимъ императоромъ. Въ этомъ званіи онъ подписывалъ рескрипты о назначеніи новыхъ кавалеровъ. Орденъ 1 ст. имѣлъ ленту и звѣзду, орденъ 2 ст. носили на шеѣ, а орденъ 3 степени прицѣплялся къ эфесу шпаги. Лица, имѣвшія Анну 3 ст., которую великій князь раздавалъ по своему благоусмотрѣнію въ Гатчинѣ, прицѣпляли ее къ шпагѣ съ той стороны, которая была ближе къ тѣлу, чтобы онъ не былъ такъ замѣтенъ. Вступивъ на престолъ, Павель приказалъ носить его на виду, съ вѣншей

⁴⁾ Съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ графъ Николай Зубовъ. Вообще къ разсказу Рунича надо относиться съ критикою, такъ какъ нѣкоторые факты онъ писалъ по слухамъ.

стороны. Всѣ лица, имѣвшія этотъ орденъ при вступленіи на престолъ императора Павла, получили великолѣпныя помѣстья и по 1000 душъ крестьянъ. Такъ по-царски наградилъ Павелъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ преданъ великому князю во время его нравственнаго несовершеннолѣтія, дившагося безъ малаго 30 лѣтъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Павелъ I поселился въ императорскомъ дворцѣ. Вслѣдъ за нимъ немедленно пришли въ столицу его батальоны, которые тотчасъ были включены въ полки императорской гвардіи, получившіе тогда же организацію этихъ образцовыхъ батальоновъ. Павелъ I объявилъ себя шефомъ Преображенскаго полка; наслѣдникъ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго полка. Командиръ конной гвардіи сталъ назначаться изъ генераловъ. Бывшая кавалергардская рота была распущена, но былъ сформированъ новый кавалергардскій полкъ. Гвардейскіе полки были раздѣлены на батальоны, коими командовали генералы; ротными командирами были полковники. Обмундированіе войскъ было измѣнено. Изящный, обшитый галуномъ мундиръ Екатерининскихъ временъ былъ замѣненъ весьма простымъ и неизящнаго покроя мундиромъ полинялаго зеленого цвѣта. Особенное вниманіе было обращено на расторопность по службѣ. Каждый полкъ, стоявшій въ караулѣ, долженъ былъ заниматься ученіемъ. Впослѣдствіи по сосѣдству съ Зимнимъ дворцомъ былъ построенъ огромный манежъ, въ которомъ производились ученія гвардіи. Строгая дисциплина и самая мелочная требовательность раздражила вскорѣ старыхъ служакъ, офицеровъ и солдатъ. Несоблюденіе всѣхъ этихъ мелочныхъ требованій наказывалось лишеніемъ отпуска, отсылкою въ гарнизонъ, исключеніемъ изъ службы и даже арестомъ въ крѣпости. Это возбудило въ первое же время ропотъ, хотя вначалѣ довольно сдержанный. Многіе изъ старыхъ гвардейскихъ офицеровъ вышли въ отставку, а оставшіеся на службѣ быстро получили повышенія.

Петербургъ совершенно измѣнилъ свою фізіономію; на улицахъ только и видѣли солдатъ, только и раздавался барабанный бой. Офицеры не снимали съ плечъ мундира. На Дворцовой площади каждое утро происходили парады и ученія. Экипажи, встрѣчая императора или членовъ царской фамиліи, должны были останавливаться, мужчины должны были выйти и ставъ у дверецъ кареты безъ шубъ и плащей сдѣлать глубокій поклонъ; дамы не выходили изъ кареты, но лакеи должны были открывать дверцы. Было запрещено носить круглыя шляпы и (короткія?) панталоны точно такъ же, какъ фракъ, и велѣно носить платье французскаго покроя, называвшееся нѣмецкимъ платьемъ, и трехъ-уголку съ приподнятыми краями. Мундиры гражданскихъ чиновъ также были измѣнены. Прежде они дѣлались краснаго, голубаго и вишневаго цвѣта, отличаясь по губерніямъ цвѣтомъ воротничковъ, отворотовъ и обшлаговъ;

теперь же всё они были зеленого цвѣта, однообразнаго покроя, однобортные съ пуговицами, на которыхъ былъ изображенъ гербъ губерніи, съ краснымъ или желтымъ воротникомъ и обшлагами, подбитыми краснымъ, бѣлымъ или зеленымъ цвѣтомъ. Французскія моды были запрещены. Дворъ и вельможи облачились въ трауръ, наложенный на годъ съ подраздѣленіямъ, указанными въ церемоніалѣ. Придворныя кареты и экипажи высшихъ сановниковъ были обтянуты чернымъ. Спектакли, балы и общественныя собранія были приостановлены.

Императоръ приказалъ вырыть изъ могилы тѣло своего отца. Такъ какъ Петръ III скончался не бывъ коронованнымъ, то онъ былъ похороненъ не въ крѣпости, а въ Александро-Невской лаврѣ. Его гробъ былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ императрицы. Зрѣлище необычное, долготѣ не виданное. Всѣмъ этимъ Павелъ думалъ упрочить свою власть. Графъ Алексѣй Орловъ, одинъ изъ бывшихъ при кончинѣ Петра III, былъ вызванъ въ Петербургъ и долженъ былъ стоять на часахъ при прахѣ того, кто скончался въ его объятіяхъ.

Несомнѣнно, эти мѣры возстановили противъ Павла всѣхъ приверженцевъ его матери и его собственныхъ враговъ. Оба гроба были выставлены въ теченіе шести недѣль, и погребеніе ихъ совершилось съ большою помпою. Послѣ этой церемоніи Орлову разрѣшено было уѣхать изъ Петербурга. Онъ оставилъ Россію, и три года спустя я встрѣтилъ его въ Дрезденѣ, гдѣ онъ жилъ какъ частный человѣкъ.

Внутреннее гражданское и военное управленіе также было преобразовано. Генералъ-губернаторы или «вице короли» были отставлены.

На ихъ мѣсто были назначены правительственные чиновники. Павелъ I по вступленіи на престолъ, ввелъ вновь въ обращеніе государственныя облигаціи, платимыя звонкою монетою. До тѣхъ поръ всё золотыя и серебряныя монеты чеканились съ изображеніемъ императора или императрицы. Онъ замѣнилъ это изображеніе своимъ вензелемъ, сдѣланнымъ такимъ образомъ, что четыре начальныхъ буквы его имени составляли крестъ посреди котораго стояла цифра 1, относящаяся къ этимъ четыремъ начальнымъ буквамъ, по образцу рублей, выпущенныхъ при Петрѣ I, на которыхъ была изображена та же цифра; на обратной сторонѣ Павелъ велѣлъ выбить стихъ 1-й 115-го псалма: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему». Хотѣлъ ли онъ сказать этимъ, что стоимость монеты зависитъ отъ ея дѣйствительной цѣнности, или же онъ хотѣлъ, чтобы не бросалось въ глаза отсутствіе сходства между нимъ и портретомъ Петра III, изображеннымъ на рублевыхъ монетахъ. Только медали, выбитыя въ память коронаціи, были сдѣланы съ его изображеніемъ. Впрочемъ, зная хорошо священное писаніе и даже богословіе, онъ бытъ можетъ хотѣлъ выразить вышеприведеннымъ стихомъ, что всякая слава принадлежитъ одному Богу. Такъ какъ всё

эти нововведенія создали много недовольныхъ въ высшемъ и въ среднемъ классѣ общества и среди военныхъ, то эту надпись критиковали, намекая на единицу, находившуюся подъ буквою П, что означаетъ по-русски покой. Говорили, что покоенъ только онъ одинъ. Строгость не могла сдержатъ насмѣшекъ и людскаго злословія.

У наружной стѣны дворца былъ прибитъ ящикъ, куда можно было опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Ихъ было несмѣтное количество.

Павель также быстро награждалъ, какъ и наказывалъ. Его щедрость была по истинѣ царская. Екатерининскій генераль-прокуроръ Самойловъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ прокуроръ сената князь Алексѣй Куракинъ 1-й. Князь Зубовъ былъ сосланъ въ свои помѣстья Владимірской губерніи и отданъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей.

Я не буду описывать въ настоящихъ запискахъ событія изо дня въ день, такъ какъ цѣль моя заключается не въ томъ, чтобы нагромоздить рядъ рассказовъ, представляющихъ только временный интересъ; я оставлюсь лишь на самыхъ характерныхъ явленіяхъ, которыя уясняютъ послѣдующія событія, вызванныя происшедшими переменами, и на которыя должна со временемъ пролить свѣтъ исторія. Одинъ путешитель сказалъ: наша философія зависитъ отъ хорошаго или дурнаго состоянія нашего здоровья. Какъ часто мы видимъ тому примѣръ въ исторіи, гдѣ самыя ничтожныя причины вызывали перевороты въ государствѣ.

Для народа безразлично, страдаетъ ли онъ вслѣдствіе ударовъ судьбы, по волѣ Провидѣнія или вслѣдствіе каприза или недуга того, кто имъ управляетъ; такъ какъ въ наше время не вѣрятъ болѣе въ судьбу и въ Провидѣніе, то надобно указать причины, которыя могли вызвать крупныя переменны въ государствѣ. Людей убиваетъ не пуля и не желѣзо; пуля, спрятанная въ карманѣ, не можетъ причинить смерть; мечъ не разить, пока онъ въ ножнахъ! Но пуля, выпущенная изъ ружья, или мечъ, направленный рукою человѣка, производятъ дѣйствіе, причиняющее смерть. Не англійскіе правители отторгли Сѣверо-Американскіе штаты отъ метрополи, но англійское правительство дало имъ возможность довести озлобленіе американцевъ до крайности. Если Англія хотѣла сохранить эти провинціи, то ей не слѣдовало озлоблять населеніе, тѣмъ болѣе нельзя было вести дѣло такъ, чтобы можно было со дня на день ожидать съ ихъ стороны возстанія.

Въ теченіе 34-хъ лѣтънаго царствованія своей матери, Павель, достигшій совершеннолѣтія, убѣдился въ томъ, что Екатерина либо забывала о немъ среди своихъ развлеченій и успѣховъ, либо хотѣла устранить его отъ престола въ пользу его сына, къ коему она относилась съ исключительной нѣжностью. Это мнѣніе было всеобщее. Онъ видѣлъ,

какой неограниченной властью пользовались фавориты его матери, тогда какъ онъ не могъ высказать ни малѣйшаго изъ своихъ желаній. При большомъ дворѣ царица роскошь; при его дворѣ не было того, что пріучаетъ народъ видѣть въ наслѣдникѣ престола своего будущаго монарха. Павелъ зналъ, что мать ненавидитъ его, считаетъ его неспособнымъ царствовать, насмѣхается надъ нимъ со своими приближенными; онъ понималъ, что большинство подданныхъ, въ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, должно было вторить этому. Подобное положеніе вещей, продолжавшееся 40 лѣтъ, должно было весьма естественно озлобить его.

До самой кончины Екатерины, Павелъ былъ увѣренъ, что страна ненавидитъ его, что никто не желаетъ его имѣть своимъ монархомъ и что всѣ замышляютъ погубить его. Вотъ почему онъ былъ чрезмѣрно щедръ и въ то же время жестокъ: расточалъ благодѣянія и внушалъ страхъ. Онъ хотѣлъ упрочить свою власть для того, чтобы совершенно измѣнить внѣшній обликъ своей Имперіи. Предубѣжденіе, укоренившееся въ обществѣ противъ Павла, было таково, что даже наше поколѣніе считаетъ его нравственно больнымъ, а все имъ сдѣланное считается сумасбродствомъ, безуміемъ и жестокостью. Что бы ни говорили всѣ тѣ, кои не признаютъ Божественнаго Промысла, но судьба государствъ зависитъ не отъ расточительности какого-нибудь Сарданапала, ни отъ тиранніи Нерона, Людовиковъ IX и XI, ни отъ безумія Георга III или отъ сумасбродствъ сына Филиппа Македонскаго или корсиканца Наполеона.

Павелъ, не будучи увѣренъ, что ему придется когда-либо царствовать, подготовлялъ однако въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ теченіе 20 лѣтъ планъ своего царствованія. Будучи чужимъ своей матери, большому двору и всему государству, онъ не имѣлъ иныхъ приверженцевъ кромѣ людей, служившихъ въ его Гатчинскихъ батальонахъ, и тѣхъ лицъ, которыя его окружали. Его Тристаномъ—отшельникомъ былъ Кутайсовъ, его Сюлли—Плещеевъ, военнымъ министромъ—Аракчеевъ, адмираломъ—Кушелевъ, статсъ-секретаремъ—Обольяниновъ, а любимымъ царедворцемъ—Ростопчинъ. Всѣ эти будущіе сановники, столь близкіе къ великому князю, едва имѣли небольшой чинъ армейскаго маіора. Ростопчинъ, снискавшій любовь великаго князя, былъ камергеръ большаго двора и офицеръ гвардіи. Случайность доставила ему благоволеніе великаго князя. Его, какъ наиболѣе скромнаго изъ камергеровъ, послали обыкновенно въ Гатчино на дежурство къ великому князю въ тѣ дни, когда прочіе камергеры, болѣе знатнаго происхожденія, сказывались больными, чтобы избѣгать своей очереди. Вслѣдствіе этого Ростопчинъ имѣлъ однажды объясненіе съ однимъ изъ своихъ сотоварищей, княземъ Барятинскимъ; воспослѣдовала дуэль, и Ростопчинъ былъ уволенъ. Павелъ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о немъ, и онъ достигъ

за это кратковременное царствованіе званія генераль-адъютанта, а впоследствии былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и кавалеромъ всевозможныхъ орденовъ.

Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова была другомъ великой княгини и великаго князя. Клевета сдѣлала ее любовницей великаго князя и впоследствии императора. Только 40 лѣтъ спустя, уже послѣ ея смерти, было доказано вполне достоверно, какъ чиста была эта привязанность. Можно ли послѣ этого судить о людяхъ по положенію, которое они занимаютъ въ свѣтѣ, и по наружнымъ признакамъ.

Таковы были лица, окружавшія великаго князя въ Гатчино.

Плещеевъ, человѣкъ свѣтскій, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Обладая самыми высокими качествами ума и сердца и получивъ прекрасное воспитаніе, онъ не могъ, по слабости своего характера, занимать видное мѣсто въ администраціи. При всей своей привязанности и преданности великому князю, онъ былъ только его личнымъ другомъ и впоследствии генераль-адъютантомъ. Аракчеевъ, человѣкъ суровый и жестокій, не говорилъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Получивъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ способенъ только къ мелочной исполнительности и являлся поэтому лишь рабскимъ исполнителемъ приказаній своего монарха или своихъ собственныхъ плановъ. Кушелевъ и Оболяниновъ, люди грубые, не воспитанные и не образованные, были точно такъ же пассивными исполнителями приказаній, коими они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ. Кутайсовъ, по происхожденію армянинъ, соединялъ всѣ качества, присущія еврею и греку. Человѣкъ весьма ловкій, онъ сумѣлъ приобрести довѣріе великаго князя и такъ хорошо изучилъ его характеръ, что никогда не возбуждалъ его гнѣва. Вступивъ на престолъ, Павелъ держалъ его постоянно при себѣ, какъ человѣка, наиболѣе ему преданнаго.

Всѣ эти лица, за исключеніемъ Плещеева, который, благодаря своему спокойному характеру, или, лучше сказать, всѣмъ извѣстному равнодушію своему къ почестямъ и богатству, не внушалъ никому опасеній, были самыми выдающимися личностями въ теченіе пятилѣтняго царствованія Павла. Всѣ они достигли высшихъ чиновъ. Кутайсовъ и Кушелевъ получили званіе графа, также точно, какъ впоследствии Ростопчинъ, имѣли всѣ русскіе ордена и имъ были пожалованы большія помѣстья съ тысячами душъ крестьянъ, приносяшія громадныя доходы.

Любимцами императора были князья Куракины, изъ коихъ одинъ былъ назначенъ, при вступленіи его на престолъ, вице-канцлеромъ, а другой генераль-прокуроромъ. Ярославскій губернаторъ Лопухинъ, впоследствии одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Россіи, получившій всѣ ордена и княжеское званіе съ титуломъ свѣтлости, и князь Гавриилъ Гагаринъ съ нѣсколькими вельможами Екатерининскихъ временъ обра-

*

зовали дворъ Павла I. Онъ повышалъ людей такъ быстро, что одного года было достаточно для того, чтобы тотъ, на кого императоръ обратилъ свой взоръ, возвысился изъ ничтожества, или чтобы человѣкъ вполнѣ достойный утратилъ всякое значеніе.

Чтобы изгладить воспоминаніе о матери, Павелъ уничтожилъ Георгіевскій крестъ, учрежденный Екатериною и даваемый за военные подвиги, и Владимірскій крестъ, коимъ награждались гражданскія заслуги. Всѣ военныя и гражданскія лица, не достигшія генеральскаго чина или принадлежавшія къ 4-му классу, получали при Павлѣ Анненскій крестъ 2-й и 3-й степеней, а вполсѣдствіи командорскій или кавалерскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, когда императоръ объявилъ себя магистромъ этого ордена.

Бывали примѣры, что люди, служившіе въ гвардіи капитанами, достигали генеральскаго чина менѣе, нежели въ 5 лѣтъ.

Офицерскій чинъ давалъ потомственное дворянство. Говорять, будто въ теченіе 45 лѣтъ, протекшихъ послѣ вступленія на престолъ Павла, въ дворянскую книгу внесено болѣе 20 тысячъ семействъ...

Павель, первый изъ русскихъ монарховъ, сталъ давать ордена духовенству; высшимъ чинамъ церковной іерархіи онъ давалъ ленты Андреевскія, Александра Невскаго и Анненскія, прочимъ Анну 2 ст. Онъ же ввелъ обычай давать духовенству въ знакъ отличія наперсные кресты, митры и бархатныя камилавки. Надобно сказать правду, что всѣ отрасли управленія были при немъ значительно упорядочены по сравненію съ прежнимъ. Продажность должностныхъ лицъ не могла быть искоренена сразу; по крайней мѣрѣ правосудіе не продавалось болѣе съ публичнаго торга.

Послѣ того, какъ совершилось погребеніе Екатерины II и ея супруга Петра III, гвардія получила приказаніе выступить въ Москву на коронацію, происходившую 1-го апрѣля 1797 г. Всѣ гвардейскіе полки и армія были уже одѣты по прусскому образцу, съ напудренной головою, косами и буклями. Императоръ присутствовалъ лично при выступленіи каждаго полка.

Зима 1796 г. была суровая. Ежедневный парадъ и церемонія, коей сопровождалось выступленіе войскъ, продолжались около часа, а иной разъ и болѣе. Императоръ, наравнѣ съ послѣднимъ офицеромъ, стоялъ на морозѣ съ обнаженной головою въ то время, какъ полкъ дефилировалъ мимо него. Всѣ эти военныя зрѣлища были большою новинкою для Петербурга, гдѣ въ продолженіе 34 лѣтъ только изрѣдка видѣли взводъ солдатъ и еще рѣже доводилось видѣть ротное или полковое ученіе.

Коронаваніе совершилось съ величайшимъ блескомъ и торжественностью. Дворъ сіялъ золотомъ и алмазами. Кавалергардскому полку

былъ данъ мундиръ прежнихъ рыцарей. Латы, каска и все вооруженіе были серебряныя. На это была употреблена вся серебряная посуда «вице-королей» или губернаторовъ, которая полагалась имъ отъ казны.

Павла I помазалъ на царство его бывшийъ законоучитель, московскій митрополитъ Платонъ. Во время церемоніи коронаванія, былъ прочитанъ актъ о престолонаслѣдіи, составленный и торжественно обнародованный Павломъ I.

Этимъ актомъ опредѣлялись правила престолонаслѣдія со всѣми подробностями, для предупрежденія нарушенія этого закона, столь необходимаго для спокойствія Имперіи. По этому акту женщины могли достигнуть престола только въ случаѣ совершеннаго отсутствія прямого потомства мужскаго рода. Были учреждены удѣлы, для завѣдыванія имуществомъ лицъ императорской фамиліи.

Всѣ эти мѣры были весьма мудрыя и полезныя, какъ для царской фамиліи, такъ и для государства. За коронаваніемъ слѣдовалъ рядъ великолѣпныхъ празднествъ, послѣ чего императрица съ дѣтьми и всѣмъ дворомъ возвратилась въ Петербургъ, а императоръ предпринялъ путешествіе во внутреннія губерніи до Казани.

Я долженъ прервать свой рассказъ и передать одинъ эпизодъ, случившійся до отъѣзда императора изъ Петербурга на коронацію.

Павель слишкомъ хорошо зналъ исторію своей страны, чтобы не быть дальновиднѣе всѣхъ, такъ называемыхъ государственныхъ людей, полагающихъ, что прошедшее проходить безслѣдно и не вліяетъ на будущее. Тяготѣвшая надъ нимъ мысль, что на его счетъ распространены въ государствѣ самыя нелѣпыя слухи, заставляла его дѣйствовать гораздо осмотрительнѣе, нежели можно было думать.

Онъ зналъ исторію разрушенія Соловецкаго монастыря въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, зналъ, что всѣ монахи, спасшіеся, при избіеніи противниковъ нововведеній патріарха Никона, и множество старообрядцевъ разбрелись по Россіи и главнымъ образомъ бѣжали за Волгу, и что Уральскіе и Донскіе казаки, и жители земель пограничныхъ съ Сибирью, Чернымъ моремъ и Балканскими горами, упорно придерживались старинныхъ обычаевъ и старой вѣры; онъ зналъ, что ихъ монахи, отшельники, и такъ называемые предсказатели, жившіе въ горахъ и пещерахъ, дѣятельно поддерживали Пугачева. Ему было извѣстно, что богатѣйшіе купцы или фабриканты Москвы, наполненной ихъ единовѣрцами, Саратова, Оренбурга, Екатеринбургa, Архангельска и Петербурга, находились съ ними постоянно въ сношеніяхъ и поддерживали всѣми средствами скиты, возникшіе въ Саратовской губерніи, между Иргизомъ и Узенями, равно и всѣхъ отшельниковъ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ. Вступивъ на престолъ, Павель не захотѣлъ отправиться въ Москву прежде, нежели удостовѣриться въ томъ, какой

духъ царствовалъ въ названныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, и узнать, какъ относились къ нему старовѣры, жившіе въ этихъ полудикихъ мѣстахъ, а также Уральскіе и Донскіе казаки. Онъ рѣшилъ послать туда человѣка, вполнѣ преданнаго ему, чтобы вывѣдать почву и сообщить достовѣрныя свѣдѣнія, сообразуясь съ которыми, онъ могъ бы составить извѣстный планъ дѣйствій по отношенію къ этимъ людямъ. Свое намѣреніе Павелъ сообщилъ Плещееву, сказавъ, что онъ возлагаетъ на него это важное порученіе, какъ на самаго преданнаго своего слугу, и приказалъ ему отправиться тотчасъ на мѣсто, чтобы разъяснить одинъ фактъ, по своей важности соотвѣтствующій довѣрью, которое онъ къ нему питаетъ.

Плещеевъ, какъ человѣкъ честный, сказалъ императору откровенно, что онъ не считаетъ себя способнымъ съ пользою выполнить вышеупомянутое приказаніе, и умолялъ его величество возложить это порученіе на другое лицо. Искреннее и чистосердечное признаніе имѣетъ всегда благіе результаты, оно усугубляетъ даже довѣріе.

Павелъ одобрилъ мысль Плещеева подъ условіемъ, что онъ найдетъ лицо, способное выполнить его приказаніе.

Плещеевъ въ тотъ же вечеръ посоветовался по этому поводу со своими друзьями, которые нашли въ моемъ отцѣ качества и знаніе мѣстности, необходимыя для исполненія подобнаго рода порученія. Они основывались на участіи, которое мой отецъ принималъ въ слѣдствіи, произведенномъ генераломъ графомъ Панинымъ во время Пугачевского бунта. На слѣдующій день Плещеевъ сообщилъ императору, что онъ считаетъ возможнымъ возложить это порученіе на моего отца, и выборъ остановился на немъ.

Надобно замѣтить, что состояніе моего отца, жившаго въ Москвѣ 18 лѣтъ въ отставкѣ, было настолько разстроено, что это побудило его за три или за четыре года до кончины Екатерины поступить вновь на службу. Онъ обратился по этому поводу съ просьбою къ самой императрицѣ, которая знала его лично и приказала дать ему первую вакансію вице-губернатора. Къ несчастію, путь между монархомъ и подданнымъ наполненъ низшими властями, которыя не всегда являются отголоскомъ воли монарха. Самойловъ и директоръ его канцеляріи Ермоловъ не исполнили волю государыни, и мой отецъ остался безъ мѣста до ея кончины. Тотчасъ послѣ этого событія, отецъ, который былъ извѣстенъ императору Павлу и пользовался его благоволеніемъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и нѣсколько времени спустя назначенъ гражданскимъ губернаторомъ во Владиміръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ находился въ Петербургѣ въ то время, когда Плещеевъ предложилъ императору возложить на него упомянутое секретное пору-

ченіе. Мой отецъ былъ тотчасъ призванъ къ императору и бесѣдовалъ съ нимъ съ глаза на глазъ.

Осторожность требовала, чтобы это дѣло обсуждалось не официально и даже секретно. Нельзя было затронуть господствующую церковь и признать официально права старообрядцевъ, которые считали свои скиты единственными монастырями православной вѣры ихъ отцовъ, тогда какъ правительство не признавало ни ихъ скитовъ, ни ихъ монаховъ. Они были только терпимы какъ общежитія, принадлежавшія удѣламъ.

Старообрядцевъ не преслѣдовали за ихъ вѣроисповѣданіе, и мѣстная полиція дѣлала видъ, что ей неизвѣстно, что священники, исполнявшіе требы въ этихъ скитахъ, были изъ бѣглыхъ. Надобно замѣтить, что когда первые священники, отдѣлившіеся отъ господствующей церкви при патріархѣ Никонѣ, перемерли, то старообрядцы, не имѣя епископовъ, которые могли посвящать въ священство, подкупали священнослужителей господствующей церкви, предлагая имъ большія деньги и преимущества, и убѣждали ихъ отложиться отъ православной вѣры и бѣжать къ нимъ, какъ кающіеся, коихъ силою удерживали въ новой ереси; право посвященія въ духовный санъ, какъ таинство, не могло быть отнято у нихъ, коли они однажды получили его. Монастырямъ не могло быть сдѣлано никакихъ законныхъ уступокъ.

Павель I нашель въ своемъ необыкновенномъ умѣ средство примирить непримиримое. Онъ далъ моему отцу собственноручное письмо, въ которомъ было сказано все и которое ни къ чему его не уполномочивало. Такъ какъ оно было написано на листъ простой почтовой бумаги, безъ соблюденія какой-либо законной формы, то оно не могло считаться документомъ, а тѣмъ менѣе указомъ или повелѣніемъ, имѣющимъ силу закона. Не проставивъ въ заголовкѣ имени моего отца, императоръ написалъ слѣдующее: «вы отправитесь въ Узени и Иргизъ и окрестныя мѣстности, чтобы увѣрить жителей въ моемъ благоволеніи и желаніи видѣть ихъ всегда спокойными и счастливыми. П а в е л ь».

Было рѣшено, что это письмо, которое служило для моего отца высочайшимъ повелѣніемъ, не будетъ опубликовано, какъ императорскій указъ и что оно не должно попасть въ копіи въ другія руки. Старообрядцы, жившіе на Иргизѣ, въ земляхъ войска Донскаго и Уральскаго, и всѣ старообрядческіе Несторы въ Москвѣ ничего бы не пожалѣли, чтобы имѣть эту бумагу въ своихъ рукахъ. Одно появленіе въ этихъ мѣстностяхъ высшаго сановника, посѣщеніе имъ скитовъ, вклады, сдѣланные имъ отъ имени государя, должны были убѣдить старообрядцевъ, что новый императоръ не желалъ преслѣдовать ихъ; послѣ этого нечего было опасаться, что ихъ удастся возмутить. Имъ былъ данъ ходатай и защитникъ у престола. Для того, чтобы выразить имъ высочайшую

волю, императоръ пожелалъ, чтобы въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ мой отецъ роздалъ нѣсколько новыхъ рублей.

Два мѣсяца спустя отецъ мой возвратился въ Петербургъ, гдѣ его ожидалъ императоръ. Императоръ былъ весьма доволенъ его поѣздкою; осыпалъ его милостями и, оставивъ по-прежнему въ должности владимірскаго губернатора, объявилъ ему, что впредь всѣдѣла, относящіяся до старобрядцевъ Дона, Волги и Урала, будутъ возложены на него лично съ правомъ обращаться въ важныхъ случаяхъ непосредственно къ самому государю. Это назначеніе, установившее конфиденціальныя отношенія между императоромъ и моимъ отцомъ, сблизило его съ императорами Павломъ и Александромъ, который оказывалъ ему такое же довѣріе, какъ и его отецъ. Этотъ порядокъ вещей продолжался вплоть до учрежденія министерствъ въ 1802 году.

Императоръ успокоенный уѣхалъ въ Москву на коронацію.

Оставивъ военную службу и вступивъ на дипломатическое поприще, я былъ во время коронаціи прикомандированъ къ канцеляріи вице-канцлера князя Куракина и находился съ нимъ въ Москвѣ, а затѣмъ, будучи назначенъ секретаремъ и переводчикомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, я отправился въ этотъ городъ вскорѣ послѣ отъѣзда двора изъ Петербурга.

IV.

Вѣнское общество.—Баровъ Тугуть.—Прибытіе въ Вѣну французскаго посла Бервадота.—Манифестація вѣнцевъ противъ трехцвѣтнаго французскаго флага.—Война Австріи съ Франціею.

Я пріѣхалъ въ Вѣну въ то время, когда былъ заключенъ миръ въ Кампо-Форміо.

Вѣна произвела на меня впечатлѣвіе веселаго города; нельзя было и подумать, что французы только-что были у ея воротъ. Поголовное ополченіе было распушено, но въ городѣ можно было встрѣтить не мало лицъ изъ высшаго общества, украшенныхъ медалью, которая была выбита и раздавалась по этому случаю. Эта медаль была серебряная съ изображеніемъ императора Франца II, и носилась въ петлицѣ на желтой лентѣ съ черными краями. Добрые вѣнцы считали, что они одержали надъ французами большую побѣду.

Изъ всѣхъ столицъ Европы Вѣна была въ то время единственнымъ городомъ, въ которомъ находилось весьма много извѣстныхъ эмигран-

товъ. Высшее и низшее общество было переполнено поляками, французами, итальянцами и брабантцами.

Парижъ, объятый революціоннымъ пламенемъ, не былъ уже центромъ, куда стремились, какъ до революціи, знаменитости изъ всѣхъ странъ. Вѣна заступила мѣсто Парижа. Жизнь въ этомъ городѣ представляла всѣ прелести европейской цивилизаціи и полную безопасность, какой не было въ иныхъ мѣстахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась большой дешевизною.

Австрію и ея правительство никогда такъ не поносили, какъ въ наше время. Ее не называютъ открыто странюю столь варварскою, какъ Россія, только потому, что рабство уже отмѣнено въ ней закономъ; тѣмъ не менѣе, въ отношеніи цивилизаціи, Австрія считается до сихъ поръ странюю отсталюю. Современные политическіе дѣятели признаютъ лишь ту цивилизацію, которая считаетъ народъ единственнымъ источникомъ верховной власти, отвергаетъ Божественное право и утверждаетъ, что монархъ долженъ царствовать, а не управлять. Это безумное, чудовищное ученіе никогда не признавалось въ Австріи; но политическія права гражданъ никогда не попирались ею, какъ утверждаютъ нѣкоторые; австрійское правительство всегда спокойно и справедливо: собственность въ Австріи уважается, всѣ пользуются одинаково правами, даруемыми закономъ, и несмотря на огромное различіе, существующее между отдѣльными классами общества, отношеніе правительства къ низшему сословію не хуже, чѣмъ въ Англіи. Австрійскій вельможа не требовательнѣе англійскаго лорда. И ежели австрійскій магнатъ относится ко всѣмъ людямъ, стоящимъ ниже его, свысока, то не забудемъ, что англійскій лордъ относится къ нимъ съ пренебреженіемъ. Богатые люди пользуются вездѣ и въ Англіи преимущественно правомъ попирать ногами всѣхъ тѣхъ, кто живетъ въ бѣдности и нуждѣ, въ особенности тамъ, гдѣ существуетъ еще рабство. Французская революція, не признавая родовой аристократіи, признаетъ аристократію финансовую, что еще хуже.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Вѣну въ 1797 году, высшее общество составляли князья Кауницъ, Эстергази, Розенбергъ, Шварценбергъ, графы Коллоредо, Коловратъ и многія другія лица, отличавшіяся знатностью рода и богатствомъ. Къ составу дипломатическаго корпуса принадлежали посланники: русскій графъ Разумовскій, неаполитанскій маркизъ Гвилло, англійскій кавалеръ Иденъ (Eaden), португальскій графъ Лина, испанскій, фамилію коего я не запомню, и посланники прочихъ второстепенныхъ дворовъ Европы, которые увеличивали блескъ столицы бывшей священной Римской имперіи. Впослѣдствіи число дипломатовъ увеличилось съ пріѣздомъ генерала Бернадота, посланника единой и нераздѣльной Французской и Цизальпинской республикъ.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи былъ баронъ Тугутъ. Война прекратилась временно въ открытомъ полѣ, но республиканскіе элементы вели еще войну съ монархическими принципами въ кабинетахъ. Вообще въ то время полагали, что *statu quo*, существовавшее на континентѣ, не могло быть терпимо и что со временемъ Европѣ придется вернуться къ общественному праву, установленному трактатами.

Наполеонъ получилъ командованіе арміей, посланной въ Италію. Физіономія Европы измѣнилась. Появленіе въ мірѣ великаго генія вліяетъ на всѣхъ подобно тому, какъ солнце вліяетъ на весь земной шаръ.

Я не коснусь войнъ, опустошавшихъ Европу до конца XVIII вѣка, и мирныхъ переговоровъ, коими надѣялись все уладить, и ровно ничего не уладили. Эти военные и политическіе романы были описаны столькими искусными перьями, что я поставилъ себѣ цѣлью только набросать картину событій, на взглядъ менѣе выдающихся, и сохранить для потомства воспоминаніе о нѣкоторыхъ эпизодахъ, которые могутъ убѣдить людей въ томъ, что въ мірѣ не все зависитъ отъ ума и предусмотрительности людей или отъ силы оружія. Всѣ войны приблизительно сходны между собою въ своемъ теченіи, всѣ приносятъ болѣе или менѣе одинакіе плоды, такъ же точно, какъ всѣ трактаты походятъ одинъ на другой. Вся разница въ томъ, кто ими руководитъ, кто ихъ направляетъ. Это напоминаетъ живопись и музыку. Краски и кисти, инструменты и пальцы, одни и тѣ же, вся разница въ игрѣ. Пальцы Рафаэля и Рубенса, Фильда и Роде не одинаковы съ пальцами тѣхъ пачкуновъ, которые малюютъ картины дюжинами, и тѣхъ любителей, которые, играя на роялѣ и на скрипкѣ, считаютъ возможнымъ превзойти артистовъ.

Успѣхи французскаго оружія въ Голландіи, Германіи, Швейцаріи и Италиі, и занятіе французскими войсками владѣній Венеціанской республики заставили встрепенуться европейскіе кабинеты, въ коихъ Парижъ не былъ еще законодателемъ. Втайнѣ выработывались планы коалицій, а Французская республика все дѣлала успѣхи.

Пріѣздъ въ Вѣну посланника этой республики, которую всѣ ненавидѣли и въ то же время боялись, произвелъ впечатлѣніе, аналогичное съ тѣмъ, какое производитъ въ человѣческомъ тѣлѣ рвотное. Дворъ, дипломатія и высшее общество придерживались монархическихъ принциповъ. Аристократія предъявляла свои исконныя права, а генералъ Бернадотъ громко заявлялъ республиканскіе принципы: его свита говорила о правахъ человѣка. Можно себѣ представить, какія это могло породить столкновенія. При дворѣ смотрѣли крайне недоброжелательно на представителя единой и нераздѣльной республики, а между тѣмъ ее надобно было шадить!

Старинному австрійскому и нѣмецкому дворянству не нравились манеры, заимствованныя у санкюлотовъ, а между тѣмъ имъ приходилось скрывать свое неудовольствіе. Представители европейскихъ державъ не признавали Французскую республику, избѣгали встрѣчи съ ея уполномоченнымъ.

Въ исходѣ 1798 года вспыхнула революція. До этого времени французскіе посланники пользовались нѣкоторыми особыми правами, между прочимъ правомъ имѣть на своемъ домѣ французскій гербъ. Посланникъ Французской республики хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ.

На французскомъ гербѣ былъ изображенъ пѣтухъ, дерево, фригійская шапка и трехцвѣтное знамя. Не знаю, пожелалъ ли посланникъ воспользоваться этимъ правомъ по повелѣнію своего правительства или только въ силу данныхъ ему полномочій, но это обстоятельство вызвало обмѣнъ дипломатическихъ нотъ. Вѣнскій кабинетъ со своей обычной осторожностью счумѣлъ затянуть переговоры, но нетерпѣніе республиканскаго правительства или составленный имъ заранѣе планъ дѣйствій ускорили событія.

Однажды вечеромъ, въ тотъ моментъ, когда можно было менѣе всего ожидать этого, надъ балкономъ отеля, занимаемаго посланникомъ нераздѣльной республики, взвился трехцвѣтный флагъ. Эта вѣсть разнеслась по городу въ тотъ же вечеръ.

Около 10-ти часовъ публика разбѣжалась изъ театровъ; вечеромъ вся Вѣна бываетъ на улицѣ. Излюбленное мѣсто прогулки вѣнцевъ — Грабенъ и бастионы; этимъ путемъ ѣдутъ съ предмѣстій на Пратеръ. Я возвращался домой по Мясному рынку (Fleish Markt), какъ вдругъ увидѣлъ толпу народа, бѣжавшаго къ Грабену, и узналъ причину, по которой всѣ стремились въ улицу, гдѣ находился отель генерала Бернадота. Я пошелъ за толпою и сталъ напротивъ отеля. Улица, довольно длинная и узкая, какъ всѣ улицы Вѣны, была вскорѣ дотого запружена народомъ, что экипажи не могли двигаться. Крики и гоготаніе толпы свидѣтельствовали, что цѣль ея стремленій была близка: «Долой флагъ», кричали со всѣхъ сторонъ; изрѣдка слышалось: «да будутъ прокляты французы». Такъ какъ полиція не вмѣшивалась, а крики и брань усиливались, то посланникъ появился съ нѣсколькими лицами своей свиты на балконѣ съ ружьемъ въ рукахъ! Ворота уже были заперты. Какъ только онъ показался, въ окна полетѣли камни; никто не слушалъ увѣщаній и угрозъ, неистовые крики продолжались, народъ не переставалъ кидать камни и выламывать ворота. Генералъ прицѣлился и выстрѣлилъ на воздухъ. Только этого и не доставало, чтобы народъ бросился разносить его домъ. Всѣ стекла въ окнахъ были выбиты, народъ вскочилъ на балконъ, выломалъ двери, сорвалъ флагъ и торжественно

понесъ его при громогласныхъ крикахъ въ предмѣстье; позади торжественно тащили двѣ парадныя кареты посланника, которыя были изломаны и сожжены вмѣстѣ со знаменемъ. Въ концѣ улицы показались два кирасира верхами. Улица была очищена отъ народа, и къ отелю приставлена стража. Съ наступленіемъ ночи посланникъ потребовалъ свой паспортъ. Я видѣлъ на другой день, какъ онъ проѣхалъ мимо церкви св. Михаила со всей своей свитой въ дорожныхъ экипажахъ. На всѣхъ углахъ были расклеены воззванія правительства, коими увѣщевали народъ уважать права частныхъ лицъ; народъ смотрѣлъ съ величайшимъ спокойствіемъ на уѣзжавшаго посланника и его свиту, копъ всѣ имѣли на шляпѣ національную кокарду. Улицы были переполнены зрителями.

Не берусь судить о томъ, какъ надобно смотрѣть на описанный мною эпизодъ и какъ его можно объяснить, точно такъ же, какъ не берусь объяснить совершенное въ Раштадтѣ чудовищное убійство трехъ французскихъ уполномоченныхъ, возвращавшихся во Францію по окончаніи конгресса. Предоставляю разяснить всѣ эти факты исторіи, которая должна доискиваться причинъ всѣхъ описываемыхъ ею событій. Что касается меня, то я замѣчу, что республиканское правительство не могло уполномочить своего посланника вызвать войну столь страннымъ способомъ; надобно развѣ допустить, что у нея не нашлось къ тому болѣе благовиднаго предлога и что въ ея интересахъ было вызвать разрывъ. Если же допустить, что посланникъ вызвалъ разрывъ, безъ разрѣшенія своего правительства, то придется сказать, что участь страны зависѣла въ то время отъ пустяшнаго каприза посланника; иное дѣло убійство уполномоченныхъ. Всякое государство имѣетъ право мстить за столь варварское нарушеніе общественнаго и личнаго права, если оно не подготовило это событіе само или если это событіе совершилось не по его приказанію; но начинать войну изъ-за флага или изъ-за выстрѣла изъ ружья холостымъ зарядомъ такъ странно, что здравый смыслъ не можетъ найти этому оправданія; надобно признать, что это слишкомъ легкомысленное отношеніе къ войнѣ.

Въ Вѣнѣ, послѣ отъѣзда генерала Бернадота, водворились такая тишина и спокойствіе, какъ будто они ничѣмъ не нарушались. Населеніе, не видя болѣе въ городѣ трехцвѣтныхъ кокардъ и шарфовъ, чувствовало, какъ будто оно одержало побѣду. Тотъ, кому было суждено превратить римскаго императора въ императора австрійскаго, не возвратился еще изъ Египта.

Война съ Франціей возобновилась при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Весною 1799 г. Суворовъ, назначенный главнокомандующимъ австро-русской арміи, прибылъ въ Вѣну, предшествуемый русскимъ войскомъ подъ командою генераль-аншефа Розенберга; числен-

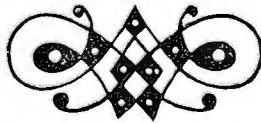
ность этого отряда доходила до 22-хъ тысячъ человѣкъ. Принятый въ Вѣнѣ и при дворѣ, какъ освободитель Европы, Суворовъ доказалъ передъ лицомъ всего міра, что русскаго солдата не могутъ остановить ни Альпы, ни самыя непроходимыя дороги. Въ теченіе одного лѣта онъ очистилъ отъ непріятеля Италію, преодолѣлъ всѣ препятствія и тѣмъ не менѣе былъ побѣжденъ происками и кознями бюрократической политики, которая обратила въ ничто всѣ сдѣланныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усилія. Русскимъ войскамъ было приказано возвратиться на родину.

Я уѣхалъ изъ Вѣны тотчасъ по полученіи извѣстія о первой побѣдѣ, одержанной Суворовымъ при Требін, и находился въ Берлинѣ въ то время, когда было получено извѣстіе объ убійствѣ трехъ французскихъ уполномоченныхъ: Бартельми, Ив. Дебри и Робержо, возвращавшихся изъ Раштадта съ конгресса. Я былъ посланъ русскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ Н. Панинымъ съ депешей къ императору Павлу I, въ которой онъ извѣщалъ государя объ этомъ событіи. Въ Петербургѣ я былъ прикомандированъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и оставался въ столицѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ новаго назначенія за границу, которое заставило меня снова разлучиться съ семьей.

Обстоятельства, обыкновенно не зависящія отъ человѣка, измѣнили мое положеніе или, лучше сказать, произвели въ немъ рѣшительный переворотъ. Я уѣхалъ изъ Петербурга только въ половинѣ 1800 года во внутреннія губерніи Имперіи.

Перев. В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Высочайшее повелѣніе министру финансовъ о невзысканіи съ
графа Милорадовича процентовъ и пени.**

8-го іюля 1820 г.

По займамъ генерала-отъ-инфантеріи графа Малорадовича въ Государственномъ заемномъ банкѣ, за уплатою причитающихся на должныя имъ суммы за 1819 годъ капитала и процентовъ, слѣдуетъ съ него ко взысканію за тотъ же 1819 годъ за просрочку проценты и пени. Во вниманіе къ отличной службѣ генерала-отъ-инфантеріи графа Милорадовича я повелѣваю вамъ сихъ процентовъ и пени съ него не взыскивать.

М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь.

(1832—1852 г.) ¹⁾.

Вътомъ 1832 г. профессоръ Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженій. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ рассказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ патриотическомъ институтѣ (женскомъ въ Петербургѣ): изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей.

Новые знакомцы, очевидно, произвели другъ на друга сильное и благопріятное впечатлѣніе. Погодинъ взялъ съ Гоголя слово написать ему изъ Тулы (Гоголь ѣхалъ на югъ), а Гоголь, не отъѣхавъ отъ Москвы и полусотни верстъ, уже изъ Подольска, гдѣ ему пришлось ждать лошадей, пишетъ ему дружеское письмо, въ которомъ называетъ его «безцѣнный Михаилъ Петровичъ, братъ по душѣ».

Съ этихъ поръ начинаются ихъ постоянныя сношенія, начинается ихъ десятилѣтняя дружба; она настолько сплетаетъ судьбу ихъ, что если бы Погодинъ былъ самымъ зауряднымъ профессоромъ, ограничившимъ всю свою производительность лекціями, да двумя тощими диссертациями, одни сношенія съ Гоголемъ дали бы ему замѣтное мѣсто въ исторіи русской литературы классическаго ея періода. Приведу одинъ мелкій, но, по-моему, очень краснорѣчивый фактъ: черезъ 4 мѣсяца послѣ начала знакомства Гоголь проситъ Погодина передать его поклонъ

¹⁾ Читано въ торжественномъ засѣданіи общества любителей Россійской словесности 12-го ноября 1900 г.

«Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ москвичамъ» ¹⁾. Стало быть, Гоголь въ это время смотритъ на Погодина, какъ на посредника между нимъ, Гоголемъ, и московской интеллигенціей; да иначе онъ не могъ смотрѣть и впоследствии: послѣ 1842 года Аксаковъ, Шевыревъ, графъ Толстой, Шереметева и многіе другіе были гораздо ближе сердцу Гоголя, чѣмъ Погодинъ; но Гоголь никогда не могъ забыть, что прежде всего черезъ Погодина чуждая ему до тѣхъ поръ Москва стала для него роднымъ городомъ; не забудетъ и исторія, что именно благодаря Погодину Гоголь сталъ москвичемъ; въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ самыхъ горячихъ и искреннихъ друзей и поклонниковъ, и въ московскую землю сложилъ онъ свое преждевременно истощенное тѣло.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ перваго свиданія, Гоголь и Погодинъ уже были на *ты*; немного поздѣе Гоголь пишетъ Погодину: «мы не должны разлучаться на жизненномъ пути» ²⁾; онъ съ радостію отмѣчаетъ, что вкусы ихъ вполне сходятся ³⁾ и т. д.

Что же такъ скоро и тѣсно сблизило съ Погодинымъ Гоголя, который, какъ извѣстно, и въ 23 года вовсе не отличался способностью быстро сходиться съ людьми, напротивъ: былъ замкнутъ и недовѣрчивъ ко всѣмъ, за исключеніемъ немногихъ школьныхъ товарищей?

Сближаетъ людей сходство интересовъ и возрѣвній и такое различіе характеровъ и наклонностей, при которомъ одинъ человѣкъ какъ бы дополняетъ другого; и перваго и втораго здѣсь было не мало. Погодинъ вышелъ изъ великорусскихъ крѣпостныхъ; Гоголь—изъ малорусскихъ пановъ, и каждый изъ нихъ представлялъ весьма рельефно нѣкоторыя изъ крупнѣйшихъ характерныхъ чертъ своего племени. Погодинъ, при всей широтѣ своего ума и разнообразіи способностей, былъ не богатъ юморомъ и остроуміемъ, которыми Гоголь обладалъ въ высшей степени. За то Погодинъ былъ смѣль, рѣшительнъ, самоувѣренъ и скоръ въ работѣ (часто даже черезчуръ скоръ), тогда какъ Гоголь страдалъ излишкомъ осторожности. Одинъ былъ великій художникъ и иногда пытался быть историкомъ; другой былъ крупнымъ историкомъ и иногда пускался въ творчество; какъ люди способные, они и въ чужихъ областяхъ выходили впередъ изъ толпы. По манерѣ держать себя, по способу отношенія къ людямъ они прямо таки представляли противоположности: Погодинъ былъ шуменъ, повидимому экспансивенъ донельзя, то восторгался, то кипятился, но часто показывалъ больше, чѣмъ у него на сердцѣ; онъ не разсматривалъ людей, а только про-

¹⁾ Кулишъ, Сочин. и письма (СПБ., 1857 г.) V, 163.

²⁾ Изд. Кулиша V, 161.

³⁾ V, 246: „твой глаза ближе къ мопамъ, чѣмъ у кого другаго“.

являлъ передъ ними себя; Гоголь—на столько, какъ говорится, себѣ на умѣ, что на откровеннаго Аксакова его, какъ тотъ выражается, х о л а ц к а я п л у т о в а т о с т ь производить при первомъ знакомствѣ неприятное впечатлѣніе; Гоголь внимательно присматривается къ окружающимъ, видитъ ихъ насквозь и какъ бы играетъ ими. Оба они люди выдающіеся по душевной и умственной силѣ, по огромной энергіи; но у одного энергія открытая, мечущаяся въ глаза, у другого—сдержанная, скрытая.

Поводомъ къ ихъ сближенію послужило то, что они были интересны другъ для друга. Гоголь уже въ «гимназіи высшихъ наукъ» слѣдилъ съ симпатіей за литературной дѣятельностью Погодина, и когда въ первый годъ своей петербургской жизни онъ издалъ подъ псевдонимомъ Алова свою поэму «Гансъ Кюхельгартенъ», въ числѣ немногихъ экземпляровъ, имъ разосланныхъ, одинъ былъ направленъ въ Москву М. П. Погодину. Погодинъ въ первый разъ услыхалъ о Гоголѣ-Яновскомъ по выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ», которые произвели такой фуроръ, что всякому было интересно познакомиться съ ихъ авторомъ.

Но было бы крайне несправедливо думать, что Погодина влекло къ Гоголю только какъ къ новой знаменитости, что онъ восхищался «Вечерами» только потому, что ими восхищался Пушкинъ и его литературная братія. Нѣтъ! Одну и очень важную сторону этой маленькой книжки Погодинъ былъ способенъ понять лучше и глубже, нежели самъ Пушкинъ, нежели даже самъ ея авторъ; я разумю ея этнографическое значеніе. Пушкинъ видѣлъ въ «Вечерахъ» истинную поэзію, простодушную, но увлекательную веселость; въ этомъ отношеніи Погодинъ, конечно, могъ и даже долженъ былъ пѣть съ чужого голоса; но въ шумномъ успѣхѣ этой попытки художественнаго воссозданія одной изъ славянскихъ народностей онъ видѣлъ осуществленіе плодотворной идеи, крупный шагъ впередъ къ той великой цѣли, къ которой онъ, Погодинъ, твердо шелъ всю долгую жизнь свою.

Это значеніе «Вечеровъ на хуторѣ» Погодинъ, должно быть, и разъяснилъ Гоголю при первыхъ же свиданіяхъ, и вотъ почему между ними сейчасъ же начался разговоръ о малороссійской исторіи, подавшей Погодину б о л ь ш у ю н а д е ж д у.

Вотъ, по моему убѣжденію, одна изъ главныхъ причинъ, почему холодный и недоувѣрчивый, но тонко понимающій людей и вещи Гоголь сразу почувствовалъ такую симпатію къ Погодину и призналъ въ немъ б р а т а п о д у ш ь ⁴⁾.

⁴⁾ Гоголь и до тѣхъ поръ (начиная съ „гимназіи“) собиралъ историко-этнографическій матеріалъ, но дѣлалъ это полусознательно; съ этихъ поръ онъ начинаетъ мечтать о созданіи малороссійской исторіи. У Погодина по-

Другая важная причина ихъ быстрого сближенія—сходство ихъ положенія въ томъ аристократическомъ обществѣ, которое тогда составляло верхній слой и въ жизни, и въ литературѣ. Гоголь, хотя и дворянинъ по происхожденію, воспитаніе получилъ не дворянское, а разночинское; первое время по окончаніи курса онъ жилъ на счетъ доходовъ съ имѣнія; но это было ему очень тяжело, и онъ твердо рѣшился пробить себѣ дорогу трудомъ, зарабатывать деньги для себя и помогать семьѣ. Лѣтомъ 1832 года онъ могъ считать себя вполне устроившимся. Погодинъ хотя и не испыталъ большой бѣдности, но съ отроческихъ лѣтъ научился добывать деньги и въ 32 года уже имѣлъ небольшое состояніе. Кто не извѣдалъ на себѣ, что значить съ ранней юности зарабатывать себѣ хлѣбъ, тотъ можетъ думать, что это обстоятельство неважно: не все ли равно, откуда юноша получаетъ деньги: отъ родителей ли или за трудъ, отъ чужихъ людей? Только бы онъ не нуждался въ необходимомъ. Но кто самъ прошелъ эту суровую школу, тотъ знаетъ, какой глубокой слѣдъ оставляетъ преждевременная борьба съ жизнью: она закаляетъ волю, обостряетъ умъ и способности; но она же угнетаетъ духъ, односторонне старить, до нѣкоторой степени уродуетъ человѣка. И Погодинъ, и Гоголь прошли эту школу и теперь жили въ средѣ людей, обезпеченныхъ съ дѣтства. Познакомившись, они не могли не признать другъ въ другѣ собратьевъ по судьбѣ и духу, и въ этомъ отношеніи Гоголь долженъ былъ признать надъ собой преимущество Погодина, который выказалъ искреннюю готовность быть полезнымъ молодому другу своей практичностью.

Недворянское воспитаніе сближало ихъ въ самыхъ сокровенныхъ убѣжденіяхъ. Оба они благоговѣли передъ родной словесностью и прежде всего передъ царемъ ея Пушкинымъ (который къ тому же имѣлъ случай облагодѣтельствовать cadaго изъ нихъ, хотя и въ разной степени); широту его литературныхъ стремленій они понимали, навѣрно, лучше, нежели его аристократическіе пріятели, цѣнившіе Пушкина—поэта и чуть не съ брезгливостью относившіеся къ Пушкину—журналисту, критику, историку; но по своей тѣсной связи съ низшимъ слоемъ русскаго общества, который твердо стоялъ за такъ называемый «установленный порядокъ», Гоголь и Погодинъ не могли раздѣлять ни религиозныхъ, ни политическихъ сомнѣній Пушкина и друзей его, и мученичество декабристовъ, повидимому, не возбуждало въ нихъ ни малѣйшаго сочувствія.

учается онъ „славянщина“ и въ 1836 году (Кулишъ, Письма, V, 249. 252 и пр.) и если изъ этихъ позднихъ занятій не вышло ничего важнаго, то съ бесѣдами и мечтами о малороссійской исторіи нельзя не поставить въ связь „Тара са Будьбу“.

Ихъ сближало, наконецъ, и единство занятій: они оба были преподавателями исторіи и географіи, и если Гоголь въ этомъ дѣлѣ бралъ верхъ надъ Погодинымъ глубиною своего ума, силою фантазіи, Погодинъ далеко превосходилъ его основательностью подготовки.

И вотъ они сошлись, подружились и немедленно вступили въ тѣсный союзъ, одинаково пріятный и выгодный для обѣихъ сторонъ. Гоголь даетъ Погодину самыя разнообразныя порученія, которыя тотъ исполняетъ съ готовностью, даже съ радостью. Погодинъ, такъ сказать, угощаетъ Гоголемъ своихъ московскихъ друзей, и Гоголь у него въ домѣ читаетъ въ первый разъ свою первую комедію «Женитьбу»¹⁾; когда оказывается возможность, Гоголь служитъ посредникомъ между Погодинымъ и петербургскими знаменитостями, а Погодинъ обдѣлываетъ всѣ московскія дѣла Гоголя (между прочимъ въ началѣ 1834 г., по предложенію Погодина, тогдашняго секретаря Общества любителей словесности, Гоголь выбранъ въ его члены)²⁾. Переписка между ними самая интимная и оживленная. Гоголь сообщаетъ Погодину планы своихъ научныхъ работъ и, очевидно, очень дорожитъ его мнѣніемъ, хотя и старается казаться независимымъ; даже выговоры отъ Погодина онъ принимаетъ очень благодушно³⁾. Погодинъ съ своей стороны отдаетъ на судъ Гоголя свои литературныя произведенія, и тотъ судить его очень мягко и снисходительно, поневолѣ подчиняя свой тонкій вкусъ симпатіи къ автору. Когда съ конца 1833 г. Гоголь начинаетъ хлопотать о кафедрѣ въ университетѣ, переписка съ Погодинымъ пріобрѣтаетъ для него еще большій интересъ: онъ очень настойчиво проситъ лекцій Погодина (положимъ, обѣщаетъ ему и свои, но сейчасъ же видно, что онъ дѣлаетъ это только, чтобъ не уронить себя), пользуется его книгами и указаніями. Когда Гоголю не удалось занять кафедру въ Кіевѣ, Погодинъ, очевидно, не безъ нѣкотораго насилія надъ своей ученой совѣстью, предложилъ ему свои хлопоты, чтобъ устроить его адъюнктомъ въ Москвѣ⁴⁾. Когда Гоголь началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, онъ, конечно, очень скоро убѣдился, что взялся не совсѣмъ за свое дѣло, но только одному Погодину признался онъ, что не оказалось столь необходимой связи между нимъ и его, какъ онъ называлъ ихъ, «сонными слушателями», и Погодинъ, повидимому, ничѣмъ не сумѣлъ его утѣшить; но за то онъ преисполнился все большимъ восторгомъ къ Гоголю, какъ поэту, и восторгъ этотъ былъ, конечно, вполне искреннимъ и законнымъ (побывавъ въ началѣ 1835 г.

¹⁾ Аксаковъ, С. Т., „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. М. 1890, стр. 9—10.

²⁾ См. письмо его отъ 19-го марта (Кулишъ, V, 201).

³⁾ См. Кулишъ, V, 202.

⁴⁾ Тамъ же, V, 214.

въ Петербургѣ, Погодинъ черезъ посредство новаго московскаго журнала «Наблюдатель» ¹⁾ довелъ до свѣдѣнія публики, что восходящее «новое свѣтило русской словесности» готовить двѣ комедіи). Передъ самымъ выходомъ изъ университета Гоголь одному Погодину сознался въ своемъ «безславіи» ²⁾ и ему же одному—«другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ», прибавляетъ онъ—о своихъ «высокихъ, исполненныхъ истины и ужащающаго величія» мысляхъ.

Въ маѣ 1836 г. одинаково измученный и восторгомъ и порицаніями, авторъ «Ревизора» рѣшается на время покинуть Россію. Извѣщая объ этомъ своего московскаго друга, Гоголь пишетъ ему: «Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой» ³⁾.

Эти слова—одно изъ первыхъ по времени проявленій того мистическаго самоубійства, которое въ серединѣ 40-хъ годовъ развилось въ Гоголѣ до патологическихъ размѣровъ; но въ это время только матери да Погодину сообщаетъ Гоголь такія мысли; только передъ этими двумя людьми душа его вполне открыта: настолько онъ увѣренъ въ беззавѣтной любви ихъ къ себѣ. Съ Погодинымъ Гоголь даже откровеннѣе, чѣмъ съ матерью: онъ часто не сообщаетъ ей о своихъ болѣзняхъ и разстройствахъ, не желая пугать ее.

Къ Погодину же обращается онъ за помощью въ трудныя минуты заграничнаго безденежья, и не лишено значенія, что передъ нѣжинскими друзьями онъ выставляетъ Погодина еще болѣе обязательнымъ и добрымъ къ нему, Гоголю, нежели тотъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, 31-го декабря 1838 г., онъ пишетъ Данилевскому: «Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2.000 фр. отъ добраго моего Погодина, который, не знаю какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ и прислалъ мнѣ ихъ». А пронюхать о нуждѣ Гоголя Погодину было вовсе не трудно, такъ какъ 20-го августа самъ Гоголь написалъ ему объ ней и просилъ у него именно 2.000. Гоголь какъ будто хотѣлъ такой выдумкой мотивировать передъ старыми пріятелями свою привязанность къ москвичу Погодину.

Путешествіе Погодина съ женою въ Римъ (куда Гоголь уже давно звалъ пріятеля) и совмѣстное житье ихъ съ Гоголемъ еще больше закрѣпило эту истинно-братскую дружбу: черезъ Погодина Гоголь сошелся съ Шевыревымъ, съ которымъ до тѣхъ поръ онъ, несмотря на житье

¹⁾ „Моск. Наблюдатель“ 1835 г. I, 442—8.

²⁾ Кулишъ, V, 246.

³⁾ Тамъ же, V, 261.

въ одномъ городѣ, былъ въ довольно рѣдкихъ сношеніяхъ. Гоголь съ наслажденіемъ показывалъ свой Римъ Погодину, познакомилъ его съ художникомъ Ивановымъ и многими другими, а по вечерамъ приятели вели долгія бесѣды о русской литературѣ и славянской народности, и Гоголь, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, сталъ интересоваться не только Снегиревымъ и Сахаровымъ, но и Шафарикомъ. Проводивъ Погодиныхъ и Шевыревыхъ въ Парижъ, Гоголь поручилъ ихъ вниманію своего родственника и однокашника Данилевскаго и очень просилъ сдѣлать для нихъ все возможное. Лѣтомъ Гоголь вмѣстѣ съ Погодинымъ жилъ и лѣчился въ Маріенбадѣ, а осенью они вмѣстѣ поѣхали въ Москву; Гоголь поселился у Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ и сюда же, какъ къ себѣ въ домъ, привезъ своихъ сестеръ изъ Петербурга и пригласилъ свою мать.

Какого мнѣнія былъ въ это время Гоголь о Погодинѣ и какъ онъ старался объ его интересахъ, видно изъ письма его къ Жуковскому, которое самъ Погодинъ повезъ съ собою въ январѣ 1840 г. въ Петербургъ, куда онъ поѣхалъ съ отчетомъ о своей заграничной командировкѣ:

«Письмо мое передастъ вамъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда, братъ... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошеничали у него поддѣйшимъ образомъ. И хоть бы что-нибудь похожее на печаль показалось у него! Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, и какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этого человѣка! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ съ именами первыхъ столповъ науки!»

Можно ли горячѣе, преданнѣе отзываться о своемъ другѣ? и можно ли было ожидать, чтобы такая идеальная и долготѣнная дружба, выдержавшая нелегкое испытаніе неоднократныхъ сожительствъ и заграницей, и въ Россіи, обратится во взаимное раздраженіе и даже злобу?

А между тѣмъ въ то время, какъ Гоголь писалъ это письмо, уже готовился матеріалъ для взаимнаго горькаго разочарованія этихъ двухъ несомнѣнно добрыхъ и хорошихъ людей.

Дѣло въ томъ, что Погодинъ, отъ природы живой и отзывчивый человѣкъ, послѣ долговременнаго пребыванія заграницей и особенно въ славянскихъ земляхъ, преисполнился оригинальныхъ идей не только научныхъ, но и политическихъ и общественныхъ, которыя онъ очень желалъ сообщить согражданамъ, а для этого ему было необходимо имѣть свой органъ. Объ этомъ органѣ, безъ сомнѣнія, происходили частыя бесѣды между друзьями, при чемъ, какъ можно судить по послѣдую-

щему, Погодинъ готовъ былъ удовольствоваться любой формой періодическаго изданія, а Гоголь стоялъ за ежемѣсячный журналъ.

Когда поздней осенью 1839 г. Гоголь изъ дома Погодина поѣхалъ въ Петербургъ за сестрами, у Погодина явился планъ издавать «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» (за особую плату), и онъ сообщилъ его Гоголю; тотъ (4-го ноября) написалъ ему длинное и горячее письмо, въ которомъ разбилъ эту идею въ пухъ и прахъ и съ большимъ знаніемъ дѣла настаивалъ именно на журналѣ книжками. Между прочимъ, онъ писалъ: «Я составлялъ и носилъ въ головѣ идею вѣрно обдуманнаго, непреложнаго журнала, заключателя въ себѣ и сѣятеля истины и добра. Я готовилъ даже и отъ себя написать нѣкоторыя статьи для него, пользуясь временемъ весны и будущаго лѣта, которыя будутъ у меня свободны, я, который далъ клятву никогда не участвовать ни въ какомъ журналѣ и не давать нигда своихъ статей»¹⁾).

Можно себѣ представить, какія широкія перспективы для будущаго редактора открывало такое положительное обѣщаніе знаменитаго и всѣмъ, кромѣ Булгарина, любезнаго автора «Вечеровъ», «Тараса Бульбы» и «Ревизора», который къ тому же въ «Современникѣ» Пушкина показалъ огромный критическій и вообще журнальный талантъ?

Въ моментъ полученія этого письма совершилось зачатіе «Москвитянина».

Если расположеніе Погодина къ Гоголю могло усиливаться, оно должно было послѣ этого по крайней мѣрѣ утронуться.

Весною 1840 г. Гоголь уѣхалъ за границу, поручивъ свои денежные дѣла, конечно, Погодину. Въ Вѣнѣ онъ заболѣлъ тою болѣзнью, которую нынче, вѣроятно, назвали бы неврастеніей на почвѣ переутомленія, и только одному Погодину (изъ Рима отъ 17-го октября) онъ подробно описалъ ея припадки и ея тяжелыя послѣдствія, изъ которыхъ тяжеле всего была невозможность напряженно работать, а работать ему было необходимо прежде всего, чтобы исполнить завѣтъ Пушкина—дописать «Мертвыя Души»²⁾).

Съ 1841 г. начинаетъ выходить «Москвитянинъ», въ который Погодинъ кладетъ всю душу свою, всю энергію и всѣ свободныя средства.

¹⁾ Тамъ же, V, 391. Въ концѣ этого письма Гоголь благодаритъ Погодина за намѣреніе устроить въ Москвѣ сестеръ вмѣстѣ съ нимъ. „Онѣ будутъ показывать переводить и работать для будущаго журнала и для меня“.

²⁾ Прочувствованный, хотя и слишкомъ „восторженный“ отвѣтъ Погодина на письмо Гоголя см. у В. И. Шенрока, III, 328.

«Москвитянинъ», какъ всякій серьезный журналъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ направленіемъ, встрѣчаетъ и поклонниковъ и хулителей. Редакторъ и его ближайшій сотрудникъ Шевыревъ работаютъ усердно и даютъ, что могутъ. Но въ одномъ отношеніи журналъ обмануль ожиданія публики: всѣмъ были извѣстны дружескія отношенія редактора и Гоголя; экспансивный Погодинъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ разблаговѣстилъ, что Гоголь обѣщаль помогать «Москвитянину» изъ всѣхъ силъ и, какъ мы знаемъ, онъ имѣлъ основанія для этого. Выходить книжка за книжкою, а Гоголя нѣтъ. «Всѣ ждутъ,—пишетъ Даль Погодину, что-то будетъ въ «Москвитянинѣ» Гоголя? Его сотрудничество, непременно, расширитъ кругъ журнала. Гоголя любятъ всѣ; для него между читателями нѣтъ партій» ¹⁾. Погодинъ признаетъ справедливость этого, можно сказать, требованія публики и рѣшается написать Гоголю письмо на тему: раззорюсь, выручай! Но онъ немного побаивается своего капризнаго и болѣзненнаго друга и чувствуетъ, какъ было бы неделикатно ему, одному изъ главныхъ кредиторовъ Гоголя, приставать къ нему, и потому прибѣгаетъ къ помощи добросердечнаго С. Т. Аксакова.

Плохо дѣло, когда одинъ изъ друзей проситъ вмѣшательства третьяго лица; дружба, очевидно, виситъ на волоскѣ.

Кто виновать въ этомъ? Конечно, не Гоголь, который по болѣзни не могъ исполнить своего обѣщанія, но и не Погодинъ, который желалъ добра своему журналу, затѣянному въ надеждѣ на это обѣщаніе. Въ оправданіе Погодина слѣдуетъ припомнить и то, что Гоголь, по своей мнительности, слишкомъ долго пугаль друзей своихъ плохимъ состояніемъ своего здоровья, такъ что они хоть и вѣрили ему, но не вполне, и что Гоголь черезъ него же, Погодина, переслалъ недавно Щепкину одинъ актъ переведенной имъ съ итальянскаго комедіи («Дядька въ затруднительномъ положеніи»); стало быть, работать могъ. Но лучшимъ и полнымъ оправданіемъ Погодину служить то, что благоговѣвшій передъ Гоголемъ Аксаковъ въ этомъ случаѣ сталъ на его сторону и взялъ на себя ходатайство.

Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Гоголя прямо-таки ужасное письмо: мало того, что Гоголь считаетъ тяжкимъ грѣхомъ отвлекать его отъ великаго спасительнаго труда, считаетъ, что это позволительно только тому, кто не вѣритъ словамъ его и кто «недоступенъ высокимъ мыслямъ»; мало того, что онъ намекаетъ на свою задолженность, на кредиторскія права Аксакова и Погодина, онъ кончаетъ свое письмо такими жалкими словами: «Но статья будетъ готова; жалъ только,

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, Погодинъ, VI, 238—9.

если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю, нѣтъ: Богъ милостивъ».

Можно себѣ представить, какъ подѣйствовало это письмо на впечатлительнаго С. Т.! Онъ оказывается виновнымъ въ грубой неделikatности, въ неуваженіи къ словамъ Гоголя, въ порчѣ «Мертвыхъ Душъ», наконецъ въ болѣзни, угрожающей ихъ творцу!

Вся эта исторія настолько огорчила и разобидѣла его, что онъ сталъ избѣгать дѣловыхъ сношеній и съ Погодинымъ и даже съ Гоголемъ: когда Гоголь хотѣлъ поручить ему 2-ое изданіе «Ревизора», онъ отказался, сославшись на свое семейное горе (смерть сына). Но когда взявшій это на себя Погодинъ задумалъ для блага «Москвитяина» предварительно помѣстить въ немъ нѣсколько добавленныхъ сценъ къ «Ревизору», Аксаковъ счелъ долгомъ вмѣшаться и пытался остановить его угрозой гнѣва Гоголя.

Тогда уже разсердился Погодинъ и, по свойству своего характера, выразилъ свое «сердце» слишкомъ рѣзко. «Да помилуйте, Сергѣй Тимошеевичъ, писалъ онъ Аксакову: что я въ самомъ дѣлѣ за козель искупленія! Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай (разумѣется, денегъ), бѣги и дѣлай и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя! Да еслибъ я изрѣзалъ въ куски «Ревизора» и разсовалъ его по своему журналу, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня».

Идея превращенія «Ревизора» въ куски «Москвитянина», разумѣется, Аксакову не понравилась, и онъ отвѣчалъ Погодину, насколько могъ, сухо ¹⁾).

Но Гоголь продолжалъ по-прежнему и дружескія и дѣловыя сношенія съ Погодинымъ и на присланныя имъ деньги выѣхалъ въ 1841 г. изъ Рима въ Россію.

Приѣхавъ въ Москву, Гоголь поселился, разумѣется, у Погодина, въ домѣ котораго должна была черезъ нѣсколько мѣсяцевъ остановиться (и, дѣйствительно, останавливалась) и мать Гоголя.

Въ началѣ этого совмѣстнаго житья, повидимому, все шло по-прежнему: послѣднія главы 1-го тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь читалъ только двумъ Аксаковымъ и Погодину; Аксаковы были въ такомъ восторгѣ, что отказались отъ всякой критики; Погодинъ критиковалъ планъ поэмы довольно строго и съ раздраженіемъ, вѣроятно, безсознательнымъ. Гоголь слушалъ его внимательно и не возражалъ, но плана своего не измѣнилъ.

¹⁾ Въ оправданіе Погодина необходимо, впрочемъ, прибавить, что, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста письма (см. у Аксакова, Ист. моего знакомства и пр. стр. 117—118), Погодинъ больше заботился объ интересахъ Гоголя, чѣмъ о своихъ собственныхъ.

Въ концѣ 1841 и началѣ 1842 г., какъ рассказываетъ Аксаковъ ¹⁾, начали возникать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ. «Гоголь молчалъ, но казался разстроеннымъ, а Погодинъ началъ сильно жаловаться на Гоголя, на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невниманіе къ хозяевамъ, т. е. къ нему, къ его женѣ, къ матери и къ тещѣ, которыя будто бы ничѣмъ не могли ему угодить...» «Жалобы и обвиненія Погодина, продолжаетъ Аксаковъ, казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева... Послѣ объяснилось, что Погодинъ пилить, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, которыя посылалъ ежедневно къ нему снизу вверхъ, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности». Такъ рассказываетъ Аксаковъ и не только обвиняетъ грубую и «топорную» натуру Погодина, но очень рѣзко обвиняетъ и себя самого за то, что онъ не вмѣшался въ ихъ ссору.

Надо замѣтить, что все это писано вскорѣ послѣ смерти Гоголя, когда всѣ горячіе поклонники его таланта, бывшіе съ нимъ въ личныхъ сношеніяхъ, не исключая и Погодина, были очень склонны оправдывать Гоголя во всемъ и обвинять себя и другихъ его друзей за непониманіе тонкой духовной организаціи великаго художника. Но и при этихъ условіяхъ правдолюбіе заставляетъ Аксакова сознаться, что обращеніе Гоголя, и прежде неровное, теперь значительно измѣнилось къ худшему, и указать на то, что Гоголь приблизительно въ тотъ же періодъ не могъ ужиться и съ кротчайшимъ Языковымъ. Все послѣдующее убѣждаетъ насъ положительно, что если Погодинъ, сильно обеспокоенный положеніемъ своего журнала (которому могъ бы, но не хотѣлъ помочь его такъ-называемый другъ), и грѣшилъ иногда вспыльчивостью и безтактностью, то гораздо болѣе грѣшилъ холодной озлобленностью Гоголь, который и самъ сознается, что онъ нарочно избѣгалъ объясненій: «Пусть моль его путается!», а Смирновой очень откровенно заявляетъ, что жертвовать своими статьями для журналовъ друзей находилъ для себя невыгоднымъ, такъ какъ готовился напечатать полное собраніе своихъ сочиненій.

Несмотря на то, что Гоголь даль-таки для 3-й книжки «Москвитянина» (за 1842 г.) свой отрывокъ «Римъ», отношенія его къ Погодину настолько обострились, что 9-го мая, когда Гоголь давалъ обычный именинный обѣдъ въ саду, хозяинъ и его жилецъ уже не разговаривали другъ съ другомъ ²⁾. Черезъ двѣ недѣли Гоголь надолго покинулъ Москву, и Погодина, конечно, не было въ числѣ провожавшихъ его.

¹⁾ Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 54.

²⁾ Аксаковъ, 62.

Такъ окончилась эта долгая дружба, обнимающая лучшихъ 10 лѣтъ жизни Гоголя, въ продолженіе которыхъ онъ написалъ «Миргородъ», «Ревизора», «Петербургскія повѣсти» и 1-ую часть «Мертвыхъ Душъ». Въ послѣдующее десятилѣтіе—періоды 2-ой части «М. Д.» и «Переписки съ друзьями», главнымъ исполнителемъ практическихъ порученій Гоголя, вмѣсто Погодина, является Шевыревъ, болѣе аккуратный, менѣе «топорный», но зато едва-ли такой искренній и сердечный человѣкъ.

Ссора Погодина съ Гоголемъ не была вульгарной ссорой двухъ друзей изъ-за стараго ружья и «гусака»; это было взаимное раздраженіе на почвѣ нѣкотораго взаимнаго разочарованія. Поэтому, во-первыхъ, они не втягивали въ свою ссору близкихъ людей: мать Гоголя и по отбѣздѣ сына дружески относилась къ Погодину, и Гоголь изъ Петербурга поспѣшилъ написать ласковое письмо женѣ Погодина, а во-вторыхъ, когда прошелъ острый періодъ раздраженія (что произошло, конечно, довольно скоро), между ними стали возможныя дружески-дѣловыя отношенія. Уже въ мартѣ 1843 г. Гоголь пишетъ Аксакову и Шевыреву по длинному и задушевному письму и проситъ ихъ, вмѣстѣ съ Погодинымъ, взять на три года на свою отвѣтственность устройство матеріальнаго благосостоянія Гоголя, при чемъ специально на Аксакова и Погодина, который, пишетъ Гоголь, часто упрекалъ меня зато, что я мало сдѣлалъ для семьи¹⁾, возлагалась, въ надеждѣ на прекрасныя души ихъ, забота о матери Гоголя.

Когда три москвича совмѣстно обсуждали эту просьбу Гоголя, Погодинъ, по словамъ Аксакова, «мучилъ насъ обоихъ своимъ ропотомъ, осужденіемъ и негодованіемъ» (стр. 106); но С. Т. долженъ сознаться, что и въ его душѣ не было полной довѣренности къ Гоголю (стр. 107). Однако деньги, затребованныя Гоголемъ, были собраны и ему посланы.

Извѣстно, что учителя и профессора ранней весною бываютъ особенно раздражительны, а къ осени, если имъ удастся хорошо отдохнуть лѣтомъ, міровоззрѣніе ихъ, а слѣдовательно и взглядъ на отдѣльныхъ людей, значительно смягчается.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Тотъ же Погодинъ, который въ апрѣлѣ, какъ говорится, «рвалъ и металъ» на своего бывшаго друга, въ сентябрѣ самъ открываетъ съ нимъ сношенія письмомъ, очень характернымъ, но вовсе не дипломатичнымъ:

Москва 1843 г. сентября 12-го.

«Наконецъ, нашель я въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобою, написать къ тебѣ письмо. Раны сердца моего зажили, или по крайней мѣрѣ затянулись... Ну, что, каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ опять ма-

¹⁾ Аксаковъ, стр. 105.

риенбадскую воду, а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь изъ горла, и голова безпрестанно тяжела. Не случилось ли чего особеннаго въ душѣ у тебя около 3-го (15-го) сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3-го числа я какъ будто примирился съ тобою; а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ тревоженія! Когда ты затворилъ дверь, я перебрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня съ плечъ; все, что узнавалъ я послѣ, прибавило мнѣ еще больше муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ и высокихъ минутъ своихъ, отвратительнымъ существомъ.

«Посѣтивъ мать твою въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала слишкомъ глубоко. Наконецъ, я сталъ позабывать тебя, успокаивался... и теперь все, какъ рукой снято. Ну, слава Богу! Я готовъ опять и ругать и любить тебя» ¹⁾).

На это, можетъ быть, нѣсколько и «топорное», но во всякомъ случаѣ благодушное и искреннее письмо, Гоголь отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ, которое направилъ предварительно къ Аксакову и Шевыреву: пусть они подумаютъ, отдавать ли его Погодину. И хорошо сдѣлалъ: они рѣшили не отдавать его, такъ какъ пришли къ справедливому заключенію, что оно способно только раздражить и огорчить Погодина. Сообщая объ этомъ Гоголю, даже Аксаковъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, что себя Гоголь обвиняетъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, а Погодина колеть «въ настоящее больное мѣсто» ²⁾).

Письмо Гоголя очень интересно и умно, но ужъ задушевнымъ-то его никакъ назвать нельзя; достаточно сказать, что и начинается оно съ мастерского, но жестокаго отождествленія Погодина съ мрачнымъ духомъ отрицанія и смущенія.

Такъ Погодинъ и остался съ напрасно протянутой рукой примиренія; онъ, повидимому, не дѣлалъ новыхъ попытокъ, но продолжалъ прославлять въ своемъ журналѣ Гоголя, какъ художника, и даже украсилъ его портретомъ ноябрьскую книжку «Москвитянина». Гоголь, самолюбіе и мнительность котораго дѣлались все болѣзненнѣе, страшно возмущился этимъ, увѣрялъ (въ письмѣ къ Языкову), что «большаго оскорбленія» ему «нельзя было придумать» и даже доказывалъ съ свойственной ему тонкостью ума, что отъ изображенія его «неряхою» (въ халатѣ) произойдетъ серьезный вредъ для всей русской молодежи.

Наступаетъ роковой для Погодина 1844 г.; теперь уже Гоголь изъ добраго чувства протягиваетъ два раза руку Погодину, а тотъ каждый

¹⁾ Аксаковъ, стр. 116—7.

²⁾ Аксаковъ, стр. 124.

разъ хватается, такъ сказать, за нее обѣими руками. 16-го мая 1844 г. Погодинъ сломалъ себѣ ногу. Вся ученая и литературная Москва слѣдила выразить свое сочувствіе больному, и Гоголь прислалъ ему небольшое, но милое письмецо ¹⁾. Погодинъ отвѣтилъ ему, еще лежа въ постелѣ и, желая сдѣлать ему особое удовольствіе, благодарилъ его за елей наго (безъ ироніи) Оому Кемпейскаго, за присылку котораго, надъ Гоголемъ посмѣялся даже благодушный Аксаковъ.

Въ концѣ того же года Погодина поразилъ тяжкій ударъ—смерть жены его, Елизаветы Васильевны, къ которой Гоголь много лѣтъ выражалъ теплую братскую привязанность. Гоголь, въ это время уже явно больной тѣмъ нравоучительнымъ мистицизмомъ, который отравилъ послѣдніе годы его жизни, написалъ старому другу задушевное, но странное и малоутѣшительное письмо.

Онъ доказываетъ вдовцу, что несчастіе, его посѣтившее, есть великій знакъ любви божьей къ нему; въ благодарность за это Погодинъ долженъ съ этихъ поръ всецѣло посвятить себя служенію Россіи, отрѣшившись отъ обычной ему торопливости. «Я знаю, продолжаетъ Гоголь, что покойнику печалили два находящіеся въ тебѣ недостатка: отсутствіе такта во всевозможныхъ родахъ приличій, а другой—гниѣвливость». Какъ лѣкарство противъ этихъ духовныхъ немощей, онъ рекомендуетъ того же Оому Кемпейскаго.

Погодинъ благодарилъ Гоголя за это письмо, какъ за благодареніе, но въ дневникѣ своемъ (23-го декабря 1844 г.), хоть и называетъ письмо умилительнымъ и увѣщаетъ самого себя смириться, не признаетъ за собою ни гниѣва въ смыслѣ злобы, ни рѣзкаго незнанія приличій.

И эти слабые отзвуки былой дружбы едва не прекратились навсегда и едва не смѣнились такими отношеніями, при которыхъ людямъ неловко встрѣчаться въ одномъ домѣ. На этотъ разъ всецѣло виноватъ былъ Гоголь.

Въ самомъ началѣ 1847 г. появляется книга Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Къ немалому своему удивленію, интеллигентные читатели въ одной изъ первыхъ главъ ея нашли такой рѣзкій разность Погодина, какого отъ Гоголя могъ ожидать развѣ Фаддей Булгаринъ. «Пріятель нашъ П., пишетъ Гоголь въ главѣ о томъ, «что такое слово», имѣетъ обыкновеніе, отрывши, какія ни пошло, строки извѣтнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналъ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестию его» и т. д. А черезъ нѣсколько строкъ Гоголь даетъ общую характеристику писателя и профессора П., который трудится и хлопочетъ тридцать лѣтъ

¹⁾ Отъ 13-го іюня изъ Франкфурта.

и въ результатѣ только убѣждаетъ всѣхъ въ своемъ нравственномъ неяршествѣ и неопрятности, такъ что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, который сказалъ бы ему спасибо, ни одного юноши, который призналъ бы себя обязаннымъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ ¹⁾ и проч. Въ этой бочкѣ дегтя, правда, была ложка меда въ видѣ признанія благородныхъ и прекрасныхъ порывовъ Погодина, но она, конечно, не измѣнила общаго впечатлѣнія.

Когда добрые люди показали это мѣсто Погодину, тотъ огорчился буквально до слезъ, не могъ думать ни о чемъ другомъ и немного успокоился только по прочтеніи всей книги, когда убѣдилъ себя, что Гоголь просто-таки помѣшался отъ гордости. Самъ С. Т. Аксаковъ былъ возмущенъ до глубины души и писалъ сыновьямъ: «Я никогда не прощу Гоголю выходокъ на Погодина: въ нихъ дышетъ дьявольская злоба, а онъ изволитъ утопать въ любви христіанской».

Какъ человѣкъ прямой, онъ довелъ о своемъ впечатлѣніи и до свѣдѣнія автора: онъ называетъ его поступокъ злобнымъ; «вы позорите, безчестите человѣка, котораго вы называли своимъ другомъ», пишетъ онъ Гоголю, съ благороднымъ злорадствомъ сообщаетъ ему, что Погодинъ плакалъ и что онъ спрашиваетъ Гоголя: Христось училъ подставлять ударившему другую ланиту, но гдѣ же онъ училъ давать оплеухи?

Недовольны были поступкомъ Гоголя и такіе преданные ему люди, какъ Шевыревъ и даже старушка Шереметева.

Но Гоголь и до полученія выговоровъ почувствовалъ, что имъ сдѣлано дѣло неладное. Онъ послалъ свою книжку Погодину съ надписью грубо ругательной, самая грубость которой должна была свидѣтельствовать о его дружескихъ чувствахъ и въ которой себя самого онъ признаетъ столь же и даже болѣе виновнымъ въ тѣхъ грѣхахъ, въ какихъ онъ обвиняетъ Погодина ²⁾. А кромѣ того онъ написалъ ему заигрывающее письмо съ заявленіемъ о своихъ дружескихъ чувствахъ, съ обѣщаніемъ и впредь говорить ему правду въ глаза и съ приглашеніемъ ѣхать вмѣстѣ въ св. Землю.

Не безъ горькаго юмора Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

¹⁾ Цензура вычеркнула нѣсколько выраженій относительно патріотизма Погодина и его любви къ царю, еще болѣе сильныхъ. См. изд. Тихонова, т. IV, стр. 21.

²⁾ „Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, напояющему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему, Ѳомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей дарить сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его человѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопрятнѣйшій его самого“. (Барсуковъ, VIII, 544).

«Письмо отъ Гоголя, который обѣщаетъ ругать меня и еще въ знакъ дружбы» ¹⁾. А когда Гоголь узналъ, какое впечатлѣніе произвела его выходка на московскихъ друзей и на самого Погодина, онъ, откинувъ ложный стыдъ, призналъ ее рѣзкой и неприличной, и, хотя отстаивалъ справедливость сказаннаго имъ, но выразилъ искреннее раскаяніе въ огорченіи, имъ причиненномъ, и писалъ Погодину, называя его «другомъ или, лучше, братомъ»: «Съ этой минуты у меня поселилась къ тебѣ такая любовь, какой никогда доселѣ не было и, мнѣ кажется, что дружба наша съ этихъ поръ начнется». Приблизительно тогда же онъ пишетъ о Погодинѣ Шереметевой: «Это добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце; великодушіе составляетъ главную черту его характера».

Мало этого, Гоголь хотѣлъ и передъ читающей публикой реабилитировать Погодина и для 2-го изданія «Переписки» написать статью: «О достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ Погодина». Статьи этой Гоголь не написалъ, да, впрочемъ, какъ извѣстно, и 2-е изданіе «Переписки» не потребовалось.

Какъ же отнесся къ раскаянію Гоголя Погодинъ? Очень великодушно и характерно. Онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезное и нѣжное письмо отъ Гоголя. Утѣшился; сердца у меня на него нѣтъ, развѣ когда раздумаешься» ²⁾. Онъ отвѣтилъ ему немедленно (8-го апр.) очень искренно, вполне по-дружески; онъ выразилъ ему свое мнѣніе обо всей его несчастной книгѣ, мнѣніе, конечно, въ общемъ отрицательное, но сдѣлалъ это со всевозможнымъ снисхожденіемъ и братской любовью.

Но потерявшій почву Гоголь и на это, повидимому, обидѣлся и выражалъ сожалѣніе, что завелъ переписку съ Погодинымъ ³⁾; однако этой переписки не прекратилъ и въ концѣ года снова писалъ ему, что любить его больше прежняго ⁴⁾.

Въ концѣ концовъ этотъ печатный «инцидентъ» дѣйствительно скорѣй способствовалъ сближенію, нежели отдаленію бывшихъ друзей. Въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Москву, зимою 1848 г., Гоголь два мѣсяца жилъ у Погодина и переѣхалъ отъ него къ гр. Толстому только потому, что самъ Погодинъ перебрался во флигель, уступивъ домъ свой исключительно подъ рукописи ⁵⁾.

¹⁾ Барсуковъ, VIII, 541.

²⁾ Барсуковъ VIII, 547.

³⁾ Тамъ же, 554.

⁴⁾ Тамъ же, 557.

⁵⁾ Ради пребыванія Гоголя, Погодинъ торжественно отпраздновалъ день своего рожденія 11-го ноября. Гости были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Празднество, впрочемъ, не вполне удалось: „Гоголь испортилъ. Досадно“, записалъ Погодинъ въ дневникѣ своемъ.

Въ послѣдніе три года жизни Гоголя между нимъ и Погодинымъ установились довольно ровныя доброжелательныя отношенія. Они интересовались дѣлами другъ друга, иногда дѣлились мыслями, оказывали взаимно небольшія услуги, видались довольно часто ¹⁾; по старой памяти Гоголь справлялъ въ Погодинскомъ саду свой именинный обѣдъ 9-го мая. Погодинъ продолжалъ прославлять Гоголя въ «Москвитянинѣ», но полной откровенности, прежнихъ задушевныхъ отношеній не было и въ поминѣ. Да впрочемъ въ это время Гоголь былъ такъ болѣзненъ и временами такъ страненъ, что и никто другой не могъ быть съ нимъ въ такой здоровой дружбѣ, которая была когда-то между нимъ и Погодинымъ. Въ это время онъ, дѣйствительно, походилъ, по его же выраженію, на скудельный сосудъ съ драгоценной жидкостью, съ которымъ всѣ обращались необыкновенно бережно и несвободно, изъ страху, какъ бы не толкнуть его.

Нашъ незабвенный учитель Ѳ. И. Буслаевъ рассказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, какъ профессоръ Погодинъ въ 1837 г. на лекціи, вмѣстѣ съ студентами, оплакивалъ смерть Пушкина. На юнаго Буслаева Погодинъ произвелъ тогда неизгладимое и благотворное впечатлѣніе своимъ добрымъ любящимъ сердцемъ, силою своего чувства, раздѣляемаго съ молодежью, и своей задушевною искренностью.

Когда въ 1852 году скончался Гоголь, Погодинъ самъ былъ почти старикъ, и юной, впечатлительной аудиторіи у него уже не было. Передъ нимъ была только,—увы! немногочисленная публика падающаго «Москвитянина». Но доброе сердце и задушевная искренность остались у него тѣми же.

Вотъ какъ онъ въ 5 № «Москвитянина» оплакивалъ великаго художника и своего бывшего друга:

«21-го февраля, въ четвергъ, поутру, безъ четверти въ восемь часовъ умеръ Гоголь. Публика требуетъ подробностей о кончинѣ своего любимца; въ городѣ ходятъ разные слухи и толки.

«Скрѣпя сердце, приступаю къ исполненію журнальной обязанности, которая никогда не была для меня такъ тягостна.

«Чѣмъ онъ былъ боленъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только то, что онъ страдалъ, страдалъ много, страдалъ тѣломъ и душою, но въ чемъ именно заключались его страданья, какъ они начались—никто не знаетъ, и никому не сказалъ онъ объ нихъ ничего, даже своему духовнику.

«Съ котораго времени, по крайней мѣрѣ, оказалась въ немъ роковая перемѣна? Кажется, недѣли за три до кончины».

¹⁾ Гоголь въ домѣ Погодина слушалъ 3-го декабря 1848 г. «Банкрота» Островскаго.

За тѣмъ Погодинъ излагаетъ нынѣ всѣмъ извѣстныя подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Гоголя и о сожженіи имъ 2-го тома «Мертвыхъ Душъ».

Онъ отказывается объяснить это странное и страшное дѣло и говорить о покойномъ:

«Это была натура особливая, которая по кончинѣ сдѣлалась еще таинственнѣе и еще мудренѣе для уразумѣнія, чѣмъ была при жизни, и которую судить простою мѣркою, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, нельзя и не должно...

«И на что намъ разбирать источники плачевнаго событія? Больше ли мы должны благоговѣть передъ христіаниномъ, чѣмъ сострадать несчастливцу или священно—трепетать о человѣкѣ?

«Друзья и братья! Человѣкъ еще ближе всѣхъ къ намъ.

«Оставимъ же бесполезныя изслѣдованія и невѣрныя догадки. Оплачемъ горькими слезами то, что потеряли, и возблагодаримъ сторицею за то, что осталось! Будемъ удивляться великому художнику и молиться, кто можетъ о слабомъ человѣкѣ».

«Въ роковую недѣлю, прибавляетъ Погодинъ въ видѣ Postscriptum'a,—меня не было въ Москвѣ, какъ будто въ наказаніе, что я въ послѣднее время позволялъ себѣ питать разныя подозрѣнья на счетъ Гоголя и не вѣрилъ въ полнѣ его искренности. Шевырева также не было: тотъ самъ лежалъ больнымъ въ постелѣ».

Если несогласная съ литературными приличіями и откровенность послѣднихъ строкъ свидѣтельствуешь, до нѣкоторой степени, о славянской распущенности, она же, согласитесь, свидѣтельствуешь и о томъ гуманномъ благодушіи, о той альтруистической наклонности преувеличивать свои недостатки и свои невольные проступки, которую такъ высоко и такъ справедливо цѣнили въ русскомъ народѣ великій ученикъ и продолжатель дѣла Гоголя, Федоръ Достоевскій.

А. Кирпичниковъ.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ.

(Матеріалы для его біографіи).

I.

Стихи князя П. Шаликова императору Николаю по поводу 14-го декабря 1825 года.

Письмо князя Петра Ивановича Шаликова къ Николаю Назарьевичу Муравьеву.

23-го мая 1826 года, Москва.

Имѣвши счастье пользоваться благорасположеніемъ незабвеннаго дядюшки вашего Михаила Никитича, равно какъ и честію знакомства съ вашимъ превосходительствомъ, принимаю смѣлость безпоконть васъ, милостивый государь, авторскою просьбою, слѣдовательно самою близкою къ сердцу. Между тѣмъ давно поселившесея въ немъ (въ сердцѣ) чувство отличнаго уваженія къ дарованіямъ и особъ вашего превосходительства придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости на сію смѣлость.

Именно о томъ прошу ваше превосходительство, чѣмъ нѣкогда съ счастливѣйшимъ успѣхомъ утруждалъ вѣчно живущаго въ сердцахъ нашихъ истиннаго мецената нашего—прошу достойнѣйшаго его преемника поднести государю императору прилагаемыя стихи, излившіеся изъ души моей по прочтеніи всего того, что было обнародовано объ извѣстныхъ происшествіяхъ.

Ваше предстательство, конечно, обратитъ монаршее вниманіе на патріотическія чувствованія питомца русскихъ музъ, столь любезныхъ вамъ и столь любящихъ васъ.

Его величеству государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссійскому, при восшествіи на прародительскій престолъ.

Россіи императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.

Карамзинъ.

Благословенія сердецъ
Всегда на тронъ сопровождали
Пріявшихъ скипетръ и вѣнецъ
Въ странѣ, гдѣ благодать ихъ познали:
Россіи доблестной они
Знакомы, святы ископи!
Россія въ вѣрности ко трону,
Къ владыкамъ, долгу и закону
Тверда, надежна, какъ гранитъ!
Ее ничто не поколеблетъ;
Она сама себя хранитъ;
Самой себѣ лишь только внемлетъ.

* *
*

Но если слухъ и взоръ ея
Всечасно устремленъ къ державѣ;
Монархъ! всесильная твоя
Предъ ней явилась въ новой славѣ!
Ты воскресилъ Петра въ себѣ
И далъ урокъ самой судьбѣ,
Что отъ небесъ стяжавшій царство
Разрушить злобу и коварство,
Развѣтъ прахомъ дерзкій ковъ,
Спасетъ отечество, наслѣдье;
И въ чистотѣ души готовъ,
Какъ Богъ, врагамъ на милосердье!

* *
*

Въ огнѣ сладчайшихъ чувствъ своихъ
Поэтъ всѣ вѣки вопрошаетъ:
Еще сравненіе онъ въ нихъ
Съ тобой, монархъ! найти желаетъ—
И Генрихъ, честь, краса людей,
Наставникъ, образецъ царей,
Воображеніе поэта,
Въ лучахъ бесумрачнаго свѣта,
Съ улыбкой благодати предсталъ—
И гласъ исторіи раздался:
„Онъ для прощенья побѣждалъ,
И подданныхъ отцомъ остался!“

* *
*

И ты заблудшихся простишь,
И ты, монархъ, свой санъ высокой
Сіянемъ новымъ окружишь,

Крамоль разсѣявъ мракъ жестокий!
 И Равальяки да падуть
 Въ геенну, гдѣ ихъ муки ждуть
 Раскаянья и поношенья!
 Вселенной Титы—утѣшенья!
 А первый шагъ ко трону твой,
 Монархъ! Явиль вселенной Тита!
 Владѣй же Россіянъ душой;
 Ты ихъ блаженство и защита!

Князь Петръ Шаликовъ.

II.

Князь Шаликовъ и „Московскія Вѣдомости“ въ 1826 г.

Собственноручная записка фонъ-Фока—И. И. Дибичу.

6-го января 1827 г.

„Московскія Вѣдомости“ печатаются при Университетѣ по особенному положенію и по особенной инструкціи. Редакторъ оныхъ есть извѣстный князь Шаликовъ, который съ давняго времени служить предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ занимающихся литературою. Въ 50 лѣтъ, онъ молодится, пишетъ любовные стихи, влюбляется и принимаетъ эпиграммы за похвалы. Мѣсто редактора получилъ онъ по протекціи Ивана Ивановича Дмитріева, которому онъ служитъ пластрономъ (предметомъ насмѣшекъ) подъ веселый часъ. Этотъ князь Шаликовъ не имѣетъ никаккихъ свѣдѣній для издаванія политической газеты и даже лишень природной смѣтливости, необходимой для познанія мѣстностей, приличій и обстоятельствъ, въ которыхъ находимся. Напечатаніе мнѣнія Стангопа о заведеніи повсемѣстныхъ республикъ весьма предосудительно, особенно послѣ наказанія людей, мечтавшихъ о республикѣ. Скажутъ: «не у насъ однихъ думали о республикѣ, когда въ цѣлой Европѣ и даже въ цѣломъ свѣтѣ объ этомъ помышляютъ!»—Такой ужасный промахъ въ газетѣ можетъ только извиниться глупостью и неспособностью князя Шаликова, которому впрочемъ кто-нибудь внушилъ напечатать эту нелѣпость.—Удивительнѣе всего, что этого Шаликова прочать въ цензоры въ Москву!—Ему это мѣсто обѣщано, и едва-ли онъ его не получилъ или по крайней мѣрѣ вскорѣ получить.—Сей случай можетъ также служить доказательствомъ, сколь нужна порядочная цензура въ Москвѣ, цензура, составленная изъ людей отличныхъ, подъ предѣдательствомъ извѣст-

*

наго и довѣреннаго человѣка. Злое сѣмя таится въ Москвѣ, и невидимое дѣйствіе и внушеніе нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей можетъ быть уничтожено только противудѣйствіемъ и умными чиновниками. Человѣка подобнаго Шаликову легко обмануть и сдѣлать орудіемъ злаго, такъ что онъ и самъ того знать не будетъ. Къ тому жъ этотъ Шаликовъ чрезвычайно самолюбивъ и раздражителенъ, и такъ, воспламеняя его страсти, можно управлять имъ какъ угодно. Любопытно было бы знать кто выбралъ эту статью для напечатанія?

Выписка изъ № 96 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 1-го декабря 1826 г., стр. 3848.

Нѣкто, называющій себя военнымъ Филеллиномъ, помѣстилъ въ газетѣ «Звѣздѣ» письмо, изъ коего сообщаемъ слѣдующее: «Поелику во время моего пребыванія въ Греціи научился я любить грековъ и удивляться свойству сей истинно геройской націи; то и долженъ признаться, что меня сколько удивляютъ, столько и оскорбляютъ неблагоприятные о грекахъ отзывы филеллиновъ, какъ-то: полковника Фавье, полковника Стангопа, членовъ греческихъ Обществъ Парижскаго и Лондонскаго. Это происходитъ отъ того, что сіи господа, увѣряя европейскую публику, будто бы греки не способны управлять своими собственными дѣлами, желаютъ сами управлять оными и приобрѣсть силу и богатство. Полковникъ Стангопъ хотѣлъ прослыть филантропомъ посредствомъ заведенія музеевъ и ланкастерскихъ школъ; полковникъ Фавье надѣялся введеніемъ европейскаго военного порядка сдѣлаться начальникомъ греческихъ армій; г-нъ Баурингъ хотѣлъ подпискою въ пользу грековъ наполнить свои собственные карманы; лордъ Кокренъ продалъ свою прокламацію противъ паши египетскаго за 160.000 фунтовъ стерл., а греческія Общества, Парижское и Лондонское, совсѣмъ не знаютъ настоящаго положенія дѣлъ Греціи. Честолюбіе филеллиновъ, желающихъ начальствовать надъ греками, есть настоящая причина всѣхъ декламаций противъ сего народа. Я много слышалъ о несогласіяхъ грековъ, о недостаткѣ у нихъ военного порядка; естественная причина тому есть та, что они не имѣютъ достаточныхъ средствъ къ своему защищенію и ведутъ войну съ непріателемъ сильнымъ и страшнымъ. Общества Парижское и Лондонское предполагаютъ дать полковнику Стангопу, для тайной экспедиціи, 8.000 фунт., а я увѣряю напередъ, что сія экспедиція будетъ имѣть весьма несчастный конецъ. Если хотятъ вспомоствовать грекамъ, то должно посылать деньги прямо къ греческому пра-

вительству, дабы оно не оставило безъ помощи Караискаки и Міавли, которые ознаменовали себя храбростію и самыми отважными предпріятіями. Полковникъ Стангопъ обѣщаетъ намъ, что всѣ націи въ свѣтѣ скоро будутъ конституціонными республиками; полковникъ Фавье увѣряетъ, что всѣ греки скоро превратятся въ регулярныя войска, а лордъ Кокренъ твердитъ, что впредь воевать будутъ на морѣ не военными кораблями, а только одними пароходами».

По справкамъ оказалось, что никакого предположенія о назначеніи кн. Шаликова цензоромъ въ Москву не было.

Сообщ. н. д.

Журналъ комитета министровъ о гербѣ генераль-фельдмаршала князя Барклая де-Толли.

16-го января 1817 г.

Въ засѣданіи комитета 6-го сентября прошлаго 1816 года министръ юстиціи, представляя комитету составленный герольдією, вслѣдствіе высочайшаго указа 30-го августа 1815 года, гербъ для генераль-фельдмаршала князя Барклая де-Толли, съ приличными княжескому достоинству украшеніями и описаніемъ онаго, присовокупляя, что поелику къ гербамъ пожалованныхъ въ знатнѣйшія достоинства особъ по высочайшей волѣ прибавляются девизы, то и въ гербѣ князя Барклая де-Толли оставлено для онаго мѣсто. Комитетъ положилъ: гербъ сей поднести на высочайшее утверженіе, предавъ соизволенію его императорскаго величества и назначеніе къ оному девиза.

Нынѣ генераль-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ комитету, что избранный самимъ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Барклаемъ де-Толли девизъ: вѣрность и терпѣніе государь императоръ высочайше утвердить соизволилъ.

Комитетъ опредѣлилъ: сообщить о семъ министру юстиціи вышескою изъ сего журнала къ надлежащему исполненію.

Статсъ-секретарь Марченко.

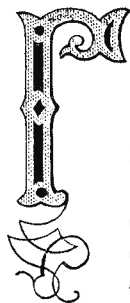

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXVI ¹⁾.

Послѣдствія Бородинскаго сраженія.—Отступленіе къ Москвѣ.—Прибытіе гр. Ростопчина въ главную квартиру.—Военный совѣтъ въ Филахъ.—Оставленіе первопрестольной столицы.—Пожаръ города.—Вступленіе Наполеона въ Москву.—Фланговое движеніе.—Прибытіе флигель-адъютанта Чернышева съ новыми планами дѣйствій.—Отъѣздъ изъ арміи Барклая-де-Толли.—Его характеристика.—Генераль Беннигсенъ.

устой туманъ заставилъ прекратить кровопролитное Бородинское сраженіе; хотя оно не было выиграно нами, но его нельзя было считать и проиграннымъ.

Непріятель воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы отступить на позицію, которую онъ занималъ по утру. Старая гвардія Наполеона не была поколеблена, точно такъ же, какъ и часть нашей гвардіи, нашъ крайній правый флангъ не былъ тронуть.

Самый кровопролитный бой происходилъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ. Французская армія сражалась съ изумительнымъ мужествомъ и понесла огромныя потери, особенно пострадала ея кавалерія.

До тридцати генераловъ было убито и выбыло изъ строя: поэтому Наполеонъ назвалъ этотъ день *la bataille des généraux* (битвою генераловъ). Намъ пришлось оплакивать князя Багратіона, командовавшаго второй арміей и напоминавшаго своей доблестью героевъ древняго міра. Онъ скончался отъ полученныхъ имъ ранъ. Одинъ изъ Тучковыхъ былъ убитъ наповаль, другой былъ смертельно раненъ, а третій братъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ у Валутиной горы.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1900 г.

Были ранены также генералы: князь Дмитрій Голицынъ, князь Андрей Горчаковъ, принцъ Карлъ Мекленбургскій, графъ Михаилъ Воронцовъ, графъ де-Сень - Приестъ, Ермоловъ, Бахметевъ, Лихачевъ и графъ Остерманъ. Графъ Кутайсовъ былъ убитъ при вторичномъ штурмѣ батареи Раевского. Этотъ молодой человекъ подавалъ большія надежды, его потеря вызвала всеобщее сожалѣніе. Ему было всего 24 года, а онъ уже занималъ видное мѣсто начальника артиллеріи первой арміи. Онъ былъ моимъ другомъ, и я не перестаю его оплакивать. Его тѣло не было найдено. Георгіевскій крестъ 3-й степени, который былъ найденъ случайно однимъ солдатомъ, послужилъ доказательствомъ его смерти.

Я благодарилъ Провидѣніе за то, что остался цѣль и невредимъ во время происходившей въ тотъ день кровопролитной битвы.

Только благодаря безпредѣльной преданности и самоотверженію солдатъ арміи, удалось оказать французамъ и ихъ гениальному предводителю упорное сопротивленіе, причинившее имъ немало вреда. Сомнѣваться въ выдающихся способностяхъ Наполеона было бы равносильно доказательству своего собственного ничтожества. Онъ доказалъ, что сама судьба предназначила его быть полководцемъ. Сраженія, выигранныя имъ у опытныхъ и искусныхъ предводителей войскъ, поставили его выше всѣхъ остальныхъ полководцевъ. Онъ довелъ военное искусство до высшей степени совершенства.

Обѣ арміи провели ночь на полѣ сраженія, на позиціи, которую онѣ занимали наканунѣ. На слѣдующій день, благодаря распорядительности генерала Барклая, наше отступленіе совершилось въ величайшемъ порядкѣ.

27-го августа въ шесть часовъ утра всѣ корпуса выступили съ занимаемыхъ ими позицій. Мы прошли черезъ Можайскъ, не бывъ потревожены непріателемъ, который началъ свое движеніе только въ десять часовъ утра.

Нашимъ аррьергардомъ командовалъ генералъ Коновницынъ; его смѣнили нѣсколько дней спустя генералы Розенъ, Платовъ и Ермоловъ. Нашей легкой кавалеріи пришлось имѣть ежедневно стычки съ непріателемъ, коего она сдерживала. Мы остановились на сутки въ прекрасномъ имѣніи князя Бориса Голицына.

Переходя съ одной позиціи на другую, мы достигли высотъ, прилегающихъ къ Москвѣ, и остановились близъ Дорогомиловской заставы; правый фланъ расположился близъ деревни Фили, лѣвый опирался на Воробьевы горы, а центръ находился между деревнями Троицкое и Волынское. Позиція была наскоро укрѣплена.

Кутузовъ поручилъ генералу Барклаю осмотрѣть позицію; отдавъ это приказаніе, онъ остановился въ открытомъ полѣ. Генералъ Дохту-

ровъ приказаль подать завтракъ и собирався угостить всѣхъ насъ. Генераль Барклай, который не придаваль никакого значенія хорошему столу и вообще всѣмъ удобствамъ жизни, и не желаль низкопоклонничать передъ Кутузовымъ, сѣлъ на лошадь и уѣхаль, но, замѣтивъ, что генераль Дохтуровъ не послѣдовалъ за нимъ, онъ послаль меня обратно, приказавъ мнѣ привезти его во что бы то ни стало, хотя бы даже съ котлетой во рту.

— Всѣ они таковы,—сказаль Барклай;— они стараются заслужить ласковое слово Кутузова, а не думаютъ о томъ, что ихъ слава зависить отъ не го,—и Барклай указаль рукою въ сторону непріятеля.

Увидавъ меня, Кутузовъ освѣдомился, за чѣмъ я вернулся. Я отвѣчалъ, что пріѣхаль за генераломъ Дохтуровымъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—сказаль онъ ему,—не заставляйте ожидать генерала Барклая, я позавтракаю и безъ васъ.

Бѣдному Дохтурову, человѣку, впрочемъ, очень храброму, пришлось сѣсть на лошадь и догонять Барклая. Послѣдній не сдѣлаль ему ни малѣйшаго упрека: объѣхаль позицію, нашель ее неудовлетворительною и черезъ часъ вернулся къ Кутузову.

Въ этотъ моментъ пріѣхаль изъ Москвы графъ Ростопчинъ. Онъ прошель прямо къ Барклаю и заперся съ нимъ въ занимаемомъ имъ домикѣ.

Въ скоромъ времени состоялся у Кутузова военный совѣтъ, продолжавшійся цѣлый часъ. На совѣтъ были приглашены всѣ важнѣйшіе генералы: Беннигсенъ, Барклай-де-Толли, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Толь и графъ Ростопчинъ.

Мнѣніе генерала Барклая, поддержанное Толемъ и графомъ Остерманомъ, было принято Кутузовымъ. Оно не согласовалось съ взглядомъ графа Ростопчина, который руководствовался не столько военными соображеніями, сколько патріотизмомъ, и думаль только о спасеніи столицы. Рѣшеніе, принятое на совѣтѣ, было жестокимъ ударомъ для пылкой души генераль-губернатора. Графъ Ростопчинъ не остался обѣдать у Кутузова, коимъ онъ былъ недоволенъ. Онъ обѣдалъ у Барклая и не скрываль своего неудовольствія по поводу принятаго рѣшенія, которое оставалось пока тайною для всѣхъ лицъ, не участвовавшихъ въ совѣтѣ.

Графъ Ростопчинъ давно уже обдумаль свой планъ дѣйствій и подготовиль все нужное для его выполненія: въ нѣкоторыхъ домахъ были спрятаны горючія вещества; въ разныхъ частяхъ покинутаго жителями города были разставлены нанятые имъ люди, которымъ было приказано поджечь эти дома; онъ позаботился даже вывезти изъ Москвы пожарныя трубы и прочіе инструменты. Такъ какъ мы находились у самыхъ воротъ Москвы, то я испросиль позволеніе отправиться

въ городъ, чтобы навѣстить знакомыхъ, но никого изъ нихъ не нашелъ. Городъ былъ пустъ.

Дисциплина, введенная въ армію генераломъ Барклаемъ, соблюдалась столь строго, что по улицамъ Москвы не бродило ни одного солдата, несмотря на то, что мы находились всего въ двухъ верстахъ отъ города.

На слѣдующій день, 2-го сентября, всѣ узнали о томъ, что было рѣшено оставить Москву.

Генералъ Барклай лично слѣдилъ за всѣмъ. Онъ пробылъ 18 часовъ, не сходя съ лошади и разъѣзжая по улицамъ Москвы и мостамъ, смотря, какъ мимо него проходили баталіоны, артиллерія, парки и экипажи. Для наблюденія за порядкомъ онъ разослалъ своихъ адъютантовъ въ разныя части города. Мнѣ велѣно было находиться въ прекрасномъ домѣ Пашкова. Каждому изъ насъ былъ данъ отрядъ казаковъ для того, чтобы выгонять солдатъ изъ кабаковъ и погребовъ, и не допускать ихъ въ дома. Казаки задерживали всѣхъ тѣхъ, кто несъ бутылки съ водкою и наливками, и разбивали бутылки пиками. Благодаря этимъ мѣрамъ, Барклаю удалось спасти войска отъ неминуемой гибели, и они выступили изъ города въ величайшемъ порядкѣ.

Въ то время, какъ армія проходила черезъ Москву, генералъ Милорадовичъ, командовавшій арріергардомъ, сражался съ королемъ неаполитанскимъ. Онъ дѣйствовалъ смѣло и храбро, и покрылъ себя славой. Особенно замѣчательно присутствіе духа, съ какимъ онъ заключилъ перемиріе съ королемъ неаполитанскимъ. Король, довольный тѣмъ, что ему удалось занять Москву безъ кровопролитія, согласился на всѣ требованія генерала.

Москва представляла любопытное зрѣлище: французы и русскіе толпились вмѣстѣ въ этомъ обширномъ городѣ.

Перемиріе, заключенное обими генералами на слово, не сходя съ лошади, и вся честь котораго принадлежитъ генералу Милорадовичу, дало возможность вывести изъ столицы послѣднія войска безо всякихъ потерь; въ городѣ остались одни раненые, размѣщенные по госпиталямъ.

Въ 9 часовъ вечера изъ Москвы выступилъ нашъ послѣдній отрядъ. Мюратъ вступилъ въ него въ пять часовъ.

Когда стемнѣло, мы продолжали нашъ зловѣщій маршъ и нагнали Кутузова въ Панкахъ, на Рязанской дорогѣ, гдѣ всѣ уже были погружены въ глубокій сонъ. Барклай и Милорадовичъ бодрствовали; фельдмаршалъ Кутузовъ могъ положиться на нихъ.

Трудно, почти невозможно, описать состояніе нашего духа послѣ выступленія изъ Москвы. Каждого волновали различныя интересы: кто сокрушался о потерѣ дома, кто объ уtratѣ родныхъ; большинство горевало о потерѣ столицы. Всѣ еще болѣе прежняго желали сразиться съ непріателемъ и были готовы на всякія жертвы.

Когда Москва была оставлена, всё поняли, что приходилось спасать уже не городъ, а имперію, и говорили: «Война только-что начинается». Фельдмаршалъ показывался мало, но работалъ много.

Въ это время онъ составилъ планъ и привелъ въ исполненіе то превосходное фланговое движеніе (5-го сентября), которое, приблизивъ насъ къ Калугѣ и южнымъ губерніямъ, дало намъ возможность препятствовать сообщеніямъ непріятели и не позволило ему растянуть свои силы и получать продовольствіе.

Наполеонъ льстилъ себя надеждою найти въ Москвѣ все необходимое для арміи; его ожиданіе было обмануто безпримѣрнымъ въ исторіи образомъ. Москвы, объятаго пламенемъ, болѣе не существовало! Этотъ героическій актъ, внушенный самымъ безкорыстнымъ патриотизмомъ, поднялъ народную честь.

Наполеонъ былъ крайне смущенъ этимъ. Онъ понялъ всю затруднительность своего положенія и предложилъ заключить перемиріе, но ему отказали въ этомъ.

Усиліе, сдѣланное для того, чтобы дойти до Москвы, окончательно истощило его боевыя средства. Москва была конечной цѣлью всѣхъ его стремленій, всѣхъ его надеждъ, и Москва пылала! При видѣ этого грандіознаго и неожиданнаго зрѣлища, его геній былъ смущенъ.

Кутузовъ говорилъ, что «Наполеонъ можетъ нанести ему пораженіе, но что онъ не позволитъ ему обмануть себя». Старая лисица, какъ называли его наши солдаты, сдержала слово.

Съ наступленіемъ ночи Наполеонъ вѣхалъ въ Москву. Онъ остановился въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья, ожидая депутацію, которой ему такъ и не удалось дождаться. Побѣда, ради которой онъ принесъ столько жертвъ, исчезла въ клубахъ пламени и дыма. Говорятъ, что Наполеономъ овладѣло страшное безпокойство и что судорожныя тѣлодвиженія выдавали тревожное состояніе его духа.

Совершивъ нѣсколько переходовъ, мы достигли Красной Пахры. Генералъ Беннигсенъ предложилъ произвести общую атаку на непріятели, стоявшаго на правомъ берегу Пахры, но этотъ планъ былъ отвергнутъ фельдмаршаломъ.

Въ Красной Пахрѣ къ арміи прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Онъ привезъ высочайшее повелѣніе на имя адмирала Чичагова, коимъ послѣдній назначался командующимъ обѣими Дунайскими арміями и арміей Торماسова, дѣйствіями которой ему повелѣвалось руководить согласно съ новымъ планомъ, составленнымъ государемъ.

Генералъ Тормасовъ былъ отозванъ къ главной арміи и занялъ мѣсто князя Багратиона.

Полковникъ Чернышевъ вскорѣ уѣхалъ, выказавъ при исполненіи

возложеннаго на него порученія впервые свои выдающіяся способности. Онъ проѣхалъ съ удивительной смѣлостью и ловкостью чрезъ операціонную линію непріятеля и доставилъ Чичагову планъ императора, который былъ предварительно сообщенъ Кутузову.

Тотъ, кто составилъ этотъ планъ, не виновенъ въ томъ, что адмиралъ не сумѣлъ его выполнить.

Чернышеву удалось освободить по пути изъ рукъ непріятеля генерала Винцингероде, Льва Нарышкина и генерала Свѣчина, которые были взяты въ плѣнъ и посланы во Францію; это еще болѣе возвысило его въ глазахъ арміи.

Мы шли нѣсколько дней въ разстояніи 20—30 верстъ отъ Москвы, и я помню, что пламя пожара было такъ сильно, что хотя ночи были очень темныя, но я свободно читалъ при его свѣтѣ письма и газеты. Пламя этого достопамятнаго пожара освѣщало нашъ путь въ продолженіе нѣсколькихъ ночей.

Пѣхота была измучена, но шла впередъ; никому и въ голову не приходило уйти изъ рядовъ, хотя я самъ видѣлъ, какъ солдаты падали замертво отъ утомленія.

Во время отступленія Кутузовъ написалъ императору, что Наполеону придется отказаться отъ своей роковой побѣды, и объяснилъ государю причину, заставившую его пожертвовать Москвою для того, чтобы сохранить южныя плодородныя губерніи и обезпечить свои сообщенія съ Чичаговымъ и Тормасовымъ, присовокупивъ, что «Москва и Россія тамъ—гдѣ русскій народъ». Впрочемъ, Кутузовъ соглашался съ тѣмъ, что потеря Москвы нанесла намъ глубокую рану.

20-го сентября мы заняли сильную позицію при Тарутинѣ. Генералъ Барклай рѣшилъ тутъ уѣхать изъ арміи.

Кутузовъ понялъ со свойственной ему пронизательностью и хитростью, что вся честь похода будетъ приписана главнымъ образомъ Барклаю, подобно тому, какъ вся честь Бородинской битвы была приписана ему единогласно всей арміей. Поэтому онъ рѣшилъ удалить его; но такъ какъ армія отнеслась бы къ этому не сочувственно, то онъ старался отравить ему жизнь всевозможными непріятностями, а для того, чтобы лучше замаскировать свою игру, онъ выказывалъ ему всевозможное уваженіе, соединилъ двѣ арміи въ одну и поручилъ ему командованіе этой арміей.

Никто не повѣрилъ этой комедіи, кромѣ самого Барклая, который привыкъ во всемъ поступать чистосердечно. Онъ просилъ у императора позволеніе отказаться отъ должности военнаго министра, чтобы предаться всецѣло выполненію задачъ, возложенной на него Кутузовымъ.

Съ этого момента были пущены въ ходъ всевозможныя интриги. Отъ его арміи отдѣлили 30.000 человекъ, не предупредивъ его объ

этомъ. Мнѣ было дозволено входить къ Барклаю во всякое время безъ доклада: я засталъ его въ халатѣ валявшагося противъ обыкновенія на кровати.

— Что съ вами, любезный Левенштернъ—спросилъ онъ,—и что это за бумага у васъ въ рукахъ?

— Это официальная реляція о Бородинской битвѣ, полученная принцемъ Александромъ отъ вдовствующей государыни, которую его высочество далъ мнѣ для прочтенія ея вамъ.

Онъ пробѣжалъ ее, улыбаясь при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ. Дойдя до конца, гдѣ говорилось, что наша легкая кавалерія преслѣдовала въ ту же ночь непріятеля болѣе чѣмъ за пять верстъ, онъ вкочилъ съ постели.

— Нѣтъ,—вскричалъ онъ,—недостойно такъ обманывать своего монарха. Видѣли вы Чернышева?

— Видѣлъ, ваше превосходительство, но онъ заперся съ княземъ Кудашевымъ; они писали что-то и были видимо очень заняты, такъ что, не желая быть нескромнымъ, я тотчасъ удалился. Я былъ затѣмъ у генерала Милорадовича, который садился на лошадь, намѣреваясь начать свои дѣйствія.

— Какія дѣйствія?—спросилъ онъ.

— Неужели вашему превосходительству объ этомъ не извѣстно? Милорадовичъ отправляется съ 30.000 человекъ, но куда—мнѣ не извѣстно.

Барклай былъ возмущенъ. Съ этой минуты онъ понялъ, что не могъ уже быть полезенъ арміи; онъ тотчасъ сѣлъ на лошадь и имѣлъ очень горячее объясненіе съ фельдмаршаломъ, который обвинялъ генерала Коновницына въ томъ, что Барклаю позабыли дать знать о назначеніи Милорадовича.

Но Барклай не удовлетворился этими притворными увѣреніями, немедленно сдалъ командованіе арміей и уѣхалъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи полковника Закревскаго, барона Вольцогена и Рейца. Остальныя лица, составлявшія его штабъ, были распределены по другимъ частямъ; все наше показное величіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ.

Передъ отъѣздомъ, Барклай освѣдомился, что намѣрены дѣлать его адъютанты, такъ какъ онъ не можетъ взять ихъ съ собою. Я просилъ назначить меня къ Кутузову, который относился ко мнѣ все время какъ къ родному. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше, и я былъ причисленъ къ его штабу въ качествѣ адъютанта.

Желая объяснить мнѣ причину своего внезапнаго рѣшенія, Барклай сказалъ мнѣ незадолго до своего отъѣзда:

— Я долженъ уѣхать; это необходимо, такъ какъ фельдмаршалъ не даетъ мнѣ возможности дѣлать то, что я считаю полезнымъ. При

томъ главное дѣло сдѣлано, остается пожинать плоды. Я слишкомъ люблю отечество и императора, чтобы не радоваться заранѣ успѣхамъ, коихъ можно ожидать въ будущемъ. Потомство отдастъ мнѣ справедливость! На мою долю выпала неблагодарная часть кампаніи; на долю Кутузова выпадетъ часть болѣе пріятная и болѣе полезная для его славы. Я бы остался, повторяю вамъ, любезный Левентшернъ, если бы я не предвидѣлъ, что это принесетъ арміи больше зла. Фельдмаршалъ не хочетъ ни съ кѣмъ раздѣлить славу изгнанія непріятели со священной земли нашего отечества. Я считалъ дѣло Наполеона проиграннымъ съ того момента, какъ онъ двинулся отъ Смоленска къ столицѣ. Это убѣжденіе перешло во мнѣ въ увѣренность съ той минуты, какъ онъ вступилъ въ Москву. Моя заслуга состоитъ въ томъ, что я передаю фельдмаршалу армію, хорошо обмундированную, хорошо вооруженную и отнюдь не деморализованную. Это даетъ мнѣ право на признательность народа; быть можетъ, онъ кинетъ въ меня камнемъ въ настоящую минуту, но навѣрно отдастъ мнѣ справедливость впоследствии. Къ тому же императоръ, коему я всегда говорилъ правду, съумѣетъ поддержать меня противъ обвиненій со стороны общественнаго мнѣнія; время сдѣлаетъ остальное, истина подобна солнцу, которое всегда разгоняетъ въ концѣ концовъ тучи. Я сожалью единственно о томъ, что я не могу быть полезенъ арміи и лично всѣмъ вамъ, раздѣлявшимъ со мною труды.

Онъ поблагодарилъ меня за мою всегдашнюю къ нему преданность и объявилъ, что я произведенъ по повелѣнію его величества въ подполковники, присовокупивъ, что онъ представилъ меня къ ордену св. Георгія за Бородинское сраженіе. Всѣ генералы явились проститься съ нимъ и провожали его до экипажа. Всѣ были растроганы; въ эту минуту армія считала себя осиротѣвшею.

Генераль Ермоловъ, подготовившій втайнѣ всю эту интригу, имѣлъ весьма опечаленный видъ; онъ поцѣловалъ Барклая нѣсколько разъ въ плечо.

Наконецъ Барклай уѣхалъ, сожалеемый арміей. Фельдмаршалъ Кутузовъ былъ радъ отдѣлаться отъ человѣка, который имѣлъ на все вѣрный взглядъ, шелъ прямымъ путемъ, никогда не говорилъ государю неправды и ненавидѣлъ сибаритство, царствовавшее въ главной квартирѣ. Барклай былъ готовъ умереть съ голода, но всегда заботился о солдатахъ; у него не было никакихъ потребностей, никакихъ привычекъ, кромѣ желанія исполнить свой долгъ и слѣдить затѣмъ, чтобы всякій дѣлалъ то, что ему повелѣваетъ этотъ долгъ.

Беннигсенъ не любилъ Барклая, который платилъ ему тѣмъ же. Это единственный пзъ генераловъ, коего Барклай искренно ненавидѣлъ и не скрывалъ этого; онъ отдавалъ справедливость его воен-

нымъ качествамъ, но не терпѣлъ его чрезмѣрнаго самолюбія и честолюбія и не находилъ имъ оправданія.

Генераль Беннигсенъ пожертвовалъ бы всѣмъ: и Кутузовымъ и Барклаемъ для того, чтобы быть назначеннымъ главнокомандующимъ и получить фельдмаршальскій жезлъ.

Изо всѣхъ приближенныхъ Кутузова только одинъ Коновницынъ искренно сожалѣлъ объ отъѣздѣ Барклая. Храбрый до неустрашимости, практичный, онъ походилъ на него своими душевными качествами.

Когда генераль Барклай проѣзжалъ черезъ Калугу, то онъ увидѣлъ, что народъ столпился возлѣ его экипажа и сталъ бросать въ него камнями. Желая впредь избѣжать подобнаго рода прискорбныхъ сценъ, онъ поѣхалъ далѣе до самаго Петербурга подъ строжайшимъ инкогнито. Но и въ столицѣ ему пришлось испытать немало оскорбленій. Только одинъ императоръ отдавалъ ему справедливость.

Его называли вслухъ измѣнникомъ; ослѣпленіе толпы (я не хочу сказать—народа) было такъ велико, что тотъ, кто своей энергіей, твердостью и разумнымъ образомъ дѣйствій сохранилъ Россіи армію, которая изгнала и уничтожила непріятеля, чего не могли бы сдѣлать, безъ ея помощи, одни морозы и народъ, былъ оклеветанъ, обвиненъ въ государственной измѣнѣ и не смѣлъ показываться на улицѣ.

Барклай-де-Толли, гордясь по справедливости своимъ геройскимъ поведеніемъ, удалился со спокойной совѣстью въ свое Лифляндское помѣстье «Бекгофъ» и появился вновь на сценѣ лишь въ 1813 г., стяжавъ себѣ новую славу.

Онъ окончилъ свою дѣятельную жизнь въ малевкомъ почтовомъ домикѣ по пути за границу, куда ѣхалъ на минеральныя воды, для поправленія своего здоровья, искренно оплакиваемый монархомъ, арміей и своими многочисленными друзьями. Подъ стѣнами Парижа, генераль Барклай-де-Толли получилъ графское, а затѣмъ княжеское достоинство и званіе фельдмаршала.

Это былъ человекъ въ высшей степени храбрый, честный, съ желѣзной волею, хладнокровный и разсудительный; онъ все предвидѣлъ и всѣмъ руководилъ во время самаго жаркаго дѣла; всегда ровный и спокойный въ моментъ величайшей опасности, онъ никогда не терялъ голову, хотя и не обладалъ блестящимъ умомъ. Онъ былъ всегда одинаково добръ и вѣжливъ. Его честность, прямота, терпѣніе, съ какимъ онъ давалъ всякому возможность высказаться, деликатность, съ какою онъ отдавалъ всякому должное за данный ему удачный совѣтъ, снижали ему расположеніе весьма многихъ. Всегда доступный, одинаково со всѣми предупредительный, онъ щадилъ силы другихъ и отличался замѣчательной простотою; онъ никогда не чувствовалъ потребности въ

отдыхъ и не заботился о своемъ столѣ, вслѣдствіе чего мы, его адъютанты, зачастую голодали.

Не будучи знатнаго происхожденія, не имѣя никакихъ покровителей, онъ сдѣлалъ карьеру только благодаря своимъ способностямъ, и несмотря на свою скромность и желаніе ступшевываться, онъ былъ осыпанъ милостями. Но это не повліяло на его отношеніе къ людямъ. Онъ никогда не забывалъ, что былъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ вахмистромъ въ карабинерномъ полку и десять лѣтъ корнетомъ. Званіе фельдмаршала, полученное имъ въ 50 лѣтъ, и бронзовая статуя, воздвигнутая ему по смерти въ Петербургѣ, передъ Казанскимъ соборомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что монархъ и народъ отдали ему должное.

XXVII.

Назначеніе Левенштерна адъютантомъ къ кн. Кутузову.—Стоянка у Тарутина.—Начало партизанскихъ дѣйствій.—Посылка Наполеономъ генерала Лористона въ русскую главную квартиру.—Свиданіе Милорадовича съ королемъ Неаполитанскимъ.—Сходство ихъ характеровъ.

Роль, которую я игралъ при Кутузовѣ, далеко не походила на ту, которую я игралъ при генералѣ Барклаѣ, хотя фельдмаршалъ отнесся ко мнѣ весьма дружелюбно; что касается удобствъ жизни, то мое положеніе значительно улучшилось.

Будучи адъютантомъ Барклая, приходилось ежедневно жертвовать жизнію; состоя при Кутузовѣ, можно было рассчитывать прожить вѣчно; всѣ его адъютанты, по окончаніи похода, были свѣжи и румяны; изъ адъютантовъ же Барклая двое было убито на полѣ сраженія, у двоихъ ампутированы ноги, а четверо или пятеро были опасно ранены.

Кутузовъ не любилъ, чтобы лица, состоявшія при его особѣ, просились въ авангардъ; онъ всегда отвѣчалъ на подобныя просьбы отказомъ, говоря довольно рѣзко, что сопровождать его такъ же лестно, какъ свернуть себѣ шею въ другомъ мѣстѣ.

Бездѣйствіе, на которое я былъ обреченъ, тѣ три или четыре дня, которые генералъ Барклай употребилъ на приготовленіе къ отъѣзду, были мнѣ нестерпимы и такъ какъ я не имѣлъ эти дни прямаго начальника, то, не спросивъ ни у кого дозволенія, отправился къ авангарду, конемъ командовалъ генералъ Милорадовичъ; онъ принялъ меня отлично.

Я пріѣхалъ къ нему въ тотъ мометъ, когда король Неаполитанскій производилъ большую рекогносцировку, окончившуюся сильной канонадой и нѣсколькими блестящими кавалерійскими стычками (22-го сен-

тября). При этомъ дѣлѣ присутствовалъ князь Петръ Волконскій, пріѣхавшій въ армію по повелѣнію императора, для того чтобы узнать, каково истинное положеніе дѣлъ.

По окончаніи сраженія Милорадовичъ предложилъ мнѣ сопровождать князя Волконскаго на лѣвый флангъ, коимъ командовалъ генералъ Васильчиковъ.

По пути надъ нашими головами лопнуло нѣсколько гранатъ, которыя произвели непріятное впечатлѣніе на князя Волконскаго; впрочемъ, князь не пришпорилъ лошади и даже посмѣялся надъ испытаннымъ имъ страхомъ.

Генералъ Коновницынъ, слышавъ выстрѣлы, прискакалъ изъ главной квартиры, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Желая по обыкновенію все видѣть собственными глазами, онъ проѣхалъ впередъ, пробравшись сквозь кустарникъ, чтобы очутиться ближе къ королю Неаполитанскому, коего отдѣлялъ отъ насъ узкій, но весьма глубокой оврагъ.

Не было человѣка хладнокровнѣе и храбрѣе Коновницына. Одѣтый всегда въ ночномъ колпакѣ съ шляпою поверхъ него и съ трубкою во рту, онъ не имѣлъ внушающаго вида, но снискалъ всеобщую любовь и уваженіе своею честностью и изумительною храбростью, которую онъ выказывалъ при всякомъ случаѣ; онъ любилъ и уважалъ всѣхъ тѣхъ, кто охотно шелъ въ бой, и любилъ гуль орудіяныхъ выстрѣловъ.

Есть ли на свѣтѣ что-либо величественнѣе жаркой канонады и хорошаго ружейнаго огня? Звуки выстрѣловъ возвышаютъ душу даже въ мирное время. Заключительный выстрѣлъ фейерверка всегда приводитъ меня въ восторгъ, но ракеты и транспаранты ничего не говорятъ моему воображенію.

Зять императора, принцъ Ольденбургскій и графъ Армфельдъ уѣхали въ Тверь. Генералъ Пфуль также исчезъ послѣ того, какъ мысль объ его укрѣпленномъ лагерѣ была оставлена; такимъ образомъ въ главной квартирѣ не осталось болѣе тѣхъ пресмыкающихся, которые наполнили ее до пріѣзда Кутузова.

Наслѣдство, оставленное генераломъ Барклаемъ, состояло изъ нѣсколькихъ адъютантовъ и штабныхъ офицеровъ. Въ томъ числѣ были три адъютанта принца Ольденбургскаго: Бартоломей, Тимротъ и Варденбургъ. Кутузовъ соблаговолилъ оставить при своей персонѣ одного меня.

Я поселился вмѣстѣ съ тремя адъютантами принца Ольденбургскаго. Такъ какъ мы имѣли при себѣ экипажи, чего не бывало прежде, то мы устроились отлично и могли нѣжиться сколько угодно.

Армія, опираясь флангомъ на Калугу, получала стѣнные припасы изъ продовольственныхъ магазиновъ этого города, куда они доставля-

лись изъ плодородныхъ южныхъ губерній Россіи. Въ лагерь наѣхали также купцы изъ главныхъ городовъ Европы и торговали на славу.

Мы получали изъ внутреннихъ губерній въ изобиліи съѣстные припасы, вина, плоды, даже предметы роскоши. Ни одна армія никогда еще не имѣла всего въ такомъ изобиліи, какъ наша; не доставало только дровъ; солдаты разорили на топливо всѣ окрестные дома. Дня черезъ три или четыре, огромнаго прекраснаго Тарутинскаго села болѣе не существовало. Самому фельдмаршалу пришлось выѣхать изъ занимаемаго имъ дома, съ котораго была сорвана крыша въ то время, какъ онъ обѣдалъ. Онъ снискалъ большую популярность тѣмъ, что не препятствовалъ этому, приказавъ только подождать, пока онъ отоѣдаетъ. Покончивъ обѣдъ, онъ вышелъ изъ дома и поселился въ трехъ верстахъ отъ лагеря въ деревнѣ Лихачевкѣ, откуда начали свои блестящія военныя дѣйствія наши партизаны: Кудашевъ, Фигнеръ, Сеславинъ, Давыдовъ и храбрый генераль Дороховъ съ донскими казаками. Хотя въ началѣ эти партизанскіе отряды были весьма незначительны, но они имѣли огромное вліяніе на судьбу французской арміи.

Партизаны первые научили крестьянъ оказывать неприятелю сопротивленіе и рѣзать его, а не давать рѣзать себя; они же заставили неприятеля употреблять для фуражировки цѣлыя отряды, загнали французовъ въ такой районъ, гдѣ они не могли найти достаточно продовольствія. Партизаны перехватывали курьеровъ и задержали въ три недѣли столько французовъ, что самая блестящая побѣда не могла бы доставить намъ столько плѣнныхъ.

Подполковникъ Давыдовъ первый предложилъ прибѣгнуть къ этого рода войнѣ. Рѣшивъ вполне справедливо, что партизанская война должна была имѣть огромное значеніе, онъ представилъ эти соображенія князю Багратиону. Но этотъ генераль былъ убитъ и не могъ привести его планъ въ исполненіе.

Кутузовъ воспользовался этой мыслью, которая чрезвычайно увлекла его. Подвигами партизановъ интересовалась армія, Петербургъ, вся Россія.

Положеніе французской арміи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ; она терпѣла большія лишенія, и въ ней проявились уже первые признаки дезорганизаціи, которая была причиною ея гибели.

Наполеонъ переживалъ на развалинахъ Москвы тревожныя минуты и возлагалъ всѣ свои надежды на то, что потеря Москвы должна была побудить петербургскій кабинетъ заключить миръ; но прошло 20 дней со времени взятія Москвы, а такого предложенія никто не дѣлалъ. Тогда онъ рѣшилъ взять на себя инициативу и послалъ съ этой цѣлью въ русскую главную квартиру генерала Лористона.

Кутузовъ, хитрый, какъ лисица, обманулъ Наполеона ложными увѣреніями; Наполеонъ повѣрилъ имъ, продлилъ свое пребываніе въ Москвѣ и былъ до того спокоенъ, что пренебрегъ самыми необходимыми мѣрами предосторожности, и хотя перемирія заключено не было, но онъ не предполагалъ, чтобы непріязненные дѣйствія, прекратившіяся на короткое время, какъ это бываетъ обыкновенно, когда двѣ арміи находятся долгое время въ виду одна другой, могли возобновиться.

Король Неаполитанскій, воспользовавшись этимъ яко бы перемиріемъ, посѣщалъ русскіе аванпосты и даже имѣлъ частыя свиданія съ генераломъ Милорадовичемъ, но совѣщанія эти не привели ни къ чему. Генералы обмѣнивались любезностями, болтали иногда всякій вздоръ—тѣмъ дѣло и ограничивалось. Эти два доблестные генерала походили другъ-на-друга по характеру и въ обращеніи. Оба любили представительность, любили производить впечатлѣніе, изображать изъ себя рыцарей, но въ сущности, помимо храбрости и военныхъ способностей, они были не выше посредственности.

Императоръ Александръ, узнавъ о томъ, что происходило на аванпостахъ, сдѣлалъ выговоръ Кутузову и воспретилъ впредь всякое сношеніе съ непріателемъ.

XXVIII.

Предложеніе перейти въ наступленіе и атаковать непріателя.—Рекогносцировка кн. Кутузова. — Авангардное дѣло съ отрядомъ короля Неаполитанскаго.—Выступленіе Наполеона изъ Москвы.—Сраженіе подъ Малоарославцемъ.

Произведя рекогносцировку позиціи короля Неаполитанскаго, генералъ Бенингсенъ и полковникъ баронъ Толь предложили Кутузову атаковать его. Не подлежитъ сомнѣнію, что его удалось бы разбить, если бы Кутузовъ приводилъ въ исполненіе свои планы съ тою же энергіей и рѣшительностью, съ какою онъ задумывалъ ихъ; но какъ человѣкъ престарѣлый, онъ составлялъ планы гораздо энергичнѣе, нежели осуществлялъ ихъ.

Атаку предполагено было произвести 4-го октября, но въ тотъ моментъ, когда артиллеріи было приказано двинуться, половина ея лошадей оказалась занятою фуражировкою въ 18 верстахъ отъ лагеря.

Генералъ баронъ Левенштернъ, командовавшій артиллеріей, сообщилъ это непріятное извѣстіе Кутузову, который отиѣнилъ предположенное имъ движеніе.

Кутузовъ обвинялъ генерала Ермолова въ томъ, что онъ не предупредилъ генерала Левенштерна относительно предположеннаго движенія:

*

въ арміи было извѣстно, что генераль Ермоловъ праздновалъ въ тотъ день у генерала Шепелева день его ангела, что онъ пробылъ у него слишкомъ долго и совершенно забылъ свои обязанности начальника штаба.

Непріятель, провѣдавшій о нашихъ планахъ, простоялъ подъ ружьемъ весь день и всю ночь съ 4-го на 5-е октября; не видя насъ, Наполеонъ предположилъ, что это была фальшивая тревога, приказалъ разсѣдлать лошадей и по-прежнему былъ безпеченъ.

5-го октября вечеромъ Кутузовъ сѣлъ на лошадь и произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи.

Въ этотъ моментъ надъ его головою закружился громадный орелъ, котораго испугала молнія, сверкавшая на небѣ, хотя грома не было слышно; обстоятельство, не мало насъ удивившее; никто изъ насъ не былъ достаточно ученъ, чтобы объяснить причину этого необыкновеннаго явленія. Къ тому же, научное его объясненіе разсѣяло бы, быть можетъ, нашу иллюзію, тогда какъ мы приняли по своему невѣжеству орла и молнію за благопріятный признакъ. Вѣсть объ этомъ случаѣ быстро разнеслась въ арміи, еще болѣе увеличивъ ея довѣріе къ своему предводителю.

Въ ночь съ 5-го на 6-е октября Кутузовъ оставилъ свою главную квартиру, находившуюся въ Лихачевкѣ, и расположился бивуакомъ, окруженный войскомъ.

Погода была великолѣпная; армія начала движеніе.

Генераль Меллеръ-Закомельскій, графъ Орловъ-Денисовъ, генераль Багговутъ и графъ Остерманъ, т. е. весь отрядъ, коимъ командовалъ генераль Беннигсенъ, успѣлъ скрыть свое движеніе отъ короля Неаполитанскаго, появившись неожиданно на его лѣвомъ флангѣ на разсвѣтѣ, когда немедленно была начата атака.

Три орудійныхъ выстрѣла, сдѣланныхъ генераломъ Беннигсеномъ, должны были служить сигналомъ къ общей атакѣ. Кутузовъ съ центромъ долженъ былъ повести атаку на короля Неаполитанскаго съ фронта; Багговутъ и Остерманъ должны были дѣйствовать противъ его лѣваго фланга, Меллеръ-Закомельскій и Орловъ-Денисовъ—противъ его аррьергарда.

Планъ былъ превосходно задуманъ; но исполненіе его было не вполне удачно.

Вся честь этого дѣла принадлежала Орлову и Меллеру. Они дѣйствовали энергично, опрокинули непріятеля и даже застigli врасплохъ главную квартиру короля Неаполитанскаго.

Одни французскіе кирасиры успѣли построиться; но наши храбрые донскіе казаки атаковали ихъ, взяли у нихъ 20 орудій, орла перваго кирасирскаго полка и много плѣнныхъ; мы захватили также нѣсколько генеральскихъ экипажей.

Генераль Багговуть былъ убитъ ядромъ на батарее полковника барона Таубе. Это былъ достойный генераль; всѣ оплакивали его кончину.

Графъ Остерманъ сбился съ пути и пришелъ на мѣсто слишкомъ поздно. Кутузовъ, съ главными силами арміи, оставался безучастнымъ зрителемъ этихъ блестящихъ подвиговъ: онъ утверждалъ, что трехъ пушечныхъ выстрѣловъ не было сдѣлано; но такъ какъ ихъ было сдѣлано нѣсколько сотъ, то было очевидно, что атака началась.

Генераль Милорадовичъ прискакалъ къ Кутузову, прося у него разрѣшеніе перейти въ наступленіе и совершить движеніе для поддержки нашего праваго фланга. Фельдмаршалъ съ неудовольствіемъ отвергъ это предложеніе. Генераль Ермоловъ также настаивалъ на этомъ движеніи, но такъ же безуспѣшно.

Я находился возлѣ фельдмаршала въ тотъ моментъ, когда генераль Ермоловъ пытался доказать ему необходимость произвести фронтальную атаку. Кутузовъ приблизился къ нему и сказалъ самымъ грубымъ образомъ, махая пальцемъ передъ его глазами:

— Вы то и дѣло повторяете: пойдемъ въ атаку, вы думаете этимъ заслужить популярность, а сами не понимаете, что мы еще не созрѣли для сложныхъ движеній, такъ какъ мы еще не умѣемъ маневрировать. Сегодняшній день доказалъ это, и я сожалью, что послушался генерала Беннигсена.

Ермоловъ отошелъ, ничего не отвѣтивъ, и только сказалъ мнѣ, пожимая плечами:

— Дѣлать нечего, любезнѣйшій (онъ называлъ меня такъ со времени нашего примиренія), пойдемте спать.

Отвѣчая отказомъ на предложенія Милорадовича и Ермолова, фельдмаршалъ не зналъ еще о подвигахъ, совершенныхъ Орловымъ и Меллеромъ: онъ считалъ ихъ атаку неудавшейся, тѣмъ болѣе, что, не получая извѣстій отъ Багговута, онъ не могъ знать о дѣйствіяхъ Остермана.

Онъ посылалъ къ генералу Беннигсену адъютанта за адъютантомъ, но они его не отыскивали по той простой причинѣ, что они искали его тамъ, гдѣ онъ былъ по утру, но онъ уже ушелъ такъ далеко впередъ, что приходилось подвергнуться нѣкоторому риску, для того, чтобы найти его; такъ какъ адъютанты, посланные съ этимъ порученіемъ, были маменькины сынки и молокососы, то они не имѣли ни малѣйшаго желанія подвергать себя опасности. Они вернулись съ тѣмъ, съ чѣмъ уѣхали, и это еще болѣе увеличило нерѣшительность фельдмаршала.

Когда было наконецъ получено извѣстіе о успѣшномъ отступленіи короля Неаполитанскаго, то Кутузовъ рѣшился двинуть кавалерію барона Корфа и генерала Васильчикова, но благоприятный моментъ былъ уже упущенъ: это движеніе имѣло единственнымъ результатомъ,

что генераль Васильчиковъ получилъ возможность поддержать графа Орлова-Денисова и преслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ непріятеля.

Генераль-адъютантъ Лересъ (Leres) и начальникъ штаба короля Неаполитанскаго генераль Фишеръ найдены мертвыми на полѣ битвы. Въ русскій лагерь привели 1.500 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находился одинъ генераль, знамя 1-го кирасирскаго полка и 20 орудій.

День окончился славною побѣдою; поэтому никто не думалъ о томъ, что она могла быть еще блестяще. Обаяніе Наполеона было еще такъ велико, что самъ Кутузовъ, способнѣйшій изъ нашихъ генераловъ, былъ имъ какъ бы загипнотивированъ.

Кутузовъ сошелъ съ лошади; подѣхавшій въ это время атаманъ Платовъ приказалъ разостлать коверъ, на которомъ фельдмаршалъ легъ рядомъ съ нимъ.

Въ этотъ моментъ появился генераль Беннигсенъ съ трофеями, взятыми имъ въ этотъ день; за нимъ ѣхалъ казачій полковникъ Сысоевъ, взявшій знамя 1-го кирасирскаго полка. Фельдмаршалъ всталъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ:

— Генераль, вы одержали славную побѣду; я долженъ благодарить васъ, но наградить васъ его величество.

Генераль Беннигсенъ, возмущенный медлительностью и нерѣшительностью фельдмаршала, которая помѣшала успѣху этой блестящей побѣды, холодно поклонился ему и просилъ позволенія удалиться изъ арміи на нѣсколько дней для того, чтобы полѣчиться отъ полученной имъ сильной контузии. Онъ отѣхалъ не сойдя съ лошади и не сообщилъ никакихъ подробностей о событіяхъ этого дня. Тогда Кутузовъ, обернувшись къ полковнику Сысоеву, сказалъ ласковымъ голосомъ:

— Послѣ тѣхъ лавръ, какіе вы стяжали сегодня, вамъ вѣроятно еще непріятно быть полковникомъ.

Нѣсколько дней спустя Сысоевъ былъ произведенъ въ генералы: онъ вполне этого заслуживалъ. Это былъ истый типъ казака, и его имя не умретъ на берегахъ Дона.

Позавтракавъ на полѣ битвы, Кутузовъ вернулся въ Лихачевку; армія заняла прежнюю позицію при Тарутинѣ.

Фельдмаршалъ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ оставался безучастнымъ зрителемъ сраженія, результатомъ котораго могло быть уничтоженіе большей части французской арміи и взятіе въ плѣнъ короля Неаполитанскаго, если бы это сраженіе велось энергичнѣе.

На слѣдующій день былъ отслуженъ молебенъ. Кутузовъ послалъ въ Петербургъ курьера съ извѣстіемъ объ одержанной блестящей побѣдѣ. Она была дѣйствительно блестящей, и если ея результаты были не такъ славны, какъ можно было бы ожидать, то она произвела во

всякомъ случаѣ на обѣ арміи глубокое, хотя весьма различное впечатлѣніе; одну изъ нихъ она деморализовала и подняла духъ другой.

Одержавъ эту побѣду, армія простояла нѣсколько дней въ Тарутинскомъ лагерѣ, какъ вдругъ ночью было получено приказаніе оставить укрѣпленный лагерь и идти на Калугу.

Всѣ были поражены этимъ, повидимому, запоздалымъ маневромъ, но вскорѣ мы узнали, что Наполеонъ оставилъ Москву и, измѣнивъ свою операціонную линію, двинулся въ Малоярославецъ съ намѣреніемъ пробиться къ Калугѣ и придвинуться къ южнымъ плодороднымъ губерніямъ.

Адъютантъ генерала Барклая, партизанъ капитанъ Сеславинъ, первый извѣстилъ объ этомъ движеніи непріятеля генерала Дорохова, который находился со своимъ легкимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Боровска. Сеславинъ сообщилъ это извѣстіе Дорохову по утру 11-го октября, а фельдмаршалъ узналъ объ немъ только въ ночь. Онъ понялъ, что Наполеонъ намѣревался выполнить фланговое движеніе съ цѣлью обойти укрѣпленный лагерь при Тарутино слѣва и подойти къ Калугѣ, пройдя мимо Боровска и Малоярославца. Кутузовъ выступилъ изъ Тарутинскаго лагеря, шелъ всю ночь на помощь Дохтурову, посланному имъ, чтобы поддержать Дорохова, который защищалъ городъ близъ Малоярославца.

Дохтуровъ опоздалъ; когда онъ появился передъ Калугою 12-го октября, то городъ былъ уже занятъ непріятелемъ. Онъ немедленно атаковалъ его и прогналъ оттуда.

Фельдмаршалъ выступилъ изъ лагеря съ главными силами арміи 11-го числа вечеромъ и шелъ всю ночь, остановившись въ пяти верстахъ отъ Калуги.

Сраженіе подъ Малоярославцемъ продолжалось до ночи; вице-король удержалъ одну половину города, а мы—другую.

Кутузовъ съ главными силами арміи занялъ позицію въ полутора верстахъ отъ поля сраженія.

Онъ имѣлъ горячій споръ съ полковникомъ Толемъ, исполнявшимъ обязанности генераль-квартирмейстера арміи. Этотъ молодой офицеръ настаивалъ на томъ, чтобы фельдмаршалъ двинулся со всѣми своими силами противъ аррьергарда Наполеона, который отступалъ. Кутузовъ предпочиталъ облегчить ему отступление. Толь, который долженъ былъ написать диспозицію въ тотъ же вечеръ, сказалъ со своей обычной грубоватостью, что онъ не знаетъ, что писать, такъ какъ можетъ быть только одна диспозиція—идти впередъ.

Кутузовъ, большой мастеръ на грубости, отвѣчалъ однако спокойно и съ отеческой кротостью:

— Милый ученикъ мой, не будьте такъ упрямы и сдѣлайте на этотъ разъ изъ любви ко мнѣ такъ, какъ я хочу.

Толь, поощряемый благосклоннымъ тономъ фельдмаршала, настаивалъ на своемъ, и Кутузовъ началъ уже раздражаться, но въ это время подѣхалъ генераль Беннигсенъ. Онъ пріѣхалъ съ поля сраженія и торжественно сказалъ фельдмаршалу:

— Поздравляю васъ, г. фельдмаршалъ, со вторымъ изданіемъ сраженія при Эйлау, которое Наполеонъ дастъ вамъ сегодня. Французы намѣрены взять съ бою позицію при Малоюрославцѣ, чтобы дать вамъ сраженіе.

— Слышите,—сказалъ Кутузовъ барону Толю, глядя съ насмѣшливой улыбкой въ сторону генерала Беннигсена,— слышите, генераль предсказываетъ мнѣ повтореніе сраженія при Эйлау. Опытный генераль говоритъ мнѣ, что непріятель атакуетъ меня завтра, а вы хотите, чтобы я дѣйствовалъ по-гусарски. Надобно приготовиться принять его достойнымъ образомъ.

И, ударивъ Толя слегка по плечу, онъ сказалъ:

— Ступайте, ступайте, дѣлайте такъ, какъ я сказалъ.

Но оказалось, что генераль Беннигсенъ ошибся, и Кутузовъ принялъ, кажется, его мнѣніе только для того, чтобы имѣть аргументъ противъ Толя.

Наполеонъ дѣйствительно намѣревался пробиться къ Малоюрославцу. Онъ полагалъ, что ему удалось скрыть отъ насъ свое движеніе; когда же онъ увидѣлъ силы, которыя мы выставили, и упорство, съ какимъ мы защищали Калужскую дорогу, то перемѣнилъ намѣреніе и двинулся въ другомъ направленіи.

Если бы Наполеонъ могъ предвидѣть, какія несчастія ожидали его съ этой стороны, то онъ вѣроятно удвоилъ бы стараніе, чтобы пробиться къ Калугѣ.

Кутузовъ провелъ со своимъ штабомъ ночь въ открытомъ полѣ.

Вечеръ и ночь были великолѣпныя. Приписывая всѣ бѣдствія французской арміи исключительно суровому климату, иностранцы жестоко ошибаются, такъ какъ въ Тарутино, точно такъ же, какъ и въ Малоюрославцѣ, французы потерпѣли пораженіе въ самую прекрасную погоду. Семидесяти-лѣтній старикъ Кутузовъ могъ свободно спать подъ открытымъ небомъ.

Французская армія была разбита при Тарутино, Малоюрославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ до наступленія сильныхъ морозовъ, которые начались только послѣ переправы черезъ Березину.

Трудности, которыя французамъ пришлось преодолѣть при переправѣ черезъ эту рѣку, доказываютъ какъ нельзя лучше, что французы были вынуждены соорудить на Березинѣ мостъ, потому что ледъ еще

не окрѣпѣ; это была одна изъ неудачъ, постигшихъ Наполеона. Если бы сильные морозы начались нѣсколькими днями раньше, или хотя бы даже въ ночь, предшествовавшую переправѣ черезъ Березину, то ему удалось бы вѣроятно спасти большую часть своей матеріальной части, и французская армія перешла бы рѣку безъ затрудненія. Она погибла именно потому, что не было сильного мороза.

Въ то время какъ Кутузовъ обѣдалъ, пріѣхалъ его адъютантъ, полковникъ Кайсаровъ, съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной графомъ Платовымъ съ его казаками надъ правымъ флангомъ французовъ.

Результатомъ этого славнаго дѣла было взятіе 16-ти орудій и нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ. Во время атаки, произведенной казаками, Наполеонъ, по словамъ генерала Раппа, раненаго въ этомъ дѣлѣ, едва не былъ взятъ въ плѣнъ.

XXIX.

Полковникъ Толь и его характеристика.—Отступленіе непріятеля.—Поведеніе главнокомандующаго.—Столкновеніе Левенштерна съ принцемъ Евгениемъ Виртембергскимъ.—Характеристика его.—Генераль Вильсонъ.—Беннигсенъ.—А. П. Ермоловъ.—Многочисленная свита князя Кутузова и интриги въ главной квартирѣ.

Баронъ Толь обладалъ выдающимися военными способностями, большими познаніями, мужествомъ и рѣдкой энергіей, которая проявлялась зачастую упрямствомъ и даже нѣкоторою суровостью.

Въ то время да и теперь еще всѣ были увѣрены, что мы въ значительной степени обязаны ему успѣхомъ, одержаннымъ нашимъ оружіемъ; императоръ Александръ высоко цѣнилъ его.

Онъ былъ прекраснымъ другомъ, смотрѣлъ на дружбу какъ на нѣчто священное, но не переносилъ, чтобы имъ пренебрегали. Онъ былъ ревнивъ, какъ женщина, и обидчивъ, какъ ребенокъ.

Фельдмаршалъ получилъ въ ночь извѣстіе, что князь Понятовскій двинулся къ Медынѣ, поэтому онъ приказалъ отступить къ высотамъ Гончарова, гдѣ и занялъ позицію.

Начальство надъ сильнымъ аррьергардомъ было ввѣрено генералу Милорадовичу, которому было приказано остаться у Малоярославца.

Это отступленіе удивило всѣхъ; оно было большою ошибкою. Совершивъ это плохо обдуманное и неосторожное движеніе, фельдмаршалъ открылъ Наполеону путь отъ Малоярославца къ Медынѣ и по какому-то странному совпаденію обѣ арміи совершили отступленіе одновременно. Въ ночь съ 14-го на 15-е число, графъ Милорадовичъ придвинулъ къ арміи свой аррьергардъ, между тѣмъ какъ маршалъ Даву очистилъ Малоярославецъ, перешелъ обратно р. Лужу и двинулся на Боровскъ.

Лишь только наши аванпосты примѣтили это движеніе, генераль Милорадовичъ посигѣшилъ занять Малоярославецъ; это было по утру 15-го числа. Тогда Кутузовъ рѣшилъ прикрыть дорогу изъ Медыни на Калугу. Арміи было приказано двинуться къ Полотняному заводу. 15-го числа вечеромъ армія выступила изъ лагеря при Гончаровѣ и шла всю ночь.

Графъ Милорадовичъ оставилъ слабый отрядъ у Малоярославца и двинулся также на Медынь. Но замѣтивъ, что непріятель отказался отъ своего намѣренія идти туда, фельдмаршалъ двинулся къ Можайску, рѣшивъ подойти къ этому городу.

17-го числа въ полдень онъ выступилъ двумя колоннами. Графъ Орловъ-Денисовъ пошелъ по дорогѣ къ Гжатску, а другой отрядъ подъ командою графа Ожаровскаго двинулся черезъ Юхновъ на Смоленскъ. Кутузовъ продолжалъ движеніе, имѣвшее цѣлью приблизиться къ Можайску.

Тогда еще не было извѣстно, какимъ путемъ Наполеонъ хотѣлъ подойти къ Смоленску; можно было совершенно свободно предположить, что онъ двинется на Волоколамскъ, Бѣлое, Суражъ и Витебскъ. Этотъ путь былъ длиннѣе, но несравненно выгоднѣе въ отношеніи продовольствія, въ коемъ его войска никогда не терпѣли бы недостатка въ мѣстности, еще не бывшей театромъ военныхъ дѣйствій. Поэтому фельдмаршалу нельзя ставить въ вину того, что онъ хотѣлъ приблизиться къ Можайску, чтобы тѣснить непріятели вмѣсто того, чтобы идти на Вязьму совершить такимъ образомъ болѣе рѣшительное движеніе.

Полученное Кутузовымъ извѣстіе о движеніи Наполеона на Гжатскъ доказало съ совершенной очевидностью, что единственной цѣлью французовъ было достигнуть Смоленска и Днѣпра. Съ этого момента ихъ отступленіе стало походить на бѣгство.

За Боровскомъ, весь путь, пройденный французами, былъ усыянъ трупами людей и лошадей, умершихъ отъ усталости и истощенія, обломками, повозками и всякаго рода пожитками. Фельдмаршалъ воспользовался бѣдственнымъ положеніемъ Наполеона, чтобы увеличить препятствія, встрѣчавшіяся ему на пути, и преслѣдовать его неутомимо. Онъ двинулся съ арміей къ Вязьмѣ, принудивъ этимъ Наполеона отступать со всевозможной поспѣшностью, что повлекло за собою его гибель.

Графу Милорадовичу было приказано идти къ Вязьмѣ, не удаляясь отъ большой дороги; атаману Платову, коего поддерживалъ генераль Паскевичъ, было поручено тревожить аррьергардъ непріятели; кромѣ того многочисленные отряды легкой конницы затрудняли движеніе французскихъ колоннъ спереди и фланговъ и не позволяли имъ отдаляться отъ большой дороги, чтобы фуражировать въ окрестностяхъ.

22-го числа генераль Милорадовичъ атаковалъ на Вяземской дорогѣ корпусъ маршала Даву. Генералы Васильчиковъ и Корфъ совершили нѣ-

сколько блестящих кавалерийских атак. Корпусъ Даву былъ бы уничтоженъ, если бы пѣхота Милорадовича могла поддержать движеніе его кавалеріи.

Вице-король италіанскій, узнавъ объ опасности, коей подвергался Даву, повернулъ обратно и поспѣшно пришелъ ему на помощь. Даву успѣлъ уйти полемъ и построиться вновь позади войскъ вице-короля.

Французы, увидавъ, что ихъ операціонная линія перерѣзана, были вынуждены пробиться сквозь наши отряды. Наполеонъ находился въ чрезвычайно опасномъ положеніи. Даву и вице-король дрались храбро подъ Вязмою, но понесли весьма значительныя потери. Наша кавалерія покрыла себя славою, въ особенности Каргопольскій и Псковскій драгунскіе полки. Они вернулись побѣдителями въ латахъ, взятыхъ ими на полѣ битвы; императоръ Александръ позволилъ имъ сохранить эти латы, преобразовавъ псковскихъ драгунъ въ кирасирь.

Кутузовъ, вѣрный своему правилу ничего не дѣлать на авось, не тронулся съ мѣста съ главными силами арміи, которыя находились всего въ 5 или 6 верстахъ отъ Вязмы. Онъ слышалъ канонаду такъ ясно, какъ будто она происходила у него въ передней, но несмотря на настоянія всѣхъ значительныхъ лицъ главной квартиры, онъ остался безучастнымъ зрителемъ этого боя, который могъ бы имѣть послѣдствіемъ уничтоженіе бѣльшей части арміи Наполеона и взятіе нами въ плѣнъ маршала и вице-короля.

Если бы престарѣлый фельдмаршалъ выказалъ въ этотъ день энергію Барклая-де-Толли, то французская армія, уже сильно деморализованная, была бы неминуемо истреблена, и кампанія была бы окончена.

Въ главной квартирѣ всѣ горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріателемъ; генералы и офицеры роптали или жгли бивуаки, чтобы доказать, что они болѣе не нужны; всѣ только и ожидали сигнала къ битвѣ. Но сигнала этого не воспослѣдовало. Ничто не могло побудить Кутузова дѣйствовать, онъ разсердился даже на тѣхъ, кто доказывалъ ему, до какой степени непріятельская армія была деморализована: онъ прогналъ меня изъ кабинета за то, что, возвратясь съ поля битвы, я сказалъ ему, что половина французской арміи сгнила, что отъ нея дурно пахло, и что послѣ ея прохода оставался особый запахъ, который наши солдаты прозвали французскимъ запахомъ.

Онъ упорно считалъ всѣ эти донесенія преувеличенными и по-прежнему вѣрилъ въ Наполеона, вѣрилъ въ его обаяніе и въ его хорошо организованную армію.

Кутузовъ упорно держался своей системы дѣйствій и шелъ параллельно съ непріателемъ. Онъ не хотѣлъ рисковать и предпочелъ подвергнуться порицанію всей арміи.

Онъ не хотѣлъ понять, что французы сражались только для того,

чтобы спастись, и что единственная выгода, какую они могли извлечь изъ самаго упornaго сраженія, заключалась въ томъ, чтобы получить нѣсколько часовъ отдыха и хотя немного опередить насъ. Люди и лошади давно уже голодали; люди походили на привидѣнія, лошади падали тысячами.

Видя по всему, что происходило на моихъ глазахъ въ главной квартирѣ, что тамъ нечего было дѣлать, какъ только ѣсть, пить и жить въ безопасности отъ выстрѣловъ, я просилъ фельдмаршала позволенія отправиться къ авангарду. Онъ отказалъ мнѣ въ этомъ съ досадою, сказавъ, что всѣ не могутъ служить въ авангардѣ и что онъ хорошо сѣумѣетъ вознаградить усердіе тѣхъ лицъ, которыя раздѣляютъ его труды.

Несмотря на все мое желаніе уѣхать изъ главной квартиры, гдѣ свили себѣ гнѣздо интриги, гдѣ было столько завистниковъ и люди ничѣмъ не занятые, единственно ради своего развлеченія чернили репутацію тѣхъ, которые подвергали ежедневно свою жизнь опасности, я долженъ былъ покориться необходимости, выслушавъ этотъ сухой отвѣтъ.

Сильная зубная боль, коей я страдалъ три дня, заставила меня позабыть войну, главную квартиру и все на свѣтѣ. Главный докторъ арміи, Гесслингъ навѣстилъ меня и вырвалъ мнѣ два зуба; мое мученіе прекратилось.

Мы имѣли большую стычку съ пятьюдесятью конногвардейцами, которые хотѣли разрушить ригу, въ которой мы пріютились.

Графъ Соллогубъ, жившій съ нами уже нѣсколько дней, Тимротъ и я схватились за сабли и отстаивали шагъ за шагомъ нашъ хрупкій дворецъ.

Ночи были уже очень холодныя, и намъ вовсе не хотѣлось ночевать подъ открытымъ небомъ; мы отчаянно защищались, бранились и намъ удалось наконецъ прогнать молодцовъ кирасиръ, которыхъ къ намъ загнала нужда и которые имѣли такое же право погрѣться, какъ и мы.

Въ общемъ мы находились въ совершенной безопасности; переходы, которые мы совершали, походили на передвиженія, совершаемыя войсками въ мирное время. Иллюзія была бы полная, если бы плѣнные офицеры, генералы и солдаты, коихъ къ намъ приводили, не напоминали намъ, что война продолжалась.

Я бывалъ каждый день у фельдмаршала, обѣдалъ у него, когда хотѣлъ; обѣдъ былъ всегда превосходный, такъ какъ его готовили царскіе повара. Скромный Барклай кушалъ своего поросенка подъ хрѣномъ, который подавался ему ежедневно, не на серебряномъ сервизѣ, какъ фельдмаршалъ, имѣвшій всю посуду отъ двора, а на жестяномъ блюдѣ, купленномъ какъ предметъ роскоши въ англійскомъ магазинѣ.

Принцъ Ольденбургскій и герцогъ Александръ Виртембергскій нерѣдко также приглашали меня къ столу. Я имѣлъ съ принцемъ Вир-

тембергскимъ бурное столкновение еще до нашей стоянки въ лагерѣ при Тарутинѣ. Это происходило въ имѣніи Вороновѣ, принадлежавшемъ графу Ростопчину, который собственноручно поджегъ его, чтобы оно не досталось въ руки французовъ.

Генераль Барклай, какъ читатель, вѣроятно, помнить, находился тогда еще въ арміи и готовился къ отъѣзду. Мы приѣхали въ Вороново какъ разъ въ день его ангела. Всѣ его адъютанты составили складчину, чтобы дать ему парадный обѣдъ, и купили ящикъ шампанскаго.

Графъ Ростопчинъ отвелъ для него помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ своего дома. Полковникъ Закревскій помѣстился тамъ со своей канцеляріей, чтобы окончить послѣднія дѣла, и мы ожидали генерала Барклая, который зашелъ къ князю Кутузову и приказалъ намъ отправиться впередъ.

Вдругъ неожиданно къ дому подѣхалъ герцогъ Александръ и, безъ дальнѣйшихъ формальностей заявивъ, что онъ здѣсь поселится, приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ привести его экипажи. Я поспѣшилъ на встрѣчу его высочеству и вѣжливо замѣтилъ ему, со всѣмъ почтеніемъ, подобавшимъ ему по его чину и происхожденію, что это помѣщеніе уже занято генераломъ Барклаемъ-де-Толля.

— Какое мнѣ дѣло до вашего генерала Барклая, — отвѣчалъ герцогъ. — Я дядя императора и хочу занять это помѣщеніе.

Я отвѣчалъ, что тутъ уже находится канцелярія генерала Барклая, что полковникъ Закревскій оканчиваетъ нѣкоторыя слѣшныя дѣла, что мнѣ самому приказано помѣститься въ этомъ домѣ, что это распоряженіе сдѣлано графомъ Ростопчинымъ, и я могу уступить его помѣщеніе не иначе, какъ по приказанію главнокомандующаго, прибавивъ, что его высочество былъ бы вѣроятно плохаго мнѣнія объ адъютантѣ, который не сумѣлъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ отстоять квартиру своего генерала. Говоря это, я загоразивалъ ему дверь.

— Какъ, господинъ адъютантъ, — закричалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, а онъ очень хорошо зналъ мою фамилію, — какъ смѣете вы не пропустить въ квартиру брата вашей императрицы, генерала, старшаго въ чинѣ, нежели вашъ бывшій министръ, вашъ бывшій главнокомандующій! Знайте, что я выгоню васъ со службы, что я изотру васъ въ порошокъ!

На этомъ словѣ онъ задохнулся: одинъ Богъ знаетъ, что бы онъ мнѣ наговорилъ, если бы онъ не задохнулся отъ гнѣва.

Услыхавъ слова: «я васъ изотру въ порошокъ», я потерялъ хладнокровіе, однако я возразилъ ему все еще самымъ почтительнымъ образомъ:

— Ваше высочество, я охотно готовъ пожертвовать собою для службы императора, но еще не сдѣланъ тотъ молотокъ, который изотретъ меня въ порошокъ. Бывшій главнокомандующій Барклай, какъ ваше императорское высочество его называете, приѣдетъ съ минуты на минуту, и я увѣренъ, съ удовольствіемъ уступить вашему импера-

торскому высочеству свое помѣщеніе. Я являюсь только исполнителемъ его воли; я самъ не могу этого сдѣлать. Только силою можно удалить отсюда его канцелярію и его бумаги.

Къ счастью въ это время подѣхалъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, которому графъ Ростопчинъ поручилъ распредѣлить квартиры, и заявилъ его высочеству, что для него все приготовлено въ большой квартирѣ въ бель-этажѣ этого дома. Герцогъ удалился, угрожая написать императору. Полчаса спустя генераль Радтъ пригласилъ меня отъ имени герцога отобѣдать съ нимъ. Онъ передалъ мнѣ, что герцогъ сожалѣетъ о происшедшей сценѣ; увѣрялъ, что его высочество очень любитъ меня и желаетъ, чтобы это столкновеніе изгладилось у меня изъ памяти.

Я ничего не имѣлъ противъ этого. Генераль Радтъ сообщилъ мнѣ по пути о желаніи герцога, чтобы я сохранилъ этотъ случай въ тайнѣ. Очевидно, совѣтъ укоряла его высочество за слова «бывшій министръ», «бывшій главнокомандующій». Я никогда не любилъ пересудовъ и увѣрилъ генерала, что герцогъ можетъ быть покоенъ на этотъ счетъ.

Герцогъ вспомнилъ вѣроятно снисходительность, какую выказывалъ ему Барклай въ то время, когда онъ былъ главнокомандующимъ, и какъ часто герцогъ досаждалъ ему. Такъ какъ давать совѣты ничего не стоитъ и это не влечетъ за собою никакой отвѣтственности, то его высочество не скупился на совѣты и дотога надоѣдалъ Барклаю своими длинными разсужденіями, что тотъ убѣгалъ въ свой кабинетъ, завидѣвъ его, и поручалъ мнѣ принимать его и бесѣдовать съ нимъ. Горе мнѣ было въ такомъ случаѣ, если герцогу удавалось загнать меня къ окну или въ уголъ, т. е. блокировать меня своимъ толстымъ животомъ. Не хватало никакого терпѣнія выдержать это осадное положеніе, приходилось либо сдѣлать видъ, что у меня пошла кровь носомъ, либо притвориться, что мнѣ послышалось, будто меня зоветъ главнокомандующій. Я легълъ тогда, какъ стрѣла; только такимъ образомъ мнѣ удавалось избѣгнуть необходимости выслушивать мудрыя соображенія герцога, которыя были очень умны въ теоріи, но рѣдко были исполнимы на практикѣ.

Я долженъ однако сознаться, что если бы у меня было свободное время, то я воспользовался бы его бесѣдою, которая была весьма поучительна для молодого офицера; онъ обладалъ многими познаніями; былъ человекъ ученый и говорилъ краснорѣчиво. Ничто не можетъ быть такъ вредно и бесполезно, какъ присутствіе въ главной квартирѣ лицъ высокопоставленныхъ по своему происхожденію или облеченныхъ высокими чинами, но не имѣющихъ никакого опредѣленнаго назначенія и никакихъ обязанностей. Ихъ не знаютъ какъ употребить, такъ какъ они считаютъ все недостойнымъ себя. Единственное ихъ занятіе со-

стоять въ томъ, что они стараются сплотить вокругъ себя всѣхъ празднопшатающихся, коими кишитъ всякая главная квартира и которые составляютъ оппозицію, критикуютъ военныя операціи и успѣваютъ посѣять недовѣріе среди тѣхъ слабоумныхъ, которые не имѣютъ ни способности, ни привычки судить о событіяхъ по своему собственному уразумѣнію.

Такою бесполезною личностью въ арміи былъ и герцогъ Ольденбургскій Августъ. Человѣкъ очень молодой, неопытный, онъ не имѣлъ никакого вліянія. Это былъ просто-на-просто титулованный мальчишкѣ, взявшій себѣ въ голову подражать сѣру Роберту Вильсону, который изъ любви къ искусству былъ всегда тамъ, гдѣ велась война. Генераль Вильсонъ нерѣдко выводилъ фельдмаршала изъ терпѣнія своими совѣтами и упреками.

— Какой взрывъ негодованія будетъ возбужденъ въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Европѣ,—говорилъ Вильсонъ,—когда узнаютъ, съ какою непонятною медлительностью дѣйствуетъ фельдмаршалъ Кутузовъ.

Эти слова усердно передавались всюду.

Центромъ злословій была квартира генерала Беннигсена. Тамъ сходились, чтобы посмѣяться надъ княземъ-главнокомандующимъ даже тѣ люди, коимъ онъ наиболѣе покровительствовалъ. Они видѣли въ генералѣ Беннигсенѣ преемника Кутузова и преклонялись передъ восходящимъ солнцемъ. У Беннигсена собирались всѣ лица, выдающіяся по своему происхожденію и богатству, какъ то: Станиславъ Потоцкій, Николай Демидовъ и неразлучный съ нимъ баронъ Анштетъ, графъ Ожаровскій и безобидный графъ Браницкій.

Въ то время какъ Барклай находился еще въ арміи, въ квартирѣ Беннигсена были сочинены слѣдующіе куплеты:

Du Ministre de la guerre
Le règne vient de finir!
S'il évite les affaires,
Comment peut-il les régir?
Nous ne sommes pas si bête!
Et les Français sont à bout.
Nous les coupons la retraite
En abandonnant Moscou ¹⁾.

Князь Кутузовъ отлично понималъ, что въ этихъ стихахъ было сказано по его адресу. Поэтому, съ присущимъ ему тактомъ, онъ держалъ всю эту камариллю на почтительномъ разстояніи. Эти господа никогда не жили въ той деревнѣ, гдѣ онъ самъ помѣщался. Однажды, за обѣдомъ у Креза-Демидова, князь Сергій Голицынъ сказалъ, что онъ не понимаетъ, какъ могутъ люди, столь извѣстные, какъ князь Кудашевъ,

¹⁾ Окончилось царство военнаго министра. Уклоняясь отъ дѣлъ, можетъ ли онъ руководить ими. Мы не такъ глупы. Французы дошли уже до крайности. Мы отрѣзали имъ отступленіе, покинувъ Мосеву.

Давыдовъ, Сеславинъ, Орловъ-Денисовъ, Чернышевъ и иные, унижаться до дѣятельности партизановъ, т. е. разбойниковъ. Такъ какъ онъ былъ большой краснобай, то пожалуй его мнѣніе одержало бы верхъ, если бы я не заставилъ его замолчать, сказавъ, что по моему мнѣнію гораздо унизительнѣе носить Георгіевскій крестъ тому, кто по общепризнанному мнѣнію его не заслужилъ. Онъ замолчалъ; всѣ переглянулись, и разговоръ на томъ прекратился. Фельдмаршалъ, умѣвшій разстроивать интриги, зналъ двоедушіе генерала Ермолова и ловко умѣлъ держать его въ должныхъ границахъ. Онъ ни разу не поручалъ ему командованіе отдѣльной частью и весьма рѣдко упоминалъ его имя въ своихъ реляціяхъ. Хитрый старикъ хорошо зналъ духъ арміи, народа и въ особенности настроеніе Петербурга, и понималъ, что если бы онъ далъ генералу Ермолову случай говорить о себѣ, то благополучные и блестящіе результаты, достигнутые во вторую половину кампаніи, навѣрно были бы приписаны Ермолову.

Высокое мнѣніе, которое всѣ имѣли о способностяхъ этого генерала, начинало уже пугать самыхъ вліятельныхъ людей.

Такимъ образомъ, Кутузовъ, не желая раздѣлять своей славы съ кѣмъ бы то ни было, удалил Барклая, отгѣснилъ Беннигсена и обрекъ Ермолова на полнѣйшее бездѣйствіе. Генералъ Коновницынъ, полковникъ Толь и зять Кутузова, князь Кудашевъ, были единственными повѣренными его тайнъ. Изъ нихъ первый, человѣкъ вполне порядочный и достойный, былъ слѣпымъ исполнителемъ желаній фельдмаршала; на него возлагались всѣ мелочныя заботы объ арміи. Второй былъ слишкомъ молодъ лѣтами и чиномъ, чтобы внушить ему какое-либо опасеніе, третій былъ его зять и не могъ внушать къ себѣ зависти: напротивъ, Кутузовъ съ удовольствіемъ признавалъ достоинства этого молодого человѣка, который сумѣлъ снискать уваженіе всей арміи своимъ честнымъ открытымъ поведеніемъ, своей храбростью и неустрашимостью.

Состоя при фельдмаршалѣ, князь Кудашевъ считался адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. Я обратился къ нему съ просьбою убѣдить Кутузова дозволить мнѣ отправиться къ авангарду генерала Милорадовича. Князь Кудашевъ изъ расположенія ко мнѣ замолвилъ фельдмаршалу за меня слово, и ему удалось исполнить мою просьбу. Я получилъ всѣ нужныя бумаги, и часъ спустя меня не было въ главной квартирѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Мало извѣстное изданіе на русскомъ языкѣ 1782 г.

(Библиографическая замѣтка).

Въ апрѣлѣ 1782 года, во время пребыванія въ Пармѣ графа и графини Сѣверныхъ, мѣстный типографъ Джованни Баттиста Бодони поднесъ высокимъ путешественникамъ напечатанное имъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ краткое, хвалебное привѣтствіе.

Привѣтствіе это представляетъ въ настоящее время величайшую библиографическую рѣдкость ¹⁾. Этимъ, вѣроятно, объясняется и то, что оно ускользнуло отъ вниманія нашихъ присяжныхъ книговѣдцовъ, обыкновенно столь падкихъ на детальныя описанія всякихъ книжныхъ курьезовъ. Единственное намъ извѣстное упоминаніе объ этой книгѣ находимъ у Чіампи, въ его *Bibliografia critica*, Firenze, 1834, t. 1, p. 297,—подъ рубрикой печатныхъ *Slavica* Ватиканской библиотеки.

У Чіампи читаемъ: „*Essai de Caractères russes gravés et fondus par Jean Baptiste Bodoni, typographe de S. M. le roi d'Espagne etc., à Parme in fol.*”

Opuscolo di 22 carte stampato nel solo diritto. Intitolato: Ad magnos Russorum principes quum III Idus Apriles 1782. Parmam appulissent gratulatio Moscovitice et Latine (Opuscolo rarissimo).

Не знаю, видѣлъ ли дѣйствительно самъ Чіампи именно такую книгу и подъ этимъ французскимъ заглавіемъ въ Ватиканской библиотекѣ, или же передавалъ только полученныя изъ вторыхъ рукъ свѣдѣнія. Разыскавъ въ недавнее время экземпляръ этого изданія, могу лишь отмѣтить, что приведенное описаніе ученаго итальянскаго библиографа не вполнѣ точно, но крайней мѣрѣ по отношенію къ данному, принадлежащему мнѣ экземпляру.

Вотъ главныя различія: 1) французскаго заголовка—*Essai de caractères etc.* нѣтъ. Да едва-ли онъ былъ бы умѣстенъ въ витиеватомъ привѣтствіи, поднесенномъ русскому цесаревичу; 2) страницъ не 22, а всего 10, нумерованныхъ; 3) текстъ напечатанъ не на одной, а на обѣихъ сторонахъ листа, чѣмъ конечно и обусловливается разница въ числѣ страницъ.

Очень вѣроятно, впрочемъ, что Бодони оттиснулъ нѣсколько экземпляровъ и въ другомъ, нѣсколько переименованномъ видѣ, для прославленія уже не наслѣдника русскаго престола, а своей собственной типографіи. У Сопикова, т. V, подъ № 12960 значится молитва Господня на 155 языкахъ, на-

¹⁾ Въ Россіи изданіе это имѣется только въ Императорской Публичной библиотекѣ.

печатанная тѣмъ же Бодони въ 1806 году. Вырѣзанный имъ въ 1782 г. русскій шрифтъ могъ пожалуй пригодиться и для возданія хвалы самому Господу Богу.

Находящійся въ моихъ рукахъ экземпляръ, въ простомъ картонажѣ, формата въ большой листъ, такъ назыв. imperial folio (34×50 сант.), отпечатанъ краснымъ, крупнымъ шрифтомъ, сплошь прописными литерами. На оборотной сторонѣ верхней крышки переплета находится чья-то англійская надпись карандашомъ, что-де этого изданія существуетъ всего три экземпляра. Смѣлое утверждение это вполне остается, разумѣется, на совѣсти писавшаго: блаженъ, кто вѣруетъ... Заглавіе латинское—то же, что приведенное у Чампи. Затѣмъ на четырехъ страницахъ помѣщено русское „продравленіе“, а на слѣдующихъ четырехъ—латинская gratulatio. И тотъ и другой текстъ оставляютъ желать многого и въ литературномъ, и въ стилистическомъ и даже просто въ орфографическомъ отношеніи. Но эти чисто внѣшніе недостатки съ избыткомъ искупаются конечно искренностью и теплотою чувства неизвѣстнаго диеирамбиста Россіи, какимъ можетъ быть явился самъ Дм. Бат. Бодони.

Само привѣтствіе въ началѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько восторженныхъ словъ о подвигахъ Олега и Святослава, а главнымъ его содержаніемъ служитъ относительно довольно длинныя панегирики Петру I и Екатеринѣ II. Авторъ при этомъ перечисляетъ не только труды гениальнаго монарха и великой царицы, имѣвшіе цѣлью возвышеніе военнаго могущества Россіи, но и съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваемъ ихъ заботы о матеріальномъ благосостояніи и духовномъ развитіи ихъ подданныхъ.

Надо полагать, что оригинальная версія—латинская, а русскій текстъ представляетъ только болѣе или менѣе близкій переводъ, мѣстами очень вольно передающій мысль подлинника. Къ числу особенно характерныхъ руссизмовъ можно отнести, напр., такую фразу: „(Petrus) academiis, scholas, bibliothecam munifice dedicavit“,—къ изумленію звучащую по-русски такъ: «вечные тому свидетели будутъ академія наукъ, е адетскіе корпусы...»

Ив. Щукинъ.

Парижъ.

Октябрь 1900 г.

Привѣтствіе въ Пармѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феодоровны въ 1782 году.

наблагополучнейши приездъ въ парму
его императорскаго высочества великаго
князя

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

наследника всероссійскаго купно съ
супругою, великою княгинею
МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ

продравленіе

великій князь между темъ времяемъ какъ ты оставя северную страну, купно съ супругою путешествуетъ, и видишь, древніе остатка славы, нашей італіи. мы следуя твоему примеру, немало дивимся, непрестан-

ной славе твоего отечества; девять сотъ леть тому назадъ, какъ твои предки, приплывъ къ босфору съ морскими силами, оной храброю рукою себе покорили; иныя занесказанную ихъ храбрость имели отъ римлянъ, дары и достоинства; между етими также упоминаю о томъ которой разбивъ булгарцовъ въ трацію победителемъ вошелъ.

но сколько къ тебе ближе сродствомъ, столько славою протчихъ превозшедшій, твой деждь імператоръ

ПЕТРЪ ВЕЛИКОЙ

которой не только что разпространилъ границы своего владения, даже да каспій скаго моря, покоривъ многие провинцій, и разумные законы своимъ подданнымъ далъ; нособравъ воиска, начальниковъ избралъ, и дабы дать примеръ великодушия и храбрости самъ оное навоюну водилъ, где не только что прибытокъ нои вечную славу приобрелъ; санктъ петербургъ, и протчие города, крепости, арсеналы создалъ, украсилъ, ивсемъ нужнымъ снабдилъ; науки и художества вросію въ вель: однимъ словомъ все что онъ самъ въ англии, франціи, и голандіи виделъ иразсудилъ быть полезнымъ для изгнания старой грубости своихъ подданныхъ основалъ; вечные тому свидетели будутъ академія наукъ, кадетские корпусы, и протчие тому подобные установлений.

следуя сего героя стопамъ августейшая твоя мать імператрица

ЕКАТЕРИНА

АЛЕКСѢВНА

теперь царствующая, труды презирая, ничего делать неоставляетъ, какъ для славы росіискаго престола такъ и для блаженства своихъ подданныхъ; она не только что пославъ морские силы въ архипелагъ принудивъ дрожать, и просить миру гордую порту; написала человеколюбиемъ преисполненные законы; поустановила купечество, почитая оное заналутчей способъ къ обогащенію своей імперій для сеи притчины приказала готовить порты, строить корабли, и все что нужно, ксчастливому онаго произведению, и кънужному онаго защищенію. покровительствуетъ науки и художества, и все время росіа незавидуетъ никакой области ихъ совершенства; имея своихъ искусныхъ художниковъ и совершенныхъ писателей.

богъ покровитель вашего імператорскаго высочества возвратитъ васъ здравы и благополучны въ отечество ваше, где продолжая следовать стопамъ премудрой монархини; мы обитатели сеи знатной провинціи неперстаемъ петь превознося дела твой донебесъ.

Сие Проздравление вырезано на рускомъ языке Печатано и поднесено ихъ Императорскимъ, Высочествамъ типографщикомъ его Католическаго Величества, и префетомъ Иваномъ Бодови ди Салюццо.

*

Наводненіе въ Тобольскѣ въ 1784 г.

Въ г. Тобольскѣ на одной изъ внутреннихъ стѣнъ церкви св. Андрея Первозваннаго, прикрѣплена чугунная доска съ слѣдующею надписью, свидѣтельствующею о необычайномъ весеннемъ разливѣ Иртыша въ 1784 году ¹⁾.

«Въ годъ двадесять второй
владѣнія царицы
Второй Екатерины и всѣхъ
Императрицы,
Когда исчезъ снѣгъ и ледъ
Прошелъ весной, тогда слу-
чился здѣсь великъ разливъ
водной. Въ прежніе годы хотя
Вода и разливалась, но церкви
вся сія сухою оставалась, а
сей воды разливъ могилъ весь
низъ и только выше сихъ сти-
ховъ былъ сухъ карнизъ.
Стихи сіи для той написаны
причины, чтобъ сей водный раз-
ливъ всякъ помнилъ до Кончины.
1784 годъ» ²⁾.

¹⁾ Разстояніе между поломъ и карнизомъ, до котораго поднималась въ 1784 г. вода, равняется 0,37 сажени.

²⁾ Напечатано съ сохраненіемъ орографіи подлинника и какъ написано на доскѣ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг.

—
VII 1).

А. Е. Измайловъ—редакторъ-издатель.—„Цвѣтникъ“;—„Санктпетербургскій Вѣстникъ“;—„Пантеонъ русской поэзіи“;—„Смысль Отечества“.

Начало дѣятельности А. Е. Измайлова, какъ редактора-издателя, относится къ 1809 году, когда онъ вмѣстѣ съ А. П. Бенитцкимъ предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Цвѣтникъ». О возникновеніи этого журнала въ дневникѣ А. Х. Востокова находимъ слѣдующія строки: «1808 г. іюня 13-го, въ субботу, было наконецъ засѣданіе Общества (любителей словесности, наукъ и художествъ) послѣ трехъ-мѣсячной праздности... Измайловъ вызывалъ охотниковъ помогать ему въ изданіи ученаго журнала ²⁾». Спустя нѣсколько времени одинъ изъ членовъ Общества—А. П. Бенитцкій откликнулся на предложеніе Измайлова и сталъ соредакторомъ послѣдняго, остальные же члены изъявили согласіе участвовать въ затѣваемомъ журналѣ своими трудами. Это обстоятельство имѣло важное значеніе для Измайлова: съ одной стороны молодой редакторъ-издатель былъ обезпеченъ матеріалами для своего «Цвѣтника», съ другой—участіе такого талантливаго и энергичнаго человѣка, какъ А. П. Бенитцкій, и многихъ лучшихъ членовъ названнаго Общества не замедлили придать журналу Измайлова свой особый отпечатокъ. Выше мы назвали «Цвѣтникъ» неофициальнымъ органомъ Общества

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1900 г. сентябрь.

²⁾ „Сборникъ 2-го отд. Академіи наукъ“, т. V. С.-Пбрг. 1873 г., выч. 2-й, стр. XI, прим.

любителей словесности, наукъ и художествъ; мнѣніе это кажется намъ справедливымъ, какъ потому, что главный, почти исключительный контингентъ сотрудниковъ этого журнала составляли члены Общества, такъ и потому, что «Цвѣтникъ» былъ до нѣкоторой степени выразителемъ тѣхъ литературныхъ взглядовъ и направленій, которыхъ названное Общество держалось.

Въ своей статьѣ о соиздателѣ Измайлова—Бенитцкомъ ¹⁾ мы имѣли уже случай высказаться объ этомъ журналѣ; теперь считаемъ необходимымъ повториться и сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Строго выработанной программы «Цвѣтникъ» въ 1809 году не имѣлъ, но матеріаль его по содержанию можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: стихотворенія, беллетристика, отдѣлъ ученый, смѣсь, гдѣ помѣщались анекдоты изъ жизни выдающихся дѣятелей (большею частью переводные), «избранныя мысли», эпиграммы и пр.; затѣмъ слѣдовали рецензіи на новыя книги, подъ названіемъ «Россійскія книги», наконецъ, отдѣлъ о театрѣ, отдѣлъ, въ которомъ давались отзывы о новинкахъ, шедшихъ на сценахъ петербургскихъ театровъ. Сотрудниками журнала, кромѣ редакторовъ-издателей, были: К. Н. Батюшковъ, А. Х. Востоковъ, Н. И. Гнѣдичъ, Г. Р. Державинъ, П. А. Катенинъ, И. А. Крыловъ, П. А. Никольскій, Н. О. Остолоповъ, В. М. Перовицковъ (проф. Казанскаго университета), Д. И. Языковъ, въ то время еще не погрузившійся въ историческія занятія, но интересовавшійся литературной критикой и ореографіей, наконецъ, цѣлый рядъ авторовъ съ именами въ литературѣ менѣе извѣстными, какъ Д. М. Княжевичъ, О. И. Ленкевичъ, В. И. Созоновичъ и др.; попало на страницы «Цвѣтника» и одно стихотвореніе гр. Д. И. Хвостова. Всѣ авторы, за нѣкоторыми исключеніями, подписывали свои статьи инициалами. Стихотворнымъ отдѣломъ журналъ не могъ похвалиться. Правда, въ нѣкоторыхъ книжкахъ «Цвѣтника» мы встрѣтили стихи Батюшкова («Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу», «Отрывокъ изъ X-й книги Освобожденнаго Іерусалима», басня «Кротъ и мышь», эпиграммы), нѣсколько умныхъ и теплыхъ, но слабыхъ въ техническомъ отношеніи стихотвореній А. Х. Востокова, три стихотворенія Гнѣдича, которыя авторъ впоследствии подвергнул значительнымъ измѣненіямъ («Скоротечность юности», «Перуанецъ къ испанцу», «Пѣснь при гробѣ матери»)²⁾, два небольшія стихотворенія Державина («Геба» и «Русскимъ граціямъ»), басни Крылова («Крестьянинъ и Смерть», «Мѣшокъ», «Хозяинъ и Кошки»)³⁾, Измайлова и др.,

¹⁾ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ 1900 г. № 3.

²⁾ Кромѣ стиховъ Гнѣдичъ помѣстилъ въ 1-й кн. журнала небольшую статью въ прозѣ „Сѣтованіе“.

³⁾ У Кеневича въ его „Библиографич. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова“ первоначальное появленіе этихъ басенъ въ „Цвѣтникѣ“ не

но по большей части стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» наполнялся посредственными подражаніями и переводами съ французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго и другихъ языковъ (изъ Вольтера, Геснера, Клопштока, Оссіана, Горація, Гомера и др.).

Тутъ были всѣ виды поэзіи, начиная съ оды, кончая эпиграммами, эпитафіями и т. п.; одного общаго направленія отдѣлъ этотъ не имѣлъ, и на него, а отчасти и на прозаическій (разумѣя беллетристику) иначе и нельзя смотрѣть, какъ на складъ литературныхъ упражненій членовъ Вольнаго Общества, изъ которыхъ каждый несъ въ этотъ органъ, что только могъ. Впрочемъ, этими двумя отдѣлами «Цвѣтникъ» не уступалъ тогдашнимъ русскимъ журналамъ, и—по выраженію Батюшкова «для деревни былъ хорошъ» ¹⁾. Изъ беллетристическихъ статей очень немного оригинальныхъ (изъ 55 лишь 13), да и послѣднія по большей части—подражанія чужимъ образцамъ. Многія изъ переводныхъ статей сентиментальнаго направленія; болѣе заслуживающими вниманія были переводы изъ Шиллера, Юнга и Лафонтена. Изъ оригинальныхъ слѣдуетъ отмѣтить статьи Бенитцкаго (восточныя повѣсти) и Измайлова ²⁾.

Что касается отдѣла научнаго, который по первоначальному плану Измайлова долженъ былъ составлять базисъ журнала, онъ не былъ настолько богатъ и разнообразенъ, чтобы «Цвѣтникъ» можно было называть журналомъ ученыхъ по преимуществу. Отдѣлъ этотъ весь, за ничтожными исключеніями, состоялъ изъ переводныхъ статей (преимущественно съ французскаго) по исторіи, географіи и этнографіи, философіи и филологіи. Любопытно отмѣтить въ немъ лишь то, что онъ являлся до нѣкоторой степени отголоскомъ научной дѣятельности членовъ Вольнаго Общества.

Всего яснѣе это проглядываетъ въ подборѣ статей историческаго содержанія. Извѣстно, что занятія членовъ Вольнаго Общества по исторіи сводились не столько къ изученію собственно исторіи, сколько къ развитію извѣстнаго рода политическихъ убѣжденій на почвѣ историческаго прошлаго; особенно занимали членовъ вопросы о правѣ, законахъ, свободѣ, обязанностяхъ человѣка и т. п.; и для разрѣшенія или выясненія этихъ вопросовъ они обращались къ сочиненіямъ такихъ историковъ и публицистовъ, какъ Мабли, Рейналь, Монтескье, Беккарій, Филанджіери и т. п. Добрая половина научнаго отдѣла «Цвѣтника» именно

означено. Послѣдняя басня „Хозяинъ и Кошки“ позднѣ печаталась съ нѣкоторыми перемѣнами и подъ заглавіемъ „Хозяинъ и Мыши“.

¹⁾ „Сочиненія“, т. III, стр. 66.

²⁾ Перу редакторовъ-издателей и принадлежало большинство оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ этомъ году въ „Цвѣтникъ“ (изъ 13—9).

и состоитъ изъ переводовъ подобнаго рода сочиненій. Такъ, напримѣръ, укажемъ: «Отрывокъ изъ примѣчаній Мабли на исторію Франціи», изъ X-й книги «О существѣ законовъ» Монтескье, «О Юстиніановомъ законодательствѣ», «Замѣчаніе на англійскіе законы», «Рѣчь государственнаго совѣтника Порталиса, произнесенная въ законодательномъ сословіи при представленіи проекта гражданскаго уложенія»; сюда же можно отнести и такія статьи, какъ «Предсказанія упадка Швеціи», «Разговоръ (въ царствѣ мертвыхъ) Христины, королевы Шведской съ Декартомъ», «О супружествѣ въ отношеніи къ общежитію и театру» и такъ далѣе. Всѣ перечисленные статьи—переводныя. Изъ оригинальныхъ обращаютъ на себя вниманье лишь двѣ: 1) Д. И. Языкова «Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ»—статья, въ которой авторъ, какъ и раньше ¹⁾, ополчился противъ нѣкоторыхъ ненавистныхъ ему буквъ, особливо противъ ъ, и 2) Бенитцкаго «О баснѣ»; послѣдняя, впрочемъ, написана подъ замѣтнымъ влияніемъ Гердера; въ ней авторъ доказываетъ превосходство стихотворной формы басни надъ прозаической.

Но главное значеніе «Цвѣтника» въ исторіи русской журналистики зиждется не на этихъ отдѣлахъ (которые, впрочемъ, давали читателю матеріалъ, пожалуй, и болѣе занимательный, чѣмъ иныя современныя «Цвѣтнику» періодическія изданія), но на тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ выразилась—какъ замѣтилъ еще Н. И. Гречь—его «борьба за нововводителей» ²⁾. Мы имѣемъ въ виду отдѣлъ «Россійскія книги», гдѣ помѣщались отзывы о литературныхъ новинкахъ и гдѣ главное участіе принималъ Бенитцкій, давшій этому отдѣлу строгое направленіе и окраску. За 1809 годъ «Цвѣтникъ» далъ отзывъ о 23 книгахъ; большая половина этихъ отзывовъ (12) принадлежитъ Бенитцкому, остальные были написаны Никольскимъ и хотя были слабѣе отзывовъ перваго, но имѣли тотъ же характеръ, что и рецензіи Бенитцкаго—этого лучшаго нашего критика перваго десятилѣтія текущаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если читатель присмотрится къ отзывамъ, помѣщавшимся на страницахъ «Цвѣтника», и сравнитъ ихъ съ рецензіями, дававшимися другими журналами, то врядь-ли онъ рѣшится назвать послѣднія критикой: въ лучшемъ смыслѣ, отзывы эти были не что иное, какъ летучія рецензіи, состоящія (и то не всегда) изъ передачи въ самыхъ грубыхъ чертахъ содержанія даннаго произведенія и заключавшіяся нѣсколькими пустыми восклицаніями или объявленіемъ о цѣнѣ книги и адресѣ сочинителя; хорошо, если рецензентъ касался иногда «языка» произведе-

¹⁾ См. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1805, VIII.

²⁾ См. „Смыслъ Отечества“ 1839 г. VIII, стр. 84; также „Чтенія“... т. II, С.-Пбрг. 1840 г., стр. 391.

нiя; чаще же всего онъ говорилъ о томъ, на какой бумагѣ оно напечатано¹⁾. Не таковы рецензiи Бенитцкаго: о нихъ смѣло можно говорить, какъ о критикѣ, имѣющей извѣстные, опредѣленные принципы. Недаромъ одинъ изъ изслѣдователей назвалъ Бенитцкаго «родоначальникомъ того критическаго направленiя, блестящими представителями котораго, съ конца уже двадцатыхъ годовъ, явились Надеждинъ и Бѣлинскiй»²⁾.

Какъ литературный критикъ, Бенитцкiй въ исторiи нашей литературы стоитъ на грани двухъ эпохъ: въ его рецензiяхъ не трудно замѣтить челоуѣка, въ которомъ еще живы псевдоклассическiя тенденцiи и вообще замашки старой школы; не говоря уже о томъ, что у него большое вниманiе удѣляется внѣшней сторонѣ изложенiя критикуемой книги вообще, нѣтъ-нѣтъ у него промелькнетъ протестъ противъ «смѣшенiя стилей», а пристрастiе къ основамъ ложноклассической теорiи о трехъ единствахъ у него выражено прямо, хотя онъ готовъ былъ идти на уступки, лишь бы «благонаравiе было соблюдено». Но съ другой стороны, тотъ же Бенитцкiй берется и за психологическое объясненiе фактовъ, передаваемыхъ въ томъ или другомъ произведенiи, говорить о естественности и неестественности, оцѣниваетъ сочиненiя съ эстетической, этической и другихъ точекъ зрѣнiя. Чуждый мелкой партiйности, онъ, если и выказывалъ себя сторонникомъ какого-нибудь литературнаго лагеря, то, конечно, былъ антишишковистъ, хотя и не отрицалъ извѣстной «силы за словенороссiйскимъ языкомъ, иногда превосходящимъ французскiй». Въ частности, присматриваясь къ рецензiямъ Бенитцкаго, мы можемъ замѣтить въ ней два основныхъ пункта: 1) разсужденiе критика по поводу слога разсматриваемаго произведенiя и 2) разборъ со стороны содержания.

Что Бенитцкiй обращалъ особенное вниманiе на внѣшнюю сторону изложенiя—языкъ, слогъ, это легко объясняется и еще неумеренными въ немъ привычками старой критики, и характеромъ борьбы между послѣдователями Шишкова и Карамзина, и самымъ предметомъ его рецензiй:—ему по большей части приходилось давать отчетъ о переводахъ, и разсужденiя о слогѣ были вполне умѣстны и даже необходимы. Прежде всего Бенитцкiй требовалъ отъ автора ли, переводчика ли «чистоты, плавности и ясности изложенiя»; онъ громилъ дурные переводы, искажающiе смыслъ и заставляющiе читателя отвертываться иногда и отъ хорошей книги, возмущался злоупотребленiемъ галлицизмовъ, не терпѣлъ слога, «обезображеннаго нѣмецкими оборотами»; возмущался наборомъ «высокопарныхъ реченiй въ духѣ старообрядцевъ россiйской словесности», выраженiй, затемняющихъ смыслъ и производящихъ впе-

¹⁾ Конечно, бывали и дѣльныя рецензiи, напр. П. И. Маварова и др.

²⁾ Н. Колюпановъ. „Биографiя А. И. Кошелева“, т. I, кн. I, стр. 299.

чатлѣніе галиматъи и т. д. и т. д. ¹⁾). Въ критикѣ произведеній со стороны содержанія Бенитцкій требуетъ строгой правды, знанія дѣла, естественности ²⁾); чтобы книга поучала, чтобы отъ нея вѣяло нравственностью, добропорядочностью и искренностью; съ другой стороны, критикъ нашъ возмущается безнравственнымъ содержаніемъ произведенія, его пустотой, неестественностью ³⁾). Не лишено интереса въ критикѣ Бенитцкаго и то, что онъ удѣлялъ въ своихъ рецензіяхъ мѣсто и для общихъ разсужденій различнаго характера; такъ въ его отзывахъ червѣдко можно встрѣтить и взглядъ его на монархію, благоденствіе народа, педагогическіе взгляды, разсужденія объ авторской свободѣ и т. п.

Направленія критики Бенитцкаго держался въ своихъ отзывахъ и П. А. Никольскій, ставшій по смерти Бенитцкаго постояннымъ рецензентомъ «Цвѣтника», и Д. В. Дашковъ, своими рѣзкими приговорами нанесшій шишковистамъ самый жестокой ударъ, когда-либо ими полученный; впрочемъ, дѣятельность того и другого относится главнымъ образомъ къ слѣдующему (1810) году изданія «Цвѣтника», и о нихъ мы скажемъ ниже, пока же заключимъ нашъ обзоръ этого журнала за первый годъ его существованія замѣчаніемъ о театальной критикѣ его. Кромѣ двухъ рецензій, принадлежавшихъ Бенитцкому, отдѣлъ о «театрѣ» не представлялъ ничего выдающагося. Обыкновенно рецензентъ давалъ краткое содержаніе пьесы, слегка касался языка ея и заканчивалъ свой отзывъ нѣсколькими замѣчаніями объ исполненіи пьесы актерами, замѣчаніями поверхностными.

Отмѣтимъ, между прочимъ, что «Цвѣтникъ» не убоился неодобрительно отозваться о трагедіи Хераскова «Зарейда и Ростиславъ», замѣтивъ при этомъ, что авторъ пьесы, хотя и творецъ «Россіады», все же «какой писатель можетъ похвалиться всѣми своими сочиненіями? И самъ великій Аруэтъ написалъ нѣсколько слабыхъ трагедій, несмотря на то, что Мельпомена болѣе всѣхъ увѣнчала его славою и что онъ побѣдилъ Корнелія и Расина...»

Программа журнала на 1810 годъ и распредѣленіе статей были приблизительно тѣ же, что и въ предшествующій годъ изданія «Цвѣтника». Въ 1810 году соиздателемъ Измайлова былъ П. А. Никольскій. Это былъ молодой человекъ, воспитанникъ Горнаго корпуса, сумѣвшій весьма солидно пополнить свое образованіе основательнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ и науками словесными вообще. Сынъ А. С. Никольскаго,—члена Россійской академіи и переводчика, П. А. большею

¹⁾ Ср. „Цвѣтникъ“, № 6, стр. 373; № 2, стр. 269; № 1, стр. 137 и т. д.

²⁾ Ср. *ibidem*, ч. I, стр. 332; ч. II, стр. 364, 378—379.

³⁾ Ср. *ibidem*, ч. I, стр. 374, 157; ч. II, стр. 257.

частью занимался также переводами какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ произведеній; въ «Цвѣтникѣ» онъ принялъ близкое участіе: въ каждой книжкѣ этого журнала можно встрѣтить за разъ нѣсколько его переводовъ и рецензій ¹⁾).

Стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» за этотъ годъ заключаетъ въ себѣ до 80 пьесъ, доставленныхъ приблизительно тридцатью авторами. Главнымъ сотрудникомъ этого отдѣла былъ М. В. Милоновъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, этотъ молодой человѣкъ въ 1809 г. переѣхалъ для присканія занятій въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ познакомился, а затѣмъ и подружился съ П. А. Никольскимъ, А. П. Бенитцкимъ и А. Е. Измайловымъ, былъ введенъ ими въ Вольное Общество и принялъ участіе въ «Цвѣтникѣ». Писалъ онъ много, и на него, какъ на поэта, многіе возлагали большія надежды, хотя, напримѣръ, князь П. А. Вяземскій признавалъ въ немъ мало поэтическаго увлеченія ²⁾).

Въ «Цвѣтникѣ» онъ помѣстилъ свыше 20 стихотворныхъ переводовъ и подражаній, избравъ оригиналами римскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ писателей (Горація, Шекспира, Шиллера и др.), а также и нѣсколько небольшихъ оригинальныхъ стихотвореній. Второе мѣсто по количеству стихотвореній принадлежитъ Измайлову, помѣстившему до 10 своихъ произведеній, изъ коихъ шесть басенъ; кромѣ того, въ «Цвѣтникѣ» было обнародовано три посмертныхъ стихотворенія А. В. Храповицкаго. Изъ остальныхъ сотрудниковъ по части поэзіи назовемъ Н. Ѳ. Грамматина, Д. М. Княжевича, Воейкова, В. М. Перевощикова, П. А. Катенина ³⁾, А. Раевского, В. Л. Пушкина ⁴⁾, графа Д. И. Хвостова... Какъ видимъ, въ числѣ сотрудниковъ «Цвѣтника», въ качествѣ поэтовъ, уже отсутствуютъ такія лица, какъ Гнѣдичъ, Державинъ, Крыловъ ⁵⁾; произведенія же новыхъ сотрудниковъ и болѣе частое появленіе твореній графа Хвостова, конечно, не могли служить украшеніемъ журнала, и мы должны признать, что стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» въ 1810 году былъ еще слабѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Еще слабѣе былъ отдѣлъ прозы. Весь наличный составъ оригинальныхъ статей беллетристическаго характера состоялъ изъ четырехъ произведеній, въ числѣ которыхъ была длинная и скучная повѣсть В. М. Перевощикова:

¹⁾ Всѣ статьи его безъ подписи. Прочіе сотрудники журнала въ большинствѣ случаевъ помѣщали свои работы или безъ подписи, или скрывались подъ псевдоными.

²⁾ Князь П. А. Вяземскій, „Сочиненія“, т. VIII, стр. 345.

³⁾ Нѣкоторыхъ произведеній П. А. Катенина, помѣщенныхъ въ „Цвѣтникѣ“, нѣтъ въ собраніи его сочиненій, изд. въ 1832 г.

⁴⁾ „Посланіе къ В. А. Жуковскому“.

⁵⁾ Батюшковъ прислалъ лишь одну эпиграмму. (См. письмо его къ Измайлову въ III-мъ томѣ его сочиненія, стр. 74).

«Модестъ и Софья», прекрасная восточная повѣсть Бенитцкаго: «Визирь» и остроумный, живо написанный «разговоръ» Измайлова: «Такъ-такъ, или разговоръ Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антоновичемъ», въ которомъ авторъ довольно ѣдко осмѣиваетъ современное недовольство дворянъ на «высочекъ» изъ семинаристовъ, которые, благодаря способностямъ и трудолюбію, сумѣли занять высшія государственныя должности ¹⁾. Переводная беллетристика также уступала таковой въ предшествующій годъ изданія «Цвѣтника», хотя въ отдѣлѣ этомъ и помѣщались отрывки изъ Шиллера, Шекспира, Лафонтена, Мейспера и друг. Научныя статьи также не могли привлечь читателя, несмотря на то, что онѣ отличались и нѣкоторымъ разнообразіемъ и серьезностью; такъ мы встрѣчаемъ статьи изъ сочиненій Гельвеція, Монтескьё, Лабрюйера, Шиллера и т. п.; но все это были небольшіе, незаконченные отрывки, при томъ порой въ весьма посредственномъ переводѣ (лучшіе переводы принадлежатъ П. А. Никольскому) ²⁾. Итакъ, повторяемъ, этими тремя отдѣлами «Цвѣтникъ» въ 1810 году былъ слабѣе и скучнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, и Батюшковъ былъ въ правѣ сказать, что «Цвѣтникъ» безъ Бенитцкаго завялъ» ³⁾. Но замѣчаніе Батюшкова нужно принимать съ нѣкоторой оговоркой: «Цвѣтникъ» въ 1810 г. сталъ для публики менѣе занимателенъ, но отнюдь не терялъ своего значенія, какъ «борца за нововводителей» и еще смѣлѣе продолжалъ высказывать свои литературныя взгляды: тѣ принципы литературной критики, которые проповѣдывалъ въ «Цвѣтникѣ» Бенитцкій, услышали читатели того же журнала и въ 1810 году въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ этомъ году постоянными критиками «Цвѣтника» были П. А. Никольскій и Д. В. Дашковъ. Обходя, дабы не повторяться, рецензіи Никольскаго, который былъ въ своихъ отзывахъ прямымъ продолжателемъ Бенитцкаго и никакихъ новыхъ (въ сравненіи съ послѣднимъ) взглядовъ не высказывалъ, обращаемся къ статьямъ Д. В. Дашкова. Дашковъ помѣстилъ въ «Цвѣтникѣ» первую свою критическую работу, давшую ему литературную извѣстность въ знаменитомъ спорѣ между сторонниками Шишкова и послѣдователями Карамзина, именно — обширную (въ 110 страницъ) статью по поводу «Перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика», перевода, принадлежавшаго перу самого адмирала-литератора... Богатыя познанія Дашкова, его несомнѣнный литературный талантъ и блестящее остроуміе сдѣлали

¹⁾ Н. Колюпановъ склоненъ разумѣть здѣсь намеки на графа М. М. Сперанскаго. (См. Н. Колюпановъ, цит. соч., т. I, стр. 302).

²⁾ Изъ оригинальныхъ статей этого отдѣла можемъ указать двѣ: Спасскаго: „О сибирскихъ древностяхъ“ и Востокова: „Грамматическія замѣчанія на одно мѣсто въ „Пѣснѣ о походѣ Игоря“.

³⁾ „Сочиненія“, т. III, стр. 42.

нашего критика однимъ изъ опаснѣйшихъ ратоборцевъ, съ какими только приходилось сражаться сторонникамъ Шишкова. Въ настоящей статьѣ Дашковъ еще спокоенъ, но увѣренъ, и тонъ статьи его не вызывающей, но уже задѣвающей самыя основы филологическихъ принциповъ адмирала, начиная съ названія языка «словенороссійскимъ». Дашковъ доказываетъ всю нелѣпость такого словопроизводства и затѣмъ шагъ за шагомъ, мало касаясь самого перевода, послужившаго ему предметомъ статьи, разбираетъ по частямъ всѣ принципы догмы шишковистовъ, ихъ раздѣленіе мнимаго словенороссійскаго языка на три слога, ученіе о сродствѣ корней языка, ихъ разсужденія о богатствѣ русскаго языка сравнительно съ французскимъ и друг.; наконецъ, доказываетъ неосновательность похода Шишкова противъ отдѣльныхъ словъ, дѣлаетъ колкія замѣчанія о «словоизвитіяхъ» его сторонниковъ, объ «украшеніяхъ» въ краснорѣчій, ими употребляемыхъ и т. д. Но уже въ слѣдующемъ году Дашковъ обрушивается на нихъ отдѣльной книгой: «О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику», въ которой шишковисты понесли окончательное пораженіе, хотя и не признали себя побѣжденными; но Дашковъ на время прекратилъ съ ними полемику.

Изъ другихъ статей журнала, живописующихъ литературныя нравы и направленія того времени, особенное вниманіе обращаютъ на себя: «Мнѣнія и замѣчанія пустынноика» ⁴⁾ и «Отрывокъ изъ письма къ NN». Первая начинается разсужденіемъ о томъ, какія причины побуждаютъ «сочинять». Разрѣшая этотъ вопросъ и имѣя въ виду русскіхъ писателей, авторъ раздѣляетъ всѣхъ сочинителей на четыре категоріи: 1) любители словесности, 2) любители печатать, 3) писатели для славы и 4) писатели для денегъ. Сдѣлавъ характеристику первыхъ и отнесшись къ нимъ одобрительно, авторъ остроумно посмѣялся надъ вторыми и третьими и, пустивъ ядовитыя стрѣлы въ четвертыхъ, заключаетъ: «не должно однако думать, что всѣ авторы неотмѣнно подходятъ подъ сіи правила: есть амфибіи и хамелеоны». Въ этой же статьѣ встрѣчаемъ не мало острыхъ замѣчаній противъ искажителей русскої рѣчи иностранными словами и противъ шишковистовъ. Глава 4-я этой статьи содержитъ слѣдующіе вопросы и отвѣты:

- Сколько у насъ было и есть писателей?
- Двое: Фонвизинъ и Карамзинъ.
- А прочіе?
- Стихотворцы, переводчики, подражатели, иногда весьма хорошіе, но они не всѣ подлинны...

Любопытна 7-я глава, гдѣ авторъ жалуется на недостатокъ образо-

⁴⁾ Подписана Василиемъ Ефимовымъ; думаемъ, что она принадлежитъ также Дашкову.

ванія нашихъ писателей: «наблюдая образованіе нашихъ писателей—говорить авторъ—всякъ долженъ удивляться, что у насъ ихъ такъ много и довольно хорошихъ. Большая часть ихъ, какъ портной Тришка, учились самоучкой. Рѣдкіе получили ученое воспитаніе. Выучившись читать и писать по-русски (иногда и тому весьма плохо), затвердивъ наизусть нѣсколько французскихъ стихковъ, зная, что во Франціи писали трагедіи Расинъ и Корнель, а комедіи Мольеръ ¹⁾, наши молодые люди почитаютъ себя совершенными и начинаютъ переводить, печатать, издавать» и т. д.

Къ этой выпискѣ мы позволимъ себѣ присоединить еще одно въ высшей степени цѣнное и поучительное замѣчаніе автора: «недовольно внимательная къ истиннымъ достоинствамъ публика наша (то есть многочисленнѣйшая часть) причиною, что многіе люди съ талантомъ и познаніями вскорѣ начинаютъ скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ. Многіе изъ нынѣшнихъ полезныхъ чиновниковъ государства (изъ коихъ большая часть училась въ Московскомъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ университетахъ) въ молодости своей успѣшно занимались словесностью. Хладнокровіе публики, неумѣющей цѣнить ихъ талантовъ, заставило ихъ бросить ученныя занятія. Если бъ я смѣлъ, то назвалъ бы таковыхъ чловѣкъ 20 и больше, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ государствѣ. Вообще рѣдкій писатель трудится у насъ болѣе пяти лѣтъ сряду. Одобреніе и награда публики столь слабы, а досады и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобъ заниматься ею долго. Замѣтить должно, что я говорю о прозаическихъ писателяхъ: поэты поютъ всегда и вездѣ безъ усталости». Заключается эта статейка остроумной насмѣшкой подъ полемикой, возникшей тогда между «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Аглаей».

«Отрывокъ изъ письма къ NN.», въ которомъ авторъ извѣщаетъ своего корреспондента о якобы имѣющихъ выйти въ свѣтъ новыхъ книгахъ (нѣкоторыя изъ перечисленныхъ дѣйствительно существовали), имѣеть цѣлью осмѣять чрезмѣрное увлеченіе сентиментализмомъ, доводившее авторовъ нерѣдко до галиматіи въ содержаніи ихъ твореній и до крайней вычурности слога. Такъ, напримѣръ, вотъ каково заглавіе одной книги: «Прогулка въ иррегулярныхъ садахъ моего воображенія, или весенніе досуги сельскаго любителя природы» Книга сія посвящена майской могилѣ единственнаго друга души, сердца и чувствъ,

¹⁾ „Полнымъ курсомъ словесности и наукъ для многихъ изъ сихъ писателей служатъ „Письма русскаго путешественника“. Нахватавъ оттуда нѣсколько поверхностныхъ мыслей, они судятъ, рядятъ, приговариваютъ“.

съ эпиграфомъ: «Пусть другъ одинъ меня читаетъ, а свѣтъ и публика пускай меня не знаетъ». Кромѣ того «Отрывокъ» изобилуетъ насмѣшками надъ педантствомъ, ригоризмомъ, шишковистами и т. п.

Но не только въ отдѣлѣ «критики» и въ выше цитированныхъ статьяхъ «Цвѣтникъ» выражалъ свои симпатіи или антипатіи къ тѣмъ или инымъ направленіямъ въ нашей литературѣ и въ частности журналистикѣ: онъ отстаивалъ свои смѣлые взгляды, не робѣя передъ авторитетами, вступая нерѣдко въ открытую полемику или пуская въ ходъ колкую эпиграмму ¹⁾. И этимъ литературнымъ ратоборствомъ онъ, по справедливости, долженъ занять въ исторіи нашей журналистики начала нынѣшняго столѣтія почтенное мѣсто.

Какое же участіе принималъ въ «Цвѣтникѣ» самъ издатель Измайловъ и чѣмъ обязанъ ему этотъ любопытный органъ? Изъ обзора журнала уже видно, что главное значеніе «Цвѣтника» покоится отнюдь не на статьяхъ нашего издателя, который въ ряду сотрудниковъ своего органа занималъ далеко не первенствующее мѣсто, какъ по количеству помѣщенныхъ имъ статей, такъ и по качеству и характеру ихъ. Участіе Измайлова въ «Цвѣтникѣ» ограничилось помѣщеніемъ нѣсколькихъ басенъ, двухъ-трехъ небольшихъ статей въ прозѣ и иногда составленіемъ отдѣла «смѣсь», отдѣла компилятивнаго. Въ заслугу Измайлова нужно поставить лишь то, что онъ сумѣлъ привлечь въ свой журналъ талантливыхъ и дѣльныхъ сотрудниковъ (хотя, къ сожалѣнію, не всегда могъ ихъ при своемъ журналѣ удерживать); кромѣ того, должны мы отмѣтить, что статьи Измайлова, если и не могли служить большимъ украшеніемъ журнала, то во всякомъ случаѣ были незаурядны, а главное — соответствовали направленію журнала; въ этомъ смыслѣ нельзя обходить молчаніемъ и прозу Измайлова, которая была для того времени, какъ справедливо замѣтилъ еще Батюшковъ, «хороша и чиста» ²⁾. — Но, повторяемъ, «Цвѣтникъ», на страницахъ котораго историкъ литературы въ настоящее время найдетъ много интереснаго для выясненія литературныхъ нравовъ прошлаго, не могъ привлечь къ себѣ публику современную: большинству было мало дѣла до направленія органа и его литературныхъ препирательствъ, большинство искало въ журналѣ занимательнаго чтенія, а его-то «Цвѣтникъ» и не давалъ. Публика охладѣла къ нему, и Измайловъ прекратилъ изданіе «Цвѣтника» на второмъ же году его существованія.

¹⁾ Болѣе частые нападки „Цвѣтникъ“ дѣлалъ на „Сѣверный Меркурій“ А. В. Лукницкаго. Въ этомъ походѣ принялъ участіе и Батюшковъ, путивъ въ „журналъ Лукницкаго“ ядовитой эпиграммой. Тотъ отстрѣливался (см. „Сѣверн. Меркурій“ 1810 № 16, стр. 46 и 47), но очень не удачно.

²⁾ Въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 1-го ноября 1809 г. (См. „Сочиненія“ т. III, стр. 54).

Слѣдую хронологическому порядку въ обзорѣннй дѣятельности Измайлова какъ редактора-издателя, мы должны теперь дать отчетъ о «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ 1812 году отъ имени Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и редактировавшемся Измайловымъ. Но, несмотря, на большой интересъ, представляемый этимъ журналомъ въ исторіи нашей журналистики, мы уклоняемся отъ разбора его, какъ потому, что «С.-Петербургскій Вѣстникъ» не былъ собственнымъ созданиємъ нашего писателя, такъ и потому, что роль Измайлова, какъ главнаго редактора этого органа, была слишкомъ ограничена, и не Александръ Ефимовичъ былъ главнымъ сотрудникомъ и душою его. Дѣло въ томъ, что названное Общество, приступивъ (послѣ долгихъ подготовленій) къ изданію своего журнала, избрало для завѣдыванія отдѣлами его нѣсколькихъ редакторовъ, и на долю Измайлова, облеченнаго званіемъ главнаго редактора, выпала весьма скромная обязанность: слѣдить за общимъ ходомъ изданія, распредѣлять выбранныя и представленныя статьи для журнала по отдѣламъ и книжкамъ и т. п., то-есть, въ лучшемъ смыслѣ, его обязанности главнаго редактора сводились къ обязанностямъ такъ называемаго «секретаря редакціи». Измайловъ не дѣлалъ попытокъ расширить предѣлы своей роли, да врядъ-ли и могъ, ибо другіе редакторы, какъ напримѣръ, Дашковъ, Гречъ, Востоковъ были люди болѣе энергичные и являлись сотрудниками журнала болѣе дѣятельными, чѣмъ Измайловъ. Самъ главный редакторъ успѣлъ помѣстить на страницахъ «С.-Петербургскаго Вѣстника» лишь семь басенъ и двѣтри эпиграммы; въ отдѣлѣ же критики—каковой отдѣлъ и занималъ первенствующее мѣсто въ журналѣ—Измайловъ почти не участвовалъ: онъ ограничился небольшою рецензіей на «Басни и сказки Невѣдомскаго»; главными же сотрудниками журнала были Востоковъ, Гречъ, Милоновъ, Никольскій, В. Л. Пушкинъ и др. Журналъ этотъ просуществовалъ не долго: тревожныя событія 1812 года заставили Общество остановить изданіе «С.-Петербургскаго Вѣстника» на ноябрьской книжкѣ ¹⁾).

Затѣмъ Измайловъ выступаетъ въ качествѣ издателя въ 1817 году. Въ этомъ году онъ издалъ двѣ послѣднія книжки «Пантеона русской поэзіи», предпринятаго покойнымъ его другомъ, уже извѣстнымъ намъ П. А. Никольскимъ. Никольскій заготовилъ матеріалъ для всѣхъ 12 книжекъ своего изданія и на послѣднія книжки получилъ еще въ маѣ 1815 года цензурное разрѣшеніе, но томительная и тяжкая болѣзнь (чахотка) позволила ему выпустить въ свѣтъ лишь семь книжекъ, 8-я

¹⁾ См. подробности у Н. И. Греча въ его „Чтеніяхъ“... ч. II, С.-Пбргъ, 1840, стр. 391 и въ „Библиографич. Запискахъ“, т. II, стр. 420.

Два пути.

, По лямкам мурете лишь право бить отцолов;

На сетью летога все отдали

И охватил утнали,
Взят провинциаль и при ^{Еврей} финали
Васе все оцтативий мудреулий.

Что ухлитя дулфеня я? скаффиле

И нуто лишь ко стастов укаффиле.. —

Есть разные пути;

Одних широт, для глаз прекрасна.

Увотали от токовит, но сколзоль ^{розь} и опасна.

Другой же тосск: тгит на кель ^{тгит} увотавь,

Натяе окуснворь манциурь то-оуовь;

Для гувотви совлазнитель обмещений —

Но путь сей не вусеть, какъ первый ко смерткой стани.

Гяфелвий крестъ великий нести

По тьскому пути расхитой наць Гиттел,

Вселенной Спасител,

Это би придтико Стелу в небесну обмещь. —

"Саманд... би зель би каид, кидега?," — Стутмак хетти,

Лукаво, забудо сесте, тправду, бемумирь, бьча.

Ко богатству, ко тогостилье... вь адь вьрках дурота. —

ДОНВ. НЕВЗ. СПБ., 12 ДЕКАБРЯ 1900 Г.

ТИП. ТОВА. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, В. ПОДЪЯЧ., Д. 59.

же, 9 и 10-я вышли по смерти его, хотя и были уже отпечатаны; хлопоты же по изданію послѣднихъ двухъ взялъ на себя нашъ писатель ¹⁾). Вложить въ это изданіе что-либо свое Измайловъ не могъ, да это было бы и некстати; впрочемъ, онъ помѣстилъ на послѣдней страницѣ 12-й книжки прочувствованную эпитафію покойному, которая нѣсколько раньше была напечатана въ журналѣ Н. И. Греча ²⁾).

Въ 1817 же году Измайловъ завѣдывалъ журналомъ «Сынъ Отечества», пока редакторъ-издатель послѣдняго—Н. И. Гречъ находился за границей (въ продолженіе 8 мѣсяцевъ). Особыхъ перемѣнъ въ изданіи этого журнала, перешедшаго на время въ руки Измайлова, не произошло; нѣсколько увеличился лишь въ объемѣ стихотворный отдѣлъ «Сына Отечества»; что же касается попытокъ нашего писателя «сдѣлать журналъ разнообразнѣе, нежели каковъ онъ былъ прежде, и не помѣщать длинныхъ и сухихъ пьесъ»... ³⁾, то нельзя сказать, чтобы онѣ увѣнчались замѣтнымъ успѣхомъ: «Сынъ Отечества» за время завѣдыванія имъ Измайловымъ сохранялъ въ общемъ ту же физиономію что и раньше.

Въ слѣдующемъ году Измайловъ выступаетъ редакторомъ-издателемъ собственнаго журнала «Благонамѣренный».

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Хотя эти книжки вышли и въ 1817 году, но на обложкѣ выставленъ годъ 1815-й.

²⁾ „Сынъ Отечества“ 1816, ч. 33, № 40.

³⁾ См. письмо Измайлова къ Н. О. Грамматину („Библиогр. Записки“ т. II, стр. 624).

Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной.

Въ дополненіе замѣтки, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» ¹⁾, «О жестокомъ обращеніи стат. сов. Паниной со своими дочерьми», я могу сообщить то, что слышала отъ старшей, Варвары и меньшей, Клеопатры изъ этихъ дочерей, которыхъ я знала въ Москвѣ.

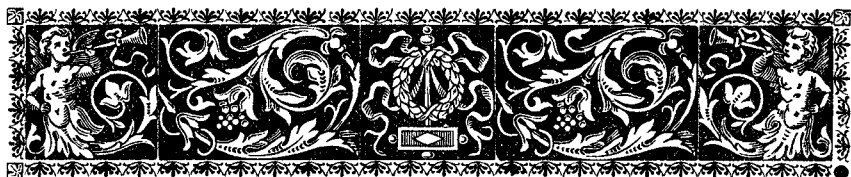
Отецъ ихъ былъ родня Панину, воспитателю императора Павла I-го, и, потому, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна приняла участіе въ судьбѣ дѣвицъ Паниныхъ, и высочайшимъ повелѣніемъ онѣ взяты были отъ матери. Вся Москва заинтересовалась необычайностію факта, и нанмали окна, чтобы видѣть, какъ повезутъ ихъ. Такъ какъ дѣвицы Панины выразили желаніе жить при монастырѣ, то императрица назначила имъ Московскій Ивановскій монастырь, на Солянкѣ. Игуменья пріѣхала за ними, а оберъ-полицеймейстеръ предъявилъ матери высочайшее повелѣніе и самъ съ полиціей сопровождалъ ихъ карету. Сестры жили два года въ монастырѣ, пока старшей, Варварѣ (умной и образованной) не исполнилось совершеннолѣтіе. Тогда ее утвердили опекушкой надъ сестрами и выдѣлили имъ ихъ состояніе. Анна тоже скоро стала совершеннолѣтней и уѣхала въ свое Саратовское имѣніе, гдѣ дожила до старости. Третья, Екатерина, была красавица, и императрица желала ее сдѣлать фрейлиной, но она скоропостижно скончалась. Варвара Алексѣевна съ 10-лѣтней сестрой Клеопатрой поселилась въ семьѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, начальника архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Когда же послѣдній скончался, обѣ сестры жили самостоятельно сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ и скончались въ 60-хъ годахъ. Разсказывали онѣ еще, что у нихъ было два брата: Николай, блестящій гвардеецъ, и единственный любимецъ матери. Онъ влюбился въ незнатную дѣвушку; но мать ему не позволила на ней жениться, и онъ сошелъ съ ума. День и ночь онъ не разставался съ розовой лентой, принадлежавшей этой дѣвушкѣ. Другой братъ, Димитрій, былъ крайне слабъ умомъ. Получивъ имѣніе близъ Тулы ²⁾, онъ жилъ тамъ, и дочь оружейника, неграмотная крестьянка, женила его на себѣ.

Панина-мать, при нашествіи французовъ въ 1812 г., съ сыновьями, компаньенками и приживалками, выѣхала изъ Москвы, оставивъ въ домѣ мужа и при немъ только дворника. Домъ сгорѣлъ, какъ и все дома тогдашней Москвы, и съ домомъ сгорѣлъ Алексѣй Ивановичъ Панинъ!.. Вдова его не выражала горя, но, когда умирала, то пожелала примириться со старшею дочерью, Варварою Алексѣевною.

Сообщила С. В. Якимоза.

¹⁾ Октябрь 1900 г.

²⁾ Уже послѣ смерти матери, которая, какъ урожденная Юсупова, была богата.

Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ

въ 1881—1882 гг.

Изъ путевого дневника

М. Н. Галкина-Враского.

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Переѣздъ въ Тюмень.—Пароходство по рѣкамъ въ Западной Сибири.—Рѣка Тура.—Селеніе Артамоново.—Арестантская ба ржа.—Тобольскъ.—Отзывъ мѣстнаго архіерея.—Иртышъ.—Рыболовство.—Обь.—Остяки.—Городъ Сургутъ.—Административные ссыльные.—Томскъ.—Епископъ Петръ.—Сибирская легенда.—Маринскъ.—Ачинскъ.—Грань Восточной Сибири.—Каинскъ.—Отставная отъ политической партіи ссыльныхъ.—Ключинскій эталь.—Дневка двухъ пересыльныхъ партій политическихъ ссыльныхъ.—Тулнскій полуэталь.—Пѣшеходное препровожденіе каторжныхъ.—Усольскій солеваренный заводъ.—Иркутскъ.—Отзывъ генераль-губернатора о Сахалинѣ.—Пріютъ арестантскихъ дѣтей.—Державинскій портретъ.—Озеро Байкаль.—Верхнеудинскъ.—Строющаяся тюрьма.—Пріютъ арестантскихъ дѣтей.—Б. А. Милютинъ.—Яблонный хребетъ.—Чита.—Губернаторъ Ильяшевичъ.—Старый храмъ бывшаго Читинскаго острога.—Дома семей декабристовъ.

15-го іюля 1881 г. съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Москву, отправляясь въ дальнюю командировку въ Сибирь и на островъ Сахалинъ ¹⁾. Слѣдуя на Нижній-Новгородъ, Казань, Пермь и Екатеринбургъ, я, 27-го іюля, прибылъ въ Тюмень, откуда собственно, со слѣдующаго дня, начинается мое сибирское путешествіе.

¹⁾ Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, бывшій членъ Государственнаго Совѣта М. Н. Галкинъ-Враской былъ командированъ, по вы-

28-го іюля. На пароходѣ «М. Рейтернъ». Пароходство по рр западной Сибири устроено нѣкимъ Колчинымъ, и послѣ его смерти завѣдываніе дѣломъ перешло къ нижегородскимъ купцамъ Курбатову и Игнатову. Рѣдко за кѣмъ въ новомъ дѣлѣ устанавливается такая репутація, которой пользуется Игнатовъ, по признаваемымъ за нимъ честности, знанію дѣла и заботѣ не объ одной лишь личной выгодѣ, но также и о пользѣ краю. Извѣстна особенная привязанность сибиряковъ къ своей родинѣ, но Сибирь, повидимому, и не однихъ туземцевъ привлекаетъ къ себѣ и роднитъ съ собою. Извилистая рѣка Тура гостеприимно приняла насъ въ свои сибирскія воды. Первая остановка была на станціи Артамоновой. Это первая сибирская небольшая деревня, съ часовней, съ хорошо обстроенными домами, крытыми тесомъ. При всѣхъ крестьянскихъ домахъ имѣется смежно такой же, какъ и изба, срубъ, гдѣ помѣщаются скотъ и всѣ хозяйственныя принадлежности. Постройки большею частію двухэтажныя. Дворы, за легкой изгородью, содержатся чисто. Въ Артамоновой была осматрѣна арестантская баржа, слѣдующая на буксирѣ парохода. Впечатлѣніе хорошее. Подобная перевозка не оставляетъ желать лучшаго. Сопровождающіе арестантскую партію офицеръ конвойной стражи и докторъ дружно коротаютъ время, дѣля совмѣстно небольшую на баржѣ каюту и неся заботы, каждый по своей обязанности, далеко не легкой при составѣ арестантскихъ партій въ 700 человекъ. И офицеръ и докторъ располагаютъ къ себѣ.

При остановкахъ, нижнимъ чинамъ команды разрѣшается, по очереди, грузить дрова на нашъ пароходъ. Такимъ образомъ они зарабатываютъ нѣкоторую за это сумму, а необходимый при этомъ моціонъ, при караульной службѣ на баржѣ, обеспечиваетъ ихъ здоровье. Изъ числа арестантовъ было больныхъ всего 4 человекъ.

Я роздалъ дѣтямъ арестантовъ азбуки, а всѣмъ остальнымъ—книжки для чтенія, также евангелія и молитвенники синодскаго изданія.

29-го, въ среду, утромъ пристали къ Тобольску. У подножія высокой горы расположена большая часть города. На горѣ краснво высится кремль съ архіерейской усадьбой и со старинными церквями. Рядомъ влѣво—небольшой садъ съ обелискомъ въ память Ермака, а вправо зданія присутственныхъ мѣстъ. Далѣе по берегу высокой частоколь укрываетъ за собою разныя арестантскія помѣщенія...

сочайшему повелѣнію императора Александра III, для изслѣдованія современнаго состоянія сибирской ссылки и каторги, въ виду необходимости принятія мѣръ къ упорядоченію и улучшенію этой части. Путь лежалъ первоначально черезъ всю Сибирь на Сахалинъ и оттуда на Владивостокъ, Китай, Японію и Монголію обратно въ сибирскія губерніи. Официальный отчетъ по командировкѣ былъ, въ свое время, напечатанъ. Здѣсь же сообщается дневникъ болѣе частнаго характера.

Р е д.

Мѣстный архіерей, бывшій рязанскій викарій, жаловался на неудовлетворительность замѣщенія священническихъ вакансій: «изъ Рязани никто нейдетъ, здѣсь же достойныхъ мало». Къ вечеру пароходъ отчалилъ. За поворотомъ исчезъ изъ вида Тобольскъ, и намъ предстали живописные берега Иртыша. Возвышенныя прибрежья, съ залегающими какъ-бы въ ущельяхъ, луговинами, покрыты сплошь лѣсомъ. Пожаръ коснулся однако и здѣшнихъ пустынныхъ мѣстъ и опалилъ или сжегъ значительныя площади лѣсной тайги. Тамъ и сямъ, по обоимъ берегамъ Иртыша, встрѣчаются рыболовныя ватаги, съ разставленными сѣтями, виднѣются лачуги рабочихъ, а тутъ вотъ и лодка съ нѣсколькими изъ нихъ заводитъ неводъ многосаженной длины. Прекрасная погода вызвала къ работѣ. Обиліе и качество рыбы съ успѣхомъ вознаграждали работу, но самый промыселъ въ первобытномъ видѣ. Расположенныя изрѣдка, на громаднхъ разстояніяхъ, прибрежныя селенія отличаются видимою зажиточностію.

31-го іюля вошли въ Обь. Рѣка-море поглотила воды Иртыша и, не допуская преградъ своему разливу, несетъ свои вѣшнія воды среди плоскихъ однообразно-пустынныхъ береговъ. Ватаги и небольшія селенія встрѣчаются уже рѣже, да и сами берега уходятъ мѣстами въ такую даль, что ихъ не видно. По берегамъ, по преимуществу, растеть тальникъ, надъ нимъ изрѣдка высится густою шапкою чернолѣсье, да въ просвѣтахъ чернѣетъ сибирскій кедръ. Такова приобская мѣстность. Въ примѣръ обилія рыбъ, можно привести, что на ватагѣ двухъ крестьянъ Замятиныхъ, изъ деревни Кушниковой, на рѣкѣ Оби, вылавливается до 4.000 осетровъ, вѣсомъ въ 3—4 пуда. Для отвоза рыбъ содержатся табуны лошадей до 300 и болѣе. Табуны эти пасутся лѣтомъ безъ всякаго надзора и лишь осенью ихъ загоняютъ въ селенія. Встрѣчающіеся по берегамъ остяки имѣютъ тутъ только лѣтніе пріюты на время рыболовства. Сооруженные изъ бересты шалаши укрываютъ ихъ отъ непогодъ. Они снимаютъ въ урваняхъ съ толстыхъ, едва въ обхватъ, березъ бересту, провариваютъ ее, сшиваютъ и устриваютъ такимъ образомъ свои лѣтнія жилища. Добываемую же рыбу они сушатъ на воздухѣ, развѣшивая на протянутыхъ веревкахъ, и такія нити, съ нанизанною на нихъ рыбою, подобно паутинѣ, оплетаютъ занятія ими прибрежныя мѣста. На зиму они свертываютъ эти берестовыя жилища и оставляютъ ихъ тутъ же, вмѣстѣ съ сѣтями-неводами и всѣми принадлежностями въ особо устроенныхъ деревянныхъ амбарушкахъ на высокихъ подпоркахъ, необходимыхъ на время разлива. На зиму остяки перебираются въ глубь къ берегамъ небольшихъ рѣчекъ-притоковъ, гдѣ и зимуютъ въ землянкахъ. Употребляемыя здѣсь лодки отличаются тою особенностію, что вся средняя часть прикрыта наглухо полукруглымъ низкимъ верхомъ съ

выходною у кормы дверью. Такимъ образомъ получается помѣщеніе, ограждающее отъ непогоды и удобное для сна.

1-го августа на высотѣ города Сургута. Въ разливъ суда подходятъ къ самому городу, теперь же до него верстѣ съ 7-мь. Исправникъ выѣхалъ къ встрѣчѣ парохода. Это его единственное, еженедѣльное развлеченіе во время навигаціи. Въ Сургутѣ, съ 1.000 жителей, находится теперь до 8 политическихъ ссыльныхъ, административно высланныхъ по нѣкоторымъ дѣламъ, въ томъ числѣ по исторіи на площади Казанскаго собора. Изъ нихъ Фалинъ женился на дочери одного ссыльнаго, имѣющаго тутъ слесарное заведеніе, гдѣ и Фалинъ сталъ заниматься. Остальные тоже пристроились къ разнымъ мастерствамъ, за исключеніемъ Левина, который, по нахожденіи его отца на службѣ въ Томскѣ, стремится туда, о чемъ и ходатайствуетъ. Кстати о политическихъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ, въ секретной одиночной во дворѣ, при особомъ надзирателѣ, содержится Ооминъ, желавшій освободить Кропоткина и стрѣлявшій по жандармамъ. Одиночное заключеніе неблагоприятнаго вліянія на него не производитъ. Онъ здоровъ и никакихъ желаній не высказывалъ. Въ Тымскомъ селеніи и въ городѣ Нарымѣ, выше по Тоболу, находятся тоже политическіе-административные.

Приближаясь къ Томску, окрестныя мѣстности становятся разнообразнѣе, оживленнѣе. Тутъ имѣются значительныя селенія старовѣровъ, занимающихся пчеловодствомъ.

5-го августа, поздно вечеромъ, пароходъ всталъ на якорь у Томской пристани, въ 7—8 верстахъ отъ города. Дурная дорога, отсутствіе освѣщенія, темная ночь, таковы были условія переѣзда въ городъ. Я остановился по приглашенію, въ домѣ 80-лѣтняго старика, богатаго купца-вдовца Я. П. Петрова-Родионова. Старикъ крайне симпатичный, умный, какъ говорится, бывалый, близко знакомый съ краемъ и населеніемъ. Первое впечатлѣніе при взглядѣ на него, когда онъ вышелъ меня встрѣтить, поддерживаемый лакеемъ,—было поражающее: до того онъ колоссаленъ. Въ немъ не менѣе 15—16 вершковъ. Огромная голова, широкія плечи и большая тучность—придаютъ ему монументальный видъ. Онъ вѣроятно замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и по этому поводу, за ужиномъ, разсказалъ, смѣясь, бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай, когда въ гостининомъ дворѣ, что противъ памятника Минина и Пожарскаго, онъ зашелъ въ лавку готоваго платья и пожелалъ купить для себя пальто. Приказчикъ, взглянувъ на него, побѣжалъ за хозяиномъ, а этотъ послѣдній обиженнымъ тономъ: — «что вы, помилуйте-съ, развѣ мы шьемъ платье на Минина и Пожарскаго». Повеселѣлъ отъ разсказа мой домохозяинъ и спрашиваетъ: не выпить ли «господскаго»? «того, что господа пьютъ» — смѣется старикъ. Такъ называлъ онъ шампанское.

На другой день, 6-го августа, въ день Спаса, въ 8-мъ часу, я былъ у обѣдни тутъ же, по сосѣдству, въ женскомъ монастырѣ, устроенномъ заботами покойной жены того же моего домохозяина. Затѣмъ слѣдовали обычные посѣщенія, а потомъ въ тотъ же день я приступилъ къ осмотру и ревизіи тюремныхъ учреждений. По пересыльной тюрьмѣ обратилъ на себя вниманіе старикъ-врачъ О. изъ бывшихъ сосланныхъ поляковъ, который снискалъ общее уваженіе своею исключительною заботливостію объ арестантахъ, ихъ семьяхъ и дѣтяхъ.

Изъ числа провожавшихъ меня при выѣздѣ 9-го августа изъ Томска и завтракавшихъ со мной за городомъ на лугу подъ деревьями, назову давняго, хорошаго знакомаго Н. Ив. Александрова, мѣстнаго жандармскаго губернскаго начальника, бывшаго въ томъ же званіи въ Ревелѣ за время моего губернаторства въ 1868—70 гг., и управляющаго казенной палатой М. А. Гилярова, старожила Сибири и лѣтъ 20-ть, если не болѣе, управляющаго палатой, человѣка почтеннаго, преданнаго интересамъ Сибири, любящаго и знающаго край. Онъ обратился ко мнѣ съ теплымъ словомъ, въ коемъ выражалъ надежду, что, независимо спеціальнаго характера моей командировки, она не останется безъ вліянія и на общіе вопросы Сибири. Въ благодарной памяти припоминались изъ бывшихъ генералъ-губернаторовъ: по восточной Сибири графъ Муравьевъ-Амурскій и по западной: генералы Гасфортъ и Хрущовъ (послѣдній, какъ честный, прямой человѣкъ-воинъ). Въ день отъѣзда, передъ самымъ выѣздомъ посѣтилъ меня на квартирѣ мѣстный епархіальный епископъ Петръ и благословилъ на дальній путь. Въ разговорѣ онъ коснулся извѣстнаго старца, Θεодора Кузьмича, умершаго незадолго передъ тѣмъ въ Томскѣ, въ своей кельѣ, во дворѣ дома купца Хромова. Обаяніе этого старца съ его кончиной все возросло. Онъ пользовался всеобщимъ почитаніемъ за его строго-отшельническую жизнь, обладалъ, какъ повѣствуютъ жители Томска, прозорливостію, вѣрно предугадывалъ событія. Бродяжническая жизнь его началась со второй половины 20-хъ годовъ и ей сопутствовала громкая легенда. Судя по его осанкѣ, росту, высотѣ стопы, взгляду и разговору, въ этомъ «непомящемъ родства» мѣстные жители видѣли человѣка знатнаго и никого другаго, какъ императора Александра 1-го, яко бы, въ свое время, подмѣненнаго другимъ покойникомъ и съ обоюднаго согласія съ императрицею припявшаго на себя подвигъ скитальчества...

На переѣздѣ черезъ Мариинскъ и Ачинскъ въ Красноярскъ—восхищали прелестныя лѣсныя, гористыя мѣста, окаймлявшія дорогу. Тутъ тянется непроходимая сибирская тайга, сплошная до моря чаща лѣса. Въ Ачинскомъ уѣздѣ на границѣ Восточной Сибири, меня встрѣтили: енисейскій губернский почтмейстеръ Рубецъ, губернский архитекторъ Лоссовскій, исправникъ Θεодоровъ (бывшій студентъ Московскаго университета) и

также инспекторъ ссыльнаго тракта, полковникъ Загаринъ. Генералъ-губернаторъ Анучинъ телеграммой мѣстному губернатору любезно поручалъ привѣтствовать меня на границѣ края и просилъ облегчить мой переѣздъ. Архитекторъ былъ необходимъ при осмотрѣ строительныхъ работъ и обсужденіи строительныхъ же предположеній по тюрьмамъ и попутнымъ этапамъ. Неудовлетворительность слѣдственной части и здѣшнихъ судебныхъ порядковъ вообще содѣйствуетъ крайнему переполненію тюремъ. Особенно значительно число судимыхъ за бродяжничество и безпаспортность. Пребываніе многихъ административныхъ въ различныхъ пунктахъ и пересылка политическихъ каторжныхъ особенно озабочиваютъ здѣшнюю администрацію и понятно почему: постоянныя изытія и распоряженія то въ одномъ, то въ другомъ направленіи кого не сообразить съ толку.

Выѣхавъ изъ Красноярска, 13-го августа въ 3 часа дня, я на слѣдующій день, къ вечернему чаю, пріѣхалъ на ночлегъ въ село Тинское, сдѣлавъ 300 верстъ. Не доѣзжая верстъ 100 до Тинской станціи, при посѣщеніи тюрьмы въ городѣ Каинскѣ, я нацѣль въ женскомъ отдѣленіи отставшую, за болѣзнь, отъ политической партіи жену административно-ссылаемаго въ Якутскую область Лѣгкаго. Она вышла за него, во время его содержанія въ Харьковѣ, пожелавъ съ нимъ слѣдовать въ ссылку. Теперь же, сказавшись больной, осталась здѣсь, чтобы не сопутствовать мужу. Это была женщина очень молодая, миловидная, съ живымъ, умнымъ выраженіемъ и видимо благовоспитанная.—Я не желаю съ нимъ ѣхать,—говорила она мнѣ. Нашъ бракъ фиктивный. Онъ мнѣ выдалъ билетъ на свободное проживаніе. Я вольна ѣхать куда хочу. Я желала бы ѣхать на Кару (въ Забайкальѣ, гдѣ имѣется специальная тюрьма для политическихъ арестантовъ).

— Вашему мужу—отвѣчала я—назначена мѣстопребываніемъ Якутская область.

— Да, но я, право, не могу и не хочу ему сопутствовать. Развѣ на Карѣ нельзя жить, туда же ѣдетъ Дмоховская (сестра ссыльно-каторжнаго).

— Она получила,—поясняю я,—особое разрѣшеніе замѣнить мать, больную, старую женщину, которая и по правиламъ могла бы тамъ жить при сынѣ. Вы же не имѣете тамъ ни брата, ни сына.

— Я желаю выдти замужъ.

— Для этого предварительно нуженъ разводъ, да имѣть ли право на бракъ тотъ, за котораго вы теперь собираетесь выдти замужъ?

— Да, онъ оканчиваетъ каторгу.

— Кто же это?

— Войноральскій.

— Вѣдь онъ женатъ Я помню его молодую жену, разрѣшившуюся

отъ бремени въ Саратовской тюремной больницѣ, при заарестованіи ея съ мужемъ.

— Они развелись.

— Какъ же такъ быстро располагаете вы собой: то выходите замужъ—фиктивно, говорите вы, то сопровождаете мужа, то бросаете его, узнавъ лишь въ дорогѣ Войноральскаго, рѣшаете разводъ и, не начавъ еще дѣла и не получивъ развода, собираетесь уже за другаго, мѣняете въ своихъ предположеніяхъ Якутскъ на Кару, не зная даже, разрѣшается ли тамъ жить. Какъ же это такъ?

Въ отвѣтъ—слезы, а затѣмъ, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ:

— Я лучше уѣду въ Россію, только не съ мужемъ, я его убью, если насъ соединять.

— Просите о разрѣшеніи вернуться. Подобныя ходатайства обыкновенно разрѣшаются. Подайте просьбу генераль-губернатору.

Вотъ одинъ изъ многихъ печальныхъ случаевъ изъ жизни этихъ лицъ.

За Тинской станціей слѣдовала Ключинская, куда я пріѣхалъ, послѣ ночлега, часовъ въ 8 утра. Здѣсь на этапѣ дневали двѣ, соединенныя въ предѣлахъ Восточной Сибири въ одну, высланныя въ послѣднее время, политическія партіи, одна—изъ Мценска съ Дмоховскимъ, Войноральскимъ, Мышкинымъ во главѣ; другая—изъ Петропавловской крѣпости съ Зунделевичемъ, Бухомъ и др. Были и женщины. Нѣкоторые мужчины во дворѣ стирали бѣлье, другіе—чистили картофель. Въ большой камерѣ, гдѣ помѣщались они, Дмоховскій обратился ко мнѣ (я его уже зналъ по Харьковской централкѣ, какъ называются ими Бѣлгородская и Борисоглѣбская тюрьмы), съ просьбой отъ имени всѣхъ. Перечень пожеланій на небольшомъ листкѣ бумаги онъ держалъ въ рукѣ. Первое заявленіе заключалось въ томъ, что, при дороговизнѣ хлѣба, 10 коп. кормовыхъ для непривилегированныхъ не достаточно. Дѣйствительно, 1 фунтъ хлѣба продавался по 4 коп. и даже по 5-ти. Въ Иркутской губерніи, куда имъ предстояло затѣмъ перейти, кормовая плата была уже возвышена до 18 коп. Потомъ интересовались знать—всѣхъ ли каторжныхъ помѣстятъ на Карѣ, или же въ разныхъ мѣстахъ; отбывшихъ каторгу—освободятъ ли тотчасъ и т. под. вопросы, вызывавшіе на объясненія. Наконецъ, отдѣльно отъ другихъ, тотъ же Дмоховскій просилъ за упомянутую Лѣгкую, которая, какъ оказалось, была его двоюродною сестрой, чтобы не соединили ее съ мужемъ и дали ей возможность возвратиться на родину. Между тѣмъ, Лѣгкій тоже отсталъ отъ партіи и хотя позднеѣ жены, но былъ возвращенъ въ Каинскъ, такъ какъ по правиламъ пересылки не слѣдовало разлучать супруговъ. Противу этого Лѣгкаго возстали въ партіи, и, какъ писалъ Лѣгкій къ инспектору пересылки арестантовъ, — его стали

подозрѣвать въ измѣнѣ. Тутъ вообще возникли поводы къ сомнѣніямъ, какъ равно и въ цѣли устраненія Лѣгкой отъ ея мужа, въ виду несомнѣннаго ея легкомыслія...

Дальнѣйшій путь лежалъ по Иркутской губерніи.

Сравнивая съ пройденнымъ уже пространствомъ, приходишь къ заключенію, что общее благосостояніе сибирскихъ селеній почти повсемѣстно одинаково, равно дѣловиты волостныя и сельскія власти, одинаково тяжелы повинности по устройству и содержанію дорогъ, та же дороговизна почтовой гоньбы и тѣ же крайне запущенные этапы и полуэтапы и т. п. Такъ, рядомъ съ приглядными сторонами жизни, укладываются немощи управленія, но какъ таковыя ни велики, онѣ не подорвали силъ населенія и не убияли вѣры въ предстоящій расцвѣтъ этого забытаго края...

Прежде, чѣмъ занести въ дневникъ мой пріѣздъ въ Иркутскъ, упомяну о попутномъ полуэтапѣ Тулинскомъ, который я нашелъ въ такомъ разрушенномъ, буквально, положеніи, что счелъ нужнымъ предупредить телеграммой генераль-губернатора о необходимости миновать его при предстоявшемъ слѣдованіи политической партіи ссыльныхъ. Кстати о препровождаемыхъ партіяхъ. Я встрѣчалъ и осматривалъ въ пути слѣдовавшія партіи каторжныхъ. Идутъ они терпѣливо, благоприятная погода придаетъ имъ бодрость духа. Конвойные ведутъ ихъ въ порядкѣ. Идутъ же нѣкоторые босыми, дотога дурны коты (обувь арестантская), которыми они были снабжены. Арестанты чинятъ ихъ въ пути, но наконецъ они разваливаются окончательно. Заболѣвающіе въ пути арестанты задерживаются въ городахъ въ тюремныхъ больницахъ и еще при 3-хъ этапахъ, гдѣ имѣются военные лазареты и медицинскій надзоръ. Такимъ образомъ возможно пользоваться медицинскою помощью черезъ каждыя 200 верстъ. Для облегченія слѣдованія имѣются при каждой партіи конныя подводы для женщинъ, дѣтей и немощныхъ.

18-го августа, передъ самымъ прибытіемъ въ Иркутскъ, я свернулъ съ почтовой дороги въ сторону—въ Усольскій солеваренный заводъ, гдѣ работаютъ каторжные, разряда исправляющихся, доставляемые туда изъ смежной Александровской каторжной тюрьмы. Усольскія варницы, принадлежа казнѣ, сданы съ торговъ, съ обязательствомъ употребленія каторжныхъ на работы по добыванію соли. Для надзора командированы на заводъ пять казаковъ. По совершенной неожиданности моего непредвидѣннаго въ этотъ разъ пріѣзда, пришлось ознакомиться съ обыденнымъ положеніемъ дѣла. Оказалось, что въ отношеніи содержанія рабочихъ-каторжныхъ не установлено никакихъ указаній. Они лишь споятся со счетовъ казны, поступая на частное довольствіе; казаки же были очень озадачены вопросомъ—въ чемъ заключаются ихъ обязанности. Во время казеннаго управленія, существовала при заводѣ боль-

шая казарма для помѣщенія рабочихъ изъ каторжныхъ. Ссылные поляки были тогда (въ 30—40-хъ годахъ) приурочены къ этому дѣлу. Казарма эта теперь пустуетъ. Арестанты же, называемые коротко — рабочими, живутъ въ селеніи, смежномъ съ варницами, въ своихъ, или наемныхъ домахъ, вмѣстѣ съ своими семьями, носятъ одинаковое съ рабочими платье (очень распространенны здѣсь блузы), заняты, по преимуществу, перевозкою соли, заготовленіемъ дровъ, сплавомъ ихъ, словомъ, ведутъ жизнь вольныхъ рабочихъ. Если кто изъ нихъ бѣжитъ, и когда замѣтятъ, сообщаютъ мѣстному становому, выждавъ обыкновенно нѣкоторое еще время, въ ожиданіи, не вернется ли самъ. Кормить ихъ заводское управленіе хорошо. Для заболѣвающихъ имѣется больница. Заработокъ достигаетъ до 15-ти руб. и болѣе въ мѣсяць. Одновременно была осмотрѣна мною, находящаяся въ сосѣдствѣ съ заводомъ, Александровская каторжная тюрьма, перестроенная изъ казеннаго винокуреннаго завода. Подробную ревизію, за недостаткомъ времени, пришлось отложить до зимняго пребыванія въ Иркутскѣ. Здѣсь упомяну только, что при тюрьмѣ имѣется кирпичный заводъ и что арестанты изъ выдѣлываемаго кирпича возводятъ нѣкоторыя постройки. Производятся также и другія различныя работы, по частнымъ заказамъ. Одѣваютъ же и обуваютъ арестантовъ съ подряда, за дорогую болѣею частью цѣну, какъ и во вообще всѣхъ сибирскихъ тюрьмахъ, хотя среди директоровъ мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій имѣются желающіе заниматься тюремнымъ хозяйствомъ. Въ числѣ 600 заключенныхъ въ тюрьмѣ оказалось 130 чел. немощныхъ всякаго рода: слѣпыхъ, калѣкъ, одряхлѣвшихъ по старости, коимъ все мѣсто въ богадѣльнѣ.

19—21-го августа. Иркутскъ. Вслѣдствіе отхода срочнаго байкальскаго парохода 21-го августа, здѣсь предстояло мнѣ пробыть менѣе 2-хъ сутокъ. День 19-го августа прошелъ въ обычныхъ взаимныхъ посѣщеніяхъ и ознакомленіи съ нѣкоторыми дѣлами. Д. Г. Анучинъ высказалъ мнѣ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, островъ Сахалинъ наиболѣе пригоденъ для поселеній, такъ какъ работъ собственно каторжнаго разряда тамъ не много. 20-го августа—осмотръ тюремъ и пріюта арестантскихъ дѣтей. Послѣдній, благодаря щедротамъ и заботамъ мѣстныхъ дамъ-директриссъ, съ Ю. И. Базановой во главѣ, устроенъ прекрасно и вполне благоденствуетъ. Предполагается завести при немъ особое отдѣленіе для еврейскихъ дѣтей.

Обѣдомъ, въ радушной семьѣ генераль-губернатора Анучина, закончилось мое пребываніе въ Иркутскѣ. Большой, во весь ростъ, портретъ Державина, въ собольей шубѣ, съ такой же мѣховой шапкой на головѣ, сидящаго у подножія скалы, въ виду Иркутска и блестящихъ водъ Ангары, — занимаетъ одну изъ стѣнъ столовой. Переданная мнѣ исторія

этого портрета та, что Державинъ, получивъ отъ сибиряковъ въ даръ собольи шубу и шапку (по какому поводу—неизвѣстно)—прислалъ этотъ портретъ, украшающій теперь помѣщеніе генераль-губернаторскаго дома.

Я выѣхалъ въ ночь на 21-е августа и быстро миновалъ 60-ти-верстное пространство до Листвяничной. Пароходъ былъ подъ парами и ровно въ 6 часовъ отчалилъ отъ берега. Погода казалась въ началѣ благоприятной, но вскорѣ измѣнилась, такъ что изъ предосторожности было рѣшено бросить якорь, не доходя противоположной пристани Боярской, въ дер. Ключевой, такъ какъ станція Боярская, при прибоѣ въ ея сторону, вслѣдствіе каменистаго грунта, не безопасна для причала. Въ Ключевой нашлись, по счастью, необходимыя три тройки, и я могъ безостановочно продолжать путь съ моимъ спутникомъ П. А. Титовымъ¹⁾ и сопровождающимъ меня помощникомъ управляющаго почтовой частію въ Восточной Сибири, только-что переведеннымъ изъ Бердянска, симпатичнымъ Н. П. Фабриціемъ. При мнѣ находился еще курьеръ Зайцевъ. Путь лежалъ по выбитой мѣстами въ скалахъ дорогѣ. А что сказать про Байкалъ? Огромная котловина, обрамленная высокими горами, съ могучими, всегда бушующими волнами—полна величія. Окрестныя же мѣста, по Круго-Байкальскому пути, то дикі и угрюмы съ покрывающими горы хвойными лѣсами, то крайне привлекательны, когда горы, отходя въ сторону, даютъ мѣсто ровной поверхности, покрытой кустарникомъ и густой цвѣтистой зеленью. Все еще такъ свѣжо, что не вѣрится наступающей осени. Говорятъ—не въ примѣръ благоприятный годъ. Слава Богу! Путь до Сахалина еще долгій.

22-го августа, Верхнеудинскъ. Пріятное впечатлѣніе производитъ новая строящаяся тюрьма. Когда же потомъ я осмотрѣлъ теперешнюю, старую тюрьму, то невольно задался вопросомъ: зачѣмъ строится новая, когда старая настолько еще сносна, что съ помощью построеннаго во дворѣ, на случай переполненія, барака—могла бы смѣло ждать замѣны новою, пока не замѣнятся другія, входящія уже въ дѣйствительное разрушеніе. Новое доказательство необходимости личной на мѣстахъ провѣрки поступающихъ представленій, по сравненіи съ общимъ положеніемъ дѣла. Здѣсь же я узналъ о существованіи пріюта для арестантскихъ дѣтей, о которомъ у насъ, въ тюремномъ управленіи,—не имѣлось свѣдѣнія. Прекрасное, принадлежащее пріюту, въ отдѣльномъ домѣ, съ надворными постройками, помѣщеніе, хорошая внутренняя обстановка.

¹⁾ Павелъ Александровичъ Титовъ, дѣлопроизводитель и впоследствии инспекторъ главнаго тюремнаго управленія, состоялъ при мнѣ въ качествѣ секретаря. Нынѣ въ отставкѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, хозяинчаецъ въ своемъ имѣніи, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

здоровый, веселый видъ дѣтей,—все это радуешь и вмѣстѣ изумляетъ: какъ это здѣсь, въ небольшомъ городкѣ, въ такой дали и, такъ сказать, втихомолку могло возникнуть и упрочиться подобное заведеніе, которыхъ не много, къ сожалѣнію, и въ большихъ центрахъ. Возникло же оно по мысли и при дѣятельномъ содѣйствіи Бориса Алексѣевича Милютина, брата двухъ столь извѣстныхъ нашихъ историческихъ дѣятелей, за время его службы въ Сибири и временнаго управленія Забайкальской областью, при участіи и сердечномъ отношеніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей и въ особенно-сти врача Казанскаго, который и теперь находится тутъ на службѣ.

Здѣшняя мѣстность богата хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Хлѣбъ теперь только-что собрали. Селенія же обстроены бѣднѣе, чѣмъ по главному сибирскому тракту. Тутъ уже встрѣчаются братскія-бурятскія юрты. Картина оживляется съ приближеніемъ къ Яблоновому хребту. Переваль главнаго хребта достигаетъ 4.000 футъ. Неподалеку, въ песчаной котловинѣ пріютился областной городъ Чита. 24-го августа, поздно вечеромъ вѣхалъ я въ Читу. Радужно встрѣченный старымъ знакомымъ по астраханской-ветлянской чумѣ (1878—79 гг.) Л. Ив. Ильешевичемъ ¹⁾, здѣшнимъ губернаторомъ, и его женой, Аделаидой Ивановной, я помѣстился у нихъ въ саду въ прекрасно отдѣланной, убранной коврами и обставленной мебелью юртѣ (по-киргизски кибитка). Былъ 11-й часъ. Чай былъ приготовленъ на террасѣ дома, выходившей въ садъ. Было хорошо, даже тепло. При свѣтлой, лунной ночи, ярко выступали окружающія городъ горы, а вдали, какъ бы изъ-за тумана, выяснялись очертанія Яблоноваго хребта.

25-го августа утромъ, осмотрѣвшись кругомъ, въ своемъ новомъ жильѣ, съ удовольствіемъ убѣдился, что мой заботливый хозяинъ не только служебной исполнительностью, но и примѣромъ по домашнему хозяйству, призванъ, повидимому, оказать услугу далекому краю. Съ ранняго утра, онъ уже съ садовникомъ и рабочими возился въ разводимомъ при домѣ саду - огородѣ. Рядомъ, на площади, слышатся командныя слова, идетъ смотръ новичкамъ-новобранцамъ, казакамъ, передъ роспускомъ ихъ по домамъ, для осеннихъ работъ. Бурятскій мальчикъ лѣтъ 13-ти, въ красной рубашкѣ, толково передаетъ, что генеральша проситъ пить чай. Оказывается, что Аделаида Ивановна взяла

¹⁾ Ген. шт. ген.-м. Ильешевичъ состоялъ въ 1879 году въ распоряженіи бывшаго временнаго астраханскаго, саратовскаго и самарскаго генералъ-губернатора, генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, при исполненіи имъ высочайшаго порученія по примѣненію мѣръ къ прекращенію обнаружившейся въ Астраханской губерніи „заразы“ и къ предупрежденію дальнѣйшаго ея распространенія на другія мѣста. Я былъ въ это время Саратовскимъ губернаторомъ и по порученію графа Лорисъ-Меликова предсѣдательствовалъ въ учрежденной при немъ совѣщательно-санитарной комиссіи, въ числѣ членовъ коей находился и ген. Ильешевичъ

въ домъ осиротѣлыхъ дѣтей бѣдныхъ бурятъ, двухъ мальчиковъ и ихъ сестру. Мальчики прислуживаютъ за столомъ, а дѣвочка служитъ за горничную. Они уже выучились говорить по-русски. Мальчики ходятъ, по-очереди, въ школу, а дѣвочка учится грамотѣ дома.

День прошелъ въ осмотрѣ мѣстныхъ тюремныхъ помѣщеній.

26-го августа былъ въ старой церкви бывшаго Читинскаго острога, построенной при переводѣ сюда декабристовъ. Престарѣлый священникъ, бывшій въ то время причетникомъ, показывалъ мнѣ эту церковь. Храмъ двухэтажный. Въ нижней церкви, передъ клиросомъ, помѣщенъ большой образъ—«Снятіе со Креста», работы декабриста Андреева. При церкви нѣсколько могилъ. Дома семействъ декабристовъ окаймляли церковную площадь.

II.

Нерчинскъ.—Коммерціи совѣтникъ Бутинъ.—Срѣтенскъ.—Пароходъ „Ингода“.—Рѣка Шилка.—Семь смертныхъ грѣховъ.—Усть-Кара.—Рѣка Амуръ.—Резиденція золотоносныхъ приисковъ.—Благовѣщенскъ.—Мѣстные дезидераты.—Поселокъ Марьино.—Станица Михайло-Семеновская.—Хабаровка.—Генералъ Барановъ и полковникъ Барабашъ.—Разливъ Амура.—Шквалъ.—Гиляцкій поселокъ.—Николаевскъ.—Иностранные коммерсанты.—Шхуна „Ермакъ“.

28-го августа утромъ послѣдовалъ отъѣздъ изъ Читы, на Нерчинскъ, въ Срѣтенскъ, откуда срочный пароходъ въ Хабаровку ¹⁾ долженъ былъ отойти 1-го сентября.

Остановка въ Нерчинскѣ, въ домѣ коммерціи-совѣтника Бутина, доставила мнѣ случай познакомиться съ этой замѣчательной по предпримчивости и энергіи личностью. Чѣмъ только не занимается онъ. У него имѣются и золотые прииски, и желѣзодѣлательный заводъ, и винокуренные заводы; производится торговля краснымъ товаромъ по всей Восточной Сибири; изготовляются сельско-хозяйственные орудія, строятся пароходы; заведены имъ начальныя школы для обученія дѣтей своихъ служащихъ; имѣется и собственный оркестръ съ музыкальной школой, состоящей въ вѣдѣніи императорскаго музыкальнаго общества. Въ домашней библиотекѣ собрано все касающееся Сибири и сосѣднихъ странъ. Изслѣдованіе пути въ Китай на Далай-Норъ принадлежитъ ему. И все это было предпринято и сдѣлано, благодаря дарованіямъ, силѣ воли и самообразованію, завершенному поѣздкамъ въ Западную Европу и въ Америку (для изученія шахтовой добычи золота).

¹⁾ Нынѣ Хабаровскъ.

1-го сентября, Срѣтенскъ. На пароходѣ «Ингода» Амурскаго товарищества, перевозящаго на баржахъ арестантовъ и войска. отошли мы отъ Срѣтенска днемъ 1-го сентября. Пароходъ напоминаетъ небольшіе Самолетскіе, довольно удобенъ, дѣлаетъ по теченію до 20-ти всего верстъ въ часъ. Шилка быстро катитъ свои воды между горъ, которыя мѣстами, своими отвѣсными голыми утесами, какъ бы силятся сжать ее. Мѣстность между Горбицей и Покровской въ преддверіи Амура—недаромъ прозвана «семью смертными грѣхами». Къ вечеру встали на якорь у Усть-Кары. Отсюда ведетъ дорога къ карійскимъ промысламъ, гдѣ работаютъ каторжные. Тутъ имѣется и специальная тюрьма для осужденныхъ за политическія преступленія.

Приближаясь къ Албазину, Амуръ расширяется, становится величественнѣе. Мы приостановились у такъ-называемой резиденціи Джаладскихъ золотоносныхъ приисковъ Бенардаки-Капшина и К°. Тутъ на берегу помѣщается собственно управленіе, производятся приемъ и роспуски рабочихъ, самые же прииски находятся въ 100 верстахъ. Эти прииски изъ наиболѣе крупныхъ въ краѣ. Мы выходили на берегъ, осматривали помѣщенія рабочихъ. Казармы хороши, содержатся чисто, люди спятъ на нарахъ. Ежедневно—мясная пища, обильная и хорошая. Указывали на затрудненія въ приобрѣтеніи рыбы, и это у берега богатой рыбою рѣки.

5-го сентября у Благовѣщенска. Совершенно отлогое побережье. Въ 8 час. вечера пристали къ городской набережной. Тепло. По поводу осмотра здѣшней тюрьмы-этапа не могу не упомянуть и здѣсь, что въ ней не имѣется вовсе запаса казеннаго платья и бѣлья: два или три выслужившихъ сроки кафтана и только. Тутъ оказалось до 80-ти женщинъ, направляемыхъ на Сахалинъ.

Начальникъ телеграфнаго округа указывалъ на необходимость устройства колеснаго почтоваго пути вдоль телеграфной линіи (пока имѣется только тропа). Устройство дороги отъ Софійска къ заливу де-Кастри признается также мѣрою необходимою, въ интересахъ торговли, равно какъ улучшеніе сообщенія отъ Камня-Рыболова къ Владивостоку, пока же этотъ путь, по мѣстному выраженію, фиктивный.

6-го сентября, въ 12-мъ часу дня, пароходъ отчалилъ отъ Благовѣщенска. 7-го сентября мы встали на ночлегъ (здѣшніе пароходы ночью не ходятъ) у новаго поселка «Марьино». Возшли на высокій берегъ и обошли поселокъ, отдѣлившійся отъ прекрасной станицы Раддевки, носящей имя ученаго изслѣдователя здѣшнихъ мѣсть, Радде. Въ избѣ, въ которой покупали для нашего стола дыльятъ, яйца и картофель, теплился ночникъ, дѣти уже спали на-полу, было чисто, внутри выбѣлено, въ одномъ углу стояла прятка, въ другомъ—былъ установленъ жерновъ для перемола хлѣба. Это еще временное жилище. Пе-

ребрались сюда крестьяне, вслѣдствіе того, что въ Раддевкѣ усадебныя мѣста ихъ въ разливъ потопаило, почему они, въ числѣ нѣсколькихъ домовъ, предпочли переселиться сюда, по сосѣдству же, но на болѣе возвышенный берегъ. Тутъ же предлагали намъ купить лѣсные грецкіе орѣхи и виноградъ мелкій, черный, оказавшійся кислымъ. Вечеръ былъ прелестный, лѣтній, и такъ все время погода благоприятствуетъ путешествію.

9-го сентября. Приближаемся къ Хабаровкѣ, новому центру Приморской области. Вчера ночлегъ былъ у станціи Михайло-Семеновской (такъ прозванной въ честь генераль-губернатора Михаила Семеновича Корсакова). Деревья въ два ряда, въ видѣ набережной, окаймляютъ селеніе вдоль берега. Скромная церковь, обсаженная внутри изгороди деревьями, привѣтливо выглядываетъ изъ-за нихъ; вся станица въ зелени, на окнахъ цвѣты, тамъ-сямъ виднѣются освѣщенныя лампы жилища. Ночь свѣтлая, теплая, и все пароходное населеніе на берегу.

9-го сентября въ 4-мъ часу пароходъ бросилъ якорь у Хабаровской пристани. Военный губернаторъ О. Г. Барановъ со всѣми чинами оказали мнѣ вниманіе встрѣчею на пристани, и такъ какъ до отхода парохода въ Николаевскъ оставалось болѣе сутокъ, то, пользуясь любезнымъ приглашеніемъ губернатора, я переѣхалъ, на это время, къ нему въ домъ. Генераль Барановъ, холостой, съ молодыхъ лѣтъ служавшій въ здѣшнихъ мѣстахъ и только во время послѣдней войны находился на Кавказѣ, подъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова, въ званіи помощника начальника штаба. Здѣшній начальникъ штаба, полковникъ Барабашъ, тоже съ давнихъ поръ въ краѣ. Близкое знакомство ихъ обоихъ съ краемъ и сосѣдними мѣстностями, при громадномъ запасѣ собранныхъ ими свѣдѣній, придаютъ бесѣдѣ съ ними большой интересъ. Я. О. Барабашу предстояла еще тогда рекогносцировочная поѣздка въ глубь Манчжуріи. Бесѣда вертѣлась все около одного и того же предмета—Амура, но не того, который служить излюбленной темой вкусныхъ трапезъ, а того именно, который далъ и имя, и жизнь, и значеніе здѣшнему краю. Хабаровка, находясь на перекресткѣ водныхъ сообщеній съ Николаевскомъ по Амуру съ одной стороны и съ Владивостокомъ по Усури съ другой—несомнѣнно призвана играть роль торговую; въ административномъ же отношеніи, по своему положенію, представляетъ большое значеніе. Новый городъ этотъ строится со всѣхъ концовъ, работа кипитъ. вмѣстѣ съ вольными рабочими-китайцами, работаютъ и каторжные, которыхъ въ будущемъ году предполагается сосредоточить здѣсь до 500 человекъ.

10-го сентября на пароходѣ «Оновъ» пошли внизъ къ городу Николаевску. Рѣка по теченію постепенно расширяется, доходя примѣрно до 7 верстъ въ ширину. Разливъ этого года, подобный навод-

ненію, простирался до спада водъ мѣстами на 100 верстъ, все сѣно было унесено; пострадали и нѣкоторыя селенія. Погода продолжаетъ благоприятствовать. Сегодня въ тѣни не менѣе 20°.

13-го сентября вечеромъ набѣжалъ шквалъ; старый пароходъ, едва выгребая, долженъ былъ укрыться за горой у одного гиляцкаго поселка. Вой массы собакъ встрѣтилъ насъ, а запахъ вяленой кеты такъ и обдалъ. Сошли на берегъ. Публика и матросы наиболѣе заинтересовались двумя медвѣжатами, откармливаемыми въ 2-хъ отдѣльныхъ запертыхъ помѣщеніяхъ. Ихъ откармливаютъ обыкновенно до января, когда устраиваются мѣстные празднества: сначала медвѣдей водятъ, потѣшаются съ ними, а затѣмъ изъ лука застрѣливаютъ ихъ и сѣдуютъ. Собаки, въ огромномъ числѣ, привязанныя къ жердямъ, служатъ здѣсь для зимней ѣзды. Ихъ кормятъ рыбой. Мѣстные жилища низкой постройки. Отопленіе въ нихъ устроено слѣдующимъ образомъ: печь въ углу избы, и труба отъ нея идетъ вдоль стѣны подъ низкими нарами кругомъ до противоположнаго угла, гдѣ черезъ стѣну выведена наружу. Въ одной избѣ годовалый ребенокъ качался въ своеобразной люлькѣ. Представьте себѣ спелененнаго ребенка въ стоячемъ положеніи, помѣщеннаго въ продолговатый лубокъ, держащійся двумя концами веревки (отъ верха и низа лубка), прикрѣпленными однимъ концомъ къ потолку, а другимъ къ нарѣ у стѣны. Лубку дано наклонное положеніе. Ребенокъ, ножками подталкивая лубокъ, качается. Въ такомъ положеніи ребенокъ остается подолгу совершенно одинъ.

Съ разсвѣтомъ 14-го сентября, оставили гиляковъ и направились къ Николаевску. Небо прояснилось и обѣщало хорошій день. Рано утромъ пристали къ берегу. Я началъ съ осмотра арестантскаго помѣщенія, потомъ прошелъ въ церковь, гдѣ шла литургія, и лишь послѣ обѣдни въ отведенную мнѣ квартиру у г. Шенка, финляндскаго уроженца. Принялъ приглашеніе на обѣдъ, на который собрались всѣ иностранные коммерсанты: американецъ, пруссакъ и др., ведущіе здѣсь торговые дѣла. Бесѣда была оживленная. Въ дѣлѣ торговомъ, указывалось на небрежность будто бы добровольнаго флота въ доставкѣ грузовъ, происходящую сколько отъ перегрузки въ Владивостокъ, столько же и главнымъ образомъ отъ дурной русской укладки вообще. За Николаевскомъ признается торговое значеніе, имѣющее остаться навсегда. Въ этомъ году на его рейдѣ было 17-ть большихъ судовъ. Неудобство, проистекающее отъ перегрузокъ, устраняетъ, будто бы, необходимость проведенія дороги отъ залива де-Кастри къ Софійску, что сократило бы между тѣмъ путь.

15-го сентября. Утромъ на шхунѣ «Ермакъ» вышли въ море по направленію къ острову Сахалину, конечному пункту моей командировки.

III.

Татарскій проливъ, или проливъ Невельскаго.—Сахалинскій паровой баркасъ.—Прибытіе на Сахалинъ.—Подполковникъ князь Шаховской.—Постъ Дуэ.—Помѣщеніе.—Постройки.—Каменноугольныя копи.—Работы.—Школа.—Дѣти.—Болѣзненность.—Селеніе Александровское.—Сельско-хозяйственная выставка.—М. С. Мицуль.—Жоньеровскій туннель.—Обѣздъ поселеній.—Обиліе рыбы.—Японскія ватаги.—Дербентскія рыбалки.—Паровая солеварня.—Приходъ клипера „Абрекъ“.—Переѣздъ на клиперъ.—Уловія передвиженія.—Анивскій заливъ.—Южный Сахалинъ.—Постъ Корсаковъ.—Обѣздъ мѣстъ подь поселенія.—Персональ служащихъ.—Ихъ жены.—Уходъ въ открытое море.—Заливъ св. Ольги.—Казачій постъ.—Манзы.—Манвовскій поселокъ.—Занятія.—Отсутствіе русскихъ рабочихъ.—Владивостокъ.—Рейдъ.—Чествованія.—Посѣщеніе начальника манчжурской области.—Вызывающій образъ дѣйствій.—Сообщеніе по Усури и Амуру.—Прекращеніе пароходства.—Указаніе министра внутреннихъ дѣлъ.—Возвратный путь на Японию и Китай.

Мы шли Татарскимъ проливомъ, иначе прозваннымъ «проливомъ Невельскаго» по славному имени того отважнаго моряка-капитана, впоследствии адмирала, который первый изслѣдовалъ теченіе рѣки Амура, поднялся до ея устья и на свой страхъ водрузилъ русское знамя на мѣстѣ, гдѣ теперь гор. Николаевскъ. Таково было начало занятія края...

Мы шли при благоприятной погодѣ, съ малой парусностію, и дѣлали до 11-ти узловъ. 16-го сентября, на разсвѣтѣ, встали у поста Дуэ. Начальникъ Сахалина, подполковникъ князь Шаховской, съ камеръ-юнкеромъ фонъ-Флотовымъ ⁴⁾, командированнымъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ заблаговременно на островъ, для подготовленія необходимыхъ по острову свѣдѣній, вышли на встрѣчу на паровомъ сахалинскомъ баркасѣ. Я тотчасъ же перешелъ на баркасъ, и съ небольшимъ черезъ полчаса мы благополучно пристали къ деревянной пристани поста Дуэ, съ рельсовымъ путемъ, ведущимъ къ казеннымъ складамъ и магазинамъ. Кн. Шаховской помѣстилъ насъ въ своемъ домѣ. Небольшое уютное помѣщеніе у моря, прилично обставленное мѣстными средствами, т. е. сдѣланною тутъ же мебелью и пр., сразу располагало къ себѣ. Хорошее помѣщеніе и возможность удовлетворенія наиболѣе настоятельными потребностямъ—имѣютъ громадное значеніе для жизни въ отдаленномъ краѣ, и къ достиженію этихъ условий, въ интересахъ личнаго состава служащихъ, необходимо стремиться. Отъ дома начальника

⁴⁾ Нынѣ баронъ Гершау-Флотовъ, по оставленіи службы въ главномъ тюремномъ управленіи, состоитъ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Курляндской губерніи и по придворному вѣдомству въ званіи камергера.

острова, вверхъ въ гору, тянется прямая улица, по сторонамъ которой расположены дома чиновниковъ. Въ концѣ улицы деревянная церковь, и отъ нея вправо гауптвахта съ воротами, служащими преддверіемъ арестантскихъ помѣщеній.

Постъ Дуэ лежитъ между мысами Хаджи—къ югу и Дуэ къ сѣверу. Прибрежье между мысами состоитъ изъ холмовъ въ 200—300 футъ высоты. Къ морю спускаются они круто съ яснымъ обозначеніемъ наслоеній почвы. Наслоенія эти расположены большею частію наклонно къ горизонту и имѣютъ цвѣта желтоватый, сѣроватый и изрѣдка красноватый; между ними чернѣютъ блестящія полосы каменнаго угля. Суда могутъ подходить не ближе 5 саж. глубины—весною и лѣтомъ не позже половины сентября. Рѣчка Дуйка, впадающая за мысомъ Жонкьеръ въ Александровскую бухту, можетъ служить для укрытія судовъ, сидящихъ не глубже 6-ти футъ.

Большинство находящихся здѣсь арестантовъ занято исключительно добычей каменнаго угля. Остальные расходуются на разныя хозяйственныя занятія. При посѣщеніи школы арестантскихъ дѣтей, было весело смотрѣть на нихъ: такой у нихъ здоровый и бодрый видъ. Вообще, по отзыву врачей и по имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ, болѣзненность среди арестантовъ незначительная и порождается главнымъ образомъ тѣснотою помѣщенія и неудовлетворительностью пищи; собственно же климатическія условія скорѣе благопріятны.

18-го сентября мы ѣздили верхомъ въ сосѣднее селеніе Александровское, куда будетъ перенесено управленіе островомъ. Здѣшніе Александровскій и Тымовскій районы, вмѣстѣ съ южнымъ Сахалиномъ, составляютъ тѣ оазисы, на которые возлагаются надежды по обезпеченію собственнымъ хлѣбомъ и овощами мѣстныхъ жителей. Здѣсь, въ Александровскомъ, въ квартирѣ доктора Супруненко, назначеннаго сюда по рекомендаціи профессора А. П. Доброславина, была устроена сельско - хозяйственная выставка продуктовъ этого года. Агрономическія заботы М. С. Мицуля дали видимо добрые результаты. Вообще состоявшееся недавно расширеніе мѣстныхъ штатовъ управленія, съ назначеніемъ, между прочимъ, специалиста-агронома, принесло существенную пользу и подготовило разрѣшеніе вопроса о поселеніяхъ на островѣ, по отбытіи каторги. Назначеніе же агрономомъ М. С. Мицуля было тѣмъ болѣе полезно для дѣла, что онъ уже былъ знакомъ съ Сахалиномъ по прежней командировкѣ сюда, подробно обслѣдовалъ его и описалъ. Здѣсь, въ Александровскомъ селеніи, имѣющаяся казарма для арестантовъ вмѣщаетъ далеко не всѣхъ. Семейнымъ предоставляется жить въ своихъ домахъ. Много такихъ домовъ было мною осмотрѣно, и во всѣхъ замѣчены чистота и опрятность по-

*

мѣщенія. Въ большинствѣ дома не огорожены, имѣются при нихъ погреба, кладовки. Собрано много картофеля и много всякаго рода овощей. Хлѣбъ еще не молоченъ. Преобладаетъ ячмень. Въ Корсаковскомъ выселкѣ, близъ Александровскаго селенія, проживаютъ поселенцы, окончившіе сроки наказанія. Къ одному изъ нихъ, Як. Терентьеву, особенно работающему и имѣющему хозяйство, огородъ и свою пашню, мы зашли въ избу, чтобы закусить взятыми съ собой снадобьями. Въ избѣ оказался самоваръ, который хозяйка тутъ же и поставила; оказались молоко и творогъ. Въ избѣ было чисто, привѣтливо, четверо здоровыхъ ребятишекъ играли въ сѣняхъ. Тутъ же мнѣ передали, что этотъ поселенецъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи поставить на своемъ мѣстѣ, съ выходомъ на улицу, часовеньку. Счастливый настоящимъ своимъ положеніемъ, онъ далъ этотъ обѣтъ. Архитекторъ показывалъ мнѣ составленный имъ проектъ этой часовни. Всѣ постройки въ Александровскомъ селеніи, начиная съ большаго имущественнаго склада, — новыя. Всѣ строительныя работы производятся исключительно арестантами, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію смотрителей тюремъ. Были осмотрѣны школа, околodокъ и больница. Въ школахъ допускаются къ обученію свѣдущіе арестанты, предпочтительно же женщины изъ добровольно прибывшихъ съ мужьями изъ Россіи, или ихъ дочери. Дѣвочекъ обучаютъ преимущественно рукодѣльямъ.

Здѣшнія сообщенія крайне затруднены гористой мѣстностію, съ постоянными подъемами и спусками. Поэтому распредѣленіе провіанта, выгружаемаго въ посту Дуэ, по сосѣднимъ мѣстамъ, при неудобствахъ сообщенія, производится теперь арестантами на себѣ по проложеннымъ тропамъ. Въ видахъ облегченія такого сообщенія, изъ поста Дуэ въ Александровское прокладывается рельсовый путь и прорывается туннель въ мысѣ Жюнкьеръ.

Съ 20-го по 24-е сент ября мы сдѣлали, то верхомъ, то въ экипажѣ до 200 верстъ, объѣхавъ Верхнее урочище, Ведерниковское, Рыковское и Дербентское, съ ихъ окрестностями. Въ каждомъ изъ нихъ имѣются казармы для арестантовъ и для конвоя и рядомъ отдѣльные дома арестантовъ и вышедшихъ на поселеніе, съ огородами и небольшими пашнями.

Погода до 23-го сентября стояла восхитительная, солнечная, теплая; но въ ночь на 23-е сентября пошелъ дождь, къ утру снѣгъ, облившій вершины горъ. Тѣмъ не менѣе мы сдѣлали свой дневной переходъ и благополучно спустились обратно въ Дуэ. 24-го сентября въ Дуэ продолжалось ненастье, при упорномъ NW, но къ вечеру барометръ поднялся.

25-го сент ября. Безоблачное небо, яркое солнце, но не стихаетъ NW, столь здѣсь недолюбимаемый, и дѣйствительно, за немнѣніемъ

порта и возможной стоянки для судовъ, сообщеніе съ Сахалиномъ при NW вѣтрѣ дѣлается невозможнымъ.

Мѣста въ долинахъ между горъ представляются удобными для хлѣбопашества. Лѣсныя мѣста требуютъ раскорчевки, осушенія почвы, проложенія дорогъ и пр. Необыкновенное обиліе рыбы отличаетъ всѣ здѣшнія рѣчки. Преобладаетъ такъ называемая кета (родъ лососины). Ея особенно много въ рѣкѣ Тыми, на всемъ протяженіи, до Ныйскаго залива, гдѣ японцы продолжаютъ еще имѣть свои ватаги, также какъ и на югѣ Сахалина. Въ селеніи Дербентскомъ устроены рыбалки, для засола рыбы, чѣмъ занимаются мѣстные поселенцы, по заказамъ управленія. Та же кета водится въ Японіи, гдѣ изъ нея гонятъ жиръ и затѣмъ обращаютъ остатки въ пудретъ, служащій отличнымъ удобреніемъ почвы. Въ видахъ увеличенія запасовъ соли, въ Дуэ устроена паровая солеварня изъ морской воды.

1-го октября. Вчера всенощная и сегодня обѣдня въ здѣшней небольшой деревянной церкви, въ присутствіи 50-ти арестантовъ и хора изъ нихъ же, а также ученицъ мѣстной школы. Служба чинная, стройная. Священникъ очень заботливый и къ себѣ располагающій. Погода теплая, хорошая.

3-го октября. Погода ухудшается.

4-го октября. Съ утра дождь съ градомъ. Море вспухло, взволновалось. Желая выѣхать въ будущую среду 7-го октября, я телеграфировалъ въ де-Кастри командиру клипера «Абрекъ», высланнаго въ мое распоряженіе, о прибытіи къ этому дню. Теперь предстоитъ путь на югъ Сахалина, вдоль берега, и затѣмъ въ Владивостокъ.

6-го октября, вечеромъ въ 9-мъ часу, по предварительной отпавкѣ съ курьеромъ Зайцевымъ вещей, мы перебрались: я, Титовъ и Флотовъ на «Абрекъ», пришедшій на рейдъ въ 4 часа. Погода, благопріятная утромъ, настолько засвѣжѣла къ вечеру, что командиръ, капитанъ 2-ранга Энегельмъ, не надѣялся удержаться на рейдѣ до утра слѣдующаго дня. Надлежало спѣшить, или обречь себя на неизвѣстность, когда, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы вернуться «Абрекъ», что поздней осенью весьма гадательно. Какъ ни расходилось море и какъ ни трудно было съ пристани спуститься на паровой баркасъ, и какъ ни захлестывали его волны, и какъ, наконецъ, ни отговаривали дуйцы,—я рѣшился на отъѣздъ. Переходъ предстоялъ не легкій со штормомъ, дождемъ и градомъ. Сверху затянуло черной пеленой, снизу вода неистово бушевала, кипѣла и пѣнилась, и этотъ бѣлый отблескъ пѣны серебристой полосой отмѣчалъ нашъ путь; мы всѣ были окачены водою съ головы до ногъ. Матросы нашего Сахалинскаго пароваго баркаса—всѣ каторжные, служили прежде во флотѣ и, отлично зная дѣло, молодцами доставили насъ до клипера. Тутъ при постоянномъ прибоѣ пред-

стояла еще трудность взобраться на клиперъ. Немедленно былъ поднятъ якорь, и клиперъ двинулся въ путь.

8-го октября, второй день плаванія, ознаменовался пальбой изъ пушекъ, противу смерча, съ цѣлью разсѣять его. Бѣда миновала. Продолжаемъ идти то съ полной, то съ малой парусностію. Къ вечеру 8-го октября командиръ клипера рассчитывалъ войти въ Корсаковскую бухту южнаго Сахалина, но ожиданіе не оправдалось. Сильная облачность и темнота лишали возможности всмотрѣться въ берегъ и опредѣлить разстояніе, хотя мы были уже въ глубинѣ Анивскаго залива и весьма вѣроятно въ виду поста. Еще до полныхъ сумерекъ мичманъ Юрьевъ подымался на салингъ съ биноклемъ, съ цѣлью высмотрѣть берегъ, но безуспѣшно: туманъ застилалъ берегъ. Съ сумерками задулъ сильный южный вѣтеръ, и намъ пришлось ретироваться и укрыться у мыса Крильона. Такимъ образомъ только сегодня, 9-го октября, мы пристали благополучно къ посту Корсаковскому. Ревизоръ клипера, мичманъ Арфинъ, поѣхалъ впередъ и затѣмъ на 12-ти весельномъ катерѣ съѣхали на берегъ и мы всѣ, взявъ съ собой изъ вещей лишь крайне необходимое.

Мѣстныя власти не ожидали вовсе моего пріѣзда, по неимѣнію телеграфа, и получая почту лишь случайно при заходѣ судовъ. Такимъ образомъ предназначенная къ устройству тюрьма съ новыми штатами была открыта тому всего лишь мѣсяцъ назадъ и помѣщена временно въ казармахъ бывшаго мѣстнаго батальона. Прежде находившіеся тутъ каторжные, въ числѣ 150 человекъ, содержались на положеніи вольной рабочей команды для домашнихъ надобностей поста. Въ виду столь кратковременнаго существованія новой тюрьмы, слѣдуетъ отнести къ чести служебнаго персонала, что общій порядокъ установленъ, хозяйство организовано, заведены внутреннія работы, вымежевано удобное мѣсто подъ огородъ и пр. Наконецъ, приступлено, трудомъ каторжныхъ, къ постройкѣ новаго зданія тюрьмы, къ дѣланію кирпича и къ обжиганію изъ ракуши—извести. Къ будущей веснѣ намѣчена работа по проведенію просѣки къ Тарайкѣ, на встрѣчу пролагаемаго пути съ сѣвера острова.

Дни 9-го и 10-го октября были употреблены на мѣстное ознакомленіе и объѣздъ окрестностей на разстояніи 20 верстъ кругомъ, для осмотра намѣченныхъ подъ поселенія мѣсть.

11-го октября мы оставили Корсаковскій постъ и 12-го октября были уже въ открытомъ морѣ, на пути къ заливу Ольги. Наканунѣ оставленія поста, 10-го октября, на обѣдѣ у начальника южнаго Сахалина, майора Янцевича, въ числѣ всѣхъ служащихъ были и ихъ жены: г-жа Мячкова, жена начальника мѣстной команды, жена тюремнаго врача Матвѣева (была сестрой милосердія въ послѣднюю войну), г-жа Шишкова, жена эконома, и г-жа Піотровская, жена субалтернъ-офи-

цера. Я намѣренно упоминаю объ этомъ, какъ о фактѣ весьма утѣшительномъ въ томъ отношеніи, что всѣ эти женщины, вполне благовоспитанныя и симпатичныя, въ столь отдаленной окраинѣ призваны оказать добрую услугу и своей семьѣ, и мѣстному обществу. Здѣсь о кулежѣ и о картахъ не было и помину.

14-го сентября взошли въ заливъ св. Ольги. Здѣсь имѣется казначій постъ и нѣсколько небольшихъ поселковъ въ окрестностяхъ. Мѣстность благоприятная для хлѣбопашества. На ялакѣ мы прошли въ Манзовское поселеніе на противоположномъ берегу залива, по выходѣ изъ такъ называемой Тихой гавани. Тутъ нѣсколько китайскихъ жилищъ—трактировъ (чайные дома, безъ женщинъ), и цѣлый лѣсъ мачтовыхъ лодокъ вдоль берега. Здѣсь манзы заготавливаютъ морскую капусту, и сегодняшній день совпалъ какъ разъ съ нагрузкой ея на одно коммерческое судно. Куда ни посмотришь,—все чужія руки, если не считать каторжныхъ, да служащихъ, должностныхъ лицъ. Промысловыхъ русскихъ рукъ слишкомъ мало, если гдѣ и имѣются.

16-го октября въ 5 часовъ по полудни бросили якорь у Владивостока. Главный командиръ порта контръ-адмиралъ Фельдгаузенъ предупредилъ мой визитъ, и я затѣмъ вмѣстѣ съ моими спутниками, Титовымъ и Флотовымъ, немедленно же посѣтили его. Подобная Константинопольской, здѣшняя бухта «Золотой Рогъ» замѣчательна по своимъ размѣрамъ, удобствамъ и красотѣ. Городъ расположенъ по самому побережью, длинной нитью небольшихъ построекъ.

17-го октября адмиралъ Фельдгаузенъ чествовалъ меня параднымъ обѣдомъ. На другой день, въ воскресенье, я просилъ на обѣдъ къ себѣ адмирала Фельдгаузена, начальника штаба, капитана 1-го ранга Наумова (вспоминалъ о моемъ братѣ, котораго, какъ воспитанника еще училища правовѣдѣнія, встрѣчалъ въ домѣ адмирала Купреянова въ Петербургѣ), инженернаго генерала Козловскаго, общавшаго проѣхать на Сахалинъ по вопросу объ устройствѣ бухты, агента добровольнаго флота Акимова, командира морскаго экипажа, капитана 1-го ранга Палеолога и наконецъ командира нашего клипера, почтеннаго *Θ. П. Энегельма*, старшаго офицера клипера, лейтенанта Брандта и моихъ спутниковъ Титова и Флотова.

Сюда прибылъ сосѣдній китайскій областный начальникъ Ли-Дзинъ-Юнь, посѣтилъ меня, толковалъ о дружбѣ, а между тѣмъ по Китайской нашей границѣ китайцы сильно укрѣпляются. По имѣющимся свѣдѣніямъ, они не только возводятъ вблизи границы города и укрѣпленія, сильно заселяютъ пограничныя мѣста, предоставляя большія къ тому льготы, и проводятъ въ нашу сторону дороги отъ Гирина и другія, но прямо поступаютъ вызывающимъ образомъ, вмѣшиваясь даже въ управленіе пребывающими въ нашихъ предѣлахъ манзами.

Пароходство въ настоящее время по Уссуре и Амуру прекратилось, а инаго пути сообщенія не существуетъ. Приходится или ждать зимняго пути, когда встануть рѣки и установится ѣзда на собакахъ, или же предпочесть сообщеніе съ Сибирью черезъ Китай—монгольской степью, существующимъ почтовымъ трактомъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), напутствуя меня въ отъѣздъ, не безъ основанія говорилъ, что всѣ путевые расчеты могутъ быть вѣрны лишь до Иркутска, завися затѣмъ исключительно отъ разныхъ случайностей. Такъ и вышло теперь, по невозможности вернуться въ Сибирь иначе, какъ кружнымъ путемъ черезъ Китайскія владѣнія. На этотъ именно путь графъ Николай Павловичъ и указывалъ мнѣ, какъ на лично ему извѣстный. На этомъ основаніи и по соглашеніи съ командиромъ клипера «Абрекъ», былъ установленъ слѣдующій маршрутъ, на Японію, въ китайскія воды—на Хокодате, Иокогаму, Токио и Нагасаки въ Чифу. Изъ Японіи предполагалось командированіе въ Россію Б. Б. Флотова. Въ Владивостокѣ пассажирскаго парохода, слѣдующаго въ Европу, не было и за позднимъ временемъ прихода его не ожидалось. Возможность сообщенія на Америку была обезпечена только изъ Японіи.

IV.

Отъѣздъ изъ Владивостока.—Трудность перехода.—Хокодатскій рейдъ.—Сѣздъ на берегъ.—Общее впечатлѣніе.—Русское подворье.—О. Дмитрій.—Литургія на японскомъ языкѣ.—Осмотръ города.—Иокогама.—Секретарь миссіи баронъ Розень.—Посланникъ Струве.—Токио.—Семья посланника.—Визиты.—Епископъ Николай.—Японскіе министры.—Аудиенція у императора.—Праздникъ въ императорскомъ саду.—Японскія тюрьмы.—Переходъ японскимъ „средиземнымъ“ моремъ.—Японская деревня.—Городъ Нагасаки.—Судовыя недоразумѣнія.—Консулъ Рюминъ.—Завтракъ каютъ-компаніи.—Чифу.—Вице-консулъ Фергюсонъ.—Прощальные обѣдъ и завтракъ.—Сѣздъ на берегъ.—Помѣщеніе въ гостиницѣ.

22-го октября, послѣ обѣдни, мы снялись съ якоря, при вполне благоприятной погодѣ. Между тѣмъ нашъ переходъ въ Хокодате оказался особенно тяжелымъ: на клиперѣ сломило гротъ-брамсрею и держало всѣхъ людей постоянно на верху. Только 26-го октября въ 3 часа дня мы встали на якорь у Хокодате. Масса всякаго рода судовъ и еще бѣльшая японскихъ лодокъ заполняли Хокодатскій рейдъ. Немедленно явились къ намъ на клиперѣ агентъ одного англійскаго торговаго дома, съ предложеніемъ угля, и приказчикъ гостиницы, съ предложеніемъ услугъ. вмѣстѣ съ командиромъ я сѣхалъ на берегъ.

Тутъ встрѣтилъ командира молодой японецъ, одѣтый по-европейски съ порученіемъ отъ губернатора узнать, для чего клиперъ прибылъ и, не представляется ли ему въ чемъ надобность. Онъ говорилъ по-русски совершенно свободно. Оказалось, что онъ учился въ русской школѣ, устроенной въ Токио нашимъ епископомъ Николаемъ. Японцы и японки, въ національномъ одѣяніи,—пестрили улицы, большею частію съ непокрытыми головами. Японцы, носящіе шляпы (формы такъ-называемыхъ котелковъ), представляютъ уже европейское отличіе, хотя и продолжаютъ носить національные костюмъ и прическу. Христіане-японцы не пробриваютъ части головы. Улицы шоссированы. На гору въ городъ ведетъ удобный съ каменными ступенями подъѣмъ. Общее впечатлѣніе превышаетъ всякихъ ожиданій. Среди построекъ выдѣляется русское подворье, красиво расположенное на горѣ. Зашли туда къ нашему юному, прежде мнѣ извѣстному миссіонеру о. Димитрію, отправившемуся въ Японию изъ Одессы въ мартѣ 1880 г. на «Нижнемъ Новгородѣ» съ 1-й партіей семейныхъ каторжныхъ. Я былъ тогда въ Одессѣ и узналъ этого 26-ти лѣтняго студента, теперь іеромонаха. Съ красивымъ, привлекательнымъ лицомъ, онъ будто весь во Богѣ, но какъ-то придется ему нелегкая миссія! Мы застали его съ однимъ японцемъ готовившимися обѣдать. Вся обстановка отличалась порядочностію. Были въ церкви, маленькой, но внушительной по простотѣ и вкусу отдѣлки. Заходили тутъ же и въ церковную школу, гдѣ японскія дѣти (счетомъ до 70-ти) брали уроки пѣнія, хороваго церковнаго пѣнія. Вечеромъ о. Димитрій пріѣхалъ къ намъ на «Абрекъ». Это былъ день его именинъ, и онъ былъ видимо радъ возможности свидѣться съ соотечественниками. Это былъ также день 300-лѣтія присоединенія Сибири, и, по моему предложенію, мы всѣ въ каютъ-компаніи выпили сочувственный тостъ за Сибирь. На слѣдующій день, 27-го октября, въ нашей церкви шла литургія на японскомъ языкѣ. Пѣли ученики упомянутой школы. Послѣ мы всѣ (были и офицеры клипера) завтракали въ подворьѣ и затѣмъ, руководимые о. Димитріемъ, осмотрѣли городской садъ и музей, дающій полное понятіе объ этой части Японіи. Заходили также въ два японскихъ храма. Въ одномъ изъ нихъ шла служба. Входъ безпрепятственный. Къ вечеру вернулись домой и затѣмъ въ 9 час. снялись съ якоря.

Еще два слова о помѣщеніи русскаго подворья въ Хокодате. Кругомъ церкви и 2-хъ этажнаго съ галлереей дома настоятеля, расположены нѣсколько домовъ: школа, интернатъ для учениковъ, нѣсколько помѣщеній для бѣдныхъ православныхъ японскихъ семействъ, и все это среда деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ—въ настоящемъ саду. Обнесено мѣсто бѣлой рѣшеткой, а у подножія горы тянется лентой кипарисная роща.

31-го октября (12-го ноября) въ 1 час. пришли въ Йокогаму. На-

чались салюты японской націи, германской эскадрѣ и пр. Къ намъ на клиперъ немедленно прибыли нашъ консуль А. А. Пеликанъ, вице-консуль баронъ Шлиппенбахъ и также секретарь миссіи баронъ Р. Р. Розенъ, мой давнишній хорошій знакомый, котораго зналъ еще въ бытность его студентомъ, когда онъ, по воскресеньямъ, также какъ и я, постоянно обѣдалъ у графа Лог. Лог. Гейдена. Онъ передалъ мнѣ, что нашъ посланникъ К. В. Струве ждетъ на берегу. Собравшись на-скоро и про- стившись до четверга 5-го (17) ноября, я оставилъ клиперъ и вмѣстѣ съ Розеномъ отплылъ на катерѣ къ пристани, гдѣ ожидали дружескія объятія Струве. Живо припомнилось, какъ въ 1858 году на востокѣ же, въ средней Азій, мы приблизительно въ то же время возвращались вмѣ- стѣ, вдвоемъ, изъ Хивы, гдѣ состояли при нашей дипломатической мис- сии, снаряженной въ томъ году въ Хиву и Бухару¹⁾. Тогда мы были оба очень молоды, теперь же оба сильно посѣдѣли...

Пять дней въ Токіо.

Консульская коляска быстро довезла насъ до станціи желѣзной до- роги. Баронъ Розенъ ѣхалъ слѣдомъ на джигиригчѣ, двухъ-колесномъ одномѣстномъ сидѣньи, въ видѣ кресла, везомомъ босоногимъ японцемъ. Прекрасныя мостовыя, хорошія постройки, непрерывныя вдоль улицъ магазины и лавки, большое движеніе и домашняя, тутъ же, на-ряду съ магазинами, жизнь (мастерскія, чистка овощей, стирня)—придавали много интереса—новизны, а съ тѣмъ вмѣстѣ, бьющіе въ глаза признаки европейской цивилизаціи особенно поражали. Въ какія-нибудь 20—30 лѣтъ шагнуть такъ быстро—фактъ знаменательный.

Въ вагонѣ желѣзной дороги мы встрѣтились съ предсѣдателемъ го- сударственнаго совѣта и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ обоими я познакомился. Обращеніе и одѣянія европейскія. Министръ Инуэ спро- силъ меня, между прочимъ, разрѣшило ли у насъ тюремное управленіе вопросъ о наиболѣе дешевомъ способѣ постройки тюремъ и болѣе эконо- номномъ содержаніи заключенныхъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ ч. мы доѣхали до То- кіо (столица имперіи). Дорога проложена вдоль сплошной почти де- ревни, утопавшей среди пышной растительности и рисовыхъ план- тацій. Коляска посланника ожидала и быстро съ обычнымъ впереди скороходомъ домчала насъ по макадаму до посланническаго палаццо. Послѣдній и наружно порадовалъ меня, какъ русскаго. Проѣзжая мимо зданій другихъ миссій, я ни одного не могу предпочесть нашему. По- стройка зданія русской миссіи всецѣло обязана настойчивости Струве и вкусу его жены, Маріи Николаевны, рожденной Анненковой. Я слы- шалъ и прежде, что Марія Николаевна Струве умная и образованная

¹⁾ См. книгу М. Н. Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій и Оренбургскому краю. Изд. 1868 г. стр. 150—159.

женщина, но этого мало: она и хорошая жена и прекрасная мать. Милыя четыре дѣвочки отъ 6-ти до 2-хъ лѣтъ постоянно на глазахъ у матери. Они и за завтракомъ, и за обѣдомъ сидятъ за общимъ столомъ. Съ ними растетъ еще мальчикъ Сайго, сынъ бывшаго японскаго военнаго министра, очень способный ребенокъ, котораго родители отдали на воспитаніе въ семью Струве. Вообще русская миссія пользуется въ странѣ доброй славой и значеніемъ.

1-го ноября. Послѣ обѣдни въ домово́й церкви, мы, т. е. Струве и я, дѣлали визиты нашему епископу Николаю и японскимъ министрамъ. Епископъ былъ боленъ. Онъ помѣщенъ также очень хорошо. Въ его домѣ находится большая школа, въ которой учатся по-русски. 2-е ноября я провелъ облышную часть времени въ разъѣздахъ съ М. Н. Струве по магазинамъ за покупками. 3-го ѣздили съ барономъ Розеномъ въ Иокогаму на крейсера «Азія» и затѣмъ, къ завтраку, были дома. У Струве завтракали въ этотъ день всѣ японскіе министры. Изъ нихъ министръ внутреннихъ дѣлъ очень интересовался принимаемыми мѣрами противу антиправительственнаго движенія, говоря, что въ Японіи оно начинаетъ уже сильно озабочивать правительство.

3-е ноября. Сегодня была назначена мнѣ аудіенція у императора, состоявшаяся во дворцѣ, передъ самымъ праздникомъ, устроенномъ въ смежномъ съ дворцомъ императорскомъ саду.

Гулянье въ саду, гдѣ была оригинальная выставка все однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ—*Chrysanthèmes*, сопровождалось приѣмомъ дипломатическаго корпуса. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Императоръ съ императрицей стояли передъ палаткой, а иностранные министры проходили (всѣ въ сюртукахъ) и раскланивались. Затѣмъ въ смежномъ съ упомянутой палаткой большомъ шатрѣ былъ предложенъ всѣмъ приглашеннымъ завтракъ, сервированный по-европейски. Министры обходили гостей и чокались бокалами шампанскаго. Императоръ же съ императрицей помѣщались вдвоемъ, сидя за столомъ, въ своей палаткѣ; гдѣ находились японскіе принцы, стоя кругомъ и присутствуя лишь при обѣденномъ столѣ ихъ величествъ. Императрица была въ національномъ костюмѣ. При ней были 4 фрейлины, изъ коихъ три въ національномъ же одѣяннн, а одна — дочь министра иностранныхъ дѣлъ, Инуэ — въ европейскомъ платьѣ и шляпѣ, съ широкими полями. Послѣ завтрака, ихъ величества прошли по аллеямъ сада обратно во дворецъ, предшествуемые церемоніймейстеромъ (сюртукъ, цилиндръ и зеленныя перчатки), слегка кланяясь наклоненіемъ головы, при чемъ, проходя мимо группы дамъ, императрица пріостановилась и бесѣдовала черезъ переводчицу, фрейлину Инуэ, съ американской и англійской посланницами, другія же жены посланниковъ, и въ томъ числѣ М. Н. Струве, по болѣзни, отсутствовали. Послѣ этого праздника, меня вновь посѣтилъ министръ Инуэ.

4-е ноября было днемъ отъѣзда. Вмѣстѣ съ Струве и барономъ Розеномъ отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Иокогаму и оттуда на «Абрекъ». Послѣ легкаго завтрака, Струве, баронъ Розень и фонъ-Флотовъ, командиремый мною съ бумагами на Америку обратно въ Россію,—съѣхали съ «Абрека». Клиперъ отдалъ якорь и отсалютовалъ Струве.

Въ теченіе проведенныхъ дней въ Токио и Иокогамѣ я имѣлъ возможность осмотрѣть мѣстныя тюрьмы. Въ Токио я осмотрѣлъ тюрьмы: 1) слѣдственную при полиціи и 2) для осужденныхъ всякаго рода, не исключая и каторжныхъ. Первая помѣщается въ нѣсколькихъ флигеляхъ, при чемъ въ каждомъ, вдоль корридора, по обѣимъ сторонамъ, расположены камеры на 5, на 6 чел.; нижняя часть стѣны глухая, верхняя обрѣшеченная. Арестанты сидятъ на полу на циновкахъ, всѣ въ своихъ платьяхъ, у каждаго имѣется теплое одѣяло. Мастеровыхъ работъ не производится, но работы по чистотѣ—по уборкѣ тюрьмы—лежатъ на арестантахъ. Камеры всѣ на запорѣ. На прогулку, на особомъ дворѣ, арестанты выводятся по-камерно. Вторая тюрьма расположена на островѣ; сообщеніе на лодкахъ; постройка вѣрообразная. При входѣ—канцелярія и выставка производимыхъ въ тюрьмѣ работъ, самыхъ разнообразныхъ: тутъ и клеятъ и перешлетаютъ книги, шьютъ платья, разрисовываютъ фарфоръ; дѣлаютъ разные хозяйственные предметы, какъ-то: ведра, бочки и пр., также хозяйственные орудія; вьютъ веревки, плетутъ циновки и пр. Мастерскія, кухня и столовая помѣщены въ однихъ флигеляхъ, въ другихъ дортуары. Арестанты всѣ въ казенной одеждѣ и большинство съ тонкой цѣпью на ногахъ. Въ оковахъ же и при томъ попарно выводятся они на внѣшнія работы въ городѣ. Въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщались такъ-называемые политическіе арестанты, преимущественно виновные по печати. Они, подобно нѣмецкимъ Sitz-Redacteur'amъ, имѣли при себѣ книги и бумагу, помѣщаясь за отдѣльными столиками на полу; они были въ своихъ платьяхъ (право привилегированныхъ). Трое изъ заключенныхъ въ тюрьмѣ оказались, во время посѣщенія, наказанными, при чемъ наказаніе состояло въ томъ, что они были поставлены на небольшое возвышеніе скованными по рукамъ и ногамъ, такъ что не могли двигаться. Такому наказанію подвергаются виновные въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Директоръ тюрьмы изъ бывшихъ военныхъ, по вѣроисповѣданію—православный.

Затѣмъ осмотрѣнная тюрьма въ Иокогамѣ имѣетъ специальное назначеніе—служить для иностранцевъ, осужденныхъ своими консулами. Зданіе каменное, съ продольнымъ корридоромъ, по сторонамъ коего расположены отдѣльныя камеры; содержится прекрасно и находится въ ближайшемъ вѣдѣніи англійскаго консула.

5-го (17-го) ноября. Оставивъ Иокогаму 5-го, мы только 11-го

добрались до Нагасакскаго рейда, гдѣ и встали на якорь. Сильные порывистые вѣтры заставляли не разъ останавливаться, при чемъ едва не потеряли якорь. Переходъ внутреннимъ Японскимъ моремъ, среди густо заселенныхъ береговъ, крайне интересенъ. Жаль, что погода противилась даже выходу на палубу. Сходили на берегъ въ одной только деревнѣ въ бухтѣ Юра (Iuga-bay). Необыкновенная чистота и опрятность, при невообразимой скученности, поразительны. Всѣ хозяйственныя работы производятся исключительно людьми. Рабочаго скота не видно, да его и нѣтъ. Рѣдко встрѣчаемые волъ и мулъ служатъ лишь для перевозки клади на дальнихъ разстояніяхъ. Въ деревнѣ имѣются хорошо содержимая школа и нѣсколько храмовъ. Масса дѣтей бѣжали за нами и не отставали отъ насъ. При остановкѣ на Нагасакскомъ рейдѣ, насъ посѣтили: консуль П. Ив. Рюминъ, бывший парижскій вице-консуль, знакомый мнѣ по его брату Ив. Ив.—чу и его сестрѣ кн. Мещерской, которую въ былое время встрѣчалъ у Карамзинныхъ (на Б. Морской) и чаще въ семействѣ Гейденъ (въ Главномъ штабѣ), а также командиры стоящихъ на рейдѣ нашихъ судовъ: Шанцъ, Старкъ и бар. Фитингофъ. Между тѣмъ у насъ на клиперѣ произошелъ разладъ: командиръ осерчалъ на офицеровъ, заподозрилъ ихъ въ желаніи промедлить стоянкой въ Нагасаки, не вѣрилъ въ заявленія механика, настаивавшаго на исправленіи машины, напалъ на старшаго штурмана Петрова, просившагося на берегъ, запретилъ съѣздить въ городъ и наконецъ упрекалъ консула въ томъ, что съ крѣпости не произвели еще отвѣтнаго салюта. Словомъ, нашъ прекрасный и столь всегда спокойный, Ѳеодоръ Петровичъ былъ неузнаваемъ. На штурманѣ же Петровѣ, подавшемъ рапортъ о болѣзни, оборвалось это настроеніе такою сценою, что тотъ съѣхалъ самовольно на берегъ и прислалъ вновь рапортъ о болѣзни, удостовѣренный мѣстнымъ врачомъ, и просилъ освидѣтельствванія черезъ судовыхъ врачей. Тутъ уже послѣдовалъ настоящій взрывъ негодованія, и мнѣ, со стороны, ясно представилось, въ какомъ подѣ часъ тяжеломъ положеніи и въ какой зависимости находятся офицеры на судахъ и какъ безвыходно бываетъ ихъ положеніе. Предъявлялось требованіе представить Петрова силой, но консуль отказалъ. Благодаря моимъ переговорамъ съ командиромъ «Кн. Пожарскаго» Шанцомъ, удалось уговорить Ѳедора Петровича дать дѣлу нормальный ходъ, т. е. назначить просимое освидѣтельствваніе врачей, чему нашъ командиръ, успокоившись, и самъ былъ радъ въ концѣ концовъ.

Время въ Нагасаки я провелъ въ сообществѣ консула, который, сказать кстати, никакъ не могъ свыкнуться со своимъ назначеніемъ въ Нагасаки: «un Rioumine à Nagassaki?!» И дѣйствительно этотъ очень милый и образованный человѣкъ, болѣе свѣтскій, чѣмъ дѣловой, къ тому

же не молодой и одинокій,—болѣе отвѣчалъ европейскимъ, чѣмъ мѣстнымъ условіямъ; въ изученіи же здѣшнихъ мѣстъ, ради любознательности, не находилъ интереса.

14-го ноября, на разсвѣтѣ, снялись съ якоря. Сообщение съ Владивостокомъ оказывается прерваннымъ, за неисправностію кабеля. Въ Китаѣ телеграфа не существуетъ. Итакъ—до пріѣзда въ нашу Кяхту.

17-го ноября надѣялись придти въ Чифу—конецъ моего плаванія, но встрѣчая сильная волна заставила встать на якорь. Дѣло въ томъ, что машина клипера плохо, какъ говорится, выгребаетъ, такъ, что о приблизительной точности плаванія не можетъ быть рѣчи. Сегодня при остановкѣ каютъ-компанія угощала меня дружескимъ завтракомъ. Офицеры съ командой поднесли мнѣ на память акварельное изображеніе клипера на Владивостокскомъ рейдѣ.

17-го ноября пришли наконецъ въ Чифу, въ 2 часа дня. Русскій коммерческій вице-консулъ прислалъ мнѣ письмо съ предложеніемъ услугъ и съ предвареніемъ, что засимъ немедленно явится на клиперъ. Я предпочелъ предупредить визитъ его и тотчасъ же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами клипера и Титовымъ, съѣхалъ на берегъ и посѣтилъ вице-консула, очень почтеннаго г. Фергюсона (онъ же бельгійскій консулъ). Оказалось, что пароходъ для слѣдованія изъ Чифу въ Тянь-Дзинь прибудетъ не ранѣе 2—3-хъ дней. Приходится съѣхать окончательно на берегъ и распротиться съ клиперомъ. Здѣсь европейская часть города имѣетъ соотвѣтственный видъ: каменные дома, хозяйственныя постройки, съ обширными дворами, со всеѣмъ видимымъ комфортомъ; китайская же часть менѣе приглядна и менѣе опрятна, но зданія, въ отличіе отъ японскихъ, каменные. Въ отличіе же отъ Японіи здѣсь не видать никакой растительности, едва замѣтные цвѣтники въ европейскомъ кварталѣ, и только. Не та уже природа, хотя еще тепло и въ тѣни не менѣе 8, 9° Реомюра, только на окрестныхъ голыхъ горахъ виднѣется уже снѣгъ.

По возвращеніи на «Абрекъ», я нашелъ у себя г. Фергюсона, общалъ у него завтра обѣдать. Сегодня я угощаль обѣдомъ командира и офицеровъ клипера, провозгласилъ ихъ тостъ, благодарилъ за доброе время, проведенное въ ихъ симпатичной средѣ...

19-го ноября я собрался съѣхать на берегъ. Щедро одарилъ судовую прислугу и выдалъ 50 руб. командѣ на праздникъ 6-го декабря, къ каковому дню, по предположенію командира, клиперъ долженъ уже придти обратно въ Владивостокъ. Сегодня командиръ почтилъ меня завтракомъ, и затѣмъ наступили проводы, салютъ и съездъ на берегъ. Старшій офицеръ В. Ф. Брандтъ проводилъ меня до гостиницы, гдѣ я устроился очень удобно, въ ожиданіи парохода.

V.

Отъѣздъ.—Американскій пароходъ.—Прибытіе въ Тянь-Дзинь.— Консуль Веберъ.—Секретарь миссіи Кояндеръ.—Его проводы.—Ли-Хунъ-Джангъ.—Коммерціи совѣтникъ Старцевъ.—Объѣздъ азіатской части города.—Переѣздъ въ Пекинъ.—Путь.—Помѣщеніе русской миссіи.—Посланникъ Бюцовъ.—Состав миссіи.—Приготовленія къ степному переѣзду.—Осмотръ города.—Встрѣчаемыя процессіи.—Русская духовная миссія.—Архимандритъ Флавіанъ.—Назначеніе миссіи.—Значеніе иностранныхъ духовныхъ миссій.—Обѣдня 6-го декабря.—Именинный завтракъ въ китайской гостиницѣ.—Германскій посланникъ ф.-Брандтъ.—Русское кладбище.—Н. П. Игнатьевъ.—Историческій домъ.—Отъѣздъ.—Калганъ.—Американская миссіонерка-докторша.—Выѣздъ.—О. Алексѣй.—Подорожная.—Конвой.—Переѣздъ Монгольской степью.—Маршрутъ.—Сочельникъ.—Мятежъ.—Рождественскій праздникъ.

21-го ноября, рано утромъ, перебрался на американскій пароходъ «Паута». Капитанъ Петерсонъ любезно предложилъ мнѣ пользоваться днемъ его обширной теплой каютой, богато надѣленной книгами, журналами, газетами. Пароходъ бѣжалъ безпрепятственно, безъ шума и суеты. За завтракомъ и обѣдомъ капитанъ занималъ предсѣдательское мѣсто, разливалъ супъ, разрѣзывалъ ростбифъ.

Пришли въ Тянь-Дзинь 23-го утромъ. Нашъ консуль К. И. Веберъ предложилъ остановиться у него. Титовъ, за недостаткомъ помѣщенія, взялъ номеръ въ гостиницѣ. У Вебера я засталъ старшаго секретаря нашей миссіи въ Пекинѣ Кояндера, который уѣзжалъ въ отпускъ, послѣ продолжительнаго, едва-ли не двухлѣтняго замѣщенія отсутствовавшаго посланника Бютцова. Знакомство съ этими умными и пріятными лицами завязалось быстро. Тутъ же у Вебера, пользуясь радушіемъ его любезной и симпатичной жены (рожд. Маккъ, сестра извѣстнаго сибирскаго путешественника), я познакомился со многими иностранцами Тянь-Дзинской колоніи. Здѣшній почтенный старожилъ, коммерціи совѣтникъ Старцевъ, и командиръ лодки «Моржъ»—Мальцевъ любезно посѣтили меня.

Европейская часть Тянь-Дзина хорошо обстроена. Всѣ консульства имѣютъ прекрасные дома, также и частныя лица, какъ, напримѣръ, Старцевъ, но что за гадость, грязь и вонь въ азіатской части города!

Того же 23-го ноября вечеромъ А. И. Кояндеръ уѣхалъ, перебравшись на тотъ же пароходъ «Паута», долженствовавшій отойти съ разсвѣтомъ. Все общество, къ которому я присоединился, провожало его изъ дома Старцева, гдѣ былъ обычный «посошекъ». По пути къ пароходу пускали фейерверкъ, словомъ, провожали Кояндера по-дружески. Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ день отъѣзда его, пріѣзжалъ съ нимъ проститься мѣстный генералъ-губернаторъ, или иначе вице-король, какъ

здѣсь величаютъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ областей,—Ли-Хунъ-Джангъ. Ему предшествовали нѣсколько носилокъ съ секретаремъ и драгоманами, затѣмъ конвой, человекъ въ 20-ть, наконецъ особо-несомый балдахинъ и въ заключеніе носилки съ самимъ Ли-Хунъ-Джангомъ. Вся эта пестрая толпа едва вмѣстилась въ тѣсномъ дворѣ консульскаго дома. Ли-Хунъ-Джангъ считается однимъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ. Ему приписываютъ преобразовательныя стремленія въ европейскомъ смыслѣ, какъ соединеніе телеграфомъ Шанхая съ Тянь-Дзиномъ, готовность провести желѣзную дорогу и проч.

24-го вмѣстѣ съ Старцевымъ я объѣзжалъ азіатскую часть города. Осмотрѣлъ одинъ ламайскій храмъ, въ которомъ помѣщаются также и биржа и театръ, для развлечения посѣщающаго биржу купечества. Какъ ни грязна окружающая мѣстность, храмъ этотъ содержится чисто, а биржевая зала съ театромъ даже изящны и богаты убранствомъ. Показывая храмъ, Старцевъ прибавилъ: «вѣдь построенъ-то онъ на русскія деньги», разумѣя торговый барышъ китайскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Кяхтѣ, когда русскихъ купцовъ не допускали еще въ Китай. Улицы и здѣсь представляютъ собой почти сплошные ряды лавокъ.

25-го ноября. Путь въ Пекинъ снаряженъ слѣдующимъ образомъ: наняты двухколесныя арбы, запряженныя мулами, и верховыя лошади на каждого изъ насъ. Я ѣхалъ все время днемъ верхомъ и только на ночь взлѣзъ въ арбу и былъ не радъ. Въ ней дотога неудобно, что нельзя ни сидѣть, ни лежать. Какъ бы ни было, но мы ѣхали безостановочно, останавливаясь только для корма лошадей, при чемъ кормились и сами и нѣсколько отдыхали. Съ нами были холодныя закуски и конечно чай.

26-го ноября, въ 3 часа дня, послѣ 30-ти часоваго переѣзда, мы въѣхали въ первыя ворота пекинской городской стѣны, миновали затѣмъ и вторыя ворота внутренней стѣны и по грязной, едва проѣздной дорогѣ добрались наконецъ до нашего посланническаго дома, вѣрнѣе усадьбы. Я съ Титовымъ были верхомъ, а наши арбы, счетомъ 5-ть, слѣдовали за нами. Но прежде, чѣмъ переступить порогъ помѣщенія миссіи, обращусь къ пройденному отъ Тянь-Дзина пути. Дорога шла мѣстностью крайне заселенною, деревни и отдѣльные посѣлки все время чередовались. Тутъ по пути были и военныя поселенія—казармы съ провіантскими магазинами, пороховыми погребами, съ домами для военачальниковъ. Въ 2-хъ, 3-хъ мѣстахъ производились ученія солдатъ. Деревни отличаются опрятностію. Нѣтъ той грязи и нечистоты, которая поражаетъ въ Пекинѣ, также какъ и въ китайскомъ кварталѣ Тянь-Дзина. Напротивъ, улицы въ деревняхъ въ порядкѣ, и что я впервые встрѣтилъ въ деревняхъ вообще—это загороди изъ тростника, въ ростъ человекъ, устроенныя на улицахъ для

исполненія извѣстныхъ нуждъ, тогда какъ въ Пекинѣ среди бѣла дня, на улицахъ, вдоль заборовъ, исправляютъ всѣ свои потребности китайцы на виду у всѣхъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Сельскіе дома всѣ съ окнами во дворъ, такъ что извнѣ представляется непрерывно тянущаяся стѣна. Встрѣчавшіяся массами дѣти были опрятно одѣты. То же слѣдуетъ сказать и о встрѣчныхъ по пути пѣшихъ китайцахъ и китаянкахъ. Послѣднія спѣшили будто на праздникъ—разодѣтыя, съ пестрыми украшеніями въ волосахъ, прихотливо по-китайски зачесанныхъ.

Среди улицъ въ деревняхъ и на самомъ пути торгаши выкрикиваютъ о товарахъ и тутъ же раскладываютъ ихъ, созывая публику. Жизнь кипитъ какъ въ пчелиномъ ульѣ. На поляхъ всѣ работы по 2-й снятой жатвѣ закончены; паровыя работы тоже приходятъ къ концу, и въ поляхъ встрѣчается запоздалый лишь пахарь, да нѣкоторые рабочіе съ деревянными граблями, подбирающіе засохшіе пожелтѣвшіе стебли и травы (для топлива). Въ свою очередь дѣти по дорогѣ собираютъ въ корзины навозъ, который нуженъ для удобренія, и его берегутъ тамъ пуще глаза. На набережной Бай Хоу города Тунь-Чжоу, въ виду позднего времени и прекратившагося судоходства, суда и лодки всякой величины были подняты на берегъ; много народа работало около нихъ. Постоялые по пути дворы состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ комнатъ и помѣщеній въ двѣ или три комнаты, неотапливаемые, съ сплошными оконными рамами, забранными, вмѣсто стекла, бумагою. Отопленіемъ служить переносная жаровня, наполненная горячими перегорѣвшими углями. Теплая изъ баранины и овощей похлебка пригласъ по вкусу, и мы ѣли ее охотно. Вообще путешествіе наше, благодаря тихой солнечной погодѣ, мы совершили прекрасно, безъ усталости и безъ всѣхъ тѣхъ лишеній, на которыя обыкновенно жалуются, и съ громаднымъ при томъ интересомъ. Неприглядно было только вѣзжать въ грязныя, изрытыя, усѣяныя камнями, разными обломками немощенныя улицы резиденціи «сына неба». Но вотъ мы наконецъ передъ стѣной и воротами нашего русскаго посланническаго помѣщенія и передъ нами предстали среди оголенныхъ уже отъ листвы деревьевъ нѣсколько домовъ миссіи и въ глубинѣ двора помѣщеніе посланника—большой одноэтажный съ крытой галлереей домъ. Едва сошелъ я съ лошади, какъ Е. К. Бютцовъ вышелъ во дворъ навстрѣчу и любезно оказалъ свое гостепрѣимство. Нѣсколько влѣво отъ дома находится церковь съ колокольней. Все это мѣсто засажено деревьями, переходы между отдѣльными постройками вымощены и содержатся хорошо, и все это мѣсто вообще смотритъ весело. Я уже упомянулъ о посланникѣ. Теперь приведу имена остальныхъ членовъ миссіи: старшій драгоманъ Поповъ, студентъ миссіи Поповъ, докторъ Бретшнейдеръ—ученый ботаникъ, знатокъ мѣстной исторіи и издатель карты Китая; военный агентъ Бодиско, недавно женившійся на молодой, красивой американкѣ, и на-

конецъ почтмейстеръ Гомбоевъ. Мысленно къ этому составу остается присокупить А. И. Кояндера, какъ секретаря миссіи, съ которымъ я познакомился въ Тянь-Дзинѣ.

Пишу эти строки послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Пекинѣ, готовясь въ дальнѣйшій и труднѣйшій путь, на Монголію, въ Кяхту и далѣе въ Сибирь для продолженія прерванныхъ, на время переѣзда, служебныхъ занятій. Телѣги (двухколесныя арбы, иначе баулы, обитыя внутри, для большаго тепла) изготовляются въ Калганѣ. Тамъ заказаны и всѣ продовольственныя принадлежности—замороженные щи, большими кругами, какъ здѣсь дѣлають, замороженные пельмени, яйца и пр. Здѣсь же запасаюсь теплой одеждой, необходимой собственно для степнаго переѣзда, и приобретаю также кое-какую китайщину, которая, сказать кстати, дѣлается и здѣсь рѣдкостію: я разумѣю старинныя фарфоръ и въ особенности старую бронзу. Но затѣмъ, что же пришлось мнѣ видѣть въ эти дни? Вопросъ, напрашивающійся самъ собою, и что же—кромѣ одного ламайскаго храма, да золоченыхъ кровлей разныхъ зданій дворца Богдыхана, помѣщающихся за нѣсколькими стѣнами въ запретной для европейцевъ части города, также одного моста, базарной сутолоки и лавокъ—ничего больше, и это все, что имѣется для обозрѣнія въ этомъ центрѣ Китайской имперіи. Сѣрая масса зданій, груды камней отъ развалинъ всякаго рода, разбросанныхъ по дорогѣ, непроѣздная вонючая грязь, или, смотря по погодѣ, страшная пыль и среди всего этого въ торговыхъ частяхъ города необыкновенное движеніе—вотъ Пекинъ, какъ онъ есть. Постоянно встрѣчаются разныя процессіи—похоронныя, свадебныя и инныя. Первые, нескончаемыя, съ голосащими плакальщиками, останавливающимися по временамъ, для принятія, попутно, угощеній. Свадебныя процессіи, обыкновенно днемъ, но тоже съ фонарями, хотя безъ огня, съ закрытымъ паланкиномъ, укрывающимъ невѣсту. При узкихъ улицахъ, движеніе крайне стѣснено, тѣмъ болѣе, что народъ, вслѣдствіе любопытства, при слѣдованіи процессій, обыкновенно приостанавливается.

Я началъ съ пріятнаго впечатлѣнія, по случаю пріѣзда и ознакомленія съ нашей миссіей.—Закончу съ отраднымъ же чувствомъ по поводу посѣщенія нашего, такъ называемаго сѣвернаго подворья—помѣщенія духовной нашей миссіи и ея уважаемаго архимандрита Флавіана (въ мірѣ Городецкій). Тотъ же за оградой садъ, посреди церковь, вокругъ дома членовъ духовной миссіи и болѣе обширный домъ настоятеля, гдѣ помѣщается бібліотека миссіи, извѣстная своимъ богатствомъ. Тутъ же помѣщается школа для православныхъ китайскихъ дѣтей (мальчиковъ), изъ мѣстныхъ албазинцевъ, изстари православныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ довольно успѣшно изучаютъ русскую грамоту, но едва понимаютъ русскую рѣчь, не то, что японцы, обучающіеся въ школѣ епископа Николая. Изъ этихъ учениковъ о. Флавіанъ готовитъ теперъ одного во

священника. Это будетъ первый примѣръ посвященія китайца. Для дѣвочекъ существуетъ отдѣльная школа на особомъ, за общей оградой, дворѣ. Ею завѣдуютъ китайка, вдова добродѣтельной жизни, какъ объяснили мнѣ.

Миссіонерская дѣятельность здѣсь очень сложна, требуетъ большой осторожности. Русская духовная миссія, насколько извѣстно, не занимается пропагандой, служба едва-ли не исключительно лишь для бывшихъ прежде православныхъ. Католическія духовныя миссіи процвѣтаютъ наружно, но неизвѣстно, чтобы онѣ служили большому общенію съ европейцами. Христіанинъ не сживается съ мѣстной средой, и принявшій христіанство какъ бы выбрасывается изъ нея, живя обособленной жизнью. По сю пору ни одинъ европеецъ, изъ официальныхъ даже представителей, не переступалъ порога частнаго жилья должностнаго китайца. Китайцы сами являются на приглашенія, но къ себѣ не зовутъ. Они европейцевъ терпятъ, но съ ними, такъ сказать, не живутъ, и такъ во всемъ. Задатковъ къ взаимности нѣтъ, и это послѣ столькихъ лѣтъ европейскаго представительства въ здѣшней имперіи.

5-го декабря. Всенощная въ церкви сѣвернаго подворья. Пѣли китайцы по-русски, а отче-нашъ пропѣли по-китайски. Теперь вся наша церковная служба, стараніемъ о. Флавіана, переведена на китайскій языкъ. Готовящійся во священника китаецъ сказалъ проповѣдь.

6-го декабря. Обѣдня была въ посольской церкви. Послѣ завтракъ у Попова 2-го, именинника, въ китайской гостиницѣ. Пришлось познакомиться съ китайскими яствами, начиная съ ласточкиныхъ гнѣздъ. Отличительная особенность этой кухни—усиленное развариваніе, особенно овощей, и прѣсный вкусъ, требующій усиленной приправы. Китайское рисовое вино не дурно, сласти вкусны. Вечеромъ у посланника, какъ и всякій день, играли по маленькой въ ералашъ. Докторъ улаждалъ музыкой. Е. К. Бютцовъ, вслѣдствіе простудной лихорадки, не выѣзжаетъ и не принимаетъ. Только германскій посланникъ, фонъ Брандтъ, тоже больной, страдающій грудью, какъ особенно дружный съ Бютцовымъ, навѣщаетъ его, когда солнце свѣтитъ и грѣетъ, т. е. до 4-хъ часовъ, запираясь затѣмъ у себя на остальное время. Я былъ у него. Онъ очень пріятный въ обхожденіи и интересный въ разговорѣ. Помѣщеніе его, недавно отстроенное, переполнено собраніемъ китайской старины.

7-го декабря. Сегодня, за позднимъ обѣдомъ, собралась, по приглашенію Бютцова (совсѣмъ расхворавшагося и страдающаго ревматизмомъ, что тѣмъ прискорбнѣе, что онъ въ настоящее время находится здѣсь безъ семьи, которая проживаетъ въ Россіи) вся русская колонія, были и дамы.

8-го декабря послѣдовалъ мой выѣздъ изъ города, съ приостановкой на пути у русскаго кладбища, въ отдѣльномъ небольшомъ домѣ у о. архи-

*

мандрита. Наше тутъ кладбище производитъ отрадное впечатлѣніе своимъ отличнымъ порядкомъ. Все оно обнесено каменной стѣной. Гробовыя плиты и памятники содержатся заботливо, обсажены деревьями. Самое кладбище внутри наружной ограды подраздѣлено еще на отдѣлы, тоже огороженные: въ одномъ—большемъ, русскія могилы, въ другомъ пока одна лютеранская. На входномъ дворѣ установлена въ стѣнѣ мраморная плита въ память по убитымъ въ 50-хъ годахъ англичанамъ.

У упомянутаго дома, на отдѣльномъ дворѣ, хотя и за общей оградной стѣной, имѣется еще меньшихъ размѣровъ домъ, примѣрно въ 4 сажени длиной и въ $2\frac{1}{2}$ ширины въ одну комнату съ русской печью. Въ этомъ домикѣ въ 1859—60 г. помѣщался нашъ уполномоченный въ Китаѣ, молодой генералъ Игнатъевъ ¹⁾, только-что передъ тѣмъ отбывшій миссію въ Хиву и Бухару. Раздѣливъ комнату ширмой, имѣлъ онъ здѣсь и кабинетъ свой и спальню, и врядъ ли не тутъ же помѣщался его слуга. Здѣсь, какъ мнѣ передавали, велъ Игнатъевъ переговоры съ китайскими властями и тутъ же видѣлся онъ съ лордомъ Эльгинымъ. Извѣстны успѣшныя его дѣйствія и достигнутые имъ результаты, и потому помѣщеніе это приобретаетъ для насъ историческое значеніе. Въ этомъ году архимандритъ Флавіанъ его поновилъ, теперь же было предположено утвердить въ наружной стѣнѣ дома доску, въ память пережитой эпохи заключенія пекинскаго договора и замиренія англо-французской съ китайцами распри.

8-го—12-го декабря. Переѣздъ изъ Пекина въ Калганъ длился ровно четверо сутокъ. Ъхаль на носилкахъ, къ которымъ въ передніи и задніи оглобли впрягались мулы. 2-й день переѣзда, за вратами Гуанъ-Гоу, великой китайской стѣны, былъ особенно тяжелъ. Пришлось ѣхать сначала тропкою по каменистому грунту, то спускаясь, то подымаясь въ гору, а потомъ по неустроенной же дорогѣ, среди полей и деревень. Жизнь и тутъ, какъ въ переѣздѣ изъ Тянь-Дзина, въ сильномъ движеніи. Обозовъ и проѣзжающихъ верхомъ и въ носилкахъ столько, что не только по неустройству пути, но по одному такому скопленію проѣзжающихъ, нельзя двигаться иначе, какъ шагомъ. Останавливались для обѣда и ночлега на постоянныхъ дворахъ. Все тѣ же китайскіе дома, съ забранными бумагой рамами и дверьми, и съ однѣми жаровнями для согрѣванія. Мы спали на нарахъ, покрытыхъ циновками. Съ нами были пледы и шубы, особенно длинныя, неудобныя для ходьбы, но практичныя для укрыванія ногъ во время переѣздовъ. Вообще мы чувствовали себя хорошо и ѣхали весело. Только Титовъ, къ сожалѣнію, поѣхавъ вначалѣ верхомъ, упалъ и ушибъ себѣ руку, такъ что пришлось прибѣгнуть къ нашей аптечкѣ и дѣлать перевязки. При въѣздѣ

¹⁾ Нынѣ графъ (съ 1877 г.); членъ Госуд. Совѣта; былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1881—1882 гг. (по 30-е мая).

въ Калганъ, меня встрѣтилъ здѣшній почтовый нашъ чиновникъ, молодой Аслановъ, воспитывавшійся въ Иркутской гимназіи. Квартира была тепла и уютна, а купецъ-домохозяинъ, другъ тянь-дзинскаго Старцева, ведущій съ нимъ большое чайное дѣло—пріятный и толковый человекъ. Въ числѣ его служащихъ, одинъ юноша Карелинъ кончилъ курсъ въ кяхтинскомъ реальномъ училищѣ и здѣсь готовится къ торговой дѣятельности. Онъ знаетъ англійскій языкъ, что для сношеній съ здѣшними портами безусловно необходимо. Всѣ эти служащіе въ нашихъ торговыхъ фирмахъ знаютъ китайскій и монгольскій языки. Различныя китайскія нарѣчія крайне затрудняютъ сношенія. Такъ съ нами русско-китайскимъ словаремъ, приобретеннымъ въ Пекинѣ, здѣсь, въ Калганѣ, далеко не уйдешь. Тамъ свое, здѣсь другое нарѣчіе.

Доктора въ Калганѣ, нужнаго Титову, для его больной руки, не оказалось, но нашлась докторша, среди американскихъ миссіонеровъ.

14-го декабря. Послѣ молебна, который былъ отслуженъ проезжавшимъ черезъ Калганъ, вновь назначеннымъ членомъ духовной миссіи о. Алексѣемъ (въ мірѣ титулярный совѣтникъ Виноградовъ, кандидатъ Ярославскаго лицея)—мы выѣхали изъ Калгана. Путь до Урги былъ рассчитанъ въ 10, 12 дней, по ниже приводимому маршруту ¹⁾. Я и Ти-

¹⁾ Почтовая дорога отъ Калгана до Урги:

	вер.		вер.
1. городъ Калганъ	30	26. Хонче	28
2. Станціи: Чаганъ Тологой	25	27. Нарунъ	42
3. Бургасутай	28	28. Гербанъ-найша	28
4. Халюгай	24	29. Салагу	22
5. Оро-лудукъ	24	30. Дзеберъ	25
6. Куй-сугай	22	31. Бара-обо	36
7. Чжагустай	18	32. Кугуль	30
8. Мингаль	26	33. Сайра-жу	30
9. Чечертай	26	34. Сучжи	31
10. Чжинтай	36	35. Салгай	28
11. Улаха	24	36. Банв-билкяхъ	28
12. Бомбегу	22	37. Банв-хожигу	24
13. Шарахада	18	38. Баръ-дача	23
14. Болтай	22	39. Тойръ	33
15. Олонъ-лудукъ	24	40. Мотденъ	33
16. Чаганъ-худукъ	25	41. Нарынъ	30
17. Шара-муренъ	27	42. Тала-булькы	33
18. Уланъ-лудукъ	29	43. Ондуръ-табу	23
19. Цесы-хонгоръ	20	44. Чжаргаланту (Чергылантъ)	28
20. Коремхаръ	33	45. Дологовъ (Долдо)	20
21. Виланъ	25	46. Бухукъ	27
22. Суджи	20	47. Сонохोलанту (Сондынъ)	19
23. Толи-булакъ	25	48. городъ Урга	23
24. Турурикъ	28		
25. Гаше	36		
			Всего 1296

товъ помѣстились въ 2-хъ упомянутыхъ крытыхъ телѣгахъ. Затѣмъ толмачъ и курьеръ Зайцевъ заняли 3-ю такую же крытую телѣгу. Были съ нами и верховыя лошади. Вещи, при одномъ верблюдовожатомъ, были посланы отдѣльно на 5-ти верблюдахъ. Я былъ снабженъ громаднаго размѣра подорожной. Меня сопровождали монгольскіе чиновники и конвой.

Еще два слова объ о. Алексѣѣ, только-что упомянутомъ. Его ждали въ Ургѣ и Калганѣ особенно нетерпѣливо. Предвидѣлись свадьбы, были некрещеныя еще дѣти, да наконецъ заждались церковной службы вообще. Къ тому же русское сердце ждало случая помолиться за покойнаго государя,—о чемъ и была вездѣ первая, обращенная къ о. Алексѣю просьба.

14-го—27-го декабря. Выѣхавъ изъ Калгана 14-го, мы только 27-го пріѣхали въ Ургу, ѣхавъ день и ночь, съ небольшими остановками для обѣда, ужина и кратковременнаго сна. Погода за исключеніемъ одного съ мятелью дня (въ сочельникъ, 24-го декабря), благопріятствовала путешествію. Было относительно тепло и сухо. По всей почти степи снѣга не было, а скованная морозомъ земля сдерживала песокъ песчаныхъ равнинъ, и вѣтеръ не вздымалъ его, на что такъ жалуются лѣтніе путешественники. Особенно озабочивали насъ наши телѣги, въ случаѣ полома, такъ какъ въ степи не найти кузнеца и потребнаго матеріала. По счастью, обошлись взятымъ съ собой запаснымъ матеріаломъ и парой запасныхъ колесъ. Останавливались въ монгольскихъ юртахъ, гдѣ посреди развода огонь, сами стряпали себѣ пищу изъ взятыхъ консервовъ и замороженныхъ щей, пельменей, яицъ и ветчины. Эти юрты служили и для короткаго отдыха по ночамъ. Снѣжныхъ перегоновъ, когда пришлось замѣнить мелкихъ монгольскихъ лошадокъ верблюдами,—было всего 4, по направленію къ Ургѣ. Послѣдующіе же затѣмъ три перегона до Урги и далѣе по направленію къ Кяхтѣ—были опять безснѣжные. Одинъ изъ дней пути, 24 декабря, никогда не изгладится изъ памяти. Раннимъ утромъ, какъ обыкновенно, поднялись мы въ дорогу. День обѣщалъ быть благопріятнымъ. Хотя и было сумрачно, но тихо и тепло. Вскорѣ же, едва замѣтно вначалѣ, стало снизу мести, какъ будто снѣжной пеленой прикрывая и сглаживая дорогу. Постепенно, съ усиленіемъ вѣтра, метель росла, заволокала глаза, и въ этомъ вихрѣ снѣга терялись очертанія окрестныхъ мѣстъ и даже нашего собственнаго каравана. Такъ наступилъ полдень, за вечерѣло, стемнѣло потомъ, а мы все еще продолжали двигаться, не видя конца пути. Наконецъ заговорили вожакки-монголы, что надо-де остановиться, распречь верблюдовъ, лечь подъ повозки и ждать, когда стихнетъ. Перспектива была невеселая, къ тому же мы все съ утра ничего не ѣли. И такъ въ сомнѣніи, не зная, что предпринять и на что рѣшиться, прошло еще нѣ-

сколько времени, какъ вдругъ, на наше счастье, въ нѣкоторомъ разстояніи блеснули искры въ воздухѣ: то былъ признакъ жилья. Мы двинулись въ этомъ направленіи и вскорѣ добрели до монгольской зажиточной усадьбы. Молодая монголка, въ ожиданіи запоздавшаго мужа, развела огонь посреди своей юрты, и искры отъ этого огня послужили намъ путеводнымъ знакомъ. Мы обогрѣлись у костра, стали разогрѣвать и готовить пищу, а между тѣмъ метель стихла, небо прояснило, и мириады звѣздъ ярко заблестали надъ необозримой степью... Такъ-то, какъ и подобаетъ въ сочельникъ, намъ не пришлось ѣсть до звѣзды...

На другой день, рано утромъ, мы доѣхали до первой, предстоявшей намъ наканунѣ станціи—большаго аула, гдѣ я устроилъ обильное угощеніе, ради нашего рождественскаго праздника, какъ своимъ конвойнымъ, такъ и аудльнымъ, при чемъ женщинамъ-монголкамъ роздалъ каждой по два четвертака для серегъ, какъ онѣ носятъ.

Вся мѣстность тутъ довольно волнистая, а потому, хотя и степная, но мало напоминала мнѣ Оренбургскія киргизскія степи. Передъ въѣздомъ въ Ургу, меня встрѣтили испр. долж. консула Успенскій съ драгоманомъ Протасьевымъ, почтмейстеромъ Тарховымъ и купцомъ Воробьевымъ. вмѣстѣ доѣхали до Урги, гдѣ въ обширномъ домѣ консула я нашелъ радушный пріютъ.

VI.

Урга.—Прибытіе каравана.—Отъѣздъ.—Характеръ мѣстности.—Признаки осѣдлости.—Троицкосавскъ.—Кяхта.—Бестужевская школа въ Селенгинскѣ.—Декабристскій поцугай.—Верхнеудинскъ.—Вторичный пріѣздъ въ Иркутскъ.—Двухмѣсячное пребываніе.—Мѣстное общество.—Письмо архіепископа Веніамина о легендарномъ старцѣ.—Переѣздъ въ Омскъ.—Обратный путь.—Приостановка въ Томскѣ и въ Красноярскѣ.—Новый вице-губернаторъ.—Триста верстъ въ перекладной.—Вновь Иркутскъ.—Телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ.—Выѣздъ.—Байкаль.—Верхнеудинскъ.—Петровскій заводъ.—Кладбище.—Могилы Ленарскаго и друг.—Прошлое и настоящее завода.—Попутныя селенія раскольниковъ.

Урга. 27-го — 29-го декабря. Здѣсь имѣются отдѣльные кварталы—китайскій, монгольскій и русскій. Первые два отличаются тѣмъ, что дворы окружены высокими заборами-тынами. Русскій кварталъ состоитъ изъ небольшихъ домиковъ, имѣетъ городской видъ. Большія златоверхія крыши и купола украшаютъ мѣстныя молебни. Тутъ мнѣ пришлось пробыть двое сутокъ, такъ какъ мой отъѣздъ зависѣлъ отъ прихода каравана съ моими вещами. На третій день 29-го

рано утромъ показались на горизонтѣ тонкой нитью, медленно переступавшіе верблюды—то были мои съ вещами. Прошли они при одномъ жокаѣ безъ всякаго конвоя по непредѣльному пространству совершенно благополучно и исправно. Вообще здѣсь не запомнить случаевъ ограбленія каравановъ. Немедленно собравшись въ путь, 29-го же утромъ выѣхалъ по почтовому тракту въ Троицкосавскъ, куда и прибылъ 31-го въ обѣдъ.

За Ургой мѣстность измѣняетъ свой характеръ—входишь въ районъ менѣе степной, мѣстами гористый и лѣсной. Кочевья монголовъ отличаются уже признаками осѣдлости: имѣются загороди, навѣсы, двory окружены заборами, однѣ только юрты остаются неизмѣнными.

Встрѣтивъ новый 1882 годъ отслуженной у меня вечеромъ на квартирѣ всенощной, я затѣмъ въ троечныхъ саняхъ по прекрасному пути проѣхалъ въ Кяхту, гдѣ обѣщалъ въ почтенной семьѣ Пфаффиуса, нашего пограничнаго комиссара, завершить встрѣчу новолѣтія. Тутъ познакомился съ многочисленнымъ купеческимъ обществомъ Кяхты. На слѣдующій день послѣдовалъ обмѣнъ визитовъ и безконечныя приглашенія. Русскому радушію и хлѣбосольству не было ни размѣровъ, ни конца. Кяхта прекрасно обстроена, а мѣстный соборъ замѣчателенъ по виду и богатству. Многіе изъ мѣстнаго купечества сохраняютъ еще память о декабристахъ, жившихъ по сосѣдству въ Селенгинскѣ, гдѣ у Бестужевыхъ (Михаила и Николая Александровичей) была школа и гдѣ со многими другими воспитался не разъ упомянутый мной тьянь-дзинскій Старцевъ. Тутъ же вращался въ дѣтствѣ проживающій теперь въ Кяхтѣ купецъ Лушниковъ. Благовоспитанность и образованность декабристовъ оставили въ край замѣтный слѣдъ. Кстати о Лушниковѣ. Послѣ декабриста Торсона остался попугай, вывезенный имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія, 1819 и 21 гг., въ подарокъ матери, перевезенный ею въ ссылку къ сыну. Онъ пережилъ и хозяина своего, и его мать и по завѣщанію сестры Торсона перешелъ въ домъ Лушникова, гдѣ дожилъ до прошлаго года и гдѣ теперь, какъ дорогое воспоминаніе, въ той же клѣткѣ, въ видѣ чучела, заботливо сохраняется.

Верхнеудинскъ. Здѣсь на пути въ Иркутскъ предстояло приостановиться на нѣсколько дней, живя въ домѣ гостепріимной и богатой семьи Голдобинныхъ. 11-го января, вечеромъ, переѣхавъ по едва замерзшему Байкалу, я прибылъ въ Иркутскъ. Генераль-губернаторъ Д. Г. Анучинъ, оставшись до весны съ семьей въ Петербургѣ, любезно предоставилъ мнѣ остановиться въ генераль-губернаторскомъ домѣ.

Что сказать о моемъ частномъ житіи въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ? Я устроился своимъ хозяйствомъ, при чемъ удобное и обширное помѣщеніе въ генераль-губернаторскомъ домѣ дало мнѣ

возможность приглашать къ себѣ разныхъ лицъ, служащихъ и постороннихъ, съ которыми приходилось сходитья. Такимъ образомъ я могъ, съ своей стороны, хотя въ малой степени, отвѣчать на всѣ тѣ любезности, которыя расточались со всѣхъ сторонъ (обѣды Хамина, изъ почетныхъ гражданъ тайнаго совѣтника, щедрого жертвователя на учебныя заведенія, камергера Сиверса, праздники у Базановыхъ, у городского головы Демидова и др.) Умный, просвѣщенный и прекрасной души архіепископъ Веніаминъ снабжалъ меня «Московскими Вѣдомостями» и «Русью», а беседа его была особенно дорога и поучительна. Онъ былъ предварительно нерчинскимъ и камчатскимъ епископомъ. Иркутскій губернаторъ, генераль-лейтенантъ Педашенко, въ этотъ мой пріѣздъ, еще болѣе убѣдилъ меня въ заботливомъ отношеніи его къ порученной ему обязанности. За отъѣздомъ генераль-губернатора, онъ исполнялъ его должность. Н. Н. Муравьевъ, отправляясь начальствовать въ Восточную Сибирь, пригласилъ съ собой на службу нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ, и многіе изъ нихъ посвятили всю свою жизнь этой далекой окраинѣ. Въ числѣ ихъ были два брата Педашенко: одинъ упомянутый и другой, продолжавшій также служить тамъ артиллерійскій генераль. Члены совѣта главнаго управленія Сибири Шестаковъ (горный), баронъ-Розень (строительный) Булатовъ (обще-распорядит.) и Ефимовъ (по суд. ч.), съ которыми мнѣ пришлось имѣть служебныя отношенія—производятъ всѣ безусловно прекрасное впечатлѣніе. Ефимовъ же, какъ самъ сибирякъ, выдается еще особой любовью и преданностью къ родинѣ. Камергеръ Сиверсъ, изъ бывшихъ мѣстныхъ исправниковъ, женившійся на дочери богатаго золотопромышленника Базанова, занималъ, состоя при генераль-губернаторѣ, такое положеніе въ краѣ, что вновь назначенный генераль-губернаторъ Анучинъ вызвалъ въ Петербургъ никого другаго, какъ Сиверса, хотя о дѣловитости его не могло быть и рѣчи. Это дало даже поводъ къ слѣдующей впоследствии острогѣ насчетъ Анучина: его ожидали въ Сибири съ большимъ нетерпѣніемъ, но ожидали его, будто-бы, инымъ, и вотъ сочинили мѣстные остряки, что подмѣнили-де его Сиверсъ и привезъ не того, кого назначили.

8-го февраля. Сегодня былъ у меня прибывшій въ Иркутскъ изъ Томска купецъ Хромовъ, у котораго жилъ и умеръ старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, о которомъ я уже упоминалъ. Пріѣхалъ онъ сюда для свиданія съ своимъ зятемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ мнѣ свои записки о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, да посѣтилъ затѣмъ высокопреосвященнаго иркутскаго Веніамина, съ которымъ велъ бесѣду о томъ же старцѣ. По этому поводу архіепископъ Веніаминъ въ тотъ же день написалъ мнѣ:

«По пріѣздѣ отъ васъ, я встрѣтилъ у себя Хромова и изъ двухъ-часоваго разговора съ нимъ только еще болѣе утвердился въ своемъ

мнѣніи о нравственно-религіозномъ состояніи Ѳедора Кузьмича. Но приписываемымъ ему высокимъ саномъ онъ самъ никогда себя не называлъ, а только на вопросъ Хромова, не онъ ли императоръ Александръ Павловичъ, отвѣтилъ: «эта тайна великая», изъ чего Хромовъ и заключилъ о его мнимомъ санѣ. Самъ онъ пришелъ къ этой мысли, вслѣдствіе народной молвы о смерти Александра 1-го и еще вслѣдствіе бывшего, будто-бы, видѣнія красноярской діаконицы Поповой, родственницы преосвященнаго Павла камчатскаго, а она это видѣніе видѣла по возвращеніи изъ путешествія на богомолье въ Россію, гдѣ, вѣроятно, также слышала о народной молвѣ. Вообще же я замѣтилъ, что Хромовъ непонятныя слова Ѳ. К. любитъ объяснять согласно своимъ предвзятымъ о немъ мнѣніямъ».

Съ своей стороны по отношенію къ Хромову прибавлю, что онъ ничего для себя лично не ищетъ и ни о чемъ не ходатайствуетъ, развѣ только объ охраненіи и поддержаніи могилы Ѳедора Кузьмича въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ—скромнаго деревяннаго креста съ такой же деревянной оградой. На этомъ крестѣ была Хромовымъ сдѣлана надпись: «Великій рабъ Божій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ», но, распоряженіемъ полиціи, надпись эта была, почему-то, уничтожена.

9-го марта я выѣхалъ въ Усолье, (варницы Базановыхъ и Хаминова, рядомъ съ Александровскимъ солевареннымъ заводомъ). Оттуда же, на слѣдующій день, отправился по большому сибирскому тракту, на Томскъ, въ Омскъ. Теперь зимой эти, здѣшнихъ лѣсовъ, пихты, ели, сосны, вѣчно зеленыя, еще величественнѣе. Путешествіе по здѣшнимъ мѣстамъ—«с у щ и ѣ б р е д ѣ», по выраженію Сперанскаго.

Зимній путь прервался за двѣ лишь станціи до Красноярска, всегда бѣднаго свѣтами. Но что за дорога оказалась за Ачинскомъ къ Томску! Выбоины и ухабы размѣрами и учащенностію превосходятъ всякое предположеніе. Завертки у оглоблей рвались по нѣсколько разъ въ день, ломались отводы у саней, а каково было ѣдущимъ. Человѣкъ оказывается выносливѣе и все ему сходитъ легче. Такъ и мы благополучно добрались до Томска, гдѣ мнѣ пришлось пробыть 3 дня. Отсюда къ Омску (мѣстопребываніе генерала-губернатора) путь лежалъ на Колывань и Каинскъ, такъ—называемой Барабой. Здѣсь, какъ и на пути къ Ачинску, въ округахъ Ачинскомъ и Каинскомъ много селенныхъ, приселенныхъ къ селеніямъ старожиловъ. Недѣля, проведенная мною въ Омскѣ въ домѣ генераль-губернатора Мещеринова, благодаря Григорію Васильевичу и Вѣрѣ Дмитріевнѣ и ихъ милымъ дѣтямъ—была мнѣ особенно по сердцу. Омскъ выдается массою учебныхъ заведеній, прекрасно обставленныхъ. Тутъ кстати упомянуть, что и мѣстная тюрьма, по прилагаемой заботѣ вице-губернаторомъ Курбановскимъ (студентъ Казанскаго университета), оказалась въ хоршемъ состояніи.

На обратномъ пути, для нѣкоторыхъ служебныхъ справокъ, я долженъ былъ вновь остановиться въ Томскѣ. Тутъ, на этотъ разъ, могъ закончить возложенное на меня министромъ внутреннихъ дѣлъ особое порученіе по телеграфному департаменту. Собираемыя данныя по другому еще порученію, по почтовому департаменту, значительно пополнилъ. Здѣсь, за малымъ уже снѣгомъ, пришлось разстаться съ возкомъ и ѣхать на перекладныхъ саняхъ. Не доѣзжая же до Иркутска за 300 верстъ, пришлось бросить и сани и продолжать путь въ почтовой телѣгѣ. Наконецъ оказалось, что Ангара подъ Иркутскомъ уже прошла, такъ что переѣхать ее возможно было только въ Усольѣ, гдѣ ледъ еще держался. Эти послѣднія свѣдѣнія получены мною въ Красноярскѣ, гдѣ я былъ задержанъ по дѣламъ на три дня. Такимъ образомъ затянулась моя поѣздка до конца марта. Желаніе мое отдѣлится въ здѣшней тюрьмѣ дѣтей отъ взрослыхъ уже осуществлено, другія же по Красноярской тюрьмѣ пожеланія и данныя указанія ожидаютъ еще исполненія.

Переѣздъ къ Иркутску на перекладной сказался на здоровьѣ: меня стало сильно лихорадить, а весеннее солнце дотога обожгло лицо, что совѣстно показаться. Возвратился какъ разъ къ Пасхѣ и благодаря домовою церкви въ генераль-губернаторскомъ домѣ, могъ, не выѣзжая, причаститься за пасхальной литургіей.

Перечтя только-что записанное относительно совершеннаго переѣзда, не могу еще разъ не упомянуть о видимомъ довольствѣ сибирскихъ деревень. Теперь зимой окна въ избахъ заставлены самыми яркими цвѣтами. Такая любовь къ цвѣтамъ необычна у насъ. Тесовыя крыши и хорошія постройки, при широкихъ, длиннѣйшихъ улицахъ, придаютъ селеніямъ характеръ пригородныхъ слободъ. Отсутствуютъ только благолѣпные храмы. За рѣдкими исключеніями, всѣ имѣющіяся въ селеніяхъ церковки, какъ ихъ тутъ называютъ, деревянные, вродѣ избныхъ срубовъ. Но войдя въ нихъ, а мнѣ случилось не разъ въ дорогѣ пріостанавливаться и входить во время службы, даже во время утреня, найдешь церковь переполненной молящимися.

30-го марта. Предположенію моему вернуться морскимъ путемъ, по обзорѣннн Нерчинской каторги и посѣщеніи еще разъ Сахалина, не суждено осуществиться. Мною получена слѣдующая телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ: «желательно, чтобы вы успѣли осмотрѣть Кару и безотлагательно вернулись въ Петербургъ, для вступленія въ управленіе въ виду выхода статсъ-секретаря Грота» ¹⁾.—Я отвѣчалъ, что, выѣзжая немедленно въ Нерчинскъ — Кару, безотлагательно по осмотрѣ, отправлюсь обратно, кратчайшимъ путемъ, на Томскъ.

¹⁾ К. К. Гротъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ и завѣдывалъ въ это время, на правахъ министра, тюремнымъ управленіемъ.

3-го апрѣля. Выѣхалъ ночью въ Верхнеудинскъ. Не безъ затрудненій пришлось перебраться черезъ Байкаль: зимній путь еле подерживался и Байкаль грозилъ со дня на день вскрытіемъ. Экипажъ перевезли шагомъ по льду у самаго берега. Путешественники же, въ томъ числѣ и я, слѣдовали то пѣшкомъ, то съ помощью салазокъ, запряженныхъ въ одну лошадь, ведомую проводникомъ. Путь лежалъ среди громаднаго размѣра льдинъ, вывороченныхъ изъ глубинъ Байкала и покрывшимъ его почти сплошь. Образовавшіяся расщелины во льду были мѣстами настолько широки, что переступить ихъ было невозможно; тутъ помогали салазки. Переходъ былъ совершенъ благополучно. На слѣдующій день изъ Верхнеудинска я проѣхалъ въ Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, гдѣ работаютъ арестанты каторжнаго разряда. Тутъ, въ свое время, работали декабристы. На кладбищѣ сохраняется могила извѣстнаго по доброй памяти С. С. Лепарскаго. На томъ же кладбищѣ имѣются памятники, поставленные надъ прахомъ вѣрныхъ спутницъ своихъ мужей—Муравьевой (рожденной графини Чернышевой) и Анненковой. Могила недавно умершаго декабриста Горбачевского осѣняется большимъ крестомъ, замѣтнымъ издалека. Домъ семьи Трубецкого служитъ помѣщеніемъ управленія заводомъ, и тамъ же было мое временное помѣщеніе. Другіе дома—Ивашева, Фонвизина—отошли подъ разныя надобности управленія. Всѣ они вблизи завода, отъ котораго тянутся теперь длинныя улицы жилищъ крестьянъ-рабочихъ. 40 человѣкъ каторжныхъ, изъ разряда исправляющихся, живутъ по квартирамъ, или же въ домахъ, принадлежащихъ ихъ семьямъ. Отбывая урокъ, они въ остальное время дня ходятъ на частныя работы. Въ большинствѣ нуждаются. Жены-матери жаловались мнѣ на невыдачу на дѣтей кормовыхъ, за недостаткомъ ссыльно-поселенческаго капитала. Осмотръ завода и самой добычи руды (въ 20 верстахъ) привелъ къ неутѣшительному выводу о совершенной первобытности обработки и добычи желѣза. Новыхъ развѣдокъ не производится по неотпуску необходимыхъ средствъ. Добываютъ руду на поверхности то тамъ, то сямъ, лишь бы выручить опредѣленный минимум (100 тысячъ пудовъ). Возможность увеличенія добычи и задолжанія на работы несравненно большаго числа каторжныхъ очевидна. Помимо этого, весьма существеннаго обстоятельства, меня заинтересовалъ самый путь къ заводу среди сплошныхъ полей и зажиточныхъ поселеній такъ называемыхъ «семейскихъ». Это раскольники-безпоповцы, выселенные сюда со своими семьями, болѣе 100 лѣтъ назадъ, изъ сѣверо-западнаго края. Обстановка ихъ жилищъ отличается вкусомъ и довольствомъ. Женщины общительны, щеголеваты и красивы. Мужья болѣе сдержаны въ обращеніи, умны и работящи. Старики сильны общимъ къ нимъ уваженіемъ и послушаніемъ. Хлѣбопашество составляетъ исключительное

ихъ занятіе. Обрабатываютъ они одни яровые хлѣба, начиная съ ярицы, кончая пшеницей. Распахиваютъ землю до самыхъ вершинъ горъ, живописующихъ берега Селенги. Меня встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. «Семейцы», какъ ихъ всѣ здѣсь называютъ, вспоминали великаго князя Алексѣя Александровича, его ласковое обращеніе. Старецъ Медвѣдевъ просилъ «поклониться» ему отъ нихъ. Недостатокъ земли побуждаетъ ихъ ходатайствовать о прирѣзкѣ земли. Хорошо было бы отъ каждаго селенія ихъ устроить выселки по Амуру и Уссури. Старики могли бы руководить этими новыми заселеніями; ихъ же устоячивость въ работѣ, единеніе въ поддержаніи другъ друга и трезвый образъ жизни—послужили бы залогомъ упроченія и развитія такихъ выселковъ, въ примѣръ другимъ. Забайкальскій губернаторъ, генералъ Ильяшевичъ, высказывалъ мнѣ по этому поводу свою мысль—направить ихъ въ бурятскія степи, поясняя, что «буряты мало чтò извлекаютъ изъ земли: будучи народомъ кочевымъ, угнетаемымъ ламами, они только при осѣдлости, къ чему, можетъ быть, побудили бы ихъ, своимъ примѣромъ, русскіе раскольничьи поселенія,—могли бы сдѣлаться и себѣ и правительству полезными».

VII.

Весенняя погода.—Вновь Чита.—Баль.—Нерчинскъ.—Пребываніе на Усть-Карѣ.—Общія замѣчанія.—Захватка пріютскаго зданія.—Объѣздъ рудниковъ.—Нерчинскій заводъ.—Сосредоточеніе каторжныхъ.—Акатуевскій рудникъ.—Мѣстность.—Побѣгъ государственныхъ преступниковъ.—Опять Кара.—Возвратный путь.—Чита.—Необходимость образованія отдѣльнаго генералъ-губернаторства изъ всего Приамурскаго края съ Забайкальской областью.—Верхнеудинскъ.—Опять Иркутскъ.—Отъѣздъ.—Архіепископъ Веніаминъ.—Томскъ.—Встрѣчные пароходы „Бѣленченко“ и „Косаговскій“.—Свиданіе съ генералъ-губернаторомъ Анучинымъ.

12-го апрѣля. Весна во всемъ блескѣ теплаго, яркаго солнца. Дороги просохли. По приѣздѣ въ Читу подлежалъ обсужденію вопросъ о политическихъ каторжныхъ—объ устройствѣ ихъ положенія по окончаніи сроковъ заключенія. Желательное устройство поселеній, съ надѣломъ землю, изъ отбывшихъ каторгу, по возможности на мѣстѣ, не выселяя въ Якутскую область и другія мѣстности, составляетъ вообще большую заботу и немало затрудняетъ мѣстное управленіе.

15-го апрѣля, утромъ, выѣхалъ изъ Читы, легши спать на разсвѣтѣ послѣ пира-бала у Ильяшевичъ. Все Читинское общество было на лицо. Красивая Л., дочь урожденной Трубецкой, дочерп декабриста

отъ непризнаннаго брака съ мѣстной сибирячкой—привлекала къ себѣ общее вниманіе. Перевѣздъ отъ Читы до Нерчинска, въ настоящую, весеннюю пору, былъ очень затруднителенъ: горныя рѣчки перерѣзывали и портили путь, а безконечныя горы затрудняли болѣе обыкновеннаго подъема и спуски. Особенно ощущалось это между станціями Князь-Береговой и Галкиной (казачья станица). 16-го вечеромъ мы добрались наконецъ до гор. Нерчинска. Огромный домъ Бутиныхъ, гдѣ и на этотъ разъ мнѣ пришлось остановиться, съ большимъ садомъ при домѣ, оранжереями и различными заведеніями составляетъ главную привлекательность города. Гостепріимные хозяева ожидали насъ. 17-го вечеромъ въ здѣшнемъ отдѣленіи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, въ Бутинскомъ помѣщеніи, Бутинскимъ же оркестромъ былъ данъ концертъ по слѣдующей программѣ: I, 1) Увертюра «Jean de Paris»—Boieldieu 2) Гавоть «Heimliche Liebe»—Resch, 3) «Дочь Фараона», соло для флейты—Ciardi, II, 4) Увертюра «Les diamants de la Couronne»—Auber, 5) Романсъ «Frühlingsgruss»—Resch, 6) Увертюра «L'enlèvement du Sérail»—Mozart.

Ожидаю приѣзда Ильшевича, чтобы одновременно съ нимъ ѣхать отсюда на Кару. Выѣхали 19-го, на Срѣтенскъ, въ Усть-Кару.

Съ 20-го по 25-е апрѣля провелъ на Карѣ. Осмотръ помѣщеній и арестантскихъ работъ по снятію торфа съ золотоносныхъ песковъ и по разнымъ постройкамъ подтвердилъ еще разъ, что всѣ эти работы, какъ и большая часть производимыхъ на Сахалинѣ, за исключеніемъ работъ въ угольныхъ копяхъ,—если и представляютъ значеніе въ смыслѣ отбытія наказанія, то единственно вслѣдствіе отдаленности и особыхъ условій самаго мѣста ссылки, а отнюдь не по трудности и тяжести работъ. Къ тому же работы производятся безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Достаточно сказать, что подраздѣленія испытуемыхъ и исправляющихся совершенно изгладились изъ практики. Такъ, и с пы т у е м ы хъ назначаютъ на домашнія, хозяйственныя по тюрьмамъ работы и наоборотъ и с п р а в л я ю щ и х с я продолжаютъ занимать болѣе тяжелыми работами. На неправильное исчисленіе сроковъ наказанія предъявлялись постоянныя жалобы...

Общее расположеніе Карійскихъ тюремъ и самая мѣстность признаются вполнѣ удовлетворительными. Только пребываніе тутъ политическихъ, среди массы каторжныхъ, представляется неудобнымъ. Къ тому же устроенныя для нихъ тюрьмы (для мужчинъ и женщинъ отдѣльно), по системѣ общаго содержанія, не удовлетворяютъ требованіямъ порядка, ниже ихъ собственному желанію. Они начинаютъ тяготиться общеніемъ между собою. Цѣлая партія политическихъ въ 12-ть человекъ, по настоятельной ихъ просьбѣ, выдѣлена и помѣщена отдѣльно въ такъ называемомъ карцерномъ домѣ, съ общей по серединѣ комнатою, на

Усть-Карѣ. 4-ро другихъ выдѣлены еще и помѣщены въ особыхъ карцерныхъ камерахъ, въ зданіи военнаго караула, по ихъ же просьбѣ. Всѣ ихъ ходатайства были мною рассмотрѣны и возможныя тогда же удовлетворены.

24-го а прѣля состоялась закладка Пріютскаго зданія для арестантскихъ дѣтей. Теперь они помѣщаются въ отдѣльномъ старомъ зданіи. Благодаря новому, молодому смотрителю Бородину, пріютъ поставленъ хорошо, и дѣти-мальчики производятъ прекрасное впечатлѣніе. Для дѣвочекъ же пока не имѣется помѣщенія.

Выѣхалъ 25-го въ Срѣтенскъ и оттуда проѣхалъ по горной дорогѣ на Александровскій заводъ, Акатуй, Алгачинскій рудникъ, Покровскій Кутомарскій заводы, рудникиКадаинскій, Савинскій и Горно-Зерентуйскій, гдѣ строится каменная тюрьма,—въ Нерчинскій заводъ, куда и прибылъ 1-го мая поздно вечеромъ, употребивъ на осмотръ упомянутыхъ пунктовъ, производящихся въ нихъ работъ и имѣющихся при нихъ помѣщеній для рабочихъ-каторжныхъ, ровно шесть сутокъ. Во всѣхъ упомянутыхъ серебро-свинцовыхъ рудникахъ и заводахъ, имѣющіеся для рабочихъ-каторжныхъ зданія—всѣ деревянные, временныя (въ виду срочности разработки рудниковъ). Большинство требуетъ замѣны новыми, или же капитальнаго ремонта и пристроекъ. Относительно самыхъ работъ слѣдуетъ сказать, что онѣ здѣсь несравненно внушительнѣе и требуютъ много рукъ. Вообще тутъ горное дѣло—въ заустѣннн, оживленіе же его и расширеніе возможны и были бы необходимы въ цѣляхъ, по крайней мѣрѣ, пенитенціарныхъ.

Опытъ поселенія отбывшихъ каторгу примѣненъ здѣсь въ окрестностяхъ Алгачинскаго рудника и оказался весьма удачнымъ. 6-ть домовъ обстроились и обзавелись скотомъ (отъ 5 до 20 головъ) и всѣмъ необходимымъ для хлѣбопашества. При домахъ имѣются огороды.

Возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли всѣхъ каторжныхъ, закрывъ каторжныя тюрьмы во внутреннихъ губерніяхъ и также въ губерніяхъ западно-сибирскихъ, направлять исключительно на Сахалинъ и на Кару, удаляя съ Кары и частію съ Сахалина необходимыя партіи каторжныхъ, для работъ по благоустройству городовъ Хабаровки, Владивостока и др. по Амуру, а равно по устройству поселеній и столь необходимыхъ въ краѣ дорогъ. Въ этомъ случаѣ вопросъ о каторгѣ облегчился бы въ томъ уже отношеніи, что каторга была бы сосредоточена и къ тому же въ мѣстности, наиболѣе отвѣчающей требуемымъ условіямъ.

Осмотрѣнный мною Акатуевскій рудникъ весьма незначителенъ по размѣрамъ добычи серебра, но по своему уединенному мѣстоположенію обратилъ на себя, въ свое время, вниманіе и служилъ мѣстомъ ссылки нѣкоторыхъ декабристовъ. Отъ того времени сохранились еще небольшія зданія. Мѣстность чрезвычайно живописная, величественная даже,

и должна дѣйствовать успокаивающимъ, умиротворяющимъ образомъ. Замѣчательно, что и вторая здѣсь мѣстность, избранная для работъ декабристовъ—рудникъ Благодатскій, среди селенія того же имени, неподалеку отъ проѣзжей дороги,—необыкновенно живописна. Спускаясь тутъ съ горы, чувствуешь себя дѣйствительно въ горномъ царствѣ: изрытая горами, съ падами, покрытыми теперь въ изобилии поденѣжниками и пробивающеюся зеленью, съ крестами и часовенками на вершинахъ ближнихъ къ поселеніямъ горъ—мѣстность эта сильно впечатлѣетъ путника. Видимыя въ разныхъ мѣстахъ штольни призываютъ въ глубины горъ на работу, по добычѣ металловъ, и сколько уже было употреблено тутъ труда и сколько еще предстоитъ!..

На лугахъ Забайкалья насчитывается до 1.700 видовъ различныхъ растений. Этимъ объясняется чарующее впечатлѣніе особой цвѣтистости здѣшнихъ луговъ.

На Акагуевскомъ кладбищѣ погребенъ декабристъ Лунинъ, умершій въ 1845 году. На плитѣ невысокаго, обнесеннаго желѣзной рѣшеткой, обелиска, обнесеннаго желѣзнымъ же крестомъ, имѣется надпись: «незабвенному брату Михаилу Сергѣевичу Лунину скорбящая сестра З. У». Далѣе число и годъ смерти.

Предпринятый мною переѣздъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ прямо въ Читу былъ прерванъ сообщеніемъ генерала Ильяшевича о побѣгѣ съ Кары 8 государственныхъ преступниковъ, съ обращенной ко мнѣ его просьбой проѣхать вновь въ Усть-Кару. Въ числѣ бѣжавшихъ было два серьезныхъ: Мышкинъ и Юрковский (извѣстный подъ именемъ Сашки). Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось со станціи Бянкиной повернуть опять на Срѣтенскъ и оттуда въ Усть-Кару. Въ Бянкиной, или иначе въ Борцовско-Бутинскомъ заводѣ, я ночевалъ и утромъ 6-го мая осмотрѣлъ собираемый тутъ на Шилкѣ 100-сильный пароходъ, построенный на Бутинскомъ же Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Собираетъ англичанинъ. «Тутъ все съ Николаевского завода, нѣтъ ни одного гвоздика чужаго-заграничнаго»—сказалъ мнѣ англичанинъ съ своего рода гордостью, достойной истаго русскаго. Здѣсь имѣется и паровая мельница и зерносушилка и механическое обширное заведеніе. На винокуренномъ заводѣ дѣйствуетъ уже новый очистительный аппаратъ.

Изъ Срѣтенска, за неимѣніемъ парохода, пришлось плыть до Усть-Кары въ обыкновенной лодкѣ, на веслахъ. Лодка текла, приходилось воду вычерпывать. Розыскъ бѣжавшихъ въ полномъ ходу. 4-хъ уже задержали. Остальные плывутъ, будто-бы, внизъ по Амуру.

13-го мая, выѣхалъ изъ Усть-Кары обратно въ Нерчинскъ, откуда проѣхалъ (по пути въ Читу) на Дарасунскій золотой промыселъ, принадлежащій Бутину. Тутъ добываютъ золото, какъ поверхностной разработкой (снятіемъ торфовъ), такъ и въ шахтахъ. Здѣсь работаютъ до 80

каторжныхъ, разряда исправляющихся, подъ надзоромъ казачьяго офицера. Отсюда я направился безостановочно въ Читу.

Здѣсь, на грани Забайкалья, сводя свои впечатлѣнія по ознакомленію съ Амурскимъ краемъ, я не могу не остановиться на необходимости выдѣленія его въ самостоятельное генераль-губернаторство, со включеніемъ въ него Забайкальской области, Сахалина и Камчатки. Какъ ни спеціальны были мои занятія по порученному мнѣ дѣлу по ссылкѣ и каторгѣ, но они затрогивали столько пружинъ правительственныхъ и частныхъ въ краѣ, что мнѣ довелось, благодаря, какъ самымъ развѣздамъ, такъ и особо-благопріятно сложившимся обстоятельствамъ, достаточно ознакомиться со страной и съ ея настоятельными надобностями. Къ числу же сихъ послѣднихъ безспорно принадлежитъ безотлагательное осуществленіе давняго, не разъ возникавшаго предположенія объ образованіи тутъ отдѣльнаго отъ Иркутскаго генераль-губернаторства—особаго административнаго и военнаго центра управленія. Еще графъ Муравьевъ-Амурскій настаивалъ на этомъ. Польза же этой мѣры раздѣляется тутъ всѣми, да врядъ ли возможно отрицать значеніе ея, какъ въ административномъ отношеніи, сокращая разстоянія и приближая центръ управленія, такъ и въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ по ближайшей смежности съ китайской границей ¹⁾.

¹⁾ Соображенія эти, болѣе подробно изложенныя, нашли себѣ мѣсто въ моемъ отчетѣ по обзорнѣю тюремной части въ Сибиріи. Отчетъ этотъ былъ напечатанъ и рассмотрѣнъ, при моемъ участіи, въ Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ, въ засѣданіяхъ 23-го октября, 1-го и 8-го ноября 1882 года, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ, члена Госуд. Сов. М. Н. Любоцинскаго и членовъ Совѣта по тюремнымъ дѣламъ: членовъ Госуд. Сов. К. П. Побѣдоносцева и М. Е. Ковалевскаго и сенаторовъ: Э. В. Фриша, А. Д. Шумахера и С. А. Мордвинова и ст. сов. Н. В. Муравьева.

Приступая къ рассмотрѣнію отчета и въ виду возбужденныхъ въ немъ нѣкоторыхъ вопросовъ, не касающихся прямо и непосредственно тюремной части, Совѣтъ подвергъ предварительно обсужденію—могутъ ли такové вопросы подлежать рассмотрѣнію Совѣта по тюремнымъ дѣламъ. „Принявъ во вниманіе, что развитіе тюремнаго дѣла вообще, и особенно въ такомъ краѣ, какъ въ Сибиріи, гдѣ тюремная часть искони составляла одну изъ самыхъ важныхъ задачъ управленія, находится въ тѣсной связи и непосредственной зависимости отъ разнаго рода административныхъ мѣропріятій по самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ,—Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что ему необходимо уяснить себѣ по каждому отдѣльному вопросу эту связь и зависимость; для этой же цѣли Совѣтъ долженъ войти въ рассмотрѣніе всѣхъ вообще предположеній, такъ или иначе касающихся тюремной части, хотя бы они относились къ компетенціи другихъ вѣдомствъ“. Согласно сему Совѣтъ коснулся и возбужденнаго вопроса объ учрежденіи отдѣльнаго генераль-губернаторства на Амурѣ. „Не входя въ обсужденіе этого вопроса въ виду его обширности и совершенно-исключительной важности по значенію сколько въ административномъ вообще, столько же и въ политическомъ и военномъ

Простившись съ Читой, а потомъ и съ Верхнеудинскомъ, я заѣхалъ по пути въ Троицкій монастырь и затѣмъ съ первымъ парохомъ переправившись черезъ Байкаль, — 26-го мая прибылъ въ Иркутскъ. Это былъ мой четвертый и на этотъ разъ послѣдній прїѣздъ сюда.

За годъ почти времени я успѣлъ полюбить Сибирь. О пережитомъ же тамъ времени сохранию навсегда лучшія воспоминанія.

„отношеніяхъ, Совѣтъ—какъ было выражено въ его журнальномъ постановленіи—счелъ, однако, нужнымъ заявить, что для прочнаго устройства собственно тюремной части въ Восточной Сибири, разрѣшеніе настоящаго вопроса въ объясненномъ выше смыслѣ по тѣмъ основаніямъ, которые были высказаны тайн. сов. Галкинымъ-Враскимъ, нельзя не признать желательными“. Присоединяясь къ сему, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, далъ дальнѣйшее движеніе настоящему предположенію. Сообщая такое на заключеніе военнаго министра и также министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Толстой пояснилъ, что „едва-ли вообще „полезность сосредоточенія въ болѣе сильныхъ рукахъ завѣдыванія столь „новымъ еще Амурскимъ краемъ можетъ подлежать сомнѣнію и что въ этомъ „случаѣ вопросъ сводится лишь къ практическому разрѣшенію“.

Генераль-адъютантъ Ванновскій, въ своемъ отзывѣ, отъ 23-го мая 1883 года, сообщилъ свои, въ томъ же направленіи, соображенія относительно необходимости объясненной мѣры, при чемъ присовокупилъ, что „въ виду полученнаго имъ высочайшаго указанія объ образованіи особаго совѣщанія для „всесторонняго обсужденія нашего военнаго и политическаго положенія на „прибрежьи Великаго океана и Приамурскомъ краѣ, при измѣнившейся „политикѣ Китая, онъ полагаетъ испросить высочайшее повелѣніе на то, „чтобы этому совѣщанію поручено было обсудить, въ главныхъ основаніяхъ, „вопросъ о переустройствѣ управленія Восточною Сибирью, съ учрежденіемъ „отдѣльнаго самостоятельнаго центра для Приамурскаго края“.

Съ своей стороны, статсъ-секретарь Гирсъ сообщилъ, „что громадное „протяженіе пограничной черты, находящейся въ вѣдѣніи генераль-губернатора Восточной Сибири, и значительное разстояніе, отдѣляющее многіе изъ „ея пунктовъ отъ Иркутска, составляютъ существенныя неудобства, постоянно „выражающіяся въ осложненіяхъ на нашей границѣ съ Китаемъ, въ особенности въ нижней части Уссурийскаго края, почему учрежденіе генераль-„губернаторства на Амурѣ не преминетъ, въ значительной степени, облегчить „обязанности властей нашихъ по устройству положенія дѣлъ, какъ въ означенномъ краѣ, такъ и на его границѣ“.

Упомянутое въ отзывѣ военнаго министра совѣщаніе, согласно послѣдовавшему высочайшему повелѣнію, было вслѣдъ затѣмъ образовано, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента экономіи Государственнаго Совѣта, генераль-адъютанта графа Баранова, въ составѣ министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, военнаго, финансовъ и путей сообщенія, управляющаго морскимъ министерствомъ, членовъ Государственнаго Совѣта: генераль-адъютантъ графа Игнатъева и Лесовскаго, начальника главнаго штаба, главнаго интенданта, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, начальника Азіатскаго департамента и начальника главнаго тюремнаго управленія.

Высокопреосвященный Веніаминъ, дѣлая свой объѣздъ по епархіи, поджидалъ меня на станціи за Иркутскомъ и благословилъ образомъ.

Переѣздъ изъ Иркутска предстоялъ безостановочный, такъ какъ всѣ служебныя занятія были мною закончены. Тѣмъ не менѣе пришлось ѣхать крайне медленно, вслѣдствіе убійственной дороги, размытой дождями и еще неисправленной. Такимъ образомъ, выѣхавъ изъ Иркутска 1-го іюня, я только 9-го добрался до Томска, гдѣ поджидавшій пароходъ разводилъ уже пары.

Потомъ дополнительно въ составъ совѣщанія поступили: министр юстиціи, управляющій министерствомъ Государственныхъ имуществъ, Государственный контролеръ и нашъ посланникъ въ Японіи. Сверхъ того, по распоряженію предсѣдателя, были приглашаемы въ засѣданія и нѣкоторые другія лица.

Дѣлопроизводителемъ-докладчикомъ состоялъ генераль-маіоръ Петровъ, нынѣ начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

Въ результатъ занятій этого совѣщанія, независимо обсуждения различныхъ мѣропріятій по военному вѣдомству, послѣдовало опредѣленіе объ учрежденіи Приамурскаго генераль-губернаторства, каковое затѣмъ, согласно внесенному, въ декабрѣ 1883 года, представленію министра внутреннихъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ, и было высочайше утверждено.

Въ дѣлѣ мѣстныхъ пограничныхъ сношеній—для коихъ учрежденіе самостоятельнаго административнаго и военнаго центра въ Приамурскомъ краѣ получало особое значеніе,—не лишне будетъ привести здѣсь имѣвшіяся въ виду означеннаго совѣщанія, весьма вѣскія, для того времени, обстоятельства, а именно: фактически было обнаружено стремленіе манчжурскихъ властей подчинить не только своему вліянію китайское населеніе Южно-Уссурійскаго края, но и вѣсти среди его свое управленіе, чинить судъ и расправу. Оказалась такого рода тайная организація, что одинъ изъ проживавшихъ на рѣкѣ Сучанѣ манъзъ, Лигуй, назначенный, по богдыханскому указу, начальникомъ своихъ единоплеменниковъ, составилъ изъ нихъ вооруженную шайку и распорядился укрѣпленіемъ нѣсколькихъ пунктовъ. Потребовалась посылка на рѣку Сучанъ нашего военнаго отряда, для возстановленія порядка. Въ распространяемыхъ среди манзовскаго населенія объявленіяхъ внушается, что и самый Южно-Уссурійскій край находится лишь во временномъ владѣніи Россіи. Въ пограничномъ селеніи Савеловкѣ, прибывшимъ въ августѣ 1882 года начальникомъ Гиринской области, выше мною, въ бытность во Владивостокѣ, упомянутымъ,—Ли-Цзинъ-Юномъ, было потребовано отъ постоваго начальника—очистить военный постъ съ мѣсячный срокъ, съ угрозой при неисполненіи употребить силу. Въ объясненіе приводилось, что эта мѣстность принадлежитъ Китаю, при чемъ оказался скрытно перемѣщеннымъ граничный столбъ на рѣкѣ Тумень-Уда. Съ нашей стороны былъ высланъ военный отрядъ для занятія имъ Савеловки и было предъявлено требованіе китайскимъ властямъ объ удовлетвореніи за совершенныя еще при томъ разныя безчинства. Указаніе на неправильность границы, невѣрность, будто бы, карты было еще заявлено по отношенію къ залivu „Посеть“, въ дѣляхъ его возвращенія, такъ какъ, по откровенному объясненію манчжурскаго даотая У, главноначальствующаго гражданскою частію въ Манчжуріи, для развитія этой провинціи необходимо владѣніе заливомъ Посеть.

*

На 3-й день хода, 11-го іюня, пароходъ, на которомъ я шелъ, носящій имя генерала «Бѣленченко», повстрѣчался съ пароходомъ «Косаговскій», такъ прозваннымъ по имени бывшаго директора департамента полиціи исполнительной. Случайная встрѣча. Оба эти лица извѣстны, какъ бывшіе друзья и сослуживцы—начальные устроители водной и конной перевозки арестантовъ. На пароходѣ «Косаговскій» слѣдовалъ возвращавшійся изъ Петербурга генералъ-губернаторъ Анучинъ. По предварительномъ сношеніи, пароходы пріостановились, и благодаря этому, я могъ посѣтить Дмитрія Гавриловича, обмѣняться съ нимъ мыслями и хотя нѣсколько переговорить о взаимно интересовавшихъ насъ дѣлахъ...

М. Галкинъ-Враской.

Изъ смутнаго времени.

(Мало или вовсе неизвѣстные источники).

а разработка исторіи названнаго Дмитрія началась сравнительно давно, когда еще далеко не весь матеріалъ былъ отысканъ и обследованъ. Таковъ часто ходъ исторической науки, и было бы неразумно ставить это въ укоръ изслѣдователямъ. Иначе и быть не можетъ: только постепенно появляются на свѣтъ Божій зарытые въ архивахъ документы и нерѣдко нужны вѣсковыя усилія, чтобы дойти до полного освѣщенія какой-либо эпохи.

Въ виду умноженія такого матеріала, я укажу на нѣкоторые памятники, которые или оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, или извѣстны только въ тѣсномъ кругу немногихъ ученыхъ.

Настоящая статья не имѣетъ критическаго характера. Не слѣдуетъ также искать въ ней полноты—мелкіе документы, какъ, на примѣръ, письма Петра Аркудія или Сигизмунда Мышковскаго, вовсе въ ней не упомянуты. Побывавъ въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи, Самборѣ, Москвѣ и Петербургѣ, заглянувъ повсюду въ архивы, я отмѣчу только то, что меня всего болѣе поразило; это—бѣглыя путевыя замѣтки.

І. Три записки Льва Сапѣги.

Записки литовскаго канцлера были извѣстны князю Оболенскому по достоинству опѣнены имъ; но, вопреки своей обычной дѣятельности, онъ не успѣлъ ихъ напечатать. Впоследствии онъ какъ-то сошелъ съ горизонта; даже знающіе объ ихъ существованіи не могли ихъ отыскать. Только благодаря просвѣщенному содѣйствію С. А. Бѣлокурова

и его отличному знакомству съ московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ мнѣ удалось добраться до нихъ и воспользоваться ими ¹⁾). Безъ всякаго колебанія записки Льва Сапѣги должны быть отнесены къ источникамъ первостепенной важности.

Насъ интересуютъ особенно двѣ первыя записки. Онѣ писаны, какъ, впрочемъ, и третья, собственною рукою канцлера, безъ обозначенія времени, но, очевидно, въ разгаръ войны между Россією и Польшею, послѣ появленія втораго самозванца. Сапѣга стремится доказать, что Сигизмундъ III вовсе не желалъ прибѣгать къ оружію и, попутно, рассказываетъ всю исторію Димитрія, очень сходно съ русскими источниками, хоть на нихъ и не ссылается, и, повидимому, излагаетъ свое собственное убѣжденіе. О Димитріѣ утверждается положительно, что онъ не былъ царскаго происхожденія, а просто Гришка Отрепьевъ, сынъ Богдана.

Если даже допустить, что Сапѣга придерживался постороннихъ свидѣтельствъ, то, все-таки, его заявленіе отмѣнно важно. Положеніе его было такое, что онъ могъ и долженъ былъ провѣрить свои показанія. Подъ его руководствомъ и при его главномъ участіи, велись переговоры съ Смирнымъ Отрепьевымъ и съ Огаревымъ; на немъ лежала нѣкоторая доля отвѣтственности. Дѣйствительно, слѣды этой провѣрки осязательны и въ громовой рѣчи на сеймѣ 1605 года, и въ запискахъ. Сапѣга говоритъ вполне сознательно, требуетъ рѣшительныхъ мѣръ и не опасается быть опровергнутымъ.

Вообще литовскій канцлеръ такъ явно и сильно выступалъ противъ Димитрія, что его панегиристъ іезуитъ Рывоцкій ставитъ ему это въ большую заслугу, и жалѣетъ, что поляки не послѣдовали его мудрымъ совѣтамъ ²⁾). Несомнѣнно и то, что Сапѣга иногда кривилъ душою, и рѣчь его при бракѣ Марины вовсе не похожа на сеймовыя рѣчи; но истинное свое убѣжденіе онъ высказывалъ, конечно, въ сенатѣ, предъ народомъ и передъ королемъ. Съ этимъ убѣжденіемъ приходится считаться.

II. Письма польскихъ сенаторовъ.

При появленіи Димитрія въ Польшѣ, Сигизмундъ III потребовалъ подробный докладъ о немъ отъ князя Адама Вишневецкаго. Получивъ

¹⁾ Гл. арх. мнн ин. дѣлъ, метрика В. Б. Литовскаго, сношенія Польши съ Россією, 1554—1615.

²⁾ Публичная Библиотека, Лат. О, IV, 16, *Idea magni Herois seu illustrissimus Dominus D. Leo Sapieha*.—Этотъ панегирикъ былъ напечатанъ въ Антверпенѣ въ 1645 году; изданіе рѣдчайшее.

докладъ, король сообщилъ его сенаторамъ съ просьбою изложить ихъ мнѣніе о Димитріѣ. Сенаторы откликнулись.

Такимъ образомъ, возникла переписка, часть которой находится въ краковскомъ музеѣ князя Чарторыжскаго и уже вошла въ историческое обращеніе. Другая часть, самая интересная, лежитъ подъ спудомъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и, если не ошибаюсь, никто еще ею не занимался. Всѣхъ сенаторскихъ писемъ, помѣченныхъ февралемъ и мартомъ 1604 года, насчитывается десять ¹⁾. Изъ нихъ становится очевидно, что королевское извѣстіе было для польскихъ пановъ совершенною неожиданностію. О Димитріѣ никто ничего не вѣдалъ и не слышалъ. Даже князь Константинъ Острожскій писалъ 3-го марта, что былъ ли «князикъ» когда-либо въ его монастыряхъ, этого онъ не знаетъ. Но самое замѣчательное письмо принадлежитъ перу Барановскаго, епископа плоцкаго. Онъ скептически отнесся къ Димитрію, подробно разобралъ докладъ Вишневецкаго, разбилъ его въ пухъ и прахъ, и предупредилъ короля, что въ этомъ отношеніи необходима крайняя осторожность. Мнительный совѣтникъ прислалъ даже цѣлый рядъ вопросовъ, которые слѣдовало предложить Димитрію, чтобы добиться истины. Къ несчастію, написанные на особомъ листѣ вопросы эти не дошли до насъ. Вообще, для оцѣнки общественнаго мнѣнія въ высшихъ польскихъ кругахъ сенаторскія письма представляютъ ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ. Большая часть пановъ склонялась къ тому мнѣнію, что дѣло Димитрія надо предоставить сейму и безъ его рѣшенія ничего не предпринимать.

Въ тѣхъ же книгахъ Литовской Метрики есть шесть подлинныхъ писемъ Юрія Мнишка къ Сигизмунду III, отъ 1601—1604 годовъ ²⁾. Первые пять чисто денежнаго и хозяйственнаго содержанія. Сендомирскій воевода не выплачивалъ въ-время слѣдующихъ королю суммъ и постоянно ходатайствовалъ, чтобы его милостиво пощадили. Въ шестомъ письмѣ, отъ 14-го іюня 1604 года, изъ Самбора, онъ откровенно сообщаетъ Сигизмунду, что тайкомъ готовитъ походъ противъ Бориса Годунова и гордится своею осторожностію.

Къ дѣлу Димитрія относятся еще нѣкоторыя письма Константина Острожскаго, его сына Януша и старосты Михаила Ратомскаго. Особенно загадочно письмо князя Константина, отъ 12-го іюня 1604 г. ³⁾. Онъ испрашивалъ у короля аудіенцію для пана Гойскаго съ товарищемъ, по поводу государственнаго дѣла. У Гойскаго, какъ извѣстно, пребывалъ нѣкоторое время Димитрій, когда онъ еще себя не выдавалъ

¹⁾ Литовская метрика, новыя книги, №№ 53, 54, 55.

²⁾ Новыя книги, № 53, л. 56, 321; № 54, л. 14; № 55, л. 135, 238, 270.

³⁾ Новыя книги, № 53, л. 235.

за царевича. Ужъ не о немъ ли доставлялись свѣдѣнія королю Сигизмунду?

III. Самборскія рукописи.

Уже давно меня тянуло въ Самборъ, по слѣдамъ Дмитрія п Марини; но только въ 1898 году мнѣ удалось осуществить это желаніе.

Львовъ лежалъ на моемъ пути. У бернардиновъ этого города нашлись двѣ орденскія хроники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, составленная Киприаномъ Дамирскимъ, уже появилась въ печати и ничего не содержитъ о самозванцахъ; другая, неизданная, относится къ 1647 г. Авторъ ея, бернардинъ Калискій, лишь мимоходомъ упоминаетъ о Дмитріѣ, за то подробно описываетъ городъ Самборъ и его монастыри. Въ смежномъ съ монастыремъ костелѣ св. Андрея, недалеко отъ придѣла св. Іоанна изъ Дуки, красуется мраморная доска темно краснаго цвѣта съ латинскою надписью, которая свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе Сигизмунда III прежняя деревянная церковь была замѣнена каменною иждивеніемъ Дмитрія Соликовского, архіепископа львовскаго, Юрія Мнишка, воеводы сендомирскаго, и Станислава Жолкѣвскаго. Въ ризницѣ той же церкви показываютъ портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстною гравюрою Кимана, но осанка воеводы благороднѣе, черты лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова я отправился въ Самборъ. Въ 1891 году городъ праздновалъ 500 лѣтнюю годовщину своего основанія. При этомъ случаѣ былъ напечатанъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ, подъ заглавіемъ «Kronika miasta Sambora». Въ старину Самборъ часто подвергался татарскимъ набѣгамъ и потому былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ, на берегу Днѣстра, возвышался королевскій замокъ, гдѣ обыкновенно жилъ Мнишекъ съ своимъ семействомъ. Въ настоящее время на томъ же мѣстѣ построена пивоварня.

Между образованными жителями Самбора держится мнѣніе, что Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ неотдаленномъ замкѣ, Laszki pirowane, принадлежащемъ семейству его жены Тарло. Замокъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ 8-ю башнями и широкимъ ровомъ. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь только очень скромное зданіе, собственность графа Михаила Красицкаго. Въ львовскомъ архивѣ есть планъ стариннаго замка съ обозначеніемъ покоевъ, которые нѣкогда занималъ Дмитрій. Замѣчательно, что въ простона-

родін о немъ и о Маринѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, ни пѣсенъ, ни преданій.

Письменные памятники я надѣялся найти въ бернардинскомъ монастырѣ Божіей Матери, съ которымъ Мнишекъ былъ въ постоянныхъ и дружескихъ сношеніяхъ. Дѣйствительно, сохранилась рукопись подъ заглавіемъ: «Acta seu Monumenta diversa». Къ сожалѣнію, листы, относящіеся къ смутной эпохѣ, вырваны, и никакого намека на ихъ содержаніе нѣтъ. Уцѣлѣли только нѣкоторыя замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: въ 1605 году, вернувшись побѣдителемъ изъ похода ¹⁾, Юрій Мнишекъ поднесъ монастырю московскую, золотомъ обшитую, хоругвь; въ 1609 году «московская царица Марина» прислала серебряныя паникадила изящной работы; наконецъ, подъ 16-мъ мая 1613 года, въ день смерти Юрія Мнишка, незабвенному благодѣтелю монастыря посвящается нѣсколько прочувственныхъ строкъ.

Есть еще другіе архивы въ Самборѣ: магистратскій, мѣщанскій, цеховой, приходскій. Въ нихъ встрѣчается имя Юрія Мнишка и рисуется его дѣятельность. Кропотливую работу извлечения этихъ свѣдѣній взялъ на себя г. Маркель Туркавскій, но, сколько мнѣ извѣстно, всего найденнаго не опубликовалъ, ограничиваясь нѣкоторыми статьями въ польскихъ журналахъ.

IV. Дѣло Дмитрія въ римскомъ архивѣ Инквизиціи.

Сношенія Дмитрія съ Римомъ были не только политическія, но и личныя, по дѣламъ совѣсти. Обычная практика требуетъ, чтобы втораго рода дѣла направлялись въ Инквизицію. Отъ 1604 до 1606 года это учрежденіе трижды занималось Дмитріемъ, вслѣдствіе чего образовалась цѣлая связка бумагъ, которая до послѣдняго времени оставалась въ забвеніи ²⁾. Между тѣмъ для полнаго изученія вопроса она необходима.

Впервые имя Дмитрія было произнесено въ Инквизиціи по случаю его обращенія въ католичество. Тамъ обсуждалось его собственноручное письмо отъ 24-го апрѣля 1604 года къ папѣ Клименту VIII. Никакихъ слѣдовъ преній не осталось; но изъ отвѣтнаго «бreve» видно, что Инквизиція отнеслась серьезно къ заявленію Дмитрія. Съ тѣхъ поръ на него смотрѣли, какъ на истиннаго католика, и всѣ послѣдующія мѣропріятія исходили изъ этого взгляда.

Въ 1605 году, отецъ Савицкій обратился къ краковскому нунцію Рангони съ запросами на счетъ Дмитрія; нунцій препроводилъ эти запросы въ Инквизицію. Положеніе было щекотливое и затруднительное.

¹⁾ Gdy z Moskwy victor przyjechał.

²⁾ Archivio del Santo Uffizio, № IV, Dubia aliqua... super quibus dispensari petunt Demetrius Moschorum Dux, Marina ejus sponsa et Wladislaus Sigismundus, Poloniae Princeps, electus Moschorum Dux. 1604 ad 1619.

Димитрій не хотѣлъ выдавать себя всенародно за католика; въ Москвѣ за нимъ зорко слѣдили, ему приходилось участвовать въ церковныхъ торжествахъ и рѣшать религиозныя дѣла. Къ тому же онъ надавалъ въ Польшѣ много неисполнимыхъ обѣщаній. Какъ тутъ выпутаться? Савицкій недоумѣвалъ. Полагая, что отъ него потребуютъ рѣшенія этихъ вопросовъ, онъ желалъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, объясниться съ духовнымъ своимъ начальствомъ и получить отъ него наставленія и указанія. Желаніе его не было исполнено. Рассмотрѣвъ его просьбу, Инквизиція дала уклончивый отвѣтъ: пусть самъ сообразить всѣ обстоятельства и дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію.

Въ слѣдующемъ, 1606 году, обстоятельства сложились такъ, что Инквизиція была вынуждена постановить положительное рѣшеніе. Предстояла коронація Марины въ Кремлѣ. Димитрій настаивалъ, чтобы Марина пріобшчалась изъ рукъ патріарха, соблюдала русскіе посты и посѣщала русскія церкви. Свою просьбу онъ представилъ нунцію Рангони. Мнишекъ сдѣлался его усерднымъ ходатаемъ; онъ собралъ двухъ, трехъ богослововъ въ Краковѣ, изложилъ затрудненія и просилъ помощи. Польскіе богословы дали двойкій практической совѣтъ: склонять Димитрія къ тому, чтобы онъ отступился отъ своихъ требованій, и тѣмъ не менѣ просить папу, чтобы онъ оказалъ возможную снисходительность.

Для обсужденія этого дѣла инквизиторы собрались въ Римъ въ полномъ составѣ, подъ предсѣдательствомъ папы Павла V. Здѣсь были и кардиналы и простые совѣтники. Рѣшеніе послѣдовало отрицательное, безъ оговорокъ и безъ ограниченій. Надо, однако, замѣтить, что, по римскому обычаю, такой отвѣтъ относится только къ одной изъ статей предложеннаго сложнаго вопроса. Въ нашемъ случаѣ, инквизиторы имѣли, конечно, въ виду причащеніе отъ руки патріарха. Но пока они отвергали просьбу Димитрія, онъ самъ, какъ послѣ выяснилось, отказался отъ нея.

Въ этихъ трехъ пунктахъ заключается сущность сношеній Димитрія съ Римскою Инквизиціей. Для ознакомленія Инквизиціи съ московскимъ царемъ ей сообщили между прочимъ обширную депешу Рангони, отъ 2-го іюля 1605 года, содержащую всю исторію Димитрія съ самаго его дѣтства. Этотъ документъ вскорѣ будетъ напечатанъ.

V. Бумаги Антонія Поссевина.

Всѣмъ извѣстно напечатанное у Чіампи письмо Поссевина къ герцогу тосканскому Фердинанду I. Не менѣ интересны тѣ бумаги итальянскаго іезуита, которыми до сихъ поръ изслѣдователи еще не

занимались. Онѣ находятся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ Флорентійскомъ государственномъ архивѣ и, наконецъ, въ нашемъ собраніи.

Новымъ московскимъ царемъ Поссевиный очень увлекался. Вся эта исторія была ему хорошо знакома, такъ какъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ польскими іезуитами. До насъ дошли нѣкоторыя письма Савицкаго, Деція Стривери и одно письмо Босгревена.

Поссевиный былъ убѣжденъ, что Димитрій истинный потомокъ Ивана Грознаго и что онъ ревностный католикъ. Это непереложно свидѣлствуютъ его письма, особенно же его письмо къ Димитрію, отъ 10-го іюля 1605 года, сохранившееся въ черновикѣ, записка, представленная имъ папѣ, его письма къ герцогу Урбинскому.

Объ этихъ бумагахъ мы уже говорили ¹⁾. Здѣсь кстати упомянуть о письмѣ Босгревена къ Поссевину. Тѣсная дружба соединяла обоихъ іезуитовъ съ тѣхъ поръ, какъ, при помощи Стефана Баторія, Поссевиный освободилъ Босгревена изъ лондонской тюрьмы, гдѣ онъ томился во время елисаветинскихъ гоненій. Спасенный узникъ сообщил своему благодѣтелю, въ письмѣ отъ 19-го августа 1606 года, длинный рассказъ о смерти Димитрія, по слухамъ, которые носились въ Польшѣ. Уже тогда предполагали, что убить не Димитрій, а другое лицо, принятое за Димитрія. Босгревень подробно передаетъ все, что вокругъ него говорилось, и заключаетъ письмо такимъ извѣстіемъ: только-что прибыли два іезуита изъ Вильны; по ихъ словамъ, никакого сомнѣнія нѣтъ, что убить тотъ самый Димитрій, который проживалъ въ Самборѣ, ходилъ войною на Москву и вѣнчался въ Кремлѣ ²⁾.

VI. Письма Чижовскаго и Лавицкаго.

По случаю похода противъ Бориса Годунова, два іезуита, Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій, были назначены полковыми священниками для польскаго отряда войска Димитрія. Въ первой половинѣ августа мѣсяца 1604 года они явились въ Самборъ.

Съ этихъ поръ начинается ихъ переписка. Всего чаще они писали къ Децію Стривери, своему ближайшему начальнику; иногда къ орденскому генералу Клавдію Аквавивѣ и къ другимъ. Письма ихъ ходили по рукамъ и сообщались краковскому нунцію Рангони, который, въ свою очередь, пересылалъ ихъ въ Римъ. Этимъ путемъ нѣкоторыя изъ писемъ попали въ Ватиканскій архивъ. Кардиналъ Боргезе, племян-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1900, г. стр. 196.

²⁾ Письмо Босгревена писано изъ Калиша и находится въ нашемъ собраніи.

никъ Павла V-го, завѣдывалъ иностранною политикою и сдавалъ на храненіе получаемыя бумаги.

Письма обоихъ іезуитовъ частью уже напечатаны, частью еще не изданы. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они исходятъ отъ очевидцевъ, писавшихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій и имѣвшихъ доступъ къ самому Димитрію. Личныя наблюденія двухъ образованныхъ поляковъ заслуживаютъ, во всякомъ случаѣ, вниманія. Они могли оцѣнить способности Димитрія, подмѣтить черты его характера, сообщить предметы ихъ бесѣдъ. Можно также положиться на ихъ хронологию и на фактическія указанія, насколько они выдерживаютъ критику, какъ-то: военныя дѣйствія, осада городовъ во время похода, московскія торжества при встрѣчѣ Димитрія съ матерью, при его вѣнчаніи на царство, при вѣздѣ Марины въ столицу.

Односторонность замѣтна въ томъ смыслѣ, что Чижевскій и Лавицкій вращались постоянно между поляками, къ тому же добротами Димитрія, довѣряли ихъ извѣстіямъ и не думали обращаться къ русскимъ для провѣрки. Этотъ недостатокъ менѣе чувствителенъ, когда они рассказываютъ то, что самолично видѣли и слышали, хотя повсюду вѣтъ оптимизмомъ. Оба іезуита вѣрили въ царское происхожденіе Димитрія и невольно толковали всѣ событія въ его пользу ¹⁾.

VII. Письма кармелитовъ.

Во время краткаго царствованія Димитрія, три монаха кармелитскаго ордена были въ Москвѣ, проѣздомъ въ Персію. Всѣ трое занимали вполнѣ видныя должности: Павелъ Риварола, родомъ изъ Генуи, неоднократно выбирался начальникомъ всего ордена; испанецъ, отецъ Иванъ, умеръ испанскимъ архіереемъ; другой испанецъ, отецъ Викентій, съ успѣхомъ выполнялъ на Востокѣ важныя порученія.

Переписка ихъ съ Римомъ разбросана по разнымъ архивамъ. Она находится частью въ Ватиканѣ, частью у князя Дорія Памфили, частью въ римскомъ Кармелитскомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, тѣ изъ ихъ писемъ, которыя дошли до насъ, малосодержательны и не относятся къ пребыванію ихъ въ Москвѣ.

Что самыя интересныя письма затеряны, это видно изъ исторіи ордена, гдѣ путешествіе въ Персію и проѣздъ черезъ Московію описаны по этимъ именно даннымъ ²⁾. Оказывается, что кармелиты были въ

¹⁾ Тожественныя замѣчанія уже были сдѣланы на счетъ Дневника Лавицкаго. См. „Русскую Старину“, декабрь 1900 г., стр. 689—706.

²⁾ *Historia generalis Fratrum Discalceatorum Ordinis B. Virginis Mariae de Monte Carmelo, Romae, 1671, т. II, стр. 139—141.*

восхищенія отъ пріема Димитрія. Онъ ихъ обласкалъ, одарилъ, даже просилъ остаться въ Москвѣ при самыхъ льготныхъ условіяхъ; но такъ какъ они не могли самовольно перемѣнить свое назначеніе, то царь позаботился снабдить ихъ письмами къ персидскому шаху и облегчить ихъ поѣздку.

Замѣчательно ихъ сужденіе о непрочности положенія Димитрія. Онъ имъ давалъ на выборъ или немедленно отправиться въ Персію,—а это было въ февралѣ 1606 года,—или обождать московское посольство и вмѣстѣ съ нимъ, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пуститься въ дальній путь. Кармелиты предпочли уѣхать неотлагательно, и причиною ихъ поспѣшности было опасеніе переворота. Люди опытные и свѣдущіе предвѣщали имъ, что Димитрію царствовать не долго, не устоять противъ заговоровъ и не удержаться на престолѣ. Раннее и цѣнное свидѣтельство.

VIII. Венеціанскія депеши.

Вѣсти о Димитріи доходили до Венеціи преимущественно изъ Праги и Кракова. Изустно сообщил кое-что французскій посоль.

Въ Прагѣ представителемъ Венеціи былъ тогда Франческо Соранцо. Передаваемые имъ извѣстія были смутны и сбивчивы, записаны съ чужихъ словъ. Только двѣ, три депеши совершенно самостоятельны.

Въ депешѣ отъ 29-го августа 1605 года, онъ сообщаетъ, что Габсбурги не прочь выдать за Димитрія австрійскую эрцгерцогиню. Въ Грацѣ ихъ было достаточно, на выборъ; только увлеченіе царя Марпаною не подавало надежды на успѣхъ. Неизвѣстно, зналъ ли объ этомъ Димитрій; во всякомъ случаѣ настроеніе австрійскаго двора ясно доказываетъ, какое высокое положеніе успѣлъ онъ завоевать въ Европѣ.

Когда Димитрій былъ убитъ, въ Прагѣ, по словамъ Соранцо, о немъ очень жалѣли, какъ о безвременно погибшемъ покровителѣ римской церкви. Первое извѣстіе о московскомъ переворотѣ встрѣчается у Соранцо въ депешѣ отъ 24-го іюля 1606 года, но только 21-го августа исчезли его колебанія, и онъ сдѣлалъ свое окончательное донесеніе съ баснословною приправкою, сваливая всю вину на іезуитовъ, которые будто бы увѣрили Димитрія объявиться католикомъ и вѣнчаться по римскому обряду въ главномъ столичномъ соборѣ ¹⁾. Нечего и говорить, что все это чистая выдумка.

Несравненно большее значеніе имѣетъ обширная депеша отъ 1-го

¹⁾ Венеція, Archivio di Stato, Germania, Dispaeci. № 36. Cappelletti I gesuiti e la Republica di Venezia, Venezia, 1873, стр. 145, № 85.

іюля 1606 года другаго венеціанскаго представителя Альвизе Фоскарини. Еще въ сентябрѣ предъидущаго года онъ былъ назначенъ посломъ въ Краковъ, чтобы присутствовать на бракосочетаніи Сигизмунда III съ эрцгерцогинею Констанціею ¹⁾). Исполнивъ свои порученія, на прощальной аудіенціи, онъ заговорилъ о Димитріѣ, убіеніе котораго было тогда злобою дня. Съ тонкимъ дипломатическимъ тактомъ онъ поставилъ королю цѣлый рядъ искусно рассчитанныхъ вопросовъ. Сигизмундъ отвѣтилъ—а это главное—положительнымъ заявленіемъ, что Димитрійъ не былъ сыномъ Ивана Грознаго. Далѣе онъ не пошелъ: кто именно былъ самозванецъ, осталось недосказаннымъ. При томъ, умалчивая о собственномъ содѣйствіи, король сложилъ всю отвѣтственность на Юрія Мишска, на своекорыстныхъ шляхтичей, которые хотѣли обогатиться въ Москвѣ. Вообще, касательно Димитрія разочарованіе было полное: его дружба считалась ненадежною, его требованія—чрезмѣрными. Такими признаніями Сигизмундъ самъ освѣщаетъ польскую политику: его посланники пребывали въ Москвѣ до самаго погрома и величали правителемъ и княземъ того, который въ Краковѣ выдавался за самозванца. Довнесеніе Фоскарини, если не ошибаюсь, оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ ²⁾).

Вышніе чины республики св. Марка только издали слѣдили за московскими происшествіями; прямаго интереса они въ нихъ не имѣли, и, пожалуй, участіе іезуитовъ болѣе всего привлекало ихъ вниманіе. Въ то время всѣ члены ордена были изгнаны изъ Венеціи, по случаю римскаго интердикта, которому они повиновались, несмотря на угрозы свѣтской власти. Изгнанниковъ, однако, не упускали изъ виду, и охотно порицали ихъ дѣятельность гдѣ бы то ни было. Дѣло Димитрія давало къ тому поводъ. 20-го іюля 1606 года, престарѣлый дожъ Леонардо Донати сдѣлалъ первое краткое сообщеніе въ совѣтъ Десяти со словъ французскаго посла Филиппа Кане-де-Френтъ. 16-го августа, слѣдующаго вѣщенія того же дипломата, онъ внесъ нѣкоторыя поправки, а потомъ распространился объ іезуитахъ. Они были главными виновниками несчастія; завладѣвъ московскими соборами, они стали вводить мятежь. Здѣсь сказалось нѣкоторое двуличіе со стороны Кане. Онъ дружески обходился съ Поссевинымъ, желалъ для него кардинальскую шапку, хорошо отзывался о іезуитахъ въ своихъ парижскихъ депешахъ, а передъ венеціанцами осуждалъ ихъ приемы въ Польшѣ и Трансильваніи. Проницательному дожу показалось даже, что изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи было бы Кане по сердцу.

¹⁾ Cornet, Paolo V e la Repubblica Veneta, Vienna, 1859, стр. 114. Устарѣлая форма Альвизе соответствуетъ латинской Aloysius (Luigi).

²⁾ Венеція, Archivio di Stato, Polonia, Dispacci, filza II.

Сообщенія Леонарда Донати тѣмъ и закончились. Дошло до него письмо изъ Рима, отъ 19-го августа 1606 года, о Димитрѣ, дошла вышеупомянутая депеша Соранцо отъ 21-го августа 1606 года, но въ со-вѣтѣ Десяти о московскихъ дѣлахъ уже не упоминалось ¹⁾).

IX. Дневникъ Неизвѣстнаго.

Въ Неаполитанской національной библиотекѣ хранится дневникъ спутника Александра Рангони, племянника краковского нунція, посланнаго въ Москву къ Димитрію съ поздравленіями ²⁾. Черезчуръ скромный авторъ не завѣщалъ потомству своего имени; оно такъ и осталось неразгаданнымъ. Былъ онъ образованія средняго и, не задаваясь политикой, писалъ безъ партійной страсти и безъ предвзятой мысли.

Ближайшею цѣлью автора было облегчить для иностранцевъ поѣздку въ Московію. Поэтому онъ подробно излагаетъ, чѣмъ надо заранѣе за-пасться, чего дорогой не найти, какъ ѣхать чрезъ Оршу и Смоленскъ, гдѣ останавливаться для ночлега и каково разстояніе между городами. Всѣ эти подробности имѣютъ свое значеніе; но насъ болѣе привлекаетъ то, что Неизвѣстный говоритъ о своемъ пребываніи въ столицѣ.

Отъѣздъ изъ Кракова состоялся 2-го октября 1605 года. Это подтверждается письмомъ папскаго нунція къ Димитрію и показаніемъ Велевицкаго ³⁾. Что задержало Александра Рангони въ Смоленскѣ, почему онъ лишь очень поздно пріѣхалъ въ Москву, объ этомъ ничего не говорится. Даже день пріѣзда въ Москву не обозначенъ. Въ Кремлѣ пріемъ былъ сдѣланъ съ надлежащею пышностью; только къ столу Рангони не былъ приглашенъ—за то ему прислали въ изобиліи на домъ и блюда и напитки.

Объясняется это тѣмъ, что Рангони, не будучи духовнымъ лицомъ, носилъ, однако, рясу и былъ представителемъ папы. Оказывая ему почести, Димитрій боялся прослыть за католика.

Прежній обычай затворничества иностранныхъ посланцевъ уже не соблюдался; но вступать въ прямыя сношенія съ жителями имъ было еще возбранено. Потому-то, наблюденія Неизвѣстнаго касаются только внѣшностей.

Болѣе всего поразила Неизвѣстнаго личность Димитрія. Когда онъ выходилъ, ему предшествовали до тридцати служителей и подме-

¹⁾ Cappelletti, l. c., стр. 130, 138, 143, 145, № 70, 80, 83, 85.

²⁾ Biblioteca Nazionale, X, G, 12, Relazioni di Pollonia et Moscovia, л. 47.

³⁾ Pierling, Rome et Démétrius, стр. 165, № 6, Wielewicki, Historici diarii domus... Cracoviensis, Cracoviae, 1886, стр. 98.

тали дорогу передъ нимъ. О томъ, что Димитрій одинъ прогуливался по городу, какъ пишутъ нѣкоторые иностранцы, Неизвѣстный ничего не знаетъ. Замѣтилъ онъ особенную склонность царя къ военному дѣлу. Недалеко отъ Кремля, но за кремлевской стѣной, было что-то въ родѣ арсенала и оружейнаго завода. Раза два, три въ недѣлю, Димитрій отправлялся туда, увлекался пушечною пальбою и усердно хлопоталъ объ умноженіи пушекъ. На счетъ русскаго духовенства Неизвѣстный прямо утверждаетъ, будто бы царь назначаетъ патріарха и владыкъ по своему собственному усмотрѣнію.

2-го мая 1606 года Александръ Рангони и его спутникъ возвратились въ Краковъ.

П. Пирлингъ.

П о п р а в к а .

Въ статьѣ: „Изъ смутнаго времени“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ, вералась опечатка:

На стран. 690 строка 22 сверху напечатано: онъ (Чижевскій) не былъ ревностный католикъ. Слѣдуетъ читать: онъ же былъ усердный католикъ.

Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

(Переписка его съ Федоромъ Петровичемъ и Александромъ Алексѣевичемъ Корниловыми).

Письма къ Федору Петровичу Корнилову.

1.

1836 г. мая 29-го Керчь. Бригъ „Фемпстокль“.

Поздравляю друга Федю съ важнымъ шагомъ на пути жизни—съ признаніемъ въ себѣ чувства самостоятельности—характеръ самобытнѣй всегда независимъ. Изъ рода двуногихъ по-моему только тѣ могутъ гордиться названіемъ человѣка, которые обладаютъ самобытнымъ характеромъ; остальные не должны отдѣляться отъ сброда животныхъ, назначенныхъ на службу человѣка; они только отличаются отъ послѣднихъ разнообразіемъ способностей и могутъ быть употребляемы или какъ лошадь, или какъ вошь, или какъ павлинъ домовый, а больше какъ обезьяна. Но что о пустякахъ—пора къ дѣлу. Мой совѣтъ не перемѣнять службы, не осморгѣвшись со всѣхъ сторонъ; служить надо—неблагородно не служить чѣмъ-нибудь обществу. Служба по собственному выбору, безъ видовъ возмездія не есть невольничество, а есть занятіе почтенное. Благодарность есть высокое чувство въ человѣкѣ—благодарность къ Создателю, къ обществу, къ отцу, къ матери и пр. есть начало всякаго добра и бичъ мелочныхъ страстей. Мнѣ кажется, можно быть артистомъ во всякой профессіи—нужны только разныя способности. Вотъ съ людьми, съ двуногими, четвероногими, крылатыми, словомъ со всякими животными да съ природой неодушевленной, вездѣ и во всемъ встрѣчаемся. Третьяго дня мои люди выкинули маневръ не хуже картины Брюллова—человѣкъ съ удобовоспріемлемостью не могъ бы удержаться отъ восторга; чтобъ восхищаться разрушеніемъ Помпей, необходима также удобовоспріемлемость. Пора кончить. Ты видишь по

заглавію, что я въ Керчи, а по письму, что гробница Митридата и другія чудеса, отрываемыя въ безчисленныхъ окрестныхъ курганахъ— предъ глазами моими. Завтра мы, т. е. мой бригъ и корветъ Путятина, идемъ вдоль Абхазскаго берега, къ 20-му іюня возвратимся въ Севастополь, откуда я присоединюсь къ флоту; далѣе не знаю что и не хочу знать—не люблю знать будущаго. Изъ писемъ моихъ къ матушкѣ тебѣ извѣстно назначеніе похода моего—образованіе гардемаринъ. Вообрази мои занятія: вчера я читалъ имъ исторію о Владимірѣ, какъ онъ завоевалъ вѣру въ Херсонесѣ, т. е. Севастополѣ. Желая узнать—знаютъ ли они гдѣ родился Христосъ, пустился разспрашивать—вышло: Христосъ родился въ Іерусалимѣ, Іерусалимъ тогда населенъ былъ римлянами и находился въ Персіи,—а парни съ бритыми усамі; меня это такъ обрадовало, что я каждый день съ большимъ нетерпѣніемъ жду часа занятій моихъ воспитанниковъ—очень весело слышать что-нибудь новое—книги, мнѣ кажется, одно и то же несутъ, надоѣли онѣ мнѣ. Прощай, будь здоровъ; важная, другъ мой, статья жизнь, не пренебрегай ею—говорю съ опыта. Благодарю тебя, что не оставляешь мою старушку, прочти ей это письмо—ей не пишу, а прошу поцѣловать ручку—что писать ей, право нечего.

Приписки на поляхъ: на 1-й стр. Диксону, если матушка будетъ платить, то взять росписку и переслать ко мнѣ, а не то и я могу заплатить.

На 4-й стр.: Скажи матушкѣ, что подушка ея, благодаря М. Ивановѣ, украшаетъ мою каюту на славу—все спрашиваютъ, кто шилъ.

2.

Николаевъ 1836 г., 25-го августа.

Письмо твое сдѣлало мнѣ большое удовольствіе—оно принесло мнѣ первое извѣстіе о возвращеніи брата въ Питеръ; это меня особенно занимало, какъ конецъ тягостнаго одиночества матушки; одиночество ея было у меня на совѣсти! Благодарю тебя, что такъ кстати вспомнилъ обо мнѣ. Напрасно оправдываешься въ долгомъ молчаніи—я почти состарѣлся подъ игомъ всемогущихъ обстоятельствъ, чтобы не понимать невозможности противоборствовать ихъ желѣзной волѣ. Я совершенно увѣренъ, что ты меня не забылъ и не разлюбилъ. На Кавказъ не попалъ—не горюй: все къ лучшему—благое намѣреніе столь же цѣнно, какъ и самое дѣло. Намѣреніе всегда порожденіе чувствъ, а дѣло можетъ еще быть порожденіемъ слѣпаго случая. Твои способности, при твоихъ правилахъ, всегда принесутъ пользу—правда, нигдѣ Россія столько не нуждается въ людяхъ благомыслящихъ и образованныхъ,

какъ въ основѣ благосостоянія государства по разнымъ отраслямъ внутренняго управления. Но время все сдѣлаеть; его не оставишь и не придашь ему рыси. Да и есть на что сѣтовать, что мы моложе другихъ—успѣемъ состариться. Благодарю тебя и братьевъ твоихъ, Петра и Нордековъ ¹⁾, что не оставляете мою старушку. Жаль, что Наваринское сраженіе не удалось—а хорошо ли былъ нарисованъ Азовъ? и можно ли было различить офицеровъ? Съ прошлой почтой писалъ или лучше приписывалъ тебѣ, чтобы взялъ для меня Рейфа. Маменька напрасно ждетъ оказій—книги лучше посылать по почтѣ; навязывая посылочку, недурно вспомнить о моемъ отправленіи—какъ мнѣ было тяжело возиться съ ними. Федю Флита поцѣловать за тебя не могу—онъ далеко теперь отъ Николаева. Они оставили насъ болѣе недѣли; грустненько было расставаться—привычка удивительная вещь на бѣломъ свѣтѣ, да есть на нее вѣдь и отвычка. Мнѣ одиночество не новость; только теперь сижу больше въ вольтерѣ своемъ и прилежниѣ лѣчусь. Флитъ расскажетъ все подробнѣе о моихъ недугахъ. У васъ появилось какое-то мое письмо, въ которомъ «рѣзко выказывается мое веселое расположеніе»—неудрено, я нынче сдѣлался великимъ болтуномъ и весельчакомъ—скоро пушусь плясать по пурри. Я думаю, что все это потому, что я никогда не былъ столько убѣжденъ, что все на свѣтѣ фантазмагорія!!! Не напугай матушку мою болѣзнию, болѣзнь пустая и меня обнадеживаютъ скоро съ нею разлучиться; ревматизмы мои совершенно затихли. Да! весьма бы не дурно было, еслибы Александръ ²⁾ потолковалъ о моемъ горѣ съ кѣмъ изъ вашихъ столичныхъ эскулаповъ, хотя я и полное довѣріе имѣю къ познаніямъ моего; отъ Феи можно узнать о болѣзни и средствахъ употребляемыхъ. Несмотря на всю мою философію, мнѣ бы не хотѣлось совершенно разстроить организмъ; боюсь я, чтобы разслабленіе мною чувствуемое не увеличилось и не лишило меня средствъ служить. Еслибы не эта мысль, я бы мало заботился о лѣченіи; оно нисколько не тягостно, я такъ къ нему привыкъ. Какой любезный человекъ докторъ Деллагато. Я счелъ лучшимъ средствомъ описаніе болѣзни положить въ твоемъ письмѣ, ты передай Александру—прямо на его имя адресовать боялся, чтобы не попало въ чьи руки. Прощай, кланяйся братьямъ, Диксону деньги отправлены съ Флитомъ. Пиши, если удосужишься, о Брюкловѣ увѣдомляй, я его очень люблю за чистый его характеръ. Когда же Петръ Петровичъ позоветъ меня на свадьбу?

Приписки на поляхъ 1-й стран. «Энциклопедическій журналъ» слѣдуетъ мнѣ.

¹⁾ Прозваніе, данное В. А. Корниловымъ Ивану Петровичу и Аркадію Петровичу Корниловымъ.

²⁾ Братъ автора писемъ, Александръ Алексѣевичъ Корниловъ.

3.

Николаевъ 1836 г., 18-го сентября.

Отвѣчалъ бы тебѣ съ прошедшей почтой на твое милое письмо отъ 1-го сентября, но докторъ поставилъ меня или лучше посадилъ меня въ положеніе, мѣшавшее писать. Душевно благодаренъ тебѣ. Не переставай дарить меня клочками изъ вашего быта! все, что окружаетъ меня здѣсь—или по службѣ, или на службѣ. Книгамъ я кланяюсь только передъ сномъ. Печальныя самолюбія, краснорѣчивые вздоры не надуютъ меня! Къ точнымъ наукамъ не лежитъ сердце—ни соображенія, ни памяти; одна отрада—письма людей, въ безотчетной привязанности которыхъ я увѣренъ. Строки ихъ освѣжаютъ мою вялую, сухую жизнь; пиши пожалуйста, пиши по временамъ; не общаю тебѣ всегда отвѣтъ, но очень часто. Весьма доволенъ Брюлловымъ: онъ оправдалъ мое доброе мнѣніе о его добромъ, чистомъ характерѣ. Потѣшилъ мою старушку—конечно ему не много свободныхъ часовъ, чтобъ тратить ихъ съ новыми знакомыми. Сходи къ нему, пожми ему руку отъ меня за посѣщеніе матушки. Благодарю еще вдвое Нестора Васильевича¹⁾; его дружба у меня зарублена на палочкѣ долговъ, и да будетъ мнѣ стыдно, если забуду его одолженіе. Собираюсь писать ему—поздравь его съ выходомъ Художественной газеты или лучше поздравь русскихъ человѣковъ съ появленіемъ ея. Благонамѣренность и образованный умъ, такъ отчетливо высказанный статьями первыхъ номеровъ, общають занимательный журналъ! Прошу подписаться для меня и для капитана 2-го ранга Павла Степановича Нахимова, командира 41-го флотскаго экипажа и корабля Силистрія. Последнему адресовать въ Севастополь, а мнѣ въ Николаевъ. Еще прошу тебя хлопотать о пересылкѣ мнѣ лосинной фуфайки съ таковою же принадлежностью по моимъ хворымъ обстоятельствамъ,—она мнѣ необходима. Также подписаться на «Современникъ» и заказать Диксону выписку для меня книги: *The Naval Service or Officer's manual by Capt. W. N. Glascock R. № 1836, in 2 Volumes.* Всѣ сии порученія, кромѣ заказа Диксону, выполнить не прежде полученія на нихъ денегъ отъ моихъ старичковъ или прямо отъ меня, о чемъ я забочусь. Подписку на «Современникъ», а равно какъ и на «Художественную Газету» дѣлать, разумѣется, такъ, чтобы первые номера также высылали. Очень радъ, что ты больше не думаешь о Кавказѣ. Большая часть нашихъ заморскихъ затѣй—колобродъ, намъ слишкомъ много дѣла дома! Чтобы пускаться въ Океанъ-море, надо выстроить крѣпкое

¹⁾ Кукольника.

судно и дать ему надежное вооруженіе, а то первый шквалъ, и всѣ планы рушатся—что въ шелкѣ безъ рубахи? Не знаю, получилъ ли ты мои письма? получилъ ли послѣднее? Въ послѣднемъ я описываю на особенномъ доскуткѣ болѣзнь мою и нынѣ употребляемый способъ лѣченія. Если Александръ оставилъ Питеръ не потолковавъ о недугахъ моихъ, то посовѣтуйся съ Ф. Флитомъ, онъ знаетъ мое горе и потомъ поговори съ кѣмъ (либо) изъ достойныхъ живодецовъ, т. е. врачей и напиши мнѣ: одобряютъ они или нѣтъ средства употребляемыя. Меня таки порядочно тиранить мой благопріятель. Съ моимъ равнодушнымъ, спокойнымъ апатическимъ темпераментомъ это не бѣда—сидѣть я мастеръ въ вольтерѣ! Но боюсь попасть въ инвалиды—тогда что буду дѣлать на бѣломъ свѣтѣ?

Приписки на поляхъ: на 1-й стран. Не выйдетъ ли гравюра съ портретомъ Кукольника? прошу прислать.

На 6-й стр. Прощай. Поклонъ Петру, Нордекамъ—когда-то П. П. женится.

4.

1836. Николаевъ. 20-го октября.

Благодарю любезнаго Ѳедора Петровича за письмецо и книгу—да заодно и за присылку сюртука. Я завалилъ тебя порученіями—совѣстно, но кому же на бѣломъ свѣтѣ и отдуваться, какъ не добрымъ людямъ. Основываясь на выше писанномъ, съ симъ посылаю новую комиссію, именно: выслать мнѣ книжечку о имѣемыхъ въ російскомъ царствѣ заводахъ разныхъ и фабрикахъ разныхъ, также съ описаніями. Таковая книжечка, слышалъ я, продается за дешевую цѣну при какомъ-то изъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, или финансовъ. О высылкѣ тебѣ суммы на предшествовавшія сему комиссіи отъ меня писано въ сельцо Ивановское. По письмамъ Ѳеди Брюлловъ возвращается въ Италію, но, вѣтренникъ, не пишетъ: на время или совсѣмъ и пр. Кукольнику желаю успѣха; не пишу ему, потому что пустяки молоть—и его, и себя жалко. Брату твоему Петру и книги въ руки. Женитьба—дѣло доброе.

Мое здоровье плохо; того и смотри, что не миновать Питера, а крѣпко не хочется подняться съ моего краснаго вольтера. Нордекамъ по поцѣлую въ лобъ. Что-то Аркадій—отводитъ облако? Что-то ваши литературные вечера? Кто въ чести? Что драматургъ Батуринъ? А горныя выси спускаются въ вашъ земной кругъ; надѣюсь, гдѣ мы сжижвали съ капитаномъ Колзакowymъ, тамъ твердая матера-земля, несмотря на присутствіе самого Аполлона ¹⁾.

¹⁾ Баумгартена.

Прощай—будь здоровъ. Пиши почаще, да если Брюлловъ не уѣхалъ попроси его намарать карандашемъ грудной бюстъ съ бока Ореста—бѣснующагося, терзаемаго фуріями; мнѣ бы это весьма было кстати для корвета «Ореста», поступающаго въ мое командованіе. Другимъ не показывай—назовутъ святотатствомъ. Кукольнику можно, онъ долженъ содѣйствовать распространенію изящнаго вкуса во всемъ и во вся. Душою твой В. Корниловъ.

Приписки на поляхъ:

На 1 стр.: Профиль Ореста достаточно въ величину головы моего портрета, если помнишь.

На 3 стр.: Фе. Флиту мой поклонъ, ожидаю и отъ него грамотку.

5.

Николаевъ. 19-го января 1853.

Любезный Федоръ Петровичъ! Адъютантъ князя Меншикова Шестаковъ проѣздомъ черезъ Москву представлялся Алексѣю Петровичу Ермолову, который изъявилъ желаніе имѣть хорошій портретъ адмирала Лазарева—вслѣдствіе чего Шестаковъ написалъ мнѣ письмо. Желая удовлетворить таковую лестную для насъ, почитателей покойнаго Лазарева, просьбу Алексѣя Петровича, спѣшу переслать тебѣ экземпляръ изъ числа имѣемыхъ при нашемъ гидрографическомъ депо и прошу поднести его отъ меня, напомнивъ при томъ душевно тебѣ преданнаго В. Корнилова вашему московскому патриарху. При чемъ изъясни и мое душевное сожалѣніе, что въ послѣдній проѣздъ, по извѣстнымъ тебѣ причинамъ, не могъ посѣтить Алексѣя Петровича.

Мой возвратный путь былъ тяжелъ, но благополученъ: до Харькова, какъ по катку—зимній путь; отъ Харькова на колесахъ по замерзлой грязи. Въ Николаевъ прибылъ 14-го, выѣхавъ отъ васъ 8-го. Холера не появлялась, и нужды не было въ рецептахъ Овера—все-таки благодарю тебя и его за нихъ. Дома нашель благополучно, однако дѣти въ скарлатинѣ. Прощай, будь здоровъ; всѣхъ васъ цѣлую, а кто не хочетъ моего поцѣлуя, тому кланяюсь.

6.

Письмо Владиміра Алексѣевича Корнилова къ брату Александру Алексѣевичу.

Севастополь. 1-го сентября 1854 г.

Письмо мое къ Ф. Флиту скажетъ тебѣ, любезный другъ, о началѣ великой войны. Тебѣ пишу нѣсколько строчекъ о семьѣ. Ежели мнѣ не

суждено увидѣть васъ, то поручаю тебѣ жену и всю мою мелочь. Сашу я только-что послалъ въ пансіонъ, чтобъ не терять времени;¹⁾ возьми его въ Петербургъ и пусти куда пожелаетъ. Онъ довольно благоразумень, и конечно изберетъ службу, къ которой почувствуетъ себя болѣе способнымъ. Алеша на дорогѣ—можетъ быть въ такомъ же положеніи, какъ отецъ—отстаиваетъ честь отечества. Остальная мелочь требуетъ матери. На счетъ дѣлъ денежныхъ тебѣ извѣстно: имъ оставляю—тоже Ивановское, три акціи на филатуру⁴⁾ и билетъ въ 10 тыс. серебромъ отъ продажи Краснополя. Онъ лежитъ въ черноморскомъ штабѣ. Не много, но царь не оставитъ семьи вѣрнаго слуги своего.

За тѣмъ прощай, усталъ до смерти, глаза слипаются.—Да! на-дняхъ должно рѣшиться: быть или не быть, надѣюсь, черноморскому флоту, а не Россіи. Для матушки (Россіи) временная потеря и Крыма и флота ничто. Она не въ такихъ казусахъ была и выходила славнѣе и сильнѣе, а будущее не кончилось, она слишкомъ молода и крѣпка.

Богъ да хранитъ всѣхъ васъ. В. Корниловъ.

7.

Письмо Федора Петровича Корнилова къ Владиміру Алексѣвичу.

4-го октября 1854 г. Москва.

Любезный другъ Владиміръ Алексѣвичъ, пишу съ однимъ изъ курьеровъ, которые теперь безпрестанно проѣзжаютъ черезъ Москву. Въ успѣхѣ нашего оружія никто не сомнѣвается. Изъ достовѣрнаго источника отъ 27-го сентября я знаю, что князь Меншиковъ заперъ непріятеля между Черной рѣчкой, Севастополемъ и Балаклавой. Непріятельскій флотъ не будетъ теперь препятствовать нашему натиску и союзной арміи придется или положить оружіе, или садиться на корабли подъ нашими выстрѣлами. Къ этому времени Богъ дастъ бурную погоду и поможетъ вамъ проводить незваныхъ гостей по-русски.

Какъ въ 1812-мъ году старостица Василіса забирала плѣнныхъ французовъ, такъ и теперь вашихъ двухъ плѣнныхъ, французскихъ офицеровъ, мы отправили въ Петербургъ съ мирнымъ коллежскимъ регистраторомъ. Я убѣжденъ, что Богъ сохранитъ тебя среди тысячи смертей! Но меня сильно тревожитъ положеніе твоей семьи и особенно Лизаветы Васильевны. Успѣлъ ли ты отправить ее въ Николаевъ и благополучно ли она разрѣшилась. вмѣстѣ съ симъ я пишу къ брату моему Евгенію и племяннику Николаю Корниловымъ. Уже почти мѣсяцъ, какъ они были съ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ въ дѣлѣ 8-го сентября на Альмѣ, но я не могу получить свѣдѣнія, живы ли

¹⁾ Такъ называлъ онъ Товарищество Нарскихъ мануфактуръ подъ Москвой, директоромъ котораго былъ Д. П. Скуратовъ.

они. Ради Бога утѣшь меня нѣсколькими словами на счетъ ихъ и семьи своей; а если можешь, то скажи что-нибудь и о дѣлахъ въ Крыму. Официальныя реляціи слишкомъ неясны. О дѣлѣ на Альмѣ почти ничего не сказано, а въ иностранныхъ газетахъ одна ложь. Между тѣмъ все съ жадностью читаютъ извѣстія съ Чернаго моря, и только и рѣчи что о васъ. Ты обяжешь не одного меня, но и графа Закревскаго, котораго я болѣе и болѣе люблю какъ истиннаго патриота.

Англійскихъ мичмановъ, въ которыхъ ты принимаешь участіе, перевезли недавно по высочайшему повелѣнію въ Петербургъ на попеченіе тамошняго англійскаго пастора.

Алеша присоединился уже къ эскадрѣ Путятина. Съ Александромъ Алексѣвичемъ и Софьей Дмитріевной я видѣлся здѣсь въ концѣ августа, на обратномъ проѣздѣ ихъ изъ Ярославля.

Все мои кланяются тебѣ усердно и вмѣстѣ со мною поручаютъ тебя Божескому заступленію. Братъ Петръ въ разѣздахъ по формированію резервной артиллеріи, а Иванъ командированъ въ Астраханскую губернію съ ученою экспедиціею для развѣдки сѣры въ горѣ Богдо.

Мысленно обнимаю тебя, любезный другъ. Всею душою преданный тебѣ Ѳ. Корниловъ.

Сообщ. **Ив. Пет. Корниловъ.**

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

—
XI 1).

Франко-русскія отношенія принимали все болѣе напряженный характеръ. 20-го сентября 1810 г. Меттернихъ, при свиданіи въ Сень-Клу съ Наполеономъ, имѣлъ случай до нѣкоторой степени уяснить себѣ замыслы послѣдняго относительно Россіи. По поводу избранія Бернадота въ наслѣдники шведскаго престола, Наполеонъ сказалъ, что это событіе можетъ послужить лишь отдаленною причиною войны съ Россіей, но что разрывъ съ этою державой, во всякомъ случаѣ, неизбеженъ. При этомъ онъ спросилъ, какое положеніе намѣрена занять въ такомъ случаѣ Австрія, прибавивъ, что всего хуже для нея было бы, если бы она осталась нейтральною. Вслѣдъ затѣмъ онъ перешелъ къ другимъ вопросамъ, заговоривъ о томъ, какъ важно для Австріи обладаніе иллирійскими провинціями, причемъ сказалъ, что понимаетъ, какою тяжелою и унизительною должна казаться австрійской монархіи ихъ утрата. Въ виду этого, онъ предложилъ графу Меттерниху обмѣняться землями, изъявляя готовность возратить императору Францу иллирійскія провинціи взамѣнъ соотвѣтственной территоріи въ Галиціи.

— Въ тотъ день,—замѣтилъ Наполеонъ,—когда я буду вынужденъ двинуться на Россію, я найду могущественнаго союзника въ польскомъ королѣ. Въ помощи Австріи я тогда нуждаться не буду, но, тѣмъ не менѣе, она получитъ немалую для себя пользу.

Меттернихъ, по своему обыкновенію, уклонился отъ прямого отвѣта, ограничившись замѣчаніемъ, что возстановленіе Польши имѣетъ выдающееся политическое значеніе. По его мнѣнію, возстановить это королевство значитъ дать герцогству Варшавскому другое наименованіе и

1) См. „Русскую Старину“ декабрь 1900.

опредѣлить ему тѣ границы, къ которымъ оно непремѣнно станетъ стремиться съ самаго дня своего переименованія.

— Интересъ Австріи,—говорилъ Меттернихъ,—къ новому королевству будетъ зависѣть отъ того, насколько велика будетъ дальнѣйшая урѣзка австрійской Галиціи, а такой вопросъ, измѣняющій картину существующихъ въ Европѣ политическихъ отношеній, не можетъ быть выдвигаемъ на очередь безъ предварительнаго обсужденія.

Не отрицая огромнаго значенія иллирійскихъ провинцій для Австріи, графъ Меттернихъ указывалъ, однако, на то, что и Галиція представляетъ для нея трудно возмѣстимыя выгоды. Иллирія не богата ни средствами, ни людьми, тогда какъ въ Галиціи и тѣхъ, и другихъ много, и, сверхъ того, она чрезвычайно важна для монархіи своими пограничными пунктами; поэтому, въ случаѣ размѣна земель, ихъ относительная оцѣнка должна оказаться дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ мѣриломъ никакъ не могли бы служить ихъ «топографическіе размѣры». Словомъ, руководитель австрійской политики хотѣлъ поторговаться; но Наполеонъ все твердилъ о выгодности земельного обмѣна, намекая на то, что Австрія можетъ особенно дорожить Галиціею только въ томъ случаѣ, если она намѣрена держать сторону Россіи, такъ какъ тогда Галиція служила бы ей соединительнымъ звеномъ съ этою державой.

Черезъ четыре дня послѣ этой бесѣды съ Наполеономъ, Меттернихъ поѣхалъ обратно въ Вѣну. Въ прощальной аудіенціи Наполеонъ напутствовалъ его въ самыхъ теплыхъ словахъ увѣреніями въ своемъ расположеніи къ Австріи.

— Пусть императоръ Францъ, — сказалъ онъ, — оставитъ всякую мысль о томъ, будто я замышляю нападеніе на Австрію. Напротивъ, я хочу, чтобы ея союзъ со мною все болѣе упрочивался. Увѣрьте его, что всякіе противоположныя толки — неправда. Если бы я завтра посадилъ на австрійскій престолъ одного изъ моихъ братьевъ, то онъ былъ бы мнѣ менѣе пріятель на этомъ престолѣ, чѣмъ нынѣшній его обладатель. Я не вижу ничего такого, что могло бы насъ разъединить, и мы докажемъ міру, что бракъ установилъ между нами узы, которыхъ нельзя замѣнить никакими другими расчетами. Съ настоящаго времени Австрія должна процвѣтать. Повѣрьте, я не дѣлаю иллюзій относительно будущаго. Я знаю, чѣмъ я обязанъ моей собственной силѣ, и мало рассчитываю на силы моего преемника; но этотъ преемникъ будетъ внукомъ австрійскаго императора и въ немъ найдете когда-нибудь охрану, подобно тому, какъ наслѣдникъ австрійскаго престола найдетъ охрану въ моемъ преемникѣ. Главное, передайте императору, что ничто не будетъ въ состояніи поколебать моей привязанности къ его дочери, вполнѣ ее заслуживающей. Изъ всѣхъ подар-

ковъ императоръ сдѣлалъ мнѣ самый дорогой, и я вѣчно буду благодаренъ ему за это.

Съ такимъ напутствіемъ графъ Меттернихъ прибылъ, 10-го октября 1810 года, въ Вѣну и 26-го числа того же мѣсяца вступилъ въ управленіе дѣлами.

Дипломатическій корпусъ въ Вѣнѣ считалъ несомнѣннымъ, что Меттернихъ заключилъ въ Парижѣ союзъ на случай войны между Франціею и Россіею; никто не могъ только рѣшить, какой это союзъ—наступательный или лишь оборонительный. Въ публикѣ же Меттернихъ засталъ прежнее недовольство Франціею, которая, несмотря на брачныя узы съ Австріею, нисколько не думала объ облегченіи для послѣдней многихъ тягостныхъ послѣдствій недавней войны. Противники Меттерниха, повидимому, успѣли воспользоваться его отсутствіемъ для того, чтобы поколебать его положеніе; по крайней мѣрѣ, въ Вѣнѣ все ожидали министерскаго кризиса. Но графъ Меттернихъ удержался на своемъ посту, благодаря тому, что императоръ Францъ продолжалъ относиться къ нему съ довѣріемъ и признавалъ его систему, въ общемъ, правильною, хотя, быть можетъ, и не соглашался съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Всего болѣе затруднительнымъ было положеніе Меттерниха по отношенію къ графу Шувалову, котораго онъ засталъ въ Вѣнѣ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа. Изъ происходившихъ между обоими этими государственными людьми собесѣдованій оказывается, что предложенное Россіею заключеніе предварительнаго австро-русскаго договора было отклонено Австріею, но, съ другой стороны, графу Шувалову дано было увѣреніе, что вѣнскій кабинетъ не связанъ съ Франціею никакими соглашениями. Отъ французскаго правительства Меттернихъ старался утаить миссію гр. Шувалова; о ней было сообщено только послу Шварценбергу, да и то со строжайшимъ предписаніемъ не компрометтировать Россіи, чтобы не вызвать осложненій, которыя въ интересахъ Австріи слѣдовало отдалить на возможно болѣе долгое время. Руководитель австрійской политики опасался, чтобы о миссіи гр. Шувалова—хотя утайка ея соответствовала интересамъ также и русскаго правительства—не проникли какъ-нибудь свѣдѣнія въ петербургскую публику и такимъ образомъ не дошли до Коленкура, причемъ у Наполеона могли бы возникнуть новыя подозрѣнія относительно Австріи. Но начисто отрицать существованіе русско-австрійскихъ переговоровъ было все же невозможно, такъ какъ такому отрицанію въ Парижѣ не повѣрили бы, еслибы туда проникли какіе-либо слухи о происходящемъ, и это только усилило бы подозрительность Наполеона. Поэтому Меттерниху надо было придумать такое средство, которое не угрожало бы недоразумѣніями; о правдивости своихъ сообщеній онъ не беспокоился и думалъ только изложить дѣло такъ, чтобы изложеніе казалось правдоподобнымъ. Выходъ изъ затруднительнаго положенія

найденъ былъ въ слѣдующей комбинаціи. На случай, еслибы при тюль-рійскомъ дворѣ стало извѣстно о миссіи гр. Шувалова, Шварценбергу предписано было заявить строго конфиденціальнымъ образомъ французскому правительству, что петербургскій кабинетъ, въ заботѣ о будущемъ, желалъ бы скорѣйшаго окончанія войны съ Турціею; въ этихъ видахъ Шуваловъ и присланъ-де въ Вѣну съ порученіемъ добиться посредничества Австріи у Дивана. Шварценбергу поручалось сообщить, что вѣнскій кабинетъ не считаетъ возможнымъ согласиться на это желаніе, такъ какъ, при упорномъ стремленіи обѣихъ воюющихъ сторонъ владѣть княжествами, успѣхъ подобнаго посредничества представляется сомнительнымъ. Быть можетъ, Меттернихъ желалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какъ отнесся бы Наполеонъ къ такому посредничеству Австріи. Если же означенное конфиденціальное сообщеніе не разсѣяло бы вполне подозрѣній французскаго правительства, то Шварценбергу давалось полномочіе заявить еще, что въ случаѣ рѣшенія Наполеона сдержать данное имъ императору Александру въ Эрфуртѣ обѣщаніе на счетъ предоставленія ему княжествъ, Австрія окажется вынужденною войти съ Россіей въ переговоры, въ видахъ обезпеченія за австрійскими подданными въ дунайскихъ княжествахъ правъ и привилегій, предоставленныхъ имъ договорнымъ путемъ.

Итакъ, несмотря на обоюдныя увѣренія въ наилучшихъ взаимныхъ чувствахъ, отношенія между Франціею и Австріей далеко не могли быть названы прочными и надъ всею политическою системою тяготѣла взаимная подозрительность. При всѣхъ чувствительныхъ увѣреніяхъ Наполеона въ родственномъ расположеніи къ императору Францу, каждый шагъ австрійскаго двора былъ зорко выслѣживаемъ имъ, а графъ Меттернихъ, съ своей стороны, съ боязливымъ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ ходомъ извилистой французской политики. Когда ему удалось отразить нападки своихъ противниковъ и упрочить свое положеніе, онъ занялся разъясненіемъ императору Францу основныхъ началъ политики, которой намѣревался слѣдовать. Мысли свои онъ изложилъ въ докладѣ о своей парижской миссіи, въ которомъ, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ официальныхъ донесеніяхъ, отнесся къ дѣлу съ точки зрѣнія общей политики. Излагая настроеніе отдѣльныхъ государствъ Европы, графъ Меттернихъ доказывалъ, что о какомъ-либо движеніи во Франціи или въ союзныхъ съ нею государствахъ нѣчего и думать. По его мнѣнію, французскій гражданинъ, при всемъ испытываемомъ имъ гнетѣ, слишкомъ хорошо сознаетъ преимущества своего положенія передъ положеніемъ подданныхъ другихъ государствъ, которыя одно за другимъ клонятся къ распаденію. О Германіи, гдѣ государи преслѣдуютъ лишь свои частныя интересы, а общественное мнѣніе никакого значенія не имѣетъ, Меттернихъ отзывался въ своемъ докладѣ съ презрѣніемъ, указывая на невозмож-

ность рассчитывать на германскую помощь противъ Франціи. Положеніе Англіи онъ признавалъ очень критическимъ и находилъ, что въ будущую войну рассчитывать на значительную денежную поддержку съ ея стороны было бы нельзя, тѣмъ болѣе, что пересылка денегъ на континентъ оказалась бы почти невозможною. Относительно Россіи онъ писалъ въ своемъ докладѣ: «Злосчастная русская политика послѣдняго времени дѣлаетъ Россію опасною только для ея сосѣдей, а по отношенію къ Франціи дѣлаетъ ее безсильною. Не имѣя ни денегъ, ни внутренней связи между своими составными частями, она находится въ такомъ положеніи, что должна искать помощи, не будучи въ состояніи оказать взаимнѣ того достаточную помощь съ своей стороны». Пруссію Меттернихъ вовсе не считаетъ въ ряду державъ и затѣмъ ставитъ два слѣдующіе вопроса: 1) въ чемъ заключаются ближайшіе планы Наполеона и какими средствами располагаетъ онъ для ихъ выполнения? 2) какова должна быть роль Австріи? На первый изъ этихъ вопросовъ онъ отвѣчаетъ, что цѣлью Наполеона всегда было достиженіе единовластія надъ континентомъ и что нѣтъ такой человѣческой силы, которая могла бы положить предѣлъ господству могущественнаго императора. По поводу второго вопроса Меттернихъ говоритъ, что, въ случаѣ континентальной войны, Австрія оставались бы три выхода: либо принять сторону Россіи, либо дѣйствовать за-одно съ Франціей, либо объявить себя нейтральною. Изъ всѣхъ этихъ выходовъ онъ признаетъ единственно возможнымъ для Австріи союзъ съ Наполеономъ. Программа, предложенная Меттернихомъ, была такова: употребить всѣ усилія, чтобы сохранить миръ; показать Франціи, что Австрія не домогается расширенія своихъ границъ; относительно Россіи поступать такъ же, какъ было донынѣ, избѣгая всего, что могло бы внушить ей страхъ передъ австро-французскими отношеніями или возбудить въ ней надежду на сближеніе съ Австріею. Если избѣгнуть войны окажется невозможнымъ, то, по мнѣнію Меттерниха, слѣдуетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы завести переговоры объ уступкѣ части Галиціи за соотвѣтственное территориальное вознагражденіе.

Императоръ Францъ, одоббивъ доводы своего министра, особенно настойчиво приказалъ ему всѣми возможными средствами предотвращать всякія осложненія. Однако приказаніе это легче было дать, чѣмъ исполнить. Какъ разъ около этого времени въ Англіи послѣдовало учрежденіе регенства, что вызвало толки о возможномъ поворотѣ въ англійской политикѣ. Кромѣ того, возникли въ 1811 г. и другія осложненія; между прочимъ, значительно обострился церковный вопросъ, вслѣдствіе изданія папскаго бреве, которымъ всѣ вновь назначенные епископы, не получившіе буллы отъ папскаго престола, объявлялись неспособными отправлять какія бы то ни было церковныя обязанности. Мѣра эта, сильно раздраживъ французскаго императора, вызвала въ духо-

венствѣ опасенія на счетъ репрессалій по отношенію къ папѣ, которыя могли бы гибельно отразиться на положеніи католической церкви. Прелаты, чрезъ посла Шварценберга, обратились къ императору Францу съ ходатайствомъ о томъ, чтобы онъ склонилъ папу къ бѣльшей уступчивости передъ Наполеономъ, и, такимъ образомъ, вѣнскій дворъ оказался вовлеченнымъ въ это столкновение. Отъ активнаго вмѣшательства въ это дѣло Меттернихъ, однако, уклонился и только потому, когда созданное собраніе высшихъ сановниковъ церкви постановило рѣшенія, благоприятныя для галиканской церкви и общавшія, повидимому, привести къ благополучному разрѣшенію вопроса, онъ поздравилъ французское правительство по этому поводу. При этомъ онъ предписалъ, однако, Шварценбергу дать понять Наполеону, какъ сильно желалъ бы вѣнскій дворъ, чтобы папа былъ поставленъ въ возможность свободно пользоваться своею духовною властью, такъ какъ папа, связанный съ французскою націей, не можетъ-де быть верховнымъ главою католической церкви. Надо думать, что, дѣлая этотъ шагъ, Меттернихъ и самъ не ожидалъ отъ него никакихъ практическихъ послѣдствій.

Меттерниху приходилось слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ также и за развитіемъ франко-русскихъ отношеній, которыя все болѣе обострялись. Мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ для огражденія торговли, вызвали во Франціи сильное неудовольствіе. Новый тарифъ былъ введенъ въ Петербургѣ безъ предварительнаго сообщенія о томъ французскому послу, а послѣдующія старанія тюльрійскаго кабинета добиться нѣкоторыхъ льготъ для французскихъ товаровъ остались безъ успѣшными, что крайне раздражило Наполеона. Но онъ пока еще сдерживался и соблюдалъ по отношенію къ Россіи полную вѣжливость. Чернышеву, прибывшему въ началѣ года въ Парижъ, оказанъ былъ отличный пріемъ, хотя пріѣздомъ его вовсе не были довольны и подъ рукою старались возстановить противъ него общественное мнѣніе, распуская слухи, будто онъ прибылъ въ качествѣ шпіона, съ большими деньгами для подкупа французскихъ должностныхъ лицъ. О немъ говорили также, будто онъ похвалялся, что черезъ женщинъ вывѣдаетъ всѣ тайны французскаго правительства. Повидимому, въ бесѣдахъ Наполеона съ русскимъ посланнымъ затрогиваемы были также и вопросы о войнѣ, и о русско-австрійскихъ отношеніяхъ. Передавали, будто Наполеонъ говорилъ Чернышеву, что еслибы Россіи даже и удалось вступить въ союзъ съ Австріей, то это нисколько не повредило бы Франціи, такъ какъ вѣнскій миръ лишилъ Австрію всякихъ средствъ. Въ данной потомъ Чернышеву прощальной аудіенціи Наполеонъ заявилъ раздраженнымъ тономъ, что новый русскій тарифъ выгоденъ только для одной Англіи, что введеніе его разстроило всѣ его попытки заключить миръ съ лондонскимъ кабинетомъ и разрушило всѣ благоприятныя виды на будущее.

Онъ прибавилъ, что его глубоко оскорбило опубликованіе этого тарифа безъ всякаго предварительнаго сообщенія о немъ французскому правительству. По поводу же распространившихся ранѣе толковъ о вооруженіяхъ Франціи, Наполеонъ сказалъ Чернышеву, что онъ держитъ въ Германіи лишь необходимое число войскъ, а саксонскому королю послалъ не 40.000, какъ говорилъ, а всего 20.000 ружей, да и то только потому, что не могъ отказать въ его просьбѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, войны, повидимому, желаетъ Россія; она стремится заключить съ Турціею миръ, вступить въ союзъ съ Англіей и вооружается противъ Франціи, что вынудитъ и Францію сдѣлать то же самое, а куда это все поведетъ—не извѣстно. Затѣмъ, онъ началъ увѣрять Чернышева, что и не помышляетъ о нападеніи на Россію, пока длится турецкая война. Онъ-де по-прежнему питаетъ дружбу къ императору Александру и ничего такъ не желаетъ, какъ восстановленія прежняго взаимнаго довѣрія. По его мнѣнію, все то, что есть въ русскомъ тарифѣ невыгоднаго для Франціи, можетъ быть устранено путемъ заключенія торговаго договора.

— Я вѣдь знаю,—продолжалъ Наполеонъ,—что вы доносите въ Петербургъ, и въ доказательство этого могъ бы представить вамъ ваши собственныя донесенія.

Затѣмъ разговоръ коснулся Австріи, причемъ Наполеонъ сказалъ:

— Вѣнскій кабинетъ старается воспрепятствовать заключенію мира съ Турціею, потому что не хочетъ, чтобы дунайскія княжества отошли къ Россіи; я знаю, Австрія меня не любитъ, но васъ она любить еще меньше. Между мною и Австріей не заключено пока никакой сдѣлки, но отъ меня одного зависитъ вступить съ нею въ союзъ. Мнѣ стоитъ только возвратитъ ей Иллирію, и она будетъ за меня. Россія ошибается, рассчитывая на Австрію; самое благоприятное, чего она можетъ ожидать отъ этой державы, былъ бы ея нейтралитетъ.

Прощаясь съ Чернышевымъ, Наполеонъ поручилъ ему успокоить умы въ Петербургѣ и постараться о томъ, чтобы приостановлены были сосредоточенія войскъ на границѣ герцогства Варшавскаго и постройка крѣпостей на Двинѣ.

Наполеонъ, очевидно, старался поселить въ Россіи недовѣріе къ Австріи; министръ же Шампаньи, въ бесѣдахъ своихъ съ Шварценбергомъ, прямо натравливалъ австрійскую монархію на войну съ Россіей, указывая на ущербъ, который произсечетъ для Австріи изъ занятія Россіею Сербіи. Этотъ умыселъ Наполеона былъ понятъ какъ Шварценбергомъ, такъ и Меттернихомъ, который съ тревогою силился предугадать, что выйдетъ изъ всей этой игры. А событія тѣмъ временемъ все болѣе осложнялись. На письмо Наполеона, въ которомъ онъ требовалъ отъ Россіи болѣе прочнаго присоединенія въ французской

торговой системѣ, усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ Англіи и принятія французскихъ тарифовъ, императоръ Александръ еще въ октябрѣ предшествовавшаго года отвѣтилъ письмомъ же съ отказомъ. Въ Парижѣ отнеслись къ этому съ наружнымъ равнодушіемъ, но съ той же минуты усиленно занялись втайнѣ военными приготовлениями. Сдѣлано было распоряженіе о производствѣ набора въ небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ банкирскихъ домовъ въ Амстердамѣ, пользовавшійся донинѣ поддержкою Наполеона, былъ доведенъ до банкротства, какъ только въ Парижѣ стало извѣстно, что главнѣйшія свои операціи онъ совершаетъ для Россіи. Отвѣтомъ петербургскаго кабинета на эти и другія, подобныя имъ, мѣры было опубликованіе указа о торговлѣ и введеніи новаго тарифа, въ которомъ не было сдѣлано никакихъ изъятій для французскихъ товаровъ. Какъ ни глубоко былъ оскорбленъ этимъ Наполеонъ, однако, онъ все еще продолжалъ разыгрывать въ сношеніяхъ съ Россіей роль ея друга, тогда какъ уже ходили толки объ устройствѣ большого лагеря подъ Эрфуртомъ, во французскомъ военномъ министерствѣ кипѣла работа и предполагалось сформировать въ Иллиріи корпусъ съ цѣлью, въ случаѣ войны, оказать помощь туркамъ. Шварценбергъ слышалъ также, что имѣется въ виду командировать французскаго генерала Фуа, долгое время жившаго въ Турціи, въ главную квартиру великаго визиря для помощи ему въ руководствѣ военными дѣйствіями. Наиболѣе тревожными признаками надвигавшейся грозы были усиленіе данцигскаго гарнизона на 15.000 человекъ и заготовка въ этомъ городѣ запасовъ провіанта на два года. Этой мѣрой ужь, конечно, невозможно было надолго скрыть отъ Россіи, а потому французскій кабинетъ призналъ нужнымъ успокоить русскаго посла сообщеніемъ, что на усиленіе названнаго гарнизона Франція рѣшилась вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о замышляемомъ, будто бы, англичанами внезапномъ нападеніи на Данцигъ.

XII.

Видя неизбежность франко-русской войны, графъ Меттернихъ полагалъ, однако, что 1811-й годъ пройдетъ въ вооруженіяхъ и столкновеніе послѣдуетъ лишь въ 1812 году. Между тѣмъ, вѣнскій кабинетъ все еще оставался въ неизвѣстности относительно роли, которую Наполеонъ отведетъ Австріи въ будущей войнѣ: объ этомъ ничего не упоминали ни самъ Наполеонъ, ни Шампаньи, и Шварценбергъ просилъ изъ Вѣны инструкціи на тотъ случай, когда, рано или поздно, во-

прось этотъ будетъ наконецъ поставленъ тюильрійскимъ кабинетомъ. Тѣмъ временемъ, въ Петербургѣ все возросло неудовольствіе противъ Франціи. Императоръ Александръ подозрѣвалъ, что между французскимъ и австрійскимъ кабинетами существуетъ тайное соглашеніе. Но главною причиною розни между Россією и Франціей служила Польша. Россія не довѣряла устнымъ увѣреніямъ Наполеона въ томъ, что онъ не хочетъ возстановлять Польшу, и настаивала на заключеніи письменнаго соглашенія на этотъ счетъ. Въ первой статьѣ приготовленнаго петербургскимъ кабинетомъ проекта говорилось: «На будущее время Польши существовать не будетъ». Наполеонъ рѣшительно отвергъ этотъ пунктъ, заявляя, что отъ него могутъ требовать, чтобы онъ ни прямо, ни косвенно не содѣйствовалъ возстановленію Польши, но никогда не могутъ обязать его вести въ Польшѣ войну, если ей собственными ли силами или благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ удастся достигнуть независимости. Вторымъ пунктомъ проекта соглашенія предполагалось упразднить все польскіе знаки отличія. Наполеонъ предложилъ, взамѣнъ этого, написать, что впредь не должны быть жалюемы ни русскіе, ни саксонскіе ордена, но лица, уже имѣющія ихъ, могутъ ихъ сохранить. Это ограниченіе было отклонено петербургскимъ кабинетомъ.

Подобно тому, какъ императоръ Александръ отдалился отъ Наполеона изъ-за Польши, Наполеонъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ невнимательностью Россіи къ нему въ вопросѣ о введеніи торговаго тарифа. Этому онъ не скрывалъ и передъ Шварценбергомъ, которому доказывалъ, что принятыя имъ мѣры нисколько не оправдывали подобнаго поступка со стороны русскаго правительства. Настойчиво увѣряя Шварценберга въ своемъ нежеланіи начинать войну съ Россіей, политика которой можетъ, однако, вынудить его къ тому, Наполеонъ затронулъ наконецъ и вопросъ о томъ, какъ слѣдовало бы поступить Австріи въ случаѣ франко-русской войны. При этомъ, указывая на невыгоды, которыя послѣдовали бы для Австріи въ томъ случаѣ, еслибы она приняла сторону Россіи или же осталась бы нейтральною; онъ старался доказать, что единственно выгодною для монархіи политикой было бы ея активное присоединеніе къ Франціи. Однако, чтобы это не показалось похожимъ на искательство, французскій императоръ счелъ нужнымъ сослаться на громадность силъ, которыми онъ располагаетъ, причемъ сказалъ Шварценбергу:

— Вы видите, что я достаточно силенъ и не нуждаюсь въ вашей помощи; если же я все-таки желаю вашего содѣйствія, то только съ цѣлью связать васъ съ моими интересами настолько, чтобы во мнѣ уже не могло возникнуть никакихъ сомнѣній на вашъ счетъ. Кромѣ того, я

надѣюсь, что совмѣстное дѣйствіе австрійскаго корпуса съ моими войсками произведетъ самое благотворное вліяніе на всѣ народы монархіи.

Изъ этихъ заявленій вѣнскому двору нетрудно уже было заключить, что ему нельзя было бы ожидать отъ Наполеона ничего хорошаго въ томъ случаѣ, еслибы Австрія не подчинилась его волѣ. Это побудило наконецъ Меттерниха занять по отношенію къ Франціи опредѣленное положеніе, чему способствовала еще и состоявшаяся незадолго передъ тѣмъ перемѣна французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. На мѣсто Шампаньи назначенъ былъ Маре, герцогъ Бассано, который былъ горячимъ сторонникомъ союза съ Австріей и принималъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ брака Наполеона съ австрійскою принцессой. Меттернихъ издавна находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Маре и рассчитывалъ, что будетъ имѣть возможность держать его до нѣкоторой степени въ своихъ рукахъ. При всемъ томъ, онъ все еще держался мнѣнія, что рѣшеніе вопроса о войнѣ зависитъ отъ Россіи, и потому хотѣлъ выждать полученія опредѣленныхъ вѣстей изъ Петербурга, прежде чѣмъ посылать Шварценбергу окончательныя инструкціи. Тѣмъ временемъ, франко-русскія отношенія все еще не принимали вполнѣ опредѣленнаго характера, подвергаясь непрерывнымъ колебаніямъ то въ мирную, то въ воинственную сторону. Пользуясь этимъ, Меттернихъ старался выяснитъ чрезъ Шварценберга, на какое вознагражденіе могла бы рассчитывать Австрія за ея содѣйствіе Наполеону въ войнѣ, которая, несмотря на всѣ проволочки, признавалась неминуемою. Попытки эти обезпечить за монархіею возможно бѣльшія выгоды прикрывались постоянными увѣреніями въ томъ, что Австрія прежде всего желаетъ сохраненія мира и даже готова взять на себя миролюбивое посредничество въ Петербургѣ: дѣлалось это, конечно, съ тою цѣлью, чтобы дать понять Наполеону, что содѣйствіе Австріи въ войнѣ не можетъ быть куплено слишкомъ дешевою цѣною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Меттернихъ старался добиться отъ тюльрійскаго кабинета точныхъ свѣдѣній о томъ, какое число войскъ потребуется отъ Австріи, печальное состояніе финансовъ которой не позволяло ей выставить особенно значительныхъ вооруженныхъ силъ; до выясненія же этого вопроса, въ Австріи тайно отъ всѣхъ, но съ вѣдома Наполеона, происходило вооруженіе разбросанныхъ въ разныхъ пунктахъ частей войскъ. Впредь до полнаго разъясненія дѣлъ, Шварценбергу было предписано внимательно выслушивать всѣ дѣланныя ему сообщенія и принимать къ свѣдѣнію всякія предложенія, по самому не высказываться. Словомъ, графъ Меттернихъ надѣялся добиться отъ Наполеона такихъ заявленій, которыя онъ могъ-бы употребить какъ оружіе противъ французскаго императора въ томъ невѣроятномъ, однако все же возможномъ случаѣ, еслибы Наполеону вздумалось войти въ соглашеніе съ Россіей. О возможности же такого случая вѣнскій

дворъ могъ заключить изъ неоднократныхъ заявленій герцога Бассано, что отъ посла Коленкура (герцога Висанскаго) получены изъ Петербурга самыя успокоительныя донесенія, указывающія на то, что императоръ Александръ рѣшительно желаетъ мира, а Наполеонъ тоже не хочетъ войны. При такомъ взаимномъ настроеніи—прибавлялъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ—соглашенія достигнуть будетъ нетрудно. Приноровляясь къ условіямъ минуты, вѣнскій кабинетъ, въ свою очередь, усилилъ свои миролюбивыя заявленія и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, отнюдь не показывая, однако, насколько желательнымъ является для него измѣнившееся положеніе дѣлъ. Онъ вѣдь и прежде стоялъ за сохраненіе мира и если участвовалъ въ Парижѣ въ переговорахъ относительно войны, то единственно на тотъ случай, когда столкновенія между Франціею и Россіею уже никакъ невозможно было бы предотвратить. Разсыпаясь въ горячихъ увѣреніяхъ относительно миролюбія Австріи, Меттернихъ, въ сущности, имѣлъ въ виду выяснить истинныя намѣренія Наполеона; онъ рассчитывалъ, что если Наполеонъ съ готовностью согласится на мирное посредничество Австріи, то это будетъ свидѣтельствовать о его искреннемъ желаніи сохранить миръ; если же онъ обойдетъ этотъ вопросъ молчаніемъ, то будетъ ясно, что онъ питаетъ заднія мысли. Самъ Меттернихъ былъ въ эту пору вполне увѣренъ въ неизбѣжности франко-русской войны, но постоянная измѣнчивость настроеній Наполеона видимо смущала его и заставляла порою сомнѣваться въ правильности собственнаго мнѣнія. Вообще, нельзя сказать, чтобы онъ всегда безошибочно оцѣнивалъ положеніе дѣлъ. Такъ, въ описываемое время онъ полагалъ, будто начатіе войны зависить отъ Австріи и будто лишь благодаря ея осторожной политикѣ война если не устранена, то, по крайней мѣрѣ, отдалена. Испанія—разсуждалъ онъ—потеряна для Наполеона, и онъ находится въ крайне затруднительномъ положеніи; задача же вѣнскаго кабинета въ томъ, чтобы извлечь изъ этого возможно большія выгоды для себя. Императоръ Францъ вполне раздѣлялъ мнѣнія своего министра и повелѣлъ ему продолжать дѣйствовать въ избранномъ имъ направленіи.

Неопредѣленность положенія длилась все лѣто; мирныя и воинственныя признаки чередовались непрерывно, и среди этой неясности неудержимо надвигалась катастрофа. 15-го августа 1811 г. отношенія Франціи къ Россіи внезапно приняли мрачное освѣщеніе: князю Куркину пришлось испытать на себѣ гнѣвную вспышку Наполеона. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ излилъ онъ свое неудовольствіе противъ русскаго правительства, въ дѣйствіяхъ котораго онъ усматривалъ признаки того, что оно питаетъ скрытые замыслы противъ Франціи.

— Я не понимаю русскаго правительства!—воскликнулъ онъ:—либо у него есть заднія мысли, либо оно потеряло голову. Чувствуетъ ли оно

*

себя оскорбленнымъ? Но когда два джентльмена поссорятся и одинъ дастъ другому пощечину, то они либо вступаютъ въ бой, либо мирятся. Я готовъ и на тогъ, и на другой выходъ. Но куда поведетъ нынѣшнее неопредѣленное положеніе?

На увѣренія Куракина въ дружественныхъ чувствахъ петербургскаго кабинета, Наполеонъ возразилъ:

— Э, полноте, мой милый! Это фразы; надо дѣйствовать! Отведите ваши войска назадъ, тогда я отзову мои.

По поводу Польши онъ сказалъ:

— У васъ упрекаютъ меня въ томъ, будто я имѣю поползновенія на эту страну и угрожаю русскимъ провинціямъ. Я же думаю, что овладѣть Польшею хочетъ Россія и что, по ея мнѣнію, она обезопаситъ себя отъ герцогства Варшавскаго только тогда, когда нападетъ на него. Но если это случится, мы должны будемъ драться.

Куракинъ старался убѣдить своего собесѣдника, что императоръ Александръ совершенно чуждъ подобнымъ замысламъ, но Наполеонъ возразилъ на это, что онъ знаетъ императора, что императоръ — человѣкъ умный, хорошо предусматривающій послѣдствія всякаго дѣла, но что именно поэтому и надо предположить, что у него есть задняя мысль. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, раздраженіе его утихло, и аудіенція кончилась тѣмъ, что Наполеонъ, упомянувъ о своемъ желаніи сохранить миръ, пожалъ князю Куракину руку. Въ Россіи аудіенція эта была истолкована въ смыслѣ миролюбивой манифестаціи со стороны Наполеона, хотя заявленія послѣдняго сводились, въ общемъ, къ тому, что всю вину въ существующихъ разногласіяхъ онъ сваливалъ на Россію, какъ бы желая заранѣе обѣлить себя передъ Европой на случай возникновенія войны. Въ миролюбивомъ же духѣ старались истолковать заявленія Наполеона также въ Парижѣ и Вѣнѣ, хотя никто уже не сомнѣвался теперь, что война вспыхнетъ вскорѣ. Самъ Наполеонъ, а за нимъ и герцогъ Бассано, говорили открыто, что она неизбѣжна. Бассано заявлялъ Шварценбергу, что Россія давно уже нарушаетъ тильзитское соглашеніе и стягиваетъ войска подъ Варшавой единственно для замаскированія тайно производимой ею торговли съ Англіей, такъ какъ со времени передвиженія туда русскихъ войскъ въ русскихъ портахъ стали появляться американскія суда съ англійскими товарами. По словамъ Бассано, однихъ уже сношеній съ Англіею достаточно для того, чтобы вызвать войну.

Соотвѣтственно такому настроенію, тюрльрійскій кабинетъ началъ обнаруживать стремленіе выяснить, въ состояніи ли будетъ Австрія, въ случаѣ войны, оказать желательную военную помощь Наполеону. Изъ намековъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ и самого императора, австрійскій посоль вывелъ заключеніе, что въ Парижѣ

разсчитываютъ на выставленіе со стороны Австріи двухъ армейскихъ корпусовъ, численностью по 40.000 человѣкъ каждый, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ былъ выставленъ на турецкой границѣ для поддержки операций турокъ, а другой—стануть подъ Львовомъ, съ цѣлью содѣйствовать въ продолженіи похода французскимъ войскамъ. Что касается денежныхъ жертвъ Австріи, то, по увѣреніямъ Наполеона и герцога Бассано, онѣ не были бы чрезмѣрными, такъ какъ австрійскимъ войскамъ пришлось бы дѣйствовать въ непріятельской странѣ и содержаться на средства непріятели.

Наполеонъ торопливо готовился къ войнѣ и говорилъ Шварценбергу, что будетъ ждать никакъ не болѣе полугода, чтобы увидѣть, въ чемъ будутъ заключаться окончательныя заявленія Россіи.

— Не знаю,—прибавилъ онъ,—чего собственно хочетъ отъ меня это царство, повидимому, всего менѣе способное вести войну, такъ какъ у него нѣтъ ни денегъ, ни людей, ни генераловъ.

Шварценбергъ, видя, что дѣло близится къ рѣшительному исходу, еще разъ попытался добиться отъ Наполеона опредѣленныхъ указаній относительно тѣхъ выгодъ, на которыя могла бы съ увѣренностью разсчитывать Австрія; но императоръ, повторяя, что выгоду можетъ доставить монархіи только слѣдованіе за Франціей, ограничился общимъ изъявленіемъ готовности оградить интересы Австріи и сохранить цѣлость Пруссіи и Турціи. Вѣнскій кабинетъ, хотя и очень желалъ сохраненія обоихъ этихъ государствъ, однако за свое участіе въ войнѣ хотѣлъ получить и надежныя выгоды непосредственно для монархіи. Но на всѣ дальнѣйшія представленія Шварценберга по этому предмету Наполеонъ отвѣчалъ, что опредѣлять что-нибудь заранѣе трудно, такъ какъ все зависитъ отъ случайностей войны. Вскорѣ послѣ того Шварценбергъ былъ вызванъ въ Вѣну для устнаго доклада о положеніи дѣлъ, но, уѣзжая, онъ все еще оставался безъ опредѣленныхъ данныхъ относительно ожидаемыхъ Австріею выгодъ. Въ прощальной аудіенціи герцогъ Бассано сказалъ ему только, что теперь ему предоставляется случай выработать совмѣстно съ австрійскимъ правительствомъ основы содѣйствія Австріи въ войнѣ и пожелалъ ему возвратиться поскорѣе съ надлежащими полномочіями для окончательнаго разрѣшенія вопроса. Франція видимо не хотѣла связывать себя опредѣленными обѣщаніями, пока Австрія не выразитъ формально готовности къ переговорамъ. Но, высказываясь въ такомъ смыслѣ передъ австрійскимъ посломъ, герцогъ Бассано увѣрялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уѣзжавшаго въ то время по семейнымъ обстоятельствамъ изъ Парижа Нессельроде, что Наполеонъ нисколько не разсчитываетъ на разоренную въ финансовомъ отношеніи Австрію.

Одною, изъ главныхъ причинъ вызова Шварценберга въ Вѣну было

шаткое положеніе дѣлъ въ самой австрійской столицѣ: помимо надобности лично переговорить съ посломъ въ такую рѣшительную минуту, Меттернихъ нуждался также и въ его помощи въ борьбѣ съ противниками его системы, находившими сильнѣйшую поддержку со стороны пребывавшей тогда въ Вѣнѣ многолюдной русской колоніи. Для него было въ высшей степени важно убѣдиться, не успѣли ли противники поколебать прежнее довѣріе императора Франца къ его политической системѣ, а въ такую минуту было не бесполезно имѣть подъ рукою Шварценберга, какъ непосредственнаго наблюдателя всѣхъ ходовъ французской политики. Чтобы узнать мысли императора, Меттернихъ представилъ ему въ ноябрѣ докладъ объ общемъ положеніи дѣлъ, въ которомъ сильно осуждалъ политику Россіи, возлагая на нее всю вину въ бѣдствіи Европы и Австріи. Онъ вмѣнялъ русскому двору прямо въ преступленіе то, что со временъ Петра Великаго онъ только и думалъ о расширеніи западныхъ границъ Имперіи. Всякое завоеваніе, — писалъ онъ, — сдѣлано было Россіею на счетъ друзей и союзниковъ Австріи. Когда Пруссія угрожала австрійской монархіи, Россія оказывала ей могущественную поддержку и при содѣйствіи Россіи же исчезло потомъ прусское государство, существованіе котораго было въ интересахъ Австріи. Съ уничтоженіемъ Польши рухнули всѣ понятія истинно-европейской политики и положено основаніе современной политикѣ грабежей. Еслибы не настойчивость Австріи, Порта давно пала бы подъ натискомъ Россіи. Россія содѣйствовала разрушенію бывшей германской имперіи и подрыву императорскаго достоинства. Въ настоящее время Россія оказывается предоставленною однѣмъ собственнымъ силамъ и не имѣетъ охранительницъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи, которыя всегда были покидаемы ею на произволъ судьбы, когда ея собственнымъ границамъ угрожала опасность.

Вообще, въ аттестаціи своей Меттернихъ не поскупился на черныя краски по адресу Россіи. По его отзыву, Россія являетъ собою смѣсь трусости и бессмысленной страсти къ завоеваніямъ, причѣмъ она никогда не руководствовалась, да и теперь не руководствуется, никакимъ принципомъ. По всему видно, что противники меттерниховской системы были дѣйствительно очень сильны въ ту пору, если министръ иностранныхъ дѣлъ призналъ нужнымъ преподнести своему императору такую злобную филиппику противъ Россіи, съ цѣлью оправдать свое заискиваніе передъ Наполеономъ. Далѣе Меттернихъ выступаетъ въ своемъ докладѣ въ роли предвѣщателя. По его словамъ, война, начало которой онъ предусматриваетъ въ 1812 году, въ случаѣ побѣды Наполеона, будетъ непродолжительна, и первымъ послѣдствіемъ ея будетъ, вѣроятно, отпаденіе отъ Россіи польскихъ провинцій и упраздненіе прусской власти. Тогда Австрія, окруженная врагами, очутится посреди громаднаго союза и не будетъ имѣть ни одной спокойной границы, кромѣ турецкой. Какое же

направленіе должно быть дано австрійской политикѣ? Выждать и дѣлать попытки посредничества уже поздно, нейтралитетъ былъ бы для монархіи гибеленъ, а потому остается единственный выходъ—дѣйствовать сообща съ Франціей. Въ случаѣ, если императоръ одобритъ это рѣшеніе, Меттернихъ предлагаетъ дать послу Шварценбергу, для руководства, инструкцію слѣдующаго содержанія: Австрійскій императоръ готовъ мобилизовать армейскій корпусъ, если Наполеонъ представитъ доказательство, что въ случаѣ его побѣды Австрія можетъ разсчитывать не только на полное возмѣщеніе ея военныхъ издержекъ, но и на существенное улучшеніе ея географическаго, торговаго и административнаго положенія, и если, кромѣ того, Наполеонъ обѣщаетъ монархіи пріобрѣтеніе Силезіи, иллирійскихъ провинцій и границы по Вѣну, со включеніемъ Зальцбурга. Въ этомъ случаѣ австрійскій дворъ готовъ уступить возстановляемой Польшѣ соотвѣтственную часть Галиціи, съ тѣмъ, однако, чтобы въ уступленную часть не входили ни Величка (которая должна быть оставлена, по-прежнему, въ общемъ владѣніи), ни другая граница, подлежащая отводу въ пользу Австріи по военнымъ соображеніямъ. Во время войны, въ Галиціи должно быть оставлено австрійское управленіе. Австрійскій корпусъ, предводимый собственными генералами, будетъ дѣйствовать отдѣльно, вступая въ совмѣстныя съ французскою арміей операціи лишь по общимъ военнымъ соображеніямъ. Наконецъ, пропускъ иноземныхъ войскъ черезъ австрійскія владѣнія долженъ быть воспрещенъ.

Если условія эти будутъ одобрены императоромъ Францемъ, то Меттернихъ намѣренъ предложить ихъ со всею осторожностью въ Парижѣ, а переговоры повести такимъ образомъ, чтобы починъ могъ быть приписанъ Наполеону. Онъ опасался, однако, что Наполеонъ, зная слабосиліе Австріи, можетъ и уклониться отъ подобныхъ условій. На этотъ случай Меттернихъ предлагалъ внушить Шварценбергу, чтобы онъ сперва вполне удостовѣрился въ томъ, какъ отнесется Наполеонъ къ этому дѣлу. Въ случаѣ отказа, Меттернихъ предоставлялъ себѣ обсудить дальнѣйшіе шаги впоследствии, а о принятомъ рѣшеніи доложить императору.

Императоръ Францъ одобрилъ предложенія своего министра, повелѣвъ только озаботиться тѣмъ, чтобы затраты государства были ограничены лишь безусловно необходимымъ. Такимъ образомъ, Меттернихъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ противниками, найдя твердую опору въ своемъ государѣ. Онъ могъ-бы теперь дѣятельно приступить къ осуществленію своей системы, еслибы на каждомъ шагѣ не встрѣчались серьезныя препятствія. Уже одна предстоявшая война грозила разрушить всѣ планы Меттерниха относительно подъема подорванныхъ силъ монархіи подъ покровомъ продолжительнаго мира, котораго онъ

надѣялся достигнуть при помощи искусной дипломатической игры при европейскихъ дворахъ. Кромѣ того, серьезныя затрудненія возникали изъ-за крайне плохого состоянія финансовъ.

Вѣнскій кабинетъ надѣялся нѣсколько упорядочить ихъ при содѣйствіи Наполеона, но Наполеонъ никакой помощи въ этомъ отношеніи не оказывалъ. Это, въ свою очередь, еще болѣе усиливало ропотъ противниковъ Меттерниха и его программы, основанной на сближеніи съ Франціею. Недовольство Наполеономъ быстро разросталось въ Австріи при видѣ того, что онъ не только не желалъ помочь подъему австрійской торговли, но еще и принималъ мѣры, служившія прямо въ ущербъ ей. Ко всему этому, послѣ блестящей побѣды русскихъ войскъ на Дунаѣ, вынудившей армію великаго визаря (въ ноябрѣ) положить оружіе, возникли опасенія, чтобы, въ виду такого оборота дѣлъ на турецкомъ театрѣ, Наполеонъ не измѣнилъ своихъ намѣреній и, вмѣсто войны съ Россіею, не поставилъ на очередь столь страшнаго для Австріи восточнаго вопроса. Опасенія эти хотя и не оправдались, однако произвели сильный переполохъ въ австрійской государственной канцеляріи.

Такъ, среди страха и сомнѣній, заключился въ Австріи 1811 годъ, въ концѣ котораго посоль Шварценбергъ отправился обратно къ своему посту въ Парижъ, гдѣ его поджидали съ нетерпѣніемъ, желая узнать условія, которыми Австрія хочетъ обставить свое участіе въ франко-русской войнѣ.

XIII.

Въ началѣ 1811 г. недовольство господствовавшею системою достигло въ Россіи наивысшей степени. Политическія причины и безотрадное состояніе сельскаго хозяйства обратили высшее русское общество въ противниковъ французской системы, а упадокъ торговли и общее оскудѣніе породили ненависть къ Франціи также въ среднемъ и низшемъ классахъ населенія. Дѣйствительно, вслѣдствіе континентальной системы прекратился вывозъ изъ Россіи сырья, что тяжело отзывалось на общемъ благосостояніи. Звонкая монета исчезла изъ обращенія, что повлекло за собою вздорожаніе всякихъ продуктовъ. Требованіе французскаго правительства, чтобы накопившіеся въ Россіи англійскіе товары были сожжены, вызвало всеобщее негодованіе. Естественно, что при такихъ условіяхъ правительство было вынуждено принять какія-нибудь мѣры къ огражденію интересовъ русской торговли. Послѣдовало введеніе новаго тарифа, высокія пошлины котораго затруднили

ввозъ иностранныхъ, особенно французскихъ товаровъ, а англійскіе продукты были избавлены отъ сожженія, несмотря на всѣ протесты Коленкура. Отношеніе между императорами Александромъ I и Наполеономъ все ухудшалось подъ вліяніемъ крайне безцеремонныхъ поступковъ послѣдняго по отношенію къ Россіи. Присоединеніе Голландіи и захваты въ сѣверной Германіи угрожали интересамъ Россіи, а захватъ герцогства Ольденбургскаго, которое русскій императоръ считалъ почти своимъ фамильнымъ владѣніемъ, оскорбилъ Александра лично. Чрезвычайно недовольны были въ Петербургѣ также и требованіемъ французскаго кабинета, чтобы Россія пригрозила Швеции нападеніемъ, въ случаѣ, если шведское правительство не объявитъ войны Англии. Требованіе это было для Россіи тѣмъ менѣе исполнимо въ такую минуту, когда разрывъ ея съ Франціею становился все болѣе вѣроятнымъ, не говоря уже о томъ, что и вообще едва-ли было возможно навязывать Швеции рѣшеніе, которое она могла бы принять лишь по соображеніямъ собственнаго интереса. Притомъ, для Россіи было весьма важно—особенно въ то смутное время—поддерживать добрыя отношенія къ сосѣдямъ. Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что войны съ Франціею не миновать, и хотя самъ онъ не хотѣлъ вызывать столкновенія, однако готовъ былъ принять его, если оно будетъ ему навязано, и дать нападающему энергическій отпоръ. Въ виду этой возможности, главною задачею русской политики было окончить, по возможности, скорѣе войну съ Турціею и установить дружественныя отношенія съ Австріею. При всемъ томъ, императоръ Александръ не желалъ, однако, уменьшать своихъ требованій отъ Порты; онъ не хотѣлъ отказаться отъ дунайской границы, обладаніе которою признавалъ единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы удержать Порту отъ союза съ Франціею. Австрію онъ надѣялся склонить къ восстановленію прежняго союза общаніемъ предложить ей Сербію, «если это будетъ ей пріятно», прибавилъ онъ въ одной изъ бесѣдъ съ Сень-Жюльеномъ, причемъ слова эти произнесъ съ улыбкой, какъ-бы желая сказать, что онъ знаетъ, какъ въ былое время Австрія стремилась къ обладанію этою страной. Онъ готовъ былъ уступить Австріи также Валахію до Серета и городъ Браиловъ. Но въ Вѣнѣ вовсе не помышляли въ то время о завоеваніяхъ и думали только о томъ, какъ бы предотвратить всякія новыя осложненія. Впрочемъ, и помимо этого, даже въ томъ случаѣ, еслибы Россія проявила склонность сдѣлать уступки Портѣ, вѣнскій кабинетъ, трепетавшій передъ Наполеономъ, поостерегся бы сблизаться съ Россіею, къ политикѣ которой, независимо отъ всѣхъ другихъ соображеній, питалъ сильнѣйшее недобріе. Графъ Меттернихъ, завѣдомый ненавистникъ петербургскаго кабинета, съ злорадствомъ смотрѣлъ на то, какъ Россія, столь значительно способствовавшая ослабленію Австріи и отторгнувшая у нея

часть территоріи, вынуждена теперь искать союза или, по крайней мѣрѣ, хоть нейтралитета монархіи. Онъ считалъ неизбѣжнымъ скорое паденіе усвоенной петербургскимъ кабинетомъ системы, но, не ожидая даже и отъ этого улучшенія условій политическаго существованія Россіи, не имѣлъ никакой охоты связывать съ нею судьбу австрійской монархіи. Императоръ Александръ и его совѣтники, очевидно, не знали о такомъ взглядѣ вѣнскаго кабинета на дѣло, что объясняется, повидимому, оптимистическими донесеніями, поступавшими изъ Вѣны отъ графа Шувалова, а отчасти и заявленіями графа Сень-Жюльена въ Петербургѣ, никогда не умѣвшаго проникнуть мыслей графа Меттерниха и полагавшаго, что, съ перемѣною системы въ Россіи, Австрія всегда будетъ готова возобновить союзъ съ нею. Не понимая указаній, даваемыхъ ему Меттернихомъ, онъ дошелъ до того, что даже прямо сулилъ императору Александру нейтралитетъ Австріи въ случаѣ франко-русской войны. О положеніи дѣлъ Александръ бесѣдовалъ съ австрійскимъ посланникомъ большею частью лично, или же сносился съ нимъ по важнѣйшимъ вопросамъ чрезъ Кошелева; онъ зналъ, что его министра иностранныхъ дѣлъ австрійскіе государственные люди терпѣть не могутъ, и потому вель сношенія съ Сень-Жюльеномъ помимо него, чтобы и въ этомъ отношеніи удобнѣе подготовить почву для соглашенія съ Австріей. Одновременно съ попытками разсѣять нерасположеніе вѣнскаго правительства къ Россіи, петербургскій кабинетъ стремился возстановить его противъ Франціи. Съ этою цѣлью Румянцовъ передалъ, между прочимъ, графу Сень-Жюльену, что, по донесеніямъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Неаполѣ, въ Италіи совершаются передвиженія войскъ и что ихъ предполагается двинуть въ Иллирію.

— Передвиженія эти—говорилъ Румянцовъ—должны находиться въ связи съ замыслами Наполеона относительно Турціи, раздѣла которой желаетъ французскій императоръ. И по этому поводу онъ увѣрялъ Сень-Жюльена, что петербургскій кабинетъ противъ раздѣла Оттоманской имперіи, но не могъ бы устраниваться отъ участія въ немъ, еслибы раздѣлъ сталъ неизбѣжнымъ.

— Австрія—прибавлялъ Румянцовъ,—тоже должна участвовать въ раздѣлѣ, причемъ петербургскій кабинетъ постарается устроить такъ, чтобы пріобрѣтенія монархіи пришлись между землями, которыя отойдутъ къ Россіи и Франціи.

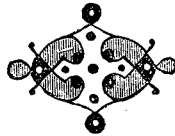
Въ концѣ февраля 1811 года Коленкуръ былъ отозванъ изъ Петербурга и вмѣсто него назначенъ французскимъ посломъ Лористонъ. Значеніе этой перемѣны истолковывалось въ Петербургѣ двояко: одни приписывали удаленіе Коленкура неудовольствію Наполеона тѣмъ, что онъ не достаточно стойко противился введенію въ Россіи новаго тарифа; другіе полагали, что отношенія Коленкура къ императору Александру

признавались въ Парижѣ слишкомъ близкими для того, чтобы можно было возложить на него подготовку предстоявшаго разрыва. Меттернихъ, недовольный неумѣлою дѣятельностью Сень-Жюльена, который, какъ извѣстно, былъ назначенъ въ Петербургъ противъ желанія руководителя австрійской политики, тоже подумывалъ о замѣнѣ этого дипломата болѣе способнымъ человѣкомъ; однако, опасаясь, чтобы назначеніе другого лица, съ болѣе опредѣленными политическими взглядами, не возбудило въ Россіи новыхъ неудовольствій, онъ рѣшилъ оставить Сень-Жюльена на его посту, но прикомандировать къ нему, въ качествѣ совѣтника посольства, Лебцельтерна, дипломатическія способности котораго Меттернихъ высоко цѣнилъ. Лебцельтернъ уже имѣлъ случай проявить свои дарованія при исполненіи нѣсколькихъ трудныхъ порученій и, главное, былъ хорошо знакомъ, въ общихъ чертахъ, съ ходомъ мыслей Меттерниха, хотя, повидимому, и не былъ еще посвященъ въ его конечныя цѣли. Задачею его являлось наблюденіе за его непосредственнымъ начальникомъ, Сень-Жюльеномъ, и разъясненіе ему присылаемыхъ изъ Вѣны инструкцій, съ цѣлью предохранить его отъ неосторожныхъ шаговъ. Ему поручено было вывѣдывать у графа Сень-Жюльена, что именно говорилъ онъ императору Александру, Румянцову, или Кошелеву, и онъ же, подчиненный, долженъ былъ давать посланнику указанія для переговоровъ съ этими лицами. Понятно, что такое щекотливое положеніе, какъ нельзя лучше характеризующее общую склонность Меттерниха дѣйствовать путемъ всякаго рода ухищреній, не могло нравиться Лебцельтерну. И дѣйствительно, всѣ его донесенія были полны жалобъ на трудности, которыя ему приходилось преодолевать. Въ одномъ изъ своихъ донесеній онъ даже выразилъ сожалѣніе о томъ, что въ такую важную минуту Австрія имѣетъ въ Петербургѣ столь мало проницательнаго дипломата, какъ Сень-Жюльенъ, который дошелъ до того, что едва не предложилъ петербургскому кабинету добрыя услуги своего правительства относительно достиженія согласія Порты на уступку княжествъ, съ границею до Прута. Лебцельтерну насилу удалось удержать его отъ такого шага, который совершенно противорѣчилъ бы намѣреніямъ Австріи, не желавшей возбуждать въ Россіи никакихъ надеждъ на австрійскую помощь, такъ какъ, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, подобныя надежды могли бы побудить императора Александра и его совѣтниковъ къ необдуманнѣйшимъ поступкамъ, что ускорило бы начатіе войны. Задачею Сень-Жюльена было, скорѣе, стараться о томъ, чтобы обстоятельно узнать истинныя намѣренія русскаго двора и убѣдить его въ дружественномъ настроеніи Австріи, не прибѣгая, однако, къ лести, не давая совѣтовъ и не связывая себя обѣщаніями. Отъ посланника требовалось, чтобы онъ успокоилъ петербургскій кабинетъ заявленіемъ, что между Франціей и Австріей никакого союза не суще-

ствуешь и что Меттернихъ домогался въ Парижѣ лишь сохраненія мира. Въ виду жалобъ Лебцельтерна на графа Сень-Жюльена, въ Вѣнѣ, рѣшили наконецъ вести нужные переговоры не въ Петербургѣ, а въ австрійской столицѣ. Но переговоры эти никакъ не налаживались вслѣдствіе величайшаго взаимнаго недовѣрія обоихъ кабинетовъ. Императоръ Александръ былъ убѣжденъ въ существованіи австро-французскаго союза, и только этимъ объяснялъ Лебцельтернъ тотъ миролюбивый тонъ, въ которомъ императоръ говорилъ съ Сень-Жюльеномъ. Впрочемъ, дипломатъ этотъ, подобно всѣмъ австрійскимъ государственнымъ людямъ того времени, считалъ Александра человѣкомъ въ высшей степени не искреннимъ, безхарактернымъ и склоннымъ къ постояннымъ колебаніямъ. Поэтому и предложеніе его относительно предоставленія Сербіи австрійцамъ понято было въ Вѣнѣ въ томъ смыслѣ, что русскій императоръ хотѣлъ только вывѣдать у Австріи, не состоялось ли уже между нею и Франціей какой-нибудь сдѣлки относительно этой страны. Кромѣ того, Меттернихъ былъ увѣренъ, что всякое заявленіе Австріи Румянцовъ тотчасъ же сообщитъ Портѣ, чтобы та скорѣе согласилась на уступку княжествъ.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судьба Θεодосія, архієпископа новгородскаго ¹⁾.

Въ одинъ весенній день 1725 года, императрица Екатерина первая, успокоившись отъ волненій, соединенныхъ съ неожиданной кончиною ея вѣнценоснаго супруга Петра 1-го и съ еще большей неожиданностью возведенія ея на императорскій тронъ, несмотря на свое иноземное происхожденіе, почивала, по русскому обычаю, послѣобѣденнымъ сномъ. Для охраненія ненарушимости покоя императрицы, по мосту черезъ каналъ запрещенъ былъ для всѣхъ лицъ и персонъ знатныхъ проѣздъ во время опочиванія государыни, при чемъ мостъ охранялся часовымъ.

Несмотря на этотъ, извѣстный всѣмъ петербургскимъ жителямъ запретъ, бойко и смѣло неслась къ каналу карета (по тогдашнему названію «колымага»), запряженная цугомъ шестеркой сытыхъ лошадей, украшенныхъ серебряной сбруей, съ фореиторомъ въ расшитомъ позументомъ кафтанѣ и четырехъугольной вишневаго бархата шапкѣ. Часовой остановилъ смѣлаго возницу. Но сѣдокъ, находившійся въ каретѣ, потребовалъ къ себѣ караульнаго офицера, объявивъ ему, что онъ ѣдетъ къ императрицѣ. Однако караульный капитанъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить проѣздъ чрезъ мостъ въ запрещенный часъ, ссылаясь на высочайшее по этому предмету повелѣніе. Эта твердость въ исполненіи караульнымъ начальникомъ своего долга такъ раздражила ѣхавшаго, что онъ не только не стѣснялся обругать часоваго и офицера «шелудивыми овцами»;

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ на основаніи подлинныхъ документовъ и секретныхъ дѣлъ, находящихся въ архивѣ св. Синода, помѣщенныхъ въ „Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Правительствующаго Синода“. Томъ V. Изд. 1897 г.

но, несмотря на настойчивое запрещеніе караула, проѣхалъ мостомъ прямо ко дворцу императрицы. Это настойчивое до непростительной дерзости лицо, не принятое во дворцѣ, хотя и освѣдомлено было о томъ, что государыня опочиваетъ, вознегодовало, озлобилось, и, въ состояніи раздраженія, высказало угрозу, что «въ домъ императрицы никогда не пойдетъ, развѣ неволею привлеченъ будетъ».

Это былъ когда-то другъ и любимецъ Петра, но затѣмъ лишившійся расположенія государя, Феодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій, первый вице-президентъ Св. Синода, неимѣющій никакихъ особыхъ церковноисторическихъ заслугъ и замѣчательный трагическимъ концомъ своей судьбы, близко граничившей съ судьбою патріарха Никона.

Однажды Петръ Великій посѣтилъ Хутынскій монастырь, гдѣ въ санѣ архимандрита настоятельствовалъ Феодосій. Это былъ юго-западный выходецъ и скорѣе проходимецъ, нежели ученый монахъ, каковыми безспорно могли называться іерархи: Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и болѣе всѣхъ Теофанъ Прокоповичъ, — кievскіе ученые, вызванные изъ Малороссіи въ Великороссію и оказавшіе отечественной церкви значительныя заслуги, въ особенности въ борьбѣ съ расколомъ, а пожалуй и съ ханжествомъ, наружнымъ благочестіемъ и суевѣріемъ русскихъ людей.

Въ хутынскомъ архимандритѣ, Феодосіи Яновскомъ, Петру нравилось собственно свободомысліе въ вопросахъ религіозныхъ, его развязность и живой, веселый, несмотря на санъ монашескій, характеръ. Московское монашество и духовенство своими воздыханіями и ханжествомъ, своими хуленіями «дѣлъ Петровыхъ», своимъ расположеніемъ къ царевичу Алексѣю и царицѣ Евдокіи, не нравилось царю, и онъ радъ былъ, что встрѣтилъ духовное лицо, живое, энергичное, развязное, лично не стѣснявшееся въ своей частной жизни и не стѣснявшее другихъ. Такимъ лицомъ показался Петру Феодосій. Въ 1712 году, т. е. еще до перенесенія столицы въ Петербургъ, Петръ назначилъ его настоятелемъ Александро-Невскаго Петербургскаго монастыря, приблизилъ его къ себѣ, и этотъ юго-западный выходецъ сдѣлался самымъ довѣреннымъ лицомъ у государя, естественно, къ великой досадѣ великорусскаго духовенства.

Пользуясь расположеніемъ государя, Феодосій никого не боялся, жилъ на свѣтскую ногу, велъ явно разгульную жизнь. Но Петръ не обращалъ вниманія на личную жизнь монаха-архимандрита, ни на шаткость его религіозныхъ убѣжденій, и въ 1716 году, послѣ смерти Іова, архіепископа новгородскаго, назначилъ Феодосія на Новгородскую епископскую кафедру, а затѣмъ вице-президентомъ Св. Синода. Такая близость къ Петру, неограниченное довѣріе царя развили въ Феодосіи тщеславіе до крайнихъ предѣловъ, вызывавшее ропотъ и ненависть къ

нему не только всего великорусскаго духовенства, но и земляковъ его, малороссовъ.

Своимъ недуховнымъ поведеніемъ Теодосій усиливаль негодованіе духовенства. Мало того, что онъ самъ жилъ какъ свѣтскій вельможа, Теодосій, въ подраженіе Петру, устраиваль ассамблеи, на которыя должны были собираться другъ у друга всѣ духовные сановники поочередно, не смѣя выражать явнаго протеста этому новаторству. Открытая свѣтская жизнь Теодосія, его выѣзды, обѣды, балы и приемы, конечно, требовали немалыхъ расходовъ, между тѣмъ Петръ установилъ штаты духовенства и обрѣзалъ до крайности монастырскіе доходы, обративъ ихъ въ казну на покрытіе расходовъ государственныхъ. Это распоряженіе царя вызвало всеобщій ропотъ монашествующаго духовенства. Въ числѣ ропщущихъ и хулителей царя оказался и Теодосій, который, для возмездія сокращенныхъ доходовъ и покрытія личныхъ потребностей, не постѣснился отбирать въ церквахъ и монастыряхъ оклады съ св. иконъ, древнюю церковную серебряную посуду, колокола, жемчугъ и каменья съ старинныхъ архіерейскихъ шапокъ (митръ) и омофоровъ, серебро съ древнихъ облачений и проч. Все это продаваль, проживаль и на эти деньги выписаль, къ удивленію вельможъ и знати, изъ-за моря серебряный сервизъ.

Помимо обращенія церковныхъ цѣнностей въ свою пользу, Теодосій позволяль себѣ не только образъ мыслей, но и дѣйствій явно противныхъ православному вѣроученію и преступныхъ даже для простаго мірянина. Такъ, раздѣляя протестантское вѣроученіе въ отношеніи почитанія св. иконъ, Теодосій называль весь русскій народъ, всѣхъ православныхъ своихъ пасомыхъ идолопоклонниками, при чемъ приводилъ въ примѣръ Іерусалимъ и другія святыя мѣста, которыя, по словамъ архипастыря, Богъ отдалъ варварамъ туркамъ, отнявъ у христіанъ, за то, что они поклонялись гробу Господню «и тѣмъ идолослуженіемъ творили Богу безчестіе», «также надѣяться надобно и Россійскому государству», пророчествоваль феноменальный архіерей.

Въ своемъ отрипаніи православнаго догмата о почитаніи св. иконъ Теодосій дошелъ до издѣвательства надъ вѣковѣчными русскими, дорогими для вѣрующихъ душъ, святынями. Такъ, проѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, Теодосій заѣхаль въ Никольскій, что на Столпѣ, монастырь, и здѣсь въ доказательство того, что вѣрованіе въ чудеса, являемыя иконами, есть суевѣріе, въ присутствіи братіи и къ ужасу ея, «распиловаль образъ чудотворца Николая».

Зналь ли объ этихъ дѣявіяхъ своего недостойнаго любимца Петръ, утверждать трудно. Полагать нужно, что не зналь, ибо можно положительно утверждать, что, несмотря на свое свободомысліе въ дѣлахъ вѣры, Петръ не простилъ бы такое выдающееся кощунство высшему

духовному лицу. Теодосій, хотя и сильно сердился на Петра за отнятіе доходовъ, но явно и публично изливаль злобу на своего благодѣтеля царя только послѣ его смерти.

Такъ объявляя высочайшій указъ о томъ, чтобы всѣ синодальные члены въ память по государѣ были въ служеніи, строптивый и знавшійся Теодосій говорилъ: «чего церковь Божія дождалась, что мірская власть повелѣваетъ духовной молиться, и хотя онъ служить будетъ, токмо услышитъ ли Богъ такую молитву? А не служить онъ боится, чтобы въ ссылку его не сослали».

Нехотя и какъ бы по принужденію, совершивъ службу въ означенный день о упокоеніи души того, кто вызваль Теодосія изъ ничтожества на высоту, неблагодарный іерархъ, къ огорченію императрицы и къ смущенію всѣхъ придворныхъ, на приглашеніе во дворецъ къ поминальному столу дерзко и грубо отказался и не поѣхаль. Теодосій злобствовалъ противъ своего благодѣтеля царя за то, что Петръ, разочаровавшись въ Теодосіи, удалился отъ него, приблизивъ къ себѣ умнаго, талантливаго, Теофана Прокоповича.

Окружавшіе Петра, видя его охлажденіе къ ненавистному для всѣхъ Теодосію, возбудили противъ него преслѣдованіе о расхищеніи церковнаго имущества, хорошо зная ту строгость, какую проявляль Петръ въ отношеніи хищниковъ. Но смерть Петра лишила его возможности раздѣляться съ бывшимъ любимцемъ своимъ. Эта раздѣлка съ Теодосіемъ произведена и участь его рѣшена пріемницей Петра Екатериной.

Слѣдственное о Теодосіи дѣло производилось въ верховномъ судѣ. Судомъ добыты были улики противъ обвиняемаго въ томъ, что онъ: 1) ропталъ на указъ царскій о духовныхъ штатахъ и распредѣленіи доходовъ, 2) что присвоилъ себѣ церковное имущество, 3) распиловаль образъ Николая Чудотворца, 4) произносилъ непристойныя слова, касавшіяся чести императорскихъ величествъ, 5) въ собраніи Святѣйшаго Синода произносилъ слова по поводу смерти императора Петра: «видите ли, отцы святіи, когда началъ духовныхъ штатовъ опредѣлять и власть ихъ умалять, то и умре вскорѣ, и мы живы, а его нѣтъ!» 6) весь російскій народъ называль идолопоклонниками и 7) часоваго и караульнаго капитана называль «шелудивыми овцами».

За всѣ перечисленные поступки, архіепископъ Теодосій былъ удаленъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и сосланъ въ Корельскій, при устьяхъ Двины, монастырь на неисходное жительство, о проступкахъ же его приказано было распространить всенародно. Объ этомъ Правительствующій Сенатъ сообщилъ вѣдѣвіемъ Святѣйшему Синоду 22-го ноября 1725 года. При величинъ власти, какую имѣль архіепископъ Теодосій въ дни своего фавора, удаленіе его отъ дѣлъ и ссылка въ отдаленную уединенную обитель, конечно, являлись карою нелегкою для за-

знавшагося малоросса, достигшаго высшаго положенія въ православной іерархіи. Но судьба Теодосія ссылкой не кончилась. По удаленіи его изъ Петербурга, противъ него началось еще болѣе важное дѣло характера политическаго.

Въ 1724 году, Петръ обязалъ всѣхъ своихъ подданныхъ присягою въ вѣрно-подданствѣ своей особѣ. Архіепископъ Теодосій въ текстѣ этой присяги, на-ряду съ именемъ его величества, внесъ собственное свое имя, обязывая, такимъ образомъ, присягать не только царю Петру; но и ему, архіепископу Теодосію, какъ-бы равному верховной императорской власти. Въ присягу, изданную Петромъ, Теодосій произвольно внесъ слѣдующее: «также и собственной моей власти, великому господину Святѣйшаго Правительствующаго Синода вице-президенту, преосвященному Теодосію, архіепископу велико-новгородскому и великолукскому и архимандриту александро-невскому, обязуюсь во всемъ, по должности моей, вѣренъ и весьма покоренъ быть и все до его архіерейской чести принадлежащее по послѣдней моей силѣ умножить и охранять, и всякіе его архіерейства собственные и домовые интересы соблюдать и остерегать и защищать, и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить и всякіе вреды отвращать всепрілежно потшуся, и повѣренной и приложенной на мнѣ чинѣ, въ которой я указомъ его преосвященства опредѣленъ, какъ по приличномъ званію моему указомъ императорскаго величества и регламентомъ и прочимъ правамъ, такъ и по его, преосвященнаго архіепископа, опредѣленіямъ и инструкціямъ, каковы мнѣ вручены, или впредь даны будутъ, отъ которыхъ, что до моего званія и порученнаго мнѣ правленія надлежитъ, долженствую исправлять по совѣсти моей вѣрно и справедливо».

Эта излишняя и неумѣстная вставка въ текстѣ присяги, по ссылкѣ Теодосія, сдѣлалась извѣстна Святѣйшему Синоду, и началось по этому поводу слѣдующее дѣло.

1726 года іюня 22-го дня, по словесному приказанію Святѣйшаго Синода, секретарь Михаилъ Дудинъ былъ посланъ въ Александро-Невскую лавру за подлиннымъ дѣломъ о вѣрноподданнической присягѣ намѣстника и братіи лавры по присланной архіепископомъ Теодосіемъ формѣ; такъ какъ Синоду сдѣлалось извѣстнымъ, что Теодосій въ текстѣ этой присяги внесъ и свое собственное имя съ тою цѣлю, чтобы и ему присягали наравнѣ съ царемъ.

Представленное секретаремъ Дудинымъ дѣло, отобранное въ лаврѣ, вполне подтвердило свѣдѣнія Святѣйшаго Синода о включеніи Теодосіемъ своего имени въ текстѣ присяги. По своей важности, дѣло это разсматривалось совмѣстно Святѣйшимъ Синодомъ съ Правительствующимъ Сенатомъ и на конференціи этихъ высшихъ государственныхъ

учрежденій было рѣшено: форму присяги, составленную Ѳеодосіемъ, представить ея величеству «понеже въ ней, по достодолжномъ императорскаго величества возношеніи, явились противныя сверхъ указу, аки бы въ равной силѣ, о храненіи тайностей и онаго бывшаго архіерея Ѳеодосія прилагательства».

Дѣло считалось важнымъ и спѣшнымъ, и потому государыня, по докладѣ ей дѣла, 25-го іюня, указала: «Правительствующему Сенату обще съ Святѣйшимъ Синодомъ согласія, оныя присяги опровергнуть указами и публикаціями, и собравъ присяжные листы, сжечь ихъ публично».

25-го октября Святѣйшимъ Синодомъ распубликовано было объявленіе для всенароднаго извѣстія, въ которомъ говорилось, что «плутъ Ѳедосъ, отъ злоковарнаго своего воровства, учинилъ, для нѣкотораго своего злаго умысла, тяжкое преступленіе. А именно: въ бытность свою въ Москвѣ, въ прошломъ 1724 году, приказалъ сообщнику своему вору, бывшему въ келейной его конторѣ и при Святѣйшемъ Синодѣ секретарю Герасиму Семенову (который за злодѣйственныя свои вины, не въ давнемъ времени казненъ смертію), чтобъ оный написалъ форму присяги, какова по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества всенародно чинена. И къ тому бѣ еще къ той же формѣ прибавилъ, чтобы и ему, плуту Ѳедосу, чинили присягу... И за такія вышеобъявленныя, онымъ злодѣемъ и воромъ Ѳедосомъ учиненныя, святымъ правиламъ и ея императорскому величеству и всѣмъ государственнымъ правамъ, зѣло важныя и малослыханныя противности, по указу ея императорскаго величества, и по правиламъ святымъ и по гражданскимъ законамъ, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода посланъ указъ къ холмогорскому епископу, и велѣно съ него, Ѳедоса, санъ архіерейства и чинъ іерейства снять, и быть ему простымъ старцемъ и никтобъ его отнынѣ за архіерея и іерея не признавалъ: а что въ вышеобъявленной формѣ и присягѣ къ лицу его, Ѳедоса, было написано, то выписавъ изъ той формы, предъ народомъ на публичномъ мѣстѣ сжечь».

Сторонники Екатерины, вѣроятно, еще побаивались опальнаго владыки и въ своихъ видахъ нашли болѣе цѣлесообразнымъ лишить его архіерейскаго сана, обезоружить духовно; «а дабы то было дѣйствительно исполнено, въ тотъ монастырь, гдѣ онъ нынѣ содержится, ѣхать преосвященному Варнавѣ, архієпископу холмогорскому и волжскому, со опредѣленною изъ оной тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланной на Холмогоры персоною обще, и чинить все съ общаго согласія. А по лишеніи онаго Ѳедоса архіерейскаго и іерейскаго сана, сказать того монастыря настоятелю и братіи указъ съ запискою и рукоприложеніемъ, дабы они отъ того времени признавали его, Ѳедоса, за простаго чернца, и что при немъ архіерейскихъ одѣяній и прочаго обрѣтается

описавъ, а именно: мантии архіерейскія, панагіи, посохи, и забравъ то все, съ оною описью прислать въ С.-Петербургъ въ Святѣйшій Синодъ».

Насколько великъ былъ страхъ къ Теодосію въ его Новгородской епархіи, видно, между прочимъ, изъ того, что первый указъ о ссылкѣ Теодосія нѣкоторые должностныя лица не рѣшались объявлять; таковымъ былъ намѣстникъ Валдайскаго Иверскаго монастыря Филаретъ, комиссаръ г. Валдая Буторинъ и выборные Василій Ивановъ и Никифоръ Федотовъ, они отвѣщивали жителей отъ слушанія царскаго указа о Теодосіи; а пошъ того же села Иванъ Ивановъ запретилъ своимъ прихожанамъ идти въ церковь въ то воскресенье, когда объявлялся указъ о Теодосіи. Разумѣется, это уклоненіе отъ исполненія правительственной воли повлекло за собою доносы и разслѣдованія.

Приведемъ здѣсь, въ заключеніе, распоряженіе Святѣйшаго Синода о погребеніи Теодосія, находящееся въ указѣ, посланномъ изъ Синода съ курьеромъ тайной канцеляріи, отъ 2-го марта 1726 года, Александро-Свирскаго и Кирилловскаго монастырей архимандритамъ, а по отлучности ихъ, настоятелямъ.

«По полученіи сего указа, какъ къ вамъ явится посланный изъ тайной канцеляріи курьеръ, которому повелѣно указомъ ея императорскаго величества исполнить, тогда тотчасъ же по оному указу во всемъ и учинить и поступить непремѣнно; а именно: гдѣ застанетъ приведенное тѣло Теодоса, бывшаго новгородскаго, то тотчасъ погребсти въ томъ монастырѣ, гдѣ выше упомянуто. И о томъ въ Синодъ отвѣтствовать немедленно съ симъ же посланнымъ курьеромъ, никого не отчужая».

Н. И. Соловьевъ.

Къ біографіи В. Н. Каразина.

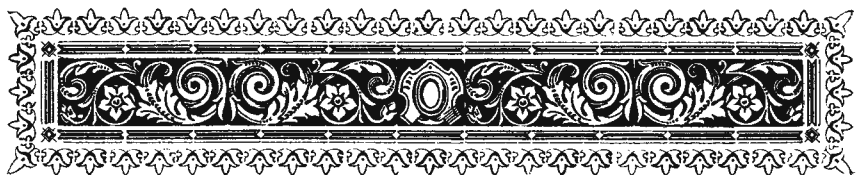
Собственноручное прошение статскаго совѣтника Василя Каразина въ С.-Петербургскую цензуру.

29-го октября 1819 г.

Въ журналѣ, издаваемомъ въ Харьковѣ подъ названіемъ «Украинскій Вѣстникъ», именно въ 5 книжкѣ онаго 1818 г. на стр. 231—242 подъ заглавіемъ «Смѣсь», напечатанъ былъ присланный отъ меня временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями. Находясь нынѣ въ здѣшней столицѣ, желаю я издать сіе неважное сочиненіе особою книжечкою подъ заглавіемъ, съ предисловіемъ и съ примѣчаніями, которыя у сего здѣсь имѣю честь представить цензурѣ, вмѣстѣ съ экземпляромъ вышеупомянутой книжки «Украинскаго Вѣстника» и покорнѣйше испрашиваю на то разрѣшеніе.

Брошюра была напечатана подъ заглавіемъ «Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ» и вызвала замѣчаніе цензурному комитету.

Изъ писемъ И. И. Теребенева къ А. Х. Востокову.

Иванъ Ивановичъ Теребеньевъ—извѣстный въ свое время скульпторъ и рисовальщикъ-карикатуристъ (род. 1780 г. ум. 1815 г.). Окончивъ курсъ Академіи художествъ въ 1800 году, онъ былъ оставленъ при ней въ качествѣ пенсіонера. Такое оставленіе обыкновенно обѣщало въ будущемъ заграничное путешествіе на казенный счетъ для усовершенствованія въ искусствѣ и далѣе профессорское мѣсто въ Академіи. Но Теребеньевъ—человѣкъ пылкій и легкомысленный, съ характеромъ „не терпящимъ принужденія“—не смогъ подчиниться правиламъ пенсіонерской жизни: онъ бросилъ Академію и рѣшилъ „идти своимъ путемъ неопытнаго, безпечнаго юноши“, какъ говорится въ его некрологѣ ¹⁾, „путемъ, который натурально не велъ ни къ храму славы, ни къ храму богатства“. До 1805 года онъ прожилъ въ Петербургѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Тверь на мѣсто учителя рисовальнаго искусства въ гимназіи. Въ Твери онъ пробылъ около двухъ лѣтъ; эти годы были для него крайне тяжелы и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ; непосильный трудъ, дававшій ничтожный заработокъ, невозможность заниматься искусствомъ для самого себя, тоска въ разлукѣ съ близкими, вдали отъ центра русской интеллигентной жизни, въ глуши провинціи, среди людей, съ которыми у него не было никакихъ общихъ интересовъ,—все это скоро заставило Теребенева всѣми силами души желать возвращенія въ Петербургъ; съ трудомъ добившись отставки, въ февралѣ 1807 года, онъ наконецъ вырвался въ Петербургъ. Здѣсь, при поддержкѣ въ работахъ со стороны товарищей, онъ снова предался любимымъ занятіямъ искусствомъ. Но и въ желанной столпцѣ жизни Теребенева, не обезпеченная казеннымъ жалованіемъ, была не легка; онъ рано, на 36-мъ году отъ рожденія, сошелъ въ могилу.

Теребеньевъ былъ съ 1803 года членомъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ „по части художествъ“. По порученію общества во время своей жизни въ Твери онъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, правда, съ малымъ успѣхомъ, какъ читатель увидитъ изъ его писемъ. Онъ вышелъ изъ общества въ 1811 году послѣ темной исторіи исклю-

¹⁾ „Сынъ Отечества“. 1815. № 4.

ченія изъ числа членовъ В. В. Попугаева ¹⁾, молодого, талантливаго поэта и, какъ говорятъ современники, честиѣйшаго человѣка.

Имя себѣ Теревенева составилъ почти исключительно, какъ рисовальщикъ-карикатуристъ. „Избранная имъ часть—скульптура“, гласитъ его некрологъ,—„была не та, къ которой онъ наибольшую чувствовалъ охоту и способность; онъ болѣе расположенъ былъ къ живописи“; „по нѣкоторымъ уваженіямъ приневоливъ себя идти въ скульптурный классъ“ и сдѣлавшись „почти безъ всякаго прилежанія скульпторомъ превосходнымъ“, онъ тѣмъ не менѣе занимался скульптурой безъ увлеченія (важнѣйшія его работы - барельефы на фронтонахъ зданія петербургскаго адмиралтейства и статуи на триумфальныхъ воротахъ, поставленныхъ въ честь российской гвардіи въ 1814 году). Но особенную славу доставили ему его карикатуры на французовъ, рисованныя имъ въ теченіе отечественной войны. Обычай сблизать русскія знаменитыя имена съ именами, прославленными на томъ же поприщѣ въ западной Европѣ, еще при жизни Теревенева, далъ ему въ честь знаменитаго англійскаго карикатуриста XVIII вѣка имя „русскаго Гогарта“. Теревеневскія карикатуры, по словамъ А. Е. Измайлова ²⁾, были произведенія „остроумныя и единственныя у насъ въ своемъ родѣ“, обѣщавшія, какъ казалось этому писателю въ 1815 году, дойти до будущихъ поколѣній „вмѣстѣ съ незабвенными происшествіями послѣдней войны съ Наполеономъ“. И дѣйствительно, интересъ къ нимъ, сколько можно судить изъ одной газетной статьи Г. П. Данилевскаго ³⁾, не пропалъ и черезъ сорокъ лѣтъ; мало того, въ 1855 году появилось ихъ новое изданіе. Теперь, когда работы Теревенева отошли въ область исторіи и не имѣютъ отношенія къ текущей жизни, какъ это было и въ крымскую войну, выдающіяся достоинства ихъ оцѣнены изслѣдователями съ полнымъ безпристрастіемъ. Д. А. Ровинскій называетъ ихъ истинно-художественными, оригинальными; только въ немногихъ изъ нихъ, говоритъ онъ, „проглядываетъ нѣкоторое подражаніе французскимъ карикатурамъ конца прошедшаго столѣтія“, но за всѣмъ тѣмъ онъ „и замечловатѣе и несравненно художественнѣе французскихъ“ ⁴⁾.

¹⁾ О Василии Василіевичѣ Попугаевѣ см. въ „Вѣсти“ 1864 г. № 15—статья Греча „А. Х. Востоковъ“; см. также въ „Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“ (1804) — статью „Исторія общества“ и въ „Журналѣ мин. нар. просвѣщенія“ 1890. № 3 статью Е. В. Пѣтухова „Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности Востокова“.

²⁾ „Сынъ Отечества“. 1815. № 5.

³⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 1855. № 284. Здѣсь Данилевскій, между прочимъ, называетъ Теревенева „русскимъ самостоятельнымъ карикатуристомъ“, „не имѣвшимъ себѣ у насъ предшественниковъ и очень мало преемниковъ“. Статья озаглавлена „Теребеневскія карикатуры“.

⁴⁾ „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ (Спб. 1889). с. 546. „Русскія народныя картинки“ (Спб. 1881), кн. 4. с. 419—421. Въ послѣднемъ сочиненіи сообщается, что карикатуры Теревенева выходили двумя изданіями—дорогимъ, которое продавалось по 1½ и по 2 рубля за листъ (оно находило большой сбытъ среди высшаго общества), и болѣе простымъ, но тоже, сравнительно съ народными картинками, не дешевымъ. Въ томъ 2-мъ того же труда Ровинскаго находится перечень карикатуръ Теревенева (№№ 376—418), въ томъ 4-мъ дополненіе къ нему. Въ изданіи сним-

Печатаемыя здѣсь письма ¹⁾ Теребенева относятся къ тяжелому времени его жизни въ Твери въ 1806 году. Они адресованы А. Х. Востокову, знаменитому впоследствии русскому филологу, академику Россійской академіи и потомъ Второго отдѣленія Академіи наукъ, въ тѣ годы юному поэту, по службѣ—переводчику въ комиссіи составленія законовъ. Дружба Теребенева съ Востоковымъ, начавшись на ученической скамьѣ Академіи художествъ, въ которой оба они получили образованіе, продолжалась до самой смерти Теребенева. Въ литературѣ свидѣтельствомъ этой дружбы является цитированный выше въ отрывкахъ прочувствованный, полный искренней скорби некрологъ пера Востокова; съ другой стороны дружеское расположеніе Востокова къ Теребеневу сказалось въ заботахъ о матеріальной поддержкѣ его осиротѣвшей семьи, сильно нуждавшейся въ помощи ²⁾. Востоковъ сочинилъ и эпитафію на могилу Теребенева, сохранившуюся на клочкѣ бумаги въ его рукописяхъ; въ ней онъ такъ характеризуетъ своего рано угасшаго друга:

На сей землѣ стезей печали, заблужденья
 Всегда за истиной, всегда за благомъ текъ,
 Теперь нашель ли ты ихъ радостныя селенья,
 Отецъ семейства, другъ и честный человекъ?

Эпитафія, вѣроятно, предназначалась къ помѣщенію на памятникѣ Теребенева; это видно изъ словъ, стоящихъ надъ стихотвореніемъ въ черновикѣ: „Здѣсь лежитъ тѣло художника Ивана Ивановича Теребенева, скончавшагося въ 1815-мъ году генваря 16 дня, 36-ти лѣтъ“.

Вс. Срезневскій.

ковъ съ народныхъ картинокъ помѣщено 16 каррикатуръ Теребенева болѣе простой раскраски.—Еще о карриатурахъ Теребенева см. статью П. Н. Петрова „Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, отецъ русской бытовой живописи“ („Русская Старина“, 1878. т. 23); Петровъ отмѣчаетъ, что Теребенева каррикатуры превосходили каррикатуры Венеціанова, съ которыми онъ вмѣстѣ работалъ, и „остротой вымысла“, и „характерностью рисунка“ (с. 276). Въ дополненіе къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ о Теребеневѣ см. замѣтку г. Божеянова („Русская Старина“, 1884, № 3) „И. И. Теребенева“; здѣсь перепечатанъ некрологъ Теребенева изъ „Сына Отечества“ и нѣсколько другихъ статей изъ старыхъ журналовъ.

¹⁾ Нѣкоторые отрывки изъ нихъ были помѣщены И. И. Срезневскимъ въ вводныхъ листахъ къ Перепискѣ А. Х. Востокова (Сиб. 1873), с. XIII—XVI.

²⁾ См. черновикъ письма Востокова къ неизвѣстному лицу съ просьбою ходатайствовать о помощи семьѣ Теребенева у графини Софьи Владиміровны Строгановой („Переписка Востокова“, стр. XVI). Дочь Теребенева, по словамъ Греча („Сынъ Отечества“ 1820. ч. 64. с. 334), была помѣщена на счетъ графини въ учебное заведеніе; благодаря тому же лицу, получила мѣсто и вдова его Марья Григорьевна Теребенева.

1.

Іюня 4-го дня 1806 г.

Милостивый государь мой Александръ Христофоровичъ! Не знаю, простишь ли ты меня или нѣтъ, что я, пребывая болѣе года въ Твери, не могъ подать о себѣ никакого извѣстія, равно не освѣдомиться о твоёмъ здоровьи и не засвидѣтельствовать должнаго почтенія? — Суди и думай, какъ хочешь, но я такъ много занятъ, что совсѣмъ не имѣю способнаго времени. Словомъ, какъ нищій, который, вставъ вмѣстѣ съ солнцемъ, является подъ окномъ какого-нибудь дому и жалостнымъ тономъ выманиваетъ себѣ подаваніе, такъ и я преподаваемыми уроками ищущу пропитанія. Вотъ причина моего молчанія. И такъ, избравши удобное время, сѣлъ и пишу къ тебѣ, но съ тѣмъ, чтобъ и ты не забылъ меня также, потому что я тебя очень, очень люблю; часто вспоминаю, какъ съ тобою и съ милымъ Ивановымъ ¹⁾, къ которому я также чувствую какую-то привязанность, проводили время въ удовольствіи,— а теперь! правда, я имѣю друга, но только одного, желалось бы мнѣ имѣть болѣе, хотѣлось бы мнѣ быть между вами: тогда я уже совершенно счастливъ.—Дай Богъ, дай Богъ, чтобы скорѣе притекли тѣ блаженныя минуты, кои питаю себя надеждою провести съ вами,—давно уже есть мое намѣреніе быть въ Петербургѣ; въ Твери жить такъ скучно, что я ни въ чемъ не нахожу ни пользы, ни удовольствія; кстати вспомнивъ, прошу у тебя совѣта, какъ отвѣчать обществу ²⁾, которое возложило на меня объ отысканіяхъ рѣдкостей, къ отечественной исторіи относящихся, но, Богъ свидѣтель, что здѣсь—никакихъ не находится; думаю, тебѣ покажется это странно, судя по древности и достопамятнымъ приключеніямъ сего города, и сочтешь невозможнымъ; по крайней мѣрѣ я думалъ такъ же, но по всемъ моему изслѣдованію, сколько я ни старался освѣдомляться, какъ въ казенныхъ, такъ и партикулярныхъ библіотекахъ, архивахъ и проч. и проч., но тщетно; желалъ узнать причину и вездѣ слышалъ, что частые набѣги и раззоренія отъ татаръ и поляковъ на сей городъ, такъ же и сильные пожары, а особливо послѣдній, отъ котораго вся Тверь превращена была въ пепель, служатъ тому вѣрнѣйшимъ доказательствомъ. Желалъ бы я тебя хотя увѣдомить о древнихъ князяхъ тверскихъ надгробіяхъ, но къ сожалѣнію нашему время не со-

¹⁾ Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ, архитекторъ, перспективный живописецъ, рисовальщикъ и граверъ (р. 1779 † 1848); см. о немъ въ „Словарѣ русскихъ художниковъ“ Н. Собко, т. 2, в. 1. Ивановъ—товарищъ Востокова и Терябенева по Академіи художествъ, гдѣ онъ воспитывался съ 1789 по 1798 годъ.

²⁾ Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.

хранило для насъ ни малѣйшаго слѣда; статься можетъ, что они и существуютъ, но кто знаетъ имъ мѣсто?

2.

Юля 9-го дня 1806 г.

Любезный другъ Александръ Христофоровичъ! Къ сожалѣнiю могу сказать, что письмо твое получилъ я не отъ Дмитрiя Ивановича ¹⁾; онъ, проѣзжая Тверь уже ночью, передалъ его мимоходомъ черезъ человѣка одного нѣмецкаго трактира, который мнѣ и вручилъ въ слѣдующiй 1-го iюля день по утру. Признаюсь, я читавши его, плакалъ отъ радости, что ты меня такъ любишь, и чувствительно благодарю тебя за твой подарокъ ²⁾, равно и за полезные твои совѣты; философiя, въ теперешнемъ моемъ состоянiи, очень нужна: Идиллiя твоя Клеантъ и Делiя ³⁾ мнѣ очень понравилась, также лирическiя и другiя твои сочиненiя, кои въ свободные часы служатъ мнѣ величайшимъ удовольствiемъ; я пробѣгаю ихъ каждое утро и вечеръ—но, когда встрѣчается мнѣ твоя пьеса Тлѣнность ⁴⁾, тогда я сильно чувствую потерю моего батюшки; такъ, онъ любилъ меня, любилъ и воспиталъ при всей своей бѣдности, не жалѣя, словомъ сказать, ничего, дѣлился послѣднимъ со мною. Ахъ! и когда я вообразу, что его не стало, тогда я предаюсь невольнo слезамъ моимъ, плачу неутѣшно. Сiя рана глубоко вѣзалась въ мое сердце и не изгладится во вѣки. Вѣсть о смерти его дошла до меня нѣсколько прежде, еще до твоего увѣдомленiя и навесла мнѣ ударъ; признаюсь, я не могъ пролить ни одной капли слезъ, ибо былъ въ совершенномъ изступленiи, но по истеченiи сего времени, слезы полились рѣкою изъ очей моихъ и облегчили нѣсколько стѣсненное сердце мое; философiя на сей случай была совершенно мною отринута, и я, сокрушаясь, плакалъ, какъ дитя; впрочемъ, сердечно благодарю тебя о участiи въ горести моей; да наградитъ тебя Богъ всѣмъ тѣмъ, что ты себѣ полезнаго желаешь. Что же принадлежитъ о разнесшемся слухѣ, тайной моей женитьбѣ, совсѣмъ несправедливъ; въ доказательство могу тебѣ примолвить, что моя матушка и покойный мой батюшка насъ благосло-

¹⁾ Дмитрiй Ивановичъ Языковъ, впоследствии членъ Россiйской академiи и Второго отдѣленiя Академiи наукъ (р. 1773 г., ум. 1845); въ 1806 г. занималъ должность экспедитора при главномъ управленiи училищъ.

²⁾ Сборникъ стихотворенiй Востокова. „Опыты лирическiе“. спб. 1805—1806.

³⁾ „Эпиталамъ Клеанту и Делiи“, стихотворенiе Востокова; оно еще не было тогда напечатано и, можно думать, только что передъ тѣмъ было сочинено по случаю свадьбы Иванова (въ апрѣлѣ 1806 г.).

⁴⁾ Стихотворенiе „Тлѣнность“ оплакиваетъ кончину безвременно умершаго А. Д. Фуфаева, юнаго товарища Востокова и Теребенева († 1800 г.). Напечатано въ „Опытахъ лирическихъ“, т. I. 16—25.

вили и были на нашей свадьбѣ. Но полно, отремъ слезы, я и такъ много крушился; что дѣлать! Когда оно уже совершилось и не возвратно, то должно вооружиться терпѣніемъ, въ противномъ случаѣ принеспособлю (sic) себя къ необходимости дѣла: такъ долгъ гласить природы, долгъ общезжитія, долгъ хозяйственной жизни.

Я писалъ къ тебѣ, что занять много уроками, но забылъ тебя увѣдомить, что плата за нихъ очень умѣренная. За каждый приходъ мой едва-ли могу достать по 1 руб., т. е. за часъ 50 коп.; здѣсь жители вообще, не исключая и господъ, живутъ очень скудно, а особливо въ сравненіи съ Петербургомъ, и къ несчастію могу сказать, что таланты здѣсь совсѣмъ не въ уваженіи; великіе геніи шатаются по міру, большая часть людей капиталъ свой погребаютъ въ сундукахъ; люди же потороваѣе стараются убить скорѣе деньги на картахъ, нежели употребить ихъ на пользу просвѣщенія дѣтей своихъ. Ты еще спрашиваешь меня, что упражняюсь ли я въ стихотворствѣ; признаться должно, съ начала моего пріѣзда я упражнялся и находилъ въ немъ несказанное утѣшеніе, но что жъ? Ни одной пьесы не въ силахъ былъ порядкомъ окончить, и ни одною не могъ быть доволенъ, все мнѣ казалось неловко, все не такъ, какъ должно; просто, мнѣ очень нужно было твоего совѣта, но ты далеко былъ отъ меня, развѣ письмами, но какъ я могъ на то пуститься, когда неизвѣстно было мнѣ твоего мѣста пребыванія; и такъ, къ стыду скажу моему, будучи занятъ, разсѣянъ, развлеченъ, совсѣмъ было бросилъ; однако не печалься, другъ мой, я теперь жарко принялся за поэзію. О упражненіи моемъ въ скульптурѣ меня ежечасно беспокоитъ, и я боюсь ее забыть совершенно, что и очень не мудрено отъ неупражненія случиться можетъ. Посуди самъ: во-первыхъ извѣстно, что къ принадлежащему мнѣ художеству нужны орудія и пособія, но гдѣ я найду ихъ? Глины здѣсь совсѣмъ нѣтъ; правда, Москва за 100 съ небольшимъ верстъ отсюда, но привозъ станетъ дороже матеріала, къ тому же надобенъ и случай; во-вторыхъ: модель моя безъ формы, какъ скрипка безъ струнъ, совсѣмъ не дѣйствительна, ибо засохнувъ развалится, формовать же я не мастеръ, а формовщикомъ въ Твери и не важивалось. Вотъ что меня весьма трогаетъ и даже понуждаетъ просить отставку, и что единая причина жалобы моей на скуку, меня снѣдающую, въ чемъ ни жена и ни философія пособить мнѣ не въ состояніи, на что и остается мнѣ послѣдняя отрада, просить твоего совѣта.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ полученіемъ государственной милости ¹⁾; желаю тебѣ отъ чистаго моего сердца получать болѣе и

¹⁾ Востокъ получилъ отъ государя брилліантовый перстень за поднесенный экземпляръ „Опытовъ лирическихъ“.

болѣе, а, что еще важнѣе, знакомство съ Державинымъ и Дмитриевымъ употребить въ пользу, равно и вырученіемъ экземпляровъ твоего сочиненія и нажать себѣ ими, по крайней мѣрѣ, умѣренный капитадецъ (теперь разсмѣйся на минуту); ежели бъ я имѣлъ большія деньги, то я бы забралъ всѣ себѣ экземпляры твоей книги, дабы была причина деньгами подѣлиться съ тобою.

Ты отгадалъ, что я прочелъ въ газетахъ о квартирѣ твоей, угадалъ и то, что я подразумѣвалъ въ письмѣ моемъ друга, жену мою; правда, я нѣсколько оплошалъ, что не писалъ ничего объ ней; но будь увѣренъ, это не отъ чего другаго произошло, что развѣ забылъ. А что же принадлежитъ до нея, безпристрастно сказать могу, я ею совершенно счастливъ! Она собою изрядна, хотя ростъ ея нѣсколько малъ (какая жъ нужда до того), добра, короче сказать, очень любезна, и, что еще при всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ души, имѣетъ неоцѣненный и божественный даръ—чувствительность, безъ чего всякая женщина мертва; мы оба взаимно любимы, у насъ однѣ мысли, одни намѣренія. Когда я печаленъ, она меня утѣшаетъ; но, ахъ! при всемъ томъ я все еще бѣденъ, потому что при себѣ имѣю только одного друга. Женитьба моя едва-ли не сходна была съ И. А. Ивановымъ; развѣ нѣсколько еще моя побѣднѣе, а тѣмъ для меня пріятнѣе и милѣе (не осуди, право, не думавши и по скорости пришлось въ рѣшѣніи), ибо я также выбиралъ не деньги, а жену, не тѣлесныя, а душевныя качества; приданное ея состояло, по совѣсти, въ одномъ баулѣ, нѣсколькихъ паръ платья и бѣлья, да и все тутъ; чего жъ больше? Я, благодаря Бога, очень доволенъ и считаю выборъ мой удачнѣе многихъ женатыхъ...

Я было и позабылъ; ради Бога прости мнѣ, что я не удовлетворилъ твою просьбу, т. е. не послалъ по первой почтѣ къ вамъ письма; Богъ свидѣтель, что мнѣ не было на то удобнаго времени; у насъ шли разныя пріуготовленія къ экзамену; и лишь только что на сихъ (дняхъ) окончено. Слава Богу, одна, дворянскаго училища гора, съ моего плеча свалилась, а другая, гимназическая, все еще лежитъ на другомъ плечѣ; авось съ Божіею помощію и та свалится благополучно...

3.

[конецъ сентября или начало октября 1806 года].

Любезный другъ мой Александръ Христофоровичъ! Я передъ тобою очень виноватъ, что заставилъ тебя такъ долго дожидать отъ меня письма; не сочти причиною лѣнь мою или подобнымъ тому; по истинѣ недосуги, какъ по должности моей, равно и по домашнимъ обстоятельствамъ. На-дняхъ посѣтилъ гимназію ревизоръ

нашего Московскаго университета профессоръ г. Панкевичъ ⁴⁾; проживши у насъ безъ малаго двѣ недѣли, дѣлалъ экзамень самый подробный, при коемъ всѣ учителя нашей гимназіи должны были присутствовать съ утра до вечера; это разъ; другое же, такъ какъ время становится часъ отъ часу холоднѣе, то хозяйство и понудило насъ запастись для продовольствованія себя на зиму зеленью и разными потребностями... Признаться тебѣ должно, что это у меня времени очень много отняло; теперь уже научился я, что значитъ бережливость или хозяйство и какъ должно онымъ владѣть...

Я тебѣ еще не писалъ, что я сдѣлалъ 10 эскизовъ, а именно Муція Спеволу, влюбленнаго Пигмаліона въ свою статую, три пейзажа и изъ сочиненій г. Карамзина въ національномъ костюмѣ Наталью боярскую дочь и Бѣдную Лизу, и свинцовымъ карандашемъ на пергаментѣ для здѣшняго вице-губернатора А. И. Арсеньева Добродѣтельную римлянку, и для оригиналовъ гимназистамъ изъ сочиненій г. Вольтера изъ Сельскихъ ночей взятую «Начало происхожденія художествъ», т. е. пастухъ при дневномъ свѣтѣ очерчиваетъ профиль своей любезной пастушки на корѣ дерева, и несчастную Сафо, бросающуюся со скалы въ море, одною тушью; прочія же вышесказанныя соковыми красками; правда, я не совсѣмъ за свое дѣло взялся, что жъ дѣлать? мнѣ тошно безъ упражненія.

Благодарю тебя чувствительно за твое совѣтываніе оставить Тверь; сія мысль такъ вкоренилась во мнѣ, что я развѣ по самой необходимости оную нарушу; жаль только, что теперь отставку просить нельзя, ибо у насъ по уставу положено подавать просьбы не ранѣе какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; не смотря на это, попробую, попытаю вырваться поранѣе. Я еще задумалъ нѣчто: мнѣ въ голову пришло нарисовать карандашемъ на пергаментѣ какой-нибудь сюжетъ изъ російской исторіи и поднести, ежели можно будетъ, чрезъ наше общество или черезъ М. Н. Муравьева ⁵⁾ государю. Хотя пѣсня эта и долгонька, однако съ Божіею помощію авось либо сдѣлаемъ; дѣло только въ томъ состоитъ, что, какъ у насъ въ Твери нѣтъ пергаментчиковъ, то я и увѣренъ, что ты и возьмешься купить въ вашей столицѣ, въ чемъ и прошу тебя сперва освѣдомиться о цѣнѣ величиною въ 1 аршинъ или болѣе квадрату, только лишь не менѣе; тебѣ извѣстенъ, думаю, родъ этой небѣ-

⁴⁾ Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, профессоръ прикладной математики († 1812 г.); осматривалъ Тверскую гимназію, какъ членъ училщнаго комитета и визитаторъ.

⁵⁾ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (р. 1757 † 1807)—товарищъ министра народнаго просвѣщенія, попечитель Московскаго университета, сенаторъ, извѣстный въ свое время писатель.

ленной и лакированной кожи; лучшей оныхъ сортъ бываетъ такъ бѣлъ и гладокъ, что не видать на немъ ни единой цапинки; и такъ, по взятіи на себя онаго труда, увѣдомъ меня, если можно въ будущемъ письмѣ, на что я и пошлю деньги. Я сердечно буду радъ, ежели ты, другъ мой, взялъ бы на себя комиссію задать мнѣ программу, или просить отъ меня наше общество, но дабы подойти ближе подъ мой характеръ, то прошу задать оныхъ два или три, чтобы мнѣ изъ нихъ выбрать удобнѣе было. Впрочемъ, ты мнѣ посовѣтуешь, я увѣренъ, лучше.

Я читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» стихи твоего сочиненія, помѣщенные въ означеніи о выпускѣ учениковъ Академіи художествъ ¹⁾. Продолжай, любезный другъ мой, обогащать нашу литературу и честь дѣлать нашей академіи; я всегда восхищаюсь отъ радости, читая встрѣчающагося мнѣ твое сочиненіе...

4.

[Октябрь 1806 г. ²⁾

Любезный другъ Александръ Христофоровичъ!.. По старанію здѣшняго учителя Сухарева видѣлъ я печать у купца Романова, которая какъ по работѣ, такъ и по изображенію стоитъ нѣкотораго вниманія. Мое объ ней мнѣніе, что она должна быть не частнаго человѣка, а общественная, по «Великій Новгородъ»; предъ сидящимъ представленныя два человѣчка не означаютъ ли приношеніе дани или покорности мощному въ свое время Новгороду? Самая рѣзба ручается за ея древность; Впрочемъ, по неозначенію года нельзя подробнаго и смѣлаго сдѣлать о ней изъясненія. Я надѣюсь чрезъ Сухарева ее выпросить, могъ бы отослать въ общество, но предварительно прошу твоего совѣта, стоитъ ли она вниманія онаго. При томъ, ежели ты потрудишься сличить съ подобными, можешь, конечно, надежнѣе изъяснить ея означеніе; лучше бы было, кабы общество до своего времени объ этомъ не знало; ибо я, соображась съ твоимъ отвѣтомъ, въ случаѣ надобности, могу представить оную ему чрезъ секретаря, какъ требуетъ сего порядокъ, дабы чрезъ нарушеніе его не было со стороны Д. И. Языкова хотя маленькаго неудовольствія. На все сіе прилагая при семъ слѣпокъ, ожидаю мнѣнія твоего и отвѣта.

Теперь еще новость: я писалъ уже письмо къ М. Н. Муравьеву объ увольненіи меня отъ должности; думаю, скоропостижное мое намѣреніе

¹⁾ Гимнъ „Озари святая радость“. Напечатанъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, 1806, № 76 (22-го сентября); въ собраніяхъ сочиненій Востокова не помѣщался.

²⁾ Письмо получено Востоковымъ 22-го октября.

не покажется ли тебѣ нѣсколько страннымъ; причины, которыя меня побудили на оное рѣшиться, и о которыхъ намѣренъ я увѣдомить тебя не ранѣе, какъ уже съ тобою свидѣвшись, весьма не маловажныя. И такъ, уважить ли онъ мою просьбу или нѣтъ, но я уже здѣсь не останусь; при чемъ еще я писалъ къ Николаю Назарьевичу Муравьеву ¹⁾ весьма подробное письмо обо всѣхъ невыгодахъ моихъ, какъ-то: о неупражненіи въ скульптурѣ, объ овдовѣвшей недавно моей матушкѣ, которая осталась безъ всякаго почти пропитанія, о коей я по нравственному закону имѣть долженъ попеченіе; также и о болѣзни моей ногами; но ежели при всемъ этомъ меня здѣсь морить будутъ отложеніемъ мнѣ увольненія, то я надѣюсь на тебя, друга моего, постараться обо мнѣ просить Д. И. Языкова, дабы онъ исходатайствовалъ у Николая Назарьевича Муравьева мнѣ скорой отставки, ибо я уже вышелъ изъ терпѣнія. При семъ рекомендую тебѣ тверскаго уѣзднаго училища учителя Михаила Григорьевича Сухарева; онъ мнѣ отлѣнный пріятель, человѣкъ съ хорошими познаніями и, что еще лучше, имѣеть добрую душу. Цѣль моя помѣстить его (на мое мѣсто) рисовальнымъ учителемъ гимназіи; до моего еще опредѣленія онъ исправлялъ сію должность около года, представлень былъ директоромъ и одобренъ комитетомъ Московскаго университета; въ скорости онъ занемогъ горячкою; пріѣзжаетъ къ нему его мать, занемогаетъ и—умираетъ; онъ еще не совсѣмъ поправился въ здоровьѣ, семейныя обстоятельства понуждаютъ его ѣхать въ отдаленную губернію для поправленія хоть нѣсколько дѣль его и, наконецъ, возвращаясь, онъ получаетъ извѣстіе, что уже мѣсто его занято мною: новая рана для его сердца. И такъ онъ несчастливъ, при томъ черезъ меня; но если бы зналъ я исторію его до пріѣзда моего сюда, то я бы согласился лучше потерять мѣсто, нежели сдѣлать человѣка несчастнымъ. И такъ, надѣясь на тебя, увѣренъ я, что будешь имѣть совокупное со мною стараніе о помѣщеніи его на мое мѣсто...

5.

[Ноябрь 1806 года].

Любезный другъ Александръ Христофоровичъ! Письмо твое получено мною; благодарю тебя, другъ мой, искренно, что не умедлилъ сообщить мнѣ свое мнѣніе о стародѣльной печати. Я, усердствуя показать мою услугу обществу, по полученіи твоего письма, тотчасъ бросился къ Михайлѣ Григ. Сухареву; а имѣя въ немъ коротко и безъ затѣй распо-

¹⁾ Н. Н. Муравьевъ—писатель-археологъ (р. 1775 † 1845); въ годы, обнимаемые письмами, служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія экспедиторомъ.

ложеннаго ко мнѣ человѣка, не много надобилось реторики его убѣдить; оставалась сила и весь толкъ въ купцѣ Романовѣ, а какъ тотъ давно съ симъ знакомъ, то я и могъ ожидать успѣха въ нашемъ посольствѣ;— былъ тамъ, наконецъ, пришелъ и принесъ, говоря, что предлагалъ сперва попросту вопросъ о цѣнѣ, но Романовъ, усмѣхнувшись, сказалъ, что ежели-де обществу нужна сія печать, такъ возьмите, а торговать такимъ товаромъ мнѣ не выгодно, котораго нельзя безъ печальной случайности купить; частному же человѣку я никогда бы не согласился ни подарить, ни продать. Рассказывая такимъ образомъ, Михайло Григорьевичъ просилъ меня исходатайствовать черезъ тебя у общества какихъ-нибудь въ двухъ, трехъ строкахъ отъ имени общества благодарность тверскому купцу Степану Ѳедоровичу Романову за безкорыстный подарокъ; сіе обяжетъ его и на будущее время оказывать обществу свои при случаѣ услуги и будетъ плата за его пожертвованіе. Это и кончено. Печать же и письмо посылаю чрезъ секретаря нашего общества В. В. Попугаева и прилагаю при семъ для врученія ему, такъ какъ я не знаю мѣстопробыванія его.

Теперь увѣдомляю тебя, что Михайло Никитичъ прислалъ къ директору нашей гимназіи письмо, что онъ на увольненіе мое согласенъ, только надобно подать просьбу надлежащимъ чередомъ, что мною прошлаго 28-го октября и сдѣлано. Я надѣюсь, что получу мною давно желаемое, однако же прошу тебя, любезный другъ, исходатайствовать у Мих. Никит. Муравьева черезъ В. В. Попугаева увольненія поскорѣе, ибо университетъ навѣрное будетъ тянуть оное долго; но болѣе прошу тебя, нельзя ли сдѣлать будетъ большаго одолженія исходатайствованіемъ моей должности прежде исправлявшему оную около года предо мною Мих. Григ. Сухареву...

6.

1806 г. декабря 6-го дня.

Любезный другъ мой Александръ Христофоровичъ! Весьма долгое твое молчаніе заставляетъ меня опасаться о твоемъ здоровьѣ; и такъ, изъ любви ко мнѣ, выведи меня изъ сомнѣнія, напиши хоть двѣ или три строки, соображаясь силамъ твоимъ, чѣмъ несказанно меня обрадуешь; увѣдомь, получили ли вы старинную Новгородскую печать, давно уже мною къ вамъ посланную? Что сказало объ ней наше общество и довольно ли оно?

А я тебѣ съ моей стороны скажу кое-что новенькое: я получилъ полную отставку, и только дожидаюсь изъ университета себѣ аттестата.

На мое уже мѣсто опредѣленъ какой-то Федоровъ ¹⁾, выпущенный изъ нашей Академіи, но я его не помню. Ты вообразить себѣ не можешь, другъ мой, какъ я радъ! Когда представлю себѣ живо, что скоро буду и въ вашихъ неоцѣненныхъ, друзья мои, объятіяхъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ ты меня уже увидишь. Я догадываюсь, кого мнѣ должно будетъ благодарить за скорое снабженіе меня отставкою.

Еще, ежели тебѣ можно, увѣдомляй насъ о нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ; въ газетахъ мало пишутъ правды, а у насъ въ Твери толкуютъ разныя враки, что уши пухнуть, слушая. Черезъ нашъ городъ провезли недавно бывшего коллежскаго assessора Степанова въ цѣпяхъ заклепаннаго и сосланнаго на каторгу въ Нерчинскъ ²⁾. Какой стыдъ! Онъ питомецъ и ученикъ нашего дворянскаго училища, гдѣ я имѣю должность воспитателя. Сколько милостивъ государь нашъ!!! Тебѣ, думаю, извѣстно, сколь онъ любилъ и щедръ былъ для варвара сего и продавца отечества; и такъ онъ отогрѣвалъ змѣю лютейшую... но забудемъ о немъ, онъ недостоинъ сожалѣнія.

¹⁾ Сергій Федоровъ, окончившій академію художествъ въ 1803 г.; художникъ портретной живописи.

²⁾ Степановъ подвергся ссылкѣ на каторгу за передачу еврею Мейровичу важныхъ документовъ для снятія съ нихъ копій. См. С. В. Максимовъ: „Сибирь и каторга“ (1900), с. 379.

различныхъ изданіяхъ и въ настоящее время очень кетати появились отдѣльные книгию.

Н. К-ш-ъ.

Общедоступная Богословская Библиотека. Выпускъ пятый. Православная Богословская Энциклопедія или Богословскій Энциклопедическій словарь. Изданіе подъ редакціей профессора А. П. Лопухина. Томъ I. А—Архелая. Съ иллюстраціями и картами. Петроградъ. Приложеніе къ духовному журналу „Странникъ“ за 1900 г.

Въ то время какъ у духовенства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ давно уже имѣется подъ руками много всевозможныхъ пособій и руководствъ, дающихъ возможность быстро освоиваться со всякимъ богословскимъ и философскимъ вопросомъ, у насъ доселѣ еще не появлялось ни одного „Богословскаго словаря“—не только такого, который заслуживалъ бы этого названія, но даже и вообще никакого. Были лишь попытки изданія Библейскаго словаря, но этого рода словари, какъ обнимающіе лишь одну спеціально библейскую область знанія, по этому самому не составляютъ Богословскій Энциклопедіи, долженствующей объять всю область богословскаго знанія, въ которую библейскіе предметы входятъ лишь какъ часть, и потому потребность собственно въ Энциклопедическомъ Богословскомъ словарѣ не только доселѣ не удовлетворена, но не дѣлалось даже и попытокъ къ ея удовлетворенію.

Желая по возможности пополнить этотъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей богословской литературѣ, проф. А. П. Лопухинъ и предпринялъ изданіе подъ упомянутымъ выше заглавіемъ, заручившись согласіемъ на участіе въ немъ болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ-богослововъ.

Изданіе это имѣетъ въ виду не только однихъ ученыхъ спеціалистовъ, а широкій кругъ читателей, преимущественно наше духовенство и его потребность въ обстоятельной справочной книгѣ по всѣмъ богословскимъ вопросамъ.

Судя по разсматриваемому нами I тому „Православной Богословской Энциклопедіи“, редакція не щадила ни труда, ни расходовъ на то, чтобы сдѣлать изданіе вполне соответ-

ствующимъ умственнымъ и практическимъ потребностямъ общества, особенно же нашего православнорусскаго духовенства. Особенное вниманіе обращено на разработку вопросовъ по христіанской апологетикѣ и обличенію раскола (очень обстоятельно написана статья П. С. Смирновымъ: Аввакумъ, протопопъ гор. Юрьевца-Поволжскаго) и ересей, чтобы дать въ руки пастырей готовый матеріалъ къ защитѣ истинъ религіи и православія противъ нападенія на нихъ со стороны цевѣрія и лжеученія всякаго рода; въ церковно-практическомъ интересѣ весьма обстоятельно излагаются вопросы литургическіе, а также дается полный словарь всѣхъ святыхъ православной церкви съ необходимыми свѣдѣніями изъ ихъ жизни и дѣятельности; для удовлетворенія ближайшихъ практическихъ потребностей духовенства особенно подробно излагается исторія епархій, иллюстрируемая при томъ большими подробными картами (напр. карта Архангельской губ.; Абессиніи) и изображеніемъ главнѣйшихъ учрежденій, какъ каедральные соборы, духовныя семинаріи и пр., съ портретами епархіальныхъ архипастырей.

Симпатичную особенность языка, въ общемъ сжатаго и яснаго,—въ разсматриваемой нами книгѣ составляетъ отсутствіе иностранныхъ словъ и терминовъ и замѣна ихъ чисто-русскими словами, когда представляется возможность безъ ущерба къ точному пониманію данного термина или слова.

Безъ сомнѣнія, эта Энциклопедія сдѣлается настольною книгою у нашего духовенства, и нельзя не пожелать, чтобы редакція удалось довести это полезное и интересное изданіе до конца.

Н. К-ш-ъ.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900 г.

Въ этой небольшой по объему книгѣ г. Фаресовъ живымъ, вполне литературнымъ языкомъ описываетъ пребываніе свое въ одиночномъ заключеніи. Не безъ интереса и пользы прочтуть ее и спеціалисты по тюрьмовѣдѣнію. Нѣкоторыя статьи были предарительно напечатаны въ „Русской Старинѣ“.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминаія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльхъ эпохахъ и отдѣльныххъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

ФЕВРАЛЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу. В. А. Вильбасова.	257—262	(Окончан.). Ив. Кубасова.	451—469	
II. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.). Н. К. Шильдера.	263—281	XIII. Наслѣдство бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора. Н. Е. Жарина.	471—492	
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	283—304	XIV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Письмо имп. Павла ландъ-графу Гессенъ - Дармштадскому. 29-го окт. 1799 г. Сообщилъ протоіер. Алексѣй Мальцевъ (стр. 282). — Собственнооручное письмо В. А. Жуковского — П. В. Хатову. 7-го янв. 1825 г. Собственнооручная записка Н. М. Карамзина — П. В. Хатову. 24-го марта 1826 г. (324). — Запрещеніе излишне угощать духовенство (358). — Новое о Юріи Крижаничѣ. П. Пирлинга (382). — Справка о Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ (436). — Два рескрипта князю Салтыкову. 11-го іюля 1815 г. (450). Избраніе В. Н. Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей російской словесности (470). Замѣтка о М. В. Бугашевичѣ - Петрашевскомъ. А. В. Семейской (493). — Приказъ военнаго министра о встрѣчѣ императ. Александра въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ. 16-го марта 1809 г. (495).		
IV. Графъ М. Н. Муравьевъ и его отношенія къ евреямъ г. Вильны въ 1863—1864 гг. (Изъ записокъ раввина). О. Н. Штейнберга.	305—320	XV. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).		
V. Письмо Н. М. Роналина — С. П. Шевыреву. Сообщ. проф. А. И. Кирпичниковъ.	321—323			
VI. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Перев. В. В. Тимошукъ.	325—357			
VII. „Гроту Лермонтова“, стихотвор. И. В. Алексѣева. Сообщилъ Ю. Крестцовъ.	359—360			
VIII. Записки генерала В. И. Левенштерна.	361—381			
IX. Изъ архива Ѳ. В. Булгарина. (Письма къ нему разныхъ лицъ).	383—408			
X. Меттернихъ и его внѣшняя политика. (Оконч.). А. П. Рѣдкина	409—435			
XI. Изъ переписки декабристовъ. (Письма фонъ-деръ Бригена и Я. Казимірскаго князю Е. П. Оболенскому). Сообщ. княг. Мар. Гр. Оболенская	437—449			
XII. Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг.				

ПРИЛОЖЕНИЕ: Портретъ Дмитрія Павловича Рунича. Грав. И. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

II-я книга „Русской Старинѣ“ вышла 1-го февраля 1901 г.

Библиографическій листокъ.

В. М. Грибовскій, приватъ - доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета „Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй“. Историко-юридическое изслѣдованіе (періодъ: 28 іюня 1762 г.—7 ноября 1775 г.). С.-Петербургъ. 1901 г.

Семнадцатый вѣкъ въ Россіи передалъ восемнадцатому печальное наслѣдство въ видѣ отсутствія безпристрастнаго суда, законности, надзора за дѣйствіями должностныхъ лицъ и ихъ упорядоченной отвѣтственности. Весь семнадцатый вѣкъ ознаменованъ крайними злоупотребленіями администраціи, какъ коронной, такъ и выборной, какъ бы соперничавшихъ другъ съ другомъ въ неправдахъ и насиліяхъ всякаго рода, при томъ, по большей части, остававшихся вполнѣ безнаказанными. Первые годы XVIII столѣтія не видѣли выкакихъ новыхъ учрежденій, и всѣ старыя порядки истекшаго вѣка цѣликомъ перешли въ новый. Указомъ 27-го октября 1699 года были подтверждены начала стараго судебного судоустройства и судопроизводства. Принципъ приказнаго управления остается на прежнихъ основаніяхъ. Учреждаются новые приказы, отменяются старыя, но руководящія идеи остаются прежними.

Реформы въ высшемъ управленіи восемнадцатаго вѣка начались съ учрежденія Сената. Къ этому же времени относятся первые намѣки на правильно организованый надзоръ и отвѣтственность подчиненныхъ должностныхъ лицъ. Съ учрежденіемъ Сената въ 1711 году, всѣ отрасли управленія, высшая распорядительная власть, инициатива законовъ сосредоточилась въ его рукахъ. Высочайшимъ указомъ отъ 2-го марта 1711 г. на первомъ мѣстѣ среди обязанностей Сената ставится требование о томъ, чтобы „судъ имѣть нелицемѣрный, и неправдныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія“. Слѣдовательно, Сенату поручалось производство суда лично и спеціальныи контроль надъ правосудіемъ вообще. Въ 6 п. того же указа ему предписывалось „учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ“, т. е. установить цѣлую сеть представителей надзора, которые дали бы Сенату возможность слѣдить за законностью на всемъ протяженіи русскаго государства.

Такимъ образомъ, говорить о высшемъ судѣ и надзорѣ въ восемнадцатомъ вѣкѣ—значитъ говорить о судѣ и надзорѣ Сената. Поэтому авторъ разсматриваемаго нами изслѣдованія и пользовался для своего труда преимущественно матеріалами, относящимися къ Сенату.

Такъ какъ исторія Сената восемнадцатаго столѣтія до сихъ поръ еще не разработана въ болѣеишей своей части, а екатерининская эпоха

почти не затронута изслѣдователями, то изслѣдованіе В. М. Грибовскаго пріобрѣтаетъ особую цѣнность, какъ солидный вкладъ въ нашу историко-юридическую литературу.

Вслѣдствіе скудости литературныхъ пособій, автору пришлось почти всецѣло руководиться Полнымъ Собраніемъ законовъ и данными, почерпнутыми въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ хранятся документы, относящіеся къ періоду дѣятельности Сената въ царствованіе Екатерины Великой.

Изслѣдованіе г. Грибовскаго состоитъ изъ семи главъ и заключенія. Ключевые выводы, къ которымъ пришелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, сводятся къ слѣдующему:

- 1) Первый толчекъ установленія въ Россіи подчиненнаго высшаго суда и надзора за законностью былъ данъ Петромъ Великимъ, создавшимъ Сенатъ, фискалатъ и прокуратуру;
- 2) взгляды нашего служилаго класса на государственную службу при Петрѣ основывались на воззрѣніяхъ XVII столѣтія, отрицавшихъ необходимость какого бы то ни было контроля въ дѣлахъ администраціи и суда;
- 3) преемники Петра вплоть до Екатерины Великой относились къ его начинаніямъ, въ отношеніи высшаго суда и надзора въ дѣлахъ, по болѣеишей части безразлично, вслѣдствіе чего Екатерина пришлось все начинать какъ бы съизнова;
- 4) водвореніе Екатерины застало Россію изнемогавшею подъ бременемъ административнаго произвола и судейской неправды;
- 5) эти застарѣлые пороки тогдашняго государственнаго порядка требовали коренныхъ преобразованій, что сознавалось Екатериной;
- 6) Сенатъ въ этомъ дѣлѣ не могъ быть императрицѣ настоящимъ помощникомъ. такъ какъ самъ былъ зараженъ старыми взглядами на право и обязанности должностныхъ лицъ и учрежденій;
- 7) свои государственныя реформы, направленные къ достиженію искорененія произвола и неправды, императрица начала съ головы—съ Сената, подвергнувъ его дѣленю на департаменты;
- 8) значеніе сенатской реформы заключалось въ обращеніи его изъ высшаго правительственнаго и фактически законодательнаго въ высшее контрольное и судебное учрежденіе;
- 9) реформой губернскихъ учрежденій косвенно была произведена дальнѣйшая реформа Сената, такъ какъ установленіе института генералъ-губернаторства фактически изымало надзоръ изъ рукъ Сената и передавало его намѣстникамъ.

Его ж е. Матерьялы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй. С.-Петербургъ. 1901 г.

Въ предисловіи къ сборнику матеріаловъ В. М. Грибовскій выясняетъ значеніе терми-

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

И С Т О Р І Я

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна **9** рублей. Съ требованіями обращаться въ Товарищество

«Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39.

Пересылка по стоимости.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧЪ
РУНИЧЪ.

Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу ¹⁾.

Князь Трубецкой не былъ «пріятельски» знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и, еще болѣе, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу ²⁾.

«Въ 1834 году, рассказывалъ кн. Трубецкой, императоръ Николай собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и, подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: «Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите его, какъ пажа» (въ то время кавалергарды пополнялись исключительно воспитанниками Пажескаго корпуса, по большей части, камеръ - пажами) и прибавилъ по-французски: «Этотъ юноша считаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку — онъ постарается заслужить вашу любовь и, я увѣренъ, оправдаетъ вашу дружбу». Это и былъ Дантесъ, племянникъ голландскаго посланника Геккерна, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ *chevalier* Дантесомъ. На видъ ему было въ то время лѣтъ 20, много 22 года. Какъ иностранецъ, онъ былъ пообразованнѣ насъ, пажей, а какъ

¹⁾ Записанъ въ 1887 году со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генерала-маіора, состоявшаго на службѣ при складѣ въ Одессѣ.

²⁾ По формулярному списку кн. А. В. Трубецкой, въ 1831 г. произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка, въ 1834 г. — въ поручики, въ 1836 г. — въ штабсъ-ротмистры, въ 1840 г. — въ ротмистры; 18-го января 1842 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствомъ; потомъ вновь поступилъ на службу и дослужился до генеральскаго чина.

французъ—остроуменъ, живъ, веселъ. Онъ былъ отличный товарищъ и образцовый офицеръ. Онъ былъ очень красивъ, и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его—онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, а какъ избалованный ими — требовательнѣе: если хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ».

Въ 1834 году, лѣтомъ, когда кавалергарды стояли въ крестьянскихъ избахъ Новой Деревни, князь Трубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дантесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденияхъ, вѣрнѣе, о своихъ побѣдахъ надъ женскими сердцами.

«Въ то время Новая Деревня была моднымъ мѣстомъ, говорилъ кн. Трубецкой; мы стояли въ избахъ, мѣстность не была такъ застроена, какъ теперь, и мы производили эскадронныя ученія на той землѣ, гдѣ теперь дачки и садики 1-й и 2-й линій Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ.

«Дантесъ часто посѣщалъ Пушкиныхъ. Онъ ухаживалъ за «Наташей», какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «пріударялъ», какъ мы тогда выражались, за нею. Частыя записочки, относимыя Лизой (горничная Пушкиной), ничего не значили—въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ, хорошо зная, что Дантесъ не «пріударяетъ» за его женою, вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, Дантесъ былъ ему противенъ своею манерою, нѣсколько нахальною, своимъ языкомъ, менѣе воздержнымъ, чѣмъ слѣдовало съ дамами, какъ полагалъ Пушкинъ. Надо признаться—при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина—это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважаютъ, недостаточно оказываютъ почета; мы, конечно, боготворили его музу, а онъ считалъ, что мы мало преклоняемся передъ нимъ. Манера Дантеса просто оскорбляла его, и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ; быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у ея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе къ своему ухаживанью. Еслибы Nathalie была болѣе умна, еслибы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ въ то время, по крайней мѣрѣ, ничего собственно и не было—рукопожатія, обниманія, поцѣлуи, но не больше, а это въ наше время были вещи обыденныя.

«Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ и не

имѣлъ къ тому повода. Необходимо отдѣлять двѣ фазы въ его отношеніяхъ къ Дантесу: первая, лѣтняя, окончившаяся женитьбой Дантеса на Catherine; вторая, осенняя, приведшая къ дуэли.

Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему двери своего дома. Легче всего это было для Nathalie, но та, не зная, какъ вѣзаться за дѣло. Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду, Пушкинъ заставалъ у себя, на дачѣ, Дантеса. Такъ было и въ концѣ лѣта 1836 г. Дантесъ засидѣлся у Наташи; пріѣзжаетъ Пушкинъ, входитъ въ гостиную, видитъ Дантеса рядомъ съ женою и, не говоря ни слова, ни даже обычнаго bon jour, выходитъ изъ комнаты; черезъ минуту онъ является вновь, цѣлуетъ жену, говоря ей, что пора обѣдать, что онъ проголодался, здороваётся съ Дантесомъ и выходитъ изъ комнаты».

— Ну, пора, Дантесъ, уходите. Мнѣ надо идти въ столовую,— сказала Наташа.

Они поцѣловались, и Дантесъ вышелъ. Въ передней онъ столкнулся съ Пушкинымъ, который пристально посмотрѣлъ на него, язвительно улыбулся и, не сказавъ ни слова, кивнувъ головой и вошелъ въ ту же дверь, изъ которой только-что вышелъ Дантесъ.

Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу, онъ выразилъ князю Трубецкому свое опасеніе, что Пушкинъ затѣваетъ что-то недоброе.

— Онъ былъ сегодня какъ-то особенно страшень, и Дантесъ рассказывалъ своему товарищу, какъ онъ засидѣлся у Nathalie, какъ та гнала его нѣсколько разъ, опасаясь, что мужъ опять застанетъ ихъ, но онъ все медлил, и мужъ, дѣйствительно, засталъ ихъ вдвоемъ.

— Только-то?

— Только, но, право, у Пушкина былъ какой-то непріязненный взглядъ, и въ передней онъ даже не простился со мною.

Все это Дантесъ рассказывалъ, переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ, кажется, къ своему дядѣ. Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что пушкинская Лиза принесла ему письмо и, узнавъ, что барина нѣтъ дома, наказывала переслать ему письмо, гдѣ бы онъ ни былъ. На конвертѣ было написано: *très-pressée*. Съ этимъ же денщикомъ князь Трубецкой отправилъ тотчасъ же письмо къ Дантесу. Спустя часъ, быть можетъ, съ небольшимъ, входитъ Дантесъ. «Я его не узналъ, говорилъ кн. Трубецкой—на немъ лица не было.

— Что случилось?

— Мои предсказанія сбылись. Прочти!

«Я вынулъ изъ конверта съ надписью *très-pressée* небольшую записочку, въ которой Nathalie извѣщаетъ Дантеса, что она передавала мужу, какъ Дантесъ просилъ сегодня руки ея сестры Кати и что мужъ съ своей стороны тоже согласенъ на этотъ бракъ. Записочка была со-

*

ставлена по-французски, но отличалась отъ прежнихъ не только *vous*, вмѣсто *tu*, но и вообще слогомъ, вовсе не женскимъ и вовсе не дамскихъ *billets doux*.

— Что все это значить?

— Ничего не понимаю. Ничьей руки я не просилъ.

«Стали мы обсуждать и порѣшили, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать *démenti* словамъ Наташи до разъясненія казуса.

— Во всякомъ случаѣ, Catherine мнѣ нравится, замѣтилъ Дантесъ, и хотя я не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ.

«На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города и увидя въ гостиной жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ; тамъ онъ намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Вслѣдъ затѣмъ и Дантесъ простился съ Nathalie, при чемъ они поцѣловались, и, конечно, сажа съ губъ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который, очевидно, поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку—это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажи на губахъ Дантеса.

«Взбѣшенный, Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. Nathalie незнала, что отвѣчать, и застигнутая въ расплохъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нея руки сестры Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что поставила свое согласіе въ зависимость отъ рѣшенія Пушкина». Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина, была написана Наташей та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса, и князя Трубецкого.

«Вскорѣ состоялся бракъ Дантеса съ Е. Н. Гончаровой. Этимъ оканчивается первая фаза. Бракъ все прикрылъ и всѣхъ примирилъ. Теперъ Дантесъ являлся къ Пушкинымъ, какъ родной; онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и Пушкинъ уже не выражался о немъ иначе, какъ въ самыхъ дружескихъ терминахъ. Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ.

«Откуда же дуэль? Чѣмъ вызвана ссора? Гдѣ безчестіе, смываемое только кровью?

«Это уже вторая фаза. Обстоятельства, вызвавшія вновь ссору и окончившіяся дуэлью, до сихъ поръ еще никѣмъ не разъяснены. Объ нихъ въ печати, вообще, не упоминается, быть можетъ, потому, что они набрасываютъ тѣнь на человѣка, имя котораго такъ дорого каждому изъ насъ, русскихъ; быть можетъ, однако, и потому еще, что эти обстоятельства были извѣстны очень не многимъ. Не такъ давно, въ

Орлѣ, умерла Полетика (Полетѣйка), съ которою я часто вспоминалъ этотъ эпизодъ, и онъ совершенно свѣжъ въ моей памяти.

«Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, Екатерина, на которой женился Дантесъ, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть всѣ стихотворенія своего будущаго beau-frère и была влюблена въ него заочно; вскорѣ послѣ брака, Пушкинъ самъ увлекся Alexandrine до безумія. Подумайте же: могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, ревновать свою жену къ Дантесу? Если Пушкину и не нравились частыя посѣщенія Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женою, а потому, что, посѣщая домъ Пушкиныхъ, Дантесъ встрѣчался съ Александринной. Влюбленный въ Александрину, Пушкинъ опасался, чтобъ изящный кавалергардъ не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ вполне успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Катерины, что просить ея руки; вотъ почему, послѣ брака Дантеса съ Катериной, Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески.

«Едва-ли многимъ извѣстно слѣдующее обстоятельство, довольно, повидимому, ничтожное, но, въ концѣ концовъ, отнявшее у насъ Пушкина. Вскорѣ послѣ брака, въ октябрѣ или ноябрѣ, Дантесъ съ молодою женою задумали отправиться за границу, къ роднымъ мужа. Въ то время сборы за границу были нѣсколько продолжительнѣе нынѣшнихъ, и во время этихъ-то сборовъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, оказалось, что съ ними собирается ѣхать и Alexandrine. Вотъ что окончательно взорвало Пушкина, и онъ рѣшилъ во что бы ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду. Онъ опять сталъ придираться къ Дантесу, началъ повсюду бранить его, намекая на его ухаживанія, но не за Александринной, а за Nathalie. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ былъ, дѣйствительно, невыносимъ. Какъ теперь помню, на святкахъ былъ балъ у португальскаго, если память мнѣ не измѣняетъ, посланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевского моста. Во время танцевъ, я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ ярымъ охотникомъ, и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то списокъ. Вошелъ Пушкинъ.

— Вы зачѣмъ здѣсь? Кавалергарду да еще не женатому, здѣсь не мѣсто. Вы видите (онъ указалъ на рога)—эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата.

— Полноте, Пушкинъ, —сказалъ: вы и на балъ притащили свою желчь; вотъ ей здѣсь не мѣсто.

«Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и все, между прочимъ, Дантеса, и такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и,

стоя въ дверяхъ танцевальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie.

«Пушкинъ все настойчивѣе искалъ случая поссориться съ Дантесомъ, чтобы помѣшать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время, нѣсколько шалуновъ изъ молодежи—между прочимъ, Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin—стали разсылать анонимныя письма къ мужьямъ-рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ, получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время, онъ не обратилъ бы никакого вниманія на подобную шутку и, во всякомъ случаѣ, отнесся бы къ ней, какъ къ шуткѣ, быть можетъ, заклеилъ бы ее эниграммой; но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хороній предлогъ и воспользовался имъ по-своему.

«Письмо Пушкина къ Геккерну и подробности дуэли Пушкина съ племянникомъ Геккерна, Дантесомъ, всѣмъ извѣстны.

В. Вильбасовъ.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

IX ¹⁾.

Когда императоръ Николай на кораблѣ «Императрица Марія» отправился въ Россію, кампанія 1828 года была закончена ²⁾. Отъѣзжая, государь оставилъ графа Дибича при фельдмаршалѣ Витгенштейнѣ, чтобы помочь главнокомандующему устроить армию на зимнихъ квартирахъ.

Пока продолжалась осада Варны, Гуссейнъ-паша въ Шумлѣ не предпринималъ ничего особеннаго, за исключеніемъ поиска къ Барзджикю, не увѣнчавшагося успѣхомъ, и неудачной вылазки 2-го (14-го) октября. Послѣ паденія Варны, настало наконецъ время окончательно отвезти войска изъ-подъ Шумлы, и оставалась еще слабая надежда

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1901 г.

²⁾ Къ концу осады Варны, императоръ Николай обрадованъ былъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной генераломъ Гейсмаромъ въ Малой Валахіи.

Сераскиръ виддинскій Ибрагимъ-паша, собравъ 26.000 человекъ, вздумалъ овладѣть Краіовымъ. 14-го (26-го) сентября, генераль-маіоръ баронъ Гейсмаръ съ четырехъ тысячнымъ отрядомъ вступилъ съ турками въ бой у Бойлештахъ, а затѣмъ, по наступленіи ночи, нечаяннымъ нападеніемъ, обратилъ Ибрагима-пашу въ бѣгство, овладѣлъ его лагеремъ и преслѣдовалъ до Калафата.

Императоръ Николай наградилъ барона Гейсмара чиномъ генераль-лейтенанта и назначилъ генераль-адъютантомъ.

Городъ Букарестъ, въ знакъ признательности къ генералу Гейсмару, поднесъ ему богатую, брилліантами украшенную саблю, съ благодарственнымъ письмомъ отъ лица всей Валахіи.

овладѣть крѣпостью Силистріею; повидимому, у исполнителей энергія стала ослабѣвать къ исходу столь трудной кампаніи.

Еще ранѣе, 3-го (15-го) сентября, обѣимъ дивизіямъ 6-го корпуса генерала Рота велѣно было слѣдовать къ Шумлѣ, при чемъ онѣ подъ Силистріею были смѣнены войсками 2-го корпуса, генераль-адъютанта князя Щербатова. Войска 7-го корпуса принца Евгенія Виртембергскаго частями двинуты были къ Варнѣ, для усиленія операцій противъ этой крѣпости. Затѣмъ, 4-го (16-го) октября началось отступательное движеніе нашихъ войскъ изъ-подъ Шумы. 6-й корпусъ генерала Рота отошелъ въ Козлуджу, а генераль Рудзевичъ съ 3-мъ корпусомъ двинулся къ Силистріи. Послѣдній былъ слабо преслѣдуемъ непріятелемъ, и только 7-го (19-го) октября завязались жаркія арьергардныя дѣла въ Айдоской лощинѣ съ восьми тысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Дороги сдѣлались непроходимыми вслѣдствіе проливныхъ дождей и 3-му корпусу при изнуренныхъ лошадяхъ и истощенныхъ въ силахъ людяхъ, лишенныхъ надлежащаго продовольствія, пришлось бороться съ неимоверными затрудненіями, въ особенности въ Айдоской лощинѣ, изъ которой приходилось подниматься на крутизны, простирающіяся на двѣ версты. Артиллерію удалось спасти, но въ виду натиска турокъ, пришлось пожертвовать обозомъ. Генераль Рудзевичъ роздалъ людямъ, что они могли взять, а затѣмъ истребилъ большую часть своихъ повозокъ, застрявшихъ въ лощинѣ. Въ этомъ дѣлѣ мы понесли потерю болѣе 700 человекъ.

По прибытіи генерала Рудзевича къ Силистріи, силы облежавшихъ ее войскъ возрасли до 30.000 человекъ, но благопріятное время для рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости прошло. Проливные дожди наводнили траншеи и затопили мѣстность, по которой надлежало вести подступы. Вскорѣ дождь смѣнился мятелю, при восьми градусномъ морозѣ; снѣгомъ занесло землянки и батареи. На Дунаѣ стали уже появляться ледъ, грозившій совершенно прервать сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ и прекратить подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, въ которыхъ и безъ того ощущался недостатокъ. Къ тому же 3-й корпусъ нуждался въ отдыхѣ на зимнихъ квартирахъ послѣ всѣхъ трудовъ и потерь, понесенныхъ имъ въ теченіе кампаніи. Между тѣмъ 18-го (30-го) октября графъ Витгенштейнъ, въ сопровожденіи графа Дибича, прибылъ изъ Варны въ Каларашъ. Убѣдясь лично въ невозможности продолжать осаду въ столь позднее время года, главнокомандующій, по совѣщанію съ графомъ Дибичемъ, рѣшился 1-го (13-го) ноября снять блокаду Силистріи ⁴⁾. Главная квартира арміи была перенесена

⁴⁾ Графъ Мольтке справедливо называетъ операціи подъ Силистріею въ 1828 году „предпріятіемъ невѣрно соображеннымъ, слабо выполненнымъ и совершенно неудавшимся“.

въ Яссы, куда прибылъ фельдмаршалъ 7-го (19-го) ноября; за нимъ послѣдовалъ графъ Дибичъ. Графу Ланжерону ввѣрено было начальство надъ всѣми войсками, занимавшими лѣвый берегъ Дуная, а генералу Роту подчинены войска, предназначенныя для охраненія занятой нами части Болгаріи.

Графъ Мольтке пишетъ: «Если принять въ соображеніе огромныя жертвы, которыми ознаменовалась для русскихъ кампанія 1828 года, то трудно сказать, кто ее выигралъ или потерялъ: русскіе или турки? Значеніе этого похода должно было опредѣлиться второю кампаніею».

«Но,—замѣчаетъ тотъ же авторъ,—если кампанія получила сносный исходъ, то въ этомъ нисколько не повинны соображенія русской стратегіи. Кампанія была подготовлена неудовлетворительно, начата недостаточными средствами и открыта слишкомъ поздно; направленіе же, данное главному корпусу войскъ, было такое, отъ котораго никогда нельзя было ожидать какого-либо результата. Но всѣ эти ошибки были исправлены отличными качествами, свойственными русскимъ войскамъ, самоотверженнымъ повиновеніемъ начальникамъ, настойчивостью солдата, бодростью его духа въ перенесеніи лишеній и непоколебимымъ мужествомъ среди опасности—вотъ обстоятельства, отклонившія гибель, которая угрожала русскимъ подъ Шумлюю, и удерживавшія предпримчивость сераскира, они же побѣдили всѣ затрудненія и противодѣйствіе, встрѣченныя подъ Варною, и въ такой степени подѣйствовали на Омеръ-Врѣоне, что онъ, несмотря на одержанную имъ побѣду, простоялъ какъ ошеломленный десять дней въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Варна, этотъ оплотъ Оттоманской имперіи, пала передъ его глазами. Начинанія полководцевъ должны подвергаться критическому разбору, который не всегда можетъ относиться къ нимъ благопріятно; но поведеніе войскъ, отъ послѣдняго солдата и кончая самымъ главнымъ начальникомъ, какъ при штурмѣ Браилова, такъ и въ натискѣ подъ Куртепэ, равно какъ и въ минахъ и подступахъ подъ Варною, выше всякихъ похвалъ кабинетнаго пера».

Очевидецъ заключительнаго эпизода кампаніи 1828 года, генераль-

Подъ Силистріею ощущался недостатокъ въ снарядахъ. На это обстоятельство встрѣчается указаніе въ письмѣ генерала Довре къ графу Дибичу отъ 14-го октября 1828 года:

„Le tout n'est pas bien consolant, cependant je ne perds pas courage; le seul article des munitions de siège est odieux. Que M. M. les artilleurs débrouillent la chose s'ils le peuvent. Il me semble que tout le monde a écrit — mais seulement trop tard. Personne n'a pensé que le temps marchait“. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2, № 5323).

адъютантъ Депредаровичъ писалъ фельдмаршалу графу Сакену 16-го (28-го) ноября изъ Тульчина:

«По слабому моему понятію о большихъ военныхъ операціяхъ, я ничего не смѣю сказать о толкахъ про нынѣшній походъ и кампанію. Кажется мнѣ однакоже, что чудесное паденіе Варны нѣсколько поправило наше не блистательное положеніе, бывшее до того времени, и котораго былъ я свидѣтель. Если симъ концомъ, для переды, воспользуются, какъ должно полагать, то, можетъ быть, и вся строгая критика уничтожится. При семъ, почитая ваше сіятельство душевно, рѣшаюсь доложить мое мнѣніе о двухъ важныхъ частяхъ безпорядковъ, каковаго въ пятидесятилѣтнюю мою службу не видывалъ и которыхъ причину полагаю почти уничтоженіе арміи безъ боя, а именно: медицинской и провіантской. У первой былъ одинъ лѣкарь на 600 человѣкъ больныхъ; въ медикаментахъ былъ еще бѣльшій недостатокъ по пропорціи слабыхъ въ искусствѣ докторовъ; для раненыхъ, которыхъ число, можно сказать, было ничтожно, противу прежнихъ, вашему сіятельству извѣстныхъ, недостатокъ во всѣхъ припасахъ былъ таковъ, что бинты употреблялись изъ палатокъ. Транспортировка изъ одного въ другой пунктъ госпиталя и всѣ распоряженія по сей части были столь слабы, что превышаютъ всякое воображеніе. Не лучше сей части было распоряженіе господина сенатора (Абакумова) по продовольствію. Гвардія и небольшая часть арміи, находившіяся по единственной нашей довольно вѣрной береговой линіи, по милости флота, не взирая на невѣрность и непостоянность стихіи, были довольно счастливы и мало нуждались. Но армія, особливо подъ Шумлою, изрядно потерпѣла».

Въ заключеніе остается намъ еще вкратцѣ упомянуть о побѣдахъ, одержанныхъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ Азіатской Турціи. Совершенный имъ въ 1828 году походъ ознаменовался непрерывнымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ; побѣды «отца командира» служили императору Николаю истиннымъ утѣшеніемъ среди невзгодъ и затрудненій, съ которыми приходилось въ то же время бороться русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ.

Графъ Паскевичъ, едва окончивъ изнурительный персидскій походъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи, для дѣйствій въ Азіатской Турціи, 11.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ турки угрожали намъ вторженіемъ въ Закавказскій край. Положеніе дѣлъ, во всѣхъ отношеніяхъ, было не изъ блестящихъ, но Паскевичъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и предупредилъ рѣшительностью своихъ дѣйствій всѣ намѣренія непріятеля. Окончивъ приготовленія къ походу, Паскевичъ перешелъ 14-го (26-го) іюня въ Гумрахъ границу и, двинувшись къ Карсу, взялъ его штурмомъ 23-го іюня (5-го іюля).

Послѣ этого успѣха, явилось новое бѣдствіе, — въ Карсѣ открылась

чума. Благодаря принятымъ мѣрамъ, чумная зараза не усилилась, но вскорѣ начала ослабѣвать, и, простоявъ двадцать дней внѣ крѣпости въ лагерѣ, Паскевичъ направился къ Ахалцыху. Затѣмъ, занявъ дорогою Ахалкалаки и Гертвизъ, и разбивъ 30.000 турокъ, выступившихъ противъ него изъ Эрзерума, овладѣлъ 16-го (28-го) августа крѣпостью Ахалцыхомъ. Вслѣдъ за сими побѣдами, занятъ былъ безъ боя Ацхуръ.

О движеніи черезъ Саганлугскія горы на Эрзерумъ, конечно, нельзя было помышлять. Оставалось еще занять Баязетъ и Ардаганъ, что и было исполнено безъ особенныхъ затрудненій, и въ заключеніе обратить все вниманіе на устройство зимнихъ квартиръ и обезпеченіе продовольствія войскъ.

Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, Паскевичу удалось самыми ограниченными средствами разсѣять непріятельскую армію и занять три пашалыка: Карскій, Ахалцыхскій и Баязетскій.

Императоръ Николай наградилъ графа Паскевича-Эриванскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Х.

Желая непремѣнно посѣтить въ Петербургъ къ 14-му октября, императоръ Николай совершилъ переѣздъ изъ Одессы съ необыкновенною быстротою, несмотря на темныя ночи и осенніе дожди.

Бенкендорфъ пишетъ: «Мы прискакали въ Царское Село, правда, измученные и полузамерзшіе, но 14-го числа утромъ государь остановился здѣсь, чтобы переодѣться и пріѣхать въ Петербургъ именно въ то время, когда обѣ императрицы со всѣмъ дворомъ будутъ у обѣдни. Ему хотѣлось войти въ Зимній дворецъ, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ; но когда мы подъѣзжали почти украдкой, со стороны Дворцовой набережной, его узнали въ рядахъ двухъ эскадроновъ Кавалергардскаго полка, стоявшихъ тутъ, чтобы взять и провезти по улицамъ привезенныя изъ подъ Варны турецкія знамена. Общее «ура!» прогремѣло при видѣ государя, и онъ вошелъ во дворецъ между трофеями завоеванной Варны, сопровождаемый кликами стоявшей на набережной толпы. Но по вступленіи въ царскіе чертоги, гдѣ радостно бросились ему на встрѣчу супруга и дѣти, онъ былъ жестоко пораженъ вѣстью объ опасной болѣзни императрицы Маріи Феодоровны»¹⁾.

¹⁾ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

„J'ai retrouvé ma femme fort bien, à un gros rhume près, mes enfants,

Безпрестанныя тревоги, сопровождавшія тяжелую для насъ войну, опасности, которымъ подвергался государь, и радость, вызванная получениемъ извѣстiя о взятiи Варны, потрясли крѣпкое дотолѣ здоровье ея. Сначала болѣзнь не внушала особыхъ опасенiй, императрица могла даже письменно сообщить цесаревичу извѣстiе о возвращенiи государя въ Петербургъ и о собственномъ нездоровьи. Поэтому, неудивительно, что императоръ Николай въ письмѣ къ Константину Павловичу отъ 21-го октября (2-го ноября) увѣдомилъ брата, что Рюль не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнiя насчетъ скораго ея выздоровленiя. Оказалось, однако, что врачъ ошибся въ оцѣнкѣ болѣзни, и 22-го октября (3-го ноября) докторъ Крейтонъ вынужденъ былъ пустить императрицѣ кровь; тѣмъ не менѣе появились признаки паралича. Отнынѣ всѣ принятыя мѣры не могли уже привести къ цѣли, и 24-го октября (5-го ноября) 1828 года, въ два часа тридцать минутъ по полуночи, императрица Марiя Ѳеодоровна скончалась.

Въ тотъ же день государь писалъ цесаревичу:

«Помолимся Богу за ту, которая на этой землѣ составляла для насъ все! Да будетъ воля Его и да ниспошлетъ Онъ намъ силы, чтобы перенести ужаснѣйшее изъ несчастiй. Все кончено съ двухъ съ половиною часовъ утра. Болѣзнь развивалась съ такою быстротою, что никакое лѣкарство не могло остановить ея; такъ какъ кровь бросилась къ головѣ, то третьяго дня вечеромъ пустили кровь; это, казалось, принесло пользу. Ночь была сносная; утромъ, такъ какъ голова была тяжела, попытались прибѣгнуть къ слабительному; дѣйствiе было таково, что доказало необходимость сдѣланнаго, но силы уменьшались послѣ каждаго дѣйствiя; языкъ повиновался плохо, и глотанiе было затруднено; врачи опасались немедленнаго паралича легкихъ; шпанская муха на

grâce au bon Dieu et aux soins bienveillants de ma mère, ont beaucoup prospéré, l'ainé a grandi et s'est développé beaucoup; les petites sont gentille et votre filleul de vient fort drôle et marche un peu. Enfin, quant à moi même, je me porte bien à 6 verchok de culotte et d'habit de moins qu'a mon départ d'ici; j'étais plaisant à voir en arrivant dans les abits que j'avais laissé ici“.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 16-го октября 1828 года (№ 258) появилась слѣдующая статья по случаю возвращенiя государя изъ заграничнаго похода.

„14-го октября, С.-Петербургъ.“

„Сего утра въ 11^{1/2} часовъ государь императоръ изволилъ возвратиться изъ турецкаго похода въ вождѣльномъ здравiи. Нельзя представить себѣ восхищенiя жителей адѣйней столицы, когда они увидѣли развѣвающiйся на Зимнемъ дворцѣ флагъ. Прибытiе его величества было для большей части жителей неожиданно; тѣмъ живѣе, тѣмъ сердечнѣе наша радость, наше счастье“.

спинѣ не произвела никакого дѣйствія, и силы и сознаніе ослабѣвали. Нужно было дать ей почувствовать ея положеніе и склонить ее выполнить свой христіанскій долгъ! О, дорогой Константинъ, представьте себѣ мое состояніе, когда я выполнилъ эту ужасную обязанность. Я далъ ей понять, что наступило время подумать объ этомъ; такъ какъ она часто задавала мнѣ вопросъ: «развѣ я въ опасномъ положеніи?» она сказала мнѣ: «О, значитъ, я въ очень опасномъ положеніи». Я отвѣчалъ ей: «Я надѣюсь, что нѣтъ, но я знаю ваши чувства, и хорошо почерпнуть силы въ томъ, что постоянно даетъ ихъ». Она отвѣтила мнѣ: «я сдѣлаю это завтра; я хочу приготовиться сегодня». Я сказалъ ей: «зачѣмъ откладывать? Вы постоянно готовы». Она проговорила мнѣ: «Позовите Вилламова». Онъ вошелъ, но ничего не могъ понять, такъ какъ языкъ уже повиновался съ трудомъ; затѣмъ послѣдовалъ моментъ возбужденія: она непремѣнно хотѣла перейти въ свою постель, затѣмъ сѣсть, и при всемъ томъ не понимая самое себя. Наконецъ, черезъ нѣсколько мгновеній мнѣ удалось заставить ее замѣтить духовника; тогда она снова стала спокойной и исповѣдалась въ полномъ сознаніи, горячо молясь. Какой назидательный и ужасный для насъ моментъ! Я молился одинъ возлѣ нея, а вся семья съ моею бѣдной, моею чудной женою; я молился за всѣхъ васъ, и Богъ услышитъ наши молитвы, чтобы ниспослать намъ силъ, и за ту, которая соединяла въ себѣ всѣ мои привязанности! Когда это было сдѣлано, она позвала насъ къ себѣ и, не имѣя возможности говорить, взяла насъ за руки и даже съ силою; я называлъ имена всѣхъ членовъ семьи; она открыла глаза и сказала нѣсколько словъ, изъ которыхъ мы могли понять лишь «Агу»; я велѣлъ привести всѣхъ дѣтей, она крѣпко поцѣловала мою маленькую «Адине» и двухъ маленькихъ, Михаила и даже улыбнулась. Что касается другихъ, то на нихъ она могла лишь положить руку. Она не страдала; конечности холодѣли и дыханіе учащалось, но безъ хрипѣнія и усилій; наконецъ, въ два съ половиною часа ¹⁾, безъ малѣйшихъ страданій и судорогъ она послѣ нѣсколькихъ вздоховъ тихо перестала дышать.

«Вотъ мы сиротами! Намъ остается лишь вы—старшій и глава нашей несчастной семьи. На васъ именно переходятъ наши привязанности, не отталкивайте ихъ, дорогой Константинъ, и замѣните намъ,

¹⁾ Такъ писалъ императоръ Николай къ цесаревичу. Въ манифестѣ же отъ 24-го октября 1828 года, сказано, что императрица Марія Феодоровна скончалась въ два часа по полуночи.

Въ этомъ манифестѣ сказано, что всѣ минуты драгоцѣнной жизни ея „были посвящены исполненію обязанностей высшей добродѣтели“, а въ заключеніе упомянуто о ея „кроткой душѣ, бывшей вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей“.

на сколько это возможно для васъ, ту, которая все время, пока Господь хранилъ ее, составляла для насъ все.

«Я отъ глубины души благодарю Бога, что Онъ даровалъ мнѣ грустное утѣшеніе имѣть возможность быть при ней въ этотъ ужасный моментъ; у меня была потребность или какъ бы предчувствіе этого; что-то неотразимое влекло меня сюда. Я былъ далекъ отъ мысли предвидѣть—зачѣмъ! Я выбился изъ силъ, моя бѣдная жена надломлена; да поддержать ее Господь! Что будетъ съ вами? съ моей доброй сестрой? Однако именно на нее я рассчитываю, что она поддержитъ васъ; кто же лучше ея могъ бы сдѣлать это? Думаю, что можетъ быть въ ваши намѣренія входитъ прїѣхать сюда, чтобы воздать матушкѣ послѣдній долгъ; я могу сообщить вамъ, что у васъ имѣется для этого вполне достаточно времени, такъ какъ приготовленія потребуютъ по крайней мѣрѣ десять дней. Васъ не можетъ удивить, если я скажу, что быть в м ѣ с т ѣ въ такія ужасныя минуты было бы счастьемъ. Да поддержитъ васъ милосердный Богъ.

«Душою и сердцемъ обнимаю васъ и прошу у васъ благословенія, какъ я просилъ его у нея, для меня, моей жены и моимъ добрымъ дорогимъ дѣтямъ»¹⁾.

По полученіи этого письма цесаревичъ немедленно собрался въ путь и, выѣхавъ изъ Варшавы 30-го октября (11-го ноября), прибылъ въ Петербургъ, въ субботу 3-го (15-го) ноября. На другой день, въ воскресенье вечеромъ, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при положеніи во гробъ и перенесеніи тѣла императрицы-матери изъ тронной комнаты на «Castrum doloris», устроенный съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ въ Кавалергардской залѣ, обращенной въ траурную залу.

Великій князь Михаилъ Павловичъ прїѣхалъ въ Петербургъ еще ранѣе цесаревича; получивъ въ Кишиневѣ извѣщеніе объ опасной болѣзни императрицы-матери, онъ немедленно поспѣшилъ въ столицу.

Во время нахождения тѣла въ Зимнемъ дворцѣ допущены были повседневно на поклоненіе всякаго званія люди. Выносъ тѣла изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ и отпѣваніе послѣдовало 13-го (25-го) ноября. Процессія шествовала отъ дворца по Милліонной, Царицыну лугу, Суворовской площади и Троицкому мосту въ крѣпость. За колесницею слѣдовалъ императоръ Николай въ траурной епанчѣ, съ распущенной шляпою съ длиннымъ флеромъ. Это было послѣднее погребеніе члена императорской фамиліи, совершенное при соблюденіи всего стариннаго церемоніала, установившагося со времени кончины Петра Великаго. Императоръ Николай выразилъ при этомъ случаѣ же-

¹⁾ Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1828 года.

ланіе, чтобы подобный церемоніаль не былъ примѣненъ при его погребеніи.

16-го (28-го) ноября цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ обратно въ Варшаву.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику императрицы-матери:

«Марія Ѳеодоровна прожила слишкомъ 50 лѣтъ въ томъ дворцѣ, гдѣ теперь испустила духъ, и служила въ немъ живымъ урокомъ всѣхъ добродѣтелей. Стараясь умягчать суровую строгость императора Павла, супруга его подавала собою примѣръ покорности его волѣ; она даровала Россіи двухъ монарховъ; была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣтельствовать бѣднымъ, вдовамъ и сирымъ. Важнѣйшія, какъ и самыя мелкія подробности надзора за воспитаніемъ принятыхъ ею подъ свое попеченіе нѣсколькихъ тысячъ дѣтей и за устройствомъ множества больницъ занимали ее ежедневно по нѣсколько часовъ, и всѣмъ этимъ заботамъ она посвящала себя со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ высоко христіанской своей души. Уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, императрица никогда не отходила къ покою, не окончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не отвѣчавъ на всѣ полученныя ею въ тотъ день письма, даже самыя малозначущія. Она была работою того, что называла своимъ долгомъ. Науки и искусства всегда находили въ ней просвѣщенную и благоволительную покровительницу. Она любила чтеніе, не гнушалась рукодѣліемъ и, между тѣмъ, считая обязанностію своего сана содѣйствовать свѣтскимъ удовольствіямъ, съ этою цѣлью нерѣдко собирала во дворецъ многолюдное общество на театральныя представленія и на балы. Въ лѣтнюю пору пріятно развлекалъ ее Павловскъ съ своими роскошными садами, въ которыхъ она занималась, съ особеннымъ знаніемъ дѣла, ботаникою и садоводствомъ. Къ числу отличительныхъ ея способностей принадлежало умѣнье такъ распредѣлять свои занятія, что у нея доставало времени на все, чему способствовали необычайная дѣятельность и необычайное здоровье.

«Взыскательная къ самой себѣ, она была требовательна и къ своимъ подчиненнымъ; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми; наконецъ, любя искренно и постоянно тѣхъ, кого удостоивала своею дружбою, или кому покровительствовала по влеченію сердца, или по разсудку, требовала отъ нихъ полной взаимности. Единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была излишняя, можетъ статься, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ.

«Смертное ложе императрицы Маріи Ѳеодоровны было орошено слезами сокрушенія и благодарности. Трогательно было видѣть рыданія молодыхъ воспитанницъ ея заведеній, когда ихъ привозили на покло-

неніе бездыханному тѣлу. Старые гренадеры, дѣти, сироты, придворные, вдовы и нищія—все это плакало, ибо всѣ лишились въ ней матери и ангела хранителя».

Графиня Нессельроде въ письмахъ къ брату пишетъ:

«Для всѣхъ эта ужасная потеря является кошмаромъ; для своего возраста она была свѣжа, красива, никогда не болѣла. Всѣ слои общества будутъ въ отчаяніи; это именно была евангельская жена; доброты, благотворительности болѣе широкой, болѣе неустанной—нельзя найти; ея жизнь была благомъ, еще необходимымъ для всей семьи. Императоръ глубоко опечаленъ... Я убѣждена, и это общее мнѣніе, что Рюль, докторъ императрицы, не понялъ болѣзни. Такова ужъ судьба, что наша императорская фамилія окружаетъ себя плохими докторами и настолько любить ихъ, что не хочетъ другихъ, а этотъ Рюль не понялъ болѣзни» ¹⁾.

Императрица Марія Ѳеодоровна оставила обширныя, многотомныя записки, но, къ сожалѣнію, повелѣла ихъ сжечь послѣ своей кончины. Для исторіи Россіи, во второй половинѣ XVIII столѣтія, исчезновеніе этихъ записокъ составляетъ невознаградимую потерю.

14-го (26-го) января 1829 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«По ея приказанію, я былъ долженъ лично сжечь цѣлый ящикъ, наполненный серіей томовъ, родомъ воспоминаній или дневника, писанныхъ ею собственноручно, изъ года въ годъ, восходящихъ до семидесятыхъ годовъ и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, что это меня очень огорчило. Непонятно, какъ моя матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею» ²⁾.

Отвѣчая государю, цесаревичъ писалъ, что ему вполне понятно огорченіе, испытанное братомъ, при сожженіи дневника императрицы-матери: «Было бы очень любопытно прочесть его, но разъ такова была ея воля, оставалось только въ точности ее исполнить» ³⁾),—заключаетъ Константинъ Павловичъ.

6-го (18-го) декабря 1828 года, въ день тезоименитства императора Николая, розданы были щедрія награды многимъ сановникамъ.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Кочубей получилъ портретъ государя, украшенный алмазами; князь А. Н. Голицынъ, графъ П. А. Толстой и генераль-адъютантъ Васильчиковъ — алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; графъ Нессельроде—орденъ св. Ан-

¹⁾ Государственный архивъ. Разрядъ III, № 43.

²⁾ Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) января 1829 года.

³⁾ Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го января (5-го февраля) 1829 года.

дрея Первозваннаго; генераль-адъютанты графъ Чернышевъ и Бенкендорфъ—орденъ св. Владиміра первой степени.

О принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ вспомнили нѣсколько позже, въ 1829 году. Послѣ назначенія графа Дибича главнокомандующимъ, напечатана была 1-го (13-го) апрѣля высочайшая грамота:

«Въ ознаменованіе особеннаго уваженія нашего къ благообразнымъ распоряженіямъ и отличной храбрости, оказаннымъ вашимъ королевскимъ высочествомъ въ продолженіе кампаніи 1828 года противу турокъ, всемилостивѣйше жалуетъ вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, нашу милостію къ вамъ благосклонны».

Кромѣ того, принцъ получилъ по этому случаю еще ранѣе особый рескриптъ государя слѣдующаго содержанія:

«Командуя въ продолженіе большей части прошлой кампаніи 7-мъ корпусомъ, ваше королевское высочество оказали на полѣ чести отличныя заслуги во многихъ бояхъ, примѣрною твердостью и храбростью, и выказали себя передъ непріятельскими войсками опытнымъ и провицательнымъ полководцемъ. Поэтому почитаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вашему высочеству за всѣ эти похвальные труды и отличныя дѣйствія мою искреннюю признательность, въ знакъ чего препровождаю у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный и доброжелательный».

Несмотря на всѣ старанія принца Евгенія, рескриптъ не былъ обнародованъ въ Россіи. «Journal de St.-Pétérsbourg» отвѣтилъ принцу, что редакція не уполномочена принять рескриптъ.

«Я подозреваю, какъ все это случилось,—пишетъ принцъ въ своихъ запискахъ,—первыя слова вылились у Николая отъ души, когда же затѣмъ онъ подписывалъ грамоту, пущены были въ ходъ, съ вѣдома его или нѣтъ, чужое коварство. И развѣ уже во времена Александра со мною не случалось неоднократно нѣчто подобное, во имя политики ¹⁾). Развѣ не могли сказать Николаю Павловичу: «Оправдывая публично своего двоюроднаго брата, вы обвиняете самого себя». Отрекаясь теперь отъ того, что имъ было признано, по чувству справедливости, императоръ служилъ не своему интересу, могущему только выиграть при каждомъ благородномъ поступкѣ, а явился орудіемъ мести. Мнѣ извѣстна причина этой мести, но я ее не назову; скажу только, что во

¹⁾ Въ 1818 году императоръ Александръ сказалъ матери принца Евгенія въ Веймарѣ: „Je conviens de tous mes torts envers lui, mais on ne peut taxer les souverains d'après l'échelle des particuliers. La politique leur dicte des devoirs que le coeur réproouve“. (Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und dem chef seines States von Hofmann. Cannstatt 1883. p. 63).

всѣхъ странахъ люди интригуютъ, клеветуютъ и злословятъ, и честные люди при дворѣ бывають заклеяемы навѣтами».

Недоброжелателя своего, графа Дибича, принцъ не признаетъ причастнымъ въ случившемся дѣлѣ. «Я думаю скорѣе, — пишетъ принцъ, — что Дибичъ отъ души пожелалъ бы мнѣ теперь цѣлые миллионы, даже цѣлое королевство, такъ какъ онъ не былъ завистливъ, но только честолюбивъ и жаждалъ славы». Замѣтимъ здѣсь въ объясненіе отзыва принца Евгенія, что въ то время графъ Дибичъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи.

Немедленно послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣдовалъ 26-го октября (7-го ноября) 1828 года указъ Сенату, въ которомъ сказано:

«Желая, чтобъ всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Бозѣ почившей любезнѣйшей родительницы нашей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми же преимуществами и выгодами, дѣйствовать какъ доселѣ на пользу государства и человѣчества, мы признали за благо для теченія дѣлъ, къ симъ учрежденіямъ относящихся, установить предварительно слѣдующій порядокъ:

«1) Императорскій воспитательный домъ со всѣми принадлежащими къ оному заведеніями, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, училище ордена св. Екатерины, Павловская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи любезнѣйшей родительницы нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особенное наше покровительство.

«2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учреждений, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою остаются прежніе безъ всякаго измѣненія.

«3) Начальства каждаго изъ сихъ учреждений представляютъ намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ должны были поступать на разсмотрѣніе въ Бозѣ почивающей любезнѣйшей родительницы нашей.

«4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія нашихъ по онымъ повелѣній, назначается при насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учреждений императрицы Маріи».

На эту вновь созданную должность императоръ Николай назначилъ долготѣнаго секретаря и довѣреннаго сотрудника императрицы Маріи Ѳеодоровны, тайнаго совѣтника Григорія Ивановича Вилламова; вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно было присутствовать въ Государственномъ Со-

вѣтъ. Одновременно съ этими распоряженіями, канцелярія императрицы Маріи Ѳеодоровны была переименована въ IV-е отдѣленіе собственной ево величества канцеляріи и ввѣрена управленію статсъ-секретаря Вилламова.

XI.

Война въ Европейской Турціи въ 1828 году не привела къ какимъ-либо рѣшительнымъ результатамъ; она имѣла для русской арміи одинъ почетный исходъ, не оправдавъ ожиданій императора Николая. Покореніе Браилова и Варны, вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика, могло только обезпечить открытіе въ 1829 году новой кампаніи, благопріятный исходъ которой привелъ бы насъ къ желанному миру, и позволило бы кончить: «*cette guerre odieuse*», какъ называлъ эту войну императоръ Николай въ своей перепискѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Между тѣмъ духъ турецкой арміи и рѣшимость оттоманскаго правительства возвысились послѣ неудачныхъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ Шумлы и Силистріи, а также поздняго паденія Варны. Громадныя же потери среди русской арміи отъ болѣзней ¹⁾, соединенныя съ утратою почти всѣхъ лошадей, независимо отъ частныхъ неудачъ, испытанныхъ арміею Витгенштейна въ открытомъ полѣ, должны были вселить въ Константинополь надежду на успѣшное продолженіе борьбы, начавшейся въ 1828 году при крайне неблагопріятной для Порты обстановкѣ. Уже одно то обстоятельство, что султанъ Махмудъ, безъ всякой посторонней помощи, не погибъ въ единоборствѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлась Россія, должно было поднять значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ и обрадовать всѣхъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Менѣе благопріятно для Оттоманской Порты сложилась кампанія на азиатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Покореніе Карса и Ахалцыха покрыло славою графа Паскевича, обезпечивая за нимъ достиженіе столь же блестящихъ успѣховъ въ 1829 году.

Императоръ Николай немедленно занялся самымъ важнымъ въ то время для Россіи дѣломъ: реорганизаціей дѣйствующей арміи и подго-

¹⁾ 15-го декабря 1828 года въ госпиталяхъ дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи числилось 23.787 человекъ больныхъ, между тѣмъ какъ въ іюль въ нихъ находилось 11.315 человекъ, слѣдовательно, въ полгода число больныхъ возросло вдвое.

товленіемъ средствъ для продолженія войны. Но ко всѣмъ этимъ заботамъ, чисто военнаго характера, присоединились еще политическія соображенія: какимъ образомъ отнесется Европа къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

При всей враждебности къ Россіи, мнѣнія западно-европейскихъ державъ, относительно исхода борьбы Россіи съ Турціей, расходились между собою. Неудачи наши возбудили прежде всего ликование въ Вѣнѣ; Турція пророчила въ будущемъ побѣду. Канцлеръ «*l'ami Metternich*», по выраженію императора Николая, считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина русскихъ войскъ, тѣснимыхъ турками и доведенныхъ до печальной необходимости искать убѣжища на трансильванской территоріи. Изреченіе, встрѣчающееся въ перепискѣ того времени: «*le jour ou un cabinet prononcera le mot de coalition s'étonnera de la trouver tout prête*», представляло извѣстную долю правды¹⁾. Недавно еще Европу пугали русскимъ исполиномъ; теперь этого исполина хотѣли изобразить карликомъ. Положеніе русской арміи стали сравнивать съ отступленіемъ французовъ въ 1812 году. Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ Меттернихъ ласкалъ себя увѣренностію, что вскорѣ ему представится случай разыграть роль посредника, чтобы явиться рѣшителемъ судебъ Востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества вѣнскій кабинетъ призналъ даже полезнымъ поддерживать Порту въ ея рѣшеніи продолжать борьбу съ Россією.

Вообще же, за исключеніемъ обычнаго коварства со стороны Австріи, по отношенію къ нашимъ восточнымъ дѣламъ, случайное сочетаніе политическихъ созвѣздій намъ благопріятствовало; неудачи же наши на Балканскомъ полуостровѣ какъ бы поддерживали это счастливое сочетаніе. Посолъ нашъ при французскомъ дворѣ, графъ Поццо-ди-Борго, прекрасно формулировалъ причину подобнаго явленія въ слѣдующихъ словахъ: «Смѣлость и мѣры правительствъ, враждебныхъ намъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую онѣ составляютъ себѣ о нашемъ могуществѣ».

Въ виду роковой необходимости продолжать борьбу съ Портою для нанесенія ей болѣе рѣшительныхъ ударовъ и достиженія такимъ путемъ желаемаго мира, приходилось государю, прежде всего, подумать о

¹⁾ Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2. № 4.445. Недружелюбное къ намъ отношеніе Австріи не подлежало сомнѣнію, но оно сопровождалось не пролитіемъ крови, но только однихъ чернилъ. Трудно было подвинуть императора Франца къ какимъ-либо воинственнымъ предпріятіямъ — монарха, остроумно замѣтившаго русскому послу: „*Mon empire est comme une maison vermoulue; si on veut en démolir une partie, on ne peut prévoir combien d'autres on en fera couler*“.

выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленіи личнаго состава штаба арміи, предназначенной дѣйствовать въ 1829 году на Балканскомъ полуостровѣ.

Выше было уже не разъ указано на зависимое положеніе, въ которое былъ поставленъ фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ во время всего похода. Рядомъ съ нимъ возсѣдала власть какъ бы другаго негласнаго главнокомандующаго, въ лицѣ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, графа Дибича, который все время находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ, вель помимо фельдмаршала обширную по дѣламъ арміи переписку и руководилъ ходомъ операцій вполне самостоятельно, будучи уполномоченъ на то высочайшимъ довѣріемъ. О настоящемъ главнокомандующемъ, графѣ Витгенштейнѣ, въ счастливую пору войны 1828 года, обыкновенно какъ бы забывали; онъ вполне ступевывался передъ всепоглощающимъ авторитетомъ графа Дибича. Только неудачи и затрудненія, проявившіяся во время бездѣльнаго Шумлинскаго сидѣнія, заставляли вспоминать о лицѣ официально отвѣтственнаго главнокомандующаго ¹⁾. Укоры сыпались тогда на голову несчастнаго старца, клястицкія лавры котораго уже сильно поблекли еще съ 1813 года, послѣ Люцена и Бауцена. «Tenez tête à votre vieux maréchal et employez moi non quand on ne vous obéit pas»,—писалъ 27-го августа (8-го сентября) императоръ Николай Дибичу, но просьба главнокомандующаго объ увольненіи, заявленная послѣ неудачныхъ вѣлъ подѣ Шумлою, тѣмъ не менѣе не была уважена. Въ другомъ письмѣ къ Дибичу государь еще болѣе рѣзко выразился насчетъ графа Витгенштейна, сказавъ: «вообще глупость и безпечность фельдмаршала проглядываютъ во всемъ, и ваша болѣзнь, любезный другъ, открыла ему совершенный просторъ для полнаго обнаруженія своей неспособности ²⁾.

Послѣ паденія Варны и отъѣзда государя изъ арміи въ Россію, фельдмаршалъ возобновилъ свою просьбу объ увольненіи, испрашивая соизволеніе на отъѣздъ въ Подольскую губернію, по отправленіи войскъ на зимовья квартиры ³⁾.

¹⁾ Такъ напримѣръ 9-го (21-го) сентября 1828 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: „Voilà un nouvel échantillon de l'insouciance du maréchal“. Въ то время оказалось, что въ Каворнѣ имѣются только 500 четвертей сухарей; виновникомъ этого неприятнаго открытія оказался, конечно, главнокомандующій.

²⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) августа 1828 года. Въ это время государь собирался отправиться въ Николаевъ. („Военно-Ученый Архивъ“. Отд. 2. № 2757[6]).

³⁾ Всеподданнѣйшее письмо фельдмаршала графа Витгенштейна отъ 5-го (17-го) октября 1828 года, изъ Варны:

„Всемилюстивѣйшій государь. Имѣвъ счастье удостоиться всемилюстивѣй-

Просьба графа Витгенштейна была опять отклонена; онъ удостоился получить изъ Петербурга рескриптъ слѣдующаго содержания, помѣченный 11-мъ (23-мъ) ноября 1828 года:

«Графъ Петръ Христіановичъ! съ крайнемъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, отъ 5-го октября, намѣреніе ваше оставить командованіе дѣйствующею арміею. Предводительствуя оною въ продолженіе кампаніи столь трудной, какова настоящая, подвергаясь вліянію климата вреднаго и вѣмъ тягостямъ военнымъ, вы стажали несомнѣнныя права на живѣйшую мою признательность и многими опытами вновь доказали, сколь полезна отечеству усердная ваша служба. По сему убѣдительно прошу васъ сохранить начальство надъ вѣрною вамъ арміею и не оставлять оной даже временно, доколѣ не расположите войскъ на зимнія квартиры, не возстановите въ оныхъ частяхъ, разстроенныхъ въ продолженіе настоящей кампаніи, не обезпечите успѣшнаго открытія будущей. Вы не отклоните отъ себя исполненіе сего моего желанія и новымъ доказательствомъ постояннаго усердія вашего къ отечеству и личной ко мнѣ привязанности пріиму служеніе ваше; но если, совершивъ труды, въ продолженіе зимы вамъ предстоящія, вы почувствуете необходимость возвратиться въ кругъ вашего семейства на мѣсяць или на шесть недѣль, не слагая съ себя, впрочемъ, командованія арміею, то я охотно на сіе соглашаюсь, оставаясь въ совершенной увѣренности, что, собравъ временнымъ отдохновеніемъ новыя силы, вы съ полною готовностію возвратитесь къ исполненію предначертаній моихъ для будущей кампаніи. Пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ».

По полученіи рескрипта, столь милостиво выразившаго волю государя, графу Витгенштейну оставалось только благодарить и съ покор-

шего вашего императорскаго величества рескрипта, въ 2-й день сего октября послѣдовавшаго, конемъ вѣряются моему попеченію всѣ войска дѣйствующей арміи, чувствую въ полной мѣрѣ столь высокомонаршія для меня милость и довѣріе. Но съ особеннымъ прискорбіемъ долженъ признаться, что, при всемъ желаніи моемъ оправдать оныя усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ, чувствую себя не въ состояніи того исполнить, ибо ваше императорское величество изволите быть извѣстны, что въ продолженіе настоящей кампаніи я имѣлъ неоднократно лихорадочныя припадки, которые при нынѣшнемъ осеннемъ времени и по здѣшнему климату вновь начинаютъ оказываться. А потому предположивъ, при всей слабости моего здоровья, отправиться по окончаніи дѣлъ, къ Силестрии для скорѣйшаго, если Богъ поможетъ, покоренія оной нашему оружію, и по отиравленіи войскъ на зимовья квартиры, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать всеимлостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія на отѣздъ мой въ Подольскую губернію». (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2, № 4445).

ностию продолжать нести почетное бремя, обратившееся для него уже въ терновый вѣнецъ ¹⁾).

Въ половинѣ декабря графъ Дибичъ пріѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ. Для полнаго разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ возвращеніе въ столицу начальника главнаго штаба, необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

Послѣ пріѣзда императора Николая изъ Варны, государь приступилъ въ письмахъ къ графу Дибичу къ обсужденію условий будущей кампаніи противъ турокъ. Первоначально они обрисовывались государю въ слѣдующемъ видѣ: онъ признавалъ невозможнымъ удержать фельдмаршала на мѣстѣ главнокомандующаго, въ виду выраженного имъ положительнаго желанія отказаться отъ командованія арміею; но, конечно, отъѣздъ его долженъ будетъ послѣдовать не ранѣе расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ. «Проѣзжая черезъ Могилевъ,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу, 16-го (28-го) октября,—я видѣлся съ добрымъ старикомъ Сакеномъ (le bon vieux Sacken), и я опасуюсь, что слабость воспрепятствуетъ ему принять то новое назначеніе, которое вообще вполне соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ; пока Ланжеронъ можетъ оставаться, какъ старѣйшій изъ генераловъ, безъ титула, командующимъ войсками въ Молдавіи, а Ротъ въ Болгаріи; если же нельзя будетъ избѣжать второй кампаніи, то мнѣ придется возвратиться, и тогда я буду лично командовать, имѣя подъ своимъ начальствомъ Ланжерона». Относительно плана будущей кампаніи государь, подъ вліяніемъ, конечно, недавнихъ событій полагалъ полезнымъ не переходить Балканъ, находя, что здравый смыслъ и благоразуміе настоятельно требуютъ оставить всякую о томъ мысль. Признавалось достаточнымъ удержать за нами то, что было покорено, и затѣмъ овладѣть тѣми пунктами, которые еще не находились въ нашей власти ²⁾). Слѣдовательно, вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію одной линіи Дуная, то-есть къ плану кампаніи, примѣненному уже

¹⁾ 20-го ноября (2-го декабря) 1828 года графъ Витгенштейнъ писалъ императору Николаю изъ Яссы:

„Всемилоствѣйшій государь! Удостоясь получить всемилоствѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества отъ 11-го сего ноября мѣсяца и посвятивъ себя безусловно на службу вашу, государь, мнѣ не остается ничего болѣе какъ превозмочь недуги мои и исполнить священную волю вашего императорскаго величества, оставаясь при арміи, доколѣ силы мои позволяютъ и пока ваше императорское величество изволите найти, что могу еще быть полезнымъ вамъ и отечеству“.

²⁾ Тѣ же мысли императоръ Николай высказалъ въ разговорѣ съ принцемъ Евгениемъ Виртембергскимъ, въ ноябрѣ 1828 года. „Обстоятельства и политика требуютъ пока однихъ оборонительныхъ мѣръ“, — сказалъ ему государь.

однажды съ такимъ неуспѣхомъ во время Семилѣтней войны съ Турціею въ царствованіе императора Александра (съ 1806 по 1812 годъ). «Этотъ планъ кампаніи,—писалъ императоръ Николай,—докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ дѣло не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осмотрительнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который можетъ привести насъ къ большимъ результатамъ».

Въ такомъ же духѣ императоръ Николай писалъ графу Паскевичу 15-го (27-го) ноября:

«Опыты настоящей кампаніи въ Европейской Турціи показали, съ какими затрудненіями и пожертвованіями, по естественному положенію и состоянію сего края, сопряжены въ ономъ отдаленныя предпріятія. Сюда наиболѣе принадлежатъ разрушительныя дѣйствія вреднаго здоровья климата и совершенный недостатокъ мѣстныхъ способовъ къ удовлетворенію потребностей многочисленной арміи, болѣе еще увеличивающейся по чрезвычайнымъ трудностямъ, съ коими перевозки и доставки всякаго рода сопровождаются. По симъ соображеніямъ, и, въ особенности по видамъ нынѣшняго состоянія Европы, я предполагаю въ продолженіе будущей кампаніи вести за Дунаемъ войну болѣе систематическую, нежели наступательную; ограничиться овладѣніемъ Силистріи, Журжи и другихъ крѣпостей, оставшихся доселѣ въ рукахъ турокъ на рѣкѣ сей, стать на оной твердой ногою и съ сего основанія дѣлать демонстраціи къ сторонѣ Бургаса, и, смотря по обстоятельствамъ, отъ сего рода войны перейти къ дѣйствіямъ болѣе наступательнымъ, ежели, по соображеніи силъ и движеній непріятеля, въ открытомъ полѣ представится тому благопріятный случай».

Для выполненія подобнаго плана кампаніи, графъ Витгенштейнъ признавался вполне способнымъ, и предположено его не трогать.

Графъ Дибичъ, съ своей стороны, одобрилъ всѣ предположенія государя относительно обреченія арміи на атаку дунайской оборонительной линіи, предполагая только предварительно при открытіи кампаніи овладѣть, во что бы то ни стало, Шумлою—при помощи штурма! Затѣмъ уже графъ находилъ возможнымъ спокойно приступить къ покоренію дунайскихъ крѣпостей. «Это движеніе главныхъ силъ вполне оборонительное и даже до нѣкоторой степени отступательное,—писалъ въ заключеніе Дибичъ государю,—доказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и выяснило бы принятую систему дѣйствій»¹⁾.

Но въ то время, когда графъ Дибичъ разсуждалъ такимъ образомъ, полагая, что дѣйствуетъ согласно мыслямъ государя, въ Петербургѣ произошло переломъ въ мнѣніяхъ насчетъ плана будущей кампаніи,

¹⁾ Военно-Ученый Архивъ. Отд. II, № 4445.

произведенный со стороны, отъ которой никто ничего подобнаго не ожидалъ.

Генераль-адъютантъ И. В. Васильчиковъ обратился къ императору Николаю съ прямодушною рѣчью честнаго солдата и представилъ государю записку, заключавшую въ себѣ самую безпощадную критику всего совершившагося въ 1828 году на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Записка Васильчикова, носящая заглавіе: «*Appreci sur la campagne de 1828*», настолько важна и поучительна, что необходимо познакомиться съ ея содержаніемъ прежде, чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію событій этого времени.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Письмо императора Павла ландъ-графу Гессенъ-Дармштадскому о
бракосочетаніи великой княжны Александры Павловны ¹⁾.**

29-го октября 1799 г. Гатчино.

Свѣтлѣйшій ландъ-графъ, дружечно-любезный свойственникъ! Съ чувствительнымъ порадованіемъ слѣшимъ мы увѣдомить вашу свѣтлость и любовь о совершившемся сего октября 19-го числа въ городѣ Гатчинѣ по благословенію Всевышняго, торжественномъ бракосочетаніи любезнѣйшей дщери нашея, ея императорскаго высочества, великія княжны Александры Павловны съ ея королевскимъ высочествомъ эрцъ-герцогомъ австрійскимъ, палатиномъ венгерскимъ Іосифомъ, братомъ ея величества императора и короля. Будучи увѣрены о дружественныхъ вашихъ къ намъ расположеніяхъ, ни мало не сомнѣваемся, что вы о семъ такъ для насъ радостномъ происшествіи съ особливымъ удовольствіемъ извѣститесь и пожелаете новобрачнымъ всевозможнаго благоденствія. Впрочемъ увѣряя васъ о нашемъ къ вамъ и княжескому вашему дому непремѣнномъ благоволеніи, пребываемъ на всегда, вашей свѣтлости и любви дружечно-охотный Павелъ.

Скрѣпилъ: Графъ Ростопчинъ.

Его свѣтлости и любви ландъ-графу Гессенъ-Дармштадскому.

Сообщилъ протоіерей Алексѣй Мальцевъ.

Берлинъ 11 (24) ноября 1900 г.

¹⁾ Изъ коллекціи „Братскаго Музея“ близъ Берлина.

Воспоминанія протоіерія І. І. Базарова ¹⁾.

Настали темные, тяжелые дни...

С в о и болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога!

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь!..

На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листь мельче и рѣже, но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная, жизнь блеснетъ передъ тобой своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской и силой весны!

Но будь остороженъ!.. Не гляди впередъ, сѣдный старикъ.

„Старикъ“—И. С. Тургенева.

I.

Назначеніе І. І. Базарова священникомъ въ Висбаденъ.—Путь до Франкфурга.—Посланникъ при Германскомъ союзѣ Убри.—Бибрихъ—резиденція герцога нассаускаго.—Положеніе нашего духовенства за границею.—Церковь въ Висбаденѣ.—Кончина великой княгини Елисаветы Михайловны.—В. А. Жуковский и его бесѣды съ авторомъ записокъ.—Н. В. Гоголь.—Князь А. А. Суворовъ.—Князь А. М. Горчаковъ.—Общественная жизнь въ Германіи.—Артистъ Гольцъ.—Д. Н. Блудовъ.—А. Н. Муравьевъ.—Русскіе за границей.—Полковникъ Кублицкій.

Въ 1843 году, по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи, былъ я опредѣленъ преподавателемъ русской словесности въ Петербургскую духовную семинарію. Но на первой же лекціи мнѣ подали письмо отъ протопрѣвитера Бажанова, которымъ онъ приглашалъ меня явиться къ нему въ тотъ же день. Здѣсь мнѣ было сдѣлано совершенно неожиданное предложеніе поступить въ Висбаденъ духовникомъ къ великой княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ, вышедшей замужъ за герцога Нас-

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Базаровъ писалъ свои „Воспоминанія“ по желанію королевы Виртембергской Ольги Николаевны, духовникомъ которой онъ былъ болѣе 40 лѣтъ.

Р е д.

саускаго. Странно! послѣ окончанія курса въ академіи, когда студенты раздумываютъ, куда кого занесетъ судьба, я слышалъ, какъ одинъ изъ моихъ товарищей говорилъ о какомъ-то мѣстѣ въ Висбаденѣ. Я такъ мало обратилъ тогда на это вниманія, что мнѣ казалось дикимъ, какъ можно мечтать о подобномъ мѣстѣ въ какомъ-то столь неизвѣстномъ городѣ, котораго и имени мы никогда не слышали даже при изученіи географіи. Но судьбы Божіи не про насъ писаны, и мнѣ пришлось начать именно съ этого, дотолѣ невѣдомаго, города свою долгую заграничную службу.

Въ жизни молодаго кандидата на священство не малую, если не главную, роль играетъ вступленіе въ бракъ предъ посвященіемъ, и какъ нерѣдко можно встрѣтить такого рода положенія, что молодой юноша, застигнутый врасплохъ кандидатурою на священство, принужденъ бываетъ бѣгать по городу и искать невѣсты! Конечно, онъ всегда ее и находитъ, такъ какъ въ семьяхъ духовныхъ нѣтъ недостатка въ дочеряхъ, которыя, въ свою очередь, тоже врасплохъ дѣлаются невѣстами. Я, слава Богу, не былъ въ такомъ положеніи. У меня въ виду была уже невѣста, но я былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы думать о женитьбѣ. Я былъ радъ и счастливъ, что получилъ мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ я думалъ послужить, пооглядѣться послѣ 4-хъ лѣтъ заключенія въ стѣнахъ академіи. Но вотъ вдругъ и неожиданно является предложеніе поступить на мѣсто, очень почетное для молодаго человѣка, на мѣсто духовника высочайшей особы, при томъ такого рода предложеніе, отъ котораго нельзя было отказаться безъ уважительной причины. В. Б. Бажановъ говорилъ мнѣ:

— Великая княгиня Елена Павловна желаетъ выбрать священника къ своей дочери изъ молодыхъ кандидатовъ богословія, въ той мысли, что молодой священникъ скорѣе привыкнетъ къ новой жизни за границею. Ея высочество поручила мнѣ избрать подходящаго кандидата. Я васъ знаю лично и потому предложилъ васъ.

Что на это отвѣчать бѣдному молодому кандидату на священство? Первая мысль у него при этомъ: «но вѣдь жениться надо!» И дѣйствительно, это былъ мой первый отвѣтъ на предложеніе Бажанова. На это онъ мнѣ сказалъ:

— Великая княгиня и объ этомъ подумала и предлагаетъ одну изъ воспитанницъ своего института (которая потомъ поступила въ камеръ-фрау къ великой княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ); впрочемъ, это предложеніе не обязательно.

На это я отвѣтилъ, что имѣю въ виду одну невѣсту, и что если родители ея согласятся отпустить ее за границу, то я приму предложенное мнѣ мѣсто, въ противномъ случаѣ я отказываюсь отъ него. На рѣшеніе этого жизненнаго вопроса мнѣ дано было сроку 24 часа. На дру-

гой день въ этотъ часъ я долженъ былъ дать отвѣтъ: да или нѣтъ. Между тѣмъ, моя, такъ называемая, невѣста вовсе и не знала о моихъ видахъ на нее. Если она мнѣ и правилась, то я имѣлъ въ виду, оставшись на службѣ въ Петербургѣ, напередъ познакомиться съ нею и только со временемъ и при томъ увѣрившись въ ея расположеніи ко мнѣ, сдѣлать ей предложеніе. И вотъ, вдругъ я очутился почти въ положеніи молодаго кандидата на священство, ищущаго себѣ невѣсту на завтра! Первымъ моимъ дѣломъ было отправиться къ моимъ друзьямъ, братьямъ моей невѣсты, и рассказать имъ посѣтившее меня испытаніе такъ внезапно рѣшить участь цѣлой моей жизни. Пока дѣло шло о мѣстѣ въ Висбаденѣ, всѣ они единодушно совѣтовали мнѣ не думая принять его, во когда коснулось дѣло невѣсты, и когда я объяснилъ имъ, что буду просить руки сестры ихъ, всѣ они примолкли, и только одинъ изъ нихъ взялся разузнать на этотъ счетъ мысли ихъ родителей, а также и согласіе самой невѣсты. Такъ какъ было уже поздно, то мнѣ обѣщали дать отвѣтъ на другой день до истеченія даннаго мнѣ 24-хъ часоваго срока.

И до сихъ поръ памятенъ мнѣ эти часы ожиданія, въ продолженіе которыхъ рѣшалась судьба моя. Что было бы изъ меня, если бы, получивъ отказъ со стороны семейства, въ которомъ я думалъ найти себѣ невѣсту, я отказался и отъ мѣста въ Висбаденѣ! Конечно, я остался бы въ Петербургѣ, пустился бы въ свѣтъ съ увлеченіемъ молодаго человека, только-что вырвавшагося на волю изъ строгаго по тогдашнему времени заключенія въ стѣнахъ академіи, и кто знаетъ, не попалъ ли бы я, по примѣру моихъ двоихъ товарищей, въ свѣтскую службу, къ которой я имѣлъ больше наклонности, чѣмъ къ духовной? Одинъ изъ этихъ товарищей, мой большой пріятель, поступилъ на службу въ военное министерство, гдѣ этому магистру богословія поручили на первый разъ дѣло о переформированіи башкирскаго войска. Конечно, это показалось ему темнымъ и непроходимымъ лѣсомъ, вслѣдствіе чего онъ перемѣнилъ родъ службы и попалъ въ морское министерство. Здѣсь, сдѣлавшись начальникомъ отдѣленія, онъ, по собственнымъ словамъ его, не умѣлъ отличить клипера отъ фрегата, но тѣмъ не менѣе дослужился въ этомъ самомъ министерствѣ до чина тайнаго совѣтника. Быть можетъ, и мнѣ пришлось бы прилагать свои богословскія знанія къ обмундированію башкирскаго войска или къ оснасткѣ клиперовъ и фрегатовъ. Но Богъ спасъ меня отъ этой несообразности въ жизни и поставилъ меня на путь, на которомъ я долженъ былъ послужить Ему съ бѣльшею пользою какъ для блага ближнихъ, такъ и для собственнаго. Когда теперь, на закатѣ жизни, я оглядываюсь назадъ, я сознаю ясно пути Провидѣнія не только въ устроеніи моей служебной дѣятельности, но и въ направленіи моей внутренней жизни. Въ такомъ юномъ возрастѣ (мнѣ было тогда 24 года) я не чувствовалъ никакого призванія

къ духовному званію и не имѣлъ никакого понятія о важности священническаго сана. Напротивъ того, мнѣ улыбалась тогда жизнь со всѣми прелестями свободы, и нужно было забросить мнѣ такую удочку, какъ занимавшее меня тогда чувство къ моей невѣстѣ, чтобы поймать меня въ сѣть, изъ которой не было больше выхода на цѣлую жизнь; и эту удочку забросило благое Провидѣніе, и эта сѣть сдѣлалась для меня благомъ жизни, за которое я долженъ благословлять десницу Вышняго.

За нѣсколько часовъ до истеченія назначеннаго мнѣ срока является ко мнѣ мой будущій шурина и свать со словами:

— Поѣзжайте къ Бажанову съ изъявленіемъ согласія на принятіе мѣста. Все устроено по вашему желанію!

Итакъ, судьба моя была рѣшена! Я женюсь, дѣлаюсь священникомъ и ѣду за границу!

Свадьба великой княгини была въ половинѣ января 1844 года, и въ февралѣ она уже уѣхала съ своимъ супругомъ за границу. Моя же свадьба состоялась только въ концѣ января, а посвященіе уже въ апрѣлѣ. Отправленіемъ насъ съ причтомъ и пѣвчими на мѣсто нашего служенія почему-то не спѣшили. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда мы собственно отправлялись къ миссіи нашей во Франкфуртъ къ открывавшейся тамъ церкви, которая тутъ же назначена была считаться въ откомандировкѣ въ Висбаденъ, все было готово къ нашему отправленію. Поэтому въ іюлѣ я явился къ секретарю великой княгини Елены Павловны съ вопросомъ, можемъ ли мы наконецъ отправиться въ путь, на чтò онъ отвѣтилъ, что конечно намъ пора ѣхать. Вслѣдствіе этого я взялъ мѣста для себя съ женою и двоихъ псаломщиковъ на одномъ изъ почтовыхъ пароходовъ, ходившихъ тогда еженедѣльно между Петербургомъ и Штетинномъ, и отправился въ Павловскъ, чтобы откланяться ихъ высочествамъ великому князю Михаилу Павловичу и великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Но каково было мое изумленіе, когда великая княгиня пришла въ негодованіе отъ этой нашей рѣшимости ѣхать на почтовомъ пароходѣ. Напрасно я ссылался на то, что секретарь ея высочества уполномочилъ меня взять билеты на пароходъ и увѣрилъ, что великая княгиня ничего не имѣетъ противъ этого.

— Да я его и въ глаза не видала эти дни! былъ на это отвѣтъ ея высочества.

Но какъ нечего было дѣлать, меня отпустили благосклонно, давши порученіе къ молодой великой княгинѣ въ Висбаденъ. Тамъ я узналъ причину этого негодованія великой княгини. Съ приданнымъ великой княгини Елизаветы Михайловны отправился фрегатъ въ Голландію, откуда эти вещи должны были быть доставлены по Рейну въ Бирихъ. На этомъ фрегатѣ должны были отправиться и церковь и причтъ. И дѣйствительно, трое пѣвчихъ были посажены на этотъ фрегатъ и вы-

держали сильную бурю въ Нѣмецкомъ морѣ. Мы же имѣли благополучный переѣздъ до Штетина и пріѣхали, конечно, гораздо раньше къ мѣсту нашего назначенія.

Первый нѣмецкій городъ, который мы видѣли, былъ Берлинъ. Но онъ не произвелъ на насъ никакого впечатлѣнія, особенно послѣ Петербурга. За то мы пришли въ восторгъ отъ Дрездена съ его старинными закоптѣлыми домами, съ его готическими церквями и его брюлевскою террасою, на которой мы въ первый разъ наблюдали, какъ нѣмки съ вязаньемъ чулокъ за стаканомъ пива наслаждались прекрасною музыкою и прелестнымъ видомъ на Эльбу и ея живописныя окрестности. До Лейпцига мы доѣхали по желѣзной дорогѣ, но отсюда до Франкфурга надо было ѣхать на почтовыхъ.

Первою замѣчательною для насъ станціею на пути къ нашей новой жизни былъ городъ Веймаръ. Тамъ въ это время жила родная моей женѣ семья Сабининыхъ. Уже въ то время довольно пожилой протоіерей Сабининъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе русскаго священника, переродившагося и по фигурѣ и по костюму въ нѣмецкаго пастора. Къ тому же въ семьѣ его всѣ говорили по-нѣмецки, а младшія изъ дѣтей даже не понимали по-русски. Помню, какъ теперь, одну семейную сцену по этому поводу. Возбужденный нашимъ нескрываемымъ удивленіемъ при видѣ такой странности, почтенный старецъ начиналъ жаловаться и упрекать жену свою за то, что она пріучила дѣтей говорить только по-нѣмецки, и тутъ же, лаская своего маленькаго сынка, обращался къ нему съ такими словами: «komm, mein guter Andreas, komm zu mir!» Видно было, что они всѣ до такой степени вжились въ нѣмецкую жизнь, что сами не замѣчали того, какъ впадали въ нѣмецкій говоръ. Все это насъ тогда чрезвычайно изумляло, а когда о. Сабининъ сказалъ, что онъ уже 24 года живетъ за границею, я пришелъ тогда въ ужасъ отъ одной мысли о возможности прожить столько лѣтъ внѣ Россіи. А теперь, когда я пишу эти строки, идетъ уже 38-й годъ моей службы за границею. Еслибы тогда кто-нибудь предсказалъ мнѣ этотъ длинный срокъ, я, кажется, вернулся бы съ дороги назадъ. Такъ это тогда казалось дикимъ и невозможнымъ. И надо здѣсь еще замѣтить, что эта столь долгая жизнь моя за границею вовсе не была добровольна. Напротивъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, не разъ принималась рѣшимость воротиться на службу въ отечество, и каждый разъ обстоятельства слагались такъ, что не только нельзя было оставить своего поста, но даже возлагались новыя обязанности, приковылавшія къ прежнему мѣсту служенія. Недаромъ говорить пословица: живи не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ!

До Франкфурга мы доѣхали на почтовыхъ и здѣсь остановились, такъ какъ мнѣ нужно было явиться въ посольство. Въ то время послан-

никомъ при Германскомъ Союзѣ былъ старичекъ Убри, еще очень бодрый и живой. Онъ объявилъ мнѣ, что такъ какъ въ Висбаденѣ еще не готово ни помѣщеніе для церкви, ни квартира для священника и причта, то намъ придется прожить нѣсколько времени во Франкфуртѣ. Между тѣмъ, мнѣ нужно было представиться великой княгинѣ и герцогу, и Убри повезъ меня въ Бибрихъ, гдѣ находились ихъ высочества въ своемъ лѣтнемъ восхитительномъ дворцѣ. Памятны мнѣ при этомъ отеческія наставленія добраго старичка. Желая посвятить меня въ нѣмецкую жизнь, онъ взялъ для себя и для меня мѣста 2-го класса по желѣзной дорогѣ, при чемъ говорилъ, что въ 1-мъ классѣ ѣздить только англичане. Дорогою онъ мнѣ давалъ между прочимъ такіа наставленія:

— Главнымъ образомъ берегитесь давать русскимъ деньги займы и Боже васъ сохрани поручиться за кого!

И дѣйствительно, при существованіи въ то время въ Висбаденѣ рулетки, эти наставленія для новичка и при томъ еще священника были вовсе не бесполезны. Сколько разъ мнѣ приходилось въ послѣдствіи вспоминать это предостереженіе добраго старичка, въ свою очередь, конечно, наученнаго опытомъ. Сколько бывало случаевъ, гдѣ приходилось сжиматься сердцу и дѣлать насиліе пастырской совѣсти при видѣ какого-нибудь отца семейства, проигравшагося до послѣдней копейки и не имѣвшаго средствъ воротиться на родину. А если и случалось отступить отъ даннаго Убри совѣта, то приходилось или дорого за это заплатить или набраться страху, пока данное поручительство наконецъ снималось съ плечъ, болѣе или менѣе поздною уплатою долга.

Послѣ этого представленія было порѣшено, что мы можемъ переѣхать въ Бибрихъ, гдѣ намъ была отведена квартира въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ этого маленькаго городка. Но прежде чѣмъ мы успѣли оставить Франкфуртъ, пришла горестная вѣсть о кончинѣ великой княгини Александра Николаевны и насъ позвали въ Бибрихъ для совершенія панихиды. Такимъ образомъ, первая моя служба при великой княгинѣ была траурная, какъ будто въ предвѣстіе, что мнѣ, вмѣсто того, чтобы быть духовникомъ ея высочества, придется скоро сдѣлаться священникомъ при ея надгробной церкви. Вѣсть объ этой кончинѣ, столь неожиданной, произвела глубокое впечатлѣніе на великую княгиню Елизавету Михайловну, тѣмъ болѣе, что судьбы этихъ двухъ великихъ княженъ были такъ схожи. Обѣ онѣ выходили въ одно время замужъ, и та, и другая ожидали почти въ то же время разрѣшенія отъ бремени. Рассказываютъ, что при вѣсти объ этой смерти, великая княгиня Елизавета Михайловна объявила, что и ее ожидаетъ та же участь.

Въ Бибрихѣ мы прожили мѣсяца два, пока въ Висбаденѣ на Рейн-

скої улицѣ отдѣлялся домъ, для помѣщенія церкви и причта, и что это было за чудное время! Прогулка въ великолѣпномъ бибрихскомъ паркѣ или по берегу Рейна, по которому безпрестанно ходили пароходы, наполненные туристами всѣхъ націй. Когда настала осень, наши пѣвчіе вздумали угостить бибрихскую публику концертомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ номеровъ церковной и русской оперной музыки. Это насъ нѣсколько сблизило съ нѣмцами, которые дотолѣ смотрѣли на насъ какъ-то дико не потому, чтобы они никогда не видывали русскихъ, а потому, что мы представляли собою клиръ русской церкви, дотолѣ ими невиданный. Меня величали Herr Pastor, мою жену Frau Pastor. Сколько было толковъ, когда узнали, что я получаю по тогдашнему положенію 1.500 рублей или 3.000 гульденовъ. Въ то время въ Германіи дешевизна была страшная, и 3.000 гульденовъ было министерское жалованье. Даже псаломщики съ ихъ 500 руб. годоваго жалованья возбуждали общую зависть. Зато пѣвчіе имѣли отъ великой княгини только по 600 гульденовъ или 300 рублей жалованія, но и при этомъ жили, какъ выражались нѣмцы, какъ маленькіе принцы. И дѣйствительно, не отказывая себѣ ни въ чемъ, нѣкоторые изъ нихъ позволяли себѣ удовольствіе нанимать лошадей и ѣздить верхомъ. Была одна опасность для этихъ молодыхъ людей—это рулетка въ Висбаденѣ. Но по моему ходатайству ихъ съ самаго начала подчинили закону мѣстныхъ жителей, которые, подъ страхомъ наказанія, не смѣли даже входить въ игорныя залы. Одинъ только псаломщикъ Широкогоровъ предался этой страсти и для этого тайкомъ уѣзжалъ въ Гомбургъ, откуда нерѣдко возвращался пѣшкомъ, проигравъ тамъ все до послѣдней копѣйки, и тогда онъ запирался въ своей комнатѣ, читалъ акаѳисты (онъ былъ изъ послушниковъ не одного монастыря) и такъ до новаго полученія жалованья, когда онъ снова тайкомъ ночью отправлялся въ Гомбургъ, увѣряя и себя, и другихъ, что онъ наконецъ выиграетъ большую сумму, чего ему конечно вмѣстѣ со многими другими никогда не удавалось.

Наконецъ назначавшійся для нашего помѣщенія домъ былъ настолько готовъ, что мы могли переселиться въ Висбаденъ, но зало для церкви все еще отдѣлялось, и потому великой княгинѣ угодно было поставить пока иконостасъ въ одной изъ залъ висбаденскаго дворца, гдѣ мы и начали службу. Но великая княгиня была не болѣе двухъ разъ въ этой церкви, а когда ее перенесли уже въ ноябрѣ въ готовое помѣщеніе въ Рейнской улицѣ, она не удостоила ея ни разу своимъ посѣщеніемъ. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ приближенія эпохи разрѣшенія отъ бремени, великая княгиня дѣлалась все мрачнѣе, почти никуда не выходила и лежала на кушеткѣ. При этомъ она такъ грустила по Россіи, что взятую съ собою русскую землю постоянно держала вокругъ

себя. Великая княгиня Елена Павловна, отпускающая дочь свою за границу, окружила ее молодыми людьми въ томъ разчетѣ, что всѣ они скорѣе сживутся въ новой обстановкѣ. Кромѣ молодаго священника, при ней состоялъ молодой докторъ, только - что кончившій курсъ ученія, молодая камеръ-фрау, взятая прямо изъ института. Это имѣло ту дурную сторону, что когда настали серьезныя критическія минуты, никто изъ окружающихъ великую княгиню людей не могъ имѣть на нее никакого вліянія. Нерѣдко случалось, что приходилъ докторъ, и она высылала спросить у него, какъ его здоровье, не допуская его къ себѣ, а когда приходилъ священникъ съ просфорою послѣ обѣдни, то она только благодарила, но не принимала. Всѣ видѣли, что дѣло не въ порядкѣ, самъ герцогъ приходилъ въ отчаяніе отъ такого апатичнаго состоянія своей супруги. Она какъ будто ждала предстоящей ей кончины и не хотѣла ничего предпринимать, чтобы предупредить готовившуюся катастрофу. Такъ продолжалось до конца декабря, пока не пріѣхала присланная изъ Петербурга великой княгиней Еленой Павловной г-жа Труба, бывшая воспитательницею великой княгини Елизаветы Михайловны. Этотъ пріѣздъ немного оживилъ великую княгиню, и всѣ вздохнули свободнѣй.

Приближались праздники Рождества Христова и новаго года. Великая княгиня Елена Павловна еще передъ отъѣздомъ моимъ изъ Россіи говорила со мною о томъ, какъ ея дочери неудобно будетъ за границею праздновать наши праздники по старому стилю, особенно, когда наша Пасха расходится съ западною на нѣсколько недѣль, и потому поручила мнѣ спросить разрѣшеніе у митрополита, не позволить ли онъ въ Висбаденѣ совершать всѣ наши праздники по новому стилю. Въ то время былъ митрополитомъ въ С.-Петербургѣ Антоній. Принимая отъ него благословеніе при отъѣздѣ за границу, я высказалъ ему это желаніе великой княгини. На это онъ отвѣтилъ: «такъ какъ вы будете служить тамъ при великой княгинѣ, то и дѣлайте, какъ захочетъ ея высочество». Заручившись этимъ разрѣшеніемъ, я опраздновалъ Рождество Христово 13-го декабря, новый годъ 20-го и Крещеніе 25-го декабря. Но совершенно напрасно. Великая княгиня Елизавета Михайловна, въ послѣднее время совсѣмъ не выходившая изъ комнаты, въ церкви не была, а русскіе, проживавшіе тогда во Франкфуртѣ, между которыми были В. А. Жуковскій и князь А. А. Суворовъ, на мое извѣщеніе о томъ отвѣчали, что такъ какъ ни 13-го, ни 20-го декабря по-русски нѣтъ никакого праздника, то они и не пріѣдутъ въ эти дни въ церковь. Но 25-го декабря, когда я по новому стилю совершалъ праздникъ Богоявленія, они пріѣхали праздновать Рождество Христово. Такимъ образомъ эта попытка празднованія нашихъ праздниковъ по новому стилю совершенно оказалась неудачною, и мнѣ скоро пришлось возвратиться

назадъ въ счетъ недѣль по Рождествѣ, чтобы попасть опять на старый стиль. Кромѣ высказаннаго русскими несочувствія къ этому нововведенію, меня заставила отступить отъ этого и вскорѣ послѣдовавшая кончина великой княгини Елизаветы Михайловны.

16-го января 1845 года я былъ боленъ. Что у меня была за болѣзнь, я не помню, но вѣроятно начало какой-нибудь серьезной болѣзни, такъ какъ мнѣ прикладывали примочки къ головѣ и я былъ въ жару, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ комнаты, чуть не въ самую спальню, гдѣ я лежалъ въ постели, секретарь великой княгини Мадай со словами: «скорѣй, скорѣй. Великая княгиня умираетъ!» При этомъ извѣстіи я вскочилъ съ постели, сбросивъ съ головы всякія примочки, съ трудомъ и съ помощью другихъ одѣлся и, взявъ съ собою св. дары, отправился во дворецъ. Тамъ я засталъ всѣхъ въ ужасномъ смятеніи, но, несмотря на это, всѣ обратились ко мнѣ съ вопросомъ: что со мной? Такъ я не походилъ на себя. Здѣсь я узналъ, что великая княгиня разрѣшилась мертвымъ младенцемъ женскаго пола, и что съ нею сдѣлался припадокъ падучей болѣзни. Я спросилъ у доктора, что онъ думаетъ о состояніи великой княгини. На это онъ отвѣчалъ: «дѣлайте скорѣй ваше дѣло, иначе будетъ поздно!» Тогда я облачился и вошелъ съ св. дарами къ умирающей. Я засталъ ее въ страшныхъ конвульсіяхъ и долженъ былъ уловить минуту, когда она по временамъ приходила въ сознаніе, чтобы причастить ее св. таинъ. Въ эти минуты сознанія она спрашивала о своемъ новорожденномъ дитяти, и ей говорила, что это—мальчикъ, что онъ живъ и что его принесутъ показать ей, когда она успокоится. Въ этой обманчивой увѣренности такъ и скончалась эта молодая, имѣвшая всѣ задатки счастья впереди, любимая своимъ супругомъ и высоко цѣнимая новыми подданными своими, великая княгиня, владѣтельница герцогиня нассауская. Когда она испустила послѣдній вздохъ, герцогъ съ рыданіемъ бросился ко мнѣ на грудь съ словами: «Ровно годъ тому назадъ я стоялъ съ нею подъ вѣнцомъ передъ алтаремъ».

Полный потрясающихъ впечатлѣній, я воротился домой, совѣмъ забывъ о своей болѣзни. Да и некогда было думать о ней, такъ какъ начались панихиды у тѣла почившей, затѣмъ приготовленія къ выносу въ нашу домовую церковь, которая для этой цѣли была драпирована вся чернымъ сукномъ. При этомъ, помнится, мнѣ показался очень страннымъ вопросъ нассаускаго гофмаршала: «Какой цвѣтъ по-русски считается траурнымъ?» Такъ еще тогда была Россія для нѣмцевъ terra incognita, о которой они имѣли самыя странныя понятія. Ихъ нисколько не удивило бы, если бы имъ сказали, что въ Россіи траурный цвѣтъ розовый, а торжественный—черный. Но тутъ они видимо были довольны, что мы вмѣстѣ съ ними облакаемся въ черный цвѣтъ при общей горести, достигшей какъ ихъ, такъ и насъ. Церковь наша была скоро готова, и

на третій день послѣ кончины тѣло великой княгини было перенесено изъ дворца въ церковь. Церемонія эта была совершена вечеромъ при свѣтѣ факеловъ, въ сопровожденіи нашего клира въ облаченіи и съ пѣніемъ: Святый Боже. Съ этого времени въ нашей церкви совершались каждодневно панихиды надъ гробомъ усопшей почти каждый разъ въ присутствіи герцога и всего двора, а также и нашего посольства въ Франкфуртѣ, пока не приготовлено было временное помѣщеніе для тѣла въ городской протестантской церкви, гдѣ подъ органомъ устроенъ былъ родъ часовни, и гдѣ мы совершали панихиды. Переносъ тѣла въ это помѣщеніе совершенъ былъ также торжественно послѣ отпѣванія въ нашей церкви, во время котораго я сказалъ маленькую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, обращенную къ герцогу.

Какъ памятный эпизодъ при составленіи этой рѣчи, приходитъ мнѣ на память мой споръ съ моимъ учителемъ нѣмецкаго языка, подъ руководствомъ котораго я сочинилъ эту рѣчь. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ я выразился такъ: unser Herr Gott Iesus Christus, онъ мнѣ вычеркнулъ слово Gott. На это я замѣтилъ ему, что прошу его только поправить мнѣ слогъ, а не мысли или вѣрованія мои, онъ мнѣ пренаивно объявилъ, что онъ только и поправляетъ слогъ мой, и что по-нѣмецки нельзя сказать: Herr Gott Iesus Christus, что это противорѣчитъ духу нѣмецкаго языка и конечно поразить ухо cadaго нѣмца такимъ необычнымъ выраженіемъ. Напрасно я ему доказывалъ, что здѣсь не мѣсто разсуждать о Божествѣ Иисуса Христа и что это наше богослужбное выраженіе, мой учитель стоялъ на своемъ, что такъ по-нѣмецки нельзя сказать. Это показало мнѣ, до какой степени проникъ въ плоть и кровь нѣмецъ протестантскій раціонализмъ, не допускающій даже выраженія въ словѣ сдѣлавшейся ему чуждою идеи.

Такимъ образомъ, моя придворная служба окончилась. Началась служба приходская. Висбаденъ, какъ мѣсто водъ и рулетки, самъ по себѣ привлекалъ къ себѣ много русскихъ, но, кромѣ того, онъ находится почти въ центрѣ особенно посѣщаемыхъ водъ, какъ Швальбахъ, Шлангенбадъ, Эмсъ, Крейцнахъ, Соденъ. Для всѣхъ этихъ мѣстностей висбаденская церковь служила прибѣжищемъ молитвъ и требъ церковныхъ. Поступивъ въ Висбаденъ молодымъ священникомъ, я не имѣлъ еще случая совершать многихъ требъ церковныхъ. Первые крестины, которыя мнѣ довелось совершить, были въ семействѣ В. А. Жуковскаго и князя А. А. Суворова, которые оба проживали въ это время во Франкфуртѣ. Помню, какъ князь Суворовъ боялся за свою маленькую дочку, чтобы молодой неопытный священникъ не утопилъ ее въ купели. По обычаю, онъ и его супруга удалились изъ комнаты, въ которой совершались крестины, и когда настала минута погружать младенца, они оба насторожили слухъ, и къ ихъ великому ужасу слышно было только плесканіе воды, но мла-

денецъ не подалъ голосу ни передъ погруженіемъ, ни послѣ того. Случилось такъ, что младенецъ спалъ и даже не проснулся при погруженіи въ теплую воду. Но несмотря на этотъ естественный страхъ, князь—русскій въ душѣ и жизни, не осмѣлился нарушить отеческаго преданія, по которому родители не присутствуютъ при крещеніи дѣтей ихъ. Когда вслѣдъ затѣмъ были у Жуковскаго крестины его новорожденного сына Павла и зашла рѣчь объ этомъ страхѣ присутствовавшего при этомъ князя Суворова, Василій Андреевичъ рассказалъ очень характерный для того времени анекдотъ.

— Въ одну поѣздку съ наслѣдникомъ ¹⁾ по Россіи,—говорилъ онъ—остановились мы въ одной деревнѣ. У священника этого села какъ разъ были крестины, и онъ просилъ чрезъ меня его высочество быть воспріемникомъ его новорожденного. Наслѣдникъ согласился и поручилъ мнѣ быть его представителемъ при крестинахъ. Конечно, былъ приглашенъ для этого сосѣдній священникъ. Нашъ батюшка, какъ хозяинъ, хлопоталъ вокругъ своего новорожденного и не замѣтилъ, какъ начался обрядъ крещенія. Но вдругъ опомнившись, онъ опроретью бросился изъ комнаты и скрылся. Послѣ крестинъ я спрашиваю его:—«Скажите, батюшка, отчего это отецъ не можетъ присутствовать при крещеніи своего ребенка?»—И что жъ, вы думаете, онъ мнѣ отвѣтилъ?—«Совѣстно, ваше превосходительство!» И Жуковскій залился при этомъ своимъ добрымъ смѣхомъ, прибавивъ:—«точно онъ напакостилъ тутъ!»

При этомъ и Суворовъ, и Жуковскій оба обратились ко мнѣ за изясненіемъ этого непонятнаго обычая. Я отвѣчалъ, что другаго основанія для этого нельзя придумать, какъ то, чтобы при крещеніи дать болѣе значенія воспріемникамъ, которые дѣлаются, по выраженію нашего народа, крестнымъ отцемъ и крестною матерью новокрещеннаго.

Мнѣ не разъ послѣ приходилось бесѣдовать съ В. А. Жуковскимъ о подобныхъ предметахъ. Консервативный въ своихъ вѣрованіяхъ, онъ любилъ осмыслить каждое дѣйствіе, каждый обычай церковный. Для него авторитетъ церкви былъ святъ, и онъ старался держаться его даже въ такихъ вещахъ и предметахъ, которые сами по себѣ допускали свободное разсужденіе. Помню, какъ-то разъ мы разговорились съ нимъ о загробной жизни и дошли до мысли о возможности распредѣленія людей по воскресеніи по различнымъ планетамъ, какъ вдругъ онъ самъ остановилъ себя словами:—«но объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, когда церковь ничего намъ не сказала о томъ».

Мои воспоминанія о Жуковскомъ были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», и потому я не повторяю ихъ здѣсь. Припомню только одно

¹⁾ Вослѣдствіи императоромъ Александромъ II.

обстоятельство, назидательное для меня самого. Какъ первыя крестины для меня были въ домѣ Жуковскаго, такъ и первая исповѣдь, которую мнѣ пришлось совершать, была также надъ нимъ. Я не забуду, какъ меня, молодого и неопытнаго духовника, подавлялъ собою авторитетъ этого тогда уже маститаго поэта, котораго мы изучали въ школахъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ корифеевъ нашей отечественной литературы. Выслушавъ его глубокую, можно сказать, высоко-христіанскую исповѣдь, я не могъ ему ничего другаго сказать, какъ сознаться въ своей молодости и пастырской неопытности передъ нимъ. Въ отвѣтъ на это онъ поцѣловалъ мнѣ руку, сказавъ:—«лучше этого урока смиренія вы и не могли мнѣ преподать».

Вскорѣ мнѣ пришлось въ семействѣ же Жуковскаго познакомиться и съ другимъ нашимъ литературнымъ художникомъ Н. В. Гоголемъ. Это было время начинавшейся его нервно-нравственной болѣзни. Разъ я получилъ отъ него изъ Франкфурта записку такого содержанія: «Пріѣзжайте ко мнѣ причастить меня, я умираю». Пріѣхавъ на этотъ зовъ въ Sachsenhausen (зарѣчная сторона Франкфурта, гдѣ жилъ Жуковскій), я нахожу мнимо умирающаго на ногахъ, и на мой вопросъ, почему онъ считаетъ себя такимъ опаснымъ, онъ протянулъ мнѣ руки со словами:

— Посмотрите! совсѣмъ холодныя!

Однако, мнѣ удалось убѣдить его, что онъ совсѣмъ не въ такомъ болѣзненномъ состояніи, чтобы причащаться на дому, и уговорилъ его пріѣхать въ Висбаденъ поговѣть, что онъ и исполнилъ. При этомъ случаѣ, бывши у меня въ кабинетѣ и разсматривая мою бібліотеку, онъ замѣтилъ и свои сочиненія.

— Какъ! — воскликнулъ онъ чуть не съ испугомъ,—и эти несчастныя попали въ вашу бібліотеку!

Это было именно то время, когда онъ раскаявался во всемъ, что имъ было написано. Потомъ онъ заѣхалъ ко мнѣ по пути изъ Эмса. Рассказывая, что онъ встрѣтилъ тамъ такъ много русскихъ дамъ, сдѣлалъ замѣчаніе, что вѣрно у русскихъ женщинъ такая ужъ дрянная натура, что имъ чаще другихъ приходится отправляться въ Эмсъ на лѣченіе.

— И все это нашъ славный Петербургъ тому виною!—замѣтилъ онъ.

Случилось потомъ мнѣ и еще встрѣчать его у Жуковскаго, но онъ былъ мраченъ, почти ничего не говорилъ и больше ходилъ по комнатамъ, слушая наши разговоры.

Лѣто 1845 года князь Суворовъ провелъ съ своимъ семействомъ въ Висбаденѣ, и здѣсь съ нимъ былъ случай, о которомъ онъ любилъ рассказывать. Поспорилъ онъ за что-то съ своею прачкою. Та подала на него жалобу въ полицію, и князя Суворова присудили къ денежному штрафу.

Въ этомъ же году, 26-го августа мы обрадованы были рожденіемъ нашего первенца Александра, для крещенія котораго я просилъ пріѣхать дядю моей жены, протоіерея Сабинина, изъ Веймара. Такъ мнѣ было дико самому крестить своихъ дѣтей. Впослѣдствіи, я не только самъ крестилъ своего втораго сына, но даже исповѣдывалъ свою жену. Практика заграничной службы скоро дала себя знать. Предоставленный самому себѣ, заграничный священникъ принужденъ бываетъ рѣшать дѣла самыя затруднительныя, на которыя въ Россіи ни одинъ священникъ не рѣшился бы безъ совѣта съ мѣстнымъ владыкою или безъ разрѣшенія консисторіи. Теперь еще есть телеграфы, посредствомъ которыхъ можно выпутаться изъ бѣды, а тогда нужны были недѣли и мѣсяцы для полученія отвѣта по спѣшному дѣлу. Въ доказательство того, какъ въ то время медленно и съ какими затрудненіями велись дѣла, достаточно указать на случай перевозки тѣлъ умершихъ русскихъ въ Россію. Кромѣ долгой переписки съ русскимъ правительствомъ, нужно было заручиться разрѣшеніемъ для провоза тѣла отъ всѣхъ тѣхъ нѣмецкихъ властей, чрезъ владѣнія которыхъ долженъ будетъ совершаться перевозъ. А при тогдашнемъ раздѣленіи Германіи на множество мелкихъ государствъ, это была не шутка. Такъ, на пути отъ Франкфурта до Берлина, при отсутствіи еще желѣзныхъ дорогъ, приходилось, кромѣ территоріи этого вольнаго города, коснуться и Нассау, и Гессенъ-Гомбурга, и курфюршества Гессенскаго, и множества разныхъ саксонскихъ княжествъ; такъ что проходило полгода, пока можно было собрать разрѣшенія отъ всѣхъ этихъ самостоятельныхъ государствъ на провозъ покойника.

Большею частію приходилось имѣть дѣло съ умирающими соотечественниками въ Эмсѣ, куда нерѣдко высылали русскіе доктора больныхъ въ послѣдней степени развитія чахотки. Такъ какъ въ то время телеграфовъ еще не существовало, то нерѣдко среди ночи приходила эстафета съ приглашеніемъ къ умирающему, и надо было брать почтовыхъ, чтобы спѣшить застать еще въ живыхъ больного. Но нѣмецкая *postchaise* далеко не то, что наша перекладная. Никакой нѣмецкій почталъонъ не поторопится сдѣлать больше положенной мили въ часъ. По этому случаю припоминается мнѣ анекдотъ, случившійся къ княземъ Горчаковымъ, въ то время бывшимъ уже канцлеромъ Россійской имперіи, о которомъ онъ самъ любилъ рассказывать. Это было въ шестидесятыхъ годахъ, во время пребыванія государя въ Киссингенѣ. Князь Горчаковъ находился въ свитѣ государя. Въ Швейнфуртѣ, послѣднюю станцію желѣзной дороги передъ Киссингеномъ, были высланы парадные экипажи для принятія гостей: для членовъ Императорской фамиліи придворные экипажи баварскаго короля, а для свиты наняты коляски съ почтовою упряжью. Для князя Горчакова поданъ былъ экипажъ,

на козлахъ котораго возсѣдалъ великолѣпный баварскій почталъонъ въ нѣжно-голубомъ костюмѣ съ серебряными позументами (баварскій національный цвѣтъ). Едва только экипажъ оставилъ станцію желѣзной дороги, какъ почтовые лошади пошли шагомъ, по причинѣ незначительнаго подъема. Князь, недовольный такою невнимательностью къ своей особѣ, попросилъ своего спутника (кажется, Гамбургера) сказать кучеру, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе. Но тотъ, несмотря на то, что зналъ, какую знатную особу везетъ, преспокойно обернулся въ полъ-оборота къ своимъ пассажирамъ съ словами: «Haben Sie Eile? Ich habe keine!» и, соскочивъ съ козелъ, пошелъ рядомъ съ лошадьми, чтобы облегчить имъ подъемъ на пригорокъ.

Въ этомъ анекдотѣ характеризуется весь строй соціальной жизни нѣмцевъ, для которыхъ законъ, какъ дѣло, выше всякихъ отношеній къ личности, какъ формальности. Я разъ былъ также пораженъ, когда одинъ простой Postknecht бросилъ шапку на землю съ словами: «послѣ этого я не хочу жить на свѣтѣ», оттого только, что станціонный смотритель потребовалъ отъ него какого-то незначительнаго отступленія отъ правилъ упряжи почтовыхъ лошадей. Мы, русскіе, съ своей широкой натурой, смотримъ съ проницательнымъ состраданіемъ на эту узкость нѣмецкаго характера, а между тѣмъ на этой мелочности уваженія къ закону зиждется такъ прочно гражданскій строй жизни въ Германіи.

Въ самомъ Висбаденѣ приходилось имѣть дѣло только съ русскими, наѣзжавшими туда не столько для лѣченія, сколько для развлеченія. Припоминаю одно характерное знакомство съ извѣстнымъ на русской балетной сценѣ артистомъ Гольцемъ. Прежде всего я съ удивленіемъ встрѣтилъ въ немъ настоящаго русскаго человѣка, православнаго и благочестиваго. Заходя часто ко мнѣ послѣ службы въ нашей церкви, разъ онъ удивилъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Позвольте,—говорилъ онъ мнѣ,—сдѣлать вамъ по дружбѣ одно замѣчаніе. Вы — молодой священникъ и служите съ такимъ увлеченіемъ, что предупреждаю васъ — это можетъ болѣзненно отозваться на вашемъ здоровьѣ. Я говорю вамъ это, какъ опытный мастеръ своего дѣла. Въ нашемъ искусствѣ также бываютъ увлеченія, и я всегда предостерегаю молодыхъ людей не увлекаться слишкомъ своимъ дѣломъ.

Но жить въ Германіи и обращаться исключительно только въ обществѣ русскихъ соотечественниковъ мнѣ казалось недостаточнымъ. Хотѣлось познакомиться и сойтись съ мѣстными жителями, войти въ ихъ образъ жизни, узнать поближе ихъ взгляды. Для этого я съ самаго начала постарался сдѣлать визиты мѣстнымъ пасторамъ и нѣсколькимъ лицамъ изъ общества. По русскому обычаю, какъ человѣкъ семейный, я думалъ распространить это знакомство и на ихъ семейства. Съ этою цѣлю я пригласилъ избранныя мною лица къ себѣ на обѣдъ. Всѣ они

любезно приняли это приглашеніе и откушали у меня. Но затѣмъ проходятъ недѣли, а мы не видамъ нашихъ знакомыхъ. Наконецъ, я получилъ отъ одного изъ пасторовъ, обѣдавшихъ у меня съ супругою, приглашеніе пожаловать завтра въ 7 часовъ вечера въ такую-то гостиницу. Ну, думаю себѣ, они вѣрно въ складчину устроили обѣдъ или ужинъ въ гостиницѣ. Однако, отчего же только меня одного приглашаютъ, а мою жену нѣтъ? Вѣрно задаютъ холостой обѣдъ. На другой день иду въ назначенную гостиницу и застаю тамъ уже нѣсколько изъ моихъ знакомыхъ за столомъ, вовсе не накрытымъ. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ бутылка вина. Не успѣлъ я присѣсть, какъ ко мнѣ подходитъ трактирный слуга съ вопросомъ, какого мнѣ угодно вина? Въ замѣшательствѣ я указалъ на бутылку сосѣда, и мнѣ подали такого же. Между тѣмъ, подходятъ другіе мои знакомые, и каждый себѣ спрашиваетъ бутылку вина. Завязывается разговоръ, длится довольно долго. Наконецъ, одинъ встаетъ, платитъ за свою бутылку и уходитъ. Потомъ другой, и третій дѣлаетъ то же самое. Наконецъ, и я заплатилъ за свою бутылку и пошелъ домой, размышляя дорогою, что же это значить? А значило это то, что нѣмцы хотѣли мнѣ дать практической урокъ, какъ они живутъ и какъ надо жить, если хочешь вести съ ними знакомство. Такъ какъ въ Германіи, особенно южной, семейной жизни въ томъ смыслѣ, какъ мы ее привыкли понимать, вовсе не существуетъ, то мѣстами собранія и свиданія мужчинъ служатъ трактиры, а для ихъ женъ и дочерей — кофейни. Русскому не только трудно, но даже невозможно вжиться въ такую жизнь, поэтому и моя попытка завести знакомство съ нѣмцами кончилась ничѣмъ не только для Висбаденской моей жизни, но и на все остальное время моего долгаго пребыванія въ Германіи. Зато, какъ сами нѣмцы, попробовавшіе русской жизни, къ ней привыкаютъ и ее цѣнятъ! У меня въ Висбаденѣ было одно только семейное знакомство съ нѣмцемъ. Это былъ одинъ нѣмецкій пасторъ, прослужившій 20 лѣтъ въ Петербургѣ и удалившійся на покой въ Германію. Онъ самъ говорилъ, что послѣ русской жизни онъ уже не можетъ вести знакомства съ мѣстными жителями. Ему уже дико казалось, оставивъ семейство, идти вечеромъ въ трактиръ, чтобы тамъ, и только тамъ, видѣться съ своими пріятелями и знакомыми.

Не найдя себѣ пици въ живомъ общеніи съ нѣмцами, я съ тѣмъ болѣшимъ усердіемъ принялся за изученіе ихъ умственной и религиозной жизни изъ книгъ, ученыхъ и церковныхъ журналовъ. Здѣсь открылось мнѣ обширное поле для наблюденія надъ внутреннею жизнью этого народа, который въ отдѣльныхъ личностяхъ вращался предъ моими глазами. Если гдѣ болѣе всего отвлеченныя теоріи переплетаются крѣпко и неразрывно съ дѣйствительною жизнью, то это конечно въ Германіи. Мнѣ пришлось наблюдать это близко, можно ска-

зять, непосредственно въ самый разгаръ умственнаго движенія нѣмцевъ. То были годы, предшествовавшіе революціи 1848 года. Находившійся тогда еще подъ строгимъ режимомъ меттерниховской политики, народъ нѣмецкій рвался на свободу. До сихъ поръ ему предоставлена была только свобода науки въ стѣнахъ университетовъ. Но и самый мудрый Меттернихъ проглядѣлъ, какъ эти свободныя идеи мало-по-малу прокрадывались въ жизнь и скоро охватили всю массу народа, почувствовавшего вдругъ тяготу опеки, подъ которою его продолжали держать нѣмецкія правительства. Подъ гнетомъ цензуры мысль объ этомъ не смѣла появиться наружу, и вотъ она нашла себѣ исходъ въ церковномъ движеніи. Никогда, кажется, не нарождалось съ такою быстротою столько новыхъ сектъ въ протестантской церкви, какъ въ эти годы, предшествовавшіе революціи. Достаточно было въ Триерѣ выставить на поклоненіе нетлѣнный хитонъ Господень, какъ явился Ронге съ своимъ протестомъ и въ короткое время основалъ новокатолическую церковь. Довольно было потѣснить въ Пруссіи лютеравъ, чтобы появиться такъ называемымъ свободнымъ общинамъ, которыя всѣ вмѣстѣ съ общиною Ронге, при первомъ раздавшемся громѣ революціи, превратились въ политическіе клубы, въ которыхъ вмѣсто религиозныхъ гимновъ стали распѣвать революціонерныя пѣсни. Но пока до этого не дошло, религиозно-философское движеніе совершалось на почвѣ церковной жизни, и слѣдить за этимъ движеніемъ было чрезвычайно интересно.

Но все это знать и видѣть, не имѣя возможности съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими впечатлѣніями, было очень тяжело. Писать ли обо всемъ этомъ? Я писалъ, но писалъ для себя. Тогда не такое было время, чтобы написанное можно было и печатать. У насъ боялись давать знать о чемъ-нибудь соблазнительномъ, происходившемъ даже за предѣлами Россіи. А что дѣлалось внутри Россіи, о томъ вѣдалось только въ тайной полиціи. Я помню, когда я привезъ съ собою въ Россію выписку изъ только-что появившейся въ 50-хъ годахъ книги бар. Гакстгаузена о Россіи касательно нашихъ раскольническихъ сектъ, то тестъ мой, протоіерей Кочетовъ, бывший профессоромъ церковной исторіи въ Петербургской академіи, обрадовался этому, какъ кладу. Такъ у насъ тогда секретничали на счетъ этого, что Липранди зналъ больше о русскомъ расколѣ, чѣмъ профессоръ церковной исторіи въ высшемъ духовномъ заведеніи. Поэтому мнѣ и думать было нечего о сообщеніи своихъ наблюденій надъ церковною жизнью въ Германіи въ какой-нибудь изъ русскихъ церковныхъ журналовъ, какъ это дѣлается теперь.

По счастью, бывший тогда директоромъ духовно-учебнаго управленія, К. С. Сербиновичъ, приглашалъ циркуляромъ всѣхъ заграничныхъ

нашихъ священниковъ участвовать своими трудами въ издаваемомъ подъ его главною редакцію журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Воспользовавшись этимъ, я сталъ писать ему свои наблюденія, изъ которыхъ онъ хотя и ни одного не напечаталъ, но ободрялъ меня продолжать мои, какъ онъ выражался, интересныя сообщенія, говоря, что они читаются съ большимъ вниманіемъ членами Св. Синода. Ободренный этимъ, я началъ составлять цѣлыя трактаты и о религіозномъ движеніи въ Германіи, и обзоры догматической науки и литературы и обзорнія журналовъ и періодическихъ изданій духовнаго и церковнаго содержанія по годамъ. Все это такъ и осталось гдѣ-нибудь въ архивахъ, а можетъ быть и совсѣмъ затерялось. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось съ моимъ обзоромъ философско-догматическаго ученія въ Германіи въ связи съ политическими событіями 1848 года, написаннымъ мною для покойнаго митрополита Григорія по его собственному желанію. Спустя годъ послѣ его смерти, мнѣ былъ присланъ чрезъ консисторію запросъ, не находится ли у меня черновой этой статьи, и не могу ли я воспроизвести ее. Но, къ сожалѣнію и стыду своему, я долженъ сознаться, что никогда черновыхъ сочиненій у меня не имѣлось. Это остатокъ еще академической небрежности, когда я писывалъ свои разсужденія прямо на-бѣло, имѣя подъ рукою одни только матеріалы.

Въ годы, предшествовавшіе революціи 48 года, было еще много русскихъ за границею и большею частію людей высшаго и образованнаго сословія. Съ ними можно было мѣняться и своими думами, а думы въ старые годы душили русскаго человѣка на чужбинѣ. Помню я одинъ такой вечеръ, прекрасный южный вечеръ, когда мы съ покойной женою, смотря въ окно, чуть не плакали, жадуясь на судьбу, забросившую насъ въ чужой край. Но эта тоска—болѣзнь преходящая. Тѣ же думы, которыя навѣваетъ на мыслящаго человѣка его жизнь среди чужихъ, снѣдаютъ душу необъяснимымъ жаромъ желанія добра своей родинѣ и вмѣстѣ досадою, зачѣмъ на родинѣ не все такъ хорошо, какъ бы хотѣлось. Каждый изъ русскихъ, бывавшихъ за границею не мимоѣздомъ только, испытывалъ на себѣ подобное сожалѣніе о своемъ отечествѣ. Но вотъ, что удивительно, и что я испытывалъ на себѣ самомъ. Эти тревожныя думы умчатыя сами собою, когда пріѣдешь въ Россію и проживешь тамъ нѣсколько времени. Но зато, когда опять переѣдешь родную границу, онѣ встаютъ въ душѣ съ новою силою. Приписать ли это тому, что кипучая обывденная жизнь такъ захватываетъ человѣка, что ему нѣтъ времени дать себѣ отчетъ во всемъ, происходящемъ вокругъ него, или отъ того, что въ этой окружающей средѣ не находится отголоска на эти думы, навѣянные сравненіемъ своего роднаго быта съ чужимъ, упорядоченнымъ и виѣдрившимся въ плоть и кровь другихъ народовъ. Я себѣ объясняю это такъ: когда стоишь передъ какою-нибудь

огромною картиною, на которой подъ кистью художника кипитъ жизньъ въ разнообразныхъ формахъ, видишь только отдѣльныя группы и въ нихъ фигуры, на лицахъ которыхъ изображены чувства или мысли, но общаго впечатлѣнія отъ нея не получалось, пока не отойдешь подальше, чтобы обнять однимъ взглядомъ весь эффектъ изображенія, всю мысль художника. Такъ и съ этими патриотическими думами. Пока находимся сами въ этомъ водоворотѣ жизни, увлекаемся и занимаемся одними отдѣльными явленіями, и мысль, если и возмущается на время тѣмъ или другимъ безобразіемъ, но скоро и опять засыпаетъ подъ впечатлѣніемъ новыхъ и новыхъ явленій. Но когда самъ оторвешься отъ этой среды и глядишь уже на совершающееся хотя и не предъ глазами, такъ сказать, съ птичьаго полета, все кажется яснѣе, и начало и конецъ каждаго явленія, а также и средства предупредить или исправить зло. У нѣмцевъ есть пословица: *Vor lauter Bäumen sieht man den Wald nicht* ¹⁾. Эта пословица особенно приложима къ нашимъ заправителямъ, которые дѣйствительно видятъ больше деревья, чѣмъ самый лѣсъ.

Въ числѣ знаменитыхъ русскихъ того времени мнѣ случилось встрѣтиться съ графомъ Блудовымъ, возвращавшимся изъ Рима, куда онъ ѣздилъ для заключенія конкордата съ папою; А. Н. Муравьевымъ, тоже послѣ его поѣздки въ Римъ, которую онъ потомъ описалъ въ своихъ римскихъ письмахъ; М. П. Погодинымъ и съ другими. Блудова я встрѣтилъ въ семействѣ Жуковскаго во Франкфуртѣ. Помню, какъ онъ стыдилъ его за то, что дѣти его тогда не говорили по-русски.

— Вотъ посмотрите, — говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — нашъ русскій Бардъ, нашъ Гомеръ, который читаетъ свою Одиссею среди семьи своей, и семья его не понимаетъ. Самъ онъ подслушалъ Гомера, не понимая ни слова по-гречески. Но тутъ его не поймутъ ни жена, ни дѣти, какъ бы звучно онъ ни читалъ имъ эту эпопею.

Бѣдный Жуковскій въ отвѣтъ на это показывалъ ему и мнѣ придуманныя имъ самимъ таблицы, по которымъ онъ собирался учить дѣтей своихъ по-русски.

Съ А. Н. Муравьевымъ, посѣтившимъ меня въ Висбаденѣ, произошелъ у меня разговоръ на счетъ мнимаго главенства царя надъ русскою церковью. Я доказывалъ ему, что у насъ, по крайней мѣрѣ въ то время, это главенство существовало, если не *de jure*, то *de facto*, и привелъ ему въ примѣръ случай, бывший со мною. При окончаніи курса въ академіи, я писалъ диссертацию на степень магистра богословія на тему объ англиканской церкви сравнительно съ православною, и тутъ я прямо указалъ на отличіе нашей церкви въ томъ, что мы не признаемъ главенства царя надъ церковью, между тѣмъ какъ въ англиканской, по про-

¹⁾ Изъ-за деревьевъ лѣсу не видно.

тестантскому принципу, король есть глава церкви, затѣмъ Episcopus. Сдавши эту диссертацию, я отправился спокойно отдыхать въ семейство моего тогда еще будущаго тестя, протоіерея Кочетова, какъ вдругъ является ко мнѣ курьеръ изъ академіи съ требованіемъ, чтобы я немедленно явился къ инспектору, которымъ тогда былъ архимандритъ Іосифъ. Когда я къ нему явился, онъ встрѣтилъ меня такими словами:

— Что это вы написали въ вашей диссертациі, что у насъ царь не есть глава церкви. Вѣдь вамъ за это не дадутъ степени магистра!

На мой скромный вопросъ: «Но развѣ это не такъ?» онъ отвѣчалъ:

— Да этого нельзя говорить! Не позволять! Вотъ возьмите вашу диссертацию и переименуйте это мѣсто, или вовсе объ немъ не говорите.

Когда я это рассказалъ Муравьеву, онъ пришелъ въ сильное негодованіе.

— Все это графъ Протасовъ! Онъ отдастъ за это и за многое отвѣтъ Богу!

И въ заключеніе мнѣ сказалъ:

— Я вамъ даю честное слово, только что я ворочусь въ Россію, я напишу и напечатаю прямо, что это клевета, что государь у насъ не есть глава церкви!

И дѣйствительно, онъ исполнилъ свое слово, напечатавъ объ этомъ статью, которую онъ прислалъ мнѣ, а я поспѣшилъ ее перевести на нѣмецкій языкъ и отослалъ въ одну изъ церковныхъ протестантскихъ газетъ, гдѣ она и была напечатана съ именемъ автора ея. При этомъ же свиданіи Андрей Николаевичъ напалъ на меня за нарушеніе поста за границую. Напрасно я защищался трудностью доставать постную провизію и неумѣніемъ кухарки стряпать постную пищу. Онъ указывалъ на собственный примѣръ.

— Вотъ я, говорилъ онъ, живу и по гостиницамъ, а въ постные дни питаюсь салатомъ. Смотрите жъ, скажите и вашей Евѣ, чтобы она васъ не соблазняла.

— Наконецъ, — говорю я, — пища эта такъ безразлична, что никого не соблазняетъ.

— Но, — возразилъ онъ, — вы сами соблазняетесь.

— Тогда, — отвѣтилъ я, — не имамъ ясти мяса во вѣки.

Этотъ разговоръ остался для меня памятенъ особенно потому, что онъ сдѣлался руководствомъ въ моей заграничной жизни, а именно, когда бывали случаи дѣйствительно соблазнить брата своего яденіемъ, я воздерживался отъ нарушенія поста, въ остальныхъ же случаяхъ полагался на слова апостола Павла: «Пища не приближаетъ насъ къ Богу, ибо ѣдимъ ли мы, ничего не приобретаемъ, не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ» (Кор. г. 2).

Но въ толпѣ русскихъ, наводнявшихъ тогда чужіе края, встрѣчались и представители русскаго неряшества и тогдашняго рабовладѣнія,

за которыхъ приходилось красѣть предъ иностранцами. Такъ, прїѣхавши разъ во Франкфуртъ, я былъ пораженъ такою сценою. На главной улицѣ этого тогда вольнаго города, передъ лучшею гостиницею (Hotel de Russie) собралась толпа народа. Когда я подошелъ поближе, то увидѣлъ русскій тарантасъ, набитый перинами и подушками, на козлахъ сидитъ подлѣ кучера босоногая дѣвка, а у дверецъ экипажа грязный и оборванный лакей стараго времени,—изъ дверецъ выглядываетъ растрепанная голова барыни, которая на французскомъ языкѣ торгуется съ содержателемъ гостиницы, который выбѣжалъ окруженный кельнерами во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Вздохнешь невольно при видѣ такой сцены, особенно когда слышенъ вокругъ говоръ нѣмцевъ: diese Varbaren. А эти варвары дѣйствительно прїѣхали изъ глуши Казанской губерніи, привезли съ собою на показъ Европѣ всю грязь своего домашняго быта. Немудрено, что репутація варварства русскихъ такъ долго держалась, да и теперь еще по временамъ проявляется въ Европѣ на счетъ насъ грѣшныхъ.

Въ другой разъ въ самомъ Висбаденѣ мнѣ случилось на улицѣ встрѣтить такого русскаго помѣщика, за которымъ по пятамъ слѣдовалъ его рябой и грязный лакей. Этотъ господинъ остановилъ меня и ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ сталъ спрашивать, гдѣ здѣсь живетъ русскій священникъ. Не сомнѣваясь, что я имѣю передъ собою дорогаго соотечественника, я прямо по-русски отвѣчаю ему, что я—русскій священникъ. Видя меня въ сюртукѣ и безъ бороды, онъ еще разъ переспросилъ меня на счетъ русскаго священника, и когда еще разъ увѣрилъ его, что я—священникъ,—онъ отступилъ на два шага и, захохотавъ во все горло, обратился къ своему лакею со словами:

— Васька, посмотри-ка. Это вишь русскій священникъ, и опять залился смѣхомъ. Я нисколько не оскорбился тѣмъ, что русскому чело-вѣку такъ смѣшно показалось видѣть священника въ сюртукѣ и безъ бороды. Но что меня поразило, это то, что лакей его, услышавъ, что я священникъ, сейчасъ же снялъ шапку и подошелъ ко мнѣ подѣ благословеніе. Этотъ случай заставилъ меня не разъ и послѣ раздуматься надъ тѣмъ, какъ въ русскомъ простомъ чело-вѣкѣ сущность дѣла возвышается надъ формою, и какъ наоборотъ наша интеллигенція все подводитъ подѣ форму, упуская изъ виду самую суть. Сколько мнѣ было случаевъ слышать отъ нашихъ руководителей и заправителей подобнаго рода отвѣты на самыя существенныя реформы въ нашемъ быту:— «А что скажетъ народъ?» И всегда мнѣ приходилъ на память при этомъ Васька.— «Вотъ что скажетъ народъ». Покажите ему переодѣтаго въ ризу самозванца, онъ его растерзаетъ за кощунство, а укажите ему на власть, хоть бы и разоблаченную отъ своихъ регалій, онъ сниметъ передъ нею шапку.

Въ эти немногіе годы до революціи приходилось мнѣ нерѣдко входить

въ соприкосновеніе и съ высочайшими особами, какъ изъ нашего царствующаго дома, такъ и съ иностранными. Разъ меня пригласили въ Эмсъ для служенія молебна 25-го іюня въ день рожденія государя Николая Павловича. Въ Эмсѣ находились въ это время: великая княгиня Марія Павловна, великая герцогиня Веймарская, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и тогдашній принцъ прусскій, а впоследствии императоръ германскій. Всѣ они присутствовали на молебнѣ, послѣ котораго и были приглашены къ высочайшему завтраку. Здѣсь подошелъ ко мнѣ принцъ прусскій и сталъ шутить надъ многократнымъ и безконечнымъ поминаніемъ царской фамиліи на нашихъ службахъ.

— Вамъ бы,—говорилъ онъ смѣясь,—государь долженъ былъ прибавлять жалованье при рожденіи каждаго новаго члена царской семьи.

1847-й годъ памятенъ мнѣ по семейнымъ воспоминаніямъ. Въ этотъ годъ родился у меня второй сынъ Павелъ, и вмѣстѣ съ его рожденіемъ захворала моя жена грудною болѣзью, которая черезъ три года свела ее въ могилу. Послѣ безмятежной семейной жизни и пріятныхъ служебныхъ занятій теперь пришлось мнѣ испытать заразъ всѣ невзгоды жизни въ чужой сторонѣ, среди чужихъ людей. Заболѣвшую жену съ старшимъ сыномъ пришлось отправить въ Эмсъ, а новорожденнаго оставить дома на рукахъ нѣмки-няньки; самому же мнѣ надо было ѣхать въ Гейдельбергъ, куда меня потребовали къ умирающей Чернышевой-Кругликовой. Вообще, Висбаденская церковь имѣетъ у себя большой и разсѣянный на огромномъ пространствѣ приходъ. Находясь въ срединѣ водъ, преимущественно посѣщаемыхъ русскими, Висбаденская церковь должна была въ то время удовлетворять нуждамъ русскихъ и въ Гейдельбергѣ, и въ Баденѣ, и въ Страсбургѣ, и по всему протяженію Рейна, такъ что нерѣдко бывало, что священникъ, воротившись съ требы изъ одного мѣста, тутъ же на желѣзной дорогѣ получалъ приглашеніе ѣхать въ другую сторону и, не заходя домой, отправляться опять въ дорогу. Такъ случилось и со мной въ то время. Воротившись послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія изъ дому, я нахожу моего маленькаго умирающимъ на рукахъ няньки, а изъ Эмса извѣстіе объ ухудшеніи здоровья моей больной жены. Все это такъ меня встревожило, что я самъ захворалъ и слегъ въ постель. А тутъ, въ самомъ Висбаденѣ неотложныя требы для русскихъ. Но Богъ помогъ выбраться изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Маленькому сыскали сейчасъ же кормилицу, и онъ ожилъ. Самъ я, благодаря еще молодымъ силамъ (мнѣ тогда было только 28 лѣтъ), скоро поправился, справилъ ожидавшія меня требы въ Висбаденѣ и отправился въ Эмсъ. Здѣсь только я сообщилъ женѣ о всѣхъ постигшихъ меня невзгодахъ, которыя были отъ нея скрыты, чтобы ее не тревожить, и здѣсь же я узналъ отъ доктора, лѣчившаго мою жену, смертныя приговоры ей, такъ какъ, по его словамъ, къ сожалѣнію, оправдавшимся на дѣлѣ, она могла еще бороться нѣсколько времени съ своею болѣзью,

но побѣдить ее не было возможности. И дѣйствительно, при самомъ началѣ пользованія эмскими водами у ней обнаружилась лихорадка, и лѣчение надо было прекратить. Вернувшись въ Висбаденъ, мы окрестили ожившаго теперь нашего малютку. Воспріемникомъ при его крещеніи былъ одинъ полковникъ Кублицкій, о которомъ у меня сохранилось живое воспоминаніе особенно по его чудесному обращенію ко Христу. Это былъ человѣкъ свѣтской жизни и, по его собственнымъ словамъ, озлобленный противъ Бога.

— Была въ Россіи холера,—такъ рассказывалъ о себѣ Кублицкій,—и въ моей деревнѣ, одной во всей окрестности, страшно умирали люди и все лучшіе изъ моей дворни. Умеръ столяръ, умеръ кузнецъ. Разъ приходятъ ко мнѣ и говорятъ: умеръ Иванъ (или Петръ), который былъ у меня правымъ глазомъ и правою рукою во всемъ имѣніи. Тогда я сорвалъ съ себя шапку, бросилъ ее на землю и, обратившись съ кулаками къ небу, произнесъ страшное богохульство противъ Провидѣнія.

Послѣ этого онъ уѣхалъ съ женою своею за границу и гдѣ-то на югѣ Франціи, объѣвши, по его собственнымъ словамъ, перигорскими трюфелями, заболѣлъ и былъ при смерти.

— Я лежалъ,—рассказывалъ онъ,—безъ памяти. Жена сидѣла у моей постели и ждала моей смерти. Въ полуснѣ или бреду я вижу, что меня тащатъ на какую-то гору, все выше и выше, и когда я былъ уже недалеко отъ вершины, я слышу голосъ: бросьте его, онъ еще не готовъ. Меня бросили, и я полетѣлъ внизъ. Въ это время я открылъ глаза и ожилъ. Съ тѣхъ поръ слышанный мною голосъ: онъ еще не готовъ! не выходилъ изъ головы, и я все ждалъ чего-то.

Воротившись въ Германію, онъ остановился въ Карлсруэ и здѣсь встрѣтилъ одного знакомаго, барона Гюгеля, который ввелъ его въ общество піетистовъ. Здѣсь ему открыли слово Божіе, и онъ вдругъ переродился, сдѣлавшись самымъ пламеннымъ христіаниномъ. Помню одну изъ нашихъ частыхъ бесѣдъ съ нимъ на эту тему.

— Теперь,—говорилъ онъ,—я счастливъ любовію къ моему Спасителю. Каждое слово Его евангелія для меня свято. Объ одномъ только я молю Его денно и ношно, чтобы Онъ не послалъ мнѣ искушенія подставить ланиту ударившему меня въ другую. Тутъ я чувствую, что не слажу съ своимъ ветхимъ человѣкомъ и не утерплю, чтобы не вызвать на дуэль оскорбителя!

Но Богъ сохранилъ его отъ этого искушенія, и онъ умеръ тихою христіанскою кончиною, воротившись въ Россію. Достоянная супруга его, кроткая и смиренная отъ природы, была сопутницею его христіанской жизни до самой его кончины, послѣ которой она посвятила себя на христіанское служеніе своимъ ближнимъ, состоя и доселѣ (1883 г.) въ должности настоятельницы общины сестеръ милосердія, извѣстной подъ именемъ Свято-Троицкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ М. Н. Муравьевъ

и его отношенія

къ евреямъ г. Вильны въ 1863—1864 гг.

(Изъ записокъ раввина).

осредоточеніе евреевъ Сѣверо-Западнаго края въ городахъ и мѣстечкахъ, въ силу существующихъ для нихъ особыхъ узаконеній, окончательно превратило этотъ первобытно земледѣльческій элементъ въ народъ преимущественно торговый и промышленный. Указанный ему ограниченный районъ мѣстожителства естественно имѣлъ своимъ послѣдствіемъ несоразмѣрную торговую и промышленную конкуренцію въ обитаемыхъ евреями городахъ и мѣстечкахъ, вызывая всегда неравновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ. Опоздавшимъ или вновь прибывшимъ конкурентамъ приходилось додумываться до самыхъ замысловатыхъ, подчасъ весьма шаткихъ, а иногда даже совсѣмъ непохвальныхъ и унижительныхъ способовъ существованія, вызываемыхъ неумолимыми требованіями жизни. Подъ такими бытовыми условіями еврейская масса Сѣверо-Западнаго края сдѣлалась весьма удобнымъ посредническимъ орудіемъ, какъ для исполненія всякихъ экономическихъ порученій, такъ и для угожденія разнымъ шляхетскимъ прихотямъ и причудамъ преобладавшаго въ краѣ польскаго населенія.

Революціонныя затѣи поляковъ всегда были крайне противны евреямъ Сѣверо-Западнаго края, хорошо понимавшимъ чрезвычайно пренебрежительное фанатическое отношеніе къ нимъ этихъ нарушителей государственнаго порядка и отлично сознававшимъ опасность, которую грозитъ имъ это взбаламученное море, преступно и неистово тревожащее ихъ и безъ того крайне шаткое бытовое положеніе. Капиталы всѣхъ

почти болѣе состоятельныхъ евреевъ были въ рукахъ поляковъ. Смуты грозили полнымъ застоємъ торговли и промышленности, бывшихъ въ городѣ Вильнѣ почти исключительно въ рукахъ евреевъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ соціальныя и политическія вопросы совершенно были чужды низшимъ слоямъ тогдашней беспочвенной еврейской массы, жившей между небомъ и землею, въ борьбѣ съ нуждою. Юношество еврейское обучалось большей частію въ первобытныхъ хедерахъ. Только нѣсколько сотенъ этихъ юношей воспитывались въ мѣстномъ бывшемъ тогда Раввинскомъ училищѣ, въ казенныхъ для евреевъ училищахъ и отчасти въ городской гимназіи. Учившаяся въ образовательныхъ заведеніяхъ еврейская молодежь, несмотря на частыя близкія свои сношенія съ учащимися польскими юношами, усердно и обаятельно воспѣвавшими ей о фиктивномъ братствѣ, ни на минуту не поддавалась соблазну. Ни одинъ изъ еврейскихъ юношей не научился даже правильно говорить по-польски, между тѣмъ, какъ всѣ они достаточно освоились съ разговорною русскою рѣчью, а многіе изъ нихъ хорошо владѣли русскимъ литературнымъ языкомъ и печатали статьи свои въ возникшихъ тогда особыхъ еврейскихъ органахъ на русскомъ языкѣ, каковы «Разсвѣтъ», «Гакармель» и др. Смѣтливый по натурѣ народъ сей ясно сознавалъ, какому знамени ему слѣдуетъ оставаться вѣрнымъ. Это было еще тѣмъ естественнѣе, что евреи тогда признательно благоговѣли предъ священной личностью Монарха-Освободителя, безграничное человѣколюбіе котораго произвело столь важныя выгодныя измѣненія въ бытовомъ положеніи еврейскихъ его подданныхъ.

Евреи вообще не очень избалованы, чтобы не восторгаться душевно предъ каждымъ отнесеннымъ къ нимъ гуманнымъ словомъ. Намъ хорошо помнится, съ какимъ задушевнымъ чувствомъ благодарности евреи въ Вильнѣ относились къ нѣсколькимъ строкамъ, дышущимъ человѣколюбивымъ вниманіемъ къ ихъ дѣтямъ въ циркулярѣ г. попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шихматова отъ 12-го января 1863 года: «Наставники—сказано въ немъ—не оставляютъ также обратить вниманіе на искорененіе тѣхъ недостатковъ въ дѣтяхъ, которые они выносятъ изъ дому; слѣдуетъ отучать дѣтей отъ божбы, отъ суевѣрій и предрасудковъ, отъ употребленія бранныхъ словъ и не допускать обиды слабыхъ и оскорбленія евреевъ, объяснивъ, что то и другое противно и человѣколюбію и ученію христіанскому». Молодые евреи списывали себѣ эти строки и читали ихъ другъ передъ другомъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ благодарности попечителю.

Во главѣ еврейскаго общества города Вильны стояли тогда старики-купцы, чуждые всякихъ вопросовъ, кромѣ коммерческихъ. Смуты политическія были имъ крайне ненавистны уже и потому, что онѣ измѣнили нормальный ходъ торговли и вызвали полный застой въ промышлен-

ныхъ операціяхъ. Заявлять свое негодованіе къ возникшимъ противозаконнымъ затѣямъ шляхты они однако не отважились подѣ страхомъ мести отъ этой послѣдней, тѣмъ болѣе, что капиталы ихъ были въ рукахъ этихъ крамольныхъ согражданъ ихъ.

Общественнымъ же раввиномъ виленскихъ евреевъ состоялъ тогда старикъ Амстердамъ, для котораго всякое нарѣчіе не еврейское было то же, что китайское, и который, за получасовое имъ жалованье, равнодушно относился ко всему, что не касалось личныхъ его интересовъ, къ которымъ онъ былъ очень чутокъ.

Въ 1856 году начальникъ Сѣверо-Западнаго края генераль-адъютантъ Назимовъ, согласно высочайшему повелѣнію отъ 3-го мая 1855 года, распорядился объ избраніи виленскимъ еврейскимъ обществомъ раввина изъ окончившихъ десятилѣтній курсъ Раввинскаго училища. Избранъ былъ на эту должность кандидатъ въ раввины Е. Каганъ, но онъ скоро скончался за границею, куда отправился лѣчиться отъ болѣзни. Начальство въ 1860 году распорядилось о возобновленіи выбора раввина, по которому былъ избранъ пишущій эти строки, состоявшій тогда на должности раввина въ Вѣлостокѣ. Начальникъ края все-таки предоставить мнѣ выборъ: оставаться ли на раввинской должности въ Вѣлостокѣ, или же перейти на эту должность въ Вильну. Я предпочелъ переѣхать въ родной свой городъ Вильну, считавшійся издавна центромъ еврейской интеллигенціи Сѣверо-Западнаго края и ставшій по этому мѣстопробываніемъ Раввинскаго училища.

Спустя нѣсколько лѣтъ по вступленіи моемъ на должность общественнаго раввина г. Вильны, настало для Сѣверо-Западнаго края печальное, тревожное мятежное время. Для усмиренія мятежа прибылъ въ Вильно облеченный диктаторскою властью генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, одаренный рѣдкою прозорливостью, необыкновенною энергіей воли, свѣтлымъ, пронизательнымъ умомъ, проглядывавшимъ изъ покрытыхъ нависшими бровями очей его.

Начальникъ края, выслушавъ, при представленіи, привѣтъ раввина и поблагодаривъ его, обратился къ стоявшей предъ нимъ еврейской депутаціи и сказалъ:

— Я строгъ, но и строго справедливъ! Нѣтъ ли между вами стариковъ, которые помянутъ управленіе мною Гродненскою губерніею?

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало, такъ какъ такихъ стариковъ между нами не оказалось. Уходя отъ начальника края, едва очутились мы на лѣстницѣ залы, какъ бывший раввинъ Амстердамъ сталъ истолковывать вопросъ генераль-губернатора въ смыслѣ бѣльшаго его расположенія къ старымъ представителямъ еврейской общины, нежели къ молодымъ.

*

Увѣренный въ правильности своего взгляда, онъ на слѣдующій же день вошелъ къ начальнику края съ прошеніемъ назначить его вмѣсто меня казеннымъ раввиномъ въ Вильнѣ. Получивъ это прошеніе, Михаилъ Николаевичъ, по характеру его содержанія, сейчасъ догадался, что самъ подавъ къ нему поводъ и распорядился, чтобы на третій день явились къ нему проситель и старшины молитвеннаго правленія.

— Вы—сказалъ онъ явившимся—составили себѣ обо мнѣ ошибочное мнѣніе, будто я предпочитаю стариковъ молодымъ представителямъ общины вашей. Это невѣрно; я стариковъ уважаю, но и молодыхъ, способныхъ и вѣрныхъ своему долгу, люблю. Новыя условія современной жизни требуютъ соотвѣтственныхъ имъ благовоспитанныхъ молодыхъ дѣятелей. Для своего вѣка вы уже свое сдѣлали, для новаго же текущаго времени должны вы уступить дѣятельность воспитаннымъ правительствомъ юнымъ дѣтелямъ.

Послѣ этихъ словъ онъ отпустилъ отъ себя разочарованнаго просителя и старшинъ синагоги.

Тревожное положеніе края вызвало сильную оппозицію со стороны всѣхъ его мирныхъ обывателей, относившихся съ крайнимъ омерзѣніемъ къ кознямъ и затѣямъ бунтовщиковъ. Населеніе положило высказать свое негодованіе въ письмахъ на высочайшее имя, въ которыхъ выражало свои вѣрноподданническія чувства. Менѣе смѣлое же еврейское купечество г. Вильны, несмотря на многократное мое предложеніе подписать изготовленный мною адресъ на высочайшее имя, долго колебалось исполнить это подъ опасеніемъ мщенія со стороны бунтовавшихъ, и особливо отъ тайно шнырявшихъ тогда по городу такъ названныхъ ж а н д а р м о в ъ - в ѣ ш а т е л е й, ранившихъ уже предводителя дворянства Домейку за предложеніе его смириться и заявить свою покорность монарху.

Однажды меня потребовали къ начальнику края. Явившись къ нему, я не позванъ былъ по-прежнему въ кабинетъ генераль-губернатора, а оставленъ въ пріемной залѣ ждать выхода его, гдѣ ждалъ также тогдашній начальникъ губерніи, г. Галлеръ. Спустя минутъ десять Михаилъ Николаевичъ вышелъ къ намъ въ сопровожденіи своего адъютанта Брянчанинова. Покончивъ съ губернаторомъ весьма серьезную бесѣду, имѣвшую послѣдствіемъ смѣщеніе сего послѣдняго и назначеніе на его мѣсто г. Панютина, Михаилъ Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и, не подавъ по-прежнему руки, серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— Васъ, раввинъ, обвиняютъ въ томъ, что вы помѣшали вашему обществу составить на высочайшее имя вѣрноподданническій адресъ.

Со мною едва не случился параличъ отъ такого незаслуженнаго обвиненія въ такое время, когда провинившаяся голова не обезпечена была на плечахъ. Какимъ-то несвойственнымъ мнѣ голосомъ

воскликнулъ я отчаянно: «это неслыханная ложь, ваше превосходительство!» Михаилъ Николаевичъ вверилъ въ меня орлиное око свое и сказалъ Брянчанинову: — «разберите вы мнѣ дѣло это». — Уходя за генераль-губернаторомъ, адъютантъ сказалъ мнѣ нѣсколько успокоительныхъ словъ и велѣлъ явиться къ нему того же дня въ 5 часовъ послѣ обѣда на квартиру его, бывшую подъ заложу начальника края.

Дома у себя я пока ничего не сообщилъ объ этомъ опасномъ приключеніи, боясь, чтобы не переполошить слишкомъ семейство свое, и твердо надѣясь, впрочемъ, что истина не замедлитъ обнаружиться. Предполагая, однако, возможнымъ попасть временно подъ арестъ, я захватилъ съ собою англійское карманное изданіе драмъ Шекспира для чтенія и отправился въ назначенное время къ адъютанту. У дверей квартиры его въ сѣняхъ нашелъ я сидящихъ на порогѣ упомянутыхъ выше: бывшего раввина Амстердама и полуграмотнаго толмача его родственника. Нетрудно мнѣ было догадаться, что они-то творцы взнесенной на меня страшной клеветы. Съ негодованіемъ отвернулся я отъ низкаго ихъ поклона, вошелъ въ переднюю адъютанта и просилъ о себѣ доложить. Г. Брянчаниновъ пригласилъ меня въ кабинетъ свой и велѣлъ призвать этихъ двухъ евреевъ. Поставивъ ихъ предъ собою, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ серьезнымъ внушительнымъ тономъ:

— Стоящіе предъ нами два еврея письменно доложили о васъ вчера, что вы вечеромъ третьяго дня помѣшали еврейскому обществу города Вильны подписать вѣрноподданнической адресъ государю императору. Имѣете ли что-нибудь сказать противъ этого?

— Не позволите ли мнѣ,—отвѣчалъ я—для разъясненія дѣла предложить этимъ лицамъ вопросъ?

Получивъ на это согласіе, я спросилъ ихъ:

— Были ли вы лично третьяго дня на общественномъ собраніи, когда разсуждали о поднесеніи всеподданнѣйшаго адреса?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ толмачъ,—насъ въ собраніи не было, но о томъ, что происходило тамъ, сообщено было намъ нѣсколькими лицами на Нѣмецкой улицѣ.

— Неужели—сказалъ я имъ—вы позволили себѣ изъ уличныхъ слуховъ сочинить такой серьезный доносъ и обезпокоить имъ главнаго начальника края?

— Вотъ,—обратился я къ адъютанту—списокъ лицъ, которыя по моему распоряженію были созваны на то собраніе. Не будетъ ли угодно вамъ потребовать ихъ сюда для разспроса?

Брянчаниновъ, замѣтивъ волненіе доносчиковъ, переглядывавшихся между собою съ выраженіемъ крайняго недоумѣнія, сказалъ мнѣ:

— Дѣло мнѣ уже достаточно выяснилось. Идите покойно съ Богомъ домой.

Довольный благополучной развязкой этой непріятной исторіи, я не интересовался даже узнать, что происходило съ оставшимися у адъютанта лицами, и отклонялъ совершенно отъ себя всякіе совѣты людей жаловаться на нихъ за ложный доносъ.

Случай этотъ, къ сожалѣнію, подалъ однако начальству края поводъ къ подозрѣванію виленскихъ евреевъ въ косности и излишней нерѣшимости выразить предъ правительствомъ свои вѣрноподданнческія чувства, и вслѣдствіе этого они одновременно съ мѣстнымъ обществомъ польскимъ осуждены были на штрафной налогъ въ 25.000 рублей. Только по усиленному моему ходатайству главный начальникъ края, снисходя къ трудному положенію евреевъ при бывшемъ тогда крайнемъ застоѣ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, понизилъ штрафъ на 10.000 рублей. Деньги эти собраны были мною по подпискѣ и переданы въ канцелярію губернатора Панютина.

Въ это время безразсудные польскіе вояки стали уже вытрезвляться и рѣшились смириться. Евреи, искони отличавшіеся своею непреклонною преданностью престолу, о чемъ подтверждено имѣющимъ у насъ формальнымъ высочайше пожалованнымъ документомъ, выданнымъ генералъ-губернаторомъ Долгоруковымъ съ повелѣніемъ «хранить его какъ скрижали завѣта изъ рода въ родъ»,—евреи города Вильны восторжествовали и, обезпеченные отъ опасности со стороны враговъ мирныхъ жителей, слѣшили поднести слѣдующее свое вѣрноподданническое письмо:

Всемилоствѣннѣйшій государь!

«Благоговѣй предъ Богомъ и царемъ» заповѣдано намъ премудрымъ Соломономъ, и это завѣтное слово вооружало насъ искони вѣковъ той несокрушимою преданностью къ единому Богу и Его земному помазаннику, которую поколебать не сумѣли тысячи тяжкихъ испытаній и подстрекательствъ извнѣ.

«Дозволь же, августѣйшій монархъ, и намъ, въ виду безпокоящихъ нынѣ отечество смуть, повергнуть къ престолу твоему наши искреннія вѣрноподданническія чувствованія заодно со всѣми прочими вѣрными сынами Россіи.

«Занимая въ Западныхъ губерніяхъ не послѣднее мѣсто по численности и промышленной дѣятельности, единовѣрцы наши твердо соединены въ вѣрной и преданной твоему прославленному дому дружнѣ, которая встрѣчаетъ всегда съ негодованіемъ замыслы недоброжелателей Россіи, возстающихъ противъ порядка и законной власти въ краѣ. Новыя милости, дарованныя намъ тобою, государь нашъ, тѣмъ сугубѣ скрѣпили насъ въ вѣрности къ престолу твоему,—въ вѣрности, о кото-

рую рушатся всякія ухищренія и козни зломыслящихъ, посягающихъ на благоденствіе и возрожденіе миллионовъ осчастливленныхъ тобою вѣрноподданныхъ.

«Государь! Вѣрноподданническія чувствованія наши къ твоему престолу запечатлѣны и священнымъ обѣтомъ нашимъ предъ Царемъ царствующихъ и многими знаменіями твоей безграничной любви. Эти звѣтныя чувствованія наши мы будемъ всегда отстаивать, какъ святыню нашей вѣры, всѣмъ сердцемъ, всей душою и всѣмъ достояніемъ нашимъ».

Всепоподданнѣйшее письмо это представлено было мною главному начальнику края 27-го іюля 1863 года при слѣдующемъ прошеніи:

«Виленское еврейское общество, движимое вѣрноподданническими чувствами къ престолу и отечеству, считаетъ своей священной обязанностью, въ виду текущихъ событій въ высочайше вѣренномъ вашему высокопревосходительству краѣ, заявить предъ лицомъ Россіи и ея августѣйшаго монарха свои искреннія мысли и чувства во всепоподданнѣйшемъ, при семъ повергаемомъ письмѣ. Въ вѣрности и преданности русскихъ евреевъ къ правительству никто никогда не сомнѣвался. Они по законамъ своей религіи обязываются споспѣшествовать благу той страны и того правительства, защитой которыхъ они наслаждаются. Этого заповѣднаго закона мы всегда держались и держимся; въ крамолы мы никогда не вдавались и не вдаемся. Отечественная исторія не можетъ указать ни на одинъ случай, который свидѣтельствовалъ бы противъ этого нашего увѣренія. Настоящимъ же всепоподданнѣйшимъ письмомъ нашимъ мы хотимъ только вывести изъ заблужденія польскихъ агитаторовъ, которые въ своемъ легкомысліи, можетъ быть, осмѣливаются разсчитывать на наше къ нимъ сочувствіе, въ то время, когда мы съ ними ничего общаго не имѣемъ и стремленія наши тождественны со стремленіями всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи.

«Ваше высокопревосходительство! Всѣ единовѣрцы наши уже заранѣе радовались назначенію вашему главнымъ начальникомъ края. По прибытіи же вашему, мы окончательно убѣдились, что для насъ не существуетъ различія въ милости къ истинно исполняющимъ свои обязанности. Мы ощущаемъ то благоденствіе, которымъ оживляется весь край подъ мудрымъ вашимъ управленіемъ. Чувствуя себя возрожденными къ новой жизни, осмѣливаемся всѣмъ нашимъ обществомъ излить изъ глубины сердецъ нашихъ предъ вашимъ высокопревосходительствомъ чувства искренней благодарности и нижайше утруждать васъ просьбою объ исходатайствованіи у государя императора благосклоннаго принятія отъ насъ представляемаго при семъ всепоподданнѣйшаго письма и вмѣстѣ съ этимъ просимъ: разрѣшить намъ открыть подписку для

добровольныхъ пожертвованій въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ и семействъ, пострадавшихъ отъ мятежа».

Нѣсколько времени спустя, лишь только стали разсѣваться крамольные туманы на горизонтѣ Литовскомъ, вниманіе главнаго начальника края обращено было на дѣло воспитанія въ немъ. Однажды Михаилъ Николаевичъ, усадивъ меня предъ собою въ кабинетѣ, внушительно указалъ мнѣ на весьма важный недостатокъ въ воспитаніи еврейскихъ дѣвицъ въ Виленскомъ женскомъ, нынѣ Маріинскомъ высшемъ училищѣ.

— Дѣвицы эти,—сказалъ онъ,—не имѣютъ вовсе учителя своей еврейской вѣры и, по допущенному безпорядку, онѣ, во время уроковъ закона вѣры христіанской, остаются въ корридорѣ заведенія.—Нельзя ли позаботиться, чтобы общество еврейское пожертвовало соотвѣтственную сумму на жалованье учителю закона еврейской вѣры.

— Евреи—отвѣтили я,—вполнѣ дѣлать такое милостивое вниманіе вашего высокопревосходительства къ столь священному интересу религіознаго воспитанія ихъ дѣтей. Мнѣ однако, при нынѣшнемъ крайнемъ застоѣ торговли и промышленности, весьма трудно вызвать ихъ на новое пожертвованіе. При всей сложности моихъ служебныхъ обязанностей, я готовъ самъ давать два урока въ недѣлю закона вѣры въ этомъ заведеніи безвозмездно. Великою же для себя наградю почелъ бы я, если бы ваше высокопревосходительство благоволили разрѣшить мнѣ позаботиться объ открытіи въ Вильнѣ нѣсколькихъ народныхъ школъ для обученія въ нихъ дѣтей неимущихъ евреевъ русской грамотѣ, которой они до настоящаго времени совершенно чужды.

— Я не только разрѣшаю вамъ это, но желаю, чтобы вы немедленно объ этомъ позаботились,—сказалъ Михаилъ Николаевичъ.—Составьте объ этомъ записку и передайте ее мнѣ черезъ начальника губерніи.

Къ вечеру того же дня записка была мною составлена и передана губернатору Панютину. Въ запискѣ этой просилъ я обязать родителей посылать своихъ дѣтей, мальчиковъ отъ 1—3-хъ часовъ дня, а дѣвочекъ отъ 5—7-ми часовъ послѣ обѣда, въ устраиваемыя для нихъ народныя школы для изученія русской грамоты и начальныхъ правилъ ариметики.

Евреямъ вообще было тогда очень желательно, чтобы дѣти ихъ знали русскую грамоту; но посылать ихъ учиться съ обнаженной головою въ русскую школѣ многіе не рѣшались подѣ страхомъ осужденія ихъ со стороны фаятиковъ, святошъ и особливо отъ защищающихъ личный свой интересъ меламдовъ, старавшихся выставить русскую школу, какъ опасное орудіе, способное расшатывать въ еврейскихъ юношахъ основаніе ихъ вѣры. Посему, для огражденія родителей отъ

нареканий со стороны, какъ истинныхъ, такъ и притворныхъ поклонниковъ Аримана, предположено было мною въ запискѣ штрафовать ослушныхъ тремя рублями.

Въ ту же ночь, около 2¹/₂ ч. въ окно квартиры моей, бывшей въ домѣ Вишневекаго (гдѣ теперь аптека Микутовича), смежномъ съ домомъ губернаторскимъ, кто-то сильно постучалъ. Я всталъ съ постели, дрожа отъ страха, зажегъ свой фонарь, безъ котораго запрещено было тогда выходить ночью на улицу, подошелъ къ окну и спросилъ: кто тамъ стучится?

— Жандармъ—отвѣтилъ кто-то.

— Увы, это вѣроятно жандармъ - вѣшатель! — закричала жена моя.—Хожденіе твое къ начальнику края можетъ погубить насъ.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я.

— Къ вамъ бумага есть,—получилъ я въ отвѣтъ.

— А нельзя ли,—спросилъ я,—просунуть мнѣ бумагу эту черезъ щель между двухстворчатými ставнями?

Вдругъ черезъ эту щель въ открытую мною форточку проскользнула запечатанный конвертъ, и до ушей моихъ дошелъ успокоительный стукъ уходящихъ тяжелыхъ сапогъ. Дрожащими руками раскрылъ я осторожно предъ фонаремъ конвертъ, въ которомъ оказалась моя записка о народныхъ школахъ съ надписью главнаго начальника края на поляхъ: «немедленно исполнить!» Уходя въ 2¹/₂ ч. ночи отъ доклада домой мимо моей квартиры, губернаторъ Панютинъ велѣлъ своему жандарму передать мнѣ резолюцію Михаила Николаевича.

Около 9-ти часовъ утра меня позвали къ губернатору, у котораго я уже нашелъ директора гимназіи, г. Курнатовскаго. Начальникъ губерніи предложилъ намъ составить программу для предполагаемыхъ народныхъ школъ для евреевъ. Директоръ, недавно поступившій на свою должность, призналъ себя совершенно незнакомымъ съ условиями обученія мальчиковъ еврейскихъ, до ушей которыхъ тогда не доходилъ звукъ языка русскаго. Посему мы вмѣстѣ выхлопотали у губернатора освободить его отъ этой обязанности. Вмѣсто директора по моему предложенію разрѣшено было мнѣ призвать себѣ на помощь для составленія программы и для организоваія школъ состоявшихъ при генераль-губернаторѣ двухъ ученыхъ евреевъ Герштейна и Леванду. Администраторская же власть по этому дѣлу поручена была состоявшему при губернаторѣ для особыхъ порученій полковнику Павлову, впоследствии зятю Панютина. Черезъ нѣсколько дней программа была выработана и одобрена начальствомъ. По распоряженію главнаго начальника края, далъ я въ ноябрѣ 1863 г. приклеить къ воротамъ всѣхъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ города слѣдующія правила:

«Для вящаго распространенія въ массѣ еврейскаго населенія употребленія русскаго языка, его превосходительство изволилъ утвердить для евреевъ города Вильны слѣдующія правила:

1) Для распространенія между евреями города Вильны необходимаго знанія отечественной грамоты учреждаются здѣсь бесплатныя народныя еврейскія школы, въ которыхъ предметами преподаванія будутъ: русскій языкъ и ариѳметика. Преподаваніе производится ежедневно, кромѣ пятницы и субботы и прочихъ установленныхъ для еврейскихъ училищъ праздничныхъ дней, отъ часа до половины четвертаго по полудни.

2) Обученіе русской грамотѣ обязательно для всѣхъ еврейскихъ мальчиковъ отъ 8-ми до 17-ти лѣтняго возраста.

3) Родители обязаны посылать своихъ дѣтей мужскаго пола: а) въ казенныя учебныя заведенія, или б) въ открываемыя для евреевъ народныя школы, или в) къ домашнимъ учителямъ, получившимъ законное свидѣтельство на право домашняго преподаванія.

4) Необучающіе своего сына русской грамотѣ ни въ вышеизложенныхъ заведеніяхъ, ни посредствомъ домашнихъ учителей подвергаются денежному штрафу отъ 3-хъ до 25-ти рублей, смотря по состоянію.

5) На каждого изъ домашнихъ учителей возлагается вести именной списокъ обучающимся у него русской грамотѣ мальчикамъ, съ обозначеніемъ времени, съ котораго каждый изъ нихъ поступилъ къ нему на обученіе.

6) Въ началѣ cadaго полугодія домашніе учителя обязаны представить мѣстному раввину точныя копиі съ своихъ списковъ. Сверхъ того они должны увѣдомить раввина каждый разъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ оныхъ.

7) По окончаніи cadaго полугодія домашніе учителя должны приводить своихъ учениковъ въ народныя школы, гдѣ ихъ подвергаютъ установленному испытанію.

8) За несоблюденіе вышеизложенныхъ правилъ и за ложное показаніе въ списокѣ домашній учитель подвергается въ первый разъ штрафу отъ 8-ми до 15-ти рублей, а во второй разъ—лишенію права воспитанія.

9) Меламды, съ своей стороны, представляя мѣстному раввину списки обучающихся въ ихъ хедерахъ мальчиковъ, должны обозначать въ этихъ спискахъ, гдѣ и у кого каждый изъ этихъ мальчиковъ обучается русской грамотѣ.

10) За укрывательство и ложное показаніе въ списокѣ меламедъ подвергается въ первый разъ штрафу отъ 5-ти до 10-ти рублей, во второй разъ — лишенію права на званіе меламда.

11) Содержатели ешиботовъ обязываются, подь опасеніемъ штрафа отъ 50 до 100 рублей, ввести въ свои заведенія правильное препода-

ваніе русской грамоты и ариеметики, въ объемѣ, положенномъ для народныхъ школъ.

12) Въ случаѣ неимѣнія средствъ для нанятія особыхъ учителей, содержатели ешиботовъ обязываются посылать молодыхъ людей, посѣщающихъ ихъ заведенія, въ народныя школы для обученія ихъ русской грамотѣ. За несоблюденіе этого правила съ содержателями ешиботовъ взыскивается по 3 рубля за каждаго непосылаемаго въ народныя школы ешиботника».

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ вышеозначенныхъ правилъ поручено мѣстной полиціи.

Далеко еще до открытія въ Вильнѣ для еврейскихъ мальчиковъ народныхъ школъ, благодаря пріѣзду сюда Муравьева, я позволялъ себѣ въ высокаторжественные дни читать въ главной виленской синагогѣ рѣчи на русскомъ языкѣ. Въ рѣчахъ этихъ, о которыхъ въ свое время напечатано было въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ «Вѣстникѣ Западной Россіи», старался я доказать своимъ единовѣрцамъ, насколько позоритъ русскаго гражданина неумѣніе правильно объясняться на господствующемъ нарѣчій его отечества и насколько это невыгодно и убыточно не понимать хорошо содержанія и смысла какого-нибудь написаннаго по-русски промышленнаго акта, общежитейскаго договора или торговаго документа, что даетъ такъ часто поводъ къ серьезнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ. Большинство еврейскихъ слушателей весьма сочувственно относились къ этимъ словамъ, но одни не находили мѣста, а другимъ не хватало средствъ для избавленія своихъ дѣтей отъ этого воплія дознаннаго ими невыгоднаго положенія. Это обстоятельство и дало мнѣ поводъ къ ходатайству о народныхъ для евреевъ школахъ, которыя стали для нихъ особенно необходимы въ виду монаршей милости, незадолго до этого времени даровавшей евреямъ-ремесленникамъ право селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Первая квартира подъ народную школу была нанята на самомъ многлюдномъ еврейскомъ центрѣ, въ Николаевскомъ переулкѣ, въ домѣ Малиновскаго, въ ноябрѣ 1863 года. Освящена и открыта была эта первая школа прочитанною мною рѣчью представителямъ всѣхъ еврейскихъ сословій г. Вильны, при чемъ присутствовали начальникъ губерніи, попечитель Виленскаго учебнаго округа и разные другіе мѣстные сановники. Рѣчь эта напечатана была въ № 14 «Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1863 годъ. Вслѣдъ за тѣмъ открыты были еще другія школы въ разныхъ пунктахъ города. Сотни мальчиковъ являлись съ родителями записаться въ число учащихся. Дѣти эти, дотолѣ привыкшія сидѣть съ ранняго утра до вечера, одни въ мрачныхъ, удушливыхъ хедерныхъ конурахъ подъ грозной ферулой неблаговоспитанныхъ меламдовъ-воспитателей, другія подъ тяжелой работой въ под-

земныхъ мастерскихъ,—стали каждый день на нѣсколько часовъ переводить духъ въ свѣтлыхъ, благоустроенныхъ классныхъ комнатахъ, подъ ласковымъ руководствомъ избранныхъ нами лучшихъ, благовоспитанныхъ учителей, старавшихся вложить въ юныя существа живую душу и влить въ нихъ новую свѣжую струю жизни. Число учащихся росло съ каждымъ днемъ, такъ что приходилось въ каждой школѣ, а также въ прежде существовавшихъ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, открыть для обученія мальчиковъ послѣбѣдненные смѣны. Вотъ что писалъ послѣ открытія первыхъ такихъ школъ одинъ русскій педагогъ ¹⁾:

«Мы уже своевременно извѣстили читателей объ открытіи въ Вильнѣ двухъ народныхъ школъ для евреевъ. Несмотря на новизну дѣла, несмотря на зимнее время, въ одной изъ нихъ, состоящей на Жмудской улицѣ, въ домѣ Малиновскаго, число мальчиковъ, заявившихъ желаніе учиться, до того оказалось великимъ, что должно было устроить двѣ смѣны, считая въ каждой по 120 учениковъ.

«Достоиню вниманія, что учителя школы охотно согласились нести двойной трудъ безвыходно съ обѣими смѣнами, заниматься ежедневно слишкомъ по пяти часовъ, не требуя за это никакой прибавки къ получаемому ими жалованью.

«Нельзя не порадоваться столь похвальнымъ дѣйствіямъ тружениковъ-учителей, за что, мы въ этомъ увѣрены, всякій изъ глубины души скажетъ имъ русское спасибо.

«О другой школѣ, помѣщающейся на Конномъ рынкѣ и въ которой обучаются 150 мальчиковъ, слѣшимъ сообщить слѣдующій утѣшительный фактъ.

«Любознательность еврейскихъ мальчиковъ доходитъ до того, что по окончаніи уже класса они просятъ учителей еще нѣсколько времени остаться въ школѣ и продолжать ученіе. Доказательствомъ же успѣшнаго тамъ преподаванія можетъ служить то обстоятельство, что два или три мальчика, не выдавшие даже отъ роду русскихъ письменъ, въ какія-нибудь полторы или двѣ недѣли усвоили себѣ процессъ чтенія, такъ что уже очень порядочно читаютъ по-русски, конечно, пока еще машинально.

«Наконецъ, открыта здѣсь и третья школа для евреевъ. Здѣшнее еврейское общество отвело для нея приличное помѣщеніе въ домѣ Талмудъ-торы, состоящемъ во Францисканскомъ переулкѣ; дирекція раввинскаго училища назначила туда двухъ учителей, обучающихся въ двухъ классахъ до 130 мальчиковъ. Жалованье получаютъ учителя изъ денежнаго сбора, среди еврейскаго общества на этотъ предметъ открытаго.

¹⁾ См. „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1863 декабрь, стр. 340.

«Всего, значить, учащихся въ трехъ народныхъ школахъ для евреевъ слишкомъ пять сотъ человѣкъ; теперь уже нѣтъ физической возможности въ сказанныхъ школахъ помѣстить все число желающихъ учиться.

«Итакъ, еще и еще нужны школы! Послѣ такихъ ясныхъ доводовъ сильнаго желанія еврейскаго населенія здѣшняго края учиться послѣдовало уже распоряженіе объ учрежденіи новыхъ школъ. А за средствами дѣло не станетъ: учрежденіе народныхъ школъ сдѣлалось нынѣ насущною потребностью, и еврейское общество, понявъ благую инициативу правительства, всячески ему содѣйствуетъ».

Однако, какъ всякая новинка, не прошло и это благотворное начинаніе безъ оппозиціи со стороны заинтересованныхъ лицъ. Особенно ратовали противъ народныхъ школъ мелады, которые видѣли въ нихъ опасную для своихъ хедеровъ конкуренцію. Одинъ матеріально богато обеспеченный еврей, Ш. К. взялъ на себя роль заступника ихъ, подъ личиною защитника религіи, и распространялъ слухъ, будто народныя школы эти имѣютъ своей цѣлю сблизать еврейскихъ мальчиковъ съ началами православнаго вѣроученія и пошатывать въ нихъ исподволь основы вѣры іудейской. Убѣдить въ этомъ сѣрую массу успѣлъ онъ однимъ только указаніемъ на то, что мальчикамъ еврейскимъ приходится сидѣть каждодневно нѣсколько часовъ надъ русскими книжками съ непокрытою головою. Подобнаго рода извѣтами старался онъ дискредитировать народныя школы предъ обществомъ. Зятю губернатора, полковнику Павлову, случилось узнать объ этомъ въ одномъ еврейскомъ магазинѣ; онъ доложилъ немедленно объ этомъ начальнику губерніи, который въ тотъ же день потребовалъ къ себѣ этого проповѣдника и открылъ передъ нимъ ожидающую его весьма невыгодную перспективу. Такое предостереженіе крайне переполошило этого интригана и его сообщниковъ, и всѣ они послѣ многихъ совѣщаній додумались до особаго замысловатаго громоства, какъ выяснится въ слѣдующемъ.

Въ четвергъ той же недѣли мнѣ доложено было, что на дворѣ синагоги, въ такъ называвшейся тогда «общественной избѣ», собрались старѣйшіе еврейскіе обыватели города для какого-то совѣщанія. Такъ какъ въ то тревожное время всякое народное собраніе безъ вѣдома начальства было строго запрещено, то я сейчасъ же отправился туда, дабы узнать въ чемъ дѣло. Общественная изба оказалась запертой на ключъ, а у дверей стоялъ старый служка синагоги. Когда двери предо мною открылись, глазамъ моимъ представилось большое общество, между которымъ выдавалась рельефно фізіономія выступившаго противъ народныхъ школъ Ш. К. Все это собраніе сидѣло около длиннаго стола, и съ появленіемъ моимъ участники стали безмолвно

переглядываться между собою. Въ серединѣ задняго ряда сидѣлъ общественный писецъ надъ какою-то еще недоконченною бумагою.

Изъ прочитанныхъ мною первыхъ строкъ увидѣлъ я, что готовится весьма горячій благодарственный адресъ главному начальнику края за открытія имъ для еврейскихъ мальчиковъ въ Вильнѣ народныя школы. Приятно пораженный такимъ совершенно неожиданнымъ мною благомъ начинаніемъ стариковъ, отъ которыхъ менѣе всего можно было ожидать такого сочувственнаго отношенія къ русской школѣ для еврейскихъ мальчиковъ, я попытался узнать, кто именно успѣлъ вложить имъ въ душу такую благородную мысль? Дѣло скоро выяснилось.

Такъ какъ возставшему противъ народныхъ школъ купцу Ш. К. грозила опасность преслѣдованія отъ начальства за противодѣйствіе мѣрамъ власти, то онъ убѣдилъ собраніе составить на имя главнаго начальника края благодарственный адресъ за открытіе этихъ школъ и просилъ позволенія подписаться подъ этимъ адресомъ первымъ. Адресъ этотъ предполагено было изготовить безъ моего вѣдѣнія, дабы начальство не считало его вызваннымъ моимъ стараніемъ. Я далъ собранію обѣщаніе оставаться въ сторонѣ и ушелъ домой.

На третій день, въ субботу утромъ сидѣвшій у меня инспекторъ бывшаго въ Вильнѣ раввинскаго училища обратилъ мое вниманіе на цѣлую вереницу стариковъ-евреевъ, идущихъ мимо оконъ моей квартиры по направленію къ губернаторскому дому.

— Они,—говорилъ онъ,—идутъ вѣроятно къ начальнику губерніи; отчего безъ васъ?

Я догадался, въ чемъ дѣло, и объяснилъ ему, что на сей разъ, по особенному обстоятельству, мнѣ при нихъ быть не слѣдуетъ.

Минуть черезъ десять, однако, пришелъ ко мнѣ одинъ изъ этой группы и доложилъ, что губернаторъ ихъ не принимаетъ безъ раввина. Я отправился туда, и на вопросъ губернатора, въ чемъ дѣло? отвѣтилъ:

— Эти члены общества имѣютъ къ вашему превосходительству теперь дѣло, въ которомъ я непричастенъ.

— Чего же вы отъ меня желаете?—спросилъ Панютинъ, обращаясь къ нимъ.

Старшій изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи адресъ и, вручивъ его губернатору, сказалъ:

— Покорнѣйше просимъ ваше превосходительство представить это наше письмо г-ну главному начальнику края.

Изъ адреса губернаторъ узналъ, что виленское еврейское общество высоко цѣнитъ идею открытія для подрастающаго поколѣнія евреевъ школъ русской грамоты, имѣющихъ для государства болѣе важное значеніе, нежели гимназіи и университеты.

— Ужели—сказалъ губернаторъ—вы такъ знакомы со значеніемъ гимназій и университетовъ, что позволяете себѣ сопоставлять ихъ съ народными школами начальной русской грамоты? И такой смѣшной адресъ просите меня представить главному начальнику края!

Разорвавъ адресъ и бросивъ клочки его предъ ними на полъ, онъ обратился ко мнѣ.

— Вамъ я дамъ знать, согласенъ ли Михаилъ Николаевичъ и когда именно принять отъ вашего общества личное выраженіе благодарности за открытіе школъ.

На слѣдующій день мнѣ дано было знать, что Михаилъ Николаевичъ согласился принять насъ въ 11 часовъ утра. Къ назначенному времени собралось въ пріемной залѣ генераль-губернатора около 60 старѣйшихъ лицъ еврейскаго общества. Съ выходомъ къ намъ Михаила Николаевича я передалъ ему желаніе общества выразить ему свою душевную благодарность за открытіе имъ для дѣтей школъ для обученія ихъ русской грамотѣ.

— Мнѣ весьма пріятно,—сказалъ Муравьевъ,—видѣть васъ признательными за оказанное вамъ добро; позволяю себѣ однако думать, что вы еще весьма мало понимаете теперь значеніе для васъ этихъ школъ русской грамоты. Это станетъ вамъ ясно въ будущемъ. Теперь же вамъ знать слѣдуетъ, что я человекъ дѣла, а не слова только. Если вы дѣйствительно хотите выразить мнѣ благодарность за это сдѣланное вамъ мною добро, то подтвердите не словомъ, а добрымъ дѣломъ. Вамъ довольно извѣстно, что между мальчиками, которые посѣщать должны эти школы грамотности, многіе лишены платья и сапогъ, многіе не въ состояніи отдавать трудомъ добытыя родителями ихъ копѣйки за книжки, карандаши и тетради.

— Разрѣшаю вамъ, раввинъ,—прибавилъ Михаилъ Николаевичъ, обращаясь ко мнѣ,—открыть подписку на посильныя пожертвованія со стороны состоятельныхъ членовъ вашего общества въ пользу бѣдныхъ учащихся въ народныхъ школахъ. Это почту я дѣйствительнымъ знакомъ вашего сочувствія этому доброму дѣлу. Да дастъ ему Богъ успѣхъ!

Представители общества глубокимъ поклономъ отозвались на эти слова уходившаго отъ насъ начальника края.

Пришедши домой, положилъ я на столъ въ канцеляріи моеѣ листъ бумаги съ написаннымъ заголовкомъ: «Пожертвованія въ пользу бѣдныхъ учащихся въ народныхъ для евреевъ школахъ въ Вильнѣ». До вечера того же дня, сумма пожертвованій, по сохраняющемуся у меня донинѣ подписному листу, дошла до 705 рублей. Даже выступившій застрѣльщикомъ противъ школъ, по натурѣ своей далеко не тароватый Ш. К. раскошелился на цѣлыхъ 40 рублей. Сумма пожертвованій препровожи-

дена была къ начальнику губерніи, по распоряженію котораго приобрѣтены были платья, обувь, капюшоны, учебники и другія письменныя принадлежности и розданы нуждавшимся въ нихъ бѣднымъ учащимся.

Посѣщавшіе школы мальчики и подросткіе юноши, равно и смѣнявшія ихъ въ послѣбѣдненное время дѣвочки, благодаря свойственной имъ природной смѣтливости съ одной и стараніямъ обучавшихъ ихъ питомцевъ б. раввинскаго училища съ другой стороны, весьма скоро освоились съ живой русской рѣчью и съ началами ариеметики. На улицахъ и въ мѣстахъ народныхъ гуляній г. Вильны преобладающее большинство еврейской молодежи довольно плавно и толково стало бесѣдовать между собою по-русски. «Правила учать, примѣръ же увлекаетъ»; и мы можемъ фактически засвидѣтельствовать, что даже служанки еврейскія, за маленькую плату изъ кровнаго своего скуднаго жалованья, брали уроки русской грамоты.

Грустно и крайне тяжело было прожить то смутное время, въ которое приходилось управлять Сѣверо-Западнымъ краемъ Михаилу Николаевичу Муравьеву; но время это въ результатѣ подтвердило намъ всю истинность старинной поговорки: «нѣтъ худа безъ добра». Это стихійное потрясеніе въ краѣ возстановило единство разрозненнаго и заглушеннаго въ западныхъ губерніяхъ нашего отечества русскаго элемента и возвратило ему законное преобладаніе. Еврейскому же населенію, искони вѣрному русскому знамени, эта реорганизациа края дала болѣе правильное культурное направленіе, которое почти съ каждымъ годомъ измѣняетъ къ лучшему нравственную фізіономію этого народа, искалѣченнаго вѣковыми, весьма невыгодными бытовыми условіями. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ сего служить можетъ настоящее положеніе. Повѣрилъ ли бы кто въ 50-ыхъ годахъ, что лишь черезъ два-три десятка лѣтъ тормозить придется разными ограниченіями слишкомъ усиленное порываніе евреевъ къ образованію? А это вѣдь и сбилось предъ нашими же глазами, и народъ тотъ, получивъ разъ толчокъ извнѣ, идетъ и пойдетъ поступательно, какъ бы по инерціи, къ своему возрожденію, отлично сознавая, что возрожденіе его преимущественно зависить отъ осуществленія божественнаго слова: «да будетъ свѣтъ!»

О. Н. Штейнбергъ.

Письмо Н. М. Рожалина—С. П. Шевыреву.

Авторъ помѣщаемого ниже письма Н. М. Рожалинъ, — одинъ изъ много общавшихъ, но безвременно погибшихъ представителей московской интеллигенціи 30-хъ годовъ. Имя его много разъ встрѣчается въ извѣстномъ трудѣ Н. П. Барсукова: Жизнь и труды Погодина ¹⁾. Приводимое письмо (одно изъ трехъ его писемъ къ Шевыреву, хранимыхъ въ бумагахъ С. П. Шевырева въ Императорской Публичной библиотекѣ), представляетъ интересъ, какъ выраженіе мнѣнія о знаменитой картинѣ Брюллова одного изъ наиболее подготовленныхъ русскихъ цѣнителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ передача общественнаго мнѣнія римской публики.

Помимо этого, настоящее письмо любопытно, какъ выраженіе убѣжденія передовыхъ москвичей того времени, что истинная наука, способная воодушевить русскую молодежь, есть наука нѣмецкая (петербургскіе профессора того времени, какъ извѣстно, ей такого значенія не придавали). Въ этомъ отношеніи еще любопытнѣе второе письмо Рожалина, также мною списанное.

Князь Александръ есть, безъ сомнѣнія, кн. А. Волконскій, ученикъ Шевырева.

Княгиня З.—кн. Зинаида Волконская.

Авдотья Петровна—Елагина, мать Ивана и Петра Кирѣевскихъ.

Кривцовъ—руководитель русскихъ художниковъ въ Римѣ, игравшій довольно видную роль въ біографіи Гоголя.

Письмо печатаемъ съ сохраненіемъ ореографіи подлинника.

А. Кирпичниковъ.

¹⁾ I, 281, 300 и пр. II, 39, 46—48 и пр. и пр.

Римъ 25-го августа (1833 г., какъ видно изъ почтоваго штемпеля).

Милый Шевыревъ, разумѣется, ты раскроешь мое письмо съ сердцемъ и проклятіями: какъ до сихъ поръ не отвѣчать! Но только въ этомъ и вся вина моя, впрочемъ слишкомъ обыкновенная. Порученіе твое, купить D'Agincourt'a, я исполнилъ на четвертый день по полученіи твоего письма, и исполнилъ съ выгодой для тебя. Ты цѣну этому увражу назначалъ въ 50 скудовъ, Феретти, котораго я просилъ справиться,—въ 65, я досталъ его за 45, и совершенно новый. Прилагаю росписку De Romanis'a. Здѣшній комисіонеръ De Sanctis, рекомендованный Giorgeri'емъ, отправилъ его немедленно къ Энгельбаху, нашему консулу въ Ливорно, откуда онъ поплылъ въ Петербургъ на имя кн. Александра и, вѣроятно, вслѣдъ за этимъ письмомъ будетъ имѣть честь явиться къ тебѣ. Недовѣряя акуратности нашей цензуры, я счетомъ пересчиталъ всѣ эстампы, означилъ число ихъ на переплетѣ всѣхъ волюмовъ, просилъ княгиню З. переслать этотъ счетъ к. Александру и теперь сообщаю тебѣ (слѣдуетъ счетъ).

Теперь я правъ, и ты можешь сдѣлаться съ цензурою въ случаѣ какой-нибудь потери.

Твой Ватиканъ Pistoleri мало-по-малу нарастаетъ; бібліотека уже описана, начинается Музей. Меня недавно принудили подписаться на Campidoglio, издаваемая Righetti; цѣна этого изданія будетъ состоять, также какъ и Ватикана, разумѣется, только въ полнотѣ и акуратности гравюръ; но все-таки я не жалѣю, что подписался.

Скоро сентябрь, скоро раздастся твой голосъ въ нашемъ монотонномъ, вяломъ университетѣ. Вотъ о чемъ часто думаю. Хотѣлось бы спросить, какъ и съ чего начнешь свой курсъ, да эти извѣстія вѣроятно бы не застали меня въ Римѣ. Авось скоро все увижу своими глазами. Что-то Погодинъ? Пожалуйста поклонись отъ меня дружески. Также Максимовичу и Мельгунову.

Недавно прочелъ я въ отчетѣ о Лейпцигской ярмонкѣ взглядъ на прошлогоднюю жатву нѣмецкой литературы—меня взяла какая-то лихорадка, та самая, которая такъ часто навѣщала въ Германіи. Голова пойдетъ кругомъ; что за раздолье! Сколько лихихъ работниковъ! Какой океанъ новостей! А нашъ братъ — но лучше не говорить объ этомъ и не думать. Сообщу наскоро чтѣ вспомню изъ всего этого множества. Крейцера Иродота вышло уже три тома. Вагнерова новое изданіе Гейнева *Virgilia* съ исправленіями и добавками кончено. Реветтовы Аоніскія древности также. Новое изданіе Якобсова перевода Демосееновыхъ рѣчей, въ томъ числѣ и рѣчи о вѣнцѣ, образецъ перевода и толкованія. Бѣкъ выдалъ новый томъ греческихъ надписей. Явилось также нѣсколько важныхъ переводовъ съ комментаріями изъ Эхила и Эврипида. Пассовъ умеръ. Больше ли у васъ въ Москвѣ стало нѣмецкихъ журна-

ловъ? Прибавилось ли знающихъ этотъ языкъ въ Университетѣ? Непремѣнно надобно, чтобъ наши студенты слѣдили каждый шагъ этой литературы.

У насъ въ Римѣ важнѣйшимъ происшествіемъ была выставка картины Брюлова въ его студіи. Весь городъ стекался дивиться ей: дамы толпами приходили развлекать зрителей, и, можетъ быть, только поэтому Брюловъ не дожидь до обожанія: впрочемъ *grand'uomo, un altro Raffaello, il primo quadro del mondo dopo la scuola d' Atene*, всѣ эти и подобныя имъ похвалы были á l'ordre du jour и безпрестанно слышались въ устахъ даже самихъ художниковъ. Торвальдсенъ объявилъ, что подобной картины никто изъ теперешнихъ живописцевъ въ Римѣ даже и скомпоновать не въ силахъ. А мнѣ—не во гнѣвъ Торвальдсену—композиція то и менѣ всего нравится. Исполненіе блестящее, но французское, такъ какъ и общій характеръ картины. Надо бы что-нибудь написать объ ней, тѣмъ болѣе что Висконти больно досадилъ мнѣ своимъ надутымъ и пустымъ ея описаніемъ, которое онъ важно посвящаетъ обществу поощренія художниковъ въ Петербургѣ. Бруни собирается приступить къ приготовленіямъ начать писать картину, которой кортонтъ, очень хорошій и много обѣщающій, уже конченъ. Еслибъ этотъ человѣкъ болѣе размышлялъ, то могъ бы зашибить Брюлова.

Княгиня все еще въ Неаполѣ, здорова, также какъ и М. Алек., и мы ждемъ ихъ сюда скоро.

Прощай, милый Шевыревъ, обнимаю тебя. О себѣ не пишу, во первыхъ, въ надеждѣ скоро свидѣться, во вторыхъ, по пословицѣ: не тронь и пр.

Кланяйся Авдотѣ Петровнѣ, всему ея семейству, всѣмъ въ Москвѣ, кто меня еще можетъ вспомнить.

Кривцовъ вчера вручилъ мнѣ письмо, здѣсь прилагаемое, съ просьбой переслать его вамъ, т. е. тебѣ или к. Алек., для доставленія по адресу, и увѣрялъ, что я, ты и кн. Александръ этимъ его крайне обяжете. Весь твой Рожалинъ.

Собственноручное письмо В. А. Жуковского—П. В. Хатову.

7 го января 1825 г.

Посылаю вашему превосходительству обѣщанный мною экземпляръ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»: найдете въ этой книжкѣ письма Перовскаго; я увѣренъ, что они вамъ понравятся. Гравированная картинка изображаетъ Дона-Тасса въ Сорренто, гдѣ нашъ Василій Алексѣевичъ (Перовскій) долго жилъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ и искреннимъ почтеніемъ и проч.

Собственноручная записка Н. М. Карамзина—П. В. Хатову.

24-го марта 1826 г.

Умиравшій, но не умершій Карамзинъ, хотя еще и слабый, какъ гѣнь, сердечно желаетъ совершеннаго здоровья его высокопревосходительству Павлу Васильевичу и покорнѣйше просить его сдѣлать ему чувствительное одолженіе, если можно: въ числѣ пажей, отправляемыхъ въ Москву по случаю коронаціи, милостиво назначить пажа графа Ефимовскаго, у котораго тамъ престарѣлый дѣдъ и нездоровая мать.

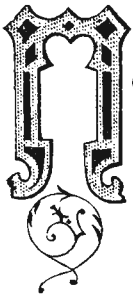

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

V 1).

Императоръ Павелъ и его отношенія къ эмигрантамъ.—Принятіе имъ магистерства ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.—Вѣна въ 1798—1799 г.—Гр. Андрей Разумовскій и Суворовъ въ Вѣнѣ.—Общество траппистовъ.—Герцогъ Зюдерманландскій, вѣдѣдствіи шведскій король Карлъ XIII.—Герцогъ Энгіенскій.—Возвращеніе Рунича въ Петербургъ.—Нелидова.—Лоухина.—Актриса Шевалье.—Кв. Василій Горчаковъ.—М. М. Сперанскій.—Сближеніе императора Павла съ Наполеономъ.—Вопросъ объ островѣ Мальтѣ.—Церемонія сожженія костровъ.—Кончина императора Павла I.

Последніе годы XVIII вѣка такъ богаты событіями, въ особенности 1798 и 1799 гг., что я не могу не коснуться нѣкоторыхъ подробностей, которыя могутъ освѣтить факты величайшей важности; но я не буду указывать времени, когда произошли эти событія, и чисель, которыя не трудно возстановить всякому интересующемуся хронологіей событій.

Послѣ заключенія мира въ Кампо-Форміо, который коснулся главнымъ образомъ интересовъ Австріи и Італіи, политическія тревоженія продолжали занимать европейскіе кабинеты.

Великодушный императоръ Павелъ I взялъ на себя роль покровителя во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ правосудіе требуетъ поддержки власти и безкорыстія. Онъ призвалъ въ Россію армию французскихъ принцевъ, пожертвовавшихъ всѣми личными выгодами для того, чтобы поддержать

1) См. „Русскую Старину“, 1901 г. январь.

права своего законнаго монарха, и предложилъ въ своей столицѣ приютъ потомку знаменитаго Конде. Онъ далъ, какъ великій монархъ, приютъ несчастному королю Людовику XVIII съ его дворомъ въ бывшей столицѣ Курляндіи. Трапписты ¹⁾, не имѣвшіе болѣе во Франціи ни пяди земли и считавшіе въ числѣ своихъ монахинь герцогиню Бурбонскую, получили на Воляни въ полную собственность монастырь, гдѣ имъ разрѣшено было поселиться; многіе французскіе эмигранты знатнѣйшихъ фамилій были приняты въ русскую армію, которая увидѣла въ своихъ рядахъ Ришелье, Ланжероновъ, Сень-При и многихъ другихъ французскихъ аристократовъ. Принцу Конде былъ пожалованъ въ Петербургъ обширнѣйшій дворецъ, принадлежащій нынѣ герцогу Лейхтенбергскому.

Мальта, коей завладѣли англичане, не была уже мѣстопробываніемъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ древній орденъ знаменитъ въ исторіи тѣмъ, что его приверженцы выказывали постоянно самыя благородныя, безкорыстныя, истинно рыцарскія чувства. Этотъ духъ сильно мѣшалъ распространенію среди нихъ новыхъ идей; и это обстоятельство, а равно владѣніе ими островомъ Мальтою, который Англія давно облюбовала, было въ значительной степени причиною уничтоженія ордена! Послѣ того какъ онъ былъ распущенъ, высшія сановныя лица Мальтійскаго ордена отдали себя подъ могущественное покровительство императора Павла I, предложивъ ему званіе гротмейстера. Новый Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека, Павелъ принялъ предложеніе, сдѣланное ему депутаціей этого ордена, которая прибыла въ Петербургъ съ драгоцѣнной для всего христіанскаго міра реликвіей, правой рукою св. Іоанна Крестителя Предтечи Христова. Онъ объявилъ себя магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пожелалъ, чтобы капитулъ его находился въ Петербургѣ, и помѣстилъ его во дворцѣ Чернышева, нынѣ Пажескій корпусъ, поднявъ этимъ значеніе этого знаменитаго ордена, существованіе котораго оскорбляло французскихъ революціонеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало планамъ Англіи на всемірное владычество на морѣ. Хотя Мальта находилась уже въ рукахъ англичанъ, но новый гротмейстеръ назначилъ командующимъ островомъ генералъ-лейтенанта князя Дмитрія Михайловича Волконскаго. Императоръ учредилъ въ Россіи командорства, назначилъ нѣсколько

¹⁾ Трапписты, монашескій орденъ, основанный въ 1122 г., преобразованъ въ 1664 г. де-Рансе, давшимъ ему суровый уставъ. Члены ордена ходили безъ рубашекъ, питались хлѣбомъ, рисомъ и картофелемъ и строго соблюдали обѣтъ молчанія. Во время французской революціи трапписты разсѣялись по Швейцаріи, Пруссіи и Россіи и повсюду встрѣчали недружелюбный пріемъ. Въ 1817 г. они вернулись въ свое аббатство во Франціи, а въ 1880 г. изгнаны изъ предѣловъ этой страны.

человѣкъ командорами и кавалерами этого ордена, который давался также въ награду офицерамъ и генераламъ, совершившимъ кампанію въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, такъ какъ Павелъ не давалъ болѣе никому Георгіевскаго и Владимірскаго крестовъ, учрежденныхъ его матерью. Къ ложамя французской, нѣмецкой и италіанской присоединилась русская ложа.

Мальтійскій мундиръ остался такимъ же, какимъ его носили въ нѣмецкой ложѣ, съ черными бархатными отворотами, обшлагами и воротникомъ. Изъ-за обладанія Мальтою, отъ которой Англія не хотѣла отказаться, возникъ со временемъ споръ и разногласіе между с.-петербургскимъ и сентъ-жемскимъ кабинетами. Всѣ перечисленные мною событія требовали бы болѣе обстоятельнаго описанія, но главный ихъ интересъ заключается не въ подробностяхъ.

Событія суть не что иное, какъ вѣдшее проявленіе идей, коими они порождаются; эти идеи могутъ быть велики или ничтожны. Послѣдствія никогда не зависятъ отъ воли человѣка. Тотъ, кто вздумалъ бы судить о людяхъ по результатамъ, проистекающимъ изъ плановъ, порожденныхъ ихъ гениемъ или умомъ, неминуемо впалъ бы въ ошибку! По результатамъ можно судить только о дѣйствіи механическихъ силъ, которое можетъ быть заранѣе опредѣлено на основаніи точнаго расчета.

Могъ ли самый умный и предусмотрительный человѣкъ предсказать, что корсиканецъ, воспитанникъ артиллерійской школы во Франціи, менѣе нежели черезъ 15 лѣтъ будетъ императоромъ французовъ, сотретъ съ лица земли все то, что существовало вѣками, и станетъ полновластнымъ повелителемъ имперіи болѣе обширной, нежели была имперія Карла Великаго?

Обозрѣвая прошедшее и сравнивая его съ настоящимъ, все представляется въ высшей степени интереснымъ. Боссюэтъ сказалъ великую истину, что надобно быть непрічастнымъ къ событіямъ для того, чтобы судить о нихъ. Актеры, играя на сценѣ, не могутъ замѣтить своихъ главныхъ недостатковъ и своихъ достоинствъ,—ихъ увлекаетъ дѣйствіе. Поглощенные главной цѣлью, какъ можно вѣрнѣе передать изображаемый ими оригиналъ, они не слѣдятъ за собою и не могутъ видѣть себя. О нихъ могутъ судить только зрители. Слѣдовательно, для того, чтобы наблюдать и судить, надобно быть зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.

Всѣ люди, такъ или иначе причастные къ извѣстнымъ событіямъ, не могутъ безпристрастно судить о нихъ. Событія, ознаменовавшія собою три послѣдніе, достопамятные года конца XVIII вѣка, и лица, появившіяся въ это время на міровой сценѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ большой интересъ для исторіи развитія человѣческаго ума и для исторіи народовъ.

Сказавъ о томъ, какую фізіономію представляла собою Вѣна въ іюнѣ мѣсяцѣ 1797 г., когда я пріѣхалъ въ этотъ городъ, я упомяну еще, не придерживаясь хронологіи, о нѣкоторыхъ событіяхъ, совершившихся въ теченіе 1798—1799 гг., когда я жилъ въ столицѣ австрійской имперіи, и о выдающихся личностяхъ, которыя не должны быть забыты, подобно простымъ смертнымъ или подобно огромному большинству людей, живущихъ только для того, чтобы удобрять почву.

Вѣнскій кабинетъ слишкомъ спокоенъ, остороженъ и предусмотрителенъ для того, чтобы дѣйствовать когда-либо подъ вліяніемъ минуты. Онъ всегда предвидитъ будущее и хотя излишняя осторожность или недоувѣрчивость вовлекаетъ его иногда въ ошибки, но это бываетъ обыкновенно въ ущербъ не ему, а его союзникамъ; что касается Австріи, то ей удается обыкновенно вознаградить себя за потери, причиненныя ей этою политикою.

Изъ дипломатовъ наибольшее вліяніе на вѣнскій кабинетъ, во главѣ котораго стоялъ баронъ Тугутъ, безспорно, имѣлъ въ то время русскій посланникъ, графъ Андрей Разумовскій.

Вельможа по происхожденію, сынъ человѣка, возвысившагося благодаря случаю, онъ обладалъ огромнымъ состояніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми качествами государственнаго человѣка. Въ немъ все было необычайно. Знаніе свѣта, проніцательный умъ, обширное образованіе, хитрость, представительная наружность, обаятельная любезность, даръ слова, въ особенности умѣніе излагать свои мысли письменно по самымъ важнымъ вопросамъ,—всѣ эти качества поставили его во главѣ дипломатическаго корпуса, придавали ему вліяніе въ дѣлахъ и политическихъ сдѣлкахъ, въ которыхъ интересы его страны требовали примѣненія его выдающихся способностей. Врагъ республиканскихъ санкюлотовъ по убѣжденію и по своему положенію въ свѣтѣ, онъ всѣми силами старался сдѣлать изъ своего монарха союзника и помощника Австріи; но не въ его власти было заставить австрійскій кабинетъ и его знаменитый Kriegsrath (военный совѣтъ) измѣнить взгляды, коими они руководились въ своихъ планахъ и мѣропріятіяхъ, благодаря которымъ Суворовъ потерпѣлъ неудачу въ Италіи, а императоръ Павелъ былъ вынужденъ отозвать свои войска.

Павелъ не любилъ Разумовскаго. Онъ зналъ, что Разумовскій былъ весьма близокъ къ его первой женѣ, но онъ дорожилъ имъ, какъ чело-вѣкомъ высокаго незауряднаго ума. Я не знаю, чѣмъ было вызвано временное отозваніе изъ Вѣны этого бывшего соперника великаго князя. Какъ бы то ни было, онъ былъ отозванъ незадолго до моего отъѣзда изъ этого города, и на его мѣсто былъ назначенъ Колычевъ, бывший посланникомъ въ Голландіи. Но отсутствіе Разумовскаго продолжалось не долго; онъ возвратился вскорѣ на мѣсто посланника. За нѣсколько

недѣль до своего отозванія, Разумовскій показывалъ мнѣ великолѣпные алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго, большой цѣнности, присланные ему его отцомъ-фельдмаршаломъ въ томъ предположеніи, что, имѣя уже Владиміра 1-й степени и Александра Невскаго, онъ долженъ былъ вскорѣ получить и этотъ орденъ. Первые два ордена онъ имѣлъ еще въ царствованіе Екатерины. Этотъ подарокъ, полученный имъ столь несвоевременно, былъ, однако, какъ бы счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ, будучи вновь назначенъ посланникомъ, онъ получилъ вскорѣ и Андреевскую ленту. По всей вѣроятности, Павелъ I, недовольный помѣхами со стороны вѣнскаго кабинета, которыя тормозили дѣйствія Суворова, выместилъ свое неудовольствіе на Разумовскомъ. Разумовскій, получившій въ царствованіе Александра I княжескій титулъ, долго оставался на посту посла въ Вѣнѣ и участвовалъ во всѣхъ конгрессахъ, которые созывались послѣ паденія Наполеона. Онъ растратилъ свое огромное состояніе, женился вторично, когда ему было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, и умеръ въ стѣненныхъ обстоятельствахъ. Онъ жилъ съ истинно царской роскошью!

Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну и остановился въ отелѣ русскаго посла. Его камердинеръ, пріѣхавшій впередъ, попросилъ позволеніе осмотрѣть квартиру, отведенную для генералиссимуса, и выбралъ только одну комнату для его спальни. Изъ нея вынесли всю мебель и зеркала; вмѣсто нихъ было принесено нѣсколько пучковъ соломы, служившей обыкновенно князю Италійскому постелью, и ведро воды, изъ котораго онъ обмывалъ свое тѣло. Въ обществѣ онъ показывался не иначе, какъ въ полной парадной формѣ. Въ тотъ день, когда онъ представлялся императору Францу, дворъ былъ въ полномъ блескѣ. Всѣ улицы и дворцовый дворъ были полны народа. Суворовъ былъ въ мундирѣ австрійскаго генералиссимуса, сверкавшаго брильянтами. Послѣ аудіенціи онъ отправился въ церковь св. Михаила, гдѣ преклонилъ колѣна передъ алтаремъ, хотя онъ былъ православный. Онъ не отказался отъ своихъ странностей и отъ своей лаконической рѣчи, которая не всегда гармонировала съ австрійской спѣсью; но довѣріе, которое всѣ питали къ его военнымъ талантамъ и къ его личной храбрости, было причиною, что на эти странности не обращали вниманія. Всѣ были увѣрены, что гдѣ Суворовъ, тамъ и побѣда.

Русская армія, пришедшая въ Австрію до прибытія генералиссимуса, была разставлена на квартирахъ въ окрестностяхъ Вѣны. Я видѣлъ эту армію близъ Шёнбрунна, когда Суворовъ производилъ ей смотръ передъ ея отправленіемъ въ Италію. Онъ послѣдовалъ за арміей, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, крѣпости и вся страна были очищены отъ непріятели.

Суворовъ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ въ той са-

мой базиликъ, своды которой оглашались нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ церковнымъ пѣснопѣніемъ впервые благодаря заботамъ св. Амвросія ¹⁾.

Въ одномъ изъ монастырей въ окрестностяхъ Вѣны я увидѣлъ въ первый разъ французскихъ траппистовъ, направлявшихся къ новому убѣжищу, предложенному имъ великодушнымъ монархомъ всероссійскимъ. Основатель этого монашескаго ордена вѣроятно постигъ неземное существованіе, ибо иначе онъ не могъ бы отказаться отъ живаго слова и обречь себя на вѣчное молчаніе. Слово есть выраженіе жизни духа, ибо жить только для того, чтобы ѣсть, пить, спать и удовлетворять требованія своихъ чувствъ значитъ жить исключительно животною и даже растительною жизнью! Когда человѣкъ не говоритъ, то онъ думаетъ или предается размышленіямъ, если онъ не идиотъ. Думать значитъ говорить! Вся разница между мыслию и словомъ заключается въ томъ, что другой человѣкъ не можетъ знать нашихъ мыслей, если онъ не выраженъ языкомъ; тотъ, кто предается размышленіямъ, слушаетъ самого себя, свой собственный голосъ. Слово, переданное звукомъ нашего голоса, есть нечто иное, какъ способъ нашего общенія съ другими людьми. Когда человѣкъ привыкнетъ бесѣдовать самъ собою или, что то же, привыкнетъ думать, то онъ не стремится слушать то, что говорятъ другіе, или говорить для того, чтобы они могли его слышать! Вотъ что долженъ былъ испытать и передумать тотъ, кто основалъ орденъ траппистовъ! Можно легко привыкнуть ко всевозможнымъ лишениямъ, къ самымъ суровымъ правиламъ, но трудно привыкнуть къ безмолвію. Человѣкъ хочетъ говорить или слышать, какъ говорятъ другіе. Почему? Потому что слово и дѣятельность суть синонимы жизни. Отказаться отъ слова и отъ дѣятельности значитъ умереть физически; поэтому такъ трудно молчать, а еще болѣе трудно жить, соблюдая полное безмолвіе! Я не хочу защищать правила траппистовъ или доказывать ихъ пользу: я хочу только указать, какое необычайное явленіе представляетъ собою постоянное безмолвіе живаго существа, находящагося въ обществѣ себѣ подобныхъ. Можно смѣяться надъ траппистами сколько угодно, но нельзя сказать, чтобы они были идиоты или плуты. Никто не будетъ молчать для того, чтобы обманывать людей, съ которыми онъ избѣгаетъ общенія и даже встрѣчи.

Полезны ли подобныя учрежденія обществу? Да, положительно по-

¹⁾ Святой Амвросій, епископъ, патронъ г. Милана (род. около 340, ум. 397 г.), имѣлъ большія заслуги въ области церковнаго пѣнія, въ качествѣ составителя духовныхъ пѣсень: имъ введенъ такъ называемый Амвросіанскій напѣвъ, за образецъ котораго имъ взяты напѣвы православной церкви; онъ похороненъ подъ алтаремъ Амвросіанской базилики. В. Т.

лезны. Въ натурѣ человѣка есть черты, свойственныя тигру, гіенѣ, шакалу и лисицѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одаренъ волею, которая не повируется инстинкту. Если бы человѣкъ среди себѣ подобныхъ не встрѣчалъ людей, способныхъ подавить въ себѣ эти свойства, то онъ не повѣрилъ бы даже въ возможность жить иначе, чѣмъ онъ живетъ, и сдѣлался бы, какъ это показываетъ исторія, хуже тигра, гіены, шакала и лисицы! Человѣческіе законы дѣйствуютъ на тѣла. Только примѣры и убѣжденіе могутъ дѣйствовать на совѣсть и на волю. Нельзя сравнивать всѣпрочіе монашескіе ордена съ траппистами. Они пользуются еще для сношенія между собою и съ остальнымъ міромъ гибкой человѣческой рѣчью. Траппистъ безмолвствуетъ. Онъ умеръ для міра, и міръ умеръ для него. Не бойтесь, господа говоруны, среди людей никогда не найдется много траппистовъ. Человѣческое общество не пострадаетъ отъ примѣра, который не можетъ быть заразителенъ. Монастырь траппистовъ не сулитъ ни богатствъ, ни удовольствій, ни хорошаго стола, ни удовлетворенія честолюбія.

Монастырь, о которомъ я говорю, состоялъ во время моего путешествія изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей обоого пола, которые сходились только на молитву въ церкви. Они помѣщались отдѣльно и подчинялись аббату Детранжъ, бывшему нѣкогда драгунскимъ офицеромъ. Меня поразило спокойствіе, здоровье и самоотверженіе этихъ безмолвныхъ дѣтей. Я не обратилъ вниманія ни на ихъ растительную пищу, ни на ихъ одежду, сдѣланную изъ грубаго сукна, ни на ихъ повиновеніе. Меня изумило безмолвіе взрослыхъ и дѣтей, среди которыхъ были шаловливыя и веселыя лица, значить, можно жить въ обществѣ, не разговаривая другъ съ другомъ, и не сойти съ ума или не умереть отъ скуки!

Я видѣлъ въ Вѣнѣ же герцога Зюдерманландскаго, впоследствии Карль XIII, и герцогиню, будущую королеву, его супругу, женщину, одаренную умомъ, привѣтливостью и изящною простотою обращенія; эти качества очаровывали всѣхъ, кого она удостоивала своимъ посѣщеніемъ. Конечно ни я, ни самые тонкіе дипломаты того времени, не могли предугадать, что старый герцогъ займетъ на шведскомъ престолѣ мѣсто молодого короля, и что его смѣнятъ въ свою очередь французскій генераль, посоль Французской республики въ Вѣнѣ. Какъ было бы интересно сопоставить въ одной книгѣ всѣ разочарованія дипломатіи, которая имѣетъ претензію все предвидѣть и все согласовать.

Сколько знаменитостей прошло передъ моими глазами въ этой прекрасной Вѣнѣ, бывшей въ то время единственнымъ центромъ, куда стекались всѣ эти знаменитости. Герцогъ Энгіенскій обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Его не сожалѣли, въ немъ видѣли молодого принца, покинувшего свою родину, потому что ужасный терроръ и его привер-

женцы заставили это дѣтище Франціи покинуть свое отечество. Не имѣя иной поддержки кромѣ своихъ поправныхъ правъ, всѣмъ и вездѣ чужой, онъ пользовался однако всеобщимъ сочувствіемъ. Принужденный искать гдѣ-либо убѣжище, онъ не былъ въ безопасности даже вдали отъ родной земли, которую онъ обагрить въ послѣдствіи своей чистой, невинной кровью, пролитой во рву Венсенскаго зѣмка. Была ли его насильственная смерть дѣломъ политики или же ненасытною жаждою беззаконія, захотѣвшаго упиться крови законнаго представителя монархіи?

Въ то время когда я жилъ въ Вѣнѣ, въ этомъ городѣ находились многія знаменитости артистическаго міра: Гайдень, Гуммель, Бетховень, люди—великаны, голосъ которыхъ звучалъ такъ же громко, какъ голосъ первыхъ пѣвицъ міра, и даже превосходилъ ихъ своею силою и обширностью. Маркези и Кресцентини (Crescentini) плѣняли слухъ людей доступныхъ мелодіи, тому божественному искусству, которое называется музыкою. Угано летала на подмосткахъ, какъ птичка, рѣющая въ воздухѣ; ея грація могла только сравняться съ колыханіемъ розы на стебелькѣ. Словомъ, Вѣна была очаровательнымъ городомъ въ то время, какъ Парижъ, мѣсто котораго она завяла, не представлялъ инаго зрѣлища кромѣ гильотины и странныхъ ужимокъ республиканскихъ вакханокъ или грубыхъ «incroyables» (неимоверныхъ), превращавшихъ человѣка въ какую-то отвратительную обезьяну.

Краниологія доктора Галля, которая такъ шумѣла въ послѣдствіи въ Европѣ, не произвела особеннаго впечатлѣнія въ той столицѣ, гдѣ она возникла. Люди шли смотрѣть коллекцію череповъ краниолога, слушали его разъясненія, но никто не увлекался его системой, вѣрной или фальшивой, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на ея принципы. Я видѣлъ доктора Галля и его черепа, начиная отъ черепа австрійскаго генерала Вурмзера до черепа мыши, которые красовались въ одномъ шкапу. Если придерживаться принципа, что умъ и душа развиваются сообразно съ развитіемъ черепа, то придется смотрѣть на человѣка съ матеріалистической точки зрѣнія, и тогда надобно будетъ проститься со свободою человѣка или, говоря схоластически, со свободою воли. Если придти къ заключенію, что черепъ образуется соотвѣтственно душѣ, которая одушевляетъ безформенную матерію, то придется увѣровать въ Предопредѣленіе и признать, что человѣкъ родится прямо добрымъ или злымъ, умнымъ или глупымъ, добродѣтельнымъ или мошенникомъ, и въ такомъ случаѣ также придется проститься со свободою воли.

Все это ошибочно. Наука нерѣдко заблуждается. Злодѣй, черепъ котораго украшенъ всѣми выпуклостями или шишками, свидѣтельствующими о преступныхъ наклонностяхъ, можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ, если онъ того захочетъ. Воля не подчинена ни выпу-

кlostямъ черепа, ни его углубленіямъ. Краніологія доктора Галля на-доѣла подобно менуэту: теперь всѣ увлекаются только вальсомъ.

Незадолго до моего отъѣзда, въ Вѣну пріѣхалъ второй сынъ импера-тора Павла I, великій князь Константинъ Павловичъ, отправившійся въ армію генералиссимуса Суворова, чтобы познакомиться со стратегіей подь выстрѣлами непріятеля.

Я остановился на обратномъ пути въ Россію на нѣсколько дней въ Дрезденѣ, гдѣ праздновали въ то время первую побѣду Суворова. Я осмотрѣлъ картинную галерею, собраніе драгоценностей и предметовъ искусства, кабинетъ древностей. Въ Берлинѣ я видѣлъ знаменитаго эскъ-аббата Сіесса и Лукезини, министра иностранныхъ дѣлъ. Эти лица заслуживали не меньшаго вниманія, нежели головки Деннера ¹⁾ въ Дрезденской галлерей! Сіессъ любезничалъ съ дамами, что не составляло для него ни малѣйшаго труда, такъ какъ онъ былъ воплощенная лю-безность. Послѣ Вѣны, Берлинъ производитъ впечатлѣніе пасмурнаго неба послѣ чудеснаго солнечнаго восхода. Уѣхавъ изъ Берлина курье-ромъ, я не помню по пути ничего болѣе интереснаго той превосходной рыбы, которую я ѣлъ въ рыбацкой хижинѣ на берегу Неруны (La Neruna?).

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ іюня и тотчасъ пред-ставился, какъ курьеръ, привезшій депеши вице-канцлеру, графу Ко-чубею. Графъ Ростопчинъ впалъ въ то время въ немилость и покинулъ столицу.

Императоръ Павелъ все еще былъ занятъ осуществленіемъ своихъ плановъ преобразованія внутренняго управленія имперіи, но по отно-шенію къ западнымъ державамъ онъ держался прежней политики. Онъ хотѣлъ побороть вліяніе Великобританіи, объявилъ себя ея противни-комъ и присоединился къ политикѣ Франціи, которой руководилъ На-полеонъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ.

Занимаясь дѣлами внѣшняго и внутренняго управленія и пре-образованіемъ войска, императоръ вздумалъ выстроить дворецъ на по-добіе крѣпости, который служилъ бы ему резиденціей во время его пребыванія въ столицѣ и въ которомъ онъ могъ бы укрыться въ случаѣ надобности. Михайловскій замокъ былъ сооруженъ весьма бы-стро и окруженъ рвами, черезъ которые были перекинуты подъемные мосты. На площади передъ замкомъ Павелъ приказалъ поставить сдѣлан-ную изъ бронзы, ковную статую Петра Великаго съ надписью: «правнукъ— прадѣду»; на фронтонѣ замка была помѣщена огромными буквами надпись, заимствованная изъ псалма ХСII стихъ 5: «Дому Твоему, Господи, при-

¹⁾ Деннеръ, знаменитый портретистъ, р. 1635 † 1747 г.

В. Т.

надлежить святость на долгіе дни» и т. д., но этотъ стихъ былъ измѣненъ, и надпись, сохранившаяся на дворцѣ до сихъ поръ, гласитъ: «Дому Твоему подобаеть святыня Господня въ долготу дней».

Но эта маленькая фальсификація, эти рвы и подъемные мосты не продлили царствованія Павла I, точно такъ же, какъ и заявленіе, сдѣланное на конной статуѣ Петра Великаго о томъ, что онъ его правнукъ! Онъ окончилъ жизнь въ томъ же Михайловскомъ замкѣ.

Петербургъ со временъ Петра I развивался быстрыми шагами, становясь великолѣпнѣйшею столицею Европы; но въ немъ не было древняго собора, подобнаго тому, какой мы видимъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; Петропавловскій соборъ (въ крѣпости) нельзя считать собственно городскою церковью. Павелъ вздумалъ построить соборъ Казанской Божіей Матери на мѣстѣ старинной деревянной церкви, которая стояла ближе къ Невскому проспекту, чѣмъ великолѣпный соборъ, начатый и оконченный постройкою его сыномъ Александромъ I. Составить планъ этого собора и построить его по образцу собора св. Петра въ Римѣ было поручено архитектору изъ бывшихъ крѣпостныхъ графа Строганова.

Если возводить зданіе меньшихъ размѣровъ, чѣмъ тотъ образецъ, которому хотять подражать, то подражаніе рѣдко бываетъ удачно и обыкновенно напоминаетъ оригиналъ только въ ущербъ себѣ.

Отдѣльныя части Казанскаго собора великолѣпны, но въ общемъ онъ далеко не такъ величественъ, какъ долженъ бы быть, судя по затраченной на него весьма значительной суммѣ денегъ.

Въ то время когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, онъ жилъ очень уединенно, былъ хорошимъ мужемъ и хотя говорили о его связи съ дѣвицей Нелидовой, но время показало, что это предположеніе было несправедливо. Дружба императрицы Маріи Феодоровны къ г-жѣ Нелидовой, продолжавшаяся до кончины императрицы, и документы, найденные послѣ смерти Нелидовой, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ея отношенія къ императору были основаны единственно на взаимномъ уваженіи и дружбѣ.

Надобно быть сверхъ-человѣкомъ, чтобы не увлечься неограниченной властью. Достаточно одного воображенія для того, чтобы поколебать самую твердую волю, а чего не сдѣлаеть воображеніе, то можетъ быть дополнено льстецами, заинтересованными въ томъ, чтобы имѣть вліяніе на всемогущаго монарха. Приближенные постарались обратить вниманіе Павла I на дѣвицу Лопухину, дочь ярославскаго губернатора. Она понравилась императору, вниманія котораго никто не добивался, пока онъ былъ великимъ княземъ; супружеская вѣрность должна была уступить мѣсто увлеченію, вызванному услужливой преданностью царедворцовъ къ монарху; случайное увлеченіе перешло въ прочное чувство. Менѣе чѣмъ въ три года отецъ Лопухиной получилъ званіе князя

съ титуломъ свѣтлости, быть назначенъ генераль-прокуроромъ и получилъ всевозможные знаки отличія и огромныя помѣстья, а дочь его была выдана замужъ за генераль-адъютанта князя Гагарина.

Семейства Лопухиныхъ и Гагариныхъ были связаны дружбою за долго до смерти Екатерины II. Дружескія отношенія между родителями сближаютъ дѣтей; надъ молодымъ Гагаринымъ постоянно шутили, что онъ влюбленъ въ Лопухину; онъ этого не отрицалъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Павла, военная молодежь принялась ретиво за службу, и князь Гагаринъ попыталъ счастья на полѣ битвы въ Италіи подъ командою Суворова. Канцлеръ, князь Безбородко, дружившій съ семействомъ Лопухиныхъ, вздумалъ сблизить императора съ молодой и хорошенькой дѣвицей Лопухиной для того, чтобы доставить вліяніе ея отцу, человѣку хитрому и очень умному. Безбородко не боялся, что Лопухинъ подставитъ ему ногу, напротивъ, онъ рассчитывалъ имѣть въ немъ силу, которая будетъ служить ему поддержкой, и надѣялся, что они будутъ дѣйствовать заодно. Планъ этотъ удался. Лопухина понравилась императору, и Безбородко и Лопухинъ сдѣлались всемогущи! Гагаринъ былъ въ то время въ арміи; онъ имѣлъ еще въ предшествовавшее царствованіе чинъ маіора, сталъ быстро повышаться по службѣ и въ моментъ кончины Павла I былъ генераль-адъютантомъ и имѣлъ Анну I степени.

Бывъ въ отсутствіи изъ Петербурга, я не знаю хорошенько, когда именно совершился его бракъ съ фавориткою. Она получила отъ Павла великолѣпный домъ возлѣ дворца, на набережной, и у ея дверей каждый день стояла карета съ гербомъ великаго магистра того ордена, коего кавалеры проносили обѣтъ цѣломудрія.

Въ ту эпоху было одно довольно могущественное средство, которое можно было пустить въ ходъ всякій разъ, когда желали добиться чего-нибудь; весь вопросъ заключался въ томъ, былъ ли человѣкъ въ состояніи щедро заплатить. Этимъ средствомъ была актриса французской оперы Шевалье. Она была на содержаніи у Кутайсова, который, сдѣлавшись оберъ-егермейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ, и владѣя колоссальнымъ состояніемъ, могъ содержать эту театральную знаменитость. Она дѣлала изъ своего любовника, горячаго, какъ климатъ его родины, все, что соотвѣтствовало ея выгодамъ. Какой-то князь Горчаковъ, мимодетное явленіе чудовищной милости, былъ обязанъ этою милостью актрисѣ Шевалье.

Въ то время когда я былъ еще причисленъ къ русскому посольству въ Вѣнѣ, и когда императоръ Павелъ далъ въ Воыни убѣжище арміи Конде, множество личностей, принадлежавшихъ къ этой арміи, находились въ Вѣнѣ и являлись въ канцелярію посольства, чтобы визировать паспорта для въѣзда въ Россію. Князь Горчаковъ, о которомъ я

говорилъ выше, находился при арміи въ качествѣ военнаго комиссара. Онъ выдавалъ паспорта всѣмъ тѣмъ, которые по своимъ личнымъ дѣламъ оставляли армію съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ ней потомъ уже въ Воляни. Эти паспорта надлежало визировать. Каково было мое удивленіе однажды, когда мнѣ былъ предъявленъ первый подобный паспортъ, и я увидѣлъ, что въ заголовкѣ его красовалась царская формула: «Мы, Василій князь Горчаковъ, маіоръ въ свитѣ его императорскаго величества» и т. д. и т. д. Мнѣ было совѣстно, что соотечественникъ, на котораго было возложено столь выдающееся порученіе, выказалъ полное незнаніе общепринятыхъ формальностей; но по пріѣздѣ Горчакова въ Вѣну я вскорѣ измѣнилъ свой взглядъ. Его тонъ, манеры, всѣ его движенія указывали на то, что выборъ этого человѣка не былъ случайностью. Въ 1800 г. я встрѣтился съ нимъ вторично въ Петербургѣ; онъ былъ уже генераломъ-маіоромъ, имѣлъ Анну I ст., ленту баварскаго ордена, св. Губерта I ст. и множество другихъ орденовъ; пользовался величайшей милостью у императора, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ кумирами дня, велъ жизнь миллионера, словомъ, былъ на дорогѣ, чтобы сдѣлаться человѣкомъ всемогущимъ. Послѣ моего отъѣзда во внутреннія губерніи Имперіи въ 1800 г. онъ занималъ постъ военнаго губернатора въ Ревелѣ. Затѣмъ я потерялъ его изъ вида, но впоследствии слышалъ, что въ царствованіе Александра I онъ попробовалъ поддѣлать чьи-то подписи, былъ обличенъ, бѣжалъ за границу, но былъ пойманъ, судимъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Я часто видѣлъ и хорошо зналъ этого человѣка, когда онъ былъ въ апогеѣ своего величія. Зная его умъ и тактичность, я никакъ не могъ думать, чтобы онъ рѣшился сдѣлать что-либо подобное. Впрочемъ, ни умъ, ни тактъ не заставятъ человѣка поступить такъ, какъ повелѣваетъ ему долгъ, если у него не достаточно развита совѣсть и если онъ преслѣдуетъ исключительно свои личные интересы. Если человѣку везетъ слѣпое счастье и благодаря ему онъ выходитъ изъ ничтожества, то счастье прежде всего ослѣпляетъ его, ибо иначе тотъ, кому оно покровительствуетъ, взялъ бы верхъ надъ судьбою, а она этого не допускаетъ. До тѣхъ поръ, пока вертится колесо фортуны, тотъ, кто вертится вмѣстѣ съ нимъ, можетъ сломать себѣ шею.

Упомянувъ о баловнѣ судьбы, который былъ только баловнемъ счастья, я упомяну о другомъ человѣкѣ, который появился въ ту же эпоху, быстро возвысился, едва не сломалъ себѣ шею во время одного изъ случившихся съ нимъ паденій, но снова всталъ на ноги и умеръ 40 лѣтъ спустя сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ онъ былъ до своего паденія—я говорю о Сперанскомъ.

Сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, Сперанскій, подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, дѣтямъ духовнаго званія, былъ

помѣщенъ въ епархіальную семинарію. Необходимо замѣтить, что русское духовенство составляетъ особую касту, имѣющую свои особенныя права, коимъ подобныхъ не имѣетъ никакое другое сословіе. Ни одинъ русскій подданный, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, не можетъ переступить привилегію блага духовенства—сдѣлаться священникомъ и получить приходъ. Для того, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, надобно происходить изъ духовнаго званія. Монашество доступно всякому, но чтобы достигнуть высшихъ ступеней церковной іерархіи, чтобы быть служителемъ церкви, надобно происходить изъ духовенства за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда подобное назначеніе дѣлается по высочайшей волѣ. До царствованія Екатерины въ бѣлое духовенство принимались лица всѣхъ сословій, за исключеніемъ крѣпостныхъ; это именно и поддерживало невѣжество духовенства, ибо какія богословскія познанія могъ имѣть купецъ, мѣщанинъ или дворянинъ, получившій приходъ, не имѣя соотвѣтственныхъ познаній, не изучивъ предварительно исторію церкви и догматовъ нашей вѣры. Какимъ духовнымъ пастыремъ могъ быть человѣкъ, бросающійся послѣ разсѣянной жизни изъ личныхъ видовъ или по недостатку средствъ въ духовное званіе. Еще въ половинѣ XVIII вѣка существовали священники неграмотные и не имѣвшіе инаго понятія о религіи кромѣ навыка совершать требы и таинства, чему ихъ учили послѣ ихъ посвященія въ духовный санъ, точно такъ же, какъ читать богослужебныя книги, которыхъ они не понимали. Семинаріи не были доступны для тѣхъ, кто переходилъ въ духовное званіе въ извѣстныя лѣта по убѣжденію или отъ нечего дѣлать; да и эти семинаріи были только школами латинскаго языка и схоластическаго богословія, единственной цѣлью которыхъ были диспуты. Невѣжество духовенства, пренебреженіе, съ коимъ относились къ нему высшіе классы общества, и распушенность его нравовъ, проистекавшая отъ соприкосновенія съ низшими классами народа, съ которой тщетно боролись въ теченіе двухъ вѣковъ патріархъ Никонъ, св. Дмитрій и нѣкоторые другіе выдающіеся іерархи православной церкви, много способствовали поддержанію въ народѣ религіознаго невѣжества и возникновенію многочисленныхъ сектъ и ересей.

Послѣ Петра Великаго на образованіе духовенства, столь необходимое для благосостоянія государства, было обращено больше вниманія. При Екатеринѣ II тѣ чудовищные факты, о которыхъ я говорилъ, сдѣлались рѣже. Изъ духовныхъ академій и семинарій духовенство выходило болѣе образованнымъ и болѣе благовоспитаннымъ, и надобно сказать правду, еслибы въ низшихъ и высшихъ духовныхъ училищахъ обращали такое же вниманіе на воспитаніе нравственности, съ какимъ трудятся въ нихъ надъ образованіемъ риторовъ, писателей и

лингвистовъ, то эти училища можно бы и теперь еще считать гораздо полезнѣе и выше свѣтскихъ школъ. Всѣ университетскіе профессора русскаго происхожденія и школьные учителя состоятъ исключительно изъ семинаристовъ; воспитанники семинаріи охотно принимаются и въ наше время казенными стипендіатами въ университеты и въ лѣкарскія и хирургическія школы.

Сперанскій получилъ свое первоначальное образованіе въ Владимірской семинаріи, откуда онъ поступилъ въ Московскую академію ¹⁾. Въслѣдствіе обнаруженныхъ имъ способностей, фамилія, которую онъ носилъ въ семинаріи, была составлена изъ латинскаго слова *S p e s* (надежда), такъ какъ онъ питалъ надежду достигнуть высшихъ чиновъ (?); въ высшихъ духовныхъ училищахъ существуетъ обычай давать воспитаннику фамилію, смотря по обнаруженнымъ имъ способностямъ и качествамъ, вмѣсто того, чтобы называть его именемъ прихода, въ которомъ служить его отецъ. Изъ Московской академіи Сперанскій былъ переведенъ въ Петербургскую ²⁾, гдѣ занялъ профессорскую каеэдру. Такъ какъ онъ былъ на пути къ достиженію священническаго и епископскаго сана, то онъ былъ посвященъ въ младшій духовный чинъ, чтобы имѣть право говорить проповѣди.

Къ концу царствованія Павла I онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ проповѣдниковъ Александро-Невской лавры. Тѣ изъ воспитанниковъ академіи, которые не хотятъ посвятить себя монашескому званію, чтобы сдѣлаться современемъ епископами, женятся по окончаніи курса и получаютъ приходы, смотря по тому, какую они имѣли степень въ академіи. Тѣ же, которые хотятъ выйти изъ духовнаго званія, получаютъ право поступить на гражданскую службу съ чиномъ, соотвѣтствующимъ ихъ академической степени.

Генераль-прокуроръ князь Куракинъ, человѣкъ не особенно набожный, а тѣмъ менѣе богословъ, былъ однажды въ Александро-Невской лаврѣ на проповѣди Сперанскаго, и карьера проповѣдника была сдѣлана. Судьба или простая случайность, счастье или игра случая, но впечатлѣніе, произведенное на генераль-прокурора краснорѣчіемъ Сперанскаго, и правдивость, которою дышала его проповѣдь, вызвали въ немъ желаніе взять Сперанскаго въ воспитатели своего маленькаго сына. Предложенія, сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ Куракинымъ, были приняты. Каеэдра потеряла краснорѣчиваго проповѣдника; гражданское вѣдомство приобрѣло даровитаго человѣка, который подыалъ сословіе русскихъ судебныхъ писцовъ и достигъ высшихъ чиновъ. Поступивъ на службу къ князю Куракину, Сперанскій получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и далѣе біографическія свѣдѣнія о Сперанскомъ во многомъ не вѣрны.

²⁾ Это не вѣрно.

мѣсто въ канцеляріи генераль-прокурора. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Сперанскій отказался отъ кlobука, онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ, статсъ-секретаремъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Онъ скончался въ 1839 г. графомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и Андреевскимъ кавалеромъ, оставивъ весьма значительное состояніе своей дочери, которая была замужемъ за самымъ обыкновеннымъ сенаторомъ. Такова игра счастья или случая, если вѣрить въ эти языческія божества!

Сперанскій оставилъ Александрo-Невскую лавру, чтобы вступить на поприще, не имѣвшее ничего общаго съ тѣмъ, къ которому онъ готовился, т. е. съ священническимъ саномъ и съ епископской кафедрой; сорокъ лѣтъ спустя его брѣнные останки были преданы землѣ въ той же лаврѣ, какъ останки одного изъ первѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Остается предположить, что либо Сперанскій былъ очень великъ, либо его вѣкъ былъ очень ничтоженъ.

Вступивъ на новое поприще, Сперанскій тотчасъ сбросилъ монашескую одежду, усвоилъ всѣ пріемы современнаго ему свѣтскаго человѣка и англійскій покрой платья, такъ какъ онъ лучше всего скрывалъ неловкость его семинарскихъ манеръ. Онъ завелъ себѣ друзей въ бюрократіи, которой онъ явился впоследствии преобразователемъ, женился на англичанкѣ, бывшей гувернанткою въ домѣ Шувалова; три или четыре года спустя онъ былъ уже директоромъ канцеляріи генераль-прокурора. Сестра его жены была замужемъ за сыномъ извѣстнаго виннаго откупщика Злобина, считавшаго свое состояніе милліонами, а между тѣмъ умершаго на соломѣ. Онъ былъ оракуломъ министерства финансовъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромныя суммы казенныхъ денегъ, которыя выдавались ему на его финансовыя операціи. Откупщики вездѣ всемогущи. Это маги и волшебники современнаго общества. Одно знакомство съ откупщикомъ уже приноситъ выгоду. Сперанскій не пренебрегалъ этимъ знакомствомъ, онъ отлично понималъ, какъ вести свои дѣла ⁷⁾.

Надобно сказать кстати нѣсколько словъ объ откупахъ въ Россіи.

Я не буду говорить о возникновеніи этого бича въ Россіи. Право винокуренія и продажи вина, по всей вѣроятности, принадлежало въ Россіи вездѣ, какъ принадлежитъ еще теперь въ Украинѣ, владѣльцамъ имѣнія или двора; такъ какъ всякое произведеніе земли и промышленности должно принадлежать тому, кто владѣетъ имѣніемъ, или хотя бы клочкомъ земли, или можетъ заниматься какимъ-нибудь промысломъ.

Финансовый духъ, который развивается вмѣстѣ съ цивилизаціей

¹⁾ Во всемъ выше сказанномъ есть много неясностей.

Р е л.

*

и пользуется всёмъ для народнаго блага, сдѣлалъ въ концѣ царствованія Екатерины II винокурение одною изъ главныхъ отраслей государственныхъ доходовъ. Въ 1840 г. оно составляло если не треть, то навѣрно четверть доходовъ всей Имперіи и приносило сто милліоновъ рублей дохода. Если предположить, что таможенный и гербовый сборы давали такую же сумму или немного менѣе, мы увидимъ, что эти три предмета составляли главные статьи государственнаго дохода. При Екатеринѣ II винный откупъ не приносилъ и пятой части того, что онъ приноситъ въ настоящее время.

Вино продается въ настоящее время въ пятьдесятъ разъ дороже, чѣмъ оно продавалось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, однако большая часть народа тратитъ все, что можетъ, на пьянство. Водка, гербовый сборъ и роскошь поглощаютъ всё деньги, которыя пущены въ обращеніе произведеніями земли и промышленности. Эта игра, выгодная для казны, принесла также не мало выгодъ откупщикамъ. За послѣднія 50 лѣтъ, люди самаго низкаго происхожденія сдѣлались милліонерами, и многіе изъ ихъ потомковъ обладаютъ огромнымъ богатствомъ. Одинъ откупщикъ, Рюминъ, сдѣлавшійся изъ кабацкаго сидѣльца менѣе нежели въ 30 лѣтъ дворяниномъ и землевладѣльцемъ, оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ болѣе 12 тысячъ душъ крестьянъ, великолѣпныя помѣстья и огромные капиталы. Благодаря откупамъ, болѣе сорока семействъ вышли за послѣднія сорокъ лѣтъ изъ грязи и ничтожества, разбогатѣли и приобрѣли права дворянства. Никогда торговля не можетъ такъ обогатить того, кто ею занимается, какъ откупъ.

Винокурение составляетъ главный доходъ помѣщиковъ; въ Россіи курятъ вино вездѣ, гдѣ только есть лѣсъ, рожь и рабочія руки. Винокурение или перегонка водки изъ ржи приноситъ Россіи такой же доходъ, если не болѣе, какъ винодѣліе Франціи.

Сперанскій, какъ сила, появился на жизненномъ поприщѣ только въ первые годы царствованія императора Александра. Я буду говорить объ немъ въ свое время.

Разрывъ Павла I съ Англіей и его сближеніе съ Наполеономъ измѣнили положеніе дѣлъ въ ущербъ легитимизму. Людовикъ XVIII, Конде и трапписты должны были покинуть владѣнія монарха, предложившаго имъ съ такимъ безкорыстіемъ и великодушіемъ убѣжище въ Россіи. Политика, власть и такъ называемые государственные интересы составляютъ такое чудовищное обаяніе, которое подавляетъ всякое чувство справедливости, чести и прямотушія. Какія преступленія не совершались во имя дипломатической необходимости, благосостоянія государствъ и ихъ безопасности. Я убѣжденъ, что всё эти преступленія предопредѣлены Провидѣніемъ, которое одно имѣетъ власть превратить зло въ добро; тѣмъ не

меняе люди, являющіеся орудіемъ Провидѣнія, не должны бы, по крайней мѣрѣ, хвалиться своимъ великимъ умомъ, справедливостью и человѣколюбіемъ. Палачъ можетъ быть не злымъ, но дѣло, которое онъ совершаетъ, остается все-таки безчеловѣчнымъ. Передъ судомъ человѣческой совѣсти или даже здраваго смысла, политика всѣхъ временъ никогда не сдумаетъ оправдать тѣ злодѣянія, которыя она себѣ позволяетъ и которыя составляютъ основаніе ея мудрыхъ соображеній. Она всегда жертвуетъ всѣмъ, чтобы выиграть что-нибудь. Сокровеннымъ желаніемъ новаго гротмейстера Мальтійскаго ордена было обладаніе Мальтой. Стремленіе перваго консула унижить Англію согласовалось съ враждебными замыслами по отношенію къ этой державѣ Павла I. Англій втайнѣ готовились нанести ударъ. Но на свѣтѣ нѣтъ той тайны, которая не сдѣлалась бы со временемъ явной. Къ тому же поведеніе императора было слишкомъ откровенно, чтобы сентъ-джемскій кабинетъ оставался въ бездѣйствіи, видя, что были затронуты самые существенные его интересы.

Мысль, что Мальтой владѣютъ англичане, раздражала императора, который не упускалъ ничего изъ того, что могло поддержать существованіе ордена, гротмейстеромъ котораго объявилъ себя. Онъ основалъ въ Россіи командорства, побуждалъ высшее дворянство основывать таковыя въ своихъ семействахъ; создавалъ командоровъ и кавалеровъ и раздавалъ орденъ св. Іоанна въ воздаяніе за гражданскія и военныя заслуги. Капитулъ ордена былъ составленъ на основаніи старинныхъ правилъ; въ помѣщеніи Мальтійскаго ордена была сосредоточена вся его администрація; тамъ же находилась великолѣпная католическая церковь для кавалеровъ нѣмецкихъ, французскихъ и италіанскихъ ложъ; церковь была построена по рисункамъ архитектора Гваренги и въ 1800 г. въ обширномъ дворѣ Мальтійскаго дома, находившагося противъ гостинаго двора, была торжественно отпразднована церемонія «сожженія костровъ».

Церемонія эта происходила 24-го іюня, день, въ который празднуется память св. Іоанна Крестителя, покровителя ордена. Павелъ, какъ глава православной церкви, не счелъ удобнымъ лично присутствовать при торжествѣ католическаго ордена; за отсутствіемъ гротмейстера церемоніей руководилъ старшина ордена (*grand baillis*).

Шествіе спустилось съ парадной лѣсницы дома во дворъ, гдѣ было сложено девять костровъ; девять главныхъ должностныхъ лицъ шли съ факелами въ рукахъ, въ своихъ широкихъ плащахъ изъ чернаго бархата, имѣя на лѣвомъ плечѣ орденскій знакъ «страсти Христовы»; за ними слѣдовало множество командоровъ и кавалеровъ въ темныхъ камзолахъ и плащахъ, съ шляпами, украшенными страусовыми перьями на головѣ. Шествіе обошло три раза костры и они были зажжены; послѣ чего процессія вернулась въ залъ капитула. Стеченіе народа было огромное. Новизна зрѣлища привлекла большую толпу народа. Всѣ задавали себѣ во-

прось, что означает это торжество, и въ теченіе нѣсколькихъ дней въ салонахъ и среди народа ходили тысячи самыхъ нелѣпыхъ и смѣшанныхъ толковъ и предположеній. Императоръ былъ въ это время въ Гатчинѣ, своей любимой лѣтней резиденціи.

Императоръ, какъ гротмейстеръ ордена, назначилъ конференцъ-секретаря академіи художествъ Лабзина исторіографомъ ордена. Онъ приказалъ напечатать эту исторію въ шести томахъ и сохранилъ свое званіе до послѣднихъ дней существованія Мальтійскаго ордена въ Россіи. Такъ какъ императоръ Александръ отказался отъ званія гротмейстера, то при восшествіи своемъ на престолъ орденъ и его капитулъ исчезли изъ Петербурга и изъ Россіи какъ дымъ, какъ исчезаетъ все то, что не имѣетъ подъ собою почвы.

Лѣто 1801 года, послѣднее въ царствованіе Павла I, ознаменовалось смертью генералиссимуса двухъ имперій—Суворова, совершившаго въ Швейцаріи и въ Италіи чудеса храбрости, которыя не принесли никакой пользы кромѣ того, что доставили ему титулъ князя Италійскаго. Такъ оканчиваются всѣ человѣческія предпріятія, если они не согласуются съ тайными цѣлями Провидѣнія. Господь говоритъ морю: ты дойдешь до сихъ поръ и не пойдешь далѣе, и море повинуется его велѣнію: оно выходитъ изъ береговъ, затопляетъ цѣлыя страны, разрушая и уничтожая все на своемъ пути, и остававливается передъ полевымъ цвѣткомъ, который ребенокъ срываетъ дѣтскою рукою для своей забавы.

Гиганту-Суворову не суждено было помѣряться силами съ новымъ гигантомъ, рожденнымъ на островѣ Средиземнаго моря. Онъ еще не возвращался изъ Египта для того, чтобы побороть французскую революцію и сдѣлаться императоромъ французовъ и половины Европы.

Возвратившись въ Петербургъ, Суворовъ не получилъ опредѣленнаго назначенія и помѣстился въ домѣ своей племянницы, графини Хвостовой, рожденной княжны Горчаковой, оба брата которой отличились въ Италіанской кампаніи. Преклонный лѣтами, истомленный 50-тью годами, проведенными въ лагеряхъ и битвахъ, Суворовъ отдалъ, какъ всѣ смертные, дань природѣ: онъ угасъ. Его бранные останки были выставлены на парадномъ катафалкѣ, окруженные всѣми орденами, которыми его монархъ и монархи всей Европы думали вознаградить за заслуги; катафалкъ, на которомъ покоилось его тѣло, былъ окруженъ множествомъ военныхъ. У подъѣзда его дома стояла на часахъ рота лейбгвардіи Преображенскаго полка, мундиръ котораго онъ носилъ. Онъ былъ погребенъ, съ отданіемъ обычныхъ воинскихъ почестей, въ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ гвардейскіе полки были выстроены шпалерами отъ дома Хвостова, который находился на Крюковомъ каналѣ, близъ Никольскаго собора, до воротъ Лавры. Въ Благовѣщенской церкви

Александро-Невскаго монастыря и теперь еще виденъ мѣдный гербъ, окруженный лаврами и воинскими доспѣхами, со слѣдующей скромной надписью: «Здѣсь погребенъ Суворовъ, скончавшійся въ 1801 г.». По этому поводу можно сказать: *Sic transit gloria mundi*. Если бы великіе міра сего чаще думали объ этомъ масонскомъ изреченіи, то они избавились бы отъ многихъ укоровъ совѣсти.

Нельзя утверждать, что Павелъ дѣйствительно имѣлъ вмѣстѣ съ первымъ консуломъ Французской республики намѣреніе напасть на англійскія владѣнія въ Индіи, но этого нельзя также и отрицать; между тѣмъ нѣкоторые лица, до конца оставшіяся вѣрными Павлу, считаютъ это обстоятельство главною причиною его преждевременной кончины; иные же приписываютъ его смерть исключительно всеобщему озлобленію, вызванному его безпощадной строгостью. Исторіи надлежитъ поднять эту двойную завѣсу и пролить на это обстоятельство истинный свѣтъ. Я ограничусь передачею подробностей, предшествовавшихъ кончинѣ императора Павла, предоставляя читателю свободу остановиться на одномъ изъ этихъ двухъ мнѣній.

Правда, что императоръ нисколько не умѣрялъ своей строгости касательно военной службы, требуя во всѣхъ отношеніяхъ самой точной исполнительности, точно такъ же, какъ онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія гражданскимъ властямъ, когда онѣ дѣйствовали противозаконно или несогласно съ его волею; однако нельзя приписывать ему всѣ несправедливости, которыя дѣлались его именемъ. Самодержавный монархъ, онъ оказывалъ безграничное довѣріе тому, кого онъ считалъ достойнымъ этого довѣрія, на комъ останавливалъ свой выборъ и кого облакалъ неограниченной властью. Это довѣріе породило множество злоупотребленій, но вообще народъ не терпѣлъ притѣсненій; даже солдаты, которые всегда жалуются на самое легкое подчиненіе, не тяготились суровыми требованіями службы, такъ какъ они получали все, что имъ полагалось, и могли дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, несмотря на свое низкое, плебейское происхожденіе. Торговля была возвышена дарованными ей новыми правами, слѣдовательно, только одни дворяне могли быть недовольны тѣмъ, что императоръ не обращалъ вниманія на ихъ права, оскорбляя ихъ проявленіемъ своей самодержавной власти, но что могло сдѣлать дворянство Имперіи, состоявшее на треть изъ старинныхъ дворянъ, владѣвшихъ недвижими имуществами и на двѣ-трети изъ пришлаго элемента, вступившаго въ ряды дворянства со временъ Петра Великаго и число коихъ значительно увеличено самимъ Павломъ I; многіе изъ нихъ не имѣли ни пяди земли. Слѣдовательно, всеобщаго неудовольствія, которое могло бы породить заговоръ, не существовало. Онъ могъ возникнуть только за границей или быть дѣломъ партіи недовольныхъ, коихъ поддерживали деньгами

изъ-за границы. Это было наиболѣе распространенное мнѣніе въ то время, когда въ обѣихъ столицахъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Павла I.

Будучи назначенъ состоять при моемъ отцѣ, владимірскомъ губернаторѣ, я уѣхалъ изъ Петербурга въ 1800 г.

Конецъ 1800 г. не ознаменовался никакимъ особеннымъ событіемъ, кромѣ возвращенія въ Петербургъ князя и его брата графа Зубовыхъ. Графъ былъ назначенъ въ это время директоромъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ императора Павла, фаворитъ князь Зубовъ и его братъ, графъ Валеріанъ, были сосланы въ свои помѣстья Владимірской губерніи и отданы подъ непосредственный надзоръ моего отца. Они не имѣли права выѣзжать изъ своихъ деревень; уѣздный полицейскій надзиратель долженъ былъ зорко слѣдить за ихъ поступками и замѣчать, сколько времени оставались въ ихъ домѣ тѣ лица, которыя ихъ посѣщали. Ихъ неожиданное возвращеніе въ Петербургъ страшно взволновало моего отца, человѣка, всею душою преданнаго императору, который удостоивалъ его особаго довѣрія. Отецъ мой тотчасъ подумалъ, что противъ Павла былъ составленъ заговоръ.

Вскорѣ пронесся слухъ о немилости, постигшей графовъ Ростопчина и Аракчеева. Они оба были преданы императору и могли раскрыть всякій замыселъ, направленный противъ его личной безопасности. Они были неподкупны. Для того, чтобы достигнуть цѣли, надобно было устранить ихъ съ дороги. Императоръ хотя и былъ убѣжденъ въ ихъ преданности, но поддакъ внушенію, которое называютъ обыкновенно судьбою. Они лишились милости и не имѣли болѣе никакихъ сношеній съ императоромъ.

Графъ Паленъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ стоялъ во главѣ заговора. Какъ человѣку хитрому и ловкому, ему не трудно было втереться въ довѣріе къ Павлу, который, къ несчастію, былъ слишкомъ довѣрчивъ. Его бывший «Тристанъ-отшельникъ», оберъ-егермейстеръ графъ Кутайсовъ, при всей проницательности, свойственной армянамъ, не видѣлъ далѣе своего носа. Человѣкъ тщеславный и сладострастный, онъ проводилъ обыкновенно время у своей любовницы, актрисы Шевалье, или на конюшнѣ, со своими великолѣпными лошадьми. Онъ не только ничего не зналъ и ничего не предвидѣлъ, но даже пренебрегъ предостереженіемъ, полученнымъ имъ отъ неизвѣстнаго лица, который называлъ ему имена заговорщиковъ. Отправляясь къ Шевалье, Кутайсовъ положилъ эту бумагу въ карманъ и вспомнилъ о ней только въ тотъ моментъ, когда его арестовали. Говорятъ, будто императоръ, услыхавъ наканунѣ о существованіи заговора, задалъ по этому поводу вопросъ Палену, который отвѣчалъ, не смущаясь, что ему это извѣстно, и что онъ дѣлаетъ видъ, будто онъ самъ принимаетъ участіе въ заговорѣ, для того, чтобы узнать имена

заговорщиковъ и раскрыть ихъ тайные замыслы. Павелъ повѣрилъ этому и вечеромъ, передъ своею кончиною, былъ въ салонѣ императрицы любезнѣе, чѣмъ когда-либо. . . .

Павелъ вступилъ на престолъ послѣ 34-хъ лѣтняго царствованія его матери, которая не только устраняла его все время отъ дѣлъ, но даже хотѣла лишить законныхъ его правъ. Какъ покорный сынъ, онъ не возвышалъ голоса. Онъ терпѣлъ всевозможныя неприятности и униженія, не жалуясь. Онъ зналъ, что на его счетъ распространяли неблагопріятныя слухи тѣ фавориты его матери, которые сами расхищали доходы государства, злоупотребляли властью, продавали правосудіе, допускали всевозможныя злоупотребленія, чтобы создать себѣ приверженцевъ. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ искоренить эти злоупотребленія. Онъ былъ строгъ, но справедливъ, требователенъ, но всегда щедръ и великодушенъ. . . .

VI.

Вступленіе на престолъ императора Александра I.—Рожденіе его, юность и воспитаніе.— Великій князь Константинъ Павловичъ.— Воспитатели ихъ: графъ Н. И. Салтыковъ и Лагарпъ.— Первые дни царствованія.— Образованіе министерствъ.— Сперанскій и Новосильцевъ.— Отношеніе Россіи къ Франціи.— Л. Магницкій и его дѣятельность.— Ссылка Сперанскаго и Магницкаго.

Манифестъ, возвѣщавшій о кончинѣ Павла и о вступленіи на престолъ Александра, есть единственный достовѣрный документъ, на основаніи котораго можно предполагать, что новый императоръ хотѣлъ дать народу залогъ своихъ конституціонныхъ намѣреній. Въ манифестѣ говорилось, что императоръ «будетъ управлять Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и по сердцу своей бабки».

Не было надобности принуждать императора Александра дать странѣ конституцію. Это была его излюбленная мечта. Обстоятельства удержали его отъ этого. Трудно идти противъ теченія. Я докажу это впоследствии.

Со смертью Павла окончился вѣкъ Петра Великаго; съ воцареніемъ Александра началась новая эра. Вѣкъ, въ который мы живемъ, и будущій вѣкъ будутъ называться «вѣкомъ Александра». Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; нѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою.

Екатерину упрекали въ томъ, что она умышленно не заботилась о своемъ сынѣ для того, чтобы сдѣлать свое царствованіе на вѣки достопамятнымъ. Какъ женщину умную, ее трудно обвинять въ столь пустомъ желаніи. Еслибы у нея явилась подобная мысль, то она должна была предвидѣть, что ея сынъ, будучи человѣкомъ неспособнымъ, не долго могъ остаться на престолѣ; она могла также предвидѣть, чѣмъ будетъ внукъ, царствованіе котораго превзошло блескомъ ея собственное. Между тѣмъ она особенно заботилась о воспитаніи этого внука, которому, какъ говорятъ, хотѣла оставить престолъ, обойдя его отца. Не объявивъ его своимъ наслѣдникомъ при жизни, она должна была знать, что его отецъ будетъ царствовать послѣ нея; намѣреніе лишить Павла престола не было приведено въ исполненіе, вѣроятно, потому, что монархи такъ же точно, какъ простые смертные, не любятъ думать о своей кончинѣ; къ тому же Екатерина надѣялась вѣроятно прожить дольше. Намѣреніе, которое ей приписываютъ, не могло быть основано на серьезномъ соображеніи, такъ какъ она старалась дать своему внуку возможно лучшее, по ея мнѣнію, воспитаніе. Допустивъ, что онъ долженъ былъ вступить на престолъ вскорѣ послѣ нея, она не могла надѣяться жить вѣчно въ памяти своего народа и Европы, давая Александру либеральное воспитаніе, которое, по ея убѣжденію, могло сдѣлать его хорошимъ монархомъ. Накакая человѣческая сила не можетъ вліять на будущее! Думали ли Мирабо, Лафайетъ, Дантонъ, Робеспьеръ, что они работали для Наполеона! Знали ли они это?

Трудно сказать, какими соображеніями руководствовалась Екатерина, воспитывая своего внука, въ которомъ она видѣла своего преемника, въ принципахъ, діаметрально противоположныхъ свойствамъ народа, коимъ онъ былъ призванъ править неограниченно, ибо Александръ доказалъ въ теченіе своего долготѣняго царствованія, что онъ не былъ намѣренъ держать страну въ варварствѣ и царствовать такъ, какъ его предшественникъ Іоаннъ Грозный.

Александръ I, императоръ всероссійскій, сынъ Павла I и принцессы Маріи Виртембергской, родился 12-го декабря 1777 г. Его рожденіе праздновалось при дворѣ съ необычайною радостію. Екатерина видѣла въ немъ осуществленіе самыхъ завѣтныхъ своихъ надеждъ. Вся Россія, — думала она, — должна была успокоиться на счетъ своей дальнѣйшей судьбы. Поэтъ Державинъ воспѣлъ рожденіе порфиророднаго младенца.

Годъ спустя, великая княгиня Марія разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ, Константиномъ.

Престолонаслѣдіе было, повидимому, упрочено. Екатерина, какъ глава императорскаго дома, взяла на себя заботы о воспитаніи обоихъ внуковъ. Рожденіе этихъ двухъ дѣтей ни въ чемъ не измѣнило положеніе ихъ отца, наслѣдника цесаревича; оно сдѣлалось, пожалуй, еще

двусмысленнѣе, такъ какъ его мать имѣла въ лицѣ этихъ дѣтей предлогъ держать его въ неизвѣстности относительно его собственной судьбы, ибо въ Россіи не существовало никакого основнаго закона, опредѣлявшаго порядокъ престолонаслѣдія.

Она имѣла нѣкоторое право сказать: «я царствую потому, что несовершеннолѣтіе моего внука не позволяетъ мнѣ еще гласно объявить объ отстраненіи отъ престола моего сына по неспособности его царствовать». Сильная и многочисленная партія приверженцевъ Екатерины поддерживала это мнѣніе и распространяла въ обѣихъ столицахъ и по всей Имперіи самые не лестные отзывы о Павлѣ.

Когда юные великіе князья достигли семи и восьми-лѣтняго возраста, они были отданы подъ непосредственный надзоръ графа Николая Салтыкова. Лагарпъ былъ призванъ руководить ихъ нравственнымъ воспитаніемъ и образованіемъ; обоими воспитателями руководила непосредственно сама Екатерина. Она сочинила на плохомъ русскомъ языкѣ или велѣла перевести съ французскаго инструкцію для Салтыкова, предписывавшую ему, какъ вести себя относительно его царственныхъ питомцевъ. Это было собраніе совѣтовъ и указаній, касающихся ихъ физическаго и нравственнаго воспитанія, основанныхъ на ходячей философіи того времени и на принципахъ современнаго ей естествознанія.

Лагарпъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить здѣсь о его философскихъ взглядахъ. Нельзя было сдѣлать худшаго выбора, отдавъ будущаго монарха Россіи въ руки такихъ людей, какими были Салтыковъ и Лагарпъ. Первый, хитрый и ловкій царедворецъ, человекъ слабаго характера, пресмыкавшійся передъ послѣднимъ корыстолюбивымъ и скупымъ фаворитомъ, не былъ въ состояніи воспитать характеръ будущаго царя.

Второй—либераль на - подобіе французскихъ философовъ, снисходительный, низкопоклонный, старавшійся угодить неограниченной монархинѣ, довѣрившей ему воспитаніе своего будущаго наслѣдника, не могъ имѣть инаго желанія, какъ только не уронить себя въ ея мнѣніи.

Екатерина ловко сдумѣла высказать свои виды на Востокъ, научивъ великихъ князей греческому языку и окруживъ младшаго товарищами греками. Въ обществѣ говорила, что великая монархиня предназначала своего внука Константиномъ въ императоры Греціи. Многіе думали, что Екатерина могла уже располагать Константинополемъ потому только, что она назвала своего внука Константиномъ!

Воспитаніе великихъ князей не могло быть удачнымъ. Отдаленные отъ отца, они никогда не слыхали о немъ при большомъ дворѣ.

Когда ихъ возили въ Гатчину, то тамъ никогда не упоминали при нихъ о большомъ дворѣ. Все, что они видѣли въ Гатчинѣ, было діаме-

трально противоположно образу жизни въ Зимнемъ дворцѣ и въ Царскомъ Селѣ.

Императрица отдаляла ихъ отъ всего военнаго и заставляла носить французское платье. Когда они достигли юношескаго возраста и пріѣзжали въ Гатчину или Павловскъ, отецъ заставлялъ ихъ надѣвать военный мундиръ и пріучалъ ихъ владѣть оружіемъ. Все запретное всегда нравится. Это вѣчный законъ, руководящій самолюбіемъ. Въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ на великихъ князей смотрѣли какъ на царственныхъ дѣтей; въ Гатчинѣ и Павловскѣ съ ними обходились какъ съ великими князьями, но по-военному. Ружье, мундиръ и барабанъ отрываютъ часто отъ игръ даже дѣтей и когда они могутъ подражать солдату или офицеру, то они охотно дѣлаютъ это. Юные великіе князья быстро пристрастились ко всему военному и сохранили эту любовь на всю жизнь. Можно было бы представить не мало доказательствъ того, что великіе князья должны были неизбѣжно пристраститься къ военному; на это могло повліять хотя бы одно сознаніе, что императрица, какъ женщина, не могла любить военное, или что съ ними обходятся не такъ, какъ должно, тогда какъ отецъ пріучаетъ ихъ къ правиламъ военной жизни, которыя онъ самъ свято соблюдалъ.

До вступленія на престолъ Павла I его старшіе сыновья не имѣли ни военнаго чина и не несли никакихъ военныхъ обязанностей.

Когда имъ минуло 18-ть лѣтъ, императрица позаботилась объ ихъ женитбѣ. Старшій, Александръ, женился на принцессѣ Баденъ-Дурлахской, получившей въ православіи имя Елисаветы Алексѣевны; годъ спустя Константинъ Павловичъ обвѣнчался съ принцессой Саксенъ-Кобургской, извѣстной подъ именемъ Анны Ѳеодоровны.

Александръ было всего двадцать два года, когда онъ принялъ бразды правленія. Онъ былъ окруженъ врагами своего отца и тѣми лицами, которыя возложили вѣнецъ на его голову. Надобно было обладать большою опытностію, чтобы принять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе. Ему пришлось со многими помириться, чтобы дѣйствовать по своему собственному убѣжденію. Надобно было выждать время. Для того чтобы выказать блестящимъ образомъ свою власть и свою независимость отъ какой-либо партіи, надобно было завоевать прежде всего довѣріе общества. Не имѣя еще всѣхъ этихъ данныхъ, онъ долженъ былъ ко многому быть нѣмъ и глухъ и быть ласковымъ съ окружающими. Онъ пощадилъ враговъ своего отца и выказывалъ до коронаціи такой либерализмъ, который вызвалъ неодобреніе всѣхъ лицъ, которыя хорошо знали народъ, съ коимъ новому императору приходилось имѣть дѣло; но этотъ либерализмъ ободрилъ враговъ Павла и ихъ единомышленниковъ, успокоивъ ихъ вполне на счетъ ихъ дальнѣйшей судьбы.

Чтобы снискать любовь арміи, Александръ ослабилъ немного суро-

выя требованія военной службы; онъ оказалъ вниманіе жалкимъ остаткамъ вельможъ время своей бабки и обласкалъ ихъ, чтобы усыпить; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выказывалъ въ мелочахъ либерализмъ, льстившій тщеславію всѣхъ ничтожностей, которыя видѣли въ этомъ либерализмѣ лишь должную дань ихъ уму и достоинствамъ.

Въ началѣ царствованія Павла I, Александръ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, вскорѣ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Константинъ командовалъ только Измайловскимъ полкомъ. Въ награду за свои военные дѣйствія въ Италіи онъ получилъ званіе цесаревича, хотя этотъ титулъ принадлежалъ по праву только наслѣднику престола.

Александръ имѣлъ отъ жены только двухъ дочерей, умершихъ въ дѣтствѣ. Его младшіе братья, Николай и Михаилъ, были еще дѣтьми и находились подъ непосредственнымъ присмотромъ своей матери, вдовствующей императрицы.

До коронаціи всѣ нововведенія ограничивались тѣмъ, что всѣмъ классамъ общества была предоставлена большая свобода, которая переходила иногда въ распущенность.

Вступивъ на престолъ, Александръ хотѣлъ чѣмъ-либо заявить о себѣ. Права и привилегіи дворянства и городовъ были возстановлены; манифестомъ (2-го апрѣля 1801 г.) было объявлено объ упраздненіи тайной экспедиціи. Въ первый же годъ царствованія Александра былъ заложенъ соборъ Казанской Божіей Матери; этотъ годъ ознаменовался также добровольнымъ присоединеніемъ къ Россіи Грузіи. На слѣдующій годъ были сдѣланы первые шаги къ конституціоннымъ порядкамъ. Было учреждено восемь министерствъ и этимъ измѣнена существовавшая до тѣхъ поръ коллегіальная форма управленія, во главѣ которой стоялъ генераль-прокуроръ, подчинявшійся только одному монарху и контролировавшій всѣ остальные части администраціи.

При неограниченномъ монархическомъ образѣ правленія не существуетъ общественнаго права, которое основывается на свободѣ прессы, несмѣняемости должностныхъ лицъ, гласности и отвѣтственности министровъ.

Обычное право существуетъ, разумѣется, и въ странахъ съ самымъ неограниченнымъ образомъ правленія, но оно примѣняется только къ преступленіямъ, къ наказаніямъ и къ тяжбамъ, возникающимъ между частными лицами; это не есть политическое право. Поэтому въ такихъ странахъ самой естественной является коллегіальная форма правленія. Министръ есть безапелляціонный хозяинъ въ своемъ министерствѣ, его совѣтники или директоры не суть равныя ему лица, но его подчиненные, участь которыхъ всецѣло зависитъ отъ министра; а онъ, въ свою очередь, не боится никакой отвѣтственности кромѣ немилости своего

монарха и является только исполнителемъ его воли. Прженія коллегіи, во главѣ которыхъ стоялъ президентъ и нѣсколько членовъ, были юридическими или административными учрежденіями, рѣшенія которыхъ можно было обжаловать генераль-прокурору. Министерства суть не что иное, какъ большія канцеляріи, подчиненныя непосредственно министру; когда русскій министръ говоритъ о своемъ министерствѣ, то онъ говоритъ о самомъ себѣ. Будучи единственнымъ докладчикомъ у монарха, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ выразителемъ его воли и не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому контролю, не можетъ встрѣтить никакой оппозиціи. То же самое можно сказать о всѣхъ его подчиненныхъ. Они только исполняютъ его предписанія или его волю. Поэтому во всѣхъ неконституціонныхъ государствахъ отсутствуютъ главнѣйшіе элементы конституціоннаго образа правленія:—свобода прессы, гласность и отвѣтственность министровъ; имя министра является вмѣсто другаго имени, но это не измѣняетъ дѣла по существу. Все равно какъ если бы мы назвали Диванъ въ Турціи государственнымъ совѣтомъ, визиря—предсѣдателемъ совѣта, пашей—министрами. Дѣло не въ названіи. Безъ свободы слова и безъ личной свободы конституціонная форма правленія приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Я распространяюсь о характерѣ конституціонныхъ правъ и учреждений не для того, чтобы восхвалять представительный образъ правленія, но для того, чтобы доказать, что они не могутъ быть допущены въ чисто монархическомъ государствѣ. Республиканскія права и республиканскій образъ правленія приличествуютъ только республикѣ. Наполеонъ хотѣлъ сочетать французскую республику со своей неограниченной властью, погубилъ и республику и свою власть. Если бы король великобританскій захотѣлъ имѣть такую же неограниченную власть, какъ Наполеонъ, то англійская конституція тотчасъ перестала бы существовать. Двѣ противоположныя натуры могутъ произвести на свѣтъ только чудовище. Конституціи не даются и не берутся силою; онѣ должны созрѣть и появиться на свѣтъ своевременно.

Учрежденіе Александромъ министерствъ взволновало администрацію страны, привыкшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ видѣть въ лицѣ своихъ царей второе Провидѣніе. Создавъ министерства, надобно было найти цѣлый рой образованныхъ людей, чтобы замѣнить чиновниковъ стараго закала. Самое главное министерство въ ту эпоху было министерство внутреннихъ дѣлъ. Старый дипломатъ графъ Кочубей былъ переименованъ изъ вице-канцлера въ министры; молодой графъ Строгановъ, присутствовавшій при разрушеніи Бастиліи, былъ назначенъ его товарищемъ, а Сперанскій—директоромъ министерства(?) Въ числѣ вновь учрежденныхъ министерствъ, въ Россіи впервые появилось министерство народнаго просвѣщенія. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ

были преобразованы университеты Дерптскій, Виленскій и Московскій, основаны университеты въ Казани и Харьковѣ, Педагогическій институтъ и Медико-хирургическая академія въ Петербургѣ и Лицей въ Царскомъ Селѣ.

Позднѣ Государственный Совѣтъ и министерства были вновь преобразованы; всѣ эти перемѣны совершились въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра I; недоставало только конституціи съ двумя палатами по примѣру государствъ съ представительной формою правленія.

Я уже предупреждалъ моихъ читателей, что я не буду говорить въ этихъ запискахъ о войнахъ, конгрессахъ и другихъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, такъ какъ обо всемъ этомъ много разъ писали авторы, труды которыхъ извѣстны всему читающему міру; поэтому я ограничусь здѣсь рассказомъ того, что касается непосредственно Россіи съ времени вступленія на престолъ императора Александра до его смерти.

Эта эпоха богатая событіями; ея началась новая эра русской исторіи; заслуживающая по справедливости названія «вѣка Александра». Все, что произошло съ тѣхъ поръ и что произойдетъ въ будущемъ, есть только естественное послѣдствіе толчка, даннаго этимъ императоромъ.

Первою заботою Александра было возстановить миръ съ Европой. Войны, которыя онъ велъ съ Наполеономъ, не могли облегчить ему это дѣло. Аустерлицъ и прусскій походъ парализовали его планы въ этомъ отношеніи, Тильзитскій миръ и свиданіе русскаго монарха съ императоромъ французомъ совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ Европѣ и въ Россіи. Двѣ необъятныя силы стали дѣйствовать заодно. Пруссія обязана своимъ спасеніемъ только заботливости о ней Александра. Континентальная система упрочилась къ великому ущербу Англіи; тѣсное сближеніе Александра съ Наполеономъ пробудило снова опасеніе о французскомъ вторженіи въ Англію и занятіи русскими войсками англійскихъ владѣній въ Индіи. Эти два событія положили основаніе колоссальному могуществу, опирающемуся на Францію и Россію, и тогда двумъ императорамъ было бы легко потрясти не только Европу, но и весь земной шаръ. Но судьбы человѣческой политики не суть судьбы Провидѣнія. 1812, 1813, 1814 и 1815 годы доказали это какъ нельзя лучше. Я перечислилъ почти все сдѣланное императоромъ Александромъ для преобразованія страны съ тѣхъ поръ, какъ, воспріявъ въ свои руки власть, онъ могъ открыто высказать свои намѣренія и осуществить ихъ. Время, протекшее со вступленія его на престолъ до 1810, 11 и 12 годовъ, будетъ на вѣки достопамятнымъ, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи въ половинѣ XIX вѣка. Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію, которое можетъ совершиться только въ концѣ XIX или въ началѣ XX вѣка.

Учрежденіе министерствъ и введеніе конституціонныхъ порядковъ

въ русскую администрацію перевернули верхъ дномъ всѣ правовыя отношенія, всю юрисдикцію. Самодержавіе царя сочеталось съ властью Государственнаго Совѣта.

Трудно сказать, имѣлъ ли императоръ Александръ серьезное намѣреніе отказаться отъ своихъ неограниченныхъ правъ и дать странѣ конституцію. Либеральныя идеи, привитыя ему Лагарпомъ, могли, разумѣется укорениться въ немъ: французская революція въ свою очередь могла поддержать ихъ.

Петръ Великій какъ нельзя лучше придумалъ и составилъ планъ преобразованія страны. Онъ подражалъ солнцу, которое освѣщаетъ, оживляетъ и согрѣваетъ земной шаръ не изнутри или изъ центра земли, а съ недосыгаемой высоты, на огромномъ разстояніи отъ нашей планеты. Это былъ расчетъ вполне естественный и неоспоримый. Окруженный дикими, невѣжественными и суевѣрными элементами, которыхъ онъ хотѣлъ просвѣтить, Петръ подвергался въ Москвѣ всевозможнымъ опасностямъ; этотъ центральный пунктъ Имперіи былъ слишкомъ отдаленъ отъ периферіи. Если бы императорская резиденція находилась въ 1812 г. въ Москвѣ, то пришлось бы заключить постыдный миръ или бѣжать внутрь страны, чтобы избѣгнуть этого.

Москва, занятая непріателемъ, не парализовала силу, дѣйствовавшую за 700 верстъ отъ нея; всѣ остальные пункты Имперіи находились подъ вліяніемъ этой силы; занятіе непріателемъ нѣкоторыхъ пунктовъ русской территоріи не препятствовало этой силѣ дѣйствовать на всѣ остальные.

Петръ I, какъ единственный настоящій основатель Россійской имперіи, понималъ, какъ я уже сказалъ выше, нравственный законъ, который я старался пояснить на основаніи закона физики, и его планъ вполне удался. Находясь среди болотъ Ингрии у входа въ Балтійское море, онъ царствовалъ властно надъ государствомъ до отдаленнѣйшихъ нѣдръ Сибири.

Хотѣлъ ли Александръ дѣйствительно дать конституцію или только хотѣлъ выказать это намѣреніе, сказать трудно; ему нечего было опасаться. Если бы попытка удалась, то онъ могъ бы пойти на этомъ пути далѣе; если нѣтъ, если бы она вызвала смятеніе, то, находясь внѣ центра дѣйствія, онъ всегда могъ потушить разгорѣвшееся пламя.

Правда, въ описываемое мною время Россія еще не созрѣла для конституціи, такъ же точно, какъ она не подготовлена къ ней и въ настоящій моментъ. Со времянь Іоанна Грознаго русскіе монархи всегда стремились парализовать въ своей странѣ двѣ силы: свѣтскую, сосредоточенную во власти бояръ, и духовную, находившуюся во власти духовенства, какъ такъ эти двѣ силы имѣли непосредственное вліяніе на народъ. Слѣдовательно, Александру можно было опасаться только реак-

ці со стороны дворянства; русское духовенство составляющее отдѣльное сословіе, не можетъ никогда слить своихъ интересовъ съ интересами дворянства, а тѣмъ болѣе народа, который держитъ себя очень далеко отъ своихъ духовныхъ пастырей. Слѣдовательно, конституція была бы невыгодна только для одного сословія, составляющаго самую меньшую часть народа, которой насчитываютъ не болѣе 25 тысячъ. на 52 милліона жителей Россіи.

Здѣсь выступаетъ на сцену Сперанскій, послѣ Александра самый видный дѣятель. Сдѣлавшись директоромъ(?) министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ съумѣлъ, съ его познаніями и способностями, свискать полное довѣріе своего министра Кочубея, несвѣдущаго въ дѣлахъ администраціи, и сдѣлаться вскорѣ лично извѣстнымъ императору. Обладая пріятной, симпатичной наружностью, онъ обладалъ удивительнымъ умѣніемъ писать императору представляемыя записки и проекты совершенно инымъ слогомъ отъ того, который былъ принятъ до него; отлично говорилъ по-французски и по-англійски, имѣлъ основательныя познанія по исторіи и юриспруденціи. Онъ былъ мастеръ своего дѣла и зналъ наизусть Блэкстона и Монтескье. Какъ человѣкъ весьма ловкій и тактичный, онъ приобрѣлъ вскорѣ огромное вліяніе на дѣла. Безъ него министерская система пришла бы скоро въ упадокъ. Новые министры не были въ состояніи оправдать ожиданій императора и осуществить его намѣреній; ихъ помощники только и бредили о *habeas corpus*. Правосудіе находилось въ рукахъ князя Лопухина и его помощника, Новосильцова, человѣка свѣтскаго, который, чтобы придать себѣ цѣну въ глазахъ общества, дѣлалъ видъ, что онъ обладаетъ глубокими свѣдѣніями въ юриспруденціи. Онъ завѣдывалъ дѣлами коммисіи по пересмотру законовъ, но къ счастью для этой коммисіи одинъ ученый лифляндецъ, Розенкампфъ, основательно изучившій право, собралъ въ послѣдствіи множество матеріаловъ, послужившихъ для составленія свода законовъ, изданнаго въ царствованіе императора Николая. Министерствомъ финансовъ управлялъ графъ Васильевъ, старый рутинеръ. Министерство народнаго просвѣщенія было въ рукахъ графа Завадовскаго, бывшаго фаворита Екатерины, добродушнаго малоросса, любившаго поѣсть и поиграть въ карты.

Таковъ былъ одновременно и составъ комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, коего Сперанскій былъ назначенъ въ послѣдствіи статсъ-секретаремъ. Министры военный и морской дополняли составъ министровъ.

Въ каждой странѣ не любятъ новыхъ порядковъ, нарушающихъ прежній порядокъ вещей. Въ началѣ у насъ роптали на нововведенія, потомъ стали насмѣхаться надъ ними. Сперанскій сдѣлался ненавистнымъ дворянству и былъ идиоломъ разночинцевъ. Онъ хорошо зналъ, какъ

дѣйствовать. Вскорѣ дворянство было оскорблено указомъ, воспрепятствующимъ производство въ чинъ ассесора или въ 8-й классъ, дающій права потомственнаго дворянства, тѣхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства, кои не имѣли университетскихъ аттестатовъ. Этотъ указъ значительно тормозилъ карьеру дворянъ, служившихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, и давалъ возможность быстро повыситься лицамъ духовнаго званія и разночинцамъ, окончившимъ курсъ въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ или семинаріяхъ. Это и была цѣль, которую преслѣдовалъ Сперанскій; онъ этимъ приобрѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ среди духовенства и средняго сословія. Онъ наполнилъ министерства людьми знающими, учеными или имѣвшими ярлыкъ учености, и окружилъ себя сотоварищами или людьми, коимъ онъ покровительствовалъ. Безъ него ничего нельзя было добиться. Власть бывшаго генераль-прокурора была распредѣлена между министрами; двигателемъ всей этой машины былъ Сперанскій, находившійся въ непосредственномъ сношеніи съ императоромъ.

Въ то время какъ всѣ эти преобразованія совершались въ Россіи, европейская политика не смѣла сдѣлать шага безъ соизволенія Наполеона.

Исчезали царства, новые цари возсѣли на престолы Вестфалии, Неаполя, Испаніи. Италія сдѣлалась французской провинціей такъ же, какъ древняя Римская имперія сдѣлалась авангардомъ Франціи. Пруссія была парализована такъ же, какъ Австрія. Папа забывалъ свой санъ въ присутствіи римскаго губернатора Міоллиса. Между Александромъ и Наполеономъ продолжала существовать дружба; континентальная система медленно подтачивала Англію.

Дюрокъ, Савари, Лористонъ, Коленкуръ, одинъ за другимъ бывшіе послами Наполеона при Петербургскомъ дворѣ, были желанными гостями въ первѣйшихъ салонахъ столицы; о французской революціи, о Бурбонахъ, о легитимизмѣ болѣе не говорили, и хотя величіе Наполеона подавляло даже величіе могущественнаго русскаго монарха, но союзъ съ нимъ успокаивалъ самыя робкіе умы и придавалъ имъ твердую увѣренность, что Россіи не угрожаетъ нашествіе враговъ, а тѣмъ болѣе раздробленіе.

Наполеонъ, пользуясь своимъ временнымъ могуществомъ, не терялъ драгоценнаго времени и, руководствуясь человѣческими соображеніями, рѣшилъ, что союзъ болѣе тѣсный, нежели политическій договоръ, могъ бы упрочить за нимъ его новый престолъ. Онъ открылъ Александру свои брачныя виды и, разведясь съ Жозефиной, просилъ руки сестры императора Екатерины. Быть можетъ, это предложеніе не встрѣтило бы отказа со стороны Александра, но оно вызвало цѣлую бурю со стороны его матери, вдовствующей императрицы. Предложеніе было отвергнуто, и

нѣкоторое время спустя сестра императора вышла замужъ за герцога Ольденбургскаго, который поселился въ Россіи. Таково было положеніе вещей; французское вліяніе на петербургскій кабинетъ не уменьшалось. Французскій посланникъ и консулы какъ бы говорили русскимъ: «благодарите Бога за то, что Наполеонъ вамъ покровительствуетъ, иначе ваша варварская страна превратилась бы въ оазисъ».

Между тѣмъ Сперанскій поддерживалъ въ императорѣ мысль о необходимости даровать странѣ излюбленную имъ конституцію. Дѣло зашло такъ далеко, что въ теченіе 1811 года въ Государственномъ Совѣтѣ разрабатывался уже планъ реформы, говорили о хартіи, о пала-тахъ и обо всѣхъ подробностяхъ, какія влечетъ за собою конституція ¹⁾. Сперанскій былъ всеиленъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ сдѣлалъ своего друга Магницкаго однимъ изъ секретарей Государственнаго Совѣта. Магницкій, котораго я близко зналъ и который занялъ мое мѣсто въ Вѣнѣ въ 1799 году, былъ человѣкомъ вполне подходящимъ для разработки такого проекта, который обсуждался въ то время въ Совѣтѣ. Краснорѣчивый, хитрый, онъ зналъ, что преимущества всегда на сторонѣ современной философіи и что тотъ, кто не воспользуется ею, потеряетъ, можетъ быть на всегда, выгодный случай. Но онъ забылъ, что тѣ, которые начинаютъ переворотъ, никогда не оканчиваютъ его. Они или трудятся для другихъ, для тѣхъ, которые появятся послѣ нихъ, или платятся сами, если ихъ планъ не удастся. Такъ и случилось. Магницкій помогалъ Сперанскому со всѣмъ усердіемъ рѣшительнаго человѣка, видящаго, что передъ нимъ открывается широкій путь. Ихъ связь была дружеская, короткая; она казалась даже искреннею Сперанскому такъ же точно, какъ поведеніе его друга относительно его казалось ему чистосердечнымъ и безкорыстнымъ.

Новый приказный слогъ былъ введенъ въ высшія административныя учрежденія. Всѣ министерскіе чиновники гордились своими учеными степенями. Старинный порядокъ вещей называли во всеуслышаніе варварскимъ. Либерализмъ вошелъ въ моду. Сбросивъ съ себя рясу, Сперанскій совершалъ передъ обѣдомъ прогулку верхомъ, въ сюртукѣ англійскаго покроя; люди, которымъ онъ покровительствовалъ, держали себя надменно, вызывая этимъ смѣхъ и вооружая противъ себя всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе быть съ ними въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Словомъ, самый недалъновидный человѣкъ понималъ, что вскорѣ наступятъ новые порядки, которые перевернутъ верхъ дномъ весь существующій строй. Объ этомъ уже говорили открыто, не зная еще, въ чемъ именно состоитъ угрожающая опасность. Богатые помѣщики, имѣвшіе крѣпостныхъ, теряли голову при мысли, что конституція уничтожитъ

¹⁾ Все это не точно.

крѣпостное право и что дворянство должно будетъ уступить шагъ впередъ плебеямъ. Недовольство высшаго сословія было всеобщее.

Послѣ замужества сестры императора съ герцогомъ Ольденбургскимъ, этотъ послѣдній былъ назначенъ ярославскимъ, тверскимъ и новгородскимъ генераль-губернаторомъ; въ то же время онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщеній. Для его постоянного мѣстопребыванія былъ избранъ городъ Тверь, гдѣ воздвигли великолѣпный дворецъ для помѣщенія сестры императора.

Таково было положеніе вещей въ то время, когда Наполеонъ вторгнулся на территорію герцогства Ольденбургскаго. Это былъ, какъ увидимъ далѣе, сигналъ нашествія, которое онъ предполагалъ сдѣлать на Россію, чтобы положить конецъ независимости этой имперіи и подчинить ее своей власти, которой подчинялась почти вся Европа. Онъ думалъ, судя по отчетамъ своихъ посланниковъ и прочихъ агентовъ, что Россія только и ждала его появленія, чтобы стать на его сторону, и что не слѣдуетъ откладывать намѣренія нанести рѣшительный ударъ существованію этой страны, которая мѣшала его планамъ безапелляціоннаго владычества надъ Европою.

Оккупация Ольденбургской территоріи вызвала жалобы и пререканія, которыя только еще сильнѣе раздражили Наполеона. Ожидали разрыва; но не допускали даже мысли о возможности вторженія Наполеона на русскую землю.

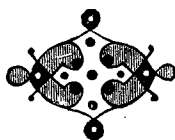
Въ это время въ Петербургѣ былъ составленъ обширный заговоръ съ цѣлью помѣшать осуществленію проекта императора Александра дать Россіи конституцію и погубить Сперанскаго, какъ главнаго двигателя, работавшаго надъ осуществленіемъ этого проекта.

Во главѣ этого заговора стояла вдовствующая императрица, со своей дочерью, герцогиней Ольденбургской. Второстепенными участниками заговора были: графъ Армфельдъ, графъ Ростопчинъ, жившій въ отставку въ Москвѣ, и Балашовъ, министръ полиціи въ Петербургѣ. Общій планъ заговора и мѣры, коими рассчитывали достигнуть цѣли, хранились въ глубочайшей тайнѣ. Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая поддерживала его всѣмъ своимъ вліяніемъ, какое давала ей нѣжная привязанность, которую императоръ питалъ къ своей сестрѣ. Не только было рѣшено погубить во что бы то ни стало Сперанскаго, но также и сломить шею Магницкому, коего считали самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Магницкій сгумѣлъ между тѣмъ дотога овладѣть довѣріемъ Александра, что кромѣ занимаемаго имъ мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ ему было поручено самимъ императоромъ составить для руководства положеніе «О Большой дѣйствующей арміи». Этотъ трудъ былъ составленъ съ большою послѣдностью и оконченъ въ началѣ 1812 года.

Сперанскій и Магницкій при всей своей хитрости не предвидѣли угрожавшей имъ опасности. Однажды утромъ, когда они менѣе всего этого ожидали, министръ полиціи Балашовъ явился, чтобы арестовать ихъ и отправить подъ конвоемъ полицейскихъ офицеровъ — Сперанскаго въ Нижній Новгородъ, а Магницкаго въ Симбирскъ, гдѣ они были отданы подъ надзоръ мѣстныхъ губернаторовъ.

Перев. **В. В. Тимошукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

Запрещеніе излишне угощать духовенство.

Высочайшее повелѣніе, объявленное графомъ Аракчеевымъ, управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го марта 1825 г. № 407.

Доходило до свѣдѣнія государя императора, что при угощеніи свѣтскими людьми въ домахъ своихъ духовныхъ лицъ, вѣсколько разъ случилось, что, бывъ оныя напоены допьяна, отъ таковыхъ угощеній нѣкоторые изъ нихъ духовныхъ скоропостижно умирали.

Вслѣдствіе сего, его императорское величество повелѣтъ соизвоилтъ, дабы ваше высокопревосходительство сообщили циркулярно всѣмъ начальникамъ губерній къ непремѣнному наблюденію слѣдующее:

При изслѣдованіи таковыхъ происшествій, касающихся до духовныхъ лицъ, которыя доводятся до высочайшаго свѣдѣнія, принимать во вниманіе самую причину сего происшествія; и если окажется оное послѣдовавшимъ отъ угощенія кѣмъ-либо до того, что подобной духовной былъ приведенъ въ нетрезвое положеніе, то при производствѣ о семъ дѣлѣ присовокуплять свѣдѣніе и объ оныхъ хозяевахъ, и въ донесеніяхъ о происшествіяхъ означать въ чемъ домъ и у кого именно такое происшествіе случилось.

Симъ исполняя монаршую волю, имѣю честь быть и проч.

«ГРОТУ ЛЕРМОНТОВА»

Стихотвореніе

И. В. АЛЕКСѢЕВА,

высѣченное въ Пятигорскѣ, въ этомъ гротѣ, на каменной доскѣ ¹⁾.

Подъ сѣнію твою Онъ часто находилъ
Пріютъ для сладкаго мечтанья;
И ты одинъ свидѣтель былъ
Его сердечнаго страданья.
Угрюмый видъ твоей скалы
Служилъ душѣ Его отрадой;
Вдали отъ суетной молвы,
Ты окружалъ Его прохладой.
Ты гениемъ Его сіялъ.
Въ тотъ мигъ душевнаго сознанья
Когда съ пера Его слеталъ
Печальный демонъ, духъ изгнанья ²⁾.
И видѣлъ ты съ звѣзды восточной ³⁾,
Какъ сорванъ былъ—вѣнецъ златой!
Какъ онъ сіялъ—росой полночной
Съ чела Тамары молодой!
Лучемъ румянаго заката
Ты былъ такъ ярко озаренъ;
Дыханьемъ нѣжнымъ аромата,
Твой горный воздухъ упоенъ ³⁾.
И этотъ лучъ, кругомъ играя,
Обвилъ Тамары гибкой станъ;
И духъ подземный, обожая,
Стоялъ предъ ней, какъ истуканъ.
Въ тебѣ тотъ демонъ, духъ изгнанья
Коварства, лести, адскихъ силъ,—
Надъ милой дѣвой обожанья
Обманъ преступный совершилъ!
Клялся духовъ своихъ служебныхъ ⁴⁾,
Привести красавицъ—съ собой!
Невольницъ легкихъ и волшебныхъ ⁴⁾
Съ ихъ красотою—веземной!
Склонясь предъ этимъ увѣреньемъ,
Скрѣпленнымъ лестью до конца,
Какимъ-то чуднымъ упоеньемъ
Повѣяло съ ея лица.
И выслушавъ любви призванье,
Что злобный духъ ей обѣщалъ,
Тамаринъ образъ, какъ въ сіяньѣ
Зарей румяной заблесталъ.
Ты былъ всему тому свидѣтель
И все въ себѣ ты совѣстилъ,
Что твой и другъ и благодѣтель,
А нашъ Поэтъ—осуществилъ,

Гордись-же участію своей:
Ты былъ избранникомъ Поэта!
И знай что въ памяти людей
Не исчезаетъ память эта!
Несчастный рокъ Его стугилъ,
Разстался съ жизнью незабвенный!
Противникъ выстрѣлъ совершилъ,
И палъ Поэтъ окровавленный!
Такъ передай потомству ты
Дуэль, годами незабтый,
Что у Перкальской здѣсь скалы,
Лежалъ нашъ Лермонтовъ убитый!
Что погребенъ былъ прахъ Его,
Близъ схороненныхъ здѣсь злодѣевъ!
Въ дал и отъ храма Своего,
Въ углу у кладбища Евреевъ!
Но кровь родная не забыла!
Поэта брата Своего,
И у Монарха испросила
У вѣсть отъ сюда прахъ Его.
И Онъ теперь лежитъ въ кладбищѣ—
Въ селѣ Столыпинѣ ⁵⁾ родномъ,
На вѣковомъ Своемъ жилищѣ
Почиетъ въ Богѣ—мирнымъ сномъ!
А ты мой Гротъ! Какъ мраченъ ты ⁶⁾
Лишившись друга и Поэта!
Кругомъ тебя все суеты,
И ты такъ чуждъ людскаго свѣта ⁶⁾!
Повѣдай намъ: кого ты ждешь?
О чемъ такъ грустно вспоминаешь?
Поэта-ль памятью живешь,
Иль тѣнь Его благословляешь!
Уже насталъ тридцатый годъ ⁷⁾,
Какъ мы разсталися съ Поэтомъ,
А ты остался все-же тотъ,
Какъ памятникъ Его предъ свѣтомъ
И неизмѣннымъ хочешь быть
Поэта другъ, товарищъ милый,
Въ тебѣ Онъ вѣчно будетъ жить,
Ты храмъ Его и за могилой.
Вотъ почему благоговѣю,
Когда вхожу подъ сѣнь твою;
Я память прошлаго лелѣю,
И данъ таланту отдаю.

Соч. Илья Алексѣевъ.

Сія доска сооружена Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда Помѣщикомъ Ильею Васильевичемъ Алексѣевымъ, 1870 года Іюля 20 дня во время его пользованія Пятигорскими Минеральными водами. А нынѣ по случаю отдѣлки грота, вновь возобновлена имъ 17 іюля 1878 г.

Поставлена Мастеромъ Николай
К. Параскевинъ Каминъ ⁸⁾ Машуки

Списано 13 (25) іюля 1889 г.

Сообщ. Юрій Крестцовъ.

¹⁾ Въ настоящемъ спискѣ соблюдены всѣ мелочи орѳографіи и пунктуациі подлинника.

Стихотвореніе высѣчено на доскѣ въ два параллельныхъ столбца по 44 строфы.

²⁾ Печальный демонъ, духъ изгнанья—начало поэмы Лермонтова „Демонъ“, въ первоначальномъ видѣ не опредѣленной по мѣсту дѣйствія (по Висковатову и Шанъ-Гирею—въ Испаніи), въ послѣдствіи, по пребываніи Лермонтова на Кавказѣ, отнесенной къ послѣднему.

³⁾ Поэма. Часть II—X. „И для тебя съ звѣзды восточной Сорву вѣнецъ я золотой, Возьму съ цвѣтовъ росы полночной, Его усыплю той росой; Лучемъ румянаго заката Твой станъ, какъ лентой, обовью; Дыханьемъ чистымъ аромата окрестный воздухъ напою!“ Строфы стихотворенія Алексѣва „Лучемъ румянаго заката ты былъ такъ ярко озаренъ“—не удачны, такъ какъ гротъ обращенъ на Ю.-Ю.-В.

⁴⁾ Ibid. „Толпу духовъ моихъ служебныхъ Я приведу къ твоимъ стопамъ. Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ Тебѣ, красавица, я дамъ“.

⁵⁾ Должно-быть это—licentia poetica: Лермонтовъ похороненъ въ имѣніи Тарханахъ, принадлежавшемъ матери его, Столыпиной.

⁶⁾ Не знаю, какъ было въ 1870 г., но въ 1889 г., когда я списывалъ стихотвореніе Алексѣва, гротъ, стѣны котораго были окрашены свѣтло-желтою краскою, представлялся очень свѣтлымъ.

⁷⁾ Опять licentia poetica: въ 1870 г. шелъ 29-й годъ послѣ убійства Лермонтова, ^{27/15} іюля 1841 г.

⁸⁾ Должно быть „Камень“. Вѣроятно, доска высѣчена изъ камня, взятаго съ горы Машука или Машуки, на южномъ склонѣ которой расположенъ Пятигорскъ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXX ¹⁾.

Отступление неприятеля. — Отъезд Левенштерна из главной квартиры в авангардъ. — Народная война. — Бивуаки. — Ночь на сѣгѣ въ открытомъ полѣ. — Оббитіе обозовъ и каретъ Наполеона съ деньгами и припасами.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей не понимали моего страстнаго желанія подвергнуть себя ружейнымъ выстрѣламъ; но тѣ, у которыхъ текла въ жилахъ кровь, завидовали моему счастью.

Я не объяснялъ никому мотивовъ, руководившихъ мною, а равно и того, какими средствами я достигъ своей цѣли. Взявъ съ собою три хорошія верховыя лошади, одну подъ багажъ, двухъ казаковъ и двухъ денщиковъ, я поспѣшилъ къ авангарду.

Я ѣхалъ полтора дня въ томъ направленіи, откуда раздавались оружейныя выстрѣлы, и 26-го октября наскочилъ на аррьергардъ французской арміи.

Во всякое иное время я былъ бы неизбѣжно взятъ въ плѣнъ, но неприятельская армія находилась тогда въ такомъ жалкомъ состояніи, что французы не рѣшались отрядить хотя бы нѣсколькихъ конныхъ егерей для того, чтобы преслѣдовать меня; поэтому я преспокойно былъ зрителемъ зловѣщаго отступления французовъ.

Въ разстояніи ста шаговъ отъ большой дороги я увидѣлъ приваль ихъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ поклонились мнѣ; въ меня было

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1901 г.

сдѣлано два выстрѣла изъ ружья, когда я зашѣлъ изъ комической оперы Дюмоларда: «Bon voyage» (добрый путь).

Наконецъ показалась голова нашего авангарда, впереди его ѣхалъ генераль Ермоловъ; онъ полагалъ, что онъ одинъ слѣдуетъ за французами, и былъ пораженъ, увидавъ меня, спокойно покуривавшаго трубку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

— Храбрый товарищъ, лихой Левенштернъ!—воскликнулъ онъ.

Эти слова сопровождались объятіями и стаканомъ рома.

Наскучивъ уловками, какія фельдмаршалъ употреблялъ для того, чтобы устранить его отъ всѣхъ дѣлъ, генераль Ермоловъ просилъ назначить его подъ начальство графа Милорадовича и такъ какъ близилась развязка великой драмы, то Кутузовъ нашелъ возможнымъ отпустить его.

Большая дорога, по которой прошла французская армія, была усѣяна убитыми, ранеными и умирающими, истомленными голодомъ и усталостью, и трупами лошадей. Зрѣлище было потрясающее; о немъ заочно нельзя составить себѣ понятіе, даже обладая самымъ пылкимъ воображеніемъ. Тотъ, кто не былъ очевидцемъ этихъ ужасныхъ событій, съ трудомъ повѣритъ, какія бѣдствія пришлось испытать французской арміи. Даже главная квартира и остальные части арміи не отдавали себѣ въ этомъ отчета; люди все еще вѣрили въ обаяніе Наполеона, Даву, Нея и Понятовскаго.

Такъ какъ Ермоловъ шелъ впереди авангарда пѣшкомъ, то я сошелъ съ лошади, и мы прошли по большой дорогѣ до Дорогобужа, гдѣ непріятель, несмотря на жалкое состояніе своего аррьергарда, оказалъ еще намъ энергичное сопротивленіе. На холмѣ и на кладбищѣ, въ концѣ города, были поставлены орудія. Принцу Евгенію Виртембергскому было приказано овладѣть этой позиціей; онъ исполнилъ это порученіе весьма успѣшно и отбилъ у непріятели четыре орудія, еще дымившіяся отъ выстрѣловъ, 20 орудій, которыя стояли безъ упряжи, и взялъ болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ.

Милорадовичъ немедленно занялъ городъ, коего половина была разрушена, а другая половина была объята пламенемъ. Зрѣлище было весьма прискорбное. Ночью графу Милорадовичу пришлось нѣсколько разъ переселяться, такъ какъ пламя охватывало мало-по-малу дома, кои онъ занималъ. На дворѣ не было холодно, т. е. не морозило, но мокрый свѣгъ падалъ большими хлопьями; французы были скучены въ церквахъ и на улицахъ, гдѣ они умирали голодной смертью.

Наше положеніе было такъ же бѣдственно, какъ и положеніе французовъ. На большой дорогѣ, по которой прошла французская армія, нельзя было ничего достать. Нашему авангарду было приказано преслѣдовать французовъ, не позволяя имъ сворачивать съ дороги.

Я предвидѣлъ, что намъ придется бѣдствовать эту ночь, и потому

мнѣ пришло на мысль устроиться въ предмѣстьи Дорогобужа на противуположномъ берегу Днѣпра, куда наши войска еще не успѣли вступить. Предмѣстье было переполнено французами; но ихъ деморализація доходила до того, что я вѣхалъ въ предмѣстье въ сопровожденіи всего четырехъ солдатъ, вошелъ въ первый попавшійся домъ съ зелеными ставнями и прогналъ оттуда человѣкъ двѣнадцать французовъ, которые нисколько не противились этому.

Хозяинъ дома былъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, отставной унтеръ-офицеръ гвардіи, ярый патріотъ. Какъ только онъ увидалъ по Владимірскому кресту, который я носилъ, что я русскій, онъ поклонился мнѣ, осѣнилъ себя трижды крестнымъ знаменемъ, схватилъ большой кухонный ножъ, бросился на улицу и убилъ на моихъ глазахъ 5 или 6 французовъ такъ быстро, что я не успѣлъ помѣшать этому. Затѣмъ онъ началъ, что есть мочи, кричать своимъ сосѣдямъ, чтобы они выходили изъ своихъ домовъ и помогли бы ему перерѣзать непріятеля.

Французы, вида, что единственнымъ средствомъ спасенія было бѣжать какъ можно скорѣе, выскакивали изъ домовъ и перепрыгивали черезъ заборы; весьма немногимъ удалось спастись, такъ какъ крестьяне, которые были сильнѣе ихъ и не такъ истомлены, вскорѣ настигали этихъ бѣглецовъ и убивали безо всякаго милосердія топорами, кирками, косами, вилами и всѣмъ, что попадало подъ руку. Страшно было видѣть эту расправу; на лицахъ мирныхъ жителей отражалось въ эту минуту звѣрство истыхъ людоѣдовъ; въ ихъ налитыхъ кровью глазахъ сверкала дикая радость. Насытившись этой рѣзней, мой часовыхъ дѣлъ мастеръ вернулся съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ, хвастаясь тѣмъ, что онъ возилъ его въ сердца двадцати жертвъ. Я не сдѣлалъ ему выговора: патріотизмъ довелъ его до фанатизма. Онъ преспокойно вытеръ свой широкій ножъ, перекрестился, спряталъ его подъ постель и сказалъ:

— Вотъ гдѣ я его пряталъ все время, пока эти еретики были у насъ, въ надеждѣ, что мнѣ удастся когда-нибудь употребить его въ дѣло. Наконецъ этотъ счастливый часъ насталъ: вы первый освободили насъ, располагайте всѣмъ, что я имѣю. И, долго не думая, онъ оставилъ съ помощью жены старый шкапъ, приподнял половицу, и я увидалъ въ подпольѣ всякаго рода провизію, много цѣнныхъ вещей, часовъ и т. п.

Я былъ въ восторгѣ, увидавъ хлѣбъ, окорока, медъ, муку, масло, пшеницу и ячмень, который доставилъ большое наслажденіе моимъ лошадямъ. Я далъ хозяину 25 р., но онъ едва согласился взять ихъ, и у этого чело-вѣка, который не сморгнувъ убилъ двадцать человѣкъ французовъ, все время блестя на глазахъ слезы! Его жена приготовила мнѣ прекрасныя щи, кашу съ масломъ и пирогъ съ медомъ. У меня была съ собою мадера, и я поужиналъ съ большимъ аппетитомъ, размышляя о бѣдствіяхъ, не-

разлучныхъ съ войною: все, что я видѣлъ въ этотъ день, превосходило всѣ ужасы сраженія.

Я легъ на кровать часовымъ дѣлъ мастера и, несмотря на душевное волненіе, крѣпко уснулъ. Меня разбудила сильная канонада. Испуганный, я вскочилъ съ постели и такъ какъ обыкновенно спалъ не раздѣваясь, то сразу очутился на ногахъ.

Я побѣжалъ въ конюшню, чтобы взять лучшую лошадь и ускакать. Но каковъ былъ мой испугъ, когда я увидѣлъ, что конюшня была объята пламенемъ и что мои люди старались всѣми силами вывести оттуда лошадей.

— Гдѣ непріятель?—спросилъ я казаковъ.—Какъ намъ спастись? Есть ли у нихъ кавалерія, чтобы преслѣдовать насъ?

На всѣ эти вопросы я не получилъ отвѣта, такъ какъ въ этотъ мигъ посреди насъ упала бомба, разорвавшаяся со страшнымъ трескомъ.

Оказалось, что вице-король, уходя изъ Дорогобужа, былъ вынужденъ оставить до тридцати ящиковъ, наполненныхъ патронами, гранатами и другими снарядами; ящики эти загорѣлись, и снаряды разлетѣлись со страшнымъ трескомъ въ разныя стороны. Подойти къ этимъ ящикамъ не было возможности: единственное средство спасенія было спрятаться за стѣною, что я и сдѣлалъ. Этотъ печальный случай не имѣлъ особенныхъ послѣдствій; только у одной старухи оторвало ногу.

Изверженіе этого импровизированнаго Везувія продолжалось не долго: я снова легъ спать и вскорѣ уснулъ; было уже около десяти часовъ утра, когда я всталъ, прекрасно выспавшись и отдохнувъ.

Простившись съ моими хозяевами, я пустился въ путь. Генераль Милорадовичъ шелъ со своимъ авангардомъ не по большой дорогѣ; онъ предоставилъ ее генералу Юрковскому, преслѣдовавшему французовъ съ Сумскими и Елисаветградскими гусарами.

Эти подробности мнѣ не были извѣстны, я пошелъ по большой дорогѣ и не встрѣтилъ на ней ни души.

Была ужасная мятель, я заблудился и былъ совершенно одинъ; вѣтеръ то и дѣло засыпалъ меня снѣгомъ, и негдѣ было укрыться отъ непогоды, а у меня не было дровъ, чтобы разложить костеръ; не было корма для лошади. Я изнемогъ отъ усталости и едва не замерзъ. Наконецъ силы и бодрость духа покинули меня. Я оставилъ поводья и предоставилъ лошади вывести меня изъ бѣды. Вдругъ она повела ушами и начала ржать; я выглянулъ изъ-за воротника моего плаща и увидѣлъ мелькавшій изъ-за снѣга свѣтъ. Я тотчасъ поскакалъ въ этомъ направленіи и какъ велика была моя радость, когда я увидѣлъ на опушкѣ лѣса доблестнаго полковника Карпенко съ 1-мъ полкомъ легкой конницы, грѣвшagoся у прекрасныхъ бивуачныхъ огней.

Карпенко встрѣтилъ меня какъ доброга товарища; мы весело по-

ужинали, я согрѣлся и, выпивъ большую рюмку водки, былъ несказанно счастливъ, узнавъ, что моимъ лошадямъ дано сѣно.

По окончаніи ужина, мы легли на снѣгъ. Желая отплатить полковнику Карпенко за его гостепрѣимство, я предложилъ ему лечь рядомъ со мною, прикрылъ его шкурою медвѣдя, убитаго нѣкогда бывшимъ канцлеромъ графомъ Панинымъ собственноручно, и который былъ имъ подаренъ мнѣ въ Москвѣ. Этотъ великолѣпный мѣхъ былъ мнѣ не разъ весьма полезенъ, но никогда еще онъ не сослужилъ мнѣ такой службы, какъ въ эту достопамятную ночь. Когда мы встали на слѣдующій день, то были совершенно занесены снѣгомъ.

Въ лѣсу, возлѣ котораго находился нашъ бивуакъ, было множество французовъ, пріютившихся тамъ на ночлегъ. Они вышли изъ лѣса ночью безъ оружія и пришли погрѣться къ нашимъ кострамъ.

Велико было наше удивленіе, когда мы увидѣли по утру вокругъ каждаго костра человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ французовъ, сидѣвшихъ въ кружокъ на корточкахъ и не выказывавшихъ ни малѣйшаго страха передъ смертью. Добрый, прекрасный Карпенко велѣлъ разложить еще нѣсколько костровъ. Тогда вышло изъ лѣса нѣсколько тысячъ французовъ, которые расположились возлѣ огня. Карпенко, безпощадно рубившій непріятели, когда онъ стоялъ къ нему лицомъ къ лицу, продлилъ жизнь многимъ изъ этихъ несчастныхъ.

Уйдя рано утромъ съ бивуака, мы предоставили французовъ ихъ печальной участи.

Снѣгъ пересталъ идти, вѣтеръ стихъ, на небѣ сіяло солнце. Я сѣлъ на лошадь и, простившись съ полковникомъ Карпенко, поѣхалъ розыскивать генерала Юрковскаго, командовавшаго крайнимъ отрядомъ нашего авангарда. Атаманъ Платовъ, шедшій по большой дорогѣ, переправился черезъ Днѣпръ, двинулся къ Смоленску и овладѣлъ этимъ городомъ, изъ котораго Наполеонъ ушелъ два дня передъ тѣмъ.

Главные силы арміи, подъ начальствомъ Кутузова, простояли на мѣстѣ до 28-го числа. Милорадовичъ направился къ Алексѣеву, чтобы обойти Смоленскъ. Это движеніе дало намъ возможность сдѣлать нѣсколько переходовъ самымъ спокойнымъ образомъ. Мы могли разсѣдлать лошадей, и наши гусары (Сумскіе и Елисаветградскіе) были разставлены на квартирахъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

Съ самаго начала кампаніи мы впервые пользовались такимъ благополучіемъ. Эскадронные командиры не теряли времени; они приказали подковать лошадей зимними подковами. Мы уже имѣли случай убѣдиться въ томъ, насколько эта предосторожность была необходима; пренебрегнувъ ею, непріятель потерялъ артиллерію, повозки и остатки своей кавалеріи.

Генералъ Юрковскій предложилъ мнѣ остаться съ нимъ. Я изъ-

явилъ на это согласіе, такъ какъ этотъ генералъ пользовался славою чловѣка изумительной храбрости; но я вскорѣ замѣтилъ, что онъ не оправдывалъ эту репутацію. Это былъ чловѣкъ въ полномъ смыслѣ слова ничтожный, который, будучи въ низшихъ чинахъ, отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками и поляками, но совершенно не понималъ военнаго искусства и, достигнувъ генеральскаго чина, не желалъ болѣе рисковать жизнью. Когда Кутузовъ, знавшій его за чловѣка весьма храбраго, вызвалъ его изъ Кіева, гдѣ онъ жилъ на покоѣ, то въ главной квартирѣ всѣ привѣтствовали это назначеніе, полагая, что въ арміи будетъ однимъ героемъ больше. Я слѣпо вѣрилъ въ выдающіяся способности Юрковскаго; но одного дня было достаточно, чтобы узнать его какъ слѣдуетъ. Отъ созданнаго мною облика осталась только воинственная осанка и бутылка водки, къ которой онъ то и дѣло прикладывался.

Юрковскому было приказано выйти на большую дорогу между Смоленскомъ и Краснымъ, именно въ Равкѣ.

Мы двинулись согласно данному намъ приказанію въ этомъ направленіи, но не успѣли выполнить порученія до конца, ибо наткнулись на закатъ солнца въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги на сильный отрядъ французской кавалеріи съ двумя орудіями. Французы заняли позицію позади плотины и поставили орудія впереди ея; два эскадрона перешли на другую сторону, составивъ авангардъ отряда.

Генералъ Юрковскій, имѣя два прекрасныхъ гусарскихъ полка, не счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать непріятеля, и рѣшилъ до утра не дѣлать никакой попытки выбить его изъ позиціи. Я старался доказать ему, что намъ слѣдовало воспользоваться остаткомъ дня для того, чтобы сдѣлать въ этомъ смыслѣ хотя слабую попытку, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, мы сохранили бы свою позицію; если же, что было весьма вѣроятно, намъ удалось бы прогнать непріятеля, то, преслѣдуя его по пятамъ, мы могли бы отгѣснить его на большую дорогу и, напавъ неожиданно на коммуникаціонную линію французовъ, могли бы привести ихъ нашимъ появленіемъ въ страшное смятеніе.

Генералъ Юрковскій не рискнулъ сдѣлать это, но такъ какъ онъ былъ достаточно ловокъ, чтобы не возстановлять противъ себя чловѣка, исполнявшаго обязанности адъютанта при фельдмаршалѣ, то онъ разрѣшилъ мнѣ взять два эскадрона Сумскаго и два эскадрона Елисаветградскаго полковъ и произвести съ ними рекогносцировку непріятельской позиціи. Я рѣшилъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и сдѣлать съ моими эскадронами то, что Юрковскій не считалъ возможнымъ попытать съ цѣлой бригадою. Эскадроны Сумскаго полка подъ командою храбраго маіора Лисовскаго атаковали французовъ впереди плотины, которую они перешли смѣшавшись съ ними; храбрый маіоръ

Елисаветградскаго гусарскаго полка, Розень, тотчасъ поддержалъ Лисовскаго. Мы опрокинули непріятеля, взяли 250 человекъ въ плѣнъ и захватили орудія. Непріятель бѣжалъ и скрылся въ кустахъ.

Сраженіе продолжалось не болѣе четверти часа; побѣда была полная и имѣла весьма важныя послѣдствія, такъ какъ съ этого момента мы заняли позицію, перпендикулярную къ коммуникаціонной линіи непріятеля.

Ночь была весьма темная; я собралъ своихъ солдатъ и сталъ бивуакомъ въ одной верстѣ отъ большой дороги. Генераль Юрковскій, у котораго подъ носомъ я произвелъ эту атаку, бесѣдовалъ все это время съ своей любимой бутылочкой; но онъ былъ намъ благодаренъ и отозвался обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Я вошелъ въ первую попавшуюся избу и увидѣлъ въ ней нѣсколько кастрюль съ кипѣвшей въ нихъ похлебкой, которую непріятель варилъ для себя, и при приближеніи нашемъ бѣжалъ. Жители деревни ничего не ѣли уже два дня. Я велѣлъ имъ сѣсть за столъ и сѣсть ужинъ, приготовленный французами. Бѣдняки были такъ рады, что, помолвившись Богу, они отвѣсили мнѣ низкій поклонъ и благодарили со слезами.

Я нашелъ въ деревнѣ нѣсколько прекрасныхъ верховыхъ лошадей, которыхъ не успѣли вывести изъ конюшни, и два экипажа, принадлежавшіе французскимъ генераламъ. Судя по пистолетамъ, привязаннымъ къ сѣдлу, одна изъ верховыхъ лошадей принадлежала графу Бисмарку.

Много лѣтъ спустя я встрѣтился съ графомъ въ Петербургѣ, и онъ вспомнилъ, какъ онъ горевалъ, потерявъ такую прекрасную лошадь.

По счастливой случайности я встрѣтился въ тотъ же вечеръ съ моимъ братомъ Григоріемъ. Онъ сопровождалъ раненаго генерала Дорохова до Малоярославца, а затѣмъ розыскалъ меня и не разставался со мною до самой Вильны.

Мы пережили съ нимъ всѣ бѣдствія этого послѣдняго эпизода кампаніи 1812 года.

Помимо опасности, коей мы подвергались со стороны непріятеля, намъ приходилось бороться съ холодомъ, голодомъ и всевозможными лишениями. Мы прятались другъ-отъ-друга, чтобы сѣсть какой-нибудь жалкій сухарь и запить его отвратительнѣйшей водкой.

3-го ноября, на другой день послѣ совершенной нами столь удачной атаки, мы увидѣли, что непріятельскія колонны потянулись по большой дорогѣ между Смоленскомъ и Краснымъ. Ихъ положеніе становилось все болѣе и болѣе отчаяннымъ. Они тянулись по большой дорогѣ нескончаемой вереницею; мы перерѣзывали имъ путь по всѣмъ направленіямъ.

Французы выказывали изумительную храбрость и покорность волѣ Провидѣнія: они берегли патроны и стрѣляли только въ упоръ. Наши

гусары и казаки грабили ихъ повозки у нихъ на глазахъ. Французы проходили въ десяти шагахъ отъ нихъ не стрѣляя, но когда наши на нихъ нападали, то они храбро защищались.

Большая дорога представляла любопытное зрѣлище: она походила на ярмарку, но выстрѣлы, раздававшіеся время отъ времени, напоминали намъ, что среди прочаго товара можно было найти тутъ и смерть.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ почти не имѣли понятія о томъ, что дѣлалось на большой дорогѣ, и не вѣрили въ дезорганизацію французской арміи, которая была столь превосходно организована въ началѣ войны.

Однако зять фельдмаршала, князь Кудашевъ, былъ посланъ къ намъ, чтобы убѣдиться собственными глазами въ положеніи дѣлъ.

Я указалъ ему большую дорогу; онъ увидѣлъ на ней длинную вереницу французовъ, проходившихъ передъ нашими глазами. Сторяча ему показалось, что ихъ можно взять въ плѣнъ, безо всякаго труда, но онъ быстро въ этомъ разубѣдился. Тогда онъ сталъ выбирать экипажи, повозки, которыя онъ хотѣлъ отобрать у нихъ, но, взявъ ихъ, онъ увидѣлъ, что это влекло за собою еще большее затрудненіе, такъ какъ приходилось везти ихъ съ большой дороги, на проселочную, что было не легко, такъ какъ лошади изнемогали отъ холода и голода. Поэтому онъ вскорѣ отказался и отъ этого намѣренія.

Единственная, существенная услуга, которую намъ оказали роскошные экипажи, увезенные французами изъ Москвы, состояла въ томъ, что ихъ колеса служили намъ топливомъ. Трудно себѣ представить, какой прекрасный огонь можно разложить изъ колесъ; благодаря маслу, коимъ пропитано дерево, они загораются мгновенно, а втулка служитъ настоящей дымовой трубою; самыя кареты служили намъ мѣстомъ ночлега. На слѣдующій день мы предоставляли все это крестьянамъ, которые пользовались ими по-своему.

Князь Кудашевъ, увидавъ сильную колонну, шедшую сравнительно въ порядкѣ, убѣдилъ генерала Юрковскаго атаковать ее. Юрковскій не могъ ни въ чемъ отказать зятю фельдмаршала и поручилъ ему произвести эту атаку. Непрiятель держался стойко; началась жаркая перестрѣлка, и когда мы переходили черезъ большую дорогу, то въ насъ усиленно стрѣляли картечью. Но это было послѣднее усиліе, сдѣланное непріателемъ.

Колонна была смята, и мы взяли у французовъ три орудія и три экипажа. Намъ стоило большаго труда спасти эти вещи въ общей сумятицѣ. Стеняло; я сталъ бивуакомъ, подлѣ одной деревушки, въ полuverстѣ отъ большой дороги.

Совершивъ эту блестящую атаку, князь Кудашевъ возвратился въ главную квартиру.

Въ забранныхъ нами повозкахъ сидѣли слуги, одѣтые въ ливрею Наполеона (зеленаго цвѣта съ золотомъ). Одинъ изъ нихъ, узнавъ во мнѣ начальствующее лицо, умолялъ пощадить его, говоря, что эти фургоны принадлежатъ императорской квартирѣ, и что я останусь доволенъ ихъ содержимымъ.

Я взялъ его подъ свое покровительство; тогда онъ сказалъ мнѣ, что въ фургонахъ находится 60.000 наполеондоровъ.

Такъ какъ никто изъ окружающихъ не понялъ того, что говорилъ этотъ человекъ, то я рѣшилъ никому не говорить объ этомъ до поры до времени и только сообщилъ брату и командиру 1-го эскадрона Сумскихъ гусаръ, капитану Будбергу.

Тотъ же французъ сообщилъ мнѣ, что въ двухъ другихъ фургонахъ находились съѣстные припасы, приготовленные для Наполеона. Такъ какъ мы ничего не ѣли цѣлыя сутки, то это открытіе доставило намъ величайшее удовольствіе: оба фургона были мигомъ опустошены. Мы нашли въ нихъ компоты, персики, абрикосы, ренглоты, ликеры, бисквиты, ромъ, каштаны, пряники, словомъ, всевозможный десертъ и ничего существеннаго. Хорошій пирогъ и окорокъ былъ бы полезнѣе для насъ; всякій изъ насъ взялъ то, что ему наиболѣе понравилось, и мы поужинали вареными фруктами и бисквитами, запивъ ихъ ликерами.

Дѣйствіе этихъ крѣпкихъ напитковъ, коими мы нѣсколько злоупотребили, сказалось довольно скоро. Мы дотога осовѣли или, лучше сказать, такъ опьянѣли, что нами овладѣлъ вскорѣ глубокій сонъ: на слѣдующій день, когда мы хотѣли осмотрѣть захваченное нами сокровище, то оказалось, что оно было разграблено. Сюрпризъ былъ крайне непріятный; намъ такъ и не удалось узнать, кто именно похитилъ наше богатство.

Ночь была холодная и темная; снѣгъ валилъ большими хлопьями.

Пока мы спали, отъ генерала Юрковскаго пріѣзжалъ посланный за тремя орудіями. Быть можетъ, въ суматохѣ произошла ошибка, и фургонъ былъ увезенъ вмѣстѣ съ орудіями. Было несомнѣнно одно: что миллионъ двѣсти тысячъ франковъ перешелъ въ другія руки. Но въ это время событія слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что мы не придали этому того значенія, какое имѣла для насъ эта потеря.

На слѣдующій день, т. е. 4 ноября, возобновились наши мелкія стычки съ непріятелемъ на большой дорогѣ. Штукъ до ста повозокъ и экипажей были спрятаны французами въ оврагѣ. Мой братъ случайно попалъ на нихъ: я тотчасъ отправился къ этому мѣсту съ моими гусарами. Я обратилъ вниманіе на прекрасный дормезъ, принадлежавшій Монтескье-Ферензаку, и рѣшилъ взять его себѣ. Изъ экипажа выгѣзли двое слугъ, которые просили меня оставить ихъ на свободѣ, чтобы они могли приготовить кофе для своего барина. Я отъ души посмѣялся надъ

этимъ и, какъ истый разбойникъ, приказаль разломать чемоданы и сундуки, привязанные къ имперіалу кареты.

Я взялъ на память роскошный мундиръ, голубаго цвѣта, богато вышитый золотомъ, принадлежавшій ординарцу Наполеона, и маленькій крестъ Почетнаго Легіона; въ Ревельскомъ театрѣ по сей часъ хранится этотъ мундиръ, предоставленный ему въ даръ мною.

Мой братъ взялъ изъ кареты мундиръ маршала Даву и нѣсколько альбомовъ, принадлежавшихъ нашимъ свѣтскимъ московскимъ дамамъ.

Самыя драгоценныя вещи остались въ снѣгу. Великолѣпная соболья шуба, взятая мною, была похищена у меня однимъ гусаромъ, такъ что добыча, захваченная нами во время этого грабежа, не послужила никому на пользу.

Одинъ офицеръ Сумскаго гусарскаго полка нашелъ въ какой-то каретѣ шкатулку краснаго дерева, полную драгоценностей и серебра. Въ числѣ этихъ драгоценностей была прехорошенькая миниатюра молодой женщины, оправленная въ золотой медальонъ, который этотъ офицеръ подарилъ мнѣ. Эта шкатулка принадлежала повидимому принцу Виртембергскому, такъ какъ въ ней лежало письмо короля Виртембергскаго, коимъ онъ извѣщалъ принца о присылкѣ ему нѣкоторой суммы денегъ, частнымъ образомъ. вмѣстѣ съ миниатюрою, изображавшей великолѣпную брюнетку, находились нѣжныя письма, которыя я уничтожилъ, не желая никого компрометтировать, а портретъ я положилъ въ свой портфель. Впослѣдствіи онъ оказалъ мнѣ большую услугу.

XXXI.

Пораженіе корпуса Нея.—Дальвѣйшее отступленіе французовъ.—Положеніе нашей арміи.—Недостатокъ въ продовольствіи.—Переправа Наполеона черезъ Березину.—Тяжелое положеніе непріятеля.—Состояніе нашей арміи.—Прибытіе ея въ Вильно.—Положеніе города.—Пріѣздъ императора Александра.—Балы.—Несчастіе, постигшее Левенштерна.

Мы проводили воеваяси корпусъ вице-короля италіанскаго и Даву; осталось только пожелать счастливаго пути маршалу Нею, замыкавшему это мрачное шествіе.

5-го числа фельдмаршалъ Кутузовъ рѣшилъ пустить въ дѣло всю свою армію и, согласно съ этимъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

Генералъ Милорадовичъ, пропустивъ корпусъ Даву, обстрѣливалъ изъ орудій хвостъ его колоннъ.

Наполеонъ, сосредоточивъ всѣ свои силы, атаковалъ энергично войско, находившееся впереди его, и хотя понесъ огромныя потери,

тѣмъ не менѣе онъ внушилъ страхъ фельдмаршалу Кутузову и очистишь себѣ дорогу, которая была бы отрѣзана, если бы фельдмаршалъ разрѣшилъ генералу Торماسову дѣйствовать, какъ онъ того хотѣлъ. Даву и вице-король не могли совершить съ арміей того, что Наполеонъ могъ сдѣлать съ гвардіей; только жалкіе остатки ихъ корпусовъ успѣли спастись, бѣжавъ полями, и присоединились къ гвардіи Наполеона, которая одна еще представляла собою внушительное и сплоченное цѣлое.

Храброму Нею было суждено сражаться въ этотъ день послѣдному.

Князь Кутузовъ находился въ Красномъ съ главными силами арміи. Милорадовичъ шелъ по Смоленской дорогѣ въ 5 верстахъ отъ Краснаго. Корфъ и Юрковский шли впереди Милорадовича, параллельно большой дорогѣ, а я съ моими гусарами шелъ передъ нимъ.

Ней съ 12—15.000 человекъ шелъ по большой дорогѣ въ полномъ порядкѣ, съ бодрымъ видомъ и съ твердою рѣшимостью пробиться, чтобы соединиться съ отрядами вице-короля и Даву, коихъ печальная участь еще не была ему извѣстна.

Я успѣшилъ предупредить товарищей и приказалъ солдатамъ сѣсть на лошадей. Ней, воспользовавшись густымъ туманомъ, послалъ противъ насъ стрѣлковъ, которые, пройдя по оврагу, овладѣли моимъ бивуакомъ и деревушкой. Мой братъ, эскадронный командиръ Рeadъ и Будбергъ едва не были взяты въ плѣнъ; но гусары обнажили сабли и бросились на этихъ смѣлыхъ стрѣлковъ, которые возвратились къ своему отряду.

Между тѣмъ пріѣхалъ генералъ Корфъ и приказалъ мнѣ извѣстить генерала Милорадовича о приближеніи Нея. Я пріѣхалъ къ генералу Милорадовичу за нѣсколько минутъ до того, какъ подошла колонна Нея. Милорадовичъ былъ видимо удивленъ внезапнымъ появленіемъ этого генерала и хотѣлъ переимѣнить позицію; но генералъ Паскевичъ, подошедшій въ ту же минуту, убѣдилъ его не дѣлать этого и выждать атаки со стороны Нея. Пять минутъ спустя, градъ пуль и картечи осыпалъ корпусъ Милорадовича; Ней, воспользовавшись туманомъ, перешелъ черезъ оврагъ, никѣмъ не замѣченный, и атаковалъ наши батареи, стоявшія на большой дорогѣ.

Стремительность, съ какою совершилась эта атака, увѣнчалась бы успѣхомъ, такъ какъ французы овладѣли уже нѣсколькими орудіями; но въ это время Паскевичъ подошелъ со своей дивизіей; непріятель былъ опрокинутъ штыками и отброшенъ въ оврагъ.

Генералъ Милорадовичъ послалъ меня къ фельдмаршалу съ извѣстіемъ о появленіи Нея и о началѣ сраженія.

Отъ поля битвы до Краснаго, гдѣ находилась главная квартира Кутузова, было пять верстъ.

Моя превосходная лошадь пробѣжала это пространство съ невѣ-

*

роятной быстротою; я прѣхалъ къ князю въ ту минуту, когда онъ садился за столъ.

Я былъ весь перепачканъ и походилъ скорѣе на разбойника, чѣмъ на офицера; тудупъ и накинутый поверхъ него, попорченный бивуачными огнями плащъ представлялъ собою удивительный контрастъ со свѣжими и элегантными костюмами щеголей главной квартиры.

Слушая мое донесеніе, фельдмаршалъ, при каждомъ моемъ словѣ, улыбался съ видимымъ удовольствіемъ, затѣмъ усадилъ меня подлѣ себя, не давъ мнѣ пообчиститься, и любовался прекраснымъ аппетитомъ, съ какимъ я пожиралъ его превосходный обѣдъ. Онъ приказалъ однако Дохтурову съ его корпусомъ поддержать Милорадовича. Я осмѣлился замѣтить фельдмаршалу, что это бесполезно, и увѣрялъ его, что 15.000 плѣнныхъ были уже въ его рукахъ.

— О, какъ прытокъ нашъ молодой человѣкъ! — да увѣрены ли вы, что ихъ 15.000 человѣкъ?

— Я хотѣлъ бы, чтобы ихъ было 30.000—отвѣчалъ я, продолжая ѣсть съ прожорливостью,—такъ какъ результатъ былъ бы одинъ и тотъ же, и эти 30.000 человѣкъ были бы ваши точно такъ же, какъ эти 15.000 уже принадлежатъ вамъ.

Его глаза засверкали радостью. Когда я пообѣдалъ, онъ отослалъ меня обратно со своимъ зятемъ, княземъ Кудашевымъ, и мы были свидѣтелями окончательнаго пораженія корпуса Нея.

Онъ сражался, какъ левъ, но время побѣды для французовъ миновало. Онъ былъ разбитъ на голову и вынужденъ спастись бѣгствомъ съ нѣсколькими стами офицеровъ и тремя или четырьмя стами солдатъ. Остальная часть колонны положила оружіе.

Съ наступленіемъ ночи, маршалъ Ней направился съ слабыми остатками своего корпуса къ Сырокоринью, и ему удалось, пройдя сквозь побѣдоносную армію, перейти Днѣпръ, который былъ покрытъ тонкимъ льдомъ. Этотъ подвигъ будетъ на-вѣки достопамятенъ въ лѣтописяхъ военной исторіи. Онъ долженъ бы былъ погибнуть, у него не было иныхъ шансовъ къ спасенію, кромѣ силы воли и твердаго желанія сохранить Наполеону его армію.

Радость императора была велика, когда онъ увидѣлъ Нея въ Оршѣ.

— Какой необыкновенный человѣкъ этотъ Ней!—воскликнулъ Наполеонъ.

Маршалъ перешелъ Днѣпръ у насъ на глазахъ: онъ встрѣтилъ на противоположномъ берегу атамана Платова, съумѣлъ избѣжать съ нимъ сраженія и весьма удачно устранилъ его нѣсколькими ружейными выстрѣлами.

Орудія и экипажи Нея достались въ наши руки. Въ экипажахъ

я нашелъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина и великолѣпную коллекцію картъ, которыя хранятся у меня по сей часъ.

Я не имѣю претензіи критиковать дѣйствія нашихъ генераловъ во время трехдневнаго сраженія при Красномъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что если бы они выказали болѣе энергіи, то ни Даву, ни вице-король и, въ особенности Ней, не могли бы ускользнуть отъ нихъ. Корфъ, Ермоловъ, Бороздинъ и Розень ничуть не воспользовались своимъ благопріятнымъ положеніемъ. Только Милорадовичъ и Паскевичъ были дѣятельны, и то только потому, что Ней принудилъ ихъ къ этому. Если бы всѣ эти господа преслѣдовали непріятеля болѣе энергично, то они увидѣли бы передъ собою только призракъ, и могли подоспѣть къ Днѣпру до переправы Нея, или въ самый моментъ этой переправы.

Генераль Корфъ, человекъ весьма прямой, громко высказалъ, что онъ исполнилъ буквально приказаніе фельдмаршала облегчить непріятелю отступленіе. Но это глубокомысленное соображеніе, имѣвшее чрезвычайно важныя послѣдствія, не мѣшало намъ брать въ плѣнъ маршаловъ, если это не было сопряжено съ особенно большими потерями.

Фельдмаршалъ Кутузовъ, видя, что непріятель воспользовался замедленіемъ въ движеніи русской арміи, вызваннымъ необходимостью преслѣдовать Нея, и значительно опередилъ насъ, рѣшилъ употребить для преслѣдованія его только авангардъ и, чтобы не утомлять безъ нужды войска, двинулъ главныя силы арміи на Копысь, гдѣ онъ предполагалъ перейти Днѣпръ.

Онъ приказалъ командовавшему авангардомъ не преслѣдовать непріятеля слишкомъ энергично для того, чтобы дать адмиралу Чичагову и графу Витгенштейну время предупредить Наполеона при переправѣ черезъ Березину. Благодаря этой системѣ медленныхъ дѣйствій, главныя силы арміи были вынуждены уступить второстепеннымъ частямъ войска честь окончательнаго истребленія непріятельскихъ силъ.

Форсированные марши, совершенные нашей арміей, начиная отъ Малоярославца, чрезвычайно ослабили ее. Госпитали мало-по-малу переполнились; впрочемъ, солдаты, отставшіе отъ арміи по болѣзни, не были окончательно потеряны для нея, такъ какъ, оправившись, они возвращались къ своимъ частямъ; тѣмъ не менѣе въ то время армія дѣйствительно уменьшилась на-половину.

Генералу Ермолову было поручено преслѣдовать непріятеля на большой дорогѣ.

Генераль Юрковскій со своей гусарской бригадою, къ которой я принадлежалъ, находился на краю авангарда; л.-гв. егерскій полкъ, кирасиры и четыре полка уланъ, съ многочисленной конной артиллеріей, составляли авангардъ, коимъ командовалъ Ермоловъ.

Съ самаго сформированія этого авангарда до нашего прихода къ

Борисову, мы, такъ сказать, не видѣли болѣе непріятельской арміи; намъ попадались по пути только тысячи отсталыхъ, которые питались кониной и испускали духъ, лежа возлѣ этой падали. Никогда еще человѣческія бѣдствія не проявлялись въ столь ужасающемъ видѣ. Всѣ окрестныя деревни были выжжены до основанія, жители разбѣжались; нигдѣ нельзя было достать продовольствія. Только одна водка поддерживала наши силы. Мы бѣдствовали не менѣе непріятели, съ тою лишь разницею, что мы могли удалиться отъ большой дороги, не подвергаясь опасности быть избитыми безо всякаго милосердія.

Мои гусары захватили фургоны, нагруженный чаемъ, взятымъ французами изъ Москвы. Я приказалъ наполнить чаемъ ранцы гусаръ и мѣшки; всѣ пили этотъ чай, правда, безъ сахара, но онъ спасъ насъ отъ лихорадки, которою впоследствии всѣ страдали почти поголовно. Мой отрядъ не болѣлъ лихорадкою, и врачи приписывали это обстоятельство чаю, который, не разжигая кровь, подобно водкѣ, поддерживалъ здоровье солдатъ.

Ведя, такимъ образомъ, непрестанную борьбу съ позднимъ временемъ года и съ тысячею лишеній, мы дошли до Березины. У насъ, въ каждомъ эскадронѣ, было не болѣе сорока или пятидесяти человѣкъ способныхъ сражаться. Лошади выбились изъ силъ, такъ какъ онѣ давно уже страдали отъ недостатка фуража, истребленнаго непріателемъ, который, подобно саранчѣ, уничтожилъ все по пути; единственнымъ кормомъ нашихъ лошадей служила солома съ крышъ, за которой приходилось ѣздить верстъ за десять или пятнадцать. Фельдмаршалъ изрѣдка посылалъ намъ транспортъ овса или сухарей; это было всегда для насъ настоящимъ праздникомъ; безъ этой поддержки у насъ было бы погибшихъ не менѣе, чѣмъ у французовъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число, мы прибыли съ генераломъ Ермоловымъ въ Борисовъ, гдѣ застали корпусъ Витгенштейна, уничтожившій передъ тѣмъ дивизію Партуно ¹⁾. Въ этомъ славномъ дѣлѣ участвовали: атаманъ Платовъ, полковникъ Чернузовъ и мой товарищъ Сеславинъ. Имъ однимъ принадлежитъ честь истребленія непріятельской арміи. Но если они могли подоспѣть во-время, то почему же другіе не могли этого сдѣлать? Это вопросъ.

Адмиралъ Чичаговъ не могъ остановить Наполеона, который успѣлъ выбрать пунктъ для переправы, такъ какъ наша армія не преслѣдовала его по пятамъ. Успѣшное сраженіе при Борисовѣ и взятіе графомъ Ламбертомъ тетъ-де-пона не помѣшали переправѣ французовъ черезъ Березину.

Наполеонъ былъ спасенъ, но его армія не могла быть спасена и

¹⁾ Partouneaux, французскій генералъ, род. 1770 г., ум. 1835 г.

погибла частями по пути отъ Березины до Вильны: геройская преданность этой арміи къ своему вождю не только не принесла пользы, но была причиною ея окончательнаго истребленія.

Надобно отдать справедливость Наполеону: его поведеніе при переправѣ черезъ Березину заслуживаетъ величайшаго удивленія. Угрожавшая ему неминуемая гибель возбудила его военный геній, притупившійся за послѣднее время. Онъ не потерялъ голову въ трудную минуту. Окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ обманулъ нашихъ генераловъ искусными демонстраціями и совершилъ переправу у нихъ подъ носомъ. Плохое состояніе мостовъ было единственною причиною тѣхъ потерь, какія понесли по этому случаю французы.

Безпорядокъ былъ такъ великъ, что когда Наполеонъ подошелъ къ рѣкѣ, чтобы перейти черезъ мостъ, то пришлось силою проложить ему дорогу. Главная квартира императора была устроена въ деревушкѣ, лежавшей въ лѣсу въ разстояніи одной версты отъ Студянки.

Всѣ мы были увѣрены, что Наполеонъ будетъ взять въ плѣнъ живымъ или мертвымъ. Я до сихъ поръ не могу забыть мрачнаго, убитаго лица Михаила Орлова, когда онъ первый подтвердилъ намъ извѣстіе о переправѣ непріятеля.

Фельдмаршалъ могъ упрекнуть себя въ томъ, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно и осмотрительно.

Каково должно было быть разочарованіе императора Александра, когда онъ узналъ, что его прекрасный планъ, переданный на операціонныя линіи умнымъ и смѣлымъ Чернышевымъ, былъ такимъ образомъ искаженъ. Напрасно было бы возражать, что дальнѣйшія событія доказали, что окончательный результатъ не могъ быть блестяще. Разумѣется, мы не вступили бы дважды въ Парижъ. Но такова была воля Провидѣнія! Люди были тутъ ни при чемъ; Кутузовъ лишилъ армію лишней славы!

Борисовъ горѣлъ; французы грѣлись и даже буквально поджаривались у его пылавшихъ развалинъ и умирали со всѣми признаками умственнаго разстройства, богохульствуя и проклиная Наполеона передъ смертю.

Между тѣмъ, дивизія Партуно, не входившая въ составъ великой арміи, находилась въ наилучшемъ состояніи: ея кавалерія, состоявшая изъ саксонцевъ и изъ подданныхъ герцогства Бергскаго, была превосходна.

Саксонцы были въ отчаяніи по поводу того, что имъ приходилось разстаться съ ихъ прекрасными лошадьми; одинъ престарѣлый вахмистръ плакалъ на-взрыдъ, когда ему пришлось бросить свою лошадь, на которой никто кромѣ него не ѣздилъ. Другой вахмистръ, торговавшій въ Дрезденѣ матрасами и перинами, просилъ меня предоставить ему свободу, говоря, что настаетъ время года, когда надобно выбивать

и выколачивать матрасы, и его бѣдной женѣ не справиться съ этимъ одной. Я поручилъ ему присматривать за моими лошадьми и, когда мы вступили въ Саксонію, то я отпустилъ его домой и имѣлъ удовольствіе видѣть его въ Дрезденѣ, гдѣ онъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ позаботился о томъ, чтобы намъ былъ оказанъ хорошій пріемъ.

Мой братъ Григорій спасъ нѣсколько сотъ офицеровъ, укрывшихся въ одной конюшнѣ отъ крестьянъ, которые хотѣли ихъ ограбить. Два года спустя, когда онъ былъ на водахъ въ Теплицѣ и обѣдалъ за табльдотомъ, къ нему подошло нѣсколько офицеровъ-саксонцевъ, которые, узнавъ въ немъ своего избавителя, торжественно понесли его къ себѣ на рукахъ и распіли въ честь его нѣсколько дюжинъ шампанскаго.

Мы имѣли роздыхъ въ Борисовѣ и простояли тамъ 36 часовъ. Городъ былъ на половину разрушенъ; большая часть зданій еще пылала.

Въ одной ригѣ было заперто 500 или 600 женщинъ, взятыхъ при переправѣ черезъ Березину. Онѣ провели въ этой ригѣ нѣсколько дней безъ пищи и такъ какъ въ это время настали сильныя морозы, то въ живыхъ осталось всего восемь женщинъ; матери и дѣти погибли вмѣстѣ.

Несчастными жертвами овладѣвало какое-то оцѣпенѣніе, какой-то столбнякъ. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты, раздѣвшись до-нага, жарились у огня и полуобгорѣвши сидѣли съ блаженной улыбкою на устахъ.

Послѣ переправы черезъ Березину настали страшныя морозы. Я не могъ проѣхать верхомъ болѣе десяти минутъ и, такъ какъ снѣгъ не позволялъ долго идти пѣшкомъ, я то садился на лошадь, то слѣзалъ съ нея и разрѣшилъ моимъ гусарамъ продѣлывать то же самое.

Я предохранялъ свои ноги отъ мороза, засовывая ихъ въ мѣховыя шапки французскихъ гренадеръ, коими была усыяна дорога.

Мои гусары страшно страдали; они по большей части располагались на бивуакахъ; только русскія лошади способны переносить такое утомленіе. По прибытіи въ Вильну, Сумскій полкъ насчитывалъ не болѣе 120 лошадей, годныхъ идти въ атаку. Остальныя были еще живы, но не имѣли силъ идти далѣе; мы оставляли ихъ по деревнямъ для поправки; мѣсяць спустя, комплектъ лошадей въ полкахъ могъ быть пополненъ.

Наша пѣхота была видимо разстроена. Ничто не дѣлаетъ человѣка столь малодушнымъ, какъ холодъ; когда солдатамъ удавалось забраться куда-нибудь подъ крышу, то не было никакой возможности выгнать ихъ оттуда. Они предпочитали умереть. Рискавъ сторѣтъ, солдаты забирались даже въ русскія печи.

Надобно было видѣть всѣ эти ужасы своими собственными глазами, чтобы повѣрить этому. Самое благоразумное было идти впередъ съ тѣми,

у кого горѣлъ еще въ груди священный огонь, а остальнымъ дать время подкрѣпить свои силы.

Война прекратилась за неизмѣнимъ сражающихся. Правда, солдаты грабили еще брошенные французами фургоны, но мы не брали болѣе плѣнныхъ; морозъ сдѣлалъ свое дѣло, погубивъ этихъ несчастныхъ

Дорога была усѣяна трупами людей и лошадей. Я насчиталъ на разстояніи одной версты 76 замерзшихъ лошадей и 148 человѣческихъ труповъ, погибшихъ отъ холода; вся дорога вплоть до Вильны представляла подобное печальное зрѣлище.

Я нашелъ маленькія крестьянскія сани, въ которыя велѣлъ запрячь одну лошадь; я и четыре мои товарища, раздѣлившіе со мною все бѣдствіе похода, проѣхали на этихъ саняхъ большую часть дороги. Половину пути мы шли пѣшкомъ, а остальную часть ѣхали въ саняхъ; одинъ изъ насъ правилъ, но морозъ былъ такъ великъ, что не было возможности держать въ рукахъ возжи болѣе десяти минутъ; передавъ ихъ другому, приходилось согрѣвать руки, потирая ихъ одну о другую. Только такимъ образомъ, т. е. ведя непрестанную борьбу съ морозомъ, намъ удалось пережить это бѣдственное время.

Наполеонъ разстался съ арміей въ Сморгони, уѣхавъ въ сопровожденіи Коленкура, Дюрока, своего мамелюка и капитана Вансовича. Въ Опшянахъ Сеславинъ едва не взялъ его въ плѣнъ. Наполеонъ проѣхалъ черезъ Вильну, остановился ненадолго въ Варшавѣ и Дрезденѣ и прибылъ въ Парижъ 19-го декабря, два дня спустя послѣ обнародованія его знаменитаго 29-го бюллетеня, который былъ такъ остроумно истолкованъ майоромъ Пфулемъ, коего не слѣдуетъ смѣшивать съ генераломъ Пфулемъ.

Масса бѣглецовъ шла небольшими партіями человѣкъ по 8 или по 10. У нихъ не было иныхъ желаній, какъ поѣсть и обогрѣться; единственные враги, съ которыми имъ приходилось бороться, были голодъ и морозъ.

Каждый боролся за себя и при томъ въ одиночку. Несчастные ни на что не надѣялись и почти ни о чемъ не сожалѣли: никто не былъ свидѣтелемъ того, какъ они упали духомъ, и никто не могъ судить ихъ за это: все были одинаково жертвами войны.

Страданія французскихъ солдатъ возрастали съ каждымъ шагомъ. Казалось, будто Провидѣніе поберегло самыя ужасныя бѣдствія для послѣдняго періода этой непостижимой кампаніи: по мѣрѣ того какъ армія приближалась къ Вильнѣ, морозъ крѣпчалъ, унося ежедневно тысячи жертвъ.

Мы продолжали подгонять остатки его арміи и наконецъ дошли до Вильны. Какое ужасное зрѣлище представилось тутъ снова моимъ гла-

замъ! На улицахъ валялись горами голые трупы, съ которыхъ евреи сняли всю одежду.

Мы наняли за два дуката въ день прекрасную, хорошо вытопленную и меблированную комнату въ домѣ Миллера; превосходный по тому времени обѣдъ совершенно возстановилъ наши силы.

Санитары были заняты вывозкою труповъ за городъ, гдѣ ихъ сжигали, какъ дрова.

На улицахъ были разложены кучи навоза, смѣшаннаго съ селитрою, которая жгла для очищенія воздуха, такъ какъ уже появилась эпидемія со всѣми признаками чумы. Наконецъ прибылъ въ Вильну Кутузовъ, устроившій тамъ свою главную квартиру; благодаря его заботамъ, городъ принялъ мало-по-малу свою прежнюю физиономію.

Преслѣдовать непріятели было поручено казакамъ; армія не пошла далѣе Вильны. Ей былъ необходимый отдыхъ, такъ какъ она еле двигалась; всѣ части войскъ кромѣ артиллеріи, гвардіи и кирасиръ были совершенно разстроены. Корпусъ графа Витгенштейна и часть арміи адмирала Чичагова дѣйствовали по-прежнему наступательно. Остальная часть арміи расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Графу де-Сенъ-Приесту было поручено собрать разрозненныя части арміи и отсталыхъ, разсѣянныхъ по пути отъ самой Москвы до Вильны. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ большимъ умомъ и энергіей.

Жизнь въ Вильнѣ была непомѣрно дорога. Мы натерпѣлись уже столько лишеній, что не придавали никакой цѣны деньгамъ. Я помню, что заплатилъ за нашъ первый обѣдъ восемь дукатовъ.

Императоръ Александръ въѣхалъ въ Вильну 10-го декабря. Изъ его саней были выпряжены лошади и его торжественно повезли во дворецъ. Радость арміи была безпредѣльна. Князь Кутузовъ встрѣтилъ императора у воротъ дворца. Его величество, снявъ шапку, проворно выскочилъ изъ саней и трижды обнялъ фельдмаршала; затѣмъ онъ произвелъ смотръ ротѣ Семеновскаго полка, стоявшей въ караулѣ, и, поздравившись и поблагодаривъ молодцовъ гренадеръ, вошелъ во дворецъ и тутъ же пожаловалъ Кутузову Георгія 1-й степени.

Славное названіе «Смоленскій», данное императоромъ фельдмаршалу передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ память сраженій при Красномъ и освобожденія Смоленска, отчасти вознаградило доблестнаго старца за все то, что онъ сдѣлалъ для отечества.

На слѣдующій день всѣ представлялись государю. Императоръ сіялъ.

Въ тотъ же день было объявлено о производствахъ, а 12-го декабря, день рожденія императора, его величество объявилъ амнистію всѣмъ жителямъ польскихъ провинцій, которые позволили себѣ отнестись враждебно къ Россіи.

Въ тотъ же день кн. Кутузовъ далъ императору балъ въ домѣ графа Тизенгаузена. Его величество появился въ сопровожденіи своего перваго генераль-адъютанта Уварова; войдя въ залу, онъ весьма милостиво поклонился дамамъ; въ этотъ моментъ кн. Кутузовъ повергъ къ его стопамъ нѣсколько знаменъ, взятыхъ графомъ Витгенштейномъ у непріятеля и только-что привезенныхъ курьеромъ. Императоръ видимо былъ изумленъ этимъ, но вскорѣ глаза его заблестали радостью, и онъ вошелъ въ кабинетъ одинъ съ фельдмаршаломъ.

Полчаса спустя его величество вышелъ въ залу, подошелъ къ дамамъ и открылъ балъ полонезомъ; танцы продолжались до утра.

Подойдя ко мнѣ, фельдмаршалъ сказалъ ласково:

— Поздравляю васъ, императоръ пожаловалъ васъ полковникомъ.

Дѣйствительно, государь утвердилъ въ кабинетѣ всѣ представленія, сдѣланныя фельдмаршаломъ.

Я былъ счастливъ. Я заслужилъ на полѣ битвы два чина; начальство отдало мнѣ справедливость, товарищи единогласно признавали, что эти награды были мною заслужены и, главное, утвердивъ мое производство, императоръ тѣмъ самымъ показалъ, что онъ относится ко мнѣ доброжелательно.

Кромѣ того я былъ представленъ къ Георгіевскому кресту, но эта награда могла быть утверждена только въ первое собраніе думы этого ордена.

Я былъ весь вечеръ необычайно веселъ; мое радостное настроеніе возросло, когда генераль Коновницынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что фельдмаршалъ приказалъ ему объявить о моемъ производствѣ на слѣдующій день въ дневномъ приказѣ.

На утро, не успѣвъ еще взглянуть, было ли объявлено о моемъ производствѣ въ приказѣ, я отправился къ генералу Коновницыну, во-первыхъ, для того, чтобы поблагодарить его за участіе, принятое имъ въ моемъ производствѣ, и во-вторыхъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ окончательно.

Каково же было мое удивленіе, когда этотъ достойный генераль, пригласивъ меня въ свой кабинетъ, объявилъ мнѣ съ крайнимъ смущеніемъ, что онъ долженъ сообщить мнѣ весьма непріятную новость. Затѣмъ онъ сказалъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, что въ тотъ моментъ, когда долженъ былъ выйти дневной приказъ, графъ Аракчеевъ прислалъ ему записочку, набросанную карандашомъ, въ которой говорилось, «что императоръ по нѣкоторымъ причинамъ не утвердилъ мое производство въ полковники и что такъ какъ чинъ подполковника, полученный мною за Бородинское сраженіе, былъ данъ мнѣ по ошибкѣ, то я долженъ по-прежнему числиться майоромъ».

Я ничего не могъ понять, у меня закружилась голова, я былъ пора-

жень, уничтожень! Меня опозорили въ глазахъ всего общества! Какая могла быть тому причина? Я терялся въ догадкахъ.

Пускай императоръ не счелъ меня достойнымъ чина полковника, но чинъ подполковника былъ заслуженъ мною передъ лицомъ всей арміи, я, такъ сказать, взялъ его съ боя; объ этомъ свидѣтельствовали двѣ раны, полученыя мною въ одинъ и тотъ же день. Онъ принадлежалъ мнѣ по праву, я пролилъ кровь, отличился, за мною были заслуги, признанныя всей арміей.

Я отправился немедленно къ фельдмаршалу. Князь Кудашевъ сообщилъ ему о постигшемъ меня несчастіи. Князь ввелъ меня въ свой кабинетъ и старался утѣшить меня; приказавъ запречь карету, онъ взялъ съ собою генерала Толя и отправился къ императору, велѣвъ мнѣ ожидать его возвращенія.

Фельдмаршалъ вернулся часъ спустя, и, пожимая плечами, сказалъ мнѣ:

— Терпѣніе, терпѣніе, а затѣмъ прибавилъ: вмѣняю вамъ въ обязанность обѣдать у меня каждый день; армія должна знать, что вы не лишились моего уваженія, время выяснитъ остальное, и предубѣжденіе императора, причину коего онъ не соблаговолилъ объяснить мнѣ, со временемъ разсѣется.

Удрученный этимъ страшнымъ несчастіемъ, ужаснѣ котораго ничего не можетъ быть для человѣка съ гордою душою; будучи истощанъ въ грязь неизвѣстно кѣмъ и за что, ввергнутый въ пропасть, погруженный въ непроглядный мракъ, я былъ въ страшномъ уныніи и никогда не оправился бы отъ горя, въ которое меня повергло это неожиданное несчастіе, если бы во мнѣ не было запаса нравственныхъ силъ, которыя помогли мнѣ воспрянуть духомъ, несмотря на мое паденіе. Я почерпнулъ силы въ моемъ прошломъ поведеніи и въ моей совѣсти! Когда первое волненіе улеглось, и я нѣсколько успокоился и пришелъ въ себя, то я почувствовалъ, какое великое значеніе имѣютъ для человѣка сознаніе исполненнаго имъ долга и чистая совѣсть. Совѣтую всякому запасаться этимъ для того, чтобы легче переносить житейскія невзгоды.

Фельдмаршалъ по-прежнему отличалъ меня, даже генераль-адъютанты, которые по своему положенію бываютъ обыкновенно льстецами, относились ко мнѣ дружелюбно.

Поглощенный своимъ горемъ, я избѣгалъ людей; появляясь только на обязательныхъ обѣдахъ у фельдмаршала, я болѣе нигдѣ не бывалъ; шумное общество товарищей сдѣлалось мнѣ нестерпимо. Всѣ они имѣли причины радоваться; я одинъ составлялъ, такъ сказать, промежуточную стадію между несчастными, бѣдствовавшими французами, которые въ лохмотьяхъ выпрашивали на улицахъ кусокъ хлѣба, и веселыми побѣдителями, пившими стаканами токайское вино.

Такъ окончился для меня достопамятный 1812-й годъ. Я началъ его съ

блестящими надеждами, которыя были временно омрачены набѣжавшею черною тучею, вслѣдствіе чего я былъ временно удаленъ изъ арміи; но истина, подобно солнцу, пробивъ эту тучу, дала мнѣ снова возможность дѣйствовать и быть полезнымъ святому дѣлу.

Обстоятельства благопріятствовали мнѣ. Я не пропустилъ ни одного сраженія; заслуженная мною репутація и двѣ раны, мною полученныя, доказывали, что я былъ достоинъ находиться среди лицъ, которыя со славою потрудились надъ освобожденіемъ отечества. И тогда какъ радость наполняла всѣ сердца, я одинъ былъ опозоренъ во мнѣніи всѣхъ. Но изъ принципа и по чувствамъ, которыя я питалъ къ императору, я не обвинялъ его. Я объяснялъ все случившееся тѣми злостными инсинуаціями, которыя вызвали это недоброжелательство. Поэтому я не ропталъ, а горевалъ втайнѣ.

Нынѣ, когда все забыто, когда нѣтъ силы, которая могла бы исправить сдѣланное мнѣ зло, я могу сказать, что я страдалъ болѣе, нежели въ силахъ вынести честный человѣкъ.

Предубѣжденіе императора Александра ко мнѣ разсѣялось подъ конецъ его царствованія, и онъ былъ настолько великодушенъ, что высказалъ мнѣ это самымъ торжественнымъ образомъ въ присутствіи всего эстляндскаго дворянства. Сердечно пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ со свойственной ему очаровательной улыбкой: «мнѣ кажется, я достаточно силенъ, чтобы устроить все дѣло къ вашему удовольствію».

Онъ уѣхалъ въ Таганрогъ, а два мѣсяца спустя мое горе слилось съ горемъ 60 милліоновъ подданныхъ императора, оплакивавшихъ его потерю. Такимъ образомъ данное мнѣ торжественное обѣщаніе возстановить мою честь, чего я ожидалъ съ такимъ терпѣніемъ и съ такою покорностью, было погребено въ могилѣ этого великаго и возлюбленнаго монарха! ⁴⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Собственноручная приписка, сдѣланная Левенштерномъ въ іюнѣ мѣся-

Новое о Юріѣ Крижаничѣ.

Въ 1892 году В. А. Бильбасовъ обратилъ вниманіе историковъ на то обстоятельство, что Юріѣ Крижаничъ, выѣхавъ изъ Босніи въ Польшу, поступилъ въ Доминиканскій орденъ, принявъ иноческое имя Августина, а потомъ добивался побывать опять въ Римѣ ¹⁾. Этотъ фактъ подтверждается вновь найденными данными.

У римскихъ доминиканцевъ хранятся черновики двухъ писемъ орденскаго начальства къ отцу Августину. Первое, помѣченное 9-го мая 1682 года, сообщаетъ, что, внявъ его просьбѣ, Конгрегация de Propaganda Fide дозволяетъ ему прибыть въ Римъ съ донесеніемъ о Московской миссіи. И на самомъ дѣлѣ, офиціальныи протоколъ Пропаганды 13-го апрѣля того же года, напечатанныи В. А. Бильбасовымъ, свидѣтельствуеъ, что такое дозволеніе было выдано на имя Крижанича.

Второе письмо писано 24-го іюля 1683 года и послано отцу Августину въ Варшаву. Рѣчь идетъ опять о поѣздкѣ въ Римъ, вѣроятно, не состоявшейся въ предыдущемъ году. Но теперь она ужъ не разрѣшается, и отцу Августину предлагаютъ изложить письменно все, что онъ желаетъ довести до свѣдѣнія Конгрегации или своего начальства.

Дальнѣйшій ходъ начатаго дѣла остается пока неизвѣстенъ. Эти два документа могутъ служить для другихъ находокъ. Важно было бы навести справку у доминиканцевъ въ Варшаву, у нихъ должны находиться подлинники адресованныхъ отцу Августину писемъ. А по монастырской лѣтописи, пожалуй, удалось бы опредѣлить, гдѣ и когда окончилъ свою страдальческую жизнь даровитый Юріѣ Крижаничъ.

П. Пирлингъ.

¹⁾ „Русская Старина“, декабрь, 1892 г. «Юріѣ Крижаничъ. Новыя данныя изъ римскаго архива». Очеркъ В. Бильбасова.

Изъ архива Ѳ. В. Булгарина.

(Письма къ нему разныхъ лицъ).

I.

Письма графа Н. Румянцева—Ѳ. В. Булгарину.

1.

13-го ноября 1821 г. Гомель.

При первомъ появленіи въ газетахъ возвѣщенія о томъ, что будетъ журналъ подъ заглавіемъ «Сѣверный Архивъ», я далъ предписаніе меня въ числѣ подписавшихся для полученія его помѣстить, и хотя бы сіе уже исполнено было, я съ признательностью принимаю присланный мнѣ отъ васъ, милостивый государь мой, билетъ при лестномъ письмѣ, каковымъ меня удостоить изволили отъ 30-го октября и слѣдующія за него деньги вы получить изволите отъ домоправителя моего въ Петербургѣ, Владиміра Иванова.

Нѣтъ сомнѣнія, что отъ васъ и отъ сотрудниковъ вашихъ зависѣтъ будетъ дать журналу сему большую отечественную цѣну, и я накопивъ довольное уже число російскихъ и иностранныхъ древнихъ объ Россіи свѣдѣній, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, готовъ буду васъ оными сужать, и для того вызываю васъ сдѣлать мнѣ честь, когда возвращусь въ столицу, лично со мною познакомиться.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

2.

23-го января 1822 г. Гомель.

Милостивый государь мой, Ѳаддей Венедиктовичъ!

Съ благодарностью получа письмо, каковымъ меня почтить изволили, и прочтя доставленный мнѣ журналъ «Сѣверный Архивъ», я поди-

вился, нашедъ, что вы мнѣ его посвятить изволили; но удивленіе признательности не помѣшало.

Всѣ статьи первой сей тетрадки предсказываютъ успѣхъ начатаго труда вашего; онѣ очень любопытны.

Не трудно мнѣ, милостивый государь мой, съ вами согласиться, сколько встрѣтите препонъ отъ цензуры нынѣшней, имѣя въ виду болѣе всего заниматься и чтецовъ своихъ занимать статьями, касающимися до Россіи; но пожалуйста не пугайтесь тѣмъ, скромность въ изреченіяхъ и хорошій выборъ статей преодолѣютъ многое.

Сдѣлать изъ журнала вашего точку соединенія, какъ вы сами то обозначаете, между ученою Европою и Россією, переимѣнить совсѣмъ существо онаго, одна часть другую вытѣснить, а со всѣмъ тѣмъ очень большой и важной цѣли не достигнетъ. Мѣсяца черезъ два надѣюсь быть въ Петербургѣ и точно стараться буду съ вами имѣть честь познакомиться; готовъ тогда буду выслушивать ваши противу моеи мысли возраженія.

Вы, милостивый государь мой, кажетесь мнѣ богаты матеріалами для журнала, но я однакоже просилъ г. Аделунга передать вамъ отъ меня изъ журналовъ нѣмецкихъ мирный договоръ самыхъ древнихъ временъ, исѣченной маркоманами на камень, на ихъ славянскомъ языкѣ, но буквами латинскими, и для насъ любопытную статью подробнаго описанія, и кажется, современникомъ тѣхъ хвастливыхъ пировъ, которые давалъ въ Вѣнѣ богемскій король, выдавая дочь свою за венгерскаго королевича; въ числѣ гостей сочтенъ и русскій князь Галицейской, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что держалъ онъ свою корону подъ рукою венгерскаго короля. Даю вамъ сей отчетъ на память, а она у меня худа; жалѣть буду, если бы вкралась въ немъ какая несправедливость.

Съ особливимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

II.

Письма А. Воейкова—О. В. Булгарину.

1.

15-го апрѣля 1823 г.

Милостивый государь, Оаддей Венедиктовичъ!

Я ничего на вашъ счетъ оскорбительнаго никогда не говорилъ и чувствую себя въ совѣсти совершенно правымъ. За чужіе рассказы (всегда искаженные и размноженные) не отвѣчаю, а удивляюсь только, за что вы меня безпрестанно оскорбляете и письменно и словесно.

Очень бы желалъ, чтобы вы доставили доказательства вины моей, или покушенія на вашу честь, или выгоды: трудненько вамъ будетъ найти ихъ!

Впрочемъ, если вамъ непременно угодно получить, такъ называемое, удовлетвореніе, то можете явиться всегда, когда вамъ заблагоразсудится, къ полковнику Василью Алексѣвичу Перовскому, живущему въ Михайловскомъ замкѣ. Я сейчасъ иду переговорить съ нимъ, все устроить и уладить. Только предупреждаю васъ, что условія будутъ мои. Вы своихъ предлагать не имѣете права; я не люблю шутокъ; также не люблю оскорблять другихъ, какъ и сносить обиды.

Подумайте, однако же, хорошенько: за что мы будемъ ссориться; тѣшить злословныхъ людей, которые утѣшаются тѣмъ, что насъ какъ пѣтуховъ сгравливаютъ.

Завтра, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ или когда вамъ угодно: я готовъ!

Отдавая должную справедливость вашему сердцу, жалѣю о вашей вспыльчивости и съ почтеніемъ всегда неизмѣннымъ, имѣю честь быть все тотъ же покорнѣйшій слуга А. Воейковъ.

2.

27-го ноября 1824 г. 4 часа утра.

Милостивый государь, Фаддей Венедиктовичъ!

Вы знаете пословицу: «Dis moi qui tu hante, je dirai qui tu es»? Я живу вмѣстѣ съ Жуковскимъ; каждый день съ Засядкою, А. И. Тургеневымъ и Перовскимъ; весьма часто съ Гнѣдичемъ, Дашковымъ, Блудовымъ, Михайловымъ (переводчикомъ Бентама и директоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ), Адлербергомъ, И. И. Козловымъ, Н. И. и С. И. Тургеневыми. Теперь, видите ли, милостивый государь, что каждый изъ друзей моихъ мизинцемъ однимъ перевѣшиваетъ всѣхъ клеветниковъ, кои изъ зависти и изъ природной склонности ссорятъ людей, которымъ не за что ссориться и у которыхъ кромѣ обоюднаго уваженія и готовности къ услугамъ ничего быть не можетъ. Предоставляю судить вамъ самимъ о томъ тонѣ, какой вы, какъ человѣкъ съ прекраснымъ сердцемъ, должны взять въ перепискѣ и разговорахъ съ человѣкомъ, весьма много вамъ обязаннымъ, сердечно васъ уважающимъ, дружески преданнымъ, но который, наковецъ, потеряетъ терпѣніе и не будетъ сносить жестокихъ оскорбленій, какихъ онъ никогда и ни отъ кого не сносилъ.

Имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою, А. Воейковъ.

III.

Письма Я. И. Ростовцева—О. В. Булгарину.

*

1.

21-го января 1845 г.

Къ большому моему сожалѣнію, почтеннѣйшій Оаддей Венедиктовичъ, не могъ я вчера воспользоваться радушнымъ вашимъ приглашеніемъ.

Именно, вчера, въ 8-мъ же часовъ, было у насъ засѣданіе главнаго совѣта о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ котораго я возвратился домой въ одиннадцатомъ часу—и ѣхать къ вамъ было уже поздно. Простите; виновать, но извините.

Съ искреннимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

2.

11-го ноября 1844 г. часъ по полуночи.

Любезный Оаддей Венедиктовичъ!

Мнѣ бы нужно было съ вами повидаться и поговорить объ нашемъ утраченномъ и незамѣнимомъ Иванѣ Андреевичѣ (Крыловѣ). И долгъ и свѣтское приличіе требовали бы, чтобы не вы ко мнѣ, а я къ вамъ пріѣхалъ; но простите меня на этотъ разъ; послѣ сочтемся; теперь я просто ни щій временемъ; пожалуйста посѣтите меня сегодня утромъ, въ началѣ 10-го. Въ десять часовъ я себѣ принадлежать уже не буду.

Дайте мнѣ, любезный Оаддей Венедиктовичъ, посѣщеніе ваше въ а й м ы; впрочемъ, я знаю ваше ко мнѣ расположеніе и увѣренъ, что просьбу мою вы не сочтете невѣжливостью. Искренно вамъ преданный.

3.

12-го ноября 1844 г.

Любезный Оаддей Венедиктовичъ!

Намъ удалось уладить, что могила Ивана Андреевича (Крылова) будетъ возлѣ могилы Н. И. Гнѣдича. Искренно преданный.

4.

23-го ноября 1854 г.

Искренно мною уважаемый Оаддей Венедиктовичъ. Въ распорядители юбилейнаго праздника почтеннаго Ник. Ив. Греча я былъ при-

глашенъ и не знаю, почему васъ нѣтъ среди насъ, которые всѣ, какъ мнѣ извѣстно, также искренно васъ уважаютъ, какъ и я. Я очень былъ бы радъ засѣдать съ вами вмѣстѣ.

Публиковать о платѣ было бы щекотливо и неумѣстно: о юбилеѣ мы писали ко всѣмъ генераль-губернаторамъ, также не назначая цѣны: пусть каждый несетъ свою лепту, какъ сможетъ, и обѣдъ и ваза будутъ обеспечены; взносъ же, постановленный между нами и тѣми, кто къ намъ обращается—двадцать пять рублей; кому же внести это трудно—то и менѣе, по средствамъ каждаго. Обѣдъ, съ винами, освѣщеніемъ, цвѣтами и музыкою, обойдется до 15 руб. съ человѣка, остальное пойдетъ на вазу.

Не видѣтъ Булгарина возлѣ Греча, въ одинъ изъ счастливыхъ дней того или другаго, невозможно.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

IV.

Письма барона Е. Розена ¹⁾—О. В. Булгарину.

1.

5-го февраля 1848 г.

Благодарю васъ и почтеннѣйшаго Н. И. Греча, за ваше предложеніе мнѣ участвовать въ «Сѣверной Пчелѣ»!

Во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ я вашими условіями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я желалъ бы и оправдать этотъ новый выборъ сотрудника. Я писалъ рецензіи для журнала, но, поэтому, я еще не въ правѣ вообразать, что я способенъ и къ статьямъ критическимъ для «Газеты». Попробую. Черезъ мѣсяць, т. е. написавъ для «Пчелы» 4 или 5 статей, я, лучше всѣхъ, самъ буду знать, могу ли я быть полезенъ для «Пчелы»? Если же окажусь неспособнымъ, то за этотъ мѣсяць искусства не потребую и не возьму никакого гонорарія и останусь въ моихъ нынѣшнихъ отношеніяхъ къ «Сѣверной Пчелѣ», и всегда готовымъ, по требованію и назначенію редакціи ея, помѣщать въ ней, отъ времени до времени, критическія статьи, безвозмездно за мой даровой экземпляръ.

Назначьте мнѣ нѣсколько книгъ; на-дняхъ буду у Н. И. Греча, въ такое время, когда и васъ увижу—и мы потолкуемъ о своемъ дѣлѣ.

¹⁾ Декабристъ.

Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! Вы человекъ прямодушный, я также: позвольте же мнѣ промолвить откровенное слово! Ваше совершенно неожиданное мнѣ предложеніе происходитъ, можетъ статься, отъ преходящей размолвки съ г-мъ ***. Если догадки мои имѣютъ нѣкоторое основаніе, то заклинаю васъ не пожертвовать, для меня, столь полезнымъ и достойнымъ сотрудникомъ, котораго я едва-ли замѣню!

Повидаюсь съ вами на сихъ дняхъ, какъ только пройдетъ моя зубная боль! Да пришлите мнѣ 4 и 5 томы вашихъ «Воспоминаній», о нихъ я желалъ бы написать свою послѣднюю критическую статью въ «Сынѣ Отечества».

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч.

Второпяхъ и при зубной боли! Для печати буду писать лучше!

2.

7-го февраля 1848 г.

Только пятью минутами я вчера не засталъ васъ у Алексѣя Николаевича! Съ первыхъ словъ моихъ вы убѣдились бы, что не выразумѣли моей добросовѣстной оговорки насчетъ г-на Бранта! Я его никогда не видалъ, но нѣсколько знаю его изъ рассказовъ Ник. Ив. Греча; узналъ даже и то, что онъ одними вами держится въ редакціи «Пчелы»! Предполагаемую преходящую размолвку я, стало быть, приписывалъ не вашему характеру, какъ вы думаете, а характеру Бранта, какому-нибудь неумѣренному съ его стороны требованію, и отказу отъ «Пчелы», съ его же стороны: ссылаюсь на мои вчерашнія рѣчи съ Алексѣемъ Николаевичемъ! Однимъ словомъ, вотъ что я вообразилъ:

Брантъ (входя въ кабинетъ Булгарина): — Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, извините меня; сознаюсь, что мое вчерашнее требованіе было несообразно съ моими способностями! Я опомился, чувствую, что только подъ руководствомъ опытныхъ и почтенныхъ редакторовъ «Сѣверной Пчелы» могу играть роль въ журналистикѣ! Ужели добрая «Пчела» не пріютитъ меня опять подъ свое теплое крылышко! (Булгаринъ глядитъ на него съ сожалѣніемъ). Добрый Ѳаддей Венедиктовичъ! вспомните, что въ воскресенье, 8-го февраля, наступаетъ недѣля о блудномъ сынѣ! Отецъ простилъ его: и вы меня простите! Я въ томъ увѣренъ!

Булгаринъ: — Радъ бы простить, любезнѣйшій, но уже поздно: я сдѣлалъ предложеніе другому... и жду его отвѣта! (Брантъ въ безмолвномъ отчаяніи падаетъ въ кресло).

Чтобы въ такую минуту возможнаго примиренія не стать между

вашимъ добрымъ сердцемъ и г-мъ Брантомъ, я приклеилъ къ концу моего письма ту оговорку! Не простительно, даже глупо было бы, съ моей стороны, требовать объясненія насчетъ разставанія Бранта съ «Пчелою»? Мнѣ какое до этого дѣло?

Назначьте мнѣ нѣсколько книгъ для разбора. Завтра, въ началѣ третьяго часа по полудни (лишь бы не помѣшала сильная зубная боль) явлюсь въ редакцію «Сѣверной Пчелы» (а если нельзя будетъ, такъ послѣ завтра въ тотъ же часъ): увидимся и кончимъ дѣло.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностью и проч.

3.

10-го февраля 1848 г.

М. Г. Фаддей Венедиктовичъ! По благомыслию, съ какимъ дѣйствуете вы въ журналистикѣ нашей, надобно думать, что вы готовы оказывать услуги не только постороннему для васъ человѣку, но и врагу своему отъявленному, кровному, даже чернильному! Это два весьма различныя между собою нравственныя дѣйствія, требующія одно—порядочной порціи филантропіи, другое—огромнѣйшей порціи благодушія! Но если задать вамъ задачу слить воедино эти два дѣйствія и эти двѣ порціи, и совершить этотъ удвоенный нравственный актъ—за одинъ разъ (simultanément)? Полагаю, васъ и на это достанетъ! Предлагаю вамъ такого рода задачу, т. е. обязать въ одно и то же время, однимъ дѣйствіемъ—и посторонняго для васъ человѣка, и своего врага! Посторонній человѣкъ—я! а чернильный врагъ вашъ—вы видите: я беру злѣйшаго изъ враговъ—чернильнаго—это субъектъ неодоушевленный, одинъ изъ толстыхъ журналовъ! Объясняюсь.

По какому-то бусурманскому фатализму, въ мои статьи, помѣщаемыя въ «Сынъ Отечества», вкрадываются иногда непріятныя опечатки, и тѣмъ непріятнѣйшія, что инныя изъ нихъ отнюдь не имѣютъ вида опечатокъ и поэтому вводятъ въ заблужденіе добрыхъ людей, редиж и рующихъ прогрессивно-гуманный журналъ. Тому былъ блистательный примѣръ, въ прошлое лѣто, не извѣстный вамъ и многимъ: вамъ—потому, что вы въ своемъ Карловѣ пользовались лѣтнею индугенцією, временнымъ разрѣшеніемъ отъ тяжелой обязанности заглядывать въ толстые журналы! а многимъ потому, что «Сынъ Отечества» былъ тогда еще не богатъ подписчиками! Объ этомъ блистательномъ примѣрѣ послѣ, если вамъ угодно, а теперь позвольте мнѣ безъ отлагательства оговорить въ вашей газетѣ одну ошибку и одну опечатку, оказавшіяся въ моей статьѣ «Прогулка по Рейну» («Сынъ Отечества» № II за текущій годъ). Въ отдѣленіи Русской словесности этого журнала (стр. 32), упоминая о поразительномъ сходствѣ Александровой головы съ Наполео-

номъ—на одной камей, въ Кельнскомъ соборѣ—послѣ словъ: «Ужели царь Македонскій, преждевременною смертью, среди блеска своего, похищенный у мстительныхъ предположеній судьбы, долженъ былъ по прошествіи двухъ тысячелѣтій явиться еще разъ на свѣтъ (въ образѣ Наполеона) для того, чтобы на второмъ своемъ вѣку, послѣ великихъ побѣдъ претерпѣвать и великія пораженія, неизвѣданныя имъ на первомъ, и тѣмъ исполнить завѣтъ судьбы человѣческой»—привожу подлинныя богобоязненные слова царя Македонскаго (разумѣется, на греческомъ языкѣ: Воспитанникъ Аристотеля не зналъ тарабарскаго языка и Киммерійской философіи нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ)—и ради выщшаго уразумѣнія мудреныхъ греческихъ литеръ, поставилъ—для наборщика—*nota bene*, изображающее въ русскихъ буквахъ, тѣ греческія слова—и увѣ! *nota bene* мое попало въ самый текстъ статьи. Извиняюсь передъ публикой въ ошибкѣ, въ которой виноватъ наборщикъ.

Совершена одна половина двоякаго нравственнаго подвига: вы оказали услугу постороннему для васъ человѣку! Приступимъ ко второй—труднѣйшей половинѣ. На страницѣ 27 (тамъ же), передавая слухъ о старикѣ Шлегелѣ, говорю: «Стоило бы только прочесть книгу знаменитаго Римлянина: *De re culinaria* (о поваренномъ искусствѣ) и проч.: а напечатано: *pulinaria*! Такого слова, какъ вамъ извѣстно, не имѣется въ латинскомъ языкѣ и его выдумалъ наборщикъ. Эту ошибку и эту опечатку я могъ бы оговорить,—и непременно оговорю въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ нашего журнала; но боюсь, чтобы «Отечественныя Записки» до того времени не попали бы въ эту пулинарную западню! Въ доказательство, что страхъ этотъ весьма основателенъ, расскажу вамъ прошлогоднее литературное событіе, вамъ не извѣстное.

Въ «Сынѣ Отечества» въ первой критической статьѣ о вашихъ «Воспоминаніяхъ», встрѣчалось нѣсколько разъ весьма извѣстное слово: Троглодитъ. Демонъ опечатокъ, имѣющій своихъ незримыхъ агентовъ во всякой типографіи, подмѣнилъ нашего Троглодита небывалымъ Триглодитомъ! «Отечественныя Записки», не теряя ни минуты, воспользовались этою опечаткою, не какъ орудіемъ противъ «Сына Отечества», но какъ доказательствомъ своихъ крайне ограниченныхъ свѣдѣній: знать не зная, вѣдать не вѣдая, что это опечатка, они пресерьозно воспроизвели эту смѣшную небывальщину. (Зри «С. Отеч.» 1847 г. № 8 Журнальная замѣтка). Я тогда порядочно надъ этимъ потрунилъ и теперь еще вопрошаю васъ, какъ человѣка опытнаго, какъ старѣйшину журналистики русской: можно ли было ожидать, чтобы журналъ натуральный и подражательный попалъ въ такую западню, когда въ самой натуральной исторіи есть субъектъ подражательный, человѣкообразный и, по классификаціи, ближайшій къ человѣку—

однимъ словомъ: натуральный, подражательный субъектъ, получившій отъ Линнея названіе: челоуѣкъ—Троглодитъ (*Lomo troglodytes*)—почтенный *Orang chimpranzée* или *Outang*?

По тому примѣру, что «Финскій Вѣстникъ» переимѣнилъ свое названіе, посоветуйте «Отечественнымъ Запискамъ» сдѣлать то же самое, и какъ для вѣщаго тождества названія съ содержаніемъ, такъ и для увѣковѣченія достопамятнаго случая; до чего невѣдѣніе можетъ быть доведено опечаткою переименовать «Отечественныя Записки» въ Триглодиты! Они же предлагали «Сыну Отечества» имя Донъ-Кихота, на томъ основаніи, что редакторъ перевелъ этотъ романъ Сервантеса: «долгъ платежемъ красенъ»! Совершена и другая половина двоякаго нравственнаго подвига! Вы оказали рѣдкое благодушіе въ отношеніи къ чернильному врагу, указавъ ему на опасность! Отъ души поздравляю васъ!

Баронъ Розень.

Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, въ родѣ шутки, я къ вамъ написалъ предъидущее письмо! Если захотите, помѣстите его цѣликомъ, или воспользуйтесь частью онаго для своего фельетона, а если ни то, ни другое не покажется вамъ удобоисполнимымъ, то просто разорвите письмо! Я имъ только хотѣлъ испытать, лишаетъ ли зубная боль меня способности шутить и острить.

По желанію почтеннаго барона, я прочиталъ статью его и присоединяю мою просьбу о напечатаніи этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», если Ѳаддей Венедиктовичъ не встрѣтитъ съ своей стороны какого-либо препятствія.

Всею душою преданный Ѳаддею Венедиктовичу

К. Масальскій.

4.

18-го января 1853 г.

Двумя-тремя латинскими строками, которыми 5-го сего мѣсяца (*Nonis Ianuariis*) благодарилъ я васъ за «Новую Пчелу», я конечно не воображалъ отдолговаться, получая *gratis* вашу газету, уже нѣсколько лѣтъ сряду. При семъ прилагается статейка, для помѣщенія въ «Сѣверной Пчелѣ», если захотите.

Дѣлать нечего, я долженъ приняться опять за критику, снять съ нѣкоторыхъ лицъ незаслуженные вѣнки; я одинъ, въ нашемъ журнальномъ мірѣ, мужъ прямой правды, всѣ прочіе виляютъ. Гоголя и Андрея Муравьева я уже судилъ, теперь у меня на очереди Кукольникъ,

Ростопчаина, Брамбеусъ. Интересна для меня античная двусмысленность вашихъ оракуловъ. Вы сказали когда-то, что все, къ чему ни прикоснется Кукольникъ, превращается въ золото! Сущая правда! наилучшій предметъ въ рукахъ Кукольника становится тѣмъ золотомъ, которое вѣдаютъ золотари *les maîtres des basses oeuvres*.

«Сѣверная Пчела» (№ 13) безъ оговорки повторила ошибку Брамбеуса: «Новая Плеяда». Это слово употребляется только во множественномъ числѣ. Плеяда же—одна изъ этихъ утокъ: въ просторѣчїи Плеяды—утиное гнѣздо. Да отчего это—Плеяды; ихъ только пять! Стало быть Пентархїя!

Боюсь за «Библиотеку для Чтенія»; 1-й № ея вышелъ съ роковымъ знаменіемъ — съ драмою Кукольника! Вспомните «Финскій Вѣстникъ», перемѣнилъ названіе, вздумалъ отличиться, нагрузилъ Паткулемъ свой 1-й №, и бѣдное судно отъ излишняго балласта, въ томъ же году, *sombra sous voiles*. Въ прошедшемъ году, въ 1-мъ же № «Сына Отечества» появился жалкій «Денщикъ», и дѣдушка нашей журнальной эскадры пошелъ ко дну, какъ говорятъ! Что, если Ермилъ Ивановичъ Кукольникъ потопитъ и «Библиотеку» со знаменитою Плеядою ея! Мой глубокой поклонъ Н. И. Гречу.

V.

Письма А. Бестужева—О. В. Булгарину.

1.

26-го мая 1821 г. Дерптъ.

Здравствуй, любезный Булгаринъ!

Какъ нетерпѣливо ждалъ я прихода въ Дерптъ! Мысль, что я увижу Свѣтлану Жуковскаго, цвѣтила туманную даль, и вѣчныя болота и сыпучіе пески Лифляндскіе остались за мною. Я въ Дерптѣ—наконецъ я въ домъ Майера и—я не видалъ ее (Свѣтлану)¹⁾. Я ждалъ, искалъ писемъ отъ тебя, отъ родныхъ, отъ знакомыхъ и не нашелъ ихъ. Представь себѣ чело-вѣка, который за пять верстъ идетъ пѣшкомъ обѣдать къ прїятелю и у порога встрѣчаетъ отвѣтъ: нѣтъ дома. Точно въ такомъ положенїи нахожусь и я. Одинъ въ людяхъ, скученъ среди веселья, правда, нѣмецкаго, но все-таки веселья. Однакожъ скажу тебѣ, что я былъ у матушки Александры Андреевны и ласковымъ, любезнымъ прїемомъ ея нѣсколько

¹⁾ Жуковскаго.

заплаченъ за непріятность не видать Свѣтланы, которая по болѣзни мужа и своей руки не могла выйти.

Знаю, что бѣглецовъ не возвращаютъ угрозами, и потому не стану бранить тебя за недержаніе слова на счетъ писемъ; но половину для формы, половину отъ чистаго сердца самъ пишу къ тебѣ, наскоро въ гостяхъ, на фортопіано прыгающаго отъ студентскихъ восторговъ. Скучно и грязно было въ походѣ сначала, скучно и холодно потомъ, скучно и жарко, и пыльно теперь. Я былъ въ Нарвѣ, лазилъ по развалинамъ, спускался въ подземелья, все видѣлъ, обо всемъ разспрашивалъ и очень много узналъ. Дождь заперъ меня въ комнату, и я едва залучилъ часокъ посмотрѣть водопадъ Наровскій, у меня есть листа два набросано о пути нашемъ, но лѣнюсь или не имѣю времени переписать и потому въ Общество ихъ не посылаю. При томъ же безъ романическихъ манжетъ сухой маршрутъ нашъ не весьма забавенъ, и потому я жду, чтобъ выдался день прилежанія, чтобы выдумать для этого сказки двѣ, три и тогда: *vogue la galéie*.

Очень и премного любопытенъ о вашихъ новостяхъ политическихъ и литерацкихъ! что подѣлываютъ добраго общіе пріатели и товарищи наши: Гречъ, Глинка, Никитинъ? Здоровъ ли баронъ, не пріѣхалъ ли Баратынскій? Помнить ли меня Н. И. Гнѣдичъ? и всѣ, наконецъ, которыхъ помнитъ сердце, не справляясь съ расходною книгою учтивости? Пожалуй справь имъ поклонъ за меня и попроси съ собою вмѣстѣ, чтобы они писали къ грамотному драгуну грамотки, чтобы онъ не разучился читать. Александрѣ Андреевиѣ и Александрѣ Фодоровичу мое искреннее почтеніе, всѣмъ сочленамъ Общества равномѣрно.

Адресуй письма: въ Опочку, или гдѣ полькъ находится. Греча попроси объ Исторіи Карамзина. Не забывай своего друга, который любить тебя, какъ прежде, и вдалькѣ еще болѣе чувствуетъ цѣну твоего знакомства. *Adieu*.

Я свѣщѣу ѣхать за 6 верстъ, гдѣ стоитъ нашъ эскадронъ. Кланяйся Сомову¹⁾.

2.

6-го сентября 1821 г. Полоцкъ.

Любезный другъ!

Давно, очень давно не писалъ я къ тебѣ, надѣясь написать что-нибудь позанимательнѣе; но отъ тебя, кажется, люстровъ (мѣсяцевъ)

¹⁾ Письмо это направлено по слѣдующему адресу: à Monsieur, Monsieur de Boulgarin.—Si devant capitaine aux troupes françaises, à Petersbourg. Rue Vosnesensky, maison de Kotomin.

пять не получалъ ни строчки! неужели въ этомъ случаѣ цензура устами Ивана Осиповича рыкнула свое грозное veto? или потокъ забвенія протекъ по слѣдамъ моимъ? или подавленный стихотвореніями общества, замученный справками (безъ управы) сената, взбѣшенный секретарями, ты

Wykrzesasz pobruku ogien' z podkówki
Tracisz za raz czas Zycia i polskie Zlotówki ¹⁾.

Ты удивляешься, я думаю, исковерканному польскому языку, которымъ я вздумалъ въ подарокъ тебѣ написать теперь двѣ строчки! прошу простить школьнику вину за желаніе. Я учусь по-польски, учусь въ той землѣ, гдѣ языкъ Нарушевича, Нѣмцевича, Красицкаго, а имена ихъ неизвѣстны, гдѣ мало людей и нѣтъ вовсе книгъ. Скажу тебѣ не въ привѣтъ, а въ правду: учусь по-польски для тебя наиболѣе, такъ какъ ты учился по-итальянски для Альфіери. Воротясь въ Петеръ, мы будемъ вмѣстѣ разсиживать вечера, читая журналы варшавскіе, разсуждая, споря о вашихъ авторахъ, перевода хорошее на русскій, оцѣняя на языкѣ сердца соллецизмы сердца. Между тѣмъ, я по складамъ разбираю Красицкаго и Нарушевича, учу наизусть сатиры, которыя ты мнѣ читалъ глухому, и надъ которыми сперва я улыбался изъ учтивости, а теперь смѣюсь отъ души. Скажу тебѣ еще болѣе: въ этомъ краю арендаторовъ и душъ мелкопомѣстныхъ, я нашелъ людей добрыхъ, образованныхъ, гостепримныхъ. Маршалъ повѣта, Рикъ, съ его фамиліею, заставилъ меня жалѣть, зачѣмъ я не ранѣе нашелъ его семейство. Семейство Вижицкихъ принудило сожалѣть о скучныхъ инфлантахъ и желать туда возвращенія. У нихъ-то я нашелъ польскую бібліотеку и теперь нѣкоторыя книги имѣю съ собою, а отъ тебя жду для перевода чего-нибудь твоего. Теперь на походѣ (да правду сказать и на стоянкѣ) ничего не дѣлалъ, сперва отъ скуки, потомъ отъ разсѣянія; однакожъ, записки кое-какія доставлю подъ видомъ писемъ къ тебѣ, не осуди, каковы будутъ—это выжимки воображенія. Пожалуйста, увѣдомь меня, получилъ ли ты письмо съ поправками для «Рев. Путеш.»? Напиши и о томъ, что дѣлаетъ любезный Гречъ и о томъ, чего ты не дѣлаешь? и проч., и проч., и проч.

Теперь, мы идемъ къ Бешенковичамъ на маневры, гдѣ будемъ давать государю обѣдъ, за то что онъ насъ не кормитъ; дагѣ слухамъ нѣсть конца. Новости насъ водятъ за носъ, а золотое время приходитъ и проходить!

Пишу къ тебѣ изъ курной избы латышей, въ имѣніи іезуитовъ; мужики бѣдны, но говорятъ, что теперь имъ рай, въ сравненіи съ жи-

¹⁾ Гранишь мостовую, прожигая жизнь и тратя польскіе злотовки (прежняя польская серебряная монета).

нію подѣ властію іезуитскою. Они рады, что ихъ выгнали, я сожалѣю, что не выгнали всѣхъ.

Дождь брызжетъ въ окно, но я собираюсь въ Полоцкъ, верстъ за 20, чтобы свезти это письмо. Ты живешь близко отъ почтамта, не удаляй же друга изъ памяти, не лишай удовольствія читать грамотки твои. На чужой сторонѣ письма будто свиданье дружеское.

Прощай, кланяйся Кутузову, Никитину, Бирону и всѣмъ, всѣмъ, у которыхъ сердце не на изнанку. Адресуй письмо чрезъ Полоцкъ, гдѣ полкъ находится. Будь здоровъ и весель.

Твой Бестужевъ.

3.

22-го октября 1821 г. Литва.

Деревня Выгоничи, въ 40 в. отъ Минска.

Любезный другъ! Неужели всѣ родные и пріятели стакнулись цѣлые два мѣсяца не писать ко мнѣ ни слова? неужели и ты, юноша, послѣдовалъ ихъ примѣру на муки горюну-драгуну? Нечего сказать, хорошіе вы гуси. Я палю письмами, а вы не хотите порадовать ни строчкой! но я несмотря на то, снова берусь за ржавое перо и пишу о себѣ по-неволѣ, ибо о другихъ ничего не знаю.

Посланіе Баратынскаго къ тебѣ я читаль—оно прекрасно. Читаль и твое, о переводчикахъ Гомера—статья нѣмецкая, но справедливая и нужная. Пушкина «Уединеніе» слабо, но Муза есть пріятная бездѣлка. Прочихъ новостей чуждъ и потому полно.

Стою у пана Войдзевича, очень добраго человѣка. У него двѣ дочери, изъ коихъ одна красавица. Польская бібліотека, фортепіано и павы скоротають зимніе вечера; воспоминаніе о васъ усладить ихъ, но грустнымъ образомъ. Погода испортилась,—скучно.

Буду просить тебя о томъ, чтобы ты попросилъ Греча пересылать мнѣ «Сынъ Отечества». За ') сдѣлай одолженіе заплати, на слѣдующей почтѣ я пришлю для сего деньги, равномѣрно и «Соревнователь», котораго никто не беретъ, мой экземпляръ, и даже Благодѣнственнаго, который лежитъ у Слѣвина. Я твой должникъ въ 15 рубляхъ или около того.

«Возвратное путешествіе изъ Ревеля», если можно достать листками, пожалуйста перешли, ибо я его не читаль въ печати. Еще, *mon cher*, увѣдомь меня, получилъ ли ты письмо съ поправками «Ревел. Пут.» и письмо изъ Полоцка пущенное? Если нѣтъ, то я, право, начинаю вѣрить, что въ моихъ письмахъ кто-нибудь думаетъ сыскать карбонарство—и точно, тамъ одни угольные чернила.

1) Одно слово не разобрано.

Гречу, Воейкову и Гнѣдичу мой сердечный поклонъ. Баронету и Баратынскому дружеское пожатіе руки; Кутузову и всѣмъ юношамъ просьбу не забывать полуграмотнаго драгуна. Самого тебя я засыпаю порученіями, но думаю, что въ томъ ты простишь меня, еще болѣе и за то, что я учусь по-польски. Мнѣ языкъ этотъ нравится и «Историческія Спѣвы» лежатъ всегда подъ головою. Напиши, что бы перевести для журнала изъ вашихъ классиковъ? У меня они подъ рукою. Брату напомни объ эполетахъ, которыя я просилъ его прислать. Здѣсь такихъ вещей найти невозможно. Брату Павлу черезъ Воейкова перешли приложенную записочку. Спѣшу отсылкою письма и общаю впередъ писать и болѣе и лучше, но теперь прощай, мой милый; помни твоего Александра.

4.

7-го декабря 1821 г. Минскъ.

Любезный Булгаринъ!

Не смѣю считать уже тебя въ числѣ друзей, ибо на всѣ мои письма и порученія ты безотвѣтенъ. Адресъ мой: въ Минскъ. Прежде чѣмъ не получу отъ тебя, ничего не напишу къ тебѣ. Вѣрю и знаю, что ты много занятъ, еще болѣе—развлеченъ, но если не хочешь подарить драгуну немногихъ минутъ,—то боюсь тебѣ наскучить. *Pokładam ufność, że odtąd będziesz grzeczniejszym i będziesz do mnie pisać częściej. Niecierpliwie czekam odpowiedzi; spodziewam się, że się nadal nie omyłę w mojej nadziei. Jestem z zwykłym szacunkiem i przyjaźnią.*

Твой Bestużew ¹⁾.

5.

14-го января 1821 г. Минскъ.

Здравствуй любезный другъ!

Я получилъ письмо твое, писанное вмѣстѣ съ братомъ. Ничего не скажу о чувствахъ, тогда меня проникнувшихъ. Еслибы былъ съ тобою, то жаль бы тебѣ руку по-квакерски, но теперь скажу, что ты другъ какъ быть слѣдуетъ. Рекомендую тебѣ моего хозяина и пріятеля Войдзевича. Прошу посѣщать его домъ и полюбить его семейство, въ которомъ питали твоего друга. Въ Сицилію, по правдѣ сказать, я былъ вклю-

¹⁾ Надѣюсь, что впредь ты будешь любезнѣе и будешь чаще писать мнѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта; надѣюсь, что эта надежда меня не обманетъ. Съ всегдашнимъ уваженіемъ и дружескимъ расположеніемъ. Твой Бестужевъ.

блень донельзя. А прогроз. Не ваше ли съ Глинкой дѣло, что графъ Комаровскій беретъ меня въ адъютанты? Я скоро приѣду разспросить васъ о томъ лично, побраниться и помириться. Зажить съ вами, писать съязнова глупости и *vogue la galère*.

Живу въ Минскѣ. Пьянствую и отрезвляюсь шампанскимъ. Жизнь наша похсдять на твою уланскую. Цимбалы гремятъ, дѣвки бранятся... Чудо!

Разспроси о прочемъ у Войдзевича, я, право, такъ сбаламучень, что письмо мое скачетъ уже на перекладныхъ. Выгоничи, Минскъ, трактиры, цукерни, собачья комедія, т. е. театръ, адъютантство и дорога меня скружили. Цѣлуй свою милую подругу, но люби меня по-прежнему. Твой Алек. Бестужевъ ⁴⁾.

6.

15-го мая 1830 г. Дагестанъ.

Милостивый государь,

Фаддей Венедиктовичъ.

Вы подарили насъ двумя лучшими русскими романами, которые и въ кругу всесвѣтной литературы не краснѣя могутъ быть представителями отечественной словесности, и потому, поздравляя публику съ этою находкой, благодарю васъ, какъ членъ ея, за удовольствіе, найденное въ чтеніи Выжигина и Дмитрія Самозванца. Провидѣніе дало овому два таланта, овому одинъ, но не велѣно и одного хоронить въ землю—въ слѣдствіе этой истины, я, не думая состязаться съ вами—богачемъ въ дарахъ слова, прошу приютить прилагаемую при семъ бездѣлку въ одномъ изъ журналовъ, вами издаваемыхъ, чтобы хоть нѣсколько познакомить съ собою васъ и читателей. Я могу только сказать, что повѣсть «Замокъ Эйзелъ», напечатанная безъ подписи въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827-й годъ, и нѣкоторыя стихотворенія, разсѣянные въ періодическихкихъ изданіяхъ, были написаны мною. Впрочемъ лучшая порука удача, и если эта повѣсть, именуемая «Испытаніе», заслужитъ одобреніе, я не замедлю присылать и другія, въ забавномъ или романтическомъ родахъ попеременно. Кавказъ, на послѣдней ступени котораго живу я, богатъ предметами для поэта и романтика, но по несчастію здѣсь и цвѣты дышать тлѣніемъ и виноградъ каплетъ желтою лихорадкою, болѣзни—плохіе вдохновители воображенія. Въ средоточіи всѣхъ средствъ обра-

⁴⁾ На письмѣ написанъ слѣдующій не безъинтересный адресъ: „милостивому государю Фадѣю Венедиктовичу Булгарину, капитану войскъ французскихъ. Въ С.-Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Котомина на углу въ Садовую“.

зованности, писатель обязанъ сдѣлать все, что можетъ; здѣсь только то, что удастся: да будетъ это во извиненіе—недостатковъ моего вымысла и слога.

Прося засвидѣтельствовать мое душевное уваженіе почтенному со-труднику вашему Николаю Ивановичу Гречу, имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ.

7.

10-го іюля 1830 г. Дербентъ.

Навѣрное полагая, что вы уже получили повѣсть «Испытаніе», посланную отъ 15-го мая, препровождаю при семь рассказъ, подъ заглавіемъ «Вечеръ на Кавказскихъ водахъ», который прошу позволенія у Николая Ивановича Греча посвятить ему. Тутъ же прилагаю описаніе Дербентскаго праздника въ честь Шахъ-Гусейна, и два анекдота. Если не умру отъ холеры-морбусъ ¹⁾, которая плотно до насъ добирается, то въ непродолжительномъ времени доставлю повѣсть: «Аммалать-Бекъ»: она ознакомитъ васъ съ Прикаспійскою стороною Кавказа. Потомъ кончу нѣсколько небольшихъ пьесъ для «Сѣверной Пчелы». Писаль бы болѣе, еслибъ болѣе имѣлъ досуга, и занимательнѣе, еслибы здоровье мое было лучше и я оживлялся бы добрымъ расположеніемъ духа, а то климатъ и обстоятельства сушатъ равно мозгъ и чернила.

Въ прошломъ году, матушка однажды писала ко мнѣ, что вы желали имѣть меня сотрудникомъ; не бывъ увѣренъ тогда въ возможности исполнить обѣщаніе, я не смѣлъ взяться за дѣло. Теперь, кажется, я могу отвѣчать за себя и потому съ своей стороны возобновляю предложеніе, если оно для васъ не лишнее. Вотъ мои условія:

Я обязанъ присылать не менѣе 20 и не болѣе 25 печатныхъ листовъ оригинальныхъ пьесъ прозою. Превышающее число листовъ вы отнесете къ слѣдующему году, или, если угодно вамъ будетъ, заплатите по 80 руб. за листъ.

Вы вольны въ теченіе года располагать по волѣ пьесами: печатать ихъ въ періодическихъ изданіяхъ или особо, уступить другому и прочее. Но по прошествіи года, я могу перепечатать оныя или продать вновь.

Мѣрою листа принимается форматъ и шрифтъ «Сына Отечества» текущаго года. Другіе шрифты судятся по сравненію. Если вамъ угодно

¹⁾ Холера свирѣпствуетъ въ провинціяхъ Шемахинской, Бакинской и уже въ 20 верстахъ отъ Дербента. Въ Шемахѣ умираетъ до 40 чел. въ день. Очень искусный врачъ г. Соловьевъ спасъ всѣхъ тамошнихъ начальниковъ, заболѣвшихъ съ семействами. Самымъ спасительнымъ средствомъ оказалось обливанье водою, треніе льдомъ и щеткою безпрестанно, давая небольшіе приемы salomé для укрощенія судорогъ. Здѣсь умерло нѣсколько нижнихъ чиновъ съ подозрительными признаками: есть больные и между татаръ.

будеть поручить мнѣ перевести какую-нибудь главу или отрывокъ съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и польскаго языковъ, то вы приплетете книгу съ отиѣткою статей, которая вмѣстѣ съ переводомъ возвратится въ самомъ скоромъ времени.

Вы будете платить за это не менѣе 1.500 руб. въ годъ. Уплата производится по третямъ, считая со дня полученія первой повѣсти.

Наконецъ, не требую, но прошу присылки обоихъ журналовъ вами, вообще съ Н. И. Гречемъ издаваемыхъ.

Въ обоихъ случаяхъ: если предложеніе сіе можетъ быть вами принято, или по какимъ-либо причинамъ не можетъ, въ цѣлости или въ частяхъ, покорнѣйше прошу увѣдомить о томъ мою матушку, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ ней же отошлете вы и присланныя статьи.

Не дивитесь, что съ такою нѣмецкою подробностію пишу объ этомъ: гдѣ касается до денегъ, тамъ должно быть точнымъ, чтобы никто не имѣлъ повода жаловаться. Впрочемъ желая, чтобы вы обрадовали насъ какою-нибудь литературною новинкою, желая вамъ всѣхъ земныхъ благъ вмѣстѣ съ семействомъ, имѣю честь быть съ искреннею привязанностію и уваженіемъ, вашимъ, милостивый государь, покорнымъ слугою Александръ Марлинскій.

P. S. Если вздумаете послать ко мнѣ что-нибудь, вотъ адресъ: А. А. Б—у въ Грузинской Линейной № 10-го батальонъ, чрезъ Кизляръ въ Дербентъ.

8.

28-го октября 1830 г.

Симъ честь имѣю увѣдомить господъ издателей «Сѣверной Пчелы», что посланныя ими деньги отъ 10-го сентября чрезъ г-жу Торсонъ, триста рублей ассигнаціями получилъ сего 1830 года, октября 28 дня, въ Дербентѣ. Александръ Бестужевъ.

P. S. Въ половинѣ ноября кончу повѣсть «Лейтенантъ Бѣлзоръ», сцена въ Голландіи, юмористическая пьеса, которая немедленно и вышлетъ къ вамъ, слѣдственно, получитъ въ концѣ декабря въ Петербургѣ. Сочинитель желаетъ г-мъ издателямъ здоровья и счастья.

P. S. Такъ какъ въ нашемъ ульѣ вмѣсто меду теперь завелась холера-морбусъ, то не лишнимъ считаю сказать слово о странномъ явленіи, котораго я былъ неразъ свидѣтелемъ во время свирѣпствованія сей болѣзни въ Дербентѣ. Я видѣлъ нѣсколькихъ умершихъ отъ ней, особенно женщинъ и 12 часовъ спустя послѣ кончины, когда уже разрушеніе оказывалось на лицѣ отъ жара, онѣ еще имѣли судорожныя движенія въ пальцахъ, которыя сжимались какъ орлиныя когти.

9.

15-го марта 1832 г., Дербентъ.

Много порадовало меня посланіе твое, добрый мой и любезный Ѳаддей Венедиктовичъ, — а то я было отпѣлъ тебя изъ немногаго числа своихъ пріятелей. Старина будто ожила на минуту передъ очами сердца. Время приноситъ новыя весны за новыми зимами, но моя весна кажется въ одномъ воспоминаніи перецвѣтаетъ будетъ. Благодарю тебя за слова ласки и утѣшенія, но вѣрь, что я приѣмлю ихъ не иначе, какъ за слова, т. е. за звуки. Опытъ собственный убѣдилъ меня болѣе чужихъ надеждъ. Правда, что увѣренность въ неподвижность моего жребія не охладитъ моего усердія къ службѣ, ни любви къ отечеству, но за то она, лишая меня завтраго, уничтожаетъ поменьку и мое сегодня; даже въ самой словесности она не рѣдко дѣлаетъ меня работникомъ, когда бы я могъ быть художникомъ. Я не хвастунъ, но если я скажу, что я безстрашенъ отъ природы, это еще въ моихъ глазахъ не такое достоинство, чтобы въ человѣкѣ могло высоко цѣниться, но въ солдатѣ, думаю, оно стоило бы отличія. И что жъ? Чѣмъ былъ награжденъ я за то, что въ числѣ первыхъ трехъ человѣкъ вскочилъ на окопы Байбурга. Ужасно вспомнить. Богъ судья Паскевичу, который положилъ представленіе обо мнѣ подъ сукно и потомъ преслѣдовалъ меня какъ лютой звѣрь и какъ лютаго звѣря. По смѣлости этихъ строкъ ты можешь судить, что я не только не боюсь говорить правды, но еще желаю, чтобы ее изслѣдовали, ибо душа и поведеніе мое по возрожденіи бѣлѣ этого листа. Не надѣюсь я ничего и за блокаду Дербента и за всю экспедицію прошлаго лѣта; хотя дѣлалъ не только, что должно, но и то, что едва можно.

Не надѣюсь. Но признаюсь, сердце у меня разрывается, когда вздумаю, что не увижу моей родины, которой отдалъ и посвящалъ я все, все на землѣ и въ небѣ. Чувствую въ себѣ, что я могъ бы быть полезенъ ей перомъ, и каково это чувство, сопровождаемое невозможностію достигъ до того, въ этомъ краю изгнанія, въ этомъ краю животности, одной животности!! Что могу я предпринять безъ книгъ, безъ библиотекъ, безъ архивовъ, безъ мѣстностей?.. О, нигдѣ въ мірѣ не хотѣлъ бы я родиться кромѣ Россіи, и ее-то долженъ я стараться забыть, потопить въ Лету. И въ ней-то нашелъ я для себя лишь камни темницы, но не найду камня для гробницы... Коршуны Кавказа развѣютъ крыльями прахъ изгнанника.

Да, Ѳаддей, нравственное положеніе мое незавидно, и это для меня тѣмъ огорчительнѣе, что я излѣчился давно отъ химеръ преобразовать міръ съ вѣникомъ въ рукахъ. Искреннее желаніе моей души предаться

словесности, жить мирно, уединенно, знаться болѣе съ книгами, чѣмъ съ книжниками, и заглядывать въ свѣтъ для того только, чтобъ переводить его на бумагу.

Жалѣлъ я тебя не разъ, читая нелѣпыя личности журналистовъ. Но гдѣ же обращается кровь безъ желчи? гдѣ текутъ чернила безъ клеветы, или покупается имя безъ зависти. Утѣшься. Несчастенъ тотъ, кто не въ себѣ, а внѣ себя ищетъ спокойствія души. Это все равно, что занимать у сосѣда желудка и хотѣть быть сыту.

Я противъ вашихъ журналовъ очень, очень виноватъ. Простите, исправлюсь—я лѣнюсь и занимаюсь запоємъ. Начинаю протрезвляться и скоро пришло кой-чего. Гречу и всей семьѣ его душевный привѣтъ; дай Богъ имъ счастья до пятого колѣна. Я люблю и уважаю ихъ всѣхъ. Началь ли-то Николай Ивановичъ печатать мои повѣсти? Я лучше не могъ найти издателя и премного ему буду обязанъ.

Житье-бытье твое подѣ Дербтомъ меня разманило—мѣста все извѣстныя; право, тебѣ можно позавидовать. Живи, живи долго, счастливецъ, и живи весело, здорово. Отъ меня одна просьба къ тебѣ, хоть за тебя къ Зевесу много желаній, не забывай твоего причудливаго, но, право, добраго Александра.

Р. S. Денегъ за первую треть другаго года не получалъ. Онѣ, кажется, пропали на почтѣ; за 2-ю треть, напротивъ, уже имѣю. За 3-ю удержитесь высылать, ибо я даромъ денегъ брать не люблю. Помните, что годъ нашъ начинается съ 1-го іюля. Я было и забылъ тебѣ сказать: въ 1829-мъ году я былъ на могилѣ нашего незабвеннаго Грибоѣдова и плакалъ какъ дитя—я былъ одинъ... Что этотъ человѣкъ хотѣлъ сдѣлать для меня!.. онъ умеръ и все пошло прахомъ...

Р. S. Книгопродавцамъ отъ меня скажи, что они мерзавцы. Увѣрь ихъ также, что я скорѣй брошу въ огонь все, чѣмъ задаромъ стану утучнять ихъ потомъ своимъ.

10.

21-го февраля 1834 г., Дербентъ.

Любезный мой воркунъ Ѡаддей Венедиктовичъ!

Ну, дядя, насиду ты сломилъ ледяную печать молчанія—а я, правду сказать зачислилъ тебя въ число безъ вѣсти пропавшихъ друзей—и что мудренаго, думалъ я—человѣкъ бо есть—хоть не въ свѣтѣ живетъ, да свѣту служить. Радъ очень, что я ошибся; и хоть не во всѣхъ оправдательныхъ статьяхъ съ тобой согласенъ, но за искренность благодарю. Такъ должно было поступать со мной и прежде и всѣмъ другимъ,—а то завели какіе-то передачи да переводы, которые отдалили насъ другъ отъ друга на лишнія тысячи верстъ. Съ моей стороны я долженъ

тебѣ оправданіемъ, ибо взаимное уваженіе единственная порука пріязни. Начнемъ съ Николая Ивановича.

Гречу я много обязанъ нравственно, ибо въ его домѣ развился мой умъ отъ столкновенія съ другими. Гречъ первый оцѣнилъ меня и далъ ходъ. Гречъ первый послѣ моего потопа предложилъ мнѣ сотрудничество; знаю, что въ этомъ онъ могъ предвидѣть и свою пользу, но знаю и то, что это было благороднымъ геройствомъ по времени. Но денежныхъ и покровительственныхъ обязательствъ не признаю я. Государь императоръ предупредилъ всѣ просьбы на сей счетъ, ибо въ октябрѣ 1827 года, графъ Дибичъ объявилъ мнѣ лично и формально, что государь позволяетъ мнѣ писать и печатать, «лишь бы это было въ хорошемъ смыслѣ». Итакъ, еслибъ кто-либо по незнанію дерзнулъ запретить мнѣ это—я бы непременно апеллировалъ къ справедливости монарха, и душевно убѣжденъ, что, даровавъ мнѣ личность гражданина и воина, онъ не отнялъ бы дарованныхъ съ нею правъ не только подразумѣваемыхъ, но явно выраженныхъ. За желанія мнѣ добра я признателенъ Николаю Ивановичу, но вы сами знаете, сколь они бесполезны. Участь моя неподвижна и холодна, какъ полюсь.

Теперь о деньгахъ: я точно получилъ отъ Николая Ивановича все договоренное, но послѣ какихъ паузъ и какъ неопредѣленно!! Почту здѣсь никогда горцы не разбивали, ибо она ходитъ съ пушками и пѣхотой, но 500 руб. (и кромѣ ихъ еще другихъ моихъ денегъ рублей 700), Андреевымъ посланныхъ, просто украли почтмейстеры Вышегородскій и Наповлискій. Дѣло это юридически доказано, я писалъ два раза къ кн. Голицыну—и вотъ три года ни привѣта, ни отвѣта. Бумагу Гречъ, правда, взялъ въ долгъ, но взявъ 2.000 руб. у сестры задатку; да при томъ я самъ былъ издателемъ, и знаю, что бумажные фабриканты радеоньки продать стопы до выручки, слѣдовательно, человѣку съ кредитомъ это стоитъ двухъ словъ и одной строчки. Корректуру держалъ Сомовъ, и между нами будь сказано, она очень не исправна. Сестра моя узнала, что г. Андреевъ, коему поручилъ я изданіе, человѣкъ очень вѣтренный (что слишкомъ okazaдось впоследствии), и рѣшилась разорвать его договоръ, ибо боялась довѣрить ему единственное мое достояніе. Что она вовсе не знаетъ толку въ книжной торговлѣ, это я свѣдалъ по опыту, но еслибъ вы знали, сколько разъ ея сердце было растоптано, а имѣніе мое и наше расхищено, самымъ низкимъ образомъ, пользуясь только несчастіемъ, то вы простили бы ей ея раздражительность и подозрительность. Гречу (увидѣвъ, что Андреевъ забралъ у Смирдина на мои порученія деньги и ни одного не исполнилъ), я писалъ, прося за¹⁾ 1.750 руб.

¹⁾ Одно слово не разобрано.

отдать уже не Андрееву, а Торсонъ,—но онъ упорствовалъ въ первомъ—это меня взбѣсило. Ты знаешь самъ, каковъ я былъ прежде—несчастіе еще болѣе сдѣлало меня гордымъ и раздражительнымъ, ибо я во всѣхъ вижу желаніе лягаться въ меня. На ту пору попалась мнѣ афишка Смирдина, и непредувѣдомленный ни о чемъ, я вспыхнулъ. Но отрицанія (хоть вы и браните Полеваго) не напечатавъ онъ самъ еще ранѣе запрета моего и дружески совѣтовалъ этого не дѣлать. Что жъ касается до пріязни моей къ нему или, лучше сказать, къ нимъ, она основана на 3-хъ-лѣтнемъ опытѣ—и вопреки всего, что о нихъ говорятъ и пишутъ—я нашелъ необыкновенную точность, предупредительность и безкорыстіе; я никогда не выходилъ у нихъ изъ долгу, а комиссіями ихъ заваливалъ, по просьбѣ другихъ, ибо самъ кромѣ книгъ не имѣю роскоши. Безъ нихъ я бы не имѣлъ ничего новаго, а благодаря имъ все, что выходитъ въ Европѣ замѣчательнаго, ѣздитъ въ гости за Кавказъ. Жеманиться не привыкъ я ни съ кѣмъ. Я считаю «Телеграфъ» лучшимъ журналомъ, по убѣжденію; исторія Н. Р. лучше исторіи Н. Г., можетъ быть ошибаюсь, но искренно. То, что мнѣ казалось красно за 10 лѣтъ, теперь кажется иначе—развѣ не растутъ умъ какъ тѣло? Смѣшно бы меня укорять въ лести и похвалу Полевою писалъ я не думая уколотъ тѣмъ Греча. Самъ я не сержусь за литературныя мнѣнія—говори обо мнѣ что хочешь, за что же обвинять меня въ партизанствѣ? я отрубленъ отъ всего мірскаго. Пишу какъ думаю—не какъ думаютъ. Я и тебя не пощадилъ, но увѣренъ, что если ты охладѣешь ко мнѣ, то не за эту статью. Впрочемъ, о ней нельзя судить по скелету, обглоданному цензурою—половина ея осталась на ножницахъ и вышла чепуха. Самыя высокія по чувству мѣста, гдѣ я доказываю, что Евангеліе есть типъ романтизма, уничтожены.

Ты жалуешься на клевету—ты собираешь дань съ правды, которою рѣзалъ мерзавцевъ; но скажи, за что ѣсть она меня, ничтожнаго, забытаго? Чего на меня не выдумывали, какихъ романовъ не сплетали?—и наконецъ (какъ писали мнѣ), многія добрыя души, пожимая плечами, говорятъ «какъ жаль Б(естужева)—онъ спился». Я спился, Боже праведный! Дай Богъ имъ въ страстную пятницу быть такъ скромными и трезвыми, какъ я всегда. Я юридически могъ бы имъ доказать, что враги мои самые могучіе и самые злые не могутъ найти въ моемъ поведеніи задорняки, чтобы прицѣпить на нее обвиненіе; но къ чему это послужитъ? Худая вѣсть бѣжитъ, а добрая лежитъ, а между тѣмъ я отъ этого терплю матеріально—я за это лишенъ Георгія, котораго заслужилъ неоднократно грудью. Извѣщаю, что я переведенъ въ Ахалцыхъ, во 2-й Грузинскій линейный батальонъ. Если вспомнишь, то пиши туда.

Со Смирдинымъ мы помирились и думаю, что онъ не раскается въ этомъ. Изданіе 2-е тисну по его предложенію—не знаю только, какъ

*

быть съ 3-мя новыми томами, кои печатаются въ Москвѣ? Время, думаю, сгладитъ всѣ наши размолвки и покажетъ, что я дѣйствовалъ прямо. Я не убить судьбою, ибо, увидѣвъ неправду своихъ политическихъ начинаній, отступился отъ нихъ—и съ тѣхъ поръ совѣсть моя чиста противъ Бога и царя, а чистая совѣсть—конь неизмѣнный. Но талантъ мой убить въ три доли, ибо я не знаю, что писать? Свѣтъ далекъ, историческое невозможно въ такой глуши. Цензура пугаетъ меня, а мелочи службы съѣдаютъ досугъ. Смѣю думать положительно, что я болѣе принесъ бы пользы какъ писатель, чѣмъ какъ гарнизонный солдатъ, но царь далеко, а Богъ высоко—терплю больно, но безропотно. Хотъ бы дали мнѣ подраться да поглядѣть Кавказъ—и того нѣтъ, я прикованъ къ одной скалѣ.

Отъ души поздравляю тебя съ наслѣдникомъ—поцѣлуй ручку за меня у новородившей, ибо я полагаю, когда придетъ это письмо, у тебя будетъ уже двое дѣтей. Если будетъ 3-й или 3-я, я прошу назвать меня кумомъ, даже и тогда, если меня не станеть—это по крайней мѣрѣ оригинально. Тантинынкѣ мой поклонъ. Что за охота тебѣ жить въ картофельномъ царствѣ? Развѣ на Руси тѣсно? а то близость этихъ расчетливыхъ селедокъ вовсе испортитъ тебя. Я не знаю злѣйшаго врага душъ, какъ деньги, и потому сорю ихъ какъ табакъ. Богъ дастъ день—Богъ дастъ и чѣмъ прожить день. Я ѣлъ чорствый хлѣбъ и не горевалъ. Пою шампанскимъ и не веселѣй отъ того.

Ну, другъ, Оаддей—руку. Какъ литератора я тебя нерѣдко побранивалъ кой за что; но я знаю тебя какъ челоуѣка, добраго въ основѣ, хотъ иногда затканнаго обстоятельствами—я не разлюбилъ тебя. Этого довольно. Я плакалъ на могилѣ Грибоѣдова—дай Богъ, чтобъ поплакать когда-нибудь на плечѣ стараго пріятеля и сказать ему: я не измѣнился. Твой Александръ.

VI.

Письмо Николая Бестужева—О. В. Булгарину.

16-го іюля 1823 г.

Почтеннѣйшій Оаддей Венедиктовичъ!

Странное письмо ваше ко мнѣ вчера получилъ и вчера же исполнилъ по порученію вашему.

Не знаю, почему вы избрали на это меня? Я никогда не говорилъ вамъ и не сказалъ бы о претензіяхъ Никольскаго; равно какъ не забо-

тился бы пересказывать ему ваши мысли, потому что это не мое ремесло. Но если дѣло идетъ о моемъ мяѣннѣ, то, что бы вы ни писали, слова не перевѣсятъ дѣла, и я не повѣрю, чтобъ кроткій Никольскій былъ виноватѣ стремительнаго Булгарина (не говорю о деньгахъ: они дѣло случайное; но о поступкахъ, которые всегда въ нашей власти), Булгарина, который каждую минуту готовъ обидѣть человѣка ни за что ни про что. Не хотѣли ль вы убѣдить меня въ противномъ вашей запискою??

Впрочемъ я на васъ не сержусь, ибо знаю вашу безнамѣренность.

Что же касается до того: угодно ли вамъ, чтобы порученіе ваше было послѣднее или непослѣдвѣе, оставляю на ваше размышленіе и волю. Есть люди хуже васъ и лучше васъ, которые съ добрыми пріятелями поступаютъ не лучше вашего, и потому я, испытавъ своимъ холоднымъ характеромъ людей, сказалъ давно: что сердце мое подобно голубятнѣ, кто хочеть, въ нее влетитъ, кто хочеть вылетитъ, силою удерживать никого не хочу, а кто остается, тому говорю спасибо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть.

Письмо Петра Бестужева—О. В. Булгарину.

7-го января 1828 г. Тавризь.

Будучи поставленъ судьбою на такую точку, съ которой ни время, ни старавія, ни труды столкнуть не въ состояніи, я разучился мыслить, чувствовать, понимать. Но въ сіе время самозабвенія и застоя способностей, находятъ минуты, въ которыя вспоминаю, что я человѣкъ, помню его назначеніе и порываюсь выполнить его. Разсудокъ жаждетъ и груститъ безъ пищи нравственной! По случаю окруженный людьми не литературными, въ два года я истощилъ здѣсь запасъ познаній; новыхъ почерпнуть неоткуда. Все, что вижу и слышу, можетъ служить только матеріаломъ для повѣсти во вкусѣ Свифтова путешествія. Разбирая въ памяти людей, могущихъ исцѣлить меня, я наткнулся на васъ. Мелькомъ знали вы меня, любили братьевъ моихъ. Всегда были ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія, этого довольно, чтобъ заставить меня къ вамъ обратиться. А р х и в ъ вашъ будетъ для меня живою водою, мертвой и здѣсь довольно. Въ полной надеждѣ, что вы не откажете, рѣшился я писать вамъ, увѣренный, что присылка одного экземпляра не разстроитъ литератора, извѣстнаго читающей публикѣ всѣхъ народовъ.

Р. S. Адресъ мой въ Грузію, въ штабъ-квартиру Ширванскаго пѣхотнаго полка г-н у прапорщику Ренкевичу.

Письмо Василья Мызникова—О. В. Булгарину.

29-го іюля 1831 г. Г. Витебскъ.

Милостивѣйшій государь Ѡаддей Венедиктовичъ! Хотя я и не имѣю чести пользоваться личнымъ съ вами знакомствомъ и знаю васъ только какъ автора, которому обязанъ многими пріятными впечатлѣніями, но, несмотря на то, радъ увѣдомить васъ объ одномъ обстоятельстве, которое безъ сомнѣнія доставитъ вамъ большое удовольствіе. Меня наиболѣе къ сему поощряетъ сдѣланное мною замѣчаніе, что перѣдко писатели, которые имѣютъ полное право быть увѣренными въ благодарности и слѣдовательно и любви къ нимъ читающей публики, не всегда бываютъ, кажется, совершенно въ томъ увѣрены. Излишняя ли скромность тому виною, или журнальные фрроны(?), которые свистятъ хорошо, но пѣть къ прискорбію и печали не умѣютъ. Самый рѣшительный талантъ можетъ иногда смутиться, самый твердый характеръ иногда поколеблется, когда какой-нибудь записной писака во всеуслышаніе возгласитъ: мы разсматривали сочиненіе такого-то автора и я амъ не нравится въ немъ то или другое, мы совѣтуемъ ему и пр. и пр., и авторъ въ грустный часъ своей жизни можетъ даже принять такіе возгласы отъ лица всей публики, тогда какъ она и не грезила выбирать нѣкоторыхъ господъ въ свои адвокаты. Но перо брошено, время улетѣло, и авторъ и публика въ потерѣ, первый въ стяжаніи новыхъ похвалъ, вторая—въ удовольствіи отъ интереса хорошей книги. Впрочемъ, можетъ быть, я увлекся слишкомъ далеко. Позвольте приступить къ самому дѣлу.

Блаженной памяти его императорское высочество Константинъ Павловичъ, во время краткаго, но незабвеннаго пребыванія въ послѣдніе дни жизни своей въ Витебскѣ, занимать изволил, какъ извѣстно, домъ генераль-губернатора и пользовался находящейся въ немъ бібліотекой князя И. И. Хованскаго. Изъ множества избранныхъ въ оной бібліотекѣ книгъ, въ особенности заслужилъ вниманіе его высочества послѣдній вашъ романъ «Петръ Ивановичъ Выжигинъ». Эта книга была и послѣднимъ чтеніемъ покойнаго цесаревича, которая съ изъясненіемъ особеннаго удовольствія его императорскимъ высочествомъ была прочитана два раза.

Да утѣшитъ васъ сіе извѣстіе подъ сельскимъ кровомъ мирнаго Карлова ¹⁾ и да подвигнетъ къ новымъ трудамъ, на занимаемомъ вами съ честью поприщѣ русскаго литератора, чего искренно желаетъ вашъ, милостивѣйшаго государя, покорный слуга Василій Мызниковъ.

Р. S. Если вамъ угодно будетъ мнѣ отвѣчать, мой адресъ: Адъ-

¹⁾ Имѣніе О. В. Булгарина.

ютангу генераль-губернатора князя Хованскаго, Василью Яковлевичу Мызникову въ Витебскъ.

Стихотвореніе Ленскаго.

20-го августа 1841 г. Москва.

Оддею Венедиктовичу Булгарину.

Васъ лично знать я не имѣю чести,
Хоть невзначай на Невскомъ встрѣтилъ васъ:
Позвольте жъ мнѣ, безъ всякихъ фразъ и лести
Васъ отъ души обнять на первый разъ!
Вы человекъ, который человекъ,
Каковъ онъ есть, умѣетъ понимать:
Пусть васъ бранятъ, отнынѣ и до вѣка
Я васъ хочу любить и уважать.

Письмо Ж. Б. Рубини—О. В. Булгарину.

23-го іюля 1843 г. Миланъ.

Любезный Булгаринъ!

Такъ какъ самъ я нынѣшней зимой не буду въ Петербургѣ, то мнѣ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ только стараться выразить вамъ мою благодарность за тѣ похвалы, которыя вы мнѣ расточаете при всякомъ удобномъ случаѣ.

Будьте увѣрены, что я навсегда сохраню воспоминаіе о вашей дружбѣ ко мнѣ, и что я буду считать себя счастливѣйшимъ человекомъ, когда снова увижусь съ вами, здѣсь въ Италіи, или въ Россіи, такъ какъ я еще надѣюсь возвратиться въ эту милую страну, гдѣ меня такъ любили, и которую я самъ такъ люблю. Прощайте; засвидѣтельствуйте мое почтеніе вашей супругѣ.

Примите увѣренія въ искренной преданности и уваженіи.

Моя жена свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Письмо графини Евдокии Ростопчиной—О. В. Булгарину.

14-го (26-го) августа 1846 г. Неаполь.

Примите благосклонно и пріютите въ вашей широколетней «Щелѣ» рѣдкіе отзывы путницы, которая издали желаетъ показать родному краю

и всё́мъ, кто ее еще не забылъ, что ни обаяніе перваго путешествія, ни прелесть всего видѣннаго не могутъ истребить въ душѣ ея мысли о Россіи и сожалѣнія о ней. Слишкомъ часто соотечественники наши, находя ощущаемую благодать подъ небомъ лучшимъ и увлекаясь всё́мъ великимъ и чудеснымъ, находимымъ ими на пути, остываютъ къ святому чувству свояси, и отвыкаютъ даже отъ нашего роднаго языка; я, напротивъ, чѣмъ болѣе наслаждаюсь Италіей и восхищаюсь всё́мъ, что искусство, человекъ и Богъ создали въ ней несравненно-удивительнаго, тѣмъ болѣе чувствую любви и сожалѣнія къ нашему Сѣверу, менѣе одаренному; тѣмъ болѣе бесѣдную сама съ собою на языкѣ, здѣсь всё́мъ непонятномъ и почти всё́мъ чуждомъ. Это сближаетъ меня мысленно съ Россією, столь далекою, со всё́ми русскими сердцами, мнѣ неизвѣстными даже; мнѣ хочется пробудить эхо, сочувствующее мнѣ, вездѣ, гдѣ читается и любитя слово русское. Журналъ вашъ самый народный; онъ является и въ Петербургскихъ гостинныхъ, и въ уѣздныхъ закоулкахъ, и въ уединенныхъ деревняхъ; вотъ почему мнѣ хочется, чтобъ не въ примѣръ поэтамъ нашимъ стихи мои явились преимущественно въ «Пчелѣ». Предоставляя вамъ распоряженіе всё́хъ (?) прилагаемыхъ листовъ, прошу васъ только при напечатаніи первыхъ трехъ піесъ слѣдовать порядку, мной означенному нумерами, и нигдѣ не выставлять моего имени, ни даже начальныхъ буквъ.

Вы усмотрите сами почему: въ означенныхъ піесахъ ничто не обличаетъ, кѣмъ онѣ писаны, женщиной, или нѣтъ; мнѣ хочется посмотреть—узнаютъ ли меня подъ маскою инкогнито нѣкоторые друзья, можетъ быть слишкомъ снисходительно судившіе о подписанныхъ стихахъ моихъ.

Съ увѣреніемъ моего уваженія, прошу васъ принять изъявленіе желанія моего, чтобъ успѣхъ всегда и вездѣ награждалъ почтенные труды ваши на поприщѣ нашей литературы, и заслуги долготѣнаго и неистощимаго таланта, извѣстнаго всякому русскому. Графиня Евдокія Рос-топчина.

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

XIV ¹).

Въ началѣ марта русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Штакельбергъ, вручилъ Меттерниху письмо императора Александра къ императору Францу; путь этотъ онъ избралъ для того, чтобы просьбою объ аудіенціи у императора не вызвать никакихъ толковъ. Въ письмѣ своемъ Александръ увѣрялъ, что онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы избѣгнуть войны съ Франціей, но что Наполеонъ дѣлаетъ въ сѣверной Германіи и въ герцогствѣ Варшавскомъ приготовления, которыя могутъ быть направлены только противъ Россіи. Не прося отъ Австріи активной помощи, такъ какъ монархіи необходимы миръ и внутреннее спокойствіе, онъ выражаетъ только желаніе откровенно высказаться передъ австрійскимъ императоромъ, который, какъ онъ увѣренъ, не можетъ отнестись равнодушно къ вопросу о сохраненіи Россіи. Далѣе, излагая положеніе дѣлъ, императоръ Александръ указываетъ на то, что въ случаѣ войны Наполеонъ, съ цѣлью возможно болѣе повредить Россіи, вѣроятно, провозгласитъ возстановленіе Польши и соединитъ съ нею Галицію, причемъ Австрія получитъ, въ видѣ вознагражденія, Литоруаль или какую-нибудь другую область. Если же военный жребій отдастъ Польшу въ руки Россіи, то императоръ готовъ будетъ немедленно уступить Австріи Молдавію и Валахію до Серета; а если къ этому прибавитъ еще Сербію, то въ результатѣ получится прекрасное округленіе австрійскихъ владѣній. Въ случаѣ благоприятнаго для Россіи исхода войны, которую она всѣми силами желала бы предотвратить, императоръ

¹) См. „Русскую Старину“ январь 1901 г.

Францъ—писаль Александръ—быть можетъ, призналъ бы выгоднымъ вновь овладѣть бывшими австрійскими провинціями Италіи. По увѣренію Александра, все то, чтò способствуетъ упроченію могущества Австріи, всегда вполнѣ совпадаетъ съ интересами Россіи и всегда было для нея очень желательно. Если же одно время императоръ и показывалъ себя противникомъ Австріи, то только для вида: въ то время онъ не былъ въ состояніи противиться Наполеону.

При врученіи этого письма, графъ Штакельбергъ прочиталь Меттерниху и депешу Румянцова, причемъ вручилъ ему еще другую ноту, заключавшую въ себѣ отрицательный отвѣтъ по дѣлу о переговорахъ съ Турціею, тогда какъ содержаніе прочитанной депеши было почти такое же, какъ и содержаніе письма императора Александра; въ ней тоже говорилось, что для Россіи и Австріи всего выгоднѣе находится въ тѣсной дружбѣ. Въ депешѣ прибавлялось еще, что императоръ Александръ не совѣтоваль Австріи бросаться въ послѣднюю войну и хотя долженъ былъ соблюдать принятыя имъ на себя въ Тильзитѣ обязательства, однако никогда не сталъ бы воевать съ Австріей.

Императоръ Александръ и Румянцовъ ошиблись, если предполагали достигнуть своей цѣли двумя упомянутыми документами. Вѣнскій кабинетъ усмотрѣлъ въ письмѣ императора лишь стремленіе вырвать у Австріи признаніе въ томъ, заключена ли ею сдѣлка съ Наполеономъ относительно Галиціи и если заключена, то въ чемъ ея сущность. Не было оставлено безъ вниманія также и то, что Россія, домогавшаяся ранѣе оборонительнаго союза съ Австріей, довольствовалась теперь ея нейтралитетомъ. 29-го марта составленъ былъ отвѣтъ императора Франца на письмо Александра, написанный въ дружественномъ тонѣ, но не заключавшій въ себѣ никакихъ обѣщаній. Отвѣтъ этотъ былъ посланъ, для врученія Александру, графу Сень-Жюльену, которому при этомъ сообщены были для руководства, копіи съ писемъ обоихъ государей, а также секретный указъ, гдѣ изложены были возрѣнія вѣнскаго кабинета относительно Россіи и ея отношеній къ Австріи. Кромѣ того, посланъ былъ ему еще одинъ документъ для сообщенія императору Александру и Румянцову. Въ этомъ документѣ перечислялись всѣ политическія прегрѣшенія Россіи, причемъ виною дурного положенія дѣлъ выставлялась ошибочная, на вѣнскій взглядъ, политика Александра, причемъ объ Австріи говорилось, что она всегда, несмотря на свое затруднительное положеніе, приносила ради общаго интереса самыя тяжелыя жертвы. Русская политика — писаль Меттернихъ — подорвала прежнюю политическую систему. Тильзитское и эрфуртское соглашенія повели къ франко-австрійской войнѣ, послѣдствіемъ которой были ослабленіе Австріи, увеличеніе герцогства Варшавскаго и расширеніе Французской имперіи до границъ Турціи. А

война между Турціею и Россіей, на которыя Австрія могла въ прежнее время опираться, длится и донынѣ—прибавлялъ руководитель австрійской политики. Продолжая свой историческій очеркъ событій, онъ не поскупился на доказательства совершенныхъ русскою политикою ошибокъ, высказалъ всѣ свои сѣтованія на Россію и, въ заключеніе, предрекалъ ей неудачу въ случаѣ войны, заявляя, что даже при рѣшительной побѣдѣ русская армія не могла бы продвинуться далѣе Вислы.

Разъяснивъ Сень-Жюльену, въ данныхъ ему инструкціяхъ, невозможность для Австріи дѣйствовать заодно съ Россіей, графъ Меттернихъ указалъ ему также, чего держаться въ бесѣдахъ съ русскимъ императоромъ и его канцлеромъ. Ему предписано было ссылаться на горячее желаніе императора Франца предотвратить войну между Россіею и Франціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявлять самымъ опредѣленнымъ образомъ, что вѣнскій дворъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, сѣумѣетъ сохранить свою самостоятельность. Опасаясь, какъ бы императоръ Александръ, въ силу своей впечатлительности, не началъ необдуманно наступательной войны, что было бы крайне неудобно въ то время для Австріи, Меттернихъ предписалъ Сень-Жюльену указать императору Александру на то, что положеніе Австріи въ 1809 г. было несравненно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ нынѣшнее положеніе Россіи; и все-таки она понесла пораженіе. Предложенія Александра относительно обмѣна Галиціи на части дунайскихъ княжествъ и Сербію предписывалось Сень-Жюльену отклонить, сославшись на то, что императоръ Францъ не желаетъ присвоивать частей территоріи дружественной ему державы. Давая это предписаніе, Меттернихъ справедливо замѣчалъ, что весьма странно со стороны Россіи требовать уступки австрійской провинціи взаимнѣ земель, вовсе не принадлежащихъ императору Александру. Наконецъ, графу Сень-Жюльену внушено было еще соблюдать величайшую осторожность въ сношеніяхъ съ Кошелевымъ; при этомъ сообщалось, что графъ Штакельбергъ прочиталъ Меттерниху письмо императора Александра, въ которомъ повелѣвалось русскому посланнику по всѣмъ особенно затруднительнымъ дѣламъ обращаться къ Кошелеву и къ нему же посылать въ важныхъ случаяхъ курьеровъ, и Штакельбергъ прибавилъ, что государь давно уже уволил бы Румянцева, если бы не существовало опасеній, что это можетъ быть истолковано въ Парижѣ въ смыслѣ объявленія войны. Меттернихъ, впрочемъ, не вѣрилъ въ особенное вліяніе Кошелева и полагалъ, что его выдвигаютъ только потому, что знаютъ недовѣріе вѣнскаго двора къ графу Румянцову. Но недовѣріе это, — говорилъ Меттернихъ, — можетъ быть устранено только отставкою русскаго канцлера. Впрочемъ, для того чтобы Сень-Жюльенъ, въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи, не вздумалъ вступить въ связь съ противниками Румянцева, Меттернихъ замѣчалъ,

что въ задачи вѣнскаго кабинета не входитъ содѣйствовать удаленію канцлера, особенно въ такую пору, когда перемѣна министра въ Петербургѣ должна будетъ неблагопріятно отразиться на русско-французскихъ отношеніяхъ.

Совершенно въ духѣ инструкцій, данныхъ Сень-Жюльену, сдѣланы были Меттернихомъ заявленія также и русскому посланнику въ Вѣнѣ, графу Штакельбергу; послѣднему, впрочемъ, было указано еще и на то, что существующія дружественныя отношенія вѣнскаго двора къ Наполеону, дѣйствія котораго не подають-де никакого повода къ жалобамъ, а также обязанность правительства, направлять всѣ свои силы на исцѣленіе внутреннихъ поврежденій въ государствѣ, не позволяютъ монархіи выйти изъ занятаго ею сдержаннаго положенія.

Хотя все это достаточно ясно опредѣляло намѣренія Австріи, однако въ Петербургѣ все еще думали, повидимому, что вѣнскій кабинетъ не сказалъ пока послѣдняго слова, и потому не оставляли попытокъ склонить его на сторону Россіи, ограничиваясь, впрочемъ, различными обѣщаніями, но не давая монархіи никакихъ существенныхъ доказательствъ пріязни. Жалобы на стѣсненіе австрійской торговли оставались, какъ и прежде, безъ послѣдствій, и введеніе новаго тарифа нанесло этой торговлѣ большой ущербъ. Состоявшееся одновременно съ этимъ запрещеніе вывоза рогатаго скота и лошадей изъ Валахіи тоже было не менѣе чувствительнымъ ударомъ и для торговаго люда въ Австріи. Переговоры о двѣнадцати-милліонномъ долгѣ не подвигались ни на шагъ: Россія продолжала приводить это требованіе Австріи въ связь съ общими политическими вопросами, и графу Сень-Жюльену казалось даже, что на уплату этого долга согласіе послѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если этою цѣною можно будетъ купить нейтралитетъ австрійской монархіи. Въ этомъ онъ, впрочемъ, ошибался: императоръ Александръ вскорѣ заявилъ Сень-Жюльену, что долгъ уплаченъ будетъ въ 1812 году, двумя вносамн. При этомъ онъ выразилъ также желаніе, чтобы австрійскій кабинетъ не препятствовалъ ходу начатыхъ въ Константинополь мирныхъ переговоровъ, причемъ замѣтилъ еще, что ему было бы чрезвычайно пріятно узнать чрезъ посредство Австріи, на какія жертвы готова Порта и что она думаетъ относительно будущаго союза съ Россіей. Кромѣ того, императоръ сказалъ австрійскому посланнику, что онъ почелъ бы за доказательство дружбы со стороны вѣнскаго кабинета, если бы тотъ высказался въ посредническомъ духѣ въ Парижѣ, не показывая, однако, что починъ въ этомъ исходитъ отъ Россіи.

Слова эти свидѣтельствовали, что Александръ не имѣлъ намѣренія вызвать войну или ускорить ея начатіе, и, кромѣ того, указывали на его желаніе положить конецъ войнѣ на Дунаѣ. Но въ Вѣнѣ намеки эти не встрѣтили благопріятнаго пріема. Меттернихъ находилъ совер-

шенно неудобнымъ принимать на себя двойное посредничество въ такую минуту, когда ему оставались еще неизвѣстными условія австро-французскаго союза; кромѣ того, онъ хотѣлъ предварительно выждать отвѣтъ Александра на письмо императора Франца, чтобы затѣмъ уже рѣшить, какъ держаться относительно Россіи. Наконецъ, недовѣріе къ русскому двору вкоренилось въ Вѣнѣ такъ глубоко, что заявленія русскаго императора Меттернихъ едва-ли могъ считать искренними. При австрійскомъ дворѣ смотрѣли на дѣло такъ, что Россія ищетъ-де расположенія монархіи лишь потому, что находится въ затруднительномъ положеніи и въ такое время готова обѣщать, что угодно, а по минованіи опасности не только не вспомнить о принятыхъ передъ Австріею обязательствахъ, но еще будетъ поступать во вредъ ей. Притомъ, во всѣхъ мѣрахъ петербургскаго двора Меттернихъ видѣлъ доказательства величайшаго безразсудства и не желалъ связывать себя съ державою, которая, по его мнѣнію, была величайшимъ врагомъ своихъ собственныхъ интересовъ. Румянцовъ—писалъ онъ графу Сень-Жюльену—не хочетъ понять, что Наполеонъ старается поссорить Австрію съ Россіей, а потому и относится молча къ мѣрамъ, которыя принимаются русскими военачальниками въ Валахіи къ величайшему вреду Австріи. Румянцовъ принимаетъ это молчаніе Наполеона за одобреніе и рассчитываетъ воспользоваться настоящимъ моментомъ для того, чтобы предложить Австріи вышеупомянутые вопросы. При всемъ томъ, Меттернихъ воздержался отъ прямого отклоненія желаній императора Александра, стремясь сохранить роль друга и миротворца, а кромѣ того боясь также скомпрометтировать себя передъ Наполеономъ, дѣйствительные взгляды котораго все-таки оставались загадкою. Сень-Жюльену было предписано отнюдь не давать замѣтить въ Петербургѣ, что Австрія не хочетъ взять на себя просимаго посредничества. При такихъ условіяхъ неудивительно, что прошло еще немало времени, пока петербургской дипломатіи сдѣлалось наконецъ ясно, что на Австрію ей нельзя рассчитывать ни въ какомъ случаѣ, и съ тѣхъ поръ въ отношеніяхъ между обоими кабинетами сталъ замѣчаться оттѣнокъ взаимнаго неудовольствія. Въ Петербургѣ къ числу другихъ поводовъ къ недовольству Австріею присоединился вскорѣ вопросъ, особенно интересовавшій императорскую фамилію. Дѣло шло о бракосочетаніи великой княжны Анны Павловны съ австрійскимъ кронпринцемъ, чего особенно желала императрица мать, и о бракѣ сестры русской императрицы, принцессы Амеліи Баденской, съ эрцгерцогомъ Карломъ. Первый изъ этихъ проектовъ былъ затронутъ княгинею Ливень, которая неоднократно бесѣдовала о немъ съ графомъ Сень-Жюльеномъ. Но въ это время въ Петербургѣ пронесся слухъ, будто австрійскій кронпринцъ помолвленъ съ

одною изъ германскихъ принцессъ ¹⁾), въ чемъ тотчасъ же усмотрѣли проискъ Меттерниха, съ цѣлью предупредить брачныя переговоры съ Россіей. Княгиня Ливенъ начала настойчиво просить Сень-Жюльена, чтобы онъ добылъ отъ своего двора опредѣленное заявленіе по этому вопросу, послѣ чего для великой княжны можно было бы найти другую партію, еслибы означенный слухъ подтвердился; Сень-Жюльена просили поручить это дѣло такому лицу въ Вѣнѣ, которое могло бы поговорить непосредственно съ императоромъ Францемъ. Отъ Кошелева же Сень-Жюльенъ услышалъ, что существуетъ предположеніе относительно бракосочетанія великой княжны Анны Павловны съ сыномъ англійскаго короля, чему онъ, впрочемъ, не повѣрилъ и настоятельно просилъ у Меттерниха указаній насчетъ того, какъ поступать въ данномъ вопросѣ. Вскорѣ онъ получилъ отвѣтъ, что вѣнскій дворъ отклоняетъ предполагаемый австро-русскій бракъ, въ виду того, что кронпринцъ еще недостаточно развитъ физически.

Само собою разумѣется, что въ ту пору всякія семейныя узы съ русскимъ дворомъ должны были казаться въ Вѣнѣ нежелательными и всего менѣе желательнымъ былъ бракъ съ великою княжною Анной Павловной, такъ какъ Наполеонъ искалъ ея руки, о чемъ въ свое время и происходили долгіе переговоры между Россією и Франціей. Что касается проектированнаго въ Россіи бракосочетанія эрцгерцога Карла съ принцессою Амеліей Баденскою, то онъ причинилъ Меттерниху немало хлопотъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно возсталъ противъ такого союза, подозрѣвая, что онъ задуманъ петербургскимъ дворомъ, съ цѣлью «нейтрализовать», путемъ брака, на случай войны, эрцгерцога Карла, которому, какъ полагали въ Парижѣ, предполагается вѣрить главное командованіе австрійскими войсками въ предстоявшемъ походѣ. Съ другой стороны, въ пользу означеннаго брака была австрійская императрица и представитель Франціи въ Вѣнѣ, графъ Отто, выражалъ опасеніе, что императоръ уступить ея влиянію въ этомъ дѣлѣ. Графъ Отто сталъ бесѣдовать по этому поводу съ самимъ Меттернихомъ, и тотъ согласился, что такой бракъ послужилъ бы поводомъ къ непріятнымъ заключеніямъ, но что ни онъ, ни императоръ Францъ не придають всему этому дѣлу значенія. Онъ замѣтилъ, что эрцгерцогъ Карлъ спрашивалъ его совѣта по поводу этого брака, и министръ выразилъ ему на это сомнѣніе въ томъ, чтобы великій герцогъ Баденскій согласился на бракъ безъ согласія Наполеона. Въ виду этого Меттернихъ признавалъ самымъ

¹⁾ Кронпринцу было тогда 18 лѣтъ. Впослѣдствіи, 31-го марта 1831 г., онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью сардинскаго короля Виктора-Эммануила, Маріей-Анною.

лучшимъ спросить обо всемъ самого императора французовъ, послѣ чего и было рѣшено дать соотвѣтственную инструкцію парижскому послу Шварценбергу. Въ концѣ концовъ, брачный проектъ разстроился, и неудача его была приписана въ Петербургѣ исключительно политическимъ причинамъ. А тѣмъ временемъ событія все быстрѣе подвигались къ великой катастрофѣ. Уже въ октябрѣ 1811 г. Лебцельтернъ заявлялъ, что разрывъ между Франціей и Россіей непредотвратимъ и что всякое мирное посредничество было бы уже бесплодно. вмѣстѣ съ тѣмъ, накоплялось все болѣе горючаго матеріала между Россією и Австріей, и напряженныя отношенія между ними еще болѣе усилились подъ вліяніемъ занятія Россією Бѣлграда, о чемъ сказано будетъ ниже. Лебцельтернъ полагалъ, что если бы Австрія рѣшилась на крупную демонстрацію, императоръ Александръ оказался бы, быть можетъ, болѣе склоннымъ къ соглашенію; но теперь дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и Лебцельтернъ находилъ, что было бы прямо жестоко дѣлать теперь какія-нибудь новыя затрудненія и безъ того нерѣшительному государю. Совѣтникъ австрійскаго посольства былъ убѣжденъ, что Александръ объявитъ войну Франціи первымъ и что въ этомъ отчасти виноватъ вѣнскій кабинетъ, который своею упорною скрытною способствовалъ тому, что императоръ пришелъ къ этому роковому рѣшенію.

XV.

Ранѣе было уже упомянуто о томъ, что султанъ, желая положить конецъ кровопролитію, обратился къ австрійскому императору съ просьбою о посредничествѣ при русскомъ дворѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы это было сохранено въ тайнѣ отъ Наполеона. Меттернихъ, какъ уже извѣстно, вовсе не имѣлъ желанія исполнить просьбу султана, потому что опасался, какъ-бы русскій кабинетъ не сообщилъ объ этой попыткѣ посредничества французскому правительству и тѣмъ самымъ не скомпрометтировалъ бы австрійскій дворъ передъ Франціей. Онъ предписалъ заявить въ Константинополь, что вѣнскій кабинетъ вполнѣ можетъ поручиться въ томъ, что сохранить ходатайство Турціи въ тайнѣ, но не можетъ поручиться, что и русское правительство сохранить ввѣренную ему тайну. И тутъ-то, одновременно съ этимъ заявленіемъ, князю Шварценбергу послано было въ Парижъ предписаніе сообщить обо всемъ этомъ дѣлѣ тюрльрійскому кабинету, съ добавленіемъ, что Австрія отнюдь не брала на себя посредничества въ подлинномъ значеніи слова и еще того менѣе желаетъ вступаться за Россію.

Шварценбергу поручалось заявить также, что вѣнскій кабинетъ далекъ отъ желанія способствовать скорѣйшему заключенію мира между Россією и Турціей и что онъ является лишь передатчикомъ мирныхъ стремленій султана, какъ государя, съ которымъ Франція и Австрія имѣютъ одинаковые интересы. Послу предписывалось также прибавить, что императоръ Францъ никакъ не могъ отклонить просьбу султана, который только потому и не обратился-де прямо къ Наполеону, что, по его мнѣнію, французскій императоръ согласенъ на передачу княжествъ Россіи, тогда какъ Порты желаетъ вести переговоры не иначе, какъ на основѣ сохраненія цѣлости Оттоманской имперіи. Въ заключеніе, Шварценбергъ долженъ былъ дать повѣсть тюильрійскому кабинету, что Австрія надѣется на сохраненіе всѣхъ этихъ сообщеній въ тайнѣ отъ Дивана. Инструкція эта является однимъ изъ характерныхъ примѣровъ излюбленныхъ Меттернихомъ дипломатическихъ приемовъ.

Впрочемъ, положеніе Австріи на Востокъ было дѣйствительно затруднительнымъ. Завоеваніе дунайскихъ княжествъ Россією всегда признавалось въ Вѣнѣ несчастіемъ, но рѣшительно воспротивиться ему Австрія, въ ея тогдашнемъ положеніи, не осмѣлилась бы: Меттернихъ опасался вызвать осложненія, послѣдствій которыхъ невозможно было бы предугадать, а потому рѣшилъ не выходить изъ пассивной роли, хотя Наполеонъ и предоставилъ Австріи свободу дѣйствій по отношенію къ Россіи и заявлялъ Меттерниху, что эрфуртское соглашеніе противно интересамъ Франціи, но что онъ уже не можетъ взять своего слова назадъ. Изъ переписки Наполеона извѣстно, что увеличеніе могущества Россіи на Дунаѣ было для него нежелательно и что онъ опасался, какъ-бы она не включила въ сферу своего вліянія Сербію, а затѣмъ, пожалуй, и все христіанское православное населеніе вплоть до Адриатическаго моря. Но Меттернихъ заботился, прежде всего, о возможно скорѣйшемъ установленіи благопріятнаго для Порты мира. Отъ посредничества своего въ Петербургѣ онъ не ожидалъ успѣха, но надѣялся разсѣять заблужденіе императора Александра, будто ему удастся дешевою цѣною достигнуть соглашенія съ Портой—зablужденіе, которое могло имѣть тягостныя послѣдствія для Австріи, такъ какъ ея положеніе стало бы опаснымъ какъ въ случаѣ вытѣсненія турокъ русскими изъ ихъ послѣднихъ оплотовъ, такъ и въ томъ случаѣ, еслибы русскіе понесли столь тяжелыя потери, что не могли бы уже устоять въ предстоявшемъ вооруженномъ столкновеніи съ могущественнымъ противникомъ. Такимъ образомъ, при всемъ нерасположеніи Меттерниха къ Россіи, ему не могло быть тогда желательно совершенное ослабленіе ея.

И такъ, желая скорѣйшаго заключенія мира на Дунаѣ, графъ Меттернихъ стремился лишь къ тому, чтобы миръ этотъ не обошелся Тур-

ціи слишкомъ дорого. Поэтому онъ совѣтовалъ въ Константинополѣ не быть уступчивымъ и въ свое время поздравилъ Порту съ тѣмъ, что она отвергла предложенныя Каменскимъ мирныя условія. Онъ ободрялъ Порту къ тому, чтобы она не отступала отъ своихъ прежнихъ требованій, и указывалъ ей, что императоръ Александръ, подъ гнетомъ положенія, навѣрное проявитъ уступчивость. Относительно же Австріи онъ заявлялъ, что она готова, до извѣстныхъ предѣловъ, способствовать примиренію воюющихъ, но вооруженнаго посредничества на себя не беретъ. Другими словами, главною цѣлью политики Меттерниха было обезпечить за собою господствующее положеніе въ Константинополѣ, не вовлекаясь въ осложненія. Трудность была, однако, въ томъ, что австрійскій министръ не довѣрялъ ни Россіи, ни Турціи, которую подозрѣвалъ въ томъ, что она уже просила мирнаго посредничества также и у другихъ державъ. Въ этомъ отношеніи онъ особенно опасался соперничества лондонскаго кабинета. Сомнѣвался онъ также и на счетъ того, какъ бы Франція, относившаяся до сихъ поръ къ русско-турецкимъ дѣламъ пассивно, не измѣнила вдругъ своей политики и не попыталась привлечь Диванъ на свою сторону. Но изъ словъ французскаго посланника, графа Отто, заключить этого было нельзя. Напротивъ, оказалось, что сообщеніе Меттерниха о просьбѣ султана относительно посредничества встрѣчено было въ Парижѣ благоприятно; Наполеонъ заявилъ, что никогда не допуститъ утвержденія русскихъ на правомъ берегу Дуная и что поэтому Австріи нечего особенно тревожиться изъ-за Сербіи. «Императоръ—прибавилъ графъ Отто—требуетъ отъ австрійскаго двора только того, чтобы онъ воздерживался отъ совѣтовъ Портѣ на счетъ заключенія мира». Конечно, Меттернихъ успѣшилъ послѣ этого сообщить въ Парижѣ чрезъ Шварценберга, что онъ никогда и не думалъ склонять Порту къ уступчивости, а напротивъ постоянно ободрялъ ее къ упорству; только въ Петербургѣ дѣлаемы были заявленія въ мирномъ духѣ.

Между тѣмъ, изъ Константинополя пришли въ Вѣну тревожныя вѣсти. Англійскій посоль при Портѣ, Каннингъ, писалъ Гарденбергу въ Вѣну, что въ турецкой столицѣ толкуютъ, будто, по началу войны съ Россіей, Наполеонъ объявитъ эрфуртское соглашеніе недѣйствительнымъ и поощряетъ Турціи возвратъ Молдавіи и Валахіи, что броситъ де Порту въ объятія императора. Сообщая объ этомъ, Каннингъ настоятельно просилъ графа Гарденберга обратить на эту опасность вниманіе вѣнскаго кабинета, такъ какъ только онъ одинъ можетъ удержать Порту отъ такого шага, грозящаго очень серьезными послѣдствіями. Бывшій ганноверскій посланникъ не замедлилъ передать полученное свѣдѣніе Меттерниху, а также написалъ и находившемуся тогда въ Константинополѣ графу Поццо-ди-Борго, прося его употребить все свое вліяніе, чтобы склонить русскаго императора къ возможно скорѣй-

шему прекращенію войны на Дунаѣ. Извѣстіе это сильно смутило Меттерниха. Теперь нельзя уже было сомнѣваться, что случится то, чего онъ опасался: представитель Франціи, Латуръ-Мобуръ, выступить въ Константинополь въ роли покровителя и втолкуеть Дивану, что до сихъ поръ Наполеонъ держался политики, къ которой его вынуждали обстоятельства, а отнынѣ будетъ руководиться единственно интересами Франціи. Положеніе австрійской дипломатіи въ Константинополь становилось болѣе щекотливымъ, чѣмъ прежде: съ одной стороны она желала бы проявлять величайшую предупредительность во всемъ по отношенію къ повѣренному въ дѣлахъ Франціи, а съ другой опасалась именно чрезъ него лишиться плодовъ своей дѣятельности. Задача австрійскаго интернунція, Штюрмера, была нелегка и требовала величайшей осмотрительности, чтобы не вышло ошибки въ томъ или другомъ направленіи. Прежде всего, Штюрмеру предстояло увѣрить Диванъ, что вѣнскій дворъ продолжаетъ держаться принятыхъ однажды принциповъ, что онъ всегда мужественно отстаивалъ цѣлость Турціи и не измѣнитъ своей восточной политики. Увѣреніе это едва-ли могло показаться особенно цѣннымъ турецкому правительству, которое незадолго передъ этимъ, когда полученъ былъ въ Вѣнѣ отрицательный отвѣтъ императора Александра на австрійское мирное посредничество, имѣло случай усомниться въ силѣ австрійскаго вліянія. Въ то время такимъ исходомъ посредничества особенно пораженъ былъ Рейсъ-эфенди, наиболѣе ревностный сторонникъ союза съ Австріей; онъ опасался не только потерять мѣсто, но и пострадать лично, и говорилъ Штюрмеру, что султанъ никогда не проститъ ему того, что онъ постоянно противился совѣтамъ государственныхъ людей, видѣвшихъ въ Франціи лучшую охранительницу Порты. Теперь въ Турціи уже знали о неизбѣжности франко-русской войны и потому склонны были отдать французскому вліянію предпочтеніе передъ австрійскимъ. Такое настроеніе Порты сильно тревожило Меттерниха, видѣвшаго опасности со всѣхъ сторонъ; а тутъ, какъ нарочно, получены были въ Вѣнѣ еще другія извѣстія, указывавшія на широкіе планы Наполеона относительно Турціи. Въ то время по Сиріи и Египту развѣзжалъ, подъ видомъ естествоиспытателя, нѣкій Нарсіа, и Меттерниху попала какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ въ руки копія инструкціи, полученной этимъ лицомъ отъ французскаго правительства. Изъ инструкціи этой оказывалось, что задачей Нарсіа было ознакомиться съ управленіемъ и настроеніемъ жителей названныхъ странъ, собрать данныя о мѣстной торговлѣ, путяхъ сообщенія и т. д. и добыть планы укрѣпленныхъ пунктовъ. Кромѣ того, Нарсіа имѣлъ порученіе раззнать, какими силами располагаютъ мѣстные пашы и беги, пользуются ли они довѣріемъ населенія и можетъ ли ихъ стремленіе къ независимости быть опасно для верховной власти Порты, а также какъ относятся

въ тѣхъ краяхъ къ Франціи и сильно-ли тамъ вліяніе Англіи. Меттернихъ желалъ, чтобы объ этомъ доведено было до свѣдѣнія султана, но такъ, чтобы Австрія осталась не скомпрометированною передъ Наполеономъ. Порученіе въ этомъ смыслѣ оны и далъ Штюмеру, предоставивъ его такту исполнить его надлежащимъ образомъ.

Вообще, событія въ Оттоманской имперіи постоянно поддерживали безпокойство Меттерниха. Теперь, въ виду все приближавшагося разрыва между Россіею и Франціей, оны ожидалъ, что императоръ Александръ сдѣлается болѣе уступчивымъ, и опасался быть отстраненнымъ отъ русско-турецкихъ мирныхъ переговоровъ. Штюмеру было предписано зорко слѣдить за ходомъ событій и объявить Портѣ, что если вѣнскаго кабинета и не домогается того, чтобы его привлекли къ участию въ мирныхъ переговорахъ, то все же, послѣ столькихъ доказательствъ дружбы къ Турціи, считаетъ себя въ правѣ разсчитывать, что его будутъ держать въ курсѣ текущихъ событій.

Переговоры между Россіею и Турціей начались въ Бухарестѣ, въ іюнѣ, при слабыхъ шансахъ на скорый успѣхъ, такъ какъ турецкій уполномоченный, Гамидъ-эфенди, прибывшій въ Бухарестъ съ переводчикомъ Апостолаки, заявилъ, что можетъ вступить въ переговоры лишь на основѣ *status quo ante bellum*. И дѣйствительно, цѣлое лѣто прошло въ несущественныхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ. Порты обнаружила упорство въ занятомъ ею положеніи, хотя, въ сущности, боялась Россіи, считая ее достаточно сильною, чтобы вести войну даже на два фронта, и на самомъ дѣлѣ очень желала окончанія войны. Такъ какъ Меттерниху было достовѣрно извѣстно о такомъ же желаніи и императора Александра, то оны не сомнѣвался, что, при всемъ напускномъ упорствѣ Порты, миръ будетъ вскорѣ заключенъ. Само по себѣ, событіе это не было бы непріятно вѣнскому кабинету, но теперь оны опасался, что, въ худшемъ случаѣ, Россія пріобрѣтетъ большую часть Молдаво-Валахія и Австрія не избавится отъ опаснаго сосѣдства, тогда какъ устраненіе этого сосѣдства и было главною цѣлью австрійской политики. Но такого слабаго союзника, какъ Турція, нельзя было бы побудить къ продолженію борьбы, особенно когда Порты знала, что не можетъ разсчитывать на активную помощь Австріи. Послѣ извѣстной уже блестящей и рѣшительной побѣды Кутузова надъ арміею великаго визиря, опасенія Меттерниха за ближайшее будущее еще болѣе усилились; оны считалъ одинаково неблагопріятнымъ для Австріи какъ полное подчиненіе Турціи русскимъ требованіямъ, такъ и ея соединеніе съ Наполеономъ, а послѣднее оны признавалъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что и въ Турціи возникли толки о томъ. О продолженіи войны послѣ пораженія великаго визиря Диванъ уже не помышлялъ, хотя и былъ еще далекъ отъ готовности согласиться на всякія, предложенныя

*

Россію, условія. Но въ виду того, что переговоры—хотя и съ затрудненіями,—все-таки клонились къ соглашенію, Меттернихъ сдѣлалъ послѣднюю попытку подбодрить Порту и удержать ее отъ слишкомъ большой уступчивости, для чего предписалъ Штюрмеру представить Рейс-эфенди, что обстоятельства заставятъ императора Александра понизить свои требованія и что поэтому Диванъ не долженъ отступать отъ поставленныхъ имъ требованій. При этомъ Меттернихъ умолчалъ, однако, о полученномъ имъ, тѣмъ временемъ, свѣдѣніи, что русскій дворъ готовъ удовлетвориться установленіемъ границы на Прутѣ. Порта, слушая увѣщанія Австріи оставаться твердою, выслушивала, съ другой стороны, настойчивые совѣты Англии и Пруссіи быть уступчивою; въ мирномъ направленіи старалась повліять на нее также и Швеція, чрезъ своего посланника въ Константинополь, графа Палена, убѣждавшая турецкое правительство покориться неизбѣжности. Такимъ образомъ, всѣ державы стремились повліять на Порту, каждая сообразно собственнымъ интересамъ. Диванъ оставался, однако, несговорчивымъ, и Меттернихъ видѣлъ въ этомъ результатъ своего вліянія въ Константинополь, хотя дѣло объяснялось, скорѣе, просто традиціонными приѣмами турецкой дипломатіи, постоянно дѣйствовавшей путемъ безконечнаго затягиванія всякихъ переговоровъ. Такъ и на этотъ разъ миръ съ Россію осуществился лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ Россіи, какъ извѣстно, пришлось отказаться отъ границы на Серетѣ и удовольствоваться границею на Прутѣ.

Сложность австро-турецкихъ отношеній увеличивалась еще и событіями въ Сербіи или, вѣрнѣе, тѣмъ, какъ относился къ нимъ Меттернихъ. За все то время, пока вниманіе европейской дипломатіи все болѣе сосредоточивалось на осложнявшихся отношеніяхъ между Россію и Франціей, положеніе дѣлъ въ Сербіи нисколько не измѣнилось. Вожаки сербскаго движенія, по-прежнему, не хотѣли и слышать о подчиненіи ихъ края Турціи. Въ Вѣнѣ же, напротивъ, желали, чтобы сербы вернулись къ повиновенію султану, хотя и съ обезпеченіемъ за ними извѣстныхъ льготъ. Упорство сербовъ Меттернихъ приписывалъ русскому вліянію и былъ увѣренъ, что въ данную минуту переговорами ничего нельзя было бы достигнуть и что только заключеніе русско-турецкаго мира или такой оборотъ дѣлъ, который показалъ бы сербамъ невозможность помощи со стороны Россіи, могли бы измѣнить настроеніе вождей возстанія. Тогда сербы, увидѣвъ, что имъ надѣяться не на кого, не могли бы обойтись безъ покровительства Австріи. До тѣхъ же поръ вѣнскій кабинетъ рѣшилъ не выходить, по отношенію къ Сербіи, изъ роли посторонняго зрителя и, прежде всего, избѣгать всякихъ письменныхъ сношеній съ Кара-Георгіемъ, чтобы не скомпрометировать себя, какъ уже однажды случилось, передъ Портою и другими держа-

вами. Опасности въ такой выжидательной политикѣ Меттернихъ не усматривалъ, будучи убѣжденъ, что Россія, при ея сильномъ желаніи мира съ Турціею, не станетъ изъ-за сербовъ замедлять переговоры и особенно настаивать на улучшеніи ихъ участи. И вотъ, Паулиху, котораго, какъ извѣстно, предполагалось было назначить консуломъ въ Бѣлградъ, предписано было оставаться въ Землинѣ, откуда онъ, въ случаѣ надобности, всегда могъ бы быть посланъ въ Сербію для личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ. Ему—хотя и секретно—вмѣнено было въ обязанность посылать донесенія непосредственно въ австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ, ограничиваясь предъявленіемъ ихъ лишь для свѣдѣнія командовавшему на границѣ генералу Гиллеру. Объяснялось это тѣмъ, что Меттернихъ имѣлъ основаніе не довѣрять такту пограничнаго военнаго командованія, незнакомаго съ дипломатическими обычаями и потому иногда нарушавшаго виды вѣнскаго кабинета. Недовѣріе это распространялось также и на Гиллера.

Вдругъ пришло извѣстіе, что 10-го фѣвраля совершилось давно ожидавшееся, но и оспаривавшееся, вступленіе русскихъ въ Сербію. Полковникъ Александръ Ѳеодоровичъ Балла занялъ Бѣлградъ отрядомъ, силою въ 800 чел. при четырехъ орудіяхъ; совершилось это, говорятъ, по почину противниковъ Кара-Георгія, надѣявшихся путемъ вступленія русскихъ упрочить свое положеніе и ограничить, а со временемъ и устранить вліяніе этого вождя. Однако, по приобрѣтеніи Россіею рѣшающаго вліянія въ Сербіи, Кара-Георгій сблизился съ русскимъ военнымъ начальствомъ и, какъ утверждали тогда въ Вѣнѣ, положеніе его не поколебалось; напротивъ, онъ оказался побѣдителемъ надъ своими противниками. Въ Вѣнѣ вступленіе русскихъ въ Сербію произвело, конечно, тягостное впечатлѣніе. Ни Шуваловъ, ни Штакельбергъ не предупреждали о томъ вѣнскаго кабинета; Шуваловъ даже увѣрялъ Меттерниха наканунѣ этого событія, что императоръ Александръ не имѣетъ въ виду завоевывать Сербію и во всѣхъ касающихся этой страны вопросахъ желаетъ дѣйствовать совмѣстно съ Австріей. Оставить это дѣло безъ протеста Меттернихъ считалъ невозможнымъ, чтобы не повредить политической репутаціи Австріи, которую могли бы счесть за-границею совершенно ослабѣвшею; но, съ другой стороны, при тогдашнихъ своихъ условіяхъ, Австрія не имѣла бы возможности дать Россіи энергической отпоръ. Поэтому Меттернихъ испросилъ у императора Франца разрѣшеніе высказать графу Штакельбергу въ дружественномъ, но твердомъ тонѣ, что вступленіе русскихъ въ Сербію было очень непріятно австрійскому императору и что событіе это будетъ сочтено сербами за дѣйствіе, направленное противъ Австріи. Императору-де крайне непріятно, что онъ долженъ теперь усилить пограничный кордонъ и принять другія принудительныя мѣры. Онъ прибавилъ также, что Россія съ каждымъ

днемъ причиняетъ все болѣе опасностей интересамъ монархій, что, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ осложненіямъ, которыхъ императоръ Александръ, конечно, опасается болѣе всѣхъ другихъ. Въ заключеніе, Меттернихъ сказалъ, что на упроченіе русскихъ на правомъ берегу Дуная Австрія никогда не согласится.

Со стороны Наполеона Меттернихъ опасался упрека въ томъ, что Австрія не заняла Бѣлграда ранѣе русскихъ. Въ свое оправданіе онъ могъ бы сказать только то, что австрійское занятіе Бѣлграда повредило бы отношеніямъ Вѣны къ Портѣ. Посоль Шварценбергъ дошелъ даже до того, что заявилъ въ Парижѣ, что вступленіе русскихъ въ Сербію—мѣра чисто военная, быть можетъ, принятая безъ вѣдома петербургскаго правительства, къ чему Шампаньи отнесся, впрочемъ, проницески. А кстати Меттернихъ велѣлъ напомнить Наполеону объ его увѣреніи, что онъ не допуститъ захвата Россіею праваго берега Дуная, и прибавить, что вѣнскій кабинетъ твердо вѣритъ этому. По отношенію же къ Сербіи вѣнскій дворъ не измѣнилъ своей политики равнодушнаго (на видъ) безучастія и остался при прежней системѣ запретительныхъ мѣръ на границѣ. Однако закрытіе границы для торговли, породившее контрабандный провозъ, не могло быть соблюдаемо во всей строгости, такъ какъ для этого потребовался бы непосильный расходъ на увеличеніе кордонной стражи и, кромѣ того, это было бы невыгодно въ торговомъ отношеніи.

Итакъ, во всемъ и вездѣ Меттернихъ останавливался на полумѣрахъ. О задачахъ, которыя Австрія намѣревалась выполнить на Балканскомъ полуостровѣ, не было теперь уже и рѣчи, хотя о намѣреніи осуществить ихъ свидѣлствуютъ сохранившіеся въ архивахъ и относящіеся къ 1810 году проекты конституціи для Сербіи. Проекты эти хотя и не указываютъ на существованіе замысла непосредственно завоевать эту страну, однако несомнѣнно имѣли цѣлью подготовить занятіе Сербіи путемъ упроченія въ ней австрійскаго вліянія и введенія такихъ учрежденій, которыя приучили бы населеніе къ австрійскому управленію и, такимъ образомъ, безъ потрясеній облегчили бы его сліяніе съ монархіею.

XVI.

Отношенія Австріи къ Пруссіи передъ русско-французскою войной носили такой же двойственный характеръ, какимъ отличалась вообще вся политика Меттерниха. Въ Берлинѣ, послѣ удаленія оттуда австрій-

скаго представителя Весенберга, Австрія имѣла лишь повѣреннаго въ дѣлахъ, въ лицѣ графа Бомбея. Роль его сводилась къ наблюденію за ходомъ событій и за поступками прусскаго правительства. Графъ Меттернихъ относился къ Пруссіи, какъ извѣстно, недоброжелательно; онъ возлагалъ на нее большую часть вины не только въ собственномъ ея приниженіи, но и въ общемъ печальномъ положеніи въ Европѣ, и спасеніе Пруссіи признавалъ немислмымъ. Поэтому тѣсное сближеніе монархій съ нею отнюдь не входило въ австрійскую систему. Тѣмъ не менѣе, Меттернихъ старался дѣйствовать какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, въ успокоительномъ духѣ, надѣясь этимъ путемъ предотвратить необдуманые шаги со стороны обонхъ дворовъ, которые, по его мнѣнію, могли бы, подѣ влияніемъ страха и слабости, надѣлать неосторожностей и тѣмъ, вопреки желаніямъ вѣнскаго кабинета, ускорить наступленіе катастрофы. Пруссія, напротивъ, домогалась тѣснаго сближенія съ Австріею, понимая, что франко-русская война поставитъ прусское государство въ крайне опасное положеніе. Всѣ прусскія крѣпости находились въ рукахъ французовъ, и Наполеонъ имѣлъ полную возможность уничтожить Пруссію раньше, чѣмъ она успѣла бы принять мѣры къ оборонѣ. Берлинскому кабинету не оставалось иного выбора, какъ соединиться либо съ Франціею, либо съ Россіею, такъ какъ остаться нейтральнымъ не было для него никакой возможности. Въ душѣ, берлинскій кабинетъ склонялся, конечно, на сторону Россіи, не только изъ ненависти къ угнетателю, но и вслѣдствіе сознанія опасностей, которыми грозилъ бы въ будущемъ союзъ его съ Франціей. Сомнѣніе являлось только относительно того, въ состояніи ли Россія оказать Пруссіи быструю и надежную помощь. Опытъ прошлаго свидѣтельствовалъ противъ этого, а потому союзъ съ Россіею безъ участія Австріи представлялся дѣломъ очень рискованнымъ, что и побуждало королевскій кабинетъ считать главною своею опорой Австрію. Не помышляя въ то время ни о вооруженномъ отпорѣ Наполеону, ни о составленіи наступательной коалиціи, графъ Гарденбергъ полагалъ только, что уже одной солидарности трехъ державъ будетъ достаточно для наилучшаго огражденія міра, такъ какъ союзники представляли бы собою силу, способную положить конецъ усвоенной Франціею системѣ повсемѣтныхъ захватовъ. Въ виду всего этого, весьма понятно, что когда (17-го апрѣля) постъ австрійскаго посланника въ Берлинѣ занялъ графъ Зичи, его приняли тамъ съ распростертыми объятіями. Зичи явился съ предписаніемъ сноситься по крупнымъ политическимъ вопросамъ только съ королемъ и графомъ Гарденбергомъ, т. е. минуя министра фонъ-дерь-Гольца. Въ этомъ вѣнскій кабинетъ поступилъ согласно желанію прусскаго короля, который хотя и считалъ фонъ-дерь-Гольца весьма дѣльнымъ человѣкомъ, однако признавалъ за лучшее не посвящать слишкомъ большого числа

лицъ въ важнѣйшія государственныя дѣла. Настроеніе въ Берлинѣ было тогда чрезвычайно мрачное и тревожное. Король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ очень взволнованъ полученнымъ въ Берлинѣ извѣстіемъ, что вновь назначенный въ Петербургъ французскій посолъ, генераль Лористонъ, ѣдетъ къ своему посту черезъ Дрезденъ. Изъ этого король заключалъ, что Лористону навѣрное даны порученія къ саксонскому двору и что порученія эти находятся въ связи съ миссіею Понятовскаго въ Парижѣ. Онъ опасался новаго замысла противъ Пруссіи, и опасенію этому способствовало усиленіе французскаго гарнизона въ Данцигѣ; тѣмъ сильнѣе стало, конечно, желаніе берлинскаго кабинета сблизиться съ Австріею. Графъ Зичи не имѣлъ, однако, полномочія удовлетворить это желаніе Пруссіи; ему предписано было не выходить изъ роли наблюдателя и только увѣрять, что Австрія, сама нуждающаяся въ спокойствіи, будетъ всѣми средствами стараться сохранить миръ. Онъ могъ лишь заявить берлинскому двору, что императоръ Францъ очень озабоченъ сохраненіемъ Пруссіи и желалъ бы знать, какъ думаетъ поступить прусскій король, послѣ чего можно было бы сообразить, какъ помочь ему. Но берлинскій дворъ и самъ еще не зналъ, на что рѣшиться. Съ одной стороны, онъ—какъ ходили слухи—ожидалъ, что Наполеонъ заставитъ его вступить съ нимъ въ союзъ, съ другой—онъ обратился къ императору Александру, умоляя его не нарушать мира, такъ какъ въ случаѣ войны Пруссія должна будетъ безусловно подчиниться волѣ Наполеона; если же столкновеніе будетъ отдалено, то обстоятельства могли бы еще измѣниться. А тѣмъ временемъ въ Парижѣ представлены были Пруссіею проекты договора о союзѣ, причѣмъ она просила разрѣшенія увеличить свою армію до 40.000 человекъ, безъ чего ей невозможно-де было бы быть полезною Франціи, и отсрочки въ уплатѣ невнесенной еще части военнаго налога. Французскій кабинетъ отклонилъ эти предложенія и самымъ опредѣленнымъ образомъ потребовалъ немедленнаго прекращенія начавшихся уже въ Пруссіи вооруженій, въ оправданіе которыхъ прусскій король ссылался на необходимость приготовиться къ оборонѣ, въ виду вооруженій во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ. Послѣ аудіенціи французскаго представителя Сень-Марсана у короля, въ «*Berliner Nachrichten*» было опубликовано, что «такъ какъ положеніе дѣлъ стало болѣе мирнымъ и дружественнымъ намѣренія сосѣднихъ государствъ обнаружались самымъ несомнѣннымъ образомъ, то работы въ крѣпостяхъ и вооруженія прекращаются».

Полученный въ августѣ отвѣтъ императора Александра на письмо Фридриха-Вильгельма сильно опечалилъ послѣдняго. Императоръ выражалъ сожалѣніе по поводу намѣренія Пруссіи присоединиться къ врагу Россіи, и хотя заключалъ письмо заявленіемъ надежды, что въ рѣшительную минуту берлинскій дворъ еще измѣнитъ свое рѣшеніе, одна-

ко король, къ своему глубокому огорченію, не предвидѣлъ возможности сдѣлать это. По мѣрѣ развитія событій, стремленіе Наполеона удержать Пруссію на своей сторонѣ становилось все болѣе очевиднымъ, и рѣшительной минуты, о которой упоминалъ Александръ, надо было ожидать вскорѣ. Черезъ Сентъ-Марсана Наполеонъ уже требовалъ, чтобы Пруссія выставила 20.000 человѣкъ, причемъ ей воспрещалось увеличивать общую численность ея арміи свыше 40.000. Сверхъ нѣкоторыхъ другихъ условій, онъ желалъ также, чтобы Пруссія либо вступила въ рейнскій союзъ, либо заключила безусловный оборонительно-наступательный союзъ съ Франціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспретила ввозъ въ свои предѣлы англійскихъ и русскихъ товаровъ. Въ Берлинѣ принятіе этихъ условій признавалось равносильнымъ смертному приговору Пруссіи. Но, въ случаѣ ихъ отклоненія, гдѣ было искать охраны? Берлинскій кабинетъ обратился къ Россіи, отправивъ въ Петербургъ давняго сторонника сближенія съ этою державой, генерала Шарнгорста. Но императоръ Александръ соглашался оказать помощь только тогда, если на Пруссію будетъ сдѣлано нападеніе; въ то время въ Россіи было уже рѣшено оставаться въ оборонительномъ положеніи, послѣ того какъ выяснилось, что на содѣйствіе поляковъ разсчитывать нельзя. Попытались испросить помощи также и въ Вѣнѣ, куда послали Якоби съ порученіемъ разузнать, чтѣ станеть дѣлать Австрія, въ случаѣ вторженія въ Пруссію корпуса Даву. Меттернихъ, однако, никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній не далъ, посуливъ только продолжать свое заступничество за Пруссію въ Парижѣ. Тогда Якоби заявилъ, что если король не можетъ разсчитывать на помощь Австріи, то вынужденъ будетъ принять предложенія Франціи. Къ отправкѣ въ Петербургъ генерала Шарнгорста вѣнскій кабинетъ отнесся неодобрительно, такъ какъ генералъ этотъ, поѣхавшій туда подъ фамилію «Акермана», считался главою тугендбунда, а всѣхъ членовъ послѣдняго вѣнскій дворъ считалъ безумными головами и ставилъ ихъ на одну доску съ якобинцами. Избраніе для этой миссіи именно Шарнгорста графъ Зичи признавалъ за свидѣтельство того, что Пруссія не намѣрена уже ограничиваться на будущее время полумѣрами. Но миссія Шарнгорста въ Петербургѣ не дала ожидавшихся отъ нея въ Берлинѣ результатовъ, а такъ какъ и со стороны Австріи ожидать было нечего, то король Фридрихъ-Вильгельмъ утвердился въ убѣжденіи, что спасеніе Пруссіи единственно въ союзѣ съ Франціей.

XVII.

По отношенію къ государствамъ рейнскаго союза Меттернихъ держался болѣе или менѣе безучастно. Въ этихъ государствахъ онъ видѣлъ лишь

вассаловъ Франціи, лишенныхъ всякой надежды возвратить себѣ независимость. Съ тѣхъ поръ какъ вѣнскій дворъ вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ Наполеономъ, стремленія дворовъ рейнскаго союза расширить свои владѣнія уже не тревожили Меттерниха. При всемъ томъ, и по отношенію къ нимъ австрійская дипломатія не бездѣйствовала, такъ какъ и съ отдѣльными государствами рейнскаго союза вѣнскому кабинету приходилось вести счеты по разнымъ, вытекавшимъ изъ прежнихъ отношеній вопросамъ территоріальнаго, торговаго и иного характера. Останавливаться на происходившихъ по этимъ вопросамъ переговорахъ мы, однако, не будемъ. Точно такъ же отмѣтимъ лишь вкратцѣ нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Австріи къ скандинавскимъ государствамъ. Съ Даніей и Швеціей монархія не была связана непосредственными интересами, но событія въ этихъ странахъ были такъ тѣсно спутаны съ общеевропейскимъ положеніемъ, что наблюденіе и за скандинавскимъ полуостровомъ было весьма важно для Австріи. Швеція старалась сблизиться съ австрійскою монархіей, но вѣнскій дворъ рѣшительно уклонялся отъ оказанія поддержки планамъ новаго наслѣдника шведскаго престола. Однако, въ виду важнаго значенія, которое рѣшенія шведскаго двора имѣли для общаго склада европейскихъ дѣлъ, Меттернихъ считалъ нужнымъ своевременно и въ точности ознакомиться съ намѣреніями герцога Понте-Корво и въ этихъ видахъ отправилъ въ Стокгольмъ посланникомъ генерала графа Нейпперга, давно уже находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Бернадотомъ и считавшагося лицомъ, наиболѣе пригоднымъ для того, чтобы противодѣйствовать русскому вліянію. Данія тоже придавала большой вѣсъ дружбѣ съ Австріей и имѣла въ Вѣнѣ самое блестящее представительство, въ лицѣ посланника графа Бернсторфа, бывшаго ранѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ и состоявшаго кавалеромъ ордена Слона: говорятъ, это былъ первый случай назначенія на постъ посланника кавалера этого ордена. Хотя уже по географическимъ условіямъ Данія не могла рассчитывать на энергическую поддержку Австріи, однако она стремилась заручиться въ Вѣнѣ моральною опорой, на случай надобности въ добромъ совѣтѣ. Положеніе Даніи было весьма шаткимъ. Французскіе захваты на сѣверѣ Германіи давали поводъ опасаться исправленія вестфальской границы, что должно было угрожать обладанію Шлезвигомъ. Въ предстоявшей франко-русской войнѣ датскому правительству было бы невозможно остаться нейтральнымъ, а пришлось бы соединиться съ Франціей; но союзъ съ нею могъ бы повлечь за собою самыя гибельныя для Даніи послѣдствія. Датскій народъ ненавидѣлъ Наполеона, но нуждался въ его помощи противъ Швеціи, которая, повидимому, все болѣе сближалась съ Россією и угрожала Норвегій, гдѣ вспыхнуло возстаніе. Но, въ противность стремленію народа, наслѣдныи принцъ былъ противникомъ Наполеона; впрочемъ,

настроение народа, разсчитываешаго при помощи Франціи возвратить себѣ Финляндію, въ послѣдствіи измѣнилось, подъ вліяніемъ рѣзкихъ поступковъ французскаго посланника въ Стокгольмѣ, Алькье, и тяжкихъ условій, поставленныхъ Швеціи изъ Парижа. Наполеонъ требовалъ отъ шведовъ поставки матросовъ, сожженія англійскихъ товаровъ и объявленія войны Англій. Притомъ, онъ грозилъ войною всякому государству, которое не прерветъ сношеній съ Англіею. «Мы въ сапогахъ и при шпагахъ—писалъ онъ Бернадоту—и еслибы императоръ Александръ не общалъ мнѣ не вступать ни въ какія сношенія съ Англіею, французы уже давно были бы въ Ригѣ, Петербургѣ и Москвѣ»... Далѣе, онъ писалъ, что у него въ погребахъ запасено 200 милліоновъ для военныхъ надобностей, что когда у него будетъ 200 судовъ, онъ объявитъ англичанамъ войну и повергнетъ ихъ въ прахъ, такъ какъ сила всегда побѣждаетъ слабость. «Будь я французскимъ королемъ—говорилось въ письмѣ—я, подобно Людовикамъ XIV и XV, на колѣняхъ просилъ бы мира. Но я императоръ континента, и надо вернуться ко временамъ Карла Великаго, чтобы составить себѣ хотя бы только понятіе о моемъ могуществѣ. Я слонъ и нейтральныхъ для меня не существуетъ: кто не со мною, тотъ противъ меня». Такой тонъ, конечно, сильно оскорбилъ и возмутилъ шведовъ. Увидѣвъ, что онъ ужъ слишкомъ туго натянулъ струну, Наполеонъ захотѣлъ исправить сдѣланную ошибку и отозвалъ Алькье изъ Стокгольма, но уже не помогъ этимъ дѣлу: прежнее вліяніе Франціи въ Швеціи пало и уступило мѣсто вліянію Россіи. Наслѣдный принцъ рѣшительно склонился на сторону Россіи, усилилъ свою армію, и если прервалъ оффиціальныя сношенія съ Англіею, то все-таки продолжалъ поддерживать ихъ втайнѣ. Это крайне не понравилось Меттерниху, но направить дѣла на сѣверѣ иначе онъ не имѣлъ возможности.

На югѣ Европы Австрія вступила въ дипломатическія сношенія съ королевствомъ Неаполитанскимъ; первый шагъ къ тому сдѣланъ былъ самимъ королемъ Иоакимомъ, котораго, впрочемъ, еще въ мартѣ 1810 г. императоръ Францъ поздравилъ со вступленіемъ на престолъ. Мюрá ¹⁾, находясь въ началѣ мая въ Парижѣ, видѣлся съ княземъ Шварценбергомъ и выразилъ ему желаніе войти въ прямыя сношенія съ Австріею, причемъ сказалъ, что послѣ состоявшагося назначенія графа Долгорукаго русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ назначеніе туда же австрійскаго дипломата послужило бы еще однимъ новымъ залогомъ признанія новой династіи европейскими державами. Въ Вѣнѣ готовы были исполнить это желаніе короля, потому что хотя Неаполитанское королевство и признавалось тамъ не болѣе какъ провинціею Франціи, однако считали со-

¹⁾ Котораго у насъ до сихъ поръ принято называть, какъ въ старину, «Мюрать».

отвѣтствующимъ интересу Австріи имѣть представителя въ Италіи для наблюденія за ходомъ дѣлъ на Средиземномъ морѣ. Для начала посланъ былъ въ Неаполь Менцъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, причемъ ему было предписано составлять донесенія въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было предъявлять французскому правительству. При Неаполитанскомъ дворѣ имѣли тогда представителей Франція, Баварія, Италія Испанія и Россія. Отношенія Мюрá къ Наполеону были двусмысленныя: онъ чувствовалъ себя непрочнымъ на престолѣ, сталъ усиливать свою армію и полагалъ, что съ 40.000 человекъ онъ будетъ въ состояніи давать отпоръ требованіямъ своего вѣнценоснаго зятя, которыя могли бы угрожать независимости королевства. Онъ жаловался Шварценбергу, что Наполеонъ часто мѣняетъ учреждаемыя имъ династіи, не давая имъ времени установить въ назначенныхъ имъ земляхъ порядокъ и благосостояніе.

9-го сентября въ Неаполь прибылъ вновь назначенный австрійскій посланникъ, графъ Миръ. Онъ снабженъ былъ предписаніемъ отнюдь не вмѣшиваться въ мѣстныя партійныя интриги и ограничиваться внимательнымъ наблюденіемъ за событіями и при всякомъ случаѣ увѣрять министровъ въ томъ, что Австрія проникнута единственно желаніемъ повсюду сохранять миръ. Настроеніе при неаполитанскомъ дворѣ было угнетенное. Въ народѣ господствовало большое недовольство по поводу непрерывнаго увеличенія налоговъ и высокой пошлины на хлопокъ. Вообще, всѣ были увѣрены, что Неаполю предстоить участь Голландіи. Королевской фамиліи, сверхъ того, грозили опасности изъ Парижа, куда проникли слухи о проискахъ Мюрá. Найдена была компрометирующая короля Іоахима переписка, и взбѣшенный Наполеонъ отправилъ въ Неаполь маршала Лана, снабдивъ его самыми широкими полномочіями; въ случаѣ надобности, ему разрѣшалось арестовать короля и препроводить въ Венецію. Въ передрыгахъ, вызванныхъ всѣмъ этимъ въ Неаполѣ, австрійская дипломатія оставалась безучастною.

XVIII.

Въ концѣ 1811 года начались наконецъ въ Парижѣ между княземъ Шварценбергомъ и герцогомъ Бассано переговоры объ австро-французскомъ союзѣ. Дѣло это велось въ такой тайнѣ, что о переговорахъ не знали даже французскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Отто. Скорое соглашеніе встрѣчало, однако, немало серьезныхъ препятствій въ неговорчивости обѣихъ сторонъ относительно условій союза, обсужденіе

которыхъ сопровождалось продолжительными пререканіями. Проектъ союзнаго договора состоялся лишь въ февралѣ 1812 г. Одною изъ статей его объ договаривающіяся державы гарантировали цѣлость европейскихъ владѣній Турціи, которая, какъ оговорено было въ сопровождавшихъ проектъ секретныхъ статьяхъ, приглашалась присоединиться къ союзу. Австріи удалось настоять на включеніи въ проектъ договора условія, въ силу котораго Франція, въ случаѣ нападенія Россіи на Австрію, обязывалась признать такое нападеніе направленнымъ какъ-бы противъ нея самой и немедленно начать военныя дѣйствія. Договоръ былъ ратификованъ въ Парижѣ 15-го, а въ Вѣнѣ 25-марта и въ тотъ же день состоялся обменъ ратификацій; несмотря на это, въ Парижѣ все еще дѣлали по отношенію къ Россіи видъ, будто вѣрятъ въ возможность соглашенія съ нею. Довѣренное лицо императора Александра генераль Чернышевъ, находился въ Парижѣ, хотя не столько ради переговоровъ, сколько для наблюденія за ходомъ событій; ему оказываемы были тамъ подобающія царскому посланцу почести, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за всѣми дѣйствіями его зорко слѣдили, окруживъ его шпіонами. 25-го февраля, когда уже начаты были переговоры съ Австріею, Наполеонъ, принявъ Чернышева въ аудіенціи, сдѣлалъ ему новыя предложенія на счетъ соглашенія. Онъ заявилъ, что не желаетъ ни въ чемъ измѣнять положенія дѣлъ въ Польшѣ и готовъ войти въ соглашеніе относительно Ольденбурга, но требовалъ отъ Россіи обѣщанія поддерживать континентальную систему и принять относительно англійскихъ товаровъ такія мѣры, которыя заставили бы Англію заключить миръ. Онъ выразилъ также готовность лично переговорить объ этихъ пунктахъ съ императоромъ Александромъ и пріѣхать для этого въ любой германскій городъ, который избранъ будетъ царемъ; но при этомъ прибавилъ, что, при всемъ миролюбіи своихъ намѣреній, онъ можетъ оказаться вынужденнымъ двинуть свои войска на Одеръ, а можетъ быть даже и на Вислу для защиты своихъ союзниковъ отъ возможныхъ нападеній со стороны русскихъ. Объ Австріи Наполеонъ не проронилъ ни слова, изъ чего Чернышевъ заключилъ, что между этою державою и Франціей никакого соглашенія еще не заключено. 27-го апрѣля, т. е. уже послѣ размѣна ратификацій союзнаго договора съ Австріею, Наполеонъ принималъ князя Куракина. Аудіенція длилась 2½ часа и бесѣда касалась поставленныхъ Россіею условій, по выполненіи которыхъ императоръ Александръ готовъ былъ войти въ переговоры съ Франціею относительно невыясненныхъ спорныхъ вопросовъ. Россія требовала отъ Франціи очищенія Пруссіи и сокращенія численности данцигскаго гарнизона; о Польшѣ она не упоминала, а относительно торговыхъ вопросовъ указывала на возможность соглашенія, съ оговоркою, что петербургскій кабинетъ желаетъ огражденія правъ нейтральныхъ націй. Императоръ

Александръ увѣрялъ, что передъ Англіею никакихъ обязательствъ на себя не привялъ и, по-прежнему, относится къ Франціи и Наполеону дружественно. Въ бесѣдѣ съ Куракинымъ Наполеонъ отклонилъ требованіе на счетъ очищенія Пруссіи и уменьшенія данцигскаго гарнизона, заявивъ, что это несовмѣстимо съ его честью, но сказалъ, что если требованіе это будетъ взято назадъ, онъ готовъ вступить въ переговоры. Куракинъ же заявилъ, что только на почвѣ этого требованія онъ и можетъ вести переговоры, прибавивъ, что движеніе французовъ къ Одеру и Вислѣ, равно какъ и заключенная Франціею конвенція съ Пруссіею, поняты будутъ въ Петербургѣ въ смыслѣ враждебнаго акта и что переходъ французовъ черезъ Одеръ будетъ признанъ за объявленіе войны. Въ послѣдующей депешѣ князю Куракину было сообщено изъ Петербурга, что французскія войска уже начали переправу чрезъ Одеръ и что если число ихъ значительно увеличится, то и русскія войска вынуждены будутъ перейти границу; но это должно считаться не за наступательное движеніе, а только за мѣру, принимаемую съ цѣлью обезпечить лучшія военныя позиціи, и какъ только Франція приметъ требованія Россіи, войска будутъ отведены обратно. Наполеонъ возразилъ на это, что такъ какъ на письмо его, отправленное съ генераломъ Чернышевымъ къ императору Александру, долго не получалось отвѣта, то онъ приказалъ генералу Даву силою противиться всякому враждебному дѣйствію Россіи. Лористону-де тоже приказано выѣхать со всѣми посланниками государствъ рейнскаго союза изъ Петербурга, какъ только онъ узнаетъ, что русскія войска перешли границу. Въ такомъ случаѣ—отвѣчалъ Куракинъ—и ему надо уѣхать изъ Парижа, не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній государя; но все-таки онъ попросилъ Наполеона прочесть письмо императора Александра. Наполеонъ прочиталъ его и, повидимому, остался доволенъ его содержаніемъ; въ письмѣ не упоминалось объ изложенныхъ Куракинымъ требованіяхъ. Куракинъ заявилъ, однако, что долженъ настаивать на нихъ, и спросилъ, что можетъ еще быть сдѣлано для предотвращенія кровопролитія. На это Наполеонъ сказалъ, что если русскія войска занимаютъ только правый берегъ Нѣмана, то и французы не перейдутъ Вислы, и что онъ не будетъ даже противъ вступленія русскихъ въ Мемель; Даву долженъ будетъ отгнать ихъ только въ томъ случаѣ, если они захотятъ занять Кѣнигсбергъ или варшавскую территорію. Послѣ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разговоровъ, Куракинъ заявилъ, что онъ, вѣроятно, въ послѣдній разъ имѣетъ честь находиться въ присутствіи французскаго императора и благодаритъ его за оказанныя милости, на что Наполеонъ отвѣчалъ: «Такъ какъ ужъ вы настаиваете на своемъ отъѣздѣ, то я желаю только, чтобы вашъ государь вскорѣ прислалъ васъ сюда снова для вторичныхъ переговоровъ о мирѣ».

Послѣ аудіенціи у Наполеона Куракинъ еще разъ обсуждалъ съ герцогомъ Бассано русскія требованія, причемъ было рѣшено, чтобы они изложены были въ особой нотѣ. Требованіе относительно очищенія французами Пруссіи и сокращенія численности данцигскаго гарнизона хотя и оставлено было въ силѣ, однако смягчено тѣмъ, что согласіе Франціи на него уже не было поставлено предварительнымъ условіемъ переговоровъ, но признано возможнымъ ихъ результатомъ. Но Куракинъ тщетно добивался отвѣта на свою ноту: Бассано все уклонялся, ссылаясь на то, что у него еще нѣтъ инструкцій на этотъ счетъ. Наконецъ, 9-го мая онъ написалъ князю Куракину, спрашивая его, уполномоченъ ли онъ на обсужденіе спорныхъ вопросовъ и заключеніе соглашенія; если уполномоченъ, то пусть представитъ министру свои полномочія. Куракинъ былъ пораженъ этимъ, такъ какъ, въ качествѣ посла, считалъ себя въ правѣ подписать договоръ, въ предположеніи, что онъ будетъ затѣмъ утвержденъ; а такъ какъ жалобы его по этому и другимъ поводамъ оставлены были безъ послѣдствій, то онъ потребовалъ свои паспорта. Бассано указалъ ему на огромную отвѣтственность, которую онъ этимъ беретъ на себя, поясняя, что Наполеонъ не желаетъ войны и что Лористонъ ничѣмъ не проявляетъ своего намѣренія выѣхать изъ Петербурга. Но Куракинъ продолжалъ настаивать на полученіи своихъ паспортовъ. Отвѣта отъ Бассано долго не было; онъ пришелъ лишь 12-го іюня, уже изъ Торна. Извиняясь въ продолжительности своего молчанія, министръ извѣщалъ Куракина, что въ виду измѣнившихся нынѣ обстоятельствъ Наполеонъ приказалъ возвратить ему паспорта.

Тѣмъ временемъ, пока отношенія между Франціею и Россіею все болѣе и болѣе близидись къ разрыву, французскій дворъ обнаруживалъ возрастающую любезность къ Австріи. Герцогъ Бассано, разсыпаясь въ увѣреніяхъ дружбы, сообщилъ, между прочимъ, послу Шварценбергу, что Наполеонъ хочетъ создать отнынѣ новую политическую систему для обезпеченія спокойствія въ Европѣ и главною опорой этой системы сдѣлать Австрію. Франція посвятитъ-де всѣ свои силы морской войнѣ, а Австрія достигнетъ на материкѣ такого могущества, какимъ никогда еще не располагала, хотя и не получитъ уже своихъ прежнихъ территоріальныхъ размѣровъ. Обѣщалось предоставить монархіи Силезію, а Пруссію вознаградить за это въ другомъ мѣстѣ, въ случаѣ, если та будетъ честно держаться Франціи. Въ половинѣ мая, по желанію Наполеона, состоялось въ Дрезденѣ его свиданіе съ императоромъ Францемъ, причемъ въ Дрезденѣ съѣхались также и всѣ вассалы могущественнаго французскаго императора; въ числѣ прибывшихъ былъ и прусскій король. На дрезденскомъ съѣздѣ подвергнутъ былъ обсужденію рядъ наиболее насущныхъ политическихъ вопросовъ; нѣсколько ранѣе Наполеонъ послалъ Нарбона въ Вильну, чтобы для вида сдѣлать еще одну попытку въ пользу мира;

изъ этого, конечно, ничего не вышло, потому что ни та, ни другая сторона уже не думали тогда о мирѣ. Изъ Дрездена Наполеонъ выѣхалъ 29-го марта и отправился къ арміи. Въ виду готовившихся важныхъ событій, вѣнскій кабинетъ, вѣрный своей уклончивой политикѣ, предписалъ военачальникамъ въ Галиціи и Трансильваліи принять къ свѣдѣнію, что въ предстоящей войнѣ Австрія будетъ участвовать не какъ главная сторона, а лишь въ качествѣ вспомогательной силы. Поэтому генераламъ вмѣнялось въ обязанность строго ограничиваться оборонительными дѣйствіями, но показывать видъ, будто подлинно ведутъ войну. При этомъ генераламъ сообщалось также, что, какъ есть основанія предполагать, русскія войска будутъ поступать такимъ же образомъ и что поэтому нападенія съ ихъ стороны опасаться нечего. Словомъ, тутъ повторилось почти то самое, что было въ 1809 г., когда Россія совершенно такъ-же держалась въ Галиціи по отношенію къ австрійскимъ войскамъ. Какъ въ то время Россія, такъ теперь и Австрія, поступая такимъ образомъ, руководилась соображеніемъ объ опасностяхъ, которыми угрожали имъ побѣды Наполеона, и, уступая его давленію, дѣлали видъ, будто воюютъ одна съ другою. Въ Австріи присоединялись къ этому еще и затрудненія, вытекавшія изъ недостатка средствъ. Вѣнское правительство было не въ состояніи выплачивать своимъ войскамъ жалованье наличными; между тѣмъ, къ его изумленію, Наполеонъ, вопреки дрезденскому соглашенію, назначилъ на австрійскій вспомогательный корпусъ авансомъ всего 500 милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ, въ Россіи совершилась катастрофа и отъ вассаловъ и союзниковъ Наполеона, въ томъ числѣ и отъ Австріи, стали требовать усиленія войскъ. Одна за другою приходили въ Вѣну самыя тревожныя извѣстія и вскорѣ начало выясняться громадное значеніе московскаго событія. Въ началѣ декабря въ Вѣнѣ стало извѣстно, что, въ виду огромныхъ денежныхъ потерь, вызывавшихся отступленіемъ большой арміи, Наполеонъ прекращаетъ всякія дальнѣйшія субсидіи австрійскому вспомогательному корпусу. Тогда Меттернихъ увидѣлъ себя въ необходимости измѣнить свою политику, чтò нѣкоторые изъ дипломатовъ предрекали еще въ ноябрѣ. Иначе и быть не могло при совершенно измѣнившемся положеніи дѣлъ: предпріятіе Наполеона, котораго Меттернихъ считалъ непреодолимымъ, завершилось неудачей, великая армія была уничтожена, а тотъ, кого австрійскій министръ ожидалъ увидѣть распростертымъ въ прахъ у ногъ цезаря, т. е. императоръ Александръ—по мнѣнію Меттерниха, руководившійся въ своихъ поступкахъ единственно страхомъ передъ Наполеономъ, слабый и безхарактерный человекъ—отвергалъ теперь всякое соглашеніе и не хотѣлъ ничего слышать о мирѣ, пока Европа не будетъ освобождена отъ тирана. Особенно поражены были всѣ, въ томъ числѣ и Меттернихъ, колоссальнымъ подъемомъ національ-

наго чувства въ русской народной массѣ, которую привыкли считать косною и недостойною вниманія. Еще не рѣшаясь связать себя съ Россіей, порвавъ связь съ Наполеономъ, Меттернихъ призналъ, однако, что наступила минута, когда Австрія можетъ возвратитъ себѣ свободу дѣйствій. Онъ началъ съ попытки указать Франціи, что только твердость австрійскаго императора сдерживаетъ 50 милліоновъ челоуѣкъ отъ вступленія въ борьбу противъ Наполеона и что только Австрія въ состояніи содѣйствовать миру, не оскорбительному ни для одной изъ сторонъ. При этомъ Меттернихъ хотѣлъ, однако, дѣйствовать уже не отъ лица Наполеона, а именемъ Австріи, хотя и въ качествѣ союзницы Франціи. Другими словами, онъ желалъ утвердить за вѣнскимъ дворомъ полную политическую и военную независимость. Наполеонъ, появившійся 10-го декабря въ Варшавѣ, а 14-го въ Дрезденѣ, написалъ изъ этого послѣдняго города императору Францу, требуя, чтобы тотъ выставилъ въ поле 30.000 свѣжихъ войскъ. 18-го декабря онъ былъ уже въ Парижѣ, а въ концѣ мѣсяца прибылъ туда изъ Вѣны генералъ Бубна съ отвѣтомъ австрійскаго императора и съ порученіемъ заявить, что вѣнскій кабинетъ стремится взять на себя посредничество для возстановленія всеобщаго мира, а усиливать вспомогательный корпусъ не можетъ, такъ какъ войска нужны ему для защиты границъ самой монархіи. Въ данной Бубнѣ аудіенціи Наполеонъ старался объяснить свое пораженіе стихійными вліяніями и заявилъ, что будущее весною снова двинется въ Россію съ арміею въ 400.000 челоуѣкъ и если ему не удастся проникнуть въ глубь имперіи, то онъ отойдетъ за Эльбу и тамъ выждетъ нападенія русскихъ. Онъ былъ крайне озадаченъ, когда Бубна сказалъ ему, что вѣнскій дворъ хотя и готовъ сдѣлать все въ видахъ установленія мира, однако твердо рѣшилъ не дѣлать ни шага сверхъ того, что условлено было мартовскимъ союзнымъ договоромъ, такъ какъ будущая война не имѣла бы цѣли, да и австрійскіе народы противятся союзу съ Франціей. Тогда Наполеонъ воскликнулъ: «Ну, хорошо; заключимъ миръ. Пусть императоръ Францъ вслухъ говоритъ съ Россіей!»

Въ эту пору главною цѣлью Меттернихъ ставилъ себѣ сохранять пока союзъ съ Франціей и обезпечить за Австрію руководящую роль въ дѣлѣ возстановленія мира; все остальное онъ ставилъ въ зависимость отъ хода событій.

Въ началѣ франко-русской войны, когда съ театра военныхъ дѣйствій получались все болѣе и болѣе неблагоприятныя для русскихъ извѣстія, Меттернихъ находилъ, что Россіи ничего хорошаго ожидать уже нельзя. По его мнѣнію, она находилась въ состояніи полного разложенія и могла бы быть спасена только скорѣйшимъ заключеніемъ мира. Кутузовъ, на взглядъ австрійскаго министра, поступилъ недостойно, взявъ на свои слабыя плечи благо и существованіе Россіи. Русский способъ

вести войну казался Меттерниху заслуживающимъ всякаго порицанія: онъ называлъ ошибкою защиту дороги на Петербургъ, котораго все равно спасти невозможно. Русскіе—находили онъ—сами загнали себя въ мѣшокъ и заманиваютъ Наполеона прямо на себя. Но пока Меттернихъ такъ глубокомысленно судилъ о происходившемъ, положеніе дѣлъ внезапно и неожиданно измѣнилось. Пожаръ Москвы и отступленіе великой арміи поразили весь міръ изумленіемъ и хотя, на первыхъ порахъ, никто не зналъ еще размѣровъ этой катастрофы, однако, уже первыя вѣсти о ней заставляли предчувствовать нѣчто выходящее изъ ряда вонъ.

Россія признала, что въ такую минуту всего умѣстнѣе сблизиться съ Австріей и, если возможно, привлечь ее на свою сторону. Въ ноябрѣ къ Меттерниху явился графъ Разумовскій, проживавшій въ Вѣнѣ, въ качествѣ частнаго человѣка. Домъ его служилъ средоточіемъ вѣнскаго высшаго общества, но тамъ же собирались и противники Наполеона, вслѣдствіе чего за Разумовскимъ зорко слѣдили изъ Парижа. Явившись къ Меттерниху, графъ сказалъ, что имѣеть отъ императора Александра полномочіе выяснить съ Австрією нѣкоторые вопросы, а главное—узнать, не желаетъ ли она воспользоваться настоящею минутой, чтобы вновь сдѣлаться независимою отъ Наполеона, чего легко было бы ей достигнуть, сблизившись съ Россіей. Меттернихъ, снесшись предварительно по этому поводу съ Штакельбергомъ, чтобы узнать, далеко ли можно заходить въ объясненіяхъ съ Разумовскимъ, заявилъ официальнымъ путемъ, что на вопросъ о томъ, желаетъ ли Австрія освободиться отъ Наполеона и примкнуть къ Россіи, отвѣтомъ служатъ добросовѣстность императора Франца и текстъ австро-французскаго договора; еслибы Австрія пошла инымъ путемъ, то она не могла бы впредь рассчитывать на довѣріе ни одной изъ державъ. Другими словами, онъ заявлялъ, что вѣнскій дворъ намѣренъ стоять на почвѣ мартовскаго союзнаго договора, не выходя за предѣлы возложенныхъ имъ на Австрію обязательствъ. Кромѣ того, Россіи указывалось на выгоды, которыя могутъ проистечь для нея изъ мирнаго посредничества вѣнскаго кабинета. И такъ, первыя заявленія Меттерниха по отношенію къ Россіи казались болѣе или менѣе холодными; но, по мѣрѣ того, какъ становились извѣстны подробности ужасной московской катастрофы, а Наполеонъ вернулся въ Парижъ, австрійскій министръ дѣлался все довѣрчивѣе и любезнѣе. Словамъ Наполеона о томъ, что будущее весною онъ снова двинется противъ Россіи съ громадною арміей, Меттернихъ не вѣрилъ, и внимательность его къ петербургскому двору все возрастала. Онъ тщательно старался устранить всякіе поводы къ неудовольствію или недоразумѣніямъ въ Петербургѣ. Вообще, онъ рѣшилъ, что съ Россією надо сблизиться, отчасти въ виду измѣнившагося положенія Европы, отчасти потому, что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Рос-

сія поднимала польскій вопросъ, къ которому Австрія не могла относиться безучастно. Черезъ своего представителя въ Варшавѣ, гофрата Баума, вѣнскій кабинетъ зналъ, что во время войны отношенія между Наполеономъ и поляками ухудшились; зналъ онъ также и то, что выполнение слишкомъ широкихъ требованій поляковъ нанесло бы ущербъ интересамъ Австріи: поляки домогались, чтобы къ новому королевству причислено было 16 милліоновъ жителей, причемъ варшавскіе правители особенно зарились на два галиційскіихъ округа. Наполеонъ оставилъ эти требованія безъ вниманія и выразилъ неудовольствіе всѣмъ польскимъ патриотамъ, послѣ чего поляки стали смотрѣть на вещи трезвѣе и стали спокойнѣе, отчасти подъ вліяніемъ оскудѣнія средствъ польской знати. Это было пріятно вѣнскому кабинету, никогда не желавшему основанія польскаго королевства подъ покровительствомъ Наполеона; Меттернихъ готовился даже поспособствовать усиленію розни между императоромъ и варшавянами. Еще до войны поляки задумали ходатайствовать передъ императоромъ Александромъ о возстановленіи польскаго королевства Россією, и ходатайство это было отправлено съ особымъ посланцемъ по назначенію. Въ Россіи еще ранѣе существовало намѣреніе двинуть войска въ Варшавское герцогство и провозгласить императора Александра польскимъ королемъ, но мысль эта была оставлена. Теперь же, послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, проектъ этотъ вновь выдвинулся на очередь при всеобщемъ сочувствіи поляковъ. Но Австріи не могло казаться допустимымъ возстановленіе Польши, при которомъ стало бы ненадежнымъ владѣніе Галицією и Познанью; кромѣ того, нежелательно было также и расширеніе Россіи до Вислы. Въ Вѣнѣ думали, впрочемъ, что до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ надѣяться на разрозненіе вѣнскаго кабинета съ Францією, она не приступитъ къ разрѣшенію польскаго вопроса; поэтому австрійская политика должна была стараться поддерживать Россію въ колебаніи между страхомъ и надеждою, чтобы не допустить на сѣверѣ новаго «совершившагося факта», такъ какъ послѣ побѣды Кутузова вѣнскій кабинетъ не сомнѣвался, что русскія войска вступятъ въ Варшавское герцогство.

На этомъ мы вынуждены прервать наши выдержки изъ книги Денелича: привсей ихъ сжатости, онѣ и безъ того уже заняли слишкомъ много мѣста. Въ заключеніе, остается отмѣтить, что двѣ послѣднія статьи книги посвящены описанію дипломатической дѣятельности Меттерниха во время заключенія русско-турецкаго мира въ Бухарестѣ и отношеній Австріи къ скандинавскимъ государствамъ, Неаполю и Англіи въ 1812 году.

А. Рѣдкинъ.

*

Справка о Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ.

*Отношеніе министра народнаго просвѣщенія А. Шихова начальнику
Главнаго штаба.*

16-го ноября 1824 г.

На секретное отношеніе вашего превосходительства отъ 14-го текущаго мѣсяца за № 50, честь имѣю сообщить, что Пушкинъ, о которомъ вы спрашиваете меня, есть сынъ 5-го класса Сергѣя Пушкина; самого его зовутъ Львомъ. Онъ опредѣленъ въ январѣ мѣсяцѣ 1823 г. въ бывшій департаментъ духовныхъ дѣлъ, по виду, выданному ему изъ герольдіи о дворянскомъ его происхожденіи; чина до нынѣ никакого не имѣетъ. При опредѣленіи не представлено отъ него аттестата о его ученіи. Нынѣ же показалъ онъ, что обучался около двухъ лѣтъ въ здѣшнемъ университетскомъ пансіонѣ и исключенъ изъ онаго въ началѣ 1821 года, по поводу обиды, сдѣланной учениками сего пансіона учителю Пенинскому. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ не замѣченъ онъ въ худыхъ поступкахъ.

Поспѣшаю извѣстить о семъ ваше превосходительство. Между тѣмъ требую я точнѣйшей справки, за что именно Пушкинъ исключенъ изъ пансіона, и о послѣдствіи не умедлю васъ, милостивый государь мой, увѣдомить.

Изъ переписки декабристовъ.

(Письма фонъ-деръ Бригена и Я. Казимірскаго князю Евг. Петр. Оболенскому).

I.

Письма фонъ-деръ-Бригена—Е. П. Оболенскому.

1.

Туринскъ, 22-го сентября 1850 г.

Любезнѣйшій Евгенийъ Петровичъ! Степанида Ивановна передала мнѣ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Трубецкаго, присланнымъ сюда Ив. Ив. Пущинымъ, требованіе, чтобы я обратилъ книги, которыя получилъ въ Ялutorовскѣ. Я много виноватъ и прошу меня простить великодушно, что такъ долго ихъ задержалъ; но, право, въ суетахъ и хлопотахъ не имѣлъ досуга кончить «Louis Blanc» съ должнымъ вниманіемъ. Попроси отъ меня Ивана Дмитриевича, чтобы позволилъ мнѣ его продержать, и скажи ему, что эта книга приводитъ меня въ восторгъ. C'est un chef d'oeuvre dans toute la force du terme, а такія книги не читаются слегка и требуютъ времени. Я не знаю писателя, который бы ближе подходилъ къ Тациту, знаніемъ человѣческаго сердца, какъ Louis Blanc, однимъ словомъ,—это прелесть! Съ будущею почтою вышлю я къ вамъ «les Memoires d'outre-tombe», который вчера кончилъ, «la Revue Britannique», которой весьма посредственъ, и цѣлую кипу газеты «Siècle».

Скажу теперь нѣсколько словъ о себѣ. Послѣ скучнаго путешествія (отъ Ялutorовска до Туринска ѣхалъ я почти все шагомъ по причинѣ грязи), прибылъ я сюда 20-го іюля и по сіе время стою еще на постоялой квартирѣ, потому, что квартира, которую я нанялъ противъ Басаргинскаго дома, занята еще судьей. Въ Туринскѣ нашелъ

я людей добрыхъ и въ томъ числѣ Башарина, человѣка умнаго, съ которымъ я довольно хорошо сошелся. Въ особенности полюбилъ я Ржоншевскаго, съ коимъ почти каждый день видаюсь. Онъ мнѣ много рассказывалъ о Лунинѣ, котораго видѣлъ за двѣнадцать дней до его смерти. Лунинъ умеръ скоропостижно, и лѣкаръ Орловъ, который его вскрывалъ, за неимѣніемъ инструментовъ, разрубилъ ему голову топоромъ. Лунинъ за годъ до смерти очень измѣнился, сдѣлался молчаливъ и скученъ. Онъ все ожидалъ, что его разстрѣляютъ, и эта мысль поселила въ немъ боязнь смерти. Съ Высоцкимъ, который всегда съ нимъ спорилъ, жилъ онъ хорошо и говорилъ, что только два человѣка его поняли: Никита Муравьевъ и Марья Николаевна Волконская. Себя онъ изнурялъ суровою жизнью, былъ до крайности скупъ и никому ничего не давалъ; послѣ же смерти его остался огромный запасъ разныхъ вещей, изъ коихъ часть сгнила, а остальное разворовали. Прости. Твой А. ф.-д.-Б.

Прошу сказать усердный поклонъ всѣмъ нашимъ, да пожалуйста пиши.

2.

Туринскъ, 15-го января 1851 г.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій Евгенийъ Петровичъ, съ новымъ годомъ и желаю тебѣ отъ души всего лучшаго, не только на этотъ 1851-й годъ, но и еще на многія и многія лѣта. Конецъ прошлаго и начало нынѣшняго года были для меня не совсѣмъ благоприятны, потому что съ 23-го декабря слегъ я въ постель, съ коей всталъ только дня четыре тому назадъ. Начало моей болѣзни была простуда, которая перешла въ геморoidalные припадки, сопряженные съ такою жестокою болью въ поясницѣ, что я и въ постелѣ не иначе могъ пошевелиться, какъ съ помощью людей. Теперь я брожу по комнатамъ и хотя еще слабъ, но сегодня выходилъ на улицу подышать воздухомъ. 22-го декабря отправилъ я къ тебѣ письмо, въ коемъ просилъ прислать мнѣ адресъ С. П. Трубецкаго. Я имѣю надобность къ нему писать и намѣренъ, послѣ перехваченнаго моего письма г-номъ Горчаковымъ, отправить письмо князю Трубецкому ко с в е н н ы м ъ п у т е м ъ. Здѣсь былъ архитекторъ Черненко, который рассказывалъ, что его сѣятельство крайне раздраженъ противъ всѣхъ нашихъ тобольскихъ и въ особенности Фонъ-Визина, и что онъ на нихъ написалъ какую-то клевету въ Петербургъ, чему я охотно вѣрю, зная изъ собственнаго опыта, что это, равно какъ и выкрадывать чужія письма, весьма свойственно его сѣятельству, которому, въ слѣдъ, въ Петербургъ, я пустилъ нѣсколько выстрѣловъ а

boulets perdus. Пожалуйста сообщи, что у васъ новаго. Я здѣсь живу въ такой глуши, что рѣшительно ничего не знаю.

Прости, Евгенийъ Петровичъ, клянюсь всѣмъ нашимъ и не забывай искренно преданнаго тебѣ А. ф.-д.-Бригена.

3.

1-го іюня 1851 г.

Слухи носятя, что къ 22-му августа дѣлаются большія приготовленія въ Москвѣ, куда цѣлый гвардейскій корпусъ, будто бы, будетъ перевезенъ въ 22 часа, каковъ подвигъ? Говорять о великихъ милостяхъ, въ коихъ и насъ грѣшныхъ не забудутъ, что очень возможно. Но я даже и не воображаю себѣ, что будетъ, дай Богъ только, чтобы не было хуже. Что до меня касается, то я посмотрю, пойдутъ ли, съ прибытіемъ новаго генераль-губернатора, который теперь уже прибылъ въ Тобольскъ, дѣла въ Западной Сибири лучше. Если же нѣтъ, то я постараюсь, съ Божіею помощью, отсюда выбраться. Гасфортъ человекъ очень хорошій, но самъ онъ не прогонитъ всю горчаковскую сволочь, то хорошаго мало ожидать. На старыхъ дрожжахъ будетъ плохое пиво. Я думаю, тебѣ уже извѣстно, что Глѣбову, Л. Кюхельбекеру, Веденяпину и еще двумъ изъ славянъ ¹⁾ разрѣшено развѣзжать по цѣлой Сибири.

Прошу сказать отъ меня поклонъ всѣмъ нашимъ господамъ. Если у васъ есть какія-нибудь литературныя новости, то прошу мнѣ, при случаѣ, сообщить ихъ сюда. Очень желалъ бы я прочесть продолженіе «Mémoires d'outre-tombe», которыя вѣроятно у васъ уже и получены. Но главное прошу не забывать, что я здѣсь живу въ такой глуши, какъ бы въ Камчаткѣ, и не получаю даже такихъ извѣстій, которыя собственно до меня касаются, въ каковомъ недостаткѣ прошу тебя по возможности мнѣ пособить.

Прости, любезный Евгенийъ Петровичъ, жму тебѣ крѣпко руку и остаюсь на всегда душевно тебѣ преданный Б.

4.

22-го апрѣля 1855 г.

Любезнѣйшій Евгенийъ Петровичъ! Обжогъ руки, препятствовавшій мнѣ около шести недѣль держать перо, былъ одною изъ причинъ продолжительнаго моего молчанія. Пишу тебѣ эти строки, среди уложенныхъ сундуковъ и чемодановъ, готовый къ отъѣзду въ Курганъ. Тебѣ вѣроятно объ этомъ моемъ перемѣщеніи уже извѣстно. Я этимъ обязанъ

¹⁾ Т. е. бывшимъ членамъ Славянскаго общества.

единственно губернатору и искренно ему за то благодаренъ. Не смотря на мое желаніе побывать у васъ въ Ялуторовскѣ, едва-ли мнѣ это удастся. Я ѣду на протяжныхъ со всѣмъ моимъ домомъ прямо въ Курганъ и если мнѣ не удастся завернуть къ вамъ съ дороги, то постараюсь въ теченіе лѣта пріѣхать нарочно туда, чтобы съ тобою видѣться. Сколько совершилось въ это время событій, которыя, можетъ быть, будутъ имѣть нѣкоторое вліяніе и на наше положеніе. Я невольно вспомнилъ въ этомъ случаѣ Давида, изъясняющаго на смертномъ одрѣ послѣднюю свою волю Соломону, прочти въ книгѣ «Царствъ» III, 2, 5 — 9, и прочти это со вниманіемъ. Что касается до меня, то, отживъ уже свой вѣкъ, я смотрю на всѣ событія какъ бы они значительны ни были, какъ на нѣчто, или вовсе или весьма мало до меня касающееся. Хорошаго я ничего не ожидаю, а предвижу только горькія испытанія, которыя предстоятъ нашему отечеству. Провидѣніе, для коего человекъ цѣль, а не средство, ведетъ народы совсѣмъ другими путями отъ тѣхъ, которые себѣ предполагаютъ наши политики и дипломаты, и едва-ли когда-нибудь было это такъ очевидно, какъ въ наше время, когда сравниваешь значительность событій и ничтожество людей, воображающихъ себѣ, что они двигатели. Странно, что въ манифестѣ по случаю нынѣшняго вступленія на престолъ ни словечка не сказано объ улучшеніи быта народнаго...

Здоровье мое посредственное, иногда бываю такъ слабъ, что не въ состояніи даже ни о чемъ думать. Въ этихъ случаяхъ обращаю я взоры къ Распятію, подъ коимъ написалъ изъ посланія къ Евреямъ, 12, 3: «Помышляйте о претерпѣвшемъ такое надъ собою поруганіе, чтобы вы не унывали и не ослабѣвали въ душахъ вашихъ». Эти слова ободряютъ меня и служатъ вмѣсто спирту для души.

Если увидимся, то много будетъ намъ о чемъ поговорить. Прости, кланяйся отъ меня нашимъ. Господь да будетъ съ тобою и семействомъ твоимъ.

Писать ко мнѣ въ Курганъ можешь на имя купца Семена Ивановича Березина, товарища Сысенина.

5.

16-го марта 1856 года.

Любезный Евгеній Петровичъ. Степанида Ивановна передала мнѣ пріятную новость о возвращеніи Фонъ-Визина на родину. Я душевно этому радуюсь и прошу тебя, при проѣздѣ Михаила Александровича черезъ Ялуторовскъ, передать ему и Натальѣ Дмитриевнѣ дружеское мое привѣтствіе по этому случаю. Фонъ-Визинъ одинъ изъ самыхъ старыхъ моихъ товарищей въ Сибири. Мы съ нимъ

служили въ Измайловскомъ полку, офицерами въ одной ротѣ. Я воображаю, какъ они должны быть рады вырваться изъ этой могилы, называемой Тобольскъ, дабы дожить въ тишинѣ и покоѣ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, который имъ остается доживать. Но всё ли въ одномъ положеніи? Многіе изъ нашихъ вѣроятно не захотятъ воспользоваться возвращеніемъ, если бы оно имъ было предложено, и я, кажется, принадлежу къ этому числу. Изъ того, что возвращаютъ Михаила Александровича, нельзя еще заключить, что станутъ возвращать всѣхъ тѣхъ, коихъ родственники будутъ объ этомъ домогаться. Конечно, большая часть изъ нашихъ положить свои кости въ Сибири. Это событіе доказываетъ, что Николай Павловичъ не такъ недоступенъ, какъ его представляютъ, а меня оно еще болѣе убѣждаетъ въ давнишней моей мысли, что онъ столько же превышаетъ душою и сердцемъ своихъ приближенныхъ и сановниковъ (Горчаковыхъ, Гасфордовъ, Анненковыхъ и пр. и пр.), сколько снѣ ихъ превышаетъ своимъ саномъ, а въ заключеніе всего этого, нельзя не согласиться съ Монтанемъ и Паскалемъ, что человѣкъ есть самое жалкое и юродивое твореніе, обитающее на земномъ шарѣ. О себѣ я не имѣю ничего особеннаго сказать. Гасфордъ боленъ, вѣроятно отъ усилія казаться молодымъ передъ невѣстою. Онъ красить себѣ волосы, усы и даже мажетъ чѣмъ-то губы! Недѣли двѣ тому назадъ я къ нему писалъ по своимъ дѣламъ, и любопытевъ видѣть его отвѣтъ. Тебя прошу, сдѣлай милость, увѣдомь, если случится или узнаешь что-нибудь такое, что мнѣ полезно знать. Всѣмъ нашимъ господамъ передай отъ меня поклонъ, прости и не забывай преданнаго тебѣ

А. фонъ-деръ-Бригена.

Адресуй сюда письма Александрѣ Тихоновнѣ Томниковой.

6.

16-го сентября 1856 года.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ Евгеній Петровичъ, со Всемилоствѣйшимъ манифестомъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца и радуюсь за твоихъ дѣтей. Манифестъ, для тебя собственно, равно какъ и для меня довольно незначителенъ; но для родителей, имѣющихъ дѣтей, онъ благодѣтеленъ. Возвращеніе потомственнаго дворянства для меня безполезно, потому что службою въ Сибири я заслужилъ себѣ дворянство личное. Предположеній для себя я никакихъ не дѣлаю, а буду соображаться съ обстоятельствами, въ упованіи, что Богъ меня не оставитъ и укажетъ, по какому пути идти.

Ни въ какомъ случаѣ я здѣшняго моего семейства не оставлю на произволъ судьбы. Это было бы грѣшно предъ Богомъ и безчестно предъ людьми. Я полагаю, что для насъ будутъ какія-нибудь распоря-

женія и что выдадутся прогоны въ Россію, но и съ этимъ, вѣроятно, многіе изъ нашихъ не пожелаютъ возвратиться въ Россію. Здѣсь мы имѣемъ передъ глазами много гадостей, а тамъ едва-ли не болѣе, но здѣсь это вознаграждается матеріальнымъ благосостояніемъ, а тамъ нишета. Здѣсь сто рублей равняются тамошней тысячѣ и пр. и пр.

Сдѣлай милость, объясни мнѣ, какого рода заведеніе въ Нижнемъ. въ коемъ воспитывается дочь Пушина, и возможно ли будетъ мнѣ воспользоваться этимъ, чтобы помѣстить туда твою знакомую Машеньку. Какія тутъ будутъ издержки, я, разумѣется, возьму на себя. Мнѣ бы очень хотѣлось дать образованіе этому милому дитяти. Ей 13-й годъ.

Царь имѣетъ доброе сердце, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и объ этомъ я слышалъ отъ Жуковского. Но, къ несчастію, люди, которые его окружаютъ, не соотвѣтствуютъ своему званію. Самое легкое обозначеніе имъ—эгоисты.

Я вполне увѣренъ, что царь съ бою у нихъ вырвалъ эти милости, дарованныя манифестомъ, которыя мы, послѣ 30-ти лѣтняго изгнанія, принимаемъ въ гомеопатическихъ пилюлькахъ. Увидимъ, что скажетъ гр. Орловъ на мое письмо. Прости, мой другъ, да пожалуйста пиши.

А. ф. д. Бригенъ.

7.

22-го сентября (1856 г.)

Поспѣшаю, любезнѣйшій другъ мой Евгений Петровичъ, сообщить о радостномъ для меня событіи, которое, по добротѣ твоей и дружбѣ ко мнѣ, и тебя порадуешь. Съ послѣднею почтою получилъ я письмо отъ князя Орлова, вотъ оно: «Милостивый Государь Александръ Ѳедоровичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю ¹⁾ препроводить при семъ къ вамъ копію съ письма ко мнѣ шефа жандармовъ генералъ-адъютанта князя Долгорукова о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на производство вамъ, въ случаѣ оставленія вами службы, ежегоднаго пожизненнаго пособія по 285 р. сер. Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности. К. Орловъ». Долгорукій увѣдомляетъ, что онъ уже сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія о приведеніи въ исполненіе высочайшей воли по этому предмету. И такъ благодаря Бога, одна рука въ отношеніи къ здѣшнему моему семейству развязана, я имъ предоставлю пользоваться этою монаршею милостью, а тамъ впередъ что Богъ дастъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ подаю я просьбу въ отставку, а тамъ буду располагать, смотря, сколько получу денегъ изъ дому, вѣдь однихъ прогоновъ понадобится до 400 р. сер. Дочь моя Гербель съ мужемъ (ротм. гвард.

¹⁾ Мое письмо было отъ 29-го іюля.

Улан. полка) умоляютъ меня переселиться къ нимъ въ Петергофъ!... Признаюсь, и я имѣю туда особое влеченіе. Довольно странно, если бы мнѣ привелось провести конецъ моей жизни въ Петергофѣ, который моя Любочка предпочитаетъ Петербургу. Теперь вотъ еще другое, не менѣе радостное для меня событіе. Моя Александра Тихонова начала выздоравливать отъ ужасной болѣзни, которая ее постигла въ началѣ этого года. Мысль, что я ее оставлю, несмотря на всѣ мои увѣренія, такъ сильно на нее подѣйствовала, что она впала въ глубокую меланхолю, слѣдствіемъ коей были сильнѣйшіе истерическіе припадки, такъ что эта, въ продолженіе 19 лѣтъ, тихая и кроткая женщина дошла до сумасшествія. Въ припадкахъ бѣшенства, на которые страшно было смотрѣть, рвала она все на себѣ, била и бросалась на людей, такъ что, при необыкновенной силѣ, которая появлялась въ ней въ эти минуты, едва два сильныхъ человѣка могли надѣвать на нее лазаретную рубаху и сажать ее подъ запоръ; чтобы облегчить свои мученія, она прибѣгала къ вину, но это еще болѣе ее раздражало. Мнѣ она чуть-чуть не перекусила палець. Образумившись, бросилась въ ноги, со слезами просила прощенія. Просто сказать: это такое удивительное и внезапное явленіе, что я готовъ вѣрить, что въ нее вселился бѣсъ, чему примѣры въ св. писаніи. Третьяго дня былъ у нея пароксизмъ, но не такъ сильный. Можешь себѣ представить, каково было мое положеніе! Тягостную, унижительную и гадкую службу несъ я, какъ крестъ, и принималъ это съ радостью за эпитимію, наложенную на меня за мои грѣхи, и за необдуманную слабость, которая навлекла на меня столь тяжкія послѣдствія. Благодареніе Всевышнему, что благодареніе Орлова дало мнѣ возможность обезпечить моихъ, безъ отягощенія моихъ дѣтей въ Россіи. Я былъ виноватъ, и Богъ облегчилъ мнѣ тягость моего душевнаго наказанія. Князя Орлова я буду благодарить письмомъ. Многие меня навѣщаютъ и просятъ показать имъ почеркъ руки, подписавшей Парнанскій трактатъ. Если выѣду въ Россію, то якорь брошу на первый разъ въ Петергофъ. Дочь моя выпросить чрезъ Орлова позволеніе мнѣ тамъ жить. Послѣдняя почта привезла мнѣ письмо отъ Л. М. Нарышкина, который проситъ меня, по дорогѣ, заѣхать къ нему. Я его душевно люблю, это прямой израильтянинъ, въ коемъ нѣтъ лжи, почти въ такомъ же родѣ и С. Г. Волконскій; смерть Фохта дала мнѣ случай узнать эту прекрасную душу.

Насчетъ дѣтей моихъ вотъ мои предложенія. Я думалъ отвезти Катеньку и знакомую твою Машеньку въ Туринскій монастырь. Игуменя тамъ добрая и умная старуха, она ихъ всегда любила. Я имъ буду посылать безбѣдное содержаніе, и онѣ могутъ тамъ прожить года два или три, а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ. Это лучшее, что я могъ придумать въ настоящую минуту. Колю моего я возьму съ собою. По-

жалуйста выпиши себѣ «Жизнь Иисуса Христа», Неандра. Это дивное сочиненіе, написанное съ умомъ и съ теплою вѣрою.

Прости, любезный Евгений, Господь да пребудетъ съ тобою и съ твоимъ семействомъ. А. ф. д. Бригенъ.

Увѣдоми, когда думаешь пуститься въ путь. Да пожалуйста сообщи, что узнаешь касающагося до насъ. Здѣсь совершенная глушь.

II.

Письма Якова Казимірскаго—Е. П. Оболенскому.

1.

17-го февраля, Омскъ.

Дорогой мой князь Евгений Петровичъ!

Благодарю васъ за ваше доброе письмо отъ 20-го января, радуюсь, что нахожу въ васъ все того же добрѣйшаго, снисходительнаго и неизмѣннаго друга. На старости лѣтъ и больному, какъ я, отрадно чувствовать отголосокъ сердца!...

Я былъ въ Богеміи и частью въ Саксоніи;—болѣе нигдѣ не былъ: Мариенбадъ, Теплицъ и Дрезденъ насъ восхищали, и дѣйствительно все тамъ хорошо устроено, подъ благословеннымъ небомъ, и роскошная природа даетъ здоровье и счастье человѣку. Но какъ грустно возвращаться въ отечество! въ особенности мнѣ въ Сибирь!... Какая тутъ можетъ быть поправка здоровья? что было поправилось тамъ—то опять вновь расклеилось здѣсь! .. но все-таки милость Бога велика ко мнѣ, и я не долженъ роптать. Правда, что морозы въ 30° и болѣе съ 1-го февраля и по сегодня и кажется на долго, хоть какое здоровье покоробить, но упованіе есть, что должно быть и полегче, и солнце уже подогрѣваетъ, а все морозъ сильно морозить. У васъ вѣроятно теперь пахнетъ весною?

Недавно гостилъ у меня и ночевалъ добрѣйшій графъ Амура (Муравьевъ) проѣздомъ въ Петербургъ. Сколько добрыхъ часовъ онъ мнѣ подарилъ! 5-го марта я буду ожидать курьера его съ извѣщеніемъ о подробностяхъ будущаго графа: т. е. поѣдетъ ли онъ обратно или ускачетъ за границу; онъ боленъ и постарѣлъ. Довольно дѣйствовалъ, имѣетъ право отдохнуть, а сколько у него завистниковъ въ Петербургѣ и враговъ? и какъ злобный Иркутскъ выразилъ свою злобу на графа, по случаю несчастной дуэли Беклемишева, несмотря, что графъ былъ далеко, а все-таки обвинили его, какъ начальника, который будто училъ и внушалъ молодымъ людямъ буйство и звѣрство!... Какая глупая дичь и сплетня! назвали

молодежь шайкою убійць!...¹⁾ и этому вѣрили въ Петербургѣ! и даже писали въ газетахъ за границей!

Но истина рано ли, поздно ли, но всегда возьметъ свое, и графъ нашъ получить должное, т. е. ему отдадутъ справедливость, а клевета и низость будутъ наказаны.

Проѣзжая въ обратный путь черезъ Ялutorовскъ, мы остановились въ домѣ Балакшина и пили у нихъ чай. Сколько воспоминаній пробѣжало въ моей памяти!...²⁾), и образъ незабвеннаго убишаго друга! и васъ всѣхъ, и чудныя минуты давно бывшаго въ нашихъ бесѣдахъ... Мнѣ приходитъ на мысль, что если бы васъ не тронули изъ Ялutorовска, всѣ бы были живы и благополучны! Конечно, странная мысль и еще къ этой мысли мысль, что бракъ его съ Н. Д. убилъ почти его?... Вотъ идея! не правда ли, что дикая, а между тѣмъ она неоднократно приходила и приходитъ мнѣ въ голову!

Вы знаете, какъ его тиранили его сестры? какъ не хотѣли признать его дѣтей и проч. и проч., эти сердечныя неудовольствія сломали этотъ сильный организмъ и убили нашего И. И. (Пуцина).

Что дѣлать! вотъ и я подломанное дерево!...

Скажите, любезный другъ, хорошо ли поживаете вы въ Калугѣ? мнѣ сдается, что вы всѣ, ваша колонія хорошо устроились и хотя смирно и тихо, но хорошо. Увѣдомьте подробно и передайте мои поклоны и пожатіе руки и семьѣ вашей и всѣмъ друзьямъ. Только прошу не жать руку у Шамиля: на немъ много русской крови... Мнѣ кажется, онъ все еще волкъ, только на время въ овечьей шкурѣ! а ваши петербургскія барыни бѣгали за нимъ! это было на моихъ глазахъ.

Что вамъ сказать о себѣ? Я, право, не знаю, что будетъ со мною! моя участь теперь въ рукахъ Н. Н. (Муравьева-Амурскаго): онъ будетъ хлопотать. Жаль, что не накопилъ капиталъ, чтобъ жить въ отставкѣ... что дѣлать? самъ виновать!

Пишите, мой милый другъ! я буду вѣрнымъ вашимъ корреспондентомъ, обнимаю васъ! Глаза устаютъ, надобно отдохнуть. Преданный вамъ Яковъ Казимірскій.

P. S. А знаете ли, что мнѣ пришло въ голову, бывши въ Москвѣ? Начать писать записки нерчинскаго плацъ-маіора въ 1838 и 1839 году и потомъ коснуться до жизни вашей на поселеніи etc. etc...

Не знаю, хватить ли терпѣнія и силы на то? и знаете, кому посвящать эти записки?... ну, угадывайте сами, а я не скажу теперь, только не подумайте, что графу Амурскому; развѣ кому повыше, какъ это вамъ кажется? скажите *voire opinion la dessus*.

¹⁾ Точка въ подлинникѣ.

²⁾ Точка вездѣ въ подлинникѣ.

2.

12-го апрѣля 1859 г. (?)—Омскъ.

Съ наслажденіемъ прочиталъ листокъ вашъ отъ 2-го марта, полученный мною въ 1-й день великаго праздника, какъ красное яичко,—о князь Евгений Петровичъ! Первая мысль моя была о вашемъ добромъ сердцѣ и чрезвычайной мягкости вашихъ христіанскихъ чувствъ! что вы за доброе и при томъ милое существо! и хотя бываютъ и у васъ капризы, но ensemble вашъ превосходный!... Вы истинный христіанинъ и при томъ хорошій проповѣдникъ, что сказалъ мнѣ (выслушавъ часть вашего письма) нашъ Степанъ Яковлевичъ, онъ кланяется вамъ, благодарить и будетъ писать.

Прежде всего надобно съ вами похристосоваться въ этомъ письмѣ, хотя въ первый же день я это исполнилъ мысленно, читая ваши строки.—Христосъ Воскресъ! и да воскреснетъ въ Россіи давно умершая благодатная свобода и честная служба! а главное любовь къ отечеству въ дворянскомъ сословіи, которое не можетъ похвалиться этимъ чувствомъ ни въ древнія времена, ни въ позднія, потому что защищаться отъ вторженія непріятели въ наши предѣлы, въ нашу собственность не есть выраженіе любви къ отчизнѣ, а болѣе чувство самосохраненія и боязни!

Теперь обратимся къ тѣмъ высокоутѣшительнымъ словамъ, которыя ваше сіятельство изволили изречь касательно моей полезной службы, касательно моего дѣятельнаго участія въ современномъ великомъ переворотѣ въ Россіи!...

О князь, милый, добрый! о мечтатель! о златоустъ, хотя не Іоаннъ!—Въ какомъ вы заблужденіи! Правда, я принадлежу къ общему механическому колесу администраціи, но не въ видѣ дѣятельности—что составляетъ всю мою ничтожность и мое горе,—я есть клочекъ главной идеи Николая и хоть меня поддерживаетъ мысль, что я, представляя с е й к л о ч е к ѣ, повернулъ его въ другую сторону, смягчилъ его и умѣлъ выразить въ немъ нѣчто хорошее, которое не отвращало честныхъ людей, а напротивъ заставляло ихъ касаться онаго, какъ вещь полезную и добрую отличительнаго рода, но въ сущности не было положительнаго дѣла, ни положительнаго добра и если была польза, то собственно отъ моего поэтическаго настроенія и только индивидуально! поняли мою фразу?—она довольно напутана и годится на московскій спичъ въ концѣ обѣда и послѣ 10-го бокала!.... Довольно.

Между тѣмъ обращаюсь къ современному вопросу, который составляетъ главный разговоръ въ Россіи и главную (дай Богъ) дѣятельность нашего эгоистическаго и явѣжественнаго дворянства (простите мою дерзость) и бывши свидѣтелемъ и слушателемъ этихъ толковъ въ Петер-

бургѣ, Москвѣ, Нижнемъ и Казани, я не замѣтилъ ни одной звѣздочки на этомъ горизонтѣ, которая порадовала бы русское сердце. Толки, страсти, своекорыстіе и скрытое нехотѣніе.... Въ Сибири же у насъ даже нигдѣ и никогда объ этомъ и не толкуютъ!

О Сибирь глухая! были бы пыльмени да генераль-губернаторы!—будутъ сыты, будутъ чиновники и будутъ взятки!—а болѣе намъ ни до чего дѣла нѣтъ.

Я доволенъ вашимъ свиданіемъ съ Ростовцевымъ и если это не была комедія со стороны этого лица—я буду уважать и любить этого царедворца и вычеркну его имя изъ списка гасителей.

Я согласенъ съ вами, что наше высшее духовенство, то-есть архіереи, просвѣщенно и высоко; но къ чему они продолжаютъ, исподтишка, гнать раскольниковъ? почему они не гонятъ въ шею невѣжество въ полахъ и въ монахахъ—ихъ корыстолюбіе и развратъ?....

О миссіи въ Іерусалимъ я узналъ только въ вашемъ письмѣ. Я не смѣю судить о степеніи самоотверженія офицеровъ, обратившихся въ іеромонаховъ (!) и отправляющихся въ Святую землю.—Постигаю, что значить этотъ обѣтъ, но слишкомъ развращенъ, чтобъ постигать необходимость этой жертвы, хотя читаю письма святогорца и читаю съ благоговѣніемъ.

Ваши предвидѣнія увлекательны—то же пишетъ и Поджіо; я слишкомъ много терся въ грязи русскаго принсипа и много практически испыталъ духъ и направленіе благороднаго юношества и купечества нашего, а потому сомнѣваюсь, чтобъ съ новымъ поколѣніемъ грядущимъ пошло возрожденіе успѣшно и плавно! Потребно большихъ усилій, переломовъ, можетъ быть продолжительной борьбы... но что мы знаемъ? что такое умозрѣніе челоуѣка? чепуха или вздоръ. Какія огромныя царства, какія народонаселенія въ мірѣ исчезли съ лица земли, которыхъ теперь осталось одни слѣды едва замѣтные?.... а развѣ онѣя не мечтали о продолжительности своего бытія?—а грозный Римъ? Все въ рудѣ Бога, а челоуѣкъ съ его мудрованіемъ есть прахъ и ничтожество.—Такъ будетъ, какъ будетъ угодно Создателю міра.

Пожалуйста пришлите свой портретъ.

Прошу васъ передать отъ меня поклоны и привѣтствія во-первыхъ вашей сестрицѣ, которую я весьма помню и глубоко уважаю, вашей супругѣ, благодаря ихъ душевно за память обо мнѣ, и поцѣловать вашихъ дѣтушекъ за меня, внушая имъ, что есть на свѣтѣ, далеко на сѣверѣ, челоуѣкъ, любящій и уважающій папашу ихъ давно и всегда.

Кончаю писаніе—жаль мнѣ васъ стало—вѣрно, утомились, читая мою чепухоманію. Будьте здоровы и пишите.

Преданный неизмѣнно Яковъ Казимірскій.

P. S. Поблагодарите сестрицу вашу за то гостепрїимство, радушіе и

любезность, съ которою я неоднократно былъ принятъ въ ихъ домѣ въ Москвѣ и которыя буду помнить всегда.

Давно ужъ было это!

3.

3-го сентября 1859 г. (?) Омскъ.

Какъ я виноватъ передъ вами, мой добрѣйшій Евгений-Рюрикъ! мой очаровательный метафизикъ, физикъ и пастырь слова Божія!

Виноватъ по молчанію—но по духу и сердцу всегда правъ передъ вами.

За милое, ласковое письмо отъ 25-го іюня я заплатилъ вамъ неблагодарно, но я говѣлъ въ августѣ и каюсь, и получилъ разрѣшеніе.

Простите и вы.

Знаете ли вы мои грѣхи? между многими есть мѣстный: это ненависть къ Омску!—но я увѣренъ, что если бы въ Омскѣ переселить прежнихъ ялutorовцевъ—моихъ друзей—я полюбилъ бы горячо этотъ же самый Омскъ, и мы совокупно истребили бы дурную траву, которая растетъ тамъ и заражаетъ воздухъ. — Сильно сказано!

Ваша правда, дворянство наше отживаетъ свой вѣкъ! вольно же ему быть такимъ, каковымъ оно было вѣка!... Вѣка пронеслись съ мыслью, что для него сотворены 12 милліоновъ душъ, чтобъ только угождать и работать для похотей и страстей сего дворянства, котораго достоинства состояли въ обѣдахъ и обстановкѣ дома, а потому не говорите «что бѣдное дворянство», а назовите лучше нелѣпымъ!

Укажите мнѣ случаи, гдѣ дворянство и когда оно выказало высокую черту, одну черту любви къ отечеству?... не скажите, что 1812 годъ, потому что то была общая, необходимая защита своей собственности, а въ 1612 году—самый рѣзкій пробный годъ рыцарства русскаго, что выказало дворянство?

Но да простятъ ихъ Богъ и простятъ люди, которыхъ они мучили и содержали какъ не людей, а скотину.

Вы приглашаете меня, добрый другъ, на радостное свиданіе ваше?—какъ бы я полетѣлъ къ вамъ; но развѣ это можно мнѣ и по разстоянію и по службѣ?

Есть средство впереди, о которомъ я сейчасъ писалъ къ Пущину и пишу къ вамъ, это то, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ на мѣсто Перфильева, какъ разъ въ центрѣ моихъ ялutorовскихъ друзей; тогда бы я развѣзжалъ къ нимъ и жизнь была бы для меня весьма радостная!

Но какъ это сдѣлать? Мнѣ суждено хандрить въ этомъ непристойномъ Омскѣ, и я ужасно ошибся, полагая, что вотъ судьба непремѣнно

вызоветъ меня изъ Сибири при возвращеніи моихъ рыцарей, съ которыми судьбою же я нечаянно былъ тамъ связанъ и физически и морально; но вышло иначе! за грѣхи мои я остался прикованнымъ къ безотрадной Сибири да еще Западной!

Радуюсь извѣстію, что нашъ Батеньковъ получилъ свои 3.000 р. съ процентами, обнимите его за меня и скажите, что собираюсь писать къ нему.

Обнимаю васъ дружески и прошу передать мое привѣтствіе и поклонъ вашей супругѣ. Преданный другъ Як. Казимірскій.

Сообщ. княг. **Мар. Гр. Оболенская.**

Рескрипты князю Салтыкову.

1.

О побѣдѣ надъ Наполеономъ.

11-го іюня 1815 г. Гейдельбергъ.

По приказанію моему начальникъ главнаго штаба моего генераль-адъютантъ князь Волконскій доставляетъ вамъ вмѣстѣ съ симъ извѣстіе о знаменитой побѣдѣ, одержанной надъ непріятелемъ фельдмаршалами Велингтономъ и Блюхеромъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ успѣхомъ таковымъ, яко знаменіемъ милосердія Божескаго, сопутствующаго правому дѣлу. Возлагая твердое упованіе на Всевышняго, я надѣюсь, что мощная десница Его не попуститъ торжествовать злодѣйству, увѣнчаетъ союзныя войска новыми побѣдами и ускоритъ тѣмъ окончаніе возникшей брани.

2.

О порученіи министру полиціи Балашеву ревизіи губерній и водвореніи порядка.

11-го іюня 1815 г.

Отправляя съ извѣстіемъ объ одержанной надъ непріятелемъ побѣдѣ генераль-адъютанта моего и министра полиціи Балашова, я, во вниманіе къ пользамъ службы, признаю за лучшее остаться ему въ Россіи, для употребленій соотвѣтственныхъ (его) опытности, пріобрѣтенной имъ при отправленіи разныхъ государственныхъ должностей.

Получая свѣдѣнія, что во внутреннихъ нѣкоторыхъ губерніяхъ открываются упущенія, я поручаю вамъ воспользоваться въ семъ случаѣ усердіемъ и способностью министра полиціи, возложивъ на него ревизію губерній, обращающихъ болѣе прочихъ вниманіе на себя и приведенія въ законный порядокъ всего того, что найдетъ оныя разстроенымъ. Донесенія его должны поступать черезъ васъ въ комитетъ министровъ, а мнѣ представлять бы оныя только о предметахъ, времени не терпящихъ и превышающихъ власть, комитету данную.

Желательно мнѣ также, чтобы съ осмотромъ губерній вошелъ министръ полиціи въ способы снабженія столицы жизненными припасами, дабы ввести умѣренныя всему цѣны, кои до невѣроятности, какъ я слышу, возвысились и чему причиною не полагаю инаго, какъ злоупотребленіе и монополію.

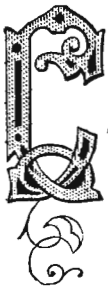

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779 — 1831 гг. ¹⁾.

VIII.

Измайловъ — редакторъ-издатель. — «Благонамѣренный» — «Сочиненія Озерова». — «Календарь музъ».

Въ журналѣ «Благонамѣренный» по имени знакомъ всякій, кто читалъ «Евгенія Онѣгина»; но большинство имѣеть о немъ превратное понятіе, основанное на невѣрномъ толкованіи аттестаціи, данной «Благонамѣренному» великимъ поэтомъ. Въ романѣ Пушкина есть такіа строки:

„Я знаю: дамъ хотять заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ“...

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ этимъ строкамъ Пушкинъ по существу дѣла не далъ сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія ¹⁾, да и не могъ дать, ибо самый журналъ не заключалъ въ себѣ ничего такого, что бы дѣлало его неудобнымъ для чтенія прекрасному полу, а, пожалуй, наоборотъ. Объяснить неблагосклонный отзывъ поэта, дающій большинству поводъ подозрѣвать «Благонамѣренный» въ нѣкоторой нецѣломудренности, можно двояко.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1901 г. январь.

²⁾ Оно говоритъ только о халатности Измайлова и его откровенности.

*

Во-первыхъ, Пушкинъ, давая отзывъ о журналѣ, имѣлъ въ виду не содержаніе его, а личность самого его редактора, какъ писателя, произведенія котораго иной разъ замѣтно отзывались циничной сатирой. Во-вторыхъ, тутъ были замѣшаны личные счеты этихъ писателей. Пушкинъ имѣлъ нѣкоторое основаніе считать Измайлова въ числѣ своихъ литературныхъ враговъ, которыхъ, какъ извѣстно, онъ любилъ при случаѣ «взбѣсить дерзкой эпитаграммой», выбирая для удара самое чувствительное мѣсто противника. Такимъ чувствительнымъ мѣстомъ Измайлова-писателя было присвоенное имъ званіе «писателя для дамъ»; Пушкинъ и воспользовался имъ, но выбралъ неудачную позицію и, мѣтя въ журналъ, попалъ въ его редактора. Правда, въ данномъ случаѣ, поэтъ далъ промахъ, но цѣль до нѣкоторой степени оказалась достигнутой: журналъ былъ задѣтъ.

Позволивъ себѣ сдѣлать это, на нашъ взглядъ, необходимое отступленіе, переходимъ къ обзорѣннѣю «Благонамѣреннаго». Не преслѣдуя въ нашей работѣ цѣлей библиографическихъ, мы не намѣрены утомлять вниманія читателя подробнымъ перечнемъ статей и сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», равно какъ входить въ детальныя изслѣдованія каждаго отдѣла журнала; отсылаемъ читателя къ упомянутой выше статьѣ Галахова и книгѣ Колюпанова, посвященной біографіи А. И. Кошелева, гдѣ читатель найдетъ не мало подробностей, которыя мы опустимъ, какъ излишнія для нашей цѣли. Мы отвѣтимъ лишь на вопросы, кажущіеся намъ наиболѣе важными и возникающіе прежде всего при изученіи любого журнала, выходившаго въ свѣтъ—по старинному выраженію—«для вкуса и разума» читателей. Вопросы эти слѣдующіе: какова программа, содержаніе и направленіе журнала, какъ онъ относился къ современнымъ ему теченіямъ и направленіямъ въ нашей жизни, къ наукамъ и искусствамъ и какъ выражалъ свои отношенія, какое занимаетъ онъ мѣсто между другими, подобными ему періодическими изданіями и что въ немъ своего, характернаго, оригинальнаго и достойнаго замѣчанія и, наконецъ, какъ отразилось на немъ вліяніе лицъ, стоявшихъ во главѣ его.

За нѣсколько мѣсяцевъ, до появленія въ свѣтъ «Благонамѣреннаго» Измайловъ помѣстилъ на страницахъ «Сына Отечества» ¹⁾ объявленіе о предполагаемомъ изданіи и изложилъ въ общихъ чертахъ программу его, согласно которой журналъ долженъ былъ имѣть два главныхъ отдѣла: 1) литература, наука, художества, политика, 2) смѣсь; но, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ книжекъ журнала (12 въ годъ), издатель обѣщаль постепенно расширять программу. Дѣйствительно, въ концѣ каждаго года (а иногда и среди года) Измайловъ давалъ торжественныя

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1817 г. № 45.

объщанія сдѣлать болѣе содержательнымъ тотъ или другой отдѣлъ, прибавить новый, обратить особенное вниманіе на какую-либо сторону изданія и т. п., но большинство общаній издателя, равно какъ увѣренія его въ исправной выдачѣ книжекъ журнала, оставались лишь общаніями, благими намѣреніями, надъ которыми рѣдко кто упускалъ случай поострить.

У издателя было единственное, но всегда готовое оправданіе, которое онъ предупредительно поставилъ эпиграфомъ своего журнала: выраженіе «On fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut»—красовалось на обложкѣ каждой книжки «Благонамѣреннаго»¹⁾; впрочемъ, иногда оправданія носили болѣе частный характеръ:

„Какъ русскій человѣкъ, на правдникъ загулялъ,
„Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ“;

извинялся однажды Измайловъ передъ публикой.

Съ первыхъ же книжекъ «Благонамѣреннаго» публика узнала, что имѣетъ дѣло съ своимъ старымъ знакомымъ, достолюбезнымъ, добродушнымъ фабулистомъ А. Е. Измайловымъ, который, какъ попечительный предсѣдатель Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и первый другъ и покровитель молодыхъ «словесниковъ»²⁾, пришелъ вновь къ нимъ на помощь: затѣялъ журналъ и вполнѣ предоставилъ его своей молодой редакціи. Сѣренькія страницы «Благонамѣреннаго» запестрѣли произведеніями едва, мало или совершенно неизвѣстныхъ до сего публикѣ писателей...

Нѣкоторый успѣхъ Измайловъ имѣлъ: были сотрудники, были подписчики. Но посмотримъ, имѣлъ ли «Благонамѣренный» успѣхъ нравственный и удовлетворялъ ли онъ требованіямъ читателя истинно-просвѣщеннаго. Вотъ, что писалъ о такомъ успѣхѣ одинъ изъ современниковъ—Н. И. Тургеневъ: «Измайловъ представилъ новое доказательство, что для успѣха недостаточно одного только намѣренія»³⁾.

Дѣйствительно, не говоря о томъ, что читателю «Благонамѣреннаго» рѣдко удавалось встрѣтить въ этомъ журналѣ серьезную статью по какой-либо отрасли науки или искусства (политикой, можно сказать, журналъ совсѣмъ не интересовался), читателя не могъ удовле-

¹⁾ Въ послѣдніе годы изданія Измайловъ взялъ эпиграфъ для своего журнала изъ Буало: «Aimez qu'on vous conseille et non pas qu'on vous loue».

²⁾ К. Н. Батюшковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ кн. П. А. Вяземскому такъ отозвался объ Измайловѣ, какъ открывателѣ новыхъ талантовъ: „Такъ все преходитъ, все исчезаетъ! На развалинахъ словесности останется одинъ столпъ—Хвостовъ, и Измайловъ изъ утробы своей родитъ новыхъ словесниковъ, которые снова будутъ писать и печатать“. («Сочиненія», т. III, стр. 185).

³⁾ „Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“, т. I, стр. 102.

творить и отдѣлъ литературный, который наводнялся стихотвореніями; послѣднія и составляли главное содержаніе «Благонамѣреннаго».

Правда, въ первые годы существованія «Благонамѣреннаго» его издателю удавалось получать отъ авторовъ для читателей своего журнала произведенія такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Дельвигъ, кн. Вяземскій, Боратынскій, Рылѣевъ, Козловъ, но съ теченіемъ времени эти поэты отстранились отъ «Благонамѣреннаго», и Измайловъ долженъ былъ уступать мѣсто другимъ «силамъ». Отдѣлъ стихотвореній поражалъ читателя своимъ обиліемъ и... малосодержательностью и отсутствіемъ серьезности; въ отдѣлѣ этомъ (въ продолженіе восьми лѣтъ) участвовало свыше 200 сотрудниковъ, упражнявшихся во всѣхъ видахъ стихотворныхъ произведеній, начиная съ одъ, поэмъ, идиллій, элегій и т. д., кончая эпитафіями, акростихами, рондо, шарадами... Насладившись такой поэзіей, читатель обращался къ прозѣ и здѣсь нерѣдко встрѣчалъ, на-ряду съ посредственными переводами, оригинальныя статьи, изъ которыхъ инныя ему приходилось читать за много лѣтъ раньше; заглянувъ же въ статьи характера критическаго, постоянный читатель «Благонамѣреннаго» не удивлялся, если встрѣчалъ въ нихъ подсмѣиванья, хихиканія, а иной разъ (что, впрочемъ, бывало рѣдко) и серьезный судъ надъ такого рода произведеніями, подобныя которымъ нетрудно было отыскать на страницахъ того же «Благонамѣреннаго», и надъ такими литературными направленіями, въ духѣ которыхъ писали сотрудники того же журнала. Бывали даже и такіе случаи, что простодушный до наивности издатель «Благонамѣреннаго» давалъ мѣсто на страницахъ своего журнала письму, въ которомъ читатель находилъ критику на произведенія, помѣщенные въ «Благонамѣренномъ» же, и критику далеко не лестную... Говорить о какомъ-либо строгомъ направленіи журнала Измайлова было бы напрасно: «Благонамѣренный» не имѣлъ никакого опредѣленнаго направленія (что, впрочемъ, замѣчается въ большей части періодическихъ изданій того времени) и отнюдь не относился серьезно къ своимъ задачамъ учено-литературнаго органа. И понятно, что людямъ, предъявлявшимъ строгія требованія къ журналу, смотрѣвшимъ на періодическое изданіе, какъ на носителя и проводника извѣстныхъ идей, такимъ людямъ, какъ Н. И. Тургеневъ, кн. П. А. Вяземскій и т. п., «Благонамѣренный» нравиться не могъ, и они читали его за неимѣніемъ лучшаго. «Я здѣсь жажду всякой русской дряни:

„И дрянь отечества сладка намъ и пріятна“,

писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу, пародируя извѣстный Державинскій стихъ ¹⁾ и прося своего друга выслать ему за границу

¹⁾ „Отечества п дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“ (Сочиненія Державина, т. II, стр. 192).

«Сына Отечества» и журналъ Измайлова ¹⁾). Но, не имѣя самъ строго опредѣленнаго направленія, «Благонамѣренный», какъ журналъ, все же интересовавшійся наиболѣе литературой, откликался на всѣ литературныя направленія своего времени.

Другое дѣло, какъ относилась публика и писатели къ выраженіямъ журналомъ своихъ симпатій или антипатій, но выраженія эти для историка литературы настолько любопытны и своеобразны, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Мы уже сказали, что главнымъ содержаніемъ «Благонамѣреннаго» были стихотворенія.

Обиліе стиховъ въ журналѣ Измайлова и вообще въ журналахъ его и предшествоващаго ему времени ²⁾ проистекало отъ того ложнаго и своеобразнаго взгляда на стихи (какъ на «мѣрную рѣчь болѣе приятную для слуха, чѣмъ проза») ³⁾, который могъ измѣниться въ нашемъ обществѣ лишь при болѣе развитомъ пониманіи литературныхъ произведеній путемъ теоретическихъ сочиненій, или помощью непосредственнаго знакомства съ произведеніями такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и его блестящей плеяды. Но пока второго не появлялось еще во всемъ его блескѣ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, а первое находилось лишь въ зародышѣ, наши журналы наводнялись виршами, въ морѣ которыхъ исчезали часто незамѣченными и перлы истиннаго вдохновенія; примѣромъ послѣдняго можетъ служить «Благонамѣренный». Измайловъ, заручившись согласіемъ «лучшихъ литераторовъ», не удовольствовался количествомъ доставляемыхъ ими произведеній и открылъ свой журналъ для всѣхъ желавшихъ принести на страницы его свои «мусическіе опыты», при чемъ печаталъ ихъ, не прилагая къ нимъ строгой оцѣнки. Но скоро издателю пришлось нѣсколько поплатиться за такое снисходительное отношеніе, причиной котораго было не что иное, какъ легкомысленное понятіе о поэзіи: въ редакцію его изъ столицъ и изъ далекой провинціи пересылались цѣлые «пуки стиховъ», при томъ въ такомъ изобиліи, что издатель принужденъ былъ неоднократно «убѣдительно» и «слезно» просить авторовъ о пощадѣ... Но одержимые маніей стихотворства не унимались: на нихъ не дѣйствовали ни просьбы, ни угрозы редактора, ни пародіи, ни другія какія-либо мѣры осмѣянія ихъ маніи. Не могли подѣйствовать на нихъ и помѣщавшіяся иногда въ «Благонамѣренномъ» серьезныя статьи по вопросамъ историко-литературнымъ, разъяснявшія достоинства истинной поэзіи и т. п., ибо они постоянно убѣжда-

¹⁾ „Остафьевскій архивъ“, т. I, стр. 95.

²⁾ См. жалобу на это въ статьѣ „Письмо въ Тамбовъ о новостяхъ рус. словесности“ („Благонам.“, т. XXVI).

³⁾ Ср. статью Томила „О романахъ“ („Благонамѣр.“, 1822, VII).

лись, что на страницахъ того же журнала рядомъ съ осмѣяніемъ удобно помѣщались и предметы осмѣянія.

Напримѣръ, «Благонамѣренный» признавался, что не любитъ шарады, логогрифовъ, омонимовъ, элегій, сентиментальныхъ воздыханій и т. п.; но подобнаго рода произведеній, принадлежащихъ порой перу самого редактора, можно найти на страницахъ журнала Измайлова громадное количество. Выше мы отмѣтили, что въ стихотворномъ отдѣлѣ «Благонамѣреннаго» читатель могъ встрѣтить все формы поэтическихъ произведеній; но количественный перевѣсъ брали мелкія стихотворенія и при томъ, такъ сказать, легкаго рода, какъ-то: стихотворенія на случай, альбомныя, мадригалы, экспромпты, эпитафій, эпиграммы и т. п.; замѣтимъ, что и болѣе крупныя литературныя имена встрѣчаются въ «Благонамѣренномъ» подъ произведеніями также незначительными.

Наиболѣе ревностными сотрудниками этого отдѣла, кромѣ самого редактора, были В. И. Панаевъ, М. В. Милоновъ, Б. М. Оедоровъ, О. Глинка, А. Илличевскій и др.

Но если въ отдѣлѣ стихотворномъ отсутствовали серьезность и какое-либо опредѣленное направленіе, то напрасно ожидать этихъ качествъ и въ отдѣлѣ «изящной прозы». Главными работниками въ послѣднемъ отдѣлѣ, кромѣ Измайлова, помѣстившаго нѣсколько остроумныхъ сатирическихъ статей и повѣсть «Ибрагимъ и Османъ», напечатанную раньше въ «Любитель Словесности» (1806, №№ 11 и 12), были В. И. Панаевъ, Плетневъ, давшій два юмористическихъ разсказа («Ученый споръ» и «Медоръ»), Марлинскій и П. Л. Яковлевъ¹⁾, бывшій помощникомъ своего дяди-редактора.

На этотъ отдѣлъ Измайловъ, казалось, обращалъ еще менѣе вниманія, чѣмъ на стихотворный, и нисколько не стѣснялся угощать своихъ подписчиковъ иногда въ буквальномъ смыслѣ ученическими опытами или разсказами «на заданныя слова». Такъ обстояло дѣло съ оригинальной беллетристикой.—Что касается переводной, превосходившей количественно оригинальную, то на страницахъ «Благонамѣреннаго» можно встрѣтить въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ произведенія Ж. Ж. Руссо, Бульи, Байрона, В. Скотта, Ж. П. Рихтера, Вейса, Сталь, Жан-Лисъ, Лафонтена, наконецъ, Стерна и его подражателей и мн. др.; кромѣ того, журналъ изобиловалъ передѣлками и подражаніями нѣкоторымъ изъ названныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи «Благонамѣренный» ничѣмъ не отличался отъ другихъ нашихъ журналовъ, слѣдившихъ знакомить публику съ тѣми или другими популярными на Западѣ писателями безъ всякаго разбора.

Еще слабѣе былъ отдѣлъ научный, который наполнялся главнымъ

¹⁾ О статьяхъ П. Л. Яковлева скажемъ нѣсколько словъ ниже.

образомъ произведеніямъ, предварительно читанными на засѣданіяхъ упомянутаго выше Вольнаго Общества. Изъ оригинальныхъ статей отмѣтимъ слѣдующія: «Краткое описаніе дѣлъ императрицы Екатерины II-й», «Опытъ російскихъ синонимовъ» (Д. М. Княжевича), «Жизнеописаніе кн. Я. Ѳ. Долгорукова» (Перевощикова), «О пастушеско-поэзіи» (Панасва); сюда же можно отнести: «Переписку генераль-майора де Генина съ Петромъ Великимъ и разными особами», «Отрывки изъ путешествія въ Персію дипломатическаго чиновника при посольствѣ Ермолова въ 1817 году»; затѣмъ рядъ статей историко-литературнаго характера о Виландѣ, Клопштокѣ, эпическихъ поэтахъ (Гомерѣ, Виргиліи, Камознѣ, Мильтонѣ, Тассѣ и Вольтерѣ) и др. Заслуживаютъ также вниманія переводныя статьи изъ «Теоріи изящнаго» Зульцера, изъ «Уроковъ» Блера, «Объ идилліи» Жоффре, рѣчь Бюффона «О слогѣ или объ искусствѣ писать» и другія.

Всего сказаннаго объ этихъ трехъ отдѣлахъ «Благонамѣреннаго», полагаемъ, достаточно, чтобы судить, насколько—съ одной стороны—журналъ Измайлова былъ бѣденъ содержаніемъ, съ другой—насколько редакторъ-издатель его былъ далекъ отъ какой-либо руководящей идеи и чуждъ серьезному пониманію задачъ человѣка, стоящаго во главѣ періодическаго изданія. Последнее обнаружится еще болѣе, если мы присмотримся къ тѣмъ статьямъ «Благонамѣреннаго», какъ журнала литературнаго по преимуществу, гдѣ онъ высказывался по поводу тѣхъ или иныхъ литературныхъ направленій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ продолженіе восьми лѣтъ.

Когда начали появляться въ свѣтъ книжки «Благонамѣреннаго», борьба между послѣдователями Карамзина и приверженцами Шишкова уже стихала; новое движеніе въ нашей литературѣ, произведенное Карамзинымъ, привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе и находило себѣ противниковъ лишь со стороны немногочисленныхъ закоснѣлыхъ и упрямыхъ шишковистовъ; съ ними-то «Благонамѣренный» и его редакторъ иногда сводили счеты.

Измайловъ, какъ мы уже знаемъ, съ самаго начала своей литературной дѣятельности выказалъ себя сторонникомъ Карамзина, скоро усвоивъ себѣ новый «стиль» и ставъ во главѣ общества и журналовъ, работавшихъ за нововводителей; мало того, въ свое время онъ заплатилъ дань сентиментализму, да и въ остальное время своей дѣятельности не покидалъ къ нему симпатій. «Писатель для дамъ», онъ до конца дней своихъ любилъ вписывать въ альбомы нѣжныя строки, охотно отводилъ страницы своего журнала для произведеній съ извѣстной долей чувствительности и лично никогда рѣзко не высказывался даже противъ чрезмѣрныхъ увлеченій ею. Но не такъ смотрѣли на сентиментализмъ нѣкоторые сотрудники «Благонамѣреннаго» и

главный помощникъ самого редактора—П. Л. Яковлевъ. Послѣдній былъ самымъ жестокимъ гонителемъ дошедшихъ до крайности послѣдователей чувствительности, осмѣяніе которой было главнымъ содержаніемъ всей литературной дѣятельности этого мало извѣстнаго писателя.

Онъ писалъ въ «Благонамѣренномъ» подъ псевдонимами: ій, оы, j, Илья Остоженскій, Лужницкій старецъ, Я., П. Л. и т. д. Въ журналѣ Измайлова онъ помѣстилъ между прочимъ: «Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту», «Несчастье отъ слезъ и вздоховъ», «Разказы Лужницкаго старца» и комедію въ одномъ дѣйствіи «Бѣдный Макарь»; особеннаго вниманія заслуживаетъ повѣсть «Несчастье отъ слезъ и вздоховъ», гдѣ весьма живо и забавно описывается судьба сентиментальнаго человѣка Ераста Лидоровича Чертополохова. Осмѣяніе сентиментализма можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ эпиграммахъ, помѣщенныхъ въ «Благонамѣренномъ».

Но если редакторъ «Благонамѣреннаго» и его сотрудники не со всѣмъ сходились во взглядахъ на сентиментализмъ, за то они дружно стали на защиту «новаго стиля», подвергавшагося осужденію шишковистовъ: журналъ серьезно доказывалъ, что «славянскія слова талантовъ не даютъ» и въ рецензіяхъ, писанныхъ безъ всякаго раздраженія, и въ запальчивыхъ отзывахъ по поводу переводовъ, дѣланныхъ «старобрядцами нашей словесности», укоряя послѣднихъ въ незнаніи русской грамматики, духа русскаго языка, вкуса и приличія, и въ болкихъ эпиграммахъ.

Но, выразивъ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно свои отношенія къ движенію, произведенному Карамзинымъ, которое къ началу 20-хъ годовъ было уже достаточно выяснено и оцѣнено, «Благонамѣренный» окончательно не могъ разобраться въ другихъ направленіяхъ нашей литературы, которыя въ его время начали возникать и получать силу; онъ не понималъ и не могъ понять этихъ новыхъ теченій; поверхностныя наблюденія надъ ними и неподготовленность къ воспріятію ихъ породили въ его редакціи смутныя о нихъ представленія, которыя «Благонамѣренный» разнорѣчиво и смутно выражалъ. Мы имѣемъ въ виду романтизмъ старой и новой школъ. Правда, не одинъ «Благонамѣренный» и его редакция, но большинство нашей публики, не исключая и писателей, имѣли о романтизмѣ смутное представленіе, отчего и происходило—по выраженію Галахова—«соединеніе подъ однимъ знаменемъ Шиллера, Байрона, Мура, Жуковскаго и Пушкина, какъ романтиковъ, то-есть такихъ поэтовъ, произведенія которыхъ отличаются глубокими чувствами и прелестями мечтательности, составляющими сущность поэзіи романтической».

Обаяніе имени Жуковскаго удерживало нашихъ критиковъ, въ томъ числѣ и критиковъ «Благонамѣреннаго», отъ строгаго осужденія роман-

тической поэзіи, но смутное пониманіе послѣдней лишило ихъ нерѣдко возможности отличить истинныхъ романтиковъ отъ «романтиковъ-самозванцевъ», позволявшихъ себѣ писать въ романтическомъ духѣ всякія нелѣпости. «Благонамѣренный» любилъ посмѣяться надъ приторными элегиками, надъ чудовищными балладами неумѣренныхъ послѣдователей Жуковского, но иногда и прямо выражалъ свое несочувствіе основамъ романтической поэзіи, возставая противъ «философическаго», «мистическаго» элементовъ, введенныхъ въ поэзію нѣмцами, а также противъ туманныхъ и нелѣпыхъ выраженій, какъ прямыхъ слѣдствій этихъ нововведеній¹⁾; послѣднее въ особенности относилось къ переводчикамъ нѣмецкихъ оригиналовъ, которыхъ «Благонамѣренный» называлъ тевтоно-россами.

Что касается самого Измайлова, онъ—по собственному признанію—не былъ пригоденъ для произращенія элегій и туманныхъ чувствъ, и романтизмъ не могъ ему нравиться; если же онъ не высказывался открыто, то въ данномъ случаѣ, какъ справедливо замѣтилъ Галаховъ, его останавливала слава Жуковского, уваженіе къ первому и послѣднему нашему романтику.

Не высказавъ своего опредѣленнаго взгляда на романтизмъ, но и не ставъ рѣшительно на его сторону, «Благонамѣренный» также неясно выразилъ свои отношенія къ классицизму. Съ одной стороны, онъ вполне признавалъ важность заслуги Гнѣдича, «обогатившаго русскую словесность переводомъ Омира», и устами одного изъ своихъ выдающихся сотрудниковъ—кн. Н. А. Цертелева («Жителя Васильевского Острова»), признавалъ классицизмъ, осуждая романтизмъ въ принципѣ; но въ то же время онъ считалъ гекзаметръ малосвойственнымъ нашему языку и въ спорѣ о гекзаметрѣ, спорѣ, поднявшемся на страницахъ тогдашнихъ журналовъ и не прекращавшемся нѣсколько десятилѣтій, «Благонамѣренный» выказалъ себя противникомъ этого размѣра. Правда, онъ опять-таки не давалъ какихъ-либо серьезныхъ объясненій, но отдѣлывался шутками, хотя и весьма любопытными. Такъ, онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ басню нѣкоего Анонима: «Лягушка и Волъ», при чемъ басня эта, дабы строки «не ломались», была напечатана не поперекъ страницы, а вдоль («Благонамѣр.» 1820, № 9, стр. 197). Подлѣ нея находимъ слѣдующее замѣчаніе редактора:

„Притчей размѣромъ такимъ, господинъ анонимъ, не пишете,
Или пишете, да только въ журналъ мой, прошу васъ, не шлите“.

¹⁾ Особенно нападалъ на романтиковъ въ «Благонамѣренномъ» „Житель Васильевского острова“, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть кн. Н. А. Цертелева, а не Ор. Сомова.

Но, когда анонимъ прислалъ еще нѣсколько опытовъ въ этомъ родѣ, редакторъ не замедлилъ подѣлиться ими съ своими читателями, ибо опыты эти были не что иное, какъ насмѣшка надъ «любителями гекзаметра», а Измайловъ, какъ ояъ самъ однажды выразился, терпѣть не могъ этого размѣра ¹⁾. Кромѣ того, редакторъ не разъ подсмѣивался надъ этимъ размѣромъ и въ своихъ «Сатирическихъ Вѣдомостяхъ», печатавшихся въ нѣкоторыхъ книжкахъ «Благонамѣреннаго» (См. «Сочиненія», т. II, стр. 276, 289). Но этими шутками и остротами «Благонамѣренный» и окончилъ свой счетъ съ гекзаметромъ, ибо серьезныя критическія замѣчанія, раза два промелькнувшія на его страницахъ, были весьма поверхностны.

Впрочемъ, «Благонамѣренный» (да и не онъ одинъ) и не могъ выставить какихъ-либо основательныхъ возраженій противъ гекзаметра, равно какъ не въ силахъ былъ положительно высказаться вообще о классицизмѣ, ибо еще далеко было то время, когда—если не все наше общество,—то хотя бы выдающіеся представители его имѣли болѣе или менѣе основательное знакомство съ классической литературой и міромъ древнихъ. Разумная оцѣнка истиннаго классицизма и опредѣленіе степени его пригодности для насъ могли исходить лишь отъ лицъ, понимавшихъ классицизмъ во всемъ его объемѣ, разумѣвшихъ филологію и древній міръ во всемъ разнообразіи оставленныхъ имъ памятниковъ. А такихъ лицъ было слишкомъ немного въ то время и—увы—немного ихъ, кажется, и нынѣ...

Намъ остается теперь посмотрѣть, какъ относился «Благонамѣренный» къ писателямъ той поэтической школы, которую въ отличіе отъ романтизма Жуковского называли школой новоромантической и главнымъ представителемъ которой считался Пушкинъ. И здѣсь, какъ и прежде, мы должны отмѣтить поверхностное, полусерьезное, полужутливое отношеніе журнала Измайлова, который, хотя и не сочувствовалъ вопль произведеніямъ великаго поэта, все же никогда не рѣшался высказаться открыто и смѣло противъ Пушкина, ни, тѣмъ болѣе, дѣлать какіе-либо нападки. Онъ предпочиталъ отдѣлываться шутками, пародіями, двусмысленными разсужденіями, въ которыхъ, впрочемъ, яснѣе чувствовалось неблаговоленіе къ Пушкину, чѣмъ похвала, или же задѣвалъ поэта косвенно въ походѣ на «новоромантиковъ» вообще. Впрочемъ, должно оговориться, что неблаговоленіе «Благонамѣреннаго» къ Пушкину началось съ той поры, какъ «солнце нашей поэзіи» перестало

¹⁾ См. „Собравіе сочин.“, т. I, стр. 337 (ср. стр. 324). Впрочемъ, впоследствии Измайловъ сдѣлалъ оговорку, что онъ терпѣть не можетъ дурныхъ гекзаметровъ, „въ которыхъ размѣщены слова не въ естественномъ порядкѣ“. (См. „Календаръ музъ“ на 1827 г., стр. 89).

освѣщать страницы этого журнала своими лучами. Дѣло въ томъ, что въ первые годы существованія «Благонамѣреннаго» Пушкинъ помѣстилъ въ немъ два свои стихотворенія, и, кромѣ того, Измайловъ украшалъ иногда страницы своего изданія отрывками изъ вновь появившихся произведеній поэта, сопровождая ихъ одобрительными замѣчаніями; но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. Напримѣръ, «Благонамѣренный» давалъ довольно сдержанные, но не лишеныя учтивости и нѣкоторыхъ похвалъ отзывы о «Русланѣ и Людмилѣ», «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Евгеніи Овѣгинѣ», но въ то же время считалъ своимъ долгомъ расхолаживать тѣ панегирики, которыми нѣкоторые журналы иной разъ сопровождали появленіе новыхъ произведеній Пушкина, и вообще относился къ быстро увеличивавшейся славѣ поэта довольно скептически. Такъ, однажды, дѣлая разборъ отзыва о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Благонамѣренный» замѣчаетъ: «Изъ всего панегирика Пушкину можно только то видѣть, что Пушкинъ пишетъ стихи пріятно, а въ этомъ кто сомнѣвается?» («Благонамѣренный», ч. 29). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Издатель («Моск. Телеграфа» — Полевой) восклицаетъ: «кто не подражаетъ у насъ Пушкину, и кто сравнился съ нимъ изъ подражателей?» Согласенъ, что изъ подражателей никто съ нимъ не сравнился, но справедливо-ли восклицаніе: «кто не подражаетъ у насъ Пушкину! Рѣшительно можно сказать: никто изъ хорошихъ нашихъ писателей не подражаетъ Пушкину, а подражаютъ ему только стихотворцы-ученички, недавно выпущенные изъ школы: они только, увлекаясь его славою, охотно идутъ въ «seguis recus»; ниже «Благонамѣренный» съ прискорбіемъ признается, что теперь настало у насъ время «малыхъ трудовъ и большихъ успѣховъ». Когда началъ выходить «Евгеній Овѣгинъ», со стороны журнала Измайлова были пущены въ ходъ и вышучиванья. Такъ, самъ издатель не могъ оставить безъ замѣчанья слѣдующихъ строкъ Пушкина:

„Люблю ихъ ножки—только врьдъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ“...

Измайловъ—писатель для дамъ, не раздѣляя этого мнѣнія поэта:

„Ну какъ сказать онъ это могъ?
Какъ стройны ножки, невелички
У Евфросины, Милолики,
У Лидіи, у Ангелики“...

говоритъ онъ и тутъ же прибавляетъ: «Вотъ я насчиталъ четыре пары,

„А можетъ быть во всей Россіи есть
По крайней мѣрѣ паръ пять, шесть“.

Вообще «Благонамѣренному» не повнилось такое предпочтительное увлеченіе поэта дамскими ножками, воспѣванію которыхъ Пушкинъ от-

велъ въ своемъ романѣ нѣсколько строфъ, и на страницахъ журнала Измайлова вскорѣ появилась пародія—подражаніе: «Ангеликѣ» (ч. 29, стр. 419), въ которой воспѣвались дамскія ручки, но въ стихотвореніи этомъ нѣтъ, конечно, той граціи, той прелести, которыя были присущи «рѣзвущкѣ-музѣ» Пушкина, и мы упоминаемъ о немъ ради курьеза.—Само собою разумѣется, что Пушкину не могло нравиться подобное отношеніе «Благонамѣреннаго», и онъ отплатилъ его издателю, обезсмертивъ журналъ въ своемъ романѣ вышецитованными строками; кромѣ того, журналъ Измайлова не избѣжалъ вскорѣ и злой эпиграммы Пушкина «*Ex ungue leonem*»⁴⁾, которой поэтъ отвѣчалъ на разборъ его стихотворенія «Пріятелямъ» («Враги мои! Покамѣсть я ни слова....»), помѣщенный въ 30-й части «Благонамѣреннаго».

Ограничиваясь сказаннымъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ «Благонамѣреннаго» и представителя «новоромантизма», переходимъ къ объясненію отношеній того же журнала къ «новоромантикамъ» вообще. Правильнаго яснаго пониманія романтизма въ разсматриваемую эпоху, повторяемъ, не было ни у Пушкина, ни у его критиковъ и толкователей, а въ томъ числѣ—и у Измайлова и членовъ редакціи его журнала. Вотъ почему всѣ разсужденія «Благонамѣреннаго» о такъ называемомъ романтизмѣ и новоромантизмѣ были такъ неясны, запутаны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поверхностны: они касались въ большинствѣ случаевъ лишь внѣшней стороны дѣла. «Благонамѣренный» несочувственно относился къ романтизму вообще: онъ даже склоненъ былъ считать романтизмъ вреднымъ, неправильнымъ направленіемъ, задерживавшимъ естественный ходъ развитія нашей литературы. «Этотъ періодъ»—говоритъ онъ, имѣя въ виду «періодъ Жуковскаго»,—былъ самый несчастный для русской поэзіи: славянизмы, галлицизмы, германизмы, мистицизмы, романтизмы, дьяволизмы напали на нее, голубушку, попеременно, какъ орды татарскія на Россію» (ч. 29). Но яснаго и положительнаго опредѣленія романтизма «Благонамѣренный» не далъ. Нѣсколько выше въ этой же статьѣ читаемъ слѣдующій отвѣтъ литератора своему пріятелю не-литератору на вопросъ: «что такое романтическая поэзія?»—«Думаю, отвѣчалъ спрошенный, что романтическую поэзію, которую противопологаютъ обыкновенно классической, называютъ стихотворенія, писанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ».

Послѣднее повторилъ въ болѣе развитой формѣ и кн. Н. А. Цер-

⁴⁾ Кстати, пора бы бросить нѣкоторымъ „редакторамъ“ сочиненій Пушкина повторять ошибочное мнѣніе, будто бы эта эпиграмма написана на Каченовскаго; мнѣніе это явно противорѣчитъ письму Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ іюня 1825 г. (См. „Сочиненія“, т. VII, стр. 135).

телевъ въ своей статьѣ «О новой школѣ словесности» (ч. 21). Вотъ, на-примѣръ, какъ онъ характеризуетъ поэта-новоромантика. «Поэтъ не знаетъ предѣловъ, пламенное воображеніе его объемлетъ всю вселенную, его гений—деспотъ, располагающій все по своему произволению; вкусъ его отличенъ отъ другихъ, образецъ выраженія особенный, если хотите—странный и даже иногда неудобопонятный, ибо самая темнота имѣетъ свою прелесть; въ твореніи его видна «геніальная» небрежность, и отъ сего-то оно не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта, но сливается въ себѣ, такъ сказать, воѣ цвѣты...» Особенную красоту и привлекательность произведеній новой школы составляютъ слѣдующія ихъ качества: «таинственное или глубокое, дивное или неимоверное, наивное или питическая нагота». Далѣе авторъ даетъ пространныя объясненія этихъ качествъ, объясненія, въ которыхъ не разъ задѣваетъ и стихи Пушкина.

Открывъ походъ на новоромантиковъ, журналъ Измайлова дѣлалъ на нихъ частыя набѣги рядомъ бойкихъ полусуштливыхъ статей, подобныхъ вышеприведенной (ср.: «О романтикахъ и о Черной рѣчкѣ», ч. 23, «Письмо къ сердечному другу моему въ О.», ч. 23. «Всякая всячина» и др.), сатирическихъ стихковъ, пародій (ср. «Рыжій конь», элегическая или романтическая поэма А. Е. Измайлова) ¹⁾, эпиграммъ и т. п. Статей болѣе или менѣе серьезнаго характера не было. Приводить подробности этого похода было бы, на нашъ взглядъ, излишне, какъ потому, что силы и средства, которыми располагалъ журналъ Измайлова, были слишкомъ слабы, чтобы бороться съ быстро и мощно развивавшимся новымъ направлениемъ, такъ и потому, что и самая редакція «Благонамѣреннаго» не уясняла себѣ твердо и во всей полнотѣ цѣли этого похода, а иной разъ и не въ состояніи была различить противника отъ союзника; подобное веденіе дѣла приводило къ результатамъ довольно комичнымъ: на-ряду съ пародіями и осмѣяніями тѣхъ или иныхъ формъ на страницахъ «Благонамѣреннаго» читатель находилъ не мало произведеній въ духѣ высмѣиваемаго направленія, писанныхъ нерѣдко той же обличительной рукой. Отсылаемъ читателя, интересующагося упомянутыми подробностями къ извѣстной статьѣ о нашемъ писателѣ Галахова, гдѣ почтенный ученый собралъ со страницъ журнала Измайлова все наиболѣе любопытное для характеристики борьбы «Благонамѣреннаго» съ «баловнями-поэтами», какъ называлъ этотъ журналъ послѣдователей «ново-романтической» школы. Мы же сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу другихъ вышепоставленныхъ вопросовъ.

Итакъ, «Благонамѣренный», какъ журналъ литературный по преимуществу, не могъ удовлетворить «вкуса и разума» читателей, съ требованіями болѣе или менѣе серьезными. Такихъ читателей

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. II, стр. 210.

не могли удовлетворить ни обильный запасъ поэтическихъ произведеній авторовъ, въ большинствѣ случаевъ малоизвѣстныхъ, даже совершенно неизвѣстныхъ и во всякомъ случаѣ малоталантливыхъ, ни слабая и бѣдная по формѣ и содержанію беллетристика, словомъ, весь тотъ чисто литературный матеріалъ, которымъ заполнялись сѣренькія книжки «Благонамѣреннаго». Не могло возбудить симпатій въ душѣ такихъ читателей и отношеніе «Благонамѣреннаго» къ тѣмъ или инымъ направленіямъ въ нашей литературѣ, на которыя этотъ журналъ откликался, отношеніе въ большинствѣ случаевъ поверхностное, малосерьезное, а иной разъ и курьезное; при томъ же самъ журналъ, казалось, не имѣлъ никакого опредѣленнаго направленія... Виновникомъ такого состоянія журнала главнымъ образомъ слѣдуетъ считать, конечно, его редактора-издателя. Во-первыхъ, Измайловъ, въ угоду членамъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, предсѣдателемъ коего онъ состоялъ, помѣщалъ на страницахъ «Благонамѣреннаго» рѣшительно все, что только читалось на засѣданіяхъ этого Общества, какъ предназначенное для печати; Общество же это, какъ намъ уже извѣстно, находилось во время изданія «Благонамѣреннаго» въ періодъ полного упадка. Потерявъ изъ среды своей многихъ талантливыхъ и дѣятельныхъ членовъ, оно оставило и прежнія свои болѣе или менѣе серьезныя задачи, не имѣло никакого строго опредѣленнаго направленія, кромѣ развѣ того, что продолжало слѣдовать карамзинской реформѣ, воспринявъ изъ нея лишь одну чисто внѣшнюю сторону. Само собою разумѣется, что при подобномъ положеніи вещей и нельзя было ожидать какихъ-либо благихъ результатовъ, нагляднымъ доказательствомъ чего могли служить портфель редактора «Благонамѣреннаго».

Не относясь строго критически къ произведеніямъ подобнаго рода сотрудниковъ, какъ члены Вольнаго Общества, Измайловъ снисходительно смотрѣлъ на произведенія своихъ случайныхъ сотрудниковъ, что также не содѣйствовало нравственному успѣху журнала. Что Измайловъ, какъ редакторъ-издатель, не прилагалъ особенныхъ стараній, чтобы придать своему изданію нѣкоторое единство, быть его руководителемъ, душою и т. п., примѣры тому мы уже видѣли. Можемъ привести и его собственное любопытное признаніе.

«Идиллія твои, повѣрь, не хороши»...—писалъ онъ разъ В. И. Панаеву, одному изъ своихъ ревностныхъ сотрудниковъ, но тутъ же прибавилъ:

„А сколько у тебя осталось?

Три, помнится: пришли ихъ мнѣ въ журналъ,

Пришли, любезнѣйшій! Ты самъ вѣдь обѣщалъ“.

Кончается это посланіе слѣдующими строками:

„Люблю поэзію, люблю литературу,
Но, ахъ! отсталъ теперь отъ прозы и стиховъ:
Цвѣтнпкъ мой изъ чужихъ цвѣтовъ,
Судьба велить держать мнѣ только корректуру“
(I, 337—339).

Въ этомъ чистосердечномъ признаніи Измайловъ кратко, просто и правдиво опредѣлилъ, къ чему собственно сводилась вся его редакторская дѣятельность. Предоставивъ журналъ въ распоряженіе своихъ сотрудниковъ, Измайлову ничего болѣе и не оставалось дѣлать, какъ держать лишь корректуру. Онъ это и дѣлалъ, по временамъ лишь сопровождая своими примѣчаніями статьи, съ которыми онъ отчасти или даже совершенно не соглашался. Искреннимъ желаніемъ Измайлова-редактора - издателя было употребить съ своей стороны всѣ зависящія отъ него способы, чтобы сдѣлать журналъ свой сколь возможно занимательнѣе, разнообразнѣе и, такъ сказать, «веселѣе, избѣгая болше всего сухого педантизма, пристрастія и личности» ¹⁾. Насколько удалось Измайлову выполнить это желаніе, мы уже видѣли: «Благонамѣренный» имѣлъ успѣхъ матеріальный, былъ журналомъ популярнымъ, но люди съ требованіями болѣе строгими отъ него отворачивались, и Пушкинъ, негодуя на оскуднѣніе нашей журналистики и летѣя мечту создать свой журналъ, между прочимъ, писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Пора бы намъ отослать и Булгарина, и «Благонамѣреннаго», и Полевого, друга нашего» ²⁾.

О симпатичныхъ сторонахъ этого изданія (напр. о его благотворительныхъ цѣляхъ) мы успѣли уже высказаться въ главѣ о біографіи нашего писателя. Изданіе «Благонамѣреннаго» прекратилось въ 1826 году съ выходомъ іюльской книжки этого журнала.

Въ 1826 же году Измайловъ вмѣстѣ съ П. Л. Яковлевымъ издалъ альманахъ «Календарь музъ», вторую книжку котораго онъ издалъ и въ 1827 году. Альманахи эти по своему содержанію и характеру весьма походятъ на «Благонамѣренный» и составляютъ, такъ сказать, его отпрыскъ, продолженіе. Дѣло въ томъ, что и матеріалъ ихъ составляли произведенія, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не попавшія на страницы названнаго журнала, но заранѣе для него предназначенныя.

¹⁾ Быть безпристрастнымъ, безпартійнымъ было особеннымъ желаніемъ Измайлова: „Литераторъ и всякій артистъ съ истиннымъ талантомъ не долженъ принадлежать ни къ какой партіи“—стояло эпиграфомъ „Благонамѣреннаго“ въ 1824 г. Но, если судить по его журналу, Измайловъ, очевидно, смѣшалъ безпристрастіе съ безхарактерностью, каковою журналъ и отличался.

²⁾ Сочиненія, т. VII, 181.

Въ виду малаго интереса, представляемаго этими безцвѣтными изданіями, при томъ въ общемъ напоминающими «Благонамѣренный», говорить о нихъ подробно считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что произведенія писателей болѣе или менѣе крупныхъ въ нихъ отсутствуютъ. Въ «Календарѣ музъ» 1826 года находимъ около сотни произведеній стихотворныхъ и 6 прозаическихъ, въ слѣдующемъ году — около полусотни стихотворныхъ и 8 прозаическихъ. Въ отдѣлѣ поэзіи принимали участіе слѣдующіе болѣе или менѣе знакомые авторы: Вистромъ, М. Б. Даргомыжская, А. Е. Измайловъ, Илличевскій, Кудряшевъ, Пл. Ободовскій, В. И. Панаевъ, Розенмейеръ, Слѣпушкинъ, Сушковъ, гр. Д. И. Хвостовъ, Н. М. Языковъ, Б. М. Ѳедоровъ и мн. др.; въ отдѣлѣ прозы главное участіе принималъ П. Л. Яковлевъ, его же статьи и наиболѣе содержательны. Особого вниманія заслуживаетъ его статья: «О новѣйшихъ словахъ и выраженіяхъ, изобрѣтенныхъ российскими поэтами въ 1825 году» («Кал. музъ» на 1826 г.). Главнымъ образомъ авторъ собралъ слова и выраженія, «низлетѣвшія» изъ «Полярной Звѣзды» и «выжатыя» изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», и сопроводилъ ихъ юмористическими примѣчаніями и объясненіями. Въ этой сатирической, живо написанной статейкѣ Яковлевъ высмѣиваетъ, напр., слѣдующія слова и выраженія: аристархить, безразсвѣтныя души, бурноногій конь, голословное обвиненіе (sic) ¹⁾, грамматическая полиція ²⁾, журнальные бедуины, караванъ переводовъ, дугъ живой эмали ³⁾, перекритика, печатанныя слезы и т. п. Нѣкоторыя другія статьи того же автора («Поѣздка въ Вятку», «С[аратовс]кое казначейство») имѣютъ интересъ, какъ матеріалъ для характеристики нашего провинціального быта. Изданіемъ этихъ «Календарей музъ», которые — кстати отмѣтимъ — успѣха не имѣли (особенно второй), и закончилась дѣятельность Измайлова, какъ редактора-издателя; причиной тому былъ переводъ А. Е. по службѣ въ провинцію. По возвращеніи въ столицу, за годъ до смерти, Измайловъ задумалъ было вновь предпринять изданіе литературнаго журнала, выработалъ программу его и получилъ разрѣшеніе, но послѣднимъ не позволили Александру Ефимовичу воспользоваться его частыя и тяжелыя болѣзни, упадокъ силъ, а затѣмъ и скоро наступившая смерть.

¹⁾ Яковлевъ замѣчаетъ: „То есть обвиненіе изъ голыхъ словъ, или изъ голыхъ словъ обвиненіе, какъ угодно, все прекрасно! Это голословное обвиненіе отыскало нами хотя въ архивѣ, но принадлежитъ къ числу новѣйшихъ и рѣдкихъ находокъ“.

²⁾ Яковлевъ замѣчаетъ: „Тутъ объяснять нечего: всякій видитъ, какъ счастливо сочеталась грамматика съ полиціей. Это утѣшительно“.

³⁾ Яковлевъ замѣчаетъ: „Вотъ дугъ! Но, къ вѣщастю, такіе дуга цвѣтутъ только въ воображеніи поэтовъ“.

Настоящую главу заключаемъ замѣчаніемъ о вышедшемъ въ 1824 г. подъ редакціей нашего писателя изданіи сочиненій В. А. Озерова, замѣчаніемъ, которое неудобно было вносить въ предшествовавшей обзоръ редакторской дѣятельности Измайлова въ порядкѣ хронологическомъ.

Въ 1824 году подъ редакціей Измайлова вышло въ двухъ частяхъ изданіе «Сочиненій В. А. Озерова», сдѣланное книгопродавцемъ И. И. Заикинымъ. Въ первомъ томѣ этого изданія тексту предшествуютъ: «предувѣдомленіе» редактора, затѣмъ двѣ «выписки» изъ статей Н. И. Греча о сочиненіяхъ Озерова, „Надгробіе В. А. Озерову“ Измайлова ¹⁾ и статья кн. П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ Озерова“. Въ „предувѣдомленіи“ редакторъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, какъ по поводу двухъ предшествовавшихъ изданій сочиненій Озерова, такъ и вообще о произведеніяхъ этого писателя. Онъ, конечно, одобрительно отозвался объ Озеровѣ, какъ драматургѣ, но въ сужденіи о лирическихъ его произведеніяхъ примкнулъ къ мнѣнію кн. Вяземскаго, не признававшаго въ нихъ особыхъ достоинствъ. „То же самое“—прибавляетъ Измайловъ—„можно сказать и о его басняхъ, изъ которыхъ многія читалъ я въ рукописи и которыя, вѣроятно, писаны были имъ для одного только опыта. Стихосложеніе въ нихъ тяжелое и неправильное; нѣтъ точности и приличія въ выраженіяхъ; нѣтъ въ разсказѣ не только шитической живости, составляющей отличительное достоинство баснописца-поэта, но даже простоты и естественности“... Какъ на особенность этого изданія, укажемъ, что въ немъ произведенія Озерова явились въ еще болѣе „подправленномъ“ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ предшествовавшихъ. Неприкосновенность текста трагедій Озерова была нарушена еще въ 1817 году, когда по просьбѣ издателя Пахорскаго (содержателя театральной типографіи) „многіе стихи были исправлены лучшими нашими литераторами“. Измайловъ также не отказался, «по просьбѣ издателя и по уваженію къ памяти незабвеннаго нашего трагика, исправить у него нѣкоторыя очевидныя ошибки въ словахъ, въ надеждѣ, что „просвѣщенные любители отечественной словесности не поставятъ (ему) этого въ вину“. Но Измайловъ ошбося. Несмотря на то, что подобная расправа съ текстомъ у насъ на Руси практиковалась и до, и послѣ Измайлова (ея не избѣгли даже произведенія Пушкина), все же „просвѣщенные любители отечественной словесности“ возмутились такой смѣлостью редактора и громко выразили свое неудовольствіе ²⁾. Измайловъ, какъ мы уже замѣтили, оправдывался, но публика не хотѣла признавать смягчающимъ

¹⁾ Находится въ I-мъ томѣ сочиненій Измайлова (стр. 384).

²⁾ См. „Сынъ Отечества“ 1824 г., № 17; „Лит. Листки“, № 8 п др. *

вину даже то обстоятельство, что исправленные редакторомъ стихи были отмѣчены въ текстѣ звѣздочками, а въ концѣ книги приведены были въ подлинномъ видѣ (да и исправлено-то было всего на всего 38 мѣстъ): И. И. Заикинъ принужденъ былъ въ 1827 г. сдѣлать новое изданіе «во всемъ согласное со 2-мъ, безъ всякихъ перемѣнъ», а въ слѣдующемъ—1828 году—Глазуновъ выпустилъ изданіе сочиненій Озерова, дополненное и свѣренное по рукописямъ автора.

Разставаясь на этой главѣ съ А. Е. Измайловымъ, мы позволимъ себѣ, въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о сущности литературной дѣятельности этого писателя.

Читатель уже видѣлъ, какъ скромно началъ Александръ Ефимовичъ свое литературное поприще, выступивъ впервые въ печати съ переводнымъ стихотвореніемъ, какъ затѣмъ онъ еще юношей обрушился на нашу «веселящуюся молодежь» съ рѣзкимъ протестомъ въ формѣ сатирическаго романа, какъ потомъ онъ продолжалъ писать въ духѣ царившихъ въ его молодые годы направленій въ нашей литературѣ и платить дань этимъ направленіямъ; но уже и въ ту пору дѣятельности Измайлова въ его произведеніяхъ можно было предугадать будущаго сатирика по преимуществу. Дѣйствительно, прошло еще немного времени, и Измайловъ, избравъ излюбленной формой своего творчества басню, скоро пріобрѣлъ и навсегда закрѣпилъ за собой званіе русскаго Теньера № 1-й, дружки Крылова, сатирика-бытописателя.

Годы и благоприятныя условія раздвинули предѣлы его литературной дѣятельности; Измайловъ сталъ виднымъ въ свое время литераторомъ и проявлялъ свою любовь къ избранному поприщу въ довольно разнообразныхъ формахъ. Состоя сотрудникомъ различныхъ изданій, онъ въ то же время былъ главнымъ дѣятелемъ или просто членомъ нѣкоторыхъ литературныхъ обществъ, редакторомъ-издателемъ различныхъ журналовъ и другихъ изданій и покровителемъ молодыхъ начинающихъ силъ. Должно сознаться, что дѣятельность Измайлова, какъ журналиста, какъ редактора-издателя не имѣла крупныхъ результатовъ, не имѣла сильнаго давленія на наше литературное развитіе и движеніе, но нельзя не отмѣтить того, что во всѣхъ своихъ литературныхъ стремленіяхъ Измайловъ былъ движимъ живой и самой горячей любовью къ слову и что на всей его писательской дѣятельности лежитъ отпечатокъ честной, правдивой и откровенной природы. Нравственныя качества Измайлова, какъ мы уже замѣтили, рѣзко отображались въ его произведеніяхъ и—даже болѣе того—отразились и на самомъ характерѣ его сатиры. Напомнимъ, что въ характерѣ нашего писателя, вмѣстѣ съ тонкой наблюдательностью и склонностью къ сатирѣ, удобно сочета-

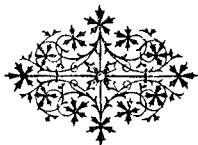
лись мягкость и добродушіе, которое покидало его лишь въ моменты особеннаго раздраженія на чье-либо нахальство или подлость. Ему не по плечу была сатира «карающая», и скромная муза его не рѣшалась «чистить нравы» и «исправлять порочныхъ» путемъ сатиры,—она хотѣла лишь предупредить порочные поступки и, отмѣчая безобразные факты, предотвращать отъ таковыхъ на будущее время, она хотѣла лишь преподать совѣтъ, урокъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и понималъ Измайловъ значеніе сатиры, доказательствомъ чего могутъ служить и его собственныя признанія и въ прозѣ и въ стихахъ.

«Сатира есть такое лѣкарство отъ пороковъ»,—сказалъ онъ однажды—«которое рѣдко исцѣляетъ зараженныхъ оными, но за то предохраняетъ, по крайней мѣрѣ многихъ отъ заразы»¹⁾.

„Пусть Павлушка—мѣдный лобъ
 Дураковъ морочить,
 Лжетъ бездѣльникъ, какъ холопъ,
 Обмануть всѣхъ хочетъ.
 Я безстыднаго лгуна,
 Вора Павла Скотина
 За языкъ въ примѣръ другимъ,
 На сосну повѣсилъ“.

говорить между прочимъ А. Е. о П. П. Свиныиѣ, вспоминая свою басню на него, въ «Пѣснѣ»²⁾, которую, по справедливости, можно считать своего рода «Памятникомъ» Измайлова.

Ив. Кубасовъ.

¹⁾ См. „Собраніе сочиненій“ т. II, стр. 242.

²⁾ Ibidem, т. I, стр. 272.

**Избраніе В. Н. Каразина въ дѣйствительныя члены Общества
любителей россійской словесности.**

Письмо А. Прокоповича-Антонскаго къ В. Н. Каразину.

22-го апрѣля 1818 года.

Общество любителей россійской словесности, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, милостивый государь мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ устава. Исполняя съ удовольствіемъ порученіе Общества, искренно васъ уважающаго, честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ быть вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Наслѣдство бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора.

(Изъ прошлаго).

I.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ одной изъ сѣверныхъ провинцій, пріѣхалъ я въ 1855 году въ Петербургъ, молодымъ человѣкомъ, съ семью рублями и единственнымъ письмомъ отъ моего крестнаго отца къ родственнику его, служившему въ одномъ изъ министерствъ, невысокому по своему служебному положенію, но человѣку искреннему и добродушному. Послѣ полугодовой борьбы съ всевозможной нуждой и лишеніями, мнѣ удалось, наконецъ, получить мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ того министерства, по которому я служилъ и ранѣе въ родномъ городѣ, но не легко далось мнѣ это мѣсто!

Года черезъ три, послѣ службы моей въ Петербургѣ, случайно познакомился я съ раненымъ подполковникомъ Константиномъ Александровичемъ Ноздрачевымъ, только-что пріѣхавшимъ съ Кавказа съ двумя дочерьми. Видный собою, лѣтъ около 50-ти, онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, только правая рука его, прострѣленная чеченцемъ, безпомощно висѣла на черной шелковой перевязи. Происходилъ подполковникъ изъ дворянъ Курской губерніи, гдѣ числилось за нимъ всего пять душъ. Онъ казался человѣкомъ и пріятнымъ, и общительнымъ. По выходѣ въ отставку, всѣ заботы его, какъ любящаго отца, были сосредоточены на двухъ дочеряхъ, имѣвшихъ отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ. Единственною мыслью и желаніемъ подполковника-вдовца, состоявшаго подъ покровительствомъ Комитета о раненыхъ, было устроить дочерей въ институтъ на казенный счетъ. Кромѣ пенсіи, заслуженной продолжительной службой на Кавказѣ, другихъ средствъ у него не было, недуги

отъ ранъ и трудной боевой кавказской жизни нерѣдко сильно давали ему чувствовать себя, требуя необходимыхъ медицинскихъ пособій. Всѣ упованія подполковника возлагались на Бога и на высокую царскую милость.

Занималъ подполковникъ комнату въ полуразвалившемся флигелѣ, на Новыхъ мѣстахъ, близъ Невскаго монастыря, и далеко не уютную, помѣщаясь съ своими дѣвочками и крѣпостной дѣвушкой для прислуги.

Правая сторона отъ Невскаго проспекта къ Лаврѣ, нынѣ образцовая по своему устройству, именовавшаяся въ то время «Новыми мѣстами», отличалась непомятою грязью. Въ мѣстности этой раскинуто было нѣсколько старыхъ скученныхъ деревянныхъ построекъ, гдѣ большею частью были постоянные дворы. Тутъ останавливались извозчики съ привозимыми товарами съ Олонецкаго и Архангельскаго трактовъ и неразборчивые на экипажи проѣзжіе, въ крытыхъ рогожей кибиткахъ, совершавшіе переѣзды на долгихъ. Тутъ же сновали, топчась въ грязь, и барышники, скушая измученныхъ отъ извоза лошадей.

Жилъ я въ то время, также по близости этой мѣстности, нѣсколько лѣтъ, на Пескахъ и, отправляясь на службу въ департаментъ, часто приходилось мнѣ встрѣчаться съ подполковникомъ Ноздрачевымъ на Невскомъ проспектѣ. Ходилъ онъ ежедневно наводить справки, къ кому и когда можно обратиться съ просьбою о ходатайствѣ для опредѣленія его дочерей въ институтъ. Меня нерѣдко посѣщаль подполковникъ по вечерамъ и всегда съ просьбой написать ему докладную записку къ тому, или другому изъ лицъ высокопоставленныхъ. Съ ранняго утра въ парадной формѣ съ регаліями, въ кавказской своей буркѣ и папахѣ, уходилъ онъ изъ дома, озабоченный своимъ ходатайствомъ, но, къ великому огорченію бѣднаго отца, надежды его не осуществлялись.

При переѣздѣ съ Кавказа и во время петербургской жизни, которую велъ отставной подполковникъ болѣе чѣмъ скромно,—ресурсы его видимо истощались. Повергаемая имъ просьбы лично государю императору передавались флигель-адъютантамъ, и результата приходилось ожидать.

Между тѣмъ, въ заботахъ о своихъ любимыхъ дѣвочкахъ, этотъ достойный отецъ духомъ окончательно не падалъ; цѣлуя своихъ малютокъ-дочерей, онъ съ благоговѣніемъ обращался къ Царицѣ Небесной и, со слезами на глазахъ, говорилъ имъ:

— Потерпимъ, мои сиротки,—подождемъ, Богъ милосердѣ, а царь нашъ милостивъ... они насъ не оставятъ и здоровой лѣвой рукой онъ крестилъ своихъ дѣвочекъ.

Пребываніе же его въ Петербургѣ видимо затягивалось. Вскорѣ и онъ переселился на Пески, нанявъ по сосѣдству со мною двѣ маленькія комнаты отъ жильцовъ, и по-прежнему также въ буркѣ своей и папахѣ,

уѣзжалъ онъ то въ Царское Село, то въ Гатчину, всегда съ одной мыслью—просить о дочеряхъ своихъ царственныхъ особъ.

Въ одно счастливое утро, послѣ дожда, лившаго всю ночь, какъ изъ ведра, подполковникъ пріѣхалъ въ Царское Село, съ новою просьбою на высочайшее имя. Узнавъ, что государь прогуливается въ Софійскомъ саду, радуясь представлявшемуся случаю увидѣть великодушнаго монарха нашего, направился онъ въ садъ и сталъ высматривать и выжидать государя.

Завидя императора, раненый ветеранъ опустился на колѣна и, держа въ дрожащей лѣвой рукѣ свою просьбу и папаху, обратился на себя высокое вниманіе монарха:

— Кавказецъ! опять ты!—воскликнулъ государь;—но въ голосѣ его не было и тѣни неудовольствія.

Чадолубивый монархъ даже улыбнулся при видѣ кавказскаго героя въ такомъ жалкомъ положеніи и милостиво произнесъ:

— Встань и передай просьбу во дворецъ дежурному флигель-адъютанту.

Обрадованный и ободренный такимъ милостивымъ обращеніемъ великодушнаго государя, оставаясь на колѣняхъ, подполковникъ осмѣлился отвѣтить:

— Августѣйшій монархъ! милостивый царь, прости. Я ужъ не одну мою просьбу передавалъ флигель-адъютантамъ.

— Не разсуждай! ступай во дворецъ и жди меня тамъ,—строго сказалъ ему государь.

На другой день для кавказскаго вояки, какъ счастливаго отца, утромъ, явившагося ко мнѣ, радости не было и конца. Въ избыткѣ своего счастья, со слезами, сообщилъ онъ мнѣ о послѣдовавшей на его просьбѣ высочайшей царской резолюціи.

По возвращеніи во дворецъ государя флигель-адъютантъ на этотъ разъ вынесъ просьбу подполковника съ надписью царственной рукой: «Одну дочь принять на счетъ мой въ Николаевскій институтъ, другую— въ Патріотическій на имя государыни императрицы».

Въ тотъ же вечеръ, подполковникъ пришелъ ко мнѣ снова сильно разстроенный. Директоръ канцеляріи IV-го отдѣленія сообщилъ ему, что одна изъ дочерей будетъ принята немедленно, а другая должна еще баллотироваться. На другой день утромъ онъ зашелъ ко мнѣ сказать, что ѣдетъ снова въ Царское предстать предъ лицомъ государя императора.

— Царскою десницею повелѣно,—говорилъ онъ, ухватившись здоровою рукой за голову,—принять обѣихъ моихъ дѣвочекъ, съ указаніемъ въ какіе институты, а между тѣмъ находятся препятствія. Ёду сейчасъ и опять паду къ стопамъ нашего великодушнаго монарха.

Кое-какъ удалось мнѣ уговорить огорченнаго отца побывать еще разъ у директора канцеляріи и, справившись болѣе обстоятельно, просить его объ исполненіи царской милости и относительно другой дочери, и подполковникъ со всегдашними атрибутами своего кавказскаго костюма, при своей обычной энергіи, въ состояніи, видимо возбужденномъ, направился снова въ канцелярію IV-го отдѣленія. Своимъ видомъ и рѣшимостью онъ вѣрно успѣлъ произвести впечатлѣніе и на директора канцеляріи, заявляя, что съ новой просьбой о дочеряхъ вновь предстанетъ предъ лицомъ государя императора, и директоръ обнадежилъ его, что вскорѣ же будетъ зачислена въ институтъ и его другая дочь.

Передавая о благополучномъ результатѣ атаки директорскаго кабинета, счастливый подполковникъ видимо оживился, и только по временамъ изъ мощной груди его вырывался тяжелый вздохъ, а лѣвая рука быстро смахивала набѣгавшую слезу. Въ минуты эти ему приходила гнетущая мысль о скорой разлукѣ съ его любимыми дѣвочками-сиротками, для которыхъ онъ только и жилъ.

— Съ дѣлами своими я совсѣмъ забылъ сообщить вамъ еще новость,—заговорилъ онъ, нѣсколько успокоившись.—На-дняхъ пріѣхалъ сюда по своимъ дѣламъ, изъ западныхъ губерній, нѣкто графъ Красинскій съ матерью и сестрой,—польское семейство. Вчера, по приходѣ домой, онъ заглянулъ неожиданно въ мою конуру. Крайне удивило меня, когда вошелъ ко мнѣ незнакомый господинъ, въ статскомъ платьѣ, назвавшій себя графомъ Красинскимъ, бывшимъ въ отставкѣ сапернымъ офицеромъ. Добродушно обласкавъ моихъ дочурокъ, безъ церемоніи прісѣлъ онъ на хозяйскомъ, полуразвалившемся диванѣ и началъ со мною разговоръ: «Флигель,—сказалъ онъ,—въ которомъ вы живете, нанять мною; но я, говорить, узналъ, что вы также пріѣзжіи и къ тому же раненый кавказскій воинъ, прибывшій сюда для устройства вашихъ сиротокъ-дочерей; поэтому пришелъ предложить вамъ, если пожелаете по-прежнему остаться въ занимаемыхъ вами двухъ комнатахъ, намъ хотя и съ семействомъ, достаточно и остальныхъ». Поблагодаривъ его, я отвѣтилъ, что мнѣ въ Петербургѣ остается пробыть уже недолго, такъ какъ я осчастливленъ великою царскою милостью, и дѣвочки мои скоро будутъ помѣщены въ институтъ. Графъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что пріѣздъ его сюда вызванъ дѣломъ о ихъ наследственномъ имѣніи, которое производится въ Сенатѣ. При этомъ онъ высказалъ, что никого въ Петербургѣ не знаетъ, кромѣ единственной знакомой его матери, графини Протасовой, и затрудняется въ томъ, къ кому и чрезъ кого бы могъ онъ обратиться за нужными справками въ Сенатъ. Я самъ, говорить, и писать дѣловыя бумаги не мастеръ, а нужно подать нѣкоторымъ сенаторамъ докладныя записки. Я тотчасъ же вспомнилъ о васъ, и говорю: я знаю одного чи-

новника, у котораго легкая рука. Васъ же чуть не каждый день осаждалъ я моими просьбами и если удалось мнѣ устроить моихъ сиротокъ, то въ этомъ отчасти обязанъ и вамъ, что всегда буду помнить и скажу вамъ сердечное спасибо. Помогли вы мнѣ, старому ветерану; теперь главная забота о моихъ дѣвочкахъ устранена, и я свободный казакъ. Поѣду въ свою курскую деревушку доживать свой вѣкъ, да изрѣдка наѣзжать сюда, чтобы провѣдать моихъ дорогихъ сиротокъ. Такъ вотъ, мой голубчикъ, этотъ пріѣзжій графъ Красинскій,—заклучилъ подполковникъ,—и просилъ меня убѣдительно познакомить его съ вами. Для этого сегодня же вечеромъ и пригласилъ меня съ вами къ себѣ. Графъ, повидимому, человекъ весьма любезный, и знакомство ваше съ нимъ не будетъ лишнимъ. Приходите вечеромъ ко мнѣ и отправимся въ семейство Красинскихъ.

Съ своей стороны, я ничего противъ этого не имѣлъ, и въ тотъ же вечеръ мы отправились къ пріѣзжему графу.

II.

Графу Красинскому было лѣтъ около 30-ти; красивый бркетъ съ тонкими, типичными и правильными чертами лица, онъ обращалъ на себя вниманіе своей симпатичной наружностью. Принялъ онъ насъ съ вѣжливой пріятельностью и той любезностью, которыя такъ свойственны большинству поляковъ. Вскорѣ же онъ представилъ насъ и почтенной старушкѣ, своей матери. Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ и отрывистаго разговора, къ чайному столу присоединилась и сестра графа, пожилая особа, вдова офицера, убитаго при защитѣ Севастополя. Она также привезла въ Петербургъ двухъ малолѣтнихъ сыновей для опредѣленія въ кадетскій корпусъ. Вечеръ въ семьѣ Красинскихъ для обоихъ насъ прошелъ пріятно и незамѣтно.

Такъ благодаря знакомому моему подполковнику Ноздрачеву, вскорѣ же послѣ помѣщенія своихъ дочерей въ институтъ уѣхавшему изъ Петербурга, послѣдовало знакомство мое и съ семействомъ графа Красинскаго. Этому-то графу и его семейству, впоследствии, по духовному завѣщанію одного изъ наслѣдниковъ покойныхъ владѣльцевъ Щукина двора, умершаго въ семействѣ графа, и была завѣщана значительная часть капитала, о чемъ возбужденное въ то время слѣдственное дѣло, въ которомъ и мнѣ привелось быть какъ бы участникомъ, доходившее даже и до III-го отдѣленія, надѣлало не мало шуму въ Петербургѣ.

Въ Сенатѣ о спорномъ имѣніи, послѣ смерти отца графа Красин-

скаго, я вскорѣ же навелъ справки и написалъ нужныя бумаги, часто бывалъ въ семьѣ графа Красинскаго, всегда былъ принятъ съ полнымъ радушіемъ и съ своей стороны, по возможности, оказывалъ свои услуги.

Нанятая семействомъ графа квартира не только была некомфортабельной, но и весьма непомястительной, и даже простой необходимой обстановки въ ихъ временной квартирѣ замѣтно не было. Молодой графъ рѣдко бывалъ дома; занимаясь денежными операціями, онъ присутствовалъ болѣе на биржѣ. Въ семьѣ ихъ изрѣдка бывали два—три знакомыхъ изъ поляковъ; чаще другихъ посѣщалъ графа франтоватый полякъ, состоявшій на службѣ въ придворномъ вѣдомствѣ, которому всегда хотѣлось заявить о своей особѣ стараніемъ блеснуть изящностью своихъ манеръ и особенно французскимъ языкомъ, и онъ всегда видимо рисовался, къ графинѣ обращался не иначе, какъ со словами *comtesse*, сестру графа называлъ просто панна Левицка, а графа Констансомъ. Жизнь въ семьѣ Красинскихъ проходила тихо и однообразно. Всѣ мысли старушки-графини сосредоточивались на безграничной любви ея къ сыну, да къ далекимъ надеждамъ на благополучный исходъ дѣла ихъ по имѣнію.

Вскорѣ со мною случилась непріятность. Я сильно зашибъ ногу и, по совѣту доктора, при неудобствахъ домашняго лѣченія, вынужденъ былъ лечь на время въ Обуховскую больницу. Во все пребываніе мое въ больницѣ, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, ни графъ Красинскій, ни кто-либо отъ нихъ ни разу не навѣстили меня; прежде же, когда я былъ нуженъ, нерѣдко и самъ графъ приходилъ въ мою квартиру. Поэтому, выписавшись изъ больницы, я, съ своей стороны, также не находилъ нужнымъ розыскивать Красинскихъ, которымъ, вѣроятно, не было во мнѣ и надобности. Такъ прошло мѣсяца три, и однажды по адресу въ департаментъ, я получилъ отъ графа Красинскаго письмо по городской почтѣ, съ любезнымъ приглашеніемъ придти къ нему на другой день вечеромъ; при чемъ онъ сообщалъ, что имѣеть до меня очень серьезное дѣло. Адресъ былъ означенъ подробный; но уже не на Пескахъ, а въ Коломнѣ, на площади близъ церкви Покрова. Въ назначенный часъ, я уже отыскивалъ квартиру графа на Покровской площади. Здѣсь оказались три домовладѣльца одной фамилии; но, наконецъ, мнѣ указали и квартиру графа въ бельэтажѣ высокаго каменнаго дома, въ который и направился я по освѣщенной широкой лѣстницѣ. Когда я нажалъ кнопку, мнѣ открыла дверь миловидная дѣвушка. Спросивъ фамилию, она приняла мою шинель и провела въ залъ. Повидимому, меня уже ожидали. При самомъ входѣ въ этотъ роскошный залъ, меня удивила бросившаяся въ глаза богатая обстановка новой квартиры графа, сравнительно съ прежнимъ скромнымъ помѣщеніемъ его на Пескахъ.

Изъ боковыхъ комнатъ вышелъ графъ Красинскій, въ богатомъ бархатномъ халатѣ съ кистями и, любезно меня привѣтствуя, пригласилъ въ гостиную, освѣщенную двумя лампами и убранную съ такою же роскошью.

Усадивъ меня и извиняясь за костюмъ, графъ коснулся продолжительности моего отсутствія и спросилъ, гдѣ я былъ все это время; что онъ-де справлялся обо мнѣ неоднократно и въ адресномъ столѣ, и нигдѣ не могъ получить вѣрной справки; почему и рѣшилъ, что одновременно съ моимъ знакомымъ подполковникомъ Ноздракчевымъ и я уѣхалъ совсѣмъ изъ Петербурга. Ему видимо совѣстно было, что за все время пребыванія моего въ больницѣ онъ ни разу меня не навѣстилъ. Въ разговорѣ своемъ, между прочимъ, намекнулъ и на то, что имѣетъ ко мнѣ особенную просьбу, которую сообщить потомъ. Вскорѣ насъ позвали къ чаю, и мы перешли въ столовую. Квартира была слишкомъ обширна. За длиннымъ столомъ, съ дорогой чайной сервировкой и разными закусками, сидѣла старушка-графиня. Она, какъ и прежде, общалась со мной съ тою же привѣтливостью, высказывая сожалѣніе, что я такъ давно у нихъ не былъ. Сестра графа разливала чай. Все, казалось, здѣсь было обставлено на барскую ногу, и я невольно остановился на мысли, откуда все это взялось, и въ то же время подумалъ, что спорное дѣло графа объ имѣніи, вѣрно, уже рѣшено въ его пользу. Послѣ чаю, предложивши мнѣ сигару, графъ напомнилъ мнѣ, что мама его всегда любитъ, когда курятъ сигары; при этомъ прибавилъ, что я, зная теперь ихъ квартиру, буду чаще у нихъ бывать, какъ ихъ добрый другъ, и безъ церемоніи просилъ приходить къ 6-ти часамъ, къ ихъ обѣду. При этомъ онъ съ симпатичной улыбкой заявлялъ, что у нихъ въ настоящее время отличный поваръ, и что вся семья ихъ рада видѣть меня во всякое время, что подтверждала и старушка-графиня. Затѣмъ извиняясь, что оставить меня на нѣсколько минутъ, графъ удалился въ свой кабинетъ. Вскорѣ же вышла изъ столовой и его сестра.

По уходѣ ихъ, графиня попросила меня сѣсть поближе и прямо обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скажите откровенно, что подумали вы, увидя такую переиству нашу жизни.

— Я подумалъ и вѣрно не ошибаюсь, графиня, что вы устроились къ лучшему, уже обжившись въ Петербургѣ, вѣроятно, получивъ и свое подольское имѣніе.

— О, нѣтъ,—отвѣтила грустно старушка,—дѣло это, оставленное мнѣ моимъ мужемъ, подвигается слишкомъ медленно, хотя мой Констансъ и сильно хлопочетъ. Съ вами я буду вполне откровенна, мы такъ давно не видѣлись, а у насъ случилось много новаго. Главнѣе же всего то, что съ нами живетъ теперь нѣкто Щукинъ. Все, что вы видите,

или почти все,—принадлежитъ нашему жильцу. Констансъ познакомился съ нимъ случайно и сошелся по-дружески. Къ сожалѣнію, жилецъ нашъ, человѣкъ больной и потому еще не выходитъ изъ своихъ комнатъ. Исторія его жизни самая печальная и полна весьма грустныхъ приключеній. Да и вся жизнь Вячеслава Николаевича, такъ его зовутъ, слишкомъ тяжелая!

Послѣ небольшой паузы, графиня продолжала:

— До переѣзда въ эту квартиру, Щукинъ жилъ съ своею женою, теперь отъ нея ушелъ; отъ Констанса вы узнаете и подробности его несчастной семейной жизни; не видѣвъ васъ такъ давно, мы рѣшили, что вы уже совсѣмъ уѣхали изъ Петербурга, и не разъ вспоминали васъ, Констансъ расскажетъ вамъ все и о себѣ, и также не веселое,—заклчила старушка-графиня.

Когда сынъ ея вернулся въ столовую, на немъ былъ уже другой костюмъ, хотя и домашній, но видимо щеголеватый. Посидѣвъ немного въ столовой, онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ, такъ же богато обставленный, съ большими шкапами, наполненными книгами, разными симметрически разложенными дорогими вещицами и картинами въ дорогихъ рамахъ. Предложивъ мнѣ снова дорогую сигару, онъ также перешелъ къ разговору о своемъ квартирнтѣ.

III.

— Мамап,—началъ онъ садясь со мною рядомъ,—вѣроятно, уже говорила вамъ о нашемъ жильцѣ. Расскажу подробно, какъ познакомился я съ Вячеславомъ Николаевичемъ Щукинымъ. Онъ и братъ его Леонидъ—потомки извѣстныхъ въ Петербургѣ богатыхъ коммерсантовъ, бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора. Послѣ родителей и обоихъ братьевъ осталось весьма значительное состояніе. Имѣя дѣла на биржѣ, я познакомился сначала съ Леонидомъ Щукинымъ, у котораго двое малолѣтнихъ сыновей, самъ онъ теперь находится подъ опекой, недавно надъ нимъ учрежденной. Черезъ него я сошелся и съ дядей ихъ, статскимъ генераломъ Щукинымъ, а черезъ него и съ малолѣтнимъ братомъ Леонида, Вячеславомъ Николаевичемъ. Служилъ онъ въ военной службѣ на Кавказѣ и, выйдя въ отставку, поселился съ женою въ Петербургѣ. Помѣщались они въ богато обставленной квартирѣ. Дѣтей у нихъ не было. Домашняя же жизнь Вячеслава Щукина была для него по истинѣ ужасной! Жена не только устранила его отъ себя; но вообще отъ людей и при содѣй-

ствіи своего, такъ называемаго, брата старалась довести мужа до полного идиотизма. Его запирали одного въ отдаленной холодной комнатѣ, имѣвшей сходство съ виннымъ складомъ; здѣсь былъ полный запасъ вина, только бы пилъ онъ безъ просыпа. Несчастный Вячеславъ Щукинъ видѣлъ только изрѣдка приставленнаго къ нему слугу, и только дядя увозилъ его иногда къ себѣ. Бѣднаго Вячеслава хотѣли извести пьянствомъ. Для жены его и ея брата, по извѣстнымъ имъ причинамъ, была нужна его преждевременная смерть. Все дѣлалось съ предвзятою цѣлью. Узнавъ о страдальческой жизни этого несчастнаго, я просилъ дядю его совсѣмъ взять его къ себѣ; но онъ, устраниаясь отъ этого, не разъ говорилъ мнѣ: «возьмите его вы, если хотите съ нимъ возиться, у васъ есть семья, а тамъ онъ навѣрное погибнетъ». И вотъ я рѣшился вырвать изъ этого омута несчастнаго его племянника. Легко уговорилъ я графиню-мать принять разслабленнаго отъ пьянства Вячеслава Щукина въ нашу семью, и при содѣйствіи его дяди, онъ ушелъ или скорѣе бѣжалъ отъ своей жены, какъ отъ мѣста заразы, развѣдавшей душу его и тѣло. Мы наняли эту квартиру, выбранную мною, и, какъ видите, обставленную имъ съ такимъ комфортомъ, и живемъ здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ, но все это время мы окружены невидимыми, но, какъ видно, сильными врагами.

Графъ замолчалъ подъ впечатлѣніемъ замѣтно удручавшихъ его мыслей.

— Вячеслава Щукина,—продолжалъ онъ—перевезли сюда совсѣмъ больнаго. Сострадавъ къ его несчастіямъ, мама моя ухаживаетъ за нимъ, какъ за близкимъ роднымъ, и всѣ мы, такъ сказать, душой привязались къ нему, одинокому, покинутому всѣми. По временамъ онъ чувствуетъ себя нѣсколько лучше, хотя и теперь еще болѣетъ, но въ немъ уже виденъ сталъ человѣческій образъ и все, что вы видите здѣсь, почти все его собственность. Теперь васъ не можетъ удивлять и самая переменна въ нашей жизни! Дѣло же объ имѣніи нашемъ слишкомъ затянулось, мой же небольшой капиталъ по-прежнему даетъ мнѣ возможность продолжать не рискованную игру на биржѣ, иногда не безъ успѣха. Но меня, какъ и жильца нашего, тревожатъ эти наши общіе враги, упорно насъ преслѣдующіе. Вслѣдствіе этихъ-то новыхъ тревогъ нашихъ, я и просилъ васъ къ себѣ и прямо обращусь къ вамъ съ просьбой засвидѣтельствовать въ случаѣ надобности о томъ именно, на сколько вы меня знаете. Вы изъ первыхъ знакомыхъ моихъ въ Петербургѣ и, смѣю думать, что мнѣ въ этомъ не откажете.

— Да въ чемъ же, графъ, можетъ заключаться мое свидѣтельство?—спросилъ я, недоумѣвая.

— Встрѣчается, видите ли, у кого-то сомнѣніе, что я дѣйствительно графъ, хотя еще не сомнѣваются въ томъ, что я именно Красинскій,—

произнесъ онъ съ ироніей.—Вы же знаете меня съ первыхъ дней нашего пріѣзда въ Петербургъ.

— Я зналъ васъ какъ графа Красинскаго, потому, что такъ общилъ мнѣ тогда о васъ бывшій временно вашимъ жильцомъ, знакомый мой, а впослѣдствіи и вашъ подполковникъ Ноздрачевъ, рекомендовавшій вамъ меня, но согласитесь, графъ, что генеалогія ваша мнѣ не могла быть извѣстной.

— Да вѣдь только и нужно, чтобы, при случаѣ, вы заявили, что знаете меня, какъ графа Красинскаго, какъ и мать мою, которая именуется графиней.

— Что я зналъ васъ какъ графа Красинскаго, это я всегда могу подтвердить, въ этомъ вы не можете сомнѣваться, и что мнѣ извѣстно отчасти и изъ вашихъ семейныхъ бумагъ. Изъ нихъ я могъ видѣть, что матушка ваша именуется графиней, а вы—графомъ Красинскимъ.

— Намъ только это и нужно. Очень вамъ за это благодаренъ—и графъ привсталъ пожавъ, мнѣ руку.—Вы мнѣ дали еще новую мысль. Вѣдь въ дѣлахъ Сената находится и мой указъ объ отставкѣ. Теперь—заклучилъ онъ,—преслѣдователи наши, навѣрно, оставятъ меня въ покоѣ, ограничась въ случаѣ надобности и вашимъ засвидѣтельствомъ. Съ вопросами по поводу этого обращались уже ко мнѣ и полицейскія власти, но въ настоящее время документовъ при мнѣ не находится. А теперь, пойдемте ужинать. Къ сожалѣнію, я не могу еще познакомить васъ съ моимъ другомъ Щукинымъ; по болѣзни, онъ не можетъ еще выходить изъ своего кабинета.

За ужиномъ, старушка-графиня и ея сынъ не разъ возвращались къ разговору о несчастной семейной жизни своего больного квартиранта и, послѣ приглашенія бывать у нихъ чаще, я простился съ семействомъ графа.

IV.

Черезъ нѣсколько дней графъ Красинскій заѣхалъ ко мнѣ въ департаментъ и увезъ меня къ себѣ обѣдать. Квартиранта ихъ, Щукина, я не видалъ и во время обѣда. Онъ все еще по болѣзни не покидалъ своего кабинета. Между прочимъ графъ сообщилъ мнѣ, что больной Щукинъ высказалъ ему желаніе со мной познакомиться и для этого просилъ съ нимъ прійти въ его кабинетъ. Когда послѣ обѣда, по широкому мягкому ковру, вошли мы съ графомъ въ кабинетъ больного, онъ лежалъ на кровати, закрывшись теплымъ шелковымъ одѣяломъ. Обширный каби-

нетъ этотъ отличался обстановкой, еще болѣе изящной, и былъ ярко освѣщенъ. Около кровати на столикѣ стояли разные склянки и флаконы съ лѣкарствами. На полу была разостлана большая медвѣжья шкура.

Графъ сказалъ больному обо мнѣ.

— А, а,—протянулъ онъ, подавая изъ-подъ одѣяла свою донельзя исхудавшую руку.

— Садитесь здѣсь,—около меня. Поговорите съ графомъ. Я люблю слушать человѣческій голосъ, котораго по чужой волѣ лишень былъ долгое время, самъ я говорить не могу,—произнесъ больной глухимъ охрипшимъ голосомъ.

Мы обмѣнялись съ графомъ нѣсколькими словами и замолчали. Больной заговорилъ снова:

— Я такъ глубоко благодаренъ графу, онъ вытащилъ меня изъ омота, а графиня какъ бы замѣнила мнѣ родную мать. Они спасли меня отъ медленной смерти.

— Ему видимо тяжело говорить—шепнулъ я графу,—не въ тягость ли больному мое присутствіе?

Онъ услышалъ эти слова и предложилъ намъ сигаръ и папирсъ, бывшихъ тутъ же въ ящикахъ на столѣ, и просилъ посидѣть около него. Мы снова присѣли на стоманкѣ. На видъ больному Шукину можно было дать лѣтъ 30-ть; но болѣзнь, видимо, успѣла скоротать его безотрадную молодость, загубленную невоздержностью, а можетъ быть еще болѣе и нравственными страданіями, вынесенными въ жизни, и онъ совсѣмъ казался старикомъ. Графъ и я курили молча. Больной потребовалъ себѣ трубку. Изъ маленькой двери, въ концѣ кабинета, показался черноволосый мальчикъ лѣтъ 15-ти, въ казакинѣ со шнурами, и подаль ему пенковую трубку съ длиннымъ чубукомъ. Когда больной взялся за чубукъ своими страшно исхудалыми длинными пальцами, рука его сильно дрожала.

— Кофе подать прикажете?—спросилъ мальчикъ.

— Сельтерской воды!—отрывисто отвѣтилъ больной.

Когда графъ подаль ему шипящую воду, стакавъ такъ и запрыгалъ въ рукѣ больнаго. Самъ онъ усиливался приподняться, тотъ хотѣлъ поддержать его голову, но она безпомощно опустилась на подушку.

— Спасибо тебѣ, другъ Костя,—прохрипѣлъ онъ,—было время, соколкомъ на Кавказѣ вылеталъ я изъ станицы и вольной птицей на конѣ носился по горамъ,—а теперь удалый казакъ сталъ мокрой курицей!...

Послѣ этого онъ замолкъ и сильно закашлялся. Длинный чубукъ тихо скатился на мягкій коверъ, и квартирантъ графа съ большимъ трудомъ повернулъ свою голову къ стѣнѣ. Посидѣвъ минуты двѣ, я и графъ тихо вышли изъ кабинета больнаго...

Въ слѣдующее мое посѣщеніе, по желанію Щукина, я снова приглашенъ былъ въ его кабинетъ. На этотъ разъ больной не казался уже такимъ безпомощнымъ, жалкимъ, хотя и былъ еще замѣтно слабъ. Въ немъ видимо была переменѣна къ лучшему, онъ сидѣлъ въ креслѣ и говорилъ больше. Голосъ его не былъ уже такимъ охрипшимъ. Кура изъ своего длиннаго чубука, онъ чутко прислушивался къ нашему разговору, при которомъ присутствовалъ кромѣ графа и докторъ, его лѣчившій, и самъ дѣлалъ намъ нѣкоторые вопросы.

Такъ прошло недѣли три. Здоровье Вячеслава Щукина, видимо, возстановилось, и онъ уже нѣсколько разъ вмѣстѣ съ графомъ выѣзжалъ на прогулку, чему послѣдній былъ очень радъ.

И вотъ во время одной изъ такихъ прогулокъ, съ ними произошло замѣчательное происшествіе. Приключеніе это, случившееся съ ними почти полвѣка тому назадъ, произошло среди бѣлаго дня и не въ какой-либо глуши, а въ центрѣ столицы и именно, на Загородномъ проспектѣ. Подобный случай безъ сомнѣнія покажется удивительнымъ и никакъ не повторился бы въ настоящее время при бдительномъ надзорѣ и усиленномъ составѣ нынѣшней петербургской полиціи.

Былъ праздничный день; при теплой погодѣ графъ Красинскій съ выздоравливающимъ Щукинымъ отправились въ Англійскій магазинъ за какой-то покупкой. При многолюдномъ движеніи и безпрестанно встрѣчавшихся экипажахъ, около Царскосельскаго вокзала на нихъ быстро налетѣла пара лошадей, запряженная также въ карету. Сзади была еще карета, отъ чего послѣдовала мгновенная остановка. И вдругъ одновременно изъ этихъ каретъ выскочили на дорогу какіе-то люди въ военной формѣ. Изъ нихъ двое подбѣжали къ каретѣ, въ которой сидѣли графъ и Щукинъ, и послѣдній моментально былъ выхваченъ изъ экипажа и на рукахъ перенесенъ въ ближайшую отъ нихъ карету. Графъ хотѣлъ выскочить за нимъ, но двое придерживали дверцы. Кучеръ, сидѣвшій на козлахъ кареты, въ которой оказался Щукинъ, направилъ ее назадъ, и она скрылась. Оставшіеся двое военныхъ прыгнули въ другую и та повернула быстро въ первую же улицу.

Графъ Красинскій не успѣлъ и придти въ себя, какъ обѣ кареты исчезли въ разныхъ направленіяхъ. Выскочивъ изъ кареты, онъ стоялъ около нея, какъ пришибленный. Сопедашій съ козелъ кучеръ торопливо поправлялъ упряжку лошадей. Къ каретѣ со всѣхъ сторонъ подходили разные лица, останавливались экипажи, и скоро карету графа окружила цѣлая толпа любопытныхъ. Одни говорили, что какіе-то офицеры похитили изъ кареты барышню, другіе увѣряли, что полиція попала на слѣдъ важнаго политическаго преступника и арестовала его на дорогѣ. Толпа волновалась и росла все болѣе. Графъ, придя въ себя, сѣлъ въ свою карету и приказалъ ѣхать прямо къ оберъ-полиціймейстеру.

Не заставши послѣдняго дома, онъ заѣхалъ ко мнѣ и, въ сильной тревогѣ, передавъ о необыкновенномъ случаѣ этомъ, просилъ меня поѣхать къ нему.

Когда мы пріѣхали въ ихъ квартиру, первыми словами вышедшей къ намъ старушки-графини было:—а гдѣ же Вячеславъ Николаевичъ?..

Графъ, въ явномъ смущеніи, порывисто разсказалъ ей о загадочномъ похищеніи Щукина на улицѣ, и графиня въ сильномъ волненіи повторяла только одно:—«Какъ же это могло случиться? и гдѣ же онъ бѣдный. Что съ нимъ опять будетъ. Несчастный снова попалъ въ ловушку, разставленную ему женой и ея братомъ». Сынъ ея положительно выходилъ изъ себя. То задумчиво шагаль онъ по комнатѣ, то видимо сердился и на себя и молча закрывалъ лицо руками, или громко восклицалъ:—«да это ужасно, ужасно».

Въ послѣдующіе дни, всѣ въ семьѣ графа были въ тревожномъ, удручающемъ состояніи, не зная ничего объ исчезнувшемъ такъ загадочно ихъ жильцѣ. Домашніе съ сожалѣніемъ говорили о больномъ другѣ графа. Самъ онъ особенно сильно скучалъ, постоянно беспокоясь о печальной участи бѣднаго Щукина, еще не оправившагося отъ болѣзни.

Графъ надумался наконецъ навести о немъ справки, и для этого поспѣшилъ привести въ исполненіе явившуюся ему мысль. Съ двумя мальчиками, сыновьями сестры его, будущими кадетами, занимался юноша студентъ, изъ духовнаго званія, жившій у графа, на котораго и палъ его выборъ. Когда онъ объявилъ объ этомъ молодому студенту, тотъ, искренно жалѣя располагавшаго всѣхъ къ себѣ Щукина, охотно согласился прослѣдить за нимъ послѣ загадочнаго похищенія и на другой же день, утромъ, запасшись словеснымъ наставленіемъ графа Красинскаго, немедленно отправился въ свою секретную экспедицію.

Квартира жены Щукина, находившаяся на другомъ концѣ столицы, по словамъ ея, нанималась вмѣстѣ съ братцомъ ея, офицеромъ лѣснаго вѣдомства. Посланецъ графа, по данному адресу разыскавъ этотъ домъ, нашелъ дворника въ его тѣсной конурѣ и повелъ рѣчь съ нимъ издалека. Затѣмъ коснувшись квартирантовъ дома, чтобы сдѣлать дворника болѣе разговорчивымъ, сунулъ ему въ руку рублевую бумажку. Хотя дворникъ и припряталъ ее въ карманъ своего широкаго жплета, но не былъ разговорчивымъ и видимо уже предупрежденный своими жильцами, уклончиво отвѣчалъ на вопросы; незамѣтно выслалъ онъ свою жену сказать объ этомъ самнимъ квартирантамъ. Вскорѣ же въ дворницкой появились люди, видимо изъ домашней прислуги Щукиной, и посланца отъ графа пригласили въ ея квартиру. Несмотря на свой протестъ, сконфуженный студентъ, угрожаемый полиціей, рѣшилъ пройти съ прислугой черезъ дворъ и предстать предъ глазами преслѣдователей

*

Шукина. Молодаго человѣка приняли здѣсь какъ бы за шпиона, спрашивали, съ какою цѣлью подкупалъ онъ дворника, и грозились отправить въ участокъ. Послѣ нѣсколькихъ сбивчивыхъ его отвѣтовъ, братъ Шукиной заперъ на ключъ комнату, изъ которой всѣ вышли, оставивъ его одного, и бѣднаго студента продержали взаперти до вечера плѣнникомъ Шукиной, какъ бы въ качествѣ аманата.

Графъ Красинскій, встревоженный долгимъ и непонятнымъ отсутствіемъ своего посланца, съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, и только къ вечеру возвратился тотъ, послѣ неудачной попытки получить свѣдѣніе о больномъ исчезнувшемъ другѣ графа.

V.

Прошло съ мѣсяць послѣ этого, когда однажды рано утромъ, къ подъѣзду графа Красинскаго подъѣхали дребезжавшія дрожки, съ которыхъ медленно съ большою осторожностью, сошелъ человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно худой, одѣтый вовсе не по сезону. На немъ не было ни пальто, ни калошъ на ногахъ. Не было даже на головѣ фуражки; съ головы до ногъ былъ накрытъ онъ большимъ темнымъ пледомъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, при безпрестанныхъ остановкахъ, онъ удушливо кашлялъ и нервно, задыхаясь, позвонилъ у дверей графа Красинскаго.

Отворившая дверь дѣвушка ахнула отъ удивленія, увидѣвъ больного барина. Въ залѣ стояла и старушка-графиня.

Истомленный усилившейся вновь болѣзнию, къ ногамъ ея бросился ихъ несчастный жилецъ, со словами:

— Спасите, спасите меня, я бѣжалъ отсюда, бѣжалъ въ чемъ видите.

Молодаго Красинскаго не было дома и когда возвратившись узналъ онъ, что безъ него въ такомъ жалкомъ видѣ вернулся его несчастный другъ, онъ поспѣшилъ къ нему въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ его лежавшимъ въ полномъ забытѣ. Послѣ двухчасоваго отдыха, лихорадка въ больномъ нѣсколько утихла; но за нею появился горячечный бредъ. Графъ, тревожась за послѣдствія всего пережитаго за это время Шукинымъ, еще не оправившимся отъ прежней болѣзни, немедля вызвалъ доктора.

Несмотря на рѣдкое ухаживаніе за больнымъ всей семьей Красинскихъ и ежедневныя посѣщенія извѣстнаго петербургскаго врача, больной другъ графа замѣтно слабѣлъ съ каждымъ днемъ и хотя, по увѣренію доктора, болѣзнь его не была опасною, но не подава-

лась лѣченію и все болѣе усиливалась. Тогда самъ докторъ сталъ высказывать свои опасенія. Жизнь Вячеслава Николаевича Щукина быстро таяла. Въ немъ быстро развивалась скоротечная чахотка, и графомъ приглашены были еще два доктора, для консилиума.

Вскорѣ же послѣ консилиума, графъ Красинскій письменно просилъ меня пріѣхать вечеромъ, какъ писалъ онъ, по просьбѣ больного Щукина. Когда я и графъ вошли въ кабинетъ, кромѣ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, — я увидѣлъ здѣсь и священника.

Узнавъ меня, больной обратился ко мнѣ съ просьбою подписать его духовное завѣщаніе.

— Батюшкѣ и присутствующимъ здѣсь уже извѣстна послѣдняя моя воля,—прибавилъ онъ и отъ слабости закрылъ глаза.

Графъ не предупредилъ меня, для чего былъ я приглашенъ больнымъ, и я видимо растерялся, смотря на группу лицъ, окружавшихъ больного. Священникъ, замѣтивъ мою нерѣшимость, тихо прибавилъ отъ себя:

— Это завѣщаніе подписано мною и двумя присутствующими здѣсь лицами. Завѣщатель выразилъ намъ свою волю въ полной памяти, о чемъ проситъ подтвердить и васъ своей подписью.

Самъ больной, какъ и въ первое наше свиданіе съ нимъ, лежа на кровати, протянулъ мнѣ свою еще болѣе высохшую руку и, сядясь приподняться при помощи графа, перекрестился изъ-подъ одѣяла своей дрожащей рукой и приложился къ кресту, бывшему въ рукахъ священника. При полномъ молчаніи, воцарившемся въ кабинетѣ, я наскоро пробѣжалъ переданное мнѣ священникомъ завѣщаніе Щукина и также подтвердилъ его своимъ подписомъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, въ бытность мою въ департаментѣ, вызванный курьеромъ въ пріемную, я увидѣлъ графа Красинскаго, сидѣвшаго склоня голову у стола дежурнаго чиновника. Онъ былъ блѣденъ и казался совершенно разстроеннымъ. Привѣтавши со стула, онъ прошепталъ мнѣ:

— Вячеславъ Николаевичъ сегодня утромъ скончался, и слезы затуманили глаза графа. У насъ въ домѣ уже полиція, опечатываютъ всѣ вещи не только покойнаго, но и наши собственныя, и мы въ отчаяніи.—Поѣдемте къ намъ немедленно.

Доложивъ по начальству о необходимости уѣхать, вмѣстѣ съ графомъ я направился въ Коломну.

Въ залѣ, на длинномъ столѣ, еще неположенный въ гробъ, покоился непробуднымъ сномъ настрадавшійся въ этой жизни, другъ графа Красинскаго, не дотянувшій и до 30-ти лѣтъ.

Полицейскія власти, не взирая на протестъ графа и слезы старушки, его матери, свободно распоряжались въ ихъ квартирѣ, опечатывая во

всѣхъ комнатахъ всѣ вещи безъ исключенія, какъ принадлежащія умершему Шукину. Какъ ни просила графиня и ея сынъ освободить отъ печатей комнату, въ которой помѣщалась старушка, гдѣ находился и комодъ ея съ хранившимися семейными бумагами и портретомъ ея покойнаго мужа, котораго память чтила она и послѣ его смерти,—просьбы ихъ не были уважены. Исполнители этихъ формальностей заявляли одно, что, при всемъ ихъ желаніи сдѣлать имъ угодное, они не могутъ отступитъ отъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ по долгу службы.

До поздняго вечера продолжалась процедура этого опечатыванія. Во всѣхъ комнатахъ квартиры былъ полнѣйшій беспорядокъ. Ко всему этому для семейства Красинскихъ прибавилось еще большее горе, еще большія нравственныя страданія.

VI.

Несмотря на поздній вечеръ, неожиданно послышался сильный звонокъ, и въ залу вошло нѣсколько совсѣмъ незнакомыхъ лицъ.

Впереди всѣхъ вошелъ полковникъ X., лицо близкое къ важному петербургскому сановнику. За нимъ величаво выступала высокая дама въ глубокомъ траурѣ съ длиннымъ шлейфомъ. Шествіе это заключали нѣсколько военныхъ и мѣстный частный приставъ.

Неожиданное появленіе этихъ людей навело панику на всѣхъ тутъ бывшихъ, и даже полицейскія власти остановили на время свои дѣйствія.

Подойдя къ тѣлу покойнаго, дама въ траурѣ сбросила съ лица вуаль и опустилась на колѣни съ крикомъ отчаянія:

— Вячеславъ, мой бѣдный, несчастный мужъ! что съ тобой здѣсь сдѣлали!—и крики ея перешли въ громкія рыданія.—Свели тебя здѣсь преждевременно въ могилу, чтобы, отдаливъ отъ меня, воспользоваться твоимъ состояніемъ! Мой несчастный бѣдный другъ!

Затѣмъ снова повторились громкія рыданія, доходившія до истерики.

Полковникъ X. первый бросился поднимать молодую вдову, и изъ устъ его полились слова утѣшенія:

— Не отчаивайтесь такъ,—ласково говорилъ сѣдовласый полковникъ, повидимому оказывавшій вдовѣ особенное участіе,—къ вашимъ услугамъ я готовъ предоставить себя всецѣло.

Поднявшись съ колѣнъ, величественная дама, путавшаяся въ своемъ шлейфѣ, окинула взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, съ явнымъ намѣреніемъ упасть снова. Подхватывая ее, полковникъ утѣшалъ словами:

— Прошу васъ, только успокойтесь! Всѣ права ваши немедленно будутъ возстановлены, за это я ручаюсь и готовъ сдѣлать для васъ все.

Братъ молодой вдовы потребовалъ для нея стаканъ воды и безпрестанно подносилъ къ ея носу флаконъ, заключавшій въ себѣ какую-то аптечную эссенцію.

Неожиданное вторженіе въ квартиру этихъ незнакомыхъ личностей, а тѣмъ болѣе слова, брошенныя траурной дамой, по назначенію семьи Красинскихъ, произвели на нихъ удручающее впечатлѣніе. Эти оскорбительныя слова вдовы умершаго Щукина о насильственной смерти ея мужа окончательно добили старушку-графиню.

Не произнеся ни слова, она упала предъ иконой, и ее въ безпамятствѣ вывели въ другую комнату.

Графъ приблизился было къ группѣ этихъ лицъ, но, сдержавъ себя, блѣдный, поспѣшилъ выйти вслѣдъ за матерью.

Ушли затѣмъ и эти пришлые люди; но грустно и тяжело было видѣть то горе, которое овладѣло семействомъ Красинскихъ, общавшее со смертью Щукина для нихъ въ будущемъ еще болѣе тяжкія нравственныя испытанія.

Смерть Вячеслава Щукина, успѣвшаго пріобщиться въ - время Св. Тайнъ, какъ констатировали доктора: воплію популярный уже и тогда въ медицинѣ, Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ и Рихтеръ, врачъ Литовской тюрьмы и другихъ учреждений (фамилію третью не припомню), послѣдовала отъ быстро развившейся скоротечной чахотки.

Родной дядя покойнаго, статскій генералъ Щукинъ, находившійся во время смерти племянника, вынулъ изъ-подъ подушки его духовное завѣщаніе, утвержденное его подписомъ, а также священникомъ и свидѣтелями, и завѣщаніе это тогда же было предоставлено имъ въ надлежащее учрежденіе. Самая большая сумма капитала была завѣщана графу Каэтану Красинскому, его матери и сестрѣ. Дядѣ было завѣщано всего 10.000 руб., жёнѣ же покойнымъ, по причинамъ, ему извѣстнымъ,—завѣщаніемъ ничего предоставлено не было.

Между тѣмъ вдова Щукина, съ напускнымъ горемъ, въ своемъ глубокомъ траурѣ, руководимая ухаживающимъ за нею полковникомъ и совѣтами называемаго ею брата, появлялась у разныхъ лицъ столичной администраціи, заявляя всюду о фальшивомъ будто бы завѣщаніи мужа, вынужденномъ графомъ Красинскимъ, и даже о насильственной смерти перваго, послѣдовавшей въ семьѣ графа, съ цѣлью воспользоваться состояніемъ покойнаго.

Одновременно съ этимъ, вдовой Щукина было подано прошеніе о томъ же въ страшное тогда для многихъ III отдѣленіе. Вслѣдствіе того медицинскимъ начальствомъ было предписано медикамъ специа-

листамъ немедленно произвести вскрытіе тѣла покойнаго, чтобы опредѣлить, отъ какой болѣзни онъ скончался.

VII.

Въ одинъ изъ служебныхъ дней, департаментскій курьеръ, по приказанію директора, потребовалъ меня въ его кабинетъ. Хотя и прошло почти полвѣка, но многіе изъ прежнихъ моихъ сослуживцевъ, въ числѣ коихъ есть уже и сенаторы и члены Государственнаго Совѣта, вѣрно помнятъ еще высокую, крупную фигуру бывшаго директора Алексѣя Кирилловича Ключарева. Суровый 60-ти-лѣтній, но еще крѣпкій и бодрый старикъ, съ густыми нависшими бровями, онъ являлся въ департаментъ ежедневно въ своемъ наглухо застегнутомъ широкомъ форменномъ сюртукѣ. Высокій и коренастый, происходилъ онъ изъ духовнаго званія и хотя былъ строгимъ и отчасти грубымъ, но, исполнительный самъ, всегда отличался справедливостью и съ отзывчивостью относился къ нуждамъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Никакихъ протекцій онъ не признавалъ и охотно принималъ въ департаментъ на службу спавшихъ съ голоса молодыхъ пѣвчихъ Императорской капеллы. Изъ нихъ даже организованъ былъ хоръ для пѣнія во время всенощной и обѣдни въ департаментѣ въ дни памяти перенесенія мощей Святителя Николая Чудотворца.

Когда смущенный вошелъ я въ кабинетъ директора, то онъ, окинувъ меня своимъ юпитерскимъ взглядомъ, сразу ошеломилъ меня вопросомъ:

— А какія это вы, сударь мой, подписываете фальшивыя завѣщанія?..

Какъ ни оробѣлъ я передъ моимъ грознымъ начальникомъ, но твердо отвѣтилъ ему:

— Духовное завѣщаніе, ваше превосходительство, я дѣйствительно подписывалъ, по просьбѣ отставнаго офицера Щукина, но завѣщаніе это было не фальшивое и было уже ранѣе меня подписано священникомъ и другими свидѣтелями, и я подписался въ присутствіи бывшаго при этомъ священника и извѣстныхъ петербургскихъ медиковъ.

— Бумагой этой, — указалъ онъ на столъ — слѣдственный приставъ просить департаментъ о назначеніи депутата при вашемъ допросѣ, — произнесъ онъ уже нѣсколько мягче; — смотрите же, если окажется что-либо не хорошее, немедленно же уволю васъ заднимъ числомъ. Депутатъ будетъ назначенъ, и онъ указалъ мнѣ на дверь.

Неожиданный вызовъ къ слѣдственному приставу черезъ департаментъ заставилъ меня сильно безпокоиться. Что будетъ, думалъ я, если директоръ нашъ, извѣстный своей строгостью, вздумаетъ исполнить свою угрозу въ отношеніи меня ранѣ окончанія допросовъ. Въ началѣ, я уже коснулся того, какого труда стоило мнѣ добиться мѣста въ этомъ департаментѣ, въ которомъ я уже предвидѣлъ для себя нѣчто лучшее въ недалекомъ будущемъ, и для меня потерять здѣсь службу было бы страшнымъ несчастіемъ.

Къ счастью моему, директоръ вмѣсто назначеннаго имъ въ началѣ депутата, изъ начальниковъ отдѣленія, причисленнаго по департаменту чиновника особыхъ порученій, извѣстнаго своимъ непомѣрнымъ чудачествомъ, по просьбѣ моей чрезъ правителя канцеляріи, назначилъ другаго дѣльнаго и вполне гуманнаго чиновника, состоявшаго при министерствѣ.

При первой же повѣсткѣ отъ слѣдственнаго пристава, уважаемый чиновникъ этотъ самъ заѣхалъ за мною въ департаментъ, и послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ мнѣ при немъ вопросовъ, слѣдственный приставъ записалъ мои показанія. Этимъ все относительно меня и было закончено.

VIII.

Между тѣмъ графъ Красинскій старательно хлопоталъ о снятіи печатей съ имущества, принадлежащаго его семейству, обращался и къ высшимъ лицамъ. Явившись разъ къ одному изъ высшихъ сановниковъ, для успокоенія своей старушки-матери, онъ слишкомъ настоятельно просилъ распоряженія его сіятельства о возвращеніи имъ ихъ собственныхъ вещей, опечатанныхъ полиціей.

Раздраженный неоднократнымъ посѣщеніемъ графа и его настойчивостью, генералъ замѣтилъ ему рѣзко:

— Ваша исторія съ Щукинымъ распространилась уже по всему Петербургу!..

— Позвольте возразить вашему сіятельству, — отвѣтилъ графъ, — что ни у меня со Щукинымъ, ни у Щукина со мной никогда не было никакой исторіи.

На это его сіятельство, настроенный уже противъ графа приближеннымъ своимъ полковникомъ Х..., сдѣлалъ графу намекъ на аферы разныхъ лицъ, съ сомнительными аттестаціями, наѣзжающихъ въ Петербургъ, распространяющихъ шантажъ даже и въ столицѣ. Графъ,

принявъ этотъ намекъ на свой счетъ, счелъ себя оскорбленнымъ и отвѣтилъ важному администратору довольно рѣзко.

Его сѣятельство, раздраженный этимъ, позволилъ себѣ сильно возвысить голосъ и когда графъ замѣтилъ ему, что онъ, какъ бывший офицеръ русской службы, на его кричать не позволитъ, то сановный генералъ забылся до того, что въ гнѣвъ исказилъ поговорку и задыхаясь проговорилъ:

— Правда и то, для того и карась въ водѣ, чтобы щука не дремала!

— Ваше сѣятельство такъ высоко поставлены и такъ низко способны оскорблять человѣка. Вы...

Но графъ силою удержалъ себя и, судорожно сжавъ рукой поля шляпы,—быстро повернулся къ выходу.

— А кто я! скоро узнаете!—закричалъ вслѣдъ ему взбѣшенный сановникъ.

Хотя печати съ имущества графа Красинскаго и были сняты, но съ этого времени для него начались систематическія преслѣдованія. О графѣ Красинскомъ наводились справки и внѣ Петербурга, въ тѣхъ именно городахъ, гдѣ былъ онъ прежде на службѣ и жилъ послѣ отставки.

По стеченію несчастныхъ для него обстоятельствъ, оказалось, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время своей службы, бывши въ Кіевѣ, при какой-то случайности, онъ нечаянно застрѣлилъ еврея, который умеръ. Забытое дѣло это вновь поднято, и возбуждена была продолжительная переписка.

Въ это же лѣто изъ Польши пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ товарищъ графа Красинскаго по корпусу, молодой гусарскій корнетъ князь Ольгердъ Гедыминъ, потомокъ древнихъ князей литовскихъ. Это былъ красивый блондинъ, большой весельчакъ и жуиръ. Между однокашниками и старыми товарищами возстановились прежнія дружескія отношенія, и молодой гусаръ былъ ежедневнымъ гостемъ графа, а затѣмъ и совсѣмъ поселился у него въ Петровскомъ паркѣ.

Молодой, увлекающійся князь, любившій пожить въ волю, началъ съ того, что въ наемной коляскѣ постоянно развѣзжалъ по окрестностямъ Петербурга, развлекался въ загородныхъ увеселительныхъ садахъ, не пропускалъ случая часто бывать въ Павловскѣ на музыкѣ и въ Царскомъ Селѣ на скачкахъ. Между тѣмъ время шло быстро, молодой гусаръ забывалъ даже и о томъ, что приближался и самый срокъ его отпуска. Въ полку уже ожидали его возвращенія, а молодой корнетъ уклонялся отъ возврата въ полкъ, подъ разными предлогами, упорно скрывался, но, въ концѣ концовъ, онъ былъ арестованъ въ квартирѣ графа Красинскаго и отвезенъ на гауптвахту.

Укрывательство молодаго гусара и возникшее дѣло объ убитомъ

евреѣ послужили поводомъ къ тому, что Красинскій былъ внезапно арестованъ и заключенъ въ секретномъ номерѣ одной изъ петербургскихъ полицейскихъ частей.

Я поспѣшилъ навѣстить этого несчастнаго узника. Проходя по грязной полицейской лѣстницѣ въ секретную камеру графа, я остановился у дверей съ желѣзной рѣшеткой, открываемыхъ ключемъ сопровождавшаго меня полицейскаго солдата. Посреди камеры, темной и грязной, графъ въ своемъ бархатномъ халатѣ стоялъ на колѣняхъ и молился; волосы его сзади показались мнѣ посѣдѣвшими. Я нѣсколько переждалъ и войдя увидѣлъ лицо его крайне осунувшимся; видно было, что не мало онъ выстрадалъ за это время.

Пока графъ Красинскій содержался въ секретномъ номерѣ при полицейской части, дѣло по духовному завѣщанію покойнаго Щукина, вслѣдствіе происковъ его жены, было передано на обсужденіе другаго судебного учрежденія, общимъ присутствіемъ котораго было рассмотрѣно также и вытребованное къ дѣлу завѣщаніе покойнаго отца Щукиныхъ. Между прочимъ въ немъ было пояснено, что наслѣдственнымъ капиталомъ послѣ него сыновья его, Леонидъ и Вячеславъ, могли располагать только послѣ достиженія 30-ти лѣтъ, а Вячеславъ Николаевичъ Щукинъ умеръ 29-ти лѣтъ, капиталъ же послѣ матери былъ предоставленъ въ ихъ полное распоряженіе; поэтому судебное учрежденіе пришло, по смыслу завѣщанія отца Щукиныхъ, къ тому заключенію, что покойной завѣщатель Вячеславъ Щукинъ отцовскимъ капиталомъ, какъ не имъ приобретеннымъ, за недостиженіемъ 30-ти лѣтъ, не могъ и распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Вскорѣ послѣ этого, я былъ переведенъ на службу въ Москву. Впослѣдствіи, дядя покойнаго Вячеслава Щукина съ явнымъ неудовольствіемъ рассказывалъ между своими знакомыми, что при всѣхъ его хлопотахъ, послѣ смерти племянника, изъ наслѣдства его ему ничего не досталось, что судебнымъ учрежденіемъ постановлено было капиталъ его обратить въ родъ Щукиныхъ, передавъ его въ опеку, бывшую надъ старшимъ братомъ Вячеслава, Леонидомъ Щукинымъ, для пользованія капиталомъ этимъ дѣтьми послѣдняго, по достиженіи ими совершеннолѣтія.

Такимъ образомъ, оказалось, что право завѣщателя покойнаго Вячеслава Николаевича Щукина, распорядившагося доставшимся ему послѣ отца капиталомъ, юридически признано не было. Доносы же его вдовы о фальшивомъ завѣщаніи и насильственной смерти ея мужа, какъ лишенные всякаго основанія, судебнымъ учрежденіемъ были оставлены безъ вниманія.

И такъ, ни семейство графа Красинскаго, ни дядя покойнаго Вячеслава Щукина изъ капитала его ничѣмъ не воспользовались; но смерть

его въ семьѣ графа внесла много неожиданныхъ бѣдствій, и еще до окончанія дѣла графъ Красинскій былъ административнымъ порядкомъ высланъ изъ Петербурга въ Кіевъ.

Такъ неожиданно для всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ лицѣ закончилось дѣло по духовному завѣщанію Вячеслава Николаевича Шукина, одного изъ крупныхъ наслѣдниковъ Шукина двора.

При императрицѣ Екатеринѣ II-ой Шукинымъ дворомъ владѣлъ прадѣдъ Вячеслава Шукина, именитый петербургскій купецъ Иванъ Меркурьевичъ Шукинъ. При императорѣ Николаѣ I-мъ, Шукинъ дворъ былъ соединенъ съ дворомъ графа Апраксина, и въ немъ, по преимуществу, производилась торговля птицами и вообще дичью.

Николай Жариновъ.

Замѣтка о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о моемъ братѣ К. С. Веселовскій, указывая на бѣдность обстановки его квартиры, видитъ въ этомъ желаніе хозяина оригинальничать ¹⁾. При этомъ авторъ воспоминаній подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что по послужному списку значилось, что братъ имѣлъ два дома въ Петербургѣ, пустопорожнее мѣсто и 25-ть душъ крестьянъ.

По поводу послѣднихъ замѣчаній автора воспоминаній считаемъ долгомъ сказать, что финансовое положеніе брата было всю жизнь очень плохо, такъ какъ по выходѣ изъ лицея и по окончаніи курса въ университетѣ покойный Михаилъ Васильевичъ не былъ отдѣленъ и не имѣлъ, что называется, своего гроша. Все зависѣло отъ нашей матушки, особы очень крутаго характера, и находилось въ ея рукахъ. Я считалась ея любимицей и, однако, не запомню и одной ласки, а Михаилъ Васильевичъ едва-ли пользовался прерогативами избалованнаго сына. Хорошо помню ежедневныя семейныя сцены изъ-за полученія отъ матушки 3—4-хъ рублей, на которые ею постоянно требовались росписки, чтобы представить ихъ при предполагаемомъ раздѣлѣ имущества: имѣніе было нераздѣлено, а насъ было четыре сестры.

У матушки было два каменныхъ дома въ Петербургѣ и имѣніе въ Вологодской губ.; общее же наслѣдство, нераздѣленное по смерти отца, (въ 1845 г.), состояло изъ двухъ домовъ, каменнаго и деревяннаго, въ Коломнѣ, на Покровской площади, гдѣ и былъ арестованъ Петрашевскій (жившій на отдѣльной квартирѣ), и имѣніе въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., въ которомъ было 240 или 250 душъ съ 8 тысячами десятинъ земли. Имѣніе не приносило почти никакого дохода, а Ми-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1900 г. № 9 (сентябрь), стр. 454 и 455.

хаиду Васильевичу было дано изъ него два или три человѣка въ услуженіе.

Мать часто и рѣзко упрекала Михаила Васильевича за то, что онъ тратитъ деньги на выписку и покупку никому не нужныхъ книгъ. Вѣроятно, все получаемое онъ издерживалъ на книги, вслѣдствіе чего въ остальныхъ тратахъ онъ долженъ былъ быть крайне экономнымъ и довольствоваться самымъ необходимымъ, не допуская никакой роскоши. Но на книги Михаилъ Васильевичъ денегъ не жалѣлъ, и мнѣ онъ нерѣдко дарилъ ихъ, напр. «Petit Buffon illustré», сочиненія Lamennais и др.

Въ началѣ второй половины 50-хъ годовъ Петрашевскій, превратившись изъ ссыльно-каторжнаго въ поселенца, поселился въ Иркутскѣ. Онъ былъ хорошо принятъ у генераль-губернатора Муравьева, у котораго въ то время самымъ близкимъ лицомъ былъ М. С. Корсаковъ. Михаилъ Васильевичъ умѣлъ подмѣчать смѣшныя стороны людей, и высказывая ихъ, платился за это. Онъ часто называлъ М. С. Корсакова почтовой лошадыю, такъ какъ онъ шестнадцать разъ ѣздилъ курьеромъ въ Европу. Въ 1860 г. Корсаковъ, замѣщавшій тогда Муравьева во время его отсутствія, сослалъ Петрашевскаго въ Минусинскій округъ. Въ 1863 г., когда Корсаковъ уже былъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири и пріѣхалъ въ Петербургъ, я ѣздилъ просить его дать о Петрашевскомъ хорошій отзывъ, такъ какъ кн. Долгорукой, тогдашній шефъ жандармовъ, обѣщалъ мнѣ отпустить его на поруки, если мѣстныя власти дадутъ о немъ хорошій отзывъ. Корсаковъ, узнавъ, что я сестра Михаила Васильевича, мнѣ лично сказалъ: «Вы просите дать хорошій отзывъ о Петрашевскомъ,—ну такъ знайте,—я ему припомню почтовую лошадь! Знайте, что, пока я буду генераль-губернаторомъ, онъ никогда не услышитъ отъ меня хорошаго слова». Мнѣ оставалось только поклониться и уѣхать, а братъ мой такъ и умеръ въ 1866 г. въ глуши Енисейскаго округа, въ селѣ Бѣльскомъ, хотя всеѣмъ его товарищамъ по ссылкѣ было уже давно разрѣшено возвратиться на родину.

**А. В. Семевская, урожд.
Буташевичъ-Петрашевская.**

Приказъ военнаго министра графа Аракчеева о встрѣчѣ императора
Александра въ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ.

16 марта 1809 г., г. Борго.

На случай Высочайшаго Его Императорскаго Величества прибытія въ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ предписывается слѣдующее:

1) По прибытіи Государя Императора въ Гельсингфорсъ,—по близости назначеннаго для Высочайшаго пребыванія дома къ главной гаубвахтѣ, особаго караула не наряжать, а имѣть съ гаубвахты у подъѣзда двухъ часовыхъ съ будками и въ залѣ внутри двухъ унтеръ-офицеровъ съ алебардами, да особо сколько потребовано будетъ часовыхъ къ придворнымъ экипажамъ.

2) При въѣздѣ въ Гельсингфорсъ, встрѣтитъ Его Величество плацъ-маіору съ плацъ-адъютантомъ.

3) У подъѣзда Государева, встрѣтитъ генералу командующему корпусомъ со всѣми прочими военными генералами, штабъ и оберъ-офицерами, не занятыми въ тотъ день должностями, кромѣ коменданта и плацъ-маіоровъ Свеаборгскихъ, коимъ находится на своихъ мѣстахъ.

4) Всѣ упомянутые чины слѣдуютъ за Государемъ въ Его покои и остаются въ залѣ, а по выходѣ Его Величества изъ внутреннихъ комнатъ подаетъ командующій корпусомъ генералъ рапортъ и сказываетъ пароль и лозунгъ того дня.

5) Во оное же время являются къ Государю ординарцы по одному оберъ-офицеру отъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

6) Волѣ никому изъ прочихъ г.г. генераловъ никакихъ рапортовъ Его Величеству не подавать.

7) Послѣ того военной министръ представитъ Государю Императору всѣхъ генераловъ (и) штабъ-офицеровъ.

8) Когда Государь изволитъ поѣхать въ крѣпость Свеаборгъ, то провожаетъ Его изъ Гельсингфорса до крѣпости плацъ-маіоръ съ плацъ-адъютантомъ прямо въ главную крѣпость Варгень.

9) При въѣздѣ въ крѣпость встрѣчаетъ Его Величество комендантъ съ плацъ-маіорами и плацъ-адъютантами и провожаетъ прямо на площадь, гдѣ находится монументъ.

10) Когда Государь Императоръ изволитъ взойти на валъ внутренней пытоденной (цитадельный), то военной министръ прикажетъ ближайшему орудію здѣлать выстрѣлъ, по сигналу коего со всѣхъ крѣпостей и батарей производится пальба изъ всѣхъ орудій по одному выстрѣлу.

11) Для сего всѣ орудія должны заблаговременно уже быть заряжены и артиллеристы находиться при орудіяхъ.

12) Комендантъ на площади у монумента подаетъ Государю Императору рапорты: первой о состояніи гарнизона, а другой о количествѣ орудій, снарядовъ, пороха и провіанта.

13) Инженерному генералу имѣть планъ всѣмъ Свеаборгскимъ укрѣпленіямъ.

14) Баталіоны пѣхотные, не занятые карауломъ, должны быть построены въ крѣпости въ Стуръ-Остеръ-Шварьдѣ, ими командуютъ: генераль-маіоръ графъ Сиверсъ, и по прибытіи Его Величества къ фронту, баталіоны отдають честь, а командующій генераль подаетъ строевую записку.

15) Въ Гельсингфорсѣ отъ главнаго караула назначить часовыхъ къ военному министру, двухъ къ подъѣзду и одного къ экипажамъ; генераль-губернатору—двухъ; къ генераль-адъютантамъ: Уварову и Гагарину—по одному.

новъ „журналъ“ и „протоколъ“, такъ какъ эти слова въ екатерининскую эпоху имѣли другое значеніе, чѣмъ въ настоящее время. „Современное значеніе словъ „журналъ“ и „протоколъ“, какъ понятій канцелярскихъ,—говоритъ авторъ,—не требуетъ особыхъ объясненій: журналъ—это дневная записъ входящихъ или исходящихъ бумагъ; протоколъ—совершаемое въ установленной формѣ официальное удостовѣреніе объ обстоятельствахъ какого-либо юридическаго факта или юридическихъ фактовъ въ широкомъ значеніи этого слова. Отсюда получаются административный и судебный протоколы; административный протоколъ обладаетъ очень широкимъ содержаниемъ; цѣль же судебного протокола специальная—охраненіе необходимыхъ судопроизводительныхъ формъ, нарушеніе которыхъ можетъ влечь за собою обжалованіе въ законномъ порядкѣ. Сенатскій журналъ указанного времени есть не что иное, какъ своеобразный типъ современнаго судебного протокола; протоколъ же представляетъ собою постановленіе присутственнаго мѣста, его рѣшеніе, приговоръ. И въ такомъ значеніи понятія „журналъ“, „протоколъ“ употребляются почти въ теченіе всего XVIII вѣка, если не считать короткаго періода петровскаго царствованія, когда „журналъ“ и „протоколъ“ понимались въ нынѣшнемъ ихъ значеніи“.

Въ этомъ сборникѣ, составляющемъ приложеніе къ вышеупомянутому изслѣдованію, по преимуществу напечатаны журналы и протоколы Сената изъ лѣтъ 1763—1774, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Какъ образчикъ, приводимъ протоколъ по предложенію оберъ-прокурора Всеволожскаго по поводу донесенія пермскаго прокурора Копнева о неправильномъ производствѣ дѣла кр. Выкова о злоупотребленіяхъ тамошняго воеводскаго товарища Скорохова: „1765 года Ноября 17 дня по указу ея императорскаго величества Правительствующей Сенатъ по представленному при предложеніи Г. Оберъ-Прокурора Всеволожскаго Пермской провинціи Прокурора Копнева доношенію, которымъ представляетъ о неправильномъ производствѣ по имѣющемуся въ той Канцеляріи дѣлу крестьянина Ефима Выкова съ татарами въ битвѣ его и въ увѣчьи, и о не порядкахъ и взяткахъ бывшаго тамъ воеводскаго товарища Скорохова п Секретаря Милукова. Приказали: Во исполненіе генеральнаго регламента 26-й и 51-й главъ, то Прокурора Копнева доношеніе отослать при указѣ въ Юстицъ-Коллегію, которой, разсмотрѣвъ, рѣшеніе учинитъ въ силу законовъ и, что учинено будетъ, въ Сенатъ

репортовать, о чемъ для вѣдома и въ Пермскую Провинціальную Канцелярію послать указъ“.

Н. К-ш-ъ.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12 томахъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томы 1 и 2. С.-Петербургъ, 1900 г.

Въ 1898 г., какъ извѣстно, прекратились права литературной собственности на сочиненія Бѣлинскаго, что и вызвало появленіе нѣсколькихъ изданій сочиненій великаго критика. Бѣольшая часть этихъ изданій, равно какъ и 12-томное собраніе сочиненій, изданное въ 1859—61 гг. К. Т. Солдатенковымъ, подъ редакціею Н. Х. Кетчера, — не заключаютъ въ себѣ всего того, что вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго.

С. А. Венгеровъ задался цѣлью дать дѣйствительно полное собраніе всего, написаннаго Бѣлинскимъ, съ повѣренными и полнымъ текстомъ, съ историко-литературными комментаріями, съ объясненіемъ непонятныхъ намековъ и неясностей и съ указаніемъ литературы предмета. Все изданіе, по предназначенію редакторомъ плану, будетъ состоять изъ 12 томовъ: томы I—X будутъ заключать въ себѣ все, что когда-либо вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго; войдутъ. 1) Всѣ статьи, уже напечатанныя въ первомъ собраніи сочиненій, но въ полномъ видѣ, безъ урѣзокъ. 2) Всѣ небольшіе отзывы и рецензіи (478), только названные въ первомъ изданіи, но опущенные тамъ „по незначительности“. (Списокъ ихъ, составленный А. Д. Галаховымъ, прилагался къ каждому тому прежняго изданія). 3) Рядъ рецензій, не указанныхъ въ спискахъ Галахова. 4) Юношеская драма Бѣлинскаго. 5) Грамматика, составленная Бѣлинскимъ. 6) Переводы. Томъ XI будетъ посвященъ письмамъ, а XII — литературѣ предмета и указателямъ.

Въ первыхъ двухъ томахъ разсматриваемаго нами собранія сочиненій Бѣлинскаго г. Венгеровымъ помѣщено много статей, которыя или совсѣмъ не вошли въ прежнія изданія, или были напечатаны съ сокращеніями, а также многочисленныя переводы великаго критика, доказывающіе неосновательность прочно сложившагоса мнѣнія о незнаціи имъ повѣйшихъ языковъ.

Судя по первымъ двумъ томамъ и предполагаемому редакторомъ плану, это собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго будетъ гораздо полнѣе всѣхъ уже существующихъ, и нельзя не пожелать отъ души г. Венгерову—довести задуманное предпріятіе до конца съ такою же тщательностью, какою отличаются первые два тома.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящая въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Живнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

МАРТЪ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1828—1830 гг.). Н. К. Шильдера.	497—516	XIII. Изъ переписки А. И. Михайловскаго - Данилевскаго.	717—724
II. Какъ и чему учился царевичъ Алексѣй Петровичъ. Сообщ. М. К. Марченко.	517—520	XIV. Къ біографіи Н. А. Полевого. Н. К. Козмина.	725—732
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	521—558	XV. Страничка изъ прошлаго (Маіоратъ). (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулева.	733—738
IV. Изъ записокъ стараго преобразенца, 1852 годъ. Князя Н. К. Шмертинскаго.	559—577	XVI. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Встрѣча А. С. Пушкина съ преступникомъ В. К. Кюхельбекеромъ. Рапортъ фельдъегеря Подгорнаго—дежурному ген. Главнаго штаба ген.-адъютанту Потапову, 28-го окт. 1827 г. (стр. 578). — Письма вел. кн. Константина Павловича — Федору Петровичу Опочинину о художникѣ Орловскомъ, 6-го февраля и 25-го юня 1816 г. (634). Изъ письма П. А. Плетнева—И. И. Давыдову объ ученыхъ и образовательныхъ учрежден. во Франціи и Англии, 17-го (29-го) окт. 1856 г. Сообщ. В. И. Срезневскій (739—741). Къ характеристикѣ В. Н. Каразина. Письмо спб. митрополита—киевскому митрополиту, 7 марта 1804 г. Письмо К. Н. Батюшкова—М. О. Орлову, Спб. 3 ноября 1818 г. (742).	
V. Внутреннее положен. Россіи въ 1855 году.	579—596	XVII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Переводъ В. В. Тимошукъ.	597—633		
VII. Мелкіе разсказы Михаила Мансимовича Попова. 1) Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ. 2) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. 3) Дмитрій Ирринархъ Завадлинъ — самъ о себѣ. 4) Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.	635—646		
VIII. Записки генерала В. И. Левенштерна.	647—672		
IX. Императоръ Николай I и семейство декабриста Ивана Александровича Анненкова.	673—678		
X. Причины преслѣдованія М. Л. Магницкаго, имъ самимъ описанныя.	679—684		
XI. Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и его письма. Сообщ. И. В. Кубасовъ.	685—710		
XII. Щелмаловы и Чепчуговы. Д. О. Кобко.	711—716		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ протоіерея І. І. Базарова. Грав. И. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, 39.
1901.

III-я книжка „Русской Старинѣ“ вышла 1-го марта 1901 г.

Библиотека „Руниверс“

Библиографическій листокъ.

Письма и бумаги Суворова изъ «Суворовскаго Сборника» Императорской публичной библиотеки. Издалъ В. Алексѣевъ. С.-Петербургъ, 1901 г.

Для исторіи Суворова, главнымъ образомъ для его частной жизни, имѣеть огромное значеніе такъ называемый „Суворовскій Сборникъ“, — собраніе писемъ и бумагъ великаго полководца, хранящееся въ Императорской публичной библиотекѣ. „Суворовскій Сборникъ“ состоитъ изъ 14 томовъ и одной папки документовъ, написанныхъ на бѣлой, рѣдко на цвѣтной бумагѣ. Въ общемъ они занимають 2.739 страницъ.

В. А. Алексѣевъ, извѣстный переводчикъ и комментаторъ греческихъ и римскихъ классиковъ, задался цѣлью обнародовать изъ „Суворовскаго Сборника“ письма и бумаги знаменитаго полководца, большая часть которыхъ или не была опубликована, или извѣстна только по выдержкамъ. При этомъ онъ не дѣлаеть никакихъ измѣненій подлинника со стороны стила, пропусковъ, сокращеній; сохранены даже характерныя окончанія родительнаго падежа существительныхъ и прилагательныхъ; но измѣнена орѳографія.

Въ письмахъ своихъ Суворовъ касается многихъ лицъ, затрогиваетъ немало крупныхъ явленій своей эпохи; но назвать его безпристрастнымъ судьей нельзя. Онъ мѣткій наблюдатель, по порой пристрастенъ и желченъ. Онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы клеветать на другихъ умышленно; все-таки его пылкая, огневая натура не въ состояннн относиться ко всему съ точки зрѣнія спокойнаго наблюдателя. Иногда, впрочемъ, красное слово вылетаетъ у него совершенно безсознательно. Суворовскія письма можно назвать фотографическимъ снимкомъ извѣстнаго момента, панорамой, но не полной картиной. Панорама движется, измѣнчива: такъ измѣнчивы и мнѣнія Суворова о многихъ своихъ современникахъ. Отъ многихъ писемъ все еще вѣетъ тепломъ минувшей эпохи, на нихъ еще не поблекли яркія краски величественной старины. Суворовъ и тутъ жилъ не безслѣдно.

Всѣхъ писемъ разнымъ лицамъ въ 1-мъ выпускѣ напечатано 24; они снабжены подстрочными и отдѣльными, въ концѣ текста помѣщенными, очень цѣнными прижѣаніями.

Н. К. ш.-ъ.

Д-ръ мед. **М. Богдановъ-Березовскій**. Положеніе глухонѣмыхъ въ Россіи. Съ обзоромъ современнаго состояннн вопроса о возстановленнн слуха у глухонѣмыхъ. Съ предисловіемъ профес. Императорской военно-медицинской академіи почетнаго лейбъ-отнাত্রа Н. П. Симановскаго. Изданнн попечительства Государыни Императрицы Марнн Феодоровны о глухонѣмыхъ. Спб. 1901 г.

Органъ слуха, т. е. присущая намъ, въ нормальномъ состояннн, слуховая способность служить человечеству главнымъ проводникомъ, чрезъ посредство котораго совершается духовное развитіе ребенка, такъ какъ духовный, образовательный матеріалъ послѣднему доставляется, главнымъ образомъ, путемъ воспрнятнн его слуховымъ аппаратомъ сообщаемыхъ ему житейскихъ истинъ и научныхъ фактовъ, и только меньшую въ этомъ отношеннн роль играетъ органъ зрѣннн. Дѣти, рожденныя глухими, тѣмъ самымъ обречены и на нѣмоту, т. е. дѣлаются глухонѣмыми, такъ какъ рѣчи можно научиться только путемъ подражаннн тѣмъ слуховымъ впечатлѣннямъ, которыя ребенокъ слышитъ, слыша рѣчь окружающихъ. Глухонѣмые, оставленные безъ помощи, представляютъ собою наиболее обездоленныхъ, несчастныхъ страдальцевъ, самую судьбою какъ бы исключенныхъ, вслѣдствіе ихъ недостатка, изъ числа членовъ человеческого общества. Если глухота развивается въ томъ раннемъ возрастѣ, когда ребенокъ не научился еще говорить, то послѣдствіемъ глухоты будетъ и нѣмота. Говорящнн уже дѣти, потерявшнн слухъ въ раннемъ дѣтствѣ, сдѣлавшннсь глухими и предоставленныя самимъ себѣ, безъ призрѣннн ихъ въ соответственныхъ учрежденннхъ или вообще безъ соответственнаго педагогическаго вадѣйствнн, не слыша рѣчи окружающихъ и не понимая ея по губамъ, отучаются говорить и дѣлаются глухонѣмыми, — такъ говорить, въ предисловнн къ книгѣ д-ра Богданова-Березовскаго — извѣстный отнатръ, профессоръ Военно-медицинской академіи, Н. П. Симановскій.

Въ разсматриваемомъ нами сочиненнн д-ръ Богдановъ-Березовскій, на основаннн собраннаго имъ съ большимъ трудомъ матеріала, — показываетъ ту громадную и существенную пользу, которую можетъ оказать глухонѣмымъ правительственная помощь и общественная благотворительность, путемъ призрѣннн ихъ въ соответственныхъ учрежденннхъ, согласован-

ЛОЗВ. ЦЕНЗ. СПЪ., 22 ФЕВРАЛЯ 1901 Г.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЪЗА“, Б. ПОДЪЯЧ., Д 39.

ПРОТОІЕРЕЙ І. І. БАЗАРОВЪ.

Съ портрета 1894 г.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

XII ¹⁾.

Исходной точкой разсуждений Васильчикова была мысль, что готовясь къ новой войнѣ, нужно воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ истекшей кампаніи, остерегаясь впасть въ тѣ же ошибки, которыя воспрепятствовали намъ въ достиженіи болѣе положительныхъ результатовъ.

«Цѣль этого обзора»,—пишетъ Васильчиковъ,—«заключается въ изслѣдованіи причинъ, которыя вызвали неудачный исходъ кампаніи, и въ указаніи средствъ, могущихъ обезпечить успѣхъ похода, нынѣ предстоящаго къ исполненію. Я не имѣю намѣренія представить планъ военныхъ дѣйствій и еще менѣе принять на себя роль строгаго критика. Я хочу только высказать моему государю тѣ замѣчанія, которыя я имѣлъ случай сдѣлать. Оканчивая свою военную карьеру, одержимый недугами, я не могу быть обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ или въ интригѣ. Я буду вполне счастливъ, если хотя одна мысль, заключающаяся въ предлагаемомъ обзорѣ, будетъ признана полезною и послужитъ къ славѣ моего государя».

Затѣмъ Васильчиковъ продолжаетъ: «Причины неудачнаго исхода этой кампаніи не слѣдуетъ искать ни въ дурно избранной операціонной линіи, ни въ стратегическихъ или тактическихъ ошибкахъ, наконецъ ни въ превосходствѣ и искусствѣ непріятеля; легко прослѣдить ихъ въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1901 г.

ошибочныхъ разчетахъ относительно числительности войскъ, которыя должны были быть введены въ дѣло и въ невѣрныхъ свѣдѣнiяхъ, которыя имѣлись о наступательныхъ средствахъ султана и духъ, воодушевлявшемъ его войска. Пренебрегая своимъ противникомъ, возмечтали, къ несчастiю, о триумфальномъ шествiи до Константинополя и не обращали вниманiя на безчисленныя затрудненiя, представляемыя этой войною. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно обратить вниманiе на силы, съ которыми двинули императора российскаго для покоренiя Оттоманской имперiи; при семъ скажется, что эта армiя Ксеркса, какъ называли ее иностранныя дипломаты въ Петербургѣ, заключала въ себѣ едва 90.000 человекъ. Этими силами предполагали занять Молдавию и Валахию, блокировать дунайскiя крѣпости, предпринять осаду Браилова и двинуться противъ Варны и Шумлы. Очевидно, что надежда одержать успѣхъ столь незначительными силами могла только быть основана на убѣжденiи, что придунайскiя крѣпости падутъ при нашемъ появленiи и что Шумла представляетъ собою открытую позицiю, какъ говорили лица, утверждавшiя, что обзрѣвали ее... Очевидно, что начальникъ штаба основалъ приготовленiя къ войнѣ на неточныхъ данныхъ, отстранивъ всякое обсужденiе съ военными людьми, опытность которыхъ могла бы представить болѣе положительныя свѣдѣнiя. Даже генiй не можетъ все одѣлать самъ собою, и нѣтъ настолько талантливыхъ людей, которые могли бы обойтись безъ чужихъ мыслей. Осмѣливаюсь обратить вниманiе государя на сiю истину; его императорское величество не располагаетъ въ своей армiи и въ своемъ совѣтѣ столь высокимъ генiемъ, которому онъ могъ бы всецѣло одному, съ полнымъ довѣрiемъ поручить разработку приготовленiй ко второй кампанiи; но онъ имѣетъ въ своемъ распоряженiи нѣсколько талантливыхъ людей, опытностью и мнѣнiемъ коихъ нельзя пренебречь. Собравъ въ комитетъ тѣхъ изъ нихъ, достоинства которыхъ внушаютъ наиболѣе довѣрiя, и поручивъ имъ въ своемъ присутствiи обсужденiе плана дѣйствiй и принятiе мѣръ, обеспечивающихъ успѣшное его выполненiе, государю представилась бы возможность всесторонне обсудить дѣло и остановиться на мнѣнiи, отвѣчающемъ его намѣренiямъ. Частное обсужденiе въ отдѣльности съ этими же самыми лицами было бы болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ... Нѣтъ надобности, чтобы этотъ комитетъ былъ бы очень многочленнымъ, достаточно призвать трехъ или четырехъ лицъ».

Указавъ на необходимость совѣщанiя для рѣшенiя столь важнаго вопроса, Васильчиковъ останавливается на разсмотрѣнiи другаго важнаго мѣста истекшей кампанiи и яркими красками рисуетъ неудобство, происходящее отъ назначенiя фельдмаршала главнокомандующимъ армiею въ то время, когда императоръ лично ею предводительствуетъ. «Подобный конфликтъ власти не можетъ быть полезенъ»,—пишетъ Васильчи-

ковъ,—«новѣйшая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ. Дѣйствительно, если фельдмаршалъ даровитый и достойный человѣкъ, онъ не пожелаетъ принять на себя роль подобія главнокомандующаго; если же, напротивъ того, выборъ падетъ на неспособнаго человѣка, который все позволить, я не вижу пользы отъ его назначенія ⁴⁾. Напрасно мнѣ

⁴⁾ До этой мысли додумался въ концѣ 1828 года и графъ Витгенштейнъ. Передъ отъѣздомъ графа Дибича въ Петербургъ, главнокомандующій вручилъ ему 12-го (24-го) декабря 1828 года слѣдующую записку:

„Исполнивъ обязанность вѣрноподданнаго, оставаясь, согласно высочайшей волѣ, въ званіи, на меня возложенномъ, доколѣ силы прелонныхъ лѣтъ моихъ сіе дозволятъ, я поставляю себѣ въ обязанность, при неограниченной преданности моей къ государю, представить на всемілостивѣйшее благоусмотрѣніе тѣ истины, которыя почитаю полезными для службы его императорскаго величества. А какъ ваше сіятельство отправляетесь въ С.-Петербургъ, то не только по мѣсту, вами занимаемому, но и по долготѣ моему къ вамъ уваженію и пріязни, я за удобнѣйшее почитаю просить васъ изустно доложить его величеству, что прошлая кампанія доказала, что большая часть безпорядковъ въ арміи происходила ни отъ чего другаго, какъ отъ раздѣленія властей, которыя тѣмъ болѣе вредны были, что затрудненія въ сообщеніяхъ не дозволяли своевременно исправлять ошибки, происходящія отъ разныхъ отдаленныхъ повелѣній; нынѣ къ душевному прискорбію вижу, что сіе можетъ возобновиться, ибо одному начальнику войскъ сообщено отъ вице-канцлера наставленіе для политическихъ сношеній съ сербами, другому же предписано отъ товарища начальника главнаго штаба доносить прямо его императорскому величеству не только объ экстренныхъ военныхъ происшествіяхъ, но и о всѣхъ внутреннихъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ. По сему въ предупрежденіе невыгодныхъ послѣдствій, произойти могущихъ, я полагаю не для личнаго желанія безраздѣльной власти, но для пользы службъ:

„1) Если государю императору угодно будетъ командовать арміею, то всѣ высочайшія повелѣнія должны быть отдаваемы именемъ его величества начальникомъ его штаба, которому должно находиться безотлучно при немъ; главнокомандующему же поручить въ командованіе часть войскъ на общихъ правилахъ, какъ то и было въ прошлую войну, гдѣ князь Барклай и я командовали корпусами.

„2) По отбытіи государя отъ арміи, главнокомандующій принимаетъ оную въ полное свое распоряженіе, и всѣ высочайшія повелѣнія, какого бы то роду ни были, получаетъ отъ его величества или чрезъ его начальника штаба и передаетъ ихъ подчиненнымъ своимъ, которые затѣмъ ни отъ кого и ни въ какомъ случаѣ мимо главнокомандующаго таковыхъ не получаютъ.

„3) Строго воспретить корпуснымъ и отряднымъ командирамъ, равно и всѣмъ вообще лицамъ, находящимся при арміи, дабы никто не могъ доносить мимо главнокомандующаго государю императору.

„4) То же правило относится и полномочному предсѣдателю Дивановъ княжествъ. Всѣ повелѣнія къ нему должны быть объявлены чрезъ главнокомандующаго, равно и предсѣдатель Дивановъ не долженъ мимо его доносить; все, что главнокомандующій не можетъ разрѣшить, представляетъ по общему соображенію военныхъ обстоятельствъ на благоуваженіе и рѣшеніе его императорскому величеству.

*

скажутъ, что государь не можетъ самъ войти въ частности администраціи арміи, и что именно для этого необходимо присутствіе главнокомандующаго; на подобное возраженіе я долженъ дать тотъ же отвѣтъ, что талантливый человѣкъ не пожелаетъ ограничиться исполненіемъ обязанностей интенданта арміи, и что человѣкъ неспособный не въ состояніи управлять ею, но приведетъ въ разстройство. Предположивъ даже, что найдутъ достойнаго человѣка, готоваго жертвовать своимъ самолюбіемъ, то его начальникъ штаба будетъ находиться въ положеніи столь же ложномъ, какъ и трудномъ; столкновеніе двухъ властей, главнокомандующаго и начальника штаба императора, стѣснить и затруднить его работу; онъ будетъ состоять подъ руководствомъ какъ того, такъ и другаго; вынужденный угождать обоимъ, онъ не дерзнетъ исполнить приказанія главнокомандующаго, не заручившись одобреніемъ начальника штаба императора; онъ будетъ терять время на пустые переговоры, дѣла будутъ накопляться, рѣшенія пострадаютъ отъ слишкомъ большой поспѣшности, и слѣдствіемъ всего этого явится безпорядокъ. Я имѣлъ случай убѣдиться положительнымъ образомъ въ вѣрности того, что я здѣсь утверждаю, и поэтому я не опасаясь возраженій. Итакъ, принимая за исходную точку принципъ, что централизація и единство власти составляютъ одно изъ главнѣйшихъ условий для хорошо организованной арміи, я твердо стою на томъ, что если государь командуетъ лично, главнокомандующій представляется лишнимъ колесомъ, которое затрудняетъ движеніе машины».

Всѣ эти правдивыя, но рѣзкія замѣчанія, по поводу кампаніи 1828 года, Васильчиковъ нѣсколько смягчилъ, высказавъ въ заключеніе истину, противъ которой, какъ онъ выражается, никто не станетъ возражать, а именно: ни переходъ черезъ Дунай, ни покореніе Варны не имѣли бы мѣста безъ твердой воли и предусмотрительности государя; продолжали бы упорствовать въ штурмѣ или въ блокадѣ Шумлы, притянули бы къ ней гвардію ¹⁾, а благопріятное для военныхъ дѣйствій

„Въ сихъ статьяхъ заключаются, по моему мнѣнію, необходимыя основанія подчиненности, порядка и успѣховъ“. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2, № 5323).

Приведенная нами записка доказываетъ, что упрекъ, сдѣланный фельд-маршалу Витгенштейну во время кампаніи 1828 года: „думаетъ ли онъ?“ — и обвиненіе въ глупости, безпечности и неспособности, не вполне справедливы. Напротивъ того, теперь выясняется, что графъ Витгенштейнъ отлично понималъ и оцѣнилъ обстановку, среди которой ему приходилось и предостояло, можетъ быть еще и впредь, дѣйствовать; основываясь на приобретенномъ опытѣ, онъ откровенно заявилъ свои скромныя требованія, во избѣжаніе повторенія въ будущемъ испытанныхъ имъ прежнихъ невзгодъ.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что еще во время кампаніи 1828 года, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ высказался въ пользу присоединенія гвардіи къ

время года было бы окончательно утрачено безъ всякаго полезнаго результата.

Императоръ Николай оцѣнилъ по достоинству правдивое слово Васильчикова, и высказанныя имъ въ представленной запискѣ истины и полезные совѣты не остались подѣ спудомъ. Государь освоился съ принципомъ, выставленнымъ Васильчиковымъ, какъ непреложная истина: на войнѣ, въ виду непріятели, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями; но, занимаясь подготовленіемъ кампаніи, слѣдуетъ призвать для обсужденія людей опытныхъ и способныхъ. Эти мысли не замедлили получить практическое примѣненіе.

19-го ноября (1-го декабря) 1828 года, подѣ личнымъ предсѣдательствомъ государя, собранъ былъ комитетъ, въ которомъ приняли участіе графъ В. П. Кочубей, графъ Чернышевъ, баронъ Толь и И. В. Васильчиковъ. Въ этомъ засѣданіи, получившемъ несомнѣнно важное историческое значеніе, государь счелъ умѣстнымъ заявить собранію, что цѣль дальнѣйшей войны съ Турціею не заключается вовсе въ покореніи Константинополя или же въ низверженіи султана, но единственно въ приобрѣтеніи возможно бѣльшихъ гарантій для принужденія Оттоманской Порты заключить миръ, могущій впредь обезпечить прочнымъ и непоколебимымъ образомъ точное выполненіе преимуществъ, утвержденныхъ за Россіею прежними трактатами. Затѣмъ государь присовокупилъ, что полагаетъ возможнымъ назначить для предстоявшей теперь кампаніи не болѣе 120.000 человекъ и пригласилъ собравшихся лицъ изложить свое мнѣніе о наилучшемъ употребленіи этихъ силъ для достиженія результата, имѣвшася въ виду правительствомъ при объявленіи войны Турціи ¹⁾).

Выслушавъ объясненія, данныя государемъ, всѣ присутствовавшіе на совѣщаніи сановники высказались противъ предположенной систематической войны на Дунаѣ, а напротивъ того признали необходимымъ стараться причинить непріятелю чувствительные, сильные и неожиданные удары, могущіе ввергнуть его въ состояніе полного оцѣпенѣнія и страха; только такимъ путемъ признавалось возможнымъ принудить султана къ уступкамъ. Принявъ такую точку зрѣнія относительно харак-

войскамъ, осаждавшимъ Варну, предостерегая двинуть ее къ Шумгѣ. По этому животрепещущему тогда вопросу онъ написалъ записку „Projet d'opérations contre les Turcs au mois de Septembre 1828“.

¹⁾ „Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828“. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2, № 4445). Въ этой запискѣ, отъ 26-го ноября 1828 года, графъ Чернышевъ собственноручно изложилъ общій ходъ обсужденія вопросовъ, предложенныхъ государемъ Комитету, и заключеній, на которыхъ тогда остановились.

тера предстоявшихъ въ 1829 году военныхъ дѣйствій, комиссія перешла къ обсужденію въ общихъ чертахъ будущаго Забалканскаго похода.

Во время засѣданія 19-го ноября былъ затронутъ весьма важный вопросъ: слѣдуетъ ли воспользоваться настроеніемъ сербовъ и содѣйствовать возстанію ихъ въ нашу пользу? Вопросъ о сербахъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ признавалось затруднительнымъ отдѣлить отъ арміи для этой цѣли 15.000 человекъ и сверхъ того привлеченіе сербовъ къ войнѣ затронуло бы слишкомъ близко интересы вѣнскаго кабинета, усложнивъ чрезвычайно заключеніе мира. Тѣмъ не менѣе, совѣщаніе признало, однако, что если успѣхи русскаго оружія позволяютъ предложить миръ и въ случаѣ, если умѣренность требованій государя не была бы признана Европою, то въ такомъ случаѣ это понудительное средство могло бы быть употреблено безъ неудобства; никто не имѣлъ бы тогда права протестовать ⁴⁾.

Когда все это совершилось и императоръ Николай уже освоился съ новымъ взглядомъ на задачи предстоявшей кампаніи, графъ Дибичъ появился въ Петербургѣ. Нужно полагать, что онъ былъ немало удивленъ переменою, совершившейся въ воззрѣніяхъ государя; но Дибичъ съ присущею ему ловкостію тотчасъ примѣнился къ новымъ требованіямъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ постепенно отступился отъ своихъ прежнихъ заявленій и, сдѣлавшись сторонникомъ забалканскаго похода, пересталъ признавать занятіе Шумлы необходимымъ условіемъ завершенія кампаніи; когда же рѣчь заходила объ ошибкахъ прошлогодней кампаніи, онъ постоянно повторялъ: «я это прекрасно знаю, это ужасно, это постыдно».

Всего важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, было рѣшеніе, принятое государемъ, отказаться отъ личнаго предводительствованія арміею. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, придавая своему рѣшенію религіозный оттѣнокъ, любилъ говорить: «*que, ce n'est pas la volonté de Dieu qu'il*

⁴⁾ Въ заключеніе собранія 19-го ноября, императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы присутствовавшія въ немъ лица изложили бы письменно мысли, которыя могли еще придти имъ на умъ, по поводу обсуждавшихся въ совѣщаніи вопросовъ первостепенной важности. Приглашенію государя послѣдовали генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Толь, а также графъ Кочубей.

Въ запискѣ Васильчикова (отъ 26-го ноября) сказано:

„*Mon opinion ne sera jamais que pour une paix solide, une paix signée au delà des Balkans, si non, je la regarderai comme une trêve qui nous fera perdre notre considération en Europe et nous mettra dans le cas de recommencer bientôt la guerre, avec des chances de succès bien moins favorables*“.

Противъ этого мѣста записки написано графомъ Дибичемъ: „*C'est très vrai*“.

se distingue à la tête de ses armées ¹⁾). При такой постановкѣ дѣла рѣшеніе вопроса, кому быть главнокомандующимъ, стало на первой очереди.

Графъ Дибичъ повелъ дѣло съ большимъ искусствомъ. Прежде всего онъ вспомнилъ о своемъ бывшемъ главнокомандующемъ, при которомъ онъ нѣкогда состоялъ начальникомъ штаба. Поднять былъ вопросъ о замѣнѣ графа Витгенштейна такой же развалиной: «se von vieuX Sacken». 31-го декабря графъ Дибичъ поручилъ генераль-адъютанту Толю написать въ этомъ смыслѣ частное письмо въ Могилевъ ²⁾). 4-го (16-го) января 1829 года фельдмаршалъ Сакенъ отвѣчалъ, что старость и недуги его конечно требуютъ снисхожденія, но что уже одно предполагаемое присутствіе въ арміи государя воодушевить его и обезпечить успѣхъ; содѣйствіе же со стороны барона Толя послужить ему существенною поддержкою.

На это письмо Толь сообщилъ Сакену, что онъ доложилъ графу Дибичу содержаніе полученнаго письма, но еще рѣшительнаго отвѣта не послѣдовало, а поэтому онъ полагаетъ, что почтенные годы фельдмаршала все-таки будутъ приняты въ соображеніе ³⁾.

Между тѣмъ графъ Витгенштейнъ, пребывая въ своей главной квартирѣ въ Яссахъ и ничего не подозрѣвая о томъ, что творилось въ это время въ Петербургѣ, предавался мыслямъ о систематической войнѣ, предстоявшей ему въ 1829 году; спокойное теченіе его мыслей было внезапно прервано сообщеніемъ графа Дибича, что «систематическая война» отстранена, и для кампаніи 1829 года намѣченъ переходъ черезъ Балканы.

Въ отвѣтъ на это письмо, фельдмаршалъ написалъ графу Дибичу 13-го (25-го) января, что для предполагаемаго, послѣ взятія Силистріи, движенія за Балканы и занятія Бургаса, Айдоса и Карнабата потребуются большія силы, а потому указывалъ на необходимость направить гвардію въ княжества, ко времени наступательнаго движенія арміи,—въ противномъ же случаѣ графъ Витгенштейнъ выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ и отказывался отъ принятія на себя отвѣтственности ⁴⁾.

¹⁾ „Русская Старина“ 1886 года, т. 51-й, стр. 42: „Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839“. (Извлечено изъ сочиненія: „Das Leben des Generals Friedrich von Gagern Leipzig, 1857. 3 Bände).

²⁾ Графъ Сакенъ въ своемъ дневникѣ записалъ 4-го января 1829 года: „General Toll macht durch einen Feldjäger aus Petersburg auf Befehl des Kaisers den Antrag die active Armee zu commandiren“ (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1, № 411).

³⁾ Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1, № 411 и № 959.

⁴⁾ Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2, № 5322. Въ этомъ же письмѣ графъ Витгенштейнъ писалъ о своемъ здоровьи:

„Pour ce qui regarde ma santé, elle est très bonne et si Sa Majesté l'Em-

Письмо фельдмаршала развязало руки въ Петербургѣ. Графъ Витгенштейнъ получилъ отвѣтъ, который долженъ былъ привести его въ немалое изумленіе. Въ немъ графъ Дибичъ писалъ, что государь, усматривая изъ разсужденій фельдмаршала, что такъ какъ, въ виду недостаточныхъ силъ арміи, онъ не признаетъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность за исполненіе требуемаго плана дѣйствій, то его величеству приходится, къ сожалѣнію, приступить къ выбору новаго главнокомандующаго. Преемникъ графа Витгенштейна не былъ названъ въ письмѣ, но въ заключеніе графъ Дибичъ сообщалъ, что онъ въ скоромъ времени лично привезетъ въ Яссы окончательное высочайшее повелѣніе по этому предмету.

Участь графа Витгенштейна была рѣшена. Графъ Дибичъ достигъ, наконецъ, конечной цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій, преслѣдуя которую, по свидѣтельству многихъ современниковъ, подготовилъ неудачный исходъ кампаніи 1828 года.

9-го (21-го) февраля 1829 года послѣдовалъ слѣдующій высочайшій приказъ:

«Государь императоръ снисходя на прошеніе генераль-фельдмаршала графа Витгенштейна, всемилостивѣйше соизволяетъ на увольненіе его отъ командованія второю арміею, по совершенно разстроенному трудами прошедшей кампаніи здоровью. Назначается начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ графъ Дибичъ—главнокомандующимъ второю арміею со всѣми правами, властію и преимуществами главнокомандующему большею дѣйствующею арміею присвоенными».

Въ тотъ же день генераль-адъютантъ баронъ Толь назначенъ былъ начальникомъ штаба второй арміи, а генераль-адъютантъ Киселевъ получилъ въ командованіе 4-й резервный кавалерійскій корпусъ. Съ открытіемъ же кампаніи, Киселеву подчинены были всѣ войска, предназначенныя къ защитѣ верхняго Дуная; графъ Ланжеронъ удалился изъ арміи, послѣ назначенія новаго главнокомандующаго.

Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ сопровождалось еще увольненіемъ генераль-квартирмейстера второй арміи генераль-маіора Берга и замѣною его генераль-маіоромъ Д. П. Бутурлинымъ. Во время же кампаніи генераль Бергъ снова занялъ прежнюю должность. Кромѣ

pereur veut me confier son armée, il peut être persuadé que je mettrai tout le zèle possible pour exécuter le plan ci-dessus mentionné».

Генераль-адъютантъ Киселевъ раздѣлялъ взгляды фельдмаршала и имѣлъ даже въ виду третью кампанію противъ Турціи!! 11-го (23-го) января 1829 г. Киселевъ писалъ графу Дибичу: „Il faut surtout rendre cette campagne préparatoire pour celle de l'année suivante“. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

того, еще ранѣе, 19-го января 1829 года, командиромъ втораго пѣхотнаго корпуса назначенъ былъ генераль-адъютантъ графъ Паленъ.

Ко времени открытія новой кампаніи совершились еще и другія перемѣны въ личномъ составѣ начальствующихъ лицъ въ арміи. Еще осенью 1828 года, послѣ отъѣзда принца Евгенія Виртембергскаго, генераль-лейтенантъ Ридигеръ принялъ начальство надъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Затѣмъ, послѣ скоропостижной кончины генерала Рудзевича, 23-го марта (4-го апрѣля) 1829 года, генераль-лейтенантъ Красовскій вступилъ въ командованіе 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ ¹⁾). Въ-мѣсто тайнаго совѣтника графа Палена, полномочнымъ предсѣдателемъ Дивановъ княжествъ назначенъ былъ кievскій военный губернаторъ генераль Желтухинъ. Дежурный генераль Байковъ былъ замѣненъ генераломъ Обручевымъ.

Выборъ новаго главнокомандующаго и его начальника штаба «представлялся мнѣ наилучшимъ», писалъ императоръ Николай къ цесаревичу, «и признаюсь, почти единственнымъ, который можно было сдѣлать. Лишь одно сходство недостатковъ обоихъ лицъ заставляло меня опасаться, что они не сойдутся, и, чтобы быть увѣреннымъ, что я не поврежу легкомысленнымъ рѣшеніемъ столь важному дѣлу, я призналъ необходимымъ, прежде чѣмъ официально заговорить объ этомъ съ Толемъ, заставить ихъ сначала объясниться между собою, частнымъ образомъ; Толь выказалъ себя благороднымъ человѣкомъ, общавъ другому повиноваться и ревностно стараться какъ только можетъ помогать ему и общалъ сдерживаться, чтобы не заслужить упрековъ, которые часто дѣлаютъ ему за его характеръ. Призвавъ затѣмъ его къ себѣ, я предложилъ ему откровенно сказать мнѣ, сознавая затруднительность своего положенія въ отношеніи къ своему начальнику въ виду ихъ характеровъ, считаетъ ли онъ возможнымъ общать мнѣ принять мѣсто, которое я предназначаю ему; онъ далъ мнѣ слово, и, зная его за честнаго человѣка, я убѣжденъ, что онъ не по-пустому далъ мнѣ свое слово. Съ тѣхъ поръ письмо фельдмаршала (Витгенштейна) показало мнѣ окончательно, что онъ не можетъ оставаться, и я рѣшилъ произвести перемѣну ²⁾). Дибичъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ (5-го февраля). Мнѣ остается лишь молить Бога благословить это важное рѣшеніе и надѣяться, что милость свыше увѣнчаетъ мои добрыя намѣренія».

¹⁾ Генераль Красовскій находившійся, въ 1827 году, въ Кавказскомъ корпусѣ, удаленъ оттуда вслѣдствіе несогласій съ графомъ Паскевичемъ.

²⁾ 1-го (13-го) февраля 1829 года графъ А. Ф. Орловъ писалъ генераль-адъютанту Киселеву: «Я не понимаю, какимъ образомъ эти два характера сойдутся. Надо надѣяться, что они почувствуютъ необходимость не вредить другъ другу; иначе никакого толку не выйдетъ. Увѣряютъ, что свыше уже заручились ихъ общаніемъ въ этомъ родѣ».

Получивъ извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ, цесаревичъ отвѣчалъ:

«Что касается назначенія Дибича и Толя и удаленія фельдмаршала, я ничего не могу сказать, какъ выразить лишь пожеланія за исполненіе вашихъ повелѣній; но разъ вы сообразовали говорить со мною объ этомъ, я не считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ общее недовольство, которое господствуетъ противъ генерала Дибича, въ особенности въ арміи, въ командованіе которой онъ вступилъ, гдѣ онъ счумѣлъ, за малыми исключеніями, всѣхъ нерасположить къ себѣ. Генераль Толя тоже не изъ наиболѣ любимыхъ, но онъ отличается лучшимъ обхожденіемъ и имѣетъ болѣе сторонниковъ. Я откровенно высказываю вамъ это, дорогой братъ, не умѣя скрывать отъ васъ истину, и будучи крайне огорченъ, что приходится говорить дурно о двухъ лицахъ, съ которыми я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ и которыхъ особенно уважаю. Образъ дѣйствій генерала Дибича слишкомъ оскорблялъ самолюбія и личности, чтобы это могло бы быть тотчасъ же забыто, и ему придется вести двойной походъ: одинъ противъ турокъ, а другой—чтобы снова завоевать доброе мнѣніе, уваженіе и довѣріе своей арміи».

Обмѣнъ мыслей между братьями по поводу новыхъ назначеній закончился слѣдующими строками императора Николая:

«Ваше мнѣніе о Дибичѣ и Толѣ очень вѣрно; я надѣюсь, что первый счумѣетъ заставить забыть прошлое, которое я настоячиво поставилъ ему на видъ; онъ слишкомъ чувствуетъ тяготящую надъ нимъ отвѣтственность и слишкомъ любитъ самого себя, чтобы не сдѣлать всего для выполненія ко всеобщему удовольствію лежащей на немъ задачи».

Если цесаревичъ Константинъ Павловичъ не очень обрадовался новымъ назначеніямъ, то въ обществѣ появленіе графа Дибича въ роли главнокомандующаго также не было встрѣчено съ сочувствіемъ и вызвало до нѣкоторой степени скептическое къ нему отношеніе, подтверждаемое въ достаточной мѣрѣ современными свидѣтельствами. Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ частной переписки одной близкой ко двору особы, которая пишетъ:

«Послѣ безконечныхъ разсужденій, собраній особаго комитета, массы представленныхъ записокъ кончили тѣмъ, что назначили Дибича главнокомандующимъ дѣйствующей арміею, придавъ ему Толя въ качествѣ начальника штаба. Если они пожелаютъ сойтись другъ съ другомъ, дѣло можетъ пойти, но оба они—горячія головы, которыя, весьма вѣроятно, несмотря на обѣщанія, данныя каждымъ въ отдѣльности, вѣднются другъ другу въ волосы. Здравая часть общества желала бы назначенія Воронцова, но государю не было угодно это; тогда захотѣли оставить фельдмаршала съ Толемъ, но и этотъ проектъ потерпѣлъ крушеніе, по-

тому что маленькій человекъ, котораго осенью я очень желала бы признать великимъ, не выпустилъ своей добычи (*le petit homme que je voudrais bien surnommer le grand cet automne n'a pas lâché sa prise*); онъ былъ настолько уменъ, что, когда ему говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ прошломъ году, онъ постоянно повторялъ: «но я это прекрасно знаю; это говорятъ—справедливо; это ужасно, это постыдно». Стали говорить: человекъ, который такимъ образомъ признаетъ свои промахи, не впадетъ снова въ тѣ же ошибки, и вотъ онъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу если не Россіи, то вѣдъ всякаго сомнѣнія судьбу нашего преобладанія въ Европѣ. Вы поймете, что этотъ выборъ никого не успокоиваетъ, и что мы проникнуты опасеніями, тѣмъ болѣе, что армія снова не достаточно многочисленна... поэтому нельзя рассчитывать на блестящую кампанію» ¹⁾).

По прибытіи въ Яссы, графъ Дибичъ отдалъ 15-го (27-го) февраля слѣдующій собственноручно сочиненный имъ приказъ:

«Храбрые войны второй арміи!

«Государю императору благоугодно было поручить мнѣ главное надъ вами начальство. Чувствую всю важность монаршаго довѣрія и уповаю въ успѣхѣ на благость Всевышняго. Съ полною довѣренностію къ вамъ, возросши въ рядахъ вашихъ, будучи всѣмъ обязанъ подвигамъ вашимъ, я знаю чего отъ васъ ожидать можно, и не страшуся затрудненій. Въ любви къ вамъ не отступлю отъ примѣра любимаго полководца, коего недуги лишаютъ насъ счастья побѣждать вновь враговъ подъ отеческимъ его начальствомъ, въ коемъ я столь многократно былъ свидѣтелемъ доблестей вашихъ и вашей къ достойному вождю привязанности. Надѣюсь, что строгая справедливость и неусыпныя о васъ попе-

¹⁾ Изъ письма графини Нессельроде къ своему брату, графу Николаю Гурьеву, отъ 13-го (25-го) февраля 1829 года. Государственный архивъ. Разрядъ III № 43.

16-го (28-го) февраля 1829 года, генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ графу Дибичу:

„Votre nomination n'a étonné personne, on s'y attendait et le fameux parti se tait; il n'agit point, parce qu'il sent son impuissance, mais il n'est point dissout; les circonstances ranimeront peut-être son activité, mais elle n'aura pas plus de succès, j'en ai l'intime conviction“. (Военно-Ученый архивъ. Отд. 2, № 5322).

Къ сожалѣнію, въ перепискѣ Адлерберга съ Дибичемъ не выяснено, изъ кого состоялъ „le fameux parti“. Можетъ быть, тутъ подразумѣвались сторонники опальнаго А. П. Ермолова.

„Перемиѣна чрезвычайная и, по крайней мѣрѣ неожиданная. Дай Боже ожидаемой отъ нея пользы... а мнѣ изъ головы не выходитъ малороссійская пословица: старый быкъ борозды не портитъ“, — писалъ генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ фельдмаршалу графу Сакену 28-го февраля 1829 года. (Военно-Ученый архивъ. Отд. 2, № 4518 [6]).

ченія, сходно съ священной волею все милостивѣйшаго нашего государя—пріобрѣтутъ и мнѣ вашу довѣренность. Да поможетъ намъ Богъ! и докажетъ, что для русскихъ воиновъ нѣтъ ничего непреодолимаго въ подвигахъ за вѣру, царя и отечество».

Въ перепискѣ одного очевидца сохранилось описаніе пріема чиновъ штаба арміи новымъ начальствомъ; онъ пишетъ:

«Начальникъ штаба баронъ Толь, плотный, невысокаго роста мужчина, съ полнымъ, широкимъ лицомъ и яснымъ твердымъ взоромъ. Видно по всему, что онъ гнуется не дать и взоръ не потупить ни передъ кѣмъ. Весь штабъ собрался у генерала Киселева, чтобы быть ему представленнымъ. Генераль Киселевъ всѣхъ насъ назвалъ поименно. Какъ это кончилось, думали всѣ, что новый начальникъ скажетъ два слова. Не тутъ-то было. Онъ сталъ на конецъ залы и точнымъ голосомъ сказалъ: «Да что тутъ вамъ говорить?—Познакомимся.—Прощайте!»

«Вчера было зрѣлище другаго рода. Мы отправились къ фельдмаршалу Витгенштейну, чтобы представиться новому главнокомандующему... Онъ говорилъ съ жаромъ и долго, но за то не внятно. Поняли мы, болѣе по движеніямъ, нежели по словамъ, что онъ говорилъ о преданности къ доблестному начальнику, и какъ ему трудно будетъ замѣнить его и пр. и пр. Потомъ послѣдовали лобзанія и такъ далѣе.

— А все-таки старика славно свернуть,—сказалъ кто-то тихимъ голосомъ. Вотъ и все» ⁴⁾).

Остается еще замѣтить, что, руководствуясь разнообразными отзывами современниковъ, личность графа Дибича по своему вѣшнему облику представляется намъ вообще мало привлекательною. Небольшой ростъ, короткая шея, несоразмѣрно большая голова, длинные, рыжіе, нечесанные волосы, непріятный голосъ, неумѣніе говорить съ солдатами и воодушевлять ихъ—вотъ какими красками рисуютъ наружность Дибича его тогдашніе сослуживцы.

При вступленіи въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, графъ Дибичъ вручилъ фельдмаршалу графу Витгенштейну рескриптъ императора Николая, подписанный государемъ еще 6-го (18-го) февраля 1829 года. Содержаніе рескрипта было слѣдующее:

«Графъ Петръ Христіановичъ! Соглашаясь на желанія мои, изъясненные вамъ въ рескриптѣ отъ 11-го ноября прошлаго года, вы доселѣ, не взирая на постигшіе васъ недуги, сохранили начальство надъ вѣрною вамъ арміею, и я съ удовольствіемъ вижу, что предназна-

⁴⁾ Ф. П. Фонтонъ: Юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1828 и 1829 годахъ. Лейпцигъ. 1862. Т. 1-й. Стр. 256.

ченія мои къ приведенію оной въ состояніе, соотвѣтствующее цѣли и видамъ будущей кампаніи, неусыпными попеченіями вашими, большею частію исполнены. Руководствуясь опытами многолѣтняго служенія, обезпечили вы будущіе успѣхи оружія нашего распоряженіями вашими. Такимъ образомъ совершили вы кругъ усильнаго труда и занятій, за предѣлы коего, безъ несправедливости къ вамъ, не могу требовать продолженія дѣятельности вашей, а потому и соглашаюсь на увольненіе ваше отъ командованія дѣйствующею арміею. Въ надеждѣ, что здоровье ваше, возстановясь временнымъ отдохновеніемъ, дозволитъ вамъ паки быть полезнымъ отечеству, мнѣ остается только повторить вамъ при семъ случаѣ чувства истинной благодарности за долговременное и знаменитое служеніе ваше на поприщѣ славы, труда и опасностей.

«Вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ я сохранить вамъ полное содержаніе, по званію главнокомандующаго вамъ производимое.

«Пребываю навсегда вамъ доброжелательнымъ».

Разставаясь съ арміею, столь долгое время имъ предводимою, графъ Витгенштейнъ, въ свою очередь, отдалъ приказъ, въ которомъ, обращаясь къ своимъ бывшимъ подчиненнымъ, фельдмаршалъ между прочимъ сказалъ:

«Вамъ, храбрые сподвижники, вамъ неотъемлемая хвала! И кому болѣе извѣстны подвиги ваши, если не мнѣ, ихъ давнему свидѣтелю. По бремени лѣтъ, прощаясь съ вами, я буду угѣшаться вѣстію о дѣлахъ знаменитыхъ, коихъ ожидаю отъ васъ, подъ предводительствомъ достойнаго преемника моего, и которыми докажете свѣту пламенную любовь вашу къ вѣрѣ, царю и отечеству».

Графъ Дибичъ и его начальникъ штаба дѣятельно занялись приготовленіями къ Задунайскому походу и реорганизаціею арміи. Нельзя не признать, что графъ Дибичъ пользовался, какъ главнокомандующій, большимъ значеніемъ и находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ. Опытъ прошлогодней кампаніи пришелся кстатіи ему и подчиненнымъ генераламъ; императорская и дипломатическая свита не была прикована къ пятамъ его, и потому свобода дѣйствій его не была стѣснена; слѣдовательно, Дибичъ могъ руководствоваться исключительно военными соображеніями и собственными убѣжденіями. Обращеніе съ солдатами стало вообще снисходительнѣе. Невыносимый гнетъ и неестественная выправка, по словамъ графа Мольтке, нѣсколько смягчены. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи оставалось сдѣлать еще многое. Такъ, напримѣръ, въ разсыпномъ строѣ все еще держались ноги и равнялись, въ слѣдствіе чего ученія производились только на ровномъ мѣстѣ.

2-го (14-го) апрѣля главная квартира выступила изъ Яссы и перешла въ Галацъ. Военныя дѣйствія должны были начаться осадю Ся-

листріи, но подготовительныя дѣйствія потребовали много времени, такъ что обложеніе этой крѣпости главными силами арміи совершилось только 5-го (17-го) мая. Для кампаніи 1829 года Силистрія имѣла одинаковое значеніе съ Браиловымъ въ 1828 году, и покореніе ея должно было служить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій предстоявшаго намъ новаго похода.

Что же касается императора Николая, то взгляды его въ военномъ отношеніи настолько просвѣтлѣли, послѣ тяжелаго опыта прошлогодней кампаніи, что на одной запискѣ графа Дибича, въ которой будущій забалканскій герой снова заговорилъ о Шумлѣ, государь написалъ: «Повторять прошлогоднихъ ⁴⁾ глупостей я не могу дозволить».

До вступленія графа Дибича въ командованіе арміею, мы одержали надъ турками нѣкоторые успѣхи. 13-го (25-го) января 1829 г. взята была штурмомъ крѣпостца Кале, а 30-го января (11-го февраля) сдалась на капитуляцію Турно; сверхъ того 6-го (18-го) февраля удалось сжечь турецкую флотилію, зимовавшую въ устьѣ р. Осьмы, близъ Никополя. Такимъ образомъ за турками оставалась на лѣвомъ берегу Дуная одна крѣпость Журжа. Сдача ея послѣдовала уже при заключеніи мира, на основаніи условій Адрианопольскаго договора.

Въ заключеніе остается еще упомянуть, что 3-го (15-го) февраля контръ-адмиралъ Кумани предпринялъ нечаянное нападеніе на Сизополь, находящійся въ трехъ переходахъ отъ Айдова. Городъ Сизополь былъ занятъ и намъ удалось въ немъ удержаться, несмотря на старанія турокъ снова овладѣть этимъ пунктомъ.

Замѣтимъ здѣсь, что нѣсколько дней до назначенія графа Дибича главнокомандующимъ, послѣдовалъ указъ 5-го (17-го) февраля 1829 г., по которому командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса графу Паскевичу Эриванскому повелѣно быть главнокомандующимъ тѣмъ же корпусомъ, «со всѣми правами, властію и преимуществами, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи званію главнокомандующаго присвоенными».

Такимъ образомъ императоръ Николай озаботился о своевременномъ уравненіи правъ «отца командира» съ вновь назначеннымъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, графомъ Дибичемъ. Новому званію, дарованному тогда графу Паскевичу, суждено было оставаться за нимъ безъ перерыва, во все продолженіе послѣдующей службы, до самой кончины его, послѣдовавшей въ 1856 году.

⁴⁾ Ошибка, сдѣланная во время турецкой кампаніи 1828 г., сопровождавшаяся Шумлинскимъ сидѣніемъ, оставила въ умѣ императора Николая столь глубокое впечатлѣніе, что онъ вспоминалъ о ней даже во время Польской войны 1831 года и писалъ графу Дибичу 8-го (20-го) февраля: „Un long séjour devant Praga serait fatal sous tous les rapports possibles et serait pire que celui de Schoumla“.

Въ началѣ 1829 года едва не произошло новое столкновение съ Персією: 30-го января (11-го февраля) посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, безсмертный авторъ «Горя отъ ума», Грибоѣдовъ умерщвленъ былъ съ большею частію свиты во время возстанія столичной черни ¹⁾. Уцѣлѣлъ одинъ секретарь посольства Мальцовъ. Персидское правительство, устрашенное возможными послѣдствіями тегеранской кровавой драмы, въ которой англійскія деньги и наущенія играли не малую роль, сообщило графу Паскевичу, что «всякаго рода возмездіе и наказаніе, согласное съ постановленіями обѣихъ религій, будетъ исполнено». Завязались переговоры, во время которыхъ графъ Паскевичъ, предостерегая Аббазъ-Мирзу отъ злоупотребленія терпѣніемъ російскаго императора, настаивалъ, вопреки мнѣнію графа Нессельроде, на присылкѣ лица царствующаго дома въ Петербургъ, съ письмомъ отъ шаха къ государю. Настойчивость графа Паскевича привела къ желаемой цѣли; мы избѣгли второй войны съ Персією, союзъ послѣдней съ Турцією остался только на бумагѣ, и Хозревъ Мирза, старшій сынъ наслѣдника престола Аббазъ-Мирзы, прибылъ въ Тифлисъ. Политика Паскевича восторжествовала надъ трепетною уступчивостью графа Нессельроде, опасавшагося возбудить возможное неудовольствіе Англій.

Замѣшательства съ Персією и появленіе чумы въ рядахъ нашихъ войскъ задержали нѣсколько открытіе кампаніи. Тѣмъ не менѣе 19-го іюня (1-го іюля) и 20-го іюня (2-го іюля) Паскевичъ нанесъ выступившему противъ насъ Эрзерумскому сераскиру рѣшительное пораженіе при Каинъ-Лы и Мелидюзѣ; сераскиръ бѣжалъ, Гачки-паша взятъ въ плѣнъ, а 27-го іюня (9-го іюля), въ день Полтавской битвы, Эрзерумъ былъ занятъ русскими войсками. Сераскиръ съ четырьмя пашами сдались въ плѣнъ, и сто тысячное городское населеніе безмолвно приняло побѣдителей. Такимъ образомъ намѣренія турокъ овладѣть обратно областями, утраченными въ прошлогоднюю кампанію, привели только Порту къ новымъ потерямъ и пораженіямъ, между тѣмъ какъ блескъ русскаго оружія въ Азій возсіялъ съ новой силой.

¹⁾ Тѣло А. С. Грибоѣдова перевезено было въ Тифлисъ и похоронено въ монастырѣ св. Давида. Жена Грибоѣдова воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, на которомъ написано съ одной стороны:

„Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4-го дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года января 30-го дня“.

На другой сторонѣ:

„Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?“.

XIII.

..... Императоръ Николай выѣхалъ изъ Варшавы 13-го (25-го) іюня 1829 года вечеромъ. По пути слѣдованія государя были смотры въ Красноставѣ, Замосцѣ и Луцкѣ въ присутствіи цесаревича Константина Павловича ⁴⁾.

Изъ Луцка императоръ Николай проѣхалъ, не останавливаясь, до Тульчина, гдѣ нашелъ 19-го іюня (1-го іюля) свою палатку, раскинутую въ лагерѣ гвардейскаго корпуса, расположенномъ среди прекрасной мѣстности близъ бывшей главной квартиры второй арміи. По разсказу Бенкендорфа, «войско было въ восхищеніи, что увидѣло государя, онъ тоже былъ чрезвычайно радъ тому, что снова находился посреди своей гвардіи, въ которой зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но и многихъ изъ нижнихъ чиновъ. Государь любовался своимъ войскомъ и на общихъ парадахъ и на частныхъ смотрахъ, и на маневрахъ и остался имъ вполне доволенъ. Гвардейскій корпусъ былъ опять такъ же хорошъ, какъ и при выступленіи изъ Петербурга. Слѣды утомленія отъ похода и военныхъ потерь совершенно исчезли: здоровый и бодрый видъ людей и лошадей не оставлялъ ничего желать».

Разставшись съ гвардіею, императоръ Николай направился черезъ Бѣлую церковь въ Кіевъ, въ которомъ онъ не былъ съ 1816 года, когда впервые посѣтилъ этотъ городъ, будучи еще великимъ княземъ. 23-го іюня (5-го іюля) въ девятомъ часу вечера, государь съ дороги прямо подъѣхалъ къ Печерской лаврѣ, гдѣ ожидали его митрополитъ Евгеній съ духовенствомъ и всею монастырскою братіей. Множество богомольцевъ, въ эту пору года стекавшихся въ Кіевъ, наполняло всю монастырскую ограду; древній соборъ переполненъ былъ народомъ, военными и гражданскими чиновниками, городскими дамами. Выйдя изъ лавры, государь взялъ къ себѣ въ коляску находившагося здѣсь главнокомандующаго первою арміею, фельдмаршала графа Сакена, и отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру, а потомъ уже поѣхалъ въ домъ военнаго губернатора въ Липкахъ, предназначенный для помѣщенія державнаго гостя.

На слѣдующій день утромъ здѣсь представлялись государю генералы и полковые командиры расположенныхъ въ Кіевѣ войскъ, гражданскіе чиновники, купечество и др., а затѣмъ его величество слушалъ въ Софійскомъ соборѣ литургію и прикладывался къ мощамъ. Изъ собора государь направился въ лавру для поклоненія почивающимъ въ пеще-

⁴⁾ Подробности пребыванія императора Николая въ Варшавѣ и въ Берлинѣ въ 1829 году описаны нами въ статьяхъ: „Императоръ Николай I и Польша“ „Рус. Стар.“ 1900 г. №№ 2—8.

рахъ угодникамъ. Въ 4 часа изъ Тульчина прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а въ 6 часовъ вечера происходилъ смотръ войскамъ.

25-го іюня (7-го іюля), въ день рожденія императора Николая, получено было отъ графа Дибича извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи, которая 18-го (30-го) іюня сдалась на капитуляцію генералу Красовскому. Силистрія взята была безъ штурма; осадными работами руководилъ генераль-маіоръ Шильдеръ, который благополучно довелъ крѣпость до сдачи однѣми лопатами. Побѣдителю достались 220 орудій, 80 знаменъ, флотилія и гарнизонъ въ 10.000 человекъ. Послѣ развода государь слушалъ обѣдню въ Андреевской церкви, а въ часъ по полудни присутствовалъ въ Софійскомъ соборѣ на благодарственномъ по поводу взятія Силистріи молебнѣ, совершенномъ митрополитомъ Евгеніемъ.

Изъ наградъ, пожалованныхъ за покореніе Силистріи, отмѣтимъ слѣдующія: графъ Дибичъ назначенъ былъ шефомъ Черниговскаго полка, генераль Красовскій награжденъ орденомъ св. Владиміра первой степени, а генераль Шильдеръ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

26-го іюня (8-го іюля) государь осматривалъ крѣпостныя работы, производившіяся плѣнными турками; при этомъ онъ далъ повелѣніе избрать изъ нихъ 200 человекъ старшихъ и семейныхъ и отпустить ихъ въ Турцію. Въ тотъ же день государь, послѣ обѣда, выѣхалъ въ Козелецъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, неразлучный спутникъ императора Николая, во время путешествія 1829 года, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу высочайшаго пребыванія въ Кіевѣ, что, кромѣ важнѣйшихъ городскихъ церквей, государь осматрѣлъ также общественныя заведенія, арсеналъ и крѣпостныя сооруженія. «На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему, при обычной его дѣятельности, довольно было двухъ дней, хотя въ то же время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно пріѣзжавшіе, въ продолженіе высочайшаго путешествія, изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только порѣшнить и отослать всѣ безъ изыятія поступившія бумаги. Такимъ образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ и начальниковъ арміи возвращались точно также безъ замедленія, какъ бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ находилъ время ежедневно писать подробныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появлявшіяся въ печати книги на русскомъ и французскомъ языкахъ».

Во время пребыванія въ Козелецѣ государь дѣлалъ смотры 2-му

резервному кавалерійскому корпусу и черезъ Черниговъ прибылъ 30-го іюня (12-го іюля) въ крѣпость Бобруйскъ. Здѣсь императоръ Николай, какъ бывшій генераль-инспекторъ, съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ крѣпостныя сооруженія. Едва выйдя изъ коляски, онъ тотчасъ пошелъ по работамъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, вникнуть лично во всѣ подробности, все обсудить и всему дать дальнѣйшее направленіе. Подобно тому какъ въ Кіевѣ, здѣсь также работали плѣнные турки; государь явился среди занимаемаго ими лагеря совершенно одинъ и возвратилъ многимъ свободу. Въ Бобруйскъ къ этому времени доставлено было множество турецкихъ знаменъ, государь помѣтилъ часть изъ нихъ въ бобруйскій крѣпостной соборъ, въ память своего здѣсь пребыванія, а прочія отосланы были въ Петербургъ. Императоръ Николай вспомнилъ въ Бобруйскѣ заслуги бывшаго ближайшаго сотрудника по управленію инженернымъ корпусомъ (съ 1818 по 1825 годъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ основателя этой крѣпости—инженеръ-генерала Оппермана: 16-го (28-го) іюля 1829 года государь подписалъ въ Бобруйскѣ рескриптъ на его имя, по которому генераль Опперманъ возведенъ былъ въ графское достоинство: «за долговременное неутомимодѣятельное и полезное служеніе».

Пробывъ въ Бобруйскѣ три дня, императоръ Николай, направивъ свой дальнѣйшій путь черезъ Могилевъ, Витебскъ, Великія Луки и Старую Руссу, прибылъ 11-го (23-го) іюля вечеромъ въ Царское Село. На другой день государь съ наслѣдникомъ и великими князьями переѣхали въ Петергофъ.

13-го (25-го) іюля въ Красномъ Селѣ, въ присутствіи государя состоялся парадъ расположеннымъ здѣсь въ лагерѣ войскамъ. Военноплѣнные турецкіе офицеры, одинъ двухъ-бунчужный паша и двѣнадцать бимъ-башей были приглашены на парадъ. Имъ даны были лошади, осѣдланныя по-турецки, и вообще оказаны, какъ сообщалось въ современныхъ печатанныхъ извѣстіяхъ, «всѣ учтивости, съ коими обходятся у насъ съ обезоруженными плѣнными непріятелями. Турки въ полной мѣрѣ чувствовали отличіе, имъ оказанное таковымъ пріемомъ при самомъ монархѣ всероссійскомъ. Но какою радостію были они поражены, когда послѣ развода, бывшаго въ лагерѣ, его императорское величество изволилъ подойти къ нимъ и объявить, что онъ даруетъ имъ свободу; что они могутъ возвратиться на свою родину, и что уже повелѣлъ снабдить ихъ какъ деньгами, такъ и всѣмъ нужнымъ для совершенія столь дальняго путешествія».

Въ тотъ же день императоръ Николай снова сѣлъ въ дорожную коляску съ генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ и скакалъ на встрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Берлина; государь имѣлъ радость встрѣтиться съ нею за двѣ станціи отъ Нарвы. 16-го (28-го) іюля ихъ

величества прибыли въ Петербургъ къ молебствію въ Казанскомъ соборѣ, назначенному по случаю побѣдъ, одержанныхъ графомъ Дибичемъ при Кулевчѣ и графомъ Паскевичемъ—при Мелидюжѣ. Послѣ молебствія ихъ величества отправились въ Елагинскій дворецъ ⁴⁾.

Этимъ завершились путешествія императора Николая въ 1829 году, продолжавшіяся безъ перерыва почти три мѣсяца.

Пока готовились громадной важности событія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Азіи, въ Петербургъ прибылъ персидскій принцъ Хозревъ-Мирза, который долженъ былъ исходатайствовать у подножія царскаго престола прощеніе въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Выше уже было упомянуто, что Аббасъ-Мирза прислалъ въ Тифлисъ своего сына Хозревъ-Мирзу. Но онъ явился къ главнокомандующему скорѣе какъ аманатъ, чѣмъ какъ посланникъ; принцъ не былъ снабженъ письмомъ шаха къ государю и не имѣлъ даже денегъ для дальнѣйшаго путешествія. Графъ Паскевичъ распорядился тогда по-своему и разсѣкъ гордіевъ узель, отправивъ, безъ дальнѣйшихъ переговоровъ, Хозревъ-Мирзу въ Петербургъ и увѣдомивъ Аббасъ-Мирзу о сдѣланномъ распоряженіи. Шахъ спохватился еще во-время и немедленно отправилъ курьера съ письмомъ къ государю, исполненнымъ смиреннѣйшими извиненіями. Этотъ курьеръ догналъ Хозревъ-Мирзу въ Новгородѣ, и такимъ образомъ рѣшительный образъ дѣйствій Паскевича привелъ къ желаемой цѣли.

10-го (22-го) августа состоялась торжественная аудіенція персидскаго принца въ Зимнемъ дворцѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа:

«Государственные сановники, дворъ, свита государева, генералы и офицеры гвардіи и городскія дамы были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, обставленную дворцовыми гренадерами, и размѣщены по обѣимъ ея сторонамъ, а государь съ императрицею стали на ступеняхъ, ведущихъ къ трону. Оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ молодаго принца съ его свитою и послѣ трехъ поклоновъ тому, котораго онъ прибылъ умолять о пощадѣ именемъ своего дѣда, Хозревъ-Мирза прочелъ свою рѣчь, съ видимымъ для всѣхъ волненіемъ, внушеннымъ ему и ея цѣлью и высокимъ кругомъ предстоявшихъ слушателей. Отвѣтъ нашъ, написанный въ самыхъ дружественныхъ и успокоительныхъ

⁴⁾ 16-го іюля, 94 знамя, отбитыя у непріятели въ европейской и азіатской Турціи, возимы были по улицамъ Петербурга. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

выраженіяхъ, былъ прочитанъ вице-канцлеромъ графомъ Нессельродомъ ⁴⁾).

«По волѣ государя, приложено было все стараніе сдѣлать персидскому принцу пріятнымъ пребываніе его въ Петербургѣ. Его окружили всевозможнымъ почетомъ, разнообразными развлеченіями и самою нѣжною предупредительностью со стороны двора, даже ввели въ тѣнѣйшій кругъ императорскаго дома. Его возили по всѣмъ общественнымъ заведеніямъ, театрамъ, кадетскимъ корпусамъ, приглашали на разводы и на маленькіе маневры, въ окрестностяхъ Царскаго Села; наконецъ, осыпали, вмѣстѣ съ чинами его свиты, подарками, достойными его высокаго сана и того монарха, отъ котораго они жаловались.

«Хозревъ-Мирза уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему приѣма и отъ достигнутаго, черезъ его пріѣздъ, возобновленія дружественныхъ сношеній между Россією и Персією. Двѣнадцать пушекъ, посланныхъ въ даръ Аббасъ-Мирзѣ еще отъ имени императора Александра и взятыхъ у персіянъ съ боя въ продолженіе минувшей войны, были замѣнены равнымъ числомъ орудій превосходнѣйшей отдѣлки и отправлены въ Тавризъ съ прочими подарками для отца, принца-посланника».

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Императоръ Николай писалъ 12-го (24-го) августа графу Дибичу: „Avant hier Hozrew-Mirza a eu son audience de pardon; c'est très réel et fort beau et imposant“.

КАКЪ И ЧЕМУ УЧИЛСЯ ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.

Въ VI томѣ Исторіи царствованія Петра Великаго Н. Устрялова съ достаточною обстоятельностью изложена исторія царевича Алексѣя Петровича.

Все вновь отыскиваемое среди документовъ и первоисточниковъ служитъ чаще всего только къ болѣе наглядному разъясненію и дополненію уже установленныхъ данныхъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ родился въ 4-мъ часу ночи 18-го февраля 1690 года (по свидѣтельству англичанина И. Гордона; хотя въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ день его рожденія сочтенъ 19-мъ февраля).

6-ти лѣтъ Царевича стали учить грамотѣ, и къ нему опредѣленъ учителемъ Никифоръ Вяземскій, человѣкъ, повидимому, не бывшій на высотѣ порученнаго ему дѣла.

До девяти лѣтъ царевичъ находился подъ надзоромъ матери; такимъ образомъ онъ съ дѣтства видѣлъ борьбу новизны съ стариною и сталъ привыкать чуждаться самой мысли своего совершенствованія.

Когда мать Алексѣя Петровича, Евдокія Θεодоровна удалилась въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, Царь хотѣлъ отправить сына на воспитаніе въ Германію подъ надзоромъ саксонскаго генерала Карловича, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1699 году.

Но смерть Карловича подъ Ригю, во время приступа къ Динаминду, 1-го марта 1700 года, разстроила эти предположенія.

Отправленіе Царевича за границу было отложено, а между тѣмъ началась сѣверная война, на долго занявшая государственную мысль державнаго преобразователя. Сначала къ наслѣднику престола опредѣленъ

былъ иноземецъ Нейгебауеръ, а вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1703 года, наставникомъ къ 13-ти-лѣтнему Царевичу назначенъ былъ баронъ Генрихъ Гюйсенъ (Гизенъ, Huysen) ¹⁾, который вскорѣ (мартъ 1703 г.) выработалъ программу (наказъ) о воспитаніи Алексѣя Петровича.

Наказъ этотъ былъ одобренъ царемъ и приводился въ исполненіе, повидимому, весьма систематично.

Въ дѣлѣ образованія наслѣдника престола принималъ нѣкоторое участіе также и князь А. Д. Меншиковъ, надзору котораго поручено было общее наблюденіе за веденіемъ этого образованія.

Въ Меншиковскихъ бумагахъ нашелся документъ, о которомъ не упоминаетъ ни Устряловъ, ни Пекарскій и который озаглавленъ такъ: «Увѣдомленіе его пресвѣтлости государя царевича о ученіи, наукахъ и какой еще далѣе будетъ».

Далѣе читаемъ: «Его пресвѣтлость государь царевичъ учится по вся дни по 3 часа, сперва читалъ легкіе разговоры во французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, Орбисъ-Пиктусъ, и Цехру (?) Филологику, политическая закуска ²⁾, начало о житіи нынѣшняго короля французскаго; книги: о воинскомъ дѣлѣ водою и сухимъ путемъ, откуда рѣчи воинскія выучилъ, фавбулы Ессоповы, описаніе ѣзды Оларіуса, введеніе въ исторію Пуффендорфа ³⁾, также географію, генеалогію, науку печатей королей, ариметику и геометрію, нарочито выучилъ; егда его пресвѣтлость государь царевичъ писать зачалъ, тогда ему мѣста форшрифта науки политическія, на обоихъ языкахъ, кратко сочиненныя и изо всякихъ исторій и вѣдомостей собранныя, писать даны и егда написалъ, тогда ему располагаются и толкуются, кои 3-мъ часамъ не причитаются.

«Наизусть ученіе и прослушаніе 14-ти вокавуловъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, чтаніе вседневное 3-хъ главъ изъ библей нѣмецкой и по воскресеньямъ разговоры за столомъ при гуляніи, также изъ вѣдомостей нѣмецкихъ и французскихъ; при томъ употребляются нѣкоторыя ландкарты, образы, описанія ѣзды, грамотки, новыя книги, изъ которыхъ о состояніи церемоніяхъ и обычаяхъ чужи[х]ъ дворовъ и людей безъ принужденія съ охотою учится, что къ наукѣ и къ политикѣ... надлежитъ; тако(жъ) научаю къ правдивому страху Божію, почитанію и послушанію предъ его Царскимъ Величествомъ, къ похваленію предъ его превосходительствомъ господиномъ губернаторомъ ⁴⁾, къ униженію предъ первыми съ вами и чужими министрами, да у обитателей своихъ любовь и почитаніе себѣ учинить благое народное, пріятное лице въ

¹⁾ О немъ см. Пекарскій, „Наука и Литература“, ч. I, стр. 90.

²⁾ Sic.

³⁾ Срав. ст. 8, §§ 1 и 4 наказа объ обученіи царевича, составленнаго Гюйсеномъ. Истор. Петра Великаго, Устряловъ, ч. VI, прилож. II.

⁴⁾ Меншиковымъ.

поздравленіи, глаголаніи, въ ѣздѣ, въ хожденіи, въ ѣздѣ и войны вѣщахъ чинить, чисту въ платяхъ, перукахъ ¹⁾, питіи и ядоніи держатися и всякое дѣло во свое время чинить; такожде не причитается къ уставнымъ часамъ, что его пресвѣтлость изволить про себя, въ словянскихъ духовныхъ въ прочихъ книгахъ читаетъ, между которыми переводъ Заводрянъ есть.

«На сію статъ и по введенію ученія и наукъ можетъ его пресвѣтлость до моего возвращенія ученіе свое продолжать и oprичъ вышепомянутыхъ сіи послѣдствующія книги читать.

1. Размышленіе о вѣжливости французской; сія бо книга легкая и весьма потребна ко изученію благихъ наукъ и церемоній.

2. Разговоръ надъ общею исторією авторомъ господина мой ²⁾... дофину.

3. Телемакъ, который князю Боргонскому отъ ученаго Фенелона посланъ.

4. Французскій Завѣтъ, изданіемъ де Монся.

5. Ариѳметика и геометрія.

6. Рисовать, танцовать, артиллерія и ученіе воинск(ое).

«Въ остальномъ общаюся его въ дальное большее ученіе ввести и за годъ его превосходительству господину губернатору даннаго меморіала отъ того бы списокъ прислать.

«На почтѣ апрѣля въ 21 день» ³⁾.

Съ нѣкотою вѣроятностію, при сопоставленіи его съ документами, напечатанными Устряловымъ на стр. 307, VI т. Исторія Петра Великаго подъ цифрою 8, можетъ быть можно было бы приписать эту рукопись Никифору Вяземскому, который 17-го марта 1708 г. писалъ царю: «Доношу вашему величеству: сынъ твой, государь, во ученіи и цифири четыре части имѣетъ въ твердости и въ семь еще обрѣтается во вся дни» и 14-го ноября 1708 г.: «присланную книгу Марсовыхъ дѣлъ на французскомъ языкѣ отдалъ для перевода Зотову. Сынъ твой во ученіи нѣмецкаго языка и нынѣ началъ къ тому учиться по-французски».

Во всякомъ случаѣ дальнѣйшее изслѣдованіе бумагъ Меншикова опредѣлитъ вѣроятно болѣе точно хронологическое мѣсто приведеннаго документа и укажетъ опредѣленіе его автора.

¹⁾ „Перукахъ“ т. е. парикахъ.

²⁾ Истѣло.

³⁾ Импер. Акад. наукъ. Рукописн. отд. Связеа разрозненныхъ листовъ съ помѣтою: описанныя дѣла 1708 года; на листахъ помѣта: 51—52.

Видно однако, что «Наказъ» Гюйсена проводился въ жизнь и въ юной головѣ царскаго преемника при изученіи «размышленій о вѣжливости французской» и «чтеніи славянскихъ духовныхъ книгъ» сложились впечатлѣнія, складывался образъ мыслей и дѣйствій, приведшіи къ катастрофѣ 26-го іюня 1718 года.

Сообщилъ **М. К. Марченко.**

Воспоминанія протоіеря І. І. Базарова.

II 1).

Революція въ Германіи въ 1847 г. — Положеніе русскихъ за границею. — Волненія въ Висбаденъ и во Франкфуртъ. — Семья протоіеря Сабинина. — Кончина супруги І. І. Базарова. — Прибытіе въ Висбаденъ великой княгини Елены Павловны. — Отъѣздъ І. І. Базарова въ Россію. — Жизнь въ Петербургѣ. — Возвращеніе въ Висбаденъ. — Великая княгиня Марія Павловна. — Протоіерей Цѣвницкій. — Назначеніе І. Базарова въ Стутгардъ.

Вонецъ 1847 и начало 48-го года провели мы мирно и тихо, какъ вдругъ въ концѣ февраля разразилась буря революціи на западномъ горизонтѣ. Такъ какъ въ то время телеграфа не существовало, то вѣсть о парижской революціи 28-го февраля достигла въ Висбаденъ только 2-го марта, и въ тотъ же день нельзя было узнать, что сдѣлалось изъ спокойныхъ и неподвижныхъ нѣмцевъ. Видно было, что струны меттерниховскаго режима были такъ натянуты, что довольно было одного толчка извнѣ, чтобы онѣ лопнули. Странно что сами правительства въ Германіи какъ будто ждали съ часу на часъ этого порыва, и потому лишь только пробѣжала вѣсть о низверженіи Луи-Филиппа и объявленіи республики во Франціи, всѣ нѣмецкіе владѣтели и ихъ министры бросились бѣжать въ разныя стороны. При этомъ припоминается одна изъ многочисленныхъ тогда каррикатуръ, на которой были изображены король французскій Луи-Филиппъ, принцъ прусскій Вильгельмъ, впоследствии императоръ германскій, и князь Мет-

1) См. „Русскую Старину“ 1901 г. февраль.

тернихъ, всѣ трое верхомъ на палочкахъ, и подѣ ними подпись: *es reiten drei Ritter hinaus* (три рыцаря уѣзжаютъ прочь). И дѣйствительно, эти три личности, тогда самыя несимпатичныя въ политическомъ мѣрѣ народовъ, одинъ за другимъ бѣжали въ Англію при первомъ громѣ революціи. Герцогъ Нассаускій Адольфъ, также по первому извѣстію изъ Парижа, бѣжалъ, говорили, въ Берлинъ, а собственно онъ только спрятался во Франкфуртѣ. 3-го марта новаго стилиа былъ самый страшный день для мирныхъ жителей Висбадена, а особенно для оставшихся въ немъ русскихъ. Россія въ эти дни революціи была страшилищемъ для бунтующаго народа. Имя императора Николая было такъ страшно, что они пугали имъ себя, какъ пугаютъ дѣтей букою. Поэтому можно себѣ представить, какія чувства нерасположенія питались ко всѣмъ русскимъ. По отъѣздѣ герцога изъ своей столицы прекратилось временно всякое правительство, всякое начальство. Народъ толпами ходилъ по улицамъ съ пѣснями и криками. Мы съ нашею церковью помѣщались въ домѣ, принадлежащемъ герцогу, но въ городѣ ходили уже слухи, что на другой день все принадлежащее герцогу будетъ разрушено, разграблено и сожжено. Чтобы придать завтрашней революціи больше шума, заправили возстанія разослали гонцовъ по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ съ приглашеніемъ явиться на другой день въ Висбаденъ для дѣлежа добычи. И въ самомъ дѣлѣ 4-го марта съ ранняго утра стали стягиваться со всѣхъ сторонъ поселяне съ мѣшками на плечахъ, съ наивною увѣренностью, что будетъ дѣлежъ—чего? о томъ они и не думали. Наше положеніе становилось опаснымъ, и я отправился къ герцогскому гофмаршалу за совѣтомъ. Но онъ мнѣ только сказалъ:

— Молитесь, если можете, не только за себя, но и за насъ, чтобы мы остались въ живыхъ.

Въ нижнемъ этажѣ занимаемаго нами дома жилъ начальникъ артиллеріи полковникъ Гаченъ. Проходя мимо его квартиры, я зашелъ къ нему за совѣтомъ. Но тотъ сталъ меня просить позволить ему завтра прислать къ намъ въ квартиру его семейство, такъ какъ онъ опасается, что у него выбьютъ окна камнями. Пока мы съ нимъ разговаривали, въ комнату его входятъ трое вооруженныхъ ружьями гражданъ съ революціонернымъ шарфомъ черезъ плечо. Они объявляютъ себя членами революціонернаго комитета и требуютъ отъ него выдачи артиллеріи. На возраженія полковника, что они отъ него требуютъ невозможнаго, одинъ изъ депутатовъ потрепалъ его по плечу съ словами:

— Полковникъ, вы не забудьте, что мы дѣлаемъ революцію!

Послѣ долгихъ пререканій наконецъ сошлись на томъ, что бюргеры приставятъ своихъ часовыхъ къ пушкамъ, чтобы изъ нихъ не стрѣляли, когда они начнутъ свою революцію. Видя, что положеніе становится опаснымъ, я отправилъ нарочнаго во Франкфуртъ съ письмомъ въ на-

ше посольство, прося принять насъ съ церковью подѣ свое покровительство. Посланный поѣхалъ, но не воротился, такъ какъ революціонеры сняли рельсы, опасаясь, чтобы изъ Майнца не выслали противъ нихъ войска. Тогда, забравъ необходимыя вещи изъ церкви и свою семью, я отправился съ ними во Франкфуртъ, но доѣхавъ до первой станціи, Кастель, противъ Майнца, мы не могли дальше ѣхать и принуждены были здѣсь остановиться. Сидя въ гостиницѣ подѣ вечеръ, мы замѣтили, что прямо противъ насъ выдвигаютъ пушки, доставленныя изъ Майнца. На нашъ вопросъ, чтѣ это значитъ, намъ объяснили, что это изъ предосторожности, чтобы висбаденскіе бунтовщики не вздумали сдѣлать нападенія на Майнцъ. Въ такомъ случаѣ наша гостиница, какъ стоявшая на дорогѣ, была бы разрушена пушечными ядрами. Такимъ образомъ, мы попали изъ огня да въ полымя! Въ этомъ страхѣ мы провели всю ночь на 4-ое марта.

Между тѣмъ, въ Висбаденѣ вспыхнула въ этотъ день революція. Народъ толпами собрался передѣ дворцомъ и сталъ требовать герцога. На всѣхъ домахъ были прибиты такъ называемыя требованія народа, состоявшія главнымъ образомъ въ отмианіи цензуры, десятинныхъ сборовъ, стѣсненія свободы совѣщаній народныхъ и многого другаго. Напрасно вдовствующая герцогиня выходила на крыльцо дворца, чтобы убѣдить народъ не дѣлать шуму, а подождать возвращенія герцога. Ея голоса никто не хотѣлъ слушать, и бойкіе изъ революціонеровъ приступили было къ разрушенію дворцовыхъ зданій, но были удержаны вѣ время вооруженными гражданами. Между тѣмъ, около полудня, сидя въ Кастелѣ, мы видимъ, что мимо нашихъ оконъ промчался поѣздъ изъ Франкфурта, и намъ сказали, что это проѣхалъ герцогъ въ Висбаденъ. По рассказамъ очевидцевъ, прибывъ въ свою возмущенную столицу, онъ прямо изъ вагона отправился пѣшкомъ по улицамъ, наполненнымъ бунтовщиками, во дворецъ, и здѣсь, выйдя на балконъ, объявилъ толпившейся передѣ окнами и кричавшей изъ всѣхъ силъ массѣ всякаго сброда людей, что онъ согласенъ на всѣ требованія народа и проситъ спокойно разойтись по домамъ. Но тутъ-то и оказалось, что такъ называемый народъ, заявившій свои политическія требованія, вовсе не ожидалъ такой мирной развязки начатой революціи. «А гдѣ жъ дѣлежъ?» спрашивали наивные поселяне, стекшіеся по зову революціонеровъ, собственно больше для усиленія уличныхъ манифестацій, а по увѣренію ихъ для добычи, почему они и явились съ пустыми мѣшками подѣ мышками. Теперь самимъ гражданамъ, руководившимъ этимъ движеніемъ, стало страшно за себя, и имъ стоило большихъ трудовъ сперва разными уговорами и обѣщаніями выпроводить изъ города созданныхъ ими же поселянъ, а потомъ уже съ помощью прикладовъ разогнать наплывшую изъ окрестностей толпу бродягъ, которые рассчитыва-

ли только на грабежъ. Къ вечеру мы получили извѣстіе изъ Висбадена, что революція кончилась и городъ опять спокоенъ. Воротившись домой, я узналъ, что ночью изъ франкфуртскаго посольства былъ присланъ за нами человекъ, чтобы забрать насъ и привезти во Франкфуртъ подъ защиту нашего посольства. По счастью, мѣра эта оказалась лишнею, и мы попрежнему водворились спокойно на житье въ Висбаденѣ. Странно было мнѣ слышать потомъ отъ людей, произведшихъ революцію, два совершенно различныхъ сужденія. Одинъ, библиотекарь герцогской библиотеки, говорилъ:

— Что вы хотите? народъ растетъ, какъ дитя. И если вы въ-время не сошьете новой одежды, то старая порвется на егѣ тѣлѣ сама собой.

Другой, купецъ, тоже стоявшій съ ружьемъ на площади, напротивъ, говорилъ:

— Нѣтъ, еслибы герцогъ, вмѣсто того, чтобы съ балкона своего дворца объявить согласіе на всѣ наши требованія, подкатилъ подъ свои окна пушки двѣ и пустилъ бы въ насъ картечью, все пришло бы въ прежній порядокъ. А то теперь, торговля упала, фабрики закрываются, и народъ голодаетъ безъ дѣла.

И дѣйствительно, революція, начавшаяся 4-го марта въ такихъ скромныхъ размѣрахъ въ Висбаденѣ, потомъ бѣглымъ огнемъ пробѣжала по столицамъ многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ, достигла Берлина и Вѣны, поколебала троны, съ которыхъ пали возсѣдавшіе на нихъ государи, и разразилась военнымъ возстаніемъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, такъ что прошло года три прежде, чѣмъ народная жизнь могла успокоиться и войти въ обычное свое теченіе. Въ то время можно было видѣть, какъ всѣ правители въ Германіи потеряли головы, и какъ надъ всѣми ими возвышался исполинскій образъ императора Николая. Всѣ только на него и надѣялись, всѣ отъ него одного ждали спасенія.

Въ это время главный центръ революціи находился во Франкфуртѣ. Тамъ созданъ былъ народомъ всегерманскій парламентъ, туда посадили въ то время популярнаго эрцгерцога Іоанна викаріемъ будущей имперіи, на мѣсто ненавистнаго германскаго союза. Бѣдный эрцгерцогъ жилъ во дворцѣ германскаго союза прямо противъ нашего посольства, въ Эшенгеймерской улицѣ, и по вечерамъ тайкомъ приходилъ къ нашему Будбергу, который, тогда еще молодой человекъ, за смертію Убри, оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ, и спрашивалъ его совѣта. Извѣстно, что этотъ молодой дипломатъ, въ послѣдствіи бывшій нашимъ посломъ въ Парижѣ, одинъ изъ всѣхъ понялъ ничтожность германской революціи 1848 года и въ своихъ депешахъ предсказывалъ скорый конецъ ея. Императоръ Николай, придававшій этому движенію болѣе серьезный характеръ, изумлялся такому взгляду и потому вызвалъ барона Будберга въ Варшаву, чтобы убѣдиться лично въ его воззрѣніяхъ, при

чемъ, какъ говорятъ, онъ обѣщалъ ему вспомнить его, если его предсказаніе сбудется. И дѣйствительно, лишь только франкфуртскій парламентъ распался самъ собою, Будбергъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Берлинъ.

Мнѣ разъ удалось побывать въ этомъ парламентѣ, засѣдавшемъ въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ, и присутствовать при разрѣшеніи вопроса, какую форму правленія дать будущей Германіи, республиканскую или монархическую. Одинъ изъ ораторовъ, войдя на каеэдру, началъ свою рѣчь словами: «Императоръ Николай сказалъ»..... Но тутъ поднялся такой шумъ и гамъ, что дальше нельзя было продолжать рѣчь. Между тѣмъ ораторъ не смутился. Выждавъ, когда улегся шумъ, онъ началъ свою рѣчь тою же фразою. Опять крики: «Не хотимъ слушать императора Николая!» И только послѣ увѣщаній президента, напоминоваго возмущенному собранію о свободѣ рѣчи въ парламентѣ, оратору удалось высказать, что, по мнѣнію императора Николая, только двѣ формы правленія имѣютъ смыслъ, или чисто республиканская, или абсолютно монархическая, а конституціонная есть только игра въ самолюбіе партій, и потому ораторъ рекомендуетъ республику. Но нѣмцы даже среди разгара революціи не могли отрѣшиться отъ своего партикуляризма, и когда рѣшено было удержать монархію съ однимъ императоромъ во главѣ при всенѣмецкомъ парламентѣ, то каждый изъ представителей различныхъ фатерляндовъ сталъ предлагать своего государя въ императоры: нассаусцы своего герцога, лице-детмольцы — своего князя, и какъ пруссаки составляли большинство въ парламентѣ, то порѣшили поднести императорскую корону королю прусскому. Известно, что король не только отвергнулъ это революціонерное поднесеніе, но даже отозвалъ своихъ подданныхъ изъ парламента, что и положило начало его распаденію.

Но мартовская революція въ Германіи не вездѣ прошла такъ безкровно, какъ въ Висбаденѣ. Такъ, между прочимъ, и во Франкфуртѣ были баррикады и стрѣлянне изъ пушекъ въ революціонеровъ. Помню этотъ день особенно потому, что покойный князь Сергій Николаевичъ Урусовъ попалъ на эту кровавую свалку. Напрасно я предупреждалъ его въ этотъ день не уѣзжать изъ Висбадена. Онъ отговаривался тѣмъ, что семейство его уже вчера отправилось во Франкфуртъ, и что ему, какъ русскому, ничего дурнаго не сдѣлаютъ бунтующіе нѣмцы. Но вышло такъ, что, пріѣхавъ туда, онъ нашелъ улицы, ведущія къ гостиницѣ «Римскаго императора», гдѣ остановилось его семейство, забаррикадированными, и ему приходилось парламентировать и съ баррикадными предводителями, и съ начальниками правительственныхъ войскъ, стоявшихъ подъ ружьемъ противъ баррикады, чтобы подъ конвоемъ то съ той, то съ другой стороны пробраться до гостиницы. Здѣсь онъ нашелъ свое

сѣмейство уже переведеннымъ въ подвалъ, такъ какъ съ минуты на минуту ожидали бомбардированія этой гостиницы, въ виду которой был^а воздвигнута самая крѣпкая баррикада, въ которую чуть не попала и дорожная карета князя при перевозкѣ ея съ желѣзной дороги въ гостиницу. Между тѣмъ, едва князь успѣлъ повидаться съ своимъ семействомъ, какъ изъ окна этой гостиницы послѣдовалъ выстрѣлъ въ солдатъ, стоявшихъ на улицѣ. Сейчасъ посланъ былъ отрядъ солдатъ, которые, занявъ всѣ выходы гостиницы, начали обыскъ по всѣмъ комнатамъ, чтобы схватить произведшаго выстрѣлъ. Въ это время человекъ князя Урусова, русскій, ни слова не говорившій и не понимавшій по-нѣмецки, спускался по лѣстницѣ, спѣша въ подвалъ къ своимъ господамъ. Солдатъ, поставленный здѣсь съ назначеніемъ не пропускать никого, съ командою «Halt» приставилъ штыкъ къ груди несчастнаго, ничего не понимавшаго лакея, и приперевъ его къ стѣнѣ, въ такомъ положеніи продержалъ его около получаса, пока производился обыскъ въ гостиницѣ. Бѣдный, невольный и невинный плѣнникъ набрался такого страха, что тутъ же заболѣлъ и потомъ чуть не умеръ. Такъ, не одному русскому приходилось въ это время испытать въ чужомъ пиру похмѣлье, что заставило всѣхъ нашихъ соотечественниковъ поспѣшно оставить Германію и воротиться домой въ Россію. И какъ послѣ того еще долго никто не рѣшался ѣхать за границу, то намъ въ Висбаденѣ пришлось испытать полное одиночество среди нѣмцевъ, въ это время очень недружелюбно расположенныхъ къ намъ. И заскучали мы, и снова тоска по родинѣ стала щемить сердце. Въ эту пору мы рѣшились-было воротиться на родину, но все болѣе и болѣе развивавшаяся болѣзнь жены моей заставила насъ продлить еще наше пребываніе за границею. Чтобы утѣшить себя свиданіемъ съ родными, мы рѣшились отправиться въ Веймаръ въ родственное намъ семейство Сабининыхъ и подъ покровъ великой княгини Маріи Павловны, бывшей великой герцогини Веймарской. Здѣсь мы провели нѣсколько, дѣйствительно счастливыхъ недѣль въ многочисленной семьѣ протоіерея Сабинина, который самъ былъ ученымъ мужемъ того времени, имѣлъ большую и дорогую бібліотеку, много работалъ надъ изслѣдованіемъ священнаго писанія и другихъ церковныхъ древностей, и въ качествѣ ученаго былъ уважаемъ не только мѣстными знаменитостями, какъ напримѣръ Гердеромъ, но и иностранными учеными, особенно въ Даніи, гдѣ онъ прежде состоялъ при нашей посольской церкви въ Копенгагенѣ, и гдѣ онъ былъ принятъ въ число членовъ Общества сѣверныхъ антикваріевъ. Жена протоіерея Сабинина, родная тетка моей жены, много помогала ему въ его ученыхъ занятіяхъ, сама упражнялась въ переводахъ съ нѣмецкаго. Такъ, между прочимъ, она перевела Торквато-Тассо въ стихахъ. Кромѣ того, она имѣла большой талантъ къ живописи и за одну изъ своихъ картинъ, масляными

красками, получила медаль отъ нашей Академіи художествъ. Вообще вся семья Сабининыхъ была талантливая. Такъ, одинъ изъ сыновей былъ также живописцемъ; одна изъ сестеръ была хорошею музыкантшею, образовавшеюся подъ руководствомъ Листа, и потому удостоилась быть въ послѣдствіи учительницею музыки великой княжны Маріи Александровны. Вообще, домъ Сабининыхъ въ Веймарѣ считался художническимъ, и потому все, что только было значительнаго по части художества и науки въ этихъ Афинахъ Германіи, сосредоточивалось въ этомъ семействѣ, находя въ немъ пищу для своихъ талантовъ. Листъ былъ положительно другомъ этого семейства, и когда позже, въ концѣ 60-хъ годовъ, вдова Сабинина переселилась на нѣсколько лѣтъ съ семействомъ въ Стутгартъ, Листъ заѣзжалъ въ этотъ городъ только за тѣмъ, чтобы повидаться съ Сабиниными. А. Рубинштейнъ въ своихъ молодыхъ годахъ бывалъ, какъ свой, въ семьѣ Сабининыхъ, и въ послѣдствіи, уже наверху своей славы, давая по Европѣ свои знаменитые концерты, приходилъ отдыхать, какъ это было тоже въ Стутгартѣ, въ семью Сабининыхъ. И когда подумаешь, что это-то семейство, столь уважаемое въ Германіи, взысканное милостями государя и вниманіемъ всей царской фамиліи, должно было погибнуть такимъ жестокимъ образомъ въ Россіи, въ лучшемъ уголку нашего отечества, куда эта семья удалилась на покой, не оставляя, впрочемъ, и искусства, такъ какъ одна изъ младшихъ дочерей въ Россіи докончила свое музыкальное образованіе и уже выступала въ публичныхъ концертахъ въ Ялтѣ и Севастополѣ со скрипкою въ рукахъ, а другая продолжала свои акварельныя работы. Отъ этой ужасной катастрофы, подробности которой расскажу въ свое время, вздрогнула не одна Россія, но и Германія, знавшая въ большей части своей территоріи Сабининыхъ, если не вездѣ лично, то по слухамъ и репутаціи ихъ имени.

1849 годъ провели мы все лѣто въ Соденѣ, маленькомъ мѣстечкѣ близъ Франкфурта, которое въ то время служило лѣтнимъ мѣстопребываніемъ франкфуртскихъ финансистовъ, а теперь сдѣлалось мѣстомъ воднаго лѣченія чуть не такимъ же знаменитымъ, какъ воды Эмса. Я помню, какъ мы еще ходили по деревнѣ, отыскивая всѣ 18 источниковъ соденскихъ минеральныхъ водъ. А теперь тамъ и курзалъ, и великолѣпныя гостиницы. Воздухъ Содена удивительно оживлялъ мою больную жену, и когда уже въ сентябрѣ намъ надо было переселиться въ Висбаденъ, она, какъ бы предчувствуя ожидавшій ее тамъ конецъ, чуть не со слезами разставалась съ деревенскимъ домикомъ, въ которомъ мы провели все лѣто. Зимой въ Висбаденѣ ей было очень плохо, а когда настала весна 1850 года, то грудная болѣзнь ея приняла такой оборотъ, что мы вызвали изъ Петербурга ея мать. Насталъ июнь, и наша больная стала настоятельно требовать, чтобы ее везли въ Эмсъ или Соденъ. Док-

торъ, ясно видѣвшій, что дѣло близится къ концу, со дня на день откладываясь разрѣшеніе на эту поѣздку, какъ вдругъ я получаю изъ Бадена приглашеніе пріѣхать туда на крестины къ Бенкендорфу, женатому на Бенардаки. Первою моею мыслью было отказать отъ этого приглашенія, въ виду опаснаго положенія моей жены, но докторъ меня успокоилъ, сказавъ, что два-три дня отсутствія моего ничего не значатъ, и что это даже послужитъ новымъ предлогомъ отложить исполненіе болѣзненнаго желанія ѣхать въ Эмсъ или Соденъ. Я отправился, написавъ предварительно въ Баденъ, что по случаю опаснаго состоянія болѣзни моей жены, я прошу совершить крестины въ день моего пріѣзда, чтобы на другой день мнѣ можно было возвратиться къ моей больной. Но тамъ я узналъ, что крестины готовились парадныя, такъ какъ воспріемникомъ обѣщаль быть великій герцогъ Баденскій и при томъ лично, что поэтому нельзя было ускорить исполненіе обряда, не нарушивъ приличія. Какъ всегда бываетъ съ высочайшими особами, великій герцогъ не могъ быть на этихъ крестинахъ ни завтра, ни послѣ завтра, а только на третій день. Мое отчаяніе по этому случаю было полное. Съ одной стороны сознаніе долга, а съ другой страхъ каждую минуту за жизнь умирающей жены. Здѣсь я познакомился въ первый разъ съ княгинею Горчаковой, супругою тогдашняго посланника нашего въ Стутгартъ. Къ ней-то я и обратился съ моимъ горемъ. Княгиня имѣла нѣжное сердце и потому могла и умѣла утѣшать и поддерживать мою падающую бодрость въ эти тяжелые дни. По теперешнему времени можно бы сказать, отчего же бы не уѣхать въ такихъ обстоятельствахъ изъ Бадена, попросивъ пригласить вмѣсто себя другаго священника? Но тогда, кромѣ висбаденскаго, въ ближайшей окрестности были наши церкви въ Стутгартѣ и Веймарѣ. При отсутствіи телеграфовъ и большею частію желѣзныхъ дорогъ, это значило писать священнику и ожидать его пріѣзда, на что потребовалось бы времени, по крайней мѣрѣ недѣля, а великій герцогъ назначилъ уже день для своего пріѣзда въ Баденъ для присутствованія на крестинахъ. И вотъ, сказавъ себѣ въ душѣ: «долгъ прежде всего», я съ обливающимся кровію сердцемъ остался дожидаться три дня въ Баденѣ. Въ назначенный день въ домѣ Бенкендорфа собрались наши русскіе въ полномъ парадѣ, явился и великій герцогъ, начались крестины уже полугодоваго ребенка. Предварительно же у насъ былъ долгій разговоръ съ родителями на счетъ имени крещаемаго. Имъ хотѣлось назвать его въ честь высочайшаго воспріемника Леопольдомъ, но какъ этого имени въ нашихъ святцахъ не находится, то мы стали искать подходящаго по созвучію и остановились на Леонидѣ. Не знаю, могъ ли великій герцогъ узнать въ этомъ имени свое собственное, но ему доложили, что новокрещенный будетъ носить его имя. По совершеніи обряда, когда началось вообще поздра-

вленіе съ шампанскимъ, великій герцогъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною разговаривать, разспрашивая о значеніи обрядовъ при крещеніи, потомъ перешелъ вообще къ догматамъ восточной церкви и такъ заговорился со мною, что и не замѣтилъ, что все остальное общество съ шампанскимъ въ рукахъ давно ожидало его обращенія къ нему, такъ что наконецъ его гофмаршалъ долженъ былъ подойти къ нему и напомнить, что всѣ присутствующіе ожидаютъ его обращенія къ нимъ. Тогда только онъ пожалъ мнѣ руку и сталъ увѣрять, какъ ему было пріятно познакомиться со мною. И если бы этотъ добрый великій герцогъ могъ тогда знать, какъ это милостивое обращеніе его со мною впоследствии помогло мнѣ сдѣлаться законоучителемъ и духовникомъ его, тогда еще только 11-лѣтней, дочери принцессы Цецилии, сдѣлавшейся потомъ нашею великою княгинею Ольгою Ѳедоровною. Но такъ связываются судьбы людей на дальнемъ разстояніи жизни, незамѣтно и нечаянно для нихъ самихъ по программѣ, начертанной Провидѣніемъ.

Совершивъ свое пастырское дѣло, я на другое утро отправился въ Висбаденъ, напутствуемый сочувственными пожеланіями лучшаго, что меня ожидало дома. Въ то время отъ Бадена была уже желѣзная дорога до самаго Висбадена, и мнѣ нужно было проѣхать 8 часовъ, чтобы добраться до дому и до рѣшенія судьбы своей. Не помню, какъ я провелъ эти мучительные 8 часовъ въ дорогѣ, знаю только, что я не видалъ ни городовъ, ни станцій, мелькавшихъ мимо меня, и, прибывъ на станцію въ Висбаденъ, я чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ всему, что было мнѣ и такъ знакомо и такъ когда-то мило въ своемъ Висбаденѣ. Меня встрѣтилъ на вокзалѣ мой старый пріятель нѣмецъ, 70-лѣтній старикъ Штейнъ. Почему-то онъ посадилъ меня въ экипажъ, хотя отъ станціи до нашей квартиры всего было нѣсколько шаговъ. Въ экипажѣ старикъ взялъ меня за руку и съ чувствомъ произнесъ:

— Мой другъ! я былъ не разъ въ такомъ положеніи!

Онъ былъ женатъ три раза.

На это я только могъ спросить: когда же?

— Вчера утромъ!

Въ эту минуту мы подѣхали къ дому, я выскочилъ изъ экипажа, бросился по лѣстницѣ и, отворивъ дверь въ залъ, увидалъ много народу; но, разобравъ только лицо моей тещи, бросился передъ нею на колѣни и, обнявъ ее, плакалъ, плакалъ, слыша отъ нея одни только слова: «плачь, плачь, мой сынъ, тебѣ будетъ легче!»—Дѣти мои были слишкомъ малы, чтобы понимать горе отца и потерю матери. Старшему было 5 лѣтъ, а младшему только 3 года. Для погребенія моей покойной жены пріѣхалъ изъ Веймара протоіерей Сабининъ.

Въ это время я получалъ со всѣхъ сторонъ выраженіе соболѣзнованія, но самое теплое, полное сердечныхъ утѣшеній—было письмо отъ

княгини Горчаковой изъ Бадена. Она уговаривала меня прїѣхать съ дѣтьми къ нимъ въ Баденъ, общая самыя материнскія заботы о моихъ малюткахъ. И дѣйствительно, впоследствии, когда я былъ переведенъ въ Стутгартъ, она была нерѣдко любящею матерью для дѣтей моихъ. Но въ настоящій разъ я не могъ воспользоваться ея приглашеніемъ. Я рѣшился ѣхать и даже уѣхать въ Россію. Но и этого я не могъ исполнить тотчасъ же, такъ какъ стало извѣстно, что въ Висбаденѣ прїѣзжаетъ великая княгиня Елена Павловна, не бывавшая еще на гробѣ своей дочери со времени ея кончины. Въ ожиданіи ея прїѣзда, я занялся присканіемъ воспитательницы къ моимъ сиротамъ, которую мнѣ удалось найти въ самомъ Висбаденѣ, въ лицѣ одной французки, кончившей уже въ двухъ семействахъ воспитаніе дѣтей. И вотъ, въ моей семьѣ воцарился французскій говоръ, который вмѣстѣ съ видомъ этой особы, каждоминутно напоминавшей мнѣ мою невознаградимую потерю, произвелъ въ душѣ моей такую пустоту и отсутствіе своего, роднаго, что я, если не возненавидѣлъ, то не могъ видѣть эту гувернантку, посвятившую впрочемъ всю жизнь моему семейству, такъ какъ, воспитавъ сыновей моихъ, она воспитывала и внуковъ моихъ, и теперь еще состоитъ хозяйкою въ моемъ опустѣвшемъ домѣ. Какъ ни грѣшно это чувство неблагодарности къ этой особѣ, но оно сохранилось во мнѣ и доселѣ. Она осталась для меня живымъ памятникомъ разрыва моей семейной жизни, ставъ для меня какимъ-то заслономъ даже для дѣтей моихъ. Съ этой поры я ушелъ въ себя самого и долго не выходилъ изъ этого внутренняго уединенія.

Между тѣмъ, я проводилъ свою тещу, которая воротилась въ Петербургъ ожидать моего прибытія туда съ дѣтьми. Въ это время добрый мой пріятель Д. Г. Глинка, бывшій нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франкфуртѣ, чтобы разсѣять меня, вздумалъ послать меня курьеромъ въ Варшаву будто бы съ важными депешами къ тамошнему намѣстнику, князю М. Д. Горчакову, и какъ священнику неприлично было ѣхать курьеромъ, то онъ замаскировалъ меня, назвавъ въ паспортѣ состоящимъ при посольствѣ, и потому, когда я сдавалъ свои депеши въ канцеляріи намѣстника, то тамъ съ подозрѣніемъ замѣтили мнѣ, что, сколько имъ извѣстно, при посольствѣ во Франкфуртѣ никакого Базарова не состоитъ. Дѣло разъяснилось, когда я представился лично намѣстнику и былъ принятъ имъ очень благосклонно. Эта поѣздка, кромѣ дѣйствительнаго развлеченія, доставила мнѣ большую матеріальную помощь при тогдашнихъ моихъ очень скудныхъ средствахъ. Въ старые годы курьерскія дачи у насъ были очень большія, и довольно было разъ съѣздить на казенный счетъ въ Россію, чтобы надолго поправить свои финансы. Такъ, напримѣръ, отъ Франкфурта до Варшавы выдавали мнѣ 300 голландскихъ червонцевъ и столько

же на обратный путь, что составляло около 2.000 рублей, а проездъ туда и обратно по желѣзной дорогѣ едва-ли превышалъ 100 рублей.

Къ концу лѣта прїѣхала въ Висбаденъ великая княгиня Елена Павловна и пожелала слушать панихиду на гробѣ ея дочери. Тѣло покойной великой княгини находилось въ это время въ городской католической церкви. Такъ какъ тотчасъ послѣ ея кончины рѣшено было строить въ Висбаденѣ русскую церковь, гдѣ долженъ былъ быть положеиъ на вѣчный покой гробъ усопшей, то было устроено временное помѣщеніе для гроба въ протестантской церкви, гдѣ подъ органомъ отдѣлено было мѣсто, въ которомъ мы совершали павихиды. Но вотъ разъ эта церковь загорѣлась среди бѣлаго дня, вслѣдствіе неосторожности рабочихъ, разводившихъ огонь подъ самымъ куполомъ для починки крыши, и менѣе; чѣмъ въ одинъ часъ, вся церковь сдѣлалась жертвою пламени. Гробъ великой княгини едва успѣли вытащить изъ пылавшей уже внутри церкви и перенесли его въ католическую. Здѣсь также устроили для него помѣщеніе близъ алтаря, и мы также свободно могли совершать панихиды надъ гробомъ. Въ это-то помѣщеніе прибыла великая княгиня Елена Павловна. Ее встрѣтилъ при входѣ въ церковь католическій священникъ, который присутствовалъ и при нашей панихидѣ. По окончаніи панихиды великая княгиня обратилась ко мнѣ съ словами: «Какъ я довольна, что тѣло моей дочери находится теперь въ католической церкви, а не у протестантовъ, которые не понимаютъ и не признаютъ нашихъ молитвъ за умершихъ!» Я поклонился и подумалъ: «хорошо, что католическій паптеръ не понимаетъ, что сказала великая княгиня, сама по рожденію и по воспитанію протестантка. Иначе онъ разсказалъ бы это съ злорадствомъ всѣмъ протестантамъ, а это достигло бы и до герцога». Но каково же было мое изумленіе, когда великая княгиня, обратившись къ стоявшему тутъ католику, повторила то же самое по-нѣмецки. Эффектъ этого былъ тотъ, что когда я затѣмъ отправлялся въ Россію, то при прощаньи съ мѣстнымъ протестантскимъ епископомъ получилъ отъ него въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порученіе—напомнить великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, что тѣло ея дочери нѣсколько лѣтъ хранилось въ ихъ протестантской церкви, что эта церковь сгорѣла, и что теперь они строятъ новую на добровольныя пожертвованія. Не знаю, пожертвовала ли великая княгиня вслѣдствіе этого что-нибудь на построеніе протестантской церкви, но на католическую церковь, при ея посыланіи гроба своей дочери, она сдѣлала значительное пожертвованіе.

Узнавъ отъ меня, что я собираюсь съ дѣтьми на зиму отправиться въ Россію, великая княгиня пригласила меня ѣхать съ нею на пароходѣ, который долженъ будетъ ожидать ее въ Штетинѣ въ концѣ сентября. Такимъ образомъ, я отправился заранѣе въ Берлинъ и тамъ,

*

въ семействѣ нашего священника, протоіерея Соколова, прожилъ съ дѣтми нѣсколько дней въ Потсдамѣ недалеко отъ русской колоніи съ ея русскою церковью и русскими домиками, но уже съ онѣмечившимися жителями. Великая княгиня съ своею дочерью, тогда еще великой княжной, Екатериною Михайловною, прибыли въ Берлинъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ сентября. Въ Штетинѣ ожидалъ насъ военный пароходъ «Грозящій», на которомъ мы и вышли въ море при самой дурной погодѣ, которая скоро обратилась въ сильную бурю, сопровождавшую насъ во все время нашего четырехдневнаго плаванія. Насъ такъ качало, волны были такъ сильны, что всѣ люки были на-глухо закрыты, и волны перекатывались черезъ палубу. Я лежалъ давно почти безъ памяти въ каютѣ; гувернантка дѣтей моихъ также была больна; а мои малютки, нисколько не страдая отъ качки, только просили кушать. Буфетъ былъ далеко; почти вся прислуга лежала въ повалку, и я никогда не забуду этихъ голосовъ дѣтей, которыя каждую минуту спрашивали, когда же можно покушать? Въ морской болѣзни то и хорошо, что наконецъ впадаешь въ полную апатію и не думаешь больше о жизни и ея потребностяхъ. Но когда здѣсь же рядомъ чувствуешь и слышишь юную жизнь, заявляющую свои права на потребности, становится снова и тошно, и больно, особенно когда нѣтъ возможности удовлетворить этой нуждѣ. Но пароходъ былъ военный, прислуга на немъ придворная, и потому, несмотря на страшную опасность гибели среди разъяренной стихіи, дневной порядокъ на немъ продолжался. Въ назначенный часъ являлся и завтракъ и обѣдъ, къ которому никто не прикасался, кромѣ развѣ моихъ дѣтей; звонили банки или смѣну часовыхъ, и какъ мнѣ остался памятенъ этотъ звонокъ колокольчика среди бурныхъ завываній вѣтра и шума разъяренныхъ волнъ! Пріѣхавъ въ Петербургъ, я долго не могъ проѣзжать по Сенатской площади, гдѣ то и дѣло, что раздаются звонки на гауптвахтѣ, безъ того, чтобы мнѣ не становилось тошно отъ одного воспоминанія о звонкахъ «Грозящаго» среди бури. Но вотъ было мнѣ мученіе на этомъ пароходѣ, когда на второй или третій день нашего бурнаго плаванія ко мнѣ въ каюту являются два матроса и просятъ меня отслужить имъ молебенъ по случаю праздника Покрова, передъ ихъ корабельною иконою Покрова Богородицы. Я не помню, какъ они меня подняли, какъ провели въ трюмъ въ кормовую часть корабля, гдѣ находилась ихъ праздничная икона. Знаю только, что меня держали два матроса подъ руки, пока я совершалъ молебенъ съ водосвятіемъ. По окончаніи молебна они попросили окропить ихъ корабль и повели меня тоже подъ руки; наконецъ вывели меня на палубу и здѣсь ввели въ каюту, въ которой помѣщалась великая княгиня съ дочерью. Когда мнѣ открыли туда дверь, я увидалъ ихъ обѣихъ на полу въ самомъ страдательномъ положеніи. Окропивъ и этихъ вы-

сочайшихъ страдалицъ, я отведенъ былъ опять на свое мѣсто, гдѣ тотчасъ же преданъ полному самозабвенію, изъ котораго не выходилъ больше до самаго прибытія въ Кронштадтъ.

Жизнь въ Петербургѣ, въ семействѣ моего тестя протоіерея Кочетова, успокоила меня настолько, что я, по крайней мѣрѣ, былъ радъ за дѣтей моихъ, пользовавшихся теперь всѣми радостями родственной любви. Но мнѣ хотѣлось съѣздить на родину въ Тулу, гдѣ у меня жива еще была моя мать. Въ январѣ, при морозѣ въ 30 градусовъ, отправился я въ почтовой каретѣ въ Москву. Но, несмотря на такой холодъ, мнѣ, одѣтому во всевозможныя шубы, въ каретѣ, обитой внутри мѣхомъ, было временами даже жарко, и еслибы не сопутница моя, у которой разболѣлись дорогой зубы и которая для укрощенія этой боли по временамъ опускала окно и выставляла больную щеку на морозъ, я бы не повѣрилъ, что я пробылъ трое сутокъ на морозѣ въ 30 градусовъ. Возвращаясь назадъ вмѣстѣ съ старушкой-матерью, которую я привезъ съ собою, я уже не боялся холода ни за себя, ни за свою мать. Въ эту зиму у меня было мало занятій, и только по случаю предстоящаго бракосочетанія великой княжны Екатерины Михайловны съ герцогомъ Георгомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, мнѣ пришлось, по порученію великой княгини Елены Павловны, готовить жениха къ предстоящему бракосочетанію. Поручали мнѣ иногда совершать службу въ Петропавловскомъ соборѣ и особенно въ домикѣ Петра I-го, гдѣ мнѣ нерѣдко приходилось, не снимая ризы, отслуживать по девяти и болѣе молебновъ. Памятна мнѣ также оставалась служба на Святой недѣлѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, когда мнѣ пришлось христосоваться съ цѣлою ротою солдатъ. Ихъ особенно усердно нафабреныя для праздника усы и усердныя чмоканія въ обѣ щеки сдѣлали то, что у меня на нѣсколько дней распухли и губы, и щеки, и я долго помнилъ эти солдатскія христосованія.

Но зима прошла, а весна въ Петербургѣ все еще не наступала. Пора было возвращаться опять къ мѣсту служенія. Отчего жъ я не остался тогда въ Россіи? Зачѣмъ ѣхалъ снова на чужую сторону? Главною причиною тому было настоятельное требованіе великой княгини Елены Павловны, чтобы я продолжалъ служеніе при гробѣ ея дочери, тѣмъ болѣе, что и самъ герцогъ желалъ этого. Но еще болѣе сильнымъ побужденіемъ къ тому былъ совѣтъ моихъ родныхъ, которые уговаривали меня пробыть еще нѣсколько лѣтъ за границею для дѣтей, которыя, дѣйствительно, были очень золотушны и одинъ страдалъ хроническимъ воспаленіемъ глазъ, а другой опухолью железъ. И вотъ судьба опять потянула меня за границу. Былъ май, первые пароходы уже ушли изъ Кронштадта, а я все дожидался весны въ Петербургѣ, гдѣ еще не показывалось зелени и мѣстами лежалъ снѣгъ. Наконецъ, не дождавшись родной зе-

лени, мы сѣли на пароходъ и черезъ три дня, подходя къ Свиномюндѣ, были очарованы, увидавъ весь берегъ въ цвѣту распускающейся весны. Обидное это для русскаго сердца чувство, испытанное мною не разъ и послѣ, при частыхъ поѣздкахъ въ Россію, когда, переѣхавъ русскую границу, вдругъ встрѣчаешь веселую природу, веселые города и селенія, веселыя лица. Но по крайней мѣрѣ это служитъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто съ грустью разстается съ своей родиной.

Возвращеніе мое въ Висбаденъ послѣдовало черезъ Веймаръ, гдѣ я еще разъ отдохнулъ въ родной мнѣ семьѣ Сабининыхъ. Здѣсь я былъ принятъ съ особенно милостивымъ участіемъ и великою княгинею Марією Павловною. Супругъ ея, великій герцогъ, былъ также милостивъ ко мнѣ. Вообще Веймарскій дворъ отличался своею чопорностью и натянутостью.

Въ Висбаденѣ меня встрѣтили съ участіемъ и радостью какъ мои прихожане, такъ и мое начальство по Франкфуртскому посольству, гдѣ теперь, кромѣ добраго моего пріятеля Д. Г. Глинки, прибавился новый начальникъ въ лицѣ князя А. М. Горчакова, который, оставаясь на своемъ посту въ Стутгартѣ, въ то же время былъ назначенъ состоять при Германскомъ Союзѣ во Франкфуртѣ. Начались снова требы и поѣздки по окрестностямъ. Такъ, между прочимъ, меня пригласили пріѣхать съ причтомъ въ Баденъ-Баденъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Это было 6-го августа, день ея рожденія, и мы отправились наканунѣ по желѣзной дорогѣ. Но, пріѣхавъ въ Карлсруэ, мы узнали, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ бывшій наканунѣ ливень разрушилъ мосты и испортилъ желѣзную дорогу. Тогда мы рѣшились ѣхать въ Баденъ на колесахъ. Намъ дали для этого омнибусъ, потому что насъ было шестеро, и мы отправились. Но, подѣзжая къ Бадену, мы узнали, что попасть туда нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ долину Ооса всѣ мосты поломаны и тоже испорчены. Что же было намъ дѣлать? Поехать къ празднику было главное для насъ дѣло; иначе хотъ поѣзжай назадъ. Тогда кто-то намъ сказалъ, что есть еще возможность попасть въ Баденъ объѣздомъ черезъ горы, и мы, пересѣвъ въ легкіе экипажи, отправились и черезъ гору Меркура уже поздно ночью спустились благополучно въ городъ. Наша геройская поѣздка была оцѣнена съ признательностью, и мы были щедро вознаграждены за это ея высочествомъ. Князь Горчаковъ, пересылая ко мнѣ денежную награду для всего причта,—прибавилъ, что «сверхъ того ея императорскому высочеству угодно было пожаловать вамъ, въ знакъ личнаго своего вниманія, также брилліантовый перстень». Это была вторая брилліантовая награда мнѣ отъ высочайшихъ особъ. Первая состояла въ крестѣ съ драгоцѣнными камнями, пожалованномъ мнѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ вслѣдъ за кончиною великой княгини Елизаветы Ми-

хайловны, въ память моего служенія при ея высочествѣ. Потомъ на меня полились эти цѣнныя награды нерѣдко цѣлымъ дождемъ, и если бы я сохранялъ ихъ все, то это представило бы порядочный капиталъ. Но я, не умѣвъ копить денегъ и не имѣя духу просить пособій на экстренныя нужды, превращалъ ихъ въ деньги и употреблялъ на свои нужды. Такъ, между прочимъ, каждая изъ моихъ поѣздокъ въ Россію стоила мнѣ одного брилліантоваго креста, а нѣкоторые изъ скопленныхъ за эти подарки суммъ пропали въ рукахъ близкихъ мнѣ людей, которымъ я довѣрялъ ихъ на храненіе.

Между тѣмъ, не успѣвъ я вернуться въ Висбаденъ, какъ со всехъ сторонъ стали доходить слухи, что на меня имѣютъ виды въ Стутгартѣ, гдѣ престарѣлый и зажившійся за границею протоіерей Пѣвницкій долженъ былъ оставить свою службу. Съ нимъ я познакомился въ Стутгартѣ еще за годъ передъ тѣмъ, когда мой пріятель Глинка, почему-то непремѣнно хотѣвшій доставить мнѣ случай побывать въ Стутгартѣ, придумалъ какое-то курьерское порученіе къ князю Горчакову и отправилъ меня туда на казенный счетъ. Помню, что отецъ Пѣвницкій произвелъ на меня тогда странное впечатлѣніе какого-то деревенскаго пастора. Ему пришлось много лѣтъ провести на горѣ Ротенбергѣ, гдѣ находится надгробная церковь королевы Виртембергской Екатерины Павловны. Здѣсь живя въ совершенномъ уединеніи, не имѣя никакого общенія съ русскими, кромѣ двоихъ псаломщиковъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ, не имѣвшихъ по-тогдашнему никакого образованія, онъ совсѣмъ одичалъ. Единственное общество, въ которомъ онъ вращался много лѣтъ, были сосѣдніе деревенскіе пасторы, и какъ Ротенбергъ лежитъ среди виноградниковъ, то не мудрено, что бесѣда ихъ оживлялась произведеніемъ виноградной лозы, и эта привычка ежедневно дѣлать возлѣнія Бахусу такъ ослабила бѣднаго старика, что ему подъ конецъ довольно было двухъ рюмокъ вина, чтобы совсѣмъ опьянѣть. Когда я пріѣхалъ къ нему, тогда онъ уже жилъ въ городѣ, куда переселился со времени поступленія князя Горчакова посланникомъ, который выпросилъ у правительства устроить домовую церковь при посьельствѣ, въ виду крайнихъ неудобствъ ѣздить за 10 верстъ въ церковь на Ротенбергъ. Любя свое деревенское житіе на Ротенбергѣ, онъ въ тотъ же день повезъ меня туда, и мы съ нимъ тамъ ночевали.

Помню, въ какой я пришелъ восторгъ, когда пришелъ спать въ отведенную мнѣ комнату. Была лунная ночь. Въ открытое окно я видѣлъ внизу утопающую въ зелени и садахъ деревню Ульбахъ. Надъ нею вдали высились горы Швабскихъ Альпъ. Кругомъ тишина: гдѣ-то недалеко распѣвалъ горный жаворонокъ, воздухъ былъ напитанъ ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ, несшимся изъ находившагося внизу лѣска плодовыхъ деревьевъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ, и я долго-

долго смотрѣлъ въ окно, не имѣя духу оторваться отъ этого очаровательнаго вида. Но мнѣ и въ голову не приходило, что черезъ годъ или полтора вся эта прелесть достанется мнѣ въ наслажденіе и не на одинъ вечеръ, а на годы, долгіе годы.

Въ Стутгартѣ я пробылъ дня два и имѣлъ счастье представиться въ первый разъ ея императорскому высочеству великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, не думая нисколько о томъ, что мнѣ придется служить ея величеству. Впрочемъ, Стутгартъ, сравнительно съ Висбаденомъ, произвелъ на меня впечатлѣніе какого-то темнаго уголка, въ который можно попасть только случайно, тогда какъ Висбаденъ и его окрестности имѣли видъ большой дороги, на которой и движеніе, и свѣтъ, и постоянное общество. Поэтому, когда стало слышно, что мнѣ, можетъ быть, предстоитъ перейти на службу въ Стутгартъ, я и слышать не хотѣлъ объ этомъ,—тѣмъ болѣе, что я имѣлъ твердое намѣреніе года черезъ два возвратиться на службу въ Россію. Между тѣмъ, мой тестъ прослышавъ объ этомъ въ Петербургѣ, началъ меня уговаривать не отказываться отъ Стутгарта, приводя въ числѣ доводовъ, за эту во всякомъ случаѣ для меня почетную службу и то, что для моихъ маленькихъ дѣтей будетъ полезно года четыре еще пожить за границею въ хорошемъ климатѣ. Я отвѣчалъ на это, что своего желанія къ переходу на другое, какое бы то ни было, мѣсто я не выражу, но если угодно Богу и начальству перемѣстятъ меня куда-нибудь, я протестовать и противиться не буду. Отвѣчая такимъ образомъ, я вовсе не зналъ, что на мое перемѣщеніе уже была воля великой княгини Ольги Николаевны и что это желаніе ея уже доведено было до свѣдѣнія императора Николая. Для меня было бы, конечно, и лестно и легко подчиниться этой волѣ, если бы назначеніе это послѣдовало помимо моей воли. Но великая княгиня по сердечной добротѣ своей поставила въ условіе моего перехода на службу къ ней мое собственное согласіе, и вотъ я былъ поставленъ въ самое крайнее затрудненіе. Тестъ мой писалъ, что В. Б. Бажановъ требуетъ отъ меня, чтобы я написалъ ему просительное письмо о переводѣ меня въ Стутгартъ. Я рѣшительно отъ этого отказался на томъ основаніи, что это было бы съ одной стороны противъ моей совѣсти, такъ какъ я этого перехода не ищу, а съ другой стороны и противъ моей скромности, такъ какъ я не считалъ себя въ правѣ искать мѣста духовника высочайшей особы. Поэтому я такъ и отвѣтилъ Бажанову, прибавивъ, что если это должно состояться, то я, подчиняясь волѣ государя, смиренно приму это мѣсто, какъ указаніе съ неба. Но этимъ отвѣтомъ въ Петербургѣ не удовлетворились, отъ меня требовали новаго письма, которое можно бы было показать великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, въ то время находившейся въ Петербургѣ. Противъ этого я возсталъ со всею юношескою запальчивостью и чуть не поссорился

съ своимъ тестемъ, который обличалъ меня въ гордости и упрямствѣ, грозилъ гнѣвомъ В. В. Бажанова и убѣждалъ меня не портить своей карьеры. Последнее мое слово было то, что подчинюсь волѣ начальства и со смиреніемъ приму возлагаемый на меня высокій постъ, но самъ проситься на это мѣсто не буду. На этомъ я было и успокоился, какъ уже въ сентябрѣ того же 1851 года я получаю отъ тестя моего Кочетова письмо, въ которомъ онъ мнѣ пишетъ:

«Чему быть, того не миновать. Судьбы Божіи неизмѣнны. Онѣ премудры и преблагы. Имъ предаваться и смиренно покориться есть дѣло святое и утѣшительное. Эту преданность волѣ Божіей вы взяли себѣ за правило и основаніе въ дѣлѣ о перемѣнѣ вашего служенія и прекрасно сдѣлали. Богъ совершилъ то, что по благости своей нашель нужнымъ и полезнымъ для васъ совершить. Въ Москвѣ Онъ положилъ на сердце государя императора назначить васъ духовникомъ ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Николаевны. Поздравляю васъ съ новымъ мѣстомъ служенія. Не могу не радоваться чести, которой вы удостоены; но всего болѣе радуюсь тому, что вы будете служить предъ лицомъ той, которая умна, добра, какъ ангелъ, благочестива, какъ истинная христіанка. Служа при ней, вы на опытѣ убѣдитесь въ справедливости древняго изреченія: *Si vis esse pius, fugito aulam*». Такимъ образомъ, судьба моя была рѣшена.

Но переходъ мой изъ Висбадена въ Стутгартъ не могъ совершиться такъ скоро. И княгиня Горчакова и Глинка извѣщали меня объ этомъ, но официального распоряженія на этотъ счетъ еще не было, и я со дня на день находился въ неловкомъ положеніи по отношенію къ герцогу Нассаускому, который еще ничего не зналъ о готовившемся моемъ перемѣщеніи. Вдругъ уже въ октябрѣ я получаю изъ Франкфурта извѣщеніе отъ Глинки, что онъ получилъ отъ секретаря великой княгини, Аделунга, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ ему желаніе ея высочества, чтобы я прибылъ немедленно въ Стутгартъ для принятія церкви отъ отца Пѣвницаго, который на - дняхъ отправляется въ Россію. Дѣлать нечего, надо было явиться къ герцогу и если еще не совсѣмъ проститься съ нимъ, то по крайней мѣрѣ предупредить его о предстоящемъ мнѣ переходѣ на новое мѣсто. Но тутъ произошла сцена, какой я вовсе не ожидалъ. Герцогъ принялъ это извѣстіе съ такимъ волненіемъ, съ такимъ негодованіемъ, что я испугался.

— Какъ,—говорилъ онъ,—у меня отнимаютъ последнее утѣшеніе, которое оставалось мнѣ послѣ смерти моей бѣдной жены! Вы были ея духовникомъ. Вы вмѣстѣ со мною приняли ея послѣдній вздохъ. И васъ хотятъ взять у меня!

При этомъ бѣдный герцогъ заливался слезами.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ,—погодите. Я подниму все на ноги,

чтобы этого не случилось. Я буду писать государю, напишу Ольгѣ Николаевнѣ, но васъ не отпущу.

Съ тѣмъ я и поѣхалъ въ Стутгартъ, но только еще на время, для принятія церкви, послѣ чего я снова воротился въ Висбаденъ. Герцогъ дѣйствительно началъ приводить въ исполненіе свои угрозы, и я оставался въ ожиданіи, чѣмъ кончатся эти препирательства изъ-за меня, какъ въ одинъ прекрасный ноябрьскій день является изъ Стутгарта секретарь великой княгини Ольги Николаевны, Н. Θ. Аделунгъ, человекъ очень умный и энергичный, отправляется къ герцогу и выдерживаетъ съ нимъ борьбу, въ которой онъ ему доказываетъ, что на перемѣщеніе меня послѣдовала уже высочайшая воля, которой нельзя измѣнить; а когда герцогъ сталъ жаловаться, что на мое мѣсто пришлютъ какого-нибудь священника, который, чуждый всего, что происходило при покойной его супругѣ, при ея смерти и погребеніи, станетъ какъ попугай читать молитвы за упокой души ея, тогда Аделунгъ вооружился на защиту русской церкви и духовенства, доказывая герцогу, что между русскими священниками попугаевъ не бываетъ, и что каждый вновь присланный на мое мѣсто священникъ будетъ съ такимъ же усердіемъ молиться на гробѣ его почившей супруги. Не знаю, до какой степени Аделунгъ одержалъ побѣду надъ герцогомъ, но, судя потому, что онъ сейчасъ же отъ него явился ко мнѣ съ требованіемъ немедленно ѣхать съ нимъ въ Стутгартъ, можно подозрѣвать, что онъ еще опасался за успѣхъ своей побѣды. Я же долженъ былъ собрать поскорѣе своихъ дѣтей, оставить свою квартиру на попеченіи знакомыхъ и немедленно переѣхать въ Стутгартъ. Такимъ образомъ, я, можно сказать, былъ похищенъ изъ Висбадена и уѣхалъ даже не простившись съ герцогомъ. Это было 1-го (13-го) ноября 1851 года.

III.

Жизнь въ Стутгартѣ.—Миссіонеръ докторъ Бартъ и его изданія.—Цензура въ Россіи въ началѣ пятидесятихъ годовъ.—Н. Θ. Аделунгъ.—Кончина В. А. Жуковскаго и переходъ въ православіе его супруги.—Князь А. М. Горчаковъ.—Великій князь Николай Максимиліановичъ въ больницѣ въ Канштатѣ.—Гимнастъ Деронъ.—Посвященіе І. І. Базарова въ протоіерея.—Представленіе императору Николаю.—Баронъ Гакстгаузенъ.

Съ переходомъ моимъ на службу въ Стутгартъ начинается новый отдѣлъ моей жизни, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Здѣсь встрѣтила меня совсѣмъ другая обстановка, чѣмъ въ Висбаденѣ. Тамъ я былъ можно сказать, приходскимъ священникомъ. Отношенія мои къ соотече-

ственникамъ были самага разнообразнаго свойства. За неимѣніемъ русскаго представителя въ Висбаденѣ, тамошній священникъ принужденъ бываетъ брать на себя обязанности почти консульскія. Во всякомъ случаѣ, онъ составляетъ сосредоточіе, вокругъ котораго тѣнятся его и не православные только соотечественники, и онъ принужденъ исполнять обязанности хозяина для пріѣзжающихъ или проѣзжающихъ русскихъ, которые обращаются къ священнику даже съ такими житейскими просьбами, какъ найти квартиру, прискать хорошую прислугу и т. п. Въ Стутгартѣ все это прекратилось. Здѣсь есть посольство, но русскихъ проѣзжающихъ не бываетъ. Такимъ образомъ, положеніе здѣсь священника ограничивается тѣсными предѣлами исполненія своего пастырскаго долга. Кромѣ того, положеніе придворнаго священника налагаетъ на него новыя обязанности, совершенно отличныя отъ положенія обыкновеннаго заграничнаго священника. Мнѣ пришлось на первыхъ же порахъ испытать это и воспользоваться этимъ урокомъ на остальную мою жизнь и дѣятельность на новомъ мѣстѣ. Только-что я переѣхалъ, или, лучше сказать, перевезенъ былъ въ Стутгартъ, какъ со мною случилось сперва мнѣ вовсе непонятное, но потомъ уже объяснившееся обстоятельство. На первый разъ я остановился въ гостиницѣ и на другой же день, обѣдавъ съ дѣтьми за общимъ столомъ, я разговорился съ моимъ сосѣдомъ, вовсе мнѣ неизвѣстнымъ господиномъ, который разспрашивалъ меня и о Висбаденѣ, и о моемъ переходѣ въ Стутгартъ. На другой день меня призываетъ къ себѣ княгиня Горчакова и говорить мнѣ:

— Вы вчера разговаривали съ однимъ господиномъ за столомъ и говорили то-то и то-то.

Это меня ужасно изумило, какъ мой разговоръ могъ дойти до свѣдѣнія жены посланника. На это она мнѣ отвѣтила:

— Я совѣтую вамъ быть здѣсь очень осторожнымъ въ выборѣ знакомства. Не то важно, что вы говорили о томъ или другомъ, главное, что вы говорили съ этимъ господиномъ. Надо васъ предупредить, что здѣсь двѣ партіи двора, одна—большаго, другая—малаго, къ которому принадлежитъ наша великая княгиня. Господиныхъ, съ которымъ вы познакомились, принадлежитъ къ партіи первой, средоточіемъ которой служитъ салонъ метрессы стараго короля. Онъ вчера же рассказывалъ въ этомъ салонѣ, что познакомился съ новымъ духовникомъ великой княгини. А это одно можетъ уже бросить на васъ неприятную тѣнь. Потому прошу васъ быть осторожнѣе здѣсь въ выборѣ знакомства.

Урокъ этотъ былъ совсѣмъ новъ для меня, и я воспользовался имъ, ограничивъ свое знакомство однимъ кружкомъ русскихъ. Но и здѣсь я наткнулся скоро на урокъ, еще болѣе поучительный для меня. Я посе-

лился въ квартирѣ, напротивъ квартиры секретаря нашего посольства, князя Щербатова. Молодая его супруга такъ полюбила моихъ дѣтей, что постоянно приглашала ихъ къ себѣ играть въ саду. Съ ними и я часто бывалъ въ этомъ гостепріимномъ и добромъ семействѣ, и какъ ихъ домъ наполнялся часто гостями, то и мнѣ приходилось принимать участіе въ ихъ салонныхъ разговорахъ. Разъ случилось, что обсуждался одинъ какой-то общественный скандалъ, о которомъ и я долженъ былъ произнести свое мнѣніе. Одна изъ придворныхъ дамъ, участвовавшихъ въ этомъ разговорѣ, подхватила мои слова и, перетолковавъ ихъ по-своему, перенесла мое сужденіе ко двору, и пошла сплетня. Хотя княгиня Щербатова и вступилась за меня, объявивъ этой дамѣ, что если она еще разъ осмѣлится цитировать мои слова, подслушанныя въ ея салонѣ, то она совсѣмъ закроетъ свои двери для всѣхъ, исключая меня, какъ своего духовника, однако, это заставило меня самого запереться въ своемъ кабинетѣ и уйти еще глубже въ самого себя. Хотя это и было немножко жутко для меня, но оно принесло свою пользу. Я сталъ читать и рѣшился писать. Первымъ плодомъ этой затворнической жизни была статья «О христіанскомъ воспитаніи», напечатанная сперва въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а потомъ отдѣльной брошюрою. Кромѣ того, я продолжалъ работу, начатую еще въ Висбаденѣ, сообщая въ нѣмецкомъ журналѣ свѣдѣнія о нашей церкви, особенно о дѣятельности нашихъ миссій въ далекой Сибири. Это доставило мнѣ случай познакомиться съ однимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ по миссіонерской части, докторомъ Бартомъ, издателемъ «Kaliver Missionsblatt», въ которомъ я помѣщалъ свои замѣтки о нашихъ миссіяхъ. Этотъ д-ръ Бартъ, бывши протестантскимъ пасторомъ, въ молодости былъ миссіонеромъ въ странахъ языческихъ, но, потомъ, вернувшись на родину, предпочелъ посвятить себя внутренней миссії въ самой Германіи. Это было въ 30-хъ годахъ, когда, подъ влияніемъ Баура и Штрауха, рационализмъ проникъ во всѣ школы и грозилъ подавить самую сущность христіанства. Тогда д-ръ Бартъ съ своимъ пріятелемъ, пасторомъ Вернеромъ, задумали основать въ Кальвѣ, небольшомъ городкѣ въ Шварцвальдѣ, общество распространенія полезныхъ книгъ. Для этого они ухватились за чувствительную струну нѣмца, его экономію, правильно рассчитавъ, что нѣтъ ничего удобнѣе удалить изъ употребленія рационалистическія книги и особенно учебники, какъ противопоставивъ имъ дешевыя изданія вполне христіанскаго характера. И вотъ они начали свою дѣятельность. Конечно, этого нельзя было сдѣлать безъ матеріальныхъ пожертвованій. Но скоро нашлись благочестивые и благонамѣренные люди, которые дали на это средства, и дѣло пошло въ ходъ. Надо при этомъ замѣтить, что это общество всячески избѣгало полемики противъ рационалистическаго направленія.

Оно ограничивалось только тѣмъ, что въ своихъ изданіяхъ излагало факты, о которыхъ въ рационалистическихъ изданіяхъ или умалчивалось или передавалось въ искаженномъ видѣ. Такъ, между прочимъ, Кальвскимъ обществомъ была издана краткая библейская исторія подъ скромнымъ названіемъ «Дважды 52 библейскихъ исторій изъ ветхаго и новаго завѣта», изложенная почти буквально словами бібліи. Въ текстѣ этой книжки были картинки; цѣна ей была неимоვნю дешева. И вотъ все набросилось на эту книжку, сперва для домашняго употребленія, потомъ какъ книгу для чтенія въ школахъ, а потомъ и какъ учебникъ. Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ эта книжка вытѣснила изъ всѣхъ школъ прежній рационалистическій учебникъ и «Дважды 52 библейскія исторіи» стали распространяться въ милліонахъ экземпляровъ по всей Германіи. Барту очень хотѣлось, чтобы она была издана и на русскомъ языкѣ, и вотъ онъ явился ко мнѣ съ просьбою объ этомъ, при чемъ онъ обѣщаль не только уступить безвозмездно всѣ клише картинокъ для этой книжки, но даже дать денежное пособіе на изданіе ея. Я согласился, за исключеніемъ послѣдняго предложенія, и въ теченіе зимы перевелъ эту книжку и отправилъ рукопись къ цензурѣ.

Но судьба этой книжки такъ интересна и характеристична для тогдашняго, еще недавно прошедшаго, времени, что стоитъ рассказать о ней поподробнѣе. Первый изъ цензоровъ, къ которому попала въ руки эта книжка, былъ протоіерей Окуневъ. Онъ возвратилъ мнѣ рукопись съ помѣткою: «печатать не дозволяется». Когда я, бывши вскорѣ затѣмъ въ Петербургѣ, явился къ нему за объясненіемъ причины этого недозволенія, то онъ сначала сталъ мнѣ говорить, что мой слогъ не довольно церковенъ.

— Напримѣръ,—говорилъ онъ,—вы употребляете слово «д у р и о й». Это напоминаетъ д у р ь, д у р а к а, а это неприлично въ книжкѣ, гдѣ рассказываются событія библейскія. Да и самое названіе, которое вы выставили: «Рассказы изъ библейской исторіи», тоже неприлично. Р а з с к а з ы—расскази—какъ-то профанно. А главное, скажу вамъ откровенно: у насъ теперь (это было въ началѣ пятидесятихъ годовъ) такая строгость въ цензурѣ, а мнѣ остается дослужить только годъ до пенсіи по цензурному вѣдомству, что я теперь не пропускаю ничего въ печать, опасаясь, чтобы высшая цензура не придралась къ чему-нибудь и не дала мнѣ отставки, черезъ что я лишился бы своей пенсіи.

Съ этимъ доводомъ нельзя было не согласиться, и я взялъ свою рукопись назадъ, но съ тѣмъ, чтобы ее еще просмотрѣть и исправить. Черезъ годъ я ее представилъ снова въ цензурный комитетъ, и мнѣ ее снова возвратили съ замѣчаніемъ, что названіе (я перемѣнилъ «Р а з с к а з ы» на «Сокращенную библейскую исторію») не соответствуетъ содержанію, и что слогъ ея мѣстами слишкомъ напоминаетъ вульгарный, разговор-

ный языкъ. Тогда, желая угодить моему пріятелю д-ру Барту, а главное стыдясь признаться передъ иностранцемъ, что наша цензура не пропускаетъ книжки съ библейскимъ содержаніемъ и при томъ такой, которая появилась на свѣтъ на всевозможныхъ языкахъ, я принялся снова за исправленіе рукописи, придумывая для этого все способы, чтобы обезоружить нашу цензуру. Для этого я далъ ей названіе: «Сказанія, сокращенно заимствованныя изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта»; текстъ же заимствовалъ дословно изъ нашего русскаго перевода библии. Въ этомъ видѣ рукопись моя поступила въ цензуру В. Н. Карпова. Онъ разрѣшилъ ее къ печати, но къ моему ужасу исправилъ весь текстъ по своему. Тогда я рѣшился напечатать ее за границею, но по тексту, бывшему у меня въ рукописи, не обращая вниманія на исправленія цензора, и по напечатаніи поѣхалъ самъ въ Россію для личнаго объясненія съ знакомымъ мнѣ прежде, столько уважаемымъ профессоромъ нашей Академіи. По счастью мнѣ удалось убѣдить этого почтеннаго цензора, что онъ ошибся, принявъ слогъ моей рукописи за мой собственный, тогда какъ это были ни болѣе ни менѣе, какъ собственные слова издавнаго Св. синодомъ перевода св. писанія на русскій языкъ. Такимъ образомъ, моя книжка явилась въ свѣтъ въ первый разъ въ 1857 г., и дѣйствительно на ней оправдалось то благословеніе Божіе, о которомъ мнѣ говорилъ Бартъ: не прошло и года, какъ первое изданіе въ 3.000 экземпляровъ разошлось все, и надо было приступить къ новому. Едва явилось это изданіе, какъ оно было, безъ всякаго соисканія съ моей стороны, принято Ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ на конкурсъ на премію графа Киселева; авторъ ея былъ удостоенъ золотой киселевской медали, и эта книжка была введена какъ учебникъ во всехъ школахъ, подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ. Но собственно цензурная исторія этой книжки еще не кончилась. Видя успѣхъ ея, я счелъ своимъ долгомъ испросить на нее благословеніе Св. Синода и для этого представилъ ее на его благоусмотрѣніе. Но названіе этой книжки «Сказанія» мнѣ не нравилось, тѣмъ болѣе, что когда, бывши въ Москвѣ, я поднесъ ее лично митрополиту Филарету, то онъ, взглянувъ на нее, какъ будто испугался. Я понялъ, что его поразило слово «Сказанія», и потому поспѣшилъ объяснить ему исторію этого названія. Поэтому, представляя одно изъ новыхъ изданій Синоду, я далъ ему названіе «Библейской исторіи, сокращенно извлеченной изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта». Св. Синодъ препроводилъ эту книжку въ петербургскую Духовную Академію на разсмотрѣніе. Профессоръ церковной исторіи Чельцовъ былъ приглашенъ конференціею Академіи дать отзывъ объ этой книжкѣ. Сей ученый мужъ, узнавъ, что книжка эта есть переводъ (а собственно это была передѣлка по нѣмецкому подлиннику) съ нѣмецкаго, набросился со всею напускною ревностью на

а также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго руководства; удостоена золотой медали гр. Киселева», и до 1881 года имѣла уже 19 изданій, распространившись почти въ полмилліонѣ экземпляровъ по всей Россіи.

Но съ этою исторіею я забѣжалъ далеко впередъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Я остановился на зимѣ 1851—52 года, когда я только-что входилъ въ новую обстановку на моемъ новомъ мѣстѣ. Служба моя здѣсь была исключительно для великой княгини. Кромѣ членовъ посольства, состоявшаго изъ посланника князя А. М. Горчакова, старшаго секретаря Штоффренгена, и младшаго князя Щербатова, никого русскихъ не было. Но, несмотря на это, служба моя была нелегкая, особенно при наступленіи великаго поста. Великая княгиня говѣла на первой недѣлѣ и служба совершалась во внутреннихъ ея комнатахъ. Начиная съ понедѣльника въ 9 часовъ совершалась утренняя и часы, а по средамъ и пятницамъ преждеосвященная обѣдня въ 12¹/₂ часовъ по полудни, и вечеромъ мессимоны въ 7 часовъ. Послѣ часовъ я долженъ былъ читать что-нибудь великой княгинѣ, которая въ то время занималась дѣпною работою. При чтеніи мы вступали часто въ разговоръ по поводу читаннаго, и меня все болѣе и болѣе удивляла въ ея высочествѣ широкая развитость религіознаго образованія, такъ что мнѣ приходилось приготовляться къ этому чтенію, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ тѣмъ или другимъ вопросомъ или замѣчаніемъ, которые вырывались у великой княгини при моемъ чтеніи. Это такъ наполняло мою жизнь, что я сталъ чувствовать въ моемъ новомъ назначеніи высшую задачу моей жизни. Но не скажу, чтобы я тогда сознавалъ и окончательное назначеніе свое для этой цѣли. Напротивъ того, какъ при самомъ переводѣ моемъ въ Стутгартъ мнѣ говорили, что года два службы на этомъ мѣстѣ будутъ полезны и для дѣтей моихъ по климату, я продолжалъ смотрѣть на свою службу, какъ на временную, имѣя въ виду скорѣе воротиться въ Россію. Поэтому я и въ квартирѣ своей, тѣсной и неудобной, жилъ какъ на бивуакахъ, не устраиваясь на продолжительное пребываніе. Правда, что съ самаго начала моей службы въ Стутгартѣ меня встрѣтило и другое серьезное занятіе въ семействѣ князя Горчакова—преподаваніе его дѣтямъ уроковъ закона Божія. Но я тутъ я еще не предвидѣлъ, что мнѣ придется скоро привязаться не только къ дѣтямъ, но и къ самому князю узами христіанскаго, и при томъ сердечнаго участія по случаю кончины его супруги. Пока же мои отношенія къ дому посланника были самыя любезныя съ его стороны, и самыя усердныя—съ моей.

Кромѣ членовъ посольства, въ Стутгартѣ былъ еще одинъ русскій домъ, въ которомъ я тоже часто находилъ пріютъ среди своего уединенія. Это было семейство секретаря великой княгини, Н. Ѳ. Аделунга, съ которымъ мы подружились съ самаго начала уже потому одному, что

съ моимъ предшественникомъ онъ бытъ не въ ладахъ и имѣлъ постоянно непріятности. Несмотря на нѣмецкое имя и лютеранское исповѣданіе, это семейство было чисто русское и отличалось какъ своимъ гостепріимствомъ, такъ особенно взаимною дружбою и любовію всѣхъ членовъ между собою. Подружившись въ послѣдствіи еще больше, я нерѣдко находилъ въ этой доброй семьѣ и утѣшеніе и совѣты въ своемъ служебномъ положеніи. Память объ этомъ сохраняется у меня во многихъ письмахъ ко мнѣ покойнаго Николая Ѳеодоровича.

Отношенія мои къ причту были очень незначительны, такъ какъ я нашелъ въ Стутгартѣ двухъ причетниковъ стараго закала, изъ которыхъ одинъ почти онѣмечился, а другой отличался только многочисленностью семейства. Такъ, при мнѣ разъ отвѣчая великой княгинѣ на поздравленіе съ новорожденнымъ, на ея вопросъ: который же это?— онъ съ поклономъ объявилъ: «24-ый, ваше высочество!» Мнѣ съ перваго раза показалось дикимъ, что при высочайшей особѣ за границею держатъ такихъ дьячковъ, которыхъ стыдно было бы имѣть при приходской церкви въ Россіи. Поэтому я сталъ думать о замѣщеніи ихъ не только въ Стутгартѣ, но и вездѣ за границею, людьми образованными, что мнѣ потомъ и удалось, когда князь Горчаковъ, также сочувствовавшій этой мысли, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1852 году, я имѣлъ счастье въ первый разъ представиться императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Она находилась въ Шлангенбадѣ, и я вызванъ былъ туда для этого великой княгиней Ольгою Николаевною, бывшею тоже тамъ. Я не зналъ, какъ мнѣ явиться къ ея величеству, въ духовномъ или свѣтскомъ костюмѣ, и получивъ на это особое разрѣшеніе, я представился во фракѣ. При моемъ появленіи императрица съ благосклонною улыбкою заговорила со мной по-нѣмецки. *Wie soll ich Sie empfangen priesterlich oder menschlich?* и потомъ, принявъ отъ меня благословеніе, стала милостиво разспрашивать меня о моихъ дѣтяхъ, о моей службѣ при великой княгинѣ. А мои дѣти находились въ это время на лѣченіи въ Крейцнахѣ, куда и я отправился къ нимъ. Но къ 25-му іюня, дню рожденія императора, меня потребовали на службу въ Эмсъ, гдѣ въ это время находилась великая княгиня Ольга Николаевна. Здѣсь я получилъ брилліантовый перстень отъ императрицы не за службу, а въ знакъ ея благоволенія.

На новомъ моемъ мѣстѣ въ Стутгартѣ моя приходская дѣятельность была очень ограничена, такъ что кромѣ крестинъ у многоплоднаго псаломщика и нѣкоторыхъ пѣвчихъ, мнѣ, напримѣръ, по нѣсколько лѣтъ сряду не приходилось вѣнчать и изрѣдка хоронить, да и то больше въ Баденѣ, гдѣ въ этомъ году скончались В. А. Жуковскій и осенью кн. Гагаринъ. Я не говорю въ подробности о кончинѣ Жуковскаго, такъ какъ это было въ свое время сообщено мною и напечатано въ «Жур-

налѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Но не могу не упомянуть объ одной особенноти при его погребеніи въ Баденъ-Баденѣ. Такъ какъ по этому поводу королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ угодно было отправить въ Баденъ весь причтъ стутгартской церкви, т. е. кромѣ меня еще двухъ псаломщиковъ и четырехъ пѣвчихъ, то мы рѣшились провожать гробъ покойника до кладбища въ облаченіи и съ пѣніемъ «Святый Боже». Но на это надо было исходатайствовать разрѣшеніе мѣстной власти, такъ какъ наша церковь во всѣхъ германскихъ государствахъ не пользуется правами гражданства, и потому мы не только не имѣемъ права совершать уличныхъ церемоній, но даже и носить публично нашихъ духовныхъ одѣяній. Вслѣдствіе этого, при погребеніяхъ православныхъ за границею священникъ сопровождаетъ гробъ на кладбище хотя и въ облаченіи, но въ закрытой каретѣ и только на могилѣ совершаетъ литію въ полномъ облаченіи. Въ Баденѣ, по особому ходатайству тамошняго посланника и въ уваженіе личности Жуковскаго, было намъ разрѣшено провозжаніе тѣла на кладбище съ церемонією по обряду православной церкви, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы рядомъ со мною шель мѣстный католическій священникъ. Противъ этого я, конечно, ничего не имѣлъ возразить и даже удивился, что католическій священникъ будетъ принимать участіе въ нашемъ церковномъ обрядѣ. Но мое изумленіе увеличилось, когда я увидѣлъ при выносѣ изъ дома тѣла покойника рядомъ съ собою человѣка въ весьма странномъ костюмѣ, въ длинной маатіи, съ треуголкой на головѣ и съ длиннымъ флеромъ, развѣвавшимся на его головномъ уборѣ. Оказалось, что то дѣйствительно былъ мѣстный католическій патеръ, исправлявшій при этомъ не церковную, а полицейскую должность, а потому облачившійся не въ священническую ризу, а въ костюмъ трауръ-маршала при погребеніи.

Какъ относятся протестанты къ обрядности нашей церкви, я это имѣлъ случай испытать въ томъ же году при крещеніи младенца у долгодѣтнаго камердинера покойнаго Жуковскаго, извѣстнаго Василя Кольянова. Женившись на нѣмкѣ, онъ проживалъ съ нею послѣ смерти Василя Андреевича въ деревнѣ Лангенъ подлѣ Дармштадта, куда меня и позвали крестить новорожденнаго. Явленіе туда русскаго священника и совершеніе тамъ таинства крещенія по обряду восточной церкви было такое невиданное событіе, что на эти крестины собралось множество народа съ мѣстными властями и пасторомъ во главѣ. Всѣ они присутствовали съ благоговѣніемъ при совершеніи таинства, и когда я кончилъ, каждый подходилъ ко мнѣ съ заявленіемъ своего восторга отъ невиданнаго зрѣлища. Особенно удивилъ меня мѣстный пасторъ, который, восхищаясь древностью обряда, сказалъ:

— Что меня особенно пріятно поразило въ этомъ обрядѣ, это—стриженіе волосъ младенцу. Я думалъ себѣ при этомъ: въ самомъ дѣлѣ, что

можетъ принести Богу новосвѣщенный членъ церкви Христовой, выходя нагимъ изъ купели крещенія, кромѣ волосъ на верху головы своей!

Эта поэтическая мысль, внушенная протестантскому пастору созерцаніемъ нашей обрядности, конечно, никому изъ насъ не приходила въ голову, а между тѣмъ она такъ много говоритъ за себя. — Такія свободно навязываемыя значенія нашимъ обрядамъ несвѣдущими въ нашей литургикѣ иностранцами нерѣдко поражаютъ насъ самихъ неожиданностію. Я помню, какъ герцогъ Нассаускій, присутствуя часто при панихидахъ по его почившей супругѣ, великой княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ, разъ говорилъ мнѣ, что его этотъ обрядъ очень трогаетъ.

— Особенно,—прибавилъ онъ,— меня поражаетъ та минута, когда вы, потушивъ свѣчу, кладете ее на столъ. Какой поразительно-назидательный символъ, наглядно показывающій намъ, что такъ должна погаснуть жизнь и cadaго изъ насъ!

Эта склонность нѣмцевъ поэтизировать нашу обрядность иногда спасаетъ насъ даже отъ неловкаго положенія. Разъ, гораздо позже, мнѣ случилось въ Стутгартѣ получить извѣстіе черезъ полицію изъ Ульма, города, отстоящаго отъ Стутгарта въ 3-хъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, что тамъ умеръ въ городской больницѣ какой-то бѣдный сербъ, рабочій по ремеслу, бѣднякъ. Городъ рѣшилъ его похоронить на свой счетъ, и какъ онъ былъ православный, то приглашали меня пріѣхать для погребенія. Я конечно отправился туда, взявъ съ собою одного псаломщика, перваго въ то время изъ кандидатовъ Петербургской академіи, изучившаго конечно всю богословскую науку, но не знавшаго ни церковнаго устава, ни пѣнія. Но каково же было мое изумленіе, когда, пріѣхавъ въ Ульмъ, я увидѣлъ, что весь городъ былъ на ногахъ. Вѣсть о томъ, что въ Ульмѣ пріѣзжаетъ духовенство королевы изъ Стутгарта хоронить по обряду русской церкви бѣднаго серба, подняла на ноги все городское населеніе на такое невиданное зрѣлище. Мы совершили отпѣваніе въ комнатѣ умершаго въ присутствіи только больничнаго персонала. Но когда мы пріѣхали на кладбище, то здѣсь насъ ожидали толпы народа. Когда мы начали литію, мой кандидатъ богословія совсѣмъ сконфузился и началъ пѣть на небывалый напѣвъ, сочиняя и перемѣняя голосъ на каждомъ стихѣ, такъ что я принужденъ былъ оставить его на произволь судьбы, чтобы не сбить его совсѣмъ. На другой день мы читали въ мѣстной газетѣ описаніе этихъ похоронъ, при чемъ особенно съ восторгомъ рассказывалось о симпатичномъ неслыханномъ пѣніи клерка, такъ поразившемъ всѣхъ присутствовавшихъ, при чемъ не забыто было и потухшее кадило, въ образѣ котораго они постарались увидѣть символъ угасшей жизни въ гробѣ.

Въ сентябрѣ 1852 года я провелъ нѣсколько дней во Франкфуртѣ,

приготовляя супругу покойнаго В. А. Жуковскаго къ присоединенію къ православной церкви. Рожденная и воспитанная въ протестантствѣ, она, со времени вступленія своего въ бракъ съ Жуковскимъ, стала помышлять о переходѣ въ православіе. Еще при жизни покойнаго Василія Андреевича, въ концѣ 40-хъ годовъ, когда онъ жилъ съ семействомъ во Франкфуртѣ, онъ уже не разъ говорилъ о томъ, что надобно выбрать время, чтобы мнѣ побесѣдовать съ его женою, которая такъ желаетъ поближе познакомиться съ нашею церковію. Но тутъ настала революція 48 года, вслѣдствіе чего Жуковскій оставилъ Франкфуртъ, удалившись сперва въ Швейцарію, а потомъ по успокоеніи страны поселился въ Баденѣ. Здѣсь они встрѣтились съ семействомъ Сидовъ и особенно подружились съ Радовицъ, ревностными католиками, которые стали сильно дѣйствовать на г-жу Жуковскую, склоняя ее принять католичество. Василій Андреевичъ, уважавшій выше всего религіозное убѣжденіе въ человѣкѣ, говаривалъ, что здѣсь никто изъ людей не долженъ осмѣливаться вмѣшиваться во внутреннюю жизнь, не только не противодѣйствовалъ этому вліянію, но даже самъ совѣтовалъ женѣ своей испытать и ту, и другую церковь и рѣшить избраніе по глубокому убѣжденію. Но, видя мучительное колебаніе своей любимой супруги на этотъ счетъ, онъ посоветовалъ ей обратиться за совѣтомъ къ одному извѣстному по своимъ сочиненіямъ протестантскому пастору Штиру, автору столь любимой Жуковскимъ книжки: *Die Reden des Herrn Jesu*. Замѣчательнъ отвѣтъ, данный этимъ протестантомъ г-жѣ Жуковской. Принимая во вниманіе ея колебавшуюся вѣру въ истинность протестантской церкви, вслѣдствіе чего она уже нѣсколько лѣтъ не могла рѣшиться причащаться въ своей церкви, онъ прямо совѣтовалъ ей оставить протестантство. Но касательно того, въ какую изъ двухъ церквей перейти, въ католическую или православную, онъ со всею силою протестанта возсталъ противъ римской церкви, а о православной замѣтилъ, что она ему мало извѣстна и онъ только знаетъ, что въ нее обращаются однѣ нѣмецкія принцессы, когда онѣ выходятъ замужъ за великихъ князей русскихъ. Такимъ образомъ, онъ оставилъ ее на подорогѣ, и бѣдная Жуковская все еще не знала, на что рѣшиться. Только уже передъ самою кончиною своего мужа, у его смертнаго одра она рѣшилась перейти въ православіе, и съ какою радостію принялъ эту вѣсть умирающій! Съ этихъ поръ она стала готовиться къ переходу въ нашу церковь, и какъ при ея присоединеніи воспріемниками общали быть тогда наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и его супруга Марія Александровна, то нужно было устроить обрядъ присоединенія такъ, какъ было удобнѣе для ихъ высочествъ, которые въ это время жили въ Дармштатѣ. Поэтому мѣстомъ совершенія обряда была избрана наша церковь въ Висбаденѣ, гдѣ и было совершено мною присоединеніе и мвропомазаніе Жуковской въ присутствіи ихъ высочествъ.

Лѣто 1853 года началось для меня грустнымъ событіемъ, которое такъ близко связало меня съ семействомъ князя Горчакова. Въ іюніѣ этого года скончалась въ Баденъ-Баденѣ его супруга, и эта смерть такъ глубоко потрясла его, что мнѣ пришлось потомъ больше года утѣшать и поддерживать его сначала устными бесѣдами, а потомъ, когда его перевели въ Вѣну посланникомъ, письмами. Черезъ это я сталъ въ семействѣ Горчаковыхъ не только своимъ, но даже больше, такъ какъ во время отсутствія князя я долженъ былъ замѣнять мѣсто отца и воспитателя при его дѣтяхъ. Это былъ немалый трудъ, но вмѣстѣ и важный для меня самого эпизодъ въ моей пастырской дѣятельности. О кн. Горчаковѣ говорили, что онъ былъ большой эгоистъ, что онъ безпощадно эксплуатировалъ людей въ свою пользу. Правда, онъ имѣлъ привычку, встрѣтивъ кого-либо знакомаго на улицѣ, брать его подъ руку и, опираясь на него, ходить съ нимъ и заговаривать его до усталости. Я былъ для него въ этомъ случаѣ также опорой, которая нерѣдко доводила меня до изнеможения. Но я старался забывать все, видя безпомощность его нравственного состоянія въ это время. Зато онъ никогда не забывалъ старыхъ друзей своихъ и, находясь на самой вершинѣ своего государственнаго положенія, при посѣщеніи Стутгарта, онъ отыскивалъ своихъ прежнихъ пріятелей и охотно бесѣдовалъ съ ними за-просто.

Этимъ же лѣтомъ въ Канштатъ прибыла великая княгиня Марія Николаевна, чтобы помѣстить старшаго своего сына Николая Максимиліановича въ ортопедическое заведеніе доктора Гейне. Такъ какъ лѣченіе ноги его потребовало операціи и затѣмъ машины, то ему пришлось остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ заведеніи. Для этого нанятъ былъ особый домъ при заведеніи, гдѣ его и помѣстили съ семействомъ его воспитателя А. А. Философова, устроили для него уроки, и мнѣ поручили заниматься съ нимъ закономъ Божіимъ. Чтобы не скучно было молодому князю это пребываніе въ больницѣ, ему устраивали разныя развлечения. Между прочимъ, стараніями Философова разъ былъ устроенъ большой праздникъ въ саду заведенія, на которомъ присутствовала и великая княгиня Ольга Николаевна. Чтобы придать этому *fête champêtre* русскій характеръ, наши пѣвчіе должны были за кустами пѣть русскія народныя пѣсни, а по саду расхаживалъ переодѣтый въ русскаго мужика одинъ изъ прислуги, который продавалъ мороженое. И мои дѣти должны были принимать участіе въ этихъ развлеченияхъ принца. Такъ, для него былъ устроенъ осенью праздничный сборъ винограда на Ротенбергѣ съ воздушными шарами, съ пальбой изъ ружей и пистолетовъ. Одинъ изъ пѣвчихъ, Сидоренко, бывавшій во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *maître des plaisirs*, притащилъ даже пушку изъ Стутгарта, изъ которой палили при встрѣчѣ князя. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ. Этотъ праздникъ долженъ былъ остаться памятенъ Николаю

Максиміліановичу особенно потому, что, собирая виноградъ, онъ сильно обрѣзалъ себѣ палець и слѣды этого порѣза, вѣроятно, сохранилъ на всю жизнь. Въ свитѣ князя находился, между прочимъ, гимнастъ Деронъ, шведъ и потому поклонникъ шведской гимнастики. Онъ мнѣ памятенъ особенно потому, что я долженъ былъ его нерѣдко утѣшать въ томъ, что больной принцъ перешелъ изъ его лѣченія пассивною гимнастикой въ лѣченіе Гейне операціями и машинами, которыя конечно быстрѣ привели къ желанному результату въ исправленіи скривленной ноги. Сблизившись съ Дерономъ на этомъ пунктѣ, я имѣлъ съ нимъ потомъ столкновеніе по слѣдующему случаю. Когда я сдѣлался законоучителемъ принцессы Баденской Цециліи, ставшей невѣстою великаго князя Михаила Николаевича, Деронъ при встрѣчѣ со мною сталъ увѣрять меня, что я дѣлаю это только исполняя возложенную на меня обязанность, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ меня, чтобы думать, что я съ полнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ перевожу протестантку въ православіе.

— Не можетъ быть, — говорилъ онъ мнѣ, — чтобы вы съ вашимъ просвѣщеннымъ умомъ могли внушать такія ученія вашей церкви, какъ почитаніе святыхъ, поклоненіе иконамъ!

— Послушайте, господинъ Деронъ, — сказалъ я, — вы тоже умный и просвѣщенный человѣкъ, и потому должны понимать вещи, какъ онѣ есть, а не какъ на нихъ смотрятъ люди съ предубѣжденіемъ. Скажите мнѣ, не украшаете ли вы вашихъ стѣнъ портретами людей знаменитыхъ, геніевъ ума и изящныхъ искусствъ? Не оказываете ли вы особаго почтенія портрету императора и царской фамиліи? Еще больше, не храните ли вы, какъ святыню, изображеніе лицъ дорогихъ вашему сердцу? Не случалось ли вамъ иногда передъ портретомъ любимаго лица, отшедшаго въ вѣчность, сидѣть и думать о немъ и въ душѣ возносить къ нему мысли и даже вздохи? Если вы человѣкъ вѣрующій, то вы должны были думать: вотъ съ этимъ другомъ мы вмѣстѣ молились на землѣ; молится ли онъ тамъ за меня, какъ я молюсь здѣсь за него? Да, если есть общеніе душъ и по смерти, — а оно есть, потому что и въ нашемъ символѣ вы говорите: *Ich glaube an die gemeinschaft dez Heiligen!* — то взаимныя чувства любви не должны прекращаться со смертію, слѣдовательно, и наши взаимныя молитвы другъ за друга: ихъ на небесахъ за наше преуспѣяніе въ добрѣ, а наши за нихъ на землѣ объ ихъ упокоеніи отъ воспоминаній о земныхъ грѣхахъ и паденіяхъ. Теперь перенесите этотъ взглядъ на почитаніе иконъ нашей церкви и на празднованіе святыхъ, и вы убѣдитесь, что истина на нашей сторонѣ, а не на вашей. Я скажу вамъ еще одно. Живя въ Стутгардѣ, я каждый годъ весною бываю свидѣтелемъ чествованія дня рожденія Шиллера. Почитатели его генія собираются въ одномъ мѣстѣ, откуда они съ флагами и знаменами отправляются къ памятнику Шиллера. Здѣсь зажигаются

факелы вокругъ его статуи, поются гимны въ честь его, кто-нибудь изъ ораторовъ обращается съ рѣчью къ этой статуѣ, взывая къ нему вродѣ слѣдующаго: «о, ты великій геній нѣмецкаго духа, продолжай и съ того свѣта дѣйствовать на народъ твой, просвѣщая и укрѣпляя его въ гражданской свободѣ». При этомъ я каждый разъ думаю: чѣмъ же отличается это чествованіе поэта отъ подобныхъ церковныхъ процессій съ хоругвями и кадилами, съ пѣніемъ каноновъ и проповѣдью въ честь святаго, героя христіанской добродѣтели или мученичества за христіанскую вѣру. Подумайте сами объ этомъ и скажите мнѣ, съ убѣжденіемъ ли я проповѣдую истину православной вѣры или только по обязанности?

Деронъ ничего не отвѣтилъ мнѣ на это, но на другой день онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Знаете ли что? Вы такъ правы, что я рѣшилъ съ завтрашняго дня украсить мои комнаты изображеніями апостоловъ и всегда имѣть у себя икону Спасителя. Во самомъ дѣлѣ, это непростительно, что мы такъ забыли почтеніе къ ликамъ тѣхъ, которые были просвѣтителями человѣчества. И какъ не стыдно намъ, имѣя у себя портреты людей, не имѣть лика Господа, нашего Спасителя? Спасибо, спасибо вамъ за ваше вразумленіе, я его никогда не забуду.

Въ этомъ году я былъ произведенъ въ протоіерейскій санъ. Наше духовное правительство почему-то вздумало направить насъ, въ одно время пожалованныхъ въ этотъ санъ, меня, Васильева въ Парижъ, и Полисадова въ Женевъ, для принятія посвященія не въ Россію, но къ одному изъ ближайшихъ православныхъ епископовъ изъ Австрійской имперіи. Предоставивъ намъ самимъ этотъ выборъ, Синодъ не снесся объ этомъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ съ австрійскимъ правительствомъ, и вотъ мы пошли искать ближайшаго каждому изъ насъ епископа. Прослышавъ, что въ Венеціи, находившейся тогда еще подъ австрійскимъ владычествомъ, проживаетъ на покоѣ одинъ изъ сербскихъ архіереевъ, я собрался было ѣхать туда. По счастью я еще въ-время получилъ извѣстіе чрезъ о. Янышева изъ Висбадена, что о. Васильевъ также собирался ѣхать въ Венецію для посвященія, но имѣлъ благоразуміе снести съ нашего посланника въ Парижъ съ австрійскимъ правительствомъ и получилъ въ отвѣтъ, что хотя въ Венеціи и проживаетъ отставной епископъ, но онъ не имѣетъ права посвященія, не уполномоченный на то австрійскимъ министерствомъ исповѣданія. Изъ ближайшихъ къ Парижу, а слѣдовательно и къ Стутгарту, православныхъ епископовъ оказывался живущій близъ Песта въ сербскомъ городѣ Сентъ-Андре Арсеній Стойкевичъ. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось принять посвященіе въ Венгріи. Прибывъ для этого напередъ въ Вѣну, я отправился съ указомъ консисторіи, въ

которомъ мнѣ предписывалось для посвященія въ протоіерейскій санъ обратиться къ ближайшему изъ православныхъ епископовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, черезъ наше посольство. Тамъ очень удивились этому и какъ будто смутились отъ такого небывалаго случая, и посланникъ баронъ Мейендорфъ мнѣ объявилъ, что я не могу ѣхать къ епископу прежде, чѣмъ онъ не снесется объ этомъ съ австрійскимъ правительствомъ. И вотъ пошла переписка, которая заставила меня прожить болѣе недѣли въ Вѣнѣ. Наконецъ мнѣ объявили въ посольствѣ, что бумага съ разрѣшеніемъ епископу Арсенію посвятить меня отправлена въ Офенъ, и я отправился въ эту столицу Венгріи, извѣстную подъ именемъ Буда-Песта. На другой же день я поѣхалъ въ Сентъ-Андре, отстоящій отъ Офена на два часа ѣзды. Подъѣхавъ къ архіерейскому дому, я ужасно удивился, не видя на необширномъ дворѣ ничего, кромѣ низенькаго одноэтажнаго зданія, тянувшася по одной сторонѣ въ видѣ службъ или казармы. Оказалось, однако, что это и былъ архіерейскій домъ. Владыка Арсеній, тогда еще только 50-лѣтній мужчина, принялъ меня ласково, разговаривалъ со мною на церковно-славянскомъ языкѣ, но объявилъ мнѣ, что онъ предписанія министерства духовныхъ дѣлъ на счетъ посвященія меня еще не получалъ, и что безъ этого онъ не смѣетъ совершить этого акта. И вотъ мнѣ опять нужно было ѣхать въ Офенъ и ходить по разнымъ канцеляріямъ, отыскивая присланное изъ Вѣны предписаніе о моемъ посвященіи. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ, мое посвященіе состоялось 29-го августа въ архіерейской церкви Сентъ-Андре. Воротившись домой, я хотѣлъ выразить свою благодарность преосвященному Арсенію, пославъ ему изъ моей библиотеки собраніе проповѣдей митрополита Филарета и нѣкоторыя изъ твореній преосвященнаго Макарія. Но каково же было мое изумленіе, когда мнѣ эту посылку воротили назадъ изъ Вѣны съ замѣчаніемъ, что русскія книги безъ перевода на нѣмецкій языкъ въ Австрію не впускаются. И теперь еще славяне въ Австріи, особенно православные, находятся подъ строгимъ контролемъ правительства, и богослужебныя наши книги доставляются имъ только окольными путями.

На зиму 1853—1854 года великая княгиня Ольга Николаевна уѣзжала въ Россію, и мнѣ очень хотѣлось отправиться вмѣстѣ съ нею. Но князь Горчаковъ рѣшительно возсталъ противъ этого, заявляя, что съ моей стороны было бы нехристіанское дѣло оставить его безъ утѣшенія въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ находился послѣ недавней потери своей супруги. Но вотъ въ февралѣ 1854 года я получилъ тревожное извѣстіе объ опасной болѣзни тестя моего, протоіерея Кочетова. Это заставило меня снова стремиться въ Петербургъ, но и тутъ князь Горчаковъ не соглашался отпустить меня, пока наконецъ секре-

тарь великой княгини Н. Ѳ. Аделунгъ, не извѣстивъ меня, что ея высочество, безъ моего спроса, исходатайствовала мнѣ отпускъ въ Россію.

Прибывъ въ Петербургъ, я уже не засталъ въ живыхъ тестя моего и даже не былъ на похоронахъ его, пріѣхавъ на другой день послѣ нихъ. Но я былъ доволенъ, что могъ раздѣлить горе осиротѣвшей семьи. Къ тому же здѣсь опять пробудилось во мнѣ сильное желаніе остаться въ Россіи, замѣтивъ тестя моего въ лицѣ, гдѣ онъ былъ столько лѣтъ преподавателемъ закона Божія. Мысль эта такъ всемъ понравилась и такъ благосклонно была принята лицейскимъ начальствомъ, что принцъ П. Г. Ольденбургскій отправился къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, чтобы испросить ея соизволеніе на назначеніе меня законоучителемъ въ лицей. Но здѣсь онъ встрѣтилъ положительный отказъ. Ея высочество никакъ не соглашалась отпустить меня отъ себя и въ разговорѣ со мною по этому поводу снова начала представлять мнѣ на видъ, что для здоровья моихъ маленькихъ дѣтей, которыя дѣйствительно были оба золотушны, мнѣ лучше провести еще нѣсколько лѣтъ за границею. Съ своей стороны и князь Горчаковъ, узнавъ объ этомъ, писалъ мнѣ изъ Стутгарта:

«Несомнѣнно ожидаю, что вы возвратитесь къ намъ съ великой княгиней. Ольгѣ Николаевнѣ надобна здѣсь приверженность всѣхъ и духовная ваша подпора. Если только васъ не потребуютъ къ наслѣднику, не думаю, чтобы какъ для васъ, такъ и для дѣтей вашихъ какое бы положеніе могло быть выгоднѣе. О лицѣ, мнѣ кажется, сравнительно, и рѣчи быть не можетъ». Такимъ образомъ, и эта попытка возвратиться на службу въ Россію мнѣ не удалось. Мы стали собираться въ обратный путь за границу.

2-го мая 1854 года, за день до нашего отъѣзда изъ Петербурга, я зашелъ во дворецъ къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Она плакала при мысли, что должна разстаться съ родительскимъ домомъ. Казалось, какое-то предчувствіе говорило ея сердцу, что ей не придется болѣе увидать въ живыхъ ея любимаго отца. Такъ какъ я еще не былъ представленъ государю, то она пригласила меня придти сегодня же—было воскресенье—въ малую церковь Зимняго дворца къ обѣднѣ, по окончаніи которой я долженъ былъ увидѣть государя. Покойнаго императора Николая Павловича видѣть было необычайнымъ дѣломъ. Помню, я его видѣлъ въ первый разъ въ жизни въ 1850 году въ Михайловскомъ дворцѣ. Пріѣхавъ тогда еще изъ Висбадена въ побывку въ Россію, 28-го декабря я отправился къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ поздравить ее съ днемъ рожденія. Залы дворца были переполнены народомъ, ждавшимъ выхода великой княгини, какъ вдругъ докладываютъ, что государь пріѣхалъ. Великая княгиня Елена Павловна, выйдя изъ внутреннихъ комнатъ, направилась на встрѣчу госу-

даря; я также выбѣжалъ изъ залы въ корридоръ и у начала лѣстницы остановился какъ вкопанный. По лѣстницѣ поднимался вверхъ государь. Уйти мнѣ было некуда, я остался на мѣстѣ, пораженный этою величавою фигурою необыкновеннаго человѣка и изнемогая подъ величіемъ его взгляда, устремленнаго на меня. Когда онъ поровнялся со мною, я склонилъ передъ нимъ голову не по чувству только подданнической покорности, но по какому-то магнитическому вліянію величественнаго явленія, передъ которымъ—казалось и чувствовалось—все должно преклоняться. Въ настоящей разъ мнѣ приходилось представляться его величеству совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ и подъ другимъ впечатлѣніемъ. Я имѣлъ счастье состоять духовникомъ его любимой дочери. Время было серьезное для цѣлой Россіи. Часъ былъ часомъ разлуки,—никто еще тогда не гадалъ о томъ—разлукѣ послѣдней этой любимой дочери съ обожаемымъ отцомъ. Я стоялъ въ алтарѣ. Обѣдню служилъ В. Б. Бажановъ. Передъ заамвонною молитвою входитъ въ алтарь пѣвчій и говоритъ, что государь приказалъ, когда Бажановъ выйдетъ съ крестомъ, выйти и Базарову. Выхожу. Приложившись къ кресту, государь подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе и, поцѣловавшись со мною рука въ руку, спросилъ:

— Когда вы ѣдете?

— Завтра, ваше величество!—отвѣчалъ я.

— Желаю вамъ счастливаго пути! И потомъ, взявъ меня за руку, съ самою доброю и привѣтливою улыбкою произнесъ: «берегите мою Оленьку!»

Это завѣщаніе царя-отца опредѣлило окончательно судьбу мою, и я, воротившись въ Стутгартъ, сталъ устраниваться въ немъ, чтобы не покидать своего мѣста, пока Богъ въ Своихъ судьбахъ не рѣшитъ иначе.

Замѣчательно при этомъ еще одно неважное обстоятельство, которое однако незнакомымъ съ заграничною жизнью можетъ послужить объясненіемъ, почему наше заграничное духовенство принуждено ходить въ свѣтскомъ костюмѣ. Теперь еще мы можемъ носить бороды, но было время—до революціи 48 года,—когда ношеніе бороды считалось неприличнымъ; это было вывѣскою демагоговъ и революціонеровъ. Поэтому нашему священнику въ Берлинѣ, носившему и тогда бороду, было сдѣлано серьезное замѣчаніе даже отъ двора, что его борода неприятно поражаетъ многихъ. Тѣмъ же изъ насъ, которые служили при придворныхъ церквахъ за границею, какъ въ Веймарѣ, Гагѣ и Стутгартѣ, нельзя было и думать являться ко Двору въ бородѣ. Поэтому и я каждый разъ, отправляясь въ Россію, отпускалъ бороду, и возвращаясь за границу, опять сбрывалъ ее. Но въ этотъ разъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга я вздумалъ просить у великой княгини разрѣшеніе возвратиться назадъ съ бородою. Она подумала съ минуту, но потомъ сказала:

— Какъ бы это не показалось страннымъ королю. Нѣтъ, лучше оставайтесь по-прежнему!

Потомъ, при прощаніи съ митрополитомъ, я разсказаль ему этотъ случай, и онъ сначала былъ недоволенъ такимъ требованіемъ великой княгини; но когда я ему сказалъ, что борода при фракѣ дѣйствительно нейдетъ, онъ, испугавшись, спросилъ: «какъ при фракѣ?» Тогда я объяснилъ ему, что при иностранныхъ дворахъ мы являемся къ обѣду и на вечера не иначе, какъ во фракахъ, и онъ воскликнулъ: «нѣтъ! тогда ужъ лучше безъ бороды!» Теперь, слава Богу, борода вошла опять въ почетъ и ею украшаются даже коронованныя особы. Поэтому и мы, всѣ заграничные священники, стали носить бороду, даже и при фракахъ. А разъ со мной случилось, что, возвращаясь въ бородѣ изъ Россіи, я въ Берлинѣ забѣжалъ между двумя поѣздами къ брадобрею, прося его поскорѣй обрить меня, и онъ чуть было не заподозрилъ во мнѣ преступника, спасающагося бѣгствомъ изъ Россіи, и потихоньку спросилъ меня, не полякъ ли я? За то въ Стутгартѣ передъ отъѣздомъ въ Россію, когда я уже началъ отпускать себѣ бороду, меня встрѣтилъ на улицѣ мѣстный пасторъ, прелатъ Капфъ, и съ участіемъ спрашивалъ, не былъ ли я долго боленъ въ постель? А нынѣ и нѣкоторые протестантскіе пасторы стали отпускать себѣ бороды.

Воротившись въ Стутгартъ, я началъ устраиваться на долговременное пребываніе и для этого нанялъ себѣ болѣе удобную квартиру, въ которой отпраздновалъ свое новоселье, пригласивъ на обѣдъ своихъ посольскихъ сослуживцевъ, и затѣмъ открылъ у себя по воскресеньямъ вечеромъ пріемъ для всѣхъ русскихъ, въ послѣдствіи начавшихъ посѣщать Стутгартъ въ большомъ числѣ. Здѣсь я познакомился между прочимъ съ замѣчательною личностью того времени, барономъ Гакстаузеномъ, извѣстнымъ авторомъ о Россіи и ея хозяйственномъ бытѣ. Имѣя на это особое разрѣшеніе отъ нашего правительства, онъ извѣздилъ всю Россію, обращая вниманіе преимущественно на бытъ народный. Въ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами онъ успѣлъ войти въ такое довѣріе особенно нашихъ раскольниковъ, что онъ, можно сказать, первый открылъ или по крайней мѣрѣ оформилъ нашъ расколъ, и когда я сообщилъ изъ его книги, появившейся въ 1853 г., его статью о расколѣ тестю моему протоіерею Кочетову, бывшему долгое время профессоромъ церковной исторіи въ Петербургской духовной академіи, онъ такъ обрадовался этому открытію, какъ чему-то новому, дотогѣ неизвѣстному въ Россіи. Извѣстно, что при государѣ Николаѣ Павловичѣ расколъ вѣдался только въ секретномъ отдѣленіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и никто не смѣлъ знать, что открывали по этому вопросу секретные чиновники, да и то, что имъ удавалось открыть,

далеко не было такъ достовѣрно и полно, какъ это представилъ иностранецъ Гакстгаузенъ въ своей книгѣ.

Когда онъ явился ко мнѣ, чтобы познакомиться со мною, я совсѣмъ не зналъ, что онъ католикъ и даже, какъ я послѣ узналъ, ярый іезуитъ, и потому у насъ начался съ нимъ съ перваго раза пренепріятный разговоръ. На его вопросъ, что я дѣлаю, чѣмъ особенно занимаюсь за границею, я ему отвѣчалъ, что съ одной стороны изучаю бытъ здѣшней церкви и богословской науки, а съ другой стараюсь и нѣмцевъ знакомить съ нашею церковью.

— Вотъ еще недавно,—продолжалъ я,—напечаталъ въ Дармштадской всеобщей газетѣ отвѣтъ константинопольскаго патріарха на энциклику Пія ІХ.

При этихъ словахъ мой гость вскочилъ съ кресла и съ паэосомъ набросился на меня, доказывая, что мое, какъ и прочихъ заграничныхъ священниковъ, назначеніе—быть и служить примирителями, а не сѣять раздоръ между церквами, что папа одушевленъ одною мыслью примиренія съ восточною церковью, что его не поняли, и плодомъ этого недоразумѣнія и былъ отвѣтъ константинопольскаго патріархата. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ, что имѣлъ случай бесѣдовать на эту тему съ великой княгиней Ольгой Николаевной, и что по ея желанію онъ подастъ ей записку по этому предмету. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ онъ адресовалъ на имя ея высочества свой взглядъ на соединеніе церквей. Великая княгиня передала мнѣ эту записку и поручила отвѣчать на нее. Такимъ образомъ, у насъ завязалась долгая переписка по этому предмету, въ которой было переговорено все то, чтѣ когда-нибудь говорилось по поводу раздѣленія церквей. Когда же мы дошли наконецъ до того убѣжденія, что мы съ барономъ Гакстгаузеномъ слишкомъ частные люди, чтобы рѣшать такой міровой вопросъ, то я предложилъ моему антагонисту напечатать нашу переписку и тѣмъ возбудить новый интересъ къ дѣлу, начинающему сдаваться въ архивъ за давностью лѣтъ. Но Гакстгаузенъ на это не согласился, опасаясь, можетъ быть, за свою уступчивость, которую онъ выражалъ мѣстами въ перепискѣ со мною и, приславъ мнѣ свой портретъ, просилъ меня сохранить къ нему мою личную дружбу.

По причинѣ войны въ это время всѣ русскіе, обыкновенно проживавшіе въ Парижѣ, принуждены были оставить эту страну, а многіе изъ нихъ поселились въ Стутгартѣ; такъ между прочими княгиня Бутера, бывшая въ первомъ замужествѣ за графомъ Шуваловымъ, а во второмъ за графомъ Полье, и по третьему мужу обладательница богатой виллы въ Палермо, гдѣ въ 1846 году во время пребыванія тамъ императрицы Александры Ѳеодоровны состоялось обрученіе великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ.

Поэтому пребываніе ея въ Стутгартѣ было очень пріятно и для великой княгини, но особенно полезно для стутгартскихъ жителей. Обладая огромными средствами, княгиня Бутера тратила очень много денегъ и расточала милости всѣмъ обращающимся къ ней за пособіемъ. Дошло наконецъ до того, что къ ней стали обращаться даже молодые офицеры, прося на первоначальное обзаведеніе, и получали кто 500, кто 1.000 гульденовъ.

Въ этомъ году въ Стутгартѣ произошла перемѣна въ посольствѣ. Князь Горчаковъ былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну, и на его мѣсто поступилъ къ намъ В. П. Титовъ, бывшій до войны посланникомъ въ Константинополь. Эта перемѣна доставила мнѣ новое удовольствіе познакомиться въ лицѣ его съ человѣкомъ русскимъ въ душѣ и сердцѣ, съ умомъ пытливымъ и интересующимся всѣмъ до послѣднихъ мелочей знанія и жизни. Семейство его также доставило мнѣ новую пищу для ума и сердца какъ въ бесѣдахъ съ его супругою, такъ и въ занятіяхъ съ его дѣтьми.

Конецъ 1854-го года памятенъ мнѣ тѣмъ, что въ декабрѣ этого года была освящена новая церковь во дворцѣ великой княгини. До тѣхъ поръ ея высочество съ супругомъ своимъ помѣщались въ большомъ королевскомъ дворцѣ, и церковь, прежде бывшая посольскою, временно помѣщалась въ дворцовой пристройкѣ. Когда же былъ готовъ новый выстроенный для кронпринца дворецъ, то въ немъ былъ отдѣланъ для церкви особый залъ, въ которомъ и установленъ собственный ея высочества иконостасъ. Для освященія этого новаго помѣщенія были приглашены о. Янышевъ изъ Висбадена и о. Судаковъ изъ Женевы. Дьякона мы достали изъ Берна, бывшаго тамъ псаломщикомъ и посвященнаго въ дьякона въ то самое время, когда, по причинѣ войны Зондербунда въ 1846 году, изъ Швейцаріи было отозвано наше посольство, а вмѣстѣ съ тѣмъ закрыта и наша церковь, пока по желанію великой княгини Анны Федоровны, разведенной супруги великаго князя Константина Павловича, она не была переведена въ началѣ пятидесятихъ годовъ въ Женеву. Вслѣдствіе этого бернскій дьяконъ оставался со дня своего посвященія *in partibus infidelium* и, явившись къ намъ на службу, до такой степени не умѣлъ служить, что произносилъ, напри- мѣръ, на ектеніи «о плавающихъ и путешествующихъ во святѣмъ храмѣ семъ», и тѣмъ невольно возбуждалъ смѣхъ въ присутствующихъ. При этомъ припоминается мнѣ неловкость и другаго сослуживца на этомъ праздникѣ. О. Судаковъ, никогда прежде не бывавшій при дворѣ, долженъ былъ здѣсь въ первый разъ представляться высочайшей особѣ. Воротившись изъ дворца, онъ мнѣ въ восторгѣ рассказывалъ, какъ онъ былъ очарованъ милостивымъ пріемомъ великой княгини.

— Мнѣ такъ хотѣлось продлить эту бесѣду, — говорилъ онъ, — что я

готовъ бы былъ просидѣть у нея цѣлый часъ, но было совѣстно, и я всталъ и ушелъ.

— Какъ, говорю, всталъ и ушелъ! Да развѣ можно уходить на аудіенціи у высочайшихъ особъ, пока васъ не отпустятъ?

Послѣ этого я вскорѣ видѣлся съ великой княгиней, и она мнѣ сказала, что нашла о. Судакова очень интереснымъ.

— Только,—прибавила она,—онъ куда-то спѣшилъ, и я не могла поговорить съ нимъ подольше.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ стараго преображенца.

1852 г.

—
XI ¹⁾.

Петербургъ въ пятидесятыхъ годахъ и Петербургъ семидесятыхъ годовъ.—
Графиня Кушелева.—Балъ и театр.—Бытъ офицеровъ—Графъ П. Н. Иг-
натьевъ.—В. И. Назимовъ.—М. А. и А. А. Катенины.—П. А. Катенинъ.—
Назначеніе командиромъ полка графа Баранова.

Вспомню кое-что о тогдашнемъ Петербургѣ. Сколько было аристократическихъ барскихъ домовъ, гдѣ все высшее общество и царская фамилія собирались на балы и рауты! На Невскомъ проспектѣ, кромѣ домовъ Бѣлосельской, гр. Протасова и гр. Строганова, такихъ больше не помню, но на Большой Морской число ихъ возросло съ каждымъ шагомъ. За домомъ Демидова слѣдовалъ домъ (кажется собственннй), гдѣ жилъ и принималъ извѣстный эмигрантъ графъ Ксавье-де-Местръ; его сочиненія въ клерикальномъ, легитимистскомъ духѣ, съ тенденціями католической пронаганды были въ то время еще въ модѣ. По вечерамъ всѣ прохожіе и проѣзжіе могли видѣть сквозь цѣльныя, зеркальныя стекла невысокаго дома великолѣпную меблировку и художественный портретъ хозяина, искусно освѣщенный лампами. Далѣе слѣдовали дома генерала Исленьева, Вонлярлярскаго, княгини Салтыковой, и напротивъ—князя Гагарина (Сергѣя Сергѣевича). Вездѣ случилось побывать, и вещи, какія я тамъ видывалъ, мнѣ не случалось больше

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1900 г.

видѣть, хотя о многихъ я послѣ справлялся ¹⁾. Куда все это дѣвалось! Въ концѣ Морской, по ту сторону Мойки,—огромный домъ князя Юсупова, гдѣ въ ту пору давались самые лакомые для свѣтскихъ людей и самые великолѣпные балы. Въ этомъ домѣ или просто—дворцѣ была комната, гдѣ размѣщались въ длинныхъ ящикахъ и шкафахъ, подъ стекломъ, фамилльные брилліанты и драгоценности Юсуповыхъ. Многіе старались попасть на балъ или на раутъ единственно съ цѣлью посмотреть на эту рѣдкую коллекцію цѣною въ нѣсколько милліоновъ, и гдѣ являлись образчики вкуса многихъ временъ и поколѣній. Далѣе, если пройдя переулочъ выдти на Конногвардейскій бульваръ, то тамъ уже издали бросался въ глаза барскій домъ Кочубея, съ садомъ, съ оранжереями, а на садовой стѣнѣ оригинально выдавались бюсты арабовъ, изъ чернаго и бѣлаго мрамора. Англійская набережная была занята сплошь домами финансовой или придворной знати, особенно извѣстенъ былъ домъ графа Борха (кажется бывший графиня Лаваль). На Царицыномъ лугу выдавались дворцы Салтыковыхъ и Апраксиной, а у Симеоновскаго моста домъ графа Куселева: объ этомъ сейчасъ скажу кое-что.

На Дворцовой набережной, опять — гнѣзда знати, привлекавшія весь нашъ High life: это дома графа Куселева-Безбородко; онъ тоже давалъ часто балы, не уступавшіе ни Юсуповскимъ, ни какимъ бы то ни было. Пройдемъ далѣе и по продолженной Сергіевской выйдемъ на Литейную. Тамъ опять—центръ большаго свѣта,—домъ Орлова (бывшій Удѣловъ), гдѣ жила старушка графиня Разумовская. На ея рауты ѣздилъ весь городъ: она не знала въ лицо и третьей части своихъ гостей и часто спрашивала у своихъ интимныхъ:

— Ah, mon Dieu, dites moi donc qui cela peut être?

На что вопрошаемые обыкновенно отвѣчали:

— En verité, Comtesse, j'en sais tout autant que Vous!

И на противоположной окраинѣ, въ Сергіевской и Фурштадтской преобладали дома аристократіи, Кочубеевъ, Васильчиковыхъ, Барятинскихъ, и проч. Долго бы я не кончилъ, еслибы сталъ ихъ всѣхъ перечислять и описывать. И вотъ, тридцать лѣтъ спустя, въ 1870 годахъ, заѣзжая по временамъ въ Петербургъ, искалъ я знакомые центры и не находилъ. Въ барскихъ домахъ поселились ламповые, мебельные и другіе магазины и даже рестораны. Все исчезло и быльемъ поросло!

¹⁾ Часто засматривался я, между прочимъ, на портретъ Меншикова и Ермака, у князя С. С. Гагарина. Меншиковъ представленъ въ изголовномъ тулупѣ съ огромною сѣдою бородою (очевидно въ Сибири); Ермакъ въ казачьей папахѣ и кольчугѣ. Нигдѣ не случилось мнѣ болѣе видѣть подобныхъ портретовъ.

Помню крайне тяжелое впечатлѣніе, вынесенное изъ этихъ поисковъ за прошедшимъ. Шелъ я какъ-то по Симеоновскому мосту и взглянулъ по старой памяти на барскіе дома. Когда дошла очередь до дома графа Кушелева ¹⁾,—смотрю и глазамъ не вѣрю: вывѣска, и на ней написано «Русскій ресторанъ» или что-то подобное. Не ошибся ли я? Опять вглядываюсь: да, это такъ! Почти бѣгомъ влетѣлъ я въ ресторанъ. Да, это та самая лѣстница. Но вмѣсто лакеевъ въ красныхъ ливреяхъ и поднимавшихся и опускавшихся между ними представителей большого свѣта, по тѣмъ же ступенямъ, на встрѣчу мнѣ спускались тарелки съ объѣдками и сзади меня вверхъ летѣли полове съ битками, пивомъ и прочимъ. Кухонный смрадъ просто душилъ пришельца съ вольнаго воздуха; иду дальше, ищу той огромной танцевальной залы, гдѣ, по тогдашнему обычаю, графъ Кушелевъ въ мундирѣ, въ лентѣ, при саблѣ и съ каскою въ рукахъ, встрѣчалъ въ дверяхъ лицъ царской фамиліи. Вотъ и она, эта зала; остатки прежняго великолѣпія, позолота, орнаменты еще замѣтно выдѣлялись изъ грязи и копоти. Тамъ, гдѣ, бывало, танцовали, разглядывали другъ друга разодѣтыя по послѣдней модѣ дамы, гдѣ увивался около нихъ цвѣтъ гвардейскихъ и прочихъ танцоровъ, гдѣ сверкали сверху и снизу огни и брилліанты, тамъ сновали изъ угла въ уголь полове, раздавался звонъ вилки по стакану, или полупьяный голосъ: «Эй, малый, шипучаго!»; табачный дымъ застилалъ скудный свѣтъ петербургскаго утра, и мало кто изъ новыхъ гостей зналъ и вспоминалъ о бывшихъ!

Пораженный этою перемѣною декорацій, я вбѣжалъ во второй этажъ, гдѣ были помѣщенія самого хозяина. По памяти отыскала я прежнюю билліардную, гдѣ мы бывало курили, послѣ танцевъ. Но билліарда уже не было, а только вдланные въ стѣну длинные диванчики работы Гамбса напоминали о прошедшемъ. Я велѣлъ подать закуску и задумался о немъ. Если бы всѣ эти господа встали теперь изъ гробовъ и явились бы посмотрѣть на свои палаты, они конечно не велѣли бы подать закусить, а поспѣшили бы опять лечь скорѣе въ могилу! Но намъ, живущимъ, и этого дѣлать не приходится, пока время не приналежитъ и не заставитъ отправиться туда же. Пока живемъ, запишемъ, но если я и напомнилъ нѣсколько подробно о барскихъ домахъ и великовѣтскихъ балахъ, то, во-первыхъ, потому, что видъ дома Кушелева въ двѣ разныя эпохи самъ по себѣ небезынтересенъ. Я забылъ сказать, что въ верхнемъ этажѣ этого дома находилась домашняя церковь; храмъ Божій надъ трактиромъ! Эта фальшивая нота такъ меня поразила, что я отправился къ содержателю заведенія и просилъ позволенія зайти въ

¹⁾ Этотъ Кушелевъ (не Безбородко) былъ ген.-лейт., артиллеристъ и, кажется, состоялъ при вел. кн. Михаилѣ Павловичѣ.

церковь посмотреть ее. Мнѣ отвѣчали, что графиня Кушелева оставила за собою, по уговору, церковь и нѣсколько комнатъ, но осмотрѣть ихъ нельзя, потому что онѣ заперты.

Графъ Кушелевъ не пережилъ своей барской славы; онъ умеръ въ 1850-хъ годахъ. Самого графа и вдову его я хорошо помню, особенно ее: высокая, полная женщина, всегда разодртая по журналу, она не уступала въ представительности своему дворцу. Но она была бездѣтна; что же заставило ее отдать свой домъ подъ трактиръ? На такой вопросъ мнѣ отвѣчали, что когда наступила тяжелая для нашихъ баръ крестьянская реформа, графиня уѣхала за границу и тамъ заразилась болѣзнью или маніей покупокъ. Все, что ей бросалось въ глаза, хоть нужно, хоть не нужно, она закупала и раздаривала потомъ направо, налево. Такой своего рода либерализмъ, конечно, могъ покончить хоть съ какимъ состояніемъ. Впослѣдствіи, я узналъ, что трактиръ выселился, и домъ Кушелева наняло какое-то акціонерное общество.

Есть и вторая причина,—почему я остановился на знатныхъ амфитріонахъ моего времени: балы и рауты большого свѣта играли не послѣднюю роль въ офицерскомъ быту. Хотя немногіе ѣздили въ свѣтъ, однако, выражаясь словами генерала Микулина: «нѣсколько преобразенскихъ воротниковъ» можно было часто встрѣтить на балахъ и раутахъ. Послѣ Венгерской войны я поселился вмѣстѣ съ товарищемъ по Пажескому корпусу, Александромъ Михайловичемъ Рылѣвымъ. Это лучшее время моей холостой жизни. Мы стали выѣзжать въ свѣтъ и тѣмъ само собою отдаляться отъ казарменнаго забубеннаго житья. Ѣздили мы и къ графинѣ Разумовской, къ княгинѣ Юсуповой, къ графу Кушелеву-Безбородко и другому графу Кушелеву, къ Петрово-Соловово, къ Чертковымъ и проч. Попадали даже на малыя собранія у цесаревны въ Царскомъ Селѣ. Кто читалъ мои «Записки стараго пажа», тотъ знаетъ, что танцы не нравились мнѣ съ дѣтства, что я всегда былъ дикаремъ, и эта черта характера отразилась и въ юношестве. Рылѣвъ успѣлъ въ свѣтъ и продолжалъ выѣзжать, а я бросилъ. Но у меня остался оригинальный памятникъ того времени. Уже тогда я страдалъ недугомъ риемотворства и написалъ, между прочимъ, риемованною прозою очеркъ Кушелевскаго бала и мои наблюденія и похожденія.

Эта попытка никогда бы не появилась въ печати, но въ «воспоминаніяхъ» можетъ быть и сойдесть, подъ шумокъ. Риемамъ предшествуетъ слѣдующая замѣтка:

«Очеркъ набросанъ съ натуры, по приѣздѣ съ перваго (въ зиму 1850 года) бала покойнаго сенатора, графа Кушелева-Безбородко, одного изъ знатнѣйшихъ великосвѣтскихъ амфитріоновъ 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ».

Б А Л Ъ.

Когда вѣкъ юности предестный
 Меня привлечь на первый балъ,
 Почияъ свой въ танцахъ интересный,
 Себѣ на память я списалъ.

И вотъ сперва припоминаю,
 Какъ, поаднимъ вечеромъ зимой,
 При свѣтѣ плошекъ подъѣзжаю,
 Къ крыльцу, по мерзлой мостовой.

Въ передней всѣхъ цвѣтовъ ливрен
 Въ углахъ толкаются, шумятъ,
 Шумятъ, и барскія затѣи
 Всечасно отъ души бранятъ.

На ступеняхъ, сукномъ обитыхъ,—
 Опять ливрейный, красный рядъ
 И Гунгля ¹⁾ скрипокъ знаменитыхъ
 Аккорды издали звучать.

Вхожу, смотрю и въ ослѣпленѣ,
 Смущенный растерялся взглядъ;
 Я отпустилъ въ благоговѣнѣ,
 Поклоновъ десять невпопадъ...

Мнѣ показалось, что читаю
 Во взглядахъ разговоръ нѣмой:
 Вопросъ:—Кто онъ?—Отвѣтъ:—Не знаю!..
 Юркнулъ въ толпу и проскользаю
 Я поскорѣй въ другой покой.

Повсюду тамъ мірскія власти
 Сидятъ у ломберныхъ столовъ.
 И сколько, всевозможной масти,
 Валетовъ, кралей и тузовъ!

И сколько можно въ нихъ подмѣтить,
 Кабы остаться на часокъ...
 Но что это? Еще звонокъ!
 Кого бѣжить хозяинъ встрѣтить?

Смотрю,—онъ вводитъ генерала ²⁾,
 А тотъ бредетъ едва, едва
 Мнѣ тотчасъ память подсказала,
 Что видѣла, что испытала

Сѣдая гостя голова:

Полвѣка—срокъ ея служенья
 Престоламъ Бога и царей,
 Быть можетъ, третье поколѣнье
 Сегодня пляшетъ передъ ней!..

И этотъ воинъ закаленный
 Робѣетъ отъ пытливыхъ глазъ,

¹⁾ Лучшій въ то время, въ Петербургѣ, бальный оркестръ.

²⁾ Генералъ-отъ-инфантеріи Ушаковъ, бывшій начальникъ гвард. пѣхоты—въ то время председатель комитета о раненыхъ. Пострадалъ по исторіи Полытковского въ 1852 году.

Какъ я, какъ прапорщикъ смущенный,
 Боятся шаркнуть лишній разъ!
 На отвлеченное сужденье
 Не стану время я терять:
 Пойду-ка въ залъ потанцовать,
 Хоть танцы—для меня мученье!
 Въ роскошномъ залѣ Гундль играетъ,
 И опытный его смычекъ
 Давно ужъ прыгать заставляетъ
 Толпу послушныхъ праздныхъ ногъ.
 Я самъ на этотъ разъ рѣшился
 Пользоваться изо всѣхъ силъ...
 Но въ первомъ турѣ съ такту сбился,
 На старыхъ барынь повалился
 И дамѣ ножку отдалилъ!
 Лорнеты женскіе, мужскіе,
 Блеснули и въ меня впились,
 Заговорили взоры злые:
 „Птенецъ, летать не торопись“.
 Нагрязнулъ, мнѣ для утѣшенья,
 Кадриль... по крайней мѣрѣ въ немъ
 Немного надобно умѣнья,
 Чтобъ не ударить въ грязь лицомъ.
 Вотъ, я скорѣй заторопился
 Мѣста и даму отыскать,
 Расшаркался, приосанился
 И приготовился начать...
 Опять бѣда! Гляжу: бѣжитъ
 Мой vis-à-vis, ужасно красивый,
 И мнѣ съ волненьемъ говоритъ:
 J' ai ras de dame ¹⁾—о, я несчастный!
 Ну что тутъ дѣлать,—посудите,
 Я vis-à-vis не упустилъ,
 Твержу ему „не погубите“,—
 Пока, хоть тетешку ведите!..
 Напрасно я его молилъ!
 Пропалъ кадриль... съ тѣхъ поръ рѣшаюсь
 Безстрастнымъ зрителемъ стоять.
 И по неволѣ принимаюсь
 За всѣми всюду наблюдать.
 Со мвой, у стѣнѣи, повсемѣстно
 И чинно рядышкомъ сидятъ:
 „Les bonnes Maman“—уста и взглядъ
 Ихъ улыбаются прелестно,
 Но Богу одному извѣстно,
 Что на душѣ онѣ таятъ.

¹⁾ Аффектированное сокращеніе извѣстной всѣмъ юнымъ танцорамъ фразы: „je n'ai ras de dame!“

Гдѣ дочка? Съ кѣмъ она танцуетъ?
 Прилично-ль платье, тоя манерь?
 И кто-то съ нею полькируетъ:
 Женихъ иль просто кавалерь!
 „Ma chère, въ нашъ вѣкъ мужское племя
 Не то, что въ прежніе года...
 Плясать, вишь, не всегда имъ время,
 Зато поужинать,—всегда!“
 Такъ рошцуть маменьки, а дочки
 Согласны съ тѣмъ?—Едва-ли да!
 Онѣ съ своей взирають точки,
 И съ ними чистая бѣда!..
 Но балъ закончу, господа:
 Финаль — мазурка... всѣ танцуютъ,
 А сильно ѣсть и спать хотять,
 За ужиномъ же старъ и младъ
 Всѣ возбуждаются, пируютъ
 И съ удовольствіемъ ѣдятъ.
 Быть можетъ, это заключенье
 Я слишкомъ рѣзко написалъ:
 Что дѣлать,—просто не умѣнье,
 Умѣнья нѣтъ, и конченъ балъ!
 Да и перо ужъ отупѣло,
 Ему пора бы на покой,
 А что „конецъ вѣнчаетъ дѣло“,
 На это мы махнемъ рукой!

Очеркъ «Бала», конечно, не что иное, какъ ребяческій наборъ весьма обыкновенныхъ въ свѣтской жизни и потому не занимательныхъ явленій, но въ немъ есть намекъ на затрудненія, какія представлялись молодому человѣку на скользкомъ пути къ такъ называемому большому свѣту. Въ самомъ дѣлѣ,—даже попасть туда было не такъ легко, какъ кажется, а освоиться, утвердиться положительно трудно. Въ этомъ мірѣ были свои законодатели, и даже молодыя дамы должны были проходить извѣстную школу. Особенно боялись старухи графини Строгановой. Она была, кажется, родомъ испанка и неумолима въ дѣлахъ этикета. Разъ она, во время приема у себя, сказала одной молодой гостьѣ:

— Ah, ma chère, comme vous entrez dans un salon. Vous semblez danser!

Высокомѣрие взгляда на людей было необыкновенное. Я самъ слышалъ, какъ одна изъ львицъ,—на вопросъ:

— Qui avez vous vu au concert?—отвѣчала:

— Très peu de monde: Worontzoff et encore quelques l'hommes; ces sont approchés de moi et tout le reste c'était des plébeiens!

Сколько пилюль и какія именно мнѣ случилось проглотить, я описывать не буду, такъ какъ заблаговременно удалился, но, вообще, изъ

преображенцевъ мало кто ѣздилъ въ большой свѣтъ, за то почти всѣ посѣщали театры. Было то самое цвѣтущее время для сценическаго искусства. Итальянская опера и балетъ достигли до такой степени славы и совершенства, какихъ не бывало ни прежде, ни послѣ. Мачиха моя въ теченіе 30 лѣтъ имѣла одну и ту же ложу въ Большомъ театрѣ, абонированную на 2-й абонементъ (понедѣльники).

Въ это тридцатилѣтіе передо мною являлись поочередно многія группы тогдашнихъ знаменитостей: 1) Персіани, Віардо и съ ними Рубини и Тамбурины, 2) Маріо, Гризи, Тамберликъ; 3) Бозіо (примадонна и любимца публики въ Петербургѣ) и съ нею Кальцолари (теноръ) и Ранкони (баритонъ) наконецъ, 4) явилась Патти съ своими созвѣздіями. По временамъ наѣзжалъ въ Петербургъ вокальный чудобогатырь, громозвучный Лаблашъ (Lablache). Тогда Петербургъ просто бѣсновался. Аристократы трубили:

— Quelle voix! C'est comme le tonnerre!

Люди попроще говорили:

— Вотъ горло-то! Силища голоса какая! Да и самъ—громада, чтобъ ему пусто было!

Балетъ процвѣталъ не менѣе оперы. Это было «молочко старичковъ», да и въ самомъ дѣлѣ иные только что не умирали на своемъ креслѣ и если оно, въ одинъ прекрасный вечеръ, оказывалось пустымъ, всѣ говорили: «Надобно съѣздить понавѣдаться, вѣрно, старикъ ужъ очень крѣпко заболѣлъ!» Если же кресло стояло пустымъ недѣлю, то просто говорили: «Ну, отправился въ Елисейскія. Это вѣрно!»

Тальони, Фанни Эльслеръ и Карлотта Гризи, одна за другою, послѣдовательно приводили въ восторгъ весь Петербургъ. Примѣръ великихъ мастерицъ и подражаніе имъ надѣляли чудеса. Наши русскія балерины и балетчики стали поплясывать на славу, образовалась цѣлая школа; изъ нея вышли впоследствии недюжинные таланты, какъ напримѣръ, Богданова.

Михайловскій (французскій) театръ стоялъ тоже на высотѣ славы и почестей. Подборъ труппы былъ годъ отъ году удачнѣе. Была тамъ необыкновенно талантливая парочка артистовъ Monsieur и Madame Allan, про которую покойный великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ: «madame Allan, — charmante Allan! (charmant talent!) Louise Mayer Volnys, Arnould - Plessy соревновали одна другой безъ зависти, такъ какъ каждая была въ своемъ родѣ. Главными же стимулами были великолѣпные комики: Gothy, Rouget, Vernet и, впоследствии—неподражаемый Lemenil. И сюда наѣзжали гостить европейскія знаменитости, какъ напримѣръ: Rachel, Ristori. Въ такихъ случаяхъ манія театраловъ доходила до неистовства. Передъ кассами разъигрывались стычки и даже генеральныя сраженія. Помню, что одинъ какой-то от-

чаянный господинъ вспрыгнулъ на плечи публики и проползъ до кассы по ея головамъ. Къ этому историческому факту спѣшу прибавить, что билетъ, конечно, былъ полученъ, но бока героя сильно пострадали, а все-таки Рашель посмотрѣть ему удалось!

Неудивительно, что царскія ложи были переполнены посѣтителями: государь и великій князь Михаилъ Павловичъ бывали тутъ почти ежедневно и хохотали отъ души.

Русская сцена могла назвать ту же эпоху своимъ золотымъ вѣкомъ. Каратыгины, Самойловы, Брянскій, Сосницкій, Асенкова, Гусева, Линская, Мартыновъ, Максимовъ—всѣхъ этихъ стоитъ только назвать, и дальнѣйшій рассказъ становится лишнимъ, особенно въ виду того, что въ настоящее время написаны многотомныя воспоминанія и панегирики тѣхъ же временъ и тѣхъ же личностей. Моя задача только указать на то, какую роль играли театры въ быту преображенскихъ офицеровъ, и я скажу, что великосвѣтскіе партизаны охотнѣе посѣщали оперу, балетъ и Михайловскій театръ. Но русская сцена примиряла и воссоединяла всѣ кружки. Александринскій театръ или «Александринка» или «Кабачекъ», какъ его интимно называли, имѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, неоцѣненные преимущества. Хотя и этотъ театръ былъ императорскимъ, какъ всѣ они вообще, но странно сказать, въ русскомъ театрѣ этикетъ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Въ оперу и въ Михайловскій военныя являлись не иначе, какъ въ мундирахъ, опоздавшимъ слѣдовало идти на ципочкахъ,—а то зашпикаютъ, и волочиться было или совершенно невозможно, или очень дорого. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находился русскій театръ. Этикетъ былъ тамъ слабѣе, военныя ѣздили туда въ сюртукахъ, можно было даже пріѣхать въ «Александринку» послѣ хорошаго обѣда, шумѣть, хлопать, даже шикать. И поволочиться было за кѣмъ. Страсть къ театру обуяла всѣхъ, и «Александринка» соединяла всѣ кружки. Туда охотно ѣздили офицеры, и аристократы, и пьяная артель. Эта страсть породила цѣлое общество театраловъ. Въ Преображенскомъ полку оно имѣло даже полную организацію—предсѣдателя, секретаря и, въ видѣ зеркала, въ залѣ присутствія красовался огромный картонный драконъ, добытый изъ аксессуаровъ Александринскаго театра. Общество ставило себѣ цѣлью систематическое волокитство и поддержку отечественныхъ талантовъ, преимущественно изъ прекраснаго пола, правильное устройство клакеровъ и театральной клики. Члены общества никогда не брали билетовъ въ кассѣ; это считалось неприличнымъ, а входили въ антрактъ и садились на первое пустое кресло. Если бы являлся владѣлецъ билета, то не бѣда! Театраль спокойно вставалъ, извинялся и пересаживался на другое, пустое кресло. Общество соединяло также пріятное съ полезнымъ. Каждый изъ его членовъ обязанъ былъ, по очереди, угощать всѣхъ прочихъ обѣдомъ русской,

французской и английской кухни. Въ числѣ театраловъ и кажется президентомъ ихъ былъ, когда-то, покойный Пенхержевскій. У меня записано множество проказы его и всѣхъ этихъ господъ въ «Александринкѣ», но я не разъ говорилъ, что опасаясь злоупотреблять анекдотами и собралъ ихъ въ отдѣльную тетрадь подъ записью «Проказники».

Общество Преображенскихъ театраловъ прекратилось еще до вступленія моего въ полкъ.

Катастрофа эта совершилась вотъ какимъ образомъ. Въ одно прекрасное утро, шуточноаго предсѣдателя театровъ потребовали въ III-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, т. е. въ учрежденіе, какъ извѣстно, не шуточное. Шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, принялъ нашего президента очень любезно, успокоилъ его увѣреніемъ, что цѣль и характеръ дѣятельности общества хорошо извѣстны правительству и что, хотя въ немъ ничего вреднаго и непозволительнаго не заключается, однако, въ виду того, что никакое общество, организованное безъ разрѣшенія подлежащихъ властей, терпимо быть не можетъ, то и совѣтывается добровольно прекратить засѣданія Преображенскихъ театраловъ. Такимъ образомъ, въ мое время, хотя они и продолжали существовать, но каждый промышлялъ самъ по себѣ и коллегіальности не было.

Надобно ли дальше доказывать, что публичныя забавы вообще, а театръ въ особенности, играли большую роль въ нашемъ быту, и это тѣмъ болѣе, что вечера почти у всѣхъ были свободны: вечеромъ служба выпускала насъ изъ своихъ тисковъ. Случалось однако, что перепадало свободное утро, а, при одиночныхъ ученьяхъ, даже и цѣлые дни. Наконецъ, офицерамъ баталіона, стоявшаго въ загородномъ расположеніи, и всю зиму нечего было дѣлать. Къ сожалѣнію, долженъ заявить, что рѣдко гдѣ случалось встрѣтить серьезный трудъ, серьезное чтеніе или дѣльный разговоръ. Съ величайшимъ наслажденіемъ занесъ бы на эти страницы хотя бы малѣйшее проявленіе подобной дѣятельности, но не могу, хотя, кажется, въ недостаткѣ наблюдательности меня упрекнуть нельзя. Время убивалось или въ собутыльничествѣ на квартирахъ (особенно въ Тавридѣ) или въ смежной съ бібліотекою, дежурной комнатѣ, очень просторной и очень удобно, даже роскошно меблированной. Старый преображенецъ, генераль-маіоръ Колокольниковъ, расхваливаетъ въ «Русской Старинѣ» этотъ укромный уголокъ Тавриды и даже называетъ его «Эльдорадо» ¹⁾. Прямо противорѣчить я не буду, но я, на дежурствѣ, считалъ себя тогда только блаженнымъ, когда могъ я зачитаться

¹⁾ Онъ характеризуетъ офицерскій бытъ такъ: „часто импровизировались вечера—чаепитія, игры въ карты, проведеніе времени въ болтовнѣ, каламбурахъ, которые тогда были въ большой модѣ и при дворѣ и въ казармахъ“.

безъ помѣхи, такъ какъ на столѣ дежурной комнаты лежали всѣ почти, выходящія въ ту пору, періодическія сочиненія, а подѣ бокомъ—имѣлась отличная бібліотека. Обо всемъ этомъ я расскажу подробно, а пока замѣчу, что, хотя до бутылочки я не былъ охотникомъ, потому что отъ нея дурѣлъ, болѣлъ или дѣлалъ глупости, но въ мое время бутылочки являлись въ «Эльдорадо» не особенно часто, развѣ въ дождливые или постные дни, и то больше по вечерамъ. По утрамъ же заходили туда, для пріятныхъ бесѣдъ, острословія, а главное для сговора о томъ, что же дѣлать, какъ же быть? Какъ бы время намъ убить? Признаюсь, что чтеніе «Современника» было интереснѣе «Бесѣдъ», а для достовѣрности приведу образчикъ:

Приходить въ Эльдорадо шутникъ и говоритъ юному товарищу:

— А я могу сдѣлать такъ, что если вы пройдете три раза вокругъ этого стола, то останетесь въ одной рубашкѣ!

— Да что же тутъ особеннаго? Конечно, въ это время вы успѣете сдержнуть съ меня все платье.

— Богъ съ вами! Да я васъ не трону, напротивъ,—еще уйду въ бібліотеку.

— Ну, такъ это чепуха!

— Нѣтъ, не чепуха и давайте пари. Идетъ на дюжину (т. е. бутылочкѣ).

— Ну, пожалуй идетъ!

Юный офицеръ преважно обходилъ столъ три раза, конечно, оставался во всемъ облаченіи и требовалъ поставки проигрыша.

— Помилуйте,—говорилъ шутникъ,—вѣдь вы же проиграли, такъ за что я буду платить?

— Какъ я проигралъ?

— Да такъ. Сколько же у васъ рубашекъ на тѣлѣ?

— Ну, разумѣется, одна.

— Такъ я вамъ то и говорилъ, что останетесь въ одной рубашкѣ!

Обойденный сначала почесывался, но потомъ поневолѣ самъ хохоталъ и наконецъ обращался къ хитрецу съ покорнѣйшею просьбою:

— Послушайте, вы пожалуйста молчите, если кто войдетъ. Я возьму свой реваншъ.

— Сдѣлайте милость... даю вамъ честное слово молчать.

Немного спустя, дѣйствительно, входитъ, и кто же,—родной братъ шутника! Проигравшій пари взглянулъ довольно зло и лукаво на своего побѣдителя: «Постой-де: я тебѣ отплачу на твоемъ же братѣ!» Но шутникъ сдержалъ слово, остался серьезнымъ и даже опять ушелъ въ бібліотеку. Затѣмъ послѣдовало предложеніе того же фокуса и того же пари. Новый гость горячился, называлъ эту затѣю величайшею безсмыслицею и наконецъ запальчиво сказалъ:

— Да что вы меня раздѣвать что-ли собираетесь?

— Помилуйте, я васъ и не трону, уйду въ библіотеку, и можете сказать своему брату, чтобы онъ меня держалъ.

Гость подумалъ и согласился.

— Ну, пожалуй пари, такъ пари! Потомъ онъ крикнулъ:

— Братъ, придержи его пожалуйста, если онъ на меня бросится!

Изъ библіотеки послышалось равнодушно: «Хорошо!»

Партнеръ ушелъ, церемонія обхожденія совершилась.

— Ну, пожалуйста дюжину шампанскаго!

— Нѣтъ, вы пожалуйста.... вѣдь вы проиграли, а не я!

— Какъ это я проигралъ?

— Да у васъ сколько же рубашекъ на тѣлѣ?

— Двѣ.

— Ка... а-а-къ двѣ?!!!

— Да такъ, у меня ревматизмъ, и я всегда ношу двѣ рубашки.

Онъ снялъ сюртукъ, и фактъ подтвердился. Но шутники, разумѣтая, отказались отъ выигрыша и заявили, что дѣло произошло «скопомъ и заговоромъ», а вмѣсто двухъ дюжинъ выпили обыденную скромную полдюжину на общій счетъ. Что касается до совѣщаній о томъ, какъ бы убить время, то положимъ, въ одно прекрасное свободное утро встрѣчались напримѣръ въ Эльдорадо В. Ч—въ съ В. Н—мъ.

— Ну, Вася, что мы сегодня дѣлаемъ?

— Да мнѣ все равно... я ничего...

— Такъ поѣдемъ на Невскій.

— А что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Да пройдемся раза два по Невскому, ну, и назадъ!

— Пожалуй поѣдемъ!

А какъ иногда кончались похождения по Невскому проспекту, покажетъ слѣдующій приказъ по полку 14-го апрѣля 1849 года: «Поручикъ Н., за то, что былъ поводомъ ссоры, случившейся 10-го числа, въ вафельномъ заведеніи мѣщанина Лури, въ Пассаждѣ, между служащимъ въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства подполковникомъ Хоментовскимъ и французскимъ подданнымъ, портныхъ дѣлъ мастеромъ Сервье, которая произошла вслѣдствіе того, что поручикъ Н., встрѣтаясь въ Пассаждѣ, на лѣстницѣ съ женою Сервье, дозволялъ себѣ ее обнять, желая поцѣловать,—арестованъ мною сего числа, впредь до окончанія слѣдствія, съ содержаніемъ на гаубтвахтѣ».

Настоящій сезонъ для нашихъ flaneurs наступалъ осенью, когда знаменитый въ ту эпоху, Ив. Ив. Излеръ начиналъ потѣшать почтеннѣйшую публику на своихъ, громкой памяти, искусственныхъ минеральныхъ водахъ.

Но были люди и другаго сорта. Возьмемъ недавно скончавшагося

старого преображенца, графа П. Н. Игнатъева. Онъ служилъ еще при Александрѣ I-мъ, въ 1820 годахъ былъ капитаномъ, въ командованіе генерала Исленьева (предшественника Микулина). Въ концѣ 30-хъ годовъ, императоръ Николай I-й сказалъ этому старому преобращенцу:

— Вотъ тебѣ Пажескій корпусъ. Ты знаешь, что тамъ воспитываются дѣти старѣйшихъ и лучшихъ моихъ служивыхъ. Поставь ихъ на ноги, такъ чтобы они служили, какъ ихъ отцы!

Игнатъевъ принялъ на себя эту задачу, а что онъ къ ней былъ подготовленъ, про то я знаю по опыту, такъ самъ при немъ воспитывался и помню, что на экзаменахъ директоръ не сидѣлъ безучастно, а мы боялись его появленія на экзаменѣ, особенно русской исторіи, которую онъ зналъ основательно и разносторонне. Впрочемъ, какъ Павелъ Николаевичъ поставилъ насъ на ноги, о томъ убѣдительно скажутъ мои «Записки стараго пажа». Въ 1840-хъ годахъ государь сказалъ Игнатъеву: спасибо, мой старикъ, это дѣло ты мнѣ повелъ хорошо, а теперь возьми инспекторскій департаментъ и устрой тамъ порядокъ, такъ чтобы я могъ быть спокойнымъ при всякихъ случайностяхъ.

Старый преображенецъ сослужилъ и эту службу; его бывшіе подчиненные могутъ засвидѣтельствовать, какимъ онъ былъ дежурнымъ генераломъ и какой порядокъ ввелъ въ инспекторскомъ департаментѣ. И служилъ онъ тамъ, пока царь не сказалъ:

— Ну, теперь, садись на генераль-губернаторство въ Витебскѣ.

Потомъ, онъ перешелъ генераль-губернаторомъ въ Петербургъ, — мѣсто труднѣе предъидущаго и дотога труднѣе, что сложилось какое-то недоброе преданіе, будто-бы только «нищій духомъ» могъ прослужить долго на этомъ мѣстѣ, а умѣлый и дѣльный человекъ не выдерживалъ и скоро умиралъ. Приводили въ доказательство Матвѣя Евграфовича Храповицкаго и многихъ другихъ. Но Игнатъевъ не былъ «нищій духомъ», а совершенно наоборотъ, и за него вполне можно было опасаться, тѣмъ болѣе, что генераль-губернаторство давало таки себя знать въ его время. Тогда всякій, кто могъ и хотѣлъ, цѣплялся за генераль-губернатора, и онъ былъ какъ горохъ при дорогѣ: кто ни пройдетъ, щипнетъ! Митрополитъ Григорій жаловался, напримѣръ, на то, что въ магазинахъ продаютъ модныя женскія матеріи, съ изображеніями на нихъ крестовъ. Павелъ Николаевичъ извинялся, что эти кресты не знаменуютъ символа нашего спасенія, а просто знаки сложенія и умноженія. Студенты тоже забунтовали въ концѣ его управленія (1861—1862), и старый преображенецъ долженъ былъ одинъ выѣхать на уличное собраніе и приглашать молодежь разойтись. Студенты кричали:

— Хорошо, мы уйдемъ, только вы отправляйтесь отсюда раньше насъ!

Павель Николаевичъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ужъ гости-то вы, а я хозяинъ... прошу... а не послушаетесь, и вывести велю!

Ихъ и вывели, и такъ случилось, что гостей отвела въ крѣпость преображенская рота. Объ этомъ расскажу подробнѣе, если Богъ приведетъ, написать воспоминанія о 1862 годѣ. Наконецъ, третій, по времени императоръ, Александръ II, сказалъ Игнатьеву:

— Павель Николаевичъ, я назначилъ васъ предсѣдателемъ комитета министровъ!

Въ комитетѣ засѣдали съ нимъ три министра изъ бывшихъ его пажескихъ воспитанниковъ! ⁴⁾

Другой старый преображенецъ, Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, сотоварищъ и родственникъ графа Игнатьева, былъ еще полковникомъ, когда императоръ Николай I-й сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ мой сынъ и наслѣдникъ престола, будь при немъ и научи его служить по-преображенски!

Въ настоящее время, напечатаны подлинныя письма цесаревича (Александра II) къ Назимову; въ нихъ видно, до какой степени онъ любилъ и уважалъ Владиміра Ивановича, и, когда наслѣдникъ сталъ государемъ, эти чувства не только не умалились, но еще возрасли, потому что императоръ цѣнилъ своего воспитателя по его дѣламъ, которыя, лучше словъ, воспитали.

Въ 1846 году, въ извѣстномъ дѣлѣ Канарскаго, въ Вильнѣ, представляется именно тотъ случай, когда праправнукъ Петра, по дѣдовскому обычаю, сказалъ старому преображенцу:—поѣзжай въ Вильно, узнай и скажи мнѣ всю правду. А въ Вильнѣ вотъ что происходило: Канарскій, ксендзъ, монахъ, былъ заграничнымъ эмиссаромъ польской sprawy. Способный, энергичный, онъ слонялся по Литвѣ и пламенною, іезуитскою пропагандою подготовлялъ умы къ замышляемой революціи. Послѣ 1831 года это была первая попытка противъ русскаго владычества. Понятно, что виленская администрація тѣмъ энергичнѣе противодѣйствовала ей. Канарскій былъ схваченъ и разстрѣлянъ на Снисишкахъ, но трауръ, прославленіе «мученика» и приношеніе цвѣтовъ на его могилу показали, что поляки все тѣ же, и виленскія власти, не стѣсняясь буквою закона, хватали виноватыхъ и полуправыхъ и совершенно невиновныхъ. Но возстанія еще далеко не было, и поэтому строгій разборъ, различіе праваго отъ виноватаго былъ необходимъ, въ виду того, что несправедливость бросаетъ въ объятія революціонеровъ всѣхъ колеблющихся и даже вовсе не причастныхъ къ замысламъ. Такъ

⁴⁾ Грейгъ (финансовъ), Маковъ (внутреннихъ дѣлъ) и графъ Гейденъ (за военнаго министра).

взглянулъ на дѣло В. И. Назимовъ, и переполненныя тюрьмы опустѣли, но кто же былъ тотъ, кто своею властію рѣшился на такую мѣру. Генераль-губернаторы въ то время были заслуженные генералы, андреевскіе кавалеры, облеченные полнымъ довѣріемъ государя. И вдругъ полковникъ Назимовъ пошелъ въ разрѣзъ всей высшей администраціи! Очевидно, онъ ставилъ на эту карту всю свою карьеру. Но это именно то, что называю служить и поступать по-преображенски потому, что честность, неподкупность, правду и знаніе, только с ихъ и требовалъ Великій Петръ отъ своихъ преображенскихъ птенцовъ. Казалось, Назимовъ долженъ былъ пропасть потому, что, на этотъ разъ, не поляки осыпали жалобами государя, а лица, имъ самимъ на власть поставленные и говорившія въ пользу принятыхъ мѣръ во имя государственной безопасности. Послѣдствія этого дѣла извѣстны. Государь послалъ на повѣрку Назимова генераль-адъютанта Кавелина. Старый измайловецъ поддержалъ преображенца, и Владиміръ Ивановичъ еще болѣе поднялся во мнѣніи государя и цесаревича. Поляки же, по своему обычаю, пустили входъ театральные эффекты. Мнѣ рассказывали, что когда, по окончаніи дѣла, Кавелинъ и Назимовъ вошли въ ложу виленскаго театра, вся публика встала какъ-бы при появленіи самого государя. Царское довѣріе скоро опять отличило Назимова назначеніемъ его попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Но тутъ явилась необходимость высказать царю правду о самомъ себѣ. Императоръ Николай, назначая кого-либо на должность, никогда не спрашивалъ, желаетъ ли онъ, или чувствуетъ ли себя способнымъ? Государь спрашивалъ только, скоро ли онъ можетъ отправиться по назначенію. Но Назимовъ поступилъ по-русски и по-преображенски: онъ сказалъ императору:

— Я фронтовой офицеръ и не признаю себя способнымъ занять это мѣсто.

Государь отвѣчалъ:

— Это мое дѣло, а ты ступай и служи, какъ служилъ! Назимовъ исполнилъ приказаніе и впоследствии, какъ увидимъ, былъ назначенъ виленскимъ генераль-губернаторомъ.

Пусть теперь выступить еще одинъ старый преображенецъ, Михаилъ Андреевичъ Катенинъ. Этому Николай I-й велѣлъ быть при братѣ своемъ Михаилѣ, котораго онъ такъ любилъ и цѣнилъ. Впоследствии, Михаилъ Андреевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи. Когда пришла тяжкая година крымской войны, тогда уже не государь, а дворянство Владимірской губерніи выбрало его начальникомъ владимірскаго ополченія, его, отставнаго полковника, въ то время, когда старые, заслуженные генералы добивались этой чести. Катенинъ оправдалъ довѣріе и, по окончаніи войны, привелъ домой своихъ «крестовиковъ».

Еще послѣдній портретъ стараго преображенца: Александра

Андреевича Катенина, брата Михаила Андреевича. Онъ посѣдѣлъ въ полку, въ буквальномъ смыслѣ слова, и къ нему было то же царское слово: «на Кавказѣ дѣлаются мерзости—сказалъ Николай I-й. Одинъ изъ моихъ флигель-адъютантовъ, зять главнокомандующаго, держитъ свой полкъ на барщинѣ и тиранитъ моихъ храбрыхъ кавказцевъ. Поѣзжай, узнай, правда ли это и скажи мнѣ все безъ утайки». Катенинъ отправился, узналъ истину и высказалъ ее государю безъ всякаго ослабленія. Государь, давно его знавшій и любившій, далъ ему свой славный и любимый полкъ. Полкъ былъ для Катенина только ступенью; онъ далъ ему время оглядѣться и подготовиться къ болѣе серьезному дѣлу. Да и самъ государь не думалъ готовить Александра Андреевича въ бригадные или дивизіонные начальники и назначилъ его дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба. Въ тяжелыя времена, въ години несчастій познается недюжинный человѣкъ, и когда наступила мрачная эпоха войны 1854 года, Катенинъ показалъ себя, работалъ день и ночь и поставилъ свои труды и способности на высоту тогдашняго положенія дѣлъ. Впослѣдствіи, онъ поднялся еще выше и сталъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ.

Помянемъ и еще одного стараго преобращенца, Павла Александровича Катенина. Онъ былъ дядею Михаила и Александра Андреевичей, извѣстный писатель и переводчикъ Корнеля. Про него сказалъ Пушкинъ:—«Гдѣ нашъ Катенинъ воскресилъ Корнеля геній величавый»...

Дай Богъ мнѣ ошибиться, но, кажется, въ библиотекѣ Преображенскаго полка не найдется полной критической біографіи этого замѣчательнаго человѣка.

Вообще я полагаю, что жизнеописанія старыхъ преобращенцевъ были бы лучшею исторіею этого славнаго полка. Во многихъ біографіяхъ вмѣстились бы цѣлыя эпохи отечественной славы, какъ напримѣръ 1812, 1813 и 1814 годы прославили жизнь и службу знаменитаго преобращенскаго командира барона Григорія Владиміровича Розена. На его портретъ въ дежурной комнатѣ таврическихъ казармъ смотрять всѣ поколѣнія преобращенцевъ, и помню, что я ни разу не посѣтилъ дежурной комнаты безъ того, чтобы не засмотрѣться на этотъ портретъ и не прочесть краткой біографіи Розена, вырѣзанной на бронзовой доскѣ. Отчего же нѣтъ портретовъ трехъ Катениныхъ, Назимова и Игнатѣева? Ихъ черты и біографіи могли бы также заставить призадуматься и поразмыслить!

26-го сентября состоялся приказъ, по которому генераль-адъютантъ Катенинъ назначенъ дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба его величества, а начальникъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, свиты Е. В. генераль-маіоръ графъ Барановъ—командиромъ л.-г. Преображенскаго полка.

Того же 26-го сентября, въ Соборѣ Спаса Преображенія, служили бла-

годарственный молебень; тутъ были всѣ офицеры полка и оба полковыхъ командира, старый и новый. Послѣ молебна, Катенинъ показывалъ графу Баранову сокровища ризницы и плакалъ. Наконецъ, когда ему стало уже не въ мочь... онъ сказалъ: «Господа, я больше не могу... я себя изведу!»..

Съ этими словами генералъ вышелъ изъ Собора. Всѣ послѣдовали за нимъ. За оградою столпился народъ. Тутъ старый командиръ сталъ прощаться, снялъ каску и, показывая на свою голову, воскликнулъ: «Эти кудри, господа, посѣдѣли на службѣ въ Преображенскомъ полку!» Послѣ этихъ словъ онъ уѣхалъ на новую квартиру, въ Главный штабъ; офицеры, въ первомъ порывѣ чувствъ, тотчасъ отправились къ нему съ прощальнымъ визитомъ, in сохроге, такъ что едва Катенинъ успѣлъ снять мундиръ, какъ ему уже доложили о посѣщеніи офицеровъ. Такъ кончилось командованіе полкомъ генералъ-адъютанта Катенина, съ 27-го апрѣля 1848 по 26-е сентября 1852 г.

Катенинъ въ полковомъ хозяйствѣ былъ совершенно не с а м о с т о я т е л е н ь. Привожу здѣсь характерный разговоръ покойнаго Мекешина, бывшаго полковымъ квартирмейстеромъ при Жерковѣ и Катенинѣ. Мекешинъ дѣлалъ между ними такое сравненіе:

«Придешь бывало къ Жеркову:—Здравствуйте,—говорить,—Матвѣй Петровичъ, садитесь-ка, потолкуемъ. Вотъ я васъ попрошу сдѣлать то-то и то-то и вотъ такимъ и такимъ образомъ.

— Ваше п-во, я бы думалъ иначе поступить, не позволите ли вамъ объяснить?»

— Сдѣлайте одолженіе, говорите... я съ удовольствіемъ послушаю... ну, какъ же бы вы думали?»

Тогда Мекешинъ излагалъ свое мнѣніе. Жерковъ, все время, внимательно слушалъ, склоня голову на бокъ, и упорно молчалъ. Выслушавъ до конца, Александръ Васильевичъ говорилъ:

— Да это весьма хорошая мысль... ну-съ, такъ вотъ я васъ и попрошу сдѣлать такъ, какъ я вамъ приказалъ вначалѣ!

— Слушаю-съ!

Въ противоположность этому разговору, Мекешинъ описывалъ служебную конференцію съ Катенинымъ:

— Здравствуй, Матвѣй Петровичъ, садись-ка. Распорядись ты завтра насчетъ перевозки вещей вотъ такъ-то и такъ-то... слышишь?

— Слушаю, ваше п-во, только я полагаю, что такимъ образомъ едва ли будетъ удобно... не позволите ли вотъ какимъ образомъ?..

— Что-о-о! ты меня учить вздумалъ? Въ первобытное состояніе я тебя упрячу¹⁾..

¹⁾ Т. е. въ солдаты, такъ какъ Мекешинъ выслужился изъ писарей до коллежскаго ассесора.

— Однако же,—говорилъ Мекешинъ,—кончалось обыкновенно тѣмъ, что я, переждавъ грозу, продолжалъ высказывать свое мнѣніе, и дѣло устраивалось все-таки по-моему.

Я не имѣю надобности прибавлять и распространяться далѣе, потому, что надѣюсь на самые факты, то-есть на сущность моихъ воспоминаній и думаю, что читающіе видѣли по нимъ не одни недостатки, но и хорошія, даже блестящія стороны характера и управленія Катенина. Послѣдующія мои записки еще болѣе выскажутъ, что ни при одномъ изъ полковыхъ командировъ моего времени,—а я пережилъ ихъ пять,—Преображенскій полкъ не сіялъ такимъ внѣшнимъ блескомъ, не пользовался такимъ высокимъ почетомъ и не имѣлъ такого значенія въ глазахъ общества, какъ при Катенинѣ. Не бездоказательно, кажется, говорилъ я, что онъ держалъ себя независимо со всѣмъ высшимъ начальствомъ, исключеніемъ служили только лица царской фамилии и еще очень немногія личности съ дѣйствительнымъ вліяніемъ на дѣла. За то передъ этими немногими онъ, по фамусовскому выраженію: «сгибался кольцомъ» и когда одинъ тузъ изъ его «закадычныхъ» сказалъ ему разъ:

— Послушай, Александръ Андреевичъ, ты ужъ иногда слишкомъ присѣдаешь!

На это Катенинъ отвѣчалъ:

— Эхъ, любезный другъ, они любятъ, чтобы имъ кадили.

Но самостоятельность была все-таки важнымъ преимуществомъ: Катенинъ такъ себя поставилъ, что могъ защитить своего офицера въ бѣдѣ, какъ то и случилось въ 1849 г. въ Вильяѣ. Не однимъ своимъ вліяніемъ помогалъ онъ офицерамъ, но и денежными ссудами изъ такъ называемаго офицерскаго капитала. Взысканіями онъ никого не выжилъ изъ полка, а его фразы: «надѣвайте фракъ» и проч. кончались такъ же, какъ и моя исторія съ фразою: «я васъ поучу на гаубтвахтѣ». Кто вспомнитъ Жерковскія распеканья, тотъ скажетъ, что Катенинскія были сущими пустяками.

Наконецъ, вынужденъ сказать о личныхъ своихъ отношеніяхъ къ этому моему первому полковому командиру. Всякій, кто читалъ, видѣлъ, что когда, въ 1848 году, я оскорбилъ и раздражилъ его нелѣпыми разсказами про него въ кругу офицеровъ, Катенинъ ограничился сильною головомойкою, не придираясь къ чему-нибудь, чтобы оштрафовать, что непременно сдѣлалъ бы мстительный начальникъ. Въ 1849 году, я, разъ, опоздалъ на репетицію развода и вмѣсто того, чтобы войти въ манежъ съ Михайловской улицы, меня угодило подѣхать съ Караванной, гдѣ я и столкнулся съ Катенинымъ. Онъ сказалъ только:

— Ну, вотъ и славно, прапорщикъ! Войдемте же вмѣстѣ, коли вмѣстѣ пріѣзжаемъ.

Приказомъ 20-го декабря онъ нарядилъ меня за это на три лишнія дежурства, а въ приказѣ 21-го декабря сказано: «назначенныя

безъ очереди дежурства отъ ѣн я ю т с я», почему же такъ? Да потому, что баталіонному командиру вздумалось заявить, что я всегда былъ исправенъ по службѣ!

Кажется, послѣ этого о придиркахъ и мстительности не можетъ быть и рѣчи.

Наконецъ, въ 1850 году я далъ такой промахъ, что если бы Катенинъ (очень меня не любившій—это правда) вздумалъ бы дать волю своей антипатіи, то могъ бы сдѣлать меня несчастнымъ. Полковой караулъ въ Славянкѣ помѣщался всегда въ избѣ крестьянина Миронова, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дома, гдѣ мы собирались обѣдать. Офицеры уговорили меня придти на общую трапезу: «Кто, молъ, теперь поѣдетъ? Всякій тоже сидитъ за ѣдою!» А вотъ тутъ, какъ на грѣхъ, случилось, что именно Катенинъ не сидѣлъ за ѣдою, а вздумалъ прогуляться верхомъ—да прямо къ караулу!

Обязанность его была отдать меня подъ судъ. Такъ слѣдовало по закону, а законъ, въ подобныхъ случаяхъ, строго выполнялся. Но Катенинъ велѣлъ нарядить меня на нѣсколько лишнихъ карауловъ, но не отдавая о томъ въ приказѣ:

— Вина такъ велика,—сказалъ онъ,—что нельзя и писать официально!

Мало того, не успѣлъ я отстоять и половины нарядовъ, какъ вдругъ Катенинъ зоветъ меня къ себѣ:

— Это вашъ послѣдній лишній караулъ—сказалъ онъ мнѣ,—зная васъ, мнѣ больно и непріятно взыскивать строго... надѣюсь, что это не повторится!..

Оно и не повторилось.

Смѣло могу увѣрить, въ заключеніе, что не пристрастіе руководило меня въ моихъ воспоминаніяхъ. Еслибы и всѣхъ описанныхъ фактовъ было бы недостаточно, то я прошу припомнить, что съ тѣхъ поръ прошло около 40 лѣтъ, и всякая личная непріязнь давно успѣла притупиться. Но пишу матеріалы для исторіи Преображенскаго полка, а исторія такого полка не должна терпѣть «недомолвки, лживки, лукавки, немогузнайки».

Если я и погрѣшилъ противъ Суворовскихъ правилъ, то эта погрѣшность развѣ только одна «красномолвка!»

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣча А. С. Пушкина съ преступникомъ В. А. Кюхельбекеромъ.

Репортъ фельдгегера Подгорнаго—дежурному генералу Главнаго штаба генералъ-адъютанту Потапову.

28-го октября 1827 г. ¹⁾

Отправленъ я былъ сего мѣсяца 12-го числа въ г. Динабургъ съ государственными преступниками и на пути пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ нѣкто г. Пушкинъ, (и) началъ послѣ поцѣлуя съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе наипослѣднее отправилъ, какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полъ-версты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать, а самъ остался для прописанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семь ему отказалъ; тогда онъ г. Пушкинъ кричалъ и, угрожая мнѣ, говорить, что «по прибытіи въ Петербургъ, въ ту же минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того, не промину также сказать и генералъ-адъютанту Бенкендорфу». Самъ же г. Пушкинъ между прочими угрозами объявилъ мнѣ, что онъ былъ посаженъ въ крѣпости и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ, а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ,— это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ.

Фельдгегеръ Подгорной.

¹⁾ Напечатано съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Внутреннее положеніе Россіи въ 1855 году ¹⁾.

Классы и сословія С.-Петербурга не отличаются отъ таковыхъ другихъ европейскихъ столицъ; но здѣсь встрѣчаются нѣкоторые элементы, которыхъ въ такомъ размѣрѣ нельзя встрѣтить въ другихъ столицахъ и вообще въ государствахъ. Въ настоящее время всѣ страсти этихъ классовъ отъ многоразличныхъ причинъ, болѣе или менѣе, напряжены, а нѣкоторыя изъ нихъ и подстрекаемы врагами могущества Россіи, что было бы безразсудно отрицать.

У насъ, какъ и вездѣ, есть классъ сановниковъ, изъ коихъ одни пользуются болѣею, а другіе менѣею довѣренностію высшаго правительства. Независимо ихъ взаимныхъ столкновеній въ мнѣніяхъ, зависти и часто гласнаго охужденія всѣхъ вообще правительственныхъ мѣръ не ихъ вѣдомства, колеблютъ довѣріе къ правительству въ слушающихъ и въ особенности въ молодыхъ и незрѣлыхъ умахъ, а отъ этихъ зло разливается и на низшіе слои. Самъ же собою классъ этотъ, за малыми исключеніями, не опасенъ, кромѣ какъ самоуправнымъ дѣйствіемъ своимъ въ кругу, предоставленномъ его управленію; онъ вреденъ потому, что увеличиваетъ число недовольныхъ.

Отставные военные и гражданскіе чиновники, въ настоящее время, обращаютъ на себя вниманіе. Многіе изъ нихъ, испытывають жесточайшую несправедливость, доведенные до крайности, и бу-

¹⁾ Записка, составленная неизвѣстнымъ по желанію графа Ѳ. В. Ридигера по предметамъ, его сіятельствомъ назначеннымъ, въ августѣ 1855 г. Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Ридигеръ былъ тогда генералъ-адъютантомъ, членомъ Государственнаго Совѣта, главнокомандующимъ гвардейскими и гренадерскими корпусами и членомъ совѣта по управленію Царствомъ Польскимъ.

дучи разсѣяны на всемъ пространствѣ, гласно ропшутъ и показываютъ негодованіе свое въ кругу другихъ классовъ, болѣе или менѣе недовольныхъ, которые видятъ иногда дѣйствительныя заслуги этихъ ветерановъ военныхъ и гражданскихъ, снабженныхъ при увольненіи своимъ отличными свидѣтельствами и, часто обремененные семействомъ, питаются по нищетѣ своей однимъ подаяніемъ, потому именно, что по капризу, или по какимъ-либо личнымъ видамъ начальника, ввергнуты въ это положеніе. Обстоятельство сіе имѣетъ необъяснимое вліаніе не только на тѣхъ, которые уже волнуемы какими-либо страстями и могутъ содѣлаться еще болѣе вредными, но и производить непріятное впечатлѣніе на другихъ, до того можетъ быть и не разсуждавшихъ о будущности, которая можетъ ожидать ихъ на томъ или другомъ поприщахъ, послѣ десятковъ лѣтъ службы, послѣ ранъ, послѣ потери здоровья и т. п. или даже въ домашнемъ быту своемъ—въ помѣстьѣ. Другіе же, оставивъ службу по какимъ-либо побудительнымъ причинамъ, и имѣя состояніе, обходятся безъ вспомошествованія. Изъ нихъ нѣкоторые возвышенныхъ чиновъ, пользовавшіеся прежде извѣстностію, едва-ли еще не болѣе первыхъ заслуживаютъ вниманія относительно существующаго порядка. Основываясь на прежнихъ войнахъ, на занимаемыхъ ими должностяхъ и заслугахъ, вселяютъ въ слушателяхъ негодованіе, отъ нихъ распространяющееся и далѣе; тѣмъ болѣе это важно, что они всегда имѣютъ на сторонѣ своей всѣхъ служившихъ когда-то съ ними и пр.

Относительно дворянъ-помѣщиковъ, можно почти безошибочно сказать, съ малыми только изъятіями, что тѣ, которые владѣютъ помѣстьями, не обремененными долгами, служатъ истинною подпорой высшей существующей власти. Всякая утопія, всякая пропаганда едва-ли можетъ коснуться ихъ; они враги всякой могущей произойти перемѣны въ обычномъ порядкѣ вещей. Этого нельзя сказать о дворянахъ, коихъ помѣстья отягощены долгами; эти дворяне-помѣщики, по естественному свойству человѣка стремиться къ лучшему, могутъ преклонить слухъ къ зловреднымъ внушеніямъ. Это однако же отнюдь не мѣшаетъ имъ въ свое время жертвовать жизнію противъ врага отечества. Предметъ, о которомъ можно было бы сказать многое.

Купечество наше включаетъ множество подраздѣленій по разнымъ отношеніямъ, и длинно было бы говорить объ этомъ. Замѣчу только, что многія изъ этихъ подраздѣленій имѣютъ полное вліаніе на сословіе мѣщанъ и, такъ называемыхъ, фабричныхъ: крестьянъ, извозчиковъ и т. п. Вліаніе это различно у православныхъ, иноземныхъ, и въ особенности оно вредно въ настоящее время у купцовъ и фабрикантовъ раскольниковъ ⁴⁾.

⁴⁾ Нельзя умолчать о множествѣ евреевъ здѣсь, какъ безвыходно живущихъ подъ разными предлогами, такъ и непрерывно пріѣзжающихъ и

Поляки и уроженцы западныхъ губерній, католическаго исповѣданія, находятся на службѣ по всѣмъ вѣдомствамъ и занимаются частными и другими дѣлами. Людямъ этимъ, по моему убѣжденію,—приписываютъ болѣе зловредности относительно къ мысли о возстановленіи своей самобытности. Они насъ ненавидятъ даже и не на основаніи историческихъ воспоминаній, а просто отъ мѣстныхъ, часто самыхъ ужасныхъ притѣсненій правителей, которые болѣе и болѣе отдаляютъ ихъ отъ единства съ главою всѣхъ славянскихъ племень; примѣровъ здѣсь не нужно—они слишкомъ явны. Люди эти, разсѣянные во всѣхъ слояхъ общества, ищутъ всегда вредить существующему порядку вещей изъ естественнаго побужденія къ мести. Принявшись ловко за нихъ, они безсознательно будутъ содѣйствовать видамъ правительства—я знаю это по опыту. Одно духовенство ихъ, и чаще въ высшихъ степеняхъ, есть самая зловредная пропаганда, питающая въ народѣ злобу противу насъ. Это отличительная черта духа католицизма всѣхъ временъ—а отъ того шаткость всѣхъ католическихъ державъ. Выборъ безпристрастный въ духовенство, наблюденіе, которое бы оно знало, что существуетъ, было бы достаточнымъ къ обузданію поляковъ, живущихъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, и вообще внѣ отечества своего, въ которомъ однѣ эти мѣры конечно были бы не достаточны.

Иностранцы разныхъ сословіи и вступившіе въ наше подданство при началѣ настоящей войны есть сословіе, требующее, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ С.-Петербургѣ, особеннаго и самаго бдительнаго вниманія. Большая часть неблагонамѣренныхъ слуховъ распускается ими съ особенною ли цѣлю, или просто по болтовнѣ, когда собираются по дѣламъ своихъ торговыхъ сношеній, и несравненно чаще подъ видомъ ихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ нелѣпые слухи выходятъ отъ нихъ и распространяются въ слояхъ народа. Здѣсь одно средство противодѣйствовать противоположными слухами и тѣмъ успокаивать народъ.

Изъ учебныхъ заведеній здѣсь должна обращать вниманіе едва-ли только не одна Медико-Хирургическая Академія, въ которой есть многочисленный сбродъ вольнослушающихъ, почти безъ всякаго надзора живущихъ на частныхъ квартирахъ. Онъ составленъ преимущественно изъ поляковъ и русскихъ изъ духовнаго званія, частію изъ нѣмцевъ и жидовъ. Первые, по общему засвидѣтельствуванію, лучшіе ученики, но поведенія вольнаго, часто по-

отъзѣжающихъ. Для хорошо-устроенной тайной полиціи это драгоцѣнный источникъ—къ почерпанію свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ; но такъ, чтобъ они не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Я знаю это на опытѣ въ продолженіе многихъ порученій такого рода: въ 1813—1815, 1827—1830 и наконецъ съ 1841 по 1852 годъ.

зволюющіе себѣ такіе поступки, которые въ настоящее время въ особенности должны бы зорко быть наблюдаемы. Я не говорю здѣсь о профессорахъ вообще: каждый изъ нихъ уже обозначился и такъ конечно извѣстенъ правительству.

Такъ называемыя воспаленныя воображенія, напитанныя утопіями за границую, и здѣсь, посредствомъ безчисленнаго множества у насъ запрещаемыхъ книгъ, принадлежать ко всѣмъ почти классамъ. Они силятся доказывать выгоды или неудобства того или другаго рода правительства. Часто краснорѣчіемъ своимъ распространяютъ вредныя понятія въ людяхъ, которые до того времени не постигали многого. Собственно сами они вообще не заслуживаютъ никакого вниманія, и, кромѣ вышеупоминаемаго, крикуны эти не въ силахъ ничего произвести важнаго въ мнѣніяхъ основательно недовольныхъ. Толкуя только изъ книгъ о законодательствѣ и преобразованіи правительствъ, они, не имѣя ни заслугъ, ни опытовъ, чужды истиннымъ причинамъ негодовація тѣхъ, которые имѣютъ на своей сторонѣ заслуги и опытность¹⁾, а потому и презираются сими послѣдними.

Духовенство наше, какъ и вездѣ, имѣетъ сильное вліяніе на массу народа. Излишне приводить этому здѣсь примѣры послѣдняго времени. У насъ же классъ этотъ раздѣленъ на исповѣданія: православное, католическое, лютеранское, армянское, еврейское, магометанское и др. Въ 1808 году мы видѣли вліяніе пасторовъ въ Финляндіи; въ 1812—нашихъ священниковъ въ Россіи, и польскихъ ксендзовъ—въ 1831 году. Нѣтъ мѣры зоркости, которая была бы достаточна относительно лицъ, этотъ классъ составляющихъ. Я не буду говорить ни о пасторахъ разныхъ сектъ, ни о ксендзахъ разныхъ орденовъ, особенно враждебныхъ правительству, ни о раввинахъ и муллахъ; но обращу вниманіе только на нашихъ священниковъ, изучившихъ богословіе съ точки философической, а потому проникнутыхъ съ юныхъ лѣтъ болѣе или менѣе Западомъ... Вліяніе такихъ священниковъ на народъ конечно уже не таково, какъ это было въ 1812 году. Предметъ этотъ, по особенной важности своей, требуетъ пространнаго развитія.

Нынѣшніе крестьяне во всѣхъ совершенно отношеніяхъ уже не тѣ, которыми они были въ 1812 году; была бы грубая ошибка сливать идею о тѣхъ и другихъ въ одно. Здѣсь излишне доказывать это.

¹⁾ Хорошо устроенная тайная полиція очень легко наблюдаетъ за ними и не только что можетъ ихъ заставлять выговариваться, но и ловкимъ образомъ содѣлать ихъ своими агентами, которые, не подозрѣвая того, будутъ съ успѣхомъ дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ, которыя имъ будетъ давать умный агентъ. Такъ дѣйствовали во Франціи въ разныя эпохи и такъ отчасти здѣсь, въ дѣлѣ Петрашевскаго.

Въ С.-Петербургѣ есть наконецъ сбродъ людей, который хотя и встрѣчается въ другихъ столицахъ, но въ несравненно меньшемъ размѣрѣ, а при томъ не такъ разнообразенъ, какъ здѣсь. Въ С.-Петербургѣ находится отъ 15.000 до 20.000, а можетъ быть гораздо болѣе народа, почти денно и ночью пребывающаго въ гостиницахъ, трактирахъ, ресторацияхъ, харчевняхъ всѣхъ разрядовъ, въ такъ называемыхъ заведеніяхъ, кафе-ресторанахъ съ бильярдами, ренсковыхъ погребахъ съ правомъ распивочной продажи, портерныхъ, штофныхъ и табачныхъ лавочкахъ, водочныхъ магазинахъ, кабакахъ, публичныхъ домахъ, многочисленныхъ картежныхъ сборищахъ и т. п.

Классъ этотъ состоитъ изъ различныхъ сословій, а именно: изъ выключенныхъ изъ службы и отставныхъ чиновниковъ — сомнительнаго поведенія, нерадивыхъ и часто неспособныхъ къ гражданскимъ служебнымъ занятіямъ; изъ купцовъ и купеческихъ дѣтей и такъ называемыхъ проторговавшихся; изъ иностранцевъ и поляковъ, изъ мѣщанъ, изъ вольноотпущенныхъ, изъ дворовыхъ и другихъ крѣпостныхъ людей, изъ военныхъ дезертировъ и другихъ бѣглыхъ, даже преступниковъ, снабженныхъ фальшивыми видами, а многихъ и вовсе безъ оныхъ.

Всѣ они большею частію ведутъ жизнь праздную и, привыкнувъ къ оной, весьма естественно, для существованія своего, прибѣгаютъ къ разнымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ, обращающимся наконецъ въ промыслъ воровства и мошенничества всѣхъ родовъ: дѣланію всякихъ фальшивыхъ денегъ и документовъ, составленію ябедническихъ прошеній, картежному шулерству и другимъ обманамъ. Многие изъ нихъ опредѣляются въ сидѣльцы, прикачки, въ лакеи, повара, дворники и тому подобныя должности, съ цѣлію — красть, или выматривать для содѣйствія, потомъ, товарищамъ своимъ къ кражамъ, а вълѣдствіе этого и мѣняють безпрерывно мѣста ¹⁾). Изъ нихъ большая часть неоднократно находилась по воровству подъ слѣдствіемъ и судомъ, но, несмотря на это обстоятельство, оставались почти всегда, по недостатку доказательствъ, въ одномъ лишь подозрѣніи!

Весь этотъ классъ, вредный для спокойствія столицы во всякое время, нынѣ долженъ обращать на себя еще болѣе вниманія.

У насъ нѣтъ положительнаго закона, который бы могъ безусловно класть преграду разгулю этого класса, равно и быстрому увеличенію онаго. Одна административная власть можетъ въ

¹⁾ Весьма замѣчательно, что содержащіеся подъ арестомъ за воровство находились большею частію въ услуженіи въ помянутыхъ должностяхъ.

этомъ случаѣ дѣйствовать; но и она что можетъ сдѣлать? Выслать за городъ, или на мѣсто родины, откуда высланные тотчасъ возвращаются опять въ столицу, но уже подъ другими именами и съ другими видами, всегда фальшивыми, или направляются въ другое мѣсто. Во всякомъ случаѣ классъ этотъ вреденъ вездѣ, начиная отъ столицы—до селенія, а въ этомъ послѣднемъ иногда еще вреднѣе.

Въ настоящее время болѣе энергическая мѣра, въ отношеніи этихъ людей, съ цѣлю очистить сколь возможно отъ нихъ столицу, не удобна по многимъ причинамъ, а между тѣмъ предусмотрительность необходимо требуетъ ихъ уменьшенія ¹⁾.

Раскольники, составляющіе многіе толки, секты и ереси, въ настоящее время, какъ никогда болѣе, обращаютъ на себя вниманіе по множеству причинъ. Два главныхъ ихъ раздѣленія: одно чисто религіозное, до сего бывшее безвреднымъ, и другое—основанное на пророчествахъ людей, являющихся изъ среди ихъ самихъ. Эта вторая община была всегда, а нынѣ въ особенности есть величайшее зло, разлитое по всему пространству государства. Одни изъ этихъ сектъ, ересей и толковъ не признаютъ государя и законныхъ властей; другіе проповѣдуютъ, что есть другой законный царь, скрывающійся до поры до времени, и что ударъ колокола Успенскаго собора дастъ знать общему сосредоточенію его дѣтей, для возстановленія разрушенной соборной церкви. Какъ ни нелѣпо это мнѣніе, но свойство русскаго народа вѣрить въ подобныя бредни имѣетъ свое значеніе. Не ходя слишкомъ далеко, не упоминая наприимѣръ о томъ несчастномъ времени, когда то же самое имя, которое скопцы почитаютъ живымъ и бессмертнымъ, было присвоено простымъ казакомъ ²⁾ и народъ увлекся вслѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже священники, которые потому только не исполнили безусловное приказаніе самозванца поминать на эктеніяхъ супругу его благовѣрную государыню Устинью Никифоровну, что не имѣли на то указа изъ Синода! Укажемъ изъ весьма недавнихъ событій на движеніе, произведенное въ Волжскихъ губерніяхъ слухомъ о дозволеніи будто бы помѣщичьимъ крестьянамъ переселиться на Сыръ-Дарью; при чемъ примѣшано было имя во Бозѣ усопшаго великаго князя Константина Павловича. Народъ русскій, по врожденному ему религіозному благоговѣнію къ особамъ августѣйшаго дома, склоненъ принимать о нихъ всякіе рассказы, какъ бы они ни были чудесны и неимовѣрны, и именно ни-

¹⁾ Я воздерживаюсь объяснять мое мнѣніе о возможности избавиться этихъ людей не безъ пользы правительству.

²⁾ Пугачевымъ.

какъ не удостовѣряется въ ихъ кончинѣ, а всегда любитъ предполагать ихъ живыми—только скрывшимися по какимъ-либо обстоятельствамъ. Эта увѣренность въ массахъ обыкновенно спитъ, но только до поры до времени. Изувѣрство, особенно въ рукахъ неблагонамѣренности, можетъ разбудить ее и направить къ произведенію важныхъ безпорядковъ. Одна мысль, что живетъ еще другой царь, и царь истинный, законный,—есть искра, которой никакъ нельзя допускать, таится въ народѣ. Здѣсь должно замѣтить еще расположеніе нашего народа къ преклоненію слуха къ пророчествамъ, въ особенности если оныя сложены въ народномъ духѣ. Не распространена ли сумасбродная молва между многими сектаторами, а отъ нихъ и въ части народа,—что императоры Петръ III и Александръ I еще живы. Огромное дѣло, произведенное въ Новороссійскомъ краѣ очень недавно, доказываетъ распространеніе этого мѣтнія и внѣ предѣловъ помянутаго края и обнаруживаетъ, что императоръ Петръ III прислалъ уже намѣстника своего для управленія народомъ до его прибытія.

Не видѣли ли мы въ 1847 году, на основаніи слуховъ же, почти поголовное движеніе всей Витебской губерніи къ Петербургу, остановленное уже на половинѣ пути подъ Порховымъ, при посредствѣ благовременнаго и рѣшительнаго дѣйствія вооруженной силы—обстоятельство, показывающее вмѣстѣ, какъ легко производить подобныя увлеченія въ толпахъ, ибо въ то же самое время такія же движенія обнаруживались еще въ трехъ губерніяхъ—Воронежской, Куреской и Саратовской⁴⁾. Давно ли въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ думали видѣть въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Павловича? Здѣсь не мѣсто приводить очень недавніе еще примѣры вліянія и дѣйствія подобнаго обаянія. Въ С.-Петербургѣ, разсадникѣ этихъ бредней, съ 1843 по 1852 годъ положена была преграда, но съ того времени зло это начало быстро развиваться, и сказанія и пророчества опять стали распространяться. Удивленіе усиливается, когда видимъ, что это сумасбродство раздѣляется между возвышенными и даже просвѣщенными лицами, пророчествующими въ такихъ собраніяхъ своихъ, что свидѣтельствуется фактами съ 1816 по 1852 годъ, когда обращалось на это вниманіе. Здѣсь можно было бы сказать многое. Замѣчу только, что изувѣрскія пророчества скопцовъ начали находить опять въ народѣ свои жертвы. Съ 1852 года появились новые скопцы; по

⁴⁾ Примѣч. Іюля 1856 г. Нынѣ движеніе въ Малороссійскихъ губерніяхъ и къ нимъ прилегающихъ, не доказываетъ ли, какъ легко русской поселянинъ преклоняется къ слухамъ, какъ бы они ни были нелѣпы. Двигатели должны быть непремѣнно.

народной молвъ учредились молеельны, появились учителя-рѣзакъ и т. д. Хлысты развиваются въ сильныхъ размѣрахъ и т. д. Обѣ ереси эти не имѣютъ ничего общаго съ христіанскою религіей: онѣ основаны на пророчествѣ и ожидаютъ блаженства въ настоящей жизни. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе и секта поклонниковъ Наполеону. Она въ 1821 году появилась въ одно почти время между католиками въ Бѣлостокѣ и русскими—во Псковѣ. Наконецъ, въ 1846 году была уже въ большихъ размѣрахъ открыта въ Москвѣ и слѣдима до 1851 года. Поклонники эти утверждаютъ, что Наполеонъ живъ и явится въ Россію вмѣстѣ съ императоромъ Петромъ III для предводительства арміею и проч. Настояція событія не будутъ ли питать ее ¹⁾?

Я сказалъ выше, что чистые религіозные раскольники до сего времени были безвредны въ политическомъ значеніи; но нынѣ это сдѣлалось совершенно инымъ, и въ настоящее время они едва-ли не требуютъ особенно благоразумныхъ правительственныхъ мѣръ. Цѣль ихъ ясно обозначалась письмомъ пойманнаго, по распоряженію графа Перовскаго, въ 1847 году русскаго раскольничьяго изъ Австріи лжеархимандрита Геронтія, прибывшаго въ Москву съ особенною цѣлю, обнаружившеюся еще болѣе слѣдствіемъ, произведеннымъ по Высочайшему повелѣнію. Стремленіе получить духовное вліяніе изъ Австріи на многочисленнѣйшую и зажиточнѣйшую массу нашего народонаселенія не ослабѣваетъ, но съ каждымъ днемъ усиливается. Посвященные въ Австріи лжепопы наводняютъ Россію, достигая до Кавказа, а главное Сибири, и теперь въ Москвѣ и ея окрестностяхъ есть два такіе лжеархіерея съ нѣсколькими своими попами. Они извѣстны правительству, и оно, въ продолженіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ищетъ ихъ; но, по многимъ причинамъ,—безъ успѣха. Здѣсь не нужно говорить о важности этого предмета, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, и слѣдовало бы обратить особенное вниманіе ²⁾ именно только на этихъ выходцевъ безъ всякаго стѣсненія раскольниковъ: должно искать корня зла, не подвергая истязаніямъ тѣхъ, которые, естественно, не укажутъ на своихъ духовныхъ лицъ. Благо-

¹⁾ Примѣч. Іюля 1856 г. Въ настоящее время это еще болѣе важно.

²⁾ Австрія не легко отстанетъ отъ достиженія этихъ закулисныхъ покуда видовъ. Въ особой запискѣ о раскольникахъ въ мартѣ сего года предметъ этотъ пространно рассмотрѣнъ.

Примѣч. Іюля 1856 г. Съ отдѣленіемъ Придунайской Бессарабіи несомнѣнно возстановится злѣйшій монастырь ихъ въ Кислицѣ и повлечетъ удобно изъ Россіи раскольниковъ.

разумныя мѣры правительства будутъ достаточны, не ше велика масса, изъять изъ нихъ ядъ. Дѣйствія послѣднихъ трехъ лѣтъ образовали у насъ раскольниковъ скрытныхъ, чего до сихъ поръ не было; показавъ видъ присоединенія, чтобъ избѣгнуть гоненій, они образовали у себя многія тайныя молельни и такимъ образомъ, уклонившись надзора мѣстной полиціи, получили бѣльшій просторъ къ своимъ дѣйствіямъ, прикрываясь на ружнымъ присоединеніемъ къ благословенной или единовѣрческой церкви. Здѣсь нельзя не замѣтить, что въ настоящую эпоху, когда всѣ сословія, составляющія великую семью Россіи, стремятся на ея защиту и тѣломъ и имуществомъ, только одни раскольники остаются равнодушными; ни одинъ изъ нихъ не изъясилъ готовности быть охотникомъ на-ряду православныхъ и другихъ исповѣданій. Въ пожертвованіяхъ, на которыя они были такъ щедры въ 1812 году и въ послѣдующіе во время бѣдствій отъ голода и холеры, нынѣ сдѣлались къ тому вовсе чуждыми. Нельзя наконецъ не замѣтить, что въ послѣднія 15 лѣтъ западная Европа обратила особенное свое вниманіе на наши расколы многими своими періодическими изданіями, а въ 1851 году Бюловъ посвятилъ въ сочиненіи своемъ длинную главу, въ которой онъ именно говоритъ, что расколъ нашъ составляетъ естественную оппозицію—и главы Государства и религіи; что онъ болѣе и болѣе усиливается, и, подобно вулкану, подрываетъ ея могущество и т. д. Конечно, вздоръ этотъ падаетъ передъ истиною исторіи, но онъ не можетъ не одушевлять самонадѣянности раскольниковъ, изъ коихъ многіе знаютъ языки, и единовѣрцы ихъ во множествѣ, не говоря о Турціи, населяютъ Пруссію и Австрію ¹⁾).

При заключеніи о раскольникахъ нельзя умолчать о славянофилахъ. Длинно было бы говорить о странности ихъ появленія въ Россіи, гдѣ народность, т. е. славянскій элементъ, ничѣмъ не угрожается (уже одною числительностію своею въ 40 милліоновъ) подобно какъ въ Австріи, гдѣ онъ угрожался католицизмомъ, лютеранизмомъ и огерманизированіемъ, т. е. слитіемъ въ одну форму. Здѣсь замѣчу только, что наши славянофилы и раскольники стремятся

¹⁾ Обѣздъ всѣхъ губерній, въ особенности сибирскихъ, необходимъ, чтобъ получить полное понятіе о нравственномъ состояніи оныхъ. Но для сего нужно употребить одного человѣка, конечно способнаго и вѣрчиваго, иначе—нѣтъ возможности для правительства получить ясное понятіе обобщей картинѣ, потому что оно будетъ лишено возможности сравненія: ибо каждый человѣкъ—какъ бы онъ ни былъ благонамѣренъ и способенъ,—имѣетъ свою точку зрѣнія.—Въ такихъ случаяхъ лучше посылать одного за другимъ, но не иначе, какъ для общаго начертанія. Графъ Перовскій предполагалъ это сдѣлать.

къ одной цѣли—старинѣ. Первые составляютъ общество людей извѣстныхъ или своимъ происхожденіемъ, или свою ученостію; они стремятся возстановить старые обычаи, языкъ, даже одежду; всѣ сочиненія ихъ дышутъ этимъ духомъ. Другіе многочисленны, зажиточны, многіе даже чрезвычайно богаты, грубы и невѣжественны, стремятся къ возстановленію прежнихъ церковныхъ обрядовъ. Между славянофилами и раскольниками бывають разглагольствованія насчетъ религіи, публично, при стеченіи народа, въ Кремлѣ на Красной площади, въ извѣстные дни года; а самые эти споры, конечно, никогда не увѣнчивающіеся убѣжденіемъ раскольниковъ въ ихъ заблужденіяхъ, служатъ взаимнымъ сближеніемъ, и многіе изъ нихъ знакомы, посѣщая другъ друга. Можетъ быть, славянофилы не имѣють никакой злонамѣренной цѣли и въ случаѣ какихъ-либо обстоятельствъ и не будутъ руководить массы раскольниковъ, но въ настоящее время, по моему мнѣнію, они разъединяють единство великой семьи, возставая противъ всѣхъ вѣрно-подданныхъ нечисто славянскаго происхожденія и неисповѣдающихъ православіе. Такое дѣйствіе славянофиловъ питаетъ взаимную, до сихъ поръ еще только тайную вражду, и зло, отъ сего произойти могущее, не исчислимо.

Таковы элементы столицы и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Въ этихъ слояхъ народонаселенія распускаются толки, которыхъ не желательно бы видѣть распространеніе. Успѣхи видимы, ибо очень часто встрѣчаются люди, которые, при полученіи извѣстій изъ арміи, какъ-бы радуются о неудачахъ и, не смѣя положительно высказаться, показываютъ явную недовѣрчивость къ обнародуемымъ у насъ извѣстіямъ, давая болѣе вѣры получаемымъ изъ-за границы. Эта пропаганда должна имѣть свой источникъ. Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ классахъ, въ которыхъ часто встрѣчается нестерпимое равнодушіе ко всему тому, что должно бы было быть такъ близко къ сердцу каждаго русскаго въ настоящее время: въ особенности обращаютъ на себя вниманіе слухи въ народѣ, которые никакъ не могли сами родиться въ головѣ простаго русскаго человѣка. Конечно, скажутъ, что это вздоръ, болтовня, но если этотъ вздоръ укоренится и не будетъ разсѣиваемъ противоположнымъ, то какія могутъ быть отъ сего послѣдствія? Въ 1812 году грамотность не такъ была распространена въ народѣ, какъ нынѣ, но не менѣе того выходили собственно для него, за самую ничтожную цѣну мелкія, доступныя ему, печатныя книжечки, листки, каррикатуры, которые веселому характеру русскаго народа служили пищею къ остроумамъ и заглупали то, что могло быть ему внушаемо людьми зловредными. Нынѣ ничего подобнаго нѣтъ (какъ говорятъ потому, что это не совмѣстно съ достоинствомъ Россіи!..), а если что и является въ этомъ родѣ, то, по цѣнѣ, недоступной для простолюдиновъ. Народъ, сдѣлавшись нынѣ по-

грамотѣе, спѣшить въ харчевню, въ чайныя рестораціи и тамъ читаетъ въ газетахъ политическія извѣстія, слушаетъ толкованія людей, можетъ быть и не совсѣмъ благонамѣренныхъ (а въ газетахъ проскакиваютъ такія вещи, которыхъ нежелательно бы видѣть продолженія). Словомъ, народъ не имѣетъ нищи для остротъ и выходокъ природнаго своего характера. Не распространяюсь о семъ болѣе. Усыпляются тѣмъ, что дворянство и народъ (исключая раскольниковъ) спѣшить въ ополченіе. Это такъ. Каждый русскій, на призывъ своего государя, готовъ на защиту; но это самоотверженіе толкуется иначе: глухая молва говоритъ, что дворянству будетъ прощень, или, по крайней мѣрѣ, отсрочень безъ процентовъ долгъ Опекунскаго совѣта, а народу — что онъ будетъ, по распущеніи ополченія, свободнымъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ начинались уже беспорядки на этомъ основаніи. Повторяю, что по моему убѣжденію не подлежитъ никакому сомнѣнію, что есть люди, старающіеся поколебать могущество Россіи внутри ея. Они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, не упуская даже самыхъ ничтожныхъ, самыхъ безтолковыхъ.

Такъ приготовленные умы могутъ ли остаться спокойными и по окончаніи этой борьбы? Послѣ войны 1812—1815 года мы видимъ результатомъ замыслы, гласно уже обнаружившіеся въ 1825 году; послѣ турецкой войны 1828 и 1829 годовъ Севастополь, Старая Руса, С.-Петербургъ, Тула и др. были позорищемъ беспорядковъ. Образовалось возмущеніе Польши; послѣ укрощенія онаго явилось множество поклонниковъ различнымъ западнымъ утопіямъ, изъ которыхъ образовались различныя общества въ Малороссіи, Кіевѣ, Вильнѣ, и въ 1848 году графъ Перовскій напалъ на слѣдъ тайнаго общества и, по совѣщаніи съ графомъ Орловымъ, первый сдѣлалъ распоряженіе о наблюденіи за онымъ, съ такою тайною, что въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ она была для всѣхъ непроницаемою. Изъ найденныхъ бумагъ видно было, что общество это существовало уже въ 1843 году и находилось подъ управленіемъ Спѣшнева; главными дѣятелями онаго были: Петрашевскій, Монбели и Дебу ¹⁾. Въ сущности же оно оказалось опаснѣе бывшаго заговора въ 1825 году, гдѣ исключительно принимали участіе только дворяне и преимущественно военные, такъ, что другіе классы вовсе были чужды онаго. Между тѣмъ какъ этотъ заговоръ включалъ въ себѣ безъ изыятія всѣ сословія: здѣсь, возлѣ гвардейскихъ офицеровъ и начальниковъ отдѣленій министерства иностранныхъ дѣлъ, находились художники, купцы, ремесленники, мѣщане, лавочники и т. п. Агенты находились во многихъ губерніяхъ; своя типографія, своя бібліотека, учрежденныя

¹⁾ Это не совсѣмъ вѣрно.

собранія, а главное—дѣйствіе посредствомъ учителей на юное поколѣніе; взятые курсы со множествомъ замѣчательныхъ бумагъ—указываютъ о зловредности пропаганды. Обстоятельства 1849 года требовали смягченія взгляда на это дѣло и на дѣйствія многихъ изъ рьяныхъ членовъ, подлежащихъ законной отвѣтственности; но не менѣе того сентенція 21 человѣка къ разстрѣлянію, обнародованная во всѣхъ газетахъ, доказываетъ важность этого заговора, ибо при каждомъ прописанъ былъ проступокъ. Преступно думать, смѣло могу сказать, чтобы закваска эта до сихъ поръ не таилась въ сотняхъ сообщниковъ этого заговора. Посѣянная сѣмена идей дадутъ плодъ, если правительство не поспѣшитъ предусмотрительно обратить своего вниманія, какъ собственно на нихъ самихъ, такъ и на ихъ (покуда подъ рукой) дѣйствія. Пропаганда запада проникла въ нашъ бытъ; его единомысленцы разсѣяны на всемъ пространствѣ; безразсудно было бы отрицать, чтобы между ними не было агентовъ, подготовляющихъ умы нелѣпными обаяніями. Мы видимъ примѣры тому: это дѣлалъ Ледюкъ въ Финляндіи и на Аландскихъ островахъ, и жители оныхъ не оправдали нашихъ ожиданій. Едва непріятель сдѣлалъ высадку, какъ аландцы остались не только-что равнодушными, но и оказывали непріятелю угодливость, которой очень могли бы избѣжать. Шкипера на союзномъ флотѣ въ прошломъ году были многіе финляндцы, а въ настоящемъ ихъ конечно еще болѣе. Англійская политика, не имѣющая ничего святаго, какъ показываетъ исторія, не отстаетъ отъ достиженія своей цѣли. Для нея всѣ пути позволительны—послѣ неудачъ въ открытой борьбѣ, она не затрудняется прибѣгать къ самымъ адскимъ мѣрамъ. Мы видимъ это на каждомъ шагѣ. Въ 1853 году, по выѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя, французскіе агенты посольства: Лонжевиль и Бертоми объѣзжали Восточную Болгарію и части придунайскихъ княжествъ; въ то же время два англійскихъ чиновниковъ посольства объѣзжали западную часть этого края. Они, съ содѣйствія греческаго духовенства и съ помощью мѣстныхъ властей, отбирали отъ болгаръ подписи и сдѣлали сильный переворотъ въ умахъ ихъ, а безъ соучастія болгаръ, каждая наша война въ тѣхъ мѣстахъ не можетъ быть успѣшна. Агенты эти достигли покуда того, что 1854 году уже два конные полка изъ болгаръ содержали передовую цѣпь турковъ, вовсе не способныхъ къ этому роду службы, а болгары не многимъ уступятъ казакамъ. Кетли, англійскій консулъ въ Керчи, приготовилъ татаръ ¹⁾, которые за мѣсяць предъ измѣной присягали намъ въ вѣрноподданствѣ и тѣмъ успокоили нашу бдительность, тогда-какъ пять-шесть коноводовъ изъ нихъ

¹⁾ Отецъ и братъ этого Кетли—здѣсь въ С.-Петербургѣ. Неужели дѣйствія керченскаго Кетли были тайною для мѣстныхъ властей?

могли бы быть удалены изъ края не въ видѣ наказанія, но такъ, какъ мудрый императоръ Александръ I сдѣлалъ это съ коноводами Виленской губерніи въ 1812 г. Что же изъ всего этого вытекаетъ? Конечно то, что необходима благоразумная бдительность въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ нашего государства, въ которыя непріятель можетъ проникнуть. Усыпленіе, основанное на словѣ: все благополучно, здѣсь имѣть мѣста не можетъ; къ несчастію, примѣры противоположнаго мы встрѣчаемъ въ событіяхъ. Неужели хорошо устроенная тайная полиція, распределенная на всемъ пространствѣ государства, не могла предусмотрѣть и отклонить многіе безпорядки прежде, нежели они обнаружались между крестьянами въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ разныхъ губерній? Безпорядки эти вдругъ не могли возникнуть на разныхъ конечностяхъ, на одномъ и томъ же основаніи!

Молодые наши офицеры, образованные въ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ истинно отеческимъ попеченіемъ, въ глазахъ общаго нашего отца, будучи разосланы по полкамъ, не утвердившіеся еще въ святости своихъ обязанностей, неоспоримо должны быть подвержены соблазну: 1825 и 1849 годы къ несчастію доказываютъ это; нашлись же изъ нихъ такіе, которые, забывъ все, чѣмъ они обязаны, все, что должно было быть для нихъ свято—предались обаяніямъ зловредныхъ утопій, стремленію созидать лучшее. Это начинается всегда разсужденіемъ о неправильномъ дѣйствіи начальника, о его способностяхъ, а тамъ далѣе и далѣе. Люди ограниченные, или не вникающіе въ сущность столь важнаго предмета, говорятъ, что это духъ времени, что противъ этого нѣтъ преградъ, что человѣческая сила не остановитъ его и т. п. По моему убѣжденію, это не имѣетъ добросовѣстнаго основанія. Кадеты, образованные въ глазахъ Монарха и достойныхъ ближайшихъ руководителей, вливающихъ въ нихъ высокія правила нравственности и священныхъ обязанностей, снабженные всѣмъ, въ роскошномъ помѣщеніи, вдругъ, съ производствомъ въ офицеры, переносятся на всѣ лишенія, въ кругъ людей, на квартирахъ, не въ уровень съ своимъ образованіемъ, съ своими, повторяю, не утвердившимися еще правилами, они, естественно, не могутъ устоять противъ соблазна, если не охраняемы свыше лицомъ, умѣвшимъ внушить имъ къ себѣ уваженіе и довѣренность, не говорю о корпусныхъ и дивизионныхъ начальникахъ; но святая обязанность эта ближе всего лежитъ на полковыхъ начальникахъ, которые должны быть отцами этихъ молодыхъ офицеровъ, перенесшихъ столь разительно измѣнившійся ихъ бытъ во всѣхъ совершенно отношеніяхъ.

Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятіе, что всякій заговоръ рождается въ головѣ одного, или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ тоже весьма

немногихъ. Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны; имъ нужна физическая сила, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ. При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать разными путями и всегда пропагандою возбуждать всѣ классы къ негодованію на правительство, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду. Находясь же на должностяхъ, они ищутъ всю возможность къ несправедливымъ самоуправствамъ, къ безнаказаннымъ притѣсненіямъ; возбуждать ропотъ въ чиновникахъ, которые, оставляя службу, распространяютъ оный на существующій порядокъ вещей. Такимъ образомъ слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобъ произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидятъ, что онъ принимаетъ характеръ серьезный, согласно съ тою степенью, которую тщеславіе ихъ себѣ предназначало. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ вначалѣ дѣйствія свои стремленіемъ ввести, будто-бы, порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же самими подъ рукою произведенной и раздуваемой, и такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои, и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. И такъ сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями физическая сила, которую составляетъ низшій классъ въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлю грабежа, наживы, личнаго мщенія и даже съ одною мыслию воспользоваться и насладиться хотя минутнымъ только безначаліемъ. По принятому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному, правилу, настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ мѣстѣ кровопролитія, оставляются ненаказанными, хотя они были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами. Ихъ извиняютъ тѣмъ, что они завлекали другихъ, сами бывъ увлечены ложными убѣжденіями, фанатизмомъ, молодостію, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посѣянію въ массахъ вредныхъ сѣмянъ, которыя, рано или поздно, но неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ! Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разгонять всѣми мѣрами скопляющуюся грозу прежде, чѣмъ она успѣетъ развиться, есть единственное средство отратить пагубныя ея по-

слѣдствія. Лица, на коихъ возложена эта важная часть, въ особенности въ настоящее время должны охранять верховную власть и не доводить ее до необходимости наказывать, когда преступленіе уже обнаруживается своимъ плодомъ. Эти мѣры всегда производятъ неприятное впечатлѣніе на народъ.

Русскій народъ свято чтитъ своихъ законныхъ государей; каждый изъ нихъ есть, въ его понятіи—земной Богъ; но нынѣ, независимо этого возрожденнаго чувства, онъ любилъ своего царя, какъ человѣка, за душевную доброту, содѣлавшуюся извѣстной съ давняго времени; чти-мость эта распространяется и вообще на особъ августѣйшаго дома. Направить народъ прямо къ измѣнѣ противъ государя нѣтъ никакой возможности; эта мысль не сродна русскимъ. У насъ не только что въ народѣ безъ исключенія, но и въ возвышенныхъ классахъ, есть врожденное господствующее убѣжденіе, что всякая несправедливость, всякое притѣсненіе—невѣдомы царю, а потому у каждаго изъ насъ на языкѣ: «еслибы зналъ о томъ государь». Этимъ мы отличаемся отъ всѣхъ другихъ народовъ, у которыхъ всѣ волненія направляются прямо противъ главы правительства, а у насъ—напротивъ, онъ почитается источникомъ добра и ненавистникомъ зла и несправедливости. Вотъ незыблемое до сихъ поръ основаніе могущества нашего государства, которое обязано охраняться отъ попытокъ, направленныхъ на разрушеніе онаго. Негодованіе же нашего народа всегда направлялось противъ министровъ и другихъ правителей, которыхъ всегда и теперь почитаютъ за своихъ притѣснителей, дѣйствующихъ вопреки волѣ государя (царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ, говоритъ народъ). Мы видимъ разительный тому примѣръ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича: возставшій народъ потребовалъ собственной расправы надъ Морозовымъ и Плещеевымъ, и было трудно обуздать его ¹⁾. Имѣя же расположеніе преклонять слухъ ко всевозможнымъ нелѣпостямъ, нынѣ ловко въ его народномъ духѣ распускаемымъ, нѣтъ ничего легче, какъ подвигнуть массу къ безпорядку, если она не охраняема отечески отъ людей, распускающихъ оныя.

Русскій народъ, какъ говоритъ наша пословица, не гонится за тычкомъ; ему нужно только открыть возможность приносить жалобу, когда онъ притѣсняется, обкрадывается и т. п. Начальникъ, принимающій просителей ласково и всегда доступный, еслибы и не удовлетворилъ, правда, часто странныя жалобы, не огорчаетъ просителя, онъ остается довольнымъ, какъ бы сбросивъ съ души какую-либо тяжесть. Управление графа Перовскаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ слу-

¹⁾ Такъ въ новгородскихъ поселеніяхъ требовали графа Аракчеева.

жить торжественнымъ тому доказательствомъ. Каждый зналъ, что можетъ принести во всякое время дня и ночи свою жалобу, не терпящую отлагательства въ исполненіи; каждый былъ увѣренъ, что ни одно противозаконіе не будетъ оставлено имъ безъ всякаго вниманія по какимъ-либо отношеніямъ. Это успокоивало массы, а потому не дѣлало недовольныхъ на правительство. Предметъ, который, по важности результатовъ своихъ, обращаетъ на себя вниманіе, въ особенности же въ настоящее время... ¹⁾).

Плоды успѣховъ—возрастанія нѣкоторыхъ бѣдствій, отчасти видны были изъ дѣла Спѣшневая или Петрашевскаго; въ немъ выведено было нѣсколько обстоятельствъ, доказывающихъ это возрастаніе; такъ напр. случаевъ убійства помѣщиковъ своими крестьянами въ 1846 году было 12, а 1848—18. Случаевъ неповиновенія крестьянъ массами въ 1846 году было 27, а въ 1848—45 (изъ нихъ въ казенныхъ селеніяхъ въ первый годъ только 2, а въ послѣдній 4). Одинаково замѣчательно и изумительно ежегодное увеличеніе прогрессіи наказываемыхъ здѣсь, въ столицѣ, въ сѣзжихъ домахъ за грубость, буйство, неповиновеніе дворовыхъ людей, посылаемыхъ ихъ господами. Наконецъ пожаровъ: въ 1846 году въ городахъ было 92, въ селеніяхъ 6.496, а въ 1848 г.—въ городахъ 109, въ селеніяхъ 10.312! Обнаруженныхъ поджоговъ въ селеніяхъ въ 1846 г. было 84, въ 1848—102. Обстоятельство это невольно ведетъ какъ бы къ заключенію о существованіи у насъ пропаганды п а у п е р и з м а. Не извѣстна мнѣ прогрессія послѣдующихъ годовъ, она, конечно, не уменьшалась²⁾). Все это невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Во всякомъ случаѣ должно искать противоядія, которое можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализовать его разрушительное дѣйствіе. За 20 или 10 лѣтъ, можно было удовольствоваться тѣмъ, чтобы, напавши на корень зла, подрѣзать его, и тѣмъ все бы затушилось, уничтожилось. Теперь корень этотъ, какъ видно, разросся крѣпко; ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собою весь воздухъ общественной жизни. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, и я полагаю, что съ идеями должно бороться не

¹⁾ Точка въ подлинникѣ.

²⁾ Примѣч. Іюля 1856 г. Въ короткое время въ окрестностяхъ С-Петербурга было три покушенія на помѣщиковъ. Земская власть не открыла виновныхъ и не только что тянетъ дѣло, но освободила подозрѣвавшихся въ покушеніи. Это поощряетъ другихъ; ибо какъ бы даетъ понимать народу, что правительство смотритъ на это изъ-подъ руки. Одно изъ таковыхъ покушеній подробностями своими требовало бы ловкаго слѣдователя.

иначе, какъ также идеями, противопоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, преобразая самую литературу въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или, лучше сказать, сумасбродства. Тогда утопіи лицъ, ищущихъ распространять зловредныя ученія, уничтожатся сами собою, частію же правительство найдетъ возможность содѣлать ихъ самихъ орудіемъ того направленія, которое оно признаетъ за благо обозначить. Для этой борьбы, которую я считаю единственнымъ спасительнымъ средствомъ, мнѣ кажется нужнымъ извлечь изъ самаго опыта вѣрныя и положительныя указанія, какъ вести ее съ успѣхомъ.

Въ обыкновенное время, наши учрежденія тайнаго надзора, пожалуй, могли бы почитаться достаточными. Въ настоящее же время эти старыя учрежденія, по многимъ причинамъ, едва-ли не окажутся на опытѣ недостаточными уже по одной гласности своей. Во всякомъ случаѣ, если можно выразиться сравненіемъ, то тайная, нынѣ существующая полиція, подобно пожарной командѣ, стоитъ на стражѣ государства; она должна смотрѣть, не развлекаясь ничѣмъ, чтобы, при малѣйшемъ опасномъ признакѣ, подать вѣсть и двинуть мѣры правительства для потушенія пожара.

Но не всегда пожаръ обнаруживается вспышкою пламени, не всегда даже обозначается и дымомъ: часто тлѣетъ онъ малою искрою гдѣ-нибудь внутри зданія, и тогда можно было бы его затоптать ногой, если бы эта искра была примѣчена заблаговременно; или нѣтъ даже еще и искры, но въ домѣ господствуетъ крайняя неосторожность при обращеніи съ огнемъ, или собрано множество удобовоспламеняемыхъ матеріаловъ, иногда безъ намѣренія, а иногда и съ злымъ умысломъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ поджечь. Отъ пожарной команды, какъ устроена у насъ тайная полиція, трудно и требовать, чтобы она занималась раскрытіемъ и предотвращеніемъ всѣхъ подобныхъ случаевъ, въ настоящее время подготовляющихъ пожары. Мѣры, употребляемыя ею, слишкомъ извѣстны;—къ нимъ уже пріобыкли ¹⁾.

¹⁾ Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ, особенное вниманіе было употреблено на образованіе тюремной тайной полиціи, подобно какъ нѣкогда она существовала при Фусе. Послѣ долгихъ усилій она была, чрезъ три года, доведена до такого совершенства, что во многихъ открытіяхъ, до которыхъ III-е отдѣленіе не могло достигнуть, достигалась въ нѣсколько дней; примѣровъ бездна. Точно тоже насчетъ женщинъ свободной жизни: многія изъ нихъ, въ разныхъ случаяхъ, были употребляемы съ незамѣнимою пользою. Но въ 1852 году однимъ ударомъ все было разрушено, и конечно нужно опять долгое время, чтобы возстановить это; по многимъ же причинамъ я могу думать, что это уже невозможно.

*

Въ настоящее время тяжкихъ испытаній, внѣшняя и внутренняя безопасность государства ввѣрена охраненію военнаго начальства. Естественно, что оно должно имѣть и свою военную полицію независимо той, которая существуетъ въ обыкновенное время. Бываютъ такіе случаи, которые не должны запоздать и однимъ часомъ, чтобы военный министръ, у котораго сосредоточиваются всѣ отрасли управленія военными силами государства, не былъ извѣщенъ для принятія противу нихъ подлежащихъ мѣръ. Одно уже обезпеченіе арміи всѣмъ необходимымъ, исполняемымъ на огромномъ пространствѣ государства— требуетъ собственнаго его глаза, независимаго отъ взгляда тѣхъ вѣдомствъ, которыя доводятъ до него путемъ оффиціальнымъ дѣйствія подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Генералъ-полиціймейстеръ военнаго министерства, установленный на время настоящихъ событій, развѣзжая по мѣстамъ заготовленій, могъ бы оказать пользу не только сохраненіемъ огромныхъ суммъ, вынѣ, по молвѣ народной, расхищенныхъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ здѣсь, по обширности взгляда, не упоминаю. Замѣчу только, что эта военная полиція, будучи учреждена на прочномъ основаніи и въ составѣ людей практическихъ, пользующихся народнымъ довѣріемъ, обративъ вниманіе на все, будетъ содержать свое начальство въ полной извѣстности обо всемъ и чрезъ то изощрять наблюдательность, и, облегчая тайную полицію, уже существующую, будетъ давать ей вѣрное направленіе, указывая, гдѣ ей должно особенно присматриваться и прислушиваться. Не говорю уже о томъ, что на основаніи доставляемыхъ военною полиціею свѣдѣній, правительство получаетъ всю возможность заблаговременно измѣнять и исправлять то, что требуетъ перемѣны и исправленія, и такимъ образомъ разбивать и отымать средства ко всѣмъ потрясеніямъ, которыя бы злоумышленники могли ласкаться надеждою привести въ дѣйствіе. Такой полиціи легче, чѣмъ всѣмъ другимъ, собирать свѣдѣнія не только что изъ непріятельскихъ армій и областей ихъ, прилегающихъ къ границамъ нашимъ, но и проникать гораздо далѣе.

Военная полиція должна имѣть первымъ основнымъ правиломъ— ничего не утаивать отъ главы правительства, какъ бы обстоятельство въ началѣ и ни казалось ничтожнымъ ¹⁾; ибо она одна только въ силахъ исцѣлять язвы: чѣмъ язва свѣжѣе, тѣмъ исцѣленіе оной легче; если же выжидать, когда она приметъ характеръ болѣе серьезный и обнаружатся уже явленія опасныя, тогда для исцѣленія нужно будетъ прибѣгать къ средствамъ героическимъ, которыхъ употребленіе не всегда можетъ увѣнчаться успѣхомъ.

¹⁾ Дѣло, напр., Спѣшнева или Петрашевскаго началось по даннымъ, совершенно маловажнымъ.

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

VIІ ¹).

Вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи.—Сперанскій и графъ Ростопчинъ.—Князь Н. И. Салтыковъ.—Г-жа Сталь.—Почтъ-директоръ Ключаревъ.—Москва передъ вступленіемъ непріятеля.—Казнь Верещагина.—Пожаръ Москвы.—Художникъ Тончи.—Сперанскій въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Москва послѣ отступленія непріятеля.—Священный союзъ трехъ императоровъ.

Наполеонъ приближался къ русской границѣ съ несмѣтной арміей. Въ Польшѣ и въ Литвѣ онъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями, и вскорѣ объ эти страны были объяты возстаніемъ. Русская армія отступала. При переходѣ черезъ Нѣманъ, Наполеонъ издалъ прокламацію, въ которой, обращаясь къ солдатамъ, говорилъ со своей обычной самоувѣренностью, что «Россія увлечена рокомъ!»

Въ это время я пріѣзжалъ по семейнымъ дѣламъ въ Петербургъ. Всѣ извѣстія, доходившія изъ арміи, сообщали объ ея отступленіи въ глубь страны. Объ арміи, коими командовали Барклай-де-Толли и князь Багратионъ, были отрѣзаны и не имѣли возможности соединиться. Никто не могъ объяснить себѣ подобнаго образа дѣйствій, и всѣ споры на этотъ счетъ оканчивались приѣвомъ, что Сперанскій продалъ свою родину Бонапарту.

Императоръ Александръ не выказывалъ опасенія по поводу того,

¹) См. «Русскую Старину» февраль 1901 г.

что его имперіей завладѣетъ Наполеонъ, и ободрялъ народный духъ, но онъ былъ весьма озабоченъ. Его мучили происходившія козни противъ Сперанскаго, который—онъ это зналъ—былъ невиненъ. Его заставили силою согласиться на эту жертву; онъ счелъ нужнымъ уступить необходимости. Та же интрига, которая была пушена въ ходъ, чтобы погубить Сперанскаго, выдвинула на сцену Ростопчина. Онъ былъ переименованъ изъ отставнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ генерала-отъ-инфантеріи, назначенъ московскимъ генераль-губернаторомъ и облеченъ такою же властью, какую имѣлъ главнокомандующій большой дѣйствующей арміи.

Приблизительно около этого времени Тормасовъ, командовавшій корпусомъ въ Литвѣ, одержалъ надъ французами побѣду близъ г. Кобрина въ Гродненской губерніи, и спустя нѣкоторое время императоръ получилъ извѣстіе, что арміи Барклая и Багратиона соединились близъ Смоленска. Въ своемъ донесеніи императору Барклай говорилъ, что «армія занимаетъ надежную позицію».

7-го или 8-го августа въ Москвѣ узнали о взятіи Смоленска.

Я, какъ уже сказалъ, находился въ это время въ Петербургѣ. Состоя по женѣ въ близкомъ родствѣ съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ, председателемъ Государственнаго Совѣта, я узналъ отъ него содержаніе донесенія Барклая, которое государь привезъ ему лично, и замѣтилъ по этому поводу, что соединеніе двухъ армій не представляетъ еще ничего утѣшительнаго и что даже вступленіе непріятели въ Москву не есть еще признакъ окончательной гибели Россіи, если только императоръ не рѣшится заключить миръ для того, чтобы спасти древнюю столицу въ ущербъ національной чести. Тогда старый фельдмаршалъ, котораго мое замѣчаніе какъ будто наэлектризовало, увѣрилъ меня, что не только занятіе Москвы, но даже вторженіе непріятели въ Петербургъ никогда не заставятъ императора заключить миръ съ Наполеономъ. Впослѣдствіи Александръ подтвердилъ это своимъ манифестомъ, въ которомъ онъ объявилъ, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока на русской землѣ останется хотя одинъ французъ.

До взятія Смоленска Александръ ѣздилъ въ Москву, гдѣ онъ былъ встрѣченъ восторженно. Дворянство и купечество предложили ему громадныя средства, чтобы вести самую безпощадную войну съ непріятеlemъ, осквернившимъ русскую землю своимъ святотатственнымъ вторженіемъ.

Окончивъ свои дѣла, я возвратился въ Москву на свой постъ помощника московскаго почтъ-директора. На полудути я встрѣтилъ на одной станціи г-жу де-Сталь, которая возвращалась изъ Москвы въ Петербургъ въ сопровожденіи Шлегеля; особый курьеръ былъ назначенъ сопровождать ее. Она именовалась супругой французскаго посланника

при шведскомъ дворѣ. Любопытствуя видѣть эту знаменитую женщину, я воспользовался званіемъ помощника почтъ-директора и явился къ ней подъ предлогомъ освѣдомленія, не имѣетъ ли она какихъ-либо жалобъ на неприятели или задержки въ пути. Она приняла меня съ тою французскою любезностью, которая придавала еще болѣе прелести ея выдающемуся уму и знанію свѣта. Послѣ первыхъ привѣтствій она обратилась ко мнѣ съ обычнымъ въ то время вопросомъ: что знаютъ о Наполеонѣ и гдѣ онъ находится? и когда я отвѣтилъ, что трудно опредѣлить, гдѣ онъ, что онъ вездѣ и нигдѣ, г-жа Сталь сказала:

— Ахъ, милостивый государь, донинѣ онъ вполне доказалъ справедливость перваго; императору Александру выпало на долю доказать второе.

Она сказала мнѣ, какъ русскому, такимъ образомъ, пріятный комплиментъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея слова оказались пророческими.

Я пріѣхалъ въ Москву 5-го августа 1812 г. Городъ былъ взволнованъ. Я вскорѣ узналъ, что Ростопчинъ уже началъ кровавую трагедію, что онъ задумалъ подкопаться подъ директора почты въ Москвѣ, Ключарева, котораго онъ рѣшилъ погубить. Живя со времени своей отставки въ Москвѣ, Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь и не скрывалъ своего взгляда на счетъ настоящаго положенія дѣлъ. Злой и язвительный, онъ постоянно направлялъ свои насмѣшки на Наполеона, его маршаловъ и министровъ и на Сперанскаго. Узнавъ, что Ключаревъ позволялъ себѣ высказывать объ немъ неслестное мнѣніе, онъ воспыпалъ къ нему непримиримую враждою вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія и подозрѣнія, что тайна его переписки была нарушена и что его частыя поѣздки въ Тверь были истолкованы Ключаревымъ въ своихъ письмахъ къ петербургскимъ знакомымъ съ очень подозрительной точки зрѣнія. Зная немилость, постигшую Сперанскаго, и то обстоятельство, что онъ не могъ болѣе покровительствовать Ключареву, съ которымъ онъ былъ очень хорошъ, Ростопчинъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ Москвы, старался удалить почтъ-директора чрезъ посредство фельдмаршала Салтыкова, въ надеждѣ, что послѣдній, желая посадить меня на мѣсто Ключарева, поддержитъ его просьбу передъ государемъ. Фельдмаршалъ говорилъ со мною объ этомъ, показавъ предварительно письмо Ростопчина императору, но Александръ зналъ Ключарева съ слишкомъ хорошей стороны и отказалъ смѣнить его, говоря, что «теперь не время дѣлать подобныя перемѣненія». Стараясь навлечь подозрѣніе на Ключарева, Ростопчинъ употребилъ для этого преданнаго ему человѣка и личнаго врага Ключарева—Брокера, служившаго прежде въ почтовомъ вѣдомствѣ и потомъ назначеннаго московскимъ полицеймейстеромъ. Въ Москвѣ былъ арестованъ молодой человѣкъ, купеческій сынъ, по фамиліи Верещагинъ, обвиненный въ распространеніи переведенныхъ на русскій языкъ про-

кламацій Наполеона, изданныхъ имъ при переправѣ черезъ Нѣманъ; Верещагину вѣрно было говорить, что онъ получилъ ихъ отъ одного изъ сыновей Ключарева въ номерѣ газеты, запрещенной цензурой.

Началось слѣдствіе, клонившееся къ тому, чтобы обвинить Ключарева отца. Верещагинъ былъ осужденъ и посаженъ въ тюрьму.

7-го августа былъ схваченъ одинъ почтовый чиновникъ и препровожденъ въ Петербургъ по подозрѣнію, что онъ распространяетъ посредствомъ писемъ страхъ и безнадежность внутри Имперіи. Это великое открытіе было сдѣлано также патріотомъ Брокеромъ. Въ дѣйствительности же онъ подкупилъ одного бѣднаго служащаго и убѣдилъ его украсть письмо вышеупомянутаго чиновника. Къ несчастью, онъ былъ плохой диалектикъ и еще болѣе плохой литераторъ; въ его письмѣ была слѣдующая ничего незначащая фраза: «Наполеонъ можетъ быть побитъ, но не можетъ быть побѣжденъ».

Послѣ извѣстія о взятіи Смоленска, Ростопчинъ не могъ долѣе сдерживать своей злобы; онъ отправился 10-го августа около полуночи въ почтамтъ, арестовалъ директора и отправилъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ внутри Имперіи. Директоръ былъ тайный совѣтникъ и имѣлъ Владиміра и Анну 1 ст. Не прошло и двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ императоръ наотрѣзъ отказалъ уволить его и во время посѣщенія Москвы оказывалъ ему особое благоволеніе. Такова бываетъ въ смутное время судьба самаго преданнаго слуги государя, когда клевета поклялась погубить его.

Московскій главнокомандующій извѣстилъ меня объ отсутствіи директора тотчасъ по его отъѣздѣ, поручивъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе его обязанностей и приказавъ написать о случившемся донесеніе министру. Верещагинъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ заключенъ въ острогъ, гдѣ содержатся важные преступники.

Поведеніе Ростопчина въ тотъ короткій промежутокъ времени, который протекъ съ его назначенія главнокомандующимъ до сдачи Москвы, въ полномъ смыслѣ слова непонятно. Нельзя объяснить мотивы, побуждавшіе его совершать тѣ жестокости, которыя, при всемъ ихъ произволѣ, говорили бы въ его пользу, если бы онѣ могли отвратить по крайней мѣрѣ хоть тѣнь опасности, угрожавшей Москвѣ, ибо Москва, хотя и не составляла всей Имперіи, но безъ сомнѣнія дѣйствовала своимъ примѣромъ на всю страну.

Тотчасъ послѣ назначенія и по пріѣздѣ въ Москву, Ростопчинъ сталъ разыгрывать изъ себя «друга народа»; онъ высказывалъ увѣренность, что Наполеонъ не осмѣлится двинуться на Москву, но эта увѣренность успокоивала только простой народъ. Полиція распространяла каждое утро по городу бюллетени, печатаемые по его приказанію и написанные площаднымъ языкомъ, въ которыхъ говорилось то о слабости фран-

пузскихъ солдатъ, которые такъ же легки, какъ снопы, которые русскій свободно поднимаетъ простой вилою, то писалось, что жители могутъ спокойно оставаться у своихъ очаговъ, что трусы хорошо сдѣлаютъ, если удалятся, то говорилось, что готовится громаднѣйшій воздушный шаръ, въ лодку котораго будутъ посажены вооруженные люди, чтобы бросать съ высоты разрушительный огонь во французскіе легіоны; что прежде Ростопчинъ смотрѣлъ однимъ глазомъ, а теперь онъ будетъ смотрѣть въ оба. Занимая, съ одной стороны, этими глупыми шутками праздношатающихся, онъ вселялъ, съ другой стороны, ужасъ, проявляя свою власть такими жестокими мѣрами, которыя заставляли всѣхъ трепетать. Напримѣръ, по донесенію одного мальчишки, онъ приказалъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, наказать кнутомъ своего повара-француза и сослать его въ Сибирь, но поваръ умеръ подъ кнутомъ.

За нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія Ростопчинъ приказалъ полиціи собрать всѣхъ французовъ, жившихъ въ Москвѣ, купцовъ, модистокъ и другихъ, какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣтей, на пристани, отъ которой отправлялись большія баржи, ходившія по Окѣ и Волгѣ, велѣлъ посадить ихъ всѣхъ на одно большое судно и самъ лично отправился на берегъ, откуда произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, сочиненную имъ въ подражаніе наполеоновскимъ прокламаціямъ къ арміи. Между прочими громкими фразами онъ сказалъ слѣдующее:

— Французы! васъ увлекаетъ злой рокъ! ваша безопасность будетъ зависѣть отъ васъ самихъ, отъ вашего спокойствія и отъ того, какъ спокойно вы будете себя держать; но знайте, что малѣйшее упрямство превратитъ эту мирную ладью въ барку Харона!

Всѣ эти французы были отвезены въ Казань; ихъ имущество сдѣлалось добычею французскихъ солдатъ и русскихъ, послѣ ихъ возвращенія въ Москву, когда непріятель оставилъ городъ.

Послѣ кровопролитнаго сраженія, происшедшаго 26-го августа въ 30 верстахъ отъ Москвы, все это пространство было наполнено множествомъ гелѣгъ, на коихъ перевозили въ Москву раненыхъ русскихъ и иностранцевъ. Ростопчинъ приказалъ временно помѣстить плѣнныхъ, до ихъ отсылки во внутреннія губерніи, на Воробьевыхъ горахъ, находившихся въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города. Вторая половина августа была холодная и дождливая; плѣнныхъ кормили только чернымъ хлѣбомъ и водою, вслѣдствіе чего между ними свирѣпствовала сильнѣйшій кровавый поносъ, отъ котораго весьма многіе умерли. Жители Москвы толпами выходили на встрѣчу раненымъ, приносили имъ бѣлый хлѣбъ и деньги, не дѣлая различія между русскими и плѣнными.

Среди этого хаоса, среди этихъ различныхъ сценъ, Ростопчинъ, преслѣдуя съ большимъ хладнокровіемъ тотъ планъ, который былъ имъ составленъ, или, быть можетъ, указанъ ему, просилъ московскаго архіепископа

скопа служить молебны и совершать крестные ходы. Онъ поддерживалъ среди всѣхъ слоевъ общества убѣжденіе, что Москва будетъ сдана непріятелю, только послѣ большой битвы подъ стѣнами города.

1-го сентября всѣ еще говорили о томъ, что на слѣдующій день будетъ дано сраженіе. Но никто не подумалъ, что подъ Москвою не было такого поля, на которомъ могло бы произойти рѣшительное сраженіе между двумя арміями численностью въ 500.000 человѣкъ и болѣе двухъ тысячъ орудій, и что если битва при Бородино не могла рѣшить участи войны, то столь несмѣтному количеству войска и подавно нельзя было помѣриться силами подъ самыми стѣнами столицы.

Признаюсь, я самъ, увлеченный мелочнымъ страхомъ за свою личную безопасность, занятый разными распоряженіями для спасенія кассъ почтовыхъ конторъ, въ которыхъ хранились громадныя суммы денегъ, принадлежавшія какъ частнымъ лицамъ, такъ и казнѣ, и принятіемъ различныхъ мѣръ на тотъ случай, если оккупация Москвы французскими войсками прервала бы сообщеніе прочихъ губерній съ Петербургомъ, я самъ, говорю, повѣрилъ одну минуту въ возможность дать еще одну битву и остановить Наполеона. Въ два часа ночи, отдавъ всѣ приказанія, которыя могли облегчить быстрый отъѣздъ, я бросился одѣтый на диванъ, чтобы краткимъ сномъ поддержать мои ослабѣвшія силы. Не успѣлъ я сомкнуть глазъ, какъ мой братъ, бывший начальникомъ канцеляріи московскаго главнокомандующаго, явился ко мнѣ и предупредилъ меня, чтобы я не ожидалъ болѣе официальнаго увѣдомленія о сдачѣ Москвы, что Ростопчинъ потерялъ голову, когда фельдмаршалъ князь Кутузовъ объявилъ ему, что Москву нельзя спасти, и что, захвативъ предупредить меня о томъ, онъ самъ тотчасъ покидаетъ городъ, увозя изъ канцеляріи все то, чего нельзя оставить въ рукахъ непріятеля; братъ сказалъ, что русская армія проходитъ черезъ городъ вслѣдствіе того, что заключено перемиріе, что полиція съ пожарнымъ обозомъ удаляется изъ столицы, а Ростопчинъ отправляется къ фельдмаршалу.

Я тотчасъ приказалъ готовиться къ отъѣзду. Кромѣ старыхъ ненужныхъ бумагъ всѣ деньги и счетныя книги были захвачены. Къ двѣнадцати часамъ дня я уже проѣхалъ Ярославскую заставу и былъ на большой дорогѣ, но такъ какъ путь былъ прегражденъ арміей послѣ ея ухода изъ столицы, то я не могъ, согласно распоряженію, данному мнѣ генералъ-губернаторомъ еще въ половинѣ августа, направиться на Владиміръ, гдѣ находились архивы и бумаги разныхъ присутственныхъ мѣстъ, перевезенныя изъ Москвы, и куда предполагали перевести и самыя присутственные мѣста. Въ то время какъ я былъ занятъ приготовленіями къ отъѣзду, я узналъ объ убійствѣ несчастнаго молодого купца Верещагина.

Вотъ убійство, которое невозможно объяснить, не очерняя памяти

Ростопчина. Онъ выслалъ всѣхъ арестантовъ изъ московскаго острога и помѣстилъ ихъ въ мѣстахъ недоступныхъ непріятелю; почему же онъ оставилъ въ Москвѣ одного Верещагина? Онъ вѣдь хорошо зналъ, что эта несчастная жертва была ни въ чемъ неповинна. Убивая Верещагина, онъ погружалъ во мракъ неизвѣстности все это дѣло и клеймилъ навсегда отца и сына Ключаревыхъ подозрѣніемъ, которое оправдывало его поступокъ. Онъ хотѣлъ только повредить Ключареву и излить на него черную, несправедливую и безчеловѣчную месть.

Невинность Ключарева была доказана впослѣдствіи, и Ростопчинъ, какъ я скажу далѣе, прибѣгъ ко лжи, чтобы не подвергнуться отвѣтственности передъ закономъ. Къ несчастію, когда не существуетъ уликъ и нѣтъ апелляціи, то всякое дѣло бываетъ правымъ.

Ростопчинъ приказалъ привести къ себѣ Верещагина изъ острога наканунѣ сдачи Москвы. Въ тотъ же день онъ издалъ бюллетень, въ которомъ приглашалъ всѣхъ жителей Москвы, способныхъ носить оружіе, явиться къ нему, чтобы отправиться подъ его начальствомъ на непріятельское войско и рубить его. На разсвѣтъ рѣшетка, отдѣлявшая обширный дворъ его дома отъ улицы, ломилась подъ натискомъ огромной толпы, состоявшей изъ самыхъ низменныхъ, отчаянныхъ подонковъ столицы. Ворота были заперты. Ростопчинъ вышелъ на дворъ съ Верещагинымъ, котораго вели два жандарма. Онъ обратился къ толпѣ съ рѣчью и, указывая на Верещагина, сказалъ: что «измѣнникъ своей родины, приготовившій путь врагамъ, достоинъ смерти!» и тотчасъ приказалъ жандармамъ изрубить его саблями, самъ нанесъ ему первый ударъ и велѣлъ бросить тѣло умирающаго невиннаго страдальца черезъ рѣшетку на улицу. Разгоряченная чернь набросилась на него и волочила его по улицамъ.

Народъ бросился въ кабаки, въ городѣ не было болѣе ни стражи, ни полиціи. Ростопчинъ сѣлъ въ ожидавшій его легкій экипажъ и отправился къ арміи, только-что выступившей изъ Москвы.

Вотъ истинный разсказъ объ этомъ чудовищномъ убійствѣ, совершенномъ за нѣсколько часовъ до вступленія Наполеона въ древнюю столицу московскихъ и всероссійскихъ царей.

Нѣсколько дней спустя, служившіе у меня чиновники почтоваго вѣдомства пріѣхали ко мнѣ во Владиміръ, куда я прибылъ благополучно окольными путями. Они видѣли своими глазами, какъ волочили по улицамъ тѣло Верещагина, и передали мнѣ всѣ подробности, мною описанныя.

Прежде нежели продолжать прерванную нить разсказа, я остановлюсь на пожарѣ, истребившемъ Москву.

Въ одномъ манифестѣ, обнародованномъ по окончаніи войны, внесенной Наполеономъ въ предѣлы Россіи, императоръ Александръ сказалъ

что пожаръ Москвы освѣтилъ независимость или освобожденіе Европы! Не есть ли это отвѣтъ на вопросъ, кто спалилъ Москву? который предлагали и предлагаютъ до сихъ поръ. Зачѣмъ издалъ Ростовчинъ въ Парижѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Правда о пожарѣ Москвы». Не тщеславіе ли вложило ему въ руку перо?

Для всякаго здравомыслящаго человѣка есть только одинъ исходъ, чтобы выйти изъ того лабиринта, въ которомъ онъ очутится, прислушиваясь къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ, которыя были высказаны по поводу пожара Москвы. Несомнѣнно, только императоръ Александръ могъ остановиться на этой мѣрѣ, выработывая общій планъ войны съ Наполеономъ; она могла быть задумана и предписана только самимъ императоромъ; ее приказано было исполнить лишь въ послѣдней крайности, когда опасность угрожала бы всей Имперіи, и выполнение этой мѣры могло быть поручено только Ростовчину и Кутузову, при чемъ лишь первый изъ нихъ могъ привести ее въ исполненіе. Кутузовъ не могъ приказывать этого по своему собственному усмотрѣнію, точно такъ же, какъ Ростовчинъ не могъ привести эту мѣру въ исполненіе по своему собственному почину. Случается, что, проигравъ сраженіе, сжигаютъ городъ, если онъ находится на линіи отступленія, чтобы помѣшать неприятелю идти впередъ; но никогда не бываетъ, чтобы сжигали городъ, покидаемый вслѣдствіе пріостановки военныхъ дѣйствій, когда неприятель вступаетъ въ него; точно такъ же, и неприятель, вступая въ городъ, не можетъ съ стратегической точки зрѣнія найти выгоднымъ сжечь его. Это было бы величайшей нелѣпостью, если только не допустить, что люди захотѣли бы, изъ принципа, ввести въ военное искусство всякія несообразности, что также было бы безсмыслицею. Неприятель можетъ конечно сжечь, разрушить, разграбить и опустошить городъ, или провинцію, которую онъ покидаетъ, но онъ не сдѣлаетъ этого, вступая въ нее.

Французская армія заняла Москву шесть дней спустя послѣ Бородинскаго сраженія, окончившагося въ пользу русской арміи, которая не была прогнана съ операціонной линіи и могла отступить къ Москвѣ, находящейся въ 60—100 верстахъ отъ Можайска или Бородино, не бывъ преслѣдуема французами. Пріостановка военныхъ дѣйствій, рѣшенная между Милорадовичемъ и Мюратомъ, дала русской арміи время пройти черезъ Москву, а жителямъ столицы оставить городъ. Наполеонъ вступилъ въ городъ 2-го сентября въ 4 часа по полудни; я покинулъ Москву въ тотъ же день приблизительно въ 11 часовъ утра; пожаръ начался на слѣдующій день; слѣдовательно, надобно допустить, что городъ былъ подожженъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще наканунѣ лицами, оставшимися въ Москвѣ и снабженными съ этой цѣлью горючими матеріалами до оккупациіи ея неприятелемъ, ибо глупо было бы допустить, что французы подожгли городъ, въ которомъ они нашли

въ изобиліи все, что было необходимо для ихъ существованія, и который представлялъ собою къ тому же надежный пунктъ, изъ котораго они могли вести переговоры или руководить военными дѣйствіями во все стороны какъ изъ центра, находившагося въ ихъ рукахъ. Но, повторяю, эта важная мѣра могла быть задумана и приказана только самимъ императоромъ. Собственность казны и частныхъ лицъ не должна была и не могла быть берегаема въ ту минуту, когда дѣло шло о спасеніи Имперіи. Какимъ же образомъ говорили о пожарѣ Москвы, какъ о дѣлѣ, зависѣвшемъ отъ произвола главнокомандующаго арміей или московскаго генераль-губернатора? Какъ могъ Ростовчинъ взять на себя смѣлость оправдывать или отрицать это великое событіе? Въ своихъ бюллетеняхъ онъ предупреждалъ жителей Москвы за мѣсяць, чтобы они не подвергали опасности своихъ движимыхъ имуществъ; мѣстныя власти отправляли во внутрь Имперіи ввѣренные имъ кассы и архивы; къ чему же принимались все эти мѣры, если не существовало заранѣе обдуманнаго плана сжечь Москву? Изъ города были вывезены сокровища Кремля, а также иконы Владимірской и Иверской Божіей Матери. Всего нельзя было спасти, но спасли все, что было необходимо; и если у частныхъ лицъ были разграблены библіотеки и другое имущество, то они должны винить только себя за смѣшную безпечность, жертвой которой они сдѣлались, или должны пенять на недостатокъ перевозочныхъ средствъ.

Когда Смоленскъ былъ взятъ, нечего было выжидать послѣдствій Бородинской битвы. Со взятія Смоленска до оккупациіи Москвы прошло три недѣли; въ теченіе этихъ трехъ недѣль, какъ я уже сказалъ, все движимое имущество могло быть спасено. Но что значать матеріальные убытки, когда дѣло идетъ о спасеніи страны и національной чести. Какъ сказалъ Петръ Великій на могилѣ кардинала Ришелье, что онъ бы пожертвовалъ половиною своихъ владѣній для того, чтобы имѣть его своимъ министромъ, а другую половину отдалъ бы за то, чтобы научиться отъ него управлять, такъ и Александръ и всякій другой монархъ былъ бы обязанъ принести въ жертву половину своихъ владѣній, чтобы спасти другую половину отъ захвата Наполеона, что было бы хуже всякаго рабства. Россія осталась неприкосновенна только потому, что Наполеону не удалось лишить ее національнаго характера. Императоръ Францъ II, отдавшій свою дочь замужъ за корсиканца-побѣдителя для того, чтобы онъ не взорвалъ его столицу—ничего не сдѣлалъ для своей страны; но Александръ, сжегшій свою древнюю столицу для того, чтобы избѣгнуть французскаго ига—сдѣлалъ все! Онъ спасъ и страну, и свой престоль, и народную честь. Повторяю, какъ могъ Ростовчинъ взять на себя смѣлость отрицать или оправдывать это великое дѣло, которое его монархъ призналъ за зарю независимости Россіи и всей Европы?

Человѣческій умъ и политика всегда ищутъ вчерашняго дня.

Можетъ быть, исторія взглянетъ на этотъ фактъ такъ же, какъ я; не пройдетъ и вѣка, какъ тайна разъяснится, и на пожаръ Москвы безъ сомнѣннй будутъ смотрѣть какъ на одну изъ лучшихъ жемчужинъ, украшающихъ вѣнецъ Александра. Ростопчину останется только слава, что онъ искусно обдумалъ и выполнилъ одинъ изъ самыхъ великихъ плановъ, возникавшихъ въ человѣческомъ умѣ, съ тѣхъ поръ какъ люди живутъ на землѣ и воюютъ другъ противъ друга.

Ростопчинъ захотѣлъ, какъ ворона, одѣться въ павлинья перья, приписавъ лично себѣ дѣло, за которое онъ подлежалъ бы отвѣтственности передъ судомъ разума и совѣсти, если бы онъ сдѣлалъ его безъ монаршаго приказанія, по своему собственному усмотрѣнню, ибо послѣ государя только одинъ главнокомандующій русской армией имѣлъ власть превратить въ пепель столицу, отданную имъ неприятелю добровольно, коль скоро эта мѣра была необходима для спасенія Имперіи и арміи и коль скоро стратегическія соображенія, входившія въ его планы, требовали подобной жертвы. Слѣдовательно, Ростопчинъ только исполнилъ высочайшую и безапелляціонную волю своего монарха, или же планъ Кутузова, въ чьихъ рукахъ было спасеніе страны и всего народа.

Тотъ, кто зналъ Москву въ эпоху нашествія французовъ и кто хорошо знаетъ характеръ русскаго народа, пойметъ, что Москва не могла быть отдана такому завоевателю, какъ Наполеонъ, и такой арміи, какъ французская, такимъ же точно путемъ, какъ сдавались города у другихъ народовъ. Петръ I хотѣлъ уничтожить національный характеръ Россіи для того, чтобы поставить ее на одинъ уровень съ прочими государствами Европы. Россія Іоанна III не могла пріобщиться къ цивилизаціи западныхъ народовъ. Екатерина II завела планъ Петра I слишкомъ далеко. Въ ея время образованная часть дворянства офранцузилась, къ великому неудовольствію большинства націи. Наполеонъ, являсь въ Москву побѣдителемъ, обладая силой, легко могъ привлечь на свою сторону московскую знать и сдѣлать изъ нея своихъ агентовъ. Развѣ мы не видѣли примѣра, что Загряжскій, оставшись въ Москвѣ, сдѣлался пособникомъ императора французовъ вмѣстѣ съ другими русскими. Если бы мѣры, принятыя Ростопчинымъ, не удалили всю московскую знать, то Наполеонъ нашелъ бы, къ несчастью, немало Загряжскихъ среди русскихъ, воспитанныхъ французами и преклонявшихся передъ всѣмъ французскимъ. Очарованіе, пущенное въ ходъ Наполеономъ, погубило бы Россію скорѣе, нежели какія бы то ни было орудія. Москва, вѣчно недовольная Петербургомъ, могла бы произвести самое пагубное впечатлѣніе на страну, и политика Наполеона достигла бы той цѣли, которая становилась недоступной его оружію. Вотъ почему надобно было заманить Наполеона въ Москву, продержатъ его тамъ до зимы, выгнать изъ нея всѣхъ поклонниковъ Парижа и его

модь, спалить городъ и предоставить остальное двадцатиградусному морозу и соображеніямъ Александра и Кутузова.

Французскіе нравы и философія, процвѣтающіе на берегахъ Сены, могутъ быть подходящими для Франціи; но они и въ настоящее время были бы пагубны для блага и спокойствія страны, менѣе вѣка вышедшей изъ варварства. Ребенокъ не можетъ пользоваться правами разумнаго человѣка.

Война, голодъ и чума—ужасныя бѣдствія. Высшая мудрость Божественнаго Провидѣнія поражаетъ ими людей. Всякая война есть бѣдствіе. Самая справедливая война, даже если она ведется народомъ для защиты его домашняго очага отъ вражескаго нашествія, влечетъ за собою многочисленныя бѣдствія. Не политика поддерживаетъ внѣшнія и внутреннія войны, не она порождаетъ перевороты у сосѣдей въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, не она возвышаетъ незаконность надъ законнымъ правомъ и признаетъ верховную власть народа, которая можетъ быть болѣе пагубна для страны, нежели война, голодъ и чума. Эти бичи ниспосылаются Провидѣніемъ въ наказаніе народамъ. Во время этихъ бѣдствій политика только лавируетъ или колеблется, чтобы парализовать, по мѣрѣ человѣческихъ силъ, противуестественный порядокъ вещей, который она не въ силахъ прекратить. Великіе перевороты, совершающіеся въ государствахъ, намѣчены въ общихъ планахъ Божественнаго Провидѣнія, управляющаго міромъ.

Успѣхи самыхъ многочисленныхъ войскъ не всегда зависятъ отъ ихъ численности и отъ мудрыхъ соображеній какого-нибудь Наполеона. То, что должно быть унижено—будетъ унижено, то, что должно восторжествовать—восторжествуетъ. Это не теорія фатализма, это теорія Божественнаго права, которую отвергаютъ санкюлоты, передавая народу самодержавную власть. Скоро наступитъ время, когда дѣти станутъ смѣяться надъ этой философійей, подобно тому, какъ въ Парижѣ смѣются надъ чудесами діакона Париса ¹⁾ надъ исцѣленіями золотушныхъ, а не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ всему этому чистосердечно вѣрили во Франціи и въ Парижѣ. Философы смѣются надъ всѣми, кто не хочетъ согласиться съ ними, что люди существуютъ только для того, чтобы удобрять почву, подобно животнымъ, которыхъ они пожираютъ и для того, чтобы рождать себѣ подобныхъ для той же цѣли.

Приѣхавъ во Владиміръ, я не успѣлъ еще принять необходимыхъ мѣръ, чтобы выработать планъ сообщенія между той частью Имперіи, которая лежитъ за Москвою и Петербургомъ—мѣстопробываніемъ пра-

¹⁾ Paris, Францискъ, діаконъ, извѣстный своей твердой вѣрой и строгой жизнью, прославился чудесами, совершавшимися надъ его могилкою. Родился въ Парижѣ въ 1690 г., умеръ въ 1727 г.

вительства, когда я получилъ отъ московскаго губернатора увѣдомленіе, что главнокомандующій арміей, князь Кутузовъ, прислалъ ему изъ Смоленска приказаніе отправить всѣ московскія присутственныя мѣста, сосредоточенныя во Владимірѣ, въ Нижній Новгородъ.

Въ этихъ запискахъ, долженствующихъ пролить свѣтъ на исторію, которая должна, въ свою очередь, черезъ нѣкоторое время дать подробную картину эпохи, я не могу умолчать объ одномъ странномъ событіи, случившемся во Владимірѣ въ теченіе тѣхъ четырехъ или пяти дней, которые я тамъ провелъ.

Въ Москвѣ проживалъ уже нѣсколько лѣтъ художникъ исторической живописи и портретистъ Тончи, талантъ перваго разряда. Геніальный артистъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ высокаго ума, прекрасно образованъ и очень краснорѣчивъ. Съ величественной наружностью, убѣленной сѣдинами, въ немъ соединялся весьма оригинальный складъ мыслей, что придавало его бесѣдѣ особую увлекательность. Сущностью его философіи былъ нелѣпый пантеизмъ, но онъ говорилъ такъ увлекательно, что прелесть его разговора заставляла забыть всю несообразность ея міровоззрѣнія. Одна безобразная старая дѣва предложила ему свою руку и сердце; желаніе быть въ родствѣ съ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Россіи заставило его принять это предложеніе, онъ сдѣлался мужемъ княжны Гагариной и забросилъ свое искусство. Онъ былъ принятъ въ самыхъ извѣстныхъ московскихъ кружкахъ, былъ другомъ Ростопчина и всѣхъ князей и графовъ. Отправивъ, по примѣру другихъ, свою жену во внутрь Имперіи при первомъ извѣстіи о приближеніи французской арміи, онъ поселился самъ въ домѣ Ростопчина, по приглашенію этого послѣдняго для большей безопасности, какъ ему было сказано, въ случаѣ волненія въ городѣ и для того, чтобы, въ случаѣ крайности, онъ могъ покинуть городъ подъ покровительствомъ генераль-губернатора. 2-го сентября, въ день сдачи Москвы, Тончи имѣлъ несчастіе увидать во дворѣ генераль-губернаторскаго дома страшное убійство несчастнаго Верещагина и сошелъ съ ума.

Ростопчинъ поручилъ моему брату, бывшему директоромъ его канцеляріи, отвезти Тончи во Владиміръ, куда братъ и отправлялся. Тончи, пораженный кровавымъ зрѣлищемъ, коего онъ былъ свидѣтель, окончательно помѣшался; воспользовавшись минутой, когда его оставили одного, вышелъ изъ кареты и ушелъ въ лѣсъ, находившійся близъ села. Его тщетно искали весь день, и мой братъ долженъ былъ продолжать свой путь, приказавъ на почтовой станціи отправить Тончи во Владиміръ, какъ только его найдутъ. Лѣсные сторожа встрѣтили Тончи въ лѣсу, гдѣ онъ бродилъ безъ цѣли; не зная по-русски, онъ не могъ отвѣтить на ихъ вопросы, и его, какъ иностранца, приняли за французскаго шпіона, скрутили веревками и отвели въ полицейское управленіе, гдѣ его также ни-

кто не могъ понять, а оттуда его отправили вмѣстѣ съ прочими арестантами во Владиміръ; только тамъ дѣло разъяснилось. Мой братъ поспѣшилъ, до полученія дальнѣйшихъ приказаній, помѣститъ его у себя. Это новое приключеніе еще болѣе помутило разсудокъ Тончи. Онъ вообразилъ, что Ростопчинъ держать его подъ надзоромъ, чтобы сдѣлать его вторымъ Верещагинымъ. Однажды, притворившись больнымъ, онъ не всталъ съ постели и, доставъ бритву, хотѣлъ зарѣзаться. Къ счастью, онъ только перерѣзалъ себѣ кровеносные сосуды, и его нашли плавающего въ крови. Ему была тотчасъ подана помощь, и чрезъ нѣсколько дней онъ совершенно поправился. На вопросъ, предложенный ему моимъ братомъ, почему онъ покушался на свою жизнь, Тончи отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ покончить съ собою, чтобы избѣжать болѣе жестокой смерти. Этотъ отвѣтъ не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ убійства Верещагина.

Когда Тончи окончательно выздоровѣлъ и къ нему вернулся разсудокъ и спокойствіе, то онъ пожелалъ оставить городу что-либо на память о своемъ пребываніи въ немъ и написалъ для Владимірскаго собора великолѣпную картину, изображающую крещеніе св. Владиміра; она считается однимъ изъ лучшихъ произведеній его кисти. По всей вѣроятности, картина эта находится въ соборѣ и до нынѣ.

Вынужденный удалиться изъ Владиміра въ Нижній Новгородъ, куда отправилось большинство московской знати, искавшей въ первый моментъ пріютъ въ городѣ, ближайшемъ къ древней русской метрополи, я долженъ былъ принять мѣры къ тому, чтобы создать въ этомъ пунктѣ, отдаленномъ отъ центра сообщеній съ Петербургомъ, новую почтовую линію для сношеній столицы съ Сибирью и съ мѣстностями, лежащими по ту сторону Урала.

Въ Нижнемъ Новгородѣ я нашелъ Сперанскаго, пользовавшагося всѣми правами, принадлежавшими ему по чину, хотя онъ и находился подъ присмотромъ губернатора. Онъ жилъ весьма уединенно; недоброжелательство къ нему народа проявлялось открыто. Вообще его считали измѣнникомъ своей родины и неблагодарнымъ по отношенію къ государю, его благодѣтелю. Съ нимъ избѣгали всякаго сближенія. Въ исходѣ сентября губернаторъ сообщилъ приказъ, только-что имъ полученный, отправить узника въ Пермь. Сперанскому тотчасъ велѣно было отправиться туда въ сопровожденіи полицейскаго чиновника и фельдъегеря. Всѣ толки, вызванные присутствіемъ Сперанскаго, тотчасъ смолкли. По этому поводу г. Румовскій разсказалъ мнѣ, что въ августѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда Сперанскаго въ Нижній Новгородъ, Ростопчинъ прислалъ къ нему курьера, прося удалить Сперанскаго, но онъ отвѣчалъ на эту просьбу отказомъ, основываясь на высочайшемъ повелѣніи, въ которомъ строго было предписано, что мѣстопробываніемъ для тайнаго совѣтника Сперанскаго впредь до новаго высочайшаго повелѣнія на этотъ счетъ

долженъ служить Нижній Новгородъ. Будь губернаторъ менѣе независимъ въ своемъ образѣ дѣйствій, онъ не захотѣлъ бы или не посмѣлъ бы противиться Ростопчину, котораго считали всемогущимъ. Румовскій наотрѣзъ отказался повиноваться и спасъ жизнь Сперанскому.

Разсказъ о военныхъ событіяхъ не входитъ въ программу моихъ мемуаровъ. Названія и подробности всѣхъ битвъ, происходившихъ до эвакуаціи Москвы, извѣстны всѣмъ и каждому. Все уже обсужено, все взвѣшено, поэтому я коснусь лишь того, что касается хода событій, вызванныхъ вторженіемъ французовъ. Въ началѣ октября я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ приказъ принять совмѣстно съ нижегородскимъ губернаторомъ всѣ необходимыя мѣры для открытія прямого почтоваго сообщенія между Петербургомъ и Вяткой.

Вятская губернія примыкаетъ къ Пермской, составляющей границу Сибири. Города Вятка и Пермь находятся на одной чертѣ съ Петербургомъ. Вятка находится въ разстояніи 1.459 верстъ отъ столицы. Было ясно, что если бы Петербургу угрожала опасность отъ непріятеля, то этотъ отдаленный пунктъ долженъ бы послужить для его жителей убѣжищемъ въ критическій моментъ. Пока принимались надлежащія мѣры для прикрытія этого пути, изъ Москвы было получено извѣстіе, что 14-го октября городъ неожиданно покинутъ Наполеономъ и его арміей. Но передъ этимъ Наполеонъ приказалъ похитить крестъ съ колокольни, извѣстной подъ именемъ Ивана Великаго (который считали сдѣланнымъ изъ чистаго золота), и велѣлъ взорвать въ двухъ или трехъ пунктахъ стѣны Кремля со стороны рѣки и часть Оружейнаго двора. Два или три дня поздне я получалъ отъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, оставшихся въ Москвѣ, самыя подробныя свѣдѣнія о почтамтѣ, который остался цѣлъ благодаря тому, что въ немъ помѣщалась французская почтовая контора и завѣдывавшій ею генераль Бодинъ (Bodin). Нѣсколько времени спустя министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе вернуться въ Москву и возстановить прерванныя сообщенія. Я возвратился въ столицу 1-го декабря, три мѣсяца спустя послѣ моего отъѣзда оттуда за нѣсколько часовъ до занятія города непріателемъ. Почта стала дѣйствовать съ прежней правильностью; единственными слѣдами пребыванія Наполеона и его войскъ въ древней столицѣ Россіи были обгорѣлыя развалины домовъ, обугленные стѣны и заборы, трупы людей и лошадей, загромождавшіе улицы, да Кремлевскіе соборы, превращенные въ склады, мастерскія и конюшни. Нѣсколько церквей остались неприкосновенны, и во время пребыванія Наполеона въ нихъ даже совершали богослуженіе ксендзы, не бѣжавшіе изъ Москвы. Крестьяне ближайшихъ къ городу деревень, толпами устремившіеся въ Москву, тотчасъ послѣ ухода изъ нея французовъ, разграбили все то, что непріятель не

успѣлъ унести. Жители толпами возвращались къ своимъ разрушеннымъ очагамъ.

Въ день новаго, 1813 года, снова появилась «Московская газета», возвѣстившая объ успѣхахъ русской арміи и о бѣдствіи, постигшемъ остатки французской арміи. Все ожило! Городъ походилъ на муравейникъ, который разрушилъ ребенокъ, играя вѣткой, и который тысячи муравьевъ старались привести въ прежній порядокъ. Вновь открылись лавки, торговля возобновилась, можно было достать все необходимое. Мастеровые снова принялись за работу, жители ближайшихъ къ Москвѣ окрестностей и болѣе дальнихъ мѣстечекъ привозили въ городъ все, что они могли продать съ большою для себя выгодною. Въ городъ возвращались каждый день бѣглецы, покинувшіе свои очаги въ день вступленія въ столицу Наполеона. Генераль-губернаторъ Ростовчинъ вступилъ снова въ исполненіе своихъ обязанностей. Полиція увозила трупы и очищала улицы. Такъ окончились шесть недѣль ужаса и бѣдствій, вызванныхъ успѣхами непріятеля, и снова водворился порядокъ. Все было забыто; можно было подумать, что люди сговорились считать все происшедшее въ теченіе этихъ шести недѣль тяжелымъ сномъ. Несмотря на слѣды опустошенія, которые еще были у всѣхъ на глазахъ, никто не думалъ болѣе о понесенныхъ потеряхъ. Можно ли представить болѣе доказательство того, что безсмертная душа не придаетъ никакого значенія времени и матеріи, лишь только она получаетъ возможность предаться дѣятельности, чтобы жить сообразно своему внутреннему существу въ будущемъ!

Ужасы, совершенные въ продолженіе шести недѣль, кои продолжалась оккупация Москвы и ея окрестностей французами, представляютъ картину весьма печальную для ума и сердца человѣческаго. Смѣшною покажется филантропія, столь восхваленная нашимъ вѣкомъ и привлекающая взоры своими якобы чловѣколюбивыми дѣлами, если сравнить ея нелѣпныя дѣла съ дѣйствительностью, которая доказываетъ, что чловѣколюбіе не есть свойство, врожденное чловѣку, и что эта мнимая чловѣчность благороднаго сердца есть не что иное, какъ игра гордости, свойственной чловѣческому сердцу, подобно тому, какъ мысль о предстоящей пыткѣ останавливаетъ руку убійцы. Чловѣкъ родится злымъ; онъ это доказываетъ, когда страсть увлекаетъ его. Любовь къ чловѣчеству не болѣе, какъ великолѣпное платье, расшитое золотомъ и серебромъ, но прикрывающее скелетъ, изъѣденный червями. Истинное чловѣколюбіе не нуждается ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ для того, чтобы проявить себя. Оно не воздвигаетъ дворцовъ, стоящихъ милліоны, для того, чтобы лѣчить въ нихъ двѣсти или триста нищихъ, или неизлѣчмыхъ больныхъ. Оно протягиваетъ правую руку такъ, чтобы объ этомъ не знала лѣвая рука.

*

Низшій классъ въ Россіи всегда ненавидѣлъ иностранцевъ, вслѣдствіе различія въ религіи, нравахъ, языкѣ и во взглядахъ.

Нападеніе французовъ на собственность жителей и эта исконная ненависть были единственными причинами всѣхъ звѣрскихъ поступковъ, коихъ иностранцы были жертвою въ теченіе войны, внесенной Наполеономъ въ предѣлы Россіи. Патриотизмъ былъ тутъ ни при чемъ, и Ростопчинъ, которому это было отлично извѣстно, сумѣлъ только воспользоваться этой ненавистью. Предавъ огню свой собственный домъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій, которое могло достаться въ руки непріятеля, онъ сдѣлалъ въ маломъ размѣрѣ то, что императоръ Александръ былъ вынужденъ сдѣлать въ большихъ размѣрахъ, чтобы спасти свою честь, свою корону и страну¹⁾.

Ненависть, которую русскіе проявили, совершая разныя жестокости противъ иностранцевъ, пришедшихъ опустошать ихъ родную землю, доказываетъ, что русскій человѣкъ защищалъ въ 1812 году не свои политическія права. Онъ воевалъ для того, чтобы истребить хищныхъ звѣрей, пришедшихъ пожрать его овецъ и куръ, опустошить его поля и житницы.

Когда русскій крестьянинъ сытъ и не страдаетъ отъ холода и произвола властей, то онъ засыпаетъ въ своей курной избѣ такъ же сладко, какъ Ротшильдъ среди нимфъ, оплаченныхъ его деньгами. Онъ живетъ только для удовлетворенія своихъ физическихъ потребностей и для того, чтобы пользоваться свободою, которую онъ ищетъ въ растительной жизни, оберегая себя отъ насилій. Онъ просыпается по утру для того, чтобы работать, и засыпаетъ вечеромъ съ тѣмъ, чтобы начать на другой день то, что дѣлалъ наканунѣ. Какъ всѣ народы болѣе или менѣе цивилизованные, онъ можетъ быть только орудіемъ въ рукахъ благодѣтельнаго генія или смѣлаго и отважнаго заговорщика.

Ростопчинъ, дѣйствуя страхомъ, выгналъ изъ Москвы дворянство, купцовъ и разночинцевъ для того, чтобы они не поддались соблазнамъ и внушеніямъ Наполеоновой политики. Онъ разжегъ народную ненависть тѣми ужасами, которые онъ приписывалъ иностранцамъ, коихъ онъ въ то же время осмѣивалъ; появивъ планъ Александра и характеръ русскаго народа, онъ спасъ Россію отъ ига Наполеона. Исторія осудить его, какъ человѣка, за жестокости, какія онъ совершилъ, преступивъ свои права, какъ главнокомандующій Москвою, но она отдастъ ему должное и признаетъ его за глубокаго политика и умнаго администратора, который разставилъ сѣти одному изъ величайшихъ и могущественныхъ геніевъ, когда-либо появлявшихся на землѣ, и запу-

¹⁾ Руничъ вездѣ приписываетъ распоряженію Александра сжечь Москву, но это подвержено сомнѣнію. Р е д.

талъ его въ этихъ сѣтяхъ, изъ коихъ онъ освободился только для того, чтобы окончить дни свои въ заточеніи на дикой скалѣ острова св. Елены, подъ фѣрулой англичанина. Отнимите необузданности у Наполеона и Ростопчина, и человѣчество перестанетъ вѣрить въ существованіе Божественнаго Провидѣнія. Наполеона оправдали бы, говоря, что роковая судьба увлекаетъ все и всѣхъ. Фатализмъ сдѣлался бы исключительной философійю человѣчества. «Rex hodie est et cras morietur». (Экл. гл. X, ст. 12).

Эта исконная ненависть русскихъ ко всему иноземному, вторженіе французовъ на русскую землю и занятіе Москвы, на которую русскіе смотрятъ какъ на священный городъ и который былъ оскверненъ присутствіемъ людей, коихъ они считаютъ нехристями, пробудили въ сердцахъ московской черни и въ окрестныхъ крестьянахъ жажду мести. Какъ только имъ попадался въ руки кто-либо принадлежащій къ французской арміи, смерть его была неминуема; его убивали, и трупъ, иногда еще трепещущій, бросали въ колодезь или въ отхожее мѣсто. Даже женщины, копаясь въ огородѣ, чтобы добыть нѣсколько картофелинъ, единственную пищу, которую онѣ могли достать, и встрѣтивъ по дорогѣ пьянаго спящаго солдата, тащили его до ближайшей помойной ямы и сбрасывали туда головою внизъ. Множество колодезевъ, помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ были наполнены непріятельскими трупами. Въ деревняхъ крестьяне уводили своихъ женъ и дѣтей въ самую глубь лѣса, чтобы укрыть ихъ отъ непріятеля, а сами, вооружившись дубинами, топорами или косами, подстерегали отсталыхъ солдатъ или фуражировъ и если они были въ маломъ количествѣ, то нападали на нихъ и безпощадно умерщвляли. Крестьянинъ убивалъ солдата, который, снявъ оружіе, спалъ подъ его кровлею. Каждый крестьянинъ считалъ, что онъ исполняетъ этимъ свой долгъ. Нѣтъ возможности исчислить, сколько солдатъ всѣхъ націй, вступившихъ на русскую землю, погибло такимъ образомъ. Дѣйствительно вѣрно, что народъ становится бѣшенымъ тигромъ, когда нападаютъ на его домашній очагъ.

Треть огромной Наполеоновской арміи погибла въ Россіи отъ руки крестьянъ, отъ холода и болѣзней. Никогда еще завоеватель не былъ въ столь бѣдственномъ положеніи, какъ Наполеонъ, дошедшій до Москвы не встрѣтивъ никакого сопротивленія, которое могло бы ему напомнить объ угрожавшей ему мышеловкѣ.

Покорителю Европы суждено было убѣдиться, что онъ не Богъ — только въ Москвѣ.

Послѣ Березины успѣхи русскихъ войскъ заставили замолкнуть Европу. Русскіе вступили въ Парижъ, Наполеонъ умеръ на островѣ св. Елены. Этимъ я оканчиваю мое полустратегическое повѣствованіе и возвращаюсь къ разсказу о событіяхъ, касающихся собственно Рос-

си, до смерти императора Александра, но обращу еще вниманіе на одно обстоятельство, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, а именно, что три монарха, соединившіеся для того, чтобы сломить гордость Наполеона, подписавшіе актъ священнаго союза,—были: Александръ I, Францъ II и Фридрихъ III. Цифры, коими сопровождаются имена этихъ монарховъ, какъ будто указываютъ на толчекъ, данный первымъ изъ этихъ монарховъ, на дружественную помощь втораго и на союзъ третьяго; въ то же время эти цифры какъ-будто указываютъ на постепенное стремленіе союза упрочиться, чтобы достигнуть благого результата. Безъ перваго двигателя ни вторая, ни третья держава не могли бы достигнуть цѣли умиротворенія Европы. Это доказали съ полной очевидностью предшествовавшія войны.

VIII.

Политическое и внутреннее положеніе Европы послѣ изгнанія Наполеона.— Положеніе Россіи.—Учебныя заведенія.—Педагогическій институтъ.— Поворотъ въ характеръ Александра I.— Гр. Завадовскій.— Гр. Разумовскій и графъ Араччевъ.—Военныя поселенія.

Совершенное очищеніе русской территоріи отъ непріятельскихъ войскъ, побѣды, одержанныя надъ непобѣдимымъ полководцемъ, вступленіе русскихъ въ Парижъ, ссылка Наполеона на островъ Эльбу, вступленіе Людовика XVIII на престолъ Клодвига—всѣ эти событія не были плодомъ политическихъ сдѣлокъ. Надобно походить на дурно воспитаннаго, упрямаго ребенка, который и подъ розгою отца отказывается просить у него прощенія, чтобы настаивать на мнѣніи, что могущество Наполеона было сокрушено измѣною, морозами, преслѣдовавшими его въ Россіи, или злымъ рокомъ. То, что философія называетъ рокомъ, не желая признавать Творца, Властителя міра, руководящаго судьбою народовъ и державъ,—есть Божественное Провидѣніе. И если это Божественное Провидѣніе допускаетъ, чтобы сапожники и шляпники провозглашали себя въ нѣкоторыхъ странахъ представителями того чудовища, которое называется «*Peuple souverain*», то это только потому, что эта нелѣпость способствуетъ развитію такого порядка вещей, который человѣческій разумъ не можетъ ни предвидѣть, ни устранить. Если бы человѣческому разуму было позволено вмѣшиваться въ управленіе міромъ, то можно было бы сказать, что Наполеонъ долженъ былъ оставаться на престолѣ. Одинъ этотъ фактъ доказываетъ лучше всякихъ аргументовъ право Всевышняго располагать скипетрами и ко-

ронами! Паденіе Наполеона доказываетъ, что это право прекратилось только для того, чтобы могли совершиться всѣ бѣдствія, обрушившіяся на землю съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало дѣйствовать. Если бы Наполеонъ еще царствовалъ, то династіи его братьевъ упрочились бы на престолахъ, на которые онъ ихъ посадилъ. Испанія не утонула бы въ крови своихъ дѣтей. Враги Божественнаго Права давно уже были бы въ больницѣ св. Пелагіи или въ Бисетрѣ.

Молодой французскій писатель, г. Вейлло (Veillot) проповѣдуетъ очень мудрую и возвышенную философію, проводя въ своемъ трудѣ: «Les pèlerinages de Suisse», тотъ взглядъ, что истинные принципы общества должны быть основаны на религіи.

«То, что разрушено невѣріемъ,—говоритъ онъ,—не можетъ быть восстановлено никакою политикою. Партіи побѣдятъ другъ друга, и каждая въ свою очередь будетъ властвовать, но народъ будетъ только мѣнять свое рабство, зачастую въ ущербъ себѣ. Для народовъ существуетъ только одинъ законъ, которымъ они должны руководствоваться въ жизни на пути къ достиженію счастья и свободы; это законъ Божественный, дѣлающій людей братьями, дающій цѣлой націи, какъ одному человѣку, одинаковыя мысли, обязанности, цѣли, внушающій низшимъ терпѣніе, высшимъ умѣренность и всѣмъ вообще надежду и милосердіе. Когда вы уничтожите этотъ законъ, когда, порвавъ связь, существующую между Богомъ и человѣкомъ, вы порвете вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе слабую связь, существующую между людьми, т. е. когда среди высшихъ не будетъ болѣе вѣры, а у низшихъ—надежды и никто не будетъ знать, что такое милосердіе и взаимное довѣріе, тогда не ищите болѣе среди людей того, что можетъ дать счастье человѣчеству, вы ничего не найдете. Вы вращаетесь въ заколдованномъ кругу, и всѣ достигаемые вами успѣхи ограничиваются тѣмъ, что ваши безумныя ожиданія смѣняются съ шумомъ и трескомъ въ погонѣ за панацеями, придуманными шарлатанами. Что хорошаго можно ожидать отъ этихъ революцій, которыя представляютъ собою не что иное, какъ столкновеніе безнравственности, борьбу плутовъ или, лучше сказать, шакаловъ, оспаривающихъ другъ у друга свою гнусную добычу. Развращенная нація представляетъ отравленную добычу для тѣхъ, кто ее эксплуатируетъ, и причиняетъ имъ смерть.

«Для народа, утратившаго вѣру, не можетъ быть болѣе счастья. спокойствія и успѣховъ. Всякое общество, всякая социальная единица имѣетъ въ своихъ нѣдрахъ много несчастныхъ, а безъ религіи несчастные страдаютъ вдвое; безъ покорности судьбѣ, внушенной съ дѣтства, всѣ страдающіе захотятъ всегда прекратить свои страданія; невѣрующее общество всегда признаетъ за ними это право, потому что

оно плохо воспитываетъ своихъ дѣтей; оно не внушаетъ имъ ту религиозную стойкость, которая даетъ возможность надѣяться на будущее.

«Существуетъ только одно право, не поддающееся умствованію, это Божественное Право. Когда законы вытекаютъ не изъ него, то они протекаютъ изъ силы или коварства и ихъ побѣждаетъ вскорѣ другая сила, другое насиліе. Управляемые находятъ всегда тысячу весьма ясныхъ доводовъ въ свою пользу, дѣйствуя казнями и палачами. Но въ такомъ случаѣ осужденный не есть преступникъ, котораго наказываютъ, это побѣжденный, котораго убиваютъ, а для побѣдителей подобныя побѣды могутъ считаться на половину пораженіемъ.

«Я хочу, чтобы тотъ, который приказываетъ мнѣ повиноваться, былъ справедливъ, а можетъ ли это быть, когда справедливость не внушена ему свыше, и какъ могу я ему повиноваться, когда только одно насиліе составляетъ все его право на мое подчиненіе. Я хочу, чтобы тотъ, кто велитъ мнѣ страдать, велѣлъ бы мнѣ также надѣяться. А на что я могу надѣяться, когда моя вѣра состоитъ изъ обрывковъ, когда мой материализованный духъ не можетъ постигнуть иныхъ наслажденій кромѣ наслажденій міра сего и когда я вижу, что всѣ эти радости зависятъ отъ случайности рожденія, отъ силы и безчестности?

«Какъ христіанинъ и покорный сынъ святой церкви, я безъ труда покоряюсь ничтожности моего положенія, такъ какъ я могу быть на небѣ всѣмъ равнымъ и чѣмъ болѣе я буду смирененъ въ сей кратковременной жизни, тѣмъ болѣе я буду блистать въ вѣчной славѣ. Я вѣрую, что всякое могущество исходитъ отъ Бога, и покоряюсь во всемъ, что не противно моимъ убѣжденіямъ, даже самому жестокому, самому несправедливому могуществу; я покоряюсь не только безропотно, но даже съ радостью, ибо твердо увѣренъ, что Господь не посылаетъ мнѣ ни одного страданія, которое не было бы искупленіемъ; я весело несу бремя смиренія, принужденія и горести, потому что Богъ никогда не пошлетъ мнѣ того, что мнѣ не по силамъ.

«Но если вы сдѣлали изъ меня человѣка индифферентнаго или атеиста, если вы отвлекли меня отъ повиновенія Богу, то по какому праву хотите вы заставить меня склониться передъ вашей волей? Кто сдѣлалъ васъ моими повелителями? кто сдѣлалъ васъ законодателями и судьями? Почему вы богаты, а я бѣденъ? Почему вы задыхаетесь отъ излишества, когда у меня нѣтъ необходимаго? Отвѣта нѣтъ. Вы предписываете мнѣ свои законы, я излагаю вамъ свои нужды.

«И вы не убѣдите меня, что я преступникъ, слышите ли вы? Я врагъ, болѣе того, я человѣкъ угнетенный.

«А теперь берегитесь! Я не успокоюсь, пока я не займу перваго мѣста; не будетъ свободы до тѣхъ поръ, пока какой бы то ни былъ законъ

будеть стѣснять малѣйшую изъ моихъ страстей; не будетъ довольства, пока у меня будетъ какое-нибудь желаніе...

«Я не обязанъ жалѣть людей, которые не сказали мнѣ, что существуетъ Богъ, и которые своими поступками какъ-бы отрицаютъ Его существованіе. Для того, чтобы покорить меня, нужно будетъ или употребить насиліе или превратить меня окончательно въ животное.

«Безъ этой истинной философіи нѣтъ инаго права кромѣ силы, кандаловъ и картечи, которые могутъ очутиться въ рукахъ самаго гнуснаго негодяя. Если бы Божественное Право и Провидѣніе могли быть оспариваемы простымъ здравымъ смысломъ, то какъ объяснить тогда дерзость тирана и низость раба?»

Я привожу съ удовольствіемъ здравыя разсужденія молодаго французскаго писателя потому, что они оспариваютъ побѣдоносно тотъ принципъ, на основаніи котораго люди судятъ о всѣхъ событіяхъ въ мірѣ, какъ о простомъ результатѣ власти; власть же эта называется произвольною. На землѣ нѣтъ ничего произвольнаго, кромѣ поступковъ, противныхъ Божественной истинѣ и голосу совѣсти, неусыпленной привычкою къ преступленію. Какой-нибудь Атиллы, Чингисъ-хань, Неронъ, Людовикъ XI, Титъ, Генрихъ IV, Наполеонъ, султанъ, даже великій Моголь такъ же точно, какъ царь самаго маленькаго дикаго племени, пользуются властью только въ силу Божественнаго права, точно такъ же, какъ ею пользуются палаты у другихъ народовъ. Этимъ людямъ дана власть для того, чтобы осчастливить народы или составить ихъ несчастіе. Всякое могущество или власть исходятъ отъ Бога, не въ обиду будь сказано философамъ. Если бы міръ существовалъ еще милліонъ годовъ, то судьбы Божіи, которыя проявляются чрезъ его ставленниковъ, будь они Александры Македонскіе, Наполеоны или Мараты, достигли бы въ концѣ концовъ своей цѣли, тогда какъ имена исполнителей этихъ судебъ будутъ забыты, какъ забываются люди, сыгравшіе свою роль до конца.

Со времени американской революціи, бросившей въ Европу революціонный факель, который зажегъ во Франціи пламя, уничтожившее всѣ старинныя трактаты, на коихъ основывались публичныя права народовъ, Европа совершенно преобразилась, лишь только Наполеонъ лишился власти.

Франція, нѣсколько вѣковъ управляемая неограниченною монархическою властью, представляла нѣчто вродѣ побочнаго правительства. Людовикъ XVIII, водворенный, какъ принято говорить, союзными монархами на престолѣ Бурбоновъ, не имѣлъ ни добросовѣстности, ни ума ставленника Божьяго, онъ не могъ угадать Его планы и исполнить Его повелѣнія. Онъ хотѣлъ царствовать милостью Божіею, но независимо отъ этой милости, руководствуясь только духомъ времени и робкой политикою своихъ современниковъ; ему приходилось найти между этими

двумя противоположностями среднюю точку и балансировать, чтобы удержаться на престолѣ. Тѣсный съ одной стороны ультрароялистами, малочисленная партія которыхъ не могла перетянуть вѣсы на его сторону, съ другой—большинствомъ націи, привыкшей со времени революціи къ республиканскимъ взглядамъ, которые не могло искоренить слишкомъ кратковременное царствованіе Наполеона, Людовикъ XVIII былъ принужденъ дать конституціонную грамоту, къ которой стремится всякая революція. Предлогъ, чтобы царствовать, удался ему, такъ какъ въ ту эпоху великія державы, державшія Францію въ своей зависимости, находили для себя выгоднымъ помѣшать тому, чтобы въ Европѣ вспыхнула новая революція.

Его правленіе было образцомъ человѣческой осторожности, измышляющей всевозможные способы, чтобы не скользить по наклонной плоскости.

Ультрароялистъ и католикъ, онъ старался согласовать непримиримое: религію съ невѣріемъ, дворянство съ санкюлотизмомъ, интересы свои личные и своего дома съ интересами народа, привыкшаго считать себя самодержавнымъ. Надобно признать, что, обладая удивительнымъ тактомъ, Людовикъ сѣумѣлъ при жизни устранить всякое столкновение, какъ Карлъ X вызвалъ его, не сѣумѣвъ разрѣшить вопроса однимъ ударомъ. Царствованіе Людовика XVIII было новымъ доказательствомъ того, что онъ дѣйствовалъ исключительно въ своихъ личныхъ видахъ, не согласовавшихся съ видами Провидѣнія, которое готовило для Франціи иной порядокъ вещей.

Германія уже не была болѣе тою Священною Римскою имперіей, глава которой, эрцгерцогъ австрійскій, смотрѣлъ на своихъ властителей, называемыхъ курфюрстами, какъ на знатныхъ должностныхъ лицъ своей императорской короны, стоящихъ ниже его монаршаго достоинства. Австрія не имѣла болѣе въ Германіи того вліянія, какъ прежде. Ей нужно было отдохнуть отъ испытаннаго ею утомленія, чтобы упрочить новую роль, которую она должна была играть на континентѣ, какъ имперія. Возстановивъ свои матеріальныя потери, ей нужно было время, чтобы достигнуть полной независимости и имѣть вліяніе на дѣла.

Пруссія была поставлена наравнѣ съ первыми державами Европы. При Наполеонѣ ей угрожала одно время опасность быть вычеркнутой изъ списка королевствъ; послѣ его заточенія, ея границы были расширены до Рейна, она получила возможность держать въ боевой готовности армію, которая могла доставить ей преобладающее вліяніе на ея сосѣдей и подавить всякую попытку возстанія внутри страны.

Голландія, Ганноверъ, Баварія, Виртембергъ сдѣлались второстепенными государствами, достаточно сильными, чтобы образовать монархическій авангардъ противъ республиканскаго движенія за предѣлами Рейна.

Остальныя маленькія германскія владѣнія радовались тому, что они не были долге безмолвными вассалами Наполеона съ званіемъ «членовъ Рейнскаго союза». Переимѣнивъ въ послѣдствіи это названіе на другое— «членовъ Германскаго союза», они только переимѣнили господина. Германія, находясь въ центрѣ Европы, можетъ быть раздавлена при первомъ столкновеніи колоссальныхъ державъ сѣверо-востока и юго-запада Европы. Прочія сѣверныя и южныя державы Европы, будучи увлечены въ борьбу, должны будутъ присоединиться къ той или другой изъ могущественныхъ державъ, которыя нападутъ съ двухъ концовъ континента на его центръ.

Италія, хотя держава воинственная, слишкомъ проникнута въ нравственномъ смыслѣ ультрамонтанскими взглядами, чтобы вліять непосредственно на Европу. Наполеонъ, водворивъ пану въ Ватиканѣ, прекрасно зналъ, что его власть не помѣшаетъ ему повелѣвать Италіей какъ провинціей своей Имперіи. Онъ далъ Риму королемъ своего сына, оспаривая у папы только его мірскую власть. Духовная власть папы была необходима и полезна Наполеону для того, чтобы помазать его и провозгласить императоромъ французовъ. Что могли сдѣлать погасшія молніи св. Петра противъ зажженныхъ факеловъ короля Италіанскаго. Когда Европа успокоилась плѣненіемъ Наполеона, то вліяніе Италіи на дѣла Европы сдѣлалось снова ничтожнымъ.

Власть папы, этого единственнаго защитника римско-католической вѣры, не имѣетъ болѣе политическаго значенія въ Европѣ. Это только послѣдняя нравственная преграда, препятствующая или задерживающая окончательную побѣду протестантства, которое обязано своимъ существованіемъ и своимъ сохраненіемъ исключительно философіи, основанной на полной независимости мнѣній. Какъ только католики перестанутъ признавать папу или власть начальствующихъ лицъ, то единство вѣры рухнетъ и весь западъ сдѣлается протестантскимъ или реформатскимъ. Дѣйствительно, несмотря на все злоупотребленія, въ которыхъ исторія обвиняетъ Римъ и въ которыхъ по сей часъ можно обвинять его и нѣкоторыхъ личностей, опозорившихъ папскую тиару или злоупотреблявшихъ властію, которую она имъ давала, надобно сознаться, что эта тиара есть единственная власть, сохраняющая въ теченіе 18 вѣковъ единеніе вѣры въ западной католической церкви, которая одна изъ всехъ христіанскихъ церквей не раздирается смутами и сектами, чѣмъ не можетъ похвалиться протестантство.

Австрія держитъ ключи Италіи и имѣетъ слишкомъ большое вліяніе на полуостровъ, чтобы Италія могла беспокоить Европу. Ея вліяніе на континентъ окончилось вмѣстѣ съ Наполеономъ.

Испанія и Португалія, эти геркулесовы столбы Европы, не имѣютъ на нее никакого вліянія точно такъ же, какъ Италія: прижатые къ

океану и къ Средиземному морю, онѣ должны бояться одной Англїи, которая властвуетъ даже надъ испанскою территорїей въ Гибралтарѣ. Вліяніе Франціи на эти двѣ страны не столь опасно. Пиренеи всегда будутъ парализовать враждебныя предпрїятія французовъ. Чтѣ сдѣлалъ Наполеонъ, того не сдѣлать другому.

Русскій орелъ, испытавъ въ 1812 году свои силы и давъ себѣ отчетъ въ нихъ, не долженъ болѣе бояться ни востока, ни запада. Крылья этого орла сьумѣютъ всегда отстранить всякое нападеніе на территорію, надъ которой онъ паритъ, и даже уничтожить всякую державу, которая захотѣла бы попытаться это.

Со скалы св. Елены Наполеонъ видѣлъ, какъ всѣ его братья, родственники и генералы или министры были свергнуты съ дарованныхъ имъ престоловъ. Всѣ эти престолы были вновь заняты ихъ законными монархами, которыхъ произволь посторонней силы лишалъ ихъ законныхъ правъ. Мюратъ заплатилъ жизнью за попытку вернуть неаполитанскій престолъ; короли Испанскій, Вестфальскій и ихъ братъ Луціанъ, ревностный республиканецъ, удовольствовались при своихъ огромныхъ состояніяхъ княжескими и графскими титулами. Одинъ Бернадоттъ, призванный Швеціей въ преемники Карла XIII и много способствовавшій низверженію власти Наполеона, остался неприкосновененъ на первой ступени престола Карла XII и носить до нынѣ, какъ король Скандинавіи, корону трехъ королевствъ.

Можно подумать, что Европа проливала въ продолженіе полулѣтка свою кровь, только для того, чтобы видѣть на престолѣ это дѣтище французской революціи, который, родившись католикомъ, принялъ протестантство и сдѣлался королемъ страны, изгнавшей своихъ законныхъ монарховъ, чтобы повиноваться гасконцу. Увѣряйте послѣ этого, что монархи царствуютъ не по Божескому Праву и не по милости Того, Который допустилъ, чтобы въ одной изъ сѣверныхъ странъ была изгнана законная династія и на ея мѣсто возсѣлъ французъ, рожденный въ ничтожествѣ на берегахъ Гаронны.

Англїя, имѣя въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ Гибралтаромъ Мальту и Іоническіе острова, успокоенная относительно морской торговли паденіемъ Наполеона, а съ нимъ вмѣстѣ и континентальной системы, не имѣя болѣе опасеній на счетъ своихъ владѣній въ Индіи, не находила никакого повода препятствовать водворенію мира въ Европѣ. Четверной союзъ еще не прельщалъ ее. Сентъ-Джемскій кабинетъ дѣйствовалъ заодно съ монархами, подписавшими актъ Священнаго Союза и, не участвуя въ этомъ актѣ, подписывалъ вмѣстѣ съ ними трактаты, опредѣлившіе тотъ порядокъ вещей, который установила на континентѣ только-что окончившаяся война.

Турція, утратившая при Махмудѣ до нѣкоторой степени свой національный характеръ, не внушала болѣе опасеній. Въ то время можно было предвидѣть, что ея паденіе будетъ неизбѣжно, какъ только она сдѣлается мишенью русской или англійской политики.

Можно сказать утвердительно, что политическое существованіе Пруссіи зависѣло всецѣло отъ вторженія французовъ въ Россію. Если бы Наполеону удалось, или, лучше сказать, если бы ему было суждено заставить императора Александра войти въ его намѣренія, то раздробленная Пруссія была бы вычеркнута изъ списка независимыхъ государствъ Европы и если бы даже Наполеонъ изъ уваженія къ Александру оставилъ Фридриху III королевскій титулъ, то онъ все же поставилъ бы его въ положеніе вассала, безмолвнаго исполнителя своей воли. Пруссія, возвышенная и расширенная, сдѣлалась перворазрядною великою державою. Служа авангардомъ Россіи, она заимствуетъ свою силу отъ этой Имперіи; будучи въ союзѣ съ нею, она повелѣваетъ всею Германіею до Рейна.

Однимъ словомъ, Россія и Пруссія такъ тѣсно связаны своими естественными интересами, что разрывъ этой тѣсной связи повлекъ бы за собою политическій упадокъ послѣдней и поставилъ бы первую въ положеніе постоянной неизвѣстности относительно Польши, которая никогда не сдѣлается Венгріей или хотя бы Ирландіей. Тѣсный союзъ Россіи, Австріи и Пруссіи, заключенный съ цѣлью помѣшать Польшѣ сбросить своими собственными силами иго, которое она несетъ, будучи включена во владѣнія этихъ трехъ великихъ державъ—единственное средство, способное удержать Польшу въ томъ положеніи, въ которомъ она находится. Мало нѣсколькихъ вѣковъ, чтобы лишить поляковъ ихъ національнаго характера и сдѣлать ихъ русскими, австрійцами и пруссаками. Ясно, что этотъ тревожный вопросъ долженъ внушать постоянныя опасенія, но такъ какъ раздѣлъ Польши уже совершился, то нѣтъ иного средства удержать ее кромѣ силы. Россія, Австрія и Пруссія волей-неволей должны были подать другъ другу руку для того, чтобы охранять клѣтку, въ которой онѣ держатъ Польшу, которая никогда не откажется отъ мысли возстановить свои старинныя права и вольности.

Дружба, существовавшая между Александромъ и Фридрихомъ, усиленная взаимными интересами обѣихъ державъ, была причиною брака, заключеннаго между братомъ русскаго императора и дочерью короля прусскаго. Этотъ бракъ упрочилъ союзъ двухъ монарховъ. Надобно было устранить отъ престола великаго князя Константина, прямаго наследника, такъ какъ императоръ Александръ былъ бездѣтенъ. Это было не трудно. Константинъ, вступившій въ мorganатическій бракъ съ польскою, дѣвицею Грудзинскою, извѣстною подъ именемъ княгини Ловичъ, отказался отъ своего права царствовать послѣ брата, и дочь прусскаго короля

вступила въ бракъ со вторымъ братомъ императора, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Европа была умиротворена силой. Союзныя арміи возвратились къ своимъ очагамъ. Императоръ Александръ возвратился въ свои владѣнія. Война окончилась плѣненіемъ Наполеона; во Франціи царствовала старшая линия Бурбоновъ. Германія была избавлена отъ подчиненія французскому скипетру, передъ которымъ заставилъ ее преклониться покровитель Рейнскаго союза; но въ ней сильно укоренился духъ либерализма. Не легко уже было подчинить слѣпому повиновенію цѣлое поколѣніе, всосавшее съ молокомъ пагубныя идеи новой философіи.

Религія не являлась болѣе нравственной уздой, сдерживавшею колеблющіеся умы въ повиновеніи вѣрѣ. Протестантство приучило ихъ къ независимости. Гражданскіе законы, безсильны; тамъ, гдѣ ихъ заставляютъ бояться веревка или топоръ палача, не могли болѣе сдерживать стремленія къ завоеванію той полной независимости мнѣній и дѣйствій, которую возбудило провозглашеніе правъ человѣка. Германія проповѣдывала эти права со всѣхъ своихъ университетскихъ кафедръ; въ ней возникали общества всевозможныхъ оттѣнковъ, чтобы поддерживать это стремленіе къ свободѣ, знамя которой Франція держала высоко. Всѣ страны, входившія въ составъ древней Римской имперіи, требовали конституцій. Либералы высказывали на словахъ и въ зажигательныхъ сочиненіяхъ все отвращеніе, которое имъ внушало мысль о произволѣ. Студентъ Зандъ убилъ Коцебу. Студенты другихъ университетовъ покушались убить г. Стурдзу, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, состоявшаго на русской службѣ, за то, что онъ издалъ сочиненіе, направленное противъ германскихъ университетовъ. Товарищество Тугендъ-Бунда и разныя ассоціаціи всевозможныхъ оттѣнковъ торжественно провозглашали войну монархическимъ принципамъ. Философія со всѣхъ кафедръ провозгласила себя защитницею правъ человѣка, ея адепты нападали на христіанскую религію и не признавали иныхъ истинъ, кромѣ тѣхъ, которыя допускаетъ разумъ и современная философія. Матеріальныя бѣдствія войны окончились, но за то велась ожесточенная война антимонархическихъ и антихристіанскихъ взглядовъ противъ религіи и престоловъ.

Императоръ Александръ, проникнутый либерализмомъ Лагарпа, провялялъ до 1812 г., съ самаго воцѣленія своего на престолъ, такія наклонности, которыя придали смѣлость либеральной партіи, во главѣ которой стоялъ Сперанскій.

Въ Петербургѣ не было университета. Былъ основанъ Педагогическій институтъ для образованія профессоровъ, и студенты духовныхъ семинарій поступали въ институтъ для прохожденія курса наукъ и

занятія потомъ мѣсть учителей въ низшихъ школахъ и мѣсть профессоровъ въ университетахъ. Профессоровъ изъ нѣмецкихъ университетовъ не хотѣли приглашать; русскому посланнику въ Вѣнѣ было поручено найти въ австрійскихъ владѣнiяхъ людей способныхъ занять каеедры института: предполагалось, что народное образованiе въ Австрiи было благонадежнѣе доктринъ нѣмецкихъ философовъ. Тѣмъ не менѣе духъ, въ которомъ преподавали въ институтѣ философію и право, нисколько не отличался отъ того духа, въ которомъ эти науки преподавались въ Германiи.

Приглашенные въ институтъ личности карпато-русскаго происхожденiя были простыми школьными учителями, начиненные обыденною схоластикой и мало способные образовать хорошихъ преподавателей, а тѣмъ менѣе хорошихъ профессоровъ; но такъ какъ дѣло шло объ ихъ собственныхъ интересахъ, то они взялись за дѣло съ очень ограниченными способностями и съ весьма скуднымъ знанiемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ; придерживаясь современной философіи и руководствуясь нѣмецкими авторами, чтобы преподавать философію, права, политическую экономiю и тѣ жалкіе клочки науки, облеченные въ разныя теорiи, которыя именуются въ Германiи статистикою, финансовою наукою и камеральными науками. Вся эта идеологія еще болѣе способствовала распространенiю пагубныхъ взглядовъ въ дѣлѣ народнаго образованiя.

Въ Царскомъ Селѣ былъ основанъ лицей для дворянства по примѣру французскихъ коллегій. Императоръ хотѣлъ посадить въ немъ на ученическую скамью своихъ меньшихъ братьевъ, чтобы прiобрѣсти имъ народную любовь, но эта мысль не осуществилась. Великіе князья не учились въ лицей. Нельзя пройти также безъ вниманiя, что нѣмецъ, по имени Фесслеръ, былъ приглашенъ преподавать древніе языки и философію въ духовной православной Александрo-Невской академіи. Фесслеръ, философъ и протестантъ, былъ вскорѣ обличенъ и уволенъ; но это не помѣшало ему получить впослѣдствіи мѣсто суперъ-интендента протестантской епархіи въ одной изъ внутреннихъ губерній Имперіи.

До своего паденiя Сперанскій былъ единственнымъ двигателемъ, пускавшимъ въ ходъ всѣ эти либеральныя нововведенiя. Александръ еще мало зналъ страну и вѣрилъ чистосердечно во все, что, какъ ему казалось, способствовало благосостоянiю Имперіи. Приходится сознаться, что самыя благія намѣренiя не приводятъ къ хорошимъ результатамъ, если они не основываются на опытности.

Александръ прiобрѣлъ эту опытность со времени своего разрыва съ Наполеономъ. Нашествіе французовъ, война, которую ему пришлось вести, его усилiя, успѣхи, путешествiя—все научило его отличать теорію отъ дѣйствительности, все убѣдило его въ томъ, что расчетъ на

случайности не можетъ быть допущенъ въ искусствѣ царствовать. Пятнадцать лѣтъ испытаній, противодѣйствія, разочарованій утомили его. Вложивъ мечъ въ ножны, онъ мечталъ заняться дѣйствительнымъ благосостояніемъ своей обширной Имперіи. Но время не въ рукахъ человѣка. Сегодня побѣдитель, завтра побѣжденный, человѣкъ на престолѣ и на соломѣ можетъ только быть исполнителемъ воли Провидѣнія, которое всѣмъ повелѣваетъ, всѣмъ руководить. Если онъ осмѣлится преслѣдовать свои собственные планы и поступать по своей волѣ, игнорируя руку, управляющую имъ, онъ все запутываетъ и погибаетъ подъ бременемъ, которое онъ самъ навлекъ на свою голову. Его замѣняетъ другой, который подвергнется той же участи, если и онъ отдалится отъ начертаннаго судьбою пути.

Добрыя намѣренія, врожденныя характеру Александра, остались все тѣ же, но тяжелыя испытанія и разочарованія, которыя ему пришлось пережить, утомили его и ослабили его силу воли. Десять лѣтъ спустя послѣ нашествія французовъ онъ уже не былъ могущественнымъ двигателемъ въ рукахъ Создателя міра, направлявшаго его для того, чтобы унижить гордость другаго двигателя, который не призналъ своего назначенія, ставя свою славу и свою волю выше могущества и неисповѣдимыхъ судебъ Божественнаго Провидѣнія.

Либерализмъ пустилъ довольно глубокіе корни, съ тѣхъ поръ какъ общественное воспитаніе и образованіе были построены на принципахъ, чуждыхъ нравамъ, правительству и религіи страны. Военные, которые провели довольно долгое время во Франціи, незамѣтно усвоили себѣ привычки и взгляды, не согласовавшіеся со строгой дисциплиною русской арміи; вообще, во всѣхъ классахъ общества замѣчалось стремленіе къ независимости, вызвавшее потрясеніе, которое не могло остаться безъ послѣдствій.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія, преобразованное въ царствованіе Александра и образовавшее отдѣльное министерство, было, къ сожалѣнію, организовано весьма плохо.

Академія наукъ, существовавшая въ Петербургѣ, и Московскій университетъ не были доступны въ предъидущее царствованіе большинству, и поэтому на нихъ нельзя было смѣтрѣть, какъ на общественныя учебныя заведенія. Точно также нельзя было считать разсадниками просвѣщенія школы, находившіяся въ большихъ городахъ и не возвышавшіяся выше понятій посѣщавшихъ ихъ учениковъ, и малое количество частныхъ пансіоновъ, которые удовлетворяли потребности въ поверхностномъ образованіи мелкопомѣстнаго дворянства, которое не было въ состояніи оплачивать учителей, приглашаемыхъ на годъ или получавшихъ вознагражденіе поурочно. Учрежденіе министерства было,

слѣдовательно, основаніемъ, на которомъ должно было быть воздвигнуто новое зданіе. Завадовскій, бывшій фаворитъ Екатерины, первый министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, не былъ человѣкомъ, способнымъ предвидѣть, что судьба Имперіи будетъ зависѣть отъ духа, коимъ будетъ руководствоваться это министерство. Такъ какъ въ странѣ еще не было университетовъ, кромѣ Московскаго, то его оставили безъ измѣненій въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ ранѣе, и занялись устройствомъ гимназій и образцовыхъ школъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣми увеличить штатъ преподавателей. Его преемникъ, графъ Алексѣй Разумовскій, человѣкъ умный, весьма образованный и просвѣщенный, былъ въ состояніи руководить научнымъ образованіемъ, но онъ былъ слишкомъ знатный вельможа, чтобы не положиться на своихъ подчиненныхъ или чтобы противиться толчку, идущему свыше. Въ юности онъ никогда не слушалъ публичныхъ лекцій и менѣе всего былъ знакомъ съ духомъ школьнаго преподаванія и съ особенностями преподавателей, чтобы на основаніи этого передѣлать систему, на которой должно было быть основано образованіе. Во время управленія имъ министерствомъ были основаны университеты въ Вильнѣ, Дерптѣ, Харьковѣ и Казани. Студенты, стипендіаты казны, были взяты изъ духовныхъ семинарій; что касается профессоровъ, то нѣкоторые изъ нихъ были вызваны изъ Германіи, другіе были взяты изъ иностранцевъ, находившихся въ Россіи и служившихъ преподавателями въ частныхъ домахъ; нѣсколько русскихъ учителей, преподававшихъ въ дореформенныхъ школахъ или окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, дополняли составъ преподавателей на различныхъ факультетахъ вновь учрежденныхъ университетовъ; они же поступали слушателями главнаго Педагогическаго института, основаннаго въ Петербургѣ. Всѣ эти университеты и школы были основаны по образцу нѣмецкихъ университетовъ и школъ. Имперія была раздѣлена на учебные округа; для надзора за ними были назначены кураторы.

Новизна дѣла была причиною, что злоупотребленія легко могли вкрасться въ систему образованія и въ администрацію университетовъ, гимназій и школъ, коимъ были даны различныя права и привилегіи. Степень доктора давала чинъ 8 класса; это было большое преимущество въ странѣ, гдѣ чинъ даетъ потомственное дворянство, со всеми присвоенными этому званію правами и преимуществами. Низшія ученныя степени также были приравнены къ извѣстному чину, дающему права личнаго дворянства. Аттестаты, дипломы и всѣ эти ученныя званія продавались съ публичнаго торга.

Проводя свои реформы, Сперанскій не терялъ изъ виду униженія потомственнаго дворянства, къ чему стремились всѣ русскіе монархи

со временъ Іоанна III, повелѣвшаго сжечь всѣ документы, подтверждавшія права бояръ.

Быль изданъ законъ, въ силу котораго дворянинъ, не окончившій университетскаго образованія, не могъ быть произведенъ въ чинъ, соотвѣтствовавшій 8 классу; эта мѣра умаляла значеніе дворянскаго званія, такъ какъ, не имѣя чина, ни одинъ дворянинъ не могъ добиться высшихъ должностей или занимать видныхъ мѣстъ, которыя, въ силу новаго закона, становились доступны только студентамъ университета, взятымъ изъ среды духовенства, и лицамъ, получившимъ воспитаніе въ гимназіяхъ и корпусахъ и принадлежавшимъ къ семьямъ личныхъ дворянъ или вышедшимъ изъ военнаго сословія; тѣ и другіе составляли двѣ трети всего російскаго дворянства, такъ какъ всякій плебей, достигшій чина юнкера, становится въ Россіи потомственнымъ дворяниномъ (?), а всякій статскій, дослужившійся на гражданской службѣ до чина 14 класса, получаетъ званіе личнаго дворянина. Сперанскій создалъ этимъ себѣ много приверженцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе потомственнаго дворянства было ослаблено поступленіемъ въ его среду многочисленныхъ выскочекъ, пользовавшихся всѣми правами этого сословія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для страны могутъ быть полезны нѣкоторыя политическія мѣры, къ которымъ правительство прибѣгаетъ иногда для избѣжанія могущей произойти рано или поздно коллизіи, которая всегда пагубна для государства, въ коемъ меньшинство пользуется слишкомъ большими преимуществами, въ ущербъ большинству; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что не всѣ политическія мѣры, принимаемыя въ администраціи страны, способствуютъ благосостоянію народа, у котораго онѣ вводятся. Для народа существуетъ возрастъ; этого не слѣдуетъ забывать.

Русскій народъ еще не вышелъ изъ дѣтства. Съ нимъ еще нельзя говорить о свободѣ. Быть можетъ, его толкали слишкомъ насильственно на путь цивилизаціи. Люди не спаржа, а народное просвѣщеніе не теплица, но оно бываетъ опасною миною, которая можетъ взорвать на воздухъ цѣлое зданіе. Въ русскихъ университетахъ, лицеяхъ и высшихъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ проповѣдывались всѣ пагубныя теоріи современной философіи. Нѣмецкія системы естественнаго права, принятыя русскими и иностранными профессорами, представляли нѣчто чудовищное и объявляли открыто войну всѣмъ нравственнымъ принципамъ. Ученіе Шеллинга и вся нѣмецкая философія и исторія, которыя преподавались съ кафедръ и проповѣдывались въ печати, дерзко подрывали основы священнаго писанія. Моисея ставили на-ряду съ языческими авторами, его описаніе потопа сравнивали съ потопомъ Девкаліона. Преданія іудеевъ, персовъ подрывали преданія Библии. Бо-

жественное право и монархическій принципъ одинаково отвергались и опровергались. Распущенность нравовъ распространялась среди воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Провозглашеніе правъ, которыя проповѣдывалъ Маратъ, не могло бы принести болѣе вреда.

Священный Союзъ былъ сокровеннымъ замысломъ прекрасной души Александра. Это была божественная поэзія, которую профаны не могли оцѣнить. Вотъ почему этотъ союзъ такъ не нравился либераламъ. Испытать въ первую половину своего царствованія всѣ превратности человѣческой судьбы, Александръ понялъ, что скипетръ не есть магическая палочка, одаренная такою властью или такимъ могуществомъ, передъ которымъ все должно преклоняться, и что даже мечъ въ рукахъ Наполеона не составляетъ залога безопасности, недоступной превратностямъ судьбы. Онъ увидалъ, что есть сверхъестественная сила, или власть, управляющая всѣмъ въ мірѣ, онъ убѣдился въ томъ, что человѣкъ могучъ только тогда, когда онъ одаренъ этой силой, и это сознаніе внушило ему мысль, что земные цари должны быть только исполнителями этой власти, возлагающей на главу ихъ вѣнцы, чтобы предписывать имъ свои законы и ихъ обязанности. Онъ захотѣлъ царствовать, какъ представитель этой высшей власти, и это желаніе внушило ему тотъ актъ, который онъ составилъ и предложилъ подписать двумъ преданнымъ и ревностнымъ своимъ сотрудникамъ: Францу II и Фридриху III, пригласивъ всѣхъ прочихъ монарховъ Европы присоединиться къ нему.

Только злоба можетъ отрицать его благія при этомъ намѣренія. Принимая въ своихъ дѣйствіяхъ за правило законъ, данный намъ Богомъ-человѣкомъ, развѣ онъ тѣмъ самымъ не приносилъ въ жертву своей собственной воли? Развѣ онъ не отказывался отъ произвола? Развѣ онъ не объявлялъ себя врагомъ всякаго насилія, всякой неограниченной власти, добровольно преклоняясь передъ волею Того, Который не дѣлаетъ различія между рабомъ и свободнымъ, Того, Кто называетъ себя отцомъ, чтобы сдѣлать всѣхъ людей братьями. Что можно сказать противъ такой философіи? Какое зло можетъ она сдѣлать человѣчеству? Развѣ англійская, американская и французская конституціи болѣе человѣчны, нежели эта Божественная конституція. Тиранинъ, который заставляетъ трепетать передъ собою именемъ Бога, никогда не посмѣетъ Его именемъ оправдывать свои жестокости.

Философскій либерализмъ, вооружившись противъ Священнаго Союза, возставалъ противъ принципа, внушившаго этотъ союзъ, точно такъ же, какъ онъ возстаетъ противъ евангелія потому, что евангеліе не допускаетъ никакихъ преимуществъ одного смертнаго въ ущербъ другому. Евангеліе проповѣдуетъ повиновеніе всѣхъ людей одному только Богу.

*

Можетъ ли тотъ, кто повинуется Божественному закону, быть тиранномъ себѣ подобныхъ.

Если между людьми родятся чудовища, то это не значить, что всѣ люди—чудовища.

Мірѣ не былъ еще на высотѣ принципа Священнаго Союза. Говоря человѣческимъ языкомъ, ему слѣдовало бы еще оставаться подъ желѣзнымъ скипетромъ Наполеона! Императоръ Александръ, постигшій принципъ, который былъ выраженъ имъ въ вышеупомянутомъ актѣ, вернувшись въ свои владѣнія, убѣдился на опытѣ, что лучшія намѣренія не въ состояніи преобразовать людей и что 18 вѣковъ, въ теченіе которыхъ люди исповѣдуютъ христіанство, было недостаточно, чтобы сдѣлать ихъ христіанами. Принципъ Священнаго Союза руководилъ Александромъ во всѣхъ его мѣропріятіяхъ, но ему пришлось уступить силѣ событій, парализовавшихъ его намѣренія. Онъ увидалъ, что народное просвѣщеніе не согласовалось съ его планами нравственнаго обновленія общества; но онъ не отступилъ передъ затрудненіями. Министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ корнѣ. Два самые могущественные двигателя человѣческихъ желаній и дѣйствій—религія и образованіе, были тѣсно связаны въ вѣдомствѣ новаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Религія должна была освящать и направлять народное образованіе.

Со времени нашествія на Россію французовъ, Александръ проявлялъ чисто христіанское смиреніе во всѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ напомнить народу, что онъ возлагалъ всѣ свои надежды на спасеніе на всемогущество Того, Который унижаетъ и возвышаетъ царства. Основываясь на этомъ, онъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, что онъ не вложитъ меча въ ножны до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ. Вернувшись со своими побѣдоносными войсками изъ Парижа, умиротворивъ Европу и возвративъ на престолы монарховъ, низвергнутыхъ Наполеономъ, онъ объявилъ свое намѣреніе воздвигнуть храмъ, посвященный Спасителю міра; этотъ храмъ былъ бы вѣковѣчнымъ памятникомъ, который напоминалъ бы потомству, что Россія обязана своимъ спасеніемъ единому Богу. Такое признаніе въ устахъ могущественнаго монарха, только-что побѣдившаго силу, грозившую поработить весь міръ и которую никакая человѣческая власть не могла остановить,—было достойно вещественнаго памятника. И хотя намѣреніе Александра осталось невыполненнымъ, исторія, говоря о достопамятныхъ годахъ, подготовившихъ паденіе Наполеона, никогда не забудетъ вписать въ свои скрижали столь смиренное и великодушное признаніе, которое Александръ торжественно провозгласилъ, объявивъ о своемъ намѣреніи воздать Божіе Богови, не присвоивая себѣ

успѣховъ, которые были завоеваны міру его твердостью и безкорыстіемъ. Какая разница въ рѣчахъ, если сравнить прокламаціи корсиканца, императора французовъ, съ манифестами самодержца всея Россіи! Манифестъ, возвѣщавшій о намѣреніи императора Александра воздвигнуть въ Москвѣ храмъ, во имя Спасителя міра, приглашалъ, въ то же время, русскихъ и иностранныхъ архитекторовъ присылать въ Императорскую академію художествъ въ Петербургъ планы и проекты этого храма и принять участіе въ конкурсѣ, который будетъ открытъ по этому поводу.

Утомленіе войны и бурное царствованіе повліяли роковымъ образомъ на характеръ Александра. По чувствамъ, которыя его одушевляли, онъ не могъ царствовать деспотично; его намѣреніе дать странѣ либеральную конституцію было преждевременно, и этотъ планъ былъ разрушенъ, быть можетъ ко благу страны, интригою, не дозволившей осуществить его: твердость оставила императора. Пресыщенный славой, могуществомъ, наслажденіями, онъ впалъ въ томленіе, скуку и не хотѣлъ болѣе принимать непосредственнаго участія въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ упадокъ энергіи былъ болѣе роковымъ, чѣмъ безмолвное отреченіе. Монархъ, какъ говоритъ Маккиавель, долженъ прибѣгать къ совѣтамъ, когда онъ находитъ это нужнымъ, но не тогда, когда этого хотятъ другіе. Самодержавный монархъ, руководимый постороннимъ вліяніемъ или расчетомъ, дѣлаетъ болѣе зла своей странѣ, чѣмъ сдѣлали бы самыя заклятыя ея враги. Если онъ ошибается, то онъ ошибается одинъ; если его обманываютъ совѣтники, то онъ будетъ постоянно ошибаться и, какъ совершенно справедливо говоритъ Маккиавель, если монархъ чувствуетъ себя неспособнымъ царствовать, то ему слѣдуетъ передать власть въ руки одного человѣка, имъ самимъ избраннаго, а не слѣдовать наущеніямъ многихъ. Александръ думалъ найти этого «одного» въ лицѣ графа Аракчеева, любимца своего отца, котораго онъ возвелъ до первыхъ ступеней престола. Онъ поставилъ его между собою и всѣми частями администраціи. Министры не имѣли болѣе прямаго доступа къ императору. Государственный Совѣтъ и Комитетъ министровъ представляли свои заключенія на рѣшеніе графу Аракчееву. Онъ сдѣлался единственнымъ органомъ воли его монарха.

Аракчеевъ, дворянинъ Новгородской губерніи, рожденный отъ весьма недостаточныхъ родителей, былъ помѣщенъ въ дѣтствѣ въ инженерный корпусъ¹⁾. Имѣя возможность сдѣлать карьеру только благодаря своимъ собственнымъ способностямъ, онъ усердно предавался изученію военныхъ наукъ. По окончаніи курса, онъ получилъ мѣсто преподавателя въ корпусѣ и, достигнувъ чина майора, нашелъ доступъ къ импе-

¹⁾ Не вѣрно.

ратору Павлу, въ то время бывшему наслѣдникомъ престола, который допустилъ его въ число немногихъ приближенныхъ къ нему лицъ. Аракчеевъ, не имѣя ни состоянія, ни покровителей, употребилъ все средства, чтобы свискать благоволеніе великаго князя, и, благодаря точному исполненію его воли, сдѣлался вскорѣ самымъ преданнымъ его слугою. Не получивъ инаго образованія, не зная иностранныхъ языковъ, кромѣ нѣмецкаго, изученнаго рутинно, онъ расширилъ кругъ своихъ познаній чтеніемъ и серьезнымъ изученіемъ наукъ, входящихъ въ кругъ военныхъ знаній. Имѣя характеръ непреклонный, онъ сумѣлъ однако подчиниться требованіямъ своего монарха и добиться этимъ его полного довѣрія, которое онъ поддерживалъ прямою своею поведеніемъ, держась вдали отъ придворныхъ интригъ; это доставило ему впоследствии девизъ, написанный въ его гербѣ: «Безъ лести преданъ», титулъ графа и состояніе, приносившее въ моментъ его смерти 200 тысячъ рублей годоваго дохода. При восшествіи на престолъ Павла, онъ былъ майоромъ, или подполковникомъ и въ скоромъ времени возвысился до чина генераль-лейтенанта и генераль-адъютанта ⁴⁾. Онъ былъ главнымъ двигателемъ по военному вѣдомству и самымъ преданнымъ слугою своего монарха. Передъ смертью Павла все было пущено въ ходъ, чтобы отдѣлить его отъ монарха вмѣстѣ съ Ростопчинымъ; заговорщики отлично знали, что присутствіе этихъ двухъ лицъ разрушитъ ихъ планы.

Двойственность, съ какою долженъ былъ дѣйствовать императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, чтобы не вызвать неудовольствія тѣхъ лицъ, которыя вложили въ его руки скипетръ довѣріемъ къ человеку, который былъ ненавидимъ въ царствованіе его отца, заставила его противъ воли отдалить отъ себя Аракчеева; онъ получилъ отставку и уѣхалъ въ свое прекрасное помѣстье, въ Новгородской губерніи, которое перешло, послѣ его смерти, послѣдовавшей въ царствованіе императора Николая, въ собственность кадетскаго корпуса, основаннаго въ Новгородѣ и носящаго названіе Аракчеевскаго. Онъ умеръ бездѣтнымъ, лишивъ наслѣдства своихъ братьевъ и оставя громадное состояніе въ распоряженіе своего монарха, выговоривъ въ завѣщаніи только одно право: положить въ государственный банкъ 50 тысячъ рублей, которые черезъ сто лѣтъ составятъ капиталъ, превышающій миллионъ, и будутъ выданы въ вознагражденіе за лучшую исторію царствованія его благодѣтеля императора Александра, представленную на конкурсъ, сто лѣтъ спустя послѣ его кончины. Какъ ни кажется страннымъ подобное завѣщаніе, но оно доказываетъ, что Аракчеевъ хотѣлъ воз-

⁴⁾ Все біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя Руничемъ объ Аракчеевѣ, не точны.
Р е д.

двигнуть вѣковѣчный памятникъ Александру. Современники льстивы. По прошествіи вѣка лѣсть утрачиваетъ свое значеніе. Потомство можетъ лгать и льстить только по невѣжеству. Мысль Аракчеева, весьма наивная, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрная, не можетъ быть искажена. Даже у Нерона были при жизни люди, воспѣвавшіе ему панегирики. Когда исторія не подтверждаетъ самымъ неоспоримымъ образомъ, что Божественное Провидѣніе все, а человѣкъ ничто, она дѣлается самой гнусной и опасной для человѣчества ложью (?).

Упрочившись на престолѣ, Александръ снова призвалъ Аракчеева, и въ эпоху его смерти Аракчеевъ, какъ я уже сказалъ выше, былъ всесилень.

Основаніе военныхъ поселеній въ Россіи относится къ тому времени, когда графъ Аракчеевъ былъ всемогущъ. Было бы трудно доказать фактами, былъ ли этотъ планъ задуманъ самимъ императоромъ или предложенъ Аракчеевымъ ¹⁾; но несомнѣнно, что, приведенный въ исполненіе, онъ былъ полезенъ для цивилизаціи народа, коего низшіе классы были еще погружены въ невѣжество, и что поселенія служили рассадникомъ для комплектованія арміи, въ которомъ солдатъ долженъ былъ всосать съ материнскимъ молокомъ военные привычки и взгляды. Русскій народъ, какъ я уже сказалъ, пребывая въ своемъ невѣжествѣ и апатіи, врагъ всякаго порядка и нововведеній.

Въ военномъ поселеніи крестьянинъ находился подъ такой суровой опекою, которая совершенно лишала его свободы. Трудно было подчинить этому режиму крестьянина, привыкшаго видѣть въ сельскомъ занятіи прелесть независимости. Крестьянъ, жившихъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ большинство населенія держится упорно старыхъ обрядовъ и старинныхъ обычаевъ, было еще труднѣе подчинить новымъ правиламъ и заставить признать порядокъ вещей, который они считали противнымъ вѣрованіямъ ихъ отцовъ, ихъ душевному спасенію и ихъ интересамъ, которые они прикрывали этими расужденіями.

Для перваго опыта была избрана Новгородская губернія, чтобы облегчить графу Аракчееву, владѣвшему тамъ огромными помѣстьями, возможность устроить образцовыя поселенія и наблюдать за ними лично. Въ то же время близость къ столицѣ давала возможность быстро придти на помощь въ томъ случаѣ, если бы принятіе суровыхъ мѣръ потребовало поддержки вооруженной силы. Казенныя земли, назначенныя для

¹⁾ Въ настоящее время точно извѣстно, кто былъ творцомъ военныхъ поселеній.

поселеній, были заселены старообрядцами и прочими раскольниками, потомками старинной новгородской вольницы; это было населеніе непокорное, дорожившее своими старинными правилами, и его постоянно приходилось сдерживать силой, которую русскіе монархи употребляли искони противъ гражданъ, входившихъ въ составъ ганзейской республики, всегда оказывавшихъ этой вооруженной силѣ дружный отпоръ.

То же противодѣйствіе обнаружилось, когда ихъ принудили принять нравы, не согласовавшіеся съ ихъ непреклоннымъ характеромъ, который выработался подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ вѣрованій. Перемѣна костюма и обязательство обрить бороду, непремѣнную принадлежность старообрядцевъ, казались имъ уступкой, которая повлечетъ за собою муки ада. По своей глупости или по расчету они уступили только передъ суровыми мѣрами Аракчеева, не отказываясь, однако, отъ своей вѣры. Новгородскія военныя поселенія были учреждены; населеніе болѣе ста тысячъ душъ было обрито и одѣто по-полувоенному. Въ сельскомъ хозяйствѣ и въ образѣ жизни поселянъ былъ введенъ порядокъ, совершенно отличный отъ ихъ привычекъ. Строгая дисциплина была введена даже въ частную жизнь крестьянъ; были предприняты громадныя работы, сооружались колоссальныя каменныя зданія, словомъ, внѣшній видъ поселеній представлялъ такую перемену, что казалось, будто она была произведена мановеніемъ волшебнаго жезла. Выбѣтъ съ крестьянами былъ поселенъ армейскій корпусъ, и нѣсколько лѣтъ спустя новгородскія военныя поселенія представляли картину самаго великолѣпнаго порядка, изобилія и стройной жизни, дотолѣ невиданной. Но подъ пеломъ тлѣлъ огонь возстанія; всѣ бывшіе свидѣтелями бунта, вспыхнувшего въ этихъ поселеніяхъ въ царствованіе императора Николая, въ то время, когда холера свирѣпствовала въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, или знавшіе подробности этого событія, согласятся вѣроятно съ тѣмъ, что лишеніе свободы никогда не забывается народомъ. Самые безчеловѣчныя ужасы и жестокости проявились въ этихъ поселеніяхъ не только по отношенію къ начальствующимъ лицамъ и служащимъ; но даже ихъ жены и дѣти подвергались пыткамъ, отъ которыхъ содрагается воображеніе, или были безжалостно убиты. Вооруженная сила положила конецъ всѣмъ этимъ ужасамъ. Военныя поселенія были приведены къ порядку; главные зачинщики были судимы военнымъ судомъ, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Наказанію подверглась, какъ говорятъ, треть всѣхъ военныхъ поселянъ. Поселенія, учрежденныя въ Бѣлорусіи и Новороссійскомъ краѣ, не принимали участія въ бунтѣ; они остались неприкосновенны; но въ ихъ управленіи были введены незначи-

тельные измѣненія. Новгородскія военныя поселенія были совершенно преобразованы, и ихъ населеніе образовало классъ крестьянъ, извѣстныхъ въ Россіи съ давнихъ временъ подъ именемъ «солдатъ-землепашцевъ».

Перев. В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Письма вел. кн. Константина Павловича—Федору Петровичу Оло-
чинину о художникѣ Орловскомъ.**

1.

6-го февраля 1816 г.

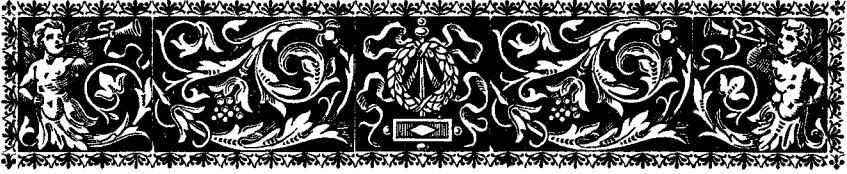
Посылая при семъ къ вамъ портфель съ рисунками мундировъ польскихъ войскъ, я прошу васъ, принявъ оныя подъ свой надзоръ, заставить лѣниваго и прелѣниваго г. Орловскаго заняться прилежнѣе оными и нарисовавъ какъ ихъ, такъ и прежде ему безъ меня данное послѣшнѣе, ко мнѣ поскорѣй доставить. За симъ вѣрьте въ моемъ къ вамъ всегдашнемъ съ дружбою уваженіи.

2.

25-го іюня 1816 г.

Не получивъ по сіе время ожидаемыхъ мною отъ г. Орловскаго извѣстныхъ вамъ рисунковъ, которые онъ такъ медленно рисуетъ, я прошу ваше превосходительство принудить его какъ можно скорѣе оныя непремѣнно окончить и объявить ему, что я ихъ ожидаю получить съ первою эстафетою.

Мелкіе рассказы Михаила Максимовича Попова.

I.

Константинъ Ивановичъ Арсеневъ.

К. И. Арсеневъ читалъ наслѣднику русскую исторію, описывалъ событія и людей откровенно, выставляя на видъ хорошее и не скрывая худаго. При чтеніяхъ объ Іоаннѣ IV сидѣлъ и императоръ Николай Павловичъ. Преподаватель, рассказавъ о первомъ блестящемъ періодѣ царствованія Іоанна, когда этотъ царь слушался совѣтовъ первой жены, потомъ Адашева и Сильвестра, перешелъ ко второй половинѣ жизни Грознаго и описалъ темныя дѣла и паденіе его духа въ яркихъ краскахъ, придерживаясь впрочемъ во всемъ Карамзину. Нельзя вывести изъ этой повѣсти другаго заключенія, кромѣ того, которое все выводятъ и которое само собою выливается изъ событій, что Іоаннъ, пока слушался совѣтниковъ, былъ мудръ и великъ, а какъ только предался одной своей волѣ, сдѣлался звѣремъ.

Приближаясь къ исторіи Петра 1-го, Арсеневъ явился къ императору Николаю ¹⁾):

— Ваше величество — сказалъ Арсеневъ, — вскорѣ я начну проходить съ наслѣдникомъ исторію Петра Великаго; какъ прикажете читать ее? долженъ ли я говорить все откровенно?

— Все, откровенно — отвѣчалъ государь.

— Но я не могу этого сдѣлать.

— Отчего? — спросилъ императоръ.

— Многія свѣдѣнія составляютъ еще государственную тайну и хранятся въ архивахъ.

¹⁾ Наставники сына имѣли къ государю всегда свободный доступъ.

— Чего жъ ты хочешь?

— Дозвольте мнѣ, ваше величество, брать изъ архивовъ все, что понадобится.

Государь позволилъ. Арсеньевъ отнесся къ В. А. Полѣнову ¹⁾. Этотъ, впрочемъ, почтенный старикъ долго отпѣкивался и не хотѣлъ ничего открыть хранящагося въ Государственномъ архивѣ. Наконецъ, не сломивъ настойчивости преподавателя, спросилъ съ досадой: «да что жъ вамъ надобно?» Арсеньевъ потребовалъ на первый разъ дѣло о Циклерѣ и судѣ надъ нимъ и царевной Софьей. Полѣновъ не далъ, да и послѣ не давалъ и другихъ дѣлъ самому Арсеньеву, но привозилъ дѣла къ наслѣднику, въ часы историческихъ лекцій, отдавалъ бумаги наставнику, а самъ сидѣлъ до конца чтенія, какъ стражъ хранимой имъ тайны. Послѣ каждой лекціи, онъ тотчасъ бралъ и увозилъ съ собой бумаги. Арсеньевъ едва успѣвалъ перелистывать дѣла, останавливаться на любопытномъ и объяснять наслѣднику; но не могъ ни снимать копій съ важныхъ бумагъ, ни дѣлать выписокъ, ни даже хорошенько вникнуть въ сущность дѣлъ. Такимъ образомъ дозволеніе государя почти ни къ чему не послужило.

Читая наслѣднику исторію Екатерины II, Арсеньевъ началъ съ того, что описалъ ея умъ, образованность, умѣнье выбирать талантливыхъ людей, смягченіе нравовъ и чувства человѣчества, введенныя ею между прежними рабами, словомъ, изобразилъ ее великою монархиней. Наслѣдникъ слушалъ съ удивленіемъ. Замѣтно было, что онъ слышитъ это въ первый разъ. По окончаніи чтенія, онъ сказалъ:

— Я совсѣмъ иначе понималъ эту государыню!

Арсеньевъ и въ слѣдующія лекціи продолжалъ описывать въ истинномъ видѣ царствованіе Екатерины, блескъ двора ея, славу ея полководцевъ, уваженіе къ ней всей Европы, переписку ея съ Вольтеромъ, Дидеро и другими учеными людьми, мудрость ея наказа, любовь къ ней подданныхъ и все, чѣмъ она заслужила имя матери, сохраняющагося и доселѣ въ народѣ. Въ то же время П. А. Плетневъ проходилъ съ наслѣдникомъ жизнь Екатерины по стихотвореніямъ Державина. И тотъ и другой дотога напитали ученика своего уваженіемъ къ этой императрицѣ, что онъ наконецъ бредилъ ея Наказомъ, ея мыслями, разсказами объ ея домашней и государственной жизни и объ ея правленіи.

Кончилось воспитаніе наслѣдника. Онъ женился. Прошло еще года четыре. Арсеньевъ изрѣдка являлся къ нему при выходахъ и другихъ случаяхъ. Разъ, послѣ одного пріема, наслѣдникъ остановилъ его и сказалъ:

¹⁾ Тогда начальнику Государственнаго архива.

— Ты представлялся моей женѣ, но коротко не познакомился съ нею; пойдемъ къ ней.

Наслѣдникъ и его супруга были очень милостивы къ нему, посадили съ собой завтракать и долго разговаривали. Послѣ того ея высочество вышла, и Арсеньевъ остался съ однимъ бывшимъ своимъ ученикомъ. Вспоминая о прежнемъ, его высочество заговорилъ о русской исторіи, о предкахъ своихъ и между ними объ Екатеринѣ. Наставникъ увидѣлъ, что всѣ уроки его пропали, что уваженіе ученика къ прабабкѣ измѣнилось.

II.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

Доживая вѣкъ свой въ Москвѣ, И. И. Дмитріевъ, въ наружности своей, сохранялъ приличную ему важность. Высокій ростомъ, осанистый, величавый въ походкѣ, въ тонѣ голоса и во всѣхъ приемахъ, онъ напоминалъ собой бывшего министра.

Личность еще болѣе украшалась славой извѣстнаго въ свое время писателя. Но онъ былъ заманчивъ только издалека. Кто узнавалъ его близко, тотъ много разочаровывался.

Министръ по наружности, благородный въ своихъ стихотвореніяхъ, осторожный и приличный въ самыхъ эпиграммахъ и сатирахъ, правоучитель въ басняхъ, проповѣдникъ нѣжности къ людямъ и даже къ животнымъ, былъ совсѣмъ не то въ домашней жизни и общественныхъ связяхъ.

Онъ былъ скупъ и одѣвалъ людей своихъ дурно, кормилъ еще хуже. Поступалъ онъ съ ними, какъ степной помѣщикъ; при самомъ малѣйшемъ проступкѣ или потому только, что самъ вспылитъ, онъ тотчасъ прибѣгалъ къ расправѣ.

Съ знакомыми онъ обращался двулично. За глаза онъ не щадилъ никого, а въ глаза казался каждому чуть не другомъ. Разъ, среди гостей своихъ, онъ описывалъ Погодина самыми черными красками, называлъ его и подлецомъ, и пронырой, что удивляется людямъ, которые принимаютъ къ себѣ такого человѣка. Вдругъ, какъ нарочно, пріѣзжаетъ Погодинъ. Всѣ въ смущеніи и ожидали исторіи... Ничего не бывало! Дмитріевъ вскочилъ съ мѣста, протянулъ дружески руку къ вошедшему гостю, упрекая его, что давно не навѣщалъ стараго знакомаго.

Иногда съ кѣмъ-либо изъ гостей онъ былъ чрезвычайно ласковъ и довѣрчивъ, такъ что можно было почестъ этого гостя самымъ близкимъ

его другомъ. Гость уѣзжаетъ, и Дмитріевъ, проводивъ его съ поклонами и просьбами навѣщать почаще, возвращается съ насмѣшками надъ нимъ! Этимъ И. И. много терялъ въ общемъ мнѣніи: люди почтенные, имѣющіе право на уваженіе, отставали отъ него; мелкіе стихоплеты, писатели, ничтожные по уму и образованію, всякій сбродъ наполняли его гостиную. За то онъ и тѣшился надъ ними какъ хотѣлъ!

Нельзя впрочемъ не сказать, что Дмитріевъ имѣлъ способность замѣчать смѣшное и все видѣнное имъ представлять въ каррикатурѣ. Въ напечатанныхъ сочиненіяхъ, онъ только переводчикъ или подражатель; въ разговорѣ онъ былъ самобытный рассказчикъ и сатирикъ; снималъ виды съ природы, писалъ портреты, то оживленные смѣхомъ, то обильные желчью и ядомъ. Слушавшіе его иногда помирали со смѣху! Еслибы онъ слѣдовалъ этому правилу въ своихъ стихотвореніяхъ, описывалъ бы то, что самъ видѣлъ, и писалъ бы такъ, какъ говорилъ, то онъ былъ бы въ сказкахъ вродѣ Гоголя, въ басняхъ вродѣ Крылова и быть можетъ превзошелъ бы ихъ потому что, собственно, слогъ больше ему дался, чѣмъ этимъ писателямъ.

Вотъ, для примѣра, одинъ изъ рассказовъ его: «Въ Англійскомъ клубѣ, въ Москвѣ, есть вѣчные посѣтители, каждый изъ нихъ сидитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, всегда одно и то же дѣлаетъ. Завяжите мнѣ глаза и привезите меня въ клубъ, водите изъ комнаты въ комнату, и я расскажу вамъ главныхъ посѣтителей. Вотъ въ первой комнатѣ Титовъ и Александръ Панинъ. Второй считаетъ перваго своимъ патрономъ и потому робокъ при немъ. Но какъ только зазвонитъ штрафный колокольчикъ, Титовъ опростетью бѣжитъ изъ клуба, чтобы не заплатить штрафа, четвертака, а Панинъ оживляется. Онъ встаетъ съ креселъ и начинаетъ ходить широкими шагами по комнатѣ.

— Человѣкъ!—кричитъ онъ.

Слуга входитъ.

— Подай мнѣ мадеры.

Ему подають рюмку мадеры. Выпивъ ее и еще сдѣлавъ нѣсколько концовъ по комнатѣ, Панинъ опять кричитъ:

— Человѣкъ! подай мнѣ мадеры.

Но вотъ входимъ во вторую комнату. Здѣсь генераль Чертковъ играетъ въ карты. Посмотрите на играющихъ съ нимъ: они его жертвы!— Вотъ въ третьей комнатѣ сидитъ Каченовскій и испускаетъ желчь на Карамзина, но, увидѣвъ меня, онъ замолчалъ. Онъ окруженъ слушателями, которые глотаютъ слюни.—Переходимъ въ комнату журналовъ. Здѣсь запрещено говорить для того, чтобы читающіе не мѣшали другъ другу, и они сидятъ съ журналами и газетами въ рукахъ молча и ничего не читая. Входятъ князь Гундуоровъ въ скюртку и за нимъ военный.

— Подай мнѣ журналъ—говоритъ князь слугѣ.

— Какой прикажете, ваше сіятельство?

— Какой! разумѣется, мой, о скачкахъ и лошадахъ.

Вошедшій съ нимъ господинъ приказываетъ подать тотъ журналъ, въ которомъ больше бранятся, и слуга, подумавъ и посмотрѣвъ на разбросанные журналы, подаетъ ему «Телеграфъ».

Вотъ мы обошли все комнаты и возвращаемся въ первую, слышимъ, что Панинъ все еще шагаетъ изъ угла въ уголъ и кричитъ:

— Человѣкъ! рюмку мадеры.

Выходя въ переднюю, спрашиваю у слуги: сколько рюмокъ выпилъ Панинъ?

— Подаю тридцать шестую, ваше высокопревосходительство—отвѣчаетъ слуга».

III.

Дмитрій Завалишинъ ¹⁾ самъ о себѣ.

Дворянинъ Дмитрій Завалишинъ, въ обширномъ письмѣ своемъ, описываетъ познанія и заслуги свои и пользу, которую онъ приноситъ и можетъ приносить особенно для Сибири, свои отношенія къ генералъ-губернатору Восточной Сибири и къ бывшему начальнику Забайкальской области и претерпѣваемыя имъ непріятности.

Подробности письма Завалишина суть слѣдующія:

Съ дѣтства онъ пристрастился къ ученію и наукамъ и столько успѣлъ, что еще юношей былъ преподавателемъ высшихъ наукъ. Онъ былъ покровительствуемъ М. П. Лазаревымъ ²⁾ и, помимо старшихъ офицеровъ, назначенъ въ кругосвѣтное путешествіе. Это путешествіе онъ совершилъ съ товарищемъ своимъ, впоследствии знаменитымъ П. С. Нахимовымъ. Изъ Америки онъ возвратился въ Россію, черезъ Сибирь, избравъ этотъ путь именно для того, чтобы изучить отдаленные края Имперіи. Здѣсь онъ познакомился со всеми дѣятелями Сибири, собралъ отъ первыхъ промышленниковъ много свѣдѣній объ устьяхъ Амура и о всехъ прилежащихъ къ нему странахъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ представлялъ императору Александру I-му предположенія свои о возможности присоединить Калифорнію, занять Амуръ и о развитіи нашего флота. Директоры Сѣверо-Американской компаніи брались на свой счетъ осуществить нѣкоторыя изъ его предположеній; Мордвиновъ, Шишковъ, Головинъ и

¹⁾ Дмитрій Ириварховичъ Завалишинъ—бывшій декабристъ.

²⁾ До ссылки въ Сибирь онъ служилъ во флотѣ.

Полетика поддерживали его; Сперанскій охотно бесѣдовалъ съ нимъ о Сибири. «Способностей моихъ—прибавляетъ Завалишинъ—не отвергали никогда и недоброжелатели; о нихъ свидѣтельствовали и необыкновенныя отличія по службѣ, не въ видѣ наградъ, которыхъ я никогда не искалъ, но въ смыслѣ довѣренности и порученій отъ такихъ лицъ, отъ которыхъ это получало особенное значеніе. Говорили же тогда, что въ такихъ чинахъ и въ такихъ лѣтахъ никому еще не удавалось имѣть ихъ».

Такимъ образомъ онъ узналъ и изучилъ Сибирь еще задолго до своего несчастія. Будучи сосланъ туда ¹⁾, онъ, во все 14-лѣтнее нахожденіе въ казематѣ, продолжалъ свои любимыя занятія и еще тамъ составилъ карту Забайкальскаго края, въ то время лучшую изъ всѣхъ. Положеніе ссыльныхъ способствовало его занятіямъ, потому что мѣстные жители оказывали ему и товарищамъ его полное довѣріе. «Мы первые—пишетъ Завалишинъ,—явились въ Сибирь людьми изъ высшаго сословія, вполне всѣмъ доступные, и при томъ съ правилами, совершенно противоположными тѣмъ, какія жители привыкли видѣть въ высшихъ себя и въ начальникахъ; они видѣли участіе и дѣлаемое добро, вмѣсто насилія и вымогательства ихъ собственнаго добра. Оттого отъ насъ никто ничего не тайлъ: и русскій, и инородецъ, и старожилъ, и поселенецъ, и казакъ, и раскольникъ открывали намъ то, чего никогда не могъ дознаться чиновникъ, да и самъ чиновникъ открывалъ намъ то, чего никогда не открылъ бы правительству. Оттого-то намъ и можно было изучать край въ дѣйствительной его истинѣ».

По переходѣ на поселеніе, для Завалишина еще болѣе открылась возможность изучать Сибирь, ибо онъ женился на дочери умершаго горнаго подполковника, въ семействѣ котораго хранились большія свѣдѣнія и преданія. Кромѣ того жители, получавшіе въ этомъ семействѣ врачевныя пособія, совѣтъ и утѣшеніе, входили съ Завалишинымъ въ близкую откровенность и передавали ему такіе документы, о существованіи которыхъ никто и не подозрѣвалъ; отъ Завалишина почти не было тайны. Подробно узнавъ обстоятельства и людей въ Сибири, онъ постоянно обращалъ изученіе, размышленія и соображенія на все, что могло относиться къ непосредственной пользѣ края и къ выгодамъ всего государства.

Обширныя познанія о краѣ, пріобрѣтенныя Завалишинымъ, по словамъ его, были причиною, что прежній и нынѣшній генераль-губернаторъ Восточной Сибири, военные губернаторы Забайкальской области, ревизовавшій сенаторъ Толстой и всѣ чиновники отъ высшихъ до низшихъ, въ важныхъ и неважныхъ случаяхъ, всегда обращались къ нему за со-

¹⁾ По дѣлу декабристовъ.

вѣтами и за свѣдѣніями, и онъ всѣмъ служилъ съ охотою и съ полнымъ безкорыстіемъ. «Сужденія мои и совѣты—пишетъ Завалишинъ—приобрѣли такую безошибочность, что постоянно оправдывались опытомъ и тѣмъ вновь предоставляли поруку для будущаго. Таковы были причины, которыя (отстраняя всякое самолюбіе) дѣлали невозможнымъ кому бы то ни было приравнять себя ко мнѣ; таковы были условія, которыя давали мнѣ неоспоримое преимущество надъ всѣми и дѣлали меня равно способнымъ къ безпристрастному и справедливому разрѣшенію мелкихъ подробностей и къ составленію общихъ соображеній. Никакой вопросъ не заставлялъ меня врасплохъ, и если я въ ту минуту не имѣлъ данныхъ для разрѣшенія, то всегда зналъ, гдѣ и въ чемъ искать ихъ. Во мнѣ въ большей, нежели въ комъ, полнотѣ, такъ сказать, жила исторія внутренней и внѣшней жизни края. Оттого-то я могу представить множество доказательствъ, что отъ мелкихъ до важныхъ людей, отъ мелкихъ до важныхъ вещей всегда обращались ко мнѣ, хотя и не всегда пользовались, какъ должно, моими указаніями и часто искажали ихъ для своихъ видовъ. Но за то я и могу доказать, что только то и бывало основательно и прочно сдѣлано, что было сдѣлано съ моимъ участіемъ или вполне по моимъ указаніямъ; что напротивъ всякое уклоненіе или замѣненіе не проходило безнаказанно, что опытъ во всемъ оправдывалъ меня, и что волею или неволею, или уже пришли или будутъ въ необходимости придти къ моимъ указаніямъ».

Все это привело къ тому, что Завалишину иногда давались порученія даже отъ правительства, и онъ наконецъ принималъ прямое участіе въ устройствѣ края общемъ и по разнымъ отдѣльнымъ частямъ. Онъ сообщилъ сенатору Толстому пространныя записки: объ общемъ устройствѣ края; о производительныхъ силахъ его и ихъ развитіи; о значеніи Сибири для Россіи; о необходимости занятія Амура и средствахъ исполненія; объ условіяхъ для выбора и назначенія лицъ; о средствахъ организаціи; объ общественномъ состояніи и разныхъ сословіяхъ въ Сибири, объ улучшеніи быта низшихъ сословій, о приведеніи къ единству разнороднаго состава; о развитіи промышленности, особенно ремесленной; о преобразованіи торговли китайской; о горной части; о военной организаціи и проч.

Генераль-лейтенантъ Муравьевъ ¹⁾ сначала оказывалъ ему полное довѣріе, прибѣгая къ его совѣтамъ, и пользовался ими. При назначеніи генераль-маіора Запольскаго военнымъ губернаторомъ Забайкальской области, Муравьевъ просилъ Завалишина содѣйствовать въ управленіи этому новому губернатору. Если вѣрить Завалишину, то онъ былъ не-

¹⁾ Впоследствии графъ Амурскій

видимую пружиною всѣхъ важнѣйшихъ преобразованій и улучшеній, занятія Амура, учрежденія въ м. Читѣ областнаго города, устройства этого города и всего, что сдѣлано хорошаго въ Восточной Сибири. Всѣ пользовались его мыслями и познаніями, но всѣ, по его словамъ, выставляли это своими личными заслугами, не упоминая о Завалишинѣ. Однажды чиновникъ, близкій къ Муравьеву, приписывалъ мысль о занятіи Амура своему начальнику, но Запольскій доказалъ ему, что этотъ предметъ обдуманъ былъ Завалишинымъ прежде и полнѣе, нежели Муравьевымъ. Тогда означенный чиновникъ замѣтилъ, что впрочемъ нельзя приписывать этой идеи и Завалишину, потому что эта идея Петра I. Завалишинъ, ссылаясь на атласъ, изданный 12 лѣтъ спустя по кончинѣ Петра I, утверждаетъ, что въ то время, по неточности свѣдѣній о Сибири, не могло быть никакихъ предположеній на счетъ Амура. Такимъ образомъ Завалишинъ, по предмету занятія Амура, не уступаетъ славы своей и Петру Великому!

Впрочемъ, Завалишинъ нигдѣ не старается унижить способностей генераль-губернатора. Онъ пишетъ только, что Муравьевъ не имѣлъ такихъ людей, которые могли бы вспомоществовать ему, и что, заимствуя предположенія цѣликомъ у него, Завалишина, онъ менѣе, чѣмъ черезъ годъ, въ состояніи былъ представить полный планъ, основательно обдуманный.

Далѣе Завалишинъ объясняетъ, что нашлись люди, которые повредили ему. По наговорамъ ихъ, генераль-губернаторъ недоволенъ имъ: 1) за чрезмѣрное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, тогда какъ это участіе онъ принималъ по его же вызовамъ и по необходимымъ требованіямъ края; 2) за нескромность будто бы его о томъ, что у него заимствовали другіе, но въ Сибири безъ него всѣмъ извѣстны были идеи его еще прежде, чѣмъ ими воспользовался генераль-губернаторъ, и 3) за независимость сужденій, которыя могли состоять развѣ въ томъ, что онъ, когда спрашивали его, откровенно выражалъ свои мнѣнія и совѣты. При этомъ Завалишинъ старается оправдать бывшаго забайкальскаго губернатора Запольскаго, потому что послѣдній во всемъ руководствовался его совѣтами, и слѣдовательно обвиненія противъ этого губернатора падаютъ и на него, Завалишина. По увѣренію Завалишина, Запольскій былъ усердный и полезный начальникъ области, и если инныя распоряженія его были не довольно основательны, то одни тѣ, въ которыхъ онъ отступалъ отъ его совѣтовъ; все же, совершенное имъ по этимъ совѣтамъ, до сихъ поръ не измѣнено и не возбуждаетъ ни ропота, ни жалобъ. Завалишинъ ясно не описываетъ, какія стѣсненія онъ протерпѣваетъ, но причисляетъ къ гоненію то, что его предназначено было перевести изъ Читы въ Западную Сибирь, для того, какъ онъ ду-

маеть, чтобы удалить его изъ Восточной ⁴⁾. Впрочемъ, Завалишинъ заявляетъ это не въ видѣ жалобы и не просить ни о чемъ, а пишетъ только для того, чтобы изобразить свое настоящее положеніе.

Новый забайкальскій губернаторъ Корсаковъ также прибѣгалъ къ его совѣту по случаю предложенія американца Коллинза провести желѣзную дорогу отъ Читы до устья Селенги и построить тамъ городъ, а для работъ доставить нѣсколько тысячъ американцевъ. Завалишинъ говоритъ, что одинъ онъ понялъ всю неосновательность этихъ предложеній и прямо высказалъ, что такая дорога не будетъ имѣть успѣха. Невыгоды произойдутъ отъ перегрузки товаровъ и отъ прерванія сообщенія весною и осенью. По мнѣнію Завалишина, надлежитъ стараться объ устройствѣ хотя труднѣйшей, но болѣе полезной желѣзной дороги кругомъ Байкала, которая бы обезпечивала непрерывное и скорое сообщеніе съ Иркутскомъ. Равнымъ образомъ, и привозъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ изъ-за границы Завалишинъ находитъ вреднымъ, ибо отъ этого прибавится еще новый элементъ въ Сибири, которая и безъ того вся состоитъ изъ множества разныхъ племенъ, болѣе враждебныхъ, нежели дружественныхъ намъ. Онъ полагаетъ, что было бы лучше, для работъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Сибири, переселить туда нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ Россіи. Это было бы полезно и въ видахъ увеличенія тамъ русскаго элемента, дабы Сибирь не разъединилась, какъ нынѣ, съ прочими частями Имперіи.

Въ заключеніи Завалишинъ, выражая желаніе заслужить чѣмъ-либо за дарованныя ему милости, присовокупляетъ: «Государь ищетъ правды и пользы. Особенно призываетъ онъ то сословіе, права котораго мнѣ возвращены (т. е. дворянства), быть впереди всякаго добра и усовершенствованія. Это, повидимому, обязываетъ къ тому cadaго, принадлежащаго къ сему сословію, и можетъ быть даже налагаетъ отвѣтственность за бездѣйствіе... Если здоровье не допускаетъ меня обязать себя какимъ-либо опредѣленнымъ видомъ службы, то это не исключаетъ общаго служенія. Въ такомъ случаѣ можетъ быть и я могу сказать правдивое и полезное слово».

⁴⁾ Въ мартѣ 1855 года генераль-лейтенантъ Муравьевъ ходатайствовалъ о перемѣщеніи его въ Западную Сибирь, но въ видѣ милости, для сравненія его съ другими государственными преступниками, которые всѣ уже перемѣщены были въ мѣста болѣе удобныя для жизни. Это ходатайство было утверждено, но какъ Завалишинъ самъ пожелалъ остаться въ Читѣ, то это и было предоставлено его волѣ.

IV.

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Въ февралѣ 1856 года къ московскому военному генералъ-губернатору, графу Закревскому, прислано было безыменное письмо о таящемся въ Россіи страшномъ заговорѣ. Доноситель писалъ, что заговоръ этотъ развился въ огромныхъ размѣровъ и успѣлъ пустить вѣтви по всей Имперіи, что цѣль злоумышленниковъ: покуситься на жизнь всѣхъ особъ императорскаго дома и произвести переворотъ въ государственномъ правленіи; что въ Москвѣ находятся дѣятельнѣйшіе и самые опасные члены этого общества; что зло уже созрѣло, и заговорщики намѣрены въ скоромъ времени приступить къ исполненію своихъ плановъ, что поэтому необходимо надобно поднять завѣсу немедленно.

При этомъ доноситель, сдѣлавъ подробныя указанія на время и мѣсто, когда и гдѣ собираются заговорщики, предложилъ и средства накрыть ихъ на самомъ преступленіи.

По его словамъ: домъ, гдѣ собираются заговорщики, въ такой-то улицѣ, имѣеть два двора, передній и задній, на заднемъ, вправо при входѣ, находится особый домикъ—мѣсто сборища преступниковъ; въ главной комнатѣ, гдѣ происходятъ совѣщанія, устроенъ люкъ, а подъ поломъ, въ землѣ, прорыты длинныя, запутанныя ходы, черезъ которые, въ случаѣ опасности, заговорщики могутъ скрыться, такъ что и слѣдовъ ихъ не отыщешь; на случай же внезапнаго нападенія, у нихъ запасены ружья, пистолеты, сабли и кинжалы, такъ что они всегда готовы отразить силу силой.

Доноситель совѣтовалъ отправить туда, въ такой-то часъ ночи, самыхъ расторопныхъ чиновниковъ, съ большой воинской или полицейской командой, приказать имъ, чтобы они, войдя тихо въ наружныя ворота и пройдя черезъ первый, главный дворъ на задній, оставили здѣсь большую часть команды. Потомъ главные сыщики съ надежнѣйшими помощниками должны, крадучись, подойти къ домику, гдѣ собираются заговорщики, и подняться на крыльцо. Если дверь заперта, то имъ надобно стукнуть въ нее три раза: по этому знаку она будетъ отперта старухой, а если дверь не заперта, то войти въ домъ и въ каждой комнатѣ прежде всего смотрѣть, гдѣ старуха. Какъ только сыщики увидятъ старуху, отворить ли она дверь или будетъ находиться въ комнатахъ, первымъ и самымъ мгновеннымъ дѣйствіемъ ихъ должно быть—зажать ей ротъ, чтобы она не успѣла издать ни малѣйшаго крика. Безъ этой предосторожности, заговорщики, по знаку старухи, тотчасъ опустятся черезъ люкъ и скроются подземными переходами. Зажавъ ротъ старухѣ, сыщики должны входить въ каждую слѣдующую

комнату не иначе, какъ по нѣскольку человѣкъ одинъ за другимъ, и съ величайшею осторожностію, потому что они могутъ встрѣтить выстрѣлы и сильное сопротивленіе. Когда же они станутъ лицомъ къ лицу съ заговорщиками, въ то время надобно, свисткомъ или иначе, подать знакъ оставшимся во дворѣ товарищамъ, чтобы и тѣ могли тотчасъ прибѣжать, для поданія помощи.

Хотя доноситель не назвалъ никого изъ заговорщиковъ, но онъ привелъ столько подробностей и предостереженія его были столько опредѣленны, что невозможно было сомнѣваться въ основательности доноса. Графъ Закревскій, быстрый и нетерпѣливый во всѣхъ распоряженіяхъ, пришелъ весь въ движеніе и готовъ былъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, поставить на ноги всѣ силы Москвы. Онъ призываетъ къ себѣ оберъ-полиціймейстера, Тимашева-Беринга, передаетъ ему, подъ великою тайной, безыменное письмо и приказываетъ въ наступающую же ночь открыть и задержать преступниковъ, слѣдуя въ точности наставленіямъ доносителя.

Тимашевъ-Берингъ, взявъ самыхъ расторопныхъ частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, съ большою вооруженной командой полицейскихъ служителей, передъ наступленіемъ назначеннаго часа ночи, отправился въ указанную улицу. Все нашли они, какъ написано въ доносѣ: такой же домъ, такія же ворота, такой же первый и задній дворы, и на заднемъ, вправо, такой же домикъ, какъ сказано въ письмѣ. Ни въ одномъ окнѣ этого домика не свѣтилось огонька; нигдѣ не слышно было ни звука, ни даже шороха. Оставивъ большую часть команды во дворѣ, оберъ-полиціймейстеръ, съ чиновниками и нѣсколькими самыми сильными служителями тихо, при свѣтѣ потаеннаго фонаря, поднялся на крыльцо домика. Дверь была не заперта. Они входятъ въ сѣни, въ переднюю и въ первую затѣмъ комнату. Здѣсь, на диванѣ, лежала старуха. Она не была раздѣта, слѣдовательно, спать еще не ложилась; но на ту пору заснула. Одинъ изъ служителей подкрался и мгновенно зажалъ ей ротъ. Другіе сыщики, предводимые оберъ-полиціймейстеромъ, пошли дальше. Во второй и третьей комнатахъ никого не было, но изъ этой комнаты они замѣтили, что въ слѣдующей, сквозь щель двери, свѣтитъ огонекъ. Подойдя къ этой двери, они вдругъ растворили ее и, за оберъ-полиціймейстеромъ, быстро всѣ вошли, выставляя впередъ, что у кого было: кто пистолеть, кто шпагу, кто тесакъ, кто штыкъ ружья...

Все обнаружено при десяткѣ свидѣтелей. Доносъ былъ невымышленный. Преступники накрыты, какъ сѣтью, въ минуту самаго разгара ихъ подвига!

Въ то же время сыщики сами пришли въ страшное, безвыходное положеніе. Послѣ первыхъ мгновеній, когда безошибочно разсмотрѣли,

какая сцена имъ представлялась, всё они бросились бѣжать. Одинъ оберъ-полиціймейстеръ еще расшаркивался и, отвѣшивая низкіе поклоны, говорилъ: «извините, извините, мы не затѣмъ»...

— Какъ вы смѣли войти сюда?—кричала, вся въ пылу и въ гнѣвѣ, вскочившая съ постели, полураздѣтая женщина—«вонъ, вонъ, вонъ!»...

Тимашевъ-Берингъ бѣжалъ безъ оглядки.

Между тѣмъ графъ Закревскій, стораая отъ нетерпѣнія, ожидалъ оберъ-полиціймейстера, чтобы, смотря по донесенію его, принять дальнѣйшія мѣры къ размѣщенію и допросу арестованныхъ заговорщиковъ. Время было уже за полночь. Но онъ не вздремнулъ и, въ тревогѣ, безпрестанно звонилъ въ колокольчикъ, спрашивая явившихся къ нему адъютантовъ и слугъ: пріѣхалъ ли оберъ-полиціймейстеръ?

Наконецъ Тимашевъ-Берингъ возвратился. Графъ Закревскій заматалъ его вопросами: «что нашли, кого задержали, сколько задержано?» Оберъ-полиціймейстеръ мялся, заикался и не могъ выговорить ни слова.

— Да, что жъ вы ничего не отвѣчаете?—кричалъ графъ, выведенный изъ терпѣнія—что вы мнетесь? открыли или ничего не открыли?

— Открыли—ваше сіятельство, да не то, что искали...

— Что же? говорите!

И оберъ-полиціймейстеръ принужденъ былъ, отыскивая выраженія, сколько можно было, приличныя, рассказать, кого они застигли и на какомъ дѣлѣ. Графъ Закревскій не зналъ, что говорить. Наконецъ онъ махнулъ рукой и сказалъ съ досадою:

— Э, да объ этомъ я давно знаю! быстро повернулся и ушелъ во внутреннія комнаты.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXII ¹⁾.

Новое несчастье, постигшее Левенштерна.— Кампанія 1813 г.—Контрабандная торговля евреевъ.— Переходъ за границу и вступленіе въ Пруссію.— Болѣзнь Левенштерна.— Присоединеніе его къ арміи и назначеніе въ корпусъ Винценгероде.— Отъѣздъ изъ Плоцка.— Обѣдъ л.-гв. Егерскаго полка.— Преслѣдованіе корпуса Ренъе.

Когда фельдмаршалу не удалось заступиться за меня, никто уже не рѣшился замолвить за меня слово императору.

Я прозябалъ, ѣлъ, спалъ, впрочемъ очень плохо, и горевалъ молча, какъ вдругъ генераль-адъютантъ баронъ Винценгероде предложилъ мнѣ начать съ нимъ вторую кампанію. Онъ видѣлъ меня въ дѣлѣ; это предложеніе возбудило во мнѣ бодрость духа и было для меня весьма лестно.

Императоръ только-что ввѣрилъ ему командованіе великолѣпнымъ вновь организованнымъ армейскимъ корпусомъ, который долженъ былъ перейти Вислу, Одеръ и вступить въ Силезію.

Я изъявилъ свое согласіе, и онъ поспѣшилъ къ фельдмаршалу, чтобы переговорить съ нимъ по этому поводу; Кутузовъ поблагодарилъ его за то, что онъ вспомнилъ обо мнѣ, и поручилъ меня его попеченію.

Такъ какъ въ то время только одинъ корпусъ барона Винценгероде получилъ приказаніе дѣйствовать наступательно, то многіе молодые люди знатныхъ фамилій просили позволенія сопровождать его. Командиръ корпуса, сдѣлавъ довольно строгій выборъ, составилъ списокъ желающихъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1901 г. февраль.

и представилъ его на высочайшее утверженіе. Въ списокѣ стояли имена князя Сергѣя Волконскаго, Льва Нарышкина, двухъ бароновъ Строгановыхъ, барона Розена, князя Лопухина, Раевского, Нащокина, Пашкова и мое.

Я былъ по службѣ старше всѣхъ этихъ господъ. Когда списокъ былъ представленъ фельдмаршаломъ императору, то онъ разрѣшилъ всѣмъ вышеупомянутымъ офицерамъ сопровождать барона Винценгероде; затѣмъ, взявъ карандашъ, онъ вычеркнулъ мое имя.

Фельдмаршалъ и Винценгероде были въ отчаяніи; я похолодѣлъ отъ ужаса, услышавъ объ этомъ. До сихъ поръ мнѣ позволяли по крайней мѣрѣ жертвовать жизнью, служа отечеству; теперь же у меня отнимали единственное средство доказать императору, что я былъ достоинъ того благоволенія, котораго я лишился по невѣдомой мнѣ причинѣ, которую я никакъ не могъ угадать.

Пребываніе въ главной квартирѣ сдѣлалось мнѣ ненавистнымъ. Я не могъ хладнокровно смотрѣть на товарищей, которые были осыпаны милостями; не преувеличивая своихъ заслугъ по сравненію съ ними, я могъ сказать съ совершенной справедливостью, что ихъ заслуги не были значительнѣе моихъ. Я сдѣлался молчаливъ, угрюмъ и недюдимъ. Каждый пустякъ раздражалъ меня.

Я былъ храбръ въ бою, не боялся смерти, поэтому ничто не могло бы удержать меня отъ рѣшимости покончить съ собою; эта мысль мелькала иногда въ моемъ умѣ подобно молніи, озаряющей небо во время грозы; но моя глубокая преданность императору и ласковыя слова, сказанныя имъ мнѣ однажды, не могли, несмотря на нанесенный мнѣ смертельный ударъ, изгладить изъ моего сердца чувство глубокаго уваженія и преданности, которыя я питалъ къ нему.

Надобно было переживать свое горе одному и быть привѣтливимъ съ людьми, чтобы они не отвернулись отъ меня окончательно. Люди безучастные относятся ко всему равнодушно, глупцы занимаются только пересудами, злые люди радуются несчастью ближняго, только одни друзья огорчаются, когда человѣка постигнетъ несчастье.

Нѣсколько успокоившись и примирившись съ постигшимъ меня ударомъ, я старался утѣшиться и убѣждалъ себя въ томъ, что императоръ рано или поздно измѣнитъ свое предубѣжденіе и что хорошій христіанинъ долженъ умѣть страдать и радоваться испытаніямъ, ниспосылаемымъ ему Провидѣніемъ. Наша жизнь полна горя и испытаній; для человѣка безразлично, какого рода испытаніе ниспосылается ему, если только оно достигаетъ той цѣли, ради которой оно ниспослано; чѣмъ больше, спльнѣе и разнообразнѣе бываютъ испытанія, тѣмъ больше, съ нравственной точки зрѣнія, заслуга въ томъ, чтобы переносить ихъ

безропотно. Поэтому я рѣшилъ продолжать службу и позабыть о своихъ невзгодахъ.

Въ Вильну пришелъ со своимъ полкомъ мой другъ дѣтства и двоюродный братъ, съ которымъ мы служили вмѣстѣ въ Семеновскомъ полку, баронъ Будбергъ, командовавшій въ то время л.-гв. Кирасирскимъ полкомъ. Онъ предложилъ мнѣ совершить съ нимъ походъ до Вислы. Я согласился и уѣхалъ изъ главной квартиры. Это имѣло для меня самыя благія послѣдствія. Въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ я укрѣпился духомъ, окрѣпнѣ тѣлесно и совершенно позабылъ о главной квартирѣ, которая съ своей стороны позабыла обо мнѣ.

Началась новая кампанія. Всѣ какъ будто возродились. Слава нашей арміи была неоспорима; всякій имѣлъ свою долю въ пожатыхъ ею лаврахъ. Императоръ двинулся вмѣстѣ съ главной квартирой. Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ князь Кутузовъ. Государя сопровождали: графъ Аракчеевъ, князь Волконскій, графъ Нессельроде, генералъ Балашевъ и др.

13-го января императоръ переправился съ гвардіей черезъ Нѣманъ у Мереча.

Командиръ л. гв. Егерскаго полка, храбрый генералъ Бастромъ завладѣлъ мною, повелъ меня къ себѣ обѣдать и заставилъ меня позабыть на нѣкоторое время мое горе.

Когда я былъ у него, посланный генерала Балашова привезъ мнѣ письмо отъ министра полиціи, коимъ мнѣ сообщалось высочайшее повелѣніе доставить свѣдѣнія по дѣлу о таможеняхъ въ Крынкахъ, по которому я производилъ слѣдствіе въ началѣ кампаніи.

Императоръ хотѣлъ вознаградить евреевъ за преданность, выказанную ими нашему правительству, и съ этой цѣлью желалъ удостовѣриться въ степени виновности евреевъ и таможенныхъ чиновниковъ мѣстечка Крынокъ.

Я составилъ наскоро записку по этому дѣлу и хотя я не могъ вполнѣ оправдать евреевъ и чиновниковъ за ихъ дѣятельное участіе въ контрабандной торговлѣ, которая при данныхъ обстоятельствахъ могла быть приравнена къ государственнымъ преступленіямъ; но я провелъ въ своей запискѣ ту мысль, что эта торговля было нечто иное, какъ простая коммерческая сдѣлка, и не преслѣдовала иныхъ цѣлей.

Къ моему удовольствію, всѣ лица, арестованныя мною при производствѣ слѣдствія, коимъ по закону угрожала ссылка въ Сибирь, были помилованы. Императоръ повелѣлъ возвратитъ имъ свободу.

Мы вступили въ Пруссію; я ѣхалъ обыкновенно впереди полка Будберга, опережая его на нѣсколько часовъ.

Однажды, заблудившись въ Ортельсбургскихъ лѣсахъ, я никакъ не могъ найти мѣста стоянки л. гв. Кирасирскаго полка. Съ наступленіемъ ночи, потерявъ надежду присоединиться къ моему другу Будбергу, я

свернулъ на первую попавшуюся мнѣ проселочную дорогу, такъ какъ большая дорога и всѣ окрестныя деревни были заняты гвардіей. Я ѣхалъ съ добрую версту по мрачному и густому еловому лѣсу; наконецъ, дорога сдѣлалась почти непроходима; вѣтви деревьевъ были такъ сближены, что я съ трудомъ могъ двигаться далѣе. Вернуться назадъ нечего было и думать; я ѣхалъ съ трудомъ; уже совсѣмъ стемнѣло, какъ вдругъ я услышалъ лай собакъ и былъ несказанно обрадованъ, такъ какъ я уже началъ страдать отъ холода—руки и ноги у меня околѣбли. Увидѣвъ свѣтъ, я подѣхалъ къ воротамъ небольшого двора, обнесеннаго высокой и прочной стѣною, постучался въ ворота и сталъ шумѣть что есть мочи. Появился человекъ съ фонаремъ въ рукахъ. Онъ спросилъ меня, что я желаю, но видимо твердо рѣшился не впускать меня. Но лишь только я отвѣтилъ ему по-нѣмецки, что я заблудился и прошу у него гостепрѣимства, онъ выпустилъ меня и отвелъ моихъ лошадей на конюшню.

Это оказался самъ хозяинъ дома, бывший фельдъегерь короля прусскаго, который состоялъ въ предъидущія войны при особѣ короля и въ награду за свою службу получилъ мѣсто лѣсничаго Фридрихсфельдскихъ лѣсовъ.

Войдя къ нему въ домъ, я тотчасъ убѣдился, что Провидѣніе было милостиво ко мнѣ. Хозяйка дома, прехорошенькая, чистенькая особа, окруженная двумя хорошенькими дѣвушками, ея сестрами, сидѣла за столомъ, покрытымъ скатертью ослѣпительной бѣлизны; на столѣ стоялъ кофейникъ, хлѣбъ и превосходное масло.

Въ первый моментъ дамы были нѣсколько удивлены и даже испуганы моимъ появленіемъ, такъ какъ я былъ весь засыпанъ снѣгомъ и подходилъ на разбойника; мои заиндевѣвшіе усы и стукъ моей сабли не могли успокоить ихъ; но когда я назвалъ себя, то онѣ сдѣлались любезны, наперерывъ угощали меня кофе, булкой съ масломъ и даже радовались моему прѣзду, говоря, что я буду ихъ защитникомъ, ибо онѣ все время боялись быть ограбленными мародерами и отсталыми, такъ какъ ихъ домъ стоялъ вдали отъ большой дороги, уединенно въ лѣсу. Дѣйствительно, въ ту же ночь я имѣлъ случай отплатить имъ за гостепрѣимство; едва мы улеглись спать, какъ у воротъ раздался адскій шумъ. У меня и у моего казака пистолеты были заряжены, что же касалось моего молодца денщика, то онъ всегда былъ готовъ бѣжать туда, гдѣ угрожала опасность. Хозяинъ вооружился двуствольнымъ ружьемъ, его два лѣсничихъ также схватили ружья, а четыре большія собаки замѣняли намъ кавалерію и бродили у стѣны, карауля, не пытается ли кто-нибудь перелѣзть во дворъ.

Я закричалъ мародерамъ, чтобы они удалились, что въ этомъ домѣ стоитъ полковникъ, а я его часовой и что буду стрѣлять во всякаго,

кто осмѣлится перелѣзть черезъ стѣну и потревожить его сонъ. Эта угроза подѣйствовала; они удалились, а хозяинъ дома и его семья, дрожавшіе отъ страха, не знали, какъ благодарить меня.

Мы снова легли спать; полчаса спустя повторилась та же суета съ такими же послѣдствіями. Между тѣмъ, выходя на дворъ, я простудился, такъ какъ морозъ былъ очень сильный; на слѣдующій день у меня слѣлалась лихорадка и воспаленіе горла. Лѣсничій отправился за докторомъ въ городъ Ортельсбургъ, отстоявшій не болѣе какъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ Фридрихсфельде.

Я былъ десять дней въ величайшей опасности и обязанъ жизнью и выздоровленіемъ заботливому уходу этихъ добрыхъ людей. Хозяйка дома и ея двѣ сестры дежурили днемъ и ночью возлѣ моей кровати.

Армія шла впередъ, а я лежалъ въ это время одинъ въ лѣсу, не получая отъ нея никакихъ извѣстій и не имѣя при себѣ денегъ. Эта мысль волновала меня и замедляла мое выздоровленіе.

Нѣсколько дукатовъ, бывшихъ при мнѣ, были израсходованы на уплату доктору, на лѣкарство и вино, которое пришлось привезти издалека, такъ какъ въ погребѣ этихъ добрыхъ людей не оказалось ни бутылки вина. Но у меня были сани, было три лошади, со мною былъ преданный мнѣ Алексѣй, исполнявшій обязанности кучера, повара и лакея, наконецъ при мнѣ былъ мой казакъ съ лошадыю, и у меня оказалось въ карманѣ еще тринадцать дукатовъ и нѣсколько талеровъ. Несмотря на большую слабость, я рѣшилъ уѣхать, чтобы не слишкомъ отстать отъ арміи, которая, какъ я предполагалъ, вѣроятно подошла уже къ Вислѣ.

По пути я узналъ, что на Вислѣ шель ледъ, и что главная квартира находилась въ Плоцкѣ. До этого города было еще довольно далеко, но я не унывалъ; я ѣхалъ по-военному, отъ этапа до этапа, такъ что мои тринадцать дукатовъ все еще побрякивали у меня въ карманѣ.

Я доѣхалъ такимъ образомъ до замка Вѣзине (Wiesune), принадлежавшаго графу Бѣлинскому. Въ немъ расположился пѣхотный полкъ. Офицеры отдыхали отъ утомленія похода за столомъ, гдѣ имъ былъ сервированъ роскошный обѣдъ, и у нихъ шель пиръ горой. Ихъ поведеніе сильно встревожило хозяина дома и его дочь.

Когда я появился, нѣкоторые офицеры приняли меня за адъютанта фельдмаршала и бывшего адъютанта генерала Барклая и любезно привѣтствовали меня. Я воспользовался этимъ и уговаривалъ ихъ вести себя не такъ шумно; мнѣ удалось убѣдить ихъ, что надобно быть вѣжливымъ съ дамами, что императоръ самъ подаетъ этому примѣръ и будетъ очень недоволенъ офицерами своей арміи, если они будутъ держать себя иначе; наконецъ я убѣдилъ ихъ оставить замокъ и лечь спать.

Графъ Бѣлинскій и дамы были весьма признательны и любезно ухаживали за мною, позаботившись также о моихъ лошадахъ.

Мнѣ была послана въ кабинетѣ графа отличная постель; утомленный и еще не вполне оправившійся отъ болѣзни, я легъ спать послѣ ужина и уснулъ сномъ праведнаго.

Вставъ по утру, я былъ пріятно изумленъ, увидавъ въ комнатѣ роскошную коллекцію миниатюръ, какія мнѣ когда-либо доводилось видѣть.

У меня была съ собою прелестная миниатюра, подаренная мнѣ, какъ я упоминалъ выше, однимъ гусарскимъ офицеромъ, послѣ сраженія подъ Краснымъ, и которую я считалъ принадлежавшею герцогу Виртембергскому. Эта миниатюра изображала красавицу брюнетку; я положилъ ее на ночной столикъ возлѣ часовъ и моихъ тринадцати дукатовъ.

Графъ Бѣлинскій зашелъ ко мнѣ на слѣдующее утро, когда я лежалъ еще въ постели, и, бросивъ взглядъ на эту миниатюру, былъ пораженъ ея чудесной работой и красавицей, которая была на ней изображена; поздравивъ меня съ тѣмъ, что эта красавица—предметъ моей любви, онъ положилъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ миниатюру обратно на столикъ. Я поспѣшилъ вывести его изъ заблужденія и рассказалъ ему, какъ попала ко мнѣ эта миниатюра. Въ эту минуту вошелъ мой лакей съ извѣстіемъ, что мы не можемъ ѣхать далѣе на саняхъ; всю ночь шелъ дождь, снѣгъ стаялъ, и земля сдѣлалась черна, какъ уголь. Эти слова привели меня въ отчаяніе, такъ какъ это обстоятельство лишило меня возможности продолжать путь.

Во время этого разговора, графъ Бѣлинскій не сводилъ глазъ съ миниатюры. Вдругъ, какъ бы очнувшись отъ сна, онъ сказалъ:

— Я предложу вамъ одну вещь, которая будетъ пріятна намъ обоимъ. Вы находитесь въ затрудненіи, не имѣя кареты, а я страстный любитель миниатюръ, какъ вы можете судить по коллекціи, которую вы здѣсь видите; мнѣ хочется имѣть вашу миниатюру. У меня есть очень легенькая брѣчка, только-что выписанная мною изъ Кракова, возьмите ее и дайте мнѣ взаменъ этотъ медальонъ; я прибавлю десять дукатовъ за медальонъ, который сдѣланъ изъ чистѣйшаго золота.

Любезность моего хозяина этимъ не ограничилась. Онъ хотѣлъ непременно проводить меня до Плоцка и предлагалъ остановиться у него въ домѣ, говоря, что городъ переполненъ свитой императора и фельд-маршала, что мнѣ трудно будетъ найти пристанище.

Я былъ весьма признателенъ ему за его гостепрѣимство и несказанно радъ тому, что мой маленькій капиталъ увеличился; 23 дуката, составлявшіе этотъ капиталъ, радовали меня гораздо болѣе, нежели тѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыя я имѣлъ нѣкогда въ своемъ распоряженіи. На свѣтѣ все относительно и зависитъ отъ положенія, въ которомъ находится человѣкъ.

Въ Плоцкѣ для меня наступила новая эра; лучъ солнца освѣтилъ наконецъ мракъ, окутавшій мою жизнь. Едва я успѣлъ выйти изъ экипа-

жа, какъ ко мнѣ явился Панкратьевъ, адъютантъ фельдмаршала, и сообщилъ, что князь Кутузовъ два дня всюду розыскивалъ меня. Я поспѣшилъ одѣться и отправился къ князю, не зная, что ожидало меня у него, но вскорѣ успокоился. Фельдмаршалъ облобызаль меня нѣсколько разъ и сказалъ:

— Съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ожидалъ; куда, къ чорту, вы запропастились? Императоръ хочетъ примириться съ вами и, въ доказательство этого, предоставляетъ вамъ право выбрать, къ какому армейскому корпусу вы желаете быть причислены. Сообщите мнѣ черезъ часъ ваше желаніе, чтобы я могъ представить его на благоусмотрѣніе его величества.

Я не былъ приготовленъ къ столь неожиданной перемѣнѣ счастья и потому былъ крайне смущенъ. Придя въ себя, я спросилъ князя, почему его величество удостоилъ меня встать по отношенію ко мнѣ въ такое положеніе, что ему приходилось мириться со столь скромнымъ и преданнымъ ему подданнымъ.

— Оставьте это, — отвѣчалъ Кутузовъ, — вы узнаете это со временемъ. Пока порадуемся вмѣстѣ столь счастливой развязкѣ.

Я сказалъ въ свою очередь, что, разумѣется, я этому весьма радъ, но надѣюсь, что, помирившись со мною, его величество возвратитъ мнѣ чины, коихъ я лишился, подвергнувшись его немилости.

— Это ужъ мое дѣло, — отвѣчалъ фельдмаршалъ, — я улажу все это; даю вамъ слово, что все будетъ исправлено. Рѣшайте теперь, въ какомъ армейскомъ корпусѣ вы желаете служить: у графа Витгенштейна, Милорадовича или Винценгероде.

Я не колебался и избралъ Винценгероде изъ благодарности, такъ какъ это былъ единственный человѣкъ, предлагавшій мнѣ вступить въ его штабъ въ то время, когда я былъ въ бѣдѣ.

— Такъ ступайте же къ князю Волконскому, — сказалъ фельдмаршалъ, — и сообщите ему ваше желаніе.

Я отправился къ князю; черезъ часъ онъ вышелъ отъ императора и бесѣдовалъ съ четверть часа съ генераломъ Толемъ, который попросилъ меня зайти къ нему часа черезъ два. Прийдя къ Толю, я получилъ депеши на имя барона Винценгероде, курьерскій паспортъ и возвратился домой, чтобы уложиться.

Наконецъ я могъ предаться размышленіямъ по поводу постигшихъ меня превратностей судьбы. Самое страшное горе утрачиваетъ силу, когда въ будущемъ надѣешься получить удовлетвореніе, а я могъ на это рассчитывать благодаря моему поведенію. Меня поддерживала въ несчастіи мысль о моей невинности; я былъ спокоенъ, и казалось, переносилъ все безропотно. Терпѣніе, кротость, покорность судьбѣ, честность, справедливость суть блага, которыя человѣкъ носитъ въ себѣ и которыя

никогда не утрачивают своей цѣнности. Я сдѣлался такимъ образомъ если не лучше, то, по крайней мѣрѣ, добродѣтельнѣе и, главное, снисходительнѣе. Опытъ воспиталъ меня: онъ одинъ научаетъ человѣка. Правда, преподаваемые имъ уроки зачастую бываютъ суровы, но они оставляютъ слѣдъ, который рано или поздно принесетъ пользу. Привыкнувъ страдать, я уже не удивлялся, когда меня постигало новое горе. Впослѣдствіи, люди, не зная, откуда я черпалъ терпѣніе и кажущееся равнодушіе, упрекали меня въ легкомысліи. Успѣшная карьера зависитъ, строго говоря, весьма много отъ обстоятельствъ, но дѣятельность человѣка всегда зависитъ отъ него лично. Признаютъ ли люди его заслуги или нѣтъ, это не измѣняетъ сущности дѣла. Передъ тѣмъ, кому улыбнулось счастье, будутъ преклонять колѣна, но общественное мнѣніе всегда оцѣнитъ втораго.

Проѣзжая по Плоцку на курьерской телѣжкѣ, я встрѣтилъ маркиза Паулуччи, который жилъ нѣкоторое время какъ бы въ ссылке въ Нижнемъ Новгородѣ, а теперь только-что былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края. Онъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ генерала Барклая-де-Толли. Это нѣсколько объяснило мнѣ перемѣну, происшедшую въ моей судьбѣ, хотя я все еще не могъ приподнять завѣсу, покрывавшую это таинственное дѣло. Извѣстіе о пріѣздѣ Барклая чрезвычайно обрадовало меня, и я поспѣшилъ къ этому достойному человѣку, которому былъ искренно преданъ. Я вошелъ къ нему въ ту минуту, когда онъ собирался идти, чтобы представиться императору. Тѣмъ не менѣе онъ поздоровался со мною съ истинно отеческою нѣжностью, сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ, видимо былъ возмущенъ тѣмъ, что со мною обошлись столь недостойнымъ образомъ, и сказалъ:

— Я этому не удивляюсь, ко мнѣ относились недоброжелательно, и вы пострадали ради меня и черезъ меня, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что вы пользовались моимъ полнѣйшимъ довѣріемъ и что, поступая такимъ образомъ съ вами, они нанесли мнѣ этимъ величайшее оскорбленіе. Я еще не видѣлъ императора, не знаю, какъ я буду принять, но вы можете быть увѣрены, что я о васъ не забуду.

Онъ простился со мною, и я поѣхалъ далѣе, догоняя генерала Винценгероде, который двинулся къ Калишу.

Почти на самомъ выѣздѣ изъ города, меня остановили офицеры л.-гв. Егерскаго полка, которые давали въ этотъ день роскошный обѣдъ своему храброму командиру, генералу Бистрому; они не забыли о моемъ участіи въ Бородинскомъ сраженіи и объ опасностяхъ, которымъ мы подвергались въ этотъ день всѣ вмѣстѣ. Не было возможности отвѣчать на ихъ любезное приглашеніе отказомъ, пришлось выпить съ ними нѣсколько бокаловъ шампанскаго; попойка перешла мало-по-малу въ настоящую оргію. Съ братьями Бистромъ трудно было бороться, когда они

стояли во главѣ своихъ полковъ, или когда они атаквали васъ съ бокаломъ въ рукахъ. Какъ я ни настаивалъ на томъ, чтобы меня отпустили, но я не могъ отъ нихъ вырваться: у дверей были поставлены часовые со строгимъ приказаніемъ никого не выпускать. Наконецъ, разгоряченный выпитымъ виномъ точно такъ же, какъ и вся остальная компанія, я бросился на часовыхъ, повалилъ ихъ, они схватили меня за эполеты, сорвали ихъ, и я, оставивъ эполеты въ ихъ рукахъ, вскочилъ съ помощью одного товарища, который былъ трезвѣ другихъ, въ телѣгу, и кучеръ погналъ лошадей.

Сдѣланное мною усиліе и выпитое безсчетное число бокаловъ привели меня въ столь безчувственное состояніе, что я не помнилъ на слѣдующій день, какимъ образомъ я переѣхалъ Вислу. Объ этомъ позаботился Алексѣй, который доложилъ мнѣ на утро, улыбаясь, что мы едва не погибли, такъ какъ на рѣкѣ былъ сильный ледоходъ, но, слава Богу, теперь все благополучно.

Прежде, нежели я встрѣтился съ егерскими офицерами и былъ приглашенъ ими на эту оргію, меня остановилъ по пути фельдъегерь графа Нессельроде, который просилъ меня заѣхать къ нему. Я засталъ его съ лордомъ Вальполемъ, который только-что прибылъ изъ Вѣны.

Графъ Нессельроде далъ мнѣ пакетъ на имя генерала Винценгероде и сказалъ, что вслѣдъ за мною поѣдетъ г. Петерсонъ, котораго я увижу въ его кабинетѣ и который везетъ въ Бреславль депешу къ королю прусскому. Графъ Нессельроде просилъ меня поспѣшить къ барону Винценгероде, чтобы онъ могъ принять предварительныя мѣры для выполненія порученія, возложеннаго на г. Петерсона, камеръ-юнкера императора.

Я отправился въ Калишъ и прибылъ на мѣсто 2-го февраля въ тотъ моментъ, когда генералъ Винценгероде атаквалъ генерала Ренье и нанесъ ему пораженіе. Саксонскій генералъ графъ Ностицъ былъ взятъ въ плѣнъ, въ наши руки досталось нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и 12 орудій. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились генералъ Ланской, графъ Виттъ, генералъ Кноррингъ и князь Мадатовъ.

Левъ Нарышкинъ былъ посланъ къ императору съ реляціей объ этой побѣдѣ и былъ произведенъ въ полковники; генералъ Винценгероде получилъ Георгія 2-й степени.

Саксонскому генералу Габленцу удалось пробиться съ нѣсколькими отборными кавалерійскими полками, и онъ соединился въ Краковѣ съ княземъ Понятовскимъ. Ренье продолжалъ отступление и перешелъ обратно Одеръ. Если бы генералъ Винценгероде дѣйствовалъ энергичнѣе и болѣе обдуманно, то, вѣроятно, весь корпусъ Ренье былъ бы уничтоженъ.

Генералъ Винценгероде далъ двухнедѣльный роздыхъ войску и устроилъ свою главную квартиру въ Равицѣ; это былъ довольно хорошенкій городокъ; войска были разставлены тутъ на квартирахъ.

Баронъ Винценгероде обложилъ городъ и его окрестности реквизиціей, потребовавъ большое количество сукна, которое выдѣлывается въ этой мѣстности. Онъ роздалъ это сукно офицерамъ; каждый изъ нихъ получилъ прекрасный плащъ, мундиръ и сюртукъ. Это доставило намъ большое удовольствіе.

Мы провели время въ Равицѣ очень весело, офицеры дали городу нѣсколько баловъ и празднествъ; польскія дамы, отъ природы весьма любезныя, быстро приручились. Я ухаживалъ за женою городского головы; это была особа не первой молодости, но еще очень свѣжа и большая франтиха. Ея мужъ былъ старъ и не ревновалъ ее.

У генерала Винценгероде былъ превосходный поварь-французъ, взятый нами въ плѣнъ подъ Краснымъ, который сопровождалъ его до Парижа. Генералъ любилъ поиграть съ нами вечеромъ въ вистъ; его партнерами были обыкновенно князь Шаховской, интендантъ Гирсъ и я.

Винценгероде былъ очень самолюбивъ и также кичился тѣмъ, что онъ былъ всегда хорошо одѣтъ, какъ и тѣмъ, что онъ лучше всѣхъ игралъ въ карты, хотя послѣднее было не совѣмъ вѣрно; мы часто составляли ему партію, и я почти всегда былъ въ выигрышѣ, такъ что мои 13 дукатовъ увеличались еще нѣсколькими стами. Иной разъ, видя, какіе плохіе ходы въ вистъ дѣлали баронъ Винценгероде и князь Шаховской, мнѣ приходило на умъ: «дѣло будетъ не ладно, если они также плохо соображаютъ свои дѣйствія на войнѣ». И дѣйствительно, время показало, что они были плохими фронтовиками и стратегами.

Можетъ быть покажется смѣшнымъ, что я сравниваю войну съ вистомъ; но между этими двумя искусствами существуетъ, само собою разумѣется, въ извѣстномъ смыслѣ, нѣкоторая аналогія; точно такъ же, какъ есть сходство между главнокомандующимъ арміей и врачомъ, который, опредѣливъ болѣзнь, вступаетъ съ нею въ борьбу и выходитъ побѣдителемъ. Неизвѣстное, которое старается угадать врачъ, есть тотъ стратегическій пунктъ, который главнокомандующій арміей старается найти при помощи разныхъ соображеній; врачъ пускаетъ въ дѣло ревенъ и александрійскій листъ, а другой пускаетъ въ ходъ орудія.

Я нерѣдко бесѣдовалъ съ искусными врачами по поводу этого сходства: мы развивали съ ними сополагаемую мою теорію и приходили къ заключенію, что человекъ, умѣющій хорошо соображать въ какомъ-нибудь дѣлѣ, съумѣетъ найтись во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

XXXIII.

Свиданіе въ Бреславлѣ короля прусскаго съ Винценгероде.—Отношеніе пруссаковъ къ русскимъ.—Полковникъ Прендель.—Движеніе къ Бунцлау.—Партизанскія дѣйствія Левенштерна.—Письмо къ нему маіора Надмера.—Князь Сергѣй Волконскій.—Характеристика Винценгероде.—Занятіе Лейпцига.—Встрѣча русскихъ жителями города Галле.—Занятіе города Герцберга.

Г. Петерсонъ выполнилъ въ Бреславлѣ возложенное на него порученіе съ большимъ успѣхомъ и возвратился въ главную квартиру съ предложеніемъ отъ имени короля прусскаго дать Винценгероде свиданіе въ Бреславлѣ, подъ носомъ у французскаго посланника.

Генералъ Винценгероде, князь Сергѣй Волконскій и Левъ Нарышкинъ отправились въ Бреславль на почтовыхъ, на поклонъ къ королю и были приняты дворомъ и горожанами какъ нельзя лучше.

Переходъ нашего армейскаго корпуса черезъ Одеръ послужилъ для Пруссіи предлогомъ объявить себя открыто нашей союзницей. Генералъ Торкъ уже сдѣлалъ къ этому первый шагъ, перейдя на нашу сторону; но его поступокъ, какъ слишкомъ преждевременный, не былъ одобренъ.

Мы переправились черезъ Одеръ при Штейнавѣ (Steinaw). Населеніе Пруссіи было настроено восторженно; достаточно было быть русскимъ, чтобы васъ принимали вездѣ съ изъявленіемъ уваженія, любви и преданности.

Я нашелъ прекрасное помѣщеніе у одной дамы, которая относилась враждебно къ французамъ. Ея дочь, молоденькая и хорошенькая особа, раздѣляла взглядъ матери. Мужъ этой дамы былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ пособниковъ барона Штейна. Когда я участвовалъ впоследствии въ блокадѣ крѣпости Глогау, то онъ велъ со мною дѣятельную переписку и доставлялъ мнѣ во время перемирія интереснѣйшія свѣдѣнія относительно всего, происходившаго во французской арміи, среди которой онъ очутился благодаря своему положенію при баронѣ Штейнѣ.

Со временемъ энтузіазмъ пруссаковъ охладѣлъ, такъ какъ «освободители»,—какъ насъ называли, не имѣли времени сентиментальничать.

Мы прошли чрезъ Силезію весьма быстро. Генералъ Ланской командовалъ авангардомъ, во главѣ котораго шелъ полковникъ Прендель и князь Мадатовъ.

Послѣдній, человекъ опытный въ военномъ дѣлѣ, не могъ быть полезенъ по незнанію нѣмецкаго языка, а полковникъ Прендель, которому Винценгероде особенно покровительствовалъ, не обладалъ никакими военными способностями.

Это былъ уроженецъ Тироля: при первой встрѣчѣ онъ производилъ

внушающее впечатлѣніе своей наружностью и огромными усами, но подъ его воинственной осанкой скрывалось полнѣйшее ничтожество, поэтому онъ ни разу не отличился во время войны, хотя случай къ тому представлялся ему неоднократно. Онъ избѣгалъ ружейныхъ выстрѣловъ, но въ молодости обладалъ той особенной храбростью, которая можетъ привести на висѣлицу, т. е. имѣлъ способность къ шпионству и къ разнымъ гешефтамъ съ евреями. Въ этомъ смыслѣ его употребляли во всѣхъ главныхъ квартирахъ, и такимъ образомъ онъ сдѣлалъ карьеру.

Генералъ Винценгероде, съ которымъ онъ служилъ въ Австріи, питалъ большое уваженіе къ его мнимымъ военнымъ способностямъ и весьма некстати поставилъ его въ голову авангарда. Впослѣдствіи онъ увидѣлъ сдѣланную имъ ошибку; Пренделю трудно было долго поддерживать репутацію храбраго воина, будучи въ душѣ самымъ миролюбивымъ человѣкомъ; ему никогда не хватало храбрости пролить каплю крови.

Въ арміи поняли, что за человѣкъ былъ Прендель, гораздо позднѣе, когда онъ находился подъ начальствомъ графа Воронцова, и для него было большимъ счастьемъ получить мѣсто коменданта г. Лейпцига.

Французскій отрядъ, коимъ командовалъ Ренъе, обязанъ полковнику Пренделю тѣмъ, что мы не тревожили его во время отступленія до самаго Дрездена; а между тѣмъ Прендель посылалъ въ это время Винценгероде фантастическія донесенія, въ которыхъ онъ рисовался въ глазахъ корпуснаго командира всегда верхомъ впереди своего отряда, за чтѣ и получилъ Георгія 2 ст., награда весьма рѣдкая, которую получили немногіе генералы.

Мы направились къ Бунцау и вступили въ Лузацію. Насъ встрѣчали повсюду съ восторгомъ. Въ Герлицѣ (Goerlitz) насъ встрѣтили саксонскіе провіантмейстеры, предлагая доставить намъ все необходимое. Во главѣ этой депутаціи находился баронъ Берсдорфъ. Въ Бауценѣ, куда мы прибыли 8-го апрѣля, генералъ Винценгероде получилъ извѣстіе о конвенціи, заключенной полковникомъ Денисомъ Давыдовымъ съ французами, въ силу которой послѣдніе уступали русской арміи новую часть города Дрездена.

Генералъ Винценгероде пришелъ при этомъ извѣстіи въ ярость; подобныя вспышки случались съ нимъ не рѣдко. Онъ быстро выходилъ изъ себя, но такъ же быстро успокаивался. Онъ тотчасъ сѣлъ въ почтовую карету съ кн. Сергѣемъ Голицынымъ, который былъ его правою рукою и отличался такимъ же вспыльчивымъ характеромъ, и поскакалъ къ Давыдову, чтобы нарушить заключенную имъ конвенцію, и отстранилъ его отъ командованія.

Всеобщее мнѣніе было, что полковникъ Давыдовъ заслужилъ за заключеніе этой конвенціи похвалу, но Винценгероде полагалъ, впрочемъ, совершенно ошибочно, что Ренъе уступилъ бы намъ весь Дрезденъ

Генераль Ренье былъ слишкомъ рѣшителенъ, чтобы дать себя вытѣснить отряду казаковъ.

Винценгероде вернулся въ Бауцеяъ, не овладѣвъ Дрезденомъ; Давыдовъ снова принялъ начальство надъ своимъ отрядомъ; вспышка улеглась. Даву, придя въ Дрезденъ, взорвалъ мостъ, повергнувъ этимъ въ ужасъ населеніе, гордившееся этимъ прекраснымъ памятникомъ искусства.

Я прозябалъ между тѣмъ въ главной квартирѣ Винценгероде, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда фельдмаршалъ Кутузовъ возвратитъ мнѣ чинъ полковника.

Мое ожиданіе было напрасно. Фельдмаршалъ позабылъ обо мнѣ; онъ скончался нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Бунцлау. Такова уже была моя судьба. Одни называютъ это неудачей, другіе неумѣніемъ; я думаю, тутъ виною и то и другое. Во всякомъ случаѣ, во многомъ виновата моя собственная безпечность.

И такъ мнѣ предстояло начать вторую кампанію въ томъ же чинѣ, въ какомъ я началъ кампанію 1812 года.

Примиреніе со мною императора имѣло единственнымъ послѣдствіемъ то, что я получилъ возможность жертвовать жизнью, служа ему. Я не только радовался, но даже отчасти гордился этимъ, такъ какъ въ нашей побѣдоносной арміи я одинъ не пропустилъ ни одного сраженія и былъ адъютантомъ двухъ главнокомандующихъ: Барклая и Кутузова и приобрѣлъ за эту кампанію блестящую репутацію, не получивъ самой ничтожной награды.

Я предалъ забвенію прошлое, сказавъ: начнемъ сначала. Увидимъ, удастся ли потушить во мнѣ священный огонь. Я уже не думалъ о карьерѣ, хотѣлъ только быть полезнымъ и доказать, что я чего-нибудь стою.

Въ то время какъ генераль Винценгероде дѣйствовалъ отъ Одера къ Эльбѣ, графъ Витгенштейнъ овладѣлъ Берлиномъ и оперировалъ на Эльбѣ по направленію къ Витгенбергу и къ Йоргау. Сообщение между этими двумя армейскими корпусами еще не было установлено; этому помѣшали энергическія дѣйствія Даву. Винценгероде сознавалъ необходимость обезпечить это сообщеніе и возложилъ это порученіе на меня, давъ мнѣ полки Грекова и Иловайскаго 12-го и подчинивъ меня непосредственно генералу Ланскому, одному изъ нашихъ самыхъ молодыхъ и блестящихъ генераловъ, который былъ убитъ впоследствии въ сраженіе при Краонѣ.

Мы сразу поняли другъ друга. Онъ предоставилъ мнѣ свободу дѣйствовать по моему усмотрѣнію; сообщеніе съ корпусомъ графа Витгенштейна было вскорѣ установлено.

Исходной точкой всѣхъ моихъ экспедицій служилъ Мюльбергъ.

*

Съ этихъ поръ у меня развилась вѣрность взгляда и смѣлость дѣйствій, благодаря которымъ меня называли впоследствии если не самымъ ловкимъ, то по крайней мѣрѣ самымъ счастливымъ изъ тогдашнихъ партизановъ.

Такъ какъ саксонцы не перешли на нашу сторону, то непріятельскія дѣйствія продолжались.

Это положеніе вещей было неестественно; сочувствіе саксонцевъ къ Россіи было слишкомъ очевидно; объ этомъ свидѣтельствовалъ пріемъ, оказываемый намъ населеніемъ. Однажды, когда мои аванпосты подошли на разстояніе пушечнаго выстрѣла отъ одного выдающагося верка у Йоргау, я поручилъ одному пастуху отправиться къ командиру аванпостами, полковнику Карловицу, попросить у него отъ моего имени позволеніе вступить съ нимъ въ переговоры.

Когда онъ изъявилъ на это согласіе, то я предложилъ ему не стрѣлять болѣе въ насъ по-пустому, такъ какъ мы съ своей стороны не имѣли ни малѣйшаго желанія относиться къ саксонцамъ враждебно, и король саксонскій, уступая желанію народа и арміи, вѣроятно объявитъ себя вскорѣ нашимъ союзникомъ.

Генералъ Тилеманъ (Thielemann), комендантъ Йоргау, узнавъ объ этомъ разговорѣ, прислалъ ко мнѣ на слѣдующій день своего адъютанта, Вольферсдорфа, чтобы заключить со мною на словахъ нѣчто вродѣ перемирія.

Я донесъ объ этомъ генералу Ланскому, который одобрилъ этотъ шагъ и похвалилъ меня за него. Но пока мною посылались донесенія и были получены отвѣты, я успѣлъ взять въ плѣнъ одного саксонскаго офицера. Генералъ Винценгероде немедленно разрѣшилъ мнѣ возвратитъ ему свободу.

Такъ какъ наши солдаты постились и не могли быть сыты превосходными карпами, которые ловились въ мѣстныхъ прудахъ, то я просилъ генерала Тилемана прислать мнѣ 20 боченковъ сельдей, что онъ весьма любезно исполнилъ.

Отъ полковника Карловица я узналъ, что Наполеонъ долженъ былъ въ скоромъ времени прибыть къ арміи, что вице-король находился въ Лейпцигѣ и генералъ Лекокъ, отдѣлившись отъ французовъ, двинулся въ Йоргау съ остатками саксонской арміи и, наконецъ, что жители встрѣтили эту, нѣкогда столь блестящую, армію съ восторгомъ, а солдаты поклялись смыть французской кровью испытанное ими униженіе.

Между тѣмъ, ко мнѣ явился маіоръ Нацмеръ, адъютантъ короля прусскаго, посланный съ секретными депешами къ генералу Тилеману, и просилъ меня препроводить его въ Йоргау. Не знаю, что онъ дѣлалъ въ Йоргау, но, тотчасъ по его отъѣздѣ, я получилъ приказаніе удвоить

бдительность и, не вызывая неприязненных дѣйствій, быть насторожѣ. Поэтому я продолжалъ свои дѣйствія на лѣвомъ берегу Эльбы, наблюдая въ то же время Торгау съ праваго берега, чтобы не терять изъ вида графа Витгенштейна.

Сильная канонада, доносившаяся изъ Виттемберга, заставила меня предположить, что генераль Чернышевъ, командовавшій авангардомъ графа Витгенштейна, вступилъ въ сраженіе съ непріятелемъ.

Въ этотъ моментъ ко мнѣ вторично пріѣхалъ Наумеръ, получивъ, вѣроятно, новыя инструкціи, такъ какъ два часа спустя онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Розенфельдтъ, 19-го (31-го) марта 1813 г.

«Господину командующему аванпостами въ Торгау, барону фонъ-Левенштерну.

«Имѣю честь извѣстить ваше высокоблагородіе, что, исполняя порученіе генераль-лейтенанта фонъ-Клейста, я нашелъ въ лицѣ генераль-лейтенанта фонъ-Тилемана человѣка въ высокой степени честнаго и такъ благопріятно къ намъ настроеннаго, какъ только можно желать.

«Онъ можетъ оказать намъ весьма важныя услуги и уже доказалъ это на дѣлѣ.

«Поэтому считаю долгомъ симъ извѣстить ваше высокоблагородіе и покорнѣйше просить васъ дать вашимъ аванпостамъ соотвѣтственныя приказанія, чтобы они не предпринимали никакихъ неприязненныхъ дѣйствій противъ войскъ, занявшихъ Торгау, такъ какъ въ противномъ случаѣ это легко можетъ нарушить существующее между нами взаимное согласіе.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу ваше высокоблагородіе какъ можно скорѣе доставить прилагаемое при семъ письмо генералу-отъ-кавалеріи Блюхеру. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

«Нацмеръ, маіоръ и флигель-адъютантъ его величества короля прусскаго».

Я донесъ немедленно объ этомъ по начальству, но генераль Ланской не измѣнилъ своихъ намѣреній и приказалъ мнѣ по-прежнему наблюдать за Торгау.

Меня удивило болѣе всего въ депешѣ Нацмера то обстоятельство, что онъ какъ будто думалъ сообщить мнѣ нѣчто новое, говоря, что генераль Тилеманъ былъ къ намъ доброжелателенъ, тогда какъ мои казаки могли судить о его расположеніи по свидѣтельству самаго нелицеприятнаго судьи—ихъ желудка, и по тѣмъ седедкамъ, которыя они истребляли съ величайшимъ аппетитомъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что господа пруссаки очень часто похвалялись передъ нами, не имѣя, впрочемъ, ни малѣйшаго намѣренія чѣмъ-либо вредить намъ, дѣйствуя въ подобныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ

своей страсти приводить все въ систему, въ порядокъ, чѣмъ мы обыкновенно пренебрегали.

Всѣ дѣла, проходившія черезъ руки князя Сергѣя Волконскаго, предавались имъ обыкновенно полному забвенію, не столько изъ нежеланія такъ или иначе рѣшить ихъ, сколько по причинѣ чрезвычайнаго безпорядка, царившаго въ его кабинетѣ и въ его головѣ; между тѣмъ это былъ человѣкъ не глупый, но онъ обладалъ тѣмъ умомъ, который не умѣетъ или не хочетъ ничего цѣнить, если это не сопряжено съ личной его пользою.

Генераль Винценгероде, не зная ни слова по-русски, хотя онъ и дѣлалъ видъ, что прекрасно умѣетъ читать на этомъ языкѣ, по неволѣ вѣрилъ всему, что князю Волконскому благоразсудилось сообщить ему. Его начальникъ штаба, генераль Ренни, былъ такая мокрая курица, что князю Сергѣю Волконскому стоило только сказать слово, чтобы заставить его молчать.

Поэтому люди, писавшіе впоследствии исторію этой войны, не могли найти полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній относительно военныхъ дѣйствій генерала Винценгероде; причиною этого былъ безпорядокъ, внесенный Волконскимъ въ его штабъ и канцелярію. Сколько разъ я видѣлъ въ его кабинетѣ, на его столѣ, нераспечатанныя донесенія, полученные 8 или 10 дней назадъ, и которыя требовали быстрого рѣшенія и немедленнаго исполненія.

Понявъ то, чего требовало отъ насъ данное положеніе, мы, люди боевые, умѣли дѣйствовать не теряя времени, но этимъ умѣніемъ не могли похвалиться тѣ лица, которыя были призваны руководить нами и которыя пожинали плоды нашихъ трудовъ благодаря тому, что наша воля оказывалась сильнѣе ихъ безпорядочности или, скажу даже, ихъ неспособности.

Я еще возвращусь къ генералу барону Винценгероде, котораго императоръ Александръ считалъ орломъ и который въ сущности былъ только красавцемъ въ молодости, а впоследствии принималъ участіе въ переговорахъ, которые Поццо-ди-Борго и Вальполь довели къ желаемому концу и безъ него. Съ тѣхъ поръ онъ корчилъ изъ себя великаго политика, но былъ осмѣянъ за сдѣланные имъ стратегическіе промахи при Аустерлицѣ и въ одну ночь посѣдѣлъ отъ горя; ему все прощали, даже то, что онъ такъ глупо попался въ плѣнъ въ Москвѣ, чего самъ Винценгероде не извинилъ бы самому послѣднему подпоручику.

Имѣя въ прошломъ такія заслуги, онъ получилъ командованіе прекраснѣйшею частью. Мы увидимъ, что онъ сдѣлалъ и съ этимъ великолѣпнымъ армейскимъ корпусомъ; у него все было результатомъ удачи, но не его личныхъ заслугъ. Его слава создавалась успѣшными дѣйствіями Воронцова, Ланскаго, Чернышева, Бенкендорфа.

Впрочемъ, это былъ человѣкъ въ высшей степени честный, порядочный и обходительный, но полнѣйшая ничтожность съ военной точки зрѣнія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ австрійскихъ генераловъ, которыхъ французы, какъ напр. Массена, Жуберъ, Моро, Бернадотъ и, наконецъ, самъ Наполеонъ всегда побивали. Когда я узналъ въ послѣдствіи ближе гг. австрійскихъ генераловъ, вродѣ Винценгероде, то я понималъ, какъ легко было одерживать побѣды этимъ республиканскимъ генераламъ.

Я переправился черезъ Эльбу на прекрасныхъ плотахъ у Лоренцкирхена и двинулся на Вальдгеймъ, гдѣ соединился съ генераломъ Ланскимъ, который приказалъ мнѣ занять Лейпцигъ. По моей просьбѣ, онъ далъ мнѣ вмѣсто полка Грекова полкъ Попова 13-го, и я двинулся къ Лейпцигу вмѣстѣ съ Иловайскимъ 12-мъ и Поповымъ 13-мъ. Въ разстояніи полверсты отъ этого города, я встрѣтилъ отрядъ Михаила Орлова, который переправился черезъ Эльбу неподалеку отъ Грозенгайна (Grosenhain) и спѣшилъ къ Лейпцигу съ тою же цѣлью.

Орловъ расположился со своимъ отрядомъ близъ города бивуакомъ и вступилъ въ переговоры съ мѣстными властями. Я предпочелъ сперва занять Лейпцигъ, а затѣмъ уже начать переговоры. Этотъ планъ удался какъ нельзя лучше; я добился всего того, чего хотѣлъ; жители радостно вышли мнѣ на встрѣчу; я поставилъ полкъ Иловайскаго въ самомъ городѣ, а полкъ Попова расположился на прекрасномъ променадѣ (бульварѣ), опоясывающемъ городъ.

Орловъ былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что я его предупредилъ, но мы были слишкомъ хорошіе друзья, чтобы поссориться изъ-за этого, и такъ какъ я не оспаривалъ у него заслуги, что онъ первый послалъ майора Людова для переговоровъ съ властями, то онъ смѣло могъ предоставить мнѣ честь первому занять городъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ въ награду чинъ полковника, а же имѣлъ единственное удовольствіе видѣть мое имя въ газетахъ, гдѣ было сказано, что я первый вступилъ въ городъ во главѣ двухъ полковъ казаковъ, изъ коихъ одинъ обращалъ на себя особенное вниманіе своими пистолетами и ружьями, богато оправленными въ серебро. Эта подробность была передана совершенно вѣрно; полкъ Иловайскаго, овладѣвъ за Дунаемъ лагеремъ великаго визиря, захватилъ огромную добычу, въ томъ числѣ много разнаго рода оружія. На слѣдующій день подошелъ Ланской со своимъ авангардомъ, предшествуемый генераломъ Иловайскимъ и четырьмя полками казаковъ.

Городъ былъ наводненъ войскомъ; я поспѣшилъ вывести изъ него часть своихъ солдатъ, двинувшись къ Мерзебургу, и послалъ развѣзды къ Галле.

Вечеромъ, въ день моего приѣзда, въ Лейпцигѣ былъ данъ спектакль и городъ былъ иллюминированъ. Когда мы появились съ Орловымъ въ

театръ, въ ложѣ, то публика привѣтствовала насъ громкими криками «ура!» Мы пресерьезно раскланялись на всѣ стороны, а вечеромъ, за ужиномъ въ дружеской компаніи, отъ души посмѣялись надъ той важной ролью, которую намъ пришлось разыграть.

Въ Мерзебургѣ не было извѣстно о нашемъ появленіи въ Лейпцигѣ, поэтому мнѣ удалось захватить тамъ денежную кассу и задержать курьера, отправлявшагося съ мальпостомъ во Францію. Мы не церемонились, какъ можно думать, съ казенными пакетами, и я узналъ изъ нихъ многое, пригодившееся намъ въ то время и въ будущемъ. Лейпцигскіе купцы, узнавъ, что я захватилъ почту, предложили мнѣ за каждое письмо по одному дукату. Я конечно отказался отъ этого; чѣмъ они были немало удивлены, такъ какъ французскія власти въ подобныхъ случаяхъ бывали очень сговорчивы. Отказаться заработать такъ легко около тысячи дукатовъ было для нихъ вещь непонятная.

Въ кассѣ, мною захваченной, оказалось 15 тысячъ франковъ, которые я препроводилъ генералу Ланскому; кромѣ того въ мои руки достался конскій заводъ. Не имѣя возможности увести всѣхъ лошадей, я отослалъ самыхъ лучшихъ жеребцовъ въ главную квартиру, себѣ же оставилъ, съ разрѣшенія генерала Ланскаго, только двухъ. Впослѣдствіи, оберштальмейстеръ короля Саксонскаго, Кеннерицъ написалъ мнѣ трогательное письмо, прося возвратить сѣраго въ яблокахъ жеребца, «Великолѣпнаго» (le brillant), который былъ, по его словамъ, гордостью королевскаго конскаго завода и всего королевства. Этотъ именно «Великолѣпный» и красовался на моей конюшнѣ. Я никогда въ жизни не видалъ столь красивой лошади и поэтому поступилъ по пословицѣ: «что съ воза упало, то пропало».

Едва успѣлъ я покончить со всѣми этими дѣлами, какъ получилъ приказаніе прогнать непріятеля изъ Галле и занять этотъ городъ. Одинъ каноникъ Мерзебургскаго капитула г. де Пфорта, воодушевленный рвеніемъ къ правому дѣлу, предложилъ провести меня къ городу окольными путями по лугамъ, которые считались въ это время года непроходимыми.

Я остановился отдохнуть въ замкѣ Бенкендорфа, гдѣ насъ приняла очень любезно красивая, молодая владѣтельница замка. Но надобно было спѣшить, мы простились съ любезной хозяйкою и при помощи каноника я очутился у воротъ города въ тотъ моментъ, когда никто этого не подозрѣвалъ. Оказалось, что французскія войска оставили уже Галле, но въ немъ находились еще префектъ, гражданскія власти и нѣсколько жандармовъ; самое главное, касса, находилась въ рукахъ этихъ господъ.

Въ Галле, принадлежавшемъ нѣкогда Пруссіи, восторгъ жителей былъ неописуемъ. Народъ толпился на улицахъ и площадяхъ, прилегавшихъ къ моему дому; студенты, числомъ отъ 500 до 600 человѣкъ, образовали мою

почетную стражу. Этотъ энтузіазмъ едва не оказался для меня пагубнымъ, когда я хотѣлъ пройти пѣшкомъ черезъ площадь, чтобы посѣтить знаменитый сиротскій институтъ, то на площади была столь густая толпа народа, что я съ трудомъ могъ пробраться чрезъ нее; какая-то старушка схватила мою руку и стала цѣловать ее, плача отъ радости; другія послѣдовали ея примѣру, каждому хотѣлось прикоснуться ко мнѣ и меня тянули во всѣ стороны; наконецъ, я сталъ кричать, такъ какъ меня буквально рвали на части; съ тѣхъ поръ я принялъ мѣры, чтобы обезпечить себя впредь отъ изъявленій подобнаго восторга.

Меня посѣтилъ ректоръ университета, знаменитый Нимейеръ, въ сопровожденіи всѣхъ профессоровъ. Я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ ними университетскую типографію, одну изъ древнѣйшихъ въ Германіи, въ которой отпечатано множество библій и священныхъ книгъ.

Молодые люди устроили для моей забавы гимнастическія игры; вечеромъ у меня былъ импровизированный балъ, и городъ былъ иллюминированъ. На улицахъ шумъ не стихалъ до слѣдующаго дня.

Я осмотрѣлъ также солеваренные заводы и объявилъ ихъ собственностью короля прусскаго. Я ѣздилъ на эти заводы въ дрожкахъ, запряженныхъ тройкою въ рядъ; лошади чего-то испугались и понесли; дрожки опрокинулись и если бы мой негръ, ѣхавшій позади, не выказалъ при этомъ удивительнаго присутствія духа, то я былъ бы неминуемо раздавленъ; никогда смерть не была такъ близка. Впрочемъ, я отдѣлался легкими ссадинами на рукѣ, но когда мой негръ вытащилъ меня изъ-подъ лошадей, то на мнѣ не было человѣческаго лица; красноватая пыль солончаковой почвы, превратившаяся въ грязь, сдѣлала меня неузнаваемымъ. Я походилъ на тѣхъ чертей, которые изображаются въ операхъ.

Когда народъ узналъ объ этомъ происшествіи, толпа загудѣла; всякій хотѣлъ меня видѣть. Опасаясь, чтобы непріятель не воспользовался беспорядкомъ, вызваннымъ этимъ энтузіазмомъ, я былъ вынужденъ расклеить въ городѣ слѣдующую прокламацію отъ 9-го апрѣля 1813 г.:

«Весьма довольный пріемомъ, оказаннымъ русскимъ императорскимъ войскамъ, вступившимъ подъ моимъ начальствомъ въ Галле, я съ удовольствіемъ изъясняю по этому поводу жителямъ мою признательность и благодарю ихъ за вниманіе, оказанное мнѣ лично.

«Но такъ какъ благая цѣль, къ которой мы должны стремиться, требуетъ неусыпнаго вниманія и дѣятельности, то я нахожу необходимымъ возстановленіе повсемѣстно тишины и порядка; поэтому я призываю жителей возвратиться къ занятіямъ, не позволять своимъ домохозяевамъ толкаться весь день на улицахъ, прошу ихъ добровольно подчиняться предписаніямъ полиціи и мѣстныхъ властей и не позволять себѣ никакихъ поступковъ, могущихъ нарушить общественную тишину

и порядокъ. Баронъ Левенштернъ командующій отрядомъ авангарда русской императорской арміи».

Въ Галле водворился порядокъ.

Городъ прислалъ мнѣ депутацію, чтобы освѣдомиться о состояніи моего здоровья послѣ ушиба. Я успокоилъ жителей, проѣхавъ по городу верхомъ съ цѣлью занять войскомъ замокъ маршала Даву, расположенный на горѣ.

Отрядъ, посланный мною въ Вейсенфельсъ, овладѣлъ кассою и большимъ продовольственнымъ магазиномъ.

Я дошелъ до Наумбурга и Керфуста и вездѣ по пути захватилъ денежные кассы; изъ этихъ денегъ, которыя мѣстные власти легко могли бы скрыть, намъ было роздано жалованіе.

Моимъ принципомъ было не считать военной добычею то, что было взято мною въ какомъ-нибудь городѣ или что было передано мнѣ властями; я считалъ доблестной и цѣнной добычею только то, что было взято на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ.

Генераль Винценгероде началъ приводить въ исполненіе свой планъ. Онъ приказалъ генералу Ланскому съ летучимъ отрядомъ поспѣшно вторгнуться въ Вестфалію и помѣшать соединенію корпусовъ вице-короля италіанскаго и Нея. Мнѣ было поручено командованіе его авангардомъ. Генераль Иловайскій выстроился эшелонами позади меня; за нимъ слѣдовалъ на близкомъ разстояніи генераль Ланской, который, независимо отъ четырехъ полковъ Иловайскаго, командовалъ дивизіей гусаръ и украинской дивизіей графа Витта съ многочисленной конной артиллеріей.

Я старался поддержать непрерывное сообщеніе съ маіоромъ Ла-Рошъ-Старкенфельсомъ слѣва и съ полковникомъ Пренделемъ, который долженъ былъ прикрывать мой правый флангъ.

Прендель, вѣчно фантазировавшій, написалъ мнѣ изъ Эйслебена, что ему угрожаетъ величайшая опасность, что впереди его находится вице-король, который направляетъ свою артиллерію и обозъ къ Нордгаузену и Эльриху. Я донесъ объ этомъ генералу Ланскому, который рѣшилъ послать меня форсированнымъ маршемъ въ Алльштедтъ, и приказалъ мнѣ сдѣлать все возможное, чтобы дойти до Нордгаузена и провѣрить на мѣстѣ донесеніе Пренделя, которому уже начинали не довѣрять.

Въ Алльштедтѣ я находился на территоріи великаго герцога Веймарскаго, поэтому я счелъ долгомъ довести до его свѣдѣнія о моемъ проходѣ черезъ его владѣнія, успокоивъ его, что мною будутъ соблюдены при этомъ строжайшій порядокъ и дисциплина. Великая княгиня Марія Павловна прислала ко мнѣ одного изъ своихъ служащихъ, русскаго, который могъ, въ случаѣ надобности, служить намъ переводчикомъ.

Этотъ человѣкъ, служившій при ея домою церкви, плакалъ навзрыдъ, увидавъ своихъ побѣдоносныхъ соотечественниковъ, которые были такъ скромны и нетребовательны. За образцовое поведеніе моихъ казаковъ великій герцогъ удостоилъ меня собственноручнымъ письмомъ, написаннымъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Король Саксонскій, желая спасти отъ насъ своихъ жеребцовъ, отослалъ ихъ въ Алльштедтъ, полагая, что они будутъ тамъ въ безопасности подъ покровительствомъ великаго герцога!

Я узналъ объ этой хитрости, но это не имѣло для короля никакихъ непріятныхъ послѣдствій, и великая княгиня могла убѣдиться въ томъ, что все, находившееся подъ ея покровительствомъ, было для насъ священо.

Я ушелъ изъ Алльштедта, очистивъ мѣсто генералу Ланскому и посѣдивъ въ Розлу (Rosla), гдѣ графъ Штольбергъ оказалъ мнѣ самый радушный пріемъ. Давъ отдохнуть лошадямъ, я отправился въ Нордгаузенъ и проѣхалъ въ этотъ день 60 верстъ; лошади были истомлены; я рѣшилъ поставить мою бригаду бивуакомъ въ Бѣленѣ (Bielen) и, взявъ 200 самыхъ лучшихъ кавалеристовъ моего отряда, пошелъ въ тотъ же вечеръ къ Нордгаузену.

Въ то время какъ я подходилъ къ нему съ одной стороны, французы выступали изъ города, съ другой отступая къ Дудерштадту.

Жители выказали при нашемъ появленіи такую же радость, какъ и населеніе Галле.

Въ виду близости непріятеля, я потребовалъ, чтобы жители, вышедшіе мнѣ на встрѣчу, немедленно возвратились по домамъ. Въ городѣ водворилось спокойствіе, и ея сѣлъ писать донесеніе генералу Ланскому, какъ вдругъ лѣсной стражникъ, вестфалецъ, сообщилъ мнѣ, что къ городу идетъ полкъ л.-гв. конныхъ егерей съ намѣреніемъ застигнуть меня ночью врасплохъ.

Подобнаго рода свѣдѣнія зачастую оказывались ложными, поэтому я не повѣрилъ говорившему до тѣхъ поръ, пока онъ не назвалъ себя; это былъ Мейеръ, тотъ самый Мейеръ, о которомъ генералъ Массенбахъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ и который сопровождалъ принца прусскаго Людовика Фердинанда, столь доблестно покончившаго жизнь въ сраженіи при Штаальфельдѣ.

Было бы преступленіемъ не повѣрить этому правдивому и преданному человѣку.

Я не колебался ни минуты, рѣшивъ идти на встрѣчу непріятелю и застигнуть его врасплохъ вмѣсто того, чтобы быть имъ застигнутымъ.

Я послалъ расторопнаго офицера съ приказаніемъ привести изъ Бѣлена, лежащаго въ 5-ти верстахъ отъ Нордгаузена, мою бригаду въ Бондергадтъ.

Я выступилъ съ моими 200 кавалеристами; храбрый Мейеръ указывалъ намъ путь.

Мой отрядъ нагналъ меня въ окрестностяхъ Блихерооде, на гребнѣ горъ или скорѣе высокихъ холмовъ, называемыхъ Шуренъ (Schuren).

По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся рядъ великолѣпныхъ деревьевъ; ясная лунная ночь позволяла все видѣть какъ днемъ; это обстоятельство мнѣ не особенно нравилось, поэтому я старался держаться въ тѣни, отбрасываемой деревьями на большую дорогу.

Вдругъ я ясно увидѣлъ на этой дорогѣ великолѣпный полкъ Вестфальскихъ егерей съ ихъ бѣлыми, какъ снѣгъ, плащами и блестящими касками; они только-что были переформированы и заново обмундированы. Егеря шли совершенно спокойно, не подозрѣвая моего присутствія.

Я успѣлъ поставить полкъ Попова въ оврагъ, приказавъ ему послать впередъ нѣсколько казаковъ, чтобы отрѣзать путь егерямъ, которыхъ я надѣялся откинуть съ казаками Иловайскаго. Продолжая идти въ величайшемъ безмолвіи и въ тѣни, я очутился наконецъ шагахъ въ тридцати отъ непріятели. Полковникъ, ѣхавшій во главѣ колонны, замѣтилъ меня, первый выстрѣлилъ и командовалъ отряду строиться въ боевой порядокъ, но я уже успѣлъ напасть на егерей и опрокинуть ихъ. Всѣ эти бѣлые плащи мигомъ были окружены, преслѣдуемы, и взяты нами въ плѣнъ или убиты.

Мы взяли 15 офицеровъ и 275 егерей.

Успѣхъ былъ полный; я былъ обязанъ имъ храброму Мейеру, который сопровождалъ меня затѣмъ во всю кампанію 1813 и 1814 г., получилъ серебрянаго Георгія и прусскій желѣзный крестъ, и расстался со мною уже послѣ заключенія мира.

Забравъ плѣнныхъ, я сошелъ съ большой дороги и остановился въ лошинѣ недалеко отъ одной деревни, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и казакамъ, столь доблестно отличившимся; я же воспользовался этимъ кратковременнымъ отдыхомъ, чтобы написать донесеніе и отправить плѣнныхъ. Затѣмъ я двинулся по направленію къ Эльриху для наблюденія за тѣмъ, что происходило по близости отъ Гарца.

Въ Эльрихѣ меня ожидалъ пріятный сюрпризъ. Чрезвычайно утомленный, я бросился на постель; но едва успѣлъ заснуть, какъ денщикъ разбудилъ меня, доложивъ, что какой-то крестьянинъ настоятельно желаетъ видѣть меня. Имѣя обыкновеніе выслушивать всякаго имѣвшаго до меня надобность, я приказалъ впустить его и увидѣлъ очень красиваго мужчину, въ крестьянскомъ зипунѣ, который вошелъ въ комнату съ большою увѣренностью, смѣло подошелъ и сказалъ по-французски:

— Вы и не подозреваете, милостивый государь, кто находится въ настоящую минуту передъ вами.

Его тонъ поразилъ меня и даже показался мнѣ оскорбительнымъ, но я сдержался и отвѣчалъ, что, разумѣется, не могу себѣ представить, кто онъ такой, но несомнѣнно, онъ не то, что можно предполагать по его костюму.

— Я тотъ несчастный полковникъ,—сказалъ онъ,—отрядъ котораго вы разбили сегодня ночью. Такъ какъ мой полкъ погибъ, то я не хочу возвращаться одинъ. Дѣлайте со мною, что хотите, я предпочитаю быть въ плѣну у васъ, нежели быть разстрѣленнымъ тамъ!

Оказалось, что наши казаки долго преслѣдовали его, но онъ успѣлъ ускакать отъ нихъ благодаря быстротѣ своей лошади и доѣхалъ до того мѣста, гдѣ мы находились въ эту минуту. Тутъ крестьяне спрятали его и его лошадь на сѣновалѣ; онъ обрилъ себѣ усы и надѣлъ крестьянскую сермягу, намѣреваясь бѣжать; но по зрѣломъ размышленіи предпочелъ сдать въ плѣнъ.

Я сказалъ ему на это все то, что можетъ сказать порядочный человѣкъ въ подобномъ случаѣ; въ душѣ я радовался этой счастливой случайности, послалъ за мундиромъ полковника, предложилъ ему надѣть его и возвратилъ ему лошадь и шпагу. Завѣдывавшій казенными лѣсами баронъ Гамерштейнъ устроилъ для меня охоту на оленя; я предложилъ полковнику сопровождать меня на охоту, на что онъ съ удовольствіемъ согласился.

Этотъ полковникъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Гейкинъгъ, и былъ некогда адъютантомъ Блюхера.

Я слышалъ впоследствии, что онъ былъ очень дурно принятъ генераломъ Блюхеромъ и пруссаками, которые ставили ему въ вину, что онъ поступилъ на службу Вестфаліи, оставивъ прусскую службу. Онъ отличился въ Испаніи и только-что пріѣхалъ съ Пиренейскаго полуострова.

Желая воспользоваться успѣхомъ, одержаннымъ мною ночью, не давъ непріятелю время опомниться, я просилъ генерала Ланскаго позволенія проникнуть въ горы Гарца, захватить и разрушить большой оружейный заводъ въ Герцбергѣ, который былъ Тулою Вестфальскаго королевства, и, исполнивъ это, соединиться съ нимъ.

Онъ далъ на это свое разрѣшеніе. Послѣ 36 часоваго марша по ужаснѣйшимъ дорогамъ, гдѣ лошади утопали въ снѣгу, я подошелъ къ Герцбергу, вся охрана котораго состояла, какъ мнѣ было извѣстно, всего изъ одного батальона пѣшихъ гвардейскихъ егерей и изъ нѣсколькихъ ветерановъ и артиллеристовъ.

Это былъ первый день Пасхи; въ церквахъ звонили во всѣ колокола; я предполагалъ, что большая часть гарнизона находится въ церкви.

Вслѣдствіе сильной метели, нашего приближенія никто не замѣтилъ; я быстро окружилъ передовую стражу и бросился очертя голову въ городъ. Успѣхъ былъ полный, превзошедшій всѣ ожиданія.

Батальонъ былъ взятъ въ плѣнъ въ церкви и на улицахъ города; всего нѣсколько человѣкъ успѣли скрыться между скалъ и въ лѣсахъ, прилегающихъ къ городу. Одинъ артиллерійскій полковникъ и нѣсколько офицеровъ были взяты въ плѣнъ, и заводъ былъ разрушенъ до основанія. Мы захватили и отослали генералу Ланскому сорокъ телѣгъ, запряженныхъ каждая осмеркою лошадей и нагруженныхъ ящиками съ ружьями, которыя посылались въ армію; вмѣстѣ съ этой добычею я послалъ Ланскому 20 тысячъ франковъ, находившихся въ полковомъ сундукѣ.

Передовая стража успѣла сдѣлать въ насъ нѣсколько выстрѣловъ, но атака на городъ была произведена такъ рѣшительно и быстро, что намъ было оказано самое ничтожное сопротивленіе: городъ уже былъ въ моихъ рукахъ прежде, нежели объ этомъ заподозрѣли жители, находившіеся въ церквахъ.

Завѣдывающій дворцомъ, г. Людеръ пригласилъ меня отобѣдать у него. Такъ какъ это былъ первый день Пасхи, то у него собралось многочисленное общество.

Замокъ стоялъ на крутой скалѣ. Я взялъ съ собою пятьдесятъ казаковъ, на случай нечаяннаго нападенія. Обѣдъ, оживленный превосходнымъ рейнвейномъ, прошелъ очень весело; дамы предложили тостъ за здоровье императора Александра, о красотѣ и добротѣ коего онѣ много слышали; мужчины присоединились къ этому тосту; въ сущности всѣ ненавидѣли вестфальское правительство и такъ какъ я нанесъ ущербъ только правительству, то всѣ скоро позабыли причиненный мною страхъ. Самая оживленная, дружеская бесѣда продолжалась вплоть до вечера; когда стемнѣло, я сѣлъ на лошадь и уѣхалъ изъ замка со своимъ конвоемъ. Въ десять часовъ вечера въ Герцбергѣ водворилось полнѣйшее спокойствіе.

Этотъ разбойничій набѣгъ увѣнчался успѣхомъ, сопровождающимъ всегда всякое быстрое энергичное дѣйствіе.

Но обратный путь былъ сопряженъ для меня съ большими трудностями; погода была ужасная, снѣгъ падалъ большими хлопьями; въ горахъ Гарца царилъ еще суровая зима, тогда какъ на равнинѣ весна была въ полномъ разгарѣ, деревья цвѣли и зеленѣли и луга пестрѣли цвѣтами.

Я былъ вынужденъ остановиться на ночь въ Шарцфельдѣ; дулъ сильный вѣтеръ, и замерзшія снѣжинки кололи лицо до боли. Можно было подумать, что всѣ вѣдьмы Брокена, воспѣтыя въ балладахъ, сошлись, чтобы отпраздновать шабашъ.

Мнѣ пришлось обратиться за помощью къ крестьянамъ и взять у нихъ быковъ для того, чтобы свезти мои телѣги, нагруженные ружьями, коихъ оказалось 8.000, и нѣсколько тысячъ пистолетовъ и сабель. Это была тяжелая ночь, тѣмъ болѣе, что генераль Латуръ-Мобуръ могъ отрѣзать мнѣ отступление къ Нордгаузену, гдѣ меня ожидалъ генераль Ланской.

Впрочемъ, я послалъ нѣсколько отрядовъ къ Теттенборну и Макеродту, чтобы слѣдить за движеніями непріятели, а генераль Ланской отрядилъ генерала Иловайскаго съ его четырьмя полками казаковъ съ цѣлью произвести демонстрацію и помочь мнѣ. Движеніе, совершенное этимъ генераломъ въ сторону отряда генерала Гамештейна, дало мнѣ возможность сохранить мою добычу, оружіе, деньги и плѣнныхъ, которые были доставлены въ Нордгаузенъ всѣ цѣлы и невредимы.

Я узналъ отъ генерала Иловайскаго, что генераль Ланской чрезвычайно безпокоился обо мнѣ, въ особенности узнавъ о томъ, что вице-король идетъ на Гейлихенштадтъ, чтобы совершить свое соединеніе съ нимъ въ Эрфуртѣ и Веймарѣ. Сосредоточивъ такимъ образомъ свои силы, Ланской могъ быть отрѣзанъ отъ своей коммуникаціонной линіи и отъ линіи отступления на Лейпцигъ черезъ Наумбургъ и Вейсенфельсъ, въ случаѣ, если бы Козенское ущелье было занято непріятеlemъ до того, какъ онъ успѣлъ бы пройти черезъ него.

Я встрѣтился съ генераломъ Иловайскимъ въ Эльрихѣ, откуда я пошелъ на Герцбергъ. Тотчасъ по моемъ прибытіи, онъ оставилъ этотъ пунктъ, отступивъ къ Нордгаузену, и согласно приказанію, полученному имъ отъ генерала Ланскаго, велѣлъ мнѣ слѣдовать за его отрядомъ, на другой день составивъ его аррьергардъ.

Жители Эльриха, узнавъ объ успѣхѣ, одержанномъ мною въ Герцбергѣ, и желая почтить меня, воздвигли наскоро триумфальныя арки, изукрашенныя лентами и цвѣтами.

Бѣдняги заплатились дорого за это, такъ какъ французы, занявъ Эльрихъ и его окрестности на слѣдующій день, не простили жителямъ этихъ демонстрацій и обложили ихъ огромной контрибуціей.

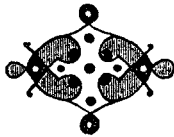
Я пріѣхалъ въ Нордгаузенъ въ ночь и, заставъ тамъ генерала Ланскаго, условился съ нимъ относительно тѣхъ мѣръ, какія намъ надлежало принять, чтобы не попасть въ тиски между вице-королемъ и Неемъ.

Наше положеніе было весьма опасное, такъ какъ непріятель, сосредоточиваясь близъ Готы, Эрфурта и Гейлихенштадта, былъ ближе къ нашей операціонной базѣ, нежели мы сами.

Для того, чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, на-

добно было совершить форсированные переходы и дѣйствовать крайне осторожно; когда мы условились обо всемъ съ Ланскимъ, я возвратился къ своему отряду, которому было поручено вытѣснить непріятеля; въ слѣдствіи на меня не разъ возлагались подобныя порученія, и я могу сказать, основываясь на свидѣтельствѣ моего начальства, что я исполнялъ это довольно искусно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I

И СЕМЕЙСТВО ДЕКАБРИСТА

Ивана Александровича Анненкова.

16-го мая 1827 года, при проѣздѣ императора Николая I черезъ г. Вязьму, француженка Паулина Поль подала ему прошеніе, въ которомъ просила дозволенія отправиться въ Сибирь, для вступленія въ законный бракъ съ государственнымъ преступникомъ Анненковымъ ¹⁾, отъ котораго имѣла дочь.

«Ваше величество! — писала Паулина Поль ²⁾. — Позвольте матери припасть къ стопамъ вашего величества и просить, какъ милости, разрѣшенія раздѣлить ссылку ея гражданскаго супруга (éroux naturel). Религія, ваша воля, государь, и законъ научатъ насъ, какъ исправить нашу ошибку. Я всецѣло жертвую собою человѣку, безъ котораго я не могу долѣе жить; это самое пламенное мое желаніе. Я была бы его законной супругою въ глазахъ церкви и передъ закономъ, если бы я захотѣла преступить правила деликатности. Я не знала о его винов-

¹⁾ Бывшимъ поручикомъ Кавалергардскаго полка. Онъ вступилъ въ Сѣверное общество въ 1824 году; ему открыта была цѣль онаго: введеніе республиканскаго правленія. Предъ 14-мъ декабря, будучи у Оболенскаго, узналъ, что хотѣли противиться присягѣ, но самъ въ томъ не участвовалъ и по принесеніи присяги на вѣрность подданства, все время находился при полку. По приговору верховнаго уголовного суда, 10-го іюля 1826 года высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Высочайшимъ же указомъ 22-го августа повелѣно оставить его въ работѣ 15 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибирь.

²⁾ 16-го мая 1827 г. (Переводъ съ французскаго).

ности; мы соединились неразрывными узами. Для меня было достаточно его любви...

«Милосердіе есть отличительное свойство царской семьи. Мы видимъ столько примѣровъ этому въ лѣтописяхъ Россіи, что я осмѣливаюсь надѣяться, что ваше величество послѣдуете естественному внушенію своего великодушнаго сердца.

«Въ ссылкѣ я буду, ваше величество, благоговѣнно исполнять всѣ ваши повелѣнія. Мы будемъ благословлять священную руку, которая сохранить намъ жизнь, безспорно весьма тяжкую! но мы употребимъ всѣ силы, чтобы наставить нашу возлюбленную дочь на пути добродѣтели и чести. Мы будемъ молить Бога о томъ, чтобы Онъ увѣнчалъ васъ славою. Мы будемъ просить Его, чтобы Онъ излилъ на ваше величество и ваше августѣйшее семейство всѣ свои благодѣянія.

«Соблагодолите, ваше величество, открыть ваше великое сердце состраданію, дозволивъ мнѣ, въ видѣ особой милости, раздѣлить его изгнаніе. Я откажусь отъ своего отечества и готова всецѣло подчиниться вашимъ законамъ.

«У подножія вашего престола молю на колѣняхъ объ этой милости... надѣюсь на нее!»

Императоръ Николай I приказалъ написать коменданту колоніи декабристовъ генераль-маіору Лепарскому, чтобы онъ объявилъ Анненкову желаніе Паулины Поль и спросилъ его: желаетъ ли онъ «имѣть ее своею законною женою; безъ его согласія она не получить позволенія отправиться въ Сибирь». 23-го іюля Лепарскій увѣдомилъ, что Анненковъ, на сдѣланный ему запросъ, отвѣчалъ: «если бы послѣдовало позволеніе начальства, то онъ охотно бы женился на иностранкѣ Поль».

По полученіи такого отвѣта, дежурный генераль Главнаго штаба, генераль-адъютантъ Потаповъ, писалъ московскому военному генераль-губернатору князю Голицыну ¹⁾, «что его величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: дозволить иностранкѣ Полинѣ Поль ѣхать въ Нерчинскъ и сочетаться тамъ законнымъ бракомъ съ государственнымъ преступникомъ Анненковымъ и, сверхъ того, буде она имѣетъ надобность въ вспоможеніи на проѣздъ свой, то такое ей выдать.

«Высочайшую волю сію и прилагаемыя при семъ правила, наблюдаемыя относительно жень преступниковъ, ссылаемыхъ въ каторжную работу, покорнѣйше прошу ваше сіятельство приказать объявить иностранкѣ Полинѣ Поль, находящейся нынѣ въ Москвѣ, коея жительство извѣстно: у Кузнечнаго моста, въ домѣ статской совѣтницы Анненковой; равномѣрно спросить ее, желаетъ ли она на основаніи сихъ правилъ

¹⁾ Отъ 30-го октября 1827 г. № 1332.

ѣхать въ Нерчинскъ, для сочетанія бракомъ съ преступникомъ Анненинъ, и въ такомъ случаѣ, какое нужно будетъ ей вспоможеніе на проѣздъ свой и о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ».

Паулина Поль изъявила согласіе на всѣ условія, ей предложенныя, «что же касается до суммы,—прибавляла она ¹⁾»,—которая можетъ быть мнѣ нужна для путешествія, то я не смѣю назначить никакой; но буду довольна всѣмъ, что его величество изволитъ приказать мнѣ выдать».

Императоръ Николай повелѣлъ министру финансовъ «отпустить изъ государственнаго казначейства на извѣстные его величеству расходы три тысячи рублей» ²⁾, которые и были переданы Паулинѣ Поль.

Прибывъ въ Читу и вступивъ въ супружество съ Иваномъ Александровичемъ, Паулина Анненкова 21-го апрѣля 1828 г. писала императору Николаю I:

«Государь! Благодаря великодушію и доброму участию вашего императорскаго величества, я соединена съ человѣкомъ, которому я хотѣла посвятить всю мою жизнь. Въ эту торжественную для меня минуту, непреодолимое чувство заставляетъ меня повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго величества, чтобы выразить чувства глубокой и почтительной благодарности, которыми вѣчно будетъ пренсполнено мое сердце.

«Государь, вы соблаговолили протянуть руку помощи иностранкѣ, беззащитной и безо всякой поддержки. Эта августѣйшая и несравненная доброта даетъ мнѣ смѣлость опять обратиться къ вашему императорскому величеству какъ къ самому милостивому изъ монарховъ.

«Мужъ мой предназначилъ мнѣ сумму въ шестьдесятъ тысячъ рублей, которая была отобрана банковыми билетами во время его арестованія. По его просьбѣ слѣдственному комитету и прежде нежели былъ произнесенъ его приговоръ, она была отдана въ руки его матери, которой было извѣстно и которая одобряла ея назначеніе. Теперь эта сумма оспаривается наслѣдниками моего несчастнаго мужа.

«Государь! Безъ этой суммы я не имѣю средствъ къ существованію, и крайняя нужда будетъ моимъ удѣломъ. Соблаговолите приказать ее возвратить. Государь, докончите ваши благодѣянія. Съ почтительнымъ упованіемъ въ величіе вашей души, я припадаю къ стопамъ вашего величества и осмѣливаюсь умолять обезпечить существованіе той, которую вамъ уже разъ было угодно спасти.

«Государь! Здѣсь я должна бы остановиться. Преступленіе моего

¹⁾ Въ письмѣ, безъ числа, московскому оберъ-полиціимейстеру.

²⁾ Высочайшее повелѣніе отъ 29-го полбра 1827 г.

мужа должно бы, можетъ быть, воспретить мнѣ всякое ходатайство за его несчастную дочь, глубокое раскаяніе, которое наполняетъ и терзаетъ его душу, его мученія, которыхъ я свидѣтельница, не дадутъ мнѣ, я это чувствую, никакого права просить за нее ваше императорское величество, но ваше великодушное сердце, ваши благодѣянія даже ободряютъ меня. Наша несчастная и невинная сирота безъ средствъ, безъ родителей, даже безъ имени. Сжальтесь, ваше величество, надъ этимъ несчастнымъ существомъ и соблаговолите позволить ей носить имя тѣхъ, которымъ она обязана жизнью.

«Простите, государь, что я дерзнула еще разъ возвысить голосъ до вашего трона; благодѣянія, которыми вы меня уже осыпали, должны бы мнѣ только дозволить призвать благословеніе Неба на моего августѣйшаго благодѣтеля.

«Проникнутая живѣйшей и почтительнѣйшей признательностью къ вашему величеству, остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и безграничной преданностью, государь, вашего величества вѣрнопопданная Паулина Анненкова».

По наведенной справкѣ оказалось, что при арестованіи Анненкова у него было взято ломбардныхъ билетовъ на 60 тысячъ рублей, 8.310 р. ассигнаціями и 2 р. 50 к. серебромъ. Изъ нихъ было уплачено по долговымъ обязательствамъ 6.823 рубля. Оставшіяся за тѣмъ деньги, послѣ осужденія Анненкова, были препровождены къ его матери.

Справка эта вмѣстѣ съ письмомъ Полины Анненковой была представлена императору Николаю I, въ то время находившемуся на кораблѣ «Парижъ» на рейдѣ Варны. 11-го сентября 1828 года онъ написалъ собственноручно: «Справедливо. Спросить у матери Анненкова, согласна ли она возвратитъ женѣ его тѣ 60 тысячъ рублей и желаетъ ли, чтобы дочь ихъ, прижитая до осужденія, носила имя Анненковой».

На запросъ, сдѣланный Аннѣ Ивановнѣ Анненковой, она отвѣчала ¹⁾, что деньги дѣйствительно были препровождены ей, и ей извѣстно было назначеніе сей суммы сыномъ въ пользу жены его Полины, «на что и я была и есть согласна. Но впоследствии наслѣдники его, оспаривая деньги сіи, взяли отъ меня черезъ присутственное мѣсто въ пользу свою и тѣмъ лишили меня возможности выполнить волю сына моего и мое на то согласіе.

«Что же принадлежитъ, желаю ли я, чтобы дочь ихъ, прижитая до осужденія, носила имя Анненковой, таковое соизволеніе монарха съ благоговѣніемъ приѣмлю за особую милость и дерзаю упасть къ священнымъ стопамъ всемилостивѣйшаго государя испрашивать не только одного принятія фамиліи Анненковой, но да будетъ высочайшая милость его

¹⁾ Московскому оберъ-полиціиместеру отъ 3-го ноября 1828 г.

повелѣтъ рожденную дочь ихъ Александру возвести во всѣ права и наслѣдіе отца ея и тѣмъ самымъ облегчить горечь мою, какъ единое остающееся утѣшеніе въ преклонныхъ лѣтахъ несчастной матери».

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. И. Анненкова писала графу Чернышеву ¹⁾:

«Ваше сіятельство! Съ какою радостью увидѣла я вашу подпись на бумагѣ, которая впервые за эти три печальные года излила утѣшеніе въ мою удрученную душу. Это подало мнѣ нескромную, быть можетъ, мысль прибѣгнуть къ вамъ; мнѣ придало къ этому еще смѣлость и то обстоятельство, что я имѣла нѣкогда счастье видѣть къ себѣ участіе со стороны вашей матушки. Зная вашу чрезвычайную доброту, я подумала, что вы не откажете способствовать успокоенію несчастной брошенной матери, преслѣдуемой наслѣдниками, которые требуютъ при моей жизни имѣніе, на которое они не имѣютъ никакого права. Я вижу себя даже вынужденной подать на нихъ прошеніе государю императору и во избѣжаніе этого отдаю себя подъ ваше покровительство и прошу васъ принять во мнѣ участіе и поговорить въ особенности съ моимъ племянникомъ г. Анненковымъ, побудивъ его написать своему отцу, чтобы онъ прекратилъ свои ужасные проiski противъ меня и всѣ вообще тяжбы, кои онъ затѣваетъ постоянно и на которыя я вынуждена отвѣчать. Моему племяннику хорошо извѣстно, что на это имѣніе было наложено запрещеніе; у меня хотѣли даже отнять всѣхъ служащихъ у меня людей, которые принадлежатъ мнѣ вмѣстѣ съ седьмой частью имѣнія, словомъ, я имѣла по этому поводу всевозможныя неприятели. Отецъ этого г. Анненкова подаетъ на меня до сихъ прошенія, одно нелѣпѣе другаго, но они лишаютъ меня всякаго кредита и мнѣ угрожаетъ опасность, что мое имѣніе будетъ конфисковано. Поэтому, умоляю васъ побудить моего племянника написать отцу, чтобы онъ прекратилъ всѣ эти гнусные проiski тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ вліяніе на него. Такъ какъ мой племянникъ видѣлъ моего сына въ то время, когда это было разрѣшено ему, по милости его высочества великаго князя, то ему извѣстно какъ нельзя лучше, что если я просила его императорское величество о 60 тысячахъ рубльяхъ, то это было сдѣлано по просьбѣ моего сына, который чрезъ того же г. Анненкова просилъ меня испросить эти деньги у его величества и передать ихъ г-жѣ Поль, его теперешней женѣ, которую я въ то время еще не знала; слѣдовательно, онъ можетъ въ этомъ случаѣ быть убѣжденъ въ безкорыстіи моихъ поступковъ. Когда же я хлопотала о деньгахъ въ тотъ моментъ, когда считала себя на краю гроба, то это дѣлалось единственно во исполненіе послѣдней воли моего сына. Я хотѣла бы, чтобы мой племянникъ

¹⁾ Въ письмѣ, полученномъ 15-го ноября 1828 г.; графъ Чернышевъ былъ въ то время товарищемъ начальника Главнаго штаба.

принялъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства и чтобы онъ прекратилъ всѣ проски своего отца, дабы я не была вынуждена подать всеподданнѣйшее прошеніе его императорскому величеству, который по своему великодушію навѣрно защититъ меня отъ преслѣдованія моихъ наслѣдниковъ.

«Благодарность, коей я преисполнена за неслыханныя милости его величества, возвращаетъ мнѣ жизнь, тѣмъ болѣе, что я собиралась ѣхать, чтобы повергнуть себя къ стопамъ его величества и просить у него имя для несчастнаго ребенка, который составляетъ нынѣ единственныя узы, привязывающія меня къ этой жизни, полной испытаній. Этотъ знакъ снисхожденія со стороны императора доказываетъ, что онъ не забываетъ и тѣхъ, которые не заслуживаютъ, чтобы объ нихъ заботились и которые согласны вмѣстѣ съ тѣмъ дать свое имя малюткѣ, составляющей предметъ самаго нѣжнаго моего попеченія; это даетъ мнѣ надежду получить для нея имѣніе, принадлежащее наслѣдникамъ, лишеннымъ всякой деликатности, которые докучали мнѣ несправедливыми тяжбами, въ то время, когда я была убита горемъ и когда я возвратила принадлежавшія имъ деньги и имѣніе.

«Меня крайне смущаетъ, ваше сіятельство, что я обращаюсь къ вамъ съ этой нескромной просьбою, но прошу васъ снизить къ моему отчаянному положенію въ виду тѣхъ надеждъ, какія я возлагаю на ваше имя и на ваше вліяніе, если вы не откажете принять во мнѣ участіе. Прося у васъ тысячу разъ извиненіе за мою надоедливость, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ честь имѣю быть вашего сіятельства всепокорнѣйшая слуга Анна Анненкова, рожденная Якоби»¹⁾).

По всеподданнѣйшему докладу о всемъ вышеизложенномъ, императоръ Николай I повелѣлъ сообщить министру юстиціи, «чтобы найденныя въ имуществѣ преступника Анненкова 60 тысячъ рублей были истребованы обратно отъ наслѣдниковъ его и отданы женѣ его Полинѣ Анненковой. Прижитой же съ нею преступникомъ Анненковымъ дочери дозволить носить фамилію Анненковой, не предоставляя ей впрочемъ никакихъ другихъ правъ, по роду (рожденію) и наслѣдію законами опредѣленныхъ».

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

Причины преслѣдованія М. Л. Магницкаго, имъ самимъ описанныя.

Письмо М. Л. Магницкаго—графу Аракчееву.

Января 31, 1826 г. Казань.

Милостливый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ.

Слава Господу, что подъ ужаснымъ крестомъ на васъ, милостивый государь, возложеннымъ ¹⁾, сохранена жизнь ваша для людей вашему сіятельству преданныхъ; слава Господу, что подъ крестомъ симъ созрѣла вѣра и высокая покорность святой Его волѣ, столь необходимыя для спокойствія сей и блаженства будущей жизни. Отецъ небесный испытываетъ жестоко только тѣхъ, въ комъ изобилуетъ сила. Для растопленія платины нуженъ огонь сильнѣе, нежели для золота. Но послѣ очищенія насъ огнемъ и слезами покаянія отеческое милосердіе Божіе посылаетъ такія утѣшенія, что нельзя промѣнять ихъ на всѣ блага міра. Напримѣръ, одно то, что мы въ несчастіяхъ только выучиваемся какъ я ть с я и мо л и т ь с я, за какія почести и богатства міра отдать можно?

Я твердо убѣжденъ, что Господь ни въ какомъ случаѣ не оставитъ васъ, милостивый государь, за великія услуги ваши святой Его церкви. Онъ вѣрно поразитъ враговъ ея; ибо изъ хода всѣхъ дѣлъ видно чудесное охраненіе дома царскаго и Россіи.

Не дивлюсь поступкамъ духовнаго начальства съ отцомъ Фотиємъ, вѣрнымъ слугою Бога и царя; ибо я видѣлъ, какъ оно предъ нимъ пол-

¹⁾ Здѣсь говорится о томъ отчаяніи, въ которомъ находился графъ Аракчеевъ послѣ убійства его домоправительницы Настасьи Минкиной.—См. объ этомъ статью Н. К. Шпльдера: Грузинская трагедія, „Русская Старина“ 1900 г. № 4.

Р е д.

зало; но твердо увѣренъ въ томъ, что ежели въ сіи важныя времена будетъ оно двоедушничать, то Богъ не попуститъ ему. Мы недавно видѣли, что есть духовный безъ духа, въ самую важную минуту.

Такъ ли въ старыя годы пастыри наши говаривали къ народу и такъ ли народъ слушивалъ пастырей? имъ должно быть готовыми первымъ умереть за церковь и царя!

О себѣ доложу вашему сіятельству, что я въ самомъ несчастномъ положеніи. Со мною сдѣланы вещи неслыханныя. Едва скончался государь, я схваченъ, какъ преступникъ, вывезенъ въ климатъ, для лѣтъ моихъ убійственный, лишенъ средства руководствовать сына, начавшаго служить ¹⁾; лишенъ утѣшенія жить въ семействѣ своемъ, ибо жена по болѣзненному ея состоянію слѣдовать за мной не можетъ; разоренъ въ конецъ; ибо я запродалъ было пожалованный мнѣ въ Саратовѣ дѣсъ и земли за 269.000 руб. съ тѣмъ, чтобъ заплатить 120.000 руб. долгу, хотя небольшой кусокъ хлѣба составить своему семейству; но покупатели, почитая меня преступникомъ, все бросили и отъ торгу отказались. Остался долгъ и совершенная нищета. Жена, убитая всѣми сими обстоятельствами и терзаемая займодавцами и бѣдностію, едва имѣетъ чѣмъ платить проценты, которыхъ не берутъ, а требуютъ капиталовъ.

Вотъ, милостивый государь, то гибельное положеніе, въ которое ввергнуть я въ самую почти минуту кончины милосерднѣйшаго изъ царей и за что же? За то, что служилъ Богу и ему вѣрой и правдой. За то, что семь лѣтъ сряду предсказывалъ происшедшій бунтъ и старался, чтобъ были принимаемы мѣры къ его отвращенію (въ чемъ ссылаюсь на самое лучшее свидѣтельство вашего сіятельства).

Я понимаю сіе происшествіе такъ: шайка, бунтъ сей готовившая, завладѣла полицією и нѣкоторыми придворными лицами, которыхъ и побуждала непрестанно клеветать на меня, дабы удалить давно несноснаго ей обличителя отъ всякой возможности пробудить правительство; а личная ненависть министра просвѣщенія, за извѣстное вашему сіятельству открытіе мною нѣмецкой энциклопедіи, помогла противной мнѣ партіи погубить меня въ минуту отсутствія державной власти и за 10 дней до бунта.

Всепогоднѣйшее письмо мое къ государю дошло до рукъ его величества 14-го сего мѣсяца; не знаю, какое послѣдуетъ рѣшеніе; но я почелъ бы себя совершенно счастливымъ, ежели бы или посадили меня въ Петербургскій Сенатъ, съ получаемыми нынѣ окладами; и оставя, ежели почитено будетъ полезнымъ, и членомъ главнаго правленія училищъ, или, ежели сіе невозможно, оставили отъ 30 лѣтней службы съ получаемы-

¹⁾ М. Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и жилъ въ Петербургѣ. Императоръ Николай приказалъ ему немедленно отправиться въ Казань.

ми окладами, дабы я могъ жить покойно въ Петербургѣ съ моимъ семействомъ.

Въ запискѣ, приложенной мною къ всеподданнѣйшему письму моему, ссылаюсь я неоднократно въ истинѣ мною представляемаго на свидѣтельство вашего сіятельства, какъ изволите увидѣть изъ списка съ оной, у сего представляемаго. Молю Бога, чтобъ его спросили.

Съ Николаемъ же Ивановичемъ пишу я и къ графинѣ и прошу ея помощи. Земли мои, кои стоятъ по цѣнѣ покупателей 269.000 руб., я желалъ бы заложить ей въ 120.000 руб. на четыре года, безъ процентовъ, дабы заплатить долги и имѣть время по удобности продать ихъ.

Ежели можно вашему сіятельству подкрѣпить мою просьбу къ графинѣ добрымъ словомъ, то большое изволите мнѣ сдѣлать благодѣяніе.

Вручитель сего письма, вѣрный, благородный и душою преданный вашему сіятельству человекъ. Я испыталъ сіе на дѣлѣ.

Съ душевнымъ высокопочитаніемъ и всегдашнюю сердечную преданностію есть

Михаилъ Магницкій.

P. S. Простите великодушно, ваше сіятельство, что осмѣливаюсь послать приложенныя книжки въ простомъ переплетѣ, не зная случая, не успѣвъ приготовить. Мнѣ бы желательно было довести сію книжку и повыше, куда вѣроятно враги мои ее не пустять.

Забылъ также доложить, что ректоръ здѣшняго университета, отличный медикъ, Фуксъ, говоритъ, что грудь Николая Иванова Холанскаго въ дурномъ положеніи и что онъ здѣшняго живаго и остраго климата, ни здѣшнихъ трудовъ переносить не можетъ.

Краткая записка объ истинныхъ причинахъ ионенія, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Магницкимъ претерпяемаго.

Магницкій былъ симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ, когда по высочайшему повелѣнію предложено ему мѣсто попечителя Казанскаго университета. Онъ отозвался, что принять его не можетъ, ибо всѣ дѣла его въ Петербургѣ; а воспитаніе сына непремѣнно тамъ жительства его требуетъ. Ему сказано, что его императорское величество желаетъ сего для того, чтобы Казанскій университетъ, въ совершенный упадокъ пришедшій, отогрѣть и возстановить. Тогда Магницкій предложилъ, чтобъ его опредѣлили членомъ главнаго правленія училищъ и отправили временно для осмотра сего университета. Мысль его принята, и онъ по высочайшему повелѣнію въ Казань посланъ. Въ то же

время пожалованы ему земли и аренда на заплату долговъ, въ бывшемъ съ нимъ несчастіи нажитыхъ.

Онъ осмотрѣлъ Казанскій университетъ и по возвращеніи изъ Казани имѣлъ счастье въ кабинетѣ его императорскому величеству донести лично о послѣдствіяхъ сего осмотра (Онъ имѣетъ на сіе доказательство). Государь, утвердивъ всѣ его представленія, изволилъ потребовать отъ него, чтобы онъ принялъ непремѣнно управленіе университетомъ, оставаясь въ Петербургѣ (Магницкій имѣетъ на сіе свидѣтельство), и возстановилъ оный, присовокупя къ тому: *Je vous donne carte blanche*. Магницкій вступилъ въ управленіе университетомъ. Но желая въ полной мѣрѣ оправдать всемилостивѣйшую довѣренность государя и всегдашняго благотворителя своего, онъ обратился къ основательному изученію положенія народнаго воспитанія какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ исторически.

Послѣ внимательныхъ розысканій и труда нѣсколькихъ лѣтъ пораженъ онъ былъ слѣдующими истинами:

1) Всѣмъ возмутительнымъ переворотамъ государствъ вездѣ и всегда предшествовало возмутительное воспитаніе.

2) Всѣ тайныя общества, на возмущеніе государствъ дѣйствовавшія, начинали всегда съ потайнаго дѣйствія на воспитаніе.

3) Духъ нашего времени либераловъ, карбонаріевъ и суевѣровъ все одинъ и тотъ же духъ илюминатства, въ новомъ только плащѣ, равно дѣйствуютъ на воспитаніе.

4) Со временъ Юсіфа II прокрался онъ къ намъ и въ нашемъ воспитаніи дѣлаетъ быстрые успѣхи, ибо повсемѣстно въ наукахъ богословскихъ, философскихъ, политическихъ и историческихъ распространяетъ непримѣтнымъ образомъ самыя противныя правила православію и самодержавію.

Пораженъ будучи сими истинами, на доказательствахъ основанными, какъ свѣтъ для него ясными, Магницкій, по святости присяги, не могъ умолчать о нихъ. Публично въ главномъ правленіи училищъ словесно и письменно (въ чемъ ссылается на свидѣтелей и акты) заявлялъ онъ, болѣе уже пяти лѣтъ тому, что народное воспитаніе наше заражено чужеземнымъ духомъ, противнымъ нашей вѣрѣ и правленію и что опасность сего такъ велика и близка, что не можно откладывать ни минуты для ея отвращенія. Не найдя въ слушателяхъ и начальствѣ своемъ ожидаемой отъ нихъ дѣятельности, онъ желалъ по крайней мѣрѣ оградить университетъ ему ввѣренный отъ повсемѣстной заразы и представилъ проектъ особенныхъ для него инструкцій, которыя государь императоръ непосредственно, т. е. мимо Государственнаго Совѣта, удостоилъ высочайшаго утвержденія шесть лѣтъ тому назадъ.

Тогда все возстало на Магницкаго и университетъ Казанскій, и

начали называть его погасителемъ и фанатикомъ. Магницкій, не страшась сей непрязни, ибо полагался на Бога, располагающаго сердцами царей, продолжалъ обличать возмутительныя начала въ преподаваніи и книгахъ. Его слушали; Казанскій университетъ одобряли(?); но ни правиль, имъ представляемыхъ, не принимали, ни его лично, не только въ продолженіе семи лѣтъ не награждали, но даже непрестанно обходили; а министръ финансовъ пожалованныхъ земель, не взирая на пять именныхъ повелѣній, ему не давалъ.

Такимъ образомъ, заброшенный, обижаемый и разоренный въ продолженіе семи лѣтъ, неуклонно отъ присяги своей онъ дѣйствовалъ (Онъ можетъ представить оффиціальныя акты сихъ дѣйствій).

Естественно, что партія, въ противныхъ началахъ дѣйствующая и имъ непрестанно обличаемая, боясь пробужденія людей, ее не примѣчавшихъ, клеветала и поносила его повсемѣстно.

Наконецъ, въ теченіе сего года два были происшествія, наиболѣе враговъ на него вооружившія.

1) Происшествіе съ Госнеромъ. Онъ былъ употребленъ на обличеніе методизма и доказывалъ, что сіе духовное якобинство ведетъ явнымъ образомъ, какъ и вольнодумство, къ возмущеніямъ; ибо ежели потрясутъ вѣру народа къ церкви, то вмѣстѣ съ тѣмъ потрясутъ и почтеніе къ помазанникамъ Божиимъ, сею церковью освящаемымъ, и подтверждалъ сіе тѣмъ доказательствомъ, что вездѣ за реформою Лютера слѣдовали бунты народныя.

Тутъ присоединилась новая, сильная и могущественная партія къ врагамъ Магницкаго.

2) Обличеніе книги: «Conversations Lexicon».

Магницкій, узнавъ, что въ Петербургѣ публично и съ дозволенія министерства продается сія вреднѣйшая изъ книгъ, содержащая въ себѣ не только систематически расположенное все нечестіе германской философіи, но и самыя адскія клеветы лично на государя, купилъ сію книгу и, согласно съ высочайшимъ указомъ объ истребленіи подобныхъ книгъ, представилъ ее министру народнаго просвѣщенія съ такимъ заключеніемъ, что не только нужно запретить и отобрать ее у покупателей, ибо она продавалась подъ росписки, но и прекратить навсегда сіе опасное и классическое распространеніе пропаганды германскихъ возмутителей. Г. министръ, не доведя дѣла сего до высочайшаго свѣдѣнія, желалъ кончить его только запрещеніемъ книги и выговоромъ книгопродавцу. Магницкій довелъ о семъ до свѣдѣнія государя чрезъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева. Дѣло сіе весьма уважено; книга запрещена, отобранъ списокъ покупателей, и, сколько ему извѣстно, поступокъ министра не одобренъ.

Магницкій поѣхалъ въ объѣздъ округа и, найдя во многихъ губер-

ніяхъ сію опасную книгу, открылъ мѣста, откуда она высылалась и лицо, которое ее распространяло, и сіи свѣдѣнія довель до графа Алексѣя Андреевича.

Съ сего времени министръ народнаго просвѣщенія явно заявилъ себя противъ Магницкаго, и сіе послѣднее происшествіе было истинною причиною всего послѣдовавшаго. Онъ страдаетъ нынѣ за то, что не хотѣлъ, измѣнивъ присягѣ, измѣнить лично царю и благотворителю своему!

Онъ ссылается въ семь на свидѣтельства графа Алексѣя Андреевича Аракчеева и дѣло, которое должно находиться въ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Вотъ тѣ преступленія Магницкаго, за кои весьма уже сильная у насъ партія противниковъ вѣры и самодержавія, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ державной власти, хотѣла, поразивъ и обезчестивъ Магницкаго, удалить его отъ всякой возможности продолжать опасныя для нея дѣйствія его при новомъ царствованіи.

Онъ ее не страшится, готовъ стать на судъ съ нею, пусть враги его обличать чѣмъ-либо инымъ, кромѣ преданности его къ вѣрѣ отцовъ, къ самодержавію, къ царямъ отечества. Пусть самымъ строгимъ образомъ разсмотрятъ и изслѣдуютъ все дѣла и официальные его бумаги и въ министерствѣ просвѣщенія и у него хранящіяся, въ коихъ семь уже лѣтъ вопіетъ онъ непрерывно о потрясеніи вреднымъ воспитаніемъ и книгами сихъ трехъ священныхъ опоръ, на коихъ единственно лежитъ и утверждается частное и общее благосостояніе нашего отечества.

Самое сильное доказательство исполненія горестныхъ его предсказаній есть то, что противники православія и самодержавія могутъ въ правительствѣ православномъ и самодержавномъ открыто гнать и преслѣдовать его за нихъ.

Письмо это не имѣло послѣдствій, такъ какъ звѣзда Аракчеева въ это время постепенно потухала и онъ терялъ свою власть и значеніе.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и его письма.

Нмя Нестора Васильевича Кукольника (1809 † 1868), теперь мало-по-малу забываемаго, въ свое время имѣло широкую и довольно громкую извѣстность. Въ сѣяніи нашихъ литературныхъ звѣздъ 30—40-хъ годовъ прошлаго вѣка и Кукольникъ игралъ далеко не послѣднюю роль. Были лица—и даже изъ писателей,—которые ставили его, какъ поэта, на одну доску съ Пушкинымъ (В. К. Кюхельбекеръ), а по свидѣтельству одного современника (В. А. Инсарскаго), слава Кукольника въ 30-хъ годахъ была такова, что «трудно представить для поэта и вообще для литератора славу блестящею той, какою въ то время пользовался Кукольникъ». Литературное наслѣдіе Кукольника богато. Онъ написалъ много пьесъ для театра, изъ которыхъ многія пользовались шумнымъ успѣхомъ и на петербургскихъ и на провинціальныхъ сценахъ, оставилъ немало обширныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, изъ которыхъ нѣкоторые иной разъ переводились на иностранные языки; кромѣ того онъ считался знатокомъ искусствъ, писалъ статьи по сему предмету и велъ нѣсколько періодическихъ изданій, посвященныхъ искусствамъ. Разнообразная и плодovitая дѣятельность его на поприщѣ русской литературы не нашла еще до сихъ поръ должной оцѣнки, и біографія его, не лишенная значительнаго интереса, остается неразработанной.

Конечно, многимъ, по всей справедливости, не правились и могутъ не нравиться нѣкоторыя направленія въ литературной дѣятельности автора «Руки Всевышняго» ¹⁾ и тѣ или другія черты въ общественной и служебной дѣятельности его, но мы должны признать за Н. В. доста-

¹⁾ Какъ извѣстно, Никитенко назвалъ нѣкоторыя произведенія Кукольника «рабскимъ писаньемъ».

точно правъ на болѣе внимательное отношеніе къ нему со стороны потомства.

Не забудемъ, что Кукольникъ дѣйствовалъ въ такую эпоху нашего общественнаго положенія, что даже ему—этому патріотическому писателю *par excellence*—приходилось не разъ терпѣть гоненія со стороны цензуры и, даже болѣе того, «каждое произведеніе свое представлять на разсмотрѣніе Бенкендорфа» (свидѣтельство А. В. Никитенко).

Какъ бы то ни было, мы должны признать за Кукольниковъ несомнѣнный талантъ, не малое образованіе, художественный вкусъ, любовь къ искусству и пониманіе его, чему много, конечно, способствовало постоянное общеніе Н. В. съ выдающимися представителями литературы и искусства. На жизненномъ пути своемъ онъ успѣлъ познакомиться, войти въ близкія и даже дружескія отношенія съ обширнымъ кругомъ писателей, артистовъ, композиторовъ и художниковъ. На долю нашего писателя выпало счастье пережить многихъ своихъ славныхъ и знаменитыхъ пріятелей, но суждено было ему пережить до нѣкоторой степени и свою славу. Характеръ его службы, требовавшей частыхъ и продолжительныхъ разъѣздовъ, болѣзни и, наконецъ, совершенное удаленіе изъ столицы мало-по-малу разобшили его съ литературой, искусствомъ и ихъ представителями. Да кромѣ того, при новыхъ теченіяхъ въ нашей общественной жизни и народненіи новыхъ понятій на старыя вещи, произведеніямъ Кукольника не могло быть отводимо значительнаго вниманія.

Правда, и въ 60-хъ годахъ Кукольникъ—мирный гражданинъ Таганрога и гласный его думы—время отъ времени напоминалъ о своемъ существованіи, выпуская въ свѣтъ кое-что изъ плодовъ своего досуга (а частью и изъ прежнихъ писаній), но въ тѣ дни лучшая часть нашего общества прислушивалась къ инымъ рѣчамъ и ловила идеи иного характера, чѣмъ тотъ, какой носили на себѣ произведенія Кукольника. Быть можетъ, Кукольникъ, какъ человѣкъ, не лишенный практическаго ума, и самъ сознавалъ, что время его уже прошло и что ему своими новыми пѣснями на старый ладъ уже не вызвать тѣхъ восторговъ, какіе выпадали на его долю въ 30—40-хъ (а отчасти и въ 50-хъ) годахъ: Кукольникъ не отдавалъ въ печать кое-что изъ своихъ послѣднихъ работъ, которыя и оставались у него въ портфель, пока—нѣсколько лѣтъ спустя по его смерти—не были обнародованы родственниками. Тѣ же родственники обнародовали кое-что и изъ бумагъ Н. В., имѣющихъ біографическое значеніе, напр.: нѣсколько писемъ, отрывки изъ дневника, но большинство подобнаго рода матеріаловъ, равно какъ и дневникъ Кукольника, до сихъ поръ къ свѣдѣнію публики не передается. Предлагаемъ вниманію читателей «Русской Старины», на страницахъ которой уже не разъ пе-

чтались матеріалы, касающіеся нашего писателя, нѣсколько писемъ его и такъ называемую «Зеленую книжечку».

Послѣдняя и добрая половина сообщаемыхъ нами писемъ предназначались авторомъ племяннику его П. А. Пузыревскому—впослѣдствіи профессору С.-Петербургскаго университета. Большинство писемъ были доставлены намъ, при содѣйствіи В. А. Урсына, М. П. Пузыревской, нѣкоторыя были найдены нами въ Императорской Публичной библиотекѣ. Означенныхъ лицъ, равно какъ и И. А. Бычкова, просимъ принять отъ насъ нашу искреннюю признательность ¹⁾.

Ив. Кубасовъ.

«Зеленая книжечка» ²⁾.

Да благословитъ Господь Богъ путь твой и да сохранитъ тебя съ Артамоновымъ и насъ всѣхъ въ добромъ здоровьи; прочее отъ человѣка!

Не совѣтъ, тѣмъ менѣе наставленіе, а смиренныя, искреннія желанія поручаю этой зеленой книжечкѣ и буду счастливъ, если ты хоть изрѣдка въ нее заглядывать будешь.

1. Молитва. Не вѣрь разуму. Онъ закупоренъ въ мозгахъ человѣческихъ; болѣзнь его измѣняетъ, нерѣдко уничтожаетъ, значитъ, онъ и ограниченъ и непочтенъ, слѣдственно и несовершененъ. Но въ человѣкѣ есть чувство, паче разума угадывающее верховнаго Мірохозяина; оно часто возвышается до общенія съ Богомъ. Ты еще чистъ сердцемъ

¹⁾ Изъ писемъ Н. В. Кукольника, уже находящихся въ печати, намъ извѣстны слѣдующія: всеподданнѣйшее письмо императору Александру II-му („Русск. Стар.“ 1897 г., авг., стр. 255—256); 2 письма къ А. П. Брюллову („Архивъ Брюловыхъ“ Спб. 1900, стр. 175—176); одно письмо къ К. П. Брюллову (ibid., стр. 175); 2 письма къ М. И. Глинкѣ („Сѣверн. Пчела“, 1838, № 116; „Баянъ“ 1888, № 5); одно письмо къ Н. И. Греку („Сѣверн. Пчела“, 1838, № 180); одно письмо къ В. И. Далю („Русская Старина“ 1893, апр., стр. 58); 2 письма къ В. А. Инсарскому (ibid. 1894, янв., стр. 14—16); одно письмо къ А. П. Чеботареву („Сѣв. Пчела“ 1854, № 157); шуточное посланіе къ И. П. Мятлеву („Рус. Архивъ“ 1801, № 2, стр. 500); кромѣ того отрывки изъ нѣкоторыхъ его писемъ, съ театра военныхъ дѣйствій 1854, см. въ книгѣ Н. Θ. Дубровина „Исторія крымской войны и оборона Севастополя“. Спб. 1900.

²⁾ Это своего рода „поученіе“ Н. В. Кукольника названо авторомъ „зеленой“ книжечкой по цвѣту обложки небольшой (въ осмьюшку) тетради, содержащей въ себѣ это „поученіе“. Въ немъ Н. В. даетъ рядъ житейскихъ наставленій своему молодому племяннику П. А. Пузыревскому, который въ 1853 году отправился въ заграничное путешествіе для поправленія здоровья и съ научной цѣлью. Къ 1853 году, вѣроятно, и слѣдуетъ отнести время написанія этой „книжечки“.

и для тебя эти бесѣды не закрыты. Въ нихъ нѣтъ поповскаго педантизма, но отъ нихъ сознаніе добра и добродѣтели становится какъ-то яснѣе и положительнѣе. Молитва, положимъ, и обрядъ, но спасительный. Я считаю лучшимъ стихомъ въ «Денщикѣ» ¹⁾, когда, узнавъ о судьбѣ соперника, онъ испугался своей страшной радости и говоритъ:

„Я не молился, кажется, сегодня“.

Да, мой другъ! Что такое молитва, какъ не бѣглый перечень своихъ обязанностей и силъ для ихъ исполненія. А Богу больше ничего не нужно, лишь бы каждый сознавалъ и исполнял свои обязанности, а ты самъ знаешь, что онѣ не условны, опредѣленны, извѣстны, но безъ молитвы въ суетѣ дня разбѣгутся изъ памяти. Молитва—это утренняя и вечерняя имъ переключка, и отъ нея зависитъ вся дисциплина въ нашей нравственной службѣ. Мы будемъ за тебя ежедневно молиться,—въ этомъ не сомнѣвайся ни минуты, то-есть, будемъ желать, чтобы и ты ежедневно молился, ибо тогда я уже не буду за тебя ни на волосъ бояться. А боюсь я, мой другъ, многого.

2. Прежде всего гордости и самонадѣянности, а въ тебѣ ихъ не мало. Замотай на усъ и присматривай за собой прилежно.

3. Разговоровъ. Чуть за рубежъ Россіи, не только молодежь, но и старики ощущаютъ радость какъ будто какого-нибудь освобожденія, не замѣчая того, что они долго засидѣлись дома, и обрадовались, что ихъ, какъ изъ пансіона, пустили въ гости. Вотъ они и давай рассказывать, какъ школяры, что у нихъ тараканы въ супѣ, что учителя—глупцы и т. п. Все это дѣлается какъ-то невольно, а потомъ и взялъ бы рѣчи назадъ, да поздно; улетѣли и могутъ долетѣть до коварнаго и мстительнаго уха. А остерегся на первыхъ порахъ, потомъ обратится въ привычку. При томъ же поносить отечество—не говорю—недостойно. Это общее. Но Россія... ²⁾ Ты, слава Богу, не на мѣдныхъ деньги учился, и понимаешь, что, если Франція теперь 80-ти-лѣтній старикъ, то Россія и двадцати еще не будетъ. Она—точно ты,—молодой человѣкъ: разсѣянный, растрепанный, подъ-часъ нечистоплотный, но самыхъ отличныхъ свойствъ и наклонностей, которыхъ не измѣнить ничто. Напротивъ, ужъ если придетъ тебѣ охота чѣмъ-либо гордиться, такъ гордись тѣмъ, что ты русскій, и ты самъ согласишься, что будешь гордиться не безъ основанія, и что недостатокъ этой гордости въ нашихъ соотечественникахъ вредитъ самостоятельнымъ успѣхамъ нашего образованія. Но и гордиться этимъ надо не на словахъ, а на дѣлѣ, въ твоей жизни, въ твоихъ сношеніяхъ съ людьми...

4. Вотъ почему я думаю, что ты не долженъ за границую вступать

¹⁾ „Денщикъ“—историч. драма Кукольника въ 5 актахъ, въ стихахъ.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

ни съ кѣмъ въ тѣсныя дружескія отношенія. Пусть себѣ Гречъ, въ своихъ «Письмахъ съ дороги» ¹⁾, всякаго встрѣчнаго и поперечнаго жалуетъ въ свои закадышныя друзья, но ты знаешь лучше Греча, что можно имѣть, правда, не одного друга (это ужъ черезъ-чуръ), но во всякомъ случаѣ, крайне малое число, и тѣ набираются десятками лѣтъ и послѣ трудныхъ испытаній; а друзья случайные всего чаще превращаются въ злѣйшихъ враговъ. Къ тому же я думаю, что только жена можетъ быть иностранка ²⁾, потому что связь ихъ такова, что сливается въ одно тѣло и въ одну душу, а другъ—никогда! Тутъ только нравственный, половинный союзъ, и національное начало во глубинѣ дружбы до времени лежитъ покойно. При первомъ случаѣ оно поднимется, и, чѣмъ тѣснѣе была дружба, тѣмъ жесточе будетъ разрывъ. И потому будь всѣмъ пріятель и никому другъ. Національное начало часто будетъ камнемъ преткновенія въ твоихъ сношеніяхъ съ иностранцами... Слыша, напримѣръ, клевету или хулу на твое отечество, что ты станешь дѣлать? Потакать—низко, соглашаться и молчать, или не соглашаться и молчать—что все равно—недостойно. Оспаривать—иногда бесполезно, а иногда и опасно. По-моему всего лучше воспользоваться выраженіемъ кроткимъ и мягкимъ, что русскому не можетъ быть пріятель такой разговоръ и ставить его въ самое непріятное положеніе, и клеветникъ или невѣжа опомнится и замолчитъ. Весьма убѣдительно отозвался одинъ путешественникъ, когда дама стала поносить его отечество.

— У васъ есть дѣти?—спросилъ онъ.

— Есть, а что?

— Представьте себѣ, что бы вы сказали, если бы въ присутствіи ихъ васъ стали поносить, даже справедливо, а они должны бы молчать и слушать; посторонніе бы ихъ пожалѣли, а у васъ, не знаю, достало ли бы великодушія простить имъ такую нечувствительность къ матери...

И смущенная дама, точно Воронцовъ, когда его поймаютъ въ глупости, стала говорить о погодѣ.—Можно самыми кроткими мѣрами отвратить непріятность, но по возрасту ты не можешь имѣть естественнаго холоднаго для того благоразумія, и потому впередъ заводи себѣ на этотъ случай благоразуміе искусственное и всегда держи его подъ рукою. Оно тѣмъ нужнѣе, что война съ Турціей и наши побѣды, въ чемъ ты, не знаю, а я ни малѣйше не сомнѣваюсь, разозлить всѣ націи, которыя въ Италіи толпятся, точно на Нижегородской ярмаркѣ. Я распространился объ этомъ предметѣ, потому что ты заблаговременно долженъ для него составить себѣ точныя правила.

¹⁾ „Письма съ дороги по Германіи, Швейцаріи и Италіи“, соч. Н. И. Греча; отд. изд. въ 3 ч., С.-Петербургъ, 1843 г.

²⁾ Женою самого Н. В. Кукольника была нѣмка.

5. Люди добрые вездѣ есть. Они принимаютъ иностранца, если онъ имъ нравится, гораздо радушиѣе, чѣмъ своего. Отчего такъ? — очень просто. Но будь остороженъ и съ добрыми людьми, потому что они обязательностью своею могутъ обременить тебя, связать тебя неоплатной признательностью. Если не вѣришь мнѣ, то повѣрь Тацитѣ, что *beneficia eo usque laeta sunt, ubi exsolvi possunt* ¹⁾). Это я разумѣю о людяхъ добрыхъ за правду. А сколько людей добрыхъ ложно, съ корыстнымъ умысломъ, а именно, чтобы занять денегъ на вѣчный срокъ, вовлечь тебя въ поручительство, наконецъ, навязать тебѣ жену. Выводы простые: не давай никому денегъ. Нечего дѣлать, а притворяйся всегда, будто ждешь высылки денегъ и беспокоишься, что не высылаютъ. А на счетъ поручительства, то всѣмъ и каждому объявляй, что далъ честное слово себѣ при свидѣтеляхъ никогда ни за кого и ни въ чемъ не поручаться. Что же касается до жены, то

6. Не надѣйся на свое благоразуміе! Сказка о томъ, какъ осѣдлали самого Аристотеля, можетъ быть, сказка исторически, но нравственно—истина высокая, и чѣмъ болѣе кто кичливъ умомъ, тѣмъ скорѣе поставить ремизъ въ этотъ ужасный котель. Если что-либо на свѣтѣ отражаетъ идею всемогущества, то это женская прелесть. Если сказки о колдовствѣ имѣютъ какое-нибудь основаніе, то опять-таки въ женской красотѣ. Любовь сознательная, на которой должно быть построено твое счастье, приходитъ поздно, на полпути жизни, послѣ 30-ти лѣтъ; до того же времени, какъ будто глазами молодого живописца, смотришь на все, и все представляется въ розово-фіолетовомъ цвѣтѣ, а тѣ же глаза въ 30 лѣтъ видятъ все въ настоящемъ свѣтѣ, а потомъ станутъ прищипляться, вотъ отчего жениться нельзя ни рано, ни поздно: тамъ—пересмотришь, тутъ—недосмотришь. Все въ природѣ, какъ годъ, какъ день, раздѣляется на 4 періода: утро—растение до цвѣта, полдень—цвѣтъ, вечеръ—время плода, ночь—та же старость. Цвѣти себѣ, люби, но послѣдняя любовь должна принести плодъ или супружескую жизнь. Но если женская прелесть отражаетъ идеи всемогущества и колдовства, то, конечно, что ни говори, а въ кипяткѣ страсти слова не помогутъ. Такъ, но если отъ невыносимаго жара спасаютъ купанья, въ горячкѣ прикладываютъ ледъ къ головѣ, то не откажи мнѣ, мой другъ, когда тебя растревожатъ черные глазки, вспомни про зеленую книжку, авось отколдуешься, авось разсудишь, что и дѣвушка еще не любитъ тебя сознательною любовью, а просто цвѣтетъ, жаждетъ достигнуть плодовой поры; а если она уже можетъ любить сознательно, значитъ, она давно уже старше тебя и тебѣ не пара. Мужчина созданъ прочнѣе и позже зрѣетъ. Сообразно кли-

¹⁾ Т. е. „благодѣянія пріятны до тѣхъ поръ, пока считаютъ возможнымъ отплатить за нихъ“. (См. Tacitus, *Annales. Lib. IV, cap. XVIII.*)

мату между мужемъ и женой должна быть разница. У насъ эта разница измѣряется цѣлымъ десяткомъ лѣтъ. Мужчина въ двадцать лѣтъ—мальчикъ, едва въ тридцать—зрѣлый мужъ; тогда какъ дѣвушка въ 20 совершенно зрѣлая жена, а въ 30 ужъ отцвѣтшій цвѣтокъ ¹⁾),—скучно-положительна, холодно-разсудительна, нѣчто дидактическое, вродѣ сатиры Буало или настоящей бесѣды; а мужчина въ это время, какъ молодой бычокъ, еще не отвыкъ и любитъ попрыгать. Вотъ почему безъ климатической соотвѣтственности въ возрастахъ жены и мужа не можетъ быть и гармоніи въ супружествѣ.

А между тѣмъ, какъ на бѣду, именно въ твоемъ возрастѣ, около 25 лѣтъ, женщины облечены самой увлекательной женской прелестью, самымъ могущественнымъ соблазномъ ²⁾). Достигнувъ полнаго цвѣта и склоняясь къ вечеру, онѣ боятся потерять цѣль жизни, становятся хитры, уступчивы, обольстительно ласковы и готовы на все, лишь бы выйти замужъ. Одержимыя перезрѣвшею страстью, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ способны къ самому тончайшему притворству, такъ что не только ты, но самый опытный глазъ не отличить въ нихъ притворной любви отъ неллицемѣрнаго самоотверженія. На моемъ вѣку я много изучалъ физиологію супружества и въ этомъ отношеніи не встрѣтилъ ни одного исключенія.

Ей Богу, все это я говорю не по случаю, а просто изъ боязни искренней, чтобы и ты не попался на эту пошлую удочку.

7. Но все это не значить, чтобы я не желалъ видѣть тебя въ обществѣ женщинъ. Напротивъ, будь въ ихъ кругу какъ можно чаще. Это лучшая практическая школа, лучшая философическая книга, если кто умѣетъ читать ее. Ничто такъ не очищаетъ молодого человѣка отъ предрасудковъ въ нравахъ и уродливостей характера, какъ обращеніе съ дамами. Но съ другой стороны, не смотри на нихъ, какъ на куколь, съ которыми по произволу играть можно. Будь остороженъ въ своихъ любезностяхъ, чтобы не подать женщинѣ повода думать, что ты сердечно къ ней привязался. Исходъ двоякій, или она тебѣ наклеитъ носъ: будетъ обидно; или же ей станетъ жаль тебя—разнѣжитесь и запутаетесь. Часто излишнею услужливостью, однимъ неосторожнымъ словомъ, одной неумѣстной улыбкой нарушается семейный покой, счастье дѣвушки, женщины... И если ты честенъ, то эти преступленія трудно искупаются самымъ продолжительнымъ раскаяніемъ.

8. Трудно жить на свѣтѣ. Ученые, какъ болѣе мыслящіе, скорѣе понимаютъ бремя этихъ мелочей и, при честности своей и добродушіи,

¹⁾ Зачеркнуто: „начинаетъ отцвѣтать“.

²⁾ Самъ Н. В. не избѣжалъ его. См. о женѣ Кукольника—Амалии Ивановнѣ любопытныя подробности въ „Запискахъ“ В. А. Инсарскаго „Русск. Стар.“, 1894, № 2, стр. 13 и 14).

невольню уклоняются отъ свѣта; постепенно это обращается въ привычку, а сокровища науки, умножаясь, совершенно отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ міра ихъ окружающаго, и ученый рано дѣлается старикомъ, педантомъ, тягостнымъ бременемъ для общества. Я слишкомъ далеко отъ того, чтобы совѣтовать энциклопедическое образованіе, но всегда буду противникомъ исключительнаго специализма. Это хорошо жидовскому раввину не вѣдать, что гусь, а что утка, а для ученаго необходимо знать свѣтъ и всѣ его интересы ежедневные; а эти интересы сосредоточиваются преимущественно въ изящныхъ искусствахъ и художествахъ, которыя, для всѣхъ живущихъ обыкновенною человѣческою жизнью, паче политики и учености. Да и въ существѣ, въ работахъ специальныхъ, они освѣжаютъ голову легко и пріятно, и возвращаютъ нашимъ способностямъ, притупленнымъ ученою дѣятельностью, свѣжесть и бодрость. А потому не пренебрегай читать литературные журналы, посѣщать театры, мастерскія художниковъ и концерты, но не для одного разсѣянія, а систематически сортируя впечатлѣнія, чтобы въ головѣ у тебя и на другой тарелкѣ вѣсовъ лежала какая-нибудь полезная и пріятная тяжесть.

9. Вотъ и все, мой другъ, что мнѣ хотѣлось сказать тебѣ на память. Въ суетѣ дѣлъ и занятій очень легко, можетъ быть, я забылъ многое, о чемъ я хотѣлъ сказать въ зеленой книжечкѣ. Но мѣста еще осталось много, и не хочешь ли сдѣлать штуку. Станемъ дополнять эту книжечку изъ живого опыта. На что я наткнулся и припомню, сообщу въ письмахъ, а ты внесешь въ книжечку, или ты что въ ней отмѣтишь курьезное и меня о томъ увѣдомишь. Будемъ, душа моя, бесѣдовать и заочно, какъ мы съ тобой частенько бесѣдовали, и мнѣ не будетъ такъ скучно. А между тѣмъ изъ нашей книжечки, очищенной живымъ опытомъ, можетъ быть, и выйдетъ что-либо пригодное для дѣтей твоихъ, а нашихъ внуковъ.

Да сохранить Господь Богъ тебя съ Артамоновымъ и насъ всѣхъ въ добромъ здоровьи.

Прочее отъ человѣка.

Аминь.

Письма Н. В. Кукольника.

1.

Къ М. Н. Загоскину ¹⁾.

(С.-Петербургъ, 1841 г.)

Конечно, вы—москвичъ, достойнѣйшій Михайло Николаевичъ, но «Москвитянинъ» на васъ не похожъ; этотъ журналъ — что-то вродѣ деревянныхъ шаровъ, бросаемыхъ палкой медвѣжьими лапами, отнюдь не ядро, брошенное изъ мѣткой пушки: всѣ мишины ухватки,—и потому мнѣ, право, жаль было видѣть васъ въ компаніи, тѣмъ болѣе жаль, что мы ожидали, что вы украсите нашъ журналъ ²⁾ вашимъ неоцѣненнымъ перомъ. Но увы! сего не случилось, но мы не теряемъ надежды. Богъ съ ними! Зависти у насъ нѣтъ! Почему же и бѣднякамъ не бросить чего-нибудь! Имъ это нужно, необходимо, иначе погибнуть, яко разносчики ветошекъ; но не забывайте и насъ! Право, при случаѣ пришлите въ нашъ «Русскій Вѣстникъ» нѣсколько строчекъ. Сраму не будетъ. Между тѣмъ ѣдутъ къ вамъ наши любезные и любимые артисты гг. Петровы. Я и не думаю рекомендовать ихъ въ ваше расположеніе (я увѣренъ, что они въ этомъ и нуждаться не могутъ,—вы ихъ оцѣните), но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы просить у васъ совѣта: можетъ ли быть на московской сценѣ представлена трагедія моя «Князь Холмскій» ³⁾, напечатанная въ «Библіотекѣ (для чтенія)» на декабрь мѣсяцъ и пропущенная театральной цензурой,—и, если можетъ, то на какихъ основаніяхъ ⁴⁾. Увертюра, антрактъ и три пѣсни написаны М. И. Глинкой.

Я препроводилъ бы ихъ къ вамъ по востребованію. Вы крайне меня обяжете, если черезъ Петровыхъ, а еще скорѣе, черезъ почту, увѣдомите меня о вашемъ рѣшеніи. Въ Петербургѣ мы станемъ ее немедленно ставить. Именемъ старой нашей пріязни я рѣшился васъ безпокоить и о «Русскомъ Вѣстникѣ», и о моей драмѣ.

Любите и жалуйте меня по-прежнему. Весь вашъ

Н. Кукольникъ ⁵⁾.

¹⁾ Михайло Николаевичъ Загоскинъ (1789†1852 г.), извѣстный писатель.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“, въ редакціи котораго Н. В. принималъ близкое участіе.

³⁾ „Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій“—историческая драма въ 5 актахъ, въ стихахъ и прозѣ.

⁴⁾ М. Н. Загоскинъ въ то время былъ директоромъ московскихъ театровъ.

⁵⁾ Оригиналъ этого письма хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

2.

Въ О. И. Сенковскому ¹⁾.

(Павловскъ, 1842 г.)

Слово мое исполнено, достойнѣйшій Осипъ Ивановичъ! Первая часть отослана, вторая уже далеко за половину. Велите печатать, какъ можно потѣснѣе. Вы разрѣшили меня до 13 листовъ, можетъ быть, выйдеть больше: до 15 листовъ. Но если это составить какой-либо расчетъ, то я готовъ ограничиться платою за 12 только листовъ, потому что моя вина, что вышло больше. Впрочемъ, предоставляю все это на ваше благоразсужденіе, а только прошу о слѣдующемъ:

I) Изъ этой повѣсти ²⁾ обратить въ погашеніе числящагося на мнѣ долгу— $3\frac{1}{2}$ листа, чтѣ составить половину моего долгу, а остальной долгъ погашу при слѣдующей повѣсти; если же заблагоразсудите принять отъ меня повѣсть въ наличности и считать всѣ листы ея дѣйствительными, въ такомъ случаѣ излишекъ, какой окажется противу 12 листовъ, можно обратить въ погашеніе долгу за Эвелину ³⁾ и за 500 р., мною полученныхъ въ прошломъ году.

II) Вторую рату просилъ я на 15 число, но какъ по обстоятельствамъ я долженъ быть въ городѣ 13-го, т. е. въ субботу, а денегъ нема, то нельзя-ли эту рату въ 500 р. ускорить только двумя днями и дать предписаніе кому слѣдуетъ, а мнѣ извѣщеніе, гдѣ обрѣту искомое?

Третья же рата—на остальное, что за Дурочку причтется, да останется по-прежнему на 15-е іюля. Обо всемъ этомъ прошу разрѣшенія, понеже все мое обезпеченіе на этомъ основано.

III) Приказать кому слѣдуетъ сообщить корректуру, понеже есть мелкія ошибки, ради неполученныхъ справокъ, неисправленныя.

IV) Любить и жаловать меня по-прежнему, чѣмъ я крайне дорожу, ибо люблю васъ душевно.

V) Отняли вы «Марію Стюартъ», мою росписку?—Безпокойно.

VI) или, лучше сказать, N В: «Дурочка Луиза» такого содержанія, что несмотря на все мое желаніе, она съ трудомъ мѣстится и въ настоящей объемъ. Вторую часть можно развить въ 10 печатныхъ листовъ и съ ущербомъ сюжета сжать въ семь, какъ нынѣ предположено.

¹⁾ Осипъ Ивановичъ Сенковскій (1800†1858),—извѣстный писатель; въ то время издавалъ „Библіотеку для чтенія“.—Въ верхней части печатаемаго письма рукою Сенковскаго написано: „Н. В. дано тысяча рублей асс. въ іюнь 1842 г.“

²⁾ Рѣчь идетъ о повѣсти Кукольника „Дурочка Луиза“.

³⁾ „Эвелина де Вальероль“—романъ Н. В. Кукольника, напечатанный въ 1841 г. въ „Библіотекѣ для чтенія“.

Тогда бы можно раздѣлить ее на 3 части; вы бы выиграли номеръ, а ужъ я—и говорить нечего—выигралъ бы во всѣхъ отношеніяхъ. Но сія NB требуетъ самаго скорѣйшаго разрѣшенія, понеже я именно въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ долженъ рѣшиться на то, или на другое. Я уже было хотѣлъ «Дурочку» отложить, а приняться за другое, но близость срока заставила вспомнить о моей аккуратности и поддержать слово.

VII) Здравія и всякаго благополучія вамъ, купно съ супругою, милостивою государынею Аделаидой Александровной искренно желаетъ истинно вамъ преданный Несторъ.

Къ сему присоединяю и желаніе хорошей погоды, понеже зубы разыгрываютъ симфонію, писанную сумасшедшимъ. У зубовъ есть своя проклятая гамма, которой не выдерживаетъ никакая на свѣтѣ голова, не только сколько-нибудь европейская.

3.

Къ П. Г. Волкову ¹⁾.

(1842)

Любезный Платонъ Григорьевичъ! Будешь смѣяться, но мнѣ совсѣмъ не до смѣха. Дѣла наши въ отчаянномъ положеніи, и я долженъ отпра-вить въ Вильну брата ²⁾, иначе бѣда, да и полно: конечное разореніе. Для сего имѣю крайнюю нужду въ тысящѣ мѣдной рублей; не можешь ли ты меня судить оными съ обезпеченіемъ вѣрнымъ, на честномъ моемъ словѣ основанномъ, что таковая сумма вознаградится или воротится тебѣ за повѣсть мою, коей никакъ менѣе 6 листовъ по плану быть не предстоитъ, слѣдственно, сумма за оную превышаетъ про-симую.

Да не смущается сердце твое такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ; а дабы утвердить всякую безопасность, то на случай смерти моей или болѣзни, сложу въ руки твои, яко залогъ, одиннадцать пѣсень «Маріи Стюартъ», которая по домашней оцѣнкѣ стоитъ вчетверо, и въ случаѣ моей несостоятельности да замѣнитъ обѣщанную повѣсть.

Есмь и пребуду всегда твой Несторъ.

На оборотѣ: Платону Григорьевичу Волкову Несторъ Василье-вичъ Кукольникъ здравія, долгодѣтія и всякаго блага желаетъ.

¹⁾ Платонъ Григорьевичъ Волковъ—сотрудникъ „Сѣв. Меркурія“, „Библиотеки для чтенія“ и др. журналовъ.

²⁾ Платона Васильевича Кукольника.

4.

Къ П. А. Пузыревскому.

С.-Петербургъ. Сочельникъ (24 декабря 1853 г.)

Любезный другъ Тоша! Съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ, много у насъ произошло новаго большею частію пріятнаго; но стану рассказывать въ порядкѣ. В о-п е р в ы хъ, мы поскучали за вами порядочно. День именинъ твоихъ, ознаменованный великолѣпнымъ синопскимъ дѣломъ, мы провели не безъ грусти; но скоро побѣды наши доставили пріятное развлеченіе.

Туркоманы все врутъ. Я собираю для тебя всѣ реляціи и отправлю ихъ вмѣстѣ съ книжками, которыя могутъ быть для тебя интересны. Между побѣдъ я продолжалъ заниматься и мирной военщиной, пахотными солдатами ¹⁾, какъ вдругъ... внушается мнѣ мысль, что было бы не дурно отпраздновать Синопскую побѣду съ театра. Это было 3-го декабря, а 6-го я представилъ графу Орлову планъ, а 7-го на авось началъ писать драмочку на эту тему, 13-го кончилъ, 14-го представилъ, а 18-го приказано было ее поставить на сцену, но какъ декораціи и вообще постановка не легка, то я думаю, она поспѣетъ не раньше, какъ въ первыхъ числахъ января. Піеска, какъ увѣряютъ другіе, очень не дурна. Она уже набрана и къ представленію будетъ отпечатана, почему ты ее и получишь вмѣстѣ съ реляціями; но эта Синопская штука повредила моей «Маркитанткѣ» ²⁾, такъ что послѣдняя идетъ не раньше 15-го января.—Ну да куда ни шло; одно другимъ вознаградится.

Гораздо интереснѣе другой сюрпризъ, застигшій меня въ самое то время, когда я оканчивалъ піесу. Бухъ, какъ снѣгъ на голову, приказаніе отправиться немедленно въ Воронежъ, а потомъ на Донъ и т. д., по-прежнему, т. е. мѣсяцевъ на 11 или 10; главное-то въ немедленномъ. Я выкрутился, но все-таки (уѣзжаю) послѣ 15-го января; а потому и прошу тебя писать ко мнѣ въ Воронежъ, гдѣ я пробуду до 1-го марта, а послѣ 1-го марта, въ Новочеркасскъ и лучше черезъ Одессу, впредь до увѣдомленія. Лѣтомъ я буду и на Черномъ морѣ, и обниму героевъ синопскихъ. Въ такихъ попыткахъ, самъ можешь представить, немного можетъ быть новаго. Что же тебѣ еще сказать?—

¹⁾ Н. В. Кукольникъ въ то время состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ.

²⁾ „Маркитантка“, драма Н. В. Кукольника.

дидѣли «Adrienne Lecouvreur» ¹⁾—чудесно хороша! Третьяго дня шель «Костровъ» ²⁾. Жулева играла Людмилу лучше Самойловой, а Григорьевъ генерала—весьма хорошо, даже больше; вообще пѣса шла такъ, что лучше и желать нельзя. Въ бенефисъ Григорьева играли моего «Лейзевица» ³⁾, и хоть драма вышла разорванная, какъ и ожидать слѣдовало, но, право, не дурно. Такимъ образомъ этотъ сезонъ на сценѣ все буду я да я, а что въ томъ толку? Но... цыплятъ по осени считаютъ!

5.

Къ П. А. Пузыревскому.

С.-Петербургъ. 18-го января 1854 г.

Спасибо тебѣ, душа моя, за всё, а ужъ пуще всего за регулярную корреспонденцію. Мы читаемъ письма твои съ жадностію и радуемся за васъ.— У насъ много новаго, о чемъ я частію писалъ тебѣ. Синопское сраженіе ⁴⁾ 6-го явилось свѣту и, несмотря на то, что разыграно очень плохо, привлекаетъ публику страшно, такъ что вотъ уже 18-е число и 11-е представленіе, а публика ломится, и ложи можно доставать только по протекціи.—Небывалый эффектъ! Публика чрезвычайно довольна ⁵⁾. Чего же казалось бы больше? Но увы, въ сш имъ опять не угодилъ и опять къ честному, совѣстливому труду то же убійственное невниманіе; что дѣлать! Я правъ и чистъ передъ Богомъ и Государемъ и отечествомъ. Не первая неудача, пора привыкнуть и надѣяться на справедливость Божию, нелицеприятную, всевидящую.—Естественно, что я потерялъ всякую охоту къ театру. Въ понедѣльникъ 25-го идетъ моя «Маркитантка». Повѣришь ли, другіе мнѣ не вѣрятъ, но ты повѣришь, что я искренно желалъ бы не видать этого перваго представленія, вовсе не пускать милаго дѣтища на сцену, которое во всякомъ случаѣ будетъ послѣднее. «Азовское сидѣніе» ⁶⁾ я передѣлываю въ драматиче-

¹⁾ Въ этой драмѣ Скриба въ сезонъ 1853—4 г. на петербургской сценѣ играла знаменитая французская актриса Рашель.

²⁾ „Ермилъ Ивановичъ Костровъ“—драма Н. В. Кукольника въ 5 акт., въ стихахъ.

³⁾ „Иоаннъ-Антонъ Лейзевицъ“—драмат. фантазія Н. В. Кукольника въ 5 актахъ.

⁴⁾ Т. е. „Морской праздникъ въ Севастополѣ“—драматическое представленіе Н. В. Кукольника (въ 5 актахъ).

⁵⁾ Пѣса эта въ сезонъ 1853—1854 г. выдержала 21 представленіе. (О шумномъ успѣхѣ ея см напр. у А. И. Вольфа въ его „Хроникѣ петербургск. театровъ“ Спб. 1877. ч. I. стр. 166—167).

⁶⁾ „Азовское сидѣніе“,—историческое сказанье Н. В. Кукольника, въ 5 акт. и 8 картинахъ.

скій романъ, а новыхъ пьесъ не пишу вовсе. Театральная слава имѣетъ много соблазна, да жаль, что фальшиваго. Всѣ вызовы и рукоплесканія, право, не вознаграждаютъ за всѣ неприятности, обильно доставляемыя самолюбіемъ и безталанностію артистовъ и экономическими распоряженіями дирекціи, а матеріальныя выгоды напоминаютъ пьесу: «Много шуму изъ-за пустяковъ».—Какъ ты думаешь: 10 полныхъ сборовъ съ «Маркидантки» (полныхъ!)—что принесутъ?—500 рублей! Стоило носить ее во время цѣлый годъ, родить и послѣ родовъ страдать четыре мѣсяца и потерять ихъ для жизни и для литературы невозвратно. И еще въ довершеніе нести какую-то опалу, ничѣмъ не заслуженную, оскорбительную и для личности и для искусства. Мнѣ за себя не жаль; я давно убѣдился въ томъ, что такое свѣтъ этотъ, и это убѣжденіе подкинуло моему Кострову, помнишь ли, стихи:

„Ужъ это участь наша—всѣмъ служить,
Всѣхъ утѣшать, самимъ—страдать безмолвно 1).

Я и къ послѣдному уже привыкъ, освоился, такъ что будто у меня на сердцѣ мозоли, но бѣдная моя жена больно ревнива къ справедливости, вѣритъ, что она должна быть возможна въ человѣчествѣ, и мучится такъ, что мнѣ жаль ее. Я взялъ бы изъ свѣта всѣ десять томовъ моихъ сочиненій назадъ, лишь бы видѣть ее покойною и здоровою. Вся надежда на скорый отъѣздъ, авось, въ степяхъ отдохнетъ сердце. Вотъ, душа моя, какія бѣдствія иногда проистекаютъ изъ самыхъ чистыхъ и благородныхъ источниковъ. Вотъ и я тебѣ пригодился въ профессора: учись терпѣть и покоряйся Промыслу. Ты не можешь представить себѣ, что за прелесть чистая совѣсть! Какъ ни велико оскорбительное невниманіе, а мнѣ только грустно за жену. Ей Богу, отдалъ бы все, чтобы она у меня выздоровѣла и повеселѣла.

Мы уѣзжаемъ 26-го, во вторникъ, чтобы не успѣть слышать толковъ про «Маркидантку», про этотъ прощальный мой театральный концертъ. Пиши къ намъ въ Воронежъ. Въ Воронежъ пиши только одно письмо, а потомъ въ Новочеркасскъ. Можетъ-быть, будемъ и въ Крыму.—Новостей у насъ на алтынъ нѣтъ никакихъ. Политики, ты знаешь, я не жалую. Не мое дѣло, а свѣтъ—мой свѣтъ—слишкомъ тѣсный кружокъ добрыхъ друзей, которые все тѣ же, все также любятъ насъ и все по-прежнему тебя помнятъ и тебѣ кланяются! Живите, наслаждайтесь жизнью и бесѣдою съ природой. Мушка 2) тоже хочетъ съ нею вступить въ тѣснѣйшее знакомство и на югъ собирается съ сѣткою, булавкою и зейромъ набрать для тебя цѣлую армію красивыхъ насѣкомыхъ. Я очень радъ. Всякое развлеченіе ея для меня священно.

1) Изъ драмы Н. В. Кукольника „Ермилъ Ивановичъ Костровъ“.

2) Такъ звалъ Н. В. свою супругу.

6.

Къ П. А. Пузыревскому.

Воронежъ, 22-го февраля 1854 года.

Письмо ваше, любезные друзья, мы получили въ Артамоновской столицѣ весьма исправно. Столица, вѣроятно, помня объ Артамоновѣ, потщилась принять насъ великолѣпно и торжественно. Вотъ уже 17-ть дней ¹⁾ мы тутъ и успокоились только сегодня, т. е. въ первый день поста; писалъ я къ тебѣ 12-го февраля, а 13-го слушалъ удивительныхъ Голицинскихъ пѣвчихъ; 14-го пріѣхали Кирѣевы-Черкасскіе(?), проѣздомъ изъ Питера, остановились у насъ, потому что мы (не шути съ нами!) остановились въ Palazzo Zanino Strada Moscovita, т. е. въ Занинской гостиницѣ, гдѣ у насъ вонъ какая квартирица.

Залъ или манежъ (какъ угодно).	Кабинетъ и гостиная по-петербургски.	Квартира эта тѣмъ прелестнѣе, что да- ромъ—на счетъ столицы.
Домашняя столовая. Запросто.	Прихожая.	
Спальня.		

Вечеромъ того же дня вся компанія была въ театрѣ, который, какъ прилично Артамоновской столицѣ, весьма недуренъ: и помѣщеніе и актеры. Играли «Графъ Эссексъ» ²⁾, піесу, которую первый разъ давали въ Берлинѣ по случаю крестинъ покойнаго прусскаго короля ³⁾. 15-го по утру вся компанія призвана была на опытъ убѣдиться, что нѣтъ болѣе на свѣтѣ ухабовъ—изобрѣтеніе гениальное! Вообрази себѣ самый большой ухабъ, чего больше не бываетъ, въ 2 сажени, а въ саяхъ девять аршинъ, и эта машина торжественно переплываетъ черезъ

¹⁾ Н. В. Кукольникъ прибылъ въ Воронежъ 6-го февраля. См. его описаніе „6-го и 7-го февраля 1854 г. въ Воронежѣ“, помѣщенное въ 13 и 14 №№ „Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей“ (того же года).

²⁾ См. подробности объ этомъ спектаклѣ въ „Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1854 г. № 8, стр. 52.

³⁾ Трагедія „Елисавета и графъ Эссексъ“ была переведена съ нѣмецкаго В. А. Каратыгинымъ.

этотъ адъ россійскихъ коммуникацій; опытъ былъ самый удачный. Потомъ вся компанія отправилась паки въ театръ, а послѣ театра на балъ къ Василью Ивановичу Веретенникову ¹⁾. Помнишь-ли ты этого князя Урюпинскаго; онъ былъ у насъ въ Питерѣ. Балъ былъ великолѣпный: конфеты отъ Одноушинскаго, вино Соболевское изъ Ярославля, свѣчи чуть не въ бутылкахъ, а мебель съ переломанными пружинами и въ дыркахъ, зіяющихъ мочалой; а люди достаточные, даже богатые. 16-го мы съ Кирѣевымъ ходили на репетицію «Денщика», который ввечеру и данъ былъ для Воронежа даже черезчуръ хорошо. Извините, Александръ Михайловичъ! 17-го мы получили всерадостнѣйшее ваше письмо и отправились въ концертъ пѣвчихъ Голицына ²⁾ въ пользу сивопскихъ раненыхъ; пѣли истинно чудесно ³⁾. Обѣдали у Рукавишниковы, и этого, чай, помнишь. Тутъ, наоборотъ,—все отлично хорошо; туда же пріѣхалъ и Голицынъ, а послѣ обѣда притащилъ своихъ пѣвчихъ, и дѣлали репетицію обѣдни, которую завтра 18-го числа и отпѣли въ церкви здѣшняго кадетскаго корпуса. Ввечеру—на вечерѣ у Клочковыхъ ⁴⁾; тутъ было нѣчто среднее; а оттуда въ клубъ, гдѣ были и дамы. Это у нихъ чудесное заведеніе, что по четвергамъ въ клубъ съѣзжаются и дамы, и пляшутъ, и играютъ. 19-го паки всё въ театрѣ; 20-го на блистательномъ балу у генерала Арнольди ⁵⁾, а 21-го въ воскресенье на пикникѣ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ я обѣдалъ, а Мушка пріѣхала ввечеру. Такъ посуди же самъ, какова Артамоновская столица! Просто чудеса! Одно только жаль, что писать болѣе нечего. Мы, слава Богу, здоровы, чего и вамъ желаетъ васъ искренно и много любящій Несторъ.

7.

Къ П. А. Пузыревскому.

Воронежъ, 12-го марта 1854 г.

Любезный Тоша! Пишу наугадъ; не знаю, застанетъ ли письмо наше васъ въ Неаполѣ; думаю, что вы уже передвинулись въ Герма-

¹⁾ Воронежскій купецъ-коннозаводчикъ.

²⁾ Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ (1823†1872 гг.) въ то время тамбовскій губернскій предводитель дворянства. Онъ былъ большой музыкантъ и въ Воронежѣ долгое время содержалъ образцовую капеллу. (См. о ней отзывъ графа Соллогуба въ „Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1851 г. № 7-й).

³⁾ О подробностяхъ этого концерта см. въ „Воронежскихъ губ. вѣдом.“ 1854 г. № 8.

⁴⁾ Михаилъ Максимовичъ Клочковъ—воронежскій купецъ-благотворитель; ум. въ 1876 г. (См. о немъ „Донъ“ 1876 г. № 86).

⁵⁾ Петръ Карловичъ Арнольди,—генералъ-маіоръ, въ то время управляющій воронежск. комиссаріат. комиссією. (Сконч. въ 1855 г.).

нiю, гдѣ ведете себя осторожно, осмотрительно, не вдаетесь въ политику, уклоняетесь отъ митинговъ и демагоговъ, ими же исполнена Европа. Къ вамъ не доходятъ настоящiя, правдивыя извѣстiя, и русскiя души ваши могутъ предаться напрасному унынiю; но, съ другой стороны, вы уже, я думаю, привыкли читать иностранныя извѣстiя съ изнанки и догадываетесь, гдѣ настоящiй смыслъ. Никогда еще Россiя такъ величественно и такъ благородно не стояла надъ ослѣпленной Европой; никогда она не была оскорблена такъ подло и безчестно,—и судъ Божiй—несомнѣнный! Надо вамъ сказать, что ни одинъ царь, ни даже Петръ, ни Екатерина, ни Александръ не стояли такъ высоко, какъ Николай! Во всей Россiи нѣтъ ни одного голоса не за него. Вы не можете себѣ представить того одушевленiя, которымъ всѣ губернiи исполнены. Жертвуютъ ужъ не то, что деньгами, а цѣлыми полками, частныя люди цѣлыми состоянiями. Право, страшно, только ужъ не за Россiю. Я радуюсь, что служба толкнула меня поближе къ театру войны. Буду любоваться нашими побѣдами; такъ велика въ этомъ увѣренность не моя, а всей Россiи.

8.

Къ П. А. Пузыревскому.

Новочеркасскъ, 5-го iюля 1854 г.

Любезнѣйшiй Тоша! Буду я изъ Черкаска обычнымъ путемъ въ Керчь къ Хомутову ¹⁾, главнокомандующему Таманскимъ и Керченскимъ полуостровами, гдѣ каждый день ожидаютъ и не дождутся французовъ и англичанъ. Война томительная для души, потому что не освѣжается подвигами, на которые всѣ русскiя армiи готовы. Шельмы! какъ будто знаютъ нашъ духъ и не лѣзутъ. Но вѣдь придется же гдѣ-нибудь высунуть и разбить носъ. Только того и ждемъ. Всему помѣщаемому въ иностранныхъ газетахъ—гуртомъ не вѣрь. Мы стоимъ грозно, бодро и покойно противу всей западной бури. Будь враговъ еще больше, не дрогнемъ. Мы знаемъ, что они пишутъ ежедневно ужасныя нелѣпости, но вѣдь исторiя разберетъ и, конечно, нынѣшнюю войну назоветъ «турецкой войной Россiи съ морскими разбойниками». Отъ исторiи не уйдутъ...

¹⁾ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ (1795†1864), въ то время генералъ-отъ-кавалерiи, наказный атаманъ Войска Донскаго, впоследствии членъ Государственнаго Совѣта. (Упоминаетъ о немъ Н. В. и въ письмѣ къ А. П. Чеботареву, напечатанномъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1854 г. № 157).

По случаю назначенія Николая Николаевича (Анненкова) новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, мы то и дѣло дѣлаемъ проекты переселенія въ Одессу съ тѣмъ, чтобы со временемъ перетащить и тебя на югъ, если того захочешь. Вотъ тебѣ вкратцѣ все, что мнѣ на мысль пришло и показалось интереснымъ. Немного, но у меня голова кругомъ, ибо сегодня выѣзжаю.

9.

Къ П. А. Пузыревскому.

Новочеркасскъ, 24-го ноября 1854 г.

Любезные друзья! очень понятно, что вы не получаете моихъ писемъ, потому что благодаря вашей аккуратности адреса выставляете *ad libitum*, когда вамъ понравится; такимъ образомъ я пустилъ не одно письмо наавось и радъ сердечно, что хоть теперь письмо мое васъ захватить. Вы не забудьте, что почта идетъ почти мѣсяцъ, такъ, напримѣръ, письмо, пущенное вами отъ 26-го октября, получено мною 24-го ноября. Сосчитайте! Слѣдственно, пока сегодняшнее отъ 24-го ноября до васъ доѣдетъ, у васъ уже будетъ 1855 годъ. Вотъ почему слѣдуетъ писать чаще и съ точностью выставлять адреса и всегда имѣть въ виду, что для полученія отвѣта надо полныхъ два мѣсяца.

Душевно радъ, что вы попали въ такую многоумную труппу: набирайтесь ума-разума. Ты ужъ, какъ тамъ хочешь, Тоша, а изволь во Фрейбергѣ съ докладностью развѣдать обо всѣхъ подробностяхъ сотворенія міра *) и сообщить и мнѣ, потому что мнѣ ужасно любопытно знать, какъ это грандіозное событіе произошло.

Я писалъ вамъ, и, конечно, вы не получили письма, о бывшемъ со мною забавномъ случаѣ, т. е. о томъ, какъ я себѣ сломалъ ногу немного повыше подъема, какъ страдаю уже третій мѣсяцъ на исходѣ; кость срослась, но финальныя фазы этихъ болѣзней гораздо скучнѣе самой темы. Отеки, расчесы, жилы,—всѣ эти инструменты, точно музыка Берліоза, неистово разыгрываютъ такую глупую симфонію, что изъ рукъ вонъ.

Дѣла политическія ужасно надоѣли. Англо-французы сидятъ въ Балаклавѣ и таютъ предъ лицомъ огня севастопольскаго. Когда это кончится—Господь вѣдаетъ. Жду съ нетерпѣніемъ англійскаго парламента; неужели онъ не вздуетъ министровъ за ихъ глупости? Не знаю, насколько они правы въ общей англійской дѣли—опутать свѣтъ коммер-

*) П. А. Пузыревскій усердно занимался въ Фрейбергѣ геологіей.

чекскими сѣтями и держать его въ этомъ неводѣ живымъ, чтобы съ живого вытапливать жиръ огнемъ необходимости; но мѣры ихъ заслуживаютъ порицанія и обнаруживаютъ заносчивую неспособность и только. Франція—старинная кокетка, дура, которая очень похожа на царицу нашей петербургской Мухки, когда съ такой рассчитанной граціей, раскидывала греческія свои руки, чтобы поразить тебя, Кульмера, Артамонова, все равно кого, лишь бы поразить. Вотъ и поразила: вши вѣдятъ, корабликовъ больше 10-ти 2-го ноября буря унесла, думаютъ, какъ бы уйти, чтобъ и самихъ не поразили, да видишь, какой-то Бонапартъ не велить. Этотъ мѣщанинъ во дворянствѣ хочетъ же доказать свѣту, что онъ не Богатоновъ ¹⁾, а французы челядь. И бѣдняги перегибнутъ, какъ мухи. Словомъ, скучно, тяжело и грустно; человѣчество жаль. Падаютъ не сотни, не десятки, а десятки тысячъ, а итогъ превзойдетъ сотню тысячъ. И за что? За то, что Богатоновъ, сидя на чужомъ мѣшкѣ, хочетъ доказать, что онъ не Богатоновъ, а Шереметевъ. Ну, да чертъ ихъ поберетъ, что несомнѣнно и случится, а вы будьте здоровы и не забывайте насъ въ Новочеркасскѣ.

Вашъ Несторъ iure, nomine et amore.

10.

Къ М. И. Глинкѣ ²⁾.

(1856 года).

Дорогой, драгоценнѣйшій Миша! Письмо твое ³⁾ съ зеркальнымъ вальсомъ ⁴⁾ изъ Берлина съ душевною радостью получилъ и, чтобы показать, какъ я люблю и цѣню тебя, то можешь заключить изъ того, что я твой милый лоскутокъ наклеилъ на дебелий листъ и положилъ женѣ въ альбомъ, да не погибнетъ, а прозябнетъ и принесетъ плодъ.

Завидую тебѣ, что ты уже въ Берлинѣ, не видишь, не слышишь

¹⁾ Дѣйствующее лицо въ пьесахъ М. Н. Загоскина: „Богатоновъ, или Провинціалъ въ столицѣ“ и „Богатоновъ въ деревнѣ“.

²⁾ Михаилъ Ивановичъ Глинка—знаменитый композиторъ, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Н. В. Кукольника. О степени ихъ пріязни между прочимъ можно судить и по отрывкамъ изъ дневника нашего писателя, напечатаннымъ въ журн. „Ба я н ѣ“ 1888 г. (№ 9—16), и по взаимной перепискѣ, отчасти ставшей достояніемъ печати. (См. письма Глинки къ Н. В. въ книгѣ: «Записки М. И. Глинки» Спб. 1867).

³⁾ Настоящее письмо Н. В. есть отвѣтъ на письмо М. И. Глинки отъ 5-го іюля 1856 г. изъ Берлина (напечатано впервые въ «Музыкальн. Сезонѣ». 1871 г. № 9).

⁴⁾ М. И. Глинка въ своемъ письмѣ Кукольнику писалъ: „посылаю вальсъ моего издѣлія; онъ звучитъ зѣло недурно и на выворотъ, сирѣчь, въ зеркалѣ“, посему Н. В. и назвалъ этотъ вальсъ „Зеркальнымъ“.

всѣхъ глушостей, ими же такъ изобилуетъ земля русская. Удастся ли мнѣ вырваться хоть на годъ, не знаю, но употреблю къ тому всѣ мѣры, чтобы въ апрѣлѣ съ Амаліей ¹⁾ подъ руку отправиться въ Вильно къ брату, оттуда въ Кенигсбергъ, Берлинъ (въ маѣ), Дрезденъ, Мариенбадъ (іюнь). Выполоскавъ тамъ кишки, пушусь все болѣе и болѣе на югъ до Сициліи, а оттуда вспять на Парижъ и Лондонъ, а оттуда опять вспять на Гамбургъ и черезъ среднюю Германію опять въ Мариенбадъ для второго полосканія. Вотъ мой планъ, но homo prononit, Deus disponit ²⁾, а у насъ, кромѣ Деуса, есть еще Дѣи, отъ нихъ же зависятъ всѣ средства, всѣ судьбы служебнаго человѣка. Мечтать позволено даже и въ наши лѣта, а потому мечтаю дальше. Возвратясь изъ-за границы, я получаю важное мѣсто безъ права голоса и до послѣдняго часу играю въ молчанку, предаваясь вполнѣ тайнымъ бесѣдамъ съ Музами, и всѣми девятю. Тогда бы и не въ шутку пожилъ на этомъ свѣтѣ. Частію я это уже испытываю и теперь, благодаря весьма счастливой идеѣ писать для себя. Я выдумалъ громадное полотно во 150 лѣтъ длиною и неопредѣленной ширины. Загрунтую все, поставлю и всѣ группы и буду себя заниматься отдѣлкой того или другого субъекта, какъ и когда понравится. Это рѣшительно энциклопедическій романъ. Загрунтовано и группы разставлены уже на пространствѣ 50 лѣтъ. Измѣряя типографически, написано около 35 печатныхъ листовъ. То-есть я тебѣ говорю, чудо, какъ весело. Съ какою гордостью буду смотрѣть теперь на журналистовъ. Врете, собаки! теперь не укусите! Ухитрился, истинно ухитрился! Одно досадно: зачѣмъ мысль писать для себя, натурально включая въ это себя и короткихъ людей, не пришла мнѣ въ голову до изданія Тасса! У! какой бы былъ я теперь баринъ. Ну, да лучше поздно, чѣмъ никогда. Я мало считаю нынѣшнихъ господъ, но жиденокъ Рапопортъ ³⁾ посылаетъ на меня листки своего «Театральнаго и Музыкальнаго (Сѣрова) Вѣстника». Презабавно смотрѣть на пѣтушьи драки какого-то Сѣраго съ Ростиславомъ ⁴⁾, Улыбышевымъ, рѣшительно со всѣми, кто смѣетъ писать о музыкѣ, рубить съ плеча, и попадаетъ, и даетъ промахи, но я тебѣ говорю, это такъ забавно, что мочи нѣтъ. Тутъ только

¹⁾ Амалія Исаповна—супруга Н. В. Кукольника.

²⁾ Осуществить свой планъ Кукольнику удалось лишь отчасти.

³⁾ Маврикій Якимовичъ Рапопортъ (1824 † 1884 г.),— музыкантъ, театральнй рецензентъ, въ тотъ годъ издававшій „Музыкальный и Театральнй Вѣстникъ“.

⁴⁾ «Ростиславъ»—псевдонимъ извѣстнаго театральнаго и музыкальнаго рецензента и беллетриста гр. О. М. Толстого (1810 † 1881 г.). Здѣсь говорится о полемикѣ, происходившей между этими тремя лицами на страницахъ тогдашнихъ газетъ и журналовъ.

поймешь все униженіе, въ какое ставитъ себя человѣкъ, ищущій извѣстности. Фу, какой кабакъ!

Новаго пропастъ, но все такое, что ни тебя, ни меня не порадуешь. Одна пріятная новость, что мы собираемся на зиму въ Петербургъ, чтобы опять собираться за границу. Я увѣренъ, что ты будешь писать мнѣ. Я выставилъ и на твоёмъ и на своёмъ письмѣ № 1 для учета. Ко мнѣ пиши уже въ Петербургъ, какъ разъ поспѣеть къ моему приѣзду. Амаля тебѣ отъ души кланяется и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ встрѣчи съ тобой за границей.

Всей душой твой неизмѣнный другъ Н. Кукольникъ.

11.

Къ П. А. Пузыревскому.

Интерлакенъ, 2-го іюня 1857 г.

Вотъ мы гдѣ! то-есть, извольте видѣть, повѣряя съ картинкой ¹⁾ мѣстность, кажется, что мы здѣсь; но этой бѣлолицей красавицы, знаменитой швейцарской дѣвы, мы въ продолженіе трехъ сутокъ еще не видали. Ужь это, видно, принадлежность всѣхъ старыхъ дѣвъ—кокетничать и стараться скрывать свои устарѣлыя прелести. Наконецъ, сегодня встаю въ 5 час. утра, подхожу къ окну: предо мной дѣвственница въ своёмъ отвѣчномъ дезабилье, въ бѣломъ саванѣ, прикрывающемъ горбы ея стараго, разрушающагося хребта. Двѣ грустные истины подтверждаетъ и эта дѣвственница-старуха: все на свѣтѣ живетъ, даже горы, и все, даже горы, разрушается; человѣкъ плѣшивѣетъ съ лѣтами,—и горы рассыпаются съ темени, и на головѣ Jungfrau вы видите основаніе первобытной ея конической прически, а теперь барышни, хоть и дѣвственницы, а все-таки съ разстроенной головой. Но таково свойство истинной красоты, и теперь она все еще прекрасна. Благородныя черты лица никогда не надѣдають; такъ и эти горы, такъ и вся Швейцарія чудная, безконечно разнообразная, неисчерпаемо обильная великолѣпнѣйшими видами. Германія по частямъ недурна; во многихъ мѣстахъ весело, но восторга не возбуждаетъ, а часто и больно грустна и уныла, какъ, напримѣръ, Мюнхенъ; но Гельвеція—это чисто картинная галерея, сложенная изъ миллионовъ самыхъ блистательныхъ картинъ, изъ коихъ каждая лучше всѣхъ каналовъ и Клодь Лореней. Тутъ только видишь ничтожность искусства и понимаешь задшевную муку Сильвестра Щедрина ²⁾, который, безъ шутокъ, чуть не плакалъ, что ему

¹⁾ Въ верхней части листа—литографированный видъ Интерлакена.

²⁾ Сильвестръ Федосеевичъ Щедринъ,—художникъ-пейзажистъ (род. въ 1791, ум. въ 1830 г.).

во всю жизнь не удалось кончить ни одной картины. Путешествіе наше до Интерлакена было самое удачное. Выбравшись изъ каменисто-пыльнаго Мюнхена, мы понеслись въ Швейцарію. За Кемптевомъ издали привѣтствовали насъ высоты.⁴⁾ снѣжнаго хребта; но ихъ скоро закрыли Баварскіе пригорки, окружающіе Констанцкое озеро—Boden See.

Въ живописнѣйшемъ мѣстечкѣ Линдау мы опять ихъ увидѣли во всей полнотѣ; тутъ простились съ Баваріей и на пароходѣ «Bodan» понеслись въ Швейцарію. Проводники See Saplan и Сентисъ со святой насъ не оставляли, пугая воображеніе страшными провалами, ледниками и всѣми ужасами, которыми сопровождаются всѣ дороги черезъ горы. Но какъ приятно мы были обмануты! Въ Романсъ-Горнѣ мы сѣли на желѣзную дорогу, въ свѣтлый просторный вагонъ, такъ что всѣ стороны можно было—и было что—видѣть: живописнѣйшій садъ, не край! Пяди земли нѣтъ безъ древа. Великаны, пугавшіе насъ своими сѣдыми, разбитыми балками, отошли вдаль и исчезли; насъ окружили веселые зеленѣющіе пригорки; Швейцарія зимой—это праздникъ земной планеты. Земля волнуется, рѣзвится, шалить, какъ ребенокъ, то взбѣжить къ небу, то раскинется роскошной долиной, то прыгаетъ съ холма на холмъ, всегда въ вѣчныхъ цвѣтахъ и свѣжей могучей зелени... И, вѣдь, это не пять, не десять верстъ, а до самаго Цюриха, а отъ Цюриха—доерна, отъерна—до Туна, а отъ Туна—до Интерлакена, а оттуда, вѣроятно, дальше, кругомъ снѣжной цѣпи бесполезныхъ болвановъ, достойныхъ любимцевъ недостойныхъ англичанъ. Пусть дурачье тамъ скользятъ и мерзнутъ (а, можетъ быть, и я побываю тамъ для комплекта); съ меня довольно моей любезной Швейцаріи. Больше другихъ мѣсть мнѣ понравился Цюрихъ, съ такою любовью, съ такою нѣжностью живописно обнимающій свою красавицу, свое очаровательное озеро! Ну такъ бы тутъ и остался! Только въ Швейцаріи можно понять швейцарскую болѣзнь—тоску по родинѣ: что увидить бѣдный швейцарецъ въ другихъ краяхъ?.. Все покажется ему плоскимъ, какъ въ самомъ дѣлѣ и есть, и онъ свою альпійскую бѣдность, конечно, предпочтетъ всѣмъ богатствамъ и честямъ плоской Европы... Деревушка Interlaken болѣе 30 лѣтъ какъ вошла въ славу своимъ приятно мягкимъ климатомъ и возможностью дѣлать отсюда интересныя поѣздки во всѣ стороны, не говоря уже о восхитительномъ первоклассно величественномъ положеніи между двухъ озеръ, между двухъ хребтовъ горъ, на двухъ весьма порядочныхъ рѣкахъ. Теперь это—цѣлая колонія великолѣпнѣйшихъ гостиницъ - пансіоновъ. Мы тоже на полномъ пансіонѣ. Утромъ насъ поятъ кофеемъ и чаемъ сколько душѣ угодно; въ часъ глотаемъ

⁴⁾ Не разобрано слово.

семь вкусныхъ яствъ, въ 8 часовъ подаютъ опять чай, холодный рост-бифъ, ветчину, сыръ, масло, медъ... Четыре комнаты, у каждаго своя, и сверхъ того—каютъ-компанія, прислуга. И за все это 20 франковъ, т. е. 5 руб. серебромъ (въ сутки). И это называется дорого! Въдь это 150 р. с. въ мѣсяцъ. Что Богъ дастъ дальше, а пока все очень хорошо До свиданья.

12.

Къ П. А. Пузыревскому.

Эмсъ (лѣто 1857 г.).

Любезные друзья! Желаніе написать много обыкновенно кончается тѣмъ, что ничего не напишешь. Такъ и я. Все собирался, собирался—и не успѣлъ. Каждый день что-нибудь мѣшало. Впрочемъ, въ Швейцаріи, по истинѣ, все позабудешь. Къ ней можно примѣнить венгерскую пѣсню:

Extra Helvetiam non est vita,
Si est vita, non est ita!

Написать все, почему такъ хорошо тамъ, не успѣю; это-то и было причиной, что ничего такъ долго не писалъ. И, признаюсь, мы разстались съ Швейцаріей съ великой грустью, предчувствуя, что намъ не будетъ уже нигдѣ такъ хорошо. И точно! Рейнъ съ своими живописными бургами произвелъ на насъ впечатлѣніе весьма слабое, а Эмсъ—тягостное, унылое. Это чисто гробъ безъ крышки, въ которомъ развелось огромное стадо мышей самаго безпокойнаго нрава. Бѣготня, толкотня, а между тѣмъ напряженный туалетъ, насильственные развлечения: рулетка, карты, русскіе, словомъ, всѣ пороки, свойственные всѣмъ минеральнымъ водамъ и морскимъ купаньямъ. Не знаю, удастся ли мнѣ тутъ что-нибудь написать. Сомнѣваюсь, потому что суета, если и самого не сдѣлаетъ суетливымъ, то все-таки разгонитъ мысли или испятнитъ ихъ неумѣстными несвойственными впечатлѣніями. Я очень обрадовался Евгенію Пеликану ¹⁾, который навѣщаетъ Эмсъ наѣздомъ. Все-таки въ медицинскомъ отношеніи есть опора противъ здѣшняго шарлатанизма и герцогскихъ спекуляцій. Всѣ мы, хоть въ Швейцаріи и поправились не на шутку, принялись за лѣченіе, чтобы не упрекать себя послѣ. Я пью отвратительный крейцнахъ и вмѣсто чаю и кофе—молоко! т. е., чтѣ я съ собой тутъ дѣлаю, не надивлюсь. Крейцнахъ отсюда въ 2-хъ часахъ ѣзды, и я пмѣю воду свѣжую. Вотъ и всѣ наши

¹⁾ Евгеній Венцеславовичъ Пеликанъ,—врачъ, писатель. (Сконч. въ маѣ 1884 года).

новости... До свиданья! Въ Эмсѣ пробудемъ ровно четыре недѣли, а тамъ, если успѣемъ, будетъ купаться, а нѣтъ—посѣтимъ Парижъ, да и домой. На первый разъ довольно. Не теряю надежды повторить путешествіе другимъ трактомъ включительно съ Италіей, потому что въ Италію ѣздить на минуточку нельзя: это не Саратовъ.

13.

Къ П. А. Пузыревскому.

1-го (13-го) августа 1857 г. Бельгія.

Привѣтствую васъ съ береговъ Нѣмецкаго, весьма соленого и пока весьма учтиваго моря. Купанье отличное; бала не нужно, потому что мужчины и женщины на волнахъ моря пляшутъ вмѣстѣ въ прозрачныхъ рубашкахъ. Народу тѣма: теперь уже до 7 тысячъ, а ожидаютъ до 10 тысячъ всѣхъ націй. Русскіе тутъ въ своей географической пропорціи, не такъ, какъ въ Эмсѣ, который въ этомъ году они обратили въ русскую слободу. И порядокъ не такой, какъ въ Эмсѣ: все обдуманно для удобствъ путешественника. Жалѣю, что срокъ малъ, и хоть лѣзу въ воду, съ неудовольствіемъ, но выхожу съ утѣшеніемъ въ неизбѣжной пользѣ для моего организма.

Бельгію мы видѣли мелькомъ изъ окна дурного вагона. Въ Брюсселѣ пробыли 4 часа; на возвратномъ пути пробудемъ долѣе. Но пока, въ Остендѣ, Бельгія маѣ очень нравится. Зачѣмъ она отдѣлилась отъ Голландіи, это, я думаю, понимаетъ одна Англія и радуется такому раздѣленію силъ государства, которое было уже и могло опять сдѣлаться сильной соперницей Англіи. Бельгія уставлена огромными городами въ 50 тысячъ и свыше жителей. Мы были по сосѣдству въ одномъ изъ такихъ городковъ—Брюжжѣ. Кромѣ столицъ, у насъ такихъ городовъ нѣтъ. Главный промыселъ этого уголка—кружева. Въ другія части промышленности я не могъ, не успѣлъ заглянуть, а должны быть интересны. По ученой и учебной части тѣмъ менѣе, но надѣюсь кое-что пособирать на обратномъ пути.

Послѣ купанья мы отправимся въ Парижъ, гдѣ и будемъ ожидать отъ васъ писемъ.

Здоровье пока весьма добротнорядочно. Утѣшаемся скорымъ свиданіемъ съ вами. Если и просрочимъ, то весьма немного.

14.

Къ графу Г. А. Кушелеву-Безбородко ¹⁾.

25-го марта 1863 г. Таганрогъ.

Время безпрестанно мѣняетъ мнѣнія; не менѣе того истина вырабатывается и постоянно свѣтлѣетъ. На моемъ длинномъ вѣку много я прожилъ теорій, политическихъ направленій; не вѣрилъ тогда, не вѣрю и теперь принципу національностей, зная, что конечная національность одна, это—человѣчество; у этой національности цѣль одна, которую какъ ни гнетутъ и тушатъ, но она постоянно все болѣе и болѣе растетъ и свѣтлѣетъ. Я нажилъ себѣ миллионы враговъ за то, что никакъ не хотѣлъ поклониться идоламъ минуты. Всегда жилъ и писалъ, примѣняясь ко времени, но всегда въ пользу и защиту человѣчества.

Пришло время, когда объ этомъ позволили говорить, хотя все еще вполголоса. Политическія событія 1863 года внушили мнѣ мысль изложить, хоть въ формѣ романа, мои воззрѣнія на польскую революцію, тѣмъ болѣе, что я тамъ жилъ долго ²⁾ и могъ изучить народъ. Я слишкомъ далекъ отъ пошлаго славянофилизма, но признаю необходимость исторической славянской лихорадки, которая должна, какъ періодъ переходный, перевести насъ къ болѣе общимъ принципамъ всецѣлаго человѣчества. А потому, выдерживая борьбу съ фанатизмами, мы должны понимать ихъ и стойко держаться идеи братства славянскихъ народовъ. Теперь оно кажется невозможнымъ, но съ развитіемъ Россіи въ либеральномъ смыслѣ—оно болѣе чѣмъ возможно и вѣрно.

По болѣзни я живу въ Таганрогѣ, гдѣ нѣтъ даже порядочнаго писаря, а потому боюсь, что сѣрая бумага и дурное письмо весьма невыгодны для моего романа. Но не думаю, чтобы наружность могла имѣть значеніе въ глазахъ вашего сіятельства. Какъ воспитанникъ Нѣжинскаго лиція, я позволилъ себѣ обратиться прямо къ вамъ. Не имѣя никакихъ средствъ, по крутымъ моимъ финансовымъ обстоятельствамъ, напечатать романъ мой отдѣльно, я не прочь напечатать его и въ журналѣ. Сообразуясь съ прошедшимъ, такъ какъ я всегда получалъ по 60 р. за листъ въ «Библіотекѣ для чтенія», и, полагая, что въ романѣ будетъ около 15 печатныхъ листовъ, я рассчитывалъ, что это сочиненіе

¹⁾ Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко (1832 † 1870 г.) съ 1858 года былъ почетнымъ попечителемъ Лицея вн. Безбородко.

²⁾ Въ Виленской губерніи, въ имѣннн своего отца, Н. В. провелъ свои дѣтскіе годы (съ 1810 по 1820 г.), а затѣмъ жилъ въ самой Вильнѣ по окончаніи Лицея, въ качествѣ преподавателя русскаго языка въ виленской гимназіи (съ 1829 по 1831 г.). Здѣсь говорится о сочин. Н. В. „Двѣ сестры“—эпизодъ изъ послѣдней польской смуты; напечатано первоначально въ „Военномъ Сборникѣ“, 1866 г., №№ 1, 2 и 3.

доставить мнѣ около 1000 руб.; но, пославъ его на усмотрѣніе вашего сіятельства, я совершенно предоставляю Вашему рѣшенію назначить гонорарій, какой признаете справедливымъ и возможнымъ. Письмо и романъ доставить вашему сіятельству племянникъ мой профессоръ Платонъ Алексѣевичъ Пузыревскій, а потому, если бы переписка могла затруднить, рѣшеніе ваше можетъ быть передано ему. Одного бы я желалъ искренне, чтобы романъ мой былъ просмотрѣнъ предварительно и непосредственно вашимъ сіятельствомъ лично. Посредники нерѣдко въ такомъ случаѣ, вмѣсто помощи, вредятъ дѣлу.

Второе желаніе—простите за полную искренность—чтобы я могъ узнать рѣшеніе ваше поскорѣе, такъ какъ съ этимъ обстоятельствомъ въ самой жизни моей связано многое.

Я считаю васъ главою хоть и невидимой корпораціи нѣжинскихъ дѣятелей, и это придало мнѣ смѣлость и внушило откровенность.

Съ истиннымъ уваженіемъ и душевною преданностью честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Н. Кукольникъ.

15.

Къ А. П. Чеботареву ¹⁾.

29-го октября 1867 г.

Дорогой другъ Адамъ Петровичъ! Ваша неожиданная телеграмма принесла мнѣ высокае утѣшеніе. Она напомнила мнѣ, что я еще не забытъ всеми. Немного лѣтъ остается мнѣ валандаться по бѣлу-свѣту... да я и не ропщу: пожилъ и пожилъ хорошо, весело. Для многихъ былъ пріятель, для множества полезенъ. Всѣ функціи гражданина, семьянина, друга и человѣка исполнилъ честно; не остался на старость со-вѣтъ уже безъ куска хлѣба. Чего же мнѣ еще? Дѣтей у меня пропасть, жаль только, что остается множество недодѣланныхъ и поэтому не выпущенныхъ въ свѣтъ. Хочу записѣсть на покоѣ, привести ихъ въ порядокъ, не знаю бо ни дня, ни часу, въ онъ же Господь придетъ, а потому надо обезпечить ихъ участь и облегчить опекуновъ..... ²⁾.

¹⁾ Адамъ Петровичъ Чеботаревъ,—генераль-лейтенантъ, членъ комитета прегулярныхъ войскъ (сконч. въ декабрѣ 1881 г.). Къ нему Н. В. писалъ еще въ 1854 году. (См. „Сѣв. Пчела“ 1854 г. № 157. „Азовскія письма“).

²⁾ Конецъ письма этого, доставленнаго намъ въ копіи, не сохранился.

Щелкаловы и Чепчуговы.

Въ лѣтописяхъ русскихъ содержится разсказъ, что, когда, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, бояринъ Борисъ Годуновъ задумалъ царскій родъ искоренить, то единомышленники его, Годуновы и Андрей Клешнинъ съ товарищами, избрали Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова для посылки въ Угличъ, съ цѣлію убіенія царевича Дмитрія Ивановича. Оба они отказались отъ этого преступнаго дѣла, за что Борисъ Годуновъ имъ «многія бѣды и напасти содѣя».

Гораздо позднѣе, а именно 13 сентября 1613 года, при царѣ Михаилѣ, внуку Никифора Чепчугова, Ивану Ивановичу, указано было стоять при приѣмѣ персидскаго посла въ рындахъ вмѣстѣ съ княземъ Василиемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ. Чепчуговъ билъ челомъ, что ему съ княземъ Ромодановскимъ быть невмѣстно, а князь Д. М. Пожарскій и князь Ромодановскій били челомъ, что Чепчуговъ весь родъ ихъ обезчестилъ, а онъ молода отца сынъ:—отца его отецъ, а его дѣдъ, Никифоръ Чепчуговъ, былъ въ головахъ у татаръ, да и то случаемъ, что былъ Щелкаловымъ «свой» и они «его по свойству вынесли» ¹⁾.

Указаніе, что Никифоръ Чепчуговъ, котораго Борисъ Годуновъ покупалъ на убіеніе царевича Дмитрія, былъ въ свойствѣ съ дьяками Щелкаловыми, пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе въ виду другаго извѣстія, что царевичъ Дмитрій былъ отъ смерти спасенъ братьями Щелкаловыми. Поэтому представляется небезынтереснымъ провѣрить свѣдѣніе о свойствѣ Щелкаловыхъ съ Чепчуговымъ.

Чепчуговы ведутъ свое происхожденіе отъ легендарнаго честнаго мужа Облагиня, который, будто бы, выѣхалъ въ 1375 г. изъ Швеціи къ

¹⁾ Двор. Разр., I, 110—111.

вел. кн. Дмитрію Донскому. Отъ старшаго его сына, Марка, повелись роды Глѣбовыхъ, Клементьевыхъ и Чепчуговыхъ ¹⁾).

Первый изъ Чепчуговыхъ, о которомъ сохранились свѣдѣнія фактическія, былъ Никифоръ Павловичъ Чепчуговъ-Клементьевъ.

Приведенное выше мѣстническое указаніе, что Никифоръ Чепчуговъ служилъ въ головахъ у татаръ, подтверждается, до извѣстной степени, записью разрядной книги, въ которой, подъ 1567 г., значится, что въ г. Себежѣ были Василій Юрьевъ сынъ Сабуровъ, да голова Никифоръ Чепчуговъ ²⁾).

Никифоръ Павловичъ Чепчуговъ начинаетъ нѣсколько повышаться въ концѣ царствованія Ивана Грознаго. Въ 1582 и 1583 г. г., по нагайскимъ вѣстямъ, ходилъ онъ въ большомъ полку на Каму ³⁾, а при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, годоваль въ Казанскомъ острогѣ, гдѣ былъ и въ 1585 году, когда воеводою въ Казани-городѣ былъ Михаилъ Александровичъ Нагой ⁴⁾).

Вотчина его находилась въ Московскомъ уѣздѣ, въ писцовой книгѣ котораго 1584—6 г. г. показано: за Никифоромъ Павловымъ сыномъ Чепчугова въ вотчинѣ, что было прежде сего въ вотчинѣ же за подъячимъ Васильемъ Михайловымъ сыномъ Рынкова: слц. Мысово, на р. Клязьмѣ, пуст. Онаньина, а Грѣшниково тоже, пуст. Новиково, Горки тоже на р. Клязьмѣ и пуст. Некормилцово ⁵⁾).

Старшій изъ братьевъ Щелкаловыхъ, дьякъ Андрей Яковлевичъ, упоминается въ послѣдній разъ при царѣ Ѳедорѣ въ 1594 году. Въ половинѣ этого года онъ замѣненъ былъ въ посольскомъ приказѣ своимъ братомъ, Василюемъ Яковлевичемъ. Въ половинѣ 1601 г., при царѣ Борисѣ, сего послѣдняго постигла опала и онъ былъ отставленъ отъ управленія посольскимъ приказомъ. Лжедмитрій пожаловалъ его окольнымъ; въ этомъ чинѣ былъ онъ и при царѣ Василии Шуйскомъ и умеръ въ 1610 году ⁶⁾).

Сынъ Василя Яковлевича Щелкалова, Иванъ Васильевичъ, умеръ въ 1620 г. на государевой службѣ въ Тюмени, гдѣ былъ вторымъ воеводою при князѣ Никитѣ Михайловичѣ Мезецкомъ ⁷⁾. Оставилъ онъ духовное завѣщаніе, коимъ свои вотчины и дворъ въ Москвѣ отказалъ монастырямъ. Въ томъ же завѣщаніи онъ заявилъ, что ему надлежитъ

¹⁾ Писались Чепчуговы и даже Чемчуговы.

²⁾ „Сибир. Сборникъ“, 19. Лихачевъ. Разр. дьяки. Спб. 1838, стр. 478.

³⁾ Ibid., 80 и 83; Кн. Разр. II, 125.

⁴⁾ Ibid., 86—90.

⁵⁾ Писцовыя книги I, 181.

⁶⁾ 20-го сентября этого года дана ему королемъ Сигизмундомъ грамота на вотчину и помѣстье. А. З. Р. IV, 348. Погребенъ въ Троицкой Лаврѣ. См. Списокъ погребенныхъ. М. 1880 № 805.

⁷⁾ Кн. Разр. I, 545 и 663.

«отдати на Москвѣ боярину Василю Петровичу Морозову да сестрѣ своей Овдотѣ Никифоровнѣ безкабально 63 рублевъ, и въ тѣхъ если деньгахъ положилъ у нихъ въ закладѣ Божіе милосердіе крестъ золотъ... да въ тѣхъ же деньгахъ у нихъ въ закладѣ ошеекъ шелковый большой... да у нихъ же поставленъ образъ Пречистые Богородицы... и тѣмъ Божіемъ милосердіемъ крестомъ и образомъ благоговляю язъ Ивана Васильевича Морозова и сестру свою Овдотью Никифоровну ¹⁾).

Запись любопытная; на слѣдующія соображенія наводитъ она: 1) Иванъ Васильевичъ Щелкаловъ называетъ Евдокію Никифоровну N, свою сестрою. Объяснить это можно тѣмъ, что она приходилась ему сестрою двоюродною. Далѣе, имѣя въ виду, что Никифоръ Чепчуговъ былъ Щелкаловымъ «свой», можно допустить, что Евдокія Никифоровна, двоюродная сестра Ивана Васильевича Щелкалова, была дочь Никифора Павловича Чепчугова. Идя еще далѣе, необходимо предположить, что отецъ Ивана Васильевича Щелкалова, Василий Яковлевичъ, женатъ былъ на сестрѣ Никифора Павловича Чепчугова и такимъ образомъ, дѣйствительно, приходился ему свойственникомъ весьма близкимъ.

2) Изъ той же завѣщательной записи явствуетъ, что бояринъ Василий Петровичъ Морозовъ и Евдокія Никифоровна находились также въ какихъ-то между собою отношеніяхъ родства или свойства.

Въ родословіи Морозовыхъ (Кол. XII, 96) показанъ:

Василій Петровичъ, окольникій (1601), бояринъ (1608) † 1630 Ж. N. Васильевна N ²⁾).

Откуда заимствовано свѣдѣніе, что отчество жены Василя Петровича Морозова было «Васильевна», не указано, но думать можно, что она была дочь Василя Яковлевича Щелкалова. При этомъ предположеніи, Василій Петровичъ Морозовъ былъ бы двоюроднымъ (по женѣ) братомъ Евдокіи Никифоровны Чепчуговой.

Предположеніе это подкрѣпляется слѣдующимъ:

Въ родословной у Василя Петровича Морозова показаны: сынъ, Иванъ Васильевичъ, бояринъ, женатый на Степанидѣ Семеновнѣ Коробьиной, постригшійся въ 1655 году, и двѣ дочери:

Елена Васильевна † 1666 г., за бояриномъ кн. Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ † 1682 г.

и Марія Васильевна † 1633 г., за княземъ Андреемъ Васильевичемъ Голицынымъ † 1611 г. ³⁾).

Это показаніе родословной Морозовыхъ неполно, подобно, впрочемъ,

¹⁾ Лихачевъ, «Сборникъ актовъ» (Спб. 1895 г.) стр. 79—80.

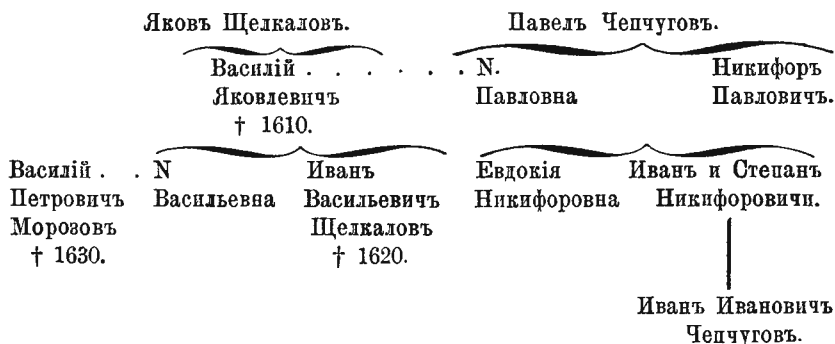
²⁾ Русская родословная книга кн. Лобанова.

³⁾ Обѣ даты заимствованы у кн. Голицына. Родъ кн. Голицыныхъ. Спб. 1892, стр. 116.

родословіямъ многихъ другихъ знатныхъ русскихъ фамилій, также преисполненныхъ пропусковъ и ошибокъ. У Василя Петровича Морозова была третья дочь, Евдокія Васильевна, въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ † 1642 г. ¹⁾

По писцовой книгѣ Московскаго уѣзда 1584—86 г.г. числилось въ вотчинѣ за Василюмъ Яковлевичемъ Щелкаловымъ сельцо Остапково ²⁾, а по писцовой книгѣ 1623—24 г.г. та же вотчина, что была за дьякомъ Василюмъ Щелкаловымъ и за сыномъ его Иваномъ, сельцо Останкино, записана уже по государевой грамотѣ 125 (1617 г.) за бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ ³⁾.

Построенная, на этихъ предположительныхъ основаніяхъ, родословная таблица представится въ слѣдующемъ видѣ:

Возвращаюсь къ роду Чепчуговыхъ. Неизвѣстно, когда умеръ Никифоръ Павловичъ Чепчуговъ. Оставилъ онъ двухъ сыновей: Ивана и Степана. О первомъ изъ нихъ сохранилось свѣдѣніе также любопытное. Въ спискѣ лицъ, извѣстныхъ приверженностью къ царю Василю Шуйскому, составленіе котораго относится къ концу 1610 г., показанъ между прочими «думный дворянинъ и у царицы за кушаньемъ сидѣль и царицѣ братъ, Иванъ Никифоровъ Чемчуговъ» ⁴⁾.

Показаніе это, въ той его части, которая придаетъ Ивану Никифоровичу Чепчугову чинъ думнаго дворянина, едва-ли точно. Думнымъ дворяниномъ онъ, кажется, не былъ, но числился въ спискѣ дворянъ московскихъ, въ которомъ значился еще въ 1577 г. ⁵⁾ Въ 1598 г. онъ подписалъ грамоту объ избраніи на царство Бориса Годунова ⁶⁾.

¹⁾ Забѣлинъ. Домашній бытъ царицъ. М. 1869, стр. 349.

²⁾ Писц. книги I, 179.

³⁾ Холмогоровъ. Истор. матер. о церквахъ. М. 1887, V, 7.

⁴⁾ А. И., II, 365, Ср. стр. 250.

⁵⁾ Акты Москов. Госуд. Слѣб. 1890, 1, 92. Въ боярскомъ спискѣ, напечатанномъ въ XX томѣ Древ. Рос. Вивл., о немъ не упоминается. Въ боярскомъ спискѣ 1611 г. онъ значится въ числѣ дворянъ.

⁶⁾ А. А. Э. II, 44.

Несомнѣнно, однако, что Иванъ Никифоровичъ Чепчуговъ былъ близкимъ къ царю Василию человекѣмъ. Онъ присутствовалъ въ 1608 г. на бракосочетаніи царя ¹⁾; его имя часто встрѣчается въ дѣлѣ о розыскѣ государевой казны у бывшей царицы Шуйской ²⁾, а въ 1609 г. посланъ онъ былъ царемъ Василиемъ, вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ (Васильевичемъ) Прозоровскимъ къ боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву (пожалованному въ бояре Лжедимитріемъ) въ Касимовъ, сказать ему, именемъ царя, что онъ на помощь Москвѣ идетъ мѣшкотно и государевымъ дѣломъ не радѣеть ³⁾.

По низложеніи царя Василія, грамотою короля Сигизмунда 11-го декабря 1610 г. Ивану Чепчугову велѣно быть ясельничимъ, а въ междоцарствіи, въ апрѣлѣ 1611 г., онъ посланъ былъ намѣстникомъ въ Сольвычегодскъ, а въ октябрѣ того же года велѣно ему ѣхать на земскую службу къ Москвѣ ⁴⁾. На этомъ извѣстіи о немъ прекращаются ⁵⁾.

Наконецъ, что касается выраженія «Иванъ Никифоровичъ Чепчуговъ царицѣ (Шуйской) братъ», то объяснить это выраженіе представляется затруднительнымъ. Царь Василій женился 17-го января 1608 г. вторымъ бракомъ на кж. Екатеринѣ (Маріи) Петровнѣ Буйносовой-Ростовской. Отецъ ея, князь Петръ Ивановичъ, убитъ былъ въ 1607 г. отъ вора Петрушки. На комъ онъ былъ женатъ, въ родословной ⁶⁾ не показано, но изъ современныхъ документовъ видно, что жена его носила имя Марфы ⁷⁾.

Выяснить родственныя отношенія семьи князя Василія Шуйскаго къ Чепчуговымъ было бы небезъинтересно въ виду того, что князь Василій былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Углицкомъ розыскѣ 1591 года.

Въ родословной князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ, у князя Петра Ивановича, отца царицы Шуйской, сестеръ не показано. Между тѣмъ, въ другой родословной росписи князей Ростовскихъ значится, что у него были двѣ сестры:

Кн. Соломонида Ивановна, за кн. Андреемъ Ивановичемъ Бахте-

¹⁾ Древ. Рос. Вивл., XIII, 124.

²⁾ Забѣлинъ, указ. соч.; Матеріалы, стр. 20 и слѣд.

³⁾ Новый лѣтописецъ, 104.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д. II, 485. Акты Зап. Рос. IV, 399. Здѣсь онъ названъ думнымъ дворяниномъ. Грамотами того же числа Ивану Никифоровичу и обоимъ его сыновьямъ пожалованы помѣстья. А. З. Р. IV, 397—398; А. А. Э. II, 316 и 347. Вологод. губер. вѣд. 1855 г. № 28.

⁵⁾ Показанный въ боярскомъ спискѣ 1611 г., онъ не значится въ спискѣ 1616 г. (А. М. Г. I, 138 и слѣд.).

⁶⁾ Кн. Лобановъ. Рус. Род. книга II, 174.

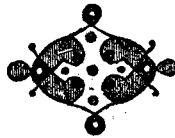
⁷⁾ Забѣлинъ, указ. соч.; Матеріалы, 18.

яровымъ, и кн. Н Ивановна, за бояриномъ кн. Григоріемъ Петровичемъ Ромодановскимъ † 1628 ¹⁾).

Оба эти показанія, повидимому, вѣрны: пмя княгини Соломониды Бахтеяровой встрѣчается въ дѣлѣ о розыскѣ государевой казны у царицы Шуйской, при чемъ удостовѣрено, что она «жила у княжъ Васильевы княгини Шуйскаго близко и государеву казну хоронила» ²⁾).

Равнымъ образомъ у царицы Шуйской «жила на сѣнехъ» княжна Ромодановская. Она была, вѣроятно, дочь боярина князя Григорія Петровича † 1628 г. ³⁾, а такъ какъ Иванъ Ивановичъ Чепчуговъ мѣстничался съ его сыномъ, Василиемъ Григорьевичемъ, то не былъ ли онъ въ свойствѣ съ Ромодановскими, а, чрезъ нихъ, и съ царицей Марією Шуйской.

Д. Кобеко.

¹⁾ Родословная эта приложена къ сочиненію А. А. Титова «Ростовскій уѣздъ». М. 1885. См. стр. 591.

²⁾ Забѣлинъ, указ. соч. Матеріалы, 27.

³⁾ На свадьбѣ царя Василія, окольникій кн. Григорій Петровичъ Ромодановскій ѣздилъ надзирать по воротамъ въ Кремль, Д. Р. В., XIII, 127. Пожалованъ въ окольникіе при Лжедмитріи. Ibid., XX, 78.

Изъ переписки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

1.

П. Коновницынъ — А. И. Михайловскому-Данилевскому.

15-го мая 1813 г., Бреславль.

Сколько я вамъ благодаренъ за все и все, любезный Александръ Ивановичъ, того объяснить довольно не могу. Вы всякій разъ вяще и вяще показываете благородное свое расположеніе. Продолжайте такъ—вы неоцѣнны! Меня везутъ хотя и съ великимъ мученіемъ, но какъ быть. Много вамъ спасибо, что вы меня воротили отъ Штейнау. Раны мои чудесно хорошо идутъ сверхъ моего ожиданія; по крайней мѣрѣ ожидаю я быть хотя не скоро, но съ ногой. Мученія довольно, но все, благодаря Бога, переношу съ твердостью. Кости нейдутъ, но не отчаиваюсь,—чтобы не вышли. Ради Бога пишите ко мнѣ чаще. Я завтра еще здѣсь пробуду, пока Богъ дастъ опять Лейпцигъ; не забудьте даннаго слова Аннѣ Ивановнѣ.

Пересылайте же ее письма и мои къ ней.

Если раны заживутъ, то я фланговымъ маршемъ или пробьюсь чрезъ Польшу и Моравію въ Богемію къ водамъ. Такъ человекъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Повинуюсь судьбамъ Вышняго. Все будетъ такъ, какъ быть должно и все на свѣтѣ устроено наилучшимъ образомъ—и можетъ быть и все къ лучшему. Не покиньте добраго усердія Анберта(?) Прощайте, вѣрьте искренности чувствъ вамъ вѣрнаго слуги.

Приписано неизвѣстною рукою:

Генералъ проситъ васъ покорнѣйше посланнаго казака снабдить курьерскою подорожною на одну безденежную форшпану чрезъ Бреславль до Калиша, или гдѣ настигнетъ генерала, а также прислать три бланкета подорожныхъ для посылки къ вамъ нарочныхъ съ дороги.

2.

С. Н. Глинка — А. И. Михайловскому-Данилевскому.

23-го іюня 1813 г., Москва.

По коренному обычаю русской простосердечной старины, отправляющимся въ путь всегда посылаютъ хлѣбъ - соль. Въмѣсто хлѣба - соли примите чернильнаго моего ремесла 3-ю и 4-ю часть Театра Свѣта. 1-ю и 2-ю прислать не замедлю; а потомъ и остальные. Въ замѣну сего вы доставьте мнѣ свои «Записки», когда оныя отпечатаете. А вамъ изъ любви къ отечеству должно приступить къ сему подвигу. Вы видѣли необычайныя событія нашего времени, вы участвовали въ нихъ, вы умѣете оныя предлагать.

Душевно вамъ преданный Сергѣй Глинка.

3.

Ф. Н. Глинка — А. И. Михайловскому-Данилевскому.

3-го ноября 1813 г.

С. Сутоки Смоленской губ. Духовщинскаго уѣзда.

Всѣ порученія ваши, почтеннѣйшій человѣкъ и мой безцѣнный другъ Александръ Ивановичъ, я выполнилъ. Большую посылку въ С.-Петербургъ, а прочія письма куда слѣдовало, послалъ. При врученіи письма вашего Каверину я просилъ убѣдительнѣйше, чтобы онъ обратилъ вниманіе свое на справедливость вашего иска; но просьбы мои были напрасны: Каверинъ отвѣчалъ мнѣ, что Гончаровъ никому не платитъ, отдалъ записку вашу своему письмоводителю, — и тѣмъ кончилось. Несчастье ваше то, что вы имѣете дѣло съ богатымъ человекомъ, ибо, какъ я здѣсь узналъ, всѣ богачи живутъ въ тѣсной съ Каверинымъ дружбѣ. Вѣдныя обѣихъ управляемыхъ имъ губерній не хвалятъ его. Однако вы, безъ потери времени, попросите князя Волконскаго, чтобъ онъ, основываясь на томъ, что государь есть посредникъ въ дѣлахъ всѣхъ находящихся на службѣ, написалъ бы построже къ Каверину. Это скорѣе пробудитъ вниманіе къ справедливости. Желалъ бы душевно узнать, что дѣлается у васъ; въ здѣшнюю сторону извѣстія доходятъ очень поздно. Можетъ быть, во множествѣ новыхъ лавровъ и трофеевъ, среди грома побѣдъ, вы и за-

были васъ любящаго; но мнѣ, въ уединенной хижинѣ, всего усладительнѣе вспоминать о тѣхъ прелестныхъ бесѣдахъ, которыми вы очаровывали меня въ Рейхенбахѣ. Незабвенны для меня тѣ вечера, когда, слушая васъ, я видѣлъ въ воображеніи счастливую Италію, съ ея цвѣтущими долинами, вѣчно зелеными рощами, голубымъ небомъ и пылающими вулканами. Ваши прекрасныя разсужденія объ изящности произведеній древнихъ, о вкусѣ, нравахъ и словесности народовъ, запечатлѣвшись въ умѣ моемъ, останутся навсегда памятникомъ вашего дружества. Нетерпѣливо желаю увидѣть васъ опять. Какъ скоро зима остепенится, полечу въ армію. Теперь у насъ споръ стихій,—грязь и дороги никакой нѣтъ. Между тѣмъ, одолжите хоть нѣсколькими строками увѣдомленія о себѣ и томъ, что у васъ происходитъ. Любезнѣйшему другу Дмитрію Ивановичу прошу засвидѣтельствовать мою душевную преданность. По напечатанному его письму узналъ я о пріѣздѣ почтеннаго генерала Коновницына. Если не ошибаюсь, кажется письмо о Теплицкомъ дѣлѣ, помѣщенное въ «Сынѣ Отечества», было писано любезнѣйшимъ Александромъ Андреевичемъ,—я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ его читалъ. Скажите ему мое истинное почтеніе. Братцу его усердно кланяюсь. Доброму, любезному Рабле также мое почтеніе. Братъ Григорій въ отсутствіи и потому лишень пріятнѣйшаго удовольствія къ вамъ писать.

Прощайте, почтеннѣйшій другъ. Будьте здоровы, счастливы и памятливы о преданномъ вамъ Ф. Глинкѣ.

4.

И. И. Дмитріевъ—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

2-го іюля 1814 г., Москва.

Спѣшу изъяснить вамъ сердечную благодарность мою за обязательное ваше письмо и благосклонное привѣтствіе меня съ полученіемъ новой награды отъ великодушнаго государя. Чувства, съ которыми я принялъ ее, неизъяснимы. Твержу только про себя старый мой стихъ: «Да будетъ счастье и слава вѣчно съ нимъ!»

Искренно могу васъ увѣрить, что отсутствіе ваше изъ Москвы весьма для меня ощутительно. Сказанное вами объ моей бесѣдѣ, по всей справедливости, приличнѣе мнѣ обратить къ вашей; она истинно для меня любопытна: вы были свидѣтели великихъ подвиговъ, необыкновенныхъ переворотовъ; видѣли лицомъ къ лицу знаменитыхъ виновниковъ оныхъ;

вы бесѣдовали съ Виландомъ, Гёте и лучшими умами Франціи. Послѣ столь громкихъ именъ, могу ли я безъ смущенія благодарить васъ, что вы общаете когда-нибудь въ запискахъ вашихъ вспомнить и меня, непримѣтную точку на поприщѣ словесности. Вся моя авторская жизнь упишется на одной строчкѣ.

Закрываю покорнѣйшею просьбою о продолженіи ко мнѣ вашей пріязни, весьма для меня лестной, и свидѣтельствомъ душевнаго почтенія, съ которымъ навсегда имѣю честь пребыть и проч.

5.

Сергѣй Глинка—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

29-го іюля 1814 г. Москва.

Когда пріятнѣйшее ваше письмо пришло въ Москву, я находился въ отлучкѣ. Вотъ причина, отчего такъ долго не имѣлъ удовольствія вамъ отвѣчать. Не стану увѣрять, какъ лестно для меня ваше и заочное знакомство. Братецъ мой Ф. Н. (Федоръ Николаевичъ) давно ознакомилъ меня съ качествами души и сердца вашего.—Заранѣе поздравляю всѣхъ любителей отечества съ тѣмъ, что вы, какъ очевидецъ, предпринимаете описывать подвиги безсмертнаго князя Смоленскаго. Представьте русскаго героя во всей зрѣлости опытовъ и соображеній воинскихъ, прибрѣтенныхъ пятидесятью годами: покажется, что никакіе буйные Наполеоны не побѣдятъ мудрой осторожности и дальновидной предусмотрительности.

Все то, что писано и напечатано о князѣ Кутузовѣ, вы найдете въ книжныхъ петербургскихъ лавкахъ. Москва не доставитъ вамъ никакихъ прибавочныхъ запасовъ. По желанію вашему препровождаю къ вамъ указъ Наполеона о пожарѣ Московскомъ. Переводъ не мой, но я сличалъ съ подлинникомъ, въ которомъ все то же, что и въ переводѣ.

Я осмѣлился въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1814 г. предложить слабыя воспоминанія о князѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ. Ручаюсь въ томъ, что я отъ себя ничего не выдумалъ.

О братцѣ Ф. Н. къ сожалѣнію ничего не могу вамъ сказать. Съ марта мѣсяца никакой вѣсти отъ него не имѣю. Дай Богъ намъ скорѣе его увидѣть! А онъ съ вами неразлученъ—сердцемъ и душою.

Препоручая себя въ продолженіе вашего знакомства, съ истиннымъ почтеніемъ, честь имѣю быть и проч.

6.

К. Толь—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

7-го сентября 1814 г. Ревель.

Надѣясь на вашу дружбу, прошу васъ покорно прилагаемое при семъ письмо вручить ген.-лейт. барону Коллеру, бывшему дежурному генералу австрійской арміи. Такъ какъ онъ въ Парижѣ взялся доставить мнѣ дипломъ на баронское достоинство, для чего истребованъ былъ отъ меня гербъ мой, то и прошу я его, при случаѣ вашего въ Вѣнѣ пребыванія, доставить чрезъ васъ, любезный А. И., оный ко мнѣ; упоминая, что буде нужно сдѣлать какія-либо издержки, которыя не могутъ превышать 10 или 15 червонцевъ, что таковыя будутъ вами заплачены, которые разумѣется будутъ съ благодарностію вамъ отъ меня заплачены.

Симъ одолженіемъ обяжете вы меня навсегда.

Желая вамъ всякаго удовольствія въ Вѣнѣ, остаюсь навсегда вашъ искренній другъ.

7.

К. Толь—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

25-го октября 1814 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше изъ Вѣны я получилъ, за что васъ отъ искренняго сердца благодарю. На сихъ дняхъ получилъ военный министръ князь Горчаковъ отъ чрезвычайнаго нашего въ Вѣнѣ пребывающаго посла гр. Штакельберга (письмо), въ коемъ извѣщаетъ его для сообщенія мнѣ, что его величество императоръ Францъ удостоилъ меня титуломъ барона; но что для доставленія мнѣ диплома баронскаго нужно имѣть, чтобы поручилъ бы я кому-нибудь изъ моихъ знакомыхъ въ Вѣнѣ ходатайство по оному, снабдя напередъ его краткимъ описаніемъ моихъ походовъ и военныхъ подвиговъ. Сіе мнѣ весьма смѣшно показалось говорить о себѣ, и потому рѣшился на слѣдующее.

Поелику ордена Леопольда и Маріи Терезіи заслужилъ я находясь при князѣ Шварценбергѣ и по его рекомендаціи, то и написалъ я къ нему прилагаемое при семъ письмо, въ которомъ прошу его, чтобы онъ меня атестовалъ, присовокупя къ оному, что во время кампаніи 1812 и 1814 годовъ находился я генераль-квартирмейстеромъ дѣйствующихъ армій противу общаго врага.

Въ заключеніе письма рекомендую васъ ему, прошу дипломъ на баронское достоинство вручить вамъ для доставленія ко мнѣ.

О себѣ скажу вамъ, любезный Александръ Ивановичъ, что я съ женою приѣхалъ сюда; за большою дороговизною квартиръ принужденъ былъ нанять таковую на Васильевскомъ острову въ 9-й линіи, заключа на годъ контрактъ. Послѣ завтра представляется жена моя государынѣ императрицѣ.

Я между тѣмъ занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ плановъ къ кампаніямъ 1812 и 1813 годовъ.

Прошу васъ ходатайствовать по дѣлу моему и почаще беспокоить нѣмцевъ. Прощайте, будьте здоровы и веселитесь.

Искренно любить васъ вашъ покорнѣйшій слуга и другъ.

8.

А. А. Щербининъ — А. И. Михайловскому-Данилевскому.

12-го января 1815 г. С.-Петербургъ.

Продолжавшаяся болѣе 4 недѣль болѣзнь моя препятствовала мнѣ къ тебѣ писать. По сей причинѣ не отвѣчалъ я тебѣ на письмо твое отъ 13-го (25-го) декабря, полученное уже 10 дней тому назадъ.

Какъ пріятно мнѣ было, любезный другъ, видѣть изъ письма сего что добрые братья ложи «Желѣзнаго креста» вспоминаютъ обо мнѣ, который еще не участвовалъ въ истинныхъ работахъ братства. Я желалъ бы, чтобы сіи почтенные люди по крайней мѣрѣ были увѣрены, что я горю желаніемъ оправдать твое, любезный другъ, ручательство и ихъ довѣренность. Оковы, семейственною обязанностію наложенныя, мнѣ въ семь еще препятствуютъ. Но, благодаря Бога, я довелъ къ тому дѣла наши, что чрезъ восемь мѣсяцевъ мнѣ можно быть свободну.

Обстоятельства теперь требуютъ моего присутствія въ имѣніи моемъ. Николай Ивановичъ послалъ о томъ рапортъ къ князю, который, я надѣюсь, не откажется меня на нѣсколько мѣсяцевъ уволить отъ должности.

Душевно соболѣзную, что долгъ мой мнѣ велитъ отлучиться, — я лишаюсь опять случая съ тобою увидѣться и, опершись о тебя, взобраться нѣсколько выше по ступенямъ храма Великаго строителя міра.

Не знаю, когда судьбѣ угодно будетъ меня съ тобою свести...¹⁾ но вотъ мое намѣреніе. По приведеніи дѣлъ моихъ въ такое положеніе, что

¹⁾ Точка въ подлинникѣ.

они безпрепятственно и безъ меня продолжаться могутъ, то-есть мѣсяцевъ чрезъ восемь, оставляю я на время отечество и полечу просвѣжиться на вольномъ воздухѣ. Мнѣ сіе болѣе необходимо, нежели тебѣ, можетъ быть, по претерпѣнному мною во время войны, а послѣ того, во время устройства фамилльныхъ обстоятельствъ. Я полечу искать тебя, на вершинахъ ли Альпійскихъ, за фоліантами ли Геттингенскими, несмотря въ семь послѣднемъ случаѣ, на угрозы Панчулидзева, нынѣ возвратившагося изъ Саратова и меня увѣрявшаго, что отъ воздуха и пищи Геттингенскихъ дѣлались ему обмороки.

Смѣйся и надо мной, непросвѣщеннымъ, дерзающимъ вѣхать въ столь опасное мѣсто.

По справедливости удивляешься ты журналисту «Сына Отечества», вызывающаго Тарасова писать Исторію Отечественной войны. Чрезъ одного изъ братьевъ мои «Петра во Исти ну», гдѣ Гре чъ членомъ, просилъ я его предупредить, чтобъ онъ впредь не навязывался такимъ авторомъ. Если же увижусь съ Иваномъ Ивановичемъ, то надѣюсь уговорить его, чтобы вмѣстѣ со мною старался истребить экземпляры сего сочиненія.

9.

А. А. Щербининъ—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

19-го марта 1815 г. С. Бабаи, близъ Харькова.

Давно уже лишень удовольствія получать отъ тебя извѣстія, любезный, добрый другъ мой и братъ Александръ Ивановичъ!

Неизгладимо изъ памяти моей время, которое я дѣлилъ съ тобою. Оно доставляетъ мнѣ пріятнѣйшія воспоминанія. Могъ ли пройти нынѣшній день безъ воспоминанія о томъ знаменитомъ происшествіи, въ коемъ мы прошлаго года были участниками? Всю нынѣшнюю недѣлю воображеніе мое живо представляетъ мнѣ маршъ нашъ къ Парижу. И тутъ мысль моя обращается къ тебѣ, доброму товарищу моему. Помнишь ли, напримѣръ, тотъ вечеръ, когда, уставши послѣ Феръ-Шампенеузскаго сраженія, бросились мы на солому предъ огромнымъ каминномъ въ разоренномъ крестьянскомъ домѣ, когда строишь чай Игнашка, къ великому удивленію нашему, открылъ между разбитою посудю горшокъ прекрасныхъ сливокъ. Тогда я мечталъ о томъ, что по заключеніи мира я исполнить жажду: о свободной жизни въ Германіи, сей странѣ истиннаго просвѣщенія. Но мечты мои остались... мечтами. И здѣсь, въ Харьковѣ, есть университетъ. Но... о Боже! Таковая ученость ведетъ къ большому невѣжеству и варварству. Удаляясь отъ обществъ

провинціального нашего города, я живу въ деревнѣ моей спокойно, среди семейства нашего. Дѣла мои идутъ хорошо. Для утверженія порядка мнѣ здѣсь долго остаться должно. Ради Бога и масонства пиши мнѣ такъ часто, какъ только время тебѣ позволить. Если Николай Ивановичъ съ тобою, то скажи ему отъ меня братскій поклонъ.

10.

Князь П. М. Волконскій—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

5-го (17-го) октября 1815 г., м. Фрауенбергъ.

При семъ посылаю вамъ ключъ отъ ящика съ деньгами, рекомендую, вынувъ изъ онаго двѣсти лудировъ, перевернуть ихъ по 50-ти и прислать ко мнѣ съ симъ посланнымъ; ключъ можете оставить у себя.

Государь изволить выѣхать отсюда съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е) число въ ночь чрезъ Таборъ на Прагу. Поѣдетъ не останавливаясь нигдѣ до Петерсвальда; почему вы можете тотчасъ по полученіи сего отправиться впередъ въ Петерсвальдъ и по дорогѣ изготовите лошадей для его величества. Василию Романовичу (Марченко?) скажите, чтобъ ѣхалъ также тотчасъ въ Петерсвальдъ, оставя одного фельдъегеря съ полученными изъ Петербурга бумагами. Якову Васильевичу (Вилліе?) дожидаться насъ на первой почтѣ отъ Праги въ Бишовицѣ. Миллеру скажите, чтобъ оставилъ въ Бѣллишъ-бродѣ на почтѣ что-нибудь холоднаго и крѣпкаго бульона, чтобъ можно было сварить супу, а самъ бы ѣхалъ въ Петерсвальдъ и тамъ приготовилъ бы обѣдъ 9-го (21-го) числа.

На почтахъ отъ Праги прикажите, чтобъ вездѣ было приготовлено для государевой коляски по 6 лошадей съ исправнѣйшими почталіонами, также и для камердинерской коляски чтобъ были вездѣ почтовые лошади. Березовскому прикажите дожидаться насъ въ Прагѣ и ѣхать за нами, а Соломкѣ въ Бишовицѣ. Въ Прагѣ почтовыхъ лошадей выслать поутру рано 8-го (20-го) числа передъ городъ, дабы государь могъ проѣхать чрезъ городъ не останавливаясь.

Прилагаемое письмо къ графу Нессельроде отправить въ Берлинъ тотчасъ по пріѣздѣ вашему въ Петерсвальдъ, чрезъ фельдъегеря графа, которому приказать ѣхать далѣе для изготовленія лошадей, съ тѣмъ, что его величество изъ Петерсвальда выѣдетъ 22-го числа, пріѣдетъ 23-го числа ночевать въ Мюнхенбергъ, а 24-го выѣдетъ въ Берлинъ.

Налишите чрезъ графа къ камердинеру Ансимову, чтобъ онъ выѣхалъ въ Мюнхенбергъ поутру 23-го числа и изготовилъ бы тамъ квартиру для его величества.

Къ біографіи Н. А. Полевого.

Обширная переписка Николая Алексѣевича Полевого съ его братомъ Ксенофонтомъ, помѣщенная въ «Запискахъ» послѣдняго, автобіографія, напечатанная въ «Очеркахъ русской литературы», и отрывочныя воспоминанія, разсѣянныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ немногими сохранившимися письмами къ Полевому литераторовъ первой половины текущаго столѣтія, составляютъ тотъ матеріалъ, который находится въ распоряженіи біографа Н. А. Полевого. Къ числу необнародованныхъ еще документовъ, освѣщающихъ послѣдніе годы жизни Полевого и его личность, относятся печатающіяся ниже воспоминанія неизвѣстнаго, лично знавшаго Николая Алексѣевича. Они, очевидно, предназначались для печати, написаны писарскимъ почеркомъ довольно безграмотно, съ авторскими поправками. До 1836 года, когда авторъ познакомился съ Полевымъ, воспоминанія излагаютъ событія, уже извѣстныя изъ автобіографіи, приложенной къ «Очеркамъ русской литературы»; начиная съ 1836 г., идетъ оживленный и, на нашъ взглядъ, не лишенный интереса разсказъ лица, бывшаго свидѣтелемъ тяжкихъ моментовъ въ жизни Полевого и его не менѣе тяжелой кончины. По нѣкоторымъ соображеніямъ, можно думать, что неизвѣстный авторъ воспоминаній—морякъ, жившій въ Кронштадтѣ и находившійся въ лучшихъ отношеніяхъ съ Полевымъ.

За сообщеніе воспоминаній приносимъ искреннюю благодарность Петру Николаевичу Полевому.

Н. Козминъ.

Воспоминанія неизвѣстнаго.

Въ 1836 году посѣтивъ Москву, я познакомился съ Полевымъ; любя роскошь, даже привыкнуши къ ней, онъ, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ отказывать себѣ во всемъ ¹⁾. Н. А. былъ всегда привѣтливъ, но когда разговоръ принималъ серьезный оборотъ, лицо его вдругъ измѣнялось; принимаясь разсуждать, онъ обыкновенно проводилъ рукою по нижней части лица. Сужденія его были смѣлы, разговоры вдохновенны; касаясь до предметовъ, гдѣ воображеніе должно было помогать слушателю, онъ обыкновенно выражался отрывисто, сопровождая свои выраженія движеніемъ всего тѣла. Посреди своего многочисленнаго семейства Н. А. являлся всегда гордымъ, непреклоннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ и чувствительнымъ родителемъ. Онъ умѣлъ наэлектризовать всѣхъ его окружающихъ благородствомъ, руководившимъ всѣ его мысли и чувства. Кромѣ жены ²⁾, раздѣлявшей всѣ душевныя скорби мужа и его ужасное стѣсненное положеніе, почитавшей за счастье поддерживать и успокоивать человѣка, на котораго она смотрѣла, какъ на необыкновенное высшее существо, въ его семействѣ находилась молодая дѣвушка, его свояченица; все, что природа вмѣстѣ съ воспитаніемъ могла изобрѣсти прекраснаго, заключалось въ ней ³⁾. Н. А. любилъ ее, какъ свое созданіе, какъ друга; она отвѣчала ему самымъ нѣжнымъ участіемъ; и точно было что-то поразительное и трогательное въ сношеніяхъ человѣка, убитаго горемъ, обстоятельствами, и молодой красавицы, которая старалась своею улыбкою, своимъ нѣжнымъ вниманіемъ облегчать страданія. Невинность имѣетъ сильное и великое участіе въ нашихъ испытаніяхъ, и когда земля со своими ковами, нуждами преслѣдуетъ насъ, она говоритъ намъ о небѣ, о чемъ-то вышемъ, заставляетъ забывать всѣ переходныя страданія. Н. А.

¹⁾ Послѣ запрещенія издавать „Московскій Телеграфъ“ Н. А. Полевой находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, занималъ деньги у московскихъ ростовщиковъ и при отъѣздѣ въ Петербургъ (1837 г.) оставилъ своему брату Ксенофону „нѣсколько скучныхъ дѣлъ и заботъ“, состоящихъ въ „платежѣ долговъ по срочнымъ векселямъ, которыхъ скопилось въ это время довольно много“ (Записки Кс. Ал. Полевого, СПб. 1888 г. стр. 372, 378 и др.).

²⁾ Наталья Францовна Терренбергъ (о женитбѣ на ней Полевого см. „Записки“, стр. 80; письма къ ней помѣщены въ „Рус. Старинѣ“ 1870, т. I, 572—4). Ея положеніе бывало очень тягостное: она не разъ и впослѣдствіи закладывала въ ломбардѣ разныя вещи, чтобы облегчить всю тяжесть постигшей Николая Алексѣевича нужды (см. „Истор. Вѣстн.“, 1888, № 3, 4, дневникъ Н. А. за 2-е декабря 1838 г. и др.).

³⁾ Это была младшая сестра жены Николая Алексѣевича; миловидная, блѣлая, довольно мечтательная, она получила отъ зятя характерное прозвище „нѣмочки“.

вполнѣ цѣнилъ это участіе своей свояченицы, и когда нужно было представлять что-нибудь вдохновенное, то она являлась моделью его воображенію; такимъ образомъ въ счастливые годы изданія «Телеграфа», въ «Эммѣ, или блаженствѣ безумія», онъ изобразилъ ея портретъ ¹⁾.

Въ 1837 году Полевой переселился въ Петербургъ. Разъ утромъ, посѣтивъ его, я нашелъ на столѣ лежащую свояченицу. Ужасно было видѣть положеніе бѣднаго Н. А. Ко всѣмъ прискорбіямъ присоединилась потеря существа, которое любило его, какъ мы можемъ любить въ нашемъ воображеніи. Какъ мертвецъ, сидѣлъ Полевой; его лицо было изрыто морщинами, онъ былъ страшенъ, но по обыкновенію спокоенъ и привѣтливъ.

Въ сильномъ волненіи, но твердымъ голосомъ рассказывалъ онъ о послѣднихъ минутахъ покойницы, о ея благодарности за всѣ попеченія о ней, сиротѣ ²⁾. «Не на долго мы расстаемся»,—говорилъ Н. А. «много что лѣтъ на 8». Тогда былъ 36-ой годъ ³⁾, и сбылись его пророчества...

Но Полевой не могъ даже страдать, какъ страдаютъ всѣ, въ тишинѣ, отстраняясь отъ ежедневныхъ занятій, спокойно предаваясь печали; въ то время, какъ покойница лежала въ сосѣдней комнатѣ, онъ долженъ былъ заниматься срочными изданіями, держать корректуры, изготовлять статьи для выходящихъ журналовъ, отъ которыхъ требуютъ читатели развлечения. Но когда эти занятія кончались, и Н. А., наконецъ, могъ предаться или отдохновенію или употреблять свое время по своему произволу, онъ долго прислушивался къ надгробному чтенію въ сосѣд-

¹⁾ Въ упомянутой повѣсти, помѣщенной въ № 1—4 „Московского Телеграфа“ за 1834 г., излагается печальная судьба одной самоотверженной нѣмки Эммы, которая жертвовала собой для исцѣленія одного помѣшаннаго князя. Князь выздоровѣлъ благодаря ея уходу, но по непостоянству и легкомыслію слишкомъ холодно отвѣтилъ на чувство любви къ нему Эммы: послѣдняя не выдержала нравственныхъ потрясеній и умерла.

Полевой не разъ включалъ автобіографическія черты въ свои беллетристическія произведенія; такъ своего отца онъ изобразилъ въ послѣдней главѣ романа „Аббадона“ (см. Ив. Крыловъ: „Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ“ Н. А. Полевого, М. 1849, стр. 15).

²⁾ „За три дня она знала уже свою участь“, пишетъ Николай Алексѣевичъ брату Ксенофону: „и въ перемежку страданій призывала насъ къ себѣ, говорила съ нами о жизни за гробомъ, какъ о веселомъ гуляньи, говорила, что прежде ей хотѣлось жить; она любила меня, обожала, умерла почти на рукахъ моихъ, разговаривала еще минуты за двѣ до кончины, когда уже только въ груди ея оставалась живнь, а все остальное принадлежало могилѣ“ („Записки“, 388).

³⁾ Описка: годъ былъ 1837-й.

ней комнатѣ, взглянулъ на покойницу и написалъ романсъ Вероника изъ «Уголино».

О милый, изъ-за могилы
Прими мой голосъ, мой привѣтъ.
Есть жизнь за гробомъ, другъ мой милый,
И для сердцець разлуки нѣтъ ⁴⁾.

Вероника было имя, выбранное покойницею для драмы «Уголино», начатой при ея жизни и которую писалъ Н. А. въ то время, когда убитый горемъ отъ предстоящей потери, удерживая себя отъ жалобъ и отъ рыданій, онъ этимъ моральнымъ средствомъ поддерживалъ свой упадающій духъ и въ «Уголино» выразилъ свои страданія ⁵⁾.

Да! «Уголино» служило ему моральнымъ средствомъ облегченія. Литературные труды, несмотря (на то), что составляли единственное средство къ поддержкѣ огромнаго семейства, увлекали Н. А. со всею страстію; онъ, такъ сказать, зарабатывался. По необходимости принимая на себя форменные и срочныя занятія, онъ урывалъ для своего развлеченія время, чтобы писать драмы. Обыкновенно начиная заниматься съ 4 часовъ утра, онъ сидѣлъ до 3 час., потомъ обѣдалъ, отдыхалъ и снова садился въ 9 и оканчивалъ иногда за полночь. Но всѣ эти труды не могли нисколько обезпечить его положенія; три года, которые онъ долженъ былъ жить въ долгъ и платить огромные проценты, совершенно его разстроили ⁶⁾. Но, несмотря на все это, находясь въ столь стѣсненномъ положеніи, Н. А. получаетъ вексель изъ Сибири, данный его покойнымъ отцомъ за 25 лѣтъ и лишившіяся права на всякую уплату вексель, о которомъ онъ даже и не зналъ. «Да, это подпись отца», сказалъ покойникъ, «я узнаю ее. Долгъ отца—священный для меня долгъ». И онъ не только далъ обязательство уплатить, но въ то же время перевелъ этотъ вексель на свое имя, съ причетомъ огромной суммы. Но не смотря, что (sic) онъ доходилъ часто до ужасной крайности, никто изъ посѣщавшихъ его никогда не встрѣчалъ его унылымъ; онъ только скорбѣлъ, когда видѣлъ, что люди дѣлаютъ явныя подлости. Наконецъ, годъ тому назадъ Полевому объявили, что государь императоръ,

⁴⁾ Пѣснь Вероники, которая летитъ воздушной тѣнью и манитъ Нино (Ср. „Уголино“, драм. пред., СПб. 1838, стр. 185). Въ цитованный отрывокъ закралась двѣ неточности: въ первомъ стихѣ пропущено слово „другъ“ послѣ „милый“; во второмъ—вмѣсто „прими“ надо читать „узнай“.

⁵⁾ Въ „Уголино“ „отзовется немножко моя душа“,—говорилъ Полевой („Записки“, 391), заранѣе предугадывавшій кончину свояченицы (тамъ же, 387).

⁶⁾ Одно изъ писемъ Н. А. наполнено жалобами на ростовщиковъ, которыхъ онъ называлъ „стариками“: „Боже мой! на какую каторгу не согласился бы я, если бы только избавиться отъ этихъ мелкихъ змѣй, заботъ о хлѣбѣ и старикахъ, что столько лѣтъ отравляетъ жизнь, да и когда не отравляло“ („Записки“, 393; отъ 5-го ноября 1837 г.).

цѣня его литературныя заслуги и уважая ходатайство покойнаго Александра Николаевича Голицына, назначаетъ ему ежегодный пенсіонъ 1000 р. сереб. ¹⁾.

Эта милость монарха оживила упадающія силы Полевого; нужно было видѣть его радость, и въ первый разъ блеснула ему мысль: возможность покоя на старости лѣтъ. Онъ имѣлъ въ виду проработать еще три года, работать неутомимо, издавать журналъ, которому онъ даже хотѣлъ дать новый форматъ, и явиться снова на литературномъ поприщѣ тѣмъ же безпристрастнымъ судьей и потомъ, выплативъ долги, окончить изданіе «Русской исторіи», остановившейся точно также, по независящимъ отъ покойника обстоятельствамъ; окончить изданіе «Русской исторіи» онъ всегда почиталъ священнымъ долгомъ ²⁾. Первый день, въ который получилъ Полевой увѣдомленіе о пенсіонѣ, былъ точно свѣтлымъ днемъ посреди его мрачной жизни; и что же, вы думаете, онъ дѣлалъ? Полный высокиихъ чувствъ—онъ собралъ всѣ письма, въ которыхъ люди, часто ему обязанные, выражали себя съ черной стороны—велѣлъ затопить печку и бросилъ всѣ эти письма въ огонь, чтобы уничтожить и память о всѣхъ неприятностяхъ. Полевой былъ въ продолженіе всей жизни энтузіастъ до всего, что выходило изъ рамокъ всенедневной жизни; любя страстно искусство, музыку, онъ любилъ природу и вполне увлекался красотами міра; нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ онъ посѣщалъ на шлюпкѣ приводило его въ радость, какъ ребенка; дѣйствіе артиллеріи—дѣлало его серьезнымъ—важнымъ; а когда люди бѣжали по мачтамъ, рассыпались по реямъ и отдавали паруса, извлекали крики неподдѣльнаго восторга,—«Да!»—говорилъ онъ: «я вполне теперь понимаю слова Великаго Петра, который, смотря на маневры англійской эскадры, говорилъ, что если бы онъ не былъ русскій императоръ, то желалъ бы быть англійскимъ адмираломъ».

Пріѣзжая на нѣсколько часовъ на эскадру, онъ обыкновенно оставался ночевать на корабляхъ и, просидѣвъ въ кругу моряковъ до поздней ночи, онъ почти съ восхожденіемъ солнца являлся уже на палубѣ и бродилъ на ней нѣсколько часовъ сряду.

Теперь приступаю къ концу его жизни. За нѣсколько недѣль до своей

¹⁾ Объ исходатайствованіи Полевому пенсіи при посредствѣ князя А. Н. Голицына см. „Русскую Старину“ 1897 г., № 7, 103—107. Здѣсь между прочимъ говорится отъ лица неизвѣстнаго, сообщившаго Полевому о монаршей милости: „Полевой долго не вѣрилъ моимъ словамъ, побѣжалъ въ комнату къ женѣ и вышелъ съ нею, съ заплаканными глазами“.

²⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ „Исторіи русскаго народа“.

³⁾ Мѣсто, подающее поводъ къ заключенію, что авторъ записокъ—морской офицеръ, жившій въ Кронштадтѣ.

кончины, онъ почти былъ здоровъ, только жаловался на ужасную боль въ правой рукѣ, боль, еще сильнѣйшую тѣмъ, что онъ долженъ былъ заниматься, писать... Въ предпоследнемъ номерѣ его журнала ¹⁾, прочитавъ окончаніе жизни Вальтеръ-Скотта, когда онъ умеръ отъ истощенія, всѣ удивились, какимъ образомъ Англія могла допустить своего знаменитаго романиста до такой крайности, когда ея лорды истрачивали огромныя суммы на собакъ и на лошадей; когда часть этихъ денегъ могла бы обезпечить и продлить жизнь знаменитаго человѣка, для славы его родины. Эти слова глубоко запали мнѣ въ душу; въ тотъ вечеръ я отправился къ Н. А. По обыкновенію его семейство сидѣло, собравшись около чайнаго стола, на концѣ котораго возсѣдалъ онъ—глава, обложенный вышедшими въ тотъ день газетами. Его не было.... онъ не привѣтствовалъ своими радостными криками, не протягивалъ на встрѣчу рукъ, не отпуская нѣсколько частныхъ и низкихъ поклоновъ, не придвигалъ стула, не начиналъ, по обыкновенію понюхавъ табаку—свой дружескій разговоръ.

Мнѣ сказали, что онъ около недѣли лежитъ.... Черезъ нѣсколько времени я былъ введенъ въ кабинетъ его почтенною супругою. Грустно было видѣть его, изнеможеннаго, съ желтымъ, опавшимъ лицомъ, съ тяжелымъ дыханіемъ. Н. А. собралъ силы, началъ было говорить: «одинъ человѣкъ, который»... и не могъ договорить; прошептавъ что-то, онъ застоналъ. Нѣсколько дней еще думали, что послѣдуетъ кризисъ, даже выступалъ потъ на его лбу; но природа, изнеможенная страданіями, убитая горемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ тяжкихъ испытаній, противилась всѣмъ искусствамъ знаменитаго доктора Франка ²⁾, спасавшаго его жизнь нѣсколько разъ. Въ пятницу, 21-го февраля ³⁾ привѣтливо свѣтило солнце въ окна его квартиры, весенняя природа пробудилась отъ зимняго усыпленія; но въ то время, какъ въ природѣ все оживало, смерть уже стояла надъ изголовьемъ Н. А. Семейство молилось, просило облегченія страдальцу, но уже приговоръ смерти былъ рѣшенъ; въ послѣднія минуты, страдалецъ тихо стоналъ и охалъ, прислушиваясь съ погасающимъ вниманіемъ къ псалму Давида. Его послѣднее слово къ старшему сыну было: «возьми, вонъ тамъ, 150 руб; это проценты по векселю; извини меня, что по болѣзни не уплатилъ, и попроси отерочки». Потомъ, обратясь къ женѣ, взялъ ее за руку, крѣпко пожалъ и сказалъ: «Натанна, ты меня понимаешь».

Въ одиннадцать часовъ онъ скончался; было тихо въ комнатѣ, но никто не замѣтилъ его предсмертнаго вздоха.

¹⁾ Въ „Литер. Газетѣ“ 1846 г., были напечатаны „Записки В. Скотта“ (№ 2—5).

²⁾ О Франкѣ см. «Записки», стр. 578.

³⁾ 22-го февраля.

По завѣщанію, его положили въ гробъ въ халатѣ ¹⁾; семейство не одѣвалось въ трауръ, слѣдую словамъ отца, говорившаго, что трауръ не облегчаетъ и не выражаетъ душевной потери, и что онъ самъ послѣ смерти своего отца, хотя и скорбѣлъ душою, но, за неимѣніемъ денегъ, не могъ себѣ сшить траурнаго платья.

Въ заключеніе Н. А. завѣщалъ положить его въ простой некрашенный гробъ, на дроги, безъ украшеній и запряженныхъ парю лошадей, не нанимать факельщиковъ, не сыпать можжевелниковъ по дорогѣ ²⁾. Любя простоту, онъ хотѣлъ, чтобы со всею простотою похоронили. Страніемъ его высокопревосходительства адмирала Рикорда ³⁾, позволено было тѣло покойника отпѣть въ Никольскомъ соборѣ; вся церковь была полна народомъ, нѣсколько сотъ тѣснились въ оградѣ и на площади ⁴⁾. Въ то время, какъ нужно было закрывать гробъ, болѣе четверти часа толпился народъ, чтобы проститься или взглянуть на покойника. Когда вынесли гробъ изъ ограды, столько явилось желающихъ нести его, что общій голосъ рѣшилъ нести его до самой могилы ⁵⁾. Дорога по разнымъ улицамъ, на протяженіи четырехъ верстъ до Волкова кладбища, была почти непроходима; день былъ самый ненастный, но, несмотря на всѣ эти неудобства, гробъ несли люди всѣхъ званій и всѣхъ сословій; многіе приставали со стороны и, какъ бы отдавъ долгъ покойнику, возвращались къ своимъ занятіямъ; въ это время кругомъ громко, подлѣ самага гроба, разсуждали о его заслугахъ, приводили лучшія мѣста его сочиненій.

Невольно приходили на память похороны дѣдушки Крылова. Идя за богатою катафалкою, Н. А., любившій и всегда уважавшій Крылова, говорилъ: «какъ не позавидовать покойнику! Онъ всегда пользовался славою, богатствомъ, умеръ—и тысячи людей идутъ за его гробомъ». Тогда уже Полевой часто поговаривалъ о своей смерти и, можетъ быть, боялся, что умереть тѣмъ же неощеннымъ, какимъ жилъ въ

¹⁾ Князь П. А. Вяземскій пишетъ: «Я не подходилъ ко гробу; но мнѣ сказывали, что онъ лежалъ въ халатѣ и съ небритой бородою. Такова была его послѣдняя воля.» (П. соб. соч. IX, 210—211).

²⁾ Очевидецъ такъ описываетъ похороны: „Гробъ покоился на печальныхъ безъ верха дрогахъ, запряженныхъ парю исхудалыхъ одровъ, ребра которыхъ проглядывали сквозь дырявыя покрывала. Мальчижь-возница въ шляпѣ съ громаднѣйшими полями поминутно ихъ подстегивалъ.“ („Рус. Стар.“ 1895, № 8).

³⁾ Лицо, очень сочувствовавшее Полевому и высоко цѣнившее его литературныя заслуги. (Полн. соб. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, 213).

⁴⁾ „Когда гробъ внесли въ церковь, то даже ограда ея переполнилась.“ („Рус. Стар.“ 1895, № 8).

⁵⁾ „Народъ не далъ поставить гробъ на дроги и неслъ на рукахъ до Волкова кладбища“. Тамъ же.

послѣдніе годы своей жизни¹⁾). Но къ чести нашего времени, о похоронахъ Н. А. всегда съ уваженіемъ вспомнить будущее поколѣніе. Эти похороны были народныя нашему знаменитому литератору, который издалъ до 40 томовъ Телеграфа, 4 части повѣстей, 6 романовъ, до 16 разныхъ комедій, большую частію въ дѣйствиі, написанныхъ безъ всякаго возмездія, по просьбѣ нашихъ актеровъ, 8 частей «Русской Исторіи», «Исторію Суворова», 3 части неоконченной «Исторіи Наполеона», отличающейся особеннымъ взглядомъ, взглядомъ русскаго человѣка, «Столѣтіе Россіи», два года издавалъ «Сѣверную Пчелу» и «Сынъ Отечества», нѣсколько лѣтъ сотрудничалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» и разныхъ поврежденныхъ изданіяхъ, въ которыхъ принималъ болѣе или менѣе живое участіе²⁾).

¹⁾ Кончина Полевого вызвала различныя чувства среди лицъ, знавшихъ его: литературныхъ друзей и противниковъ. Князь Вяземскій, Погодинъ и Плетневъ -- враги Н. А. за послѣднее время, не могли отнестись къ его смерти вполне сочувственно, хотя и они на время сдержали свои враждебныя порывы. „Полевой заслуживаетъ участія и уваженія“, — пишетъ первый; „жаль все-таки“, — законично отмѣчаетъ въ дневникѣ второй; искреннее чувство недовольства собою за враждебное отношеніе къ покойнику видно въ письмѣ третьяго къ Я. К. Гроту отъ 27-го февраля 1846 г. (см. „Переписку“, т. II, 687). Иного характера извѣстная статья Вѣлинскаго, безпристрастно оцѣнившаго заслуги Полевого и оставившаго въ сторонѣ личныя чувства и литературныя распри.

²⁾ Перечень изданій и сочиненій Полевого не отличается точностью: напр., извѣстно, что одного Телеграфа онъ выпустилъ не до 40, а болѣе 50 томовъ.

Страничка изъ прошлаго (Маіоратъ).

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Въ 1853 году какъ-то лѣтомъ я гостилъ въ дер. Новополе у семейства бывшаго уѣзднаго предводителя, Ч—кина, которое меня всегда любило и къ которому, въ свою очередь, я былъ очень привязанъ.

Овдовѣвшая не задолго передъ тѣмъ А. Н. Ч—на осталась съ довольно многочисленнымъ семействомъ, а такъ какъ она была чрезвычайно гостепрѣимна и радушна, то у нихъ почти всегда собиралось большое общество. Дочки у нея были прехорошенькія, а одна изъ нихъ, Елизавета Николаевна, вышедшая замужъ за московскаго богача лейбъ-гусара, слыла даже красавицей чуть не на всю Россію и на этотъ разъ жила также у матери. Это привлекало къ нимъ въ домъ много поклонниковъ и вздыхателей; а въ этотъ прїѣздъ мой къ тому же еще праздновалось рожденіе четвертой дочери Екатерины Николаевны, которой исполнилось 16 лѣтъ ⁴⁾; гостей было болѣе обыкновеннаго, и въ числѣ ихъ были уже претенденты на руку ново-рожденной. Изъ нихъ особенно обращали мое вниманіе прїѣхавшій изъ Пензы ея кузень Ш., ожидавшій со дня на день камеръ-юнкерскаго званія, и другой, молодой помѣщикъ также изъ штатскихъ Б—евъ. Послѣдній прїѣхалъ изъ своего имѣнія за 100 верстъ на тройкѣ лихихъ коней съ серебряными бубенцами и привелъ съ собою пару верховыхъ лошадей, въ расчетѣ устроить кавалькаду и показать свою удаля наѣздника.

День этотъ съ утра благопріятствовалъ прогулкѣ, почему и устроилось

⁴⁾ Впослѣдствіи была замужемъ за сыномъ президента Швейцарской республики.

катанье, какъ на тройкѣ Б—ва, которой онъ самъ сначала правилъ, такъ и верхами. На обратномъ пути, желая объяснитьсь съ новорожденной, которая ѣхала сомной верхомъ, Б—въ предложилъ мнѣ помѣняться съ нимъ мѣстами. Я сѣлъ на козла, а онъ верхомъ, но, на его бѣду, лошадь моя была съ мундштукомъ, съ которымъ онъ ѣздитъ не привыкъ, и начала выдѣлывать такіе аллюры, что онъ не выдержалъ и слетѣлъ. Послѣ чего осѣдланная лошадь одна ускакала домой, а Б—въ, слегка прихрамывая съ разорваннымъ платьемъ на ногахъ, перебрался къ намъ въ линейку, гдѣ веселое общество потѣсnavшись усадило его съ собой.

Продолжать прогулку послѣ этого не представлялось удобнымъ, тѣмъ болѣе, что Б—въ жаловался на боль ноги, почему мы и вернулись домой, гдѣ на террасѣ насъ встрѣтила хозяйка дома съ дѣтьми и прелестная Елизавета Николаевна съ молодымъ вице-губернаторомъ, моимъ товарищемъ дѣтства, съ которымъ мы вмѣстѣ пріѣхали изъ города. Разспросамъ и сожалѣнію о случившемся не было конца, хотя на лицахъ мужчинъ не могла скрыться насмѣшливая мина на счетъ богатаго жениха-наѣздника.

Вскорѣ погода начала мѣняться, надвигались тучи и когда гости заняли мѣста за обѣденнымъ столомъ, раздался первый раскатъ грома. Хозяйка, боявшаяся грозы, поспѣшила уйти въ сосѣднюю комнату, гдѣ, по обыкновенію, въ этихъ случаяхъ окна всегда запирались ставнями и она, лежа на диванѣ, закрывала свою голову подушкой, а одна изъ дочерей, сидя около, старалась ее успокоить. Въ отсутствіи ея, оставшая за столомъ молодежь шутила на этотъ счетъ и особенно оба обожателя новорожденной, ея кузень и Б—въ, которые сидѣли съ новорожденной рядомъ. Кузень насмѣшливо увѣрялъ, что это Илья пророкъ упалъ съ лошади, а Б—въ, что на небѣ разыгрались въ кегли. Эти насмѣшки я считалъ неумѣстными и потому рассказалъ случай, котораго я былъ свидѣтель во время моей службы на Кавказѣ, гдѣ въ крѣпости Грозной, въ маленькомъ ресторанѣ, во время игры на бильярдѣ двоихъ офицеровъ, одинъ изъ нихъ также во время грозы вздумалъ поглумиться, сказавъ, что Илья пророкъ тоже катаетъ шары на бильярдѣ, но едва онъ успѣлъ это сказать, какъ въ тотъ же моментъ, на моихъ глазахъ, молнія убила его на мѣстѣ, и огненный шаръ, облетѣвъ залъ и расплавивъ металлическія заслонки, разрушилъ печь. Въ моментъ этого разказа раздался сильный ударъ грома и затѣмъ порывомъ вѣтра уронило, вставленную отъ комаровъ въ окно, большую сѣтку, которая упала на головы сидѣвшихъ ближе къ этому окну; это неожиданное обстоятельство, подѣ впечатлѣніемъ разказа, произвело сильный переполохъ. Когда же все успокоилось, то за столомъ не оказалось ни кузена, ни Б—ва: они оба очутились подѣ столомъ, откуда одинъ съ разбитыми очками вылѣзалъ на четверенькахъ, а другаго пришлось вытаски-

вать лакеямъ, потому что скатерть была завязана по угламъ, а Б—въ былъ порядочнаго роста и коренастый. Раздался гомерическій хохотъ. Этотъ казусъ нѣсколько охладилъ пылъ влюбленныхъ претендентовъ и въ продолженіе остальнаго дня былъ предметомъ множества пересудовъ на счетъ Б—ва, который считался однимъ изъ выгодныхъ жениховъ. Кумушки судачили, что у Б—ва ровно ничего нѣтъ, такъ какъ все имѣніе, обращенное его покойнымъ отцомъ въ маюратъ, принадлежитъ старшему брату и что онъ, второй, живетъ только средствами своей матери, которая ежегодно гоняетъ въ Петербургъ не одну тысячу индѣекъ, подковывая ихъ лапы налѣпленнымъ варомъ и слѣдя сама за ними на своихъ лошадахъ до столицы.

Прошло послѣ этого 18-ть лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Б—въ какъ бы канулъ въ воду, но затѣмъ впервые явился очень богатымъ человѣкомъ на одно изъ общественныхъ собраній; въ этотъ разъ его уже съ трудомъ можно было узнать: истый брюнетъ, онъ значительно посѣдѣлъ, его сизо-багровый приплюснутый носъ, мясистыя губы, нарумяненные щеки, при одутловатой фізіономіи производили непріятное впечатлѣніе, и несмотря на то, что ему было только 45-ть лѣтъ, походка его была ужасно странная—свои толстыя ноги онъ какъ-то съ трудомъ передвигалъ и руки мотались какъ параличныя; но это не мѣшало ему въ антрактахъ собранія кормить въ буфетѣ кого ему было нужно и угощать шампанскимъ, а подъ конецъ собранія получить видное положеніе.

Губернаторомъ въ это время у насъ былъ князь Г—нъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова. Держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, ограничивая знакомства для своей семьи только людьми почтенными, молодежь же совсѣмъ не имѣла доступа къ нему въ домъ, кромѣ какъ на даваемые имъ балы, изъ чего можно было заключить, что для своихъ красавицъ дочерей онъ не желалъ находить партіи въ провинціи. Б—въ, имѣя возможность изрѣдка бывать въ семействѣ губернатора, задался цѣлью обратить на себя вниманіе старшей дочери князя, любимицы своего дѣдушки, который въ это время занималъ по службѣ первенствующее мѣсто въ государствѣ; а такъ какъ княгиня была менѣе горда и притязательна, то Б—въ и вообразилъ, что ухаживанья его будутъ ненапрасны, и онъ началъ сравнительно часто посѣщать княжескую семью по вечерамъ, какъ *jeune première*, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Я былъ въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, часто исправляя должность предводителя губернскаго, сошелся съ семействомъ Г—ныхъ и, пользуясь дружескими отношеніями князя-губернатора, бывалъ тамъ почти каждый день, гдѣ нерѣдко меня ожидали къ роскошному обѣду, такъ какъ князь Г—нъ имѣлъ у себя лучшаго повара изъ Московскаго Англійскаго клуба и за столъ подавались всегда самыя дорогія вина.

Послѣ обѣда мы съ княземъ уходили въ его кабинетъ, гдѣ онъ

дѣлился со мной своими проектами, а княгиня съ пятью красавицами дочерьми по вечерамъ принимала на своей половинѣ дамское общество, среди котораго изрѣдка появлялось нѣсколько солидныхъ мужчинъ и между ними иногда Б—въ.

Онъ въ это время уже совсѣмъ основался въ губернскомъ городѣ, купилъ домъ, завелъ прекрасную оранжерею и хорошій выѣздъ, и, упорно стремясь достигъ намѣченной цѣли—жениться на красавицѣ-княжнѣ Г—ной, являлся даже къ ней съ букетами цвѣтовъ. Князь никогда въ это время не заходилъ на половину своей жены, оставаясь въ своемъ кабинетѣ, гдѣ принималъ также нѣкоторыхъ изъ мужчинъ, почему объ ухаживаньи Б—ва мы узнавали отъ княжеской семьи лишь послѣ развѣзда гостей.

Получивъ хорошее домашнее образованіе, ухаживатель зналъ иностранные языки и хорошо игралъ на фортепіано, но, несмотря на это, всегда упорно отказывался сѣсть за рояль, опасаясь обнаружить тщательно скрываемую имъ свою болѣзненную сонливость, которая являлась каждый разъ при игрѣ или чтеніи, при чемъ, послѣ этого, онъ подѣ разными предлогами всегда поспѣшно выходилъ въ переднюю и дѣлалъ себѣ подкожное впрыскиваніе морфіемъ. Болѣзнь разслабленнаго Б—ва была хорошо извѣстна обществу, и слухи о ней уже начали доходить до семейства Г—ныхъ, почему, чтобы удостовѣрить ихъ въ этомъ, я и предложилъ имъ устроить литературные вечера. И вотъ въ первый же такой вечеръ едва одна изъ княженъ начала читать, какъ раздался довольно громкій храпъ сидѣвшаго въ креслѣ Б—ва; всѣ засмѣялись, и чтеніе остановилось, тогда претендентъ открылъ глаза и, сконфузившись, началъ увѣрять дамское общество, что очень утомленъ дѣловыми занятіями, за которыми ему пришлось провести нѣсколько послѣднихъ ночей. Когда послѣ этого нѣкоторые изъ гостей предложили продолжать чтеніе, то хозяйка отклонила это, а Б—въ, считая меня виновникомъ своего смѣшнаго положенія, смущенный уѣхалъ домой. Но это однако не помѣшало ему послѣ одного изъ великолѣпныхъ баловъ у Г—ныхъ сдѣлать предложеніе княжнѣ. Какъ теперь помню этотъ балъ, во время котораго, нарумяненный и особенно приглашенный Б—въ танцевалъ *contre-danse* съ княжной Méri, которая съ улыбкой выслушивала его горячее признанье. Руки Б—ва въ этотъ разъ какъ-то еще болѣе болтались и большаго контраста между ними нельзя было и придумать,—то были Квазимодо и Эсмеральда. Балъ кончился, общество развѣхалось, но князь и княгиня, отправивъ дочерей на покой въ нижній этажъ дома, удержали меня и, передавъ о сдѣланномъ Б—ымъ предложеніи ихъ дочери, просили меня, какъ друга дома, высказать по этому поводу свое мнѣніе. Конечно, я не могъ сочувствовать этому неравному браку, о чемъ откровенно и высказался. Князь, обрадованный такой поддержкѣ съ моей стороны, объяснилъ, что былъ увѣренъ

въ этомъ отвѣтѣ, такъ какъ не можетъ предположить, чтобы его дочь могла соединить свою жизнь съ такой разбитой балалайкой, какъ Б—въ. Но княгиня, видимо недовольная нашимъ рѣзкимъ мнѣніемъ, торопливо простилась и ушла на свою половину. Вскорѣ затѣмъ Б—въ официально просилъ у князя руки его дочери и получилъ отказъ, послѣ котораго князь началъ наводить о немъ справки, такъ какъ стали ходить слухи о какой-то темной исторіи въ прошломъ Б—ва.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и съ наступленіемъ весны я уѣхалъ въ свое подгородное имѣніе, въ которомъ княжеская семья предполагала провести лѣто, но черезъ нѣсколько времени получилъ увѣдомленіе князя, что вслѣдствіе развивающейся его болѣзни онъ, для совѣта съ врачами, отправляется въ Петербургъ, почему и желалъ бы со мной проститься. Конечно, я послѣшилъ пріѣздомъ въ Саратовъ и засталъ княжескую семью уже на загородной губернаторской дачѣ. Княгиня, относившаяся ко мнѣ съ послѣдняго бала нѣсколько холодно, тутъ встрѣтила меня особенно радушно, и я услышалъ отъ князя удивительную исторію.

Справки князя о Б—въ привели къ неожиданнымъ результатамъ—оказалось, что старшій братъ его, владѣвшій маюратомъ, умеръ 20-тъ лѣтъ передъ этимъ неестественной смертью при довольно подозрительной обстановкѣ,—трупъ его былъ найденъ въ окрестностяхъ Пятигорска,—гдѣ онъ въ степи лежалъ съ прострѣленной грудью и выклеванными глазами, при чемъ слѣдъ крови показывалъ, что онъ, бывъ тяжело раненъ пулей, истекая кровью, проползъ нѣсколько сотъ сажень отъ опушки лѣса, и на трупѣ его сидѣла стая орловъ. Слѣдствіемъ въ свое время не могла быть выяснена причина этого ужаснаго случая, но держался упорный слухъ, что владѣлецъ маюрата, находясь въ Пятигорскѣ съ своимъ братомъ, поссорился за картами съ какимъ-то офицеромъ, послѣдствіемъ чего была дуэль безъ свидѣтелей и безъ доктора и что оба брата передъ этимъ происшествіемъ ѣздили куда-то за городъ безъ кучера съ какимъ-то военнымъ. Послѣ же этой исторіи Б—въ, уѣхавъ поспѣшно за границу, прожилъ тамъ безвыѣздно болѣе десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ дѣло это кануло въ воду, и Б—въ сдѣлался богатымъ владѣльцемъ имѣнія брата.

— Какой возмутительный случай,—сказалъ я князю,—и ужели Б—въ могъ бросить раненаго брата на произволъ судьбы?

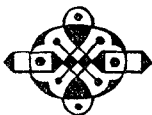
— Да,—отвѣтилъ князь,—и къ тому же, какъ мнѣ передано, рана брата будто бы была не смертельна, такъ какъ иначе онъ не могъ бы проползти такое большое разстояніе, и умеръ онъ, вѣроятно, обезсиленный отъ потери крови.

Затѣмъ, послѣ продолжительнаго нашего молчанія, я рѣшился спросить

князя, бываетъ ли у нихъ Б—въ, но князь мнѣ передалъ, что онъ уѣхалъ за границу.

Прошло года два, губернаторомъ у насъ, за смертью князя Г—на, было уже другое лицо. Б—въ, которому общество никогда не симпатизировало, оставилъ на всегда нашу губернію и, переселившись въ Петербургъ,—открылъ тамъ игорный домъ, въ которомъ и умеръ скоропостижно во время азартной игры за картами, оставивъ состояніе своей фавориткѣ, хорошенькой блондинкѣ, дочери бѣднаго чиновника, которую онъ взялъ къ себѣ въ домъ съ четырнадцати-лѣтняго возраста.

В. А. Шомпулевъ.

П о п р а в к и:

Въ № 2-мъ „Русской Старины“ на стр. 387, баронъ Е. Розень названъ декабристомъ, что невѣрно. Декабристомъ былъ Андрей Евгеніевичъ баронъ Розень, а Евгеній Ѳедоровичъ—писатель и составитель либрето для „Жизни за Царя“.

На стр. 396, письмо 5-е ошибочно напечатано 1821 г., слѣдуетъ 1822 г. На стр. 439 строка 17 сверху напечатано Л. Кюхельбекера, должно быть—М. Кюхельбекера.

На стр. 440, строка 7 снизу напечатано 16-го марта 1856 г., слѣдуетъ читать: 16-го марта 1853 года.

На стр. 443 строка 10 снизу напечатано Л. М. Нарышкина, должно быть—М. М. Нарышкина.

Въ настоящей книгѣ „Рус. Стар.“, на стр. 578, строка 1 вкралась опечатка. Напечатано: В. А. Кюхельбекеромъ, а слѣдуетъ В. К. Кюхельбекеромъ.

Изъ письма Ш. А. Шлетнева—И. И. Давыдову ¹⁾ объ ученыхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ во Франціи и Англіи.

17-го (29-го) октября 1856 г.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Я полагаю, что причина долгаго моего молчанія отчасти уже извѣстна вашему превосходительству. Заграничная поѣздка моя долго не могла привести меня къ той цѣли, для которой я принужденъ былъ оставить отечество и привычныя свои занятія....

Съ нѣкотораго времени здоровье жены моей начало замѣтно поправляться. Она менѣе страдаетъ отъ нервическаго разстройства и рѣже возвращаются къ ней припадки долговременной ея болѣзни. Хотя все это не даетъ еще полнаго убѣжденія, что зло будетъ искоренено, но я облегченъ нѣсколько отъ прежнихъ безпокойствъ, и ожиданіе мое рѣже возмущается. Въ такомъ состояніи я начинаю пользоваться свободными днями, чтобы хоть отчасти ознакомиться здѣсь съ предметами, для меня любопытными и занимательными. Прежде всего я вступилъ въ личныя сношенія съ нѣкоторыми членами института, заключающаго въ себѣ пять академій: французскаго языка и литературы, положительныхъ наукъ, нравственныхъ и политическихъ наукъ, древностей и надписей, и наконецъ изящныхъ искусствъ. Для меня полезнѣе всего было знакомство съ непремѣннымъ секретаремъ института Вильменемъ ²⁾, нѣкогда бывшимъ министромъ просвѣщенія, однимъ изъ свѣтилъ школы доктринеровъ, хотя молодое поколѣніе, ничего подобнаго не сдѣлавшее, и позволяетъ себѣ выходки и шуточки противъ этой школы. Вильменъ доставилъ мнѣ возможность пользоваться библіоте-

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, академикъ Императорской академіи наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности, впоследствии сенаторъ по 6-му департаменту. Въ 1856 г. былъ предсѣдательствующимъ въ русскомъ отдѣленіи академіи и директоромъ Педагогическаго института.

²⁾ Abel François Villemain (род. 1790 † 1870).

*

кой института. Онъ ввелъ меня въ два публичныхъ собранія: одно всѣхъ пяти академій, а другое—французскаго языка и литературы. Въ послѣднемъ онъ читалъ превосходный отчетъ свой по случаю наградъ конкурентовъ на заданныя академіей темы. Французскій институтъ, независимо отъ штатной суммы, распоряжается огромными капиталами, которые вѣрены суду его разными благотворительными завѣщателями. У насъ пока одинъ демидовскій конкурсъ, а у нихъ подобныхъ множество. Годичные отчеты у нихъ читаютъ по очереди кто-нибудь одинъ изъ ежегодно избираемыхъ предсѣдательствующихъ въ академіи. Мнѣ пришло на мысль, что не лучше ли бы у насъ было для дѣятельности и успѣховъ каждаго отдѣленія, если бы годичные отчеты составлялись независимо одинъ отъ другаго, печатались бы также всѣ отдѣльно, а для облегченія публики читался бы въ годичномъ собраніи только одинъ по очереди?

Во Франціи важную роль для народнаго просвѣщенія играютъ высшія гимназіи, лицеи и такъ называемыя Colleges. Для большей части юношества и для вольныхъ слушателей профессорскихъ лекцій тамъ оканчивается высшее образованіе. Оно приходится, такъ сказать, по росту всѣмъ, не назначающимъ себя собственно въ ученое сословіе. Сорбонна есть роскошь, доступная немногимъ избраннымъ и нѣкоторымъ дилетантамъ въ наукахъ. Оттого во Франціи конечно менѣе записныхъ ученыхъ, но болѣе образованныхъ людей, которые въ нуждахъ общежитія и гражданственности полезнѣе первыхъ. Оттого всѣ сословія Франціи какъ-то чудно уравнены въ своихъ сношеніяхъ, и трудясь для собственныхъ интересовъ, сильно поддерживаютъ пользу государства. Наши фалькутеты, сокупаемые въ одномъ университетѣ, здѣсь раздроблены по спеціальнымъ учрежденіямъ, какъ въ Петербургѣ медицинская академія и академія алексаидро-невская. Университетомъ же французы называютъ весь ученый корпусъ, т. е. людей, разсыпанныхъ по Франціи и служащихъ по ученой части въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія. Эти особенности конечно произошли отъ историческаго хода организаціи училищъ. Въ западной Европѣ не любятъ при новыхъ учрежденіяхъ ломать все старое. Оттого нѣтъ ничего общаго между учрежденіями, на примѣръ, Франціи, Англии и Германіи.

На дняхъ съѣздила я и въ Лондонъ, а оттуда въ Оксфордъ ¹⁾. Эта поездка дала мнѣ столько новыхъ идей, что и пересказать трудно. Не говорю о Лондонѣ. Это для русскаго новый міръ во всѣхъ отношеніяхъ. Мало провести тамъ годъ или два, чтобы сколько-нибудь озна-

¹⁾ Ср. письмо Плетнева къ Я. К. Гроту отъ 23 окт. 1856 г. (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. 3, с. 647).

комиться съ превосходными учрежденіями, относящимися единственно къ нашей ученой части. И все это устроено частными людьми, такъ называемыми компаніями; и все это ежедневно открыто каждому любознательному чловѣку безъ хлопотъ, безъ билетовъ, безъ формы: идешь, въ чемъ хочешь, не снимая шляпы, остаешься сколько угодно. Для зоологіи есть такое учрежденіе, которому подобнаго въ мірѣ не найдешь: все это собрано живое, начиная отъ бегемота до послѣдняго наськомаго, все размѣщено такъ, какъ требуетъ его натура, не въ какой-нибудь огромной одной залѣ, а на протяженіи безграничномъ, въ саду въ особо устроенныхъ домикахъ, пещерахъ и пр. и пр. Такъ-то здѣсь и все найдешь. Народъ безъ академіи и университетовъ вездѣ поучается, слушаетъ лучшихъ профессоровъ, о которыхъ правительство и не знаетъ, но которыхъ находить и содержать компанія.

Оксфордъ есть городъ, посвященный весь богословію, древнимъ языкамъ и прочимъ наукамъ. Вообразите 26 богатѣйшихъ монастырей съ великолѣпными зданіями, садами, парками и обходящими каждый монастырь особыми стѣнами. Это въ одномъ городѣ находящіяся 25 Colleges и въ центрѣ ихъ университетъ. Каждое учрежденіе содержится на завѣщанный ему богатѣйшій фондъ. Кромѣ воспитанниковъ, воспитателей и профессоровъ въ каждомъ есть особы *associés*, которые живутъ на иждивеніи College единственно какъ академики наши для совершенствованія науки. И что тамъ за строгость нравовъ, что за дисциплина, что за религіозность! По два раза въ день всѣ идутъ, каждое учрежденіе въ свою церковь. Вотъ гдѣ начало высоты и силы душъ въ Англіи!

Прощайте. Обнимаю васъ крѣпко и цѣлую ручку Вѣры Александровны ¹⁾. П. Плетневъ.

Сообщилъ В. Срезневскій.

¹⁾ Жена И. И. Давыдова.

Еъ характеристикѣ В. Н. Каразина.

*Письмо с.-петербургскаго митрополита—кіевскому митрополиту*¹⁾.

7-го марта 1804 года.

Почтеннѣйшій братъ и благодѣтель!

Подателя сего, господина коллежскаго совѣтника Василія Назаровича Каразина, прошу почтить вашимъ ласковымъ пріятіемъ. Вы найдете въ немъ умнаго, любоченаго и благочестиваго человѣка, особенно пекущагося о пользахъ Харьковскаго университета. Поруча и себя любви и молитвамъ вашимъ, съ моимъ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашего высокопреосвященства всеусердный богомолецъ и слуга
Амвросій митрополитъ кіевскій.

Письмо К. Н. Батюшкова—М. Ѳ. Орлову.

Петербургъ, 3-го ноября 1818 г.

Вручитель сего письма Иванъ Сутира, грекъ изъ Македоніи, извѣстный по своимъ несчастіямъ, отправляется отсюда въ отечество свое черезъ Кіевъ: осмѣливаюсь просить ваше превосходительство, не отказать ему въ помощи и принять его въ ваше особенное покровительство. Я мало знакомъ вамъ, милостивый государь, но васъ знаю; знаю, что вы всегда готовы подать руку помощи бѣдному, какой бы земли онъ ни былъ, знаю, что это доставляетъ вамъ случай совершить доброе дѣло.

Арзамасъ весь разсѣялся по лицу земному. Я самъ послѣ завтра ѣду въ Италію, но гдѣ бы мы ни были, сохранимъ въ памяти сердца и ума величественный Рейнъ²⁾, лучшее украшеніе общества нашего.

¹⁾ Осталось у меня, поелику долженъ бывши явиться въ С.-Петербургъ на должность, не успѣлъ быть въ Кіевѣ. Примѣч. В. Н. Каразина.

²⁾ Арзамасское прозвище М. Ѳ. Орлова.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Перев. В. В. Тимощукъ. . . 47—77, 325—357, 597—633
- II. Записки генерала В. И. Левенштерна. . . 103—128, 361—381, 647—672
- III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. . . 283—304, 521—558
- IV. Графъ М. Н. Муравьевъ и его отношенія къ евреямъ г. Вильны въ 1863—1864 гг. (Изъ записокъ раввина). О. Н. Штейнберга . 305—320
- V. Изъ записокъ стараго преображенца. 1852 г. князя Н. К. Имеретинскаго 557—577
- VI. Страничка изъ прошлаго (Маіоратъ). (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулева 733—738
-

Портреты.

- I. Портретъ В. И. Левенштерна и факсимиле А. Е. Измайлова. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 1-ой книгѣ).

II. Портретъ Д. П. Рунича. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 2-ой книгѣ).

III. Портретъ Протоіерея І. І. Базарова. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 3-ей книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Русскій философъ Д. М. Велланскій. Акад. К. С. Веселовскаго.	6—19
II. Взглядъ имп. Николая I на отпускъ государствен. средствъ на образованіе. Сообщ. проф. Дм. Цвѣтаевъ	20
III. Опека надъ произведеніями Пушкина. В. А. Бильбасова	21—25
IV. Записка вел. кн. Константина Павловича—ген-маіору Потапову о раскольникахъ и сумскихъ гусарахъ. 4-го января 1815 г.	26
V. Императоръ Николай I и восточный вопросъ (1828—1830 гг.) Н. К. Шильдера. 27—46, 263—281,	497—516
VI. Высочайшее повелѣніе министру финансовъ о невзысканіи съ гр. Милорадовича процентовъ и пени. 8-го іюля 1820 г..	78
VII. М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь (1832—1852 гг.) Проф. А. И. Кирпичникова.	79—96
VIII. Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (Матеріалы для его біографіи). Сообщ. Н. Д.	97—101
IX. Журналъ комитета министровъ о гербѣ генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. 16-го января 1817 г.	102
X. Малоизвѣстное изданіе на русскомъ языкѣ 1782 г. Привѣтствіе въ Пармѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Оеодоровны. Ив. Щукина	129—131
XI. Наводненіе въ Тобольскѣ въ 1784 г.	132
XII. Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг. Ив. Кубасова.	133—145, 451—469
XIII. Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной. Сообщ. С. В. Якимова	146
XIV. Поездка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 годахъ. М. Н. Галкина-Враскаго.	147—196

	стр.
XV. Изъ смутнаго времени. (Мало или вовсе неизвѣстные источники). П. Пирлинга . . .	197—208
XVI. Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. (Переписка его съ Ѳ. П. и А. А. Корниловыми). Сообщ. И. П. Корниловъ	209—216
XVII. Меттернихъ и его внѣшняя политика А. П. Рѣдкина	217—236, 409—435
XVIII. Судьба Феодосія, архіепископа новгородскаго. Н. И. Соловьева	237—243
XIX. Къ біографіи В. Н. Каразина. Собственноручное прошеніе статскаго совѣтника Василя Каразина въ Спб. цензуру. 29-го октября 1819 г.	244
XX. Изъ писемъ И. И. Терebeneва къ А. Х. Востокову. Сообщ. В. И. Срезневскій	245—256
XXI. Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу. В. А. Бильбасова	257—262
XXII. Письмо императора Павла ландъ-графу Гессенъ-Дармштадскому. 29-го октября 1799 г. Сообщ. протоіер. Алексѣй Мальцевъ	282
XXIII. Письмо Н. М. Рожалина — С. П. Шевыреву. Сообщ. проф. А. И. Кирпичниковъ	321—323
XXIV. Собственноручное письмо В. А. Жуковскаго — П. В. Хатову. 7-го января 1825 г. Собственноручная записка Н. М. Карамзина — П. В. Хатову. 24-го марта 1826 г.	324
XXV. Запрещеніе излишне угощать духовенство.	358
XXVI. «Гроту Лермонтова», стихотвор. И. В. Алексѣева. Сообщилъ Ю. Крестцовъ	359—360
XXVII. Новое о Юріи Крижаничѣ. П. Пирлинга	382
XXVIII. Изъ архива Ѳ. В. Булгарина. (Письма къ нему разныхъ лицъ)	383—408
XXIX. Справка о Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ	436
XXX. Изъ переписки декабристовъ. (Письма фонъ-деръ Бригена и Я. Казимірскаго—князю Е. П. Оболенскому). Сообщ. княгиня Мар. Гр. Оболенская	437—449
XXXI. Два рескрипта князю Салтыкову. 11-го іюня 1815 г.	450
XXXII. Избраніе В. Н. Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей россійской словесности	470
XXXIII. Наслѣдство бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора. Н. Е. Жаринова	471—492
XXXIV. Замятка о М. В. Бутаевичѣ-Петрашевскомъ. А. В. Семевской	493—494
XXXV. Приказъ военнаго министра о встрѣчѣ императора Александра въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ. 16-го марта 1809 г.	495—496
XXXVI. Какъ и чему учился царевичъ Алексѣй Петровичъ. Сообщ. М. К. Марченко	517—520

	стр.
XXXVII. Встрѣча А. С. Пушкина съ преступникомъ В. К. Кюхельбекеромъ. Рапортъ фельдъегеря Подгорнаго дежурному генералу Главнаго штаба. 28-го октября 1827 г.	578
XXVIII. Внутреннее положеніе Россіи въ 1855 г.	579—596
XXXIX. Письма великаго князя Константина Павловича—Федору Петровичу Опочинину о художникѣ Орловскомъ. 6-го февраля и 25-го іюня 1816 г.	634
XL. Мелкіе рассказы Михаила Максимовича Попова.	635—646
XLI. Императоръ Николай I и семейство декабриста Ив. Александровича Анненкова.	673—678
XLII. Причины преслѣдованія М. Л. Магницкаго, имъ самимъ описанныя	679—684
XLIII. Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и его письма. Сообщ. Ив. Кубасовъ	685—710
XLIV. Щелкаловы и Чепчуговы. Д. Ѳ. Кобеко.	711—716
XLV. Изъ переписки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго	717—724
XLVI. Къ біографіи Н. А. Полеваго. Н. К. Козмина.	725—732
XLVII. Изъ письма П. А. Плетнева—И. И. Давыдову объ ученыхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ во Франціи и Англии. Сообщ. В. И. Срезневскій.	739—741
XLVIII. Къ характеристикѣ В. Н. Каразина. Письмо спб. митрополита—киевскому митрополиту. 7-го марта 1804 г. Письмо К. Н. Батюшкова—М. Ѳ. Орлову. Спб. 3-го ноября 1818 г.	742
II. Систематическое оглавленіе сто пятаго тома	743—746

Библиографическій листокъ.

1. Труды Я. К. Грога. III. Очерки изъ исторіи русской литературы. (1848—1893). Біографіи, характеристики и критико-библиографическія замѣтки. Изданы подъ редакціею проф. К. Я. Грога. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ январской книги).
2. Открытіе Китая и другія статьи академика В. Д. Васильева. Съ портретомъ автора. Изданіе журнала „Вѣстникъ всемірной исторіи“. Спб. 1900 г.—Его же (тамъ же).
3. Общедоступная богословская бібліотека. Выпускъ пятый. Православная богословская энциклопедія или богословскій энциклопедическій словарь. Изданіе подъ редакціею проф. А. П. Лопухина. Томъ I. А.—Архелая. Съ иллюстраціями и картами. Петроградъ. Приложеніе къ духовному журналу „Странникъ“ за 1900 г.—Его же (тамъ же).
4. А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900 г.—Его же (тамъ же).
5. В. М. Грибовскій, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. „Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй“. Историко-юрдиче-

- ское изслѣдованіе (періодъ 28-го іюня 1762 г.—7-го ноября 1775 г.). Спб., 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ февральской книги).
6. Е го же. Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй. Спб. 1901 г.—Е го же (тамъ же).
 7. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12 томахъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томы I и II. Спб., 1900 г. Е го же (тамъ же).
 8. Письма и бумаги Суворова изъ „Суворовскаго Сборника“ Императорской публичной бібліотеки. Издавъ В. Алексѣевъ. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ мартовской книги).
 9. Д-ръ мед. М. Богдановъ-Березовскій. Положеніе глухонѣмыхъ въ Россіи. Съ обзоромъ современнаго состоянія вопроса о возстановленіи слуха у глухонѣмыхъ. Съ предисловіемъ проф. Императорской военно-медицинской академіи почетнаго лейбъ-отіатра Н. П. Симановскаго. Изданіе попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ. Спб., 1901 г. Е го же (тамъ же).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА

ВЪСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ
(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Первое въ Россіи, общедоступное, ежемѣсячное иллюстрированное историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точнѣ зрѣнія идеи прогресса.

Въ журналѣ участвуютъ: Н. П. Аксаковъ, В. А. Апушкинъ, К. И. Арабажинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. О. Боцяновскій, кн. Д. П. Голицынъ, (Муравлинъ), М. В. Головинскій, проф. А. Х. Гольмстенъ, М. В. Грибовскій, И. А. Гриневская, академикъ И. Н. Ждановъ, проф. О. Ф. Зѣлинскій, проф. И. И. Ивановъ, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. А. И. Киричичиковъ, Д. О. Кобеко, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Н. М. Коржуновъ, Иосябуми-Куроно (лек. японскаго языка, петерб. унив.), проф. Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, М. Н. Мазаевъ, А. А. Мионовъ, Д. Л. Мордовцевъ, И. С. Морозовъ, К. В. Назарьва, Ф. К. Неслуховскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. П. Панаевъ, пр.-доц. В. Н. Перетцъ, проф. С. О. Платоновъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. А. Рейснеръ, В. Я. Свѣтловъ, проф. Н. И. Стороженко, А. П. Субботинъ, А. Е. Суровцевъ, Л. Г. Сѣверскій, А. В. Тавастшерна (Сандръ), К. А. Теплово, проф. А. С. Трачевскій, П. А. Шафановъ, А. Ф. Шидловскій, Н. К. Шилдбергъ, проф. И. А. Шлякинъ, Н. К. Ядрышевъ, З. Ю. Яковлева, I. I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Особые отдѣлы посвящены: „На рубежѣ XIX вѣка“—изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего вѣка; „Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи народовъ Европы“—ближайшему историческому прошлому; „Страницы прошлаго“—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; „Изъ области археологій“—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области и „Литературная лѣтопись“—ежемѣсячн. обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ по исторіи Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и Греціи и по исторіи восточныхъ народовъ.

Истор. беллетрист. произведенія: Д. Л. Мордовцова, кн. Д. П. Голицына (Муравлина), В. М. Грибовскаго, В. Н. Никитина, В. П. Лебедева, К. А. Теплово—„Изувѣрка“, истор. повѣсть изъ древнерусской жизни, истор. романъ знаменитаго Гверадци—„Беатриче Ченчи“ и мн. др. съ декабря начнется печатаніемъ истор. романъ В. Я. Свѣтлова, подъ названіемъ „Венецѣйская Лагуна“, рисующій интересную картину сношеній древней Руси съ Западной Европой.

Въ приложеніи (съ особ. нум. стран.): „Библіотека избран. сочин. по исторіи народовъ Европы“—„Исторія финскаго народа“ по Шюберсону, въ излож. Н. К. Ядрышева и М. В. Головинскаго, и „Сборникъ иностр. истор. романовъ“—„Послѣдній аеинянинъ“, истор. романъ Рюдберга изъ вѣремѣв Юліана Отступника.

Первая книга за 1901 годъ вышла въ декабрѣ 1900 года.

Журналь выходитъ въ объемѣ 18—20 печатныхъ листовъ въ книжкѣ.

Новые годовые подписчики на журналь получаютъ въ безплатное приложеніе или истор. романъ В. Я. Свѣтлова „Даръ слезъ“ или „Исторію польскаго народа“ В. Смоленскаго или романъ „Торжество силы“ Пола Адамъ.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ дост. и перес. 6 р., на полгода 3 р. и за границу 9 р. Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Коптора и редакція На Милліонной ул., д. 34, С.-Петербургъ. Редакторъ-издатель С. СУХОНИНЪ.

Открыта подписка на 1901 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“.

(Двадцать третій годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. 6 руб.—коп.		На 6 мѣс. 3 руб.—коп.
» 11 » 5 » 50 »		» 5 » 2 » 50 »
» 10 » 5 » — »		» 4 » 2 » — »
» 9 » 4 » 50 »		» 3 » 1 » 50 »
» 8 » 4 » — »		» 2 » 1 » 10 »
» 7 » 3 » 50 »		» 1 » — » 60 »

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Большой Бердичевской улицѣ, въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 ч. утра до 6 ч. по полудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Кововицкій.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редація «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редація не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, гдѣ благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вѣрнѣе обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ДНЕВНИКИ

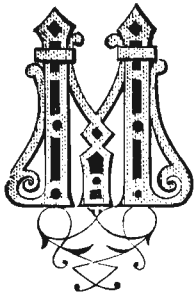
В. А. ЖУКОВСКАГО.

Съ примѣчаніями И. А. Бычкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1901.

жду бумагами В. А. Жуковского, пожертвованными его сыномъ Павломъ Васильевичемъ въ 1884 году въ Императорскую Публичную Библиотеку, находится нѣсколько дневниковъ нашего знаменитаго поэта, на важное значеніе которыхъ для его біографіи было обращено мною вниманіе въ составленномъ мною описаніи этихъ бумагъ ¹⁾.

Свой журналъ Жуковскій сталъ вести еще въ молодыхъ годахъ; до насъ дошелъ отрывокъ его журнала за 1804 годъ, когда поэту шелъ двадцать второй годъ, затѣмъ журналъ 1805 и 1806 года, веденный, впрочемъ, не ежедневно, а съ большими перерывами. За послѣдующія десять лѣтъ (1807—1816) въ бумагахъ Жуковского дневниковъ его, къ сожалѣнію, не сохранилось; но что они велись, по крайней мѣрѣ за нѣкоторые годы, это доказывается выпискою изъ журнала за 1810 годъ (отъ 22-го ноября), приведенною въ письмѣ Жуковского къ А. И. Тургеневу отъ 4-го декабря 1810 года ²⁾, а также напечатанными въ «Русской Старинѣ» 1883 года ³⁾ двумя выдержками изъ дневника Жуковского 1814 года. Начиная съ 1817 г. въ бумагахъ поэта, хранящихся въ Публичной Библиотекѣ, имѣется рядъ его дневниковъ, которые идутъ

¹⁾ Бумаги В. А. Жуковского, Спб. 1887, стр. 3 и 5.

²⁾ Письма В. А. Жуковского къ Александру Ивановичу Тургеневу, Москва. 1895, стр. 83—85.

³⁾ Томъ XXXVII, стр. 206—212 (выдержки изъ дневника отъ 22 и 25—26 февраля 1814 г.). Небольшая выдержка изъ того же дневника напечатана еще въ книгѣ Зейдлица „Жизнь и поэзія В. А. Жуковского“, Спб. 1883, стр. 56—58. Что дневникъ этотъ относится не къ 1813, а къ 1814 году, видно изъ сравненія его содержанія съ письмомъ Жуковского къ А. Ѳ. Воейкову отъ 20-го февраля 1814 года, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, сентябрь, стр. 21—27.

до сороковых годовъ. Но и въ этой, позднѣйшей, серіи дневниковъ есть пробѣлы за цѣлые годы ¹⁾.

«Жуковскій не лѣнивъ былъ сочинять, но писать былъ лѣнивъ. Работа, руководствіе писанія были ему въ тягость. Съ начала вель онъ дневникъ свой довольно охотно и горячо; но позднѣе этотъ трудъ потерялъ прелесть свою. Забѣтки его стали короче, а иногда и однословны», говоритъ князь П. А. Вяземскій ²⁾. Справедливость этого мнѣнія подтверждаетъ самъ Жуковскій ³⁾. Стоитъ также сравнить его журналъ изъ болѣе ранняго времени (1804—1806 гг.) съ дневниками позднѣйшими (съ 1817 года), чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться.

Печатая выдержки изъ дневника Жуковскаго за время пребыванія его въ Парижѣ въ маѣ и юнѣ 1827 года ⁴⁾, князь П. А. Вяземскій о характерѣ этого дневника говоритъ слѣдующее: «Дневникъ его (Жуковскаго) не систематическій и не подробный. Часто отмѣтки его просто колья, которые путешественникъ втыкаетъ въ землю, чтобы означить пройденный путь, если придется на него возвратиться, или заголовки, которые записываетъ онъ для памяти, чтобы послѣ на досугѣ развить и пополнить». Эта характеристика вполне примѣнима и къ сохранившимся въ бумагахъ Жуковскаго дневникамъ его съ 1817 г. Краткія, зачастую однословныя, замѣтки о томъ, что онъ дѣлалъ, гдѣ и у кого бывалъ, что онъ видѣлъ, съ кѣмъ встрѣчался, преобладаютъ въ этихъ дневникахъ; но иногда въ нихъ читаются и болѣе подробныя, художественныя описанія видѣннаго поэтомъ, даются живыя характеристики лицъ, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, выливаются краснорѣчивымъ языкомъ его задушевыя мысли, попадаются мѣткія сужденія ⁵⁾. Для біографіи Жуковскаго дневники его имѣютъ весьма важное значеніе, а потому они печатаются нынѣ на страницахъ «Русской Старины» въ полномъ видѣ. При этомъ я счелъ не безполезнымъ сопроводить ихъ нѣкоторыми, лишь самыми необходимыми, объяснительными примѣчаніями.

Иванъ Бычковъ.

¹⁾ Такъ не имѣется вовсе дневниковъ за слѣдующіе годы: 1823—1825, 1828, 1830 и 1834—1836 (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 3—17).

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1876 года, книга вторая, стр. 99; Полн. собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, Спб. 1882, стр. 481—482.

³⁾ См. Бумаги Жуковскаго, стр. 118.

⁴⁾ „Въ Русскомъ Архивѣ“ 1876 г., книга вторая, стр. 94—99. То же см. въ Полн. собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго. т. VII, стр. 470—489. Принадлежавшій кн. Вяземскому дневникъ пребыванія Жуковскаго въ Парижѣ въ маѣ и юнѣ 1827 года восполняетъ пробѣлы въ тетрадахъ дневника Жуковскаго за этотъ годъ, имѣющихся въ Императ. Публичной Библиотекѣ.

⁵⁾ Нѣсколько подобныхъ выдержекъ изъ дневниковъ Жуковскаго за 1817, 1818, 1820 и 1821 годы были мною напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1889 (августъ, стр. 356—371) и 1890 года (январь, стр. 291—298).

1804.

А. и Б.

30-е іюля. А. Нынѣшній день я провелъ весьма непріятно. Былъ недоволенъ собою, беспокоенъ, лишень бодрости.

Б. Отчего?

А. Не знаю, однако должна быть причина.

Б. Разумѣется! Если не видимая, то по крайней мѣрѣ скрытая. Можетъ быть, опытный глазъ могъ бы открыть ее и подать тебѣ помощь; но ты этого сдѣлать не можешь, потому что не привыкъ къ размышленію. Расскажи мнѣ порядокъ своего дня; можетъ быть, сколько-нибудь объяснится причина твоего неудовольствія на самого себя.

А. Я всталъ позже обыкновеннаго, въ исходѣ седьмага (нарушеніе порядка—первое впечатлѣніе, и конечно непріятное, при самомъ началѣ дня; однако, мнѣ кажется, оно не имѣло замѣтнаго впечатлѣнія на мое расположеніе). До десяти часовъ я пробылъ съ моими, пилъ кофе, говорилъ о постороннемъ, неинтересномъ; А. . . . просила меня, во время ея отсутствія, брать съ почты письма на ея имя отъ В. . . . М. . . . ¹⁾). Я отказался, опасаясь возбудить подозрѣніе самымъ стараніемъ не возбудить его. Это однакожъ имѣло больше непріятное на меня вліяніе: мнѣ было нѣсколько тяжело не сдѣлать удовольствія, хотя А. . . . сама согласилась на мои причины. Я не переводилъ, какъ обыкновенно; читалъ Сенъ-Ламберта ²⁾); голова моя была нѣсколько тяжела, я многое понималъ съ трудомъ, другаго не понималъ совсѣмъ; былъ невнимателенъ и досадовалъ на самого себя за это невниманіе, почиталъ себя неспособнымъ ни къ какому вниманію, и чтеніе мое отъ этого становилось часъ отъ часу непріятнѣе. Потомъ сдѣлалъ свой экстрактъ ³⁾). Во время чтенія завтракалъ; не знаю, не перемѣнило ли это нѣсколько моего расположенія; говорятъ, будто голова не такъ можетъ дѣйствовать во время пищеваренія... Послѣ обѣда тотчасъ взялся за книгу, не читалъ, а перебиралъ листы въ Сенъ-Ламбертѣ [*Cathéchisme univ.*] ⁴⁾,

¹⁾ Кого Жуковскій означилъ буквами А. и В. М., неизвѣстно.

²⁾ Saint-Lambert († 1803), французскій поэтъ и философъ.

³⁾ Изъ прочитаннаго.

⁴⁾ Сочиненіе Сенъ-Ламберта *Principes des moeurs chez toutes les nations ou Cathéchisme universel* вышло въ Парижѣ въ 1798 г.

въ Томпсонѣ¹⁾, въ Геснерѣ²⁾, въ Гервейѣ³⁾, въ Блумфильдѣ⁴⁾; потомъ, отбросивъ эти книги, взялъ въ руки Делилевъ переводъ Энеиды⁵⁾, прочелъ шестую пѣснь, безъ вниманія, безъ пріятности. Пришла матушка⁶⁾, говорила о строеніи⁷⁾, дѣлала расчеты не весьма нужные и давно ею сдѣланные. Во время чтенія я имѣлъ глупость обременить свой желудокъ непоспѣлыми яблоками, потомъ дынею, что произвело рѣзь въ животѣ. Немного спустя, постуцая нѣсколько времени машинально на фортопіаныхъ, я сѣлъ переводить; перевелъ три страницы изъ Дюкло⁸⁾ и не совсѣмъ дурно. Кончивъ переводъ, пошелъ гулять уже съ другимъ пріятнѣйшимъ расположеніемъ; вечеръ сумрачный, однако не ненастный, пріятно на меня дѣйствовалъ, голова моя была нѣсколько свѣжѣе и способнѣе къ размышленіямъ.

В. И ты не видишь причины своего неудовольствія на самого себя? Она однакожъ не совсѣмъ закрыта. Ты всталъ не въ обыкновенное время. Ты говорилъ въ то время, когда былъ съ своими, о постор(оннихъ) неинтер(есныхъ) вещахъ. Это, конечно, мало значить, но душа, будучи часто въ такихъ недѣятельныхъ состояніяхъ, въ какомъ твоя была въ это время, нечувствительно отъ нихъ грубѣетъ. Мнѣ кажется, можно бы было изъ всякой минуты выводить пользу, и ты могъ находить больше пріятности въ сихъ разговорахъ, если бы

¹⁾ Джэмсъ Томсонъ (Thomson) († 1748), англійскій поэтъ. Главное его произведеніе—Seasons (Времена года). Въ № 14 „Вѣстника Европы“ за 1808 г. Жуковский напечаталъ стихотвореніе „Гимнъ. (Подражаніе Томпсону)“ (въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго (изд. 9-е, т. I, стр. 114) печатается съ такимъ заглавіемъ: „Гимнъ. [Изъ поэмы Томпсона: «Времена года»]“).

²⁾ Соломонъ Геснеръ, извѣстный швейцарскій поэтъ († 1788).

³⁾ Джэмсъ Гервей (Hervey), англійскій богословъ и моралистъ (р. 1714 † 1758).

⁴⁾ Робертъ Блумфильдъ, англійскій поэтъ (р. 1766 † 1823).

⁵⁾ Энеида въ переводѣ знаменитаго французскаго поэта Жака Делиля (Delille, р. 1738 † 1813) вышла въ Парижѣ въ 1804 году.

⁶⁾ Мать В. А. Жуковскаго, Елизавета Дементьевна († 25 мая 1811).

⁷⁾ О постройкѣ дома въ Бѣлевѣ (ср. описанныя мною Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 4—5). Домъ свой въ Бѣлевѣ Жуковский началъ строить именно съ 1804 г. (см. „Русскій Архивъ“ 1871 г., ст. 0147) и къ концу 1805 г. уже въ немъ поселился (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, Спб. 1879, стр. 383—384).

⁸⁾ Charles Duclos (р. 1704 † 1772), французскій моралистъ, авторъ сочиненія *Considérations sur les moeurs*. Въ сохранившейся въ бумагахъ Жуковскаго „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты. 1805 года“ (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 156) поименовано (собр. бумагъ Жуковскаго, № 79, л. 1 об.), между прочимъ, это именно сочиненіе Дюкло („*Sur les moeurs par Duclos*“).

захотѣлъ принудить себя ко вниманію и дѣятельности; но ты лѣнивъ и многое упускаешь отъ нерадѣнія ¹⁾).

А. Какъ же приучить себя къ дѣятельности? Какъ сдѣлаться нелѣнвымъ?

Б. Объ этомъ будемъ имѣть особенный разговоръ. Кончимъ разсма-
триваніе дня твоего. Отказъ, сдѣланный тобою А. . . . , хотя имѣетъ основ(ательныя) причины, однако оставилъ нѣчто непріятное въ твоихъ мысляхъ. Ты сперва было согласился, но послѣ отказалъ, не сдѣлавъ никакого предварительнаго разсужденія. Ты не умѣешь еще разсуждать, не наблюдаешь постепенность въ своихъ мысляхъ, не знаешь выводить порядочныя заключенія. Привычка этому научить, но должно хватать время, или опоздаешь. Нынѣшній твой отказъ не есть слѣдствіе разсужденія. Ты сперва рѣшился и потомъ началъ думать, для чего: итакъ не можешь назвать своего поступка благоразумнымъ, потому что онъ не есть слѣдствіе благоразумія. Отчего ты читалъ безъ пріятности? Отъ невниманія и отъ напряженія понять читаемое, не обративъ на него всего вниманія. Сія неудача тебя огорчала, ты почиталъ себя непонятнымъ совершенно, и ошибался; ты былъ только въ эту минуту непонятенъ, потому что не имѣлъ вниманія и не былъ расположенъ ко вниманію: слѣдственно, всѣ непріятныя чувства твои произошли отъ неудачи. Итакъ, чтобъ быть веселымъ, надобно заниматься, но, чтобы занятіе было удачно, должно, чтобы оно было непринужденно; для этого надобно каждое занятіе согласовать со временемъ и расположеніемъ, не давая однакожь себѣ слишкомъ воли. Напримѣръ, лѣнь надобно превозмогать. Лѣнь сама по себѣ тяжела и непріятна; желалъ бы ничего не дѣлать, но мысль, что пренебрегаешь свою должность, мучитъ тебя; то ли дѣло, когда получишь право сказать самому себѣ: теперь могу успокоиться.

А. Итакъ, мнѣ надобно знать, чтò въ какое время и въ какомъ положеніи дѣлать. Если я нѣсколько разсѣянъ,—читать книги, просто занимательныя, романы, мелкихъ поэтовъ и тому подобное, или рисовать, или заниматься какою-нибудь машинальною работою; а въ хорошемъ расположеніи приняться за что-нибудь важнѣйшее. Лучше всего каждое утро, разсмотрѣвъ себя, положить, чтò дѣлать въ тотъ день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать однакожь, чтобы обыкновенная работа была всегда сдѣлана, отъ этого зависитъ расположеніе пріятное или непріятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для пріятности, а не поневолѣ.

Б. Твое принужденное чтеніе имѣло непріятное вліяніе на весь почти остатокъ дня. Въ этомъ положеніи ты хотѣлъ разбирать себя и

¹⁾ Затѣмъ сбоку написано: „Неудача; умѣренность“.

видѣлъ въ себѣ все съ дурной стороны, не замѣчая, что въ эту минуту глазъ твой былъ невѣренъ. Надобно бы(ть) совершенно хладнокровнымъ, чтобы судить о чемъ-нибудь безъ предубѣжденія въ дурную или хорошую сторону. Сужденіе твое о самомъ себѣ въ такія мрачныя минуты не должно быть для тебя огорчительнымъ: ты не можешь себѣ вѣрить, ибо ты несправедливъ или неспособенъ быть справедливымъ. Когда будешь спокоенъ, беззаботенъ и нѣсколько пріучишься мыслить, разбери себя; этотъ разборъ необходимъ для предохраненія твоего отъ многихъ ошибокъ въ жизни. Но теперь не время, ибо ты еще лѣнивъ мыслить и не знаешь методы размышленія.

А. Какъ же научить себя мыслить?

Б. Я думаю, чтеніемъ и стараніемъ не упускать ни одного способнаго случая къ размышленію. Ты долженъ побѣдить для этого свою лѣнь, которая мѣшаетъ тебѣ и мыслить, и дѣлать. Она, можетъ быть, есть одинъ изъ главныхъ пороковъ твоего характера. Она не допустить тебя до дурнаго, но также и до хорошаго, которое требуетъ дѣятельности. Лѣнь есть привычка души къ бездѣйствію. Какъ же ее уничтожить? Пріучить душу дѣйствовать, какъ можно чаще, не откладывая. Пріучаясь къ одному, она отвыкнетъ отъ другаго. Это будетъ великимъ шагомъ; сперва покажется труднымъ, мало по малу облегчится; сперва будешь чувствовать одну неприятность, потомъ меньше, меньше, и, наконецъ, всѣ неприятности исчезнутъ—останется дѣятельность. Только не теряй бодрости, и все далѣе.

5-е августа. А. Можетъ быть, въ декабрѣ поѣду въ Петербургъ съ И. П. Тургеневымъ¹⁾. Это путешествіе пріятно, потому что оно доставитъ мнѣ случай много видѣть такого, о чемъ не имѣю еще идеи; можетъ быть, узнаю нѣсколько больше общество; не бездѣлица видѣть одинъ изъ лучшихъ театровъ, слышать прекрасныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, посѣщать кабинеты картинъ, статуй и прочее; однимъ словомъ, съѣздивъ въ Петербургъ, запасусь, можетъ быть, многими идеями для своего уединенія.

Б. Но, чтобы съ пользою съѣздить въ Петербургъ, надобно быть для него готовымъ. Чтобы видѣть съ прямымъ удовольствіемъ кабинеты скульптуры и живописи, надобно знать что-нибудь о томъ и о другомъ, надобно имѣть понятіе о россійской исторіи, умѣть судить о театрѣ. Теперь ты ничего этого не имѣешь. Какъ же себѣ поможешь?

¹⁾ Съ Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ, отцомъ друзей Жуковскаго, Андрея, Александра и Сергѣя Ивановичей Тургеневыхъ, извѣстнымъ масономъ, съ конца 1797 по конецъ 1803 года занимавшимъ должность директора Московскаго университета. О поѣздѣ Жуковскаго въ Петербургъ въ 1804 году свѣдѣній не имѣется. Въ программѣ своей автобіографіи Жуковскій лишь упоминаетъ объ этой поѣздкѣ (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 5).

А. Если не могу получить всей пользы, то по крайней мѣрѣ получу одну часть ея: могу читать исторію на мѣстѣ, она больше впечатлѣется въ моей памяти. Читая трактаты о живописи, скульптурѣ и драматическомъ искусствѣ, буду имѣть случай повѣрять мысли, почерпнутыя мною изъ книгъ, впечатлѣніями, которыя буду имѣть въ кабинетахъ и театрѣ. И этой выгоды довольно.

Б. Хорошо. Но что ты сдѣлаешь, если представится тебѣ случай войти выгодно въ службу?

А. Объ этомъ надобно подумать хорошенько. Надобно рѣшиться; сдѣлать планъ своей жизни, планъ вѣрный и постоянный.

Б. Спроси у самого себя, чего ты желаешь въ жизни, чего будешь искать и что найти способенъ. Можетъ быть, это всегдашнее безпокойство, которое тебя волнуетъ, есть слѣдствіе твоей нерѣшимости: ты еще не знаешь, чего желать и къ чему стремиться, идешь не по дорогѣ, потому что еще не видишь дороги. Первое—что ты разумѣешь подъ словомъ: служить?

А. Разумѣю дѣйствовать для пользы отечества и своей собственной, такъ чтобы послѣдняя была не противна первой.

Б. Хорошо; но степени пользы, которую можешь дѣлать, служа, не одинаковы. Ты долженъ быть долго орудіемъ, исполнителемъ чужой воли, чтобы получить наконецъ свою волю дѣйствовать. Есть мѣста такія, въ которыхъ ты можешь совсѣмъ не дѣйствовать или, что все равно, дѣйствовать бесполезнымъ образомъ. Сія мѣста могутъ быть предметомъ твоихъ желаній развѣ только потому, что служатъ лѣстницею къ высшимъ и полезнѣйшимъ; но, чтобы возвыситься, ты долженъ имѣть покровителей или найти ихъ, чего совсѣмъ не умѣешь сдѣлать: для сего нужны гибкость, проворство, умъ, осторожность, прилежность, или необыкновенныя, замѣтныя достоинства. Все это не твое дѣло! Къ тому жъ, если счастье тебѣ и послужить, то на что тебѣ важное достоинство? Ты возьмешь на себя такую обязанность, которой, конечно, не будешь умѣть исполнить, не имѣя способностей публичнаго человѣка, способностей дѣйствовать на общество, быть полезнымъ въ большомъ кругѣ своею дѣятельностію, своими обширными видами, способностію обнимать множество частныхъ пользъ вмѣстѣ и составлять изъ нихъ общую пользу. Польза есть цѣль службы; кто неспособенъ къ ней достигнуть, тотъ не служи и выбери для себя кругъ тѣснѣйшій, цѣль ближайшую и вѣрнѣйшую. Служить для чина хорошо тому, кто видитъ въ чинѣ усовершенствованіе собственнаго бытія своего, кто безъ наружнаго величія малъ и низокъ, кто долженъ быть чѣмъ-нибудь передъ людьми, потому что ничто передъ собою. Большой чинъ связанъ съ большими обязанностями: ты не можешь исполнять ихъ въ совершенствѣ. Искать малаго чина есть трудъ совершенно бесполезный.

Служить для собственной выгоды—есть отдѣлять ее отъ общей, думать о корысти, а не о чести; къ тому жъ и для одной собственной выгоды надобно имѣть чинъ важный, мѣсто такое, съ которымъ бы соединялось великое вліяніе на общество.

Ж У Р Н А Л Ъ

1805.

13-го іюня¹⁾. § 1. Даже говоря правду, надобно быть нѣсколько скртымъ, то-есть надобно правдѣ, самой непріятной, давать такой образъ, которой бы не могъ отвратить отъ нея того человѣка, которому ее предлагаешь. Иначе она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ грубостію и жестокостію, которыми хвалились стоики, есть нѣкоторымъ образомъ не позволенное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь, и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдолюбія. Сверхъ того, никто не позволить себя учить: это противно самолюбію, слѣдовательно бесполезно, потому что недѣйствительно. Учи людей такимъ тономъ, какъ будто бы отъ нихъ самъ желаешь научиться. Заставь ихъ самихъ сказать то, что бы желалъ сказать имъ. Говорить правду другу другое дѣло.

§ 2. Главная обязанность человѣка есть быть честнымъ. Счастіе, наслажденія, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависятъ болѣе отъ темперамента и обстоятельствъ; честность зависитъ отъ него самого.

§ 3. Къ началу генваря или марта 1806-го годая долженъ вышлатить половину теперешняго своего долга и положить за правило болѣе не дѣлать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя получу отъ Антонскаго²⁾ для путешествія³⁾. Путешествовать 3

¹⁾ Въ 1805 г. Жуковскій жилъ частью въ с. Мпшенскомъ (имѣніи его покойнаго отца А. И. Бунина), въ трехъ верстахъ отъ г. Бѣлева, частью въ самомъ Бѣлевѣ.

²⁾ Профессора Московскаго университета Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, съ 1791 по 1824 годъ стоявшаго во главѣ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, въ которомъ получилъ свое воспитаніе Жуковскій.

³⁾ Отправиться въ заграничное путешествіе Жуковскій думалъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Мерзляковымъ и Н. И. Тургеневымъ. Годъ думалъ онъ пробыть

года, съ половины 1806 до половины 1809-го года. Возвратясь, начать выдавать журналъ; продолжать это изданіе четыре года, въ которые выплатить весь свой долгъ. Потомъ приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сдѣлала бы меня болѣе извѣстнымъ въ литературѣ. Если жъ не поѣду путешествовать, то къ концу 1806-го года расквитаться со всеѣмъ моимъ долгомъ; взять съ нач(ала) 1807-го года изданіе журнала¹⁾; выдавать его четыре года, нѣкоторую часть денегъ проживать, другую откладывать, а по окончаніи журнала, какъ сказано, приняться за что-нибудь важное и посвятить себя совершенно литературѣ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ изданія журнала могу скопить и отложить тысячи четыре (заплата и долгъ), которыя съ моимъ теперешнимъ капиталомъ составятъ 11 тысячъ; отдавъ ихъ въ Воспитательный домъ, буду получать 500 рублей годового дохода, вѣрнаго, чистаго, къ которому всякой годъ могу присоединять работою 500 рублей. Откладывая по тысячѣ на годъ, въ десять лѣтъ могу имѣть двадцатитысячный капиталъ, или вѣрный доходъ по тысячѣ рублей на годъ.

Вотъ мой планъ; сбудется ли онъ, не знаю. Съ моей стороны я долженъ употребить для его исполненія прилежность, постоянное терпѣніе, расчетливую бережливость и умѣренность въ образѣ жизни. Но въ продолженіе этого времени можетъ быть столько перемѣнъ! И какихъ перемѣнъ! Счастливыхъ ли, несчастливыхъ ли?—какъ знать! Но я не требую слишкомъ многаго. Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться. Желаю, чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное. Хочу имѣть нѣкоторыя удовольствія, возможные всякому человѣку, бѣдному и богатому, удовольствія отъ занятій, отъ умѣренной, но постоянной дѣятельности, наконецъ отъ спокойной, порядочной семейственной жизни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года въ путешествіи, въ свободѣ самой неограниченной, возвращусь домой, начну трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и—если бы далъ Богъ—общество вѣрнаго друга или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ. Иногда, въ по-

въ Гёттингенѣ, другой годъ въ Парижѣ, а третій годъ употребить на путешествіе по Европѣ (см. письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ второй половины августа 1805 года въ изданныхъ съ моими примѣчаніями въ приложеніи къ „Русскому Архиву“ 1895 года „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу“, стр. 4). Вмѣсто Гёттингена потомъ онъ думалъ учиться въ Іенскомъ университетѣ (тамъ же, стр. 20, письмо отъ 8-го января 1806). Мечты Жуковскаго о путешествіи не сбылись; какъ извѣстно, въ первый разъ онъ поѣхалъ за границу лишь въ 1820 году.

¹⁾ Издавать „Вѣстникъ Европы“ Жуковскій сталъ съ 1808 года; въ 1811 же году онъ отказался отъ редакторства этого журнала.

ложенное время, буду ѣздить въ Москву, если не переселюсь въ нее совершенно, для свиданія съ знакомыми или для дѣлъ своихъ и проч. Избави меня, Боже, отъ большихъ несчастій, и я не буду искать большаго счастья! Спокойная, невинная жизнь, занятія, для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренная привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній—вотъ все мои требованія отъ Провидѣнія!

§ 4. Каковъ я? Что во мнѣ хорошаго? Что худаго? Что сдѣлано обстоятельствами? Что природою? Что можно приобрѣсть и какъ? Что должно исправить и какъ? Чего не можно ни приобрѣсть, ни исправить (то-есть, есть ли что во мнѣ такое)? Какое счастье мнѣ возможно по моему характеру? Вотъ вопросы, на рѣшеніе которыхъ должно употребить нѣсколько (много) времени. Они будутъ рѣшаемы мало-по-мало, во все продолженіе моего журнала.

§ 5. 1 іюля 1805, въ вечеру. Я нынче въ какомъ-то пріятно-уныломъ расположеніи. Не думая ни о чемъ, задумчивъ. Мнѣ пріятно было смотрѣть на отдаленія, покрытыя вечернею тѣнью. Эта неясность и отдаленность всегда имѣетъ трогательное вліяніе на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвѣстную, но не совсѣмъ незнакомую. Какое-то тайное предчувствіе говоритъ о ней и обнаруживаетъ ее неясвенно за прозрачнымъ занавѣсомъ. Ничего не можетъ быть пріятнѣ этихъ трогательныхъ минутъ, когда сердце полно—чѣмъ? не знаешь! Все тогда дѣйствуетъ на тебя гораздо живѣе. Глядишь съ чувствомъ на небо; хотѣлъ бы всякую минуту броситься на колѣна! Любишь Бога, то-есть сильно Его чувствуешь. Въ минуту счастья и внутренняго наслажденія, которое одно можетъ назваться счастьемъ, находишь себя гораздо добрѣе, готовѣе на все прекрасное и необыкновенное. Вспоминаешь о прошедшемъ съ нѣкоторою сладкою меланхоліею. Жизнь представляется въ самомъ привлекательномъ видѣ, потому что сильно ее чувствуешь; все почти предметы пріятны, потому что наша чувствительность, въ ту минуту слишкомъ наполняющая сердце, на нихъ изливается и украшаетъ ихъ въ глазахъ нашихъ. Все измѣняется вмѣстѣ съ нами: все прекрасно, когда наша душа въ своемъ натуральномъ расположеніи, довольна и спокойна; все мрачно и непріятно, когда душа наша въ волненіи, въ борьбѣ съ собою, въ неудовольствіи. Счастье не иное что, какъ сіе тихое, ясное состояніе наше, продолженное на всю жизнь или по крайней мѣрѣ на большую часть жизни. Итакъ оное совершенно зависитъ отъ постороннихъ вещей, которыя, однако, не могутъ не имѣть на него вліяніе. Душа человѣческая сперва образуется вліяніемъ окружающихъ ее предметовъ, потомъ уже сама имѣетъ на нихъ вліяніе, то-есть, нѣсколько времени бываетъ страдательною, по-

томъ дѣлается дѣйствительною, получить постоянный, твердый образъ. Но и въ семь своемъ положеніи она остается въ зависимости отъ внѣшняго, хотя имѣеть уже свою силу и волю. Здоровье тѣла, достатокъ или недостатокъ въ необходимыхъ потребностяхъ и удовольствіяхъ жизни, пріятность или непріятность воздуха, обстоятельства попеременно дѣлають на нее впечатлѣнія: отъ нея только зависитъ принимать ихъ съ большею или меньшею чувствительностью, или, справедливѣе сказать, исправлять сіи впечатлѣнія.

§ 6. Іюля 4-го. Вчера и нынче я думалъ о своемъ характерѣ. Не знаю точно, какъ опредѣлить его. Я очень мало размышлялъ въ связи, и думаю, что еще долго порядочно размышлять не буду. Безъ размышленія себя не узнаешь; не познавъ себя, не исправишь своихъ недостатковъ. Буду замѣчать себя по частямъ, и потомъ изъ сихъ частныхъ замѣчаній сдѣлаю общее заключеніе.

§ 7. Безъ размышленія, кажется мнѣ, нельзя быть чувствительнымъ. Что такое чувствительный человѣкъ,—я говорю не горячій, не вспыльчивый, что иногда есть не иное что, какъ эгоизмъ, который все къ себѣ относитъ и всѣмъ, только къ нему близкимъ, трогается? Такой человѣкъ, который въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и случаяхъ очень быстро все объѣмлетъ, въ которомъ натуральное чувство служитъ вмѣсто размышленія, который видитъ результатъ вещи, не сдѣлавъ по формѣ разсужденія. Быстрота, ясность ума, которыхъ дѣйствіе однакъ противно дѣйствію простаго, методическаго размышленія, живѣе, сильнѣе, и прочнѣе. Впрочемъ, объ этомъ надобно подумать хорошенько.

§ 8. Іюля 9-го. Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась переменна въ разсужденія ея! Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? Оттого, что она ¹⁾ уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ бдльшемъ совершенствѣ! Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будетъ тогда, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ это себѣ представляю. Это чувство родилось вдругъ, отъ чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я имъ наполненъ, оно заставляетъ меня мечтать, воображать бу-

¹⁾ Здѣсь разумѣется племянница Жуковскаго, Марья Андреевна Протасова; ей въ это время было двѣнадцать лѣтъ (родилась въ 1793 году). Вотъ, съ какого времени зародилась въ Жуковскомъ его любовь къ М. А. Протасовой! Ея мать, Екатерина Аванасьевна Протасова (рожденная Бунина), овдовѣвъ въ 1805 г., поселилась, какъ извѣстно, въ Вѣлевѣ, и Жуковскій вызвался давать уроки ея дочерямъ (а своимъ племянницамъ), Марѣ и Александрѣ Андреевнамъ.

дущее съ нѣкоторымъ волненіемъ; если оно усилится, то сдѣлаеть меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастье заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера; мысль о томъ, что меня ожидаетъ дома, будетъ поддерживать и веселить меня во время моего путешествія. Я былъ бы съ нею счастливъ конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности. Но можетъ ли это быть? К. А. ¹⁾, если не ошибаюсь, дала мнѣ что-то предчувствовать ²⁾. Но родные? Можетъ быть, они этому будутъ противиться? Кто жъ родные? Одинъ В. ³⁾ и одна М. ⁴⁾! Неужли для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости К. А. ⁵⁾ пожертвуетъ моимъ и даже ея счастьемъ, потому что она конечно была бы со мною счастлива: моя первѣйшая цѣль есть наслажденіе семейственною жизнію; я бы нашелъ или сталъ бы искать средства ею наслаждаться; я бы не сталъ терять въ суетныхъ, ничтожныхъ исканіяхъ драгоценной жизни: литература была бы моимъ занятіемъ, любовь жены и любовь къ ней, самая нѣжная и спокойная, отдохновеніемъ; спокойствіе и счастье окружающаго меня счастьемъ, наградою. Родные меня конечно бы не отяготили; я бы сталъ жертвовать имъ малѣйшею частію своего времени, и то для разсѣянія. Я бы былъ счастливъ дома, съ моею женою, съ К. А. ⁶⁾, съ моими ближайшими: тогда бы дѣятельность моя увеличилась, я имѣлъ бы тѣсныя связи, я зналъ бы, что любимъ прямо и имѣю право на любовь сію, то-есть могу считать ее не милостію, но отвѣтомъ на мою любовь, послѣдствіемъ моей любви. Мнѣ кажется, что я ревнивъ; это есть слѣдствие подозрительности въ характерѣ, эгоизма, который все къ себѣ относитъ. Научившись любить жену для нея, не исключительно для себя, отучусь отъ ревности: любя жену, будешь любить и все ея удовольствія, слѣдовательно не ограничишь ее однимъ безпрестаннымъ къ себѣ вниманіемъ, дашь ей свободу, видя, что всегда и всему предпочтенъ ею. Все, что на минуту отвлекаетъ ея мысли отъ тебя, не есть ни холодность, ни измѣна, но простая, всемъ естественная, разсѣянность, простое желаніе всемъ пользоваться. Неужели всякую минуту можно занимать кого-нибудь собою? Итакъ должно одинъ разъ навсегда увѣриться, что любимъ искренно и передъ всемъ предпочтительно, и быть спокойнымъ. Удерживать жену принужденіемъ, когда не могъ привязать ее къ себѣ любовію, почитаю безумствомъ.

¹⁾ Т. е. Екатерина Аванасьева, мать Марьи Андреевны.

²⁾ Какъ показало время, Жуковский весьма ошибался относительно согласія Е. А. Протасовой на бракъ его съ ея дочерью.

³⁾ Вѣроятно, дядя М. А. Протасовой, Василій Ивановичъ Протасовъ.

⁴⁾ Вѣроятно, тетя М. А. Протасовой, Марья Ивановна Протасова.

⁵⁾ Екатерина Аванасьева.

⁶⁾ Т. е. съ Екатериною Аванасьевною.

Довѣренность, совершенная довѣренность и уваженіе къ своему другу, вотъ главныя подпоры супружескихъ связей: излишнія требованія ихъ ослабляютъ, потому что дѣлаютъ ихъ тягостными; они производятъ притворство или по крайней мѣрѣ принужденіе. Ревнивый любитъ только для себя; онъ хочетъ всякую минуту занимать собою, всякую минуту быть присутственнымъ, что не натурально и не можетъ не быть тягостнымъ, если сдѣлается принужденнымъ. Ревность причиняетъ то, чего боится. Какъ же отучить себя отъ ревности? Я разумѣю здѣсь неосновательную ревность. Та, которая имѣетъ причину и оправдывается поступками любимаго человѣка, есть натуральное слѣдствіе любви и неотвратима. Я говорю о той, которая происходитъ отъ безпокойнаго, подозрительнаго характера, который все увеличиваетъ или представляетъ въ черномъ видѣ. Думаю не инымъ чѣмъ отучить, какъ размышленіемъ, какъ искорененіемъ самымъ скорымъ всякаго безпокойнаго чувства при его рожденіи, какъ безпрестаннымъ увѣреніемъ себя въ любви милаго человѣка, не способнаго быть вѣроломнымъ, какъ безпрестаннымъ желаніемъ и стараніемъ сдѣлаться еще любезнѣе, довѣренностію и откровенностію. Упреки и укоризны отдаляютъ; присмотръ и подозрѣніе тягостны; требованія возбуждаютъ принужденность; безпокойство и мнительность бесполезны, когда нѣтъ зла, и конечно не отвратятъ его, когда оно должно быть. Люби, чтобы быть любимымъ, и будь совершенно спокоенъ, ибо ничто не отвратитъ несчастія, когда любовь его отвратитъ не въ состояніи. Итакъ самое лучшее средство противъ женской невѣрности есть любовь и желаніе нравиться. А лѣкарство отъ ревности есть увѣреніе, что она совершенно бесполезна и только что мучительна. Надобно быть только увѣреннымъ, что все сдѣлалъ для приобрѣтенія любви.

§ 9. Іюля 10-го. То, что я себѣ предназначаю въ жизни, кажется, можетъ назваться благоразумнымъ. Спокойную, но дѣятельную жизнь человѣка, упражняющагося въ наукахъ. Польза, какую бы я могъ принести службою, не можетъ сравниться съ тою пользою, какую принесу, если буду дѣятеленъ своимъ трудами по той части, которая ко мнѣ ближе. Одна часть моего времени должна быть посвящена собственному моему образованію, то-есть образованію моего ума, характера, безъ чего не буду совершенно счастливъ ни одинъ, ни въ своемъ семействѣ. Вдругъ это сдѣлаться не можетъ, но исподоволь, постепенно, какъ увѣряетъ Плутархъ: буду замѣчать за собою, это самое замѣчаніе будетъ нѣкоторымъ образомъ исправленія, потому что сдѣлаетъ внимательнымъ къ самому себѣ и слѣдственно осторожнымъ. Однимъ изъ лучшихъ слѣдствій моего вояжа должно быть преобразование моего характера: я буду совершенно свободенъ, слѣдовательно, буду имѣть больше возможности обращать на себя вниманіе. Не должно только отвращаться трудно-

стію, и хотя мало, но все подвигаться впередъ. Итакъ цѣль моей жизни должна быть дѣятельность, но такая дѣятельность, которая мнѣ возможна: дѣятельность въ литературѣ, или возможное извлеченіе пользы изъ авторскихъ моихъ талантовъ; дѣятельность въ образованіи моего характера; дѣятельность въ поддержаніи моего состоянія; дѣятельность въ составленіи счастья моего семейства, если его имѣть буду, и въ исполненіи общественныхъ условій.

§ 10. На сихъ дняхъ говорили за столомъ о какомъ-то человѣкѣ, который живетъ прекрасно. Что жъ называютъ прекрасною жизнію? То, что объ немъ всѣ говорятъ, что со всѣхъ сторонъ къ нему собираются, что всѣ любопытствуютъ видѣть, какъ онъ живетъ, и прочее! Этого довольно, чтобы увѣриться, что онъ живетъ не прекрасно или, справедливѣе, несчастливо. Требуется ли счастье свидѣтелей? Оно въ сердцѣ, въ тихомъ, спокойномъ наслажденіи самого себя, происходящемъ отъ порядка въ дѣлахъ, отъ невинности души, отъ занятій пріятныхъ и постоянныхъ, отъ способности быть съ самимъ собою или съ своими любезнѣйшими, что все равно. На что же тутъ свидѣтели, которымъ все это незнакомо, или которыхъ большей части незнакомо? Сверхъ того толпа, собирающаяся къ человѣку съ любопытнымъ желаніемъ видѣть, какъ онъ живетъ, есть безъ сомнѣнія толпа любопытныхъ, которыхъ скука или бездѣйствіе гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто, которые не знаютъ, какъ убить свое время, и похищаютъ его у другихъ, по большей части столь же разсѣянныхъ и не занятыхъ. Какъ могутъ они судить о счастьи и можно ли имъ вѣрить? Человѣкъ, истинно счастливый, такъ незамѣтенъ, что его не увидать глазъ любопытнаго, но празднаго человѣка, не знающаго цѣны тихаго, сердечнаго, единственнаго счастья. Побѣдить ли толпа удивляться счастью не блестящему, счастью, которое зависитъ не отъ наружности, но отъ причинъ постоянныхъ и невидимыхъ, отъ спокойствія, устройства семейственнаго, отъ мирной души? Все это не возбуждаетъ любопытства! Одинъ, два друга могутъ раздѣлить и видѣть это счастье, и сего довольно: многочисленная толпа его уничтожить, потому что нельзя дѣлить его со множествомъ, не измѣнивъ и не унизивъ.

§ 11. Читая всякую книгу, надобно обращать вниманіе на себя, все примѣнять къ себѣ. Говорить: способенъ ли я къ такой добродѣтели? имѣю ли такой порокъ? какъ пріобрѣсть первую? какъ уничтожить послѣдній? Всякое чтеніе должно имѣть цѣлю образованіе нашего характера, иногда одно удовольствіе. Но удовольствіе развѣ не есть польза? Я говорю благородное удовольствіе.

§ 12. Всякой моралистъ предлагаетъ читателю въ самомъ совершенномъ видѣ то, что служитъ основаніемъ собственныхъ его поступковъ. Ояъ открываетъ свою тайну, говоритъ: такъ я поступалъ и былъ счаст-

ливъ; послѣдуй мнѣ. Всякой моралистъ на словахъ есть лжець, лицемеръ, самолюбивый остроумецъ, желающій прельщать своею маскою. Будь добрымъ, научись или по крайней мѣрѣ желай тому слѣдовать, что хочешь предложить въ примѣръ обществу, и бери перо въ руки безъ зазрѣнія совѣсти. Надобно быть добродѣтельнымъ или желать быть, чтобы учить добродѣтели съ успѣхомъ.

§ 13. Что такое зависть? Несправедливость, самолюбіе, которое не терпитъ въ другихъ того, чего въ себѣ не находитъ, низость, желающая все унижить, чтобы сравнить съ собою. Какое отъ нея лѣкарство? Увѣреніе, что все прекрасное, даже въ самыхъ нашихъ непріятеляхъ, должно быть прекрасно для души благородной; что горестно не радоваться тѣмъ, что всѣхъ радуетъ; что скорѣе приближишься къ тому совершенству, которое тебя печаливаетъ, признавъ его и почувствовать, а не униживъ и, слѣдовательно, не обезобразивъ въ глазахъ своихъ. Всякое непріятное чувство зависти должно искоренять въ ту самую минуту, когда оно рождается, заглушивъ его, такъ сказать, мыслью о совершенствѣ и прелести того, чему завидуешь, и забвеніемъ своего собственнаго несовершенства, которое надлежитъ съ нимъ сравнивать въ увѣреніи, что къ нему возвысишься, въ твердой рѣшимости на это: словомъ, зависть должно преобразовать въ поревнованіе или, если поревнованіе не можетъ имѣть мѣста, въ искреннее пріятное удивленіе. Время все сдѣлаетъ!

§ 14. Какъ опредѣлить характеръ К...⁴⁾? Я его не знаю и не могъ знать. Будучи съ нимъ знакомъ до его женитьбы, я не старался узнавать его, вѣрилъ слухамъ о его свойствахъ, которые всѣ благопріятны и не опровержены никакимъ противорѣчіемъ; однако я не повѣрялъ сихъ слуховъ своимъ собственнымъ наблюденіемъ, слѣдствіе лѣности моего ума, который не пріученъ къ дѣйствию, хотя всегда чувствовалъ, будучи съ нимъ вмѣстѣ, нѣкоторую скуку и принужденность. Слѣдовательно, я никогда не былъ съ нимъ другомъ, ниже короткимъ пріателемъ, и это также есть слѣдствіе моей лѣности, которая препятствовала мнѣ входить въ разборъ его свойствъ, а заставляла полагаться, безъ розысканія, на мнѣніе объ немъ свѣта. Нельзя быть другомъ всякаго, впрочемъ достойнаго, человека. Дружба есть слѣдствіе особенной склонности душевной, сродства, если не во всѣхъ чувствахъ, то по крайней мѣрѣ въ образѣ чувствовать. Я не увѣрялъ его въ своей сер-

⁴⁾ Не разумѣется ли тутъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій († 1812), съ которымъ Жуковскій познакомился въ Москвѣ около 1803—1804 гг. (См. Зейдицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883, стр. 27) и который 16-го января 1805 года женился на племянницѣ Жуковскаго, Авдотѣ Петровнѣ Юшковой (см. статью К. Д. Кавелина объ А. П. Елагинѣ въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ 1877 года, № 68)?

д е ч н о й дружбѣ; говорилъ однакожъ, что его люблю; это и правда, но только отчасти, то-есть я люблю его такъ, какъ можно любить человѣка, прямо честнаго, благороднаго, не способнаго ни къ какой низости, но также не способнаго и къ дружбѣ, или по крайней мѣрѣ къ дружбѣ со мною. Его несходство со мною, наша съ нимъ принужденность, не-откровенность (въ которыхъ мы явно ни другъ другу, ниже самимъ себѣ,—по крайней мѣрѣ я,—не признавались), однимъ словомъ это не знаю что, неизъяснимое, но очень важное въ дружбѣ, тому препятствуютъ. Итакъ отказываюсь отъ его дружбы. Разсмотримъ, каковъ онъ самъ въ отношеніи къ другимъ, къ своей женѣ, потомъ положимъ постоянное правило, по которому должно съ нимъ обходиться, чего искать въ его знакомствѣ, каковъ онъ теперь со мною, и прочее. Объ этомъ послѣ.

§ 15. іюля 16. Можно сомнѣваться въ истинѣ религіи; этому многіе подвержены; я въ ней не утверждёнъ, потому что не знаю или, лучше сказать, не чувствовалъ: то, что я объ ней слышалъ, чему меня учили ребенкомъ, не есть религія, но пустыя слова безъ смысла и безъ дѣйствія. Религія требуетъ сердца. *J'ai pleuré et j'ai cru* ¹⁾, говоритъ Шатобрианъ, и иначе нельзя повѣрить, какъ въ слезахъ, въ восторгѣ. Умъ не твердъ, переменчивъ въ своихъ рѣшеніяхъ: что онъ положить нынче, то переменитъ завтра, потому что онъ ограниченъ, что ошибаться есть его натура. Кто любитъ своего друга, кто его чувствуетъ, тотъ въ немъ увѣренъ не размышленіемъ, а чувствомъ, которое дальновиднѣе и постояннѣе размышленія, потому что впечатлѣнія его сильны, неизгладимы: я не много люблю того человѣка, котораго добродѣтель долженъ доказать себѣ размышленіемъ; онъ не первый другъ моего сердца, не братъ мой, не первый любимецъ моей души. Такова вѣра. Въ ней твое счастье, подпора. Можно ли поручить ее непостоянству разсудка, который такъ холоденъ и медлителенъ? Почувствуй ея необходимость, ея спокойство, ея великость, ея счастье, и повѣришь, несмотря на недомѣвія разсудка. Я еще не имѣю и не могъ имѣть сей вѣры. Она есть слѣдствіе долгаго разсматриванія природы и самого себя и увѣреніе въ ничтожности твари, въ милосердіи Творца: я еще не старался приобрѣсть сего увѣренія и по сію пору былъ на другой дорогѣ. Что будетъ, я не знаю; но должно стараться сдѣлать себя счастливымъ: это есть законъ природы. А вѣра есть вѣрнѣйшее средство его исполнить. Кто бранитъ религію или обнаруживаетъ къ ней свое неуваженіе въ присутствіи людей, ее почитающихъ, дѣлаетъ то же, что человѣкъ, который въ присутствіи сына бранитъ его мать.

¹⁾ Т. е. Я плакалъ, и увѣровалъ.

§ 16. іюля 16. Нынче я былъ у барона ¹⁾. Что объ немъ надобно думать, это напишу послѣ: мои мысли еще не готовы; надобно сдѣлать больше замѣчаній по частямъ, потомъ сдѣлать какое-нибудь общее заключеніе. Съ нимъ пріятно быть, потому что онъ не оставляетъ ума въ бездѣйствіи, будучи самъ очень умнымъ человѣкомъ. Я не имѣлъ еще никогда съ нимъ этой сердечной, сладкой искренности, épanchement du coeur, но я съ нимъ довольно свободенъ, довольно живъ, потому что нахожу пріятность говорить съ нимъ, и говорю о такихъ предметахъ, которые заставляютъ меня больше думать, приводятъ мысли мои въ нѣкоторое напряженіе. Мнѣ кажется только (можетъ быть я ошибаюсь, и желаю, чтобы ошибался), что во всемъ томъ, что онъ говоритъ, напримѣръ, о добродѣтели, о религіи, о морали, заключается больше ума, нежели чувства; онъ доказываетъ умомъ, складными словами; но, слушая его, остаешься спокойнымъ, не тронутымъ въ сердцѣ, хотя занятымъ въ умѣ, ибо всѣ его мнѣнія или справедливы или показываютъ умъ; но они только мнѣнія, доказательства, не чувства; однимъ словомъ, въ его разговорахъ нѣтъ чего-то привлекательнаго: онъ ораторъ, который хорошія мысли предлагаетъ въ складныхъ, гармоническихъ фра-

¹⁾ У барона Ивана Петровича Черкасова, имѣніе котораго Володьково находилось въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ. Между напечатанными стихотвореніями Жуковскаго встрѣчается нѣсколько, посвященныхъ дѣтямъ барона И. П. Черкасова. Въ пожертвованныхъ Императорской Публичной Библиотекѣ П. В. Жуковскимъ бумагахъ его отца сохранился еще неизданный черновой набросокъ записки его въ стихахъ къ барону И. П. Черкасову; записка эта, относящаяся къ послѣдней четверти 1806 года (набросокъ ея писанъ вслѣдъ за Пѣсню барда надъ гробомъ падшихъ славянскихъ воиновъ, о чемъ см. Бумаги Жуковскаго, стр. 20 и 26), слѣдующаго содержанія:

Герой Володьковскій да знаетъ,
 Что завтра утромъ, ровно въ часъ,
 Къ себѣ любезность приглашаетъ
 Его на щи, на пловъ и квась;
 И съ нимъ сопутниковъ его:
 Пріятность, ловкость, простоту,
 Не колкос(т)ъ острыхъ словъ, за(б)авность выраженья,
 И въ образѣ жены любовь и красоту.

Предпоследніе два стиха сначала были написаны въ такой редакціи:

Прошу покорно, не забудьте
 Сопутниковъ своихъ: пріятность, простоту.

За послѣднимъ стихомъ записки были написаны еще два слѣдующіе, тоже потомъ зачеркнутые:

Все, все, чѣмъ наградилъ его Зевесъ обильно.
 Но можно-ль ихъ забыть? Они придутъ насильно.

*

захъ. Мы говорили о религіи, о Шатобріанѣ, котораго онъ называетъ великимъ (я еще не читалъ *Génie du christianisme*) ¹⁾. Дѣло дошло до метафизики. Онъ цитовалъ какого-то мистическаго автора, который въ нашей душѣ полагаетъ двѣ разныя стороны: одну чувственную, только принимающую впечатлѣнія чувствъ и имъ исключительно подверженную; другую умственную, разсуждающую, противящуюся усиліямъ души чувственной, а иногда (или очень часто) ей уступающую. Я напротивъ думаю, что душа есть то средоточіе, къ которому скопляются всѣ впечатлѣнія, черезъ тѣлесныя чувства получаемыя; что она объ нихъ судитъ, по нимъ дѣйствуетъ, по нимъ такъ или иначе заключаетъ. Это не значитъ, чтобы сама душа была матеріальная; это показываетъ только то, что она соединена тѣсно съ нашимъ тѣломъ, котораго всѣ впечатлѣнія до нея доходятъ и служатъ, такъ сказать, матеріалами ея умственныхъ зданій. Размышленіе есть слѣдствіе ощущенія: безъ него оно быть не можетъ такъ же точно, какъ строеніе безъ матеріаловъ. Но это еще не значитъ, чтобы способность размышлять была результатомъ чувственныхъ впечатлѣній; они только приводятъ ее въ дѣйствіе; безъ нихъ она бездѣйствительна. Способность мыслить есть даръ природы, есть душа, не тѣлесная, безсмертная; умъ есть сія способность образованная, приведенная въ совершенство тѣми многократными дѣйствіями, которыя въ ней были производимы впечатлѣніями чувства. Душа во всякомъ человѣкѣ должна быть одна, потому что она есть существо безтѣлесное, проистекающее отъ одного источника, отъ Бога, но ея образованіе (происходящее отъ различія организаціи тѣла, въ соразмѣрности съ которымъ она получаетъ и различныя впечатлѣнія, даже одни и тѣ же впечатлѣнія различно съ другими душами) не одинаково. Итакъ причины разнообразности умовъ должно искать въ разнообразности тѣлеснаго строенія, и главная должность человѣка есть управлять посредствомъ ума чувственными впечатлѣніями или даже преобразовать ихъ, и прочее и прочее.—У насъ теперь Марья Ивановна Протасова ²⁾. Какъ пріятно ее слушать; нѣтъ ничего особеннаго въ ея разговорѣ, но умъ все украшаетъ. Б—а ³⁾, которая у насъ была, казалась не на своемъ мѣстѣ, связанною. Надобно умѣть владѣть собою, привыкнуть къ этому, привыкнуть побѣждать всякое чувство зависти въ ту же минуту, въ которую оно родится, чтобы не быть несчастнымъ въ присутствіи тѣхъ людей, которые насъ выше, т. е. выше умомъ, достоинствами. М. И. была ей въ тягость. Она тотчасъ уѣхала. Несмотря на то, женщина,

¹⁾ Сочиненіе Шатобріана *Génie du christianisme ou les Beautés de la religion chrétienne* вышло первымъ изданіемъ въ 1802 году.

²⁾ Незамужняя сестра мужа Е. А. Протасовой, Андрея Ивановича Протасова.

³⁾ Не баронесса ли Черкасова?

кажется, почтенная, хотя не особенная. Говорили у барона ¹⁾ за столом о смиреніи, то есть о такомъ качествѣ человѣка, которое не допускаетъ его величаться своими достоинствами, а только относить ихъ къ Богу. Взглянувъ на картины, висѣвшія на стѣнѣ, на которыхъ написанъ домъ одного дяди баронова, знатнаго человѣка, я сказалъ, что баронъ не забываетъ старыхъ друзей своихъ: эти картины видѣли въ другомъ его домѣ, маленькомъ, тѣсномъ. Это слово заставило барона сказать нѣсколько фразъ въ похвалу своего смиренія; онъ, можетъ быть, вообразилъ, что я припишу его чванству это выставленіе картинъ, изображающихъ большіе дома большаго господина и его дяди. Онъ сказалъ, что не самъ желалъ имѣть ихъ на стѣнѣ своей, что получилъ, кажется, отъ тещи, что сохраняетъ изъ уваженія къ ней, и прочее и прочее. Всему этому вѣрю; но для чего это говорить, для чего бояться, чтобы меня не почли человѣкомъ тщеславнымъ и суетнымъ, когда я въ самомъ дѣлѣ ни тщеславенъ, ни суетенъ? Это опасеніе неприлично христіанину, показываетъ одно самолюбіе, безпокойное и робкое. Чтò ъзжуды христіанину до мнѣнія, особливо до мнѣнія молодаго человѣка? Какъ много неосновательности въ самыхъ умныхъ людяхъ.

§ 17. Іюля 17. Я смотрѣлъ на небо съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ: воображалъ безсмертіе! Какъ тотъ счастливъ, кто всегда имѣетъ передъ собою сію великую идею, кто нашелъ ее душою, въ комъ она запечатлѣлась неизгладимо! Сія увѣренность въ тѣнности земныхъ вещей не есть ли тайное, врожденное въ человѣка доказательство безсмертія? Кто жалѣетъ о мертвомъ, жалѣетъ объ одномъ себѣ: если бы онъ воображалъ своего потеряннаго друга жертвою ничтожности, онъ бы ужаснулся, и порадовался внутренно тому, что онъ еще живетъ и чувствуетъ. Но мы говоримъ о тѣхъ, кого мы лишились: я его не увижу! Не есть ли это въ отношенія къ себѣ, а не къ нему? Кто можетъ быть несчастливъ, вѣря безсмертію? Чтò онъ теряетъ въ жизни, которая сама ничто, которой потерю должно радоваться, потому что она приближаетъ насъ къ нашей великой цѣли! Какая судьба! Безсмертіе, вѣчное, радостное бытіе, котораго подобіе находимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ! Что жъ насъ сдѣлаетъ способными наслаждаться безсмертіемъ, какъ не сія привычка, здѣсь, въ этой жизни, къ мыслямъ, къ чувствамъ благороднымъ: они образуютъ душу, возвышаютъ ее и предають безсмертію въ новомъ, прелестномъ видѣ. Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мною слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвышаться! Я начинаю больше

¹⁾ У барона И. П. Черкасова.

мыслить, слѣдственно дѣлаюсь способнѣе къ своему усовершенствованію, способнѣе быть счастливымъ и здѣсь, и тамъ. Тамъ — какое слово, что подь нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все тамъ! О, великое Существо, великое Существо, назначившее человѣка быть бессмертнымъ!

§ 18. Іюля 17. Быть счастливымъ есть мыслить. Въ мысляхъ заключаются всѣ наши наслажденія. Они возвышаютъ, украшаютъ душу. Сколько путешествіе будетъ имѣть на меня вліяніе! Какъ мысли мои разовьются и распространятся!

§ 19. Іюля 21. Читаю теперь Гарве: О уединеніи и обществѣ¹⁾. Простой, ясной и пріятной слогъ; порядокъ въ предложеніи мыслей; справедливость мыслей, основанныхъ на опытѣ. Виденъ человѣкъ, который въ спокойномъ состояніи души, передъ концемъ жизни, говоритъ о томъ, что замѣтилъ во все время ея продолженія, говоритъ просто, безъ пристрастія. Гарве можетъ назваться настоящимъ практическимъ философомъ, то-есть такимъ, котораго философія можетъ быть легко примѣнена къ человѣческой жизни, потому что она основана на опытѣ, не есть умозрительная, произведенная однимъ умомъ, но есть слѣдствіе многихъ замѣчаній и многихъ опытовъ.—Уединеніе и общество могутъ дѣйствовать на образованіе ума, характера, наружности; бывають многихъ родовъ; имѣють вліяніе, большее или меньшее, на счастье человѣка: вотъ содержаніе книги, которую теперь читаю.—О дѣйстви общества на образованіе ума. Умъ образуется пріобрѣтеніемъ познаній и дѣятельностію. Предметъ познаній (главнѣйшій) есть человѣкъ; познавая другихъ, мы познаемъ самихъ себя больше или меньше. Наше вниманіе скорѣе обращается на людей, нежели на насъ самихъ. Мы, сравнивая ихъ достоинства и недостатки съ своими достоинствами и недостатками, обнаруживаемъ ихъ и объясняемъ. Мы должны выйти изъ самихъ себя, чтобы потомъ къ себѣ возвратиться и себя яснѣе увидѣть. Разнообразіе характеровъ возбуждаетъ наше вниманіе; разсматривая каждый особенно, мы находимъ во всѣхъ что-нибудь общее и въ каждомъ что-нибудь ему принадлежащее; эта привычка разсматривать, наблюдать и помѣщать каждый характеръ въ особенный классъ, къ которому онъ больше принадлежитъ, дѣлаетъ насъ способными скорѣе и справедливейше заключать о другихъ людяхъ. Въ уединеніи или въ тѣсномъ кругу

¹⁾ Сочиненіе нѣмецкаго философа Христіана Гарве (р. 1742 † 1798) „Ueber Gesellschaft und Einsamkeit“ вышло въ двухъ частяхъ въ Бреславлѣ въ 1797 и 1800 годахъ.—Въ бумагахъ Жуковскаго имѣется начало статьи „Общество и уединеніе“, писанной на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1804 г. и, по всему вѣроятію, относящейся къ 1805 году (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 49).

общественнаго обращенія не имѣя передъ глазами такого разнообразія, не видя примѣровъ ни отмѣнной добродѣтели, ни отмѣнной испорченности, мы чувствуемъ какое-то однообразіе, приобретаемъ какую-то лѣность духа, пустоту, недѣятельность и даже не обращаемъ вниманія на тѣ немногіе характеры, которые передъ нами и которые кажутся намъ знакомыми, потому что всегда были намъ видимы; напротивъ, множество отмѣнанныхъ характеровъ приводитъ умъ нашъ въ движеніе, и сія самая дѣятельность облегчаетъ наше наблюденіе за человѣческою натурою. Человѣкъ есть учитель человѣка; первыя познанія получаемъ мы изустно, и конечно изустное наставленіе можетъ почестъся самымъ дѣйствительнѣйшимъ. Что говорятъ, понимаешь лучше, нежели то, что написано: въ первомъ случаѣ голосъ, движенія руки, лица, всего тѣла передаютъ ясное понятіе о предметѣ; когда же читаешь, видишь передъ собою однѣ мертвыя буквы, знаки мыслей. Конечно, понятія, получаемыя въ разговорѣ, не такъ полны и подробны, какъ понятія, получаемыя изъ книгъ, но зато они ощутительнѣе, живѣе, короче: первыя требуютъ большаго напряженія ума, послѣднія какъ будто сами на души впечатлѣваются. Изъ книгъ нельзя узнать людей такъ ясно и подробно, какъ изъ обращенія съ ними. Особенность характера, образа мыслей человѣка производитъ особенность въ его разговорѣ и обхожденіи; замѣчая измѣненія лица его, движенія его тѣла, жесты и прочее, получишь яснѣйшее о немъ понятіе; все это должно исчезнуть въ книгѣ; для многихъ оттѣнковъ, почти незамѣтныхъ, нѣтъ словъ и выраженій. Читанное не такъ живо впечатлѣвается въ разумѣ, какъ видѣнное и испытанное. Въ обществѣ встрѣчаются люди, великіе умомъ и характеромъ; видя ихъ, обращаясь съ ними, привыкаешь къ чувствамъ высокимъ и благороднымъ: удивляясь добродѣтели, желаешь быть самъ добродѣтельнымъ. Видя передъ собою прекрасныя примѣры, хочешь имъ слѣдовать, наблюдаешь за тѣми, кто ихъ подаетъ, узнаешь средства, которыя они употребляютъ, сравниваешь себя съ ними, узнаешь по сравненію, рѣшаешься возвыситься, наконецъ, самъ возвышаешься. Будучи принужденъ говорить передъ людьми умными, краснорѣчивыми, пріучаешься выбирать свои выраженія, предлагаешь свои мысли яснѣе, пріятнѣе и больше ихъ обдумываешь. Сія осторожность приводитъ умъ въ большее напряженіе, а сіе частое, почти безпрестанное напряженіе сообщаетъ ему большую дѣятельность и наконецъ его расширяетъ. Въ обществѣ приобретаешь многія познанія. Въ обществѣ людей знатныхъ, генераловъ, министровъ и всѣхъ приближенныхъ къ дѣламъ государственнымъ получаешь вѣрнѣйшее понятіе о происшествіяхъ, о политикѣ настоящаго времени: многія подробности, которыхъ нѣтъ ни въ какихъ книгахъ, сообщаются изустнымъ преданіемъ; въ обществѣ частныхъ людей узнаешь семейственныя обстоятельства

многихъ домовъ, ихъ раздоры, причины ихъ счастья, несчастія, ихъ связи и прочее. Все сіе даетъ понятіе вообще о людяхъ. Общество дополняетъ многія позванія, которыя мы получаемъ въ тишинѣ кабинета. Иногда одно выраженіе оригинальное, остроумное свѣтскаго человѣка рѣшаетъ наше сомнѣніе въ томъ или другомъ предметѣ.—Что такое общественная жизнь и что уединенная? Общественная жизнь умнаго человѣка есть дѣятельное сообщеніе со многими людьми разнаго ума, характера, состоянія, званія. Много родовъ: семейство и друзья; большой свѣтъ и прочее. Въ первомъ мы существуемъ въ тѣсной связи съ его членами, бываемъ безпрестанно. Въ другомъ мы только играемъ извѣстную роль, бываемъ временно. Въ первомъ ищемъ счастья, во второмъ удовольствія. Въ первомъ мы являемся въ настоящемъ, натуральномъ своемъ видѣ; во второмъ соображаемся съ тою наружностію, съ которой другіе соображаются. Умный человѣкъ пользуется обществомъ, находитъ въ немъ удовольствіе потому, что можетъ въ немъ дѣйствовать умомъ, замѣчать людей, собирать сіи замѣчанія, которыя наконецъ составляютъ опытность. (Я говорю о такомъ обществѣ, въ которомъ имѣешь связь съ членами, его составляющими; толпа, люди всякаго званія, есть не иное что, какъ китайскія тѣни). Желаніе быть умнымъ и замѣтнымъ въ обществѣ побуждаетъ къ образованію ума, научаетъ выражать хорошо свои мысли и даже лучше мыслить. Однимъ словомъ, общество есть театръ, на которомъ наши способности умственныя и душевныя дѣйствуютъ. Уединеніе есть занятіе самимъ собою, обдумываніе того, что видѣлъ въ обществѣ, изученіе природы, занятіе какою-нибудь наукою.

§ 20. Теперь все буду говорить съ вами, *ma chère maman* ¹⁾; до этого мѣста мой журналъ былъ писанъ для меня одного, теперь буду писать его для себя и для васъ. Надѣюсь, что мысль имѣть васъ своимъ свидѣтелемъ не уменьшитъ моей искренности; я буду говорить о себѣ съ такою же откровенностію, съ какою бы говорилъ самому себѣ, и можетъ быть еще съ большею. Въ первомъ случаѣ я могъ бы сказать или написать неправду не нарочно; теперь буду осторожнѣе, буду чаще у себя спрашивать, точно ли это такъ, какъ ты сказываешь, не представляешь ли въ лучшемъ видѣ того, что въ самомъ дѣлѣ хуже; не обманываешься ли; не хочешь ли казаться лучшимъ передъ тѣмъ человекомъ, который долженъ тебя видѣть такимъ точно, каковъ ты есть?— Все это будете вы читать только тогда, когда меня не будетъ съ вами; если найдете въ моемъ журналѣ что-нибудь дурное обо мнѣ, то подумайте, что все это прошедшее, что я самъ это видѣлъ, что хочу это искоренить (если только можно). Подумайте, что я не желаю себя

¹⁾ Жуковскій называлъ Е. А. Протасову маменькою или тетенькою.

обманывать и казаться самому себѣ хорошимъ; что я не имѣю или не имѣлъ по сіе время такого человѣка, который бы взялъ на себя трудъ разобрать меня и сказать мнѣ: это въ тебѣ хорошо, усовершенствуй, это дурно, исправь. Несчастье, которому причины надобно искать въ моихъ обстоятельствахъ. Вы одни можете сказать, что любили меня прямо; но вы не могли принести мнѣ той пользы, которую принести способны. Чтò этому причина, не знаю, но увѣренъ, что не вы сами, а множество такихъ непримѣтныхъ обстоятельствъ, которыхъ почти нельзя опредѣлить словами, но которыя есть, потому что ихъ дѣйствіе очевидно. Въ этомъ журналѣ я буду стараться разсмотрѣть все, что имѣло въ прошедшемъ какое-нибудь вліяніе на образованіе моего моральнаго характера, и тѣ средства, которыми можно его усовершенствовать и исправить. Очень пріятно говорить съ вами; очень пріятно увѣрять себя въ любви человѣка, прямой, искренней, знать, что онъ оправдываетъ меня, когда я хорошо дѣлаю, извиняетъ, когда дурно дѣлаю, потому что ему извѣстнѣе всѣ мои свойства и причины моихъ поступковъ. Люди умѣютъ только осуждать по наружности то, что другіе дѣлаютъ, но для этого какъ много надобно знать такихъ вещей, которыя имѣютъ непобѣдимое вліяніе на ихъ поступки, но которыхъ знать невозможно! Тотъ же человѣкъ въ другихъ обстоятельствахъ былъ бы другимъ. Что жъ, если онъ былъ оставленъ съ одними своими силами на произволь судьбы и обстоятельствъ; если онъ посреди людей, привязанныхъ къ нему одною привычкою, а не любовью, былъ одинъ, зависѣлъ отъ одного себя, долженъ былъ самъ себя образовывать, не зная какъ и даже долго не думая объ этомъ, слѣдовательно, потерявъ самое лучшее время? Но объ этомъ я не одинъ разъ съ вами говорить буду. Этотъ человѣкъ—я! Что будетъ со мною впередъ, не знаю и знать этого не могу. Но должно себя приготовить ко всему. Главное дѣло человѣка: пріобрѣсть способность быть счастливымъ.

§ 20. Августа 24. Что мнѣ вамъ сказать? Желалъ бы все такъ точно сказать, какъ чувствую, но думаю, что умѣть не буду. Я ушелъ отъ васъ съ грустію и, признаюсь, съ досадою. Тяжело и несносно смотрѣть на то, что Машенька ¹⁾ безпрестанно плачетъ; и отъ кого же? Отъ васъ, своей матери! Вы ее любите, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но я не понимаю любви вашей, которая мучитъ и терзаетъ. Обыкновенно брань за бездѣлицу, потому что Машеньку, съ ея милымъ ангельскимъ нравомъ, нельзя бранить за что-нибудь важное. Но какая жъ брань? Самая тяжелая и чувствительная! Вы хотите ее отучить отъ слезъ; сперва отучитесь отъ брани, сперва пріучите себя говорить съ нею, какъ съ другомъ. Мнѣ

¹⁾ М. А. Протасова.

кажется, ничто не можетъ быть жестокае, какъ бить человѣка и велѣть ему не чувствовать боли. Ваша брань тѣмъ чувствительнѣе, что она заключается не въ грубыхъ, бранныхъ словахъ, а въ тонѣ голоса, въ выраженіи, въ минѣ; ребенка надобно увѣрить, что онъ сдѣлалъ дурно, заставить его пожелать исправить дурное, а не огорчать бранью, которая только что портитъ характеръ, потому что его раздражаетъ, а будучи частою, и дѣйствуютъ на здоровье. Можно ли говорить Машенькѣ: ты не хочешь сдѣлать мнѣ удовольствія, ты только дразнишь меня, тогда, когда она написала криво строку, и тогда, когда вы увѣрены, что для нея нѣтъ ничего свѣтѣе вашего удовольствія? Что вы дѣлаете въ этомъ случаѣ? Возбуждаете въ ребенкѣ ропотъ противъ несправедливости и лишаете его надежды угодить вамъ, слѣдовательно, дѣлаете робкимъ, а ничто такъ не убиваетъ характера, какъ робость, которая отнимаетъ у него свободу усовершенствоваться и образоваться, потому что не даетъ ему дѣйствовать или обнаруживаться. Объ этомъ буду говорить еще; напишу къ вамъ особенно. Я не умѣю говорить языкомъ о томъ, что чувствую сильно. Вы опытомъ это извѣдали. Прочту нѣсколько книгъ о воспитаніи; сравню то, что въ нихъ предписано, съ тѣмъ, что вы дѣлали, воспитывая дѣтей, и предложу вамъ свое мнѣніе о томъ, что осталось дѣлать.

§ 21. Августа 26. Съ двадцать-шестого августа по десятое ноября я не принимался за свой журналъ, почти ни о чемъ не думалъ, переводилъ нѣсколько времени, а все прочее время прошло не знаю какъ; мнѣ кажется, въ совершенномъ бездѣйствіи; иногда мнѣ было весело, иногда скучно. Главная причина, отъ которой я душевно надолго разстроивался, заключается въ неудачѣ моихъ работъ, которыя не могутъ быть отъчасти пріятны, потому что принужденныя. Теперь я въ очень дурномъ расположеніи; голова тяжела; въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; всѣ мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образованнѣе и умнѣе, и характеръ. Одиночество, совершенной недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять въ исканіи всего хорошаго, совершенное безсиліе души, ненадѣянность на самого себя—вотъ, что меня теперь мучитъ. Я одинъ; въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ недостаетъ ободренія. Всѣ мои теперешнія работы кажутся мнѣ цѣпью, которою я къ одному мѣсту прикованъ. Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю никакой матеріи для мыслей; переводы не всякой день идутъ удачно, отъ этого и разстройка моя дѣлается болѣею, и все другое становится такъ же

неудачнымъ. Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить: такія минуты очень похожи на ничтожество и еще хуже ничтожества, потому что чувствуешь непріятное. Самое добро, самое желаніе быть добрымъ не имѣетъ въ эту минуту ничего для меня привлекательнаго. Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ, потому что не могу ни о чемъ порядочно думать и не имѣю еще этой привычки; съ тѣми, кто вокругъ меня, я не связанъ (что этому причиною, не знаю, но долженъ узнать), слѣдовательно, не пріятно занять; самое общество матушки, по несчастію, не можетъ меня дѣлать счастливымъ: я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучить, и мнѣ кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я не былъ счастливъ въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ. Надобно пріобрѣсть способность быть счастливымъ, а я едва-ли не пропустилъ время. Какъ прошла моя молодость? Я былъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что-нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними вырощенъ, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкалъ отдѣлять себя ото всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостію. Я не былъ оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголь, но не былъ любимъ никѣмъ, не чувствовалъ ничьей любви ¹⁾; слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности; мнѣ сказывали, что надобно быть благодарнымъ, и я вѣрилъ или, лучше сказать, повторялъ самому себѣ чужія слова. Это сдѣлало меня холоднымъ. Человѣкъ, который, будучи съ людьми, былъ однакожъ одинъ, будетъ холоднѣе того человека, который совсѣмъ былъ бы оставленъ, потому что послѣдній будетъ чувствовать нужду въ любви и будетъ искать ее, а первый, будучи на свой счетъ обезпеченъ и спокоенъ и долго не имѣя нужды ни въ чемъ, кромѣ ѣды, жилища и одежды, останется нечувствительнымъ въ душѣ своей, которая не научилась ни къ кому привязываться и которая теряетъ чувствительность, если не приводитъ ее часто въ движеніе. Умъ его также останется въ неразвитіи, потому что чувства заставляютъ дѣйствовать умъ, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ. Кто отдѣленъ отъ людей, тотъ не имѣетъ предмета для размышленія, потому что одни только наши отношенія къ людямъ служатъ началомъ нашихъ умство-

¹⁾ То же читаемъ мы и въ отрывкѣ изъ дневника Жуковскаго за 1814 годъ, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ 1883 года (т. 37-й, стр. 210); см. также Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883, стр. 56—57.

ваній; потому уже онъ обращается на другіе предметы. Характеръ его дѣлается робкимъ, нерѣшительнымъ, медленнымъ, лѣнливымъ, потому что и характеръ образуется дѣятельностію. Каковъ я теперь, отъ чего таковъ; каковы мои связи и что я долженъ быть въ отношеніи къ нимъ; какую цѣль себѣ предназначить сообразно съ моими обстоятельствами? Чего искать въ свѣтѣ и отъ чего отказаться? Въ чемъ можетъ быть мое счастье? Вотъ вопросы, которые мнѣ должно рѣшить.—Я такъ не привыкъ къ тому, чтобы меня любили, что всякой знакъ любви кого-нибудь ко мнѣ кажется мнѣ страннымъ и чѣмъ-то необыкновеннымъ,—слѣдствіе непривычки видѣть чью-либо ко мнѣ привязанность и отвѣчать на нее. Одна любовь, одна привычка отвѣчать на любовь любовною дѣлаетъ сердце нѣжнымъ и способнымъ любить, слѣдовательно, быть счастливымъ. Для чего я не имѣлъ такого человѣка, который бы дорожилъ моимъ счастьемъ, который бы былъ моимъ хранителемъ и путеводцемъ! Я бы любилъ его, какъ своего Бога! Но я былъ одинъ, всегда одинъ! Я не испорченъ, но я нимало не образованъ. Найду ли кого-нибудь для себя въ свѣтѣ? Человѣкъ, который не имѣетъ передъ собой человѣка, къ нему привязаннаго, не можетъ долго имѣть и желанія быть добрымъ. Прежде нежели научишься желать совершенства, какъ непремѣнной цѣли всякаго человѣка, долженъ научиться желать быть добрымъ въ глазахъ того, кому ты дорогъ: все хорошее основано на чувствѣ; одинъ умъ можетъ увѣриться въ его прелести, но онъ имъ не прельстится, а будетъ ему слѣдовать по одному только расчету, ибо увидитъ, что зло всегда хуже и невыгоднѣе добра.

§ 22. Ноября 16. Это было писано въ худомъ расположеніи духа. Странно то, что я, начавши писать, сдѣлался веселѣе и мое худое расположеніе кончилось. Это отъ того, я думаю, что мысли мои пришли въ движеніе, которое и меня самого оживило. Ничто такъ не скучно и не тягостно и ничто такъ не дѣлаетъ человѣка печальнымъ, какъ эта неподвижность и тягость ума, которая лишаетъ его способъ пользоваться своими силами. Въ такія минуты не живешь и не чувствуешь, а только имѣешь какое-то неприятное, не живое ощущеніе своего бытія, состояніе несносное.

Теперь хочу сдѣлать расположеніе своихъ работъ до моего отъѣзда въ Москву. Я хотѣлъ переводить Гарве ¹⁾, но его оставляю на время. Я ошибся, думая, что разнообразіе въ работахъ будетъ дѣлать ихъ пріятными; напротивъ, оно только что развлекаетъ мысли и не даетъ имъ заняться исключительно однимъ предметомъ. Займусь теперь сочиненіемъ моего собранія лучшихъ русскихъ авторовъ ²⁾. Остатокъ

¹⁾ См. выше, стр. 22.

²⁾ „Я теперь занимаюсь собраніемъ русскихъ поэтовъ“,—писалъ Жуковский А. И. Тургеневу, 8-го января 1806 года, изъ Бѣлева—„скажи Мерзлякову;

ноября, декабрь и январь посвящу чтенію эстетическихъ авторовъ, буду дѣлать выписки; въ февралѣ переведу Эшенбурга ¹⁾, а въ мартѣ и апрѣлѣ напишу къ нему прибавленіе и критическія примѣчанія къ стихотворцамъ. Въ апрѣлѣ кончу переводъ *Leçons* ²⁾, а во все это время займусь сочиненіемъ въ стихахъ. Я давно не занимался стихами и какъ будто бы потерялъ изъ виду поэзію ³⁾.

Голова тяжела; писать не хочется. Завтра. Надобно подумать о томъ, какъ бы и гдѣ поучиться, что дѣлать, кончивъ ученіе, и какому роду литературы больше себя посвятить. Какой родъ литературы сообразнѣе съ тѣмъ счастьемъ, котораго буду искать въ жизни?—Надобно каждый день въ своемъ журналѣ записывать то, что случилось со мною въ теченіе дня, то-есть себя разсматривать. Мои работы не помѣшаютъ мнѣ думать и о морали моей: я буду читать съ Машею ⁴⁾ Геллерта ⁵⁾.

§ 23. Но ября 19. Я очень медлителенъ. Этотъ порокъ можетъ лишить меня всякаго счастья въ жизни. Я думаю, что онъ однакожь принадлежитъ къ темпераменту и что отъ него нельзя избавиться или по крайней мѣрѣ нельзя совершенно избавиться. Но какое средство отъ него избавиться? Мнѣ двадцать третій годъ, а этотъ порокъ долженъ больше всякаго другаго укорениться съ лѣтами. Моя же жизнь была всегда такого рода, что я непремѣнно долженъ былъ наконецъ сдѣлаться недѣятельнымъ. Я никогда не былъ

чтобъ онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это „Собраніе“? (см. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 22). Собраніе русскихъ стихотвореній, въ пяти частяхъ, было издано Жуковскимъ позднѣе, въ 1810—1811 годахъ.

¹⁾ Сочиненіе нѣмецкаго историка литературы и эстетика Іоганна Эшенбурга (р. 1743 † 1820) „*Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften*“, изданное въ Берлинѣ въ 1783 году. Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился его переводъ избранныхъ мѣстъ о лирической и эпической поэзій изъ этого сочиненія Эшенбурга, писанный на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1804 года и, безъ сомнѣнія, относящійся къ 1805—1806 гг. (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 163), а также замѣтки его: „На что дѣлать примѣчанія къ Эшенбурговой теоріи?“ (тамъ же, стр. 157).

²⁾ Какіихъ именно *Leçons*—сказать трудно; въ упомянутой выше (стр. 6) „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно дѣлать экстракты, 1805 года“ встрѣчается, между прочимъ, такая книга: *Leçons d'une gouvernante*.

³⁾ Жуковский не писалъ стиховъ цѣлый годъ, съ декабря 1804 года, къ которому относится стихотвореніе „Къ поэзіи“, по декабрь 1805 года, къ которому относится оставшееся неизданнымъ стихотвореніе „Опустѣвшая деревня“ (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 25). 1806 же годъ былъ весьма плодотворенъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго: съ апрѣля по конецъ ноября этого года онъ написалъ 42 пьесы (см. тамъ же, стр. 26—29).

⁴⁾ М. А. Протасовою.

⁵⁾ Извѣстнаго нѣмецкаго баснописца и моралиста (р. 1715 † 1769).

въ такихъ обстоятельствахъ, которыя бы требовали дѣятельности. Я не имѣлъ связей, которыя однѣ только могутъ принудить къ дѣйствию. Напротивъ, все нѣкоторымъ образомъ былъ останавливаемъ. Умъ приучается мыслить, сердце чувствовать, что, будучи соединено съ привычкою дѣйствовать тѣломъ, составляетъ то, что называется дѣятельностію. Я ничего этого не имѣлъ по сію пору и даже не чувствую и теперь нужды быть дѣятельнымъ, что необходимо. Кому нужна будетъ моя дѣятельность? Одна мысль, что она принадлежитъ къ совершенству, которое должно составлять цѣль каждаго человѣка, можетъ меня воспламенить; но совершенство само по себѣ есть нѣчто отвлеченное; оно не видимо для чувствъ, слѣдовательно не такъ можетъ быть дѣйствительно.

1806.

§ 24. Генваря 3. Объ чемъ я буду нынче съ вами ¹⁾ говорить? Я получилъ ваше письмо изъ Троицкаго, въ которомъ вы мнѣ говорите о неискренности и пеняете мнѣ за мою неоткровенность съ вами. Я еще не знаю, имѣю ли я откровенный характеръ; по крайней мѣрѣ увѣренъ въ томъ, что по моему воспитанію мнѣ не можно имѣть откровенности, и даже сама натуральная моя откровенность должна совершенно быть ослабленною, если не уничтоженною. Объяснять этого не нужно, потому что это уже объяснено прежде въ моемъ журналѣ, которой однакожь по сіе время худо шель отъ моей лѣни; теперь онъ будетъ итти лучше и порядочнѣе, потому что всѣ мои дѣла и даже моя голова въ большемъ порядкѣ. Итакъ, чтобъ вамъ не за что было со мною ссориться, я хочу быть откровеннымъ; хотя вы долго не будете знать того, что здѣсь написано, но все когда-нибудь узнаете; я сдѣлаю свое дѣло, скажу вамъ все, облегчу себя, и довольно. Мнѣ кажется всего лучше быть правымъ передъ самимъ собою и быть спокойнымъ въ душѣ своей. Вы должны одинъ разъ навсегда быть увѣрены, что я не въ состояніи дѣлать ничего съ такимъ видомъ, который бы должно было скрывать. Иногда приходятъ въ голову дурныя мысли; я стараюсь ихъ разгонять, ихъ не слушаюсь или самъ ихъ обнаруживаю, чтобы себя нѣкоторымъ образомъ успокоить: это правило честности не быть скрытнымъ, не имѣть нужды въ скрытности. Я бы желалъ приобрести способность всегда слѣдовать этому правилу. Я иногда смѣшивалъ очень некстати нескрытность съ неосторожностью и отъ этого часто бывалъ

¹⁾ Т. е. съ Е. А. Протасовой.

болтливъ съ намѣреніемъ, хотя нерѣдко болталъ и по глупой вѣтренности. Отъ этого порока можно избавиться. Еще я замѣтилъ, что я часто въ веселую минуту откровенности заговариваюсь, не могу оставить своихъ словъ, которыя съ излишнимъ избыткомъ льются и, такъ сказать, всѣ выливаются вмѣстѣ, и нужныя, и ненужныя, и вздорныя. Мнѣ весело разсуждать и быть откровеннымъ, тѣмъ больше, что это для меня новость, которую спѣшу воспользоваться и которую употребляю во зло. Но полно говорить о постороннемъ; будемъ говорить о томъ, что есть.

§ 25. г е н в а р я 4. И такъ надобно быть съ вами искреннимъ то есть представить вамъ себя такимъ, каковъ я есть теперь, это значить, каково мое теперешнее расположеніе со всѣхъ сторонъ (о томъ, что можетъ быть впередъ, ни слова; должно только стараться, чтобы все было хорошо), чего мнѣ теперь хочется. Вы должны мнѣ отвѣчать на все чистосердечно. Мои планы и желанія могутъ вамъ показаться безумными и несбыточными; вы скажете просто свои мысли, и я увѣренъ, что вы не оскорбитесь; къ тому же мнѣ показалось, если не ошибаюсь, что вы имѣете оди о со мною желаніе. Воображеніе могло меня обмануть. Не забудьте, что я очень еще мало думалъ въ связи слѣдовательно очень легко могу ошибиться въ расчетѣ. Вамъ надобно только мнѣ сказать, что я ошибся, почему ошибся; я готовъ вѣрить истинѣ и принять ее какъ должно; но единственно мысль о томъ, чтобы не было мнѣ тяжело быть разувѣреннымъ вами лично, не позволяетъ мнѣ говорить теперь. Слѣдовательно, получу вашъ отвѣтъ и узнаю все рѣшительно не иначе, какъ тогда, когда самъ не буду съ вами. Вотъ вся причина теперешняго моего молчанія. На письмѣ изъясняться гораздо легче и способнѣе, нежели на словахъ; скажешь все, не щадя, обдумавши и яснѣе. Для того и съ вами объясняюсь письменно.

§ 26. 1 М а р т а. Еще остановка въ моемъ журналѣ. Онъ идетъ очень непостоянно. Теперь однакъ (можетъ быть) буду прилежнѣе; я одинъ, могу думать безъ помѣшательства (не говорю о худомъ моемъ расположеніи, которое такъ часто мѣшаетъ мнѣ порядочно думать). Что мнѣ дѣлать въ эти три мѣсяца, которые проживу одинъ совершенно? Надобно хорошенько обратить глаза на самого себя; привести себя на память, сколько можно, прошедшее; подумать о будущемъ и настоящемъ. Пора выбрать что-нибудь постоянное и быть постояннымъ въ своемъ выборѣ!

§ 27. М а я 29. *Lavéritable vertu consiste à faire de toutes ses facultés l'emploi dont il résultera le plus de bien pour les hommes. Il est des vertus pour tous les degrés d'esprit, comme il en est pour tous*

les états ¹⁾). Voltaire. Вотъ правило, котораго никогда не должно выпускать изъ мыслей. Если я не могу сдѣлать большаго, то почему жъ не сдѣлать малаго? Одно мнѣ невозможно, я долженъ отъ него отказаться; другое возможно, я долженъ его искать; въ противномъ случаѣ буду похожъ на такого человѣка, которой, имѣя малой ростъ, не можетъ сорвать плода съ дерева и гнушается тѣмъ, которой лежитъ у ногъ его. Самая трудная и лучшая наука есть знать цѣну того, что мы имѣемъ въ рукахъ, и умѣть извлекать изъ него истинную пользу.

§ 28. Замѣчанія на прошедшій годъ журнала съ § 1 по § 27.

§ 1. Что такое ложь? Неправда, сказанная съ намѣреніемъ или съ увѣреніемъ, что сказываемое мною несправедливо. Не думаю, чтобы такая ложь могла быть когда-нибудь позволена. Ложь можетъ быть шуточная: я могу лгать, будучи увѣренъ, что читатель или слушатель не обманутся и примутъ мои слова за то точно, за что я ихъ самъ выдаю. Такого рода ложь только что забавна, и тѣмъ забавнѣе, чѣмъ съ большею важностію рассказана. Руссо напрасно сердится на Монтескье за то, что онъ называетъ свой Кни дѣйскій храмъ ²⁾ переводомъ съ древняго манускрипта. Авторъ зналъ, что читатель рано или поздно откроетъ истину, и нимало не хотѣлъ ее скрывать, а только представилъ, такъ сказать, подъ флеромъ, для того единственно, чтобы она была пріятнѣе: онъ хотѣлъ произвести не увѣреніе, а иллюзію, которая такъ очаровательна во всѣхъ произведеніяхъ человѣческой фантазіи. И такъ ложь только тогда не позволена или, лучше сказать, только тогда есть ложь, когда мы должны бояться, чтобы ее не открыли и когда сіе открытіе должно быть для насъ посрамительно. Очень легко не быть лжецомъ, но гораздо труднѣе говорить правду. Я напрасно употребилъ выраженіе быть скрытымъ; лучше бы сказать: быть осторожнымъ. Что я называю правдою? То, что мнѣ кажется справедливымъ, по нѣкоторомъ размышленіи, въ томъ или другомъ предметѣ. Я могу обманываться, но я долженъ говорить согласно съ моимъ собственнымъ, внутреннимъ увѣреніемъ, ложно ли оно или справедливо. Узнавъ его ложность, я его оставляю, но по тѣхъ поръ, пока оно мнѣ кажется истиннымъ, я долженъ его поддерживать. Твердую, постоянную рѣшимость всегда говорить и дѣйствовать согласно съ симъ внутреннимъ увѣреніемъ разсудка, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ сношеніяхъ съ

¹⁾ Т. е. Истинная добродѣтель состоитъ въ употребленіи своихъ способностей къ наибольшему благу людей. На всякой степени ума и во всякомъ состояніи можно быть добродѣтельнымъ.

²⁾ Сочиненіе Монтескье „Le temple de Gnide“.

ныхъ съ правильно поставленными учебными и педагогическими мѣропріятіями, имѣющими цѣлю научить ихъ рѣчи и дать имъ духовное воспитаніе.

Трудъ д-ра Богданова-Березовскаго состоитъ изъ десяти главъ.

Въ первой излагаются общія понятія о положеніи глухонѣмыхъ въ обществѣ и семьѣ, и доказываются необходимость общественнаго пощенія о глухонѣмыхъ.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія о глухонѣмыхъ въ Россіи. Въ Европейской и Азіатской Россіи глухонѣмыхъ обою пола около 125.000 человекъ, а вмѣстѣ съ нѣжными нѣсколько болѣе 150.000 человекъ (стр. 54).

Въ третьей главѣ приводятся примѣры того, какихъ результатовъ умственнаго развитія можно добиться у глухонѣмага.

Въ четвертой главѣ говорится о началѣ обученія глухонѣмыхъ въ Россіи. Началомъ обученія нужно признать Высочайшее повелѣніе въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Теодоровны отъ 14-го октября 1806 года, — повелѣніе произвѣсти въ этомъ отношеніи первые опыты надъ питомцами воспитательныхъ домовъ. 2-го декабря того же года въ г. Павловскѣ въ Маріенталѣ въ собственности средства ея величества было открыто опытное училище глухонѣмыхъ съ расчетомъ на 12 человекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ поровну. Далѣе приведены два письма императрицы Маріи Теодоровны къ начальнику Парижскаго института глухонѣмыхъ, аббату Сикару; въ письмѣ отъ 4 декабря она, предполагая расширить училище глухонѣмыхъ и улучшить систему преподаванія въ немъ, спрашиваетъ аббата, что необходимо знать для желаннаго пользоваться его наставленіями по преподаванію глухонѣмымъ. „Чтеніе вашего сочиненія, — писала императрица, — доставило мнѣ чувствительнѣйшее удовольствіе, потому что предметъ, столь трудный, изложенъ у васъ основательно, даровито и общедоступно“⁴⁾.

Въ пятой главѣ авторъ, упомянувъ о первыхъ учителяхъ глухонѣмыхъ въ Россіи, знакомитъ съ уставами училища, начиная съ перваго отъ 1810 г. и до современнаго намъ устава 1900 г.

4) Талантливый, ревностный педагогъ, аббатъ Сикаръ (Sicard) пользовался величайшимъ почетомъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Главная забота Сикара заключалась въ томъ, чтобы создать строго методическую систему знаковъ (номенклатуру) и синтаксисъ. Подробно разработанное ученіе это находится въ его трудахъ: „Теорія знаковъ“ и „Курсъ обученія“.

Въ шестой главѣ говорится объ основаніи попечительства о глухонѣмыхъ. 3-го мая 1893 г. Государь Императоръ Высочайше соизволилъ: 1) на образованіе состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ попечительства Государыни Императрицы Маріи Теодоровны о глухонѣмыхъ и 2) на принятіе Ею Императорскимъ Величествомъ званія перваго дѣйствительнаго члена и Государынею Императрицею Александрю Теодоровною званія перваго почетнаго члена сего попечительства. Разсмотрѣвъ дѣятельность этого попечительства за прошлый годъ, д-ръ Богдановъ-Березовскій въ слѣдующей (седьмой) главѣ говорить объ училищахъ, на которыхъ лежитъ забота о призрѣніи и обученіи глухонѣмыхъ. Такихъ училищъ въ Россіи — 32 съ 1.300 (приблизительно) учениковъ. Величина — очень малая. По расчету на 150.000 глухонѣмыхъ нашего отечества, дѣтей школьнаго возраста придется отъ 30 до 35 тысячъ; слѣдовательно, лишь 6—7% всего количества глухонѣмыхъ дѣтей могутъ окончить кое-какую учебно-воспитательный курсъ; общеобразовательная программа большинства существующихъ училищъ неидеть далѣе начальныхъ школъ грамоты.

Восьмая глава посвящена авторомъ вопросу о восстановленіи слуха у глухонѣмыхъ. На Западѣ давно уже перестали считать глухонѣмоту за неизбѣжное зло, за неисправимый порокъ, съ которымъ общество должно волею-неволею мириться; напротивъ, тамъ глухонѣмоту считаютъ за болѣзнь, и при томъ такую, которую слѣдуетъ лѣчить или медицинскими средствами, или педагогическими приемами.

Послѣдняя, девятая глава заключаетъ въ себѣ русскую литературу по данному вопросу.

Книга д-ра Богданова-Березовскаго снабжена многими, прекрасно исполненными рисунками и портретами.

Нелишнимъ считаемъ привести изъ предловія проф. Симаковского слѣдующія строка: „Искренно желаемъ, чтобы, прочитавъ эту книгу, люди, одаренные благами природы и только по инертности, свойственной человѣческой душѣ, не принимающіе участія въ подавні руки помощи обездоленному человѣчеству, приняли бы къ сердцу всю тяготу положенія глухонѣмыхъ и сознали бы ту пользу, которую всякій изъ насъ можетъ имъ оказать. Для этого нужно только удѣлить имъ маленькое мѣсто въ своемъ сердцѣ, пожертвовать часть своего досуга и заботы, а можетъ быть и небольшую часть своихъ матеріальныхъ средствъ“.

Н. К-ш-ш.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **Городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

